

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

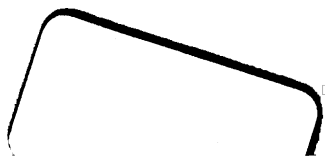
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929345 0

1

Callan

14A7

*QCA

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ. ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐπι δε τι αἰσχρῶν, τοὺς ἰσχυροὺς μὴ δεύεσθαι πρὸς
ἑμὸν εἰς δίκαια μῆτι γυῖναι μῆτι πρῶσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ εἴη δέξαι τῶν προσηγορῶν ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἰσχυροῦσιν οὐχ ἔμελλαν καταλιπεῖν τὸν
εἰς ἀδικημάτων καὶ τῶν ἀδικημάτων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

69.
ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕВАНОВА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ глѣзъ, чтобы во отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1845 года, окрѣпа 28 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

69
ОГЛАВЛЕНІЕ

**ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАГО
ТОМА.**

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отправленіе на охоту. (Изъ четвертой пѣсни Энеиды.).....	1.
Смерть Андоны. (Изъ четвертой пѣсни Энеиды.) <i>Шершневска</i>	2.
Сонетъ. <i>С. Дурова</i>	157.
““ <i>С. Дурова</i>	158.
Мелодія <i>С. Дурова</i>	259.
Изъ Виктора Гюгò. <i>В. Яковлева</i>	—
Художникъ. <i>В. Яковлева</i>	—

ПРОЗА.

Счастье лучше богатырства. Романъ. Сочиненіе <i>Ө. В. Булгарина</i> и <i>Н. А. Полеваго</i>	
Часть вторая.....	9.
Емеля или превращенія. Романъ. Сочиненіе <i>А. И. Вальмана</i>	
Часть первая.....	161.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Лондонскія Тайны. Романъ сэра Франсиса Треллопа.....	
Часть третья и послѣдняя.....	1.
Модеста Миньонъ. Романъ господина де-Бальзака..	115.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Крыловъ. <i>Д. П. Бантышъ-Каменскаго</i>	
Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ. <i>П. И. Дегаля</i>	
Часть первая.....	35.
Часть вторая.....	65.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пчеловодство. <i>Барона Александра Бодэ</i>	
Статья вторая и послѣдняя.....	1
О состояніи земледѣлія и промышленности въ Германіи.....	25.

V.

КРИТИКА.

О золотыхъ промыслахъ въ Сибири. Полковника Гофмана.....	1.
1. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 2. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ....	21.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1844. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	21.

Мартъ, 1845. Новыя книги и брошюры.....	22.
— — Разныя извѣстія.....	42.

VII.

СМѢСЬ.

ФЕВРАЛЬ.

Лондонское Королевское Общество Ученыхъ. Электричество I— не жидкость, а механическая сила тѣлъ. Изслѣдованія господина Грова. Простѣйшій способъ получить постоянный токъ гальваническаго электричества. Гальванческіе часы. Возможность освѣщать города этимъ электричествомъ безъ всякихъ издержекъ.....	1.
Анастатическое книгопечатаніе. Поддѣлка новыхъ книгъ и журналовъ. Конецъ литературы.....	6.
Карлъ Годзди. Борьба старой италіанской комедіи съ новою.....	8.
Фолькстонъ, новый городъ въ Англіи.....	27.
Восковой банкиръ. Разсказъ Поля Феваля.....	31.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	54.
Музыкальныя новости.....	62.
Новыя французскія и англійскія книги.....	65.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	66.
Моды.....	70.

МАРТЪ.

Статистика прививной коровьей оспы. Премія за лучшее сочиненіе объ этомъ же предметѣ.....	73.
Вывозъ негровъ съ западнаго берега Африки.....	75.
Богатство англійскаго духовенства.....	80.
Чарохъ-пуджа. Особенный способъ покаянія за грѣхи въ Индіи.....	81.
Судьба поэтовъ въ Германіи.....	82.

Туземное поколѣніе Бретани. Донесеніе господъ Шатонесса и Виллерме Парижской Академіи Нравственныхъ и Политическихъ наукъ.....	102.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	113.
Музыкальныя новости.....	113.
Новыя французскія книги.....	123.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	125.
Моды.....	131.

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ОТРАВЛЕНІЕ НА ОХОТУ.

(ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПЪСНИ ЭПИКИ.)

=

Между-тѣмъ поднялась Аврора изъ волнъ Океана;
Солнце взошло и охотники двинулись за-городъ въ поле.
Сѣти несутъ и тенеты и копьѣ съ широкимъ желѣзомъ.
Скачутъ массивскіе кони и чуткіе псы за конями.
Ставъ у порога дворца, тирійская знать ожидаетъ
Лишь появленья царицы: она одѣвается долго.
А у подъѣзду стоитъ золотою сбруей покрытый
Звошко-копытный конь и грызетъ стальныя удила.
Вотъ наконецъ выходитъ царица съ блестящею свитой:
Мантия ткани сидонской съ узорчатой вдоль бахрамою,
И золотой колчанъ на плечѣ и легкія стрѣлы;

Т. LXIX. — Отд. I.

7/1

И косу у нея золотое колечко свиваетъ,
 И золотая пражка держитъ багряное платье.
 Двинулись въ путь и Троянцы и съ ними маленькій Юлій,
 И Эней, красотою сопутниковъ всѣхъ побѣждалъ,
 Бодро идетъ, окруженный отрядомъ охотниковъ юныхъ.
 Точно какъ Фебъ, покинувъ Ликіи снѣжныя горы,
 Иль берега серебристаго Ксанеа, роднаго Делоса
 Берегъ увидитъ и въ радости хоры ведутъ за собою;
 Стоя вокругъ алтарей, дрожать Критійцы, Дріопы,
 И Агаирсы съ раскрашеннымъ тѣломъ; а онъ по вершинѣ
 Цинта идетъ; у него на челѣ зеленая вѣтца
 Съ кудрями листья свиваетъ, и въ локонахъ золото блещетъ;

Стрѣлы звенятъ на плечѣ: такъ точно Эней красовался
 Между толпою; прелесть сіяла въ очахъ и въ ланитахъ.
 Вотъ едва вошли на высокія горы и въ чашу лѣсную,
 Какъ съ нагорныхъ вершинъ, устрашенныя кликами ловчихъ,

Дикія козы сбѣжали; съ другой стороны по долину
 И по широкому полю олени бѣгутъ, покидая
 Горныя выси, и пыль за собою столбами взвиваютъ.
 А малютка Асканій по полю скачетъ, рѣзвится,
 Бодрымъ конемъ любуясь, и въ-запуски смѣло несется,
 То одного обгоняя, то вновь обгоняя другаго;
 Онъ не глядитъ на оленя: онъ оштеннаго вепря
 Хочетъ увидѣть, иль рыжаго льва на горной вершинѣ.

СМЕРТЬ ДИДОНЫ.

ИЗЪ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ ЭНЕИДЫ.

Полночь была. Ужъ все погрувилось въ забвенье и нѣгу,
 Сладкую нѣгу покоя; когда и сердитое море
 Дремлетъ во-снѣ; не шелѣхнется лѣсъ; а ночныя свѣтила
 Тихо плывутъ въ небесахъ, совершая полночныя круги;

Слать безмолвныя шивы, стада, живописныя птицы,
И прозрачныя воды озеръ и дикія степи, —
Все отдыхаетъ въ покоѣ, среди безмолвія ночи,
Въ сладкомъ забвеньи трудовъ и заботы и горя,
Все, — а Дидона одна безсонныхъ очей не смыкаетъ!
Не прилетаетъ къ ней сонъ; въ ней бодрость сугубить
заботы.

Вновь загорѣлась любовь, и съ силою прежней пылаетъ;
Снова и гнѣвъ запылалъ, и борьбу начинаетъ съ любовью.
«Ахъ, злополучная! (такъ про себя разсуждаетъ Дидона),
Что стану я дѣлать! Снова ли къ тѣмъ женихамъ обратиться,
Къ тѣмъ женихамъ, надъ которыми я насмѣхалась такъ
долго?»

Я ли унижу себя и руки у царей нумидійскихъ
Буду просить, которую я отвергаю такъ часто?
Что жъ? за троянскимъ флотомъ идти и судьбы повелѣнье
Съ нимъ раздѣлить? Почему? Потому ли, что я оказала
Помощь несчастнымъ? Но развѣ они не забыли объ этомъ?
Ну, положимъ; да кто жъ мнѣ позволить отечество
бросить?

Кто же приметъ меня на корабль? Меня ненавидятъ.
Ахъ, погибла Дидона, погибла! Ты ли не знаешь,
Ты ли не видишь еще, что Троянцы тебѣ измѣнили?
И неужель я одна сопутствовать буду Троянцамъ?
Иль соберу всѣхъ Тирійцевъ и съ ними вмѣстѣ въ далекій
Путь уплыву? И снова пожертвую вѣтрамъ и морю
Тѣмъ, которыхъ съ трудомъ спасла отъ враждебнаго Тира?
Нѣтъ, Дидона, лучше умри, какъ прилично несчастной;
Лучше ударомъ однимъ прекрати всѣ жестокия муки!
Ахъ, сестра, ты тронулась горемъ мовимъ и слезами;
Ты мнѣ хотѣла помочь, и бросила въ жертву злодѣю!
Нѣтъ, безъ брачныхъ узъ безгрѣшная жизнь невозможна:
Такъ лишь звѣри живутъ; а я согрѣшила предъ небомъ,
Я измѣнила любви, обѣданной пеплу Сихей!»
Такъ говоря про себя, Дидона горько рыдала.
А Эней, приготовивъ заранѣе все для похода,
Летъ на высокой кормѣ и уснулъ, ожидая разсвѣта.
Снова во снѣ предсталъ передъ нимъ божественный образъ:
Тотъ же Меркурія образъ и голосъ и поступь;

Тѣ жъ бѣлокурыя кудри, красую блестящіе члены;
Снова началъ его упрекать такими словами:

«Сынъ богини, время ли спать въ такую минуту?
Или не видишь, какая опасность тебѣ угрожаетъ?»

Ахъ, безумный, не слышишь, какъ дуютъ попутныя вѣтры?
Въ сердцахъ ея преступленье: она умышляетъ засаду;
Ужъ рѣшилась на смерть и отчаяннымъ гнѣвомъ пылаеть.
Пользуйся этой минутой, бѣги, удались по-скорѣе:
Вскорѣ враждебныя лодки море взволнуютъ; увидишь
Грозныхъ факеловъ блескъ и пламенемъ берегъ объятый,
Если Аврора тебѣ на этомъ мѣстѣ застанеть.

Женщинамъ ты не вѣрь: онѣ перемѣнчивы, шатки.»

Такъ говоря, онъ исчезъ и слился съ туманами ночи.

И тогда Эней, испуганный чуднымъ видѣньемъ,
Быстро вскочилъ отъ сна, идетъ и товарищей будить:

«Встаньте, товарищи, бодрствуйте, весла скорѣе берите
И паруса поднимайте. Сошедши съ высотъ поднебесныхъ,
Самъ посланникъ боговъ во снѣ предсталъ предо мною,
Вновь повелѣлъ мнѣ отплыть и не медля отрѣзать канаты.
Кто бы ты ни былъ, святой обитатель великаго неба,
Я повинуюсь тебѣ и волю твою исполняю.

Боже, прибудь къ намъ на помощь и путь ниспошли намъ
счастливымъ!»

Такъ говоря, онъ выхватилъ мечъ молниеносный и
рубить

Острымъ булатомъ канаты, сѣчетъ—и лопнули вервья;
Бросились къ дѣлу Троянцы: рѣжутъ канаты и въ море
Быстро уходятъ. Отъ нихъ удаляется берегъ; лишь волны
Пѣною брызжутъ отъ веселъ. И пристань вмигъ опустѣла.
Вотъ и Аврора проснулась, и вставъ съ багрянаго ложа,
Брызнула свѣтомъ румянымъ на спящія земли и воды.
И едва Востокъ загорѣлся первымъ разсвѣтомъ,
Какъ царица увидѣла флотъ, удалившійся въ морьъ,
Бросила взоры на пристань: въ пристани не было флота.
Впала въ безумье царица: дланію грудь поражаетъ,
Рветъ бѣлокурыя кудри и плачетъ:

«О, всемогущій!

Этотъ пришлецъ уплыветъ и надъ царствомъ моимъ по-
смѣется?

Какъ? не возстанетъ никто? никто не ударитъ въ погоню?
И не берутъ кораблей въ арсеналъ? Идите, идите,
Пламя несите скорѣе, бѣгите, летите въ погоню!...
Бейте веслами скорѣе, скорѣй паруса поднимайте!...
Что говорю я? гдѣ я? ахъ, какое безумье!

О, Дидона, Дидона, какъ ты несчастна, Дидона!
Ты не хочешь теперь, ты боишься злаго поступка,
А тогда, какъ скипетръ давала, тогда не болала?
Вотъ Энеева вѣрность! Вотъ благочестье Энея!
Этотъ мужъ съ собою унесъ певатовъ отчизны?
Этотъ мужъ на плечахъ уносилъ родителя старца?
Я ль не могла растерзать его и въ волны морскія
Бросить? Товарищей всѣхъ умертвить? Иль тѣло Асканья
Въ радостный пиръ обративъ, насытитъ родителя сыномъ?
Но, вѣдь битвы успѣхъ сомнителенъ былъ бы. Положимъ.
Что жъ мнѣ боятся? Я полесла бы въ лагерь Троянцевъ
Факелъ пожара; я бы сожгла корабли, истребила,
И на развалинахъ ихъ сама бы бросилась въ пламя!
Солнце, солнце, ты освѣщаешь дѣлїя смертныхъ;
Матерь Юнона, тебѣ извѣстны всѣ наши страданья;
Ты, о Геката, которая въ ночь на распутїи воешь,
Мстятїя Фурии, боги Дидоны, жаждущей смерти,
Вы внимайте мольбамъ, обратите взоръ милосердый
На страданья мои. И если судьбѣ такъ угодно,
Чтобы злодѣй уплылъ и увидѣлъ завѣтную землю;
Если такъ небу угодно, чтобъ я непремѣнно погибла,
Пусть же злодѣй, побѣжденный на брани храбрымъ наро-
домъ,
Въ вѣчной разлукѣ съ сыномъ, скитаясь, какъ жалкій вѣ-
гнаникъ,
Молить пощады; пусть будетъ свидѣтелемъ смерти со-
братовъ;
Миръ заключить съ врагомъ на самыхъ тяжкихъ услов-
яхъ;
И тогда, лишенный престола, всѣхъ радостей свѣта,
Пусть погибнетъ, но пусть погибнетъ на прахѣ, безъ гро-
ба.

Боги! Эту молитву съ послѣднею каплею крови
Вамъ посылаю. А вы, о Тирїидцы, къ ихъ племени, роду,

Ненависть вѣчно питайте; угѣшите мой вепель въ могилѣ.
 Пусть между ними и вами не будетъ союза, ни дружбы;
 Пусть изъ могилы моей имъ грозный иститель воста-
 нетъ

И преслѣдуетъ Дарданоу родъ мечомъ и пожаромъ,
 И теперъ и всегда, лишь будутъ силы для мести.
 Пусть берега съ берегами, и волны съ волнами вражду-
 ютъ,
 Мечъ пусть враждуетъ съ мечомъ, съ отцами дѣти и вну-
 ки!»

Такъ сказала она, и взоромъ повсюду поводитъ;
 Свѣтъ ей постыль: Дидона жаждетъ сѣни могильной.
 Вотъ, позвавъ къ себѣ Сихел кормилицу Барку,
 (А ея кормилица въ прежней отчизнѣ осталась)
 Такъ говоритъ: «Позови мнѣ Анну, любовная Барка.
 Прежде скажи, пусть скорѣе омоется рѣчною водою,
 Пусть приведетъ и жертву, и все приготовитъ что нужно.
 Ты и сама покрой чело священной повязкой:
 Я давно приготовила жертву Юпитеру ада,
 А теперъ совершить хочу и кончить заботы:
 Въ пламени сжечь на кострѣ остатки дарданскаго мужа.»—
 И старушка, дрожа, поплелась приказанье исполнить.

Въ страхѣ и въ дикомъ какомъ-то безумьи Дидона вбѣжи-
 ла

На середину двора, гдѣ огромный костеръ возвышался:
 Очи, налитыя кровью, быстро ходили повсюду;
 Пятна покрыли ланиты ея и предсмертная блѣдность.
 Быстро, поспѣшно вошла на костеръ и мечъ обнажила,
 Мечъ давракскій, не для такой предназначенный цѣли.
 И увидѣвъ Энея броню и знакомое ложе,
 Начала плавать; потѣмъ, собравшись нѣсколько съ ду-
 хомъ,
 Къ ложу склонилась и такъ въ послѣдній разъ говорила:

«Милые сердцу остатки, когда улыбалось мнѣ счастье!
 Вы примите душу мою, разрѣшите огъ горя.
 Я жила и исполняла путь, предназначенный рокомъ.

А теперь моя тѣнь удалится въ подземныя страны.
 Я построила городъ; и видѣла славныя стѣны,
 Я отмстила за смерть супруга помершему брату;
 О, счастлива, слишкомъ счастлива была бы Дидона,
 Если бы этотъ берегъ не видѣлъ дарданскаго флота!
 И коснувшись ложка устали, къ умираю безъ мести,
 Но и умру, сказала; нѣтъ смерть страдна и сладка.
 Пусть жестокий взираетъ на пламя съ глубокаго моря,
 Пусть унесетъ за собою новѣстье о смерти Дидоны.
 Такъ сказавши, упала на одръ. Прибѣжали подруги:
 Видятъ мечъ, дымящійся кровью, пронзенныя перси,
 И обагреныя руки царицы. Крики и вопли
 Вдругъ огласили дворецъ и молва пронеслась въ Кареа-
 гею.

Плачь и рыданіе всюду: жены и влечуть и воютъ;
 Дома дрожать и воздухъ трепещетъ отъ страшнаго стопа.
 Точно казалось, какъ-будто бы врагъ овладѣлъ Кареаге-
 номъ,

Или древній Тиромъ; будто пожарное пламя
 Вдругъ охватило кровли домовъ и божественныхъ хра-
 мовъ.

А сестра, услышавъ шумъ и смятенье въ чертогахъ,
 Рветъ руками лицо, и дланью грудь поражая,
 Сквозь толпу летитъ и зоветъ: «Дидона, Дидона!
 Такъ ты, сестра, поступаешь? Меня обмануть ты хотѣла?
 Ахъ, длятого ли костеръ, длятого ль алтарь я воздвигла?
 Я одинока теперь, одинока! И ты, умирая,
 Ты обо мнѣ забыла! Зачѣмъ ты меня не призвала?
 Тотъ же мечъ однимъ ударомъ пронзавъ бы два сердца.
 А, сестра жестокая! Я для того ль положила
 Этотъ костеръ? Для того ли боговъ призывала въ молитвѣ,
 Чтобы увидѣть тебя и навѣкъ разлучиться съ тобою:
 Я погубила тебя и себя и сидонскихъ собратьевъ;
 Я погубила твой городъ! Дайте воды: пусть обмою
 Раны ея; и если душа не совѣмъ улетѣла,
 Пусть я вдохну въ себя ея послѣдніе вздохн!»
 Такъ говоря, она взошла по ступенямъ высокимъ,
 Пала на тѣло сестры, и обнявъ, согрѣваетъ дыханьемъ,
 Плачетъ и стонетъ и платьемъ черную кровь вытираетъ.

А Дидона хотѣла поднять тяжелыя вѣки;
 И сомкнула снова: хрипеть подъ грудію рана.
 Трижды она приподнялась, рукой опираясь усильно:
 Трижды упала на одръ; и мучнымъ взоромъ некала
 Милago свѣта небесъ: нашла, и вадохнула глубоко.
 Сжалась мать Юнона, и видя тяжкія муки
 Трудной кончины, съ высотъ Олимпа послала Ириду,
 Чтобы она разрѣшила боренье персти съ душою.
 Не по велѣнью судьбы умирала царица; не смертью
 Грѣшныхъ людей; но сраженная горемъ, какъ жертва безумья.

Ей Прозерпина еще не отсѣкла волосъ бѣлокурыхъ;
 Не осудила тѣни ея скитаться по аду.
 Вотъ Ирида слетѣла съ небесъ на крыльяхъ росистыхъ;
 Тысячи разныхъ цвѣтовъ влечетъ за собою отъ солнца.
 И прилетѣвъ и ставъ надъ главою Дидоны, сказала:
 «Эту жертву я приношу подземному богу,
 И разрѣшаю душу твою отъ брэннаго тѣла».
 Такъ говоря, отсѣкла жизненный волосъ: мгновенно
 Вся теплота удалилась, и жизнь улетѣла на вѣтеръ.

И. ДЕ-ЛАРЮ.

СЧАСТЬЕ

ЛУЧШЕ БОГАТЫРСТВА.

=

Рукопись, найденная и изданная

О. В. Булгаринимъ и Н. А. Полевимъ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нелюдимъ, чудакъ, книги, машины, повальный обыскъ, нелѣпныя мѣтныя. Странный человекъ! Сваха Ивановна. Оценковъ сдѣлался фармазономъ.

=

Филонову было тогда около шестидесяти лѣтъ. Уже лѣтъ десять прошло, какъ онъ прїѣхалъ на службу въ нашъ городъ, но былъ почти столько же знакомъ съ жителями его, какъ и въ первые дни прїѣзда, то есть,

Т. LXIX. — Отд. I.

почти вовсе незнакомъ. Чудакомъ и страннымъ человѣкомъ былъ Филоновъ. Приѣхавши въ нашъ городъ, нанялъ онъ себѣ маленькій домикъ, поселился въ немъ и жилъ удивительно. Конечно, если бы онъ былъ значительный чиновникъ, его не оставили бы въ покоѣ, но соляной приставъ—что за важность такая! Живи онъ себѣ, какъ хочетъ, и онъ жилъ, какъ ему хотѣлось, однако жъ такъ странно жилъ, что отъ времени до времени возбуждалъ толки и разговоры въ нашемъ городѣ. Объ немъ ходили въ городѣ разные странныя слухи. Сначала, какъ водится, когда онъ приѣхалъ, явился онъ къ губернатору, вице-губернатору, предсѣдателямъ палаты и другимъ знатнѣйшимъ чинамъ. Ждали, что онъ поѣдетъ съ визитами къ среднему чиновначалю, прокурору, почтмейстеру, полиціймейстеру, форштмейстеру, уѣздному судѣ, совѣстному судѣ—онъ не поѣхалъ. Также не поѣхалъ онъ и къ знатнѣйшему дворянству и почетнѣйшему кушчеству. Рѣшились нѣкоторые ѣхать къ нему сами, и не застали его дома. Точно ли не былъ онъ дома, и гдѣ былъ онъ? Вопросы остались нерѣшенными, потому что всю семью Филонова составлялъ слуга его, старикъ, который сидѣлъ въ передней и отвѣчалъ на вопросы одинаковыми словами: «Дома нѣтъ, а гдѣ, не знаю». Ожидали большихъ праздниковъ, чтобы увидѣть поѣдетъ ли Филоновъ съ праздничными визитами. Онъ поѣхалъ къ губернатору, вице-губернатору, предсѣдателямъ, и болѣе ни къ кому не поѣхалъ. Новое волшебіе! Рѣшились однако жъ ѣхать къ нему, и узнали, что его нѣтъ дома. Точно ли не былъ онъ и гдѣ былъ онъ—опять-таки не могли узнать! Вотъ поговорили о Филоновѣ, и забыли объ немъ, но разговоры возобновились, когда онъ купилъ себѣ домикъ въ захолустѣ, и началъ отдѣлывать его. Думали, что онъ не преминетъ пригласить къ себѣ на новоселье—онъ не пригласилъ. Поговорили, перестали—опять новость неожиданная: къ Филонову прислали по почтѣ на десять тысячъ рублей ломбардныхъ билетовъ. На десять тысячъ? Къ сольному приставу? Да что жъ это за приставъ, которому по десяти тысячъ рублей присылаютъ, который живетъ одинъ, какъ перстъ, съ визитами и въ гости не ѣздитъ, и дома не

сказывается? По виду Филоновъ былъ человекъ, какъ человекъ, старикъ благообразный, учтивый, только молчаливый. Что онъ дома дѣлаетъ? Зачѣмъ ни куда не ѣздитъ? Рѣшили, что онъ пьетъ, хоть никто не видалъ, чтобы хоть рюмку вина выпивалъ онъ, потому что онъ ни у кого не обѣдывалъ. Прошелъ годъ, и о Филоновѣ переставали говорить, когда нечаянно попался къ нему кто-то, и увидѣлъ у него..... Что такое увидѣлъ? Книжки, и такое множество, что никогда, говорилъ посѣтитель, такого множества я не видывалъ, да и кромѣ книгъ какія-то премудренныя машины. Книжки? Машины? Да на что же ему книжки, солянному приставу? Вѣдь онъ не учитель гимназій! Ну, пусть еще книжки: это значитъ, что онъ охотникъ читать—вѣдь вотъ и совѣтникъ палаты, Антипъ Яковичъ, читать такой охотникъ—что бы ни увидѣлъ, хоть старыя газеты и старыя календары—дайте *почитатьсь!* И всегда ужъ, когда возьметъ, *зачитаетъ*. Пусть ужъ книжки, это понятно, но машины у него какія? Что за машины? На что машины?—Нѣкто осмѣлился припомнить, что Филонову прислали нѣкогда деньги по почтѣ, а гдѣ могъ онъ взять деньги? По развѣдываніямъ и послужному списку Филонова никакого недвижимаго, родового или благопріобрѣтеннаго имѣнія за нимъ не имѣлось. Слѣдственно, не скрывается ли у него подъ видомъ машинъ незаконное дѣланіе какихъ-нибудь ассигнацій, или чего-нибудь такого въ родѣ денегъ? Свѣтлая мысль поразила многихъ. Подозрѣнія умножились, когда замѣтили, что Филоновъ вывелъ у своего очага какую-то страннаго вида трубу, и изъ этой трубы по ночамъ замѣтны дымъ и искры. Тогда встревожилось и управление порядкомъ, благочینیемъ и безопасностью города. Велѣно, подъ рукою, развѣдывать у сосѣдей и всякими средствами обо всѣхъ подробностяхъ жизни Филонова. Донесеніе вскорѣ посланное, подкрѣпило опасенія. Въ немъ было сказано, что вслѣдствіе даднаго начальствомъ порученія производились всевозможныя наблюденія, при надлежащемъ надзорѣ, подъ секретомъ, причемъ и тайный поварный обыскъ былъ учиненъ, но никакихъ подозрительностей, къ сомнѣнію служащихъ, не открылось, и

Филоновъ ни въ какихъ противозаконныхъ поступкахъ не замѣченъ. Сосѣди единогласно подтвердили, что буйныхъ и мятежныхъ сборищъ у него не видно, и по поведенію огласности подлежащихъ отношеній не имѣлось. Оказывается же по дальнѣйшему собранію, что къ часто-поминаемому Филонову никто и никогда изъ извѣстныхъ особъ посѣщенія не чинить, и онъ, Филоновъ, кромѣ должности ни съ кѣмъ знакомства не водить, но... Здѣсь страница оборачивалась страннымъ образомъ — замѣчено, продолжало донесеніе, что къ Филонову приходять много недостаточнаго состоянія людей. И хотя, при стараніи истребить нищенство, питающихся подавнѣемъ и бродящихъ за милостынею, въ городѣ ни одного по-видимому, не оказывается, но тѣмъ не менѣе людей недостаточнаго состоянія имѣется количество значительное, и оныя Филонова посѣщаютъ, да и самъ онъ посѣщенія имъ чинить, стараясь производить рѣченныя посѣщенія скрытно, рано поутру и поздно въ вечеру.

Строгому соображенію подвергнуты были всѣ эти подробности, и выведено: первое, что поведеніе Филонова, и стеченіе къ нему людей недостаточныхъ, а равномѣрно и его къ нимъ скрытныя посѣщенія, подвергаютъ его, по неизвѣстности, сильному подозрѣнію; второе, что имѣющіяся въ домѣ его печи даютъ также подозрѣніе: не чинить ли онъ, Филоновъ, тайнаго винокуренія и двоеенія водокъ, что тѣмъ паче сомнѣнію подвергается, что на окнахъ дома его замѣчены какія-то бутылки и стекляницы.

Дѣло представлено было, *секретно*, губернатору, и обратило на себя такое вниманіе его превосходительства, что онъ рѣшился изслѣдовать его лично. Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ, меня призвали къ его превосходительству, и онъ изволилъ мнѣ приказать слѣдовать съ нимъ. Не знаю почему былъ избранъ именно я, но только онъ изволилъ поѣхать, а съ нимъ и я просто поѣхалъ. Коляска остановилась передъ домикомъ Филонова. Выходъ на улицу былъ запертъ, и его превосходительство благоволилъ изволить учинить звоненіе..... Извините выраженія, можетъ-быть вамъ не совсѣмъ обыкновенныя....

Впрочемъ, если вамъ угодно, пожалуй, когда вы ни кому не скажете, я стану продолжать обыкновеннымъ слогомъ.

Когда губернаторъ позвонилъ, намъ отперъ двери старикъ слуга, и на вопросъ: дома ли баринъ? казался въ какомъ-то замѣшательствѣ. «Вѣрно, дома! сказалъ губернаторъ: гдѣ онъ?» — Старикъ не смѣлъ противорѣчить, уваживъ губернатора. — Онъ дома — я доложу! — «Не нужно, отвѣчалъ губернаторъ: я самъ пойду къ нему.» Въ замѣшательствѣ слѣдовалъ за нами старикъ. Мы вошли въ небольшую залу, гдѣ было все опратно и чисто — диванчикъ, ковры, цвѣты на окнахъ. Дверь въ другую комнату была затворена. Мы вошли туда. Это была библіотека, вдвое обширнѣе зала, и вся заставленная и заваленная книгами; въ другой комнатѣ стояли шкафы и столы съ электрическою, гальваническою и другими машинами, и множествомъ колбъ, стеклянныхъ калпаковъ, бутылокъ и стлянокъ. Далѣе была еще комнатка — бѣдная спальня, за тѣмъ слѣдовала кухня. — Гдѣ же твой баринъ? спросилъ угрюмо губернаторъ. — «Тамъ въ кухнѣ, сказалъ старикъ: но извините, ваше благородіе: баринъ мой разсердится, когда я не доложу ему». — Не нужно! возразилъ гость: — Что онъ кушанье что ли стряпаетъ? — «Да, онъ что-то стряпаетъ». — Вѣрно, пироги, сказалъ смѣясь губернаторъ, и прибавилъ вполголоса: а изъ него состряпала Богъ знаетъ, что за пироги!

Но пироги, за которымъ мы застали Ефима Ефимыча удивилъ губернатора. Мы вошли въ комнатку за кухню. Это было обширное строеніе съ каменнымъ сводомъ, гдѣ устроены были химическіе горны и печки. Множество посуды, разныхъ снадобьевъ, уголья, дровъ разставлено было на полу, и Ефимъ Ефимычъ, въ калпакъ и кожаномъ передникѣ, раздувалъ уголья на очагѣ, гдѣ стоялъ на огнѣ небольшой тигель. Онъ не обратилъ вниманія на нашъ входъ, по временамъ глядѣлъ въ разложенную передъ нимъ книгу, и записывалъ что-то, поглядывая на часы. Онъ казался колдуномъ, за горшкомъ волшебнаго зелья.....

Нѣсколько минутъ стояли мы, пока Ефимъ Ефимычъ

радостно сложилъ руки, снялъ тигель, посмотрѣлъ въ него, и съ улыбкою сказалъ: «Ладно!» Тутъ обернулся онъ и замѣтилъ насъ.

Смирненно сорвалъ онъ съ головы калпакъ, спѣшилъ сбросить передникъ, и почтительно обратился къ губернатору, какъ-будто вовсе не замѣтилъ странности его появленія.

— Не браните вашего человѣка, что онъ не предупредилъ васъ — сказалъ губернаторъ — Я осмѣлился посвоевольничать.

— Вы хозяинъ города и начальникъ мой! отвѣчалъ Филоновъ, прося извинить и войти въ комнаты.

Мы пошли, сѣли, и черезъ нѣсколько мнута явился Ефимъ Ефимычъ. Его видъ, кроткій, добродушный, голова, едва прикрытая немногими сѣдыми волосами, простой нарядъ его, внушали мнѣ невольное уваженіе.

— Мнѣ хотѣлось ближе познакомиться съ вами, сказалъ губернаторъ, приведенный въ замѣшательство всѣмъ видѣннымъ имъ. Вы все удаляетесь отъ насъ, почтеннѣйшій Ефимъ Ефимычъ. Но моему посѣщенію обязанъ я удовольствіемъ узнать, что вы человѣкъ ученый.

— Не смѣю назвать себя даже ученикомъ, но думаю, что каждому надобно учиться цѣлый вѣкъ, отвѣчалъ Ефимъ Ефимычъ.

Намъ предложили чай. Разговоръ тянулся медленно и неловко, пока Филоновъ неожиданно заговорилъ губернатору такъ:

— Простите мнѣ, что я, старикъ и человѣкъ простой, осмѣлюсь спросить ваше превосходительство откровенно о причинѣ чести вашего посѣщенія. Высоко чту я благоволеніе ваше, и доказываю усердіе моимъ, можетъ-быть, нескромнымъ вопросомъ.

— Буду откровеннымъ съ вами, Ефимъ Ефимычъ, и признаюсь, что ваше отчужденіе отъ всѣхъ казалось мнѣ нѣсколько страннымъ. Лишенный чести вашего знакомства....

— Я исполненъ почтенія къ особѣ вашей, ваше превосходительство, какъ начальнику моему, и думаю, что бывшии человѣкомъ ничтожнымъ, исполняя должность мою ра-

чительно, вполне могу я располагать частными поступками моими и жизнью, но если и здѣсь долженъ я отдать отчетъ, ваше превосходительство можете спросить меня. Готовый всегда отдать отчетъ не только людямъ, но и Богу—я ничего не скрою.

Губернаторъ бормоталъ что-то. «Будьте откровенны, отвѣчалъ Филоновъ, улыбаясь: мои поступки возбуждѣли сомнѣніе многихъ, и говорятъ, что даже за мною присматривали—не смѣю думать, чтобы по приказанію вашему, но вамъ представили донесеніе. Такъ я слышалъ и повѣрилъ, не имѣя надобности повѣрять, потому что я вовсе не забочусь о томъ.»

— Если вы хотите правды, признаюсь, скрытность ваша, таинственность... Приходь къ вамъ многихъ бѣдныхъ людей....

— Такъ они и объ этомъ донесли вамъ? сказалъ Филоновъ, и глаза его наполнились слезами. Но если я никому не мѣшаю жить, какъ угодно, для чего же мнѣ не позволяютъ жить такъ, какъ я хочу? Развѣ я кого обижаю? Развѣ я мѣшаю кому-нибудь? Почему не подѣлиться мнѣ немногимъ, что я имѣю, съ бѣдными братьями?

— О бѣдныхъ принимаются общія мѣры, и уменьшеніе числа нищихъ въ нашемъ городѣ доказываетъ, что они успѣшны. По послѣднимъ донесеніямъ, кажется, ни одного нищаго и просящаго подавнѣя не оказалось.

— Нѣтъ! сказалъ Филоновъ—вы хотите испытать меня, ваше превосходительство, вы не раздѣляете подобныхъ мнѣній! Если попеченіямъ правительства должно предоставить общія мѣры общественнаго благоденствія, каждый изъ насъ съ своей стороны обязанъ содѣйствовать ему, чѣмъ только можетъ. Правительство преслѣдуетъ бродягъ, но мы не можемъ требовать, чтобы оно знало всѣ убѣжища, гдѣ скрывается горестъ и бѣдность. Запретите подавать милостыню тунеядцамъ, но можете ли запретить, чтобы благотвореніе не посѣщало оставленнаго всѣми брата? Нѣтъ! оцѣните лучше слова и поступки мои, ваше превосходительство: вредны тѣ исполнители, которые доносятъ вамъ несправедливо, и думаютъ, что если *входящій*

нумеръ вашего приказа очищенъ отвѣтомъ, или распоряженіемъ *на бумагу*, то они исполнили свое дѣло. Вредны люди, которые слушаютъ пустыя сплетни, и развлекаютъ вниманіе ваше на вздоры, которые выдумываютъ и увеличиваютъ злословіе и клевета. Впрочемъ, если я огорчаю ваше превосходительство моими словами—простите меня. Когда официально со мною вы изволите говорить, какъ губернаторъ, я, какъ соляной приставъ, ограничусь смиренными отвѣтами на вопросы ваши. Благоволите спрашивать.

— Мнѣ хотѣлось бы знать цѣль вашихъ химическихъ занятій.

— Желаніе учиться, мысль быть^о полезнымъ моимъ ближнимъ моими опытами.

— Гдѣ пріобрѣли вы ваши познанія?

— Немного ихъ у меня, и тѣ изучилъ я въ двухъ великихъ книгахъ, которыя рѣдко читаются людьми.

— Какія же эти двѣ книги? Должно быть, сочиненія какихъ-нибудь извѣстныхъ авторовъ?

— Одна книга называется: *Природа*, другая: *Жизнь человѣческая*.

— А! вы говорите аллегоріями! Вамъ прислали когда-то десять тысячъ рублей?

— И это они знаютъ? Тѣмъ лучше. Десять тысячъ рублей прислалъ мнѣ заводчикъ, которому открылъ я важный секретъ по его заводу.

— Если вы знаете столь драгоценные секреты, почему не заведете сами фабрики какой-нибудь?

— Я не гожусь въ фабриканты—не умѣю продавать товара лицомъ. Не такъ важно произвести товаръ, сколько сбыть его.

Замѣтно было, что неожиданные отвѣты произвели нѣкое смутительное дѣйствіе на умъ его превосходительства, и оно изволило прійти въ замѣчательство. «Какова погода?» изволило сказать его превосходительство.

— Если ваши намѣренія и дѣла всѣ такъ чисты, не понимаю, продолжалъ онъ, подумавъ немного, не понимаю, для чего ведете вы такую уединенную жизнь, и чуждаетесь

всѣхъ? Это показываетъ презрѣніе ваше къ людямъ, и оскорбляетъ ихъ.

— Они оскорбляются! А не оскорбляются они тѣмъ, что другіе ихъ грызутъ, мучатъ! Нѣтъ! я не товарищъ людей, но напрасно думаютъ, что презрѣніе, а не жалость, не скорбь сердечная разлучаютъ меня съ ними. Миѣ жалко ихъ, бѣдныхъ дѣтей, избалованныхъ, но добрыхъ дѣтей....

Его превосходительство вдругъ изволило пожелать осмотрѣть лабораторію и кабинетъ Филонова. Охотно согласился онъ исполнить желаніе. Мы вошли сперва въ кабинетъ, и на требованіе изъясненій Филоновъ началъ поучительную бесѣду, при которой его превосходительство показалъ себя не слишкомъ большимъ знатокомъ физики и другихъ знаній. Державина назвалъ онъ химикомъ, а объ Сумароковѣ спросилъ: Кажется, онъ ужъ давно не издавалъ ничего новенькаго? Въ лабораторію мы не дошли. Вечеръ снѣнился ночью, когда возвратились мы домой.

— Господинъ Опенковъ! сказалъ миѣ губернаторъ: я желаю, чтобы разговоры наши съ господиномъ Филоновымъ никому не были извѣстны. Онъ.... онъ.... *странный человекъ*, и такіе люди... мечтатели, несоблюдающіе принятыхъ условій общества.... иногда бываютъ опасны. Я препоручаю вамъ познакомиться съ господиномъ Филоновымъ—вы будете передавать миѣ все, что услышите и узнаете..... Можете надѣяться, что усердіе и расторопность ваша при моемъ препорученіи, не будутъ мною забыты....

Черезъ три дня позвонилъ я въ колокольчикъ у дверей Филонова. Слуга узналъ меня и ввелъ прямо въ гостиную, гдѣ Филоновъ встрѣтилъ меня ласковою улыбкою.

— Нѣтъ ли у васъ порученія ко миѣ отъ его превосходительства? спросилъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, садясь на диванъ, и посадивъ меня подлѣ себя.

— Есть и нѣтъ!—отвѣчалъ я съ жаромъ.—Не краснѣя могу вамъ сознаться, что миѣ препоручено сблизиться съ вами.

— И что же хотятъ узнать?

— Не знаю. Не по приказу, но по влеченію моего собственнаго сердца пришелъ я къ вамъ: Не отвергните меня, человѣкъ почтенный, удостойте меня бесѣдою, пріязнью, наставленіями вашими, человѣкъ благородный! Я сирота, и не въ томъ мірѣ назначилъ мнѣ жить отецъ мой, гдѣ теперь я живу. Съ ужасомъ вижу съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ васъ, что я могъ увѣчаться, погибнуть, задохнуться въ сирадѣ моей настоящей жизни. Послѣ смерти отца въ первый разъ улыбалъ я голосъ человѣка.

Слезы брызнули у меня изъ глазъ. Если и фигурно немного объяснялся я, думая, послѣ нѣсколькихъ романовъ, прочтенныхъ мною, что такъ должно говорить, когда говоришь отъ сердца, я не лгалъ. Филоновъ казался мнѣ ангеломъ хранителемъ моихъ—онъ указалъ мнѣ бездну невѣжества, въ какой былъ я до-тѣхъ-поръ, пробудилъ во мнѣ какое-то непонятное мнѣ самому чувство добра, жажду знанія, и—слава Богу! онъ неотвергъ меня! Опытность его не превратилась испытаніями жизни въ холодную недоувѣрчивость, не сдѣлалась эгоизмомъ, отталкивающимъ сердце ближняго....

— Молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку: я не знаю васъ, но я вѣрю вамъ, и что-то говорить мнѣ, что и я встрѣчаю въ васъ человѣка съ которымъ могу раздѣлять мое сердце—да, могу, потому что душа моя не застыла, и сердце мое еще бьется для добра.

Невольно бросились мы въ объятія другъ друга, и я обнялъ старика, какъ-будто товарища. Съ-тѣхъ-поръ началась наша дружба.

Не знаю впрочемъ, правильно ли употребляю я слово «дружба», если подъ этимъ словомъ разумѣть взаимное сочувствіе къ товарищу и ровеснику, равному намъ. Что было между нами общаго? Онъ былъ старецъ, украшенный сѣдинами опыта, богатый тайнами ученія, а я — ничтожный молодой человѣкъ, безъ образованія, безъ воспитанія—невѣжда, членъ сословія подъячихъ, прикрытый названіемъ чиновника и моднымъ фраккомъ — что общаго было между нами? Говорите что угодно, но мы встрѣтились, какъ отецъ съ сыномъ, какъ сынъ съ отцомъ. Чувство мое къ Филонову было чувство какого-то благоговѣ-

нѣ предъ добродѣтелью и мудростью, а его чувство—сознаніе, что онъ нашелъ неопытное сердце, которое могъ научить добру, нашелъ умъ, жадный познаній, который могъ образовать.....

— Любезный другъ, Александръ Сергѣичъ! сказалъ мнѣ Филоновъ при разставаньи, когда просидѣвши у него до глубокой ночи, я не замѣтилъ времени: вы можете удовлетворять собственному чувству вашему, посѣщая меня, и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнить данное вамъ порученіе. Непотолько дозволяю, прошу—приказываю, если смѣю такъ выразиться — пересказывать все, что вы здѣсь увидите, услышите и замѣтите. Если я ни въ чемъ не смѣю сравнивать себя съ Сократомъ, по-крайней-мѣрѣ, смѣло могу сказать о себѣ, какъ говорилъ онъ: «Разсмотрите жизнь мою—она мое оправданіе!» Ничего нѣтъ хуже кривыхъ дорогъ, и такого положенія, которое Французы называютъ une fausse position—русскія слова: *ложное положеніе*, не передаютъ смысла французскихъ словъ. Самые хитрецы и плуты часто проигрываютъ тѣмъ, что слишкомъ перехитряютъ.—Самое опасное дѣло, если человѣкъ хитрый и лукавый успѣетъ увѣрить васъ въ притомъ и простотѣ своей. Будьте всегда открыты, идите все прямо, разумѣется, не навязываясь другимъ своею прямою, потому что каждый долженъ отвѣчать за себя.

Вполнѣ послѣдовалъ я совѣту Филонова, и на другой же день пересказалъ губернатору, что былъ у Филонова, сказалъ и все, что я видѣлъ у него, и что мы съ нимъ говорили. Губернаторъ улыбался.—«Хорошо, хорошо, господиновъ Опенковъ, сказалъ онъ, вижу, что въ васъ *будетъ прокъ—продолжайте!*»

Черезъ нѣсколько времени донесли его превосходительству, что открывається какая-то странная связь знакомства между Филоновымъ и однимъ изъ чиновниковъ канцеляріи его превосходительства, Опенковымъ; что рѣчеплывъ Опенковъ часто посѣщаетъ частопоминнаемаго Филонова, просяживаесть у него по нѣскольку часовъ, а какимъ *художествомъ* занимаются они—неизвѣстно; наконецъ, что когда, находясь при исполненіи своей должности, одинъ изъ наблюдателей, подстерегая ночью по ули-

цѣ, и ходя мимо дома Филонова, увидѣлъ въ растворенное окно рѣченнаго Филонова и частопоминаемаго Опенкова, занятыхъ разсматриваніемъ какой-то странновидной машины, подошелъ къ окну, желая ближе разсмотрѣть, то нѣчто въ родѣ кошки, сидѣвшее на окнѣ, бросилось на него и вцѣпилось ему въ лицо, такъ, что едва сбросилъ онъ оную кошку съ поврежденіемъ носа, и приужденъ былъ бѣжать.

Его превосходительство улыбнулся, и сказалъ: «Хорошо! Я знаю!» Доносившій не могъ надивиться, какъ *все знаетъ* его превосходительство, и не могъ догадаться, какую глубокую мысль прикрылъ онъ словами: «Хорошо, я знаю?»

Моншеры и *машеры* также шумно заговорили обо мнѣ, удивляясь, что я пересталъ являться въ большой свѣтъ, пересталъ быть образцомъ моды, пересталъ танцовать, и сдѣлался философомъ. Товарищи мои приходили ко мнѣ и не находили меня дома—я, точно, не былъ, а если бывалъ, то не сказывался. Наконецъ узнали, что я просиживаю все время внѣ должности у Филонова. Въ нашемъ городѣ было такъ заведено, что если кто-нибудь узнавалъ что-нибудь, то узнанное кѣмъ-нибудь должны были узнать всякій и каждый, причемъ всякому и каждому позволялось прибавлять отъ себя. Вслѣдствіе этого, если на одномъ концѣ города у Карпа жарился гусь, то на другомъ концѣ города знали, что у Карпа *жарилось*, только иногда гусь превращался въ быка, и ѣсть его сходились пятьдесятъ человекъ, хотя Карпъ съѣдалъ гуся съ одною женою своею.

Можете вообразить, какихъ гусей и быковъ нажарили изъ моего знакомства съ Филоновымъ! Стали говорить, что Ефимъ Ефимычъ *фармазонъ*; что онъ собираетъ у себя молодыхъ людей, которыхъ опаиваетъ какимъ-то зельемъ, и приводитъ въ свою вѣру, послѣ чего они дурѣютъ. Въ примѣръ приводили меня.

— А какая жь, батюшка, эта, то есть, такъ сказать, то есть, вѣра фармазонская—наше мѣсто свято!—оплевывался спрашивалъ Савва Михенчъ у Антипа Яковлевича, того, который просилъ *почтаться*, чуть увидить что-ни-

будь печатное, и оттого слылъ великимъ грамотѣемъ.

— Да, какая вѣра—безбожіе, Савва Михенчъ! Нѣчто въ родѣ хлыстовъ, или на нихъ похоже—вотъ этакъ, знаете....

— Господь спасъ меня! воскликнулъ со страхомъ Савва Михенчъ. Повѣрите ли, что вѣдь я считалъ Опенкова хорошимъ молодымъ человѣкомъ, и..... то есть, съ позволенія сказать—страсти такія, чуть только вздумая..... А всё жена моя..... Ужъ дамъ же я ей! Фармазонъ, хлысть—навѣрное бѣсу молится!

И слѣдствіемъ разговора Саввы Михенча съ Антипомъ Яковлевичемъ было объясненіе Саввы Михенча съ его супругою, объясненіе столь непріятное, что она прогнала отъ себя Ивановну, сваху мою, и Ивановна прибѣжала ко мнѣ взбѣшенной вѣдьмою.....

— Чтò жъ это такое, батюшка, Александръ Сергѣичъ? вопія она. Чтò ты дворянской сынокъ, такъ ужъ будто тебѣ позволено дѣлать, чтò ты хочешь? Да вѣдь если управы не найдемъ, то, по-крайней-мѣрѣ, добрымъ людямъ расскажем! Вѣдь и дворянскому сынку всё добрые люди двери затворятъ! Да видано ли, да слыхано ли! Въ фармазоны итти! Въ хлысты записаться.....

Тщетно думалъ я, не только укротить гнѣвъ Ивановны—что укротитъ гнѣвъ разъяренныхъ волнъ? а чтò такое волны противъ взбѣшенной женщины? Овца передъ тигромъ!—но тщетно хотѣлъ доспроситься даже причины гнѣву ея. Пуще волнъ, яростно бунтующихъ, гремѣла она, вопія, что я уничтожилъ ее, зарѣзалъ, пустилъ по-міру.....

Въ эту минуту вошелъ ко мнѣ Филоновъ, и изумился, вида гнѣвную Ивановну и меня въ страшномъ замѣшательствѣ отъ его прихода. Три дня чувствовалъ я себя нездоровымъ и не былъ у него. Безпокоясь обо мнѣ, онъ самъ вѣстилъ меня.

— Чтò это такое? — спросилъ онъ, обращая на меня строгій испытующій взглядъ.

Ивановна не допустила моего отвѣта. «Вотъ, батюшка, будьте вы сами свидѣтелемъ—имени и чина вашего не знаешь, а рассудите милостиво. Вздумалось его благородію

жениться... что жъ такое—дѣло житейское! Вѣстимо, что у еѣ благородія чести много, а въ карманѣ ничего нѣтъ—чего же лучше, какъ жениться на купеческой дочкѣ? У купцовъ чести мало, да карманъ-то честенъ. Вѣдь я, бѣдная вдова, сирота горькая, да насъ добрые люди зываютъ, и привѣтомъ не обходятъ, и чаркой не обносятъ—ремесло наше простое: изъ дому въ домъ ходимъ—и вѣсточку перенесемъ, и зазнобу отогрѣемъ, и товаришка продадимъ, и свадьбу сладимъ! Вотъ, батюшка, и Александру Сергѣичу мы дѣло ладил и сладил. А ужъ чего-то не стоило! А спроси: взяла ли я что съ него? Обѣщаль, да мы еще не видали! Да я изъ добродители—ну, молю, не оставляй милостью! Савва-то Михеичъ и слышать не хотѣлъ, и супругу-то поколотилъ, и сколько слезъ дочка-то пролила.... А онъ теперь обезчестилъ, осрамилъ меня, голову мнѣ срѣзалъ, за-живо меня похоронилъ! Чѣмъ бы скорѣе ковать желѣзо, пока оно горячо, а онъ и не думаетъ.... Да чего? Есть у насъ въ городѣ одинъ старишка, злодѣй, незаконникъ, соляной приставъ, Филиповъ, Филатовъ..... вотъ этакъ какъ-то, колдунъ проклятый, безбожникъ, асмодей, а всего-то хуже фармазонъ окаяннѣй.... Онъ и свелъ съ ума Александра Сергѣича.... Умъ—молодой недоумокъ, что твоя тыква—зелена, недопѣла, велика, да толку нѣтъ..... Вотъ Александръ-то Сергѣичъ и пошелъ въ фармазоны. Да мнѣ-то что? Хоть они куда хотятъ себѣ идти, а мнѣ-то за что безславіе, безчестье, позоръ? Мнѣ проходу не дадутъ! Вотъ, скажутъ, какихъ ты намъ жениховъ сватаешь—фармазоновъ.....

И Ивановна завывала. Все гадкое гадко въ мужчинѣ, но то же самое гораздо гаже въ женщинѣ, въ Божиѣмъ созданіи, предназначенномъ утѣшать, украшать, веселить міръ своею прелестью. Отвратителенъ ябедникъ мужчина, гадокъ старикъ-ростовщикъ, но ябедница женщина, но старуха-ростовщица—это сатиры, насмѣшки на человѣчество!

Я не смѣлъ поднять глазъ на Филонова, а онъ съ первыхъ словъ Ивановны казался дотога пораженнымъ неожиданнымъ явленіемъ, что стоялъ неподвижно, и молча смотрѣлъ на нее. Только при гнусной клеветѣ на него невольно вздрогнулъ онъ. Ни однимъ словомъ не остано-

виль онъ быстрого потока словъ старой вѣдьмы, и только тогда, какъ остановилась она, кротко сказалъ ей: «И, бабушка! Грѣхъ, да бѣда на кого не живетъ, но тебѣ неправду сказали, будто Александръ Сергѣичъ пошелъ въ гармазоны. Видишь: по-чище дочки Саввы Михенча нашлась ему невѣста.....

— Какъ, батюшка? Кто такая?

— Ну, ужъ это секретъ, а съ тобой онъ сочтется.....
На, вотъ, въ задатокъ!

Онъ вынулъ пяти рублевую бумажку. Жадно схватила ее костлявыми руками Ивановна, и начала разсыпаться въ благодарности, въ желаніи добра, въ молитвахъ, въ благословеніяхъ.....

— Любезный другъ! что это значитъ? спросилъ меня, съ выраженіемъ упрека Филоновъ, когда мы остались одни.

— Вы видите, чѣмъ я былъ, пока не узналъ васъ, мой благодѣтель! вскричалъ я, съ невольнымъ трепетомъ. Да, я трепеталъ въ ту минуту за прошедшее, какъ преступникъ.

Давно уже рассказалъ я Филонову всѣ мои похождения, все, что испыталъ я до-тѣхъ-поръ, но у меня духу не стало рассказать ему о сватовствѣ моемъ у Саввы Михенча. Надобно ли говорить, что познакомься съ нимъ, оставши отъ прежней жизни, отъ прежнихъ отношеній моихъ, я и не думалъ болѣе о моей женитьбѣ? Надобно ли говорить, что все откровенно пересказалъ я теперь Филонову?

— Будьте судьей моимъ, говорилъ я: но не вините меня за то, чего прежде не понималъ я самъ и судите, чѣмъ одолженъ я вамъ, когда теперь стыжусь того, что прежде казалось мнѣ дѣломъ дозволеннымъ каждому—желаніе на богатой купчихѣ, безъ сердечнаго участія, по расчету корысти.....

— Недозволенного тутъ ничего нѣтъ, и худаго я не вижу—сказалъ, усмѣхаясь, Филоновъ. Много читывалъ я объ любви, но самъ никогда не зналъ ея, а изъ того что видалъ, признаюсь, мнѣ кажется, многое прибавили поэты къ дѣйствительности, объясняя любовь. Впрочемъ, я радъ сегодняшнему случаю: онъ поя-

снилъ мнѣ, что опять мечтательность увлекла меня — не выучили меня шестьдесятъ лѣтъ опыту! Проклятая теорія! Вижу, какое зло причинилъ я вамъ, мой другъ, моею дружбою.....

— Вы?, Зло? Мнѣ? Вы, кого считаю я моимъ благодѣтелемъ.....

— Да, зло, любезный другъ. Это изъясню я вамъ, и вы согласитесь со мною. Не думайте, чтобы я разлюбилъ васъ — нѣтъ! я постараюсь доказать вамъ, какъ я люблю васъ..... Впрочемъ, если ваше знакомство со мною разстроило вашу свадьбу, я точно сдѣлалъ вамъ добро. Мой другъ! все судится по отношеніямъ. Они важны въ свѣтъ. Въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились вы до знакомства со мною, жениться на доброй, хорошенькой, богатой купчихѣ, и сдѣлаться помѣщикомъ и великимъ человѣкомъ нашего города — ни бѣды ни преступленія не было. Почему же предполагать, что всѣ купчихи—дуры, и всѣ богатые невѣсты—уроды? Не знаю—и онъ печально опустилъ голову—сдѣлалъ ли я васъ счастливѣе, измѣнивъ ваши отношенія..... Но женитьба на дочери Саввы Михенча во всякомъ случаѣ была бы для васъ бѣдствіемъ. Удивляюсь, какъ могли вы рѣшиться войти въ семейство этого чудовища....

— Чудовища?

— Да, какъ вы не содрогнулись даже подумать о томъ, что вамъ должно было бы назвать отцомъ его, что дочь его была бы матерью вашихъ дѣтей!

— Простите меня, Ефимъ Ефимычъ, но Звѣробоевъ всегда казался мнѣ ловкимъ на свое дѣло..... человѣкомъ съ своими понятіями о добрѣ и злѣ..... Какихъ очень много.

— Да, правда, люди дотого привыкають смотрѣть равнодушно на зло, что стѣять только преступленію укрыться отъ казни правосудія, и рѣдко кто подумаетъ даже напомнить другимъ о томъ—не говоря уже о kleimъ презрѣнія, изгнаній мерзавца изъ общества силою общественнаго мнѣнія.... знаютъ, что вотъ это грабительсудья, что вотъ тотъ шулеръ-игрокъ, и—почти никто не скажетъ ни слова! Чего — ни слова! Многие ли не прогн-

луть имъ руки, не облобызають ихъ пріятельски, не почувтъ за честь дружбы ихъ, не откажутся отъ родства съ ними?... Знайте, мой добрый другъ, что можетъ-быть никто не знаетъ такъ хорошо Саввы Михонча, какъ я.... Почему, это мое дѣло, но я расскажу вамъ исторію этого браваго Каргуша.....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторія Саввы Михонча Звѣробосова, или повѣсть о томъ, какъ громъ превращается въ миллионъ. Нѣчто о гонимыхъ и о богатствѣ. Ошибковъ принужденъ оставить Шлааенбургъ. Куда онъ ѣдетъ? Последній вечеръ у чудака.

Хотя и говорятъ многіе, будто родъ ничего не значить, но также многіе утверждаютъ противное, и полагають родъ человѣка въ числѣ важныхъ достоинствъ. Какъ согласить противорѣчія? Иные соглашаютъ ихъ очень просто. Въ одной старинной риторикѣ приняты были правила, что должно дѣлать, произнося надгробныя рѣчи надъ трупомъ *породистымъ* и надъ трупомъ *безроднымъ*. «Древній родъ и рядъ подвиговъ прародителей обязывали господина N. N. оправдать дѣла ихъ своею жизнью, и онъ не обманулъ надеждъ на него». Такъ начини рѣчь свою, говоритъ старинная риторика, *Andeg manier*—«Пусть тщеславятся другіе подвигами предковъ, что до того величественному дубу, возносящему къ небесамъ чело свое, что до того, если презрѣнный жолудь былъ его родителемъ? Не видите ли.....» Тутъ можете сказать о томъ что вы видите, какъ вамъ надобно—«не видимъ ли, какъ одна мысль о великомъ прадѣдѣ загаралась огнемъ великимъ въ дунгѣ правнука,» или—«не видимъ ли, какъ громомъ небеснымъ сверкало явленіе новое, великое, нежданное, надъ ноникшими глазами людей дряхлѣющаго вѣка, какъ-будто для доказательства, что все прежнее старѣетъ и дряхлѣетъ въ мирѣ, и что только новому сужденъ удѣлъ величія и славы!» Риторика вещь укладистая, похожая на коммодъ, въ котораго какой-то хитрецъ вынималъ двѣ дюжмы стульевъ, два стола, фортепіано, буфетъ, бібліотеку, че-

тыре стаканы, и что-то много еще, а потом все укладываетъ въ объемъ квадратнаго аршина. Оставимъ въ покой риторикъ, и соглашая противорѣчя, скажемъ: «и такъ хорошо, и такъ хорошо!» По-крайней-мѣрѣ, начавъ исторію Саввы Михенча, я скажу, что у него роль не соединяется съ собственными достоинствами. Онъ дѣшью обязанъ самому себѣ, и какъ Корнель можетъ сказать: Je ne dois qu'à moi leci toute ma renommée (Только себѣ одному обязанъ я славою моею)! Генеалогія Саввы Михенча не восходитъ далѣе четвертаго колѣна. Известно, что прадѣдъ его былъ новаренокъ какого-то богатаго барина, и отличался искусствомъ дѣлать кострюли. Удивительное было дарованіе! Переицалъ ли онъ его, и только усовершенствовалъ, или созналъ въ себѣ самобытно и раввалъ въ высокой степени, но каждый видѣвшій его дѣланье вдумываясь невольно, Слава о *Фомкѣ Лизумѣ* нѣдлужи дошла до барченковъ, барышени, барыни, наконецъ до барина, и Фомка сдѣлалась утѣхой барской. Развеселитесь баринъ съ гостями за обѣдомъ — «Фомку сюда!» и Фомка явлется, зажеть кострюлю, и всѣ гости ходочуть, когда онъ, какъ медвѣдь-муравьѣлъ проникаетъ въ самую маленькую кострюльку, и цѣлою головою погружается въ большую кострюлю, оканчивая тѣмъ, что надѣнетъ кострюлю себѣ на голову, и пляшетъ въ-присяжку вокругъ барскаго стола. Чѣмъ люди ни выходили въ люди? Можно быть утѣропнымъ, что Фомка домчался бы до высокныхъ степеней барскаго шута. Счастье дико награждало, благовало его. Уже онъ былъ женатъ на дочери Аксѣиной ключницы, уже прежніе товарищи называли его Фомой Фодорычемъ, но выскія страсти губили Фомку — онъ пристрастился къ барской мадерѣ, которую крада его теща; съ мадеры пошелъ далѣе, и кончылъ эпопеею винныхъ погребовъ, пѣнникомъ, въ наганіи, на скотномъ дворѣ. Даравія Фомки, казалось, оклеветъ въ сынѣ его: Федулю, сына Фомки, рѣшилъ ничѣмъ не отличеннымъ, но всѣ симблеме: природа дала ему такіа огромная губы, что мальчишья-товарищи придали ему прозвище: *Федуль губы медвѣдкѣ*. Такая клещка сорвала Федулю. Онъ осорчался, дражеся, и скоро сдѣлался погѣхой дворян. Мста дѣлалась, онъ

другъ почувствовалъ до того скрытое дарованіе: изъ открытыхъ губъ своихъ корчитъ разныя гримасы. Изучительно не то, что дарованіе это въ немъ было — не то, что юный и неопытный Федуль рѣшился развить свой дарованіе, развилъ его и употребилъ средство на переходъ изъ презрѣннаго состоянія выше, на шагъ изъ палашекъ скотнаго двора въ казачки барскихъ панталы. Барченокъ, однажды увидѣлъ драку Федулки съ его товарищами, узналъ причину, сталъ его дразнить, а Федулка скорчилъ ему такую гримасу, что барченокъ чуть не задохся отъ смѣху—за нимъ расхохоталась вся дворня, за дворней захохотала барыня, за барыней захохоталъ баринъ. И Федулка, какъ родитель его, сдѣлался вѣдѣлой барина и его гостей. Соберутся гости и начнется веселье. Кричатъ: *Федуль губы надуль!* Федуль зналъ, какъ тутъ надобно извернуться: съ бѣдными гостями, съ барскими блюдолизами, начиналъ онъ ругаться и драться, а самому барину и знатнымъ гостямъ корчить страшныя гримасы губами. Униженно просилъ онъ послѣ того простить за дерзость, умолялъ не дразнить его, клялся, что клички перенести не можетъ, но его извиненія прерывало что-нибудь восклицаніе: *Федуль губы надуль,* и опять начиналась суматоха, которая оканчивалась тѣмъ, что баринъ Федулова умолялъ перестать, потому что *животники надорвали,* а Федуль, будто не вытерпя, убѣгалъ и прятался. Кончилось тѣмъ, что Федуль сдѣлался Федуломъ Фомичемъ и управителемъ молодаго барина, пересталъ надувать губы, и такъ хорошо надувалъ барина, что каркать Федула Фомича раздувался, по-мѣрѣ-того, какъ каркать барина приходилъ въ совершенное истощеніе. Федула сгубила излишняя осторожность за будущее, столь же вредная, сколь вредна была отцу его излишняя безвѣчность. Прикидываясь усерднымъ и вѣрнымъ слугою, Федуль сердился на барина, шумѣлъ на него, спорилъ съ нимъ, кричалъ, что онъ разоряется, и не думалъ просить у него отпускнуей. Едва согласился онъ, чтобы Михайко, единственный сынъ его, былъ отпущенъ, а самъ не хотѣлъ взять отпускнуей, говоря грубо: «Мнѣ на чѣмъ Умру вашими слугою! Поидете вы по-міру, и я

съ вами! Растроганный баринъ украдкой утиралъ слезы, насвистывая пѣсню, а Федулъ уходилъ смѣяться гдѣ-нибудь за угломъ. Обширный былъ планъ Федула: сыночку его, записанный въ мѣщане, съ колыбели показалъ въ себѣ изумительную склонность къ приобрѣтенію—таланты видно были наследственны въ родѣ Фомки Лизуна. Михай не отдавалъ ничего, что попадалось ему въ руки, не ѣлъ, но пряталъ пироги и булки, пряталъ все, что ему давали, что онъ могъ достать—ниточку, перо, шелковнику, булабочку, а при видѣ денегъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Федулъ заплакалъ отъ радости, когда однажды заглянулъ въ ящикъ, гдѣ сынъ его скрывалъ свои сокровища, и нашелъ въ немъ до пяти рублей копѣйками и грошами, нашелъ заклады, взятые у товарищей мальчишекъ, которыми ссужался Михайко всякою всячиною. Онъ думалъ, что сынъ будетъ основаніемъ его счастья. Скрывая мысль свою въ тайнѣ, онъ рѣшился отдать его въ ученіе ремеслу, и выбралъ ремесло цырюльника. Михай былъ мальчикомъ, подмастерьемъ, и наконецъ Федулъ имѣлъ радость увидѣть вывѣску цырюльни, на которой написанъ былъ съ одной стороны портретъ франта, въ желтомъ фракѣ и красномъ жилетѣ, съ завитою головою, съ другою портретъ щеголихи въ полосатомъ пеньуарѣ, съ перьями на головѣ. Средину занимала сцена кровопусканія—изображена была дама, у которой бьетъ фонтаномъ кровь изъ руки, какъ на вывѣскѣ сосѣдней пивной лавочки было фонтаномъ пиво изъ бутылки въ стаканъ, съ надписью внизу: *эко пиво!* На вывѣскѣ Михея Федулыча надпись возглашала: *«Здѣсь бреютъ и крофъ атваряютъ.»* Не удивляйтесь почему Федулъ избралъ сыну ремесло цырюльника—цырюльникъ важное лицо, и при искусствѣ и ловкости, цырюльня его можетъ сдѣлаться мѣстомъ сплетней, вѣстей, свиданій, когда притомъ ловкій Фигаро допускается во всѣ дома, участвуетъ въ тайнахъ всѣхъ своихъ кліентовъ, и къ нему идутъ и будочникъ, и табачникъ, и приказный. Чего не узнаетъ онъ, когда держитъ за носъ своего пациента и щетку бороды его превращаетъ въ гладкое поле? Федулъ передалъ сыну все, что успѣлъ скопить, и Михай Федулычъ началъ брить народъ православный,

и тихонько давать деньги въ ссуду, по маленькой суммѣ, съ маленькими процентиками и съ маленькимъ залогомъ. Глубокая тайна была первымъ условіемъ займа, а залогъ вторымъ. И подумать не могъ бы никто, входя въ бѣдную дырлюню, и видя Михея Федулыча въ засаленомъ сюртукѣ, что въ заднихъ комнатахъ лежатъ у него тысячи, и что сундуки его набиты серебромъ, золотомъ, часами, перстнями, ложками, табакерками. Векселей и заемныхъ писемъ онъ не бралъ, и никогда не считалъ своихъ сокровищъ, на перечеть зная всѣхъ, кому до него нужда, и что у кого можно взять въ обезпеченіе долга, и что съ кого можно взять. Тутъ надобно было глубокое познаніе дѣлъ, характеровъ, отношеній. Иногда сынокъ богатого купца занималъ 500 рублей, и приносилъ изъ батюшкиной лавки товару въ залогъ на 2,000 рублей, съ условіемъ черезъ два мѣсяца отдать, вмѣсто 500 — 1,000 рублей, и радъ былъ потомъ отступить отъ заклада, только не узналъ бы батюшка, а Михея Федулычъ продавалъ товаръ въ другую лавку за 1,500 рублей. Иногда помѣщикъ, у котораго весело пировали почетные люди, на канунѣ пира приходилъ задними дверями къ Михею Федулычу, и взявши у него 300 рублей, оставлялъ ему женингъ перстень въ 1,000 рублей, а сосѣдъ его покупалъ перстень за 500 рублей и дарилъ женѣ закладчика. Въ свѣтѣ чудныя бываютъ отношенія. Сколько было надобно ума, ловкости, знанія брить такимъ образомъ бороды и карманы ближняго! Наконецъ наступалъ послѣдній часъ, сближалась минута, когда послѣдняя деревня барина Федулова поступала въ продажу, и ее покупалъ одинъ изъ пріятелей помѣщика. Федулъ былъ тайнымъ посредникомъ продажи. Покупщикъ условливался, что послѣ покупки онъ даромъ отпуститъ Федула, въ чемъ поклялся ему дѣдомъ, отцомъ, дѣтьми и внучатами, и далъ заемное письмо на имя Михея Федулыча въ 5,000 рублей, съ условіемъ, что письмо изорвутъ при врученіи родителю его отпускнуой. Дѣло было кончено, и когда баринъ Федуловъ съ горемъ говорилъ ему, что по настоянію покупщика принужденъ онъ былъ уступить и его въ числѣ другихъ, Федулъ не могъ скрыть своей радости,

сморщилъ странную гримасу губами, и со смѣхомъ отглаголювалъ: «Благодарю, батюшка, за хлѣбъ, за сѣмь, за всѣ оказанныя милости, но обо мнѣ беспокоиться не изволите, а подумайте лучше о себѣ, да о своихъ дѣткахъ! — Какъ, бездѣльникъ? вскричалъ бывший баринъ его — неужели ты обманывалъ меня?» Федулъ съ наглою откровенностью разсказалъ ему объ условіи, и торжественно отправился къ Михею Федулычу. На дорогѣ встрѣтилъ его новый помѣщикъ, и съ удивленіемъ сказалъ, что отпускная готова, но что Михей Федулычъ подалъ на него ко взысканію известное заемное письмо и требуетъ денегъ. Пожитки Федула были давно перевезены къ Михею Федулычу. Федулъ вобѣжалъ къ любезному сынку своему. Началось объясненіе, и было таково, что Федула ударилъ параличъ. Онъ умалъ безъ чувствъ на стоявшей подлѣ столбика стулѣ. Вскорѣ послѣ того почтенный родитель отправился для расчета во всеміръ тотъ міръ, откуда кѣтъ выходцевъ, а почтительный сынъ пошелъ въ гражданскую палату поторопиться взысканіемъ по заемному письму.

Дѣла пошли послѣ-того своимъ порядкомъ. Михей Федулычъ жилъ, копилъ, и не думалъ перемѣнять ни своего званія, ни своей квартиры. Онъ только купилъ домъ, гдѣ помѣщалась его дырющія, и пристроилъ каменную кладовую, куда не впускалъ никого. Чтѣ у него тамъ было—никто не зналъ. Весь домъ отдавался въ наемъ, и Михей Федулычъ бралъ съ самого себя за наемъ дырющія, тѣсняясь въ ней и торгуясь съ самимъ собою о цѣнѣ убогой квартиры. У него родилась трое дѣтокъ сыновей, и три, или четыре дочери. Тѣ и другія подрастали и росли. Михей Федулычъ не переставалъ самъ брить, ни къ чему не пріучалъ сыновей, кромѣ бритвы, не оставалъ своего мѣщанскаго званія, не кидалъ и своего старого сюртука. За дочерей сватались, но едва упоминали о приданомъ, Михей Фомичъ прогонялъ свахъ и сватовъ. Въ заботахъ жизни, карауля свою кладовую по ночамъ, питааясь щами и кашей, изсохнувши, согнувшись, Михей Федулычъ жилъ и поживалъ очень счастливо. Иногда безпокоили только его разные домашнія заботы.

Вообще дѣти привнесли ему много радости. Надобны были ему обувь, платье, и хотя Михай Одуловичъ скупалъ даже и нѣтъ разнаа дешевыя обноски, но мало ли денегъ и на обноски надобно, если одѣнешь трехъ сыновей и трехъ, или четырехъ дочерей! Скорбь Михай Одуловича увеличилась внезапное рожденіе еще сына, когда отецъ не зналъ уже куда и съ старшими дѣваться, тѣмъ болѣе, что онъ годами, изучая россло царское, они изучались и россло *людовское*, который отецъ не только не признавалъ, но даже строго запрещалъ учиться. Перѣдое отеческія наставленія сопровождалось убѣдительными приговорами палки, но палочныя додзательства ни чего не доказывали шалунашъ. Грустно встрѣтилъ кончину своей супруги Михай Одуловичъ—вѣдь ее надобно было похоронить—даромъ и гроба люди не даютъ! Вознагрѣдши на держим на погребеніе, Михай Одуловичъ наложилъ на себя и дѣтей трехъ-дневный постъ. Тутъ случилось неожиданное событіе.

Однажды явился къ Михай Одуловичу какой-то человекъ, спросилъ въ ссуду сотни руб., и представилъ такой блестящій перстень, что Михай Одуловичъ согласился немедленно ссудить денегъ. Казалось, съ перстнемъ соединено было что-нибудь колдовское: Михай Одуловичъ не могъ наловчаться никъ, не рѣшался свратить его. И когда еще продолжался восторгъ его, вдругъ замелькали окрестъ царска на сѣрыя брони полицейскихъ. Вышелъ слѣдственный приставъ, и объявилъ, что у какого-то помѣщика пропалъ перстень; что перстень ищутъ, и оказывается, что воръ, слуга помѣщика, положилъ его въ закладъ Михай Одуловичу, и сѣкъ сирывъ, а по доносу нѣкоего добраго человека отарывается «нахожденіе перстня у рѣченнаго Михай Одулова, который подозрѣвается вромѣ-того доносчикомъ зугасеніи многихъ таковыхъ вещей, кои сирывастъ онъ въ нѣкоего роду кладовой, да и кромѣ-того изъвѣдалъ онъ, иносичкъ, сильное подозрѣніе, что часто немилосердъ Михай Одуловъ взираетъ незаконную лѣхву». Михай Одуловичъ хотѣлъ возражать, но не могъ; хотѣлъ встать, но—не могъ: параличъ разбилъ у него руки, ноги и языкъ. Онъ не могъ шннуться съ мѣста, не могъ пошевельнуть руками, не могъ

говорить, хотя видѣлъ, слышалъ и понималъ все, что вокругъ него дѣлается, такъ понималъ, что вспомнилъ даже гдѣ онъ сидитъ: онъ сидѣлъ на томъ самомъ стулѣ, на который за двадцать лѣтъ прежде повалился отецъ его....

Но онъ не умеръ. Самъ не зная черезъ сколько времени, очнулся онъ въ какой-то обширной хороминѣ, гдѣ рядами стояли кровати, и на нихъ лежали люди въ одинакихъ одеждахъ. Михей Федульчъ замѣтилъ, что и онъ лежитъ на кровати, въ такой же какъ другіе одеждѣ. Онъ опять всё видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ, но ни шевелиться, ни говорить не могъ. Стало темно, опять стало свѣтло. Вокругъ него говорили, что прошло два дня, какъ его привезли въ богадѣльню. Онъ лежалъ неподвижно когда вокругъ него ходили и толковали, какъ объ умершемъ, а онъ былъ живъ. Онъ слышалъ, какъ рассказывали, что онъ былъ богатъ, скупецъ, лихоимецъ, и что по-дѣломъ платятъ ему дѣти. Ни одно благословіе, ни одно слово сожалѣнія не было произнесено. Потому услышалъ онъ, какъ говорили, что дѣти его нашли послѣ него много денегъ, и что они могають, пьютъ, играютъ, выгнали сестеръ изъ дому. Онъ былъ живъ и сколько времени прожилъ, самъ не зналъ. Онъ видѣлъ, что нѣсколько разъ начинали и переставали топить печи и говорили: «Холодная зима — жаркое лѣто!» и опять наставала зима и лѣто. Что онъ ощущалъ во все это время никому не извѣстно, а извѣстно одно то, что онъ былъ живъ и сохранялъ чувство и память.

Однажды пришелъ въ богадѣльню какой-то человѣкъ, съ безобразнымъ, распухшимъ лицомъ, краснымъ носомъ, во фризовой шинели, небритый, сталъ у кровати Михей Федульча, и хриплымъ голосомъ проговорилъ ему: «Узналъ ли ты меня?»

Михей Федульчъ вздрогнулъ и умеръ. Человѣкъ во фризовой шинели былъ сынъ его.

Вы спросите меня, можетъ-быть, любезный другъ мой, для чего рассказываю я вамъ повѣсть о предкахъ и отцѣ Саввы Михенча: вы догадались, конечно, что Савва Михе-

кто былъ однимъ изъ дѣтокъ Михея Федулыча? Точно такъ—онъ былъ самый младшій, неожиданно родившійся, вѣдь вдохновенія любви, мимолетно посѣтившаго старость Михея Федулыча. Потому онъ и не былъ въ числѣ другихъ братьевъ, поступившихъ столь неблагопріятно съ отцомъ своимъ. Причину разсказа моего о братьяхъ и отцѣ скажу я вамъ послѣ, а теперь, прибавлю, что Савва Михенчъ не былъ участникомъ дѣлъ братьевъ. Судьба оставила на часть его только горе, и казалось, лишила его даже и родовыхъ отличій прадѣда, дѣда, отца и братьевъ: онъ не отличался ни губами, ни искусствомъ лезть кострюли, и ни какими художествами и дарованіями. Теперь онъ сдѣлался довольно неблагообразенъ, толстъ, щеки его рдѣютъ излишнимъ румянцемъ, но всё-таки онъ человѣкъ вида благопрістойнаго, а прежде онъ былъ даже очень хорошъ собою—прекестный мальчикъ, потомъ красивый, кровь съ молокомъ мужчна, и увлекалъ своимъ кроткимъ выраженіемъ, ласковымъ голосомъ, тихостью обхожденія. Но не отличивши никакими страстями, не ознаменовавши никакими отличіями, судьба создала Савву Михенча истиннымъ гениемъ, экстрактомъ всего предшествовавшаго ему роду. Надобно сказать, что умъ у него обыкновенный, память вовсе не чудесная, но какъ-то соединены въ немъ стихіи всего, что было разсѣяно въ прадѣдѣ, дѣдѣ, отцѣ и братьяхъ. Страсти его не знали бы предѣловъ, но онъ всё страсти подчинилъ одной — страсти жажбы. Приобрѣтая, онъ не знаетъ ничему пощады. Вселенная для него громада денегъ, ассигнацій, облигацій, билетовъ, акцій, а люди и всё предметы въ мірѣ средства приобретенія, причисляя сюда и дѣтей, и его самого, потому что онъ самъ, какъ человѣкъ, не существуетъ. Конечно, приобретение было дѣлюю жизни его дѣда и отца, но оно страшно губило ихъ; а Савва Михенчъ, безсовѣстный, какъ дѣдъ скупой, какъ отецъ, не выказываетъ ни безсовѣстности перваго, ни скупости втораго, потому что онъ постигаетъ возможность большаго приобретенія при условіи благопріятія, и при роскоши, даже расточительности. Вы бывали на его обѣдахъ и пиррахъ, и видали, какъ у него рѣкой льется вино, грудами по-

даются кушанья, но убѣрено васъ, что не одинъ кусокъ и ни одна крошка не придутъ въ горло каждому гостю еще безъ вѣрнаго счета вознагражденія, и если можно сохранить куска мяса и крошку хлѣба, онѣ будутъ сокровища. Савва Михенчъ идеаль купца, если только можно считать идею кунда есть человѣческихъ и всякихъ другихъ отношеній. У Саввы Михенча все товаръ. Онъ цѣнитъ все поцѣлку можетъ отчего приобретать, покупаетъ дилетого, чтобы продать, и продаетъ, чтобы купить для продажи вновь. Бисеонъ называлъ гениемъ терпѣннѣе, но я думаю иначе: гений есть устремленіе всѣхъ силъ человѣка на одинъ предметъ—это не умъ, не разумъ, а безуміе ума, безразсудство разума, отсутствіе здраваго смысла, и въ такомъ смыслѣ Савва Михенчъ гений. Онъ невѣжда, едва знаетъ грамоту—дуракъ во всемъ и во всему, но самъ думая коракти не проведетъ его, не обчитаетъ и не същещъ тѣхъ средствъ приобретенія, накіа същещъ Савва Михенчъ. Оставленный въ бѣдности, въ нищету, сирота, невѣжда, онъ нажилъ миллионы въ томъ тѣсномъ кругѣ идей и обстоятельствъ, гдѣ судьба его поставила, и онъ, конечно, утронъ ихъ, если прошилетъ еще лѣтъ двадцать, чего легко можно надѣяться, судя по его здорověю и силамъ.

Приобретеніе небольшого состоянія легко можетъ быть слѣдствіемъ труда и времени. Отладывай копѣйку въ день, и черезъ годъ получишь три рубля шестьдесятъ пять копѣекъ. Богатство большое, если оно не начато большими послѣдствомъ и не есть дѣйствіе какого-нибудь случая, едва-ли можетъ быть приобретено только умомъ и трудомъ, безъ *рыска*. Легко намѣть въ миллиону отнесенному миллионъ и две: тратъ меньше приходу, и остатокъ будетъ уже составлять капиталъ огромный. Легко выиграть, лавририръ, деньги въ лоттерей и схватиться богачомъ. Но если имѣ указываютъ человѣка, который началъ съ копѣйки и кончилъ миллиономъ, худо имѣ вѣрится, чтобы этотъ миллионеръ былъ безъ нятенъ на совѣсти, будь онъ поставщикъ, ростовщикъ, подрядчикъ. Нѣтъ! Милліоновъ нѣтъ ничего, безъ уступокъ совѣсти не наживаются, а уступки совѣсти имѣютъ свойство эластическое.

Совѣсть можно растянуть, какъ золото въ позолотѣ, и позолота совѣсти на дѣлахъ человѣческихъ не всегда доказываетъ, чтобы они были цѣльно золотыи. Впрочемъ, можетъ-быть, такъ иѣ думается. Многаче не постигаю я, что другимъ кажется просто и понятно. Никогда не могъ я, напримѣръ, истолковать себѣ словъ: «обогрѣвшіе доходы,» весьма употребительныхъ въ нашемъ городѣ. Можетъ-быть, потому-то многіе и называютъ меня чудакомъ. Но обратимся къ похождениямъ Саввы Мича.

Я сказалъ, что въ удѣлъ ему досталось при рожденіи только горе. И въ самомъ дѣлѣ. Какой-то индійскій, помнится, мудрецъ, говорилъ: «Горе тебѣ, если люди не радуются твоему рожденію и не плачутъ при твоей смерти!» Не радость ожидала бѣднаго Савву въ колыбели. «Вотъ, еще не помиловалъ Богъ — воскликнулъ отецъ — однимъ негодаемъ на бѣломъ свѣтѣ больше — корми его, какъ добраго!» *Кормленіе*, вслѣдствіе того, было ограничено, какъ-можно меньшимъ. Савву положили въ коробъ, сунули ему въ ротъ роговой рожокъ съ коровинымъ соскомъ, и поили его сквозь этотъ рожокъ молокомъ, разведеннымъ водою. Савва сосалъ хорошо. Отецъ разсердился, отиѣрялъ количество молока, какое надобно было давать новорожденному, и Савва могъ кричать голодный, сколько ему угодно, если свѣдалъ свою порцію. «Накричитъ, такъ лучше уснетъ!» говорилъ отецъ. Скоро выдача молока прекратилась совершенно. Савву перевели на щи и кашу. Нянки за нимъ не было. Онъ ползалъ, а потомъ ходилъ, какъ щогъ и какъ углѣ. Прививать ему оспы отецъ не рѣшился — вѣдь плакать надобно было за прививку! Савва вытерпѣлъ благополучно натуральную оспу. Пришла корь — Савву не лечили, и онъ еще разъ выздоровѣлъ. Однажды, онъ чуть не утонулъ въ канавѣ, куда столкнулъ его сердитый козелъ. Въ другой разъ чуть не съѣлъ его свинья, съ которыми вздумалъ онъ раздѣлить кормъ изъ корыта; въ третій разъ отгнобилъ онъ себѣ руки и ноги. Одежду его составляла рубаха, безъ прибавки обуви — вещи не нужной; но всѣ такіа испытанія Савва не только перенесъ — они, какъ-

будто укрѣпили его здоровье. Надобно знать, что его колотилъ еще притомъ кто попало—отецъ, мать, братья, кухарка, товарищи, и плакать и ревѣть ему было не позволено. Отъ того что ли, съ дѣтства привыкнувъ быть сытымъ, чѣмъ Богъ послалъ, голоднымъ, если вовсе нечего было ѣсть, Савва приобрѣлъ какую-то желѣзную силу воли тѣлесно, и гонимый всѣми, получалъ онъ такую же силу воли и морально — битый, онъ не кричалъ, голодный, онъ молчалъ. Зато, по инстинкту самосохраненія, онъ приучился безотчетно противопоставлять насилию хитрость, и добывать особенными средствами способы пропитанія. Надобно было изумляться, какъ искусно кралъ онъ пироги, и все что попало, запырался въ воровствѣ, какъ ни били его, и ловко отвертывался отъ побой. Лѣтъ семь было Саввѣ, когда отца его отправили въ богадѣльню, и имѣніе отцовское перешло къ братьямъ. Новая школа Саввѣ: онъ былъ свидѣтелемъ житья братьевъ, и собесѣдникомъ ихъ слугъ. Удивительно развились способности Саввы, когда занмодавцы выгнали его и братьевъ изъ дому. Братья пошли, кто куда попалъ, а Савву повела судьба отдѣльнымъ, самобытнымъ путемъ жизни. Одинъ изъ знакомыхъ отца его сжался надъ бѣднымъ ребенкомъ, и изъ *хльба* опредѣлилъ его въ домъ какого-то купца. Его назвали Савкой, одѣли въ китайчатый халатъ, и сдѣлали, что называется у купцовъ, *мальчикомъ*.

Купеческій мальчикъ начинается какимъ-то среднимъ существованіемъ между щенкомъ и котенкомъ. Одѣтый въ свой халатишка лѣтомъ, въ овчинный тулупъ зимою, онъ ѣсть что попало, спитъ, гдѣ упалъ, и не знаетъ ни дня, ни ночи; его посылаютъ вездѣ, онъ дѣлаетъ все, а въ награду его колотятъ въ голову, дергаютъ за вихорь, деруть за уши, а иногда подчуютъ пипками и оплеухами — съкутъ рѣдко, потому что съ сѣченьемъ много хлопотъ. Потру кухарка посылаетъ его въ лавочку и заставляетъ чистить кастрюли; потомъ прикащику чистить онъ сапоги, а за тѣмъ хозяину ставитъ самоваръ.

Савка скоро обнялъ область своего существованія, и удивительно примѣнился къ нему, сдѣлался любимцемъ въ домѣ, угодникомъ всѣхъ, отъ хозяина до дворняжки.

Всегда былъ онъ веселъ, обо всемъ онъ молчалъ, всякому онъ помогалъ — кухаркѣ красть сахаръ, дворняжкѣ таскать куски мяса, кучеру воровать овесъ и сѣно. Неутомимость его была непостижима. Хозяйка ставила его на изруль, когда уѣзжалъ со двора хозяинъ, и приходилъ въ гости молодой сосѣдъ. Хозяинъ приказывалъ ему дожидаться, когда отиравался куда-нибудь съ вечера на ярушку. И чуть вдали показывался хозяинъ, вѣсть была передаваема гостю-сосѣду и хозяйкѣ; чуть стукнетъ въ двери хозяинъ на разсвѣтъ, Савка отворитъ двери, какъ-будто не дремалъ ни минуты и лежалъ на порогѣ. Слѣдствіемъ всего было, что Савка нашелъ тайну: не быть битымъ и быть сытымъ, добывая грошъ на орѣхъ и итакъ на пряникъ—болѣе ничего не желалъ онъ тогда. Скоро получилъ онъ въ награду назначеніе выше: ему опредѣлено стоять у прилавка. Это значило, что онъ долженъ былъ зазывать покупателей въ лавку хозяина, стоя у дверей лавки, приглашая, улещая проходящихъ, и изчисляя товары: «Баринъ, баринъ! пожалуйста! Чтѣ изволите спрашивать? Чтѣ угодно? Чай, сахаръ, кофе, сушка, холстинки, ситцы, коленкоры, кисей, платки, ленты самыя лучшія! Барыня знакома! Чтѣ изволите покупать? Здѣсь изволили покупать!» Удивительную ловкость опять оказывалъ Савка — звонкій голосъ его оглушалъ проходящихъ; наружность и видъ его привлекали общее вниманіе. Онъ мастерски расхваливалъ свое, еще лучше умѣлъ обругать сосѣдское, за чтѣ безстрашно сражался потѣмъ съ другими мальчиками, и при всемъ томъ успѣвалъ играть въ мячъ, обманывать товарищей булгани и сбитнемъ, обигрывать ихъ въ орлянку, драться со всѣми, и быть душою всѣхъ шалостей, участникомъ всего, чтѣ крали у прикащиковъ. И всегда умѣлъ онъ скорчить концы, клясться и заператься съ самымъ добрымъ и невиннымъ видомъ. «Знаю, что плутъ, Савка», говорилъ иногда смѣючись хозяинъ, «а не поймашь: въ маломъ будетъ толкъ!»

И вотъ, въ награду за то, Савка былъ переименованъ Саввой, одѣтъ въ нанковый сюртукъ лѣтомъ, въ волчью шубу зимою, съ собачьими кенъгами на ногахъ, и посту-

днелъ въ лавку помощникажъ сидѣльца лавочнаго. Для спанья ему отвели уголь на полу въ молодцовской (прикащники обыкновенно называются у купцовъ молодцами, въ домашнемъ быту), и на прокормленіе въ лавкѣ стали давать ему въ день по гривеннику. Опять онъ изумлялъ лавкостью, съ какою умѣлъ продать бездѣлнику, сбавить задежь, показать одно, подсунуть другое, обмѣрять, когда казалось натягиваетъ на аршинъ то что мѣряетъ, обмѣсить, когда чашка съ гирею идетъ къверху, обмѣсать въ сладчѣ, увѣрить, что уступаетъ «съ почтуну», «для васъ, сударыня», «для чести вашей, сударь,» «для законства,» хоть видѣлъ покупателя въ первый разъ.

До-сихъ-поръ всѣ дѣйствія Саввы имѣли цѣлью только небольшія удобства жизни. Здѣсь онъ созналъ, что удобства жизни должны служить къ приобрѣтенію того, что есть цѣль жизни, что цѣль жизни есть приобрѣтеніе, что человѣку данъ не только языкъ для того, чтобы скрывать мысль, какъ увѣрялъ Талейранъ, но и умъ человѣку данъ для скрываетія великой тайны бытія его. Отсюда началось новое существованіе Саввы.

Радѣя о хозяйскихъ барышахъ, онъ началъ радѣть еще усерднѣе о своихъ собственныхъ—лишняя сдача при расплатѣ и ярмилъръ въ кускѣ сукна, или ситцу, перестали поступать въ хозяйскій карманъ, какъ равно и лишній запросъ цѣны. Скупость въ расходахъ на себя Савва умѣлъ вознаграждать хитростью съ подобными себѣ помощниками сидѣльцовъ. Онъ успѣвалъ десять разъ казаться чаю на счетъ другихъ, одинъ разъ самъ напоивши чаемъ, и участвовалъ во всѣхъ магарычахъ, самъ не ставя ни одного. Наконецъ, искусно умѣлъ онъ возбудить подозрѣнія на своего прикащика въ слишкомъ короткомъ обращеніи съ хозяйкою, и въ утаеніи хозяйской собственности. Хозяинъ рѣшился поручить Саввѣ надзоръ за прикащикомъ въ обоихъ отношеніяхъ. Со слезами, на колѣняхъ, просилъ Савва уволить его отъ такого тяжкаго порученія, клялся въ невинности прикащика, и со страхомъ доносилъ потомъ, что прикащикъ точно крадетъ—о другомъ онъ умалчивалъ. Прикащикъ точно крадетъ, но вѣсѣ болѣе успѣлъ украсть Савва, уличилъ прикащика, свалилъ

домъ врану на него, и сѣдѣніемъ того была совершена дѣятельность хозяина въ Савѣ, логическіе приемыща, и параллель мѣста его обличителя.

Имѣть Савва въ лясей клубѣ, покрытой синимъ сукномъ, подвоясанной жемчужнымъ кушавомъ, съ титуломъ примѣрка, съ жемчужнымъ, и еще опять примѣръ дѣятельности, ловкости, сноровки, — мораль утремъ въ ласку, послѣдній вечеромъ изъ лавки; ни ногой въ гости, ни одного гостя къ нему — любимецъ хозяйки, когда хозяйка считала его стражемъ своей чести и надсмотрателемъ дѣянія сподобствія.

Геній, повторяю, не умѣ. Доказательство, что Савва не умѣлъ, да и окоты не умѣлъ учиться, такъ, что едва умѣлъ разбирать по складамъ грамоту, и ставилъ каракули мѣсто буквъ. Да, и на что была ему грамота? Всю контору его составляла засаженная книга, въ которую нѣсколько лѣтъ вписывалъ онъ покупку и продажу. Повѣрка лавки производилась глазомѣрно, а рассчитывалась по пальцамъ. «На что считать, коли вижу, что на полкахъ прибыло?» говаривалъ хозяинъ Савѣ. Вы знаете, что многіе старыя люди почитаютъ даже счетъ капитала своего тѣмъ-то въ родѣ грѣха. «Богъ даетъ, такъ считать грѣшно.» Это одна изъ тѣхъ пословицъ, которыя выдуманы невежествомъ и глупостью, а ходятъ въ народѣ на ряду съ умными и правдивыми поговорками. Къ несчастію, хозяинъ Саввы, всегда любившій погулять, къ старости усмирилъ страсть свою, чему усердно помогали и супруга его и Савва.

Между-тѣмъ, тщательно скрывая пороки свои, Савва былъ образцомъ добродѣтели между молодыми прикащиками, которые не смѣли говорить правды хозяевамъ. Отцы ставили его въ примѣръ дѣтямъ. Искусно умѣлъ онъ распускать между-тѣмъ слухи о плохихъ дѣлахъ хозяевъ и своемъ несносномъ житьѣ. Пошли сомнѣнія о хозяйствѣ, и сежальнѣе объ его добромъ и ловкомъ прикащикѣ. Многіе богачи предлагали Савѣ мѣсто — онъ отклонялся, пока съискалъ выгодное мѣсто у купца, торговавшего на ярмаркахъ. Тогда бросился онъ въ ноги старому хозяину, разказавъ о счастьѣ, какое Богъ даетъ

ему, являлся что не хочет его оставить, и послѣ комедіи, искусно разыгранной, удался отъ хозяина съ нѣсколькими тысячами рублей въ карманѣ, когда волуцыйный хозяинъ его, расположенный къ добру безумнымъ весельемъ, говорилъ, что не хочетъ отнимать у Саввы счастья, что Богъ не помилуетъ его, если онъ отниметъ *фортуна* у вѣрнаго прикащика своего.

Купцы, торгующіе по ярмаркамъ, — такіе купцы, которые съ своею лавкою не имѣютъ постоянного жилища, но возятъ ее по всей Россіи, туда, гдѣ собираются ярмарки. Кромѣ нижегородской, (бывшей макарьевской), коренной въ Курскѣ, лебедянской, трехъ или четырехъ харьковскихъ ярмарокъ, Россія испещрена ярмарками. Есть такіе торгаши, что никогда не сидятъ на мѣстѣ, но кочуютъ цѣлый годъ, лѣтомъ и зимою, въ Лебедянь, Харьковъ, Сумы, Кузнецкъ, Ромень, Кіевъ, Ростовъ, Ирбитъ, Рѣшетилровку, Хоперь, и сотни другихъ мѣстъ. Роскошное, раздольное житье бываетъ на ярмаркахъ—тутъ въ лубочныхъ балаганахъ собираются комедіи и паяцы, трактиры и харчевни, и торговля съ гульбою идетъ рядомъ. Савва, получившій съ тѣхъ поръ прилагательное: *Михенць*, былъ коноводомъ товарищей, опивалъ, обиралъ, объѣдалъ ихъ, обкрадывалъ хозяина. Бывши прикащикомъ одного, онъ былъ комиссіонеромъ другихъ, маклеромъ третьихъ, и созналъ вполне цѣль бытія своего. Геній его расправилъ крылья. Онъ ознакомился съ Москвою, приобрѣлъ повсюду славу дѣловаго челоуѣка, честнаго купца, и черезъ три года, не болѣе, завелъ свою собственную торговлю.

Денегъ у него было всего тысячъ десятокъ. Вдругъ плѣнился онъ дочкою одного богатаго купца, несмотря на нѣкоторые недостатки ея: она была немножко крива, немножко хрома, немножко ряба, немножко глупа, да любовь, слѣпа: самъ не знаешь, что нравится въ миломъ предметѣ, любишь для того, что не можешь не любить. Я забылъ—было прибавить, что родитель красавицы умножилъ прелести ея придачею двадцать пяти тысячъ рублей ассигнаціями.

И вотъ Савва Михенць началъ самъ торговать, и такъ

удачно торговалъ, что по его рассказамъ, не обирался барышей. Дѣтъ пять ѣздилъ онъ каждый годъ въ Москву, воишь чаемъ рядовичей московскихъ, говорилъ о плохихъ временахъ, о худомъ кредитѣ, но самъ платилъ исправно по своимъ векселямъ, забиралъ вновь каждый разъ вдвое, и всѣ рады были отпускать ему. Вдругъ какъ-то не явился онъ на нижегородской ярмаркѣ. Изумлялись, что такое могло задержать Савву Михенча, и мѣсяца черезъ два услышали съ изумленіемъ, что Савва Михенчъ предлагать кредиторамъ своимъ *сдѣлку!*

Знаете ли что такое *сдѣлка*? Должникъ, объявляя о разстройкѣ дѣлъ своихъ, изъ милости просить кредиторовъ получить часть долга и простить остальное — взять, напримѣръ, тридцать, сорокъ копѣекъ, вмѣсто рубля, представляя, что болѣе на платежъ не имѣеть. Кто же согласится? скажете вы, а я вамъ скажу, что бдльшая часть купцовъ всего скорѣе согласятся на сдѣлку, когда взять нечего. Разумѣется, что они имѣють право потребовать у должника полного отчета, сойтиться, учредить *конкурсъ*, забрать все имѣніе неплатящаго, да вы думаете это легко? Легко, если бдднякъ въ самомъ дѣлѣ разорился, и весьма трудно, если онъ искусно приготовился обдѣлать свое дѣло. Кредиторы Саввы Михенча находились въ двадцати разныхъ городахъ. Легко ли было бы имъ сойтиться, и возможно ли было согласиться между собою? Многіе ли могли отправиться сами, или отправить повѣренныхъ въ городъ, гдѣ жилъ Савва Михенчъ, для присутствія въ его конкурсѣ? Положимъ, что всѣ согласились, всѣ съѣхались и начали счетъ имѣнію должника. Усчитать нелегко — надобно время, а что же если по счету окажется еще менѣе тридцати, сорока копѣекъ за рубль? А приказные люди? А продажа и дѣлежъ имѣнія? Преодолѣть такія препятствія надобны годы, да притомъ Савва Михенчъ явился къ кредиторамъ такимъ смиреннымъ, въ такомъ бддномъ платьѣ, съ такою постною рожею, и плакалъ такъ усердно, что одни сказали: «Ну, пропало, такъ пропало!» Другіе: «Мошеникъ! Какимъ бдднякомъ прикидывается!» Иные дурмали Савву Михенча. Одинъ сердитый кредиторъ даже поколотилъ его. Кончилось тѣмъ, что вмѣсто трехъ сотъ

тысячь рублей, суммы всего долга, Савва Михенчъ запла- тилъ сто тысячъ, и имѣлъ въ чистыхъ барыняхъ двѣ- ста тысячъ рублей, не считая своего собственного достоя- ния.

Это было только началомъ великихъ дѣяній Саввы Ми- хенча. Второй подвигъ его былъ уже гораздо сложнѣе и обширнѣе. Полюбовавшись ловкостью своего любезнаго зятя, тестя Саввы Михенча, записной скряга и человекъ съ совѣстью торговца, не только не думалъ бояться его, но даже принялъ его товарищемъ по торговлѣ. Савва Михенчъ кланялся ему въ ноги, началъ съ тестемъ та- кую же исторію, какую велъ нѣкогда съ своимъ хозяи- номъ. Тесть всегда удивлялся страстной любви зятя къ его дочери, говоря не рѣдко: «Вотъ полюбится сатана пу- ще яснаго сокола», и не могъ не любить его за то. Ис- кусство, съ какимъ зять обдѣлалъ свои дѣла, плѣнило старика еще болѣе, а покорность, униженность и предан- ность волѣ тестя кончили побѣду. Тесть довѣрилъ Саввѣ Михенчу весь капиталъ свой, и Савва Михенчъ управлялъ его торговлею. Надобно вамъ знать, что тесть торговалъ не тѣмъ товаромъ, какимъ прежде торговалъ Савва Ми- хенчъ, слѣдственно, при покупкѣ и продажѣ его Савва Ми- хенчъ не могъ встрѣтиться съ своими старыми кредитора- ми, которыхъ нагрѣлъ такъ хорошо. Впрочемъ, если бы и встрѣтился онъ, чего робѣть? Не стануть они давать въ кредитъ, такъ найдутся другіе, а если бы иной и назвалъ бездѣльникомъ, на всякой чихъ не наздравствуешься! При- томъ Савва Михенчъ и не думалъ кредитоваться. Онъ покупалъ за наличныя, съ вычетомъ. Расчетъ его обра- тился тогда на другое. Онъ успѣлъ вкратъ въ полную довѣренность тестя. Года три никого не было по- корнѣе Саввы Михенча, никого счастливѣе тестя его. На- конецъ тесть затратилъ однажды почти весь свой капиталъ на покупку какого-то товару — не помню сала, не помню пеньки—спекуляція давала полтину на рубль. Савва Ми- хенчъ отіравился въ Петербургъ, продалъ товаръ, положи- лъ деньги и векселя въ свою шкатулку, и по приѣздѣ домой, скромно объявилъ любовному батюшкѣ своей су- пруги, что онъ болѣе дѣла съ нимъ продолжать не намѣ-

рентъ, и «не худо бы имъ посчитаться», а покажутъ разсчитаны не кончатся, онъ не отдастъ ни денегъ, ни векселей. Старикъ испинокко разсердился. Савва Михенчъ смиренно доложилъ, что сердиться не надобно, потому что весьма нездорово. Начали считаться. Зять вывелъ, что кромѣ взятаго имъ, слѣдуетъ еще съ тестя тысячъ двѣсти. Тестъ требовалъ своихъ четырехъ сотъ тысячъ. Они поссорились, началась тяжба, и вскорѣ тестъ увѣрлся, что тому, у кого мази на свазываше машины дѣлопроизводства мало, тягаться плохо. Стали шириться, и тестъ поклонился своему полумиліону. Съ горя старикъ захворалъ и умеръ, а кстати умерла и супруга Саввы Михенча. Онъ плакалъ неутѣшно, но черезъ мѣсяць помолвленъ былъ на богатой и красивой вдовѣ, которой мужъ оставилъ милліонъ и парочку премиленныхъ дѣтокъ. Бѣдная вдова также горько оплакивала покойнаго супруга своего, и вѣроятно, взаимная печаль соединила два горестныхъ сердца. Савва Михенчъ любилъ пасынковъ, какъ родныхъ дѣтей; души не слѣпшалъ въ нихъ, убаюкивалъ ихъ на своихъ рукахъ, игралъ съ ними, какъ дитя, и съ радостью принялъ на себя священную обязанность опекуна ихъ. Управление имѣніемъ пасынковъ началъ онъ дѣятельно, трудился неутомимо, показывалъ, что не щадитъ ничего на образованіе опекуемыхъ, и опекалъ ихъ, какъ писалъ въ отчетахъ Сиротскому Суду, по чистой совѣсти, поддерживая въ нихъ воспитаніемъ приличное благонравіе. Торговля была у него обширная, золото лилось въ его сундуки, и вдругъ, когда никто не ожидалъ, услышали, что гдѣ-то товары Саввы Михенча потонули; въ другомъ мѣстѣ сгорѣли; за кѣмъ-то пропала огромная сумма, и — Савва Михенчъ несостоятельный должникъ! Не только свое, но женнино и пасынковъ имѣніе — все погнбло въ безднѣ, мгновенно погнбавшей благосостояніе Саввы Михенча!

Не думаете ли вы, что онъ испугался тогда суда? Страшенъ судъ только бѣдняку, и права пословица: *жизнь хвалится на судъ*. Савва Михенчъ даже и не думалъ умиловивлять правосудіе горестью и слезами — онъ жилъ какъ прежде, и даже роскошно кормилъ и поилъ народъ православный. Дѣло однако жъ мог-

ло плохо кончиться: денегъ могли не взыскать, но Савву Михенча посадить въ тюрьму, какъ несостоятельнаго должника. Что жъ такое? И въ тюрьмѣ живутъ люди, а притомъ случалось ли вамъ читать реестры задержанныхъ должниковъ? Милліонныхъ въ тюрьмѣ рѣшительно никогда не увидите. Судъ строго разыскивалъ дѣло—вѣдь не шутка: пропали свротскія деньги! Потребовали книгъ конторскихъ. Савва Михенчъ объявилъ, что вѣхавши изъ Москвы, при перевозѣ черезъ Оку, онъ провалился съ повозкою сквозь ледъ, и утопилъ всѣ бывшія при немъ вещи и книги, въ чемъ представилъ свидѣтельство Земскаго Суда. О потопленіи товаровъ, кромѣ законнаго свидѣтельства присягнула пятьдесятъ человекъ; о погорѣнннхъ ничего розыскать не могли, потому что вся деревня выгорѣла до тла, сгорѣлъ даже хозяинъ, во дворѣ котораго остановился огромный обозъ Саввы Михенча. Безсовѣстный должникъ, за которымъ пропали деньги, скрылся не извѣстно куда — подите, отыскивайте его. Словомъ Савва Михенчъ признанъ должникомъ *несомннмо уадишимъ*, и освобожденъ отъ суда и преслѣдованія.

Казалось, Савва Михенчъ наконецъ достигъ своей цѣли—у него былъ милліонъ слишкомъ въ карманѣ, но развѣ побѣда подѣ Маренго могла доволствовать Наполеона? Она была только средствомъ, хотя и прежде одерживалъ онъ побѣды подѣ Лоди и Монтеноттою. «Не держи сто рублей, держи сто друзей», говоритъ пословица, и лжетъ немилосердо. Смыслъ ея надобно читать на оборотъ: «Лучше сто рублей, нежели сто друзей.» И чего не могъ сдѣлать геній Саввы Михенча съ милліономъ рублей! Онъ и сдѣлалъ многое.

Исчислять вамъ, любезный другъ, всѣ остальные дѣянія Саввы Михенча, недостало бы цѣлаго дня. Скажу о немногомъ. Его дивное дѣло было, напримѣръ, покупка огромнаго лѣсу, принадлежавшаго одному знатному барину, которому заплатилъ онъ его собственными заемными письмами, скупленными предварительно по двадцати пяти копейкѣ за рубль. Всѣ помнать его знаменитый споръ о товарѣ, который присланъ былъ ему на комис-

сво, продать нить за свой собственный. Дѣла его по подрядамъ и поставкамъ нѣсколько вамъ знакомы. Но Савва Михенчъ не пренебрегаетъ и мелочами: онъ заперся въ вексель, по которому получилъ деньги, утѣривши плательщика, что вексель потерянъ, и предълавивши его ко взъсканію въ другомъ городѣ. Великъ былъ вексель? спросите вы—въ три тысячи рублей!

Савва Михенчъ не заплатитъ ни по одному счету, пока не принудитъ сложить нѣсколько рублей. Удивительное дѣло, откуда берутся у него ветхія ассигнаціи, обрѣзанные червонцы, истертая серебряная монета, которыми онъ расплачивается! Дорожаетъ ли хлѣбъ—Савва Михенчъ скупаеъ его и потомъ беретъ втрое, не думая о всеобщемъ бѣдствіи. Идетъ ли на что-нибудь торгъ—Савва Михенчъ является къ торгу и срываетъ магарычи. Ни одинъ конкурсъ не обходится безъ Саввы Михенча, и если бы сатана подряжалъ на поставку сѣры горючей, Савва Михенчъ отправился бы въ адъ поторговаться.

Кровь и слезы лежатъ на Саввѣ Михенчѣ, и если бы вздохъ и проклятія несчастныхъ, разоренныхъ, погубленныхъ нить, могли осуществиться въ одно мгновеніе, они показались бы громомъ небеснымъ, гремющимъ надъ головою Саввы Михенча!

Тенерь, когда вы знаете, любезный другъ, какое чудовище скрывается подъ личиною этого толстяка, словоохотнаго, гостепрѣимнаго, радушнаго, признаюсь вамъ, что я изумляюсь тому, что онъ существуетъ! Существованіе такихъ людей, какъ бытіе змѣй ядовитыхъ, гадовъ отвратительныхъ, вредныхъ растений—непостижимая загадка Провидѣнія! Для меня такіе люди суть вѣрныя доказательства бытія за гробомъ, такъ, какъ непреложныя тому доказательства вижу я въ страданіяхъ добрыхъ людей. Бываетъ и здѣсь расплата злодѣйству: вы слышали объ участи дѣда и отца Саввы Михенча? Кто знаетъ, не собирается ли грозная туча и надъ его головою, и не прицѣлена ли уже громовая стрѣла небеснаго правосудія на грудь его! Кто разгадаетъ намъ самую загадку тихой, спокойной смерти преступника, и кто скажетъ, что подъ

равнодушна, съ какииъ заключаются люди редкѣшныя совѣсти, для меня непостижимо. Ты не отдашь бы дочери за зачумленнаго? А между-тѣмъ ты женишься на дочери отъ-вѣснаго шулера, гнуснаго вора, осужденнаго общими мнѣніемъ, хотя и сохранившаго свое богатство, и отдаешь дочь свою, шилое, прекрасное созданіе, за сына его, грубого, развратнаго юношу, погубившаго себя морально и физически, или за стараго грѣшника, который обхватитъ ее нечистыми лапами, и будетъ утѣшаться тенленіемъ ея, какъ дрихлое беззубое чудовище.... И чего же вы ожидаете: награды въ наслажденіи богатствомъ, въ обладаніи роскошью? Но вы забыли, что все это обольщеніе на минуту, а жить надобно вѣкъ..... И какъ часто, вмѣсто богатства является нищета, блескъ прикрываетъ смаредную скудость, и каждый кусокъ пирожнаго, каждую каню шампанскаго твоему сыну, мужу дочери богача, каждую бѣдѣлку твоей дочери, невѣстиѣ его, сопровождаютъ проклятія и слезы.... Извини, что я обращаюсь въ послѣдній разъ къ Савѣ Михеичу: онъ обманулъ бы тебя, мой добрый другъ! продолжалъ съ жаромъ Филоновъ: онъ сдѣлалъ бы тебя рабомъ своимъ и своей дочери, и можетъ-быть, двадцать лѣтъ ты долженъ бы ждать отдыха въ обладаніи богатствомъ, и погубить жизнь свою, быть принужденнымъ участникомъ дѣлъ его....

— Богъ спасъ васъ, мой добрый другъ, сказалъ онъ, успокоившись, а я благодарю Бога, что былъ орудіемъ Его милосердія.... Но всё-таки я причинилъ вамъ зло.... Не торопитесь—я объяснюсь. Не были ли вы счастливы, довольны житьемъ вашимъ до-сихъ-поръ?

«Нѣтъ!» И я объяснилъ Филонову всегдашнее, невольное стремленіе мое выйти изъ того круга, гдѣ я жилъ, недовольство мое самимъ собою, тайный голосъ, говорившій мнѣ, что не таково должно быть назначеніе человека, и что я узналъ все это вполне, узнавши его....

— Но что же вы узнали?

— Прелесть науки для самой науки, мечту быть полезнымъ....

— И великимъ, славнымъ? — Вы мечтаете? Первое прекрасно, а мечту, ради Бога, прогоните отъ себя скорѣе!

Иногда моя Богъ лѣзять вась надеждъ въ будущемъ — вы малоды, умны, хотите учиться, и кто знаетъ чѣмъ еще вы будете, а де-тѣхъ-поръ будьте тѣмъ, что вы есть, и въ настоящемъ старайтесь исполнить все, что настоящее отъ вась требуетъ....

— Но что же мое настоящее? Что я могу дѣлать?

— Вамъ должно учиться. Слава Богу, теперь у насъ всаду открыты пути къ просвѣщенію. Поѣзжайте въ Москву, вступите въ университетъ, учитесь, получите право на званіе чиновника, которому въ столицѣ можетъ открыться поприще обширной практической дѣятельности. Есть ли у вась на то средства?

Я откровенно сознался, что жилъ только жалованьемъ, и у меня ничего нѣтъ.

— Такъ я вамъ дамъ средства — сказалъ Филоновъ — не стыдитесь — я не милостыню даю, но ссужаю въ займы. Деньги у меня есть, и не думайте, чтобы я далъ много. Вамъ должно кунить опытъ жизни трудомъ и терпѣніемъ. Необходимое у вась будетъ. Кромѣ денегъ на проѣздъ до Москвы, я буду пересылать вамъ по тысячѣ пятисотъ рублей въ годъ, пока вы пробудете въ университетѣ. Между ученьемъ вы найдете себѣ занятіе.... Трудиться надобно, любезный другъ! «Богъ трудъ любить», говоритъ прекрасная русская пословица.... А впрочемъ, вамъ жить здѣсь уже нельзя: мнѣ не причинять зла, ни сплетни, ни злословіе, а вась они погубить. Дорого далъ бы я, если бы могъ оставить вась со мною, передать вамъ все, но — нѣтъ! Вы юны, вамъ надобна дѣятельность, жизнь..... О, мой другъ! Не откажите мнѣ, когда начнется ваша самобытная жизнь, не откажите тогда старяку въ позволеніи жить и умереть съ вами, и похоронить кости мои....

Не только не чувствовалъ я стыда, принимая благодѣніе Ефима Ефимыча, но мнѣ казалось, что я оскорбилъ бы его отказомъ. Что-то родное было во всѣхъ словахъ и поступкахъ его.

Черезъ нѣсколько дней я убѣдился, что Филоновъ правду сказалъ о невозможности остаться мнѣ въ нашемъ городѣ. Я и безъ того разорвалъ всѣ связи мои, но те-

перъ меня не узнавали знакомые, встрѣчаясь на улицахъ, и право, не знаю, не было ли уже представлено губернатору, какъ о подозрительномъ житѣ Филонова, донесеніе и о тайной связи моей съ нимъ и фармазонствѣ нашемъ, но только съ нѣкотораго времени служба моя у губернатора перемѣнилась. вмѣсто прежней довѣренности, я почти не видалъ его превосходительства; товарищи мои были со мною учтивы и холодны. Я казался отчужденнымъ, и однажды поутру секретарь губернаторскій позвалъ меня къ себѣ, и сказалъ мнѣ отрывисто: «Господинъ Опенковъ, подайте въ отставку—по домашнимъ обстоятельствамъ!»

Я молча поклонился.

— Милостивый государы! продолжалъ секретарь—оцѣните милость и великодушіе господина губернатора. Онъ приказалъ вамъ выдать хорошій аттестатъ. Вы и не думаете пугаться отставки?

— Я хотѣлъ просить объ ней.

— Какъ? Чтò это значитъ?

— Я располагаю ѣхать въ Москву и вступить въ университетъ.

— Право? Мнѣ васъ жаль, молодой человѣкъ! продолжалъ секретарь—вы всегда видѣли желаніе мое сдѣлать васъ человѣкомъ..... Вы могли бы надѣяться..... Вы.....

И прочее, чтò говорится въ такихъ случаяхъ. Почтенный начальникъ, «всегда желавшій сдѣлать меня человѣкомъ», былъ старый подьячій, женившійся на богатой вдовѣ, съ которою дрался онъ каждый вечеръ, и съ горя потомъ напивался пуншемъ. Грабилъ онъ немилосердо, но нажить ничего не могъ, потому что все нажитое спускалъ во зеленому сукну.

Черезъ нѣсколько дней все было готово къ моему отъѣду. Филоновъ далъ мнѣ запасъ книгъ изъ своей библіотеки и устроилъ мое отправленіе. Положено было, что я отправлюсь патриархально, *на долгихъ*. Я нанялъ честнаго бородача, ямщика Нефса, который согласился доставить меня въ условленное число дней въ Москву, на парѣ толстыхъ лошадей, въ огромной рогоженной повоз-

къ. Жизнь мое было бы не велико, если бы Филоновъ не надавалъ мнѣ всякой всячины, кромѣ книгъ.

Какъ ни ничтожна была моя особа, но отъѣздъ мой произвелъ большіе толки въ городѣ. Говорили, судили, рѣшили, что я пропавшій человекъ. Нѣсколько старыхъ товарищей, несмотря на удаленіе мое отъ нихъ, пришли ко мнѣ проститься, и рассказали о томъ, какъ я ѣду къ московскимъ фармазонамъ съ рекомендаціями Филонова. Но другимъ извѣстіямъ, я ѣхалъ.....

Но кто изчислитъ волны въ морѣ, и кто перескажетъ все, что изобрѣтаетъ сплетня, тысячеглавое чудовище, которое говоритъ тысячею языками въ одно время, когда притомъ каждый языкъ говоритъ свое?

Другаго роду посѣтители явились ко мнѣ. Кто ни поѣхалъ бы въ Петербургъ и въ Москву изъ какого-нибудь города, можетъ быть увѣренъ, что ему даютъ писемъ и комиссій, съ просьбою первыя раздать «по-вѣрише,» а вторыя «исполнить.» Всегда съищутся даже охотники заказать что-нибудь купить и переслать при оказіи, съ тѣмъ, что деньги, «по полученіи покупки, будутъ немедленно высланы.»

Вечеръ наканунѣ отъѣзда провелъ я у Филонова. Какъ ни старался онъ скрывать свое чувство, но оно прорывалось невольно. «Мой другъ! сказалъ онъ, многое говорилъ я вамъ, и если самъ ошибался, то, по-крайней-мѣрѣ, говорилъ съ желаніемъ добра. Къ несчастію, никакія теоріи не убѣждаютъ насъ, и единственныя учителя наши—практика, и любезный сынокъ ея, опытъ, бѣдникъ, который между-тѣмъ самъ безпрестанно ошибается. Я испыталъ это въ жизни моей—ошибался, ошибаюсь, буду ошибаться..... Но уже сознаніе въ томъ важное приобрѣтеніе, и можетъ-быть, вся разность между мудрецомъ и дуракомъ, что мудрецъ сознаетъ свою ошибку, а дуракъ не сознаетъ..... Пойдите, я расскажу вамъ кратко жизнь мою—хоть на что-нибудь она годится..... Сколько разъ искренно говорили вы мнѣ, что видите во мнѣ мудреца..... Да, если числомъ ошибокъ узнается мудрецъ, я имѣю на то право за множество сдѣланныхъ мною глупостей.....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія чудака. Ошибка при рожденіи. Сіятельные братья у темнаго человѣка. Ошибка при вступленіи въ свѣтъ. Книга ассигнацій и—еще ошибка! Приличное награжденіе. Дюпери вверху ногами и Бентамы кривошеи. Теорія и практика. Путешествіе Опенкова и встрѣча въ дорогѣ.

Не знаю почему, судьбѣ угодно было всегда ставить меня въ такіа странныя отношенія съ людьми, что при всемъ желаніи моемъ поладить съ ихъ мнѣніями и повѣрліи, никакъ не могъ я до-сихъ-поръ съ ними ужиться.

Началось съ моего рожденія. Не стану скрывать отъ тебя, мой юный другъ, что я сынъ знатнаго человѣка, несмотря на мое смиренное названіе Филоновымъ. Графъ Б^н, отецъ мой, былъ однимъ изъ вельможъ прошлаго вѣку, наследовалъ большое имѣніе, не угодилъ, не знаю, Нишину, или Потемкину, принужденъ былъ выйти въ отставку, отъ скуки вздумалъ жениться, женился на одной изъ первыхъ красавицъ, разошелся съ ней черезъ два года, отъ нечего дѣлать началъ мотать, прокочевалъ нѣсколько лѣтъ по Европѣ, возвратился въ Россію и уѣхалъ въ свою деревню. Матери моей я не зналъ—я какъ себя запомню, то воспитывался я у стараго графа, съ двумя старшими сыновьями его. Всѣ мы трое казались равными; графъ одинаково называлъ насъ mes enfans; учили, кормили, одѣвали насъ безъ различія, но разница была однако жъ большая. Двое братьевъ моихъ не думали учиться, лѣнились, повѣсничали, но ихъ всѣ баловали, называли «вашими сіятельствами», кланялись имъ, терпѣли всѣ ихъ шалости и молчали. Я былъ прилеженъ, кротокъ, смиренъ, не трогалъ никого, но меня никто не терпѣлъ, на меня складывали всѣ вши, жаловались на мою лѣность и мое упрямство. Что было причиною? Во-первыхъ: не моя вина—мое рожденіе. Видя, что графъ любитъ меня, какъ сына, хотеть вывести меня въ люди и наградить имѣніемъ, всѣ домашніе завидовали мнѣ, и составили противъ меня заговоръ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ былъ общою всѣхъ тайною, когда

по наружности мнѣ всѣ угождали. Отсюда начались мои жизненные недоумѣнія, и вся жизнь моя прошла въ переходѣ изъ одного недоумѣнія въ другое. Я никакъ не понималъ разницы между мною и братьями: графъ имъ былъ отецъ и мнѣ отецъ, но почему они были *сіятельные*, а я просто *Филоновъ*, и почему они по графу назывались *Петровичами*, а я былъ *Ефимычъ*? Когда мы оставались съ графомъ, мы были всѣ безъ различія дѣти его, но едва являлся кто-нибудь посторонній, я дѣлался чужимъ моему отцу, и обо мнѣ говорили, какъ о сиротѣ, котораго воспитываетъ графъ. Между-тѣмъ графъ терпѣть не могъ своихъ сіятельныхъ дѣтокъ, называлъ ихъ шалунами, не пускалъ ихъ въ кабинетъ свой, куда былъ свободный входъ мнѣ. Этимъ умножалась общая нелюбовь ко мнѣ. Говорили, что я поселяю вражду между отцомъ и дѣтми, что я наушникъ, клеветникъ. Между-тѣмъ милость и любовь графа, за чтó меня всѣ ненавидѣли, были мнѣ нестерпимою тяжестью: я долженъ былъ оставаться съ большимъ, своенравнымъ старикомъ, долженъ былъ утѣшать, забавлять его, читать ему, писать подъ его диктовку безконечные проекты его. Надоѣвши всѣмъ на свѣтѣ, графъ вздумалъ испытать удовольствіе быть полезнымъ. Идеи Смита и Кенѣ волновали тогда многія головы. Графъ сдѣлался глубокомысленнымъ политическимъ экономомъ, пристрастился къ своимъ проектамъ, толковалъ о свободѣ торговли, о трудѣ, составляющемъ капиталы, о бесполезности золота и серебра, о кадастрѣ, о распределеніи богатствъ, какъ источникѣ общаго благосостоянія. Я долженъ былъ составлять длинныя выписки, и выводить доказательства предположеній графа, путаясь въ теоріяхъ, и на практикѣ не зная даже того, что на березѣ огурцы не растутъ, и что сахаръ дѣлаютъ не изъ кашусты.

Такъ проходило время. Однажды графъ разсердился, и рѣшительно прогналъ своихъ дѣтей, отославши ихъ на службу въ столицу. Со мною не хотѣлъ онъ разлучиться. Братья мои начали жить на свободѣ, получили богатое содержаніе, а я сидѣлъ, запершись въ душевной комнатѣ съ старымъ графомъ. Причуды его умножа-

лись съ каждымъ днемъ. Онъ открылъ не задолго передъ смертью, что мясо вредно здоровью, и вслѣлъ себѣ готовить только каши и соусы изъ зелени. Я принужденъ былъ пнеагорствовать съ нимъ вмѣстѣ. Нечаянный случай прервалъ однообразную жизнь мою—графъ заболѣлъ и умеръ. Искренне скорбѣлъ я о кончинѣ его. Графа похоронили великолѣпно и всѣ были въ глубокомъ траурѣ, но кромѣ меня никто не плакалъ.

Я увѣдомилъ братьевъ моихъ о смерти графа. Недѣли черезъ три прискакали оба сына графскіе, а черезъ шесть недѣль явилась, небывавшая никогда у мужа, супруга его. Миѣ объявлено было, что я могу идти куда угодно, хотя я не зналъ куда миѣ идти. Мое недоумѣніе разрѣшилъ бывший повѣренный графа по дѣламъ. Онъ предложилъ миѣ переселиться къ нему, и былъ такъ ласковъ, такъ вѣжливъ со мною, что невольно изумлялъ меня. Черезъ шесть недѣль онъ поздравилъ меня обладателемъ полумилліона рублей. Въ завѣщаніи графа опредѣлено было выплатить миѣ эту сумму, на которую обязательство графа хранилось у его повѣреннаго. Вслѣдъ за тѣмъ явился ко миѣ два брата мои, крича, что я обманулъ отца ихъ, и граблю ихъ родовое имѣніе. Хладнокровно распросилъ я обо всѣхъ подробностяхъ, и спокойно отвѣчалъ, что графъ никогда не былъ миѣ долженъ, и что я не имѣю ни малѣйшаго права получить пол-милліона его. Меня заставили подписать о томъ какую-то бумагу, а наградою моею было имя дурака отъ моего хозяина, и холодная благодарность отъ моихъ братьевъ, которые начали въ то же время тяжбу съ матерью о части, слѣдовавшей ей изъ имѣнія графа. Мой хозяинъ объявилъ миѣ, что послѣ моего поступка не имѣется возможности держать меня, и я принужденъ былъ нанять себѣ квартиру въ бѣдномъ домикѣ.

Что миѣ должно было дѣлать съ собою, я рѣшительно не зналъ. Миѣ было почти двадцать пять лѣтъ, но я былъ совершенное дитя, по моему рѣшительному невѣдѣнію свѣта и людей. Образование мое было самое нелѣпое. Я былъ приученъ къ удобствамъ свѣтской жизни, зналъ все, чему учатъ людей знатныхъ и богатыхъ, кромѣ-того имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, и не вѣдалъ того,

что вѣдаетъ мальчикъ, вышедшій изъ школы, не знающій ни людей, ни общества, ни общественныхъ отношеній. Мнѣ надобно было снова воспитываться для житья съ людьми.

Мое новое воспитаніе началось тѣмъ, что одному изъ сосѣдей графа понадобилось нѣчто между камердинеромъ и секретаремъ, челоуѣкъ, который могъ бы сопровождать сына его въ путешествіи за границую. Зная хорошо языкъ, я сдѣлался спутникомъ молодаго путешественника. Мы объѣхали Европу. Для чего? Не знаю. Опрямлетью скакали мы отъ одного большаго города до другаго, останавливались по городамъ, и особенно въ столицахъ, наняли комнаты въ лучшихъ гостиницахъ, и мой спутникъ, съ путеводителемъ въ рукахъ, на-скоро обходилъ галереи картинъ, кабинеты рѣдкостей, историческія достопамятности, потѣмъ знакомился съ земляками, которыхъ мы находили вездѣ, и которые вездѣ гуляли на-пропалую, въ чемъ не уступалъ имъ и мой спутникъ. Я забылъ сказать тебѣ, что съ нами путешествовалъ еще старикъ гувернеръ, Французъ, который былъ нѣкогда маркизомъ, какъ онъ сказывалъ, потомъ принужденъ былъ эмигрировать, и въ Россіи сдѣлался учителемъ. Старикъ любилъ поговорить и погулять, и руководилъ моего спутника въ наукѣ наслаждаться жизнью. Мнѣ была тутъ опять странная участь. Я не участвовалъ въ разгулѣ моихъ товарищей, и долженъ былъ составлять замѣчанія обо всемъ нами видѣнномъ. Замѣчанія должны были касаться, не только зданій, достопамятностей рѣдкостей, но нравовъ, обычаевъ, образа жизни, положенія жителей разныхъ странъ и мѣстъ. Записки мои сообщалъ я потѣмъ моимъ товарищамъ. Мы остановились наконецъ въ Гёттингенѣ, и мой товарищъ записался на университетскія лекціи. Я сдѣлалъ то же, хотя не прилежно, слушалъ, записывалъ, составлялъ тетради, а спутникъ мой гулялъ съ студентами, билъ, дрался на дуэляхъ, волочился за Нѣмочками, платилъ профессорамъ, и бралъ себѣ мои тетради.

Путешествіе наше кончилось впріямомъ въ одну изъ нашихъ столицъ, гдѣ товарищъ мой раскланялся со мною. На другой годъ выдалъ онъ описаніе своего путешествія.

Узнавши о томъ, я удивлялся, когда онъ успѣлъ составить его, но читая потомъ увидѣлъ, что это были мои замѣтки, съ прибавкой болтовни маркиза, дотога перевранныя, что бѣлое называлось въ нихъ чернымъ, а черное бѣлымъ. Несмотря на то, журналисты расхвалили книгу, читатели раскупили ее, а спутникъ мой приобрѣлъ славу умнаго молодого человѣка.

Между-тѣмъ я очутился безъ копѣйки денегъ, а если вообще нигдѣ нельзя жить безъ денегъ, тѣмъ болѣе въ столицѣ безъ денегъ жить вовсе невозможно. Но мнѣ гораздо тяжелѣе всякаго безденежья было рѣшиться, что мнѣ надобно было съ собою дѣлать? Въ головѣ моей было собраніе общихъ, неопредѣленныхъ идей о жизни и людяхъ, безъ всякой связи. Видѣнное, слышанное, читанное мною, все смѣшивалось одно съ другимъ, какъ въ самыхъ манерахъ моихъ была видна смѣсь знанія свѣтскихъ приличій съ незнаніемъ самыхъ простыхъ приличій общежитія.

Нечаянный случай измѣнилъ на-время мои отношенія. Идя однажды по улицѣ, увидѣлъ я какую-то порядочную книгу, завязанную въ платкѣ. Было весьма рано. На улицѣ не видно было ни одного человѣка. Осмотрѣвшись хорошенько, и не видя, кто могъ бы потерять книгу, я взялъ ее и унесъ на квартиру. Развертываю—нахожу связки ассигнацій. Меня онѣ нисколько не порадовали—вѣдь онѣ не мои. Я пожалѣлъ о томъ, кто потерялъ ихъ, и рѣшился возвратитъ ихъ, когда узнаю хозяина. Черезъ два дня въ газетахъ было объявлено, что управитель господина А. А., рано утромъ, проѣзжая по одной улицѣ потерялъ триста тысячъ ассигнаціями, завязанными въ платокъ. Я тотчасъ узналъ мою находку. Хозяинъ обѣщалъ за нее приличное награжденіе. Являюсь къ нему. Меня едва допускаютъ, но я думалъ удивить и обрадовать его, лежа передъ нимъ потерю. Къ удивленію моему, А. А. нахмурился, и сперва началъ считать книжки бумажекъ, потомъ велѣлъ провѣрить счетъ ассигнацій въ каждой. И когда все оказалось исправно и вѣрно, спряталъ потерю въ свое бюро, и спросилъ меня угромо: «Чѣмъ можетъ онъ служить мнѣ?»—Ничѣмъ, от-

вѣчалъ я, деньги ваши, и я вамъ отдаю ихъ. Хозяинъ про-
бормоталъ что-то, взялся за бумажникъ, опять подождь
его въ боковой карманъ, записалъ мое имя и квартиру, и
пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Не думая ни сердиться
ни осуждать его, я возвратился на квартиру. Вскорѣ об-
стоятельства сблизили меня съ другимъ значительнымъ
лицомъ, которое сдѣлалось моимъ покровителемъ.

Исторія обо мнѣ дошла какъ-то до его свѣдѣнiя. Онъ
захотѣлъ узнать чудака, и меня представили къ нему. Под-
робно спрашивалъ онъ меня обо всемъ, казалось, былъ
чрезвычайно доволенъ мною, говорилъ со мною о моей
прежней жизни, о моемъ путешествiи за границу, и нако-
нецъ, сказалъ мнѣ: «Вы останетесь у меня въ службѣ;
можетъ-быть, вы именно тотъ человекъ, котораго мнѣ
недоставало.»

Дѣйствительно, я скоро приобрѣлъ дружбу, любовь и
довѣрiе моего новаго покровителя, и увидѣлъ себя въ та-
кой сферѣ, гдѣ никто другой не годился, и гдѣ я нашелъ
полное удовлетворенiе моей дѣятельности.

Покровитель мой былъ второе изданiе графа, моего от-
ца, но только исправленное и помноженное по новѣйшимъ
свѣдѣнiямъ. Такихъ людей можно назвать Дюпенами
вверхъ ногами, или Бентемами, у которыхъ голову пере-
вернули, и поставили затылокъ тамъ, гдѣ надобно быть
лицу, а лицо перевернули туда, гдѣ надлежало быть за-
тылку. Это былъ человекъ, искренно желавшiй добра,
много учившiйся, еще больше читавшiй, еще болѣе слы-
хавшiй, и всего болѣе выдавшiй. Но бѣда была та, что до-
бра желалъ онъ безъ толку, ученье не переварилъ размы-
шленiемъ, читалъ безъ порядку, слышалъ не разсуждая,
и видалъ не понимая. Голова его походила на разрознен-
ную и перемѣшанную библиотечку, на альбомъ, гдѣ всякiй
вписывалъ что хотѣлъ. И съ такимъ-то основанiемъ сое-
динялось у него страшное желанiе быть дѣятельнымъ и
дѣйствовать. Странность особенную составляло то, что
если кто хотѣлъ оспорить его, онъ стоялъ въ своемъ
нѣнiи упорно, но упорство его ограничивалось только
тѣмъ, чтобы отстоять свою мысль, а какою она оттого
дѣлалась, о томъ онъ не думалъ. Такимъ образомъ, часто,

и почти всегда, мысль его, послѣ споровъ съ другими, походила на разстрѣлянную крѣпость, гдѣ коммандантъ успѣлъ удержаться, но зато крѣпость сдѣлалась грудю развалинъ, гдѣ погребены были почти всѣ ея защитники, и она ни для жителя, ни для защиты болѣе не годилась. Странности моего начальника тѣмъ не оканчивались: онъ тотчасъ измѣнялъ мысль свою, если никто не спорилъ противъ него, и тѣмъ пользовались многіе: стоило только согласиться съ нимъ безотговорочно, и онъ начиналъ опровергать самого себя.

Я былъ, какъ-будто созданъ для такого человѣка. Мое негѣное образованіе такъ сходилось съ его понятіями и инстинктами, что я обожалъ его, а онъ души во мнѣ не слышалъ. И вотъ мы принялись за дѣло, дали полный разгулъ нашей дѣятельности, и—славно работали!

Да, славно, не говоря уже о нашей неутомимости—повѣришь ли, что иногда ночи пролетали у насъ за дѣломъ, и утренняя заря заставляла насъ за письменнымъ столомъ, за проектами, предположеніями, смѣтами, выписками! И—прости мнѣ, Господи, всѣ негѣности, какія сотворили мы, все зло, какое надѣлали мы, думая о благѣ, стараясь дѣлать добро.

Начать съ того, что мы понятія не имѣли о практикѣ, и вовсе не знали того, къ чему прикладывали нашу теорію. Потому мы предполагали пахать землю тамъ, гдѣ были непроходимые лѣса, рубили лѣсъ тамъ, гдѣ была наша, сажали виноградъ, гдѣ мерзла капуста, и разводили сосну, гдѣ росъ миндаль. Далѣе мы рѣшительно опредѣлили, что прежде всего надобно составить идеаль обществу и государства, и стараться осуществить его въ дѣйствительности, а существующую дѣйствительность считали мы грубою массою, которая составила безъ отчета уму, и вслѣдствіе того требовала проникновенія идеєю ума. Вещественность мечта, говорили мы. Она существуетъ только, какъ умное, слѣдовательно, вещественность не умная не существуетъ. Изъ того, что мы читали, видѣли и слышали, избрали мы то, что оправдывало нашъ идеаль, и старались перенести избранное нами къ несуществующей, по нашему мнѣнію, вещественности. Возра-

женія о невозможности исполнить, считали мы воядемъ неспѣхства. Извѣстія о вредѣ, какое причинили наши нововведенія, мы приписывали глупости, или злонамѣренности исполнителей. Какія же были слѣдствія?

Очень естественныя. Плуты и мошенники поняли чего мы хотимъ, и не думая ни о пользѣ, ни о благѣ, доносили намъ о неисполненномъ исполненіи приказовъ, выполняли всѣ предписанныя неспѣхости, присылали намъ подробные отчеты, въ графахъ, съ цифрами, присовокупляя приложенія, состоявшія въ адресахъ, похвалахъ, восклицаніяхъ, которыми славилась наша мудрости, и счастье, разливаемое повсюду нашими мудрыми распоряженіями. Мы были въ восторгѣ; тѣмъ упорнѣе преслѣдовали тѣхъ, кто разрушалъ наше очарованіе, и съ наущеніемъ наконецъ стали узнавать, что какъ ни благопріятны были доисскія и отчеты, но слѣдствія почти всюду были ровно не тѣ, какихъ мы ожидали. Между-тѣмъ, гонясь за нашими мечтами, мы путали обыкновенное отправленіе всѣхъ другихъ дѣлъ. Собственныя дѣла моего покровителя были совершенно разстроены. Онъ рѣшился ѣхать въ свои помѣстья. Я не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Дорогой составляли мы проекты благоденствія крестьянъ, и ужаснулись состоянію, въ какомъ нашли ихъ.

Мой бывшій покровитель былъ истинно добрый чело-вѣкъ, и искренно желалъ добра всѣмъ и каждому. Немедленно занялся онъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ своихъ и улучшеніемъ благосостоянія крестьянъ, ему подвластныхъ. Отбросивъ всѣ мечты теоретическія, мы принялись учиться у опыта, спрашивать истинъ у матери земли, и первымъ собесѣдникомъ нашимъ сдѣлался староста Антонъ, шестидесятилѣтній Франклинъ нашего села. Великая теорія наша смиренно преклонялась передъ простымъ практическимъ разсудкомъ старика, и здѣсь получилъ я первый урокъ, изъ котораго узналъ, что умъ безъ разума, и мудрость безъ здраваго смысла никуда не годятся.

Второй урокъ не замедлилъ. Мой добрый покровитель недолго прожилъ въ своемъ уединеніи. Горестное чувство отравляло послѣдніе дни его. «Мой другъ! говорилъ

онъ мнѣ, умираю: какъ тяжело мнѣ думать, что вся жизнь моя была ошибкой, и сколько добра могъ бы я сдѣлать въ пользу назначеніи, котораго не сдѣлалъ, и сколько зла причинилъ, имѣя самыя добрыя намеренія!» Онъ препоручилъ мнѣ устроить послѣ смерти его состояніе крестьянъ, и тутъ увидѣлъ я, какъ трудно мирить практику съ теорією.

Не говорю о томъ, что мнѣ надлежало рѣшить десять задачъ, какія начались по имѣнію, разрушить козни насѣдниковъ, явившихся на добычу. Нѣсколько лѣтъ продолжался этотъ вторей урокъ. Я прошелъ сквозь міръ побѣдъ и извилинъ приказовъ, долженъ былъ ѣздить нѣсколько разъ въ Петербургъ и Москву, ѣздивъ по Россіи, стараясь узнавать ее.

Наконецъ обязанность моя была кончена, и я рѣшился посвятить остатокъ жизни моей уединенію и приведенію въ порядокъ моихъ опытовъ. Оставляя всѣ теоріи, принялся я за практическое изученіе природы, какъ практически изучалъ нѣсколько лѣтъ человѣка въ обществѣ людей.

Увы! тутъ узналъ я, какъ много ошибаются наши теоретики, даже изъясняя природу, и какъ многое открывается тому, кто слѣдитъ ея тайны опытомъ, кто начинаетъ изученіе съ былинки и съ пылинки, а не съ мировыхъ законовъ и абсолютныхъ идей, которыхъ не понимаетъ умъ человѣческій!

Я узналъ, какъ ошибоченъ будетъ взглядъ нашъ, если и на общество людей будемъ мы глядѣть только съ-высока. Я увидѣлъ, какъ ошибаются философы, начертывая въ кабинетахъ своихъ неизмѣнныя условія людямъ.

Взглядъ будетъ ошибоченъ, если мы опять будемъ глядѣть только снизу, и не ознакомимся съ верхними взглядами. Но гдѣ міръ ихъ? Бѣдный человѣкъ! И ты мыслишь въ краткій вѣкъ примарить вѣка, разложить то, чего не умѣли разложить до-сихъ-поръ люди, при свѣтѣ лампадъ столичныхъ мудрецовъ, при заревѣ столичныхъ пожаровъ, зажигаемыхъ войнами, при столичныхъ урокахъ Провидѣнія! Но прежде нежели подумаешь ты о другихъ, подумай о самомъ себѣ, и научись, что два мудрейшія изреченія,

которыя передала намъ древность, суть: «Познай самого себя», и «мы знаемъ только то, что мы ничего не знаемъ». Остальные вѣка до-сихъ-поръ только разгадывали первую изъ этихъ задачъ, и убѣждались въ истинѣ второй.

Страсти человѣческія бури, которыя очищаютъ атмосферу отъ застоя умственныхъ испареній и сердечнаго зноя. Ими передаются рѣшенія опыта, а событія указываютъ теорію ихъ. Чтѣ же притомъ нашъ бѣдный умъ? О, весьма многое! Вѣрь тому, что ни одно благое дѣло, ни одно доброе слово, даже ни одна святая мысль не гибнутъ. И мысль? Но какъ, если она даже не вышла изъ души моей, и скрыта отъ людей? Но такая мысль не уподобляется ли иногда каплѣ росы, которая падаетъ на твою душу, истомленную, усталую, живить и укрѣпляетъ ее, и возраждая новыя силы, даетъ ей новую жизнь? И почему мысли твоей не быть зерномъ, которое разрастается въ душѣ твоей вѣтвистымъ деревомъ, разливается все покрывающимъ океаномъ, при чемъ уже забыто первоначальное зерно, первая капля, изъ которыхъ разрослось дерево, образовался океанъ? А если мысль твоя передана въ словѣ твоему ближнему, кто изчислить ея благодѣтельныя и великія послѣдствія?

Человѣкъ! помни, что ты малъ и ограниченъ — помни, что ты великъ и безконеченъ! Найди точку, гдѣ соединяются два несоединяемыя отношенія — великое и малое, ограниченное и безконечное: эта точка — жизнь твоя, мѣсто, которое занимаешь ты во вселенной бытіемъ твоимъ. Постарайся узнать, изучить эту точку, и съ нея раздвигай изученіе постепенно. Живи полною жизнью въ юности, но не давай своевольной свободы уму, своеправной власти страстямъ. Въ мірѣ нѣтъ скачковъ. Въ природѣ все постепенно. Чтѣ кажется намъ нарушеніемъ общаго порядка, есть только средство поддержать его. Не нарушай его вокругъ себя, и помни, что при твоёмъ ничтожествѣ, ты частица всего, и кто тебѣ скажетъ, что твое дѣло, твои слова, твоя мысль не будутъ источникомъ безконечнаго добра, или причиною зла, не изчислимаго въ послѣдствіяхъ? Берегись же, и отдавай себѣ отчетъ въ дѣ-

дѣ, словѣ, мысли; строго суди себя — всякой другой судъ можетъ быть пристрастенъ, и только ты одинъ можешь быть безпристрастнымъ къ самому себѣ.

Пристрастіе наше не всегда идетъ изъ злаго источника, но нерѣдко, если не всегда, ведетъ къ злу. Сколько клеветъ наговорено на человѣка! Обманутое самолюбіе, упрямое своеволіе, неосновательное недоразумѣніе, взглядъ не съ надлежащей точки, не искреннее признаніе, все бывало причиною жалобъ на человѣка, и пристрастные судьи рѣшали дѣло по такимъ жалобамъ безъ справокъ. Ищите истины. Пристрастіе не истина. Слѣдовательно, оно ложь и ошибка.

Человѣкъ не ангелъ и не демонъ. Онъ помнитъ свою небесную отчизну, но только въ житіи съ демономъ получилъ нѣкоторыя дурныя привычки, отъ которыхъ отвыкнуть ему не легко.

Напрасно хотѣлъ бы я изложить тебѣ, мой юный другъ, все чему научился я, когда закрылъ книги философовъ, и отрекся отъ теорій, путавшихъ меня въ юности. Такова юность наша: ей все кажется такъ легко; она все такъ скоро разрѣшаетъ; и живость впечатлѣній, увлекающая насъ, часто заставляетъ насъ потомъ жалѣть о быстротѣ, съ какою пролетаетъ юность наша. Это напрасно. Провидѣніе раздѣлило дары свои равно на всѣ переходы человѣческой жизни. Не юношѣ предлежитъ совершеніе великихъ подвиговъ—оно удѣлъ ума опытнаго, силъ, уже укрѣпленныхъ борьбою и испытанныхъ временемъ. Самая старость не исключаетъ работы человѣка, потому что повѣрка сдѣланнаго, не трудъ, а отчетъ самому себѣ, развѣ бездѣлье? Отдавайте себѣ отчетъ во всемъ и всегда. Горе тому кто не умѣетъ, и еще болѣе тому, кто не смѣетъ отдавать себѣ отчета! Не бойтесь, если иногда будете стыдиться такого отчета самому себѣ. Лучше стыдиться передъ самимъ собою, нежели передъ людьми и передъ Богомъ. Тебѣ совѣстно отдать отчетъ за одинъ день, а кто знаетъ, что завтра... нѣтъ! въ эту самую минуту, можетъ быть, требуютъ у тебя отчета за всю жизнь твою?... Зачѣмъ бояться такой мысли? Знакомство съ нею порука за добро.....

Мой другъ! поздно узналъ я все, о чемъ говорю тебѣ, и

въ темъ увѣрялся по совѣсти. Грустно ниѣ думать о томъ, что могъ бы я сдѣлать, и чего не дѣлалъ изъ ложныхъ понятій о великодушїи, изъ мечтательныхъ идей о жизни. Моими поступками я оскорблялъ только другихъ, нарушенїемъ общественныхъ условїй производилъ беспорядокъ, и губилъ, думая приносить пользу.....

Добрый Ефимъ Ефимычъ заплакалъ. Горесть добродѣтельнаго старца растрогала меня. Я бросился къ нему въ объятїя и клялся, что сохраню вѣкъ его завѣты и наставленїя, никогда не измѣню добру, и не допущу даже мысли о злѣ въ душу мою.

— Мой другъ! сказалъ онъ—ты слишкомъ безразсудно даешь обѣщанїя, и кромѣ-того, хранить идеалъ добра въ душѣ недостаточно. Молодость! Юности! Видно вамъ недостаточно чужаго опыта, чужихъ испытанїй! Да, будетъ какъ устроило Провидѣнїе! — Я заключу прощанье наше немногими замѣчанїями. Слушай!

Храни въ душѣ чувство добра и отвращенїе отъ зла; не основывай ихъ на теорїяхъ, но сродни ихъ съ твоею душою, слей ихъ съ твоимъ бытїемъ, такъ, чтобы зло сдѣлать было тебѣ невозможно, а не стремиться къ добру значило бы не существовать. Позатѣмъ подчини себя всѣмъ условїямъ человѣка, и члена общества, гдѣ ты живешь: горе тому, кто хочетъ отдѣлиться отъ другихъ, кто выѣжитъ изъ ряда, которымъ идетъ къ цѣли своей челоуѣчество, если только судьба сама не возьметъ его за руку, и не выведетъ изъ ряда другихъ! Тогда—иди, а безъ того ты заплатишь горькимъ разувѣренїемъ, тяжкимъ сознаниемъ ошибки. Сперва старайся обработать поле собственныхъ обязанностей твоихъ; иди, какъ ходятъ опытные лошади по горнымъ дорогамъ — твердо поставь одну ногу, и тогда только переступаютъ другою. Готовься, но не называйся на подвигъ; иди мужественно впередъ, но не бросайся безотчетно на непрїятеля—безразсудно погибая самъ, ты можешь погубить другихъ. Ничего не довѣрай удачѣ — она хуже картежнаго игрока. Никогда не довѣрай и самому себѣ. Никто не можетъ ручаться за оплошность, въ какихъ ловятъ насъ страсти, за вѣрность своей увѣренности. Если бы могли мы всегда и во всегъ

сделать первую минуту размышленію, и только вторую рѣшительности, много выиграла бы мы во всемъ и всегда. Первая минута — нашъ врагъ, другая — нашъ другъ. Еще одно замѣчаніе, и я умоляю тебя убѣдиться въ вѣрности его: *не трогай дураковъ!*

Я прощусь съ тобой теперь. Завтра не приходи ко мнѣ, а показай съ Богомъ! Дальние проводы — лишнія слезы! Ищи ко мнѣ, и вѣрь, что всегда открыты будутъ тебѣ сердце и душа моя. Моя угрюмая старость не должна пугать тебя. Вѣдь я напередъ знаю, что ты во многомъ ошибешься, во многомъ обманешься — нерѣдко будешь подышать къ небу горестный вздохъ, и спрашивать бесомыслию: «Великій Боже! Что же это такое?» Да, сохранился въ такія минуты твоя увѣренность въ добро: трудное дѣло, труднѣе, нежели ты думаешь! Людей такъ странно и немалосердо обвиняютъ, а если бы подумали, сколько силы надобно человѣку, чтобъ не прійти въ отчаяніе отъ всего, то обвиняли бы гораздо менѣе....

Сядемъ — помолнимся. Родной обычай: все начинать молитвою — святой обычай! Увидимся ли здѣсь еще? Если вѣрь — помолись за меня.... Вотъ все, чего хочу я за любовь мою къ тебѣ..... Прощай, Саша!

Долго держали мы другъ друга въ объятіяхъ, и я чувствовалъ, какъ слезы Ефима Ефимыча мочили лицо мое...

Но забыла я мелодію. Когда на другой день, сидя въ своей кибиткѣ, слушая звонъ колокольчика, любясь прекраснѣйшѣмъ утромъ, восходящимъ солнцемъ, шедобтаньемъ жаворонка на высотѣ, погруженный въ мечты о будущемъ, вѣдь я по московской дорогѣ, грустная раздумка моя съ Филановымъ была забыта, и я былъ веселъ, какъ птичка Божья, беззаботенъ, какъ бывають беззаботны въ юности.....

«Впередъ, впередъ!» говорить тогда жизнь. Мы не оглядываемся назадъ, и не думаемъ, что и въ юности и въ старости одинаково судьба можетъ сказать намъ: «Стой! Ночлегъ!»

Не буду описывать моего путешествія, потому что не хочу ни выписывать изъ статистикъ свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ, ни дѣлать экономическихъ изслѣдованій о

городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ видѣнной мною части Россіи, ни даже изображать юмористически грязь по деревнямъ, и русскихъ мужичковъ у питейнаго дому, кромѣ чего, какъ увѣряютъ нѣкоторые описатели нравовъ, въ Россіи ничего болѣе не увидите. Не смѣю взяться ни за какія описанія, потому что я слишкомъ мало тогда видѣлъ, а еще менѣе замѣчалъ. Впрочемъ, скажу, что кромѣ грязи и кабаковъ, я видѣлъ и цвѣтушіе луга, и поля подъ золотою пшеницею и подъ сибѣжною гречихою; и прелестныя рощи и перелѣски, и богатые села съ золотоглавыми Божьими храмами, и русскаго мужичка въ полѣ съ косою, и по дорогѣ съ обозомъ; и веселые хороводы сельскіе въ праздничные вечера; слышалъ не однѣ буйныя пѣсни и ругательства, но и сердечную русскую пѣсню, и уминую бесѣду русскихъ мужичковъ, когда застава гдѣ-нибудь ихъ на ночлегѣ, или на обѣдѣ. Больному желтухой все кажется желто, а кто носъ, тому все криво, и право, въ книгѣ внаго описателя русскихъ нравовъ грязь больше, нежели въ дюжинѣ русскихъ деревень....

Путешествіе мое было довольно однообразно. Я ложился спать въ мою повозку, и не слышалъ, какъ Нефедъ, рано утромъ, запрягалъ свою двоицу, и крупнымъ шагомъ, съ прибавкой рыси, успѣвалъ отъѣхать верстъ пятнадцать. Тутъ просыпался я, начиналъ смотрѣть кругомъ, потомъ думать, потомъ мечтать, хотя всѣ мечты мои сосредоточивались въ немногомъ: «Москва! Посмотримъ, что за Москва! Ученье! Университетъ!» Потомъ опять смотрѣлъ я кругомъ, потомъ заслушивался жаворонка, а потомъ перерывалъ меня голосъ Нефеда: «Здѣсь, батюшка, покоримъ!» Мы подѣзжали къ селенію. Удивительное было явленіе, мой Нефедъ — типъ русскаго ямщика, съ огромною бородою, въ красной рубахѣ, молчаливый, бывалый человекъ, съ умомъ, котораго достало бы на полтора дьяка старинныхъ, и съ силою на полдюжины Италіянцовъ. Какъ ловко угадывалъ онъ лучшій постоялый дворъ, какъ славно онъ ѣлъ, какъ безопасно спалъ онъ подъ своею повозкою, какъ чутокъ былъ онъ напрѣсыпъ въ извѣстную минуту, когда надобно было поить

лошадей, задавать имъ овса, запрягать ихъ, и какъ неутомимо бодрствовалъ онъ во время дороги....

Я сидѣлъ за скромнымъ чаемъ въ одномъ постояломъ дворѣ, когда на улицѣ раздался заливной звонъ трехъ колокольчиковъ, вмѣстѣ съ пѣсней ямщика, и все смолкло у воротъ постоялаго двора. «Ну, такъ! Михей Саввичъ!» воскликнулъ хозяинъ, выглянувши въ окно. Эй, хозяйка! Скорѣе самовары!» Онъ бросился встрѣчать дорогаго гостя.

— Михей Саввичъ? Ужъ не разгульное ли чадо Саввы Михенча? подумалъ я, когда лихимъ хватомъ влѣтъ онъ своею особою, въ лихомъ картузѣ съ заломомъ, съ персидскимъ платочкомъ на шеѣ, въ дорожномъ сюртучкѣ, красныхъ сапогахъ, съ трубкою въ зубахъ, сафьяннымъ кясетомъ на рукѣ. Двое товарищей, молодыхъ кучиковъ нашего города, тащили погребецъ, фляжки, кулечки и корзинки съ запасами.

— Александръ Сергѣичъ!

— Михей Саввичъ!

— Такъ, ваше благородіе, то есть, по дѣйствительности, нѣкоторымъ образомъ, то есть, *олѣ марширъ нахъ Москау?*

— Какъ видите!

— То есть, на счетъ, въ разсужденіи слуховъ, чортъ знаетъ что, не имѣлъ вѣрности! Ну, батюшка, радъ — покориѣйше просимъ, рекомендуемъ, батюшка—гульнемъ въ Москвѣ! Имѣете помѣщеніе, то есть, отчасти, то есть, знакомыхъ? Или въ барскихъ гостинницахъ остановитесь? Рекомендую, батюшка, съ нами! Мы всѣ станемъ на одной фатерѣ — мѣсто славное, отъ всего близко — рекомендую товарищей—Яковъ Григорьевъ Пудовиковъ, Екимъ Петровъ Кошельковъ—съ виду ослы, а чудо-товарища! Да, вотъ уму-равуму учу ихъ..... Да, что это вы такъ смиренно простовичокъ попиваете! Не угодно ли съ капельками?

— Нѣтъ, еще рано, я не обѣдалъ.

— Да въ дорогѣ семь разъ обѣдаютъ, десять разъ чай пьютъ, начинаютъ ужиномъ, кончаютъ завтракомъ — на то дорога!

Михей Саввичъ ѣзжалъ, какъ ѣздить, или тогда ѣзжали, дѣтки богатыхъ купцовъ — на перемѣнныхъ, безъ подорожной, на сдѣчу, въ огромной повозкѣ, съ перьями, пуховиками, запасомъ. На каждой станціи шла перушка, начиналась чаемъ, кончалась «капельками,» и съ иной станціи въ повозку вели Михея Саввича подъ руки. Онъ имѣлъ только силы воскликнуть: «Ну, знаемъ Катий, секолики, а не ворона! Полтвинникъ на водку!» — Знаемъ, батюшка, Михей Саввичъ — только держитесь! — И повозка пускалась такъ, что у иного Нѣнца закружилась бы голова. Ободривъ ямщика похвалами, Михей Саввичъ засыпалъ, и спалъ до слѣдующей перемѣны. Ямщикъ везъ его рысцою, но подѣзжая къ перемѣнѣ пускался опять во всю прыть, пробуждалъ Михея Саввича, получалъ вехвалу сто, полтвинникъ; послѣ гульбы на станціи шла прекрасная комедія, и подъ Москвою только провѣтривалъ свою голову Михей Саввичъ.

Одно казалося въ немъ неизмѣнно, какъ-будто-сроелось съ душой его, превратилось въ его природу — стараніе торговаться и истиннѣе сбереженія денегъ. Бросая смолу на водку, онъ торговался въ грѣшѣ, и невремѣнно спорилъ при расчетѣ съ хозяиномъ постоялаго двора за нѣсколько копѣекъ, перекидывая съ своими дорожными товарищами на иной станціи въ *картежъ*, и во жалѣя сотни проигранныхъ рублей. Но довольны о Михеѣ Саввичѣ. Я и не говоримъ бы объ немъ, если бы не онъ былъ первый, ознакомившій меня съ Москвою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вотъ и матушка-Москва! Мечты и существованность. Комната на полтора челоуѣка, нѣ житье грѣе. Молодые кучики. Мирянина река и Лазаревы кладбища. Андрей Григорьевичъ Кладушкинъ. Подумать или за дѣломъ? Географія Москвы. Московская дымля и доморешеный казачокъ. Нужные люди и чай съ кизляркой. Московскіе бурши и юноши. Кирило Григорьевичъ Кардамоновъ и дочь его Меланія.

— Ну, вотъ, батюшка, и Москва-золотыи-шаховки! проговорилъ мой Нефедъ, снимая шапку и крестясь.

Сквозь дремоту слышалъ я рѣчи его. Дремота моя разлетѣлась при словахъ Песёда. Поспѣшно поднялся я изъ носей кибитки: Москва передо мною — вотъ она, *Москва*, предметъ благоговѣнія Русскихъ, мѣсто, гдѣ ожидалъ я начала моего благополучія, куда стремились мои мечты и желанія — вотъ она, *Москва-золотая-маковки!*

Въ самомъ дѣлѣ, *золотая*: какъ жаръ горѣли передо мною раззолоченныя главы московскихъ церквей, в средину ихъ вдали отражалась высоко на небѣ золотая шинка Ивана Великаго съ куполами кремлевскихъ соборовъ. Протяженіе, казавшееся мнѣ безконечнымъ, было покрыто обширною Москвою, топяущею въ зелени садовъ. Я выскочилъ изъ повозки, велѣлъ остановиться извозчику, и не могъ налюбоваться картиною, которая мнѣ представлялась.

Мнѣ казалось, что передо мною осуществлялся какой-то волшебный сонъ, что передо мною явился какой-то фантастическій герольдъ, построенный волшебниками, съ башнями, храмами, палатами, садами. Я стоялъ на небольшой горѣ по серпуховской дорогѣ. Видъ на Москву отсюда превосходный, хотя и не сравнится съ видомъ съ Поклонной горы, по смоленской дорогѣ, гдѣ дѣвился на Москву Наполеонъ въ 1812 году. Несмотря на то, что я привыкъ въ Москву гнѣтомъ, шумъ и движеніе по дорогѣ казались болѣе и болѣе изумительными, чѣмъ ближе подѣзжалъ я къ Москвѣ. Къ умноженію очарованія моего была вѣтеръ наканунѣ какого-то большого праздника. И когда я стоялъ на пригоркѣ и удивлялся на Москву, освѣщаемую заходящимъ солнцемъ, вдругъ загудѣлъ вдали большой кремлевскій колоколъ, и на гомосъ его откликнулась Москва, оживла, заговорила благовѣстомъ въскользнулъ сотъ колоколовъ, перешедшимъ въ оглушающій звонъ въскользнулъ тысячъ колоколовъ. Напрасно хотѣлъ бы я высказать вамъ впечатлѣніе, оставшееся навсегда въ душѣ моей. Такія впечатлѣнія не повторяются.

Сѣвъ опять въ повозку, и поѣхавъ тихонько на утомленныхъ клѣчкахъ моего братаго Автомеодента, видя мелькавшіе мимо меня экипажи, обобы, тянувшіеся безвѣстною цѣпью, и множество въшходовъ, я невольно ув-

лекся мечтами. Воображеніе мое начало населять Москву умными, учеными, добрыми, богатыми людьми, живущими въ роскошныхъ палатахъ и узорочныхъ садахъ. Я вступалъ въ общество ихъ. Они ласково принимали меня, готовы были подѣлиться со мною всѣмъ, какъ друзья и братья. Какіе люди! Какія красавицы! Какая роскошь! Миѣ совѣсто было даже вспомнить о моей провинціи, о нашемъ городѣ, о прежнихъ машерахъ нашихъ—онѣ и Москвитянки, нашъ городъ и Москва!... И вотъ я въ Москвѣ—я тутъ буду жить, поселюсь, сдѣлаюсь важнымъ, умнымъ, богатымъ, великимъ человѣкомъ.

— Что ты остановился? спросилъ я у Нефѣда.

— Колокольчикъ снять. По Москвѣ съ колокольчикомъ ѣздить запрещено.

— А далеко еще до Москвы?

— Мы ужъ пріѣхали.

— Что? Пріѣхали? Да это кака-то грязная деревня!

— Это Дорогомиловская Ямская. Вотъ и застава.

Я не замѣтилъ въ мечтахъ моихъ, какъ спустились мы съ пригорка и вѣхали въ ложбину, грязную, изрытую, гдѣ съ одной стороны видна была бойня, съ другой тянулись кирпичные сараи. Какъ великолѣпна Москва издала, такъ не казиста она при вѣздахъ въ нее. Длинные, грязные, дурно обстроенныя деревни и слободы за заставами, улицы по оконечностямъ города, съ безконечными огородами, ветхими домами, нескладными, загроможденными мелкою торговлею площадями—вотъ что встрѣчается пріѣзжему въ Москву со всѣхъ дорогъ, кромѣ тверской, гдѣ въ послѣдніе годы роскошно расположился Петровский Паркъ съ загородными дачами, съ воксаломъ. Лѣтъ за сорокъ и по тверской дорогѣ вы ѣхали въ Москву сыпучимъ пескомъ, между бѣдными деревнями, кирпичными сараями и бойнями, и вѣзжали въ Тверскую Ямскую, походившую на неопрятный уѣздный городъ. Москва соединеніе нѣсколькихъ городовъ, не похожихъ одинъ на другой ни видомъ, ни нравами, ни обычаями. На Тверской улицѣ вы въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Въ Рогожской части вы въ семнадцатомъ столѣтіи.

Угрюмый вопросъ на заставѣ dokonчилъ мое разочаре-

ваніе. Заставной осмотрщикъ откупа московскаго подошелъ ко мнѣ съ длиннымъ желѣзнымъ шупомъ, и требовалъ отчету, не везу ли я корчемнаго вина. «Я дворянинъ и чиновникъ!» угрюмо отвѣчалъ я.—Передъ вами честь ваша, а осмотрѣть позвольте—кто васъ знаетъ!

И новое чувство врѣзалось мнѣ въ душу, когда поплелась мы по безконечной улицѣ, шагомъ, и когда московская мостовая немилосердо начала считать мнѣ ребры. Великолѣпіе Москвы исчезло—малолюдная грязная улица, вечерній сумракъ, однообразное понукаванье моего Неѣда на лошадей, все печалило меня, а вопросъ: «Гдѣ пристанете, баринъ?» умножилъ мою тоску. Гдѣ пристать? Въ трехъ стахъ тысячахъ жителей Москвы ни одного пріятеля, ни одного знакомаго, а если бы и были, пустятъ ли меня? Я вспомнилъ встрѣчу со мною Михея Саввича, и приглашеніе остановиться съ нимъ на подворьи въ Зарядьѣ. Нечего дѣлать—я велѣлъ везти себя въ Зарядье. Скоро улицы явились шире, просторнѣе, многолюднѣе, и когда подъѣхали мы къ Москворѣцкому мосту, меня уже оглушали шумъ и крикъ народа, движеніе обозовъ, ѣзда экипажей. Но мнѣ было отъ того не легче, и я вполне ощущалъ чувство одиночества, котораго никогда и нигдѣ такъ сильно не ощущаете, какъ въѣзжая въ неизвѣстный вамъ, обширный городъ. Тысячи движутся, шевелятся, живутъ, и все мчится мимо васъ, и никому до васъ нѣтъ дѣла. Смотри на незнакомыя лица, вы чувствуете, что вы можете умереть, и никто изъ этихъ людей объ васъ не подумаетъ, никто не спроситъ объ васъ!

Грязное Зарядье, куда мы въѣхали, и гдѣ шумъ и толкотня достигали величайшей степени по неопрятнымъ улицамъ, и въ высокихъ грязныхъ домахъ, изумило меня. Такъ это Москва? спрашивалъ я самого себя, осматриваясь кругомъ. Если вы не бывали въ Москвѣ, вамъ надобно небольшое статистическое понятіе.

Вы, конечно, знаете, что средоточіе Москвы, составляетъ Кремль, небольшой, въ двадцать пять десятинъ треугольничекъ, огороженный дубовою стѣною при Іоаннѣ Калитѣ, и потомъ каменною при Дмитріи Донскомъ; стѣны Донскаго перестроилъ Іоаннъ Третій. Тутъ, на нагорномъ, возвышен-

номъ берегу Москвы рѣки, находятся царскіе дворцы, терема, Иванъ Великій, соборы, монастыри. Кремль—Кеши-тодіи третьяго Рима, царской столицы, какъ говорили на-ши старики. Въ немъ нѣтъ частныхъ домовъ. Вокругъ Кремля, по всей нагорной сторонѣ и по луговому Замоскворѣчью втеченіи десяти столѣтій расселилась Москва, безъ плана, безъ порядка, слободами, которыя и до-сихъ-поръ сохраняютъ свои прежніи названія (Столенники, Садовники, Блинники, Плотники, Кузнецкая, Басманная, Воротники, Пушкины, Стрѣлецкая, и прочее и прочее), уже сдѣлавшись частями города. Но постепенно, среди пожаровъ, разореній, нашествій непріятельскихъ, все это сближалось, стѣснялось, измѣнялось и огораживалось стѣнами, принимая названіе отдѣльныхъ *городовъ*. Елена Глинская отвела пространство вдвое болѣе кремлевскаго, на востокъ отъ Кремля, обнесла его каменною стѣною, и назвала *Китайскъ-городомъ*—имя, надъ которымъ тщетно ломали головы московскіе археологи. Китай-городъ составилъ неправильный четырехугольникъ, примыкающій широкою стороною къ Кремлю. Въ немъ длинными рядами лавокъ устроился московскій базаръ, и вокругъ рядовъ поселялись купцы, пестроили палаты свои бояре, воздвигли множество церквей и монастырей русская вѣра и русское благочестіе. Скоро тѣсно стало Москвитанъ въ Китай-городѣ, и царь Феодоръ очертилъ обширнымъ полукругомъ новую каменную стѣну отъ береговъ Москвы-рѣки, куда вошли Кремль, Китай, и большое пространство между ними и новою стѣною, названное *Бѣлымъ городомъ*, по бѣлой каменной стѣнѣ. Тутъ въ Бѣломъ-городѣ росли дома, церкви и монастыри, а Китай-городъ потерялъ половину своего названія: *Китай*, началъ называться просто: *Городъ*, (*city*), и сдѣлался притономъ только московской торговли. Тутъ сосредоточилась таможни, гостинный, мытный, рыбный, соляной дворъ. Бояре отсюда выселились. Купцы заняли ихъ мѣста, надѣвши пріютовъ для складки товаровъ и торговли, для житья себѣ и пріѣзжающимъ въ Москву торговцамъ; ихъ обвѣшала кругомъ мелкая промышленность, и тилъ старинны неизгладимо остался на *Городъ*. Я не пишу московской исто-

рив, и не стану вамъ сказывать, какъ потомъ вокругъ Бѣлаго-городана съпали Земляную стѣну, въ обширный овалъ которой вошли Кремль, Китай, Бѣлый городъ, и Замоскворѣе, своевольно набросанное вѣками и поколѣніями, на скорую руку, отъ чего и называли его *Скородомомъ*; и какъ потомъ камеръ-коллегія огородила еще болѣе обширнѣе землянымъ валомъ всѣ слободы, облѣпившія со всѣхъ сторонъ Земляной-городъ, оставя память свою въ *камеръ-коллегескомъ валь*. Все это измѣнялось, перемѣнялось—землянаго вала и бѣлогородской стѣны давно уже нѣтъ, и только названья московскихъ урочищъ сохраняютъ имена воротъ, коими вѣзжали въ нихъ. Москва перешекывалась нѣсколько разъ. На мѣсто хижинокъ воздвиглись палаты. Нашлось мѣсто Нѣмцамъ въ Нѣмецкой слободѣ, Французамъ на Кузнецкомъ мосту, Татарамъ за Москвой-рѣкой, а *Городъ* московскій сохранилъ свой древній типъ: это Русь старинная, богатая, хлѣбосольная, Русь въ тулупѣ и кафтанѣ. Тутъ видѣнъ и дивный храмъ Василія Блаженнаго, который почтете самородною грудою исполнискихъ сталактитовъ—такъ своеюравно водство этого чуднаго зданія. Тутъ еще остается нѣсколько монастырей и десятка два церквей, на пространствѣ шестидесяти десятинъ, гдѣ умѣли, несмотря на то, помѣститься три большія улицы, нѣсколько площадей, лабиринтъ торговыхъ лавокъ, или рядовъ, гостиный дворъ, толкучій рынокъ, и множество купеческихъ домовъ, что все раздѣляется мелкими, кривыми переулками. Тутъ биржа, тутъ торговля, тутъ губерскія присутственныя мѣста—тутъ половина жителей Москвы ежедневно сходится, торгуетъ, торгуется, покупаетъ, продаетъ, ѣсть, пьетъ, потому что тутъ всюду русскія гостиницы, русскіе трактиры, свѣстные лавочки, погреба, погребки, харчевни. Вотъ отъ этого-то средоточія Москвы, подъ гору къ Москвѣ рѣкѣ, отдѣляясь отъ рядовъ улицей Варваркой, а отъ набережной старинною узлѣвшею стѣною Елены Глинской, протягивается низменное Зарядье, то есть: *мѣсто за рядами*. Что это такое? Собственно Зарядье груда домовъ и подворьявъ, гдѣ укрывается мелочная промышленность московская, и гдѣ, на подворьяхъ, живутъ пріѣзжающіе въ

Москву купцы и торговцы. Знаете ли вы, что такое *подворье*? Домъ, гдѣ останавливаются купцы, но онъ не походитъ на извѣстные вамъ гостиницы. Опишу вамъ то подворье, куда я велѣлъ себя везти, гдѣ надѣялся найти Михея Саввича Звѣробоева, любезнаго товарища моихъ прежнихъ походовъ.

Это былъ трехъ-этажный, но невысокій домъ, втиснутый между другими домами. Въѣздъ въ него составляли ворота съ проѣздомъ, въ девять часовъ вечера накрѣпко запиравшіяся огромнымъ замкомъ. Проѣхавши, или прошедши подъѣздъ, вы вступали въ тѣсный дворъ, заваленный ящиками, тюками, рогожами, заставленный телѣгами и повозками, безпрестанно приѣзжавшими и уѣзжавшими. Кругомъ всѣ четыре стороны двора были застроены жильемъ. Въ нижнемъ этажѣ были кладовыя, анбары, погреба; второй и третій этажъ занимали ряды комнатъ, гдѣ жили приѣзжіе купцы. Деревянные переходы, или галереи, были устроены кругомъ у обоихъ этажей. Комнаты расположены были въ два ряда, наподобіе монастырскихъ келій, раздѣляясь темнымъ корридоромъ, гдѣ днемъ горѣли фонари. Каждая комната составляла маленькую каморку, съ отдѣльною изъ каждой каморки дверью въ корридоръ. Такая комната составляла *номеръ*, и въ каждомъ номерѣ ночевало по полудюжинѣ купцовъ, такъ, что едва доставало въ каждой каморкѣ мѣста для кроватей, стола и коммоды, или шкафа, хотя несмотря на то находилось еще мѣсто для чемодановъ, поклажи, и груды товара у каждаго приѣзжаго. Всѣ приѣзжіе каждаго подворья составляютъ родъ какого-то братства, подчиняющійся общимъ уставамъ. На нашемъ подворьи всѣмъ служивала одна толстая кухарка, въ грязной кухнѣ своей готовившая кушанье, и ставившая самовары для купцовъ. Помощниками ея было нѣсколько дворниковъ, замѣнявшихъ сторожей, лакезевъ и прислужниковъ. Раннимъ утромъ подымалось все народонаселеніе подворья, и въ каждой комнатѣ кипѣли самовары и происходило питье чаю. Ворота отворялись; начинались приѣзды, выѣзды, приходы купцовъ, мастеровыхъ, извозчиковъ, разнощиковъ, маклеровъ; накладывали, привозили, вывозили товаръ. Потомъ все ра-

сходилось по Москвѣ, или лучше сказать, по *Городу*, гдѣ ограничивались всѣ дѣла купцовъ. Нѣкоторые изъ прѣзжихъ возвращались на подворье часовъ въ двѣнадцать, обѣдать, но бѣольшая часть до вечера бродили по рядамъ, кладовымъ, анбарамъ, присылая на подворье закупленный товаръ, который сдавался главному дворнику подворья. Съ сумерками все народонаселеніе подворья сходилось; движеніе во дворѣ прекращалось, ворота запирались, и во всѣхъ комнатахъ опять кипѣли самовары, шелкали щеты, производились расчеты. Возвращавшійся поздно былъ замѣчаемъ. Нарушившій порядокъ недолго остался бы на подворьѣ. Однимъ изъ главныхъ условій каждаго подворья было: недопущеніе въ нихъ жить *господамъ*, особливо съ *лакеями*. Потому и меня остановилъ дворникъ, когда я спросилъ: есть ли у нихъ квартиры?—«А вы что же? Купецъ?»—Нѣтъ, я чиновникъ.—«Ну, такъ для бояръ у насъ квартиръ нѣту: поѣзжай на Тверскую»—отвѣчалъ онъ, насмѣшливо осматривая меня съ ногъ до головы.—Но вѣдь здѣсь живетъ Михай Саввичъ Звѣробоевъ?—«Здѣсь-то онъ здѣсь»....—Такъ веди меня къ нему. Сомнительно покачивая головой, дворникъ повелъ меня по длинному, темному корридору.

— Ну, вотъ, батюшка Александръ Сергѣевичъ, насилу мы васъ дождались! закричалъ Михай Саввичъ. Добро пожаловать! Давно ли въ Москвѣ?

— Только сей часъ, и хотѣлъ вмѣстѣ съ вами остановиться, если не обезпокою, да, говорить, нельзя.

— Вотъ еще—обезпокойте, а чего нельзя—все можно!

— Вы знаете, Михай Саввичъ, что у насъ господа не останавливаются, заговорилъ дворникъ.

— Да, какой, братецъ, онъ баринъ? Онъ нашъ братъ купецъ! Онъ остановится у меня.... Ну, ну, полно—онъ долго у васъ не проживетъ....

— Гдѣ же мнѣ у васъ остановиться? сказалъ я, осматриваясь въ тѣсной, неопрятной комнатѣ, гдѣ кромѣ мѣста для трехъ кроватей, трехъ стульевъ и стола, все завалено было вѣштемъ, ящичками, свертками. Двое молодыхъ спутниковъ казались неспремѣнными жильцами комнаты, вмѣстѣ съ Михаемъ Саввичемъ. Я и не ошибся: они жили трое

въ одной комнатѣ, гдѣ едва могло помѣститься полтора чело-
вѣка.

— Э, батюшка, Александръ Сергѣичъ, да вѣдь здѣсь Москва, бьетъ съ носка—широко-то жить нельзя! Народецъ такой!.... Толковать нечего, братецъ, сказалъ онъ дворнику:—Александръ Сергѣичъ остановится здѣсь. Тащите его поклажу!

— Какъ угодно.... а ужъ я....

— Ну, ужъ я беру на свой отчетъ—поговорю съ хозяиномъ.

Ворча пошелъ дворникъ. Чемоданъ мой притащили, и я сдѣлался жильцомъ подворья. Огромный самоваръ кипѣлъ на столѣ. — Чаю, чаю прѣвзjemu гостю, и мы съ нимъ, хоть ужъ осушили по полудюжинѣ чашечекъ! Не хотители съ капельками? продолжалъ онъ, ставя на столъ бутылку рому. Товарищей моихъ вы знаете—Яковъ Григорьевичъ Пудовковъ, Ефимъ Цетровичъ Кошельковъ. —Принявшись за чай, я не могъ не пзъявить удивленія, какъ могли они помѣщаться въ Заряди, въ такой тѣсной, неопрятной комнатѣ. Я думалъ, что вы разгульно живете въ Москвѣ, прибавилъ я.

Михей Саввичъ и товарищи его переглянулись другъ съ другомъ и усмѣхнулись. «Да, мы такъ живемъ не монахами, а ужъ такъ заведено, что *нашему брату купцу* жить на подворья. Поди-ка остановись въ другомъ мѣстѣ, такъ дасть себя знать мой почтеннѣйшій папахинъ! Да меня и со свѣта сживутъ!»

Я понялъ, что здѣсь продолжается та же исторія, что и у насъ въ провинціи: смиренничать въ глазахъ и шалить такъ, чтобы другіе не впали, по-крайней-мѣрѣ, чтобы ничего не могли сказать отцу.

Желая показать мнѣ свое знакомство съ Москвою, Михей Саввичъ и его товарищи разговорились о Москвѣ, и говорили объ ней, какъ о своемъ городѣ. Впрочемъ, ихъ познаніе Москвы было весьма односторонно: они изчисляли гулянья, трактиры, бульвары Москвы, и особливо всякую всячину, московскую, стараясь показаться въ ней знатоками. Я пожелалъ знать о достопамяностяхъ, рѣдкостяхъ московскихъ. Это было *не по ихъ части*.—«А вотъ

завтра мы все увидимъ, сказалъ Михай Саввичъ, поведемъ васъ въ Кремль, а тамъ и другія рѣдкости покажемъ — Сухареву башню—пойдемъ въ театр—пойдемъ въ Марьину Рошу. Вѣдь ужъ мы, батюшка, старожилы московскіе!»

Лежа на грязной кровати, когда мои товарищи уже громко храпѣли, я размышлялъ о моемъ положеніи. Вотъ куда забросила меня судьба! Я въ Москвѣ, въ Зарядьѣ, въ обществѣ Михея Саввича. Зачѣмъ я здѣсь? Что ждетъ меня въ будущемъ? Вы спросите, за чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, выбралъ я Зарядьѣ и общество Михея Саввича?—А куда же мнѣ было приклонить голову въ Москвѣ, гдѣ не зналъ я ничего и ни одного человѣка?

На другой день мы начали знакомство съ Москвой, какъ начинаютъ его всѣ пріѣзжіе провинціалы: отправились въ Кремль къ обѣднѣ, всходили на Ивана Великаго, посмотрѣли на царь-пушку, лазли въ яму подъ большой колоколь и осмотрѣли царскій дворецъ. Потомъ товарищи повели меня въ кофейню. Такъ называлось мѣсто, гдѣ по воскресеньямъ собирались купцы пить чай и кофе, и курить табакъ изъ трубокъ съ длинными чубуками. Обѣдать повели меня въ тронцкій трактиръ, гдѣ порціями на двухъ наѣлись мы четверо. Послѣ обѣда, какъ диковнику, показали мнѣ тверской бульваръ, а вечеромъ мы были въ театрѣ, гдѣ безъ памяти хохотали на Филатку, и восхищались завываніемъ какого-то актера въ Дидонѣ Клякшина.

— Ну, что, батюшка, Александръ Сергѣичъ, какъ вамъ показалась Москва? — спрашивали меня товарищи, когда вечеромъ, на квартирѣ нашей, засѣли мы за чай, чѣмъ начинался и оканчивался день всѣхъ жителей нашего подворья.

— Какими домики на Тверской?

— Каковы Тронцкой?

— А бульваръ? Что за красавицы! Что за роскошь, торгъ зебери! Кареты—а..... что? Кути, малина!

— А театр? Этотъ Лисицынъ—ахъ! проклятый, умолялъ!

— Ну, а кофейня? А царь-пушка?

— А народу сколько!

— Нѣтъ! Вотъ позвольте-ка, какъ мы съ вами на гулянье махнемъ..... Поѣдемъ въ Марьину Рошу... Что за Цыганки!

— То есть, надобно отдать справедливость, насчетъ, въ-разсужденіи Москвы, важно заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ—я вамъ доложу, то есть, касательно житья, и всего этакъ—доказательно, кто не видалъ Москвы, тотъ не можетъ имѣть понятія, насчетъ въ-разсужденіи обходительности и прочаго.

— Да-съ, Ефимъ Петровичъ, да только ужъ и держи ухо остро: что называется, «*Ома въ Мѡску пришель, скоро тѣтку нашель!*» Такъ тебя обдѣлаютъ!.... Московская *ботва* въ красныхъ сапогахъ ходитъ, на брюхѣ шolkъ, а въ брюхѣ шolkъ.....

— На то столица! Здѣсь на обухѣ рожь молотятъ, а зерна не уронятъ! Да, вѣдь кто имъ дастъ себя провести? Знаемъ мы Москву, и вамъ покажемъ, Александръ Сергѣичъ, да еще какъ, знаете—*гульнемъ!*...

Глупый смѣхъ заключилъ слова Михея Саввича. Онъ погладилъ свою стриженую бородку, зашѣлъ: «Лучше, лучше притворяться, по-немножку всѣхъ любить», и началъ набивать трубку табакомъ.

Недолго прожилъ я съ Михеемъ Саввичемъ, и принужденъ былъ искать себѣ другой квартиры. Причинъ на то было много. Во-первыхъ, несмотря на покровительство Михея Саввича, непріязнь ко мнѣ, какъ чуждому члену народонаселенія нашего подворья, не уменьшалась, сколько ни старался я приноравливаться къ нравамъ и обычаямъ тутошнимъ. Все выходило не впопадъ! Я далъ на водку дворнику. Онъ взялъ, но потомъ подслушалъ я разговоръ его съ другими. «Съ чего даетъ?» говорилъ онъ—двугривенникъ вывалилъ! Видно деньги дешево достались, и ужъ видно *ботва* какая-нибудь—ѣжится у Звѣробоева! Коли бы настоящій баринъ, не сталъ бы на подворьи!»—Я попросилъ сливокъ къ чаю, и увидѣлъ изумленіе на лицѣ кухарки: «Да, вѣдь сегодня пятница!» сказала она въ изумленіи, и слухъ, что я попросилъ сливокъ въ пятницу, разлетѣлся по всему подворью. На меня смотрѣли, какъ на

басурмана. Я самъ слышалъ, какъ сосѣдъ нашъ говорилъ: «Ну ужъ, въ будущій разъ здѣсь не остановлюсь—стали господъ пускать! Нашему брату здѣсь не мѣсто.»

Но гораздо хуже было мнѣ житье съ моими товарищами. Если бы они меня не трогали, мнѣ было бы лучше, но имъ хотѣлось блеснуть передо мною образованіемъ, и глупые рассказы ихъ о Москвѣ, о бульварахъ, о трактирахъ, о всякой всячинѣ, надоѣдали мнѣ нестерпимо. Гораздо хуже было то, что я принужденъ былъ нѣсколько разъ раадѣлять ихъ забавы, или, какъ они называли, *гулять*. Одинъ разъ затащили меня въ погребокъ, куда вошли мы задними дверями въ отдаленную комнату, и по громкому клику: «Шампанен!» явились три бутылки полушампанскаго. Товарищи мои осушили ихъ, принудили меня пить, и я едва ушелъ тихонько, когда они потребовали еще двѣ пары. «Ну, батюшка, Александръ Сергѣичъ! сегодня мы съ вами качнемъ, чортъ возьми!» сказалъ мнѣ однажды Михай Саввичъ. Я не могъ отговориться. Михай Саввичъ нарядился въ праздничный сюртукъ, и мы отправились пѣшкомъ. Но едва перешли мы за Ильинскія ворота, границу города, Михай Саввичъ оглянулся кругомъ, свиснулъ лихачу-извозчику, не торгуясь съѣлъ со мною на его рессорныя дрожки, и мы покатали по Москвѣ, выѣхали за Троицкую Заставу, повернули влѣво, и пріѣхали въ Марьину Рошу, мѣсто раздолья купеческихъ сынковъ. Марьяна Роша рѣдкій, вырубленный березовый лѣсъ, гдѣ встарину было нѣмецкое кладбище, и гдѣ въ Семикъ бываетъ гулянье Москвичей. Но тутъ находится трактиръ, и все лѣто пляшутъ Цыганки, и гуляютъ лихіе батюшкины дѣтки. «Шампанен!» заревѣлъ Михай Саввичъ. «Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, Михай Саввичъ!» отвѣчалъ униженно трактирщикъ. Михея Саввича знали въ трактирѣ. Полушампанское подано; Цыганки окружили насъ; явились знакомые подозрительнаго виду—вотребовали пуншу, закуску—загрѣбли визгливыя пѣсни, и—*началась пирушка!* Безъ отвращенія не могъ я смотреть на пьяную, развратную бесѣду, и тѣмъ хуже, что вечеръ наступалъ, а пирушкѣ конца не было видно. Еще хуже: надобно было кончить ее *по-молодецки*. Михай Сав-

внчъ поспорился съ какинъ-то подъячникомъ, далъ ему пощечину, началъ бить посуду въ буфетъ—явился спокойствитель райитель, и среди шума и ругательства я рѣшился бѣжать, куда глаза глядятъ. Торопливо добѣжалъ я до рва и вала, окружающихъ съ одной стороны Марьяну Рошчу, перескочилъ за валъ, и воображеніе мое удивленіе, когда очутился—на кладбищѣ. Да, обитель мертвыхъ граничить съ мѣстомъ нашей шумной оргіи. Никогда прежде не поражала меня такъ сильно противоположность жизни съ смертью, никогда прежде не чувствовала я, какъ унижаетъ человѣка развратъ! Долго, въ безмолвіи, сидѣлъ я на какомъ-то надгробномъ камнѣ. Взоръ мой обратился на надпись его, и грустно стало мнѣ, когда прочиталъ я на немъ, что товарищи положили его въ память юнаго своего друга. Надпись заключалась стихами:

Любовь и дружество сей памятникъ создали
 Надъ прахомъ юнаго любимца своего;
 Онъ ему и здѣсь всѣ блага обѣщали —
 Богъ болѣе хотѣлъ: Богъ взялъ къ себѣ его.

Задумчивый побрелъ я съ кладбища, и мнѣ казалось, что я вошелъ въ пещеру дикихъ звѣрей, когда очутился въ зачаканной квартирѣ Михея Саввича.

Васъ удивитъ противоположность житія Михея Саввича въ Зарядьи и гульба его въ Марьиной Рошчѣ, но я уже старался пояснить вамъ характеръ разгуля кузнецскихъ дѣтокъ, въ родѣ Михея Саввича—развратъ тайный, скрытный, темный, грубый, прикрытый лицемѣрными формами наружной скупости, неопрятности, и невѣжества. Ихъ только надобно было ему поддержать, да онъ даже и не думалъ отвергать ихъ—самъ испугался бы онъ, если бы задумалъ нанять порядочную квартиру. Я узналъ отъ его товарищей, что онъ считался ловкимъ и дѣловымъ кушникомъ, и въ самомъ дѣлѣ, онъ изумлялъ меня умѣнемъ торговаться, выторговать, сбить негодное, и не дать *надуть* себя какому-нибудь хитрецу. «Мы, батюшка—таво-съ, купцы-съ, не дворяне, не бѣлоручки»—было у него безпрестанно въ устахъ. И между-тѣмъ изъ новаго образованія онъ успѣлъ уже извлечь и усвоить себѣ зло, не думалъ о добрѣ, и ли-

щенный образованности и воспитанія сохранилъ изъ старины рабскій страхъ къ отцу. Только не узнали бы другіе, не узналъ бы отецъ — и потому-то, развратившая тайно, онъ усиливалъ свою лицемѣрную, наружную привязанность къ старинѣ! Но какъ однако жъ могли укрываться его проказы, подобныя разгулю въ Марьиной Рощѣ? — Какъ? Очень просто! Черезъ часъ по приходѣ моемъ на подворье, явились и Михай Саввичъ съ товарищами. Тихо, осторожно легли они, посмѣявшись между собою. Я притворился спящимъ, и на другой день, за чаемъ, принужденъ былъ выслушать откровенный разсказъ, какъ все было слажено, какъ *за бѣлую бумагу, спокойствія рачитель* примирилъ ихъ съ битымъ подьячникомъ, а заплативши трактирщику за битые посуды, уладили все дѣло за дюжиной шампанскаго. «Ну, да братъ, и здоровъ ты вышиты!» говорилъ, смѣясь, Кошельковъ, а я такъ едва на ногахъ держался, и теперь смерть голова болять!» — Ну, такъ съ казельками! — проговорилъ, улыбаясь самодовольно, Михай Саввичъ, вливая въ чашку ромъ. — «А вы, Александръ Сергѣичъ, струсили, а еще дворяне-сы!» — Я улыбался по-невогѣ. — «А что? спросилъ Пудовниковъ, сотень пять *пробрилъ?*» — Э, нѣтъ, куда тебѣ — всего триста, да еще Стѣшка, разбойница, вытаскала *лобанчикъ!* (Такъ называли у насъ на подворьи полу-луидоры французскіе.) — Тутъ пришелъ дворникъ со счетомъ за недѣлю, и Михай Саввичъ началъ торговаться съ нимъ, и отжилилъ у него осемьдесятъ семь копѣекъ изъ двадцати рублей. «Ну, ужъ, батюшка Михай Саввичъ, съ удовольствіемъ говорилъ дворникъ: люблю васъ за обычай! ужъ любите поторговаться — не проживете отцовскаго — дай вамъ Богъ здоровья!» На другой день переселился я съ подворья, и также къ знакомому.

Размышляя о томъ, какъ мнѣ приступить къ исполненію моего намѣренія, прежде всего рѣшился я разнести мои письма. У меня ихъ было съ дюжину, и каждое просили меня отдать *лично во-търнѣе*. Съ однимъ изъ писемъ явился я къ Андрею Григорьичу Кадушкину. Мнѣ говорили, что Андрей Григорьичъ знаетъ Москву, какъ свои пять пальцевъ, и первое удовольствіе его услужить.

Въ самомъ дѣлѣ, Андрей Григорьевичъ былъ въ восторгѣ увидѣвши меня, и слыша, что у меня есть дѣло. «Батюшка! прошу полюбить, а мы рады постараться!» воскликнулъ онъ.

Странный былъ человекъ Андрей Григорьевичъ. Онъ зналъ, въ самомъ дѣлѣ, всю Москву, а всѣ другіе знали объ немъ одно, что онъ Андрей Григорьевичъ Кадушкинъ, и живетъ на Собачьей Площади, въ собственномъ домѣ. Домъ у него былъ деревянный, съ неизбежнымъ мезониномъ, съ необходимымъ крыльцомъ на улицу, желтою залою на углу, гостиною, выкрашеною голубцомъ, съ залою, и спальною, окрашеною зеленымъ, съ гостиною, съ диваномъ и овальнымъ столомъ въ гостиной, и большою кроватью въ спальней, хотя Андрей Григорьевичъ никогда женатъ не былъ, и наконецъ, съ необходимою принадлежностью—тремя лакеями въ передней. Жизнь Андрея Григорьевича была постоянная. Онъ вставалъ въ девять часовъ и занятъ былъ до двѣнадцати—брился, мылся, пилъ чай, выкуривалъ утреннюю трубку, и принималъ посѣтителей. Въ двѣнадцать часовъ онъ уѣзжалъ за хлопотами и посѣщалъ знакомыхъ — и того и другаго была у него гибель. Андрей Григорьевичъ какъ-то перепутывалъ хлопоты свои съ знакомыми и знакомыхъ съ хлопотами. Посѣщая княгиню Марью Дмитревну, онъ брался отыскать ей породистаго шпнца; Ивану Григорьевичу облизывался отыскать настоящаго дюбеку, а князь-Петру обѣщалъ поговорить съ княземъ-Федоромъ объ его дѣлѣ по сенату. И вотъ Андрей Григорьевичъ скакалъ по Москвѣ, искалъ шпнца и дюбека, забѣгалъ въ сенатъ, заѣзжалъ къ князь-Федору, ловилъ его въ Англійскомъ клубѣ, и опять съ успѣхомъ или неудачею долженъ былъ явиться къ Ивану Григорьевичу, къ княгинѣ Марьѣ Дмитревнѣ, къ князь-Петру. Обѣдывалъ онъ по два раза въ недѣлю въ Англійскомъ клубѣ. Въ остальные дни онъ не успѣвалъ переобѣдать у всѣхъ знакомыхъ ему именинниковъ, и перебивать на всѣхъ свадьбахъ, похоронахъ, родинахъ, крестинахъ, такъ, что за множествомъ хлопотъ, всегда и вездѣ опаздывалъ. Тму неудовольствію навязывалъ онъ себѣ своими послугами, никогда и нигдѣ не успѣвал, но съ од-

ной стороны такъ привыкли видѣть Андрея Григорьевча хлопочущимъ, что конечно изумились бы, вида, что онъ во что-нибудь не вмѣшался, а съ другой стороны, что же сталъ бы онъ дѣлать, если бы не хлопоталъ?

— Что, батюшка, погулять въ Москву? Мимоходомъ, али пожить, послужить? началъ Андрей Григорьевчъ, при первомъ свиданіи. — Если можемъ услужить — рады, мой почтеннѣйшій! Я для друзей въ огонь и въ воду. Вы приехали письмо отъ человѣка почтеннаго и мнѣ друга: мы, пять лѣтъ тому, вмѣстѣ ѣхали изъ Лебедяни въ Тамбовъ — любезнѣйшій человѣкъ!

Услышавъ, кто я, и что я пріѣхалъ опредѣлиться въ университетъ, Кадушкинъ значительно улыбнулся, какъ-будто давая знать, что онъ понимаетъ въ чемъ дѣло. — «Да, сударь, вы не плохой путь выбрали! Что жъ? Вѣдь если требуютъ аттестата, надобно имѣть аттестаты!» Не понимая словъ его, я сказалъ, что убѣдился въ необходимости образованія и просвѣщенія. Тутъ онъ выпучилъ глаза, какъ-будто показывая, что ничего не понимаетъ. — «А что жъ вы потомъ — намѣрены служить?» — Конечно, отвѣчалъ я. — «Такъ развѣ по ученой части?» — Нѣтъ, я не назначаю себя въ профессоры. — «Теперь понимаю, и вижу, что имѣю дѣло съ благоразумнымъ молодымъ человѣкомъ!» Право, я ничего не понималъ, что онъ понималъ и чего не понималъ въ моихъ словахъ.

— «Ну, всё-таки вамъ придется пожить въ Москвѣ. Гдѣ вы остановились?» Услышавъ о Зарядьи, Андрей Григорьевчъ совѣтовалъ мнѣ переѣхать. — «Знаете, не хорошо, не ловко!» — Не удобно — говорилъ я. — «Нѣтъ, не ловко, да и все же вамъ надобно по-близже къ университету. Иногда надобно принять и угостить. И, позвольте сказать, нашему брату, дворянину, съ этимъ народомъ сближаться нельзя. Не ловко, мой почтеннѣйшій! Я что придумалъ: есть у меня здѣсь почтеннѣйшій пріятель, помѣщикъ тамбовскій, живетъ на особенной квартирѣ. У него тяжба, а тяжба, знаете, походитъ на такое зданіе, гдѣ для въѣзда ворота широкія, а для выѣзда узкія и ему пожить здѣсь еще придется. Пересслитесь-ка вы къ нему! Человѣкъ почтенный, почетный, уважае-

мый! Ужь одно то рекомендація молодому человѣку, что онъ живетъ съ такимъ человѣкомъ.... Позвольте, я все улажу! Приходите ко мнѣ. Чтобы не забыть».... Кадушкинъ вынулъ изъ стола длинный лоскутокъ бумаги—«Вотъ это все дѣла сегодняшнія — ваше ровно сороковое! А еще къ князь-Петру надобно.... Челмыкъ, братецъ, одѣваться! Вы меня извините!»

— Рекомендую вамъ Пахома Гурьича Хохолкина, сказалъ мнѣ Кадушникъ, когда я пришелъ на другой день. Мнѣ началъ раскланиваться согбенный въ дугу человѣкъ, съ лицомъ, которое можно было вполнѣ назвать *кислымъ*. Оно состояло изъ множества морщинъ, и имѣло такое выраженіе, что посмотрѣвши на него становилось на душѣ, не то что горько, либо грустно, а кисло. Хохолкинъ сказалъ, что онъ радъ услужить Андрею Григорьевичу, радъ обществу любезнаго молодого человѣка, да и расходы вмѣстѣ легче будутъ. На другой день я переселился къ Хохолкину, и попалъ изъ огня въ поломя.

Моего новаго знакомаго можно бы назвать, не *Хохолкинымъ*, а *Охалкинымъ*. Дворянская квартира его была, помнится, въ Скатертномъ, или Салфеточномъ Переулкѣ, въ той части Москвы, которую можно назвать *дворянскою*, или помѣщичьею. Надобно вамъ знать, что кромѣ дѣленія на города, Москва размежевана еще на разныя, такъ сказать, колоніи, до такой степени различныя, и столь чуждыя одна другой, что напримѣръ, арбатскій колонистъ проживетъ вѣкъ въ Москвѣ, и ни разу не заглянетъ въ колонію таганскую, а прѣсенскій и рогожскій жители не ходятъ и не ѣздятъ на Плющиху и на Арбатъ. Что имъ тамъ дѣлать? Тамъ нѣтъ у нихъ ни дѣлъ, ни родныхъ, ни знакомыхъ—тамъ даже гулянье не ихъ, а чуждое, какъ чуждыя тамошнія нравы, обычаи и образъ жизни.

Нѣкоторые изъ правоописателей дѣлятъ вообще Москву на Москву по лѣвому берегу Москвы-рѣки и Замоскворѣчье. Дѣленіе слишкомъ общее и невѣрное. Въ новѣйшее время, правда, вообще къ Москвѣ все уравнивается, колоніи смѣшиваются, самые нравы взмѣняются, но и встарину мало было дѣлить Москву на двѣ части. Не входя въ мелкія исключенія, я раздѣлилъ бы

всю Москву на слѣдующія части: первое отдѣленіе, улицы аристократическія, Никитская, Тверская, Дмитровка, Петровка, Вздвигенка, Знаменка. Тутъ мѣсто московской аристократіи, огромные каменные дома, магазины, Кузнецкій Мостъ, лакеи у подъѣздовъ, кареты по улицамъ, ворота растворенныя, конторы дилижансовъ, гостиницы въ каменныхъ домахъ, театръ, модные портные — тутъ московскіе клубы, благородное собраніе — тутъ московскій бульваръ, нѣчто въ родѣ адмиралтейскаго, или Невскаго Проспекта петербургскаго, когда были еще на немъ чахотныя липки. Второе отдѣленіе улицы купеческія, Таганка, Рогожская, и все пространство до Якиманки. Тутъ часть Замоскворѣчья, Москвы по сю сторону рѣки и за Яузою. Тутъ также огромные каменные дома, но ихъ видъ, постройка, убранство — все отлично отъ аристократической части. Ворота на заборѣ и на замкѣ днемъ, собаки на веревкахъ и векшахъ ночью. Лакея не увидите, карета рѣдкость, магазиновъ ни одного. Сады у каждаго дому. Когда въ аристократической части ложатся спать, здѣсь встаютъ, когда тамъ завтракаютъ, здѣсь обѣдаютъ, и когда тамъ обѣдаютъ, здѣсь время около ужина. Тамъ дома ряломъ — здѣсь отдѣлены, и нерѣдко обнесены каменною оградой. Тамъ дома испещрены вывѣсками и набиты жильцами — здѣсь кромѣ хозяина и его приказчиковъ нѣтъ жильцовъ, а вывѣски только надъ аптеками. Угломъ съ сѣверо-запада примыкаетъ къ городу Китаю часть аристократическая, угломъ съ юго-востока подходитъ купеческая, обѣ расширяясь ипотенузами къ двумъ противоположнымъ краямъ Москвы. Въ двухъ промежуткахъ между этими двумя треугольниками расположены сѣмнанныя части Москвы, гдѣ перемѣшано большое съ малымъ, дома съ домиками, купецъ съ аристократомъ, но такъ однако жъ, что промежутокъ сѣверо-восточный болѣе отданъ купеческому отдѣленію, съ Покровкою, Басманною, Лубяною, Срѣтенкою, Солянкою, Мѣщанскими, а промежутокъ юго-западный болѣе аристократическому отдѣленію, съ Арбатомъ, Пречистенкою, Остоженкою, Якиманкою, Поварскою, Прѣсною. Одинъ упирается въ Нѣмецкую Слободу, Преображенское и Покровское — гнѣзда

промышленности фабричной, крупной и мелкой; другой въ Воробьевы Горы, сады и дачи, и я назвалъ бы одинъ промежутокъ мѣщанскимъ, другой дворянскимъ, если бы не было тутъ самой пестрой смѣси, при отсутствіи рѣзкаго дѣленія. Тверская и Рогожская, на примѣръ — это два различные города, но въ двухъ промежуточныхъ углахъ развѣ можно указать только на оазисы противоположностей среди пестроты. Такой оазисъ составляютъ переулки, между Малою Никитскою, Поворскою и Арбатомъ, притапанное жилище кумушекъ-чиновницъ отъ осьмаго до пятнадцатаго класса, и въ одномъ изъ такихъ переулковъ была дворянская квартира Пахома Гурьича, въ домѣ титулярной совѣтницы Щелкушкиной, аристократки своего переулка. Мужъ Щелкушкиной былъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, жилъ, клеилъ крючки лѣтъ сорокъ, и наклеилъ изъ нихъ себѣ домикъ в тысячь пять капиталъца. Домикъ былъ записанъ на жену, ради штрафнаго какого-нибудь случая, а капиталець, по мѣрѣ сборки, впрочемъ былъ почтенной супругѣ, родомъ дворянкѣ, за которою въ приданое взята была семья дворовыхъ людей, изъ двухъ съ половиною человѣкъ мужескаго пола. Настасья Оомишна осталась неутѣшною вдовою, съ двумя дочками и сыномъ. Она воспитала ихъ, поддержала домикъ и прибавила капиталець, такъ, что за каждую дочкою, которыхъ она называла обыкновенно *дѣвки-кобылы*, назначалось по три тысячч *чистаго* (также выраженіе Настасьи Оомишны), кромѣ поддержки житія въ истинно дворянскомъ тонѣ. Дочки ничего не дѣлали, сидѣли съ утра до вечера подъ окномъ, одѣтыя куколками, а сынокъ, котораго мать называла *московской дылды*, вѣроятно, по высокому росту его, былъ записанъ куда-то въ приказную службу. Домикъ былъ обшитъ тесомъ, выкрашенъ охрой, внутри обклеенъ обоями; стѣны были убраны картинами въ рамахъ; полы были когда-то выкрашены, а мебель была куплена изъ разныхъ мѣстъ, по разнымъ случаямъ, и потому составляла разнохарактерный дивертисманъ: Тотъ не удивился бы, что Настасья Оомишна могла поддержать себя, кто узналъ бы, какъ удивительно было мастерство ея извлекать пользу изъ всего. Деньги от-

давала она взаймы, по мелочи, подъ ручной закладъ, вычитая напередъ проценты христіанскіе, по полущкѣ на день. Изъ семьи «людей,» отецъ былъ поварь и приготовлялъ свадебные и похоронные столы для всѣхъ сосѣдей, за что приглашали Настасью Омишну на каждый приготовленный имъ столъ. Жена его была прачка, дочери вязали кружева и исправляли всю прислугу, а сынъ считался казачкомъ, и провожалъ въ церковь, въ гости, въ ряды и на бульваръ барыню и барышень. Изъ комнатъ своего домишка Наталья Омишна умѣла отдѣлать двѣ комнаты въ отдачу, и отдавала ихъ со столомъ и прислугою, по рекомендаціи знакомыхъ людей, пріѣзжимъ въ Москву, людямъ безсемейнымъ, которыхъ страшна дороговизна гостинницъ, и которымъ стыдно было останавливаться въ Зарядьи. Пахомъ Гурьичъ не могъ хвалиться своею квартирою, столомъ и прислугою. Все кругомъ стоило ему пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ—«страшная цѣна, зато хорошо и спокойно,» говорилъ Пахомъ Гурьичъ. Изъ «страшной цѣны» выгадывалъ онъ половину тѣмъ, что всегда жили у него пріѣзжіе знакомые, и когда я поселился съ нимъ, у него были уже два постояльца, дворяне, также пріѣхавшіе за тѣжбами. Какъ умѣли они помѣщаться, не понимаю, потому что у каждого было по одному служителю, и по кровати. Остальная мебель была общая, одинъ столъ, на которомъ пили чай, ѣдали, писали записки и объясненія, и играли въ карты. На немъ же происходили и угощенія нужныхъ людей.

Житье было довольно однообразное. Пахомъ Гурьичъ подымался рано утромъ, надѣвалъ плафрокъ, и начиналъ ходить по комнатѣ, нюхать табакъ и охать. Оханье его пробуждало двухъ собесѣдниковъ. Они вставали, и одинъ закуривалъ трубку, а другой начиналъ бриться. Подавали самоваръ, начиналась бесѣда, обыкновенно о дѣлѣ каждого, и о дороговизнѣ въ Москвѣ, къ чему Пахомъ Гурьичъ, вздыхая, прибавлялъ: «Охъ, батюшка, Москва бьетъ съ носка!» одинъ изъ товарищей дополнялъ: «Да-съ, обширная столица!» а другой, вытирая бритву, проговаривалъ: «Широкое поле, большое раздолье!» Послѣ чаю каждый спѣшилъ за дѣломъ, подавать записку, видѣться съ

секретаремъ, навѣдаться о томъ, что сдѣлано. Въ двѣнадцать часовъ всѣ сходились домой обѣдать. Каждый разсказывалъ съ кѣмъ видѣлся, и что сдѣлано по его дѣлу. Потомъ всѣ ложились спать, пробуждаемы были приходомъ нужныхъ людей, пили съ ними чай съ кизляркой, угощали ихъ сантуринскимъ, и остатокъ дня посвящался разговорамъ о ловкости дѣльцовъ и необходимости угощать ихъ. Слѣдовалъ ужинъ, и въ десять часовъ всѣ успокоивались, кромѣ тѣхъ кому надобно было писать бумажку, или письмо домой. Такому избранному уступалась сальная свѣчка, ежедневно покупаемая изъ лавочки. Взаимныя услуги связывали постояльцовъ Настасьи Оомнишны: у одного недоставало сургучу запечатать письмо, у другаго не было бумаги писать письмо, третьяго посѣщеніе питейнаго дома слугою лишало барина прислуги, и товарищи дополняли недостатки, за что одолжаемый разсыпался въ благодарности.

Сначала мнѣ странно показалось, что сошлись три человека, пріѣхавшіе въ Москву за тяжбами, но впоследствии узналъ я, что въ Москвѣ всегда десятки и сотни Пахомовъ Гурьичей, привлеченныхъ тяжбами со всѣхъ концовъ Россіи. Это особенная секта, у которой свои нравы, обычай и повѣрья.

Помѣстивши меня приличнымъ образомъ, Кадушкинъ ревностно приступилъ къ моему дѣлу, и черезъ два дня велѣлъ мнѣ приходиться для свиданія съ человекомъ, который *обдѣляетъ мое дѣло и не дорого возьметъ*. Опять ничего я не понималъ. Ничего не понималъ я и изъ разговора съ обѣщаннымъ мнѣ обдѣльвателемъ моего дѣла. Это была какая-то толстая, вертлявая фигура, которая попросила меня сказать: много ли могу я *пожертвовать*? «Сколько необходимо, отвѣчалъ я, «радъ жертвовать.»— Ну, такъ мы скоро обдѣлаемъ васъ! Всѣ-таки, для виду, вы посѣтите ученую братію—это необходимо! Вы только скажите, что вы съ вашимъ покорнѣйшимъ слугою, Яковомъ Яковлевичемъ, уже переговорили, и никто не поспоритъ съ вами! Да, позвольте, вотъ я вамъ напишу реестрикъ, кого именно посѣтить должно. Вы ужъ не възыщите, если они..... того..... знаете..... Народъ ученый большіе

чужаки! — «Молодец! воскликнулъ Кадушкинъ, потирая руки — какъ я и пріятель мой будемъ вамъ благодарны, Яковъ Яковичъ.... Господинъ Опенковъ, конечно, *неблагодарнымъ* не останется,» прибавилъ Кадушкинъ. Миѣ страшно показалось, что при этихъ словахъ дѣлалъ онъ миѣ какіе-то знаки глазами, головою, руками. Яковъ Яковичъ заговорилъ: «Помилуйте! Ничего не надобно—помилуйте!»—Онъ вскорѣ ушелъ.—«Что жъ это вы, мой почтеннѣйшій, какъ-будто не знаете?» сказалъ миѣ Кадушкинъ, оставшись одинъ со мною—вѣдь я же давалъ вамъ знать?»—Я и замѣтилъ ваши знаки, да не понималъ, что такое они значатъ — отвѣчалъ я.—«Да, вѣдь я вамъ говорилъ о *благодарности!*»—Я и чувствую глубокую благодарность, и сохраню ее....—«Благодарность, сударь, не *хранятъ*, а *отдаютъ*. Яковъ Яковичъ, конечно, человекъ почтенный, но у него семейство, жена, дѣти—нельзя же ему.....» — Миѣ, кажется, вы полагаете, что я долженъ былъ дать что-нибудь? — «Конечно, какъ же иначе благодарятъ секретарей, а вѣдь онъ секретарь, и у него все. Постарайтесь исправить ошибку вашу при первомъ случаѣ, а теперь ознакомьтесь съ тѣми, кого назначилъ вамъ Яковъ Яковичъ.»

— Странное дѣло—и тутъ, при входѣ во святилище музъ и знаній, на стражѣ секретарь, и у него жена и дѣти, и его надобно благодарить—думалъ я.

На другой день отправился я посѣщать ученыхъ чужаковъ, какъ называлъ ихъ Яковъ Яковичъ. Одного изъ нихъ засталъ я въ небольшой комнатѣ. Онъ держалъ въ рукахъ большую бутылъ, въ которую были наложены и чѣмъ-то налиты ягоды. Нашъ разговоръ былъ короткій. «Что вамъ угодно, милостивый государь?» спросилъ меня хозяинъ, болтая бутылъ.

— Я пришелъ къ вамъ порекомендовать себя.

— А чѣмъ могу я вамъ служить?

— Я хочу учиться у васъ.

— Ну, учитесь.

— Миѣ лестно было бы вниманіе ваше.....

— А что вамъ мое вниманіе? Станете учиться хорошо, я васъ похваляю, а станете лѣниться, такъ чорта ли могу

я сдѣлать? Чтò вы думаете: подпишу вамъ аттестатъ? Убирайтесь!

— Яковъ Яковичъ..... осмѣлся я промолвить.

Ученый чудакъ разсердился, и грозно болтая бутылъ передо мною, закричалъ мнѣ: «Скажите вы вашему мещенику, Якову Яковичу, что онъ разбойникъ! Да, такъ и скажите, а вамъ стыдно, молодой человекъ, искать кривыхъ путей ко святилицу наукъ—прощайте!

Съ досадою поставилъ онъ бутылъ на окно. Я не зналъ чтò отвѣчать и ушелъ съ поклономъ. Другой чудакъ, пощещенный мною, былъ совсѣмъ другаго роду—старикъ, сидѣвшій въ креслахъ, безпрестанно кряхтѣвшій, и несмотря на лѣтній жаръ въ теплыхъ сапогахъ.

— Хорошо, милостивый государь, сказалъ онъ, кряхтя, когда я сказалъ о желаніи учиться, то есть, какъ вы хотите учиться?

Онъ открылъ огромную табакерку, взялъ изъ нея щепотку табаку и нюхалъ съ разстановкой.

Я глядѣлъ на него въ изумленіи, и такъ смѣшался, что съ безмолвнымъ поклономъ поспѣшилъ выйти.

Мнѣ кажется, тутъ какое-то недоразумѣніе, думалъ я, идя дорогою, и не зная итти ли мнѣ къ другимъ чудакамъ. Я повернулъ домой.

Пахомъ Гурьичъ былъ дома, и встрѣтилъ меня глубокимъ охотомъ. Я спросилъ о причинѣ грусти.

— Плохо, батюшка, плохо: надобно поворотить съ нижнихъ вѣстанцій—охъ! Полгода жилъ въ Москвѣ, а вотъ подѣбли—поживите-ка здѣсь! Вѣдь у васъ, вѣроятно, тяжба?

— Нѣтъ, у меня никакой тяжбы нѣтъ.

Пахомъ Гурьичъ посмотрѣлъ на меня въ изумленіи. Онъ не могъ вообразить себѣ человека безъ тяжбы. Весь міръ казался ему какою-то безконечною тяжбою. Да онъ и правъ былъ: міръ вѣчная тяжба между небомъ и землею!

— Такъ, зачѣмъ же вы въ Москву пріѣхали? спросилъ меня Пахомъ Гурьичъ.

— Я пріѣхалъ учиться.

Новое изумление Пахома Гурьича. — Но, кажется, ска- залъ онъ, вы уже не въ тѣхъ лѣтахъ, и Андрей Григорьевичъ говорилъ мнѣ, что вы чиновникъ?

— Онъ вамъ говорилъ правду. Я служилъ и получилъ чинъ, но мнѣ захотѣлось поучиться въ здѣшнемъ универ- ситетѣ.

Лицо Пахома Гурьича выразило такую гримасу, гдѣ яс- но можно было прочесть сомнѣніе его въ цѣлости мое- го ума. Онъ разспрашивалъ меня о моей службѣ, и узнавъ, что я служилъ въ Палатѣ, сомнительно покачалъ го- ловой, и какъ-будто для повѣрки моего ума, вытащилъ изъ-за пазухи бумагу.

— Видите, сказалъ онъ, я приготовилъ теперь малень- кую записочку о моемъ дѣлѣ. Не взглянете ли вы?

Маленькая записочка была тетрадь изъ двѣнадцати ли- стовъ. Я взялъ ее, началъ читать, а между-тѣмъ Пахомъ Гурьичъ охалъ, ходя по комнатѣ, и отъ времени до време- ни спрашивалъ меня: «Что, батюшка?»

Записка была задача безграмотности, гдѣ едва можно было понять о чемъ идетъ рѣчь. Дѣло состояло въ пу- стомъ спорѣ за какую-то землю, но сущность дѣла была зерно, которое завалили горами прошеній, объясненій, слѣдствій, апелляцій, выписокъ, законовъ, подозрѣній, возраженій.

— Мнѣ кажется, сказалъ я Пахому Гурьичу—записку вашу надобно бы сократить и пояснить.

— Батюшка! да будьте ласковы—нельзя ли вамъ?

Мнѣ совѣстно было отказаться. Я принялся за работу, и къ вечеру записка была передѣлана. Я прочиталъ ее Па- хому Гурьичу. Слушая ее, и увидя два новые указа, при- бавленные мною, въ восторгѣ воскликнулъ онъ: «Да, че- му же вамъ еще учиться, батюшка, если вы такъ хорошо дѣла знаете? Вамъ поискать бы мѣстечка, да и на что вамъ мѣстечко? При покровительствѣ Андрея Григорье- вича найдется вамъ работа. Смотрите-ка, какъ поживаютъ здѣсь люди дѣловые. Гдѣ нашему брату, помѣщику, вы- пахать столько, сколько выпишетъ изъ насъ дѣлецъ! Вотъ мой повѣренный: у него однихъ конкурсовъ двадцать, въ палатѣ тяжобъ тринадцать, въ сенатѣ десять....

— Я хочу учиться, Наконъ Гурьячъ.

— Конечно, батюшка, да вѣдь учатся для того, чтобы въ службѣ дорогу открыть, а безъ того на что же наука?

Какъ мнѣ было растолковать ему, на что наука? Я замолчалъ и изумлялся, почему не понимаютъ желанія моего учиться. Что же такое наука, по ихъ мнѣнію?

Андрей Григорьевичъ встрѣтилъ меня вопросомъ:— Ну, что, почтеннѣйшій, сладилъ вы съ Яковомъ Яковлевичемъ?

— Нѣтъ, я его не видалъ.

— Да, что же вы дѣлали?

— Я видѣлся съ двумя учеными людьми, и признаюсь..... Я рассказалъ о моемъ свиданіи.

— Ну, такъ: я видѣлъ, что это штука Якова Яковича! Этакимъ ловкій! Теперь ужъ ясно!

— Не понимаю, какъ я могу съ нимъ сладить.

— Удивляюсь вашему недоразумѣнію. Будемъ откровенны: чѣмъ идти вамъ окольною дорогою, не лучше ли прямо?

— Я и кочу идти прямо. Удивляюсь только, что встрѣчаются препятствія тамъ, куда должна быть открыта дорога каждому.

— Да, зачѣмъ же вамъ пускаться въ дорогу дальнюю, когда можете достигнуть цѣли не сходя съ мѣста?... Вѣдь цѣль ваша ассессорскій аттестатъ?

— Цѣль моя — ученье.

— Охъ! Госводи! Разумѣется, ученье, да ученье-то вѣдь для того надобно, чтобы ассессоромъ быть? Безъ того, хоть вы семи пядей во лбу будьте, умрете титулярнымъ. Такъ, чѣмъ толковать о пустякахъ, не лучше ли сладить съ Яковомъ Яковичемъ? Повѣрьте, что это человекъ честный, беретъ не дорого.

— Нѣтъ! сказалъ я — нѣтъ, Андрей Григорьевичъ, цѣль моя не такая, и если бы дѣйствительно искалъ я ассессорскаго чина, то приобрѣлъ бы его трудомъ.

— А развѣ пожертвованіе деньгами не есть трудъ? Вотъ свелъ бы я васъ съ княземъ-Михайлой, нашимъ политическимъ экономомъ, такъ онъ и доказалъ бы вамъ, что трудъ бываетъ различный..... Видите, одинъ работаетъ

руками, другою головою, а третій деицами. Вы думаете, что богачъ, когда онъ съѣдаетъ устрицъ на сто рублей, ничего не дѣлаетъ? Нѣтъ! онъ трудится.....

— Желудкомъ? сказалъ я усмѣхаясь.

— Нѣтъ, вы не такъ поняли..... Конечно, и желудкомъ, но онъ трудится капиталомъ, который употребляетъ на устрицы! Помилуйте, тутъ дѣло очень простое! Всякій капиталъ пріобрѣтенъ трудомъ, и если кто употребляетъ капиталъ, тотъ, другими словами, употребляетъ трудъ. Трудъ пріобрѣтаетъ капиталъ, а капиталъ пріобрѣтаетъ трудъ, а трудъ..... Пойдите, я познакомлю васъ съ князь-Михайлой..... Человѣкъ, сударь, скажу вамъ! Сорока лѣтъ, а ужъ гдѣ не бывалъ, да и славно ѣсть — поѣдемъ-те къ нему обѣдать когда-нибудь — я вамъ *raisonné*..... Я васъ полюбилъ, право, полюбилъ!

— Покорно благодарю, и вѣрю усердію ваше къ моимъ пользамъ....

— Такъ, идите же, нечего мѣшкать, къ Якову Яковичу. Говорите съ нимъ откровенно: онъ человѣкъ умный..... Давайте тысячу и торгуйтесь.

— Нѣтъ, Андрей Григорьичъ, къ Якову Яковичу я не пойду. Мнѣ жаль, что я беспокоилъ васъ, и совѣстно перелъ людьми, которыхъ онъ называлъ учеными чудаками, совѣстно, что по словамъ моимъ они почли меня однимъ изъ тѣхъ, которые трудятся капиталомъ, а не умомъ. Если есть гдѣ злоупотребленіе, я не хочу раздѣлять выгоды его....

— Да, если злоупотребленія вамъ не истребить, для чего жъ не пользоваться имъ? Утопін, мечты, почтеннѣйшій! Вѣдь мы на землѣ живемъ и по землѣ ходимъ.....

Рѣчь его еще не была кончена, когда вошелъ Пахомъ Гурычъ. Съ жаромъ обратился къ нему Андрей Григорьичъ.

— Вотъ, разсудите насъ съ моимъ юнымъ пріателемъ, говорилъ онъ—если гдѣ можно дать, не лучше ли дать, да только сдѣлали бы, чѣмъ хлопотать Богъ вѣсть изъ чего?

— Разумѣется, лучше дать, отвѣчалъ Пахомъ Гурычъ,

да только та бѣда—даешь, да не дѣлаютъ! Такъ ужъ нынче.

— А если можно сдѣлать не давая, если должны сдѣлать.....

— *Можно!* Трудно этому повѣрить, а если должны, конечно — можно завести съ ними дѣльцо, да только нынче тяжбы-то..... О-хо-хо!

— У васъ всё тяжбы! возразилъ Андрей Григорычъ— не о тяжбѣ слово.....

— Да, о чемъ же еще можетъ быть слово, Андрей Григорычъ?

— О томъ, что молодой пріятель мой хочетъ учиться, когда безъ ученья можно добиться цѣли учености.... Вы чтó думаете объ этомъ, Пахомъ Гурычъ?

— Чтó я думаю? Да, по совѣсти сказать, я вѣрю старикамъ: съ-тѣхъ-поръ, какъ началось ученье, у насъ все пошло хуже и хуже. Истинно вамъ доложу: я вѣдь не изъ третьихъ устъ говорю. Батюшка покойный мнѣ говорилъ: «Съ-тѣхъ-поръ у насъ умъ за разумъ заходитъ, какъ мы учиться начали....» Да, и чтó вамъ, батюшка, учиться? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Господь благословилъ васъ дарованіемъ. Вотъ я бумажку вашу показывалъ Лукѣ Лукичу — дока, то есть, смѣю доложить—говорить: кто, братецъ, тебѣ это смастерилъ? Дѣльно, ясно, чисто—напрасно, примолвилъ только, много ятей и знаковъ препинанія поставлено—вѣдь дѣловая записка не книга. На чтó въ ней яти и знаки препинанія?

Чувствую справедливость общаго повѣрья, что къ старости человѣкъ становится говорливъ, если только заговорить съ нимъ о старинѣ. Я исписалъ уже огромную тетрадь, а только успѣлъ доѣхать до Москвы. Если мнѣ описывать подробно Москву, тогдашнее житье-бытье мое, и то, какъ прожилъ я въ Москвѣ три года, мое описаніе составитъ еще тетрадь, и мои записки будутъ толще записокъ Сентъ-Симона. Правда, я пишу для самого себя, а не для изданія въ свѣтъ, но вѣдь всё-таки кому-нибудь дашь прочитать. Ну, если тотъ, кому, я дамъ прочитать, скажетъ: «Помилуй, Александръ Сергѣевичъ! Двадцать то

новъ твоей жизни — вѣдь это много! Двадцать! Въ самомъ дѣлѣ, не мало. Сократимъ рассказъ.

Исторія моя съ университетомъ была весьма простая. И я, и добрый мой Ефимъ Ефимычъ, оба мы забыли о томъ, что прежнюю жизнью не былъ я приготовленъ къ ученью классическому, и что всему надлежало мнѣ учиться съ азбуки, что въ мои годы было нелегко. Я не могъ выдержать студенческаго экзамена, и записался вольнымъ слушателемъ, прилежно началъ ходить на лекціи, сидѣлъ на нихъ постоянно, писалъ, читалъ, но моимъ учевьемъ не кому было управлять; мнѣ все хотѣлось знать, и — какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ — узналъ я весьма немного.

Не вы были въ томъ виноваты, мои добрые наставники — говорю смѣло — не вы. Пользуясь правомъ давности времени, я могъ бы изобразить васъ въ уродливыхъ карриатурахъ: вы всѣ давно въ могилѣ, и никто изъ васъ не явится обличить меня. Тѣмъ легче было бы мнѣ рисовать карриатуры, что въ васъ была такъ порядочная доля забавнаго. Почти у каждаго изъ васъ была своя привычка какая-нибудь, были любимыя поговорки, свой образъ выразаться, всѣ вы были одѣты чудаками, всѣ вы казались выходцами изъ другаго міра. Но всѣ вы были люди истинно ученые, любили науку, не почитали мѣсть своихъ средствомъ для чиновъ и пенсій, не фанфаронили словами, передавали намъ только то, что вы сами хорошо поняли. Вы трудомъ готовились на лекціи ваши, съ лекцій вашихъ уходили въ свои кабинеты, а не за обѣды, не за вистъ, и важный участокъ вашего труда приготовилъ то блестящее движеніе умовъ, которымъ ознаменовались окончаніе царствованія Екатерины Второй и начало царствованія Александра.

Помню тебя, нашъ профессоръ физики, съ твоимъ благороднымъ, открытымъ лицомъ, съ прическою à la Бюффонъ, во французскомъ кафтанѣ, съ краснорѣчіемъ ума, съ обширными свѣдѣніями, приобрѣтенными во время твоихъ путешествій. Новыя начала Лавоазіе, новыя открытія, всюду кипѣвшія тогда въ области физическихъ знаній, одушевляли тебя, и ты становился поэтомъ, пред-

вѣщая услѣхъ будущихъ преемниковъ Лавозіе, Гальвани, Вольты, Дэви.—Помню и тебя, нашъ сухощавый чулакъ, ученикъ Гейне, помню, какъ забывалъ ты свои тѣлесныя страданія, воспламеняясь при изъясненіи краснорѣчія Цицеронова, силы Тацита, роскоши Тита-Ливія, и защищая своего любимца, Горація, отъ обвиненій въ лести, раболѣпій, безхарактерности. А тебя ли забуду, нашъ общій любимецъ, тебя ли, съ твоимъ короткимъ, толстымъ, круглымъ туловищемъ, съ обстриженными въ кружокъ, приглаженными на головѣ волосами, съ страннымъ выговоромъ твоимъ? Твоя исторія составила бы любопытную главу въ лѣтописи ума и сердца человѣческаго. Жизнь и люди не пощадилъ тебя. Но какъ свѣтамы были проблески поэзіи во всемъ, что ты писалъ, и еще болѣе, что ты говорилъ намъ, потому что ты не написалъ и половины того, что передавалъ намъ словесно! Съ сердцемъ человѣка соединялъ ты душу поэта и трудъ ученаго. Сколь многіе съ любовью повторили бы имя твое, если бы я сказалъ его.... Сколько разъ приводилъ ты насъ въ восторгъ, заставлялъ плакать — плакалъ самъ, говоря о высокомъ назначеніи поэта, о единствѣ добра и поэзіи, о силѣ для борьбы поэта съ жизнью!....

Когда мои ученые чудачи узнали, что я не думалъ искать покровительства Якова Яковлевича, всѣ они обласкали меня, полюбили, доставляли мнѣ средства учиться, сами учили меня.... Я плохо пользовался ихъ усердіемъ.

Сознаніе, что ученіе мое не представляетъ ни порядка, ни цѣли, производило во мнѣ недовольство самимъ собою, и иногда я запирался на недѣли, сидѣлъ не сходя съ мѣста, иногда бросалъ книги и тетради на цѣлый мѣсяць, ни за что не принимался, и нускался размысливать горе съ моими товарищами. Я прикнулъ къ партіи тѣхъ, которыхъ можно было назвать чѣмъ-то въ родѣ *буршей*. Пришѣтами нашими были фризевыя шивели, небритыя бороды и нечесаныя головы. Въ аудиторіяхъ мы садились на верхнихъ скамейкахъ, которыя всѣ были помечаны и изрѣзаны девизами и изображеніями особаго рода. Выгоды моего участія въ партіи буршей состояли въ томъ, что всѣ эти нечосы были въ числѣ лучшихъ учениковъ, хо-

рошо приготовлены, и учились для ученія, а не для виду, и я могъ воспользоваться ихъ свѣдѣніями. Тутъ были однако жъ свои неудобства. Бурши были странные люди. Каждый изъ нихъ обидѣлся бы, если бы я предложилъ ему грошъ за его трудъ, и каждый готовъ былъ подѣлиться съ товарищами послѣднимъ грошемъ. Зато и тотъ былъ бы обремененъ общимъ презрѣніемъ, кто отказался бы подѣлиться съ другими. Къ несчастію, дѣлиться имъ было не чѣмъ, потому что денегъ у нихъ ни у кого и никогда не было, и обязанность дѣлежа падала на меня, потому что у меня деньги всегда были. Другія неудобства состояли въ удалствѣ, къ чему никакъ не могъ я приучиться. Странное соединеніе: каждый изъ насъ со слезами читалъ Вертера и съ восторгомъ Разбойниковъ Шиллера, и дополнялъ чтеніе рукописями вакхическаго содержания. Всѣ мы толпами отправлялись на Лизинъ прудъ, прославленный въ то время сказочкой Карамзина, читали тамъ Бѣдную Лизу, плакали, вырѣзывали на березкахъ, окружавшихъ Лизинъ прудъ, стихи и вензеля, и — немилосердо пили пиво, которое приносили съ собою, а возвращаясь въ городъ, заходили на ближнее гулянье. Одинъ изъ моихъ товарищей сдѣлалъ однажды торжественную пирושку на деньги, вырученные имъ за проданный имъ латинскій лексиконъ, а ради чего? Потому что онъ вытвердилъ лексиконъ наизусть, и вчиталъ его послѣ того вещью не нужною.

Я не умѣлъ поладить съ противоположностями въ жизни моихъ товарищей. Дѣло кончилось удаленіемъ моихъ отъ нихъ и отъ ученья. Нѣсколько времени мыкалъ я въ Москвѣ кочующую жизнь мою.

Душою моею овладѣло еще тягостное чувство ничтожества моего бытія, физическаго и общественнаго. Годы уходили, а что я былъ? И гдѣ были у меня силы быть чемъ-нибудь? Нигдѣ такое чувство не душитъ такъ чело-вѣка, какъ въ большомъ городѣ. Все вокругъ вадъ гордо, великолѣпно, свѣтло, потому что мы смотримъ только на лицевую сторону, не заглядывая на подбой, или подкладку. Иногда я скрежеталъ зубами, смотря на великолѣпно освѣщенный домъ, видя десятки каретъ у его подъѣзда,

смотря на богато одѣтыхъ щеголей и щеголихъ, слыша звуки музыки.... И вотъ была причина, отъ которой перемѣнилось еще разъ направленіе моей жизни.

Отъ времени до времени встрѣчалъ я Андрея Григорьевича, потому что быть въ Москвѣ и не видать Андрея Григорьевича было дѣло не естественное. Онъ сердечно сокрушался, видя, что я не слѣдую благимъ совѣтамъ его, избираю кривую, дальнюю дорогу, вмѣсто прямой и близкой, и наконецъ однажды рѣшительно поймалъ меня, затащилъ къ себѣ и началъ говорить:

— Мой любезнѣйшій! Чтѣ вы дѣлаете? Когда вамъ, съ вашимъ умомъ, образованіемъ, любезностью, можно бы до-сихъ-поръ открыть себѣ каррьеру, быть украшеніемъ общества, быть въ блестящемъ кругу....

— Какимъ же образомъ могу я быть украшеніемъ общества и въ блестящемъ кругу—спросилъ я, выслушавши только послѣднюю половину его рѣчи, когда я никого въ Москвѣ не знаю?

Глаза Андрея Григорьевича засверкали отъ радости. Какъ Архимедъ, готовъ онъ былъ вскричать: «Нашелъ, нашелъ!»

Да, ему казалось, что онъ нашелъ средство сдѣлать изъ меня порядочнаго человѣка, и выигръ составился у него въ головѣ планъ.

Планъ былъ простой: увлечь меня въ общество, заставить почувствовать прелесть его, соединить успѣхи мои въ обществѣ съ каррьерою. Той ли дорогой, другой ли, не всё ли равно, только дойти до цѣли надобно.....

— Никого въ Москвѣ не знаете? А хотите ли, черезъ полгода вы узнаете пол-Москвы, и будете приняты во всѣхъ лучшихъ домахъ?

— Я не богатъ.

— И не нужно.

— Я не играю.

— Вы еще слишкомъ молоды для игры. Вы еще декрація бала, а не карточного стола.

— Но какимъ же образомъ? Тутъ надобны расхды.....

— На то только, чтобы прилично одѣться—поѣдемъ-те, сейчасъ!

Мы поѣхали къ модному портному, оттуда завернули въ разные магазины, и черезъ три дня съ восторгомъ повезъ меня Андрей Григорьичъ, разряженнаго по новѣйшей модѣ, къ княгинѣ Авдотѣ Ѳомишнѣ.

Онъ представилъ меня, какъ молодаго пріятеля своего, отличнаго молодаго человѣка, съ отличными дарованіями, который пріѣхалъ въ Москву учиться. Привѣтствіе мнѣ было двусмысленно, но княгиня Авдотья Ѳомишна вдругъ разсыпалась въ ласковостяхъ, и приглашала меня «считать домъ ея за свой», когда Андрей Григорьичъ что-то про-бормоталъ княгинѣ. Я могъ только разслушать: «Графъ.... дуэль..... наслѣдство»..... Отъ княгини отправились мы къ князю Петру, гдѣ также, послѣ таинственнаго бормотанья на-ухо, мнѣ протянулась толстая княжеская рука.....

— Что такое вы говорили обо мнѣ тихонько княгинѣ и князю? спросилъ я послѣ-того Андрея Григорьевича.

— Это мой секретъ; впрочемъ, нельзя вамъ не сказать, потому что дѣло идетъ объ васъ, и вы должны знать его, чтобы не спутаться въ разнорѣчіяхъ. Кто вы?

Онъ улыбнулся.

— Кажется, вы довольно знаете, кто я....

— Вы—побочный сынъ графа Опенскаго....

— Извините, Андрей Григорьичъ: я законный сынъ моего отца, русскаго чиновника.....

— Ну, да, по метрическому свидѣтельству, а вашъ отецъ польскій графъ, увезъ вашу мать, дрался за нее на дуэли, завѣщалъ вамъ богатства—въ Польшѣ идетъ тяжба, а васъ прислали въ Москву.... будто учиться....

— Кто жъ это говорить, и кто этому повѣрить?

— Завтра половина Москвы будетъ говорить, а другая вѣрить.....

— Но к чему....

— Ко всему. Выдумалъ я—грѣхъ мой, да для добраго дѣла и солгать можно. Съ вами дѣло кончено. Моя выдумка придастъ вамъ интересъ, уравниетъ ваше незнаніе приличій свѣта, а когда вы ихъ узнаете, и когда къ вамъ

привыкнуть— всё равно— графъ ли вы Опенскій, просто ли Опенка! Надобно, чтобы только привыкли къ чело-
ву.....

— Я не согласенъ.....

— Да, если вы будете спорить, такъ только услышите об-
щую увѣренность.

И съ именемъ Опенкова, съ тайнымъ титуломъ графа Опенскаго, Андрей Грыгорычъ пустилъ меня въ свѣтъ такъ ловко, что черезъ полгода я сдѣлался интереснымъ свѣтскимъ человѣкомъ.

Много цисывали объ особенностяхъ Московскаго обще-
ства. Теперь и въ Москвѣ все уравнивается, а тогда осо-
бенностей было, въ самомъ дѣлѣ, не мало. Москва была тогда пребываніемъ отставныхъ вельможъ вѣка Екатери-
цы, стариковъ, оригиналовъ, и это придавало всему основ-
ной, особенный типъ. Роскошь, хлѣбосольство, ориги-
нальность, стараніе отличиться, желаніе напомнить объ
себѣ чѣмъ-нибудь, имѣло слѣдствіемъ соединеніе роскоши
и странностей. Замѣчено притомъ, что какъ-будто по ка-
кому-то предчувствію, Москва въ концѣ прошлаго и на-
чалѣ нынѣшняго столѣтія особенно отгуливала на свой
пай, и гуляла отчаянно. Если рассказывать о тогдашнихъ
гуляньяхъ, маскерадахъ, конскихъ бѣгахъ, каруселяхъ,
концертахъ, домашнихъ театрахъ, открытыхъ столахъ,
сюрпризахъ, катаньяхъ, вы невольно повторите:

Слѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.....

Жадно бросился я въ вихорь свѣтской жизни, и въ са-
момъ дѣлѣ увидѣлъ, что денегъ мнѣ было не надобно.
Цѣлый круглый годъ могъ я ежедневно завтракать, обѣ-
дать и ужинать роскошно, танцовать до упаду, переходить съ концерта въ маскерадъ, съ спектакля на балъ,
а лѣто проживать въ подмосковной какого-нибудь богача,
и отъ меня требовали только одного — любезности. Ра-
зумѣется, иногда надобно было составить въ танцахъ па-
ру устарѣлой дѣвѣ; иногда молчать, когда хозяйнѣ ягаль
безъ милости; иногда подтакнуть, когда хозяйка запира-
лась въ ремязахъ; иногда похвалить гадкую моську, иногда
восхищаться, когда хозяйская дочка фальшивла во фран-

пузскомъ романсѣ, и многое *много*.... Но я не умѣлъ и не хотѣлъ извлекать всѣхъ выгодъ, какія доставляло мнѣ мое положеніе въ свѣтѣ.... Я могъ бы промотать имѣніе какой-нибудь вдовушки.... За одно движеніе при карточномъ столѣ получить участіе въ добычѣ.... Нѣтъ, нѣтъ! слава Богу! Я не хотѣлъ извлекать *всѣхъ* выгодъ изъ моего положенія въ свѣтѣ....

По странности моей природы и моего образованія до тѣхъ-поръ, и въ Москвѣ началъ меня мучить демонъ, какой мучилъ меня нѣкогда въ провинціи....

Не прошло года, какъ уже часто началъ я возвращаться съ баловъ съ неизъяснимою тоскою въ сердцѣ, съ презрѣніемъ къ самому себѣ, хотъ не понималъ самъ, чѣмъ я былъ недоволенъ, и чего хотѣлъ я?

Прежде задачу рѣшилъ мнѣ Филоновъ. Теперь для рѣшенія явилось существо другое, которое по-нынѣшнему назвали бы *Пери*, *Сильфидой*, а по тогдашнему называли такія существа *нимфами* и *боинями*.

Вскорѣ изъ всѣхъ домовъ, гдѣ я бывалъ, всего чаще началъ я бывать въ домѣ отставнаго камергера, Кирилла Агаѣоновича, одномъ изъ самыхъ роскошныхъ, разгульныхъ и хлѣбосольныхъ домовъ на Поварской. Что увлекало меня туда? Пирры Кирилла Агаѣоновича отличались блескомъ. Обѣды бывали у него, что называется—*съшь не хочу*. Игра была у него сильная. Но я не игралъ, а пирры и обѣды были уже мнѣ не вдиковинку. На одномъ балѣ увидѣлъ я прелестное созданіе—это была дочь Кирилла Агаѣоновича, только-что вступившая въ свѣтъ, и отъ пламенныхъ очей ея растаяло мое сердце. Тогда сердца *таили отъ любви*. Нынѣ они крѣпнутъ отъ нея, какъ отъ крѣпкаго спирту. Времена переходчивы, и время на время не походить. Здѣсь идетъ рядъ новыхъ лицъ, и рядъ моихъ новыхъ пожатій, отъ которыхъ съ университетской лавки попалъ я.... Но я расскажу порядкомъ, все, чего не ожидалъ Филоновъ, отпуская меня, и чего не ждалъ и я, въѣзжая въ Москву.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Почему Кирилла Агаѳоновича прозвали *удавомъ*? Тяжба и любовь. Романтическая дѣвушка. Тучи на небѣ любви. Слезка производить бурю. Нѣчто въ родѣ паутины, или мѣръ ябеды. Опенковъ душа Кирилла Агаѳоновича. Отъѣздъ въ деревню.

Невзирая на хлѣбосолюство и радушіе Кириллы Агаѳоновича, на его сытые и пьяные обѣды и на выгоды отъ игры съ нимъ въ карты, обыкновенные посѣтители его дома избѣгали его бесѣды, и когда не ѣли, не пили и не играли въ карты, то отъ перваго его слова разлетались во всѣ стороны, какъ птицы отъ выстрѣлу. Это первое слово было всегда: *мой процессъ*. Встрѣчному и поперечному рассказывалъ онъ всѣ малѣйшія подробности своего процесса, хотя несчастный слушатель сто разъ припоминалъ ему, что онъ уже все слышалъ. Кирилла Агаѳоновичъ всегда находилъ *новыя*, и по его мнѣнію, не только весьма *занимательныя*, но даже *забавныя* обстоятельства въ своей тяжбѣ, и уцѣпившись, въ полномъ значеніи слова, за свою жертву, мучилъ ее своими рассказами, какъ говорится, до перваго обмороку. Если ему удавалось заманить когонибудь въ свой кабинетъ, тогда уже начиналась сушая пытка. Кирилла Агаѳоновичъ каждый изъ своихъ аргументовъ подкрѣплялъ бумагами, и тогда надлежало иногда бороться съ нимъ, чтобы выйти изъ кабинета. Нѣсколькимъ чловѣкамъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось дурно отъ такой пытки, и старинные пріатели Кириллы Агаѳоновича говорили ему, безъ обиняковъ, что онъ, просто, несносенъ, повторяя непрерывно одно и то же, и что своими рассказами онъ разгонитъ всѣхъ своихъ друзей. Кирилла Агаѳоновичъ молчалъ, слушалъ, вздыхалъ, и чрезъ четверть часа принимался за свое. Молодежь прозвала его за то *удавомъ*. Опъ, точно, *душилъ* всѣхъ своими рассказами.

Я однако жъ выдерживалъ мужественно его пытку, и зато нашъ добрый *удавъ* обвинялся вокругъ меня и не выпускалъ отъ себя. Я сдѣлался для него столь же необходимымъ, какъ собственный его языкъ, потому что слу-

шалъ всѣ его рассказы спокойно, хладнокровно, не показывая ни малѣйшаго нетерпѣнія. Съ утра онъ посылалъ уже за мною свой экипажъ, удерживалъ къ обѣду и на вечеръ, и досадовалъ даже, когда я возвращался на ночь въ свою квартиру. Всѣ мученія претерпѣвалъ я для прекрасныхъ глазъ mademoiselle Mélanie, то есть, Маланьи Кирилловны, находя отраду и утѣшеніе въ ея бесѣдѣ. Дошло до того наконецъ, что самъ Кирилла Агаѣоновичъ, замѣтивъ, что я съ удовольствіемъ провожу время при фортепиано Маланьи Кирилловны, разумеется, тогда только, когда онъ сидѣлъ за картами, что каждую свободную (то есть, свободную отъ его рассказовъ) минуту мы проводимъ вмѣстѣ, и что mademoiselle Mélanie мнѣ вѣжно улыбается — самъ Кирилла Агаѣоновичъ, выѣзжая со двора чтобы удержать меня до своего возвращенія, а можетъ-быть и для вознагражденія меня за долготерпѣнье, говорилъ мнѣ: «Останься здѣсь, любезный Александръ Сергѣевичъ, и будь хозяиномъ въ домѣ!... Ты не соскучишься», прибавлялъ онъ трепая, меня по плечу и поглядывая лукаво: не соскучишься съ хорошенькою хозяйскою! Чай, вы не перечитали еще всѣхъ вашихъ романовъ и не переѣли всѣхъ вашихъ нѣжныхъ романсовъ!» — Я пользовался вполне свободой, данною мнѣ Кирилломъ Агаѣоновичемъ, не упускалъ ни одного удобнаго случая, который сблизжалъ меня съ mademoiselle Mélanie, и вскорѣ между нами водворилась тѣсная дружба, и нѣжная, впрочемъ самая безвинная фамилярность. Она называла меня наединѣ братцомъ, а я называлъ ее сестрицей. Она говорила мнѣ откровенно, что съ-тѣхъ-поръ только счастлива, какъ подружилась со мною, и что она мнѣ одному открыла душу свою. Въ самомъ дѣлѣ, она повѣряла мнѣ всѣ свои ощущенія, всѣ помысленія, разумеется, раздѣвшіяся отъ чтенія романовъ и видѣннаго въ обществѣ, а не отъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Я не смѣлъ еще произнести слово: люблю, хотя очень любилъ милую и добрую Маланью Кирилловну, и почти былъ увѣренъ, что получилъ бы въ отвѣтъ то же самое: люблю, по положеніе мое въ свѣтѣ, бѣдность и безродность, удерживали меня въ предѣлахъ благоразумія.

Нынѣшнее поколѣніе, даже люди лѣтъ за сорокъ, не въ состояніи себѣ представить, что такое было прошлое поколѣніе въ Россіи, то есть, дворяне, которымъ въ началѣ нынѣшняго девятнадцатаго вѣка было лѣтъ за сорокъ и за пятьдесятъ, и женщины, которымъ въ то время было отъ двадцати до сорока лѣтъ. То былъ совершенно другой народъ въ сравненіи съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, совершенно другая нація, не только жившая отдѣльнымъ образомъ жизни отъ нынѣшняго, но даже свой отдѣльный языкъ—смѣсь перековерканныхъ на русскій ладъ французскихъ словъ, въ смѣси съ русскими и чисто-французскими словами, свою философію, свое особенное просвѣщеніе, и особенныя понятія о дѣлахъ и людяхъ. Возьмемъ за образецъ Кирилла Агаѣоновича и его семейство.

Онъ принадлежалъ къ хорошей, старинной, боярской фамиліи, внесенной въ бархатную книгу, и по фамильнымъ союзамъ, и какъ говорится, *по Москвѣ*, былъ въ родствѣ со всѣми лучшими фамиліями, даже княжескими и графскими. Отецъ Кирилла Агаѣоновича былъ въ царствованіе Екатерины Второй правителемъ нѣкоторыхъ изъ новопріобрѣтенныхъ губерній, и получивъ отъ щедротъ ея въ подарокъ богатая вотчины, оставилъ сыну значительное состояніе, нѣсколько тысячъ душъ, капиталы, и домъ, полный серебра и всякихъ драгоценностей. Отецъ Кирилла Агаѣоновича принадлежалъ къ тому разряду людей, которые въ молодости промотались, а послѣ старости, покровительствомъ родныхъ, нашли средства поправить состояніе, и даже сдѣлаться богаче прежняго. Кирилла Агаѣоновичъ былъ, разумѣется, съ колыбели записанъ сержантомъ въ гвардію, считаясь въ отпуску до осемнадцатилѣтняго возраста, а потомъ произведенъ въ прапорщики. Но какъ военная служба показалась ему безпокойною, то онъ вышелъ въ отставку, и при покровительствѣ родни своей достигъ сперва до званія камеръ-юнкера, а потомъ камергера, и какъ званіе камергера давало тогда чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, то Кирилла Агаѣоновичъ, вовсе не служивъ, попалъ въ превосходительные. Воспитаніе Кирилла Агаѣоновича ввѣрено было тремъ Французамъ: аббату, бѣжавшему изъ Франціи, промотав-

пелуся до тла муркизу, и профессору, лишившесю мѣста. Всѣ три Француза прибыли въ Россію съ лучшими рекомендаціями отъ знатныхъ придворныхъ тогдашняго версальскаго двора, и отъ знаменитѣйшихъ философовъ своего вѣка, слѣдовательно, приняты были съ распростертыми объятіями въ нашихъ лучшихъ обществахъ. Отецъ Кириллы Агаѣоновича считалъ себя счастливейшимъ изъ отцовъ, что могъ съискать такихъ знаменитыхъ наставниковъ для своего сына, и не жалѣлъ денегъ, чтобы удержать ихъ у себя. Впрочемъ, три наставника не преподавали сами уроковъ, а только надзирали за воспитаніемъ и давали ему направленіе. Цѣлая толпа учителей состояла на жалованьи отца Кириллы Агаѣоновича, и ходила въ опредѣленное время толковать юношѣ то, что прикажутъ, и какъ прикажутъ надзиратели за воспитаніемъ, которые назывались только *друзьями дама*, *les amis de la maison*. Въ семнадцать лѣтъ Кирилла Агаѣоновичъ былъ совершенствомъ—образцовымъ молодымъ человекомъ, по тогдашнимъ понятіямъ: говорилъ превосходно по-французски, танцевалъ удивительно ловко, искусно дрался на шпагахъ, стрѣлялъ въ цѣль, прекрасно ѣздилъ верхомъ, управлялъ фаэтономъ, очень пріятно пѣлъ и аккомпанировалъ на фортепіано, мастерски развѣнигрывалъ комическія роли во французскихъ комедіяхъ и водевиляхъ, на домашнемъ театрѣ, и кромѣ-того зналъ наизусть эссенцію всѣхъ правилъ философіи осемнадцатаго вѣка, и даже цѣлыя страницы изъ сочиненій Вольтера, Дидро, Фонтенеля, Гельвеція, и всѣхъ вообще, такъ называемыхъ, энциклопедистовъ, въ стихахъ и прозѣ. Изъ необходимѣйшихъ наукъ, какъ-то: математики, физики, исторіи, географіи, онъ зналъ одни вершки, сколько нужно было для человѣка, который никогда не будетъ заниматься науками. Съ такимъ блистательнымъ воспитаніемъ не мудрено, что Кирилла Агаѣоновичъ, вступивъ въ свѣтъ, обратилъ на себя общее вниманіе, и слѣдался вскорѣ плодомъ гостившихъ. Путешествіе въ Парижъ, гдѣ онъ имѣлъ двѣ дуэли, и прожилъ въ полгода триста тысячъ рублей, довершило его репутацію, и отецъ его, умирая, утѣшался, что подарилъ Россіи и человѣчеству такое совершенство!

Пришло время жениться, не потому, чтобы Кирилла Агаоновичъ былъ влюбленъ, но потому, что пришла пора завестись домою, то есть, давать балы, вечера, обѣды. Дядюшки и тѣтушки похлопотали о невѣстѣ, рассчитавъ всѣ связи, всѣ отношенія и пользы отъ союза. Какъ столбовому дворянину, сыну вельможи и богатому человеку, Кириллъ Агаоновичу непремѣнно надлежало жениться на княжнѣ. Такъ и случилось. Выбрали самую снѣлую, хотя еще не перезрѣлую княжну, и женили на ней Кириллу Агаоновича. Домъ его сдѣлался мѣстомъ свиданія всей знати, и о балахъ его говоривали трое сутокъ въ городѣ. Почтенная его супруга умѣла, какъ говорится, *tenir un salon*, то есть, принимать гостей, и Кирилла Агаоновичъ былъ блаженъ. Но какъ обычай повелѣвалъ повести *молодую* (правильнѣе, недавно вышедшую замужъ) жену въ Парижъ и Италию, то Кирилла Агаоновичъ и исполнилъ этотъ законъ. Отцовскихъ капиталовъ уже не было. Заложили часть имѣнія въ банкъ и поѣхали; въ Парижѣ надѣлали долговъ, для уплаты которыхъ надлежало заложить еще часть имѣнія, и доходы посократились. Марѳа Петровна, супруга Кирилла Агаоновича, посоветовала ему занять какое-нибудь *серіозное* мѣсто, и онъ началъ хлопотать о мѣстечкѣ въ конюшенномъ штатѣ, но въ то время началось очищеніе придворной, военной и гражданской службы отъ приписныхъ чиновниковъ, исключеніе изъ службы всѣхъ не занимавшихъ дѣйствительныхъ мѣста. Кирилла Агаоновичъ попалъ въ этотъ разрядъ; какъ и родственники его и женщины лишились прежняго своего значенія и вліянія, то онъ переселился изъ Петербурга въ Москву. Тутъ надлежало на-ново обзавестись домою и хозяйствомъ, а потому опять заложили часть имѣнія въ Банкъ. Между-тѣмъ Марѳа Петровна очастливила Кириллу Агаоновича сыномъ Павломъ, или, какъ его звали, Подемъ, и дочерью Маланьей, или *Мелани*. Кирилла Агаоновичъ жилъ въ Москвѣ по-барски, собралъ свой домашній оркестръ, разсѣявшійся по лицу земли, и завелъ у себя домашній театръ и домашнюю театральную школу, въ которой нѣсколько московскихъ артистовъ обучали дѣтей дворовыхъ людей, мальчиковъ и дѣвочекъ,

декламаци и балетнымъ танцамъ. Кирилла Агаѣоновичъ былъ совершенно счастливъ среди своихъ занятій, и тогдашнїя преобразованїя въ Россїи вовсе для него были чужды. Два обстоятельства однако жъ нарушили его спокойствїе, а именно: высылка изъ Россїи Французовъ, при объявленїи войны французской республикѣ, и донесенїе главноуправляющаго его имѣнїемъ, что надобно продать одну или двѣ деревни для уплаты самымъ нетерпѣливымъ кредиторамъ и процентовъ въ Банкъ за нѣсколько лѣтъ срѣду. Безъ Французовъ и Француженокъ Кириллѣ Агаѣоновичу и Марѣ Петровнѣ было почти невозможно жить — а продажа части имѣнїя тѣмъ болѣе сокрушала Кирилла Агаѣоновича, что одна изъ тѣтушекъ, послѣ которой онъ надѣялся получить богатое наслѣдство, вышла замужъ, на пятьдесятъ-пятомъ году за двадцати-трехъ-лѣтняго Италїянца, и перевела на него заемными письмами почти все свое имѣнїе. Между-тѣмъ вступилъ на престолъ императоръ Александръ. — Кирилла Агаѣоновичъ немедленно отправился въ Петербургъ, въ той надеждѣ, что ему, какъ бывшему камергеру Двора Екатерины Великой, дадутъ мѣсто на выборъ, и даже въ чинахъ сравниють съ сверстниками. Кирилла Агаѣоновичъ сколько удивился, столько и огорчился, не найдя того приѣма въ Петербургѣ, какого онъ ожидалъ и надѣялся. Онъ замѣтилъ даже, что нѣкоторые изъ важныхъ лицъ подшучиваютъ надъ его притязанїями на важное мѣсто и повышенїе въ чинъ. Наконецъ, измученный визитами, аудїенціями и просьбами, Кирилла Агаѣоновичъ вознамѣрился рѣшительно объясниться съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ государю лицъ, добрымъ, благороднымъ и умнымъ графомъ С**. Выслушавъ его, графъ С** съ врожденною ему откровенностью, сказалъ ему: «Помилуй, любезный Кирилла Агаѣоновичъ, что ты это затѣялъ! Я знаю тебя съ дѣтскихъ моихъ лѣтъ!.... Человѣкъ ты, конечно, добрый и прїятный, но какъ тебѣ занимать *важное* мѣсто? Къ чему ты себя готовишь? А вѣдь теперь требуютъ на службѣ труда и познанїй, а не чина, и ты скомпрометируешь себя, занявъ мѣсто не по силамъ и не по способностямъ!.... — Но я поразорился нѣсколько, возразилъ Кирилла Агаѣоновичъ,

и мечу, подобно отцу моему, службою поправить мое состояние.—Графъ С** расхохотался. «Такъ ты хочешь перенестись на мѣстѣ?—сказалъ онъ.—А почему же жить? возразилъ пресажно Кирилла Агаоновичъ. Видѣ я перазорился для *общаго блага*, то есть, жилъ открыто для *солыхъ* и *про солыхъ*, такъ почему же и мнѣ не пожить на чужой счетъ?.... Развѣ встарину не давали мѣстѣ для разживы?—Полно, полно, Кирилла Агаоновичъ! отвѣчалъ графъ С** — хочешь жить на чужой счетъ, такъ у насъ довольно хлѣба-соли, а ужъ на счетъ разживы отъ мѣста—извини: теперь не тѣ времена. Чтобъ не быть смѣшнымъ, послушай моего совѣта: поселись въ деревнѣ, устрой свое жильце, займись воспитаніемъ дѣтей, а о *самолюбивомъ* мѣстѣ перестань думать. Государь видитъ людей способныхъ, трудолюбивыхъ и безкорыстныхъ, и хотъ всѣ имъ пресили бы его на полѣныхъ—важнаго мѣста онъ тебѣ не дастъ». Кирилла Агаоновичъ ужасно разгнѣвался, вышелъ, прикусивъ языкъ, и въ ту же ночь уехалъ въ Москву. Немедленно началъ онъ приготовляться къ переселенію въ деревню, не потому, что признавалъ справедливымъ совѣтъ графа С**, но dlatego только, чтобъ обратить на себя вниманіе, воображая, что вся Россія смотритъ на него. «Хорошо! говорилъ Кирилла Агаоновичъ, своимъ пороткамъ и приятелямъ, то есть, объѣдаламъ и шрекамъ: не хотѣли меня, когда я предлагалъ мое усердіе — такъ раскинутся, увидѣвъ, что я умѣю и что я значу!»—Кирилла Агаоновичъ сдѣлался, какъ говорится, «френдѣромъ» (friend), то есть, критическимъ зрителемъ всѣхъ дѣйствій и дѣлъ правительства, которыхъ онъ даже не понималъ, но которыхъ осуждалъ потому только, что онъ не могъ ничѣмъ отъ нихъ воздержаться. Для переселенія въ деревню и неваго устройсва дама и двора надобно было много денегъ. Кирилла Агаоновичъ снова рѣшился продать деревеньку, но по-счастію нашелъ благодѣтеля, который далъ ему займы денегъ за двойные проценты, подъ залогъ движимаго и недвижимаго имѣнія. Съ весны, въ резиденцію Кириллы Агаоновича, то есть, въ *амбарную* комнату для шиття усадьбу, доставали арканско-

ры, саденики, обойщики, столеры, малеры, жестяники, кушеры, слесари, словомъ, весь причетъ нужнѣйшій для перестройки и постройкы. Четыре мѣсяца сряду тѣнулись обозы изъ Москвы въ деревню, съ мебельми, картинами, театральными декорациями и машинами, съ музыкальными инструментами, кухонною, столовою посудью, бочками и ящиками вина. Въ концѣ августа покатила, на тридцати тройкахъ, дворня, а въ половинѣ сентября выѣхалъ самъ Кирилл Агаоновичъ съ своимъ семействомъ, въ четырехъ четверошестивыхъ каретахъ, трехъ колыскахъ, десяти бричкахъ и семи повозкахъ. Кромѣ прислуги у Кирилла Агаоновича находились Французъ, гувернеръ для Поля, и четыре учителя, гувернантка Француженка для Мелани, компаньонка Француженка, при Марѣ Петровнѣ, два Француза, *друзья дома*, *amis de la maison*, при обонхъ суругахъ, и одинъ ученый Французъ, экономистъ, промектѣрь по ремеслу, который намѣрилась девость вынѣе до прѣтущаго состоянїя и удесятерить доходы. Но словамъ почтеннаго ученаго, онъ вынѣе даръ каждую копѣйку превращать въ рубль, хотя, во какныя-то особенныя обстоятельства, самъ не вынѣе никогда копѣйки за душой.

Кирилл Агаоновичъ, задумавъ переселиться въ деревню, весьма опасался, что Марья Петровна, привыкшая къ столичной жизни, не огласится на то, и крайне удивился, когда она отвѣчала ему хладнокровно: «Дѣлай что хочешь — мнѣ всё равно!» И въ самомъ дѣлѣ, она дотоле оставалась не всюду равнодушною, что ничтѣ въ мѣрѣ ее не тревожило, кромѣ зубной боли, къ которой она была столь же чувствительна, какъ всѣ смертныя. Болѣзнь мужа и дѣтей, смерть близкихъ родственниковъ и подругъ вѣности, разстройство имѣнїя, и даже смерть любимой собачки и конюга — не производили въ ней никакого особеннаго смущенїя, или вѣнотатѣнїя. — «Жаль! Не хорошо! *C'est dommage, c'est mal!*» — вотъ все, что слышали отъ нея въ самыя несприятныя обстоятельства жизни. Сперва французская поговорка гласитъ: *qui a été une fois riche à la cour, ne sera riche ni parti, ne est, кто былъ однажды въ королевствѣ, полевенїя при Дворѣ, тому уже*

никогда и нигдѣ не будетъ хорошо. — На Маревъ Петровнѣ сбылась поговорка. Даже всецѣльная мода не имѣла ни какого вліянія на ея женское сердце, и всѣ богатѣйшія платья, чепцы и шляпки почитала она тряпьемъ, годнымъ только для служанокъ, въ сравненіи съ русскимъ платьемъ съ шлейфомъ; то есть, придворнымъ, дамскимъ, форменнымъ костюмомъ. Когда дамы перестали фудряться, Марева Петровна отпустила своего парикмахера, и съ-тѣхъ-поръ не показывалась въ свѣтъ въ простоволосой прическѣ. Француженокъ и Французовъ держала она при себѣ для того только, чтобы говорить по-французски, потому что она по-русски умѣла только приказывать слугамъ и служанкамъ, и не въ-состояніи была вести разговора. Она никогда не навѣщала русскаго театра, устроеннаго въ домѣ Кириллою Агаѣоновичемъ, но присутствовала при представленіи французскихъ пьесъ, играемыхъ Французами и Француженками, жившими въ домѣ, мужемъ ея, дѣтьми и нѣкоторыми изъ сосѣдей и сосѣдокъ, и всегда сама назначала пьесы, выбирая тѣ только, въ которыхъ появлялись на сцену придворныя дамы и кавалеры. Она сама учила дочь свою манеръ и всѣмъ свѣтскимъ приѣмамъ, и сдѣлала изъ Мелани весьма ловкую дѣвицу. О воспитаніи дѣтей она столь же мало заботилась, какъ и Кирилла Агаѣоновичъ. Дѣти говорили хорошо по-французски, ловко танцовали и кланялись, знали музыку, читали романы — родители были довольны. Впрочемъ, Марева Петровна была предобрая женщина — ни чѣмъ не занималась, ни во что не вмѣшивалась, съ служителями обходилась снисходительно, и даже добродушно, съ гостями вѣжливо, и никого въ домѣ не беспокоила, а напротивъ, каждому старалась доставить какую-нибудь пріятность, и потому смерть ея всѣ оплакали отъ искренняго сердца.

Однажды заболѣла любимая верховая лошадь Поля. Въ то же время Марева Петровна почувствовала начало спазмъ, которыя иногда мучили ее. У нея былъ старинный рецептъ московскаго доктора, и когда ей сказали, что въ городъ посылаютъ нарочнаго, чтобы привезти изъ аптеки лекарство для лошади, Марева Петровна отдала свой рецептъ, и велѣла привезти также лекарство для себя.

Аптекарь праздновалъ въ тотъ день именины своей жены, и подгулялъ. Главный провизоръ занятъ былъ картежной игрой, и приготовленіе лекарства поручено было мальчику ученику. Тотъ переи́мшалъ рецепты, и что назначено было для лошади, приняла Марѳа Петровна, а ея лекарство влили въ горло больной лошади. Лошадь выжорочила, а Марѳа Петровна скончалась черезъ два часа, прежде нежели успѣлъ пріѣхать докторъ изъ города. Аптеку закрыли, аптекаря отдали подъ судъ и разорили въ коюсецъ, но это не воскресило Марѳы Петровны, а только умножило число умершихъ въ году однимъ покойникомъ. Аптекарь съ горя записался на-смерть, а жена его, съ отчаянія, вышла замужъ за молодаго провизора, и они завели новую аптеку въ другомъ городѣ.

Кирилла Агаѳоновичъ былъ весьма огорченъ смертью жены, которая умѣла давать тонъ его гостиньей. Онъ рѣшился для развлеченія отправиться въ дальнюю губернію къ одному своему родственнику. Во время траура ему нечего было дѣлать дома, и такъ онъ пустился въ путь, взявъ только съ собою гувернантку для дочери. Сынъ, которому уже былъ девятнадцатый годъ, пользовался полною свободою, и не терпѣлъ никакого надзора за собою. Французы, гувернёръ, компаніоны и ученый экономистъ отпущены были по смерти Марѳы Петровны, потому что Кирилла Агаѳоновичъ рѣшился экономничать, испугавшись отчетовъ, поданныхъ ему главнымъ управителемъ.

Между-тѣмъ, пока Кирилла Агаѳоновичъ ѣздилъ, сосѣдь его, бывший секретаремъ городской полиціи, который въ десять лѣтъ службы накопилъ столько денегъ изъ своего жалованья, что купилъ имѣніе въ тысячу душъ, а въ томъ числѣ пять сотъ душъ у Кириллы Агаѳоновича, началъ искъ, объявивъ, что Кирилла Агаѳоновичъ не имѣетъ права содержать мельницы, приносящей до десяти тысячъ рублей дохода, потому что одинъ берегъ рѣки долженъ принадлежать къ проданному Кириллою Агаѳоновичемъ ему, бывшему секретарю, имѣнію, и что Кирилла Агаѳоновичъ несправедно владеетъ этимъ берегомъ и смежными съ нимъ лугами, удер-

жавъ при себѣ эту часть земли противозаконно, вопреки документамъ. Кирилла Агаѳоновичъ испугался. Это была первая тяжба, которая унала на него, какъ камень на голову. Онъ поспѣшно возвратился домой и началъ ухаживать за тяжбой. Въ уѣздномъ судѣ онъ проигралъ тяжбу. Въ гражданской палатѣ наступило разногласіе, и дѣло перешло, по аппеляціи, въ московскій сенатъ. Кирилла Агаѳоновичъ переѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ тяжбою.

Я уже намѣкнулъ, что дочь Кириллы Агаѳоновича, mademoiselle Melanie была очень мила. Въ ней не было ни малѣйшаго слѣда нашей сѣверной природы, и никакого отпечатка славянской породы. Маланья Кириловна съ виду была настоящая южная Француженка, черноволосая, смуглая, съ греческимъ профилемъ, съ густымъ румянцомъ на щекахъ, который существуетъ только въ южной Франціи, и почитается рѣдкостью въ Испаніи и въ Греціи. Величайшую красоту Маланья Кириловны составляли темно-голубые глаза, которые, при черныхъ бровяхъ и рѣсницахъ, блестѣли какъ алмазы. Кромѣ-того она была стройна, ловка, какъ я выше сказалъ, любезна, и что меня всего болѣе привлекало къ ней, простодушна или наивна въ обращеніи, и имѣла пренмѣный голосъ контръ-альто. Откровенностью своею, и непринужденнымъ, родственнымъ обращеніемъ, она просто свела меня съ ума: я былъ влюбленъ безъ памяти, и несчастенъ тѣмъ, что не могъ говорить ей о моей любви.

Гувернантка Маланья Кириловны страстно любила романы, и сообщила эту страсть своей воспитанницѣ. Онѣ проводили цѣлые дни, а иногда и ночи на пролетъ въ чтеніи, и совершенно жили душой и умомъ въ романтическомъ мірѣ. Каждая изъ нихъ избирала себѣ героя въ романѣ, и до-тѣхъ-поръ была въ него страстно влюблена, пока новый романъ не представлялъ другаго героя, еще занимательнѣе прежняго. Замѣчательно, что онѣ не только писали страстные письма къ этимъ фантастическимъ, книжнымъ любовникамъ, но даже ревновали ихъ одна къ другой. И гувернантка, которой было уже лѣтъ подъ сорокъ; и ея воспитанница, не знали вовсе ни лю-

дой, ни свѣта—и хотя въ домѣ Кириллы Агаѣоновича собиралось почти все дворянство цѣлой губерніи, но ни одинъ человѣкъ не обратилъ на себя вниманія Маланьи Кирилловны, потому что ни въ одномъ изъ нихъ, ни она сама, ни губернатка не открыли ни сильныхъ страстей, ни романтическихъ наклонностей, ни меланхолин, ни геройства. Всѣ помѣщики ѣли съ аппетитомъ, пили до-тѣхъ-пѣръ, пока было что пить, играли въ карты до послѣдней копейки, толковали о хозяйствѣ, о псовой охотѣ; молодые хотя и танцовали, и говорили по-французски, и даже любезничали съ Маланьей Кирилловной, когда представлялся случай, но и образъ ихъ жизни и любезничанье казались ей дикими и слишкомъ прозаическими. Не знаю почему, она нашла во имѣ качества романческія, которыхъ я даже не подозрѣвалъ въ себѣ.

Братъ ея, Павелъ Кирилловичъ или monsieur Paul, какъ, его всѣ называли, воспитываемъ былъ для вступленія въ придворный штатъ, но вмѣсто придворнаго, изъ него вышелъ лихой казакъ. Поль страстно любилъ лошадей и охоту, ѣздилъ отлично верхомъ, стрѣлялъ мѣтко, дрался на сабляхъ и на рапирахъ и даже искусно владелъ пикою. По смерти матери, онъ рѣшительно объявилъ отцу, что хочетъ вступить въ военную службу, и послѣ долгихъ споровъ убѣдилъ отца согласиться. Съ этой цѣлью Поль пріѣхалъ съ отцомъ въ Москву, и послалъ прошеніе въ Петербургъ объ опредѣленіи въ полкъ. Въ ожиданіи разрѣшенія просьбы, Поль кутилъ въ Москвѣ съ московской молодежью—и тогда только бывалъ дома, когда собирались гости и была картежная игра.

Однажды, около полудня, когда мы съ Маланьей Кирилловной разучивали романсъ, возвратился домой Кирила Агаѣоновичъ, въ весьма дурномъ расположеніи духа. Онъ въѣхалъ рано со двора, чтобы навѣстить своихъ судей, но нѣкоторые изъ нихъ не приняли его, а двое показались ему расположенными въ пользу его соперника. Кирила Агаѣоновичъ прошелъ черезъ залу, будто не замѣтивъ меня, и позвалъ дочь свою въ гостиную. Я остался на мѣстѣ, при фортепиано.

— Ты, машерочка, занимаешься всё пустяками, сказала отецъ, а намъ угрожаетъ бѣда.....

— У меня нѣтъ пугуара детуриковать ваши бѣды, шеръ папа!

— Выѣсто того, чтобъ тебѣ распѣвать по цѣлымъ днямъ, и заниматься до поздней ночи лектурою съ мосье Опенковымъ, ты визитировала бы нашу родню, да заинтересовала бы ее въ нашу пользу... Напримѣръ, твоя *грандъ-тантъ*. Это настоящая *трюмпетъ дю эсюжсеманъ-дернѣ* — вопить на всю Москву, когда что не по ней! *Юнъ фамъ террибль!* Если бы ты ее *покарескировала*, она стала бы кричать въ нашу пользу и напугала бы нашихъ эсюжъ!

— Я боюсь ее, шеръ папа! сказала жалко Маланья Кирилловна. Она *антурирована* всегда кошками и собаченками, которыя безпрестанно грызутся между собою, а у меня *антипати* къ кошкамъ, и я тотчасъ получаю *вертижъ!* Притомъ же у *грандъ-тантъ* такой страшный голось — *бассъ-таль*, что отъ ея крику нервы мои приходятъ въ ужасный *деранжеманъ!*

— Все вытерпи, шерочка, все вытерпи *пуръ ле биентръ де ля фамиль* и спокойствія твоего отца....

— Если прикажете, сказала печально Маланья Кирилловна: я должна повиноваться!

— Прошу, машерочка, э *трезъ-ѣмблеманъ* прошу! возразилъ отецъ, да не худо бы тебѣ привязаться къ твоей кузинѣ *принсессъ-Пьерръ!* Мужъ ея въ большой силѣ, а она мнѣ сказывала, что дальній кузенъ ея мужа, но искренній другъ его, *прексъ Поль Роцинскій*, находитъ тебя *шармантъ!*

— Терпѣть не могу Поля Роцинскаго! сказала съ досадою Маланья Кирилловна.

— Какая нужда до этого.... Но можно его польстить, *берсе д'эсперансъ*.... Вѣдь это ни къ чему не поведетъ — а можетъ принести пользу!....

— Я не умѣю *ажировать* противу моихъ *сентиментозъ!* возразила Маланья Кирилловна....

— Поучись, шерочка, поучись! Вѣдь я хочу повесть тебѣ въ будущій годъ въ Петербургъ.... чтобы найти для тебя партію.....

— Въ этомъ я полагаюсь на небо и на мое сердце! сказала Маланья Кирилловна, съ тяжелымъ вздохомъ, который раздался въ моемъ сердцѣ.

— А пока надобно думать о процессѣ, шерочка! Сегодня на вечеръ мы поѣдемъ къ твоей *грандъ-тантъ*; ступай и приготовь свой *тоалетъ*!

Кирилла Агаѣоновичъ прошелъ изъ гостиной въ свой кабинетъ, а Мелани возвратилась въ залу, и подойдя ко мнѣ сказала: «Вы слышали?» — Слышалъ, отвѣчалъ я печально. — «Не бойтесь ничего, и приходите завтра въ эту пору», примолвила она, съ какою-то необыкновенною твердостью духа. Я поцѣловалъ ея руку, взялъ шляпу и пошелъ печально къ дверямъ. Отворяя двери, я оглянулся — и увидѣлъ, что Мелани утираетъ слезы. Почти въ безпамятствѣ я побѣжалъ домой, и самъ не зная отчего, проплакалъ до вечера.

Тутъ блеснула свѣтлая мысль въ головѣ моей. Служа въ палатѣ я получилъ доттаточныя понятія о томъ, какъ ведутся дѣла. Кирилла Агаѣоновичъ толковалъ о своемъ процессѣ скучно, утомительно и сбивчиво, пестрымъ языкомъ, котораго образчикъ я представилъ выше! Записки его о дѣлѣ написаны были длинно, подъяческимъ слогаемъ, съ различными кляузами и крючками, чтобы приять болѣе вѣсу его притязанію. У меня была одна изъ этихъ записокъ, а ктому жъ я зналъ уже дѣло наизусть, послѣ тысячныхъ разсказовъ Кирилла Агаѣоновича. Убѣдившись, что онъ ко мнѣ охлаждѣваетъ, я вздумалъ согрѣть его моимъ участіемъ къ его тяжбѣ, и написавъ изложеніе дѣла въ краткомъ видѣ, употребивъ всю мою прежнюю опытность, и всю книжную науку, выкравъ притомъ нѣсколько мѣстъ изъ рѣчи Цицерона противъ Катилины и изъ Филиппикъ Демосеена — страшая судей, какъ стращали Цицеронъ Римлянъ, а Демосеенъ Аѳинянъ — лишеніемъ собственности, если они допустятъ злодѣй покусаться на униженіе сдѣлокъ и перетолкованіе документовъ, однажды признанныхъ судомъ и приведенныхъ въ исполненіе. Противника Кирилла Агаѣоновича я воображалъ настоящимъ Катилиной, противъ котораго должны возстать всѣ отцы семейства, всѣ владѣтели ка-

кой бы то ни было собственности, и заключилъ мою записку папегиркомъ судьямъ, а для противоположности—строфою изъ Державина, изъ его стихотворенія: *Власти-телямъ и судьямъ.*

Пристрастный судъ—разбой дѣя;
Судьи—враги, гдѣ спитъ законъ—
Предъ нами гражданна шен
Протянута безъ оборонъ!

Ночь провелъ я въ безпокойствѣ, и на другое утро, въ десять часовъ, побѣжалъ къ Кириллѣ Агаѣоновичу. Камердинеръ сказалъ мнѣ, что въ кабинетъ барина происходитъ совѣщаніе о тяжбѣ, съ двумя изъ его родственниковъ, и двумя старинными пріятелями, изъ которыхъ одинъ, какъ мнѣ было извѣстно, занимался нѣкогда литературою, а другой былъ когда-то судьей. «Тѣмъ лучше, сказалъ я, доложи барину, что я именно пришелъ по его дѣлу, и имѣю сообщить кое-что важное.»

Меня впустили въ кабинетъ. Я замѣтилъ по лицу Кириллы Агаѣоновича, что мое посѣщеніе было ему неприятно и кромѣ-того, не кстатъ. «Что скажешь, любезный Александръ Сергѣевичъ? сказалъ онъ съ принужденною ласковостью: мнѣ теперь некогда..... занимаемся дѣломъ.» — «Прошу ваше превосходительство удѣлнить мнѣ только четверть часа времени, и позволить прочесть, въ присутствіи этихъ почтенныхъ господъ, записку о нашемъ дѣлѣ.» — Записку о моемъ дѣлѣ! возразилъ Кирилла Агаѣоновичъ, съ удивленіемъ. Кто же писалъ ее? — «Вы это послѣ узнаете.» — Господа! не позвольте ли прочесть? спросилъ Кирилла Агаѣоновичъ у присутствующихъ. — «Пусть читаетъ, если не длинно,» сказали гости, и я, ставъ посрединѣ комнаты, сталъ читать, или правильнѣе сказать, декламировать мою записку, воображая себя Цицерономъ, въ римскомъ сенатѣ. Сперва всѣ слушали мою записку въ молчаніи, потомъ начали шевелиться въ креслахъ, далѣе прерывать мое чтеніе восклицаніями: браво, брависсимо—прекрасно, превосходно! а когда загремѣли стихи Державина, всѣ вскочили съ мѣстъ своихъ, и непрерывно хотѣли знать: кто написалъ это *мастерское*, не

ихъ мнѣнію, пронаведеніе?—«Это мое сочиненіе,» — отвѣчалъ я гордо, и взглянулъ на Кирилла Агаѣоновича. Онъ стоялъ съ распростертыми объятіями, и слезы катились по его щекамъ. — «Сюда, сюда!» завопилъ онъ, указывая на свое сердце, и я бросился въ его объятія. — «А мы только и собрались для того, сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ, чтобы составить новую записку, потому что моей записки, составленной подъячими, никто не хочетъ читать, и всѣ говорятъ, что она длинна, скучна и запутана! Ты воскресилъ меня, Александръ Сергѣевичъ! Господа! Каково? Каковъ у меня *шеръ ами*? Каковъ пріятель?» Всѣ на-перерывъ хвалили меня и мое произведеніе, отчасти оттого, что оно произвело на нихъ вліяніе мощнѣ школьнымъ риторствомъ, а отчасти потому, что они рады были, что тѣмъ отдѣлались отъ скучнаго совѣщанія. — «Какъ назвать эту прелестную вещь?» — спросилъ Кирилла Агаѣоновичъ. Всѣ задумались. «*Гласъ невмимости*,» сказалъ я. Снова раздались: браво, брависсимо, пошли обниманія, и Кирилла Агаѣоновичъ, въ восторгѣ, велѣлъ подавать завтракъ, и послалъ за писцами, чтобы переписать мое сочиненіе въ числѣ, по-крайней-мѣрѣ, тысячи экземпляровъ, и разослать по всей Москвѣ, въ Петербургъ, и по губерніямъ. Когда доложили, что завтракъ готовъ, Кирилла Агаѣоновичъ ввелъ меня въ залу, какъ триумфатора, и велѣлъ позвать дамъ, то есть, Маланью Кириловну съ губернанткою.

Я воспользовался удобною минутою, чтобы отвести на сторону Кирилла Агаѣоновича и сказать, ему, вполголоса: «Прочестъ изложеніе дѣла могъ я при чужихъ людяхъ, но у меня есть *вѣрное средство* къ выигранію тяжбы, которое я вамъ открою наединѣ.....» Кирилла Агаѣоновичъ хотѣлъ-было тащить меня немедленно въ кабинетъ, но я просилъ его подождать, увидѣвъ въ дверяхъ Мелани.

— *Машерочка!* закричалъ Кирилла Агаѣоновичъ своей дочери: если бы ты знала, что за таланты открылись въ мосье Опенковѣ!

— Я никогда и не сомнѣвалась! отвѣчала Мелани.

— Брава! *Bien dit!* кричалъ Кирилла Агаѣоновичъ, хлопая въ ладоши.

Въ это время вошелъ въ комнату Польш, почувъ завтракъ, и узнавъ, что въ столовую понесли шампанское.

— Не въ укоръ сказать тебѣ, *шеръ* Польш, сказалъ отецъ, но мнѣ было бы пріятнѣе и полезнѣе, если бы ты умѣлъ такъ хорошо писать по-русски, и такъ зналъ дѣла, какъ мосьё Опенковъ, чѣмъ твое наѣздничество и гусарство..... Если бы ты слышалъ что онъ написалъ!....

— Всякому свое! сказалъ хладнокровно Польш, приступивъ къ столу, и взявъ цѣлаго рябчика на тарелку.

— Но онъ написалъ въ нашу защиту..... примолвилъ отецъ.

— Тѣмъ лучше для васъ; а я и самъ защишусь! сказалъ Польш.

— Зачѣмъ же до-сихъ-поръ не защищался, когда у отца отнимають собственность? сказалъ отецъ, съ упрямкомъ.

— Я три раза вызывалъ на дуэль ябедника, но онъ не только отказался, но даже подалъ на меня жалобу.

— Опять тяжба! воскликнулъ Кирилла Агаѣоновичъ, всплеснувъ руками.

— Не бойтесь—жалобу не приняли въ судъ, потому что я вызывалъ его словесно, и онъ не представилъ письменныхъ доказательствъ. Но я обѣщалъ ему вознаграждать за то при первой встрѣчѣ, двѣнадцатью плюхамп, отвѣчалъ Польш.

— Ради Бога, не дѣлай этого, *шеръ* Польш! сказалъ отецъ—будетъ страшная тяжба!

— Когда вступлю въ службу, то есть, выйду изъ недорослей, то буду самъ отвѣчать за мои поступки, примолвилъ Польш, наливая въ стаканъ мадеру.

— Что ты прикажешь дѣлать! сказалъ отецъ—его ни чѣмъ не уймешь! Господа! кушайте, пожалуйста, кушайте! Гей! подайте шампанскаго! Надобно выпить за здоровье моего Цицерона.

Пока отецъ толковалъ съ сыномъ, а гости ѣли, я успѣлъ рассказать Маланъ Кирилловичъ за что я попалъ въ такую милость къ ея отцу, объяснивъ притомъ, что къ написанію записки я побужденъ былъ единственно страхомъ, чтобы Кирилла Агаѣоновичъ не отказалъ мнѣ отъ

дому. Прелестная Мелани наградила меня за то такимъ взглядомъ, что всѣ жилки во мнѣ задрожали.

Внесли шампанское, и Кирилла Агаѣоновичъ торжественно провозгласилъ мое здоровье. Даже Мелани налила себѣ въ рюмку нѣсколько капель шампанскаго, и выпила, кивнувъ мнѣ головою. Поля, наливъ пивной стаканъ, сказалъ мнѣ: «Чокнемся-ка, господинъ Цицеронъ! Пиши, братъ, пиши, а когда у тебя не достанетъ краснорѣчія, то у меня на этихъ разбойниковъ есть другія убѣжденія! Я имъ наставлю точекъ на лбу и удивительныхъ знаковъ на щекахъ!» Въ головѣ Поля уже шумѣло, и ему хотѣлось побуяннить..... ●

Послѣ завтрака гости уѣхали, повторивъ мнѣ свои complimentы и предсказывая блистательные успѣхи на письменномъ поприщѣ, а мы съ Кирилломъ Агаѣоновичемъ перешли въ кабинетъ.

— Садись, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, вотъ тутъ, въ моихъ креслахъ, сказалъ онъ — не хочешь ли трубочки..... Ты, кажется, куришь..... или спроси, что тебѣ угодно!....

— Благодарю, мнѣ ничего не надобно, отвѣчалъ я, а извольте вы сѣсть въ ваши кресла, и выслушайте.

— Какъ прикажешь, сказалъ смиренно Кирилла Агаѣоновичъ.

Онъ усѣлся въ креслахъ, а я, придвинувъ стулъ, сѣлъ насупротивъ его и сказалъ: «Честь имѣю доложить вашему превосходительству, что я нѣкогда служилъ въ гражданской палатѣ, и тамъ посмотрѣлся такимъ вещамъ, и выслушался такихъ продѣлокъ, которыя рано открыли мнѣ глаза на ходъ дѣлъ, и я нѣхотя прозрѣлъ въ міръ лжи! Этотъ міръ похожъ на огромную паутину. — Правда дѣла и хорошее его изложеніе — прекрасныя вещи, но для дѣльцовъ, или какъ говорится, *кровныхъ* подьячихъ, это ничего не значить. Имъ надобны существенныя и полновѣсныя доказательства. Вы, ваше превосходительство, Кирилла Агаѣоновичъ, повели дѣло съ-высока — все знаете съ людьми значительными, а тѣхъ, отъ кого зависятъ участь вашего процесса, вовсе пренебрегаете.

— Помилуй, любезный другъ! возразилъ Кирилла Агаѣо-

новить, да мой повѣренный перебралъ уже болѣе двадцати тысячъ рублей на уштаніе этихъ хищныхъ звѣрей, какъ онъ ихъ называетъ.

— Перебралъ и проглотилъ самъ, не давъ никому ни гроша, обманывалъ общинами и пьянствуя съ модячинами. Почти всѣ они таковы, эти повѣренные! Я слышался много о секретарѣ Никонѣ Трофимовичѣ Скребнищѣ, который началъ свое служеніе въ той же палатѣ, гдѣ былъ и я. Скребнищынъ имѣеть репутацію честнаго и благороднаго человѣка, потому что, когда возьметъ деньги съ просителя и общаетъ помочь, то не измѣнитъ. Ваши судьи также имѣютъ объ немъ весьма хорошее мнѣніе. Я совѣтую вамъ не скуиться, дать ему десять тысячъ рублей, и я головою ручаюсь за успѣхъ.

— Олотно далъ бы, любезнѣйшій, но прожилъ въ Москвѣ, выбралъ доходы впередъ, и—стыдно сказать, но тебѣ долженъ во всемъ признаться—живу здѣсь на заложенью брилліанты покойной жены!... сказалъ Кирилл Агаоновичъ, печально потупилъ голову.

— Все это я предвидѣлъ, и все обдумалъ, отвѣчалъ я. Свѣрная мельница отдается въ арендное содержаніе за десять тысячъ рублей въ годъ, сѣдовательно, по малой мѣрѣ, приноситъ дохода пятнадцать тысячъ. Мы сдѣлаемъ сдѣлку съ Скребнищынѣмъ, разумѣется, съ подставнымъ лицомъ отъ его имени, и отдадимъ ему мельницу на годъ, въ арендное содержаніе, но окончаніи тѣмбы, а впередъ заимствуемъ въ полученіи арендныхъ денегъ. Тутъ ужъ онъ долженъ будетъ работать для себя.... А между-тѣмъ, некуда бы дать ему впередъ какой-нибудь подарочекъ, авъ рухъ въ рухъ....

Пока я говорилъ, Кирилл Агаоновичъ слушалъ, опрокинувшись въ креслѣ, и вдругъ закрылъ глаза и сталъ сильно дышать. Я повсунулся и бросился къ столику, на которомъ стоялъ графинъ съ водою, но Кирилл Агаоновичъ быстро вскочилъ съ мѣста, вытеревъ глаза, и вдругъ заревѣлъ: «Впередъ-то ты мой! Мстительный другъ! Дѣлай что хочешь, распорядись.... Ты мой мой козырь у меня!...» Тутъ онъ схватилъ жемчужныя свои объемы, и чуть не задушилъ, прикиная къ себѣ и къ блуж. Потому онъ

подождалъ къ коммоду, вынулъ золотую табакерку и сказавъ: «Отцовская..... старинная!».... отдалъ мнѣ, примолвивъ: брось это въ пасть этому волку!»

Выходя изъ кабинета я сказалъ, что не возвращусь, пока не улажу дѣла.

Скребницинъ сначала принялъ меня холодно и недобриво. Молодость моя пугала его, но когда я назвалъ ему, по имени и отчеству, всѣхъ его прежнихъ товарищей въ палатѣ, и рассказалъ *канцелярскимъ слоюзомъ*, объ нѣсколькихъ *курюзныхъ дѣлахъ*, въ которыхъ онъ игралъ главную роль, онъ наконецъ поддался. Не трудно было найти водставное лицо для заключенія аренднаго контракта на мельницу, потому что у Скребницина всегда была въ запасѣ дюжина готовыхъ свидѣтелей на что угодно, и нѣсколько смиренныхъ старушекъ, на имя которыхъ писались векселя, заемныя письма и купчія крѣпости, а эти старушки уже передавали право отъ себя, по довѣренности. По счастью, въ Москвѣ находился тогда и купецъ, содержатель мельницы Кириллы Агаѣоновича, который тотчасъ согласился откупить право—и такъ дѣло уладилось самымъ лучшимъ образомъ. Авторское самолюбіе подстрекнуло меня, и я показалъ Скребницину написанную мною записку. Онъ прочелъ, улыбнулся, и возвращая мнѣ записку, сказалъ: «Риторика и поэзія — сарѣчь, мыльные пузыри! Красненько! Это столько бы помогло дѣлу, какъ покойнику ладанъ. Но теперь это не мѣшаетъ. Извольте развозить записки, а ужъ мы укоконимъ вашего Катилину!»

Пока готовился докладъ, и пока докладывали, Поль уѣхалъ на службу въ Петербургъ, а я почти жилъ въ домѣ Кириллы Агаѣоновича, который обходился со мною, какъ съ какою-нибудь владѣтельнымъ прицемъ. Маланья Кирилловна объяснила отцу, что она непременно хочетъ учиться по-русски, пѣть русскіе романсы, которые тогда шло въ моду Карамзинъ и Дмитріевъ, сказавъ при томъ, что я общалъ выучить ее русскому языку въ самое короткое время. Кирилла Агаѣоновичъ на все согласился безпрекословно, и я цѣлые дни просиживалъ съ малюю Мелани! Мы безпрерывно говорили о любви, но

только не о своей, хотя она замѣчала, что я люблю ее, и я видѣлъ ясно, что былъ ей не противенъ. Она ждала моего признанія, а я никакъ не рѣшался на него!

Наконецъ, настала блаженный день для Кириллы Агаѣоновича. Тяжбу рѣшили единогласно въ его пользу, и противнику его велѣно, кромѣ-того, уплатить протори и убытки. Кирилла Агаѣоновичъ торжествовалъ. Онъ далъ большой обѣдъ, на которомъ уподчивалъ отлично своихъ гостей—самъ выпилъ, отъ радости, лишнее, и съѣвъ за карточный столикъ, проигрался. Недѣли съ двѣ искалъ онъ денегъ на выѣздъ, и наконецъ занявъ, за огромные проценты, у ростовщиковъ, началъ собираться къ возвращенію въ деревню, или какъ онъ называлъ, въ свою *резиденцію*. Въ то время получилъ онъ изъ дому письмо, въ которомъ увѣдомляли его, что проклятый сосѣдъ, бывший секретарь городской полиціи, не успѣвъ оттягать мельницы, подучилъ нѣсколько мелкопомѣстныхъ дворянъ, кормя и поя ихъ на убой, завести новыя тяжбы съ Кириллой Агаѣоновичемъ, и взялся быть ихъ безвозмезднымъ ходатаемъ. Кирилла Агаѣоновичъ пришелъ въ отчаяніе. Позвавъ меня къ себѣ въ кабинетъ, онъ сѣлъ въ свои большія кресла и посадивъ меня напротивъ себя, сказалъ:

— Ты хоть молодецъ, любезный Александръ Сергѣевичъ, но я убѣдился, что ты умнѣе и даже опытнѣе многихъ стариковъ. Я полюбилъ тебя, какъ роднаго сына, и чувствую всю цѣну твоей ко мнѣ преданности. Поѣзжай со мною въ деревню, и помоги мнѣ устроить мои дѣла. Вотъ опять процессы. Этотъ злодѣй поклялся разорить меня въ-концы!.... Я знаю, ты не богатъ, и я обязанъ даже вознаградить тебя....

Я перервалъ его рѣчь и сказалъ: «За деньги я не соглашусь, но въ качествѣ пріятеля—готовъ»!....

— Въ качествѣ друга, брата, сына, что тебѣ угодно!... воскликнулъ Кирилла Агаѣоновичъ, простирая объятія.

— Извольте—сказалъ я.

Тутъ опять онъ началъ душить меня своими объятіями. Я насилу вырвался, и какъ чрезъ три дня онъ рѣшился выѣхать, то я пошелъ приготовляться къ отъѣзду.

Вечеромъ я возвратился къ Кириллѣ Агаѳоновичу. — «Возможно ли? Вы ѣдете съ нами въ деревню?» сказала Маланья Кирилловна. — Могъ ли я отказаться отъ приглашенія, отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на нее значительно. — «Ахъ! какъ весело! Ахъ! какъ мило!» проговорила она, хлопая нѣжными своими ручками и прыгая отъ радости. — «Мадамъ Лафлютъ, мадамъ Лафлютъ! подите сюда!» закричала она. Тощая гувернантка высунула голову изъ другой комнаты. — «Радуйтесь: мосьё Опенковъ ѣдетъ съ нами въ деревню!» примолвила Мелани. — Oh, comte c'est heureux! сказала гувернантка, которая также весьма меня жаловала, и мы занялись немедленно составленіемъ каталога нотъ и романовъ, которые надлежало купить для деревни.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Какой бѣсъ мучить Кирила Агаѳоновича? Пріѣздъ, встрѣчи, красноречивый управитель, прислуга, сиротки, и прочее, что водится при барскихъ домахъ. Споръ кавусты съ картофелемъ. Изъ огля въ полемя! Каспійская провинція. Опенковъ идетъ въ военную службу. Онъ ѣдетъ въ телѣгѣ, сопровождаемый свитомъ лакеевъ, съ твердою надеждою взять въ плѣтъ Наполеона.

Признаться, я никакъ не ожидалъ попасть въ такую тѣсную связь съ Кириллой Агаѳоновичемъ, и сдѣлаться первымъ его любимцемъ. Но Кириллѣ Агаѳоновичу непремѣнно нужно было, чтобы кто-нибудь думалъ за него, и чтобы онъ жилъ и хвасталъ чужимъ умомъ. Все хорошее приписывалъ онъ себѣ — все неудачное людямъ. Я узналъ послѣ, что записку мою разослалъ онъ по всѣмъ своимъ знакомымъ и роднымъ въ Петербургъ, и ко всѣмъ важнымъ лицамъ, приписывая себѣ ея сочиненіе. Разумѣется, знавшіе его коротко, не повѣрили ему, а нашлись и такіе, которые повѣрили, распускали въ обществахъ слухи объ его способностяхъ, сожалѣли, что такой человекъ не занимаетъ никакой должности. Письма, получаемыя Кириллой Агаѳоновичемъ объ этомъ предметѣ, возбуждали въ немъ уснувшую надежду на вниманіе къ нему государственныхъ лицъ. Очевидно было, что онъ ниѣлъ на меня виды, которые скрывалъ до времени подъ маскою друж-

бы, и даже до приторности обременялъ меня своею ласкою. Пустившись на приключенія, я сносилъ все терпѣливо, и утѣшался одною моею любовію.

Людямъ приказано было служить и угождать мнѣ, какъ самому барину, и Кирилла Агаѣоновичъ обходился со мною, какъ съ равнымъ собой. Мы ѣздили съ нимъ въ коляскѣ; дочь съ гувернанткой, и съ одной любимой горничной, ѣздили въ четверомѣстной каретѣ. Нѣсколькими часами впередъ шли передъ нами бричка и двѣ повозки, съ поварами, поваренками, буфетчикомъ, его помощниками и служанками, всяя посуду, постели и дорожныя мебели. Лошади были подставныя, изъ деревень Кириллы Агаѣоновича. При насъ было четырнадцать человекъ прислуги обоюга пола. Это называлось *пять на-легкѣ*. Мы ѣхали съ собою, не только все нужное для стола, но даже ледъ для мороженаго и угля для самовара. Мѣста для завтраковъ, обѣдовъ, полдниковъ, ужиновъ и ночлеговъ были впередъ назначены Кириллой Агаѣоновичемъ, и мы, приѣхавъ на мѣсто, находили все въ порядкѣ. Мы занимали всегда на ночлегахъ по нѣскольку домовъ въ деревнѣ. Три квартиры, то есть, для самого барина, для дамъ и для меня, каждый день были отдѣляемы. Полы устилались коврами; стѣны убирались холотшиными обоями. Какъ мы путешествовали лѣтомъ, то занимали обыкновенно чуждыя и крѣпкія, въ которыхъ иногда вырубались нарочно окна, и вставлялись дорожныя рамы съ складкой. Словомъ, и въ городѣ нельзя жить съ большою роскошью, какъ мы жили въ дорогѣ.

Наконецъ мы въѣхали въ помѣстья Кириллы Агаѣоновича. Но роскошному и безпорядочному житію, и по безтолковости хозяина, я думалъ, что деревни его крѣпо въ развалинахъ и крестьяне въ разореніи, но весьма пріятно ошибся въ своемъ ожиданіи. Кто крестьяне были гораздо вашиго чинѣ, нежели крестьяне, такъ называемыя, *большіе дворяне*, черезъ помѣстья которыхъ мы проѣзжали. Это меня чрезвычайно удивило. Во время ночлега въ одной изъ деревень Кириллы Агаѣоновича, встанъ рано обыкновеннаго, я пошелъ прогуливаться, и встрѣтить крестьянина средняго лѣтъ, котораго ознакомили мнѣ

поправилась, и я вознамѣрился поразспросить его о хозяйствѣ, или правильнѣе, объ управленіи Кирилы Агаѣоновича. Но для того надлежало прибѣгнуть къ хитрости.

— А что, любезный, нельзя ли напаять отсюда лошадей въ Москву?

Крестянинъ осмотрѣлъ меня однимъ взглядомъ съ головы до ногъ, и спросилъ: «А развѣ ты, баринъ, пріѣхалъ не съ нашимъ баринкомъ?»

— Нѣтъ, я ѣду изъ Владиміра въ Москву, на наемныхъ, да, вотъ несчастіе случилось: лошади пала на дорогѣ.....

— Вишь причина кака! сказалъ крестянинъ—угодно подождать до завтра, такъ наймешь сколько угодно лошадей, а сегодня нельзя..... Баринъ нашъ проѣзжаетъ, такъ лучшихъ лошадей, разумѣется, ему поставили.

— А кто вашъ баринъ? спросилъ я.

— Янаралъ, сударь, Кирилла Агаѣоновичъ, по прозванію Кардамоновъ.....

— Добрый баринъ?

— Не што! Отъ него худа не видали..... Смирень: только плати оброкъ исправно, а тамъ живи себѣ какъ хочешь.

— А великъ оброкъ?

— Нельзя сказать, чтобы малъ.... Да все жить можно, когда бы не барская контора, такъ было бы вдвое легче, а то вѣдь, почти двойной оброкъ платимъ: одинъ барину, другой голодной его челяди.

— Какая же это челядь?

— Тутъ и самъ чортъ не разберетъ! Повѣренные, управители, помощники, волостные судьи, лѣсничіе, писари, писцы..... Народу бедна, а каждый хочеть чѣмъ-нибудь поживаться отъ нашего брата.

— А баринъ не знаетъ объ этомъ?

— Куда ему знать! Нашему брату нѣтъ къ нему доступа, а пусть бы кто заманулъ, такъ бѣды не оберешься отъ этихъ чертей!..... Уже лучше ихъ кормить! Они, какъ сыночекъ, такъ и смирны.....

— А баринъ развѣ не занимается вовсе разчетами?

— Куда ему! Да того ли! И съ дворней управиться, эти дворяне работы! Вѣдь во дворѣ-те, батюшка, дунуть

пятьсотъ разнаго народу, и комедіантовъ, и музыкантовъ, и пѣвцовъ, и плясунговъ, и стрѣлковъ, пѣшихъ и конныхъ..... Господи воля твоя! А вѣдь все живутъ на всевъ готовомъ! Кромѣ-того гостей всегда полно, какъ саранчи..... Не дай Богъ такого житья!.... Да, ужъ видно, большимъ барамъ такъ должно жить, а нашъ баринъ и самъ янараль, и янаральскій сынъ, и янаральскій внукъ, и вотчины у него славныя..... а когда бъ не распродали полотины, такъ и въ цѣлой губерніи не было бы его богаче.... Слышно, что и нашу вотчину уже торгуютъ у него, а ужъ когда придетъ къ тому, чтобы продавать, такъ мы лучше сами откупимся.....

— Такъ видно вамъ хорошо житье, несмотря на голодныхъ чертей, которыхъ вы должны кормить?

— Житье оброчное, своя воля, батюшка! А есть у насъ и хлѣбопашенная вотчина, въ которой самъ баринъ живетъ, такъ ужъ тамъ другое дѣло. Не то, чтобы баринъ прижималъ, а отъ разныхъ заморскихъ мудростей житье плохое. Баринъ, какъ слышно, хочетъ добра и управители толкуютъ, что все дѣлается для того, чтобы крестьяне были богаче, а выходитъ напротивъ.... А насъ, какъ не трогаютъ, такъ мы живемъ-себѣ по-маленьку, да ѣдимъ хлѣбъ-соль..... Однако жъ мнѣ иѣкогда, баринъ—надобно лошадей пригнать изъ лѣсу. — Чай скоро баринъ встанетъ.....

Крестьянинъ пошелъ своимъ путемъ, а я возвратился въ деревню. Изъ всего, что я видѣлъ, слышалъ и испыталъ отъ перваго моего знакомства съ Кириллой Агаѣоновичемъ, я совершенно убѣдился, что Кирилла Агаѣоновичъ отъ природы былъ не злой человекъ, но безъ всякаго характера, и что все добро въ немъ придавлено было съ дѣтскихъ лѣтъ превратнымъ воспитаніемъ, которое, приготовивъ сердце его и голову къ всегдашней пустотѣ, дало разгулъ одному только тщеславію, уштанному успѣхами въ свѣтской жизни и прихотями барства. Кирилла Агаѣоновичъ былъ огромный нуль, которому непременно надлежало упираться на какую-нибудь цѣлюру, чтобъ быть замѣтнымъ въ общемъ счетѣ. Сперва цѣлюру составляло его богатство и свѣтская ловкость; по-

томъ жена, которая имѣла собственное значеніе въ свѣтѣ своей родней и умѣньемъ управлять гостиниою. Теперь, Кирилла Агаѣоновичъ оставался безъ всякой опоры, такъ сказать, во всей наготѣ своей ничтожности. Но въ ту именно пору, будучи его приближеннымъ, я узналъ, какія преимущества доставляетъ самому ничтожному человѣку, такъ называемый, *большой свѣтъ* (le grand monde) или высшее общество (le beau monde), въ которомъ Кирилла Агаѣоновичъ провелъ лучшую половину своей жизни. Наединѣ онъ былъ несносенъ, мелокъ, малодушенъ, и даже глупъ, а при людяхъ, въ обществѣ, онъ казался не только любезнымъ, но даже остроумнымъ, и возбуждалъ къ себѣ какое-то невольное уваженіе своими приемами, обращеніемъ, и важною, которую онъ умѣлъ сообщить мелочамъ. На каждый случай у него были готовы, обдѣланные и полированные фразы, анекдотическія воспоминанія, даже пошлыя сентенціи, выученныя наизусть. Татъ называемый, *свѣтскій тактъ* закрѣпился въ немъ умъ, и какъ твердая броня защищалъ его отъ всего, что могло сдѣлать его смѣшнымъ и выказать его невѣжество. Въ общій разговоръ о предметахъ, которыхъ онъ не понималъ, онъ бросалъ только искры, для воспламененія потухающей бесѣды, и умѣлъ во всѣхъ спорахъ выдерживать свой нейтралитетъ, склоняясь въ концѣ на сторону побѣдителя. Однимъ словомъ, Кирилла Агаѣоновичъ ничего не зналъ, но все видѣлъ, хотя издали, и обо всемъ слышалъ, хотя вполонину. Не разсуждая самъ ни объ чемъ, съ величайшимъ искусствомъ умѣлъ онъ присвоивать чужія мысли и выдавать за свои собственные. Первое серьезное событіе въ его жизни, которое задѣло его за живое, процессъ, выбросило его изъ его собственной колеи, и сняло съ него маску любезности, когда онъ началъ мучить всѣхъ разсказами и толками о своей тяжбѣ. Въ московскихъ обществахъ рѣшили, что онъ *помышался* на процессъ, но когда процессъ кончился, Кирилла Агаѣоновичъ черезъ трое сутокъ забылъ объ немъ, и прилѣпился къ другой мысли, которая имъ совершенно овладѣла.

Видался, въ продолженіе своей тяжбы съ сенаторами,

съ другими лицами, занимавшими важныя должности, Кирилла Агаѣоновичъ снова воспламенился честолюбіемъ и рѣшился, во что бы то ни стало, добиться до какого-нибудь виднаго мѣста. Помня слова графа С**, что для полученія важнаго мѣста, нынѣ требуются способности и познанія, Кирилла Агаѣоновичъ, составивъ обо мнѣ высокое мнѣніе, познамѣрился употребить меня, какъ другіе, къ своему возвышенію, и всю дорогу мучилъ меня разсказами о своихъ будущихъ надеждахъ, и о своемъ будущемъ значеніи, которое онъ хотѣлъ основать на преобразованіи Россіи. Во всю дорогу онъ не отпускаялъ меня ни на шагъ отъ себя, такъ, что я только за столомъ могъ бесѣдовать съ Малавѣей Кирилловной. Наконецъ болтовня его такъ мнѣ надоѣла, что я воротился бы съ дороги въ Москву, если бы нѣжныя взгляды его дочери не приковывали меня къ несносному существованію.

На осьмой день послѣ выѣзда нашего изъ Москвы, къ полудню, увидѣлъ я съ пригорка множество красныхъ крышъ, съ куполами и шпицами. Какой это городъ?—спросилъ я. — «Это моя *резиденція*», отвѣчалъ Кирилла Агаѣоновичъ, поправляя галстухъ и вытягиваясь въ коляскѣ. Мы въѣхали въ село, примыкавшее къ усадьбѣ. Крестьянскіе дома выстроены были въ линію, по обѣимъ сторонамъ, вымощенной (хотя очень плохо), и выметенной улицы. Фасады домовъ изукрашены были, по русскому обычаю, рѣзбою, и ставни раскрашены. Вездѣ были чистота и порядокъ. Каждый крестьянинъ, съ своимъ семействомъ, въ праздничномъ платьѣ, стоялъ передъ воротами своего дома, и когда мы проѣзжали, всѣ низко намъ кланялись. Мы въѣхали на обширный, господскій, парадный дворъ, застроенный съ трехъ сторонъ каменными зданіями, неимѣющими никакой архитектуры отъ множества пристроекъ и надстроекъ. У главнаго крыльца ожидала насъ дворня, нѣсколько сотъ душъ обоего пола и разнаго возраста, мужчины по одну, женщины по другую сторону. Главный управитель, съ своими помощниками, стоялъ у послѣдней ступени, гдѣ экипажи должны были остановиться, а на крыльцѣ находились, по одну сторону оркестръ, а по другую хоръ пѣвчихъ, которые, по при-

блужденіи вашемъ, заѣлъ какой-то гимнъ, въ кото-
ромъ я расслушалъ одно только слово: *Лилуи, лилуи...*
Управитель съ помощникомъ высадили Кирилла Агаео-
новича изъ коляски, и повели подъ руки на крыльцо,
на которомъ онъ остановился. Дамы прошли въ комна-
ты, а я долженъ былъ остаться при Кириллѣ Агаео-
новичѣ. Онъ махнулъ рукою, чтобы хоръ замолкъ, и
сказалъ громко, важно и протяжно, всей толпѣ: «Здрав-
ствуйте!» — «Здравіа желаемъ! Ура!» — закричала толпа.
Тутъ оркестръ заигралъ симфонію и началъ руко-
цѣлованія. Женщины и мужчины, взрослые и дѣти, под-
ходили по очереди къ Кириллу Агаеоповичу, и цѣловали
его руку, которую онъ вытянулъ во всю длину, а глав-
ный управитель ее поддерживалъ. Когда всѣ ползкомъ
лесь цѣлованьемъ, оркестръ заигралъ маршъ, и мы во-
шли въ комнату, сопровождаемые однимъ только глав-
нымъ управителемъ. У каждаго дверей стоялъ лакей въ
дверѣ. Черезъ рядъ комнатъ, убранныхъ великолѣп-
ными, хотя и старыми мебелями, прошли мы въ гостиную,
гдѣ Кирилла Агаеоповичъ сѣлъ на софѣ, указалъ мнѣ нѣ-
сто напротивъ, и обратясь къ главному управителю, ска-
залъ: «Это *пріятель* мой: слышишь ли? *пріятель*, Алек-
сандръ Сергѣевичъ Опенковъ!»... Главный управитель
низко мнѣ поклонился, а Кирилла Агаеоповичъ продол-
жалъ: «Отведи моему *пріятелю* въ лѣвомъ флигелѣ ком-
наты, которыя занималъ, помнишь ли, шуринъ мой, князь
Алексѣй Петровичъ, и дай письменный приказъ всей двор-
нѣ и вотчинѣ, чтобы *пріятелю* моему, Александру Сер-
гѣевичу, всѣ, отъ перваго до послѣдняго, повиновались,
какъ мнѣ самому! Слышишь ли?» — «Слушаю-съ, ва-
ше превосходительство!» сказалъ главный управитель, от-
гнѣсь одинъ низкой поклонъ своему барину, а другой
гнѣсь, а Кирилла Агаеоповичъ продолжалъ: «Приставь ис-
правную прислугу, и прикажи, чтобы верховыя лошади
и экипажи были всегда къ услугамъ моего *пріятеля*, что-
бы стродатель являлся къ нему за приказаніями, чтобы....
— Помилуйте, ваше превосходительство. Затѣмъ всѣ эти
хлопоты? сказалъ я, прерывая рѣчь Кирилла Агаеопови-
ча. Мнѣ ничего не нужно кромѣ одной комнаты, и, ос-

ли вамъ угодно, одного мальчишка для прислуги.... я привыкъ къ простой жизни и мальшъ доволенъ.—«Но я не доволенъ! сказалъ важно Кирилла Агаѳоновичъ. Я хочу и долженъ трактовать васъ по достоинству. Чтобъ было такъ, какъ я приказалъ— слышишь ли!»—Слушаю-сь, ваше превосходительство! сказалъ главный управитель, снова отвѣснивъ своему барину и мнѣ по низкому поклону.—«А каково, братецъ, кончили мы тяжбу? гмъ!» примолвилъ Кирилла Агаѳоновичъ, съ гордою улыбкою поднимая голову. — «Благодаримъ Господа! Никто не сомнѣвался, что ваше превосходительство уничтожите проклятаго ябедника и всѣ преданные вашему превосходительству торжествуютъ,» отвѣчалъ главный управитель съ обыкновеннымъ своимъ поклономъ. — «Уничтожилъ и всѣхъ уничтожу, кто дерзнетъ возстать противъ меня!» сказалъ грозно Кирилла Агаѳоновичъ. «И тѣ, которые были противъ меня въ уѣздѣ и въ гражданской палатѣ, скоро услышать обо мнѣ. Между-тѣмъ проводи моего *пріятеля* въ его комнаты. Вы, можетъ-быть, хотите отдохнуть послѣ дороги, переодѣться.... Пожалуйста, не женируйтесь, будьте, какъ въ своемъ домѣ!»

Я чрезвычайно обрадовался, что наконецъ могъ освободиться отъ удушливой пріязни, и въ сопровожденіи главнаго управителя пошелъ въ мои комнаты.

— Вотъ ваша гостиная, вотъ зала, вотъ кабинетъ, а вотъ спальня, сказалъ главный управитель, указывая мнѣ двери комнатъ, и низко поклонившись, схватилъ меня насильно за руку, прижалъ ее къ губамъ своимъ, и крѣпко поцѣловавъ, сказалъ, какимъ-то жалкимъ голосомъ: «Будьте отцомъ и милостивцемъ, и не оставьте вашимъ высокимъ покровительствомъ!» Вырвавъ у него мою руку, я, впервые пристально посмотрѣлъ на него. Если у васъ есть подъ рукою иллюстрированный экземпляръ басенъ Лафонтена, то посмотрите на толстую лисицу во фракѣ — настоящій портретъ главнаго управителя Кириллы Агаѳоновича! Огромный, красный носъ Ивана Михенча (такъ назывался главный управитель), выдавшійся почти на четверть аршина впередъ, и подъ носомъ, на разстояніи одного пальца, широкій ротъ, почти до ушей, съ ма-

лезьями, едва приметными губами, вдавленная борода, крошечные сѣрые глаза, безъ бровей, и оттопыренные уши на лысой головѣ, составляли точь-въ-точь фигуру старой лисицы. Иванъ Михенчъ былъ низкаго роста, пузатый, на коротенькихъ ножкахъ, и безпрестанно кланялся, какъ китайская кукла. Я едва могъ удержаться отъ смѣху, когда на досугъ разсмотрѣлъ его во всей подробности. — Вы ошибаетесь, вспрашивая моего покровительства. Я ничего здѣсь не значу.... и не хочу значить.... Я пріѣхалъ погостить на короткое время, сказалъ я, смотря пристально на Ивана Михенча.

— Ахъ! батюшка! какъ вамъ ничего не значить при баринѣ! сказалъ Михенчъ, продолжая кланяться. Вѣдь мы все знаемъ: къ намъ писали изъ Москвы....

— Къ вамъ писали изъ Москвы обо мнѣ? Это что-то мудреное! Кто жъ вамъ могъ писать?

— Свои люди, батюшка, милостивецъ.... Пожалуйте ручку.... Онъ снова хотѣлъ поцѣловать мнѣ руку, но я воспротивился. Свои люди, батюшка, а кто жъ другой! Вѣдь мы, всей душой преданные барину, должны знать, что у нихъ дѣлается....

Дипломатъ—подумалъ я. Онъ окружилъ своего барина шпионами, чтобы знать все, что происходитъ въ отсутствіи и не тому разиѣрять свои поступки. Мастеръ, хотя и не слышалъ о Макавельѣ.

— Да, что же вамъ писали обо мнѣ? спросилъ я.

— Все хорошее, все самое лучшее, батюшка! сказалъ Иванъ Михенчъ, еще ниже кланяясь. Писали, батюшка, какъ вы умѣете хорошо сочинять бумаги, какъ хлопотали по дѣлу барина, какъ баринъ васъ любитъ, и мы — тутъ Михенчъ устремилъ на меня свои лисьи глаза—и мы денно и ночью молимъ Бога, чтобы онъ послалъ нашему доброму барину такого разумнаго зятя, а нашей доброй барыниѣ такого молодца-мужа.... графа....

Я чувствовалъ, что кровь бросилась мнѣ въ лицо. — Что вы это выдумали здѣсь, на досугъ, Иванъ Михенчъ! сказалъ я. Вамъ кто-то нагаля, а вы и повѣрили.... Прошу, чтобы о такихъ вещахъ и помину не было въ домѣ!

— Какъ прикажете, батюшка, такъ и будетъ—сказалъ Михенчъ, трижды поклонившись.

— Да, перестаньте нагибаться—сказалъ я. Вѣдь къ вечеру у васъ будетъ ломъ въ спиный!

— Что жъ дѣлать, батюшка.... Вѣдь такого ужъ надо учесть.... Мы кланяемся, и намъ кланяются!

— Кланяйтесь кому вамъ угодно, только не мнѣ.... Я вамъ запрещаю!

— Какъ прикажете, батюшка—и Михей снова не выдержалъ и поклонился, примолвъ: извините, а намъ не подобаетъ иначе!

— Назначьте же мнѣ слугу—сказалъ я.

— Госи! народъ!—закричалъ Михенчъ, и человекъ десять вбѣжало въ комнату изъ галереи, которой я прежде не замѣтилъ.

— Выберите мнѣ одного человека—сказалъ я.

— Какъ можно одного! возразилъ Михенчъ—одинъ для каждой комнаты, а для васъ, батюшка, по-крайней-мѣрѣ, камердимеръ и парикмахеръ. Вотъ, батюшка, рекомендую.... Фильку!... малый исправный.... Онъ причисляется нашихъ актрисъ въ дни представлений, и всѣхъ ихъ коротко знаетъ—примолвилъ Михенчъ, лукаво посмотрѣвъ на меня. Филька смѣло смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ-будто гордился рекомендаціей Михенча.

— Мнѣ не нужно парикмахера—сказалъ я. Довольно одного камердимера.

— Такъ вотъ Сенька—сказалъ Михенчъ. Не нѣтъ и въ воровствѣ не замѣченъ. Сенька низко поклонился сперва мнѣ, а потомъ Михенчу.

Я велѣлъ принести мой чемоданъ, выслалъ всѣхъ, и заперся въ моей комнатѣ. Все видѣнное и слышанное мною до-сихъ-поръ навело на меня грусть.

Сколько тутъ народу, отнятаго у земледѣлія, фабрикъ и промышленности, подумалъ я—людей утопающихъ въ безнравности, и вѣроятно, въ развратъ, послѣдствіемъ лѣни и безнравности! Сколько тутъ издерживается по-напрасну денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ пользою и для хозяина, и для его подданныхъ и для отечества. Сколько тутъ воровства и обмана! И все для удовольствия

чванства и тщеславія! Размышляя объ этомъ предметѣ, я убѣдился, что эти двѣ слабости, которыя мы не ставимъ даже въ числѣ пороковъ, производятъ столько же зла, какъ и самыя гнусныя пороки. Дятого, чтобы блистать, обращать на себя вниманіе толпы, заставить вразумныхъ людей говорить о себѣ, тщеславный жертвуетъ всѣмъ, благосостояніемъ семейства, благомъ крестьянъ, даже честью и совѣстью.....

Одѣвшись, я пошелъ въ садъ, и встрѣтилъ Маланью Кирилловну съ ея гувернанткой.

— Какъ вамъ показалось, съ перваго взгляду, наше Лисное? (названіе вотчины) спросила меня Маланья Кирилловна.

— Слишкомъ грандіозно и великолѣпно для деревни — Москва въ миниатюрѣ! отвѣчалъ я.

— Для меня это несносно, приговорила она. Я хотѣла бы жить въ скромной хижинѣ, съ моими книгами, съ моимъ фортепіано, и.... Тутъ Маланья Кирилловна замолчала и потупила взоръ, а потомъ прибавила: и..... съ мечтами моими.... съ надеждами....

Тотчасъ гувернантка сложила на груди руки, подняла глаза, покрасившіе отъ ночнаго чтенія романовъ, и заахала. Я молчалъ, не смѣя ничего отвѣчать на вѣжливую выходку Маланьи Кирилловны.

— Не угодно ли, я вамъ покажу мою пустыню, хозяйство? спросила она.

— Прошу покорнѣйше!

Передъ домою былъ лугъ, и цвѣтники съ широкими дорожками, а за ними паркъ, то есть, лѣсъ, верстѣ пять квадратныхъ, обнесенный валомъ и рвомъ. Въ лѣсу подвѣлены были дороги для экипажей и тропинки для пѣшеходовъ. Черезъ лѣсъ протекала рѣчка. На площадкахъ построены были въ разныхъ мѣстахъ бесѣдки, хранилища, хижины, подвѣлены искусственные гроты, подземелья, словомъ, паркъ, устроенный искуснымъ англійскимъ садовникомъ и содержимый въ чистотѣ и порядкѣ, могъ соперничать съ любимымъ англійскимъ паркомъ. Въ верстѣ отъ дому находилась въ паркѣ ферма Маланьи Кирилловны. Маленькая хижина, крытая

соломою, убрана была щегольски внутри. Здѣсь находилась библіотека романовъ, фортепіано и небольшое хозяйство: коровы, овцы, куры отличной породы. Дворникъ обнесенъ былъ заборомъ. За хозяйствомъ приглядывалъ инвалидъ, съ женою и двумя дочерьми. Все здѣсь было чрезвычайно мило, красиво, изящно, и я отъ чистаго сердца сознался, что за величайшее счастье почелъ бы провесть всю жизнь въ такой хижинѣ.

— Одинъ.... пустыннокомъ? спросила Маланья Кирилловна.

Я покраснѣлъ и молчалъ, а тощая гувернантка снова захала, устремивъ глаза въ потолокъ. Я никакъ не могъ побѣдить моей застѣнчивости, хотя очень хорошо понималъ, что меня понуждаютъ къ признанію. Положеніе мое и сиротство лишили меня смѣлости и запрещали возноситься въ моемъ состояніи!

Изъ фермы Маланья Кирилловна повела меня въ богатые оранжереи и теплицы, въ которыхъ произрастали всѣ возможные плоды и экзотическія растенія. Я чрезвычайно удивлялся, находя вездѣ необыкновенный порядокъ и чистоту. Усадьба Кириллы Агаѣоновича или, какъ онъ называлъ ее, *резиденція*, точно могла служить нѣмецкому князю, или англійскому лорду, и здѣсь одна вещь была только безпорядочная, а именно, голова самого хозяина.

Мы возвратились домой къ обѣду. Нѣсколько сосѣдей велѣли дать знать себѣ съ дороги о проѣздѣ Кирилла Агаѣоновича, и поспѣшили къ нему съ поздравленіемъ. Когда мы вошли въ гостиную, Кириллы Агаѣоновичъ рассказывалъ гостямъ о выигранномъ процессѣ, и лишь-только увидѣлъ меня, представилъ всѣмъ, подъ почетнымъ званіемъ своего *пріятели*. Я замѣтилъ, что двое молодыхъ людей, съ огромными усами, косо посматривали на меня, когда я вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ Малапѣей Кирилловной. Разумѣется, что они были ея несчастные обожатели.

Къ обѣду пришли мы въ огромную залу, съ двумя рядами оконъ и хорами для музыкантовъ. У дверей стояли, въ одну лнцію, домашніе люди, то есть, почетные слуги, допущенные къ барскому столу. Кириллы Агаѣоновичъ

шелъ впереди одинъ, а гости за нимъ. Остановясь близъ дверей, онъ половалъ меня и сказалъ:—Вамъ, какъ яри-
тельно моему, должно знать всѣхъ въ домѣ. Вотъ, сударь,
моя академія: мистеръ Яйловджинъ, ученый ботаникъ и
помологъ, управляющій моими садами и оранжереями;
синьоръ Фистула, учитель пѣнія при моемъ театрѣ; герръ
Барбасъ, начальникъ моего оркестра; мосьё Сотильяръ,
мой балетмейстеръ; Федоръ Аникіевичъ Мулъ, историкъ,
поэтъ, куплетистъ и водевилецъ, начальникъ ренертуарной
части при моемъ театрѣ; герръ Шмиръ, ветеринарный
врачъ при моихъ конскихъ заводахъ; Адамъ Адамовичъ
Васисласъ, ученый агрономъ, химикъ и механикъ, котора-
го я нарочно выписалъ теперь послѣ ученаго Француза, а
вотъ, наконецъ, и извѣстный уже вамъ Иванъ Михенчъ
Михеевъ, отставной коллежскій регистраторъ, то есть,
его благородіе примолвилъ Кирилла Агаѣоновичъ съ
улыбкою, (Михенчъ во все время кланялся): нѣчто въ
родѣ великаго Кольберта, или кардинала Ришліе, *фина-
нсъе, коммерсанъ, политикъ!*.... Садитесь, господа, мило-
сти просимъ!

Заиграла музыка, на хорахъ и Кирилла Агаѣоновичъ
сѣлъ на почетномъ мѣстѣ, то есть, на верхнемъ
концѣ стола, въ большихъ креслахъ съ высокою
спинкою, на которой придѣланъ былъ раззолоченный
гербъ его, возвышавшійся надъ его головою. Для всѣхъ
прочихъ собесѣдниковъ были обыкновенные стулья. По
правую сторону хозяйина помѣстилась дочь его, а по лѣ-
вую первое мѣсто указано было мнѣ. Гости съ удивле-
ніемъ поглядывали другъ на друга, не постигая такого
предпочтенія, оказываемаго молодому человѣку неиз-
вѣстной фамиліи, а два усача бросали на меня гнѣвные
взгляды. Почетная челядь помѣстилась въ концѣ стола,
за гостями.

— Я боюсь, чтобы вы у меня не соскучились, сказалъ
Кирилла Агаѣоновичъ, обращаясь ко мнѣ: горожане не
любятъ деревни.....

— Во-первыхъ, я не принадлежу къ числу тѣхъ горо-
жанъ, которые не любятъ деревенской жизни, а во-вто-
рыхъ, самый прихотливый горожанинъ не назоветъ вашей

потчины деревней. Она настоящий городъ, да и не многою города могут похвалиться такою чистотою и порядкомъ, отвѣчаю я.

Кириллу Агаѣоновичу была пріятна моя похвала.— Да, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, кто подобно мнѣ проведъ часть жизни своей въ разныхъ европейскихъ столицахъ, при различныхъ Дворахъ; кто былъ камергеромъ при Дворѣ Екаторины Великой, тотъ знаетъ, что чистота и порядокъ выше всякаго великолѣпія и красоты.... У меня первое дѣло — чистота! Мнѣ тошно, когда я вижу соломенку на улицѣ въ моемъ селѣ, или листикъ на дорожкѣ моего парка.... Чистота—моя первая роскошь!.... Безъ чистоты не можетъ быть хорошаго хозяйства: неправда ли, Семенъ Гавриловичъ?... Вѣдь вы сами хорошій хозяинъ!

Семенъ Гавриловичъ былъ толстый, краснощекий мужчина, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Онъ имѣлъ душъ пятьсотъ, безъ долговъ, хозяйничалъ по старому обычаю, былъ непріятелемъ всякой новизны, и позволялъ себѣ говорить откровенно со всѣми, не примѣнялъ ни къ чьему образу мыслей. Въ молодости своей онъ служилъ во флотѣ, вышелъ въ отставку лейтенантомъ, и потомъ былъ судьей въ уѣздѣ. Какъ Кирилл Агаѣоновичъ бралъ деньги въ займы, у кого только можно было взять, то онъ былъ также должникомъ Семена Гавриловича, котораго онъ особенно ласкалъ за то, что тотъ не недоумалъ ему обшуплатъ капитала и процентовъ, и рассчитывался ежегодно съ Михенчемъ, получая за проценты, или лошадей, или рогатый скотъ, или зерновой хлѣбъ. Когда Кирилл Агаѣоновичъ обратился къ Семену Гавриловичу, въ ожиданіи утвердительнаго отвѣта, тотъ обтерся сперва салфеткой, потомъ преспокойно понюхалъ табакъ и сказалъ: — Въ этомъ я не могу безусловно согласиться съ вашимъ превосходительствомъ. Чистота чистотѣ рознь. Отъ одной чистоты въ карманахъ густо, а отъ другой чистоты въ карманахъ пусто. — Кирилл Агаѣоновичъ померщился и махнулъ брови, а Семенъ Гавриловичъ продолжалъ: — Вѣдь не даромъ же говорится, что самая дорогая вещь, дорожка золота—время. Хотите, попробуйте, вычистить де-

ревья отъ сучихъ и лишнихъ сучьевъ, какъ въ вашемъ паркѣ: работа стояла бы дороже, чѣмъ половина брянскихъ лѣсовъ. У насъ, напримѣръ, много ли у крестьянской семьи времени на обработку своего и господскаго поля, огородовъ, хожденія за домашнимъ скотомъ, изготовленія всякой домашней утвари, на починку телегъ, земледѣльческихъ орудій, дома, заборовъ и прочаго—такъ, когда тутъ думать о чистотѣ, то есть, о такой чистотѣ, какой требуютъ отъ крестьянина теоретики!....

Видя, что рѣчь не нравится Кириллѣ Агаѣоновичу, я хотѣлъ заступитъ его мѣсто въ спорѣ, и потомъ отвѣсть разговоръ на другой предметъ.—А какъ же въ Германіи, въ Англіи? сказалъ я. Семенъ Гавриловичъ прервалъ меня.—Бывали мы, сударь, и въ Германіи и въ Англіи, сказалъ онъ. Тамъ, сударь, велико народонаселеніе и мало земли, а кромѣ-того, тамъ лѣто длиннѣе нашего, такъ остается довольно времени на то, чтобы мести, да счистить по всѣмъ угламъ. А въ наше короткое лѣто, два, три тягла въ одной семьѣ едва могутъ справиться съ необходимымъ, а одному тяглу даже не въ могуту. Ктому жъ прибавьте, сударь, что у насъ вездѣ и во всея дистанціи огромнаго размѣру. На каждую поѣзду надобно много времени, городовъ мало, дороги плохи. Когда много хлѣба—продать негдѣ, а мало—купить не у кого. Такъ мужичку надобно стараться, чтобы позавестись нужнымъ для желудка, а не тѣнить глаза чистотой!....

Кирилл Агаѣоновичъ надулся и почти зажмурилъ глаза. Желая избавитъ его отъ непріятнаго положенія, я рѣшился внезапно перемѣнитъ разговоръ, и слышавъ прежде, что между хозяевами происходятъ споры насчетъ картофеля, спросилъ:—Позвольте васъ спросить, что вы думаете о картофелѣ?

—Картофель вещь полезная, какъ и все что создано Богомъ; особенно картофель полезенъ тамъ, гдѣ мало хлѣба, хлѣбъ дорогъ, и гдѣ мало земли, а много рабочихъ рукъ и желудковъ, требующихъ пищи. Но по моему мнѣнію, ничего нѣтъ полезнѣе и здоровѣе для русскаго чело-
вѣка, какъ ржаной, частый хлѣбъ и капуста. Я только о

томъ и хлопочу, чтобы у моихъ крестьянъ были круглый годъ хлѣбъ и щи, а если притомъ есть каша, горохъ, бобы, картофель — такъ и слава Богу! Это уже роскошь!

Адамъ Адамовичъ Васисдасъ не могъ равнодушно вытерпѣть предпочтенія капусты картофелю, и вступился за него всею своею нѣмецкою ученостью. Завязался между ученымъ Нѣмцемъ и помѣщиками споръ о картофелѣ, капустѣ, трилистникѣ, къ величайшему удовольствію Кириллы Агаѣоновича, который сказалъ мнѣ вполголоса: — Люди запоздалые, оригиналы..... Особенно Семенъ Гавриловичъ, впрочемъ добрый человекъ, но варваръ! Проклинаетъ Вольтера, а о Гельвеціи, Даламберѣ, баронѣ Гольбахѣ—даже не слыжалъ! Говорите съ такими людьми!.... Слава Богу, что я ихъ скоро оставлю. Въ Петербургѣ поймутъ меня!

— Я, конечно, не имѣю познаній въ сельскомъ хозяйствѣ, но чтò я сегодня видѣлъ, сказалъ я, поглядывая на Маланью Кирилловну, чтобы дать ей почувствовать, что я говорю объ ея фермѣ, то мнѣ кажется, что лучше и милѣе хозяйства нѣтъ въ мірѣ.... какъ здѣсь!

— Вы человекъ со вкусомъ, такъ и постигаете, отвѣчалъ Кирилла Агаѣоновичъ.

Лишь-только Кирилла Агаѣоновичъ произнесъ слово: *искусъ*—милая дочь его вмѣшалась въ разговоръ и овладѣла имъ, обращаясь всегда ко мнѣ. Мы перебрали природу и искусство, сердце и душу, словомъ, всѣ пружины, изъ которыхъ составляется механизмъ романовъ и драмъ. Кирилла Агаѣоновичъ не пропускалъ случая втереть въ разговоръ французскій стишокъ, или французскую сентенцію изъ Вольтера, выученные имъ наизусть въ юности. Между-тѣмъ на другой половинѣ стола продолжалась борьба картофеля съ капустой, и бѣдный Нѣмецъ наконецъ охрипъ и выбился изъ силъ.

Обѣдъ состоялъ, по ежедневному порядку, изъ двѣнадцати блюдъ, состряпанныхъ изъ домашнихъ произведеній. Вина было довольно, и его разливали лакеи только гостямъ. Домашняго пива и разнаго рода квасу, яблочниковъ, малинниковъ, и тому подобнаго, было въволю. Въ концѣ

разнесли наливки. Прислуга была исправная. Толстый негодотель распоряжалъ кушаньемъ, напитками и лакеями. Словомъ, все доказывало, что Кирилла Агаеоновичъ умѣлъ хорошо жить, то есть, проживать въ порядкѣ и чистотѣ свое имѣнье.

Нѣсколько разъ замѣтилъ я за столомъ, что двое усатыхъ гостей вовсе не вмѣшивались въ разговоры, но безпрестанно наблюдали, то за мною, то за Маланьей Кирилловной, слѣдуя за всѣми нашими движеніями. Въ ихъ взорахъ видны были гнѣвъ и досада.

Послѣ обѣда, когда гости перешли въ другую залу, я сѣлъ возлѣ Маланьи Кирилловны, и спросилъ у нея вполголоса: кто эти усачи?—Мои обожатели, отвѣчала она съ насмѣшливою улыбкою: отставные рыцари, хотя и не печальнаго образа, одинъ бывшій корнетъ, не знаю какого-то драгунскаго полка, а другой бывшій гусарскій поручикъ. Они двоюродные братья, имѣютъ въ нашемъ сосѣдствѣ душъ по пятьсотъ, или болѣе, и находятся въ вѣчной войнѣ со всѣми зайцами и лисицами въ здѣшнемъ краю. Не знаю почему, имъ обоимъ вздумалось влюбиться въ меня, и они черезъ мою гувернантку просили меня выбрать одного изъ нихъ въ «служанки моей жизни», какъ они писали въ письмѣ. Но какъ я сама знаю дорогу, то и отказала обоимъ наотрѣзъ. Это, однако жъ, не мѣшаетъ имъ посѣщать нашъ домъ, тѣмъ болѣе, что они жили въ тѣсной дружбѣ съ шулымъ братцемъ моимъ, по сходству вкусовъ и занятій. Я замѣчаю, примолвила она, съ лукавою улыбкою, что теперь ихъ мучитъ ревность.... и на этотъ разъ.... они, можетъ-быть, имѣютъ право.....

Маланья Кирилловна не кончила рѣчи, взглянула на меня и потушила глаза. Я покраснѣлъ, какъ говорится, до зрачковъ, и въ ту минуту твердо рѣшился открыться въ моей любви при первомъ удобномъ случаѣ. Взглянувъ машинально на усачей, которые сидѣли вмѣстѣ, въ другомъ углу комнаты, я замѣтилъ, что они пристально смотрѣли на васъ и перешептывались между собою.

Къ вечеру гости разъѣзжались. Кирилла Агафоновичъ не удержалъ ихъ, давъ почувствовать притомъ, что у него множество дѣлъ и хлопотъ, но пригласивъ всѣхъ къ обѣду и въ театръ черезъ трое сутокъ, то есть, на воскресенье.

Вечеромъ я не видалъ Маланьи Кирилловны. Она осталась въ своей комнатѣ, а Кирилла Агафоновичъ занялся разсматриваніемъ, то есть, *подписываніемъ* разныхъ счетовъ и протоколовъ, представленныхъ Михенчемъ отъ имени вотчинной главной конторы. Я заперся въ своей комнатѣ, и принялся сочинять письмо къ Маланьѣ Кирилловнѣ, чувствуя, что мнѣ не достаетъ смѣлости признаться словесно въ любви. Почти всю ночь провелъ я въ тяжкой работѣ, изорвавъ съ десь бумага, и наконецъ остановился на одномъ письмѣ, которое, какъ я теперь припоминаю, было безсмысленнѣе, или по-крайней-мѣрѣ запутаннѣе и пламеннѣе всѣхъ другихъ, которыми я былъ не доволенъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни Гёте, ни Жанъ-Жакъ Руссо не были влюблены, когда первый писалъ *Вертера*, а второй *Новую Элоизу*. Обдуманная фразы, краснорѣчіе, анатомія чувствованій и ощущеній, которыми мы восхищаемся, и которыми удивляемся въ сочиненіяхъ Гёте и Руссо, трудъ холоднаго разсудка, работа прилежнаго и осторожнаго артиста, снимавшаго слѣпки съ природы. Всѣ влюбленные безтолковы, потому, что въ нихъ чувство господствуетъ надъ мыслью и страсть надъ разсудкомъ. Доказано медициной, что чѣмъ недугъ сильнѣе въ человѣкѣ, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ объясненію своей болѣзни, и что всѣ вообще больные говорятъ ложно о своемъ недугѣ. А развѣ любовь не болѣзнь? Конечно, у большей части людей, у девяносто-деяти тысячъ девяти-сотъ-девяносто-деяти человѣкъ изъ ста тысячъ любовь есть то же, что анкетитъ, жажда и позывъ ко сну, но у одного изъ ста тысячъ человѣкъ — любовь есть то же, что бѣлая горячка, и я былъ тогда точно въ такомъ положеніи. Правда, сначала Маланья Кирилловна мнѣ только нравилась, какъ нравятся каждая не дура, молодая женщ-

на молодому человеку, и если бы она была хладнокровна со мною, то я скоро забылъ бы ее, но ея обложденеіе со мною, и лигасмая ею надежда въ моемъ сердцѣ, воспламенили меня до высочайшей степени, и я наконецъ совершенно забылся. Не могу всего припомнить, что было написано въ моемъ письмѣ — знаю только, что въ немъ были и пламя, и отчаянье, и смерть. Гнушася ложью и обманомъ, я изобразилъ въ моемъ письмѣ вѣрными красками мое положеніе, и сознался, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ сердца, исполненнаго чести и любви, пламенной страсти къ наукамъ и постояннаго желанія трудами, вѣрною и полезною службою государю и отечеству, приобрести ими и почетное мѣсто въ гражданскомъ обществѣ. Это сказано было справедливо и просто, но все что говорено было о моей любви, страданіяхъ, мученіяхъ, отчаяньи, завергнуто было въ такое пестрое краснорѣчіе, что никто, кромѣ молодой дѣвицы, которой авторъ письма не противенъ, не нашелъ бы въ письмѣ смысла. Надобно вспомнить, что это происходило въ ту эпоху, когда всѣ нѣжныя сердца образованнаго міра разлагались въ сентиментальной литературѣ, какъ жемчужины въ укусѣ. Тогда была эпоха не только снѣжная, но даже опасная, эпоха, въ которую нѣмецкіе студенты пожгли себѣ голову изъ любви къ трагическимъ слухамъ, въ подражаніе *Вертеру*, или грабили вывѣкъ бургеровъ, въ подражаніе *Разбойничьимъ Шиллера*, и когда каждая образованная дѣвица, и молодая замужняя женщина, почитали Гётеву Шарлотту, Юлію Жанъ-Жакъ Руссѣ и Эммилю Августа Коцебу образцами, и когда все юношество заливалось слезами отъ *Блудной Дѣвы Веренины*, и отъ *Чувствительнаго путешествія*, Стерна, между тѣмъ какъ взрослые люди вроникнуты были до костей идеатомъ философіею XVIII вѣка, и самыя следы ея в пестрыхъ нѣдрахъ литературы, чина: два знаменитые романа: *Шевалье де-Фоблазъ*, и *Опасная садомъ* (*Les Maisons dangereuses*). Французская революція встала политическую дѣятельность европейскаго гражданского общества, и политическія идеи на время уснула, а воцѣлѣла политическая лихорадка, про-

исходила борьба грубой чувственности времени Регентства и Людовика Пятнадцатаго съ идеальностью и поэзіею. Тогда весь міръ какъ-то настроенъ былъ любовью и дышалъ нѣжностью.

Маланьѣ Кирилловнѣ и мнѣ такъ же необходимо было любить, какъ дышать воздухомъ! Мы были истинныя, законныя дѣти нашей эпохи.

Я отдалъ письмо лакею, и велѣлъ отнести утромъ къ гувернанткѣ, къ которой написалъ нѣсколько словъ, прося ее вручить мое посланіе ея питомицѣ.

Въ сильномъ душевномъ волненіи вышелъ я съ восхожденіемъ солнца въ паркъ, и углубился въ самую отдаленную его часть. Мнѣ было страшно возвращаться домой, и я даже хотѣлъ бѣжать въ Москву, не выдавшись съ Мелани, но, укрѣпясь духомъ, рѣшился ожидать развязки моего романа, и пошелъ домой по большой аллеѣ. Въ полуверстѣ отъ дому увидѣлъ я гувернантку, которая сидѣла на скамейкѣ и поглядывала въ лорнетъ во всѣ стороны, какъ-будто кого поджидая. Я подошелъ къ ней; сердце во мнѣ сильно билось.

Гувернантка Мелани было странное явленіе во французской природѣ. Вообще Француженки щебетливы, но мадамъ Лафлють была дотога молчалива, что я почти не слышалъ до-тѣхъ-поръ ея голоса. Все свободное время днемъ, то есть, когда не нужно было сопутствовать ея питомицѣ на прогулкахъ, мадамъ Лафлють читала романы, и половину ночей посвящала тому же занятію. Она была высокаго росту, сухоощавая, или правильнѣе сказать, тощая, блѣдная, и всегда страдала главною болѣзнію. Въ безпрерывномъ своемъ молчаніи и задумчивости, она тогда только издавала звуки изъ груди своей, когда слышала что-нибудь касающееся до любви и нѣжности. Тогда она начинала кудахтать, какъ старая курица, повторяя свои восклицанія: ah, oh и hélas, съ тяжкими вздохами. Всю жизнь свою, какъ я уже однажды сказалъ, она была страстно влюблена въ небывалыя существа, то есть, героевъ читаемыхъ ею романовъ, и не нашла на землѣ ни одной со-

страдательной души, которая могла бы осуществить ея пылкія мечты. Передавъ свою страсть къ романтизму и сентиментальности своей питомицѣ, гувернантка нашла единственное утѣшеніе жизни въ привязанности и довѣренности своей воспитанницы, которой повѣряла свои сердечныя тайны и любовныя страданія, и взаимно была также повѣренною всѣхъ ея мыслей, мечтаній и надеждъ. Теперь мадамъ Лафлютъ была выслана ко мнѣ Мавшей Кирилловной, въ званіи чрезвычайной, полномочной посланницы, для заключенія трактата.

Съ трепетомъ подошелъ я къ гувернанткѣ, которая тотчасъ начала охать, закинувъ назадъ голову, и зажмурилась, потому что солнечные лучи препятствовали ей упереть взоры въ небо. Первое ея движеніе ободрило меня нѣсколько, потому что оно означало нѣжное расположеніе ея души. «Жить или умереть?» сказалъ я, трепещущимъ голосомъ. Она взглянула на меня нѣжно, вздохнула три раза изъ глубины души и сказала: «Ахъ! Охъ!.... ахъ!.... для счастья..... для любви!».... Я забылся отъ радости, и чуть не бросился обнимать тощую гувернантку.—Говорите, ради Бога, расскажите мнѣ слово въ слово, что вамъ сказала мадамъ Мелани!.... — Сядьте и слушайте! возразила гувернантка. Я сѣлъ рядомъ съ нею, и она продолжала:—Передъ отъѣздомъ нашимъ въ Москву и въ Москвѣ, мы, съ мадамъ Мелани, прочли тридцать три романа, въ которыхъ описаны все истинныя, немыслимыя происшествія *. Во всѣхъ тридцати трехъ романахъ дюшессы, принцессы и графини выходятъ замужъ, наперекоръ судьбѣ и предрасудкамъ, за бѣдныхъ и безродныхъ молодыхъ людей съ нѣжнымъ сердцемъ и возвышенною душою, и всѣ дюки, принцы и графы женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ изъ простаго званія, одаренныхъ красотою и чувствительностію. Прежде мадамъ Мелани не хотѣла выходить замужъ иначе,

* Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ страстные любители романовъ особенно цѣнятъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ авторъ говоритъ, въ предисловіи, что сочиненіе основано на истинномъ происшествіи.

какъ за какого-нибудь удѣльнаго принца, или по крайней мѣрѣ, англійскаго лорда, мужа и шера, называющаго наслѣдственное званіе при Дворѣ; но тридцать три романа образумили ее, и она убѣдилась, что иначе не можетъ быть счастливою, какъ избравъ мужа по любви, и именно человѣка бѣднаго и безроднаго. Выборъ малъ на дась! Тутъ гувернантка начала снова ахать и всхлипать, и потомъ обтерши слезы, которыя потоками въ изобилии изъ красныхъ глазъ ея, по блѣдымъ, впадымъ щекамъ, она воскликнула:—Ахъ! какъ вы..... оба..... снисзлымы!..... Выплакавшись, и облегчивъ грудь вздохами, она продолжала:—Между-тѣмъ пока любовь ваша не *увѣличается бракомъ* (необходимая фраза въ романтическомъ слогѣ); вамъ обоимъ должно вести себя весьма осторожно. Отецъ мадамозель Мелани человѣкъ прозаическій, и притомъ гордый. Онъ даже объявилъ ей, что переселится въ Петербургъ, для того только, чтобы найти ей мужа между сватѣйшими фамиліями, а кромѣ-того въ домъ къ намъ ѣздитъ болѣе дюжины влюбленныхъ въ мадамозель Мелани, которые сватались за нее формально, и получили отказъ. Я думаю, что нѣтъ другаго средства, какъ..... похищеніе..... — Похищеніе! воскликнулъ я въ испугѣ. Какъ! мнѣ, безродному, бѣдному, рѣшиться на это! — Это лучшая развязка въ чувствительномъ романѣ, возразила гувернантка, да и что за любовь безъ опасностей и безъ страданій! Впрочемъ, это только мое предположеніе. Сегодня, на вечерней прогулкѣ, вы объяснитесь съ мадамозель Мелани.

Тогда показался слуга со стороны булыжрена. Мы встали и пошли къ дому. Слуга сказалъ мнѣ, что Кирыла Агаѣоновичъ ожидаетъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Къ величайшему моему удивленію, я засталъ его обложеннаго книгами разнаго формата, въ прекрасномъ переплетѣ, и кипами исписанныхъ бумагъ. Неужели я ошибся насчетъ Кирылы Агаѣоновича, подумалъ я, вѣря, что онъ вовсе не занимается литературою и науками? Вѣроятно, я не умѣлъ скрыть моего удивленія, потому что онъ

сказать мнѣ, съ улыбкою:—Вашъ кабинетъ страшнѣе, что я вижу за книгами и за бумагами—не правда ли? Въ немъ сидитъ моя библиотека. Мнѣ осталось послѣ отца богатое собраніе книгъ, сочиненія всѣхъ знаменитѣйшихъ философовъ и ученыхъ нашего семнадцатаго вѣка. Но несчастно, болѣе десяти лѣтъ, какъ затерялись ключи отъ шкафовъ, и я, не желая портить прекрасныхъ англійскихъ ликовъ, оставилъ книги въ покоѣ. Но теперь прикажъ я слесарю отпереть шкафы, и вы можете пользоваться книгами по вашему произволу, а между-тѣмъ садитесь и поговорить.

Я сѣлъ, и онъ продолжалъ:—Въ молодости моей мнѣ было общаю мѣсто шталмейстера, и я, желая быть полезнымъ отечеству на поприщѣ службы и нащѣриваясь вести рѣши усовершенствованія и реформы по этой части, выискалъ изъ Франціи ученаго и занялся наукою экономистовъ, которая нынѣ называется политическою экономіею. Кроме-того я бралъ уроки политики, философіи и ветеринаріи; но во посредничествѣ и несчастныхъ обстоятельствахъ я не получилъ мѣста. Однакожъ, кое-что изъ того, чему я обучался, осталось въ моей головѣ, остальное же поместилъ въ этихъ книгахъ. Кроме-того, послѣ отца моего осталъ мнѣ цѣлый сундучище съ разными записками, проектами, рапортами, донесеніями по части управленія псковскими губерніями. Вотъ часть бумагъ. Говорю съ вами откровенно: мнѣ наскучило жить въ деревнѣ. Сынъ мой вступилъ въ службу; дочь невѣста, а жениха ей мнѣ не съвѣкать....(При этихъ словахъ сердце мое сильно забилось.) Я хочу переѣхать въ Петербургъ, какъ я уже вамъ сказалъ, но при томъ мнѣ слѣдовало бы занять какое-нибудь видное, значительное мѣсто. Ветарину было бы не трудно, но теперь, по несчастію, однихъ родственныхъ связей мало: требуютъ непременно способностей, познаній. Бѣдствіе, зараза нынѣшняго вѣка! Но мнѣ мнѣ нельзя уничтожить такихъ предразсудковъ, то я, по-сволѣ, долженъ мнѣ подчиниться. Нѣкоторыя обстоятельства подали уже выгодное мнѣніе обо мнѣ въ Петербургъ. (Я догадался, что онъ говорить о запискѣ моего

сочиненія, которую онъ, какъ мнѣ сказывалъ Михеичъ, разослалъ ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ.) Теперь, продолжалъ Кирилла Агаѣоновичъ, надобно послать, прямо въ собственныя руки, нѣсколько дивныхъ проектовъ о реформахъ и преобразованіяхъ, за которыя весьма сильно принялись по всѣмъ частямъ управленія, и при этомъ случаѣ просить мѣста, приличнаго моему чину, рожденію и значенію. Вы человекъ умный и ученый—не по лѣтамъ, какъ вы уже доказали мнѣ..... Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, а я берусь устроить ваше счастье, то есть, доставить вамъ чины, значеніе и богатство, но въ замѣнъ требую скромности. До времени ненадобно открывать, что вы участвуете въ моихъ работахъ. Когда получу я мѣсто, тогда выставлю васъ на видъ, провозглашу ваше достоинство, и буду просить, даже требовать для васъ награды и возвышенія.

— Я боюсь, что вы ошиблись на мой счетъ, сказалъ я. Мнѣ недостаетъ той опытности, которая можетъ быть слѣдствіемъ только долговременнаго занятія дѣлами, недостаетъ даже свѣдѣній, потому что я сдѣлалъ только первый шагъ на ученомъ поприщѣ, только переступилъ, какъ говорится, чрезъ порогъ въ храмъ учености.

— Пустое, пустое, любезнѣйшій! Униженіе паче гордости. Вы никогда не вели процессовъ, а написали.... Впрочемъ, я вамъ дамъ идею, а вотъ книги, изъ которыхъ вы можете выбрать все что вамъ угодно. Повѣрьте, что эти вещи не такъ мудрены, какъ вы думаете. Видалъ я геніевъ, у которыхъ, если бы отнять чужое, то не осталось бы и простаго умишка. Только примитесь за дѣло, я увѣренъ, что оно пойдетъ, какъ по маслу!...

— Но что же вы задумали?

— Преважное, любезнѣйшій, преважное, величественное и огромное! Вотъ, дорогой мой Александръ Сергѣевичъ! взгляните на карту Россіи. Видите ли эти степи, простирающіяся отъ Кубани до Уральскихъ Горъ? Я хочу населить эти степи, застроить ихъ городами, селами, деревнями, водворить въ нихъ земледѣліе, промышлен-

ность, торговлю, и за всё мои заслуги прошу только одного, чтобы меня назначили правителемъ новосоздаваемого мною края. Каково? примолвилъ Кирилла Агаѣоновичъ, улыбаясь и потирая руки.

— Прекрасно, но какъ же это сдѣлать? сказалъ я въ недоумѣніи.

— Вотъ въ томъ-то и штука! возразилъ онъ важно.

— Помилуйте, Кирилла Агаѣоновичъ! Куда вы залетѣли на крыльяхъ поэзіи! сказалъ я, усмѣхаясь:—вѣдь все, что вы говорите, совершенно невозможно!

— Какъ невозможно? Полноте, полноте! сказалъ онъ, качая головою.

— Все, что вы говорили о населеніи степей—позвольте сказать откровенно—только прекрасныя мечты. Вѣдь тамъ нѣтъ ни воды, ни лѣсовъ....

— Будто я не знаю! сказалъ, нахмурясь, Кирилла Агаѣоновичъ. Но мы прокопаемъ каналы, впустимъ въ нихъ цѣлыя рѣки, надѣлаемъ огромныхъ прудовъ и колодцевъ, поседемъ лѣса, соединимъ Волгу съ Ураломъ, какъ хотѣлъ сдѣлать Петръ Великій.

— Извините, возразилъ я. Петръ Великій хотѣлъ соединить Волгу съ Дономъ, что удобно, возможно и полезно.

— Всѣ-равно Волгу съ Дономъ, или Волгу съ Ураломъ, но каналы должны быть непременно въ новой провинціи. А какъ вы думаете назвать ее? спросилъ онъ.

Не зная что отвѣчать, я боялся шутить и смѣяться надъ нецѣлостію, чтобы не оскорбить его тщеславія, и не могъ разговаривать серьезно о небыллицахъ—я молчалъ.

— Province Caspique—Каспійская Провинція—сказалъ онъ, смотря на карту Россіи: это звучитъ стройно—неправда ли?

— Прекрасно—отвѣчалъ я.

— Правитель Каспійской провинціи и прочее и прочее—это будетъ не дурно на визитныхъ карточкахъ—не правда ли?

— Прекрасно—повторилъ я. Но подумали ли вы, откуда взять людей для населенія провинціи? примолвилъ я.

Кирилла Агаѣоновичъ уткнулъ носъ въ карту и сказалъ: «Посмотрите, что тутъ за народы кругомъ: Киргизцы, Башкиры, Калмыки, Татары, а за Кубанью Кумыки, Чеченцы, Кабардинцы, Абазны, Бесленейцы.... Мы всѣхъ ихъ переманимъ къ себѣ, всѣхъ поселимъ....

— Но вѣдь эти народы не загребешь въ кучу граблии, намъ сѣно? сказалъ я—народы, чуждые всякой образованности, дикіе, отчасти ночевые....

Кирилла Агаѣоновичъ не далъ мнѣ кончить и примолвилъ:—Для просвѣщенія ихъ мы выпишемъ Нѣмцевъ, ученыхъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ, а Нѣмцы пойдутъ куда угодно, за хлѣбомъ!

— Да вѣдь бѣда въ томъ, что хлѣба-то нѣтъ въ степяхъ!

— Будеть, будетъ! отвѣчалъ онъ. Мы раздѣлимъ землю, заведемъ образцовыя фермы, дадимъ поселенцамъ ужасныя привилегіи, учредимъ кадастры.... А знаете ли вы, что такое кадастръ?—примолвилъ онъ, устремивъ на меня глаза.

— Признаюсь, не знаю.

— И я также, но знаменитѣйшіе экономисты толкуютъ, что безъ кадастра нельзя, ни опредѣлить съ точностью имущества земледѣльца, ни наложить правильныхъ поземельныхъ податей. И такъ надобно сдѣлать непременно кадастры. Впрочемъ, мы найдемъ людей, которые знаютъ, что такое кадастры....

Мнѣ наконецъ наскучила пустая болтовня, и стараясь отдѣлаться отъ нея, я сказалъ:—Позвольте мнѣ сперва познакомиться съ предметомъ, обдумать его, а потомъ уже я приступлю къ дѣлу, и скажу вамъ мое мнѣніе.

Кирилла Агаѣоновичъ бросился мнѣ на шею.—Займитесь, займитесь крѣпко этимъ дѣломъ, сказалъ онъ, да только изложите его краснорѣчиво, а ужъ за остальное я отвѣчаю! Вѣдь мы не должны же обѣщать, что исполнимъ про-

октъ въ годъ, въ два, въ три—дѣло безсрочное. Понимаете меня? Пусть оно таетъ, хоть три столѣтія, только бы жидъ мечталъ—вотъ главное. А видъ не маза же, чтобы челоуѣкъ, которому поручено исполненіе столь важнаго проекта, не былъ въ чинѣ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, не видалъ во малости, трехъ звѣздъ, и не получалъ, во самой угрѣшенной сибѣ, не зараста тысячь рублей жалованья.

Не глупо — недумалъ я.

— И такъ жидъ только бы *начать*, а конецъ въ десницѣ Божіей—примолвилъ онъ важно, склонивъ голову на грудь.

Откуда у пустячныхъ людей берется умъ и хитрость, когда идетъ дѣло объ ихъ личныхъ выгодахъ? думалъ я. У исѣхъ великихъ прожектеровъ и преобразователей, первая мысль о себѣ, и тутъ только они умны.

— Я велю перенести въ вашу комнату всѣ эти книги и бумаги — сказалъ онъ. А вотъ вамъ ключъ отъ моей библіотеки..... Только ради Бога не пускайте въ комнату моего начальника репертоара, ученаго, поэта и водевиллиста: я замѣтилъ, что онъ крадетъ книги, гдѣ только можно украсть.... До свиданія, любезнѣйшій.... Я долженъ заняться теперь съ ученымъ Васисдасомъ.... Хочу основать подъ моимъ именемъ учено-земледѣльческій журналъ.... Это поможетъ нашему предпріятію — понимаете.

Я вздохнулъ свободно, вышелъ изъ кабинета, и заперся до обѣда въ моей комнатѣ, чтобы насладиться вполне моимъ счастьемъ, то есть, мыслью, что я любимъ Маланьей Кирилловной.

Кровь сильно волновалась во мнѣ, когда меня позвали къ обѣду. Не помню, какъ я вошелъ въ гостиную. Я боялся взглянуть на Маланью Кирилловну, но когда рѣшился поднять глаза—взоры наши встрѣтились, и я ободрился. Во взглядѣ ея было что-то такое, чего я не умѣю растолковать. Мнѣ было такъ хорошо, что я едва не заплакалъ отъ радости. Когда Кирилла Агаоновичъ выглянулъ въ окно, я приблизился къ ней, и она взяла меня за руку,

пожала ее, и сказала въ полголоса: — Сегодня, въ семь часовъ вечера, на фермѣ.....

За столомъ не было гостей. Кирилла Агаѣоновичъ завелъ рѣчь о хозяйствѣ, образцовыхъ фермахъ, кадастрахъ, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, онъ вовсе не понималъ. Всѣ молчали, и только одинъ Васисдасть отличался своею ученостью, толкуя о компостѣ, капустѣ и картофелѣ. Кирилла Агаѣоновичъ собирался послѣ обѣда осматривать мѣсто для образцовой фермы, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, но я отказался, подъ предлогомъ, что мнѣ надобно заняться нашимъ дѣломъ.

Наконецъ, насталъ часъ свиданія съ Маланьей Кирилловной. Она пришла на ферму съ гувернанткой, но какъ мы разговаривали по-русски, то все-равно, что ея не было. Не стану повторять нѣжностей, которыя мы наговорили другъ другу — скажу только, что я былъ вѣ себя, въ такомъ восторгѣ, о какомъ я даже не имѣлъ прежде понятія. По одному слову Маланьи Кирилловны я бросился бы насто пушекъ. Когда первый пламень нашихъ рѣчей утихъ, я рассказалъ ей, на что хочетъ употребить меня отецъ ея, и она совѣтовала мнѣ, и даже просила меня, подчиниться совершенно его волѣ, чтобы приобрѣсть его полную довѣренность и сдѣлаться ему необходимымъ. — Остальное довершить время, примолвила она, а я клянусь, что буду или твоею женою, или пойду въ монастырь! Съ этого времени мы стали говорить другъ другу: *ты*, разумѣется, наединѣ, и я называлъ ее просто: Мелани, а она меня — Александръ или Саша. Мы ежедневно бывали вмѣстѣ цѣлое послѣ обѣда, подъ предлогомъ, что я даю Маланьѣ Кирилловнѣ уроки русскаго языка. Отецъ, или не замѣчалъ нашей тѣсной дружбы, или не хотѣлъ замѣчать. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что я извѣщалъ его ежедневно о ходѣ моей работы, то есть, сочиненіи проекта о населеніи степей. Я въ самомъ дѣлѣ началъ писать нѣчто въ родѣ «не любо не слушай, а лгать не мѣшай.»

Въ воскресенье начали съѣзжаться гости къ обѣднѣ. Поутру пришелъ ко мнѣ начальникъ репертоарной части,

Федоръ Аникіевичъ Муль, и съ поклонами и нѣжными ужимками объявилъ, что сегодня играютъ новый водевилъ его сочиненія, прося притомъ моей протекціи.

— Чѣмъ же я могу быть вамъ полезнымъ? спросилъ я.

— Ахъ! милостивый государь! сказалъ онъ. Его превосходительство имѣетъ къ вамъ полную довѣренность, и если вы благоволите почтить мою пьесу вашими одобреніями, то и онъ приметъ ее милостиво.

— Но публика! сказалъ я.

— О, я не боюсь почтеннѣйшей публики! Для нея я похѣтилъ столько каламбуровъ и жирныхъ фразъ, что она, гдѣ-то, будетъ довольна....

— Какое же содержаніе вашей пьесы?

Федоръ Аникіевичъ Муль былъ изсохшій человекъ, съ черно-желтоватымъ лицомъ, въ очкахъ, въ парикъ, съ огромнымъ ртомъ и небольшимъ носомъ. Отецъ его былъ слесаремъ въ Москвѣ, и назывался Нѣмцемъ, но по матери, дочери русскаго калачника, Федоръ Аникіевичъ былъ уже Русскій, то есть, грекороссійскаго исповѣданія. Я вспомнилъ, что слыхалъ въ Москвѣ отъ молодыхъ людей много забавнаго на его счетъ, какъ онъ, попавъ въ литературный кругъ, сталъ гордиться предъ своими ровнями, и получилъ отъ нихъ прозваніе *палестинскаго боярина*. Этотъ палестинскій бояринъ, имѣя во мнѣ нужду, стоялъ теперь передо мною, и униженно корчился и кривлялся.—Позвольте объяснить вамъ нѣкоторыя предварительныя обстоятельства, сказалъ онъ. Въ Москвѣ занимался я сочиненіемъ водевилей, и какъ извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе для драматическаго писателя согласія съ журналистами, то и я попалъ къ нимъ въ немилость, невзирая на всѣ мои старанія угождать имъ. Они преслѣдовали меня, доказывая, что я не выдумалъ ни одного сюжета для моихъ водевилей, а называю своими сочиненіями плохія передѣлки съ нѣмецкаго и французскаго языковъ; что я не знаю русскаго языка, каламбуры мои грязны и неблагопристойны, остроты пошлы, и такимъ образомъ вооружили противъ меня дирекцію и на-

чалство школы, гдѣ я давалъ уроки исторіи.... Мнѣ откачали отъ кѣста, и не стали принимать всѣмилостивой на театрѣ. Отецъ требовалъ, чтобы я самъ снискивалъ себѣ пропитаніе, и пока найдется что-либо лучшее, я опредѣлился къ театру Кирилла Агаѣоновича, чтобы принести пользу русской драматургіи образованіемъ хорошихъ сюжетовъ. Но здѣсь встрѣтилъ я также непріятеля. Режиссеръ здѣшней труппы, вольный человекъ, по имени Ванька Бекасъ, самъ стряпаецъ водевилей, и по авторскому самолюбію ведетъ со мною контру, а какъ вамъ вѣроятно извѣстно, что режиссеръ, находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ актерами и актрисами, нѣбось случай угождать многимъ, то онъ, оказывая различныя услуги свѣту его превосходительства, и какъ говорить, и ему самому, пользуется особено здѣсь властью, покровительствомъ, и дѣлаетъ мнѣ разныя непріятности. Въ новой моей пьесѣ вывелъ я на сцену всѣхъ моихъ враговъ, и московскихъ и здѣшнихъ, особенно журналистовъ, и всѣхъ, какъ говорится, прихлопнулъ однимъ ударомъ. Пьеса моя, въ родѣ аристофановскаго.... сатира, принятая къ незначительной завязкѣ.

— И такъ въ ней должны быть личности, а это, вѣроятно, не понравится его превосходительству, сказалъ я.

— Его превосходительство вовсе не занимается русскими пьесами, и не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, возразилъ Мулъ. Его превосходительство любить одни французскіе водевилы и балеты, и если почтеннѣйшая публика довольна русскою пьесой, то и онъ доволенъ, а теперь, если вы одобрите, то я увѣренъ, что получу даже особенное награжденіе.

— Я вамъ мѣшать не стану, а прочее само собою уладится, сказалъ я, желая какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Мулъ вышелъ, отившись мнѣ нѣсколько поклоновъ.

Чѣмъ быдѣи получалъ я. Гдѣ только доскутъ вѣдѣтъ, и хотѣтъ снѣтъ, вѣдѣтъ урѣдѣтъ литература—тамъ вражда, и крѣпко к личности. Читая объ этомъ не хочется вѣрится, а смотрѣть тошно. Но я утѣшалъ себя тогда мыслями,

не впрямую только одна безалаберность прибѣгаетъ къ шестамъ, и что въ вышней литературной сферѣ нѣтъ подобныя гадостей.... Вѣдь ошѣи и лягушки живутъ только въ болотѣ! думалъ я.

Послѣ параднаго обѣда, когда иные гости сидѣли на крыльцѣ, а другіе прогуливались вокругъ цвѣтника кругъ послышался звонъ колокольчика.—Кто пожаловал? Милости просимъ! сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ. Вошли два мои соперника, усачи, и съ ними капитанъ-исправникъ. — Съ чѣмъ, батюшка, завернули къ намъ? сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ исправнику, не трогаясь съ мѣста. — Съ добрыми вѣстями, ваше превосходительство! отвѣчалъ исправникъ. Вотъ манифестъ: война съ Французами! — Война, война! Слава Богу! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Мы пріѣхали проститься съ вашимъ превосходительствомъ, и поблагодарить за хлѣбъ—за-соль и за доброе соудство, сказалъ старшій изъ усачей. Мы съ братомъ идемъ снова въ службу! — И я, и я, и я! — повторила молодежь, и даже старшій морякъ, Семенъ Гавриловичъ покачалъ головою и примолвилъ:—Едва-ли и мнѣ усидѣть дома! Не дамъ Бонапарту ругаться надъ русскими.... Пусть только позволятъ мнѣ пойти въ корсары..... Сожгу его флотъ, хоть бы самому пришлось взлетѣть на воздухъ! Военный духъ проникнулъ всѣхъ, и даже лавы, которыхъ съѣхалось множество, радовались войнѣ.

— Позвать ко мнѣ Федора Анкиевича Мулу и режиссера Бекаса! сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ. Они немедленно явились. — Ваша пьеса отлагается, сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ Мулу. Сегодня должно сыграть *Дмитрия Демидова*.... — Но.... оказалъ Мулъ и—замаялся. — У меня нѣтъ! сказалъ важно Кирилла Агаѣоновичъ. Я такъ хочу! — Но мы давно не репетировали этой пьесы, примолвилъ Мулъ. — Какая мнѣ нужда! Я хочу в должное быть! оказалъ Кирилла Агаѣоновичъ. Режиссёръ, радуясь неожиданной непріятности своего соперника, сказалъ:— Будьте спокойны ваше превосходительство.... *Свѣтлѣе,*

въ угоду вашу! — Ступайте же оба — я вамъ даю два часа лишнихъ; начало будетъ въ осемь часовъ, сказалъ Кирилла Агаѣоновичъ, и они вышли, Мулъ повѣся носъ, а Бекасъ съ радостнымъ лицомъ.

Находясь возлѣ хозяина дома, который не отпускалъ меня отъ себя, съ удивленіемъ замѣтилъ я, что Маланья Кирилловна весьма благосклонно слушала двухъ усачей, которые расхаживая съ нею вокругъ цвѣтника, что-то ей рассказывали. Она даже пріятно посматривала на нихъ и улыбалась. Я всталъ съ мѣста и прошелъ мимо ихъ, желая узнать объ чемъ идетъ рѣчь. Старшій изъ усачей рассказывалъ о сраженіяхъ, объ опасностяхъ войны, и подвигахъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ нашихъ храбрецовъ, и я слышалъ, какъ Маланья Кирилловна примолвила: «О, я люблю храбрыхъ..... Мужчина долженъ быть героемъ!» Въ эту минуту я рѣшился вступить въ военную службу.

Въ театрѣ два усача заняли мѣста позади Маланьи Кирилловны. Трагедію *Дмитрій Донской*, разыгрывали такимъ образомъ, что она превратилась въ самую смѣшную фарсу. Первый трагическій актеръ ревѣлъ изо всѣхъ силъ и бѣсновался, топая ногами и размахивая руками съ такимъ неистовствомъ, что перебилъ лампы на авансценѣ и за кулисами, и подбилъ глазъ первой трагической актрисѣ, которая, въ свою очередь, мычала заунывно. Прочіе актеры распѣвали Озеровскіе стихи по тогдашнему обычаю, всѣми возможными интонаціями, кромѣ настоящей, а суфплеръ, чтобы выказать свое усердіе, кричалъ во все горло, какъ на пожарѣ. Во всякое другое время, я хотѣлъ бы отъ начала до конца пьесы, и вѣроятно, не одинъ, но тогда я такъ грустно былъ расположенъ, что это представленіе еще болѣе разстроило меня. Патріотизмъ довелъ всѣхъ гостей до такого восторженнаго состоянія, что они не обращали никакого вниманія на игру актеровъ, и только ловили стихи, чтобы ашлодировать изъ всѣхъ силъ, а въ сценѣ татарскаго посла передъ сонмомъ русскихъ князей — восторгъ зрителей дошелъ до изступленія. — Смерть Французамъ! закричалъ одинъ изъ гостей, и всѣ повторили

восклицаніе, съ криками ура, съ хлопаньемъ въ ладоши и топаньемъ. Французъ, балетмейстеръ, услышавъ грозный возгласъ, бѣжалъ со сцены въ лѣсъ, и нитермедія, которая долженствовала быть представлена послѣ трагедіи, за отсутствіемъ его была отложена.

Послѣ театра я ушелъ въ мою комнату и сказался больнымъ. Гости танцовали, ужинали, и къ свѣту разѣхались. Я провелъ ночь безъ сна, сооружая новые планы, и обдумывая средства къ ихъ исполненію, страдая отъ ревности и проклиная женское непостоянство. Въ двѣнадцать часовъ я вышелъ въ садъ, и нашелъ тамъ Маланью Кирилловну за работою. Она щипала корпию для будущихъ раненыхъ.....

Она мнѣ очень пріятно улыбнулась, но уже безъ нѣжнаго взгляду.—Я пришелъ проститься съ вами, и быть-можетъ, навсегда, сказалъ я. — Это чтò значитъ? спросила она, взглянувъ на меня съ безпокойствомъ.—Я слышалъ, какъ вы вчера сказали, что любите военныхъ — возражалъ я. — То есть военныхъ не по усамъ и мундиру, но по храбрости, примолвила она. — Я такъ и понимаю, и постараюсь, чтобы вы узнали, что и я не трусь, сказалъ я. Сегодня же ѣду въ Москву и опредѣляюсь въ военную службу.—Она встала со скамьи, посмотрѣла на меня съ прежнею улыбкою, и подала мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. — Полно тебѣ дуться и ревновать, Александръ! сказала она прежнимъ дружескимъ тономъ. Наша идиллія была не къ стати въ такое время, когда Бонапартѣ разгоняетъ штыками пастушковъ. Мы оба еще молоды, и можемъ подождать.... Поѣзжай и возвратись съ Георгіемъ — и вотъ твоя награда! При этихъ словахъ она снова подала мнѣ руку, и потомъ, снявъ коле чко съ пальца, отдала мнѣ, примолвивъ:—Вотъ талисманъ, который долженъ сохранить въ сердцѣ твоемъ вѣрность ко мнѣ.... Я буду ждать тебя!...

Простясь съ ней, я просилъ ее не говорить отцу своему о моемъ намѣреніи, и пошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ только-что всталъ съ постели послѣ вче рашнаго, бала и

очень обрадовался моему приходу. — Вотъ кстати! закричалъ онъ. А я только-что хотѣлъ посылать за вами.... Знаете ли что: отложимъ планъ населенія степей до мирнаго времени, и займемся теперь другимъ проектомъ. Надобно выдумать, какъ заманить Бонапартѣ въ сѣти, поймать его, разбить его войско, и отнять у него завоеванные имъ государства, которыя я берусь устроить и привязать къ Россіи..... когда меня назначать правителемъ ихъ, за мой проектъ.....

— Оба проекта, какъ они ни хороши, надобно отложить на нѣкоторое время, или составить безъ меня, потому что я получилъ весьма важное письмо изъ Москвы, и долженъ сегодня же ѣхать туда....

— Какъ? Ѣхать? Оставить меня въ такое важное время? Я не ожидалъ этого отъ васъ! Оставайтесь..... Мы пошлемъ въ Москву нарочнаго, Михеича, если угодно, и онъ исправитъ всѣ ваши дѣла. Пожалуйста оставайтесь, хотя недѣльки на двѣ, хоть на недѣлку, пока мы составимъ проектъ Потомъ поѣзжайте себѣ, съ Богомъ!

— Не могу оставаться ни на два часа.... Отъ этого зависитъ судьба моя! сказалъ я хладнокровно.

— Но вѣдь я взялся устроить судьбу вашу, и лишь-только получу желаемое мѣсто, первое мое попеченіе будетъ объ васъ, сказалъ важно Кирилла Агаѣоновичъ.

— Я не могу основывать моей будущей участи на проектахъ, сказалъ я. Вамъ можно ждать исполненія ихъ, а мнѣ нѣтъ....

Кирилла Агаѣоновичъ надулся и принялъ серьезный видъ, потомъ взглянулъ на меня и гордо сказалъ:—Я не полагалъ найти въ васъ такую черную неблагодарность, государь мой! Наука впередъ!...

— Неблагодарность.... во мнѣ? воскликнулъ я, вспыхнувъ. За что же я обязанъ вамъ благодарностью, позволите спросить?

— Какъ, сударь, вы не понимаете, какую жертву принесъ я; дѣйствительный статскій совѣтникъ и бывший камергеръ, столбовой дворянинъ со временъ Ивана Калиты, считающій въ родѣ своей тридцать три князя,

одинадцать графовъ и семьдесятъ шесть княгинь, графинь и княженъ—называя васъ моимъ другомъ, сажая за столъ рядомъ со мною!

Я не далъ кончить ему сказалъ: «Прощайте,» вышелъ изъ кабинета, и пошелъ прямо въ деревню нанять лошадей до перваго яма. Гнѣвъ, досада, любовь терзали меня, и я весь былъ, какъ въ огнѣ. Къ величайшей моей досадѣ, въ деревнѣ, выметенной, вычищенной и раскрашенной, не только не было лишней лошади, но даже лишней курицы. Снаружи была чистота, а внутри нищета. Насмь упросилъ я одного старика запрячь въ телѣгу хромую лошадь, которая не могла работать въ полѣ, чтобъ только дотащить мой чемоданъ до сосѣдней чужой деревни. Возвращаясь на дворъ съ телѣгой, я встрѣтилъ главнаго управителя, Михенча, который уже, не только не изгибался передо мною, но даже не приподнялъ шляпы, а сказалъ съ насмѣшкою: «А что, батюшка, въ Москву ѣдешь? Счастливыи путь!» Я не отвѣчалъ ему ни слова. Федоръ Анкиевичъ Мулъ прошелъ важно мимо меня, не удостоивъ ни взглядомъ, ни поклономъ. Приставленный ко мнѣ лакей сказалъ, что ему некогда укладывать мои вещи въ чемоданъ, потому что онъ занятъ другой работой. Пока я искалъ лошади въ деревнѣ, Кирилла Агаѣоновичъ уѣхалъ съ дочерью изъ дому къ сосѣду, вѣроятно, нарочно ддя того, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ объясненій со мною. Я самъ уложилъ мои вещи, мужикъ вынесъ чемоданъ и бросилъ на телѣгу, и я пѣшкомъ вышелъ за ворота, въ которыя прежде вѣхалъ съ торжествомъ, рядомъ съ хозяиномъ дома. Позади меня раздавался хохотъ Михенча и лакеевъ, которые смѣялись, въ угоду ему, безъ сомнѣнія, слушая его шутки на мой счетъ. *Sic transit gloria mundi!* сказалъ я про себя. Вотъ тебѣ и дружба Кирилла Агаѣоновича! прибавилъ я къ тому.

Мое путешествіе еще болѣе утвердило меня въ намѣреніи моемъ вступить въ военную службу. Хотя я и налѣлся, что Маланья Кирилловна не раздѣляетъ чувствъ и мнѣній отца, но не находилъ въ умѣ моемъ никакихъ другихъ средствъ приблизиться къ ней, какъ необыкновенно

военными заслугами, и задумалъ, во что бы ни стало—взять въ плѣнъ Наполеона. Эта мысль дотога овладѣла мною, что я совершенно предался ей, и днемъ и ночью мечталъ о томъ. Миѣ видѣлись въ воображеніи слава, почести, милліоны—и за ними Маланья Кирилловна!...

Нанявъ лихую тройку въ деревнѣ Семена Гавриловича, я доѣхалъ къ ночи до перваго яма, а оттуда поѣхалъ на сдаточныхъ въ Москву.

=

СОНЕТЪ.

12

=

Нигдѣ, ни въ комъ любви не обрѣтал,
Мучительнымъ сомнѣніемъ томимъ,
Я умолялъ, чтобъ истина святая
Представилась хоть разъ очамъ моимъ.

И вечеромъ, какъ сходитъ тѣнь ночная,
И по полю клубится влажный дымъ,
Явилась мнѣ жилица неземная
И голосомъ сказала неземнымъ:

Ты звалъ меня — и я твой зовъ приемлю,
«Лицомъ къ лицу стою передъ тобой,
«И холодомъ мечты твоей объемлю.

«Живи теперь: въ обители земной,
«Тотъ не смущенъ ни счастьемъ ни бѣдой,
«Кто истину умѣлъ призвать на землю!»

С. ДУРОВЪ.

* * *

Вечеръ былъ свѣтелъ какъ день; небо сіяло лазурью;
 поля
 Ярко-зеленымъ ковромъ разстилались далеко, далеко;
 Звонко журчащій ручей, ниспадая съ горы у подножья,
 Радужной пѣной сверкалъ — а въ лѣсу, изъ-за кущи вѣт-
 вистой,
 Слышалась пѣснь соловья. — И подумалъ тогда я не-
 вольно:
 О, для чего не дано человѣческой жизни подъ вечеръ,
 Свѣтлаго неба любви, упованій широкаго поля,
 Быстрыхъ желаній ручья и надеждъ соловьиныхъ нагъ
 вобъ!....

С. ДРОВЪ.

МЕЛОДІЯ.

=

(Изъ Байрона.)

I.

Да будетъ вѣчный миръ съ тобой!....
 Еще въ небесное жилище,
 Не возлетала надъ землею
 Душа возвышеннѣй и чище.
 Существованья твоего,
 Ничто людское не смущало:
 Безсмертья только одного
 Тебѣ у насъ недоставало.

II.

Пускай же твой могильный холмъ
 Не вѣетъ горькою утратой,
 Да разрастаются на немъ
 Цвѣты градею полосатой....
 Не надъ тобою зеленѣть
 Вѣтвямъ плачущимъ грустной нвы:
 Зачѣмъ, скажите, сожалѣть
 О тѣхъ, которые счастливы!....

С. ДУРОВЪ.

 Изъ В. Гюгô.

Я страсть имѣлъ всегда къ крылатымъ существамъ.
 Малюткою бродя подъ темными вѣтвями,
 Искалъ я гнѣздышекъ съ безперыми птенцами:
 Силеталъ на тростнику приютъ моихъ друзьямъ,
 И ихъ воспитывалъ на ложѣ мховъ зеленыхъ,
 И птички, въ лѣтній день, изъ оконъ растворенныхъ
 Не улетали прочь; нль упорхнувъ въ лѣса, —
 Когда я кликалъ ихъ, тотчасъ назадъ стремились.
 Съ одной голубкою такъ долго мы любилсь.
 А нынѣ я учусь прикалывать—сердцѣ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ХУДОЖНИКЪ.

....аего речешіа.

Въ общемъ крушенъи, гдѣ наши дѣла погибають,
 Время падаетъ геніальныя строфы поэтовъ.

Въ дивныя формы боговъ пересозданный мраморъ.
 Ломокъ, не вѣченъ; картины тускнѣютъ и блекнутъ;
 Все исчезаетъ.... но слово—нетлѣнно, какъ мѣръ.

Какъ хрупкую вазу порой разбиваетъ скудельникъ,
 Время разбило надменные портики Рима;
 Но отъ набѣга столѣтій оно утало
 Лиру Виргилія: вздохъ ея и понынѣ
 Будеть поэзію въ самыхъ жарявыхъ сердцахъ.

В. ДКОВЛЕВЪ.

* * Переводы изъ Энеиды, помѣщенные въ двухъ предыдущихъ книжкахъ и приписанные, по ошибкѣ, М. Н. Де-Ларо, принадлежатъ господину Шершеневцу.

Е М Е Л Я

ИЛИ

П Р Е В Р А Щ Е Н І Я .

=

Р О М А Н Ъ А . И . В Е Л Ъ Т М А Н А .

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О томъ, какъ Наталья Дмитриевна хотѣлось имѣть дѣтей, и какъ она заказала себѣ сына.

Москвичъ, Платонъ Андреевичъ, сидѣлъ на спокойномъ канапѣ, подлѣ стола, и раскладывалъ гран-пасьянсъ, въ ожиданіи вечера и бостончика; а Наталья Дмитриевна покоилась въ креслахъ, подлѣ маленькаго китайскаго столика, и занималась мысленно. Нѣжные супруги наблюдали миръ и тишину ненарушимые.

Платонъ Андреевичъ — мужъ почтенный, немножко буфъ; а Наталья Дмитриевна — молодая и чувствительная дама, какъ говорится, съ претензіями. Наталья Дмитриевна была непосида. Въ противоположность этому

правственному свойству, Платонъ Андреевичъ, по природѣ своей, былъ сѣдѣш. Главное дѣло Платона Андреевича—покушать да засѣсть въ бостончикъ, дома или въ гостяхъ, всё-равно, лишь бы покушать да засѣсть въ бостончикъ. Безъ этого—день не въ день. У Натальи Дмитриевны, напротивъ, другаго роду свѣтская страстишка. Она считалась визитами. Принимать визиты, отдавать визиты—такое важное дѣло, что нужно было бы завести бухгалтерію визитовъ, книги, графы, итоги, съ означеніемъ кредита и дѣбета, прихода и расхода, вѣсу, достоинства и цѣны,—гдѣ лично,—гдѣ билетъ,—гдѣ проценты,—а гдѣ и точная плата наличною монетою. Это былъ истинный мелочной торгъ изъявленіями любви, дружбы, уваженія и почтенія. Ночь обыкновенно проводилась на какомъ-нибудь вечеру. Все это было еще въ то время, когда въ Россіи преобладалъ тонъ старой Франціи, Франціи-эмигрантки, въ исходѣ счастливаго вѣка тупеевъ, фижмъ и роброновъ; когда въ высшемъ обществѣ все мыслило, говорило и дѣлало чисто по-французски; а въ среднемъ кругу русскій языкъ только еще подкрашивался французскими словами, и вмѣсто «душа моя» говорили—*монъ амъ*, вмѣсто «моя драгая»—*ма шеръ*; когда всѣ, отъ мала до велика, учились ловко шаркать и гнуть, что, правду сказать, не шло къ русскому стану, который мать-природа чеканила, а не изъ воску лѣпила; но ужъ таковъ былъ вѣкъ.

Послѣ долгаго молчанія, Платонъ Андреевичъ, смѣшавъ карты, сказалъ, прилично случаю, по-русски:

— Фу, ты, пропасть! никакъ не выходитъ.....

Тогда Наталья Дмитриевна сказала нѣжно, по-французски:—*Mon ami!*

— Что прикажешь, мой другъ? спросилъ Платонъ Андреевичъ по-русски, и, въ припадкѣ нѣжности, сдѣлавъ рогульку изъ пальцевъ, хотѣлъ пощекотать жену.

— Перестань, пожалуйста! сказала Наталья Дмитриевна.

— Чего жъ тебѣ хочется, душа моя?

— Я хочу говорить тебѣ о серьезномъ дѣлѣ, а у тебя всё шутки!

- Готовъ слушать.
- А вотъ что.....
- Ну, что такое!
- У насъ нѣтъ дѣтей.
- Самъ я объ этомъ думалъ.
- Можетъ-быть, и не будетъ.....
- Почему жъ такъ?
- Мнѣ..... такъ кажется!.... Знаешь ли, что? скучно безъ дѣтей: я думаю взять хоть пріемыша, на воспитанье.
- Пріемыша? Вотъ новость!... А по-мѣму лучше дожидаться своихъ..... Потерпи немного.
- Когда-то будетъ! А я хочу теперъ.... Я возьму какого-нибудь мальчика на воспитаніе.
- Мальчика? Вотъ новость!
- Что жъ такое?
- А по-мѣму, если брать, такъ дѣвочку.
- Ахъ, нѣтъ!
- Отчего же нѣтъ?
- Мальчикъ милѣе.
- Ну, нѣтъ!
- Отчего же нѣтъ?
- Дѣвочка милѣе. Съ мальчикомъ много хлопотъ: учи, воспитывай, да и мало ли что еще!... а потомъ куда съ ними деваться?
- А мнѣ кажется, напротивъ: дѣвочка требуетъ гораздо больше заботъ.
- То-то и есть, что тебѣ все кажется напротивъ, скажи Платонъ Андреевичъ, начиная снова раскладывать пасьянсъ.
- Я возьму мальчика..... ты согласенъ, Платоша, не правда ли?
- Послѣ этихъ словъ, надъ яснымъ темнеемъ Платона Андреевича раздался поцѣлуй. Онъ оставилъ пасьянсъ, и поцѣловалъ полненькую ручку своей жены.
- Согласенъ, согласенъ, Наташа; но.....

— Вотъ умникъ! прервала Наталья Дмитриевна, не любившая никакихъ *мо*.

— Послушай.... право, подождать бы еще нешиного! продолжалъ Платонъ Андреевичъ: потому что, возьмишь, а потомъ..... будутъ свои дѣти. До посторонняго ли ребенка тогда?

— О! если я возьму на себя обязанность быть матерью посторонняго, то буду любить и его какъ роднаго сына.

— Помилуй, Наташа! что ты это? посторонняго чело-вѣка ввести въ права семейства! Это ужасно!

Наталья Дмитриевна ничего не отвѣчала на эти слова; чело-вѣкъ доложилъ, что карета готова, а горничная накинула на нее мантилью и подала вѣеръ. Платонъ Андреевичъ, задумавшись, которую карту переложить на другую, не замѣтилъ, какъ исчезла его супруга; четверка гнѣдыхъ, въ шорахъ, управляемая Адамомъ Адамовичемъ, въ треугольной шляпѣ, въ лосиныхъ штанахъ и ботфортахъ, несла ее по мостовой.

— Что жъ ты на это скажешь? продолжалъ Платонъ Андреевичъ, нюхая табакъ. Не получивъ отвѣта, онъ кликнулъ одного изъ малыхъ, ввязавшихъ паголенки въ передней, и получилъ отъ него докладъ, что барыня изволила уѣхать со двора.

— Странныя женщины! сказалъ онъ: захотѣлось—взнь, да положь, да еще что—ребенка! А сама дѣтскаго крику слышать не можетъ!.... Дня не пройдетъ — велить вошь вытащить.....

И Платонъ Андреевичъ сперва внутренно посмѣялся капризу жены, а потомъ захохоталъ вслухъ. Потомъ, — время было послѣ обѣденное, — прилегъ онъ къ мягкой спинкѣ канапѣ, задремалъ, заснулъ, и, казалось, продолжалъ во снѣ забавляться насчетъ Натальи Дмитриевны: лицо его смѣялось. Вскорѣ сновидѣніе какъ-будто осуществилось: вотъ слышитъ онъ звонкій крикъ ребенка..... вотъ Наталья Дмитриевна, то нѣжно потреплетъ его по щекѣ, то потянетъ за носъ, то дернетъ за ухо..... вотъ онъ съ любовью взглядываетъ на нее и говоритъ сквозь сонъ: «Я говорилъ тебѣ, Наташа, что будутъ свои!....» И

съ этимъ мудрымъ словомъ, Платонъ Андреевичъ перева-
лился на другой бокъ....

— Вставай же, Платонъ! тщетно повторила нѣсколько
разъ Наталья Дмитриевна.

И вдругъ надъ ухомъ Платона Андреевича раздался
пронзительный крикъ.

— Чтò такое! вскричалъ Платонъ Андреевичъ, очнув-
шись съ испугомъ, и вытаращилъ глаза на Наталью Дми-
триевну, которая стояла подлѣ него съ плачущимъ ребен-
комъ на рукахъ.— Чтò это такое? повторилъ онъ.

— Рекомендую тебѣ моего воспитанника, Платоша, ска-
зала Наталья Дмитриевна, поднося ребенка къ мужу:— По-
смотри, мой другъ, какой ангелъ! Возьми его къ себѣ на
руки, приласкай. Вѣдь ты любишь дѣтей, не правда ли?
Эмилій, душенька, а-гу!

— Помилуй, душа моя: откуда ты взяла такого урода!

— Какъ тебѣ не стыдно это говорить!

— Сдѣлай одолженіе, скажи, откуда ты взяла такого
звѣрка?

— Ты, я вижу, ненавидишь дѣтей! сказала съ сердцемъ
Наталья Дмитриевна, цѣлуя ребенка.

— Да скажи, пожалуйста, Наташа, откуда ты взяла та-
кого..... Емелю?....

Наталья Дмитриевна ничего не отвѣчала на обидный во-
просъ, а Платонъ Андреевичъ до-тѣхъ-поръ смотрѣлъ
на нѣжности жены своей къ ребенку, покуда онѣ не по-
казались ему очень забавными, и онъ захохоталъ.

— Чему вы, сударь, смѣетесь? спросила выведенная изъ
себя Наталья Дмитриевна.

— Помилуй, Наташа, да это не только мнѣ, это всѣмъ
людямъ на посмѣшище! Чтò за Хамово отродье такое! Я
не видывалъ безобразнѣе.... Телячьи глаза, ротъ какъ у
ласточки, носъ какъ у кукушки.....

— Да, онъ точно былъ бы такой, если бъ хоть сколько-
нибудь походилъ на васъ!

— Сердись, пожалуй! А я тебя предупреждаю, что завтра же ты его на дворъ выкинешь.

Зная Наталью Дмитриевну, Платонъ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что ея охота воспитывать приемыша не продолжится долѣе сутокъ. Онъ не любилъ, когда Наталья Дмитриевна сердялась на него; и потому, въ угожденіе ей, поглядилъ противъ шерсти маленькаго Емелюшку, и миръ былъ заключенъ.

— Гдѣ жъ ты достала его? спросилъ опять Платонъ Андреевичъ.

— Гдѣ достала?... Я увѣрена была, что ты исполнишь мое желаніе, и потому давно заказала бабушкѣ прискаты мнѣ на воспитаніе хорошенькое дитя.

— Ужъ если на заказъ, мой другъ, то можно было бы заказать что-нибудь по-лучше.

— Чѣмъ же тебѣ не нравится Эмилій? спросила съ досадою Наталья Дмитриевна.

— Я бы заказалъ, во-первыхъ.... не рыженькаго.

— У него еще потемнѣютъ волоса.

— Потомъ не такого смугленькаго.

— Смуглость къ мужчинѣ идетъ.

— Потомъ, чтобъ глаза и ротъ, хоть немножко походили на человѣчи.

Наталья Дмитриевна ушла съ ребенкомъ въ свою комнату. Платонъ Андреевичъ послѣдовалъ за ней, и долженъ былъ подтвердить божбой, что онъ шутилъ, чтобы утишить гнѣвъ ея. И вотъ начались хлопоты, гдѣ назначить дѣтскую. Платонъ Андреевичъ совѣтовалъ въ мезонинѣ; но Наталья Дмитриевна хотѣла непременно, чтобъ дѣтская была подлѣ ея спальни, и, слѣдовательно, въ дѣтскую суждено было обратитъ кабинетъ Платона Андреевича. Напрасно онъ отстаивалъ свое сосѣдство съ спальней: кабинетъ переведенъ на другую половину дома. Но для удобнаго помѣщенія Емелюшки мало одной комнаты. Наталья Дмитриевна уступила ему и свой кабинетъ; этажерки съ бронзой, съ фарфоровыя китайскія, со шкѣ-

она даискина, причудами и игрушками, все пошло въ изгнание, въ другія комнаты.

Платонъ Андреевичъ, засевъ руки назадъ, копитъ назадъ и впередъ, дулся, вздыхалъ. Завелъ онъ было опять ссору; но пришлось тотчасъ же просить пощадья, и былъ отправленъ покушать для Емелюшкин прощайго перера колыбель, и деревяного коня, между-тѣмъ какъ Наталья Дмитриевна поѣхала въ городъ для закупки всего необходимаго къ снаряженію Емелюшкин. Къ вечеру, Емелюшка ползалъ между игрушками, которыми уставлены были всѣ комнаты, а Платонъ Андреевичъ опять ходилъ съ угла въ уголъ, дулся и вздыхалъ.

И вотъ, Емелюшкѣ, то бисквитку, то конфетку, то кашки, то вареньица. Настала ночь; надо спать, а у Емелюшки заболѣлъ желудокъ: кричитъ благимъ-матомъ на весь домъ; Наталья Дмитриевна сама его баюкаетъ, поетъ колыбельную пѣсню: «Спи, дитя мое, усни, угомонь тебя возьми!» Ничто не беретъ!

— Выкинь ты этого ребенка въ кухню! кричитъ Платонъ Андреевичъ, вскочивъ съ постели и прибѣжавъ изъ своей спальни въ дѣтскую, въ колпакѣ и калатѣ.

— Это не щенокъ, сударь! вскричала гнѣвно Наталья Дмитриевна. Лучше бы вы, хоть изъ жалости, послали за докторомъ. У васъ ни сколько нѣтъ челоуѣчества. Извольте послать скорѣй за докторомъ, товарю и вагъ!... О! Боже мой, Боже мой! я сама заболѣю!

И обильныя слезы потекли изъ глазъ Натальи Дмитриевны.

Нечего дѣлать, посылаетъ Платонъ Андреевичъ за докторомъ; а между-тѣмъ Емелюшка воснаѣлъ отъ крику, мечется на рукахъ блѣдной и утомленной названой матери. Она, то убаюкиваетъ то шушукаетъ, то угомониваетъ Емелюшку, или проклинаетъ доктора, или велитъ позвать Платона Андреевича, клянеть его, и сквозь слезы повторяетъ: «Онъ умретъ! Боже мой, онъ умретъ!... и никто объ этомъ не думаетъ, не жалѣетъ! Да съѣдите, сударь, сами за докторомъ!»

Нечего дѣлать Платону Андреевичу: велитъ закричать

лошадѣй, самъ начинаетъ бранить доктора, что долго не ѣдетъ, и кучеровъ, что долго не запрягаютъ:—«Херешъ докторъ! прекрасный врачъ! неподобный лекарь!... Да ну, скоро ли!»—Наконецъ, карету подали, садится, ѣдетъ Платона къ годовому своему доктору, не застаётъ дома, скачетъ къ другому. Только-что онъ съ крыльца, а Емелюшка, какъ на зло, тише, тише, умолкъ, заснулъ. Только-что Наталья Дмитриевна сложила его съ рукъ въ колыбельку, а въ залѣ шумъ, стукъ....

— Чтò тамъ за безумный кричить и стучить! прошептала она, и сама побѣжала унять дерэкаго.

Она къ дверямъ, а въ двери Платонъ Андреевичъ: — Покорно прошу!

— Тсъ! чтò ты кричишь! проговорила тихо Наталья Дмитриевна, и, махнувъ рукой, чтобъ онъ шелъ прочь, притворила двери.

Исправный Платонъ Андреевичъ, а за нимъ и докторъ, стретировались въ залу, молча и едва дотрогиваясь до полу.

Усадивъ доктора, въ ожиданіи требованія въ дѣтскую, онъ занимаетъ его разговорами, шопотомъ, про дѣла политическія. Проходитъ часъ: требованія нѣтъ. Все тихо. Платонъ Андреевичъ отправляется самъ на цыпочкахъ, прикладываетъ ухо къ двери: тихо; хотѣлъ отворить: заперта.

Возвратившись въ залу, и не рѣшаясь еще отпустить доктора, онъ снова принялся занимать его разговоромъ.

— Да, политика государственная важная вещь, отъ нея много зависитъ.... Вы въ какихъ мѣстахъ Европы изволили быть?...

— Въ Германіи и Франціи....

— И во Франціи?... да!... это край!...

— Я завтра къ вамъ пріѣду.... по-раньше.... повторилъ въ третій разъ докторъ, смотря на часы.

— Нѣтъ, пожалуйста, подождете еще немного. Политика—важная вещь.... Напримѣръ, теперь во Франціи.....

— Я полагаю, что это просто была рѣзь: прошла, и дитя уснуло.

— Вѣрно, не больше какъ рѣзь; но жена такъ встревожилась.... признаюсь, я испугался за нее....

— Вы давно уже женаты?

— Году нѣтъ.

— Вѣроятно это—первый младенецъ вашей супружки?...

— Это?... нѣтъ.... это.... Политика требуетъ....

Въ это время Емелюшка вскрикнулъ. Платонъ Андреевичъ вскочилъ и бросился къ дверямъ; но снова все тихо, двери, по-прежнему, закрыты.

— Нѣтъ, это не мой ребенокъ, продолжалъ Платонъ Андреевичъ, отходя отъ дверей. Возвращаясь къ рѣчи нашей, политикъ....

— Тѣмъ лучше; стало быть, дитя спитъ спокойно; извините, мнѣ надо ѣхать.... завтра, если угодно, я заѣду.

И докторъ, боясь, чтобы хозяинъ не задержалъ его снова политикою, быстро выпорхнулъ въ двери, а Платонъ Андреевичъ плюнулъ съ досады и пошелъ въ свою спальню переворачиваться съ боку на бокъ отъ безсонья.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О томъ, какое приложено было попеченіе Натальей Дмитриевной, Платономъ Андреевичемъ и есъмъ домою о воспитаніи Емелюшки.

Мы уже сказали, что Платонъ Андреевичъ былъ вполне увѣренъ, что Наталья Дмитриевна скоро наскучитъ не только чужой, но в свой собственный ребенокъ; однако же не такъ случилось. Прошелъ день, другой, а Наталья Дмитриевна и не думаетъ скучать Емелюшкой: сама нянчится съ нимъ, сама его обшиваетъ, сама обмываетъ и одѣваетъ, десять разъ въ день одѣваетъ; не нарадуется на Емелюшку.

— Посмотри, Платоша, какой милый ребенокъ!

— Прекрасный, неподобный, душа моя! чудо! редко видалъ такихъ....

— Видишь ли, я знала, что ты полюбишь Эмили! —

— Какъ же.... истинное наказаніе.... виновать—утѣшеніе.... боюсь только, что ты заболѣешь отъ заботъ объ немъ!...

— О, не безпокойся!

— Вотъ не было печали, да черти накачали! — ворчалъ про себя Платонъ Андреевичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Емелюшка поселился въ домѣ какъ домовою: съ-тѣхъ-поръ все пошло наперекоръ. Вышло, до Емелюшки, Платонъ Андреевичъ могъ ходить, когда вздумается, по всѣмъ комнатамъ, и даже насвистывать любимую свою арію изъ Русалки; но едва явился Емелюшка, Платонъ Андреевичъ не смѣлъ ступить ни въ гостиную, ни въ залу во время его сна. Ему даже не позволено было раскладывать гран-пасьянсъ въ гостиной, потому что иногда забывшись онъ кричалъ: эй! мальй!

Во время сна Емелюшки, все въ домѣ говорило шопотомъ и ходило по воздуху; но и тутъ Наталья Дмитриевна часто грозилась пальцомъ и шикала. Одного наемнаго чело-вѣка согнала со двора за то, что у него сапоги со скры-помъ, другаго, крѣпостнаго, сослала въ деревню за то, что онъ точно какъ въ рупоръ вскрикивалъ: слушаю-съ!

То въ домѣ тишина ненарушимая, то неумолкаемый крикъ Емелюшки; то дитя играетъ, и всѣ играй и забав-ляй его; даже Иванъ-косая-сажень долженъ былъ часто, по требованію Емелюшки, садиться на полъ и строить до-микъ изъ картъ, или тютюкать вмѣстѣ съ ребенкомъ. Емелюшкѣ купленныхъ игрушекъ мало, онъ тянется ко всему, что кидается въ глаза, блестить и свѣтить. Не дать —закричитъ, заплачетъ—ничѣмъ не уймешь; а Наталья Дмитриевна знаетъ, что отъ крику можетъ сдѣлаться гры-жа. Такимъ образомъ Емелюшка мѣлъ по очереди прекра-сные восковые цвѣты, подаренные Платономъ Андрееви-чемъ Натальѣ Дмитриевнѣ въ день ея именинъ; Емелюшка ломалъ всѣ вещицы, украшавшія комнаты, разбивалъ въ

дрезгивитайскихъ истуканчиковъ и французскихъ пастушекъ; перервалъ цѣлый портфѣль картинъ, которыя трудныя собирать Платонъ Андреевичъ, словомъ, истребилъ все, что только могло назваться игрушкой старыхъ и малыхъ. Платонъ Андреевичъ приходилъ въ отчаяніе, но долженъ былъ привыкать къ новому порядку вещей, и въ дополненіе, долженъ былъ еще ласкать Емелюшку и называть не иначе какъ Эмилиемъ, чтобы не лишиться самому ласкъ супружескихъ. Но зато когда Наталья Дмитриевна не было дома, душа его вволю мстила Емелюшкѣ; онъ забавлялся нѣтъ какъ звѣркомъ, называлъ его по-русски Емелею, привязывалъ конфетку на ниточку и дразнилъ его какъ кошку мышкой; а если Емелюшка не хотѣлъ ловить мышку, его тянули за ухо; а если кричалъ, его терели за волосы.

Первое слово, которое Емелюшка началъ произносить, было папа, и какъ на зло, только-что Платонъ Андреевичъ въ дери, онъ и тянется къ нему и кричитъ папа.

— Наташа, ты отучи этого чужбина сына называть меня отцомъ! тебя онъ можетъ величать мамашей, а я ему не папа!—вскричалъ Платонъ Андреевичъ, и съ этого началась ссора съ Натальей Дмитриевной; а когда ее не было дома, и Емелюшка осмѣлится прозвонести папа, Платонъ Андреевичъ его за ухо.

Часто, возвращаясь домой, Наталья Дмитриевна воображала, что у него разгорѣлись уши отъ золотухи и пошла Емелюшку чередой и анютиными глазами.

Любовь Наталья Дмитриевна къ Эмилию росла вмѣстѣ съ нимъ. Всѣмъ доставалось за него отъ Натальи Дмитриевны. Люди называли его кромѣ Емелюшки чортовьямъ дѣтисемъ, а Платонъ Андреевичъ называлъ его различныи образомъ. Извѣстно всѣмъ ивѣющимъ дѣтей, что когда ребенокъ становится на ноги и начинаетъ говорить, то онъ дѣлается истиннымъ утѣшеніемъ. При Натальѣ Дмитриевнѣ никто однакоже въ домѣ не смѣлъ потѣшаться Емелюшкой; но въ отсутствіи барыни, нѣтъ тѣшился баринъ; а когда и барина нѣтъ дома, нѣтъ тѣшилась вся людская. Кузьма училъ его дѣлать гримасы, Филька ко-

ситъ глаза; Ванька кувыркаться. Каждый день эта наука стоила Емелюшкѣ клока волосъ; и вскорѣ голова его стала гладка какъ ладонь. Наталья Дмитриевна совѣтовалась съ докторами, отъ чего у Емелюшки лѣзутъ, а не растутъ волосы, и все тѣло въ синякахъ? Всѣ единогласно подтвердили, что это явные признаки золотухи; и вотъ для укрѣпленія его пасочной системы и волокожъ, вливали въ него насильно то желудковый кофе, то услажденную ртуть, то ассафетиду. Лекарства стали для Емелюшки хуже побоевъ; онъ даже возненавидѣлъ маменькины ласки, которыя всегда сопровождались скрупуломъ или унціей отвратительнаго лекарства. Чтобъ потѣшить его, у Натальи Дмитриевны всегда былъ готовъ запасъ бисквитокъ, конфетокъ, сладкихъ пирожковъ и сахарныхъ крендельковъ; она бы засахарила его, если бъ, къ счастью, то Дарья, то Марья не шептали ему: «не кушай, сударь, этого, вѣдь все это лекарство, а ты, слава Богу, здоровъ: дай-ко мнѣ, у меня голова болитъ.» Емелюшка отдавалъ свое лакомство, и еще съ радостью, потому что за это его гладили по головкѣ и приговаривали: вотъ теперь ужъ ты, Емелюшка, умникъ! вотъ разумникъ! вотъ добрая душа! И вскорѣ всѣ эти жертвы совершенно перемѣнили отношенія Емелюшки къ людской, къ передней и къ дѣвичей. Во всѣхъ углахъ дома поняли наконецъ, что Емелюшка добрая душа, — и дворецкіе, ливрейные, кучера и повара не преминули воспользоваться этимъ прекраснымъ свойствомъ Емелюшки. Когда онъ выбѣгалъ на крыльцо или на дворъ, и чушка мотая головой и хрюкая проходила съ поросятами мимо, тогда, то Иванъ, то Осипъ не пропускали случая возбудить въ Емелюшкѣ чувство великодушнѣйшей щедрости и милосердія, особенно въ то время, когда у Натальи Дмитриевны бывали гости. «Посмотри-ко, сударь, нищенская хавронья тебѣ кланяется, съ праздникомъ поздравляетъ; попросилъ бы ты у маменьки что-нибудь ей на бѣдность: дѣти съ-голоду умираютъ, а самой опохмѣлиться нечѣмъ.» Емелюшка тотчасъ же бѣжалъ въ гостиную: «маманъ, а маманъ! нищенская хавронья милостинку проситъ: дѣтей у ней куча, кормить нечѣмъ!»

— Какое доброе сердце у ребенка! — говорила Наталья

Дмитріевна, цѣлуя Емелюшку:—На, душенька, Эмилиі, от-
дай ей.—Емелюшка схватитъ деньги и бѣгомъ на крыль-
цо.—Гдѣ жъ нищенская хавронья?—«Давай, сударь, я ей
отнесу».—Иванъ съ Осипомъ возьмутъ деньги и отпра-
вляются куда слѣдуетъ. Иногда и кучеръ Селиверстъ приду-
мывалъ штучку не хуже другихъ.—Вотъ, баринъ, гово-
рилъ онъ ему однажды: мокрая-то курица сегодня нма-
нниница, а ты ее ничемъ не поздравилъ; а она бы тебѣ
на ладонкѣ лицо снесла.—Емелюшка и бѣжитъ къ мамень-
кѣ.—Давай мнѣ гривенничекъ.—«Зачѣмъ?»—Иманниница
дасть.—«Что за нманниница?»—Мокрая курица сегодня нма-
нниница.—Гости: ха, ха, ха, ха!—А Наталья Дмитріевна
радуется, что Емелюшка *боммо* сказалъ:—Какая острота
у ребенка! Я увѣрена, что прачка Фекла нманниница: она
совершенная мокрая курица; на, душенька, дай ей.—Еме-
люшка и бѣжитъ къ Селиверсту.—«Селиверстъ, гдѣ мокрая
курица?»—Просушиться, сударь, пошла; давай я ей отдамъ.
—Возьметъ у Емелюшки гривенничекъ и пойдетъ куда слѣ-
дуетъ.

И самъ Платонъ Андреевичъ не упускалъ удобнаго слу-
чая глѣзаться Емелюшкой. Спроситъ ли Платонъ Ан-
дреевичъ Емелюшку: Кто пріѣхалъ?—Петръ Ѳедосѣевичъ
съ женой, скажетъ Емелюшка; а Платонъ Андреевичъ и
возразитъ слѣдующимъ образомъ:—Ахъ ты, дурень, нера-
зумный бабень, то же бы ты слово, да не такъ бы мол-
вилъ; ты бы молвилъ: его почтеніе Петръ Ѳедосѣевичъ съ
дражайшей своей половиной.

Платону Андреевичу очень хотѣлось выработать изъ
Емелюшки домашняго дурня и шута; но въ Емелюшкѣ была
природная самостоятельность: онъ не любилъ шутить.
Изъ него выработывалась добрая душа, душа прямая,
щедрая, услужливая и такая довѣрчивая, что Боже упаси.
—Емелюшка, кликни челоуѣка!—Онъ всѣхъ соберетъ.—
Зачѣмъ ты призвалъ ихъ?—Да вы не сказали, маменька,
какого вамъ нужно.—Скажетъ, и правъ. Иногда Наталья
Дмитріевна, не желая принимать кого-нибудь, вышлетъ его
сказать, что ея нѣтъ дома. Онъ и бѣжитъ въ переднюю.
—Маменьки нѣтъ дома-съ.—«А гдѣ же она?»—Въ спальнѣ.
Такимъ образомъ Емелюшка былъ чистъ душою, не по-

нималъ свѣтскихъ ухищреній; при немъ ни какъ нельзя было солгать—тотчасъ все выведеть на чистую воду.

До двѣнадцати лѣтъ его ничему не учили, потому что Наталья Дмитриевна боялась раннимъ ученіемъ утомить его природныя способности; она считала полезнымъ дать развернуться имъ на свободѣ. Однако же Платонъ Андреевичъ, вѣроятно, въ угожденіе Натальѣ Дмитриевнѣ, заставлялъ его учить наизуотъ басни и пословицы; басня съ декламаціей, а пословицы на выворотъ.

— Ну, Емеля, говори-ко басню. Чтѣ сказалъ осель?

— Осель сказалъ:

Коза, коза,
Моя краса,
Сѣрые глаза,
Лычная коса!

— Хорошо! ну, потомъ осель почесалъ въ головѣ, закинулъ ножку на ножку, прищурился, вздохнулъ—и что запѣлъ?

— Онъ пѣлъ:

Ну жь, умелся,
Сердцемъ склонися,
Не будь жестока....

— Чтѣ ты тамъ поешь дикимъ голосомъ?—спросила Наталья Дмитриевна изъ другой комнаты.

— Ничего, маманъ: ту пѣсню, которую Платонъ Андреевичъ вашъ поетъ:

Люблю, драгая
Тя, самъ весь гал.

— Ахъ ты, оселевокъ!— кричалъ вполголоса Платонъ Андреевичъ: я тебя преучу! Говори пословицы, которыми я тебя училъ.

И между-тѣмъ, какъ Платонъ Андреевичъ рвалъ ухо Емелюшки, егесевѣд и соп фаосо, Емелюшка, вѣсто-того чтобъ кричать отъ боли, говорилъ на-распѣвъ пословицы:

Кто больно любить, тотъ нѣжно бьетъ и проч.

— Ахъ, ты, мерзкой мальчишко! возгласилъ вполголоса Платонъ Андреевичъ, и принимался драть еще отрывки, а Емелюшка, то дискантомъ, то басомъ, продолжалъ: знаетъ мясо, чью кошку съѣло....

— Что ты на него сердяшься? спроситъ гнѣвно Наталья Дмитриевна, изъ другой комнаты.

— Да вотъ, отвѣчаетъ Платонъ Андреевичъ: учу, учу, пошу пѣтъ! все навыворотъ; я ему твержу: знаетъ кошка че мясо съѣла; а онъ по-евдему: знаетъ мясо, чью кошку съѣло.....

Такимъ образомъ и Платону Андреевичу доставалось иногда отъ Емелюшки, какъ невѣсткѣ на отмѣстку.

Но нельзя было не отдать справедливости и Платону Андреевичу за аккуратность и опрятность, которыми онъ между прочимъ отличался и Емелюшку. Платонъ Андреевичъ любилъ порядокъ. Все свободное время его посвящено было на то, чтобъ ходить за женой и за людьми. Наталья Дмитриевна, какъ геній безпорядка, размечетъ свои вещи во всему дому; а Платонъ Андреевичъ соберетъ изъ со всего дому и препроводитъ въ уборную. Наталья Дмитриевна жарко въ блондовомъ чепчикѣ, она не скинетъ его и не положитъ бережно, а сброситъ съ головы, оставитъ гдѣ пошало; а Платонъ Андреевичъ, обходя дозоромъ, найдетъ чепчикъ, поворчитъ, поворчитъ и однесетъ въ уборную?

— Ты, матушка, чудный человѣкъ: скинешь, да и кинешь!

— А васъ кто проситъ прибирать? безъ васъ прибегутъ!

Изъ уственному образованію Емелюшки не мало способствовали домашніе спектакли, которые устраивалъ малый, Федька. У прежняго барина онъ былъ въ числѣ домашнихъ актеровъ, и игралъ свою же роль слуги, хотя имѣлъ полную способность быть трагикомъ, и сверхъ-того могъ, за немѣніемъ баса, пѣтъ баса въ домашней оперѣ. Онъ славно игралъ на балабайкѣ, потѣшалъ горничныхъ дѣвушекъ и всю дворню тирадами изъ оперъ и мо-

пологами изъ трагедій; но это дѣлалось только на условіи: *поставить шюфъ пльмой*. Въ такомъ только случаѣ онъ брался за балабайку, и начиналъ аріей изъ оперы: *Сеадъ-ба Волдырева*:

Спровору! не задлюся!
 Приправлюсь, наряжуся
 И тотчасъ появлюся
 Къ богинѣ я моей,
 Пушу къ ней ласки,
 Пришурю глазки
 П бровью поведу!
 Сѣйчасъ приду!

И тотчасъ же шелъ наряжаться соотвѣтственно роли, которую игралъ.

Представленія его сначала происходили на кухнѣ; объ нихъ слышала и строгая ключница Наталья Дмитриевна, Степанида Агеевна, смѣялась рассказамъ, но не унижала себя любопытствомъ сходить посмотрѣть на кухню; а заставитъ Федуку ломать комедію въ комнатахъ господскихъ — боялась, неравно барченокъ Емелюшка проговорится барынѣ.

Такъ пусть же онъ самъ заставитъ представлять Федуку.

Немного стоило труда внушить Емелюшкѣ любопытство.

Однажды Наталья Дмитриевна поѣхала въ театръ.

— Что тебя, сударь, не беретъ барыня въ театръ-то? спросила его Степанида Агеевна.

— Не беретъ, да и не беретъ, отвѣчалъ Емелюшка: говорить, что мнѣ надо учиться, что тамъ только большіе бываютъ.

— Экое дѣло! да вѣдь ты ужъ слава Богу хоть куда.

— Вѣрно не совсемъ хорошо, коли не беретъ; а мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть; да что жъ тамъ дѣлаютъ, Степанида?

— Такіе ссть актеры, что представляютъ разнымъ комедіямъ.

— Расскажи, какъ представляють.

— Гдѣ жь рассказать!

— Вотъ бы Федька показалъ барину, онъ вѣдь знаетъ представлять и трагедіи: онъ былъ самъ актеромъ у прежняго барина, сказала Даша, горничная дѣвушка. А какъ онъ Алаферна представляетъ! Умать, да и только!

— Позови его, Даша, вскричалъ Емельюшка: позови скорѣе!

— Какъ можно, сударь, здѣсь представлять, неравно еще маменька узнаетъ, какъ-нибудь самъ проговоришься.

— Ей-Богу, не скажу!

— Ей-ей, боюсь; приказывай самъ, ужъ не моя вина.

— Ну, давай его сюда! вскричалъ Емельюшка, запрыгавъ отъ радости.

Побѣжали къ Федькѣ. Ступай представлять въ комнаты; Емельянъ Герасимовичъ зоветъ.

— Чтѣ? вотъ тебѣ разъ! Емельянъ Герасимовичъ!

— Ступай!

— Нѣтъ, не пойду!

— Говорять тебѣ, ступай!

— Говорять, не пойду!

Степанидѣ Агѣевнѣ дали знать, что до поднесенья его дни Федька не будетъ представлять.

— Экая собака! гдѣ жь мнѣ взять! У меня все барское!

— Какъ же быть-то, ужъ онъ и не можетъ иначе; это ужъ, говорить; нельзя; не выпивши, нельзя представлять.

— Есть, правда, у меня своя горькая настойка отъ живота.

— Ему всё-равно.

— Ну, нѣтъ позови.

Федька явился; Степанида Агѣевна, увлекшаяся любопытствомъ, сама поднесла ему стаканъ настойки, съ тѣмъ, чтобъ онъ непременно представилъ что-нибудь.

— Есть у насъ комедь славная, да одному желая играть, сказалъ Федька: тутъ начинается съ того, что идетъ вѣрь, пьютъ и гуляютъ; такъ если пожалуете, Степанида Агѣевна, полштофка, такъ извольте.

— Вотъ тебѣ разя! еще и полштофка! пустяки!

— Какіе пустяки! На воѣкъ-то? да сиде и не расшибеши-ся съ полштофа. Тутъ бы и штофа мало. Ужъ если представлять, такъ представлять.

— Ну, добро, и полштофа будетъ.

— Такъ я пойду наряжаться.

Съ полчаса прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Степанида Агѣевна, ово все время напоминала Емельюшкѣ, чтобъ онъ какъ-нибудь не проговорилъсѣ Натальѣ Дмитріевнѣ. Наконецъ Даша прибѣжала сказать, чтобъ Емельяшъ Герасимовичъ и Степанида Агѣевна шли въ залу, гдѣ все было готово, и усадила ихъ противъ кожанаго канапѣ, на которомъ лежало что-то въ родѣ изголовья. Подлѣ канапѣ на полу разостланъ коверъ.

Всѣ дѣвушки и женщины дворни собрались толпой около почетныхъ зрителей, Емельюшки и Степаниды Агѣевны, и устремили глаза на двери изъ буфета.

Вдругъ дверь пріотворилась; зрители вздрогнули.

— Авертюра! раздался голосъ Федьки изъ-за двери, — извольте слушать. И вмѣстѣ съ этимъ раздалось брячанье *ар балалайкѣ*:

Трынъ-ты дрынъ, трын-дрынъ-трин-дрынъ-тринъ, тринъ-ты дрынъ, трын-дрынъ-тринъ-дрынъ-тринъ, и такъ далѣе.

Авертюра кончилась, дверь распахнулась, быстро вышли изъ нея, размахивая руками и раскачиваясь на обѣ стороны, Иванъ, Осипъ, Трофимъ и Фаддей, въ картонныхъ шлемахъ, съ пѣтушьими перьями, щеки вымазаны сурькомъ, усы и лыняныя бороды наклеены на подбородки, сверхъ кучерскихъ кафтаноуъ попоны и санныя доски на плечахъ вмѣсто мантий, деревянные мечи, чрезъ плечи на поясугахъ, въ рукахъ шоры, вмѣсто шкѣ.

Они сѣли на коверъ; а вслѣдъ за ними вышелъ Петька въ курточкѣ, вымазанной сажей, красный кушакъ повязанъ на головѣ чалмой; на подносѣ вынесъ онъ полштофа настойки и стаканы, поставилъ на коверъ и сталъ у дверей. Вонны наполнивъ стаканы, заплѣли:

Братія любнная,
Пейте вино;
Силу бо даетъ,
Внутрь укрѣпляетъ.

Азъ веселюся,
Возрадуюся,
И пью къ тебѣ,
Братіе, за здравіе
Прекрасныхъ дѣвицъ!

Вдругъ изъ передней *вытечька* или *вылошка* чинится. Кучеръ Савостьянъ съ своей командой конюховъ и фореиторовъ, въ кожихахъ навыворотъ, вымазанные сажей, въ чалмахъ, также вооруженные деревянными мечами и пиками, выбѣгаютъ изъ передней.

Начинается сраженіе; Трофимъ прячется за стулъ.

— Возьмите въ полонъ того пса! кричитъ Савостьянъ, показывая своимъ воинамъ на Трофима.

— Пощадите, господа мои! восклицаетъ Трофимъ: да-руйте животъ.

Тутъ началось генеральное сраженіе. Убитый Оедька, закрывшись мантиєю, упалъ на диванъ; вонны его разбѣжались; непріатели за ними.

— Только! спросила Степанца Агѣвна.

— Итъ еще, отвѣчали дѣвушки.

— Дивертисементъ! раздался голосъ Оедьки изъ подъ вантіи. Глядь — убитый вскочилъ, схватилъ балалайку, и пошелъ въ-присядку по комнатѣ, напѣвая:

Той, выи голова, трънь-трава!
Чтѣ задумалом?

Аль съ похмѣлья голова?
Чорта съ два!

Гей, ты! молода красота
Позачванилася!
Не заглянеть молода
Въ ворота!

Вдругъ мантия съ воина слетѣла, явился Оедька съ огромной бородой изъ мычѣкъ льна.

Гей, ты! борода, что ль, сѣда?
Не понравилася?
Эхъ, сѣдая борода,
Не бѣда!

Трынѣ, трынѣ-дрынѣ-трынѣ! Поклонился, ушелъ въ буфетъ. Представленіе кончилось.

— Ну, признательно сказать! можно еще поднести Оедькѣ: славно сломалъ комедію, сказала Степанида Агѣевна.

— Славно, сказалъ и Емелюшка.

Во все время представленія онъ сидѣлъ самъ не свой: ему хотѣлось самому представлять.

Съ этого времени представленія часто повторялись, когда Платонъ Андреевичъ, или Наталья Дмитриевна куда-нибудь уѣзжали на весь вечеръ. Емелюшка приставалъ къ Оедькѣ, чтобъ онъ училъ его представлять; для Оедьки это была выгодная кондиція, и онъ училъ барченка декламациі. Эти уроки были пріятнѣе для Емелюшки, нежели уроки чтенія и письма; потому что пришло же время, когда Наталья Дмитриевна рѣшилась начать учить Емелюшку читать и писать, по-русски и по-французски. Русскаго учителя поручено было отыскать Платону Андреевичу, а о французскомъ учителѣ хлопотала сама Наталья Дмитриевна. Но, покуда она нашла самаго дорогаго, студентъ успѣлъ уже пройти съ Захарушкой русскую азбуку.

— О, сказалъ мосьѣ Гризель: наружность мосьѣ Эмилія обѣщаетъ большіе успѣхи!

— О, я увѣрена, онъ помятливъ, — сказала Наталья Дмитриевна.

— Начнемъ съ начала! — И мосьё Гризель громогласно произнесъ А! поставивъ палець на первую букву азбуки.

— А, повторилъ Емелюшка, — и вотъ азъ, и вотъ азъ, и вотъ азъ, я знаю.

— Хорошо!... в....

— Бе, нѣтъ не бе-сь, а ерь-сь; я знаю, — сказалъ Емелюшка.

— Ты не спорь, душенька, а повторй, что говоритъ мосьё Гризель.

— Нельзя, маменька: онъ не такъ говоритъ.

— Тсъ! — произнесла Наталья Дмитриевна строго, выходя изъ комнаты.

— Се.

— Се? нѣтъ, это не се-сь, а слово-сь!

— Что это мальчишка ворчитъ себѣ подъ носъ, говорилъ Гризель, не понимая возраженій учепки, и продолжая называть французскія буквы; а Емелюшка повторитъ букву, да потомъ про себя сердито: нѣтъ, не де-сь, а добро-сь.

— Нѣтъ, маменька-сь, какъ хотите, а этоть мусье самъ не знаетъ азбуки: ерь называетъ *ре*, червь называетъ *еръ*, ижицу велитъ называть *еъ*, херъ *аксомъ*.... чортъ знаетъ чему учить!....

Какъ ни бились мосьё Гризель и Наталья Дмитриевна, чтобъ Емелюшка читалъ французскую азбуку по-французски, а не по-русски, — ни зачѣмъ онъ не могъ примириться съ различнымъ названіемъ однихъ и тѣхъ же буквъ. Наталья Дмитриевна сердилась не на Емелюшку, а на русскую азбуку.

— Станный русскій языкъ! всѣ буквы перековерканы! я этого до-сихъ-поръ не замѣтила, — говорила Наталья Дмитриевна.

— Помилуй, душенька! возражалъ Платонъ Андре-

нить: это Французы переносеркали все по-своему, а не мы.

— Ахъ вы! отвѣчала на эти возрѣшенія Наталья Дмитриевна, и вопреки всѣмъ доказательствамъ Платона Андреевича, отказала русскому учителю и рѣшила, что не для чего Емелюшкѣ учиться русскому языку: самъ научится. Русскаго учителя забили танцовальнымъ. Мосьё Морель поставилъ Емелюшку за стулъ на первую позитуру, велѣлъ стоять прямо, смотрѣть впередъ, а самъ, наигрывая на скрипкѣ менуэтъ, вышаркивалъ передъ нимъ разные хитрые яа и дрягалъ дригодоны.

Но и хитростей Емелюшка терпѣть не могъ.

— Мамажь,—сказалъ онъ послѣ перваго урока: этотъ учитель чудакъ: самъ пляшетъ, а меня, вмѣсто танцованья, учить какъ стоять за столомъ: я вѣдь не лавей. Да еще велитъ мнѣ вотъ такъ выворачивать ноги, а у насъ за столомъ и Иванъ и Кузьма вотъ такъ стоять.

— Помилуй, другъ мой! такъ стоять косолапые, а тебя учить мосьё Морель первымъ правиламъ танцевъ, и вы-
правляетъ ноги.

— А мнѣ кажется, что онъ-то и косолапъ, и меня хочетъ сдѣлать косолапымъ; ужъ я знаю, маменька,—сказалъ Емелюшка: ужъ мнѣ сказывали, что Французы всему на выворотъ учатъ. Я знаю, что навѣрно написано *мамань*, то есть, татенька, а онъ велитъ читать *мамань*, потому что вамъ это слово нравится.

— Ты самъ не знаешь что говоришь!

— Нѣтъ, знаю.

— Что жъ ты знаешь?

— А то, что вы татеньку не любите.

— Кто тебѣ наговорилъ такихъ нелѣпостей? а? вскричала Наталья Дмитриевна.

— Всѣ.

— Кто всѣ?

— Ни кто, маманъ, а всѣ.

— Я хочу знать, кто именно?

— Именно, маманъ, никто не говорилъ.

Личность была святое дѣло для Емелюшки: никогда и никого онъ не выдавалъ въ жертву гнѣву Натальи Дмитриевны.

Убѣжденная замѣчаніемъ Емелюшки, что ему ни въ какомъ случаѣ не прилично стоять за стуломъ, она предложила мосьѣ Морелю начать свои уроки съ шассэ; но Емелюшка ни en avant, ни en arriére, ни de côté, или лучше, какъ говорится по-русски: ни назадъ, ни впередъ; онъ какъ-будто былъ созданъ, чтобъ никуда не уходить отъ начала науки.

Много денегъ истратила на него Наталья Дмитриевна; но онъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ: неизмѣннымъ конемъ простодушія, природы неспорченной, не поддававшейся ни подъ какія условія суеты міровой. Лѣтъ двадцати отъ-роду, онъ еще ходилъ въ курточкѣ, и былъ на счету ребенка. Однако жъ Наталья Дмитриевна говорила ему всегда, чтобъ онъ учился бонтому образованныхъ молодыхъ людей, которые бывали въ домѣ.

— Какъ же мнѣ быть такимъ, какъ они? замѣчалъ онъ всегда на слова Натальи Дмитриевны: у меня нѣтъ ни фрака такого, ни очковъ, ни хлыстика.

— Еще успѣешь носить фракъ; я не хочу тебя рано пускать въ свѣтъ.

— Такъ успѣю еще научиться и бонтону.

— Нѣтъ, мой другъ, тогда уже поздно будетъ.

— Ей-Богу, мамешка, это все такіе пустяки, что и говорить не стоить; напримѣръ: ахъ, мazel, я не слыхалъ такъ прекрасно пѣть, какъ вы!... Софи, ты божество мое!

Послѣднія слова Емелюшка произнесъ такъ пламенно, тихо и похоже на кого-то, что Наталья Дмитриевна вспыхнула, и казалось убѣдись, что Емелюшкѣ не учиться-стать бонтону, замолчала.

Смотря на Емелюшку, можно было бы подумать, что онъ

ничего болѣе, какъ существо само-по-себѣ ничего незна-
 чущее, словомъ, поль, замѣняющій собою недостатокъ
 единицъ, десятковъ, тысячъ, миллионовъ, а въ обществѣ
 недостатокъ людей, имѣющихъ какой-нибудь смыслъ и
 значеніе. Смотри на Емелюшку, можно было бы полу-
 мать.... да лучше, чѣмъ думать, будемъ читать далѣе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О томъ, какъ заботилась сама судьба объ опредѣленіи емелюшки на
 службѣ.

Емелюшка выравнивался, часъ-отъ-часу становился ро-
 слѣе, круглѣе и румянѣе. Наталья Дмитріевна считала его
 красавцемъ, а Платонъ Андреевичъ уродомъ; кто изъ
 нихъ былъ правъ, кто виноватъ—задача. У Емелюш-
 ки была какая-то неизмѣнная наружность, вѣроятно,
 вслѣдствіе того, что Платонъ Андреевичъ терпѣть не
 могъ слезъ, а Наталья Дмитріевна ненавидѣла смѣхъ. Та-
 кимъ образомъ чувствовать горе и оживлять его слезами
 Емелюшкѣ не дозволялось съ малолѣтства Платономъ Ан-
 дреевичемъ. Радость въ немъ также была безмолвна—за-
 ходитъ бывало въ сердце ни съ того, ни съ чего, а На-
 талья Дмитріевна и кричитъ: чему ты обрадовался, какъ
 дуракъ? Словомъ, Емелюшкѣ не дозволялось ни охать, ни
 ахать, и онъ привыкъ къ этому равнодушію большаго
 свѣта. Вслѣдствіе ли этого равнодушія, или по особен-
 ному дару природы, Емелюшка былъ сонливъ, и что стран-
 нѣе всего, ни какъ не могъ отличить того, что видѣлъ во-
 снѣ, отъ того, что было на-яву. Очень часто случалось,
 что онъ задремлетъ за урокомъ, клонется носомъ объ
 столъ, и покажется ему, что это ваза разбилась въ дребез-
 ги, и что Наталья Дмитріевна велитъ ему стать носомъ въ
 уголь; онъ очнется и станетъ носомъ въ уголь.

— Кто тебя поставилъ въ уголь?—спросилъ Платонъ
 Андреевичъ.

— Маменька.

— Маменька! наслу-то собралась наказать козла, чтобъ
 псиной не воизялъ!.... А за что наказала маменька?

— Ваза разбилась.

— Такъ! ахъ ты, рыжая щетина! полосатая чушка! Помилуй, матушка, долго ли держать у себя этого шелопаля, дурня Емелю: перебилъ, переколотилъ, передралъ, переломалъ, перепортилъ все! наконецъ и японскую мою вазу разбилъ!.... Да что это такое! Это ни на что не похоже!

— Какую японскую вазу разбилъ?

— Еще спрашиваетъ! Не сама ли ты наказала его за это?

— Что вы бредите? я наказала его? когда это?

— Пожалуйте сюда: это что?

— Эмилій, что ты дѣлаешь въ углу?

— Стою, мамсенька.

— Для чего стоишь?

— За наказаніе.

— За наказаніе! вотъ прекрасно! ступай, душенька, въ свою комнату.... Я васъ, Платонъ Андреевичъ, прошу впередъ не распорядиться наказаніями ребенка!

— Ребенокъ съ добраго вола! будетъ все бить, да портить, портить, да бить!....

— Позвольте васъ спросить, какую же вазу онъ разбилъ?.... кажется, другой японской вазы нѣтъ!....

— Я почему знаю какую! ты должна знать, когда его наказывала.

— Такъ безбожно лгать на ребенка!.... такъ выдумывать! такъ ненавидѣть невинное существо!....

— Нелегкій васъ знаетъ! оба вы полоумные!

И супруги, ворча другъ на друга, расходились по своимъ комнатамъ, нисколько не воображая, что дѣйствительно Емелюшка всенѣ разбилъ вазу и былъ поставленъ Натальей Дмитріевной въ уголъ.

До двадцати-двухъ лѣтъ сама Наталья Дмитріевна подстригала Емелюшкѣ пробивающуюся бороду ножинками; но когда пришло время, что безъ цирюльника нельзя уже было обойтись, тогда Наталья Дмитріевна подумала,

что надо дать ему какое-нибудь званіе въ свѣтѣ. Она предложила Платону Андреевичу озаботиться пристроить его къ мѣсту.

— Помилуй, душа моя, сказалъ Платонъ Андреевичъ: куда пристроишь такого болвана? Да если бъ онъ былъ, по-крайней-мѣрѣ, настоящій болванъ, я бы его въ огородъ поставилъ; или на межу; а то....

Наташья Дмитріевна не дослушала словъ Платона Андреевича, разсердилась, и ушла отъ него; но послѣ серебряной свадьбы; по обычаю, мало уже вниманія обращается на сердце, и Платонъ Андреевичъ, который считалъ уже себя за шестьдесятъ, а Наташья Дмитріевна подъ сорокъ, очень равнодушно сказалъ: а пожалуй сердись — плевать мнѣ на твоего Емелюшку!

Къ счастью Емелюшки, хитрая звѣздочка, подъ которою онъ родился, сама заботилась объ немъ. Загорѣлась война; двоюродный братъ Наташи Дмитріевны, одинъ изъ миллионныхъ командировъ, привезъ къ ней однородную дочь свою, съ тѣмъ, чтобъ Варенька жила у тѣтки, покуда онъ будетъ воевать.

— Для чего же не оставилъ ты ее у сестры Прасковьи Матвѣевны? спросила его Наташья Дмитріевна.

— А оттого, — отвѣчалъ Артамонъ Матвѣевичъ: что сестра вздумала покровительствовать одному любовнику; а я не слишкомъ жалую этихъ сладчайшихъ....

Когда Наташья Дмитріевна представила ему своего воспитанника, Эмилія, у командира разгорѣлись глаза на Емелюшку.

— Что жъ дѣлаешь у тебя этотъ молодецъ, сестра? Давай его ко мнѣ.

Какая бы родная мать отказалась отъ подобнаго предложенія!

— Ну, хочешь быть при мнѣ, Емельянъ? спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Хочу, отвѣчалъ Емелюшка простодушно.

— Хочу! фалелей! надо отвѣчать: за особенную честь оставляю.

— Можно и такъ сказать: за особенную честь поставлю,—повторилъ Емельюшка.

— Наслыу догадался!

— Ну, братецъ, ты ужъ началъ муштровать и переучивать его по-свѣдому; вѣдь онъ еще не подъ командой твоей сказала съ сердцемъ Наталья Дмитриевна: право я боюсь отдать тебѣ ребенка на руки.

— А который годокъ минулъ этому ребенку? чай тридцатый? Въ его годы, я, помнится, былъ ужъ субалтернъ-офицеромъ.

Онъ не затруднился, немедленно же принялъ Емельюшку къ себѣ, и вотъ Емельюшка экипированъ, благословленъ, отпущенъ съ хлѣбомъ и солью, сланъ съ рукъ на руки Артамону Матвѣвичу, приказанъ, денегъ и бѣлья рачителю, дялкѣ, старому Пафнутычу, и ѣдетъ вмѣстѣ съ своимъ командиромъ.

Наталья Дмитриевна съ горькими слезами провожала своего дорогаго воспитанника, и требовала съ брата клятвеннаго обѣщанія, что Емельюшку не убьютъ на войнѣ, что онъ его не пошлетъ въ сраженіе.

— Хорошо, хорошо, не убьютъ! не бойся! не пошлю! отвѣчалъ Артамонъ Матвѣвичъ.

Въ дополненіе приказано было и Пафнутычу: не отходить отъ него ни шагу, и не пускать его въ сраженіе, — да смотри же, чтобъ не простудился.

— Слушаю, сударыня! отвѣчалъ Пафнутычъ.

И вотъ поѣхалъ нашъ Емельюшка.

— Ну, братъ, Емельянъ, сказалъ Артамонъ Матвѣвичъ дорогой, раскинувшись въ бричкѣ.... смотри же, воюй хорошенько.

— Только покажите мнѣ, какъ воюютъ, Артамонъ Матвѣвичъ: а ужъ я все сдѣлаю, что нужно,—сказалъ Емельюшка.

— Экой ты, братецъ, пустая голова! какъ воюютъ! Что касается до твоего вопроса, то я тебѣ буду отвѣчать,—ви-

дишь—воюють, братаецъ, оружіемъ, на пикахъ, напришѣрь,
или пушками.... ты видагъ пушки?

— Какъ же, видѣгъ и царь-пушку..... Престрашная,
преогромная пушка!.... Я слышалъ, что въ ней въ кар-
точки поигрывали.

— Картечью! Ну, что жъ за бѣда? — проговорилъ Ар-
тамонъ Матвѣичъ, котораго клонилъ уже сонъ.

— Какъ не бѣда! Когда стрѣльнули изъ нее, то всѣ
окошки въ Москвѣ полопались.

— Ой-ли? когда жъ это?... лжешь?...

— Миѣ сказывала наша Матрена

— А Назаръ сказывалъ, что у большого колокола, что
въ Кремлѣ, мыши край отгрызли.

— Мыши?

— Да.

Артамонъ Матвѣевичъ больше ничего не отвѣчалъ: онъ
уже спалъ крѣпкимъ сномъ, и Емелюшка умолкъ.

Черезъ два дня они нагнали полкъ.

Артамонъ Матвѣевичъ назначилъ Емелюшку состоять
при себѣ. Артамонъ Матвѣевичъ, на ворономъ конѣ,
впереди полка, а Емелюшка на сѣромъ конѣ вслѣдъ за
нимъ.

У Емелюшки хотъ и младенческая душа; но съ-тѣхъ-
поръ какъ изъ курточки перерядили его въ мли-
ціонный чекмень, въ наружности его проявилось что-то
значительное, необыкновенно осанистое, во взглядѣ—ка-
кая-то почетная суровость. Эта наружность была въ немъ
что-то породистое; на двадцатомъ году онъ и въ курточкѣ
воходилъ болѣе на гусара древнихъ лѣтъ, нежели на со-
временнаго ребенка, и потому не слѣдъ намъ называть
его впредь Емелей, будемъ величать его, съ должнымъ
почтеніемъ, по имени и по отчеству: Емельяномъ Гераси-
мовичемъ, а по фамилиі Непзвѣстнымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ, исполнивъ въ точности приказаніе своего командира, заслужилъ гнѣвъ его, и прочее, и прочее.

Выступивъ въ походъ, полкъ долженъ былъ слѣдовать черезъ Москву. Артамонъ Матвѣевичъ захотѣлъ проститься съ своей дочерью. Емельянъ Герасимовичъ при немъ. Наталья Дмитриевна встрѣтила его со слезами, какъ-будто послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки.

— Что, сестра, сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ: оставишь тебѣ на нѣсколько дней молодца? Нокуда полкъ проходитъ черезъ Москву, твой Емеля можетъ здѣсь быть баклуши.

Наталья Дмитриевна съ радостью приняла предложеніе, и Емельянъ Герасимовичъ, готовый уже слѣдовать за командиромъ, долженъ былъ по-неволѣ оставаться въ домовомъ отпускѣ впредь до повелѣнія.

— Право мнѣ съ вами лучше бы ѣхать, Артамонъ Матвѣевичъ, сказалъ онъ провожая его: что мнѣ здѣсь дѣлать?

— Пустяки! оставайся! и волочись отъ бездѣлья. Ты умѣешь приволакиваться за дѣвчатами? а?

— За какими дѣвчатами?

— Какъ за какими? за хорошенькими, братецъ, за барышнями.

— Нѣтъ, не умѣю, Артамонъ Матвѣевичъ, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, которому съ-роду еще барышнии и во свѣ не снлись.

— Экой простофиля! главнаго-то и не умѣешь! Ну, я тебѣ научу; слушай: первая, которая полюбится, ты за ней и ухаживай, по принадлежности, вздыхай чаще и громче; а какъ спросить, о чемъ вздыхаешь! — О комъ же вздыхать, какъ не о васъ, сударыня, — скажи

ей, да и атакуй: пожалуйста ручку!... и такъ далѣе, по принадлежности.... Экой, брагець! стоить только закинуть уду, рыба сама пойдетъ; а если закобянется, приди въ отчаяніе, дугни ее, скажи, что голову развозможишь себѣ — струсить!... Смотри же, чтобъ къ возвращенью въ полкъ, было чѣмъ похвастать, слышишь?

Наставленія командира не погибли, какъ гласъ въ пустыиѣ; на приказаніе «слышишь?» Емельянъ Герасимовичъ отвѣчалъ: слушаю, Артамонъ Матвѣевичъ! и отправился въ гостиную исполнять немедленно все, по принадлежности. Емельяну Герасимовичу до-сихъ-поръ и въ голову не приходило ни одной мужественной мысли о женщинахъ; сердце его нисколько не было внимательно къ прекрасному полу, а чувства не отличали «земныхъ» отъ «неземныхъ», всякую «неземную», существо томное, задумчивое, онъ назвалъ бы скорѣе «подземной» нежели «небесной», назвалъ бы просто тѣнью, привидѣніемъ....

Но едва отдано приказаніе волочиться по принадлежности, онъ тотчасъ же понялъ, что женщины для того созданы, чтобы мужчины волочились за ними и пресили у нихъ поцѣловать ручку, и такъ далѣе, по принадлежности.

Бывало Емельянъ Герасимовичъ смотрѣлъ изъ подлобья на какого-нибудь кавалера, сердился про себя и думалъ: что онъ присталъ къ ней! Теперь онъ смѣкнулъ, что дѣло шло о—пожалуйте ручку и такъ далѣе.

Проводивъ командира, Емельянъ Герасимовичъ возвратился въ гостиную, окинулъ волшебнымъ взглядомъ всѣхъ бывшихъ тутъ женщинъ, и прицѣпился къ ихъ красотѣ. На почтенныхъ дамъ, неизвѣстно почему, онъ не обратилъ вниманія; двѣ петербургскія племянницы Натальи Дмитріевны, Софій и Надина, показались ему неудобными для исполненія приказанія полковника. Онѣ были дѣвушки себѣ-на-умѣ, полированные, съ душкомъ и съ выходками—демуазели абсолютныя; а такъ какъ любовь ничетъ дѣвушекъ индивидуальныхъ, то и Емельянъ Герасимовичъ отдалъ преимущество собственной дочери Ар-

лишья Матильды, Варенька. Это была дѣвушка—розовая распуколка, лѣтъ пятнадцать, такая хорошенькая и простодушная, что всякій другой, кромѣ Емельяна Герасимовича, и безъ приказанія сталъ бы за ней волочиться. Сперва онъ долго всматривался въ нее, и что-то думалъ; потомъ, какъ-будто надумавшись вдоволь и насмотрѣвшись на нее, сталъ ходить за ней слѣдомъ: куда она, туда и онъ; она сядетъ и онъ сядетъ — и смотритъ ей въ глаза молча. Варенька вспыхнетъ, вскочитъ съ мѣста, уйдетъ въ свою комнату, а Емельянъ Герасимовичъ караулитъ ее: только-что она покажется—онъ тутъ....

Однажды, племянницы Наталья Дмитриевна ходили съ Варенькой по комнатамъ и забавлялись ея губернской простотою, выпытывали, что у нея на сердцѣ, выпрашивали, какимъ образомъ любить въ губерніяхъ, въ модѣ ли еще становиться мужчинамъ на колѣни при объясненіяхъ въ любви? на оба колѣнка становятся въ губерніяхъ или на одно? говорятъ ли при этомъ случаѣ рѣчи и клянутся ли въ вѣчной любви? просятъ ли кусочка ленточки, или локона волосъ въ знакъ памяти? Словомъ, вѣдутся ли еще тамъ всѣ обычай рыцарскихъ временъ? Петербургскія гости смѣялись надъ обрядами и обычаями любви; а простодушная Варенька съ восторгомъ передавала имъ губернскія повѣсти любви, и съ ужасомъ рассказывала, когда герой или героиня, взаимно или поровню изѣбили клятвамъ.

— Что вы ходите, Емельянъ Герасимовичъ, за нами? сказала одна изъ племянницъ, замѣтивъ что Емельянъ Герасимовичъ, какъ привязанный, не отстанетъ отъ нихъ.

— Я не за вами, отвѣчалъ онъ.

— За кѣмъ же? спросила другая.

— И не за вами.

— А, такъ за Варварой Артамоновой! Какъ вы счастливы, Варвара Артамоновна: вы теперь совершенная комета съ хвостомъ, сказала одна изъ племянницъ.

Простодушная Варенька сгорѣла отъ стыда.

— Что вы пристали ко мнѣ? подите впрочемъ!

— Гдѣ жъ я пристагъ къ вамъ, Варвара Артамоновна, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: я къ вамъ нисколько не пристагъ! вы меня приводите въ отчаяніе!

И онъ сѣлъ въ углу и нахмурился.

— Ахъ, ша сѣге, что вы сдѣлали? сказала одна изъ племянницъ.

— Что жъ мнѣ дѣлать, онъ всё пристагъ, такъ и ходить за мной! отвѣчала сквозь слезы Варенька.

— Это значить, что онъ васъ безъ памяти любить; а вы такъ жестоко съ нимъ поступили: прогнали отъ себя.

— Что, если онъ придетъ въ отчаяніе и въ первомъ сраженіи будетъ искать смерти, или застрѣлится съ горя, прибавила другая.

— Ахъ, Боже мой! что жъ мнѣ дѣлать!.... проговорила Варенька.

— Посмотрите, какой онъ печальный, какъ туча нахмурился! Утѣшите его, поговорите съ нимъ.

— Нѣтъ, я ни за что не хочу говорить съ нимъ, сказала Варенька.

— Вы свели съ-ума молодаго человѣка!....

Испуганная Варенька готова была просить прощенія у Емельяна Герасимовича; но ей стыдно было рѣшиться на это при другихъ. Къ счастью, племянницы скоро уѣхали. Варенька прошла по комнатѣ разъ, прошла другой, прошла мимо Емельяна Герасимовича; а онъ сидитъ въ отчаяніи, не встанетъ, не пойдетъ слѣдомъ за ней. Дорого стоило Варенькѣ преодолѣть чувство страху, подойти къ молодому человѣку; но она наконецъ рѣшилась, подошла, сѣла подлѣ.

— О чемъ вы такъ задумались, Емельянъ Герасимовичъ! спросила она его голосомъ простодушнаго участія.

— О чемъ же мнѣ думать, какъ не о васъ, Варвара Артамоновна, отвѣчалъ онъ вздохнувъ глубоко.

Варенька вспыхнула.

— Пожалуйте ручку, Варвара Артамоновна! продолжалъ онъ, протягивая къ ней свою руку.

Варенька съ испугомъ отдернула руку, вскочила съ мѣста, хотѣла бѣжать; но Емельянъ Герасимовичъ загородилъ ей дорогу, разставилъ руки и ноги, какъ колоссъ родосскій, и провзнесъ отчаяннымъ голосомъ: — Говорю вамъ, Варвара Артамоновна, пожалуйста ручку! а нето сейчасъ же разобью себѣ голову въ дребезги! брошусь въ окно!.... ей-ей брошусь! тогда поминайте какъ звали!

— Ахъ, что вы это! вскрикнула съ ужасомъ Варенька, схвативъ его за руку.

— Что жъ мнѣ дѣлать! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ это можно бросаться въ окно!

— Что жъ мнѣ дѣлать! я пришелъ въ отчаяніе, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, и, какъ пламенный обожатель, схватилъ руку Вареньки и напечатлѣвъ на ней страстный поцѣлуй.

По навыку отвѣчать на поцѣлуй руки поцѣлуемъ въ щеку, Варенька исполнила обрядъ; но Емельянъ Герасимовичъ впился въ пухленькую ладошку. Варенька повторила поцѣлуй въ щеку, еще разъ повторила, и ей стало страшно.

— Ахъ, пустите, Емельянъ Герасимовичъ! вскричала она.

— Нѣтъ, не пушу! сказалъ онъ, запыхавшись отъ пламенныхъ лобзаній и схвативъ руку Вареньки обѣими руками. Къ счастью ея, кто-то подѣхалъ къ крыльцу; въ передней послышался голосъ Натальи Дмитріевны. Варенька ахнула, рванулась и выбѣжала изъ комнаты. Емельянъ Герасимовичъ кинулся вслѣдъ за нею.

— Ахъ, остановитесь! миленькой Емельянъ Герасимовичъ, остановитесь! не ходите, ради Бога! — проговорила она въ дверяхъ, прихлопнула ихъ и скрылась.

— А гдѣ Варенька? спросила Наталья Дмитріевна, входя въ гостиную.

— Сейчасъ только выбѣжала отсюда, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ выбѣжала?

— Испугалась васъ. Сидѣла со мной; а какъ услышала вашъ голосъ, вдругъ вскочила съ мѣста и бѣгомъ отсюда.

— Что это значитъ? спросила съ удивленіемъ Наталья Дмитриевна, смотря на своего Эмилія, у котораго разгорѣлось лицо. Подумавъ что-то, Наталья Дмитриевна покачала головою и сказала: кажется, за тобой братъ прислалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Пафнутьичъ вошелъ и доложилъ, что Артамонъ Матвѣевичъ прислалъ за Емельяномъ Герасимовичемъ, чтобъ сейчасъ же изволилъ ѣхать къ нему.

— Полкъ выступаетъ въ походъ? спросила Наталья Дмитриевна.

— Не слыхать, отвѣчалъ Пафнутьичъ.

— Такъ я съ тобой не прощаюсь, Эмилія, сказала Наталья Дмитриевна, цѣлуя его въ чело.

— И я не прощаюсь, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ: какая-то лѣнь напала и ѣхать не хочется.

— Ты, вѣрно, не здоровъ; я пошлю сказать брату, что ты не здоровъ.

— Кто, я нездоровъ? что вы это, татап! какъ это можно! Знаете ли вы, что на службѣ нездоровьемъ не отговариваются.

— Скажи, пожалуйста! откуда это ты набрался такихъ правиль?

— Ей Богу, нѣкогда отвѣчать, татап! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: прощайте! Мнѣ должно немедленно довести командиру объ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

— Богъ знаетъ, въ кого ты уродился такимъ усерднымъ, сказала Наталья Дмитриевна; но Емельянъ Герасимовичъ вмѣсто отвѣта—въ двери, на коня и—марш!

— Ну, что братъ, Емельянъ: все ли обетомъ благопо-

лучно? спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ, когда онъ явился къ нему.

— Все обстоитъ благополучно! отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Весело провелъ время?

— Очень весело, какъ-нельзя веселѣе, Артамонъ Матвѣевичъ.

— А исполнилъ приказъ мой? а?

— Какъ же можно не исполнить приказа! Исполнилъ въ точности, какъ слѣдуетъ, по принадлежности.

— Ну, говори.... исправно, удачно волочился?

— По долгу обязанности, исправно.

— Хорошо! О, да изъ тебя будетъ прокъ! Ну, закъмъ же волочился? говори всю подноготную.... я и самъ бывалъ не промахъ! За къмъ же? а?

— За къмъ? повторилъ Емельянъ Герасимовичъ: за къмъ же, какъ не за Варварой Артамоновной!

— Какъ! вскричалъ Артамонъ Матвѣевичъ: за моею дочерью?....

— Варвара Артамоновна лучше всѣхъ, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ! Ахъ ты, шпареной поросенокъ!.... за моею дочерью!

Емельянъ Герасимовичъ удивился грознымъ восклицаніемъ Артамона Матвѣевича.

— Ну! что жъ ты, говори! волочился? Она тебѣ отвѣчала?

— Отвѣчала.

— Отвѣчала?

— Отвѣчала.

— Ахъ, ты, разбойникъ!....соблазнять мою дочь!....Ну, что жъ ты, говори! говори все, какъ было!

— Она спросила меня: о чемъ я задумался.....

— Ну!

— Я сказалъ: о комъ же мнѣ думать какъ не о васъ, Варвара Артамоновна....

— Ну, а она?

— А она?.... я потребовалъ у нея ручку....

— Еще и руку!.... руку моей дочери!... Ну! что жъ она?

— Она не давала....

— Еще бы тебѣ дочь моя дала свою руку, да еще безъ согласія отца.

— Да я сказалъ, что разобью себѣ голову!

— Жаль, пусть бы шишка вскочила на лбу!....

— Что жъ, я бы и разбилъ себѣ голову! сказалъ Емельянь Герасимовичъ рѣшительно: мало того, я бросился бы въ окно.

— Кто жъ помѣшалъ? чортъ, что ли?

— Нѣтъ, не чортъ, а Варвара Артамоновна не допустила.

— Какъ! вскричалъ Артамонъ Матвѣевичъ, вскочивъ съ мѣста.

— Вотъ такъ.... схватила меня обѣими руками, а я тотчасъ же....

— Что тотчасъ же?.... ахъ, ты, негодяй! мою дочь стращать!.... Сестра свозъ пальцы смотритъ, что въ ея лошкѣ такой соблазнъ!.... Да я тебя обдеру какъ крупу, сударь!... Что жъ вы, цѣловались?... миловались?... а?

— По принадлежности, отвѣчалъ тихо Емельянь Герасимовичъ, не понимая, за что сердится Артамонъ Матвѣевичъ.

— По принадлежности? а? что? ну!.... Э, э! да ты молчишь, пріятель! Знаетъ кошка чье мясо съѣла!.... Постой, я тебя выучу, дружокъ!.... подъ арестъ! на хлѣбъ, да на воду!....

Артамонъ Матвѣевичъ такъ разсердился, что вдругъ охрипъ и есипъ; онъ что-то говорилъ, но нельзя было разобрать его словъ; наконецъ Артамонъ Матвѣевичъ вытолкалъ Емельяна Герасимовича въ дверь.

До самаго Можайска арестованный Емельянь Герасимо-

вичъ ѣхалъ въ обозъ и не горевалъ; за него горевалъ Пафнутьичъ.

— Батюшка-баринъ, за что это на васъ прогнѣвался Артамонъ Матвѣевичъ?

— За что? за Варвару Артамонову.

— Да что жъ вы ей сдѣлали?

— Да такъ, ничего!

— Да что жъ такое, сударь?

— Ахъ, да отстань, Пафнутьичъ! Что сдѣлалъ, то и сдѣлалъ!

— Ахъ, ты, Господи Боже мой! что я скажу Натальѣ Дмитріевнѣ! твердилъ Пафнутьичъ. Да вы ужъ, сударь, не погубили ли дѣвушку-то?

— Погубилъ! Да не самъ ли онъ приказалъ мнѣ губить первую, которая понравится! Кто его зналъ, что приказаніе не распространяется на Варвару Артамонову!.... Я исполнилъ все, какъ сказано, по принадлежности, и правъ!

— Охъ, баринъ, баринъ, что вы надѣлали! слезно плакался Пафнутьичъ: я думалъ, что вы тихая душа, что ужъ добрѣе васъ и на свѣтѣ нѣтъ; анъ вотъ.... какой казусъ «учинили»!.... Что я напишу Натальѣ Дмитріевнѣ?.... а я *обовязанъ* докладывать истинную правду.

— Ну, перестань выть! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, — и прибавилъ одну изъ пословицъ, которыя заставлялъ его твердить Платонъ Андреевичъ на выворотъ: что написано топоромъ, того не вырубить перомъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ поднималъ на ноги всю камеру *лихоудочныхъ въ лагерь*.

Полкъ пришелъ въ Можайскъ; Артамону Матвѣевичу предписано было принять въ свое вѣдѣніе походный ла-

зареть, и по полученіи повелѣнія конвоировать его въ Москву.

По принятіи лазарета, Артамонъ Матвѣевичъ назначилъ Емельяна Герасимовича безсмысленнаго дежурнаго, съ тѣмъ, чтобъ ни шагу изъ лазарета.

Какъ исправный дежурный, Емельянъ Герасимовичъ тотчасъ же пошелъ по каморамъ раненныхъ и больныхъ.

— Чтò, ребята, больны?

— Больны, ваше благородіе.

— Всѣ до одного больны? Ну, на здоровье, ребята; а чтò жь вы тутъ дѣлаете?

— Да чтò, нечего дѣлать, ваше благородіе, лежимъ, а подѣ-часъ и посидимъ, какъ отляжетъ.

— Стыдно сидѣть сложа руки!

— Стыдно, ваше благородіе, да дѣло невольное.

— А кто неволитъ?

— Да есть тутъ командирша лазаретная.

— Чтò за командирша такая, гдѣ она?

— Да вотъ она, ваше благородіе: Кузьму Иванова, полковаго сказочника, треплетъ — трррахъ! трахъ! трахъ! тррррр?

— Это чтò такое?

— А вотъ, ваше благородіе, онъ зубами бьетъ сборъ; сейчасъ начнетъ сказку.

— Трррахъ! трахъ! трахъ! Лежи смирно, ребята! по командѣ, слушай! Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ.... началъ, пробарабанивъ зубами, полковой сказочникъ, который въ жару лихорадки бредилъ сказками. Только-что начнетъ его бить лихорадка, пойдетъ стукотня зубами, потомъ кинетъ въ жаръ, и солдатъ начинаетъ сказку.

— Въ нѣкоторомъ государствѣ? ну! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, ужасный охотникъ до сказокъ, садясь на табуретъ подлѣ койки солдата-сказочника и внимательно слушая его разсказъ.

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ,

— продолжать солдатъ сказочникъ: жилъ-былъ богатый помѣщикъ, и былъ у него садъ, а въ саду на деревьяхъ росли румяные парни, а въ цвѣтникахъ все полевые цвѣты: сохи да бороны, лопаты да вастуцы. Дорожки словно солдатская португеза, мѣлкомъ вычищены и выдакированы. Вотъ, долгое время все честно было и въ цѣлости, вдругъ смотритъ управляющій, что ночь, то пропажа: кто-то обрываетъ парней. Что дѣлать! управитель глазъ не смыкаетъ; да передъ зарей вѣтерокъ, словно винный спиртъ, въ носъ кинется, — смотришь, охмѣлѣетъ дежурный, и вскрапнетъ — глядь, а на какомъ-нибудь деревѣ нѣтъ парней. Пошелъ управитель докладывать про бѣду помѣщику. Ваше высокоблагородіе! у насъ въ саду что-то нечестно, кто-то парней обрываетъ. — «Что жъ ты смотрѣлъ? а?» — И въ очки смотрю, да не вижу, ваше высокоблагородіе.

«Посылаетъ помѣщикъ сына на ночь въ садъ стеречь солдатиковъ. Пошелъ старшій сынъ; чтобъ не спать, сталъ въ бирюльки играть. Всю ночь просидѣлъ — нѣтъ никого; а передъ, утромъ подулъ вѣтерокъ виннымъ спиртомъ, такой хмѣльной, что мочи нѣтъ, отуманило добраго молодца, приклонилъ онъ голову на плечо, да какъ вскрапнетъ — глядь, а бѣлый день на дворѣ, и парни оборваны. Погонялъ помѣщикъ сына; на слѣдующую ночь, послалъ втораго. И тотъ тоже. Пришелъ чередъ третьему — меньшому. — Постой, думаетъ онъ: — И взялъ онъ съ собой чесночку да лучку, залегъ подъ деревомъ — затанулъ цѣсно:

«Охъ ты, дѣвица,
Ты красавица,
Ты позволь, душа, молодцу
Поживиться отъ тебя!»

«Вдругъ, слышитъ, подъ утро, хмѣльнымъ запахло! — Доброе дѣло! говоритъ: у насъ есть чѣмъ и закусить. — Только-что вѣтерокъ пахнѣтъ спиртомъ, поднесетъ ему, а онъ и закуситъ лучкомъ, да чесночкомъ. И притворился онъ, прилегъ пьянугой, вскрапнулъ, свистнулъ носомъ, высматриваетъ, что будетъ. Видитъ — летятъ, чортъ

знать на чемъ, душки-холодушки, а впередъ ихъ лихоманка — синяя, пресняя. — «Постойте, говорить, не нужно ли ему еще поднести?» И подошла она, приложила ухо; а онъ ее цапъ-царапъ за длинную косу. — Ухъ, говорить, какая славная коса, точно грива, хоть на гранадерской султанъ! — «Господинъ ты мой милостивый, господинъ ты мой сердечный, сдѣлай милость, что ты хочешь возьми, только пусти.» — Ну, а что дашь? — «Дамъ тебѣ любую душку-холодушку, выбирай по-сердцу.» — А зачѣмъ ее мнѣ? — «Въ жены — славная будетъ жена, молодлица, какихъ свѣтъ не производилъ.» — Э, нѣтъ, ужь если жениться мнѣ, такъ на тебѣ. — «Какъ можно! вѣдь я лихоманка, царица лазаретнаго царства.» — А чѣмъ я хуже тебя? Не хочешь, такъ ступай со мной на нашъ барскій дворъ; тамъ тебя на конюшнѣ отдеруть. — «Ну, такъ и быть, говорить, вотъ тебѣ рука моя.» — Э, нѣтъ, покажи сперва свое царство, да много ли у тебя всякаго богатства. — «Нечего дѣлать, полетимъ.»

«Вотъ, закрутивъ косу въ рукѣ, полетѣлъ добрый молодецъ съ лихоманкой, — душки-холодушки за нимъ слѣдомъ. Летѣли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и прилетѣли они въ лазаретное царство, опустились у бѣлокаменныхъ палатъ. Лекаря, фершалъ, повыскакали на крыльцо, навстрѣчу, приняли лихоманку подъ руки, и помѣщичій сынъ съ ней рядомъ. Вошли въ палату; а въ палатѣ по обѣ стороны на койкахъ больные лежатъ, да поохиваютъ. — Много народу въ твоємъ царствѣ! сказалъ помѣщичій сынъ. Здорово, ребята! Что, каково вамъ здѣсь?

— Очень хорошо, ваше высокоблагородіе..... если бѣ порціа немножко....

— Какъ, что? да чѣмъ васъ кормятъ?

— А Богъ знаетъ чѣмъ, ваше высокоблагородіе, и названья-то кушаньевъ всё не русскія.

— Прикажете-ко, сударыня моя, показать ваши провантскіе магазины.

Повели гостя въ аптеку. — Ну, говорить, какой порядокъ! это, вѣрно, крупа и мука, солдатскіе пайки въ банкахъ? славный порядокъ! Посмотримъ теперь кухню.

Посмотрѣлъ онъ и подивился. — Что жъ это, говорятъ, такое? вѣрно похлебка, а это размазня съ масломъ?—«А вотъ мы тебя поподчуемъ, возлюбленный мой», говоритъ ему лихоманка, подаетъ ручку и ведетъ за браные столы. Уставлены столы стеклянками и банками, всё съ ердычками печатными. Только-что гость въ палату, вдругъ душки-холодушки застонали и заохали лазаретную пѣсню.

— Что жъ это у тебя за дѣвицы такія голосистыя?

— А это всё мои прислужницы; онѣ и за больными ухаживаютъ. Вотъ эта запѣвальщица—рѣзь, это—костободца, это—грыжа, это—ломота.... невѣсты хоть-куда! женись только на какой—сохранить вѣрность до гроба; нето что горячки—наложницы: нѣтъ, у меня на это строго! Садись же, возлюбленный мой!

— Ничего, мы постоимъ; поднеси-ко сперва водочки, да по-горчѣе.

— Изволь, возлюбленный! Подайте, мои врачи любезные, хинной.

— А закусить-то чѣмъ?

— У насъ, возлюбленный мой, не закусываютъ, а зашиваютъ водницей.

— Тьфу! что это, желудочная что ли, для сваренія желудка?

— Именно для сваренія желудка, чтобъ самъ онъ не смѣлъ пища варить—на то есть кухня латинская; глупому ли желудку вѣрять жизнь человѣческую: ни выбирать нища не умѣетъ, ни мѣры не знаетъ; то переварить, то недоварить—нѣтъ, у насъ пища по выбору, вся на здоровье, отпускается вѣсомъ, да мѣрой, чтобъ ужъ нечего было выбрасывать... Вотъ для этого-то хинная настойка—прекрасная вещь: тотчасъ завалитъ желудокъ, запретъ хоть куда.

— Вотъ что! а потомъ ты и женишь на какой-нибудь душкѣ-холодушкѣ?

— Нѣтъ, сперва вытреплю хорошенько, сперва заморожу кровь въ жилахъ, а потомъ растоплю мозгъ въ костяхъ....

— Какъ! ты и больныхъ треплешь! А вы позволете себя трепать?

— А что жь дѣлать, ваше высокоблагородіе: здѣсь не своя воля. Вотъ если бѣ поднесли намъ помылкой, или трюфельной, по стаканчику, такъ мы бы сами растрепали ее.

— Помылкой! вскрикнулъ добрый молодець.

— Смилуйся, возлюбленный мой! крикнула лихоманка.

— А вотъ постой, смилуюсь.

Какъ поднесли фершала больнымъ по стаканчику помылкой.... ухъ! такъ по животу и пошло!

— Ну, ребята, принимайся за дѣло!

Какъ встрепанные вскочили они съ косякъ, надѣла халаты и колпаки лазаретную.

— Тренли ее! крикнулъ гость.

Начали они трепетать госпожу лазаретную: разбѣжались со страху душки-холодушки.

— Стой, братцы, надо представить ее за-живо командиру, чтобы видѣлъ онъ ее, что за птица такая.

Лихоманку связали и везуть въ обозѣ.

Какъ стали подходить къ полковой квартирѣ, часовые на городскихъ стѣнахъ ужаснулись, бѣгутъ докладывать командиру, что Турки идутъ въ силѣ великой, въ халатахъ и колпакахъ. Командиръ смотритъ, а это свои въ госпитальной аммуниціи.—«Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться! крикнулъ добрый молодець: команда состоитъ благополучно, больныхъ ни одного.» Обрадовался командиръ, и рѣшилъ отдать лихоманку въ распоряженіе полковаго лекаря; а полковой лекарь взялъ, да и женился на ней. Потомъ пиръ горой! я тамъ былъ, микстуру пилъ; выпилъ съ полбочки, а толку нѣтъ!... ухъ! трррръ!... что это, братцы, за злая такая барыня!...

— А что? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да весь полкъ переколотила.

— Неужели?

— Право такъ, ваше благородіе! вотъ и не мнѣ прива-
залась ни съ того, ни съ сего; за то, что походомъ, въ жары, холодной водицы испилъ; Богъ свидѣтель! да такъ бьетъ, какъ изволите видѣть — всѣ зубы выбила!

— Бѣднѣй! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Бѣдноты не шорокъ, ваше благородіе.

— Чтò жъ такое?

— Да такъ-съ, ничего-съ.

— А если ничего, такъ о чемъ же и горевать?

— Кто жъ горюетъ, ваше благородіе: одно только горе на свѣтѣ, какъ опохмѣлиться нечѣмъ, да какъ вмѣсто полынной поднесуть хинной.

— Дѣйствительно, ваше благородіе, ужъ это горе такое, что Господи упаси! вотъ хоть бы и здѣсь.... крикнула въ одинъ голосъ вся камора лихорадочныхъ.

— Пойдите же, ребята, я вамъ полынной поднесу! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, и тотчасъ же выдалъ вѣстовому денегъ на три ведра полынной.

Три ведра вмѣгъ явились.

— Лей ребятамъ въ лазаретныя кружки!

Какъ налили, — здравія желаемъ! ваше благородіе, — крикнула вся камора лихорадочныхъ — и, залпомъ, ухъ! такъ и пошло по-сердцу!

— Чтò жъ, братцы, будемъ мы лежать въ койкахъ, — сказалъ солдатъ-сказочникъ: по командѣ, вставай! надѣвай аммуницію; зашѣваль, впередъ! потѣшимъ его благородіе.... Ну, въ присядку!

Ой, жги, говори-говори!

То не вѣтры шумать,

То не буйные:

У солдатака съ похмѣлья

Зашумѣло въ головѣ!

Ой, жги, говори-говори!

То не писарь строчить,

По листу крутить перомъ;

То солдатникъ ножка въ кожу

Знай—выписываетъ.

Ой, жги, говори-говори!

И всѣ до одного солдатика лихорадочной каморы разошлись, знай, выписываютъ; стукъ, гамъ. У Емельяна

Герасимовича сердце радуется; а дежурный фельдшер проснулся, глядь въ камору съ просонокъ, и бѣгомъ изъ дежурному лекарю.

— Ваше благородіе, въ лихорадочной каморѣ покойно.

— Чтò такое?

— Да всѣ до одного въ бѣлой горячкѣ, съ коекъ повскакали, крикъ, гамъ, такъ и возить ихъ по каморѣ.

— Ну, ужъ сердце чувствуетъ, что аптекарь вмѣсто хины ошибкой чортъ знаетъ чего въ микстуру положилъ!

Бѣжить дежурный лекаръ въ камору, взглянулъ и сталъ въ дверяхъ какъ вкопанный.

— Здравія желаемъ ваше благородіе! крикнули солдатики. Просимъ извиненія, мы на-радоности: завтра на выписку изъ лазарета.

— А, каково я ихъ поднялъ на ноги? сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: ребята, ну, эй, жги, говори-говори!

— Чтò вы дѣлаете! вскричалъ лекаръ: какъ можно больныхъ заставлятъ плясать и пѣть!

— Какъ больныхъ? да они здоровѣхоньки; кто ихъ заставлятъ! Я только велѣлъ имъ поднести по кружкѣ полынковой—и пошла писать, да не перомъ, а какъ бишь, братцы?

Ой, жги, говори-говори!

Вдругъ послышался громкій голосъ Артамона Матвѣевича.

— Братцы, по койкамъ! сказалъ солдатъ-запѣвало.

— По мѣстамъ, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, выходя въ дежурную.

Двери каморы отворились, вошелъ Артамонъ Матвѣевичъ, за нимъ старшіе и младшіе лекаря.

— Ну, чтò тутъ такое? сказалъ громогласно Артамонъ Матвѣевичъ, войдя въ камору.

Видитъ—всѣ солдатики лежать на койкахъ, спятъ какъ убитые. — Ну, чтò жъ такое? повторилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Я самъ видѣлъ, вотъ и фельдшеръ видѣлъ, сказалъ лекарь.

— Всѣ были въ бреду и въ жару, повскакали съ коею какъ бѣшеные, сказалъ фельдшеръ.

— Да ты, любезный, кажется, самъ въ жару — ступай, ступай; впередъ съ просонковъ прошу не поднимать тревоги, мало ли тебѣ что во снѣ приснится!

— Да, помиуйте, они вѣрно впади въ летаргію, въ болѣзненное безчувствіе послѣ сильнаго горячешнаго припадка.... Очень не удивительно.... Извольте сами испытать, они лежатъ какъ деревянные, совершенно безъ чувствъ!

— Изволь, испытаю, услышать ли они мой голосъ: здорово, ребята!

Вдругъ, кто всхрапнулъ, кто чихнулъ — потеряли глаза, приподнялись, глянули на полковника, да какъ крикнуть: здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!

— Довольно; спи, ребята, на здоровье! сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, уходя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О томъ, какъ Наталья Дмитриевна боялась страстной любви Емельяна Герасимовича къ Варенькѣ и жепила бы его на ней, если бы не Французы.

Емельяну Герасимовичу не удалось выслушать всѣхъ сказокъ, которыя солдатъ-сказочникъ пересказывалъ въ жару и бреду лихорадки.

На другой же день лазаретъ, подъ прикрытіемъ полка ратниковъ, отправился въ Москву. По прибытіи, полкъ расположился въ Головинскихъ казармахъ. Артамонъ Матвѣевичъ приказалъ Емельяну Герасимовичу явиться къ себѣ.

— А!... пріятель, это ты? сказалъ онъ ему, — слушай: если ты осмѣлишься отлучиться, хоть на шагъ изъ казармъ, или хоть носъ свой покажешь въ домъ сестры, то я тебя, понимаешь?

— Понимаю; отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Покиною! я тебѣ даже покиною! Ступай!

Емельянъ Герасимовичъ отправился въ казармы; а Артамонъ Матвѣевичъ прямо къ сестрѣ.

Наталя Дмитріевна и Варенька, узнавъ о его прѣздѣ, бросились къ нему на встрѣчу; но онъ дочь оттолкнулъ отъ себя, а Наталию Дмитріевну взялъ за руку, повелъ въ другую комнату.

— Слушай, сестра! началъ онъ гнѣвнымъ голосомъ.

— Что это значитъ? вскричала Наталя Дмитріевна.

— А вотъ что: я оставилъ тебѣ на руки дочь свою, не для того, чтобъ какой-нибудь мальчишка, Емелька, осѣлывался....

— Что такое? крикнула опять Наталя Дмитріевна, прерывая его слова.

— А вотъ что: Варвара!

Варенька, испуганная и огорченная встрѣчей отца, вошла вся въ слезахъ.

— Поди сюда!

— За что вы, папенька, сердитесь на меня? проговорила она, схвативъ руку отца.

Но онъ вырвалъ руку.

— Знаю я, сударыня, все!

— Вы съ-ума сошли, сударь, сказала Наталя Дмитріевна, вырвавъ свою руку, которую Артамонъ Матвѣевичъ крѣпко держалъ.

— Погоди! не съ-ума сошелъ, а на умъ набрелъ!.... Знаю я, сударыня, ваши пашни съ Емельяномъ!.... Ты думала, что въ карманѣ шило утаишь?... Врешь, милая!... а! въ слезы!.... Пошла, плачь, негодная дѣвчонка!.... Вотъ, сударыня-сестрица, чему учится въ нашемъ домѣ моя дочь, а ваша племянница!.... Не думаете ли вы упрочить ее въ жены своему любезному воспитаннику! Нѣтъ, сударыня, не паршивой шаекъ-замарашкѣ этотъ кусокъ!.... Чего добраго, можетъ-быть и съ вашего позволенія мальчишка вздумалъ искать со мной родства, про-

вить руку моей дочери; да я не несмотрю на страстную любовь: одного въ фурлейты, другую въ монастырь!... Прощайте-съ! очень сожалѣю, что не могу сейчасъ же взять дочь изъ-подъ вашего надежнаго покровительства; но постараюсь скоро это исполнить!

И съ этими словами Артамонъ Матвѣевичъ оттолкнулъ отъ себя Вареньку, бросилъ руку сестры и скорыми шагами вышелъ.

Наталя Дмитриевна насилу опомнилась.

— Что это значитъ, Варенька? спросила она.

— Не знаю, ей Богу, не знаю, тётенька! повторила Варенька, горько рыдая.

— Не можетъ быть, ты должна знать; признайся мнѣ, Варенька.... Ты должна открыть свое сердце тёткѣ своей.... Про какую любовь говорить твой отецъ?

— Не знаю, не знаю! повторила Варенька.

— Онъ самъ сказалъ, что Эмилиѣ просилъ у него твои руки, и признался, что ты его любишь.... Говори же, другъ мой!... Было между вами что-нибудь?

— Онъ просилъ точно у меня руки.... да что жъ....

— И скрылъ отъ меня! Что жъ ты ему отвѣчала?

— Ахъ, Боже мой, онъ перепугалъ меня, сказалъ, что убьетъ себя, я дала поцѣловать руку..... что жъ въ этомъ?...

— И скрыла отъ меня? прекрасно! Это любовь и довѣренность къ тёткѣ.... Теперь все кончено; я знаю брата: онъ не пощадитъ своей родной крови.... пожалуй, въ самомъ дѣлѣ отдастъ въ монастырь.

Варенька отъ страху почти безъ чувствъ упала въ объятія тётки.

— Бѣдная! продолжала Наталя Дмитриевна: знай я это, я бы исподволь устроила судьбу вашу. Онъ загонитъ его въ гробъ!.... Варенька! успокойся, другъ мой; можетъ быть, я успѣю еще что-нибудь для васъ сдѣлать....

И Наталя Дмитриевна немедленно же послала за Блестяномъ Герасимовичемъ. Но посланный воротился и ска-

зая, что Емельянъ Герасимовичъ не можетъ отлучиться изъ казармъ. Наталья Дмитриевна въ отчаяніи сѣла въ карету и отправилась сама въ казармы.

— Вдемъ, мой другъ! сказала она, нѣжно обнявъ его.

— Не могу, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ не можешь? Это что такое?

— Такъ, не могу; полковникъ не велѣлъ мнѣ отлучаться изъ казармъ; а къ вамъ носу показывать не велѣлъ... что жъ мнѣ дѣлать? не отрѣзать носъ, да ѣхать къ вамъ!...

— Какая злоба!... я этого не перенесу!... А ты, какъ тебѣ не стыдно скрывать отъ меня свое сердце? я все знаю. Бѣшеный мой братъ все высказалъ.... Ты просилъ руки Вареньки.... и не предупредилъ меня, не предупредилъ ту, которая любитъ тебя какъ мать!...

— Почему жъ я зналъ, что мнѣ надо было васъ предупредить! Вольно жъ вамъ было не учить меня главному, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ, я тебя не учила имѣть ко мнѣ во всемъ довѣренность?

— Да это не довѣренность, шарап! отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ не довѣренность? Вдругъ, прямо, не обдумавши, не посовѣтовавшись, открыть свои намѣренія отцу ея!... ты погубилъ и себя и Вареньку!

— Опять я погубилъ! Да какимъ же образомъ погубилъ? чортъ ее знаетъ, какъ и губять-то, я же знаю! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да, сударь, погубилъ! Онъ хочетъ отдать Вареньку въ монастырь, а тебя загонитъ!....

— Загонитъ такъ загонитъ! да куда жъ онъ меня загонитъ? загоняютъ только въ хлѣвъ—знаете кого?

— Молодость, молодость! произнесла со вздохомъ Наталья Дмитриевна: скажи мнѣ все, я хочу знать подробно.... признайся мнѣ!....

— Подробно! до подробности ли, когда онъ разсердился на меня такъ, что велѣлъ арестовать.

— Арестовать!—вскричала Наталья Дмитриевна.

— Во все время похода я былъ арестованъ, а за кого? ни за кого! чортъ знаетъ за кого!

— Опять чортъ! Чтò это, Эмилій, ты совсѣмъ загрузь!

— Ну, не буду, не буду, маманъ, говорить про чорта, чортъ съ нимъ!

— Такъ онъ тебя арестовалъ?

— А какъ бы вы думали!

Наталья Дмитриевна прослезилась.

— О, я вижу, что это тебѣ стоило не даромъ—ты похудѣлъ, глаза впали.....

— Не спалъ цѣлую ночь, отвѣчалъ, зѣвая, Емельянъ Герасимовичъ.

— Не спалъ ночью! удивительно ли!

— Пронгнали цѣлую ночь въ банкъ съ товарищами..... шампанское рѣкой лилось.... роскошь!

Наталья Дмитриевна ужаснулась.

— О, Боже мой! любовь и отчаяніе погубить его!.... Другъ мой! я вижу, что отчаяніе овладѣло тобой; отчаяваться не должно; дай мнѣ честное слово, что ты не будешь предаваться отчаянію, я все для тебя сдѣлаю,—вѣдь ты бѣдный сирота, у тебя нѣтъ наслѣдія; кто жъ пристроитъ тебя, если я не пристрою при жизни своей..... Варенька будетъ твоей.

— Варенька! нѣтъ, не будетъ! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— А почему?

— Почему? какъ почему?

— Да, почему?

— А потому не будетъ, что не будетъ!

— Будетъ, будетъ, вѣрь мнѣ! только нужно терпѣнье.

— Шутка! сами вы говорили, что терпѣніе—то есть добродѣтель.

— Твоя безнадежность слишкомъ велика, другъ мой,

ты даже мнѣ не вѣришь. Все это говорить твое отчаяніе; но если бъ ты видѣлъ положеніе Вареньки!... О, нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты и племянница моя были жертвами каприза моего брата!... Ты дашь мнѣ честное слово не играть и не пить?

— Какъ это можно! да это никакъ невозможно! вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ невозможно? отъ чего невозможно? Предаться порокамъ!

— Всѣ предаются, а я что за выскочка?

— Бѣги отъ тѣхъ, которые предаются.

— Бѣжать? нѣтъ, за побѣгъ худо бываетъ!

Наталя Дмитриевна, предвидя всѣ бѣдственныя послѣдствія страстной любви, начала уговаривать Емельяна Герасимовича; но вдругъ повѣстка къ сбору. Онъ схватился за вооруженіе, крикнулъ: прощайте, шамап, вѣкогда слушать! И ушелъ.

Наталя Дмитриевна, въ отчаяніи, поѣхала домой. Она придумывала уже средства, какъ бы устроить союзъ своего воспитанника Эмилія съ Варенькой. Пріѣзжающіе—ей докладываютъ, что Артамонъ Матвѣевичъ былъ безъ нея и увезъ Вареньку; посылаетъ карету за Емельяномъ Герасимовичемъ, чтобъ пріѣхалъ къ ней непременно; ей докладываютъ, что полкъ уже въ походѣ.

Наталя Дмитриевна заболѣла отъ отчаянія—слегла въ постель.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ которой описывается, какъ Емельянъ Герасимовичъ отправокъ былъ въ Москву, пріѣхалъ туда живой, а выѣхалъ мертвымъ.

Между-тѣмъ полкъ Артамона Матвѣевича конвоировалъ новый отрядъ пѣхоты по владимірской дорогѣ. Въ Шуѣ получилъ повелѣніе опять слѣдовать въ Москву; но не доходя двухъ переходовъ, былъ остановленъ извѣстіемъ, что Французы вступили въ древнепрестольный градъ. Извѣстіе о взятіи Москвы у жасно какъ встрево-

жило Артамона Матвѣевича; потому что онъ не имѣлъ ни какого извѣстія о дочери.

Забывъ сердце свое на Емельяна Герасимовича, онъ призвалъ его къ себѣ.

— Знаешь ли, братъ, Емельянъ, сказалъ онъ ему: Москва-то въ рукахъ Французовъ; а въ Москвѣ-то остались и сестра Наталья Дмитриевна, и Варенька у сестры Пракскови. Чаю, это и тебя беспокоитъ?...

— Какъ же, Артамонъ Матвѣевичъ! чрезвычайно беспокоитъ! Пафнутычъ наговорилъ мнѣ такихъ ужасовъ, что страхъ!

— Какъ бы узнать, братецъ, объ нихъ?

— Отъ чего жъ не узнать, Артамонъ Матвѣевичъ: когда придемъ съ полкомъ въ Москву, такъ и узнаемъ.

— Куда съ полкомъ? помилуй, любезный, полку предписано итти не на Москву.

— Для чего же это такъ предписано? надо бы предписать непременно итти на Москву, потому что тамъ Варвара Артамоновна.

— Чтò будешь дѣлать! а надо какъ-нибудь съѣздить туда.... не знаю, кого бы послать....

— Да зачѣмъ же посылать, я съѣзжу, Артамонъ Матвѣевичъ: отъ чего жъ не съѣздить, слетаю! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Право? съѣздишь?

— Извольте, съѣзжу, но долгу обязанности; начальничье приказаніе всё-равно, что просьба.

— Нѣтъ, приказывать-то я не стану; это, братецъ, дѣло не по службѣ; а такъ, отъ себя съѣзди.... такъ, какъ-будто поѣхалъ форпосты осматривать.

— Слушаю, Артамонъ Матвѣевичъ: исполню ваше приказаніе.

— Да нѣтъ, братецъ, не приказаніе!...

— Ну, не приказаніе, такъ не приказаніе; всё-равно, я ѣду.

— У тебя конь лихой; отсюда верстъ съ тридцать, не

больше; гони въ хвостъ и въ голову, къ ночи прїѣдешь; а по ночи проберешься переулками къ дому сестры Натальи Дмитріевны; а тамъ узнай, уѣхала ли изъ Москвы сестра Прасковья.... самъ бы поѣхалъ!... Ну, да нечего дѣлать, поѣзжай, братъ, Емельянъ, съ Богомъ! да только молчи, никому ни слова, куда и зачѣмъ ѣдешь—слышишь?

— Слушаю, Артамонъ Матвѣевичъ.

— Эхъ, да нѣтъ, братъ, не говори «слушаю».

— Ну, какъ угодно.

— Какъ угодно!.... Опять-таки тебѣ говорю, что я не приказываю.

— Да я и ѣду безъ приказанія, такъ ѣду, просто.

— Ступай, ступай съ Богомъ, да скорѣе вернись. Ну, вышей на дорогу, для куражу.

И Артамонъ Матвѣевичъ своими руками поднесъ Емельяну Герасимовичу добрый стаканъ мадеры, которую самъ пивалъ для куражу.

Емельянъ Герасимовичъ крикнулъ:—Коня!

— Куда это вы ѣдете, Емельянъ Герасимовичъ? спросилъ дядька Пафнутычъ.

Емельянъ Герасимовичъ, не отвѣчая ни слова, вскочилъ на коня, свистнулъ и пустился по большой московской дорогѣ. Исполняя приказаніе командира, и не щадя воронаго, мчался онъ какъ отъ погони, мимо тянувшихся обозовъ и бѣгущихъ изъ Москвы жителей. Къ вечеру заблестѣли передъ нимъ золотыя маковки. Какъ испуганная ворона размахиваетъ онъ ногами и руками будто крыльями, летитъ прямо на форпостъ непріятельскій, состоявшій изъ польскихъ уланъ. Они преспокойно раскладывали огонекъ, и покуда успѣли взглянуть, что за птица несется на нихъ, Емельянъ Герасимовичъ пропорхнулъ мимо, скрылся изъ глазъ. Покуда часовые подлѣ заставы безъ шлагбаума разинули ротъ, чтобъ крикнуть: *qui vive!* Емельянъ Герасимовичъ скакалъ уже по Москвѣ, не обращая вниманія на бѣдную, погорѣвшую Москву; но богатырскій конь не вынесъ рвенія, которымъ былъ исполненъ его сѣдокъ, задохся

отъ быстрого полету, надорвался и со всѣхъ четырехъ ногъ грянулся о землю. Емельянъ Герасимовичъ, хоть не на пуховикѣ, растянулся посреди улицы; но перевелъ дыханіе, крикнулъ, приподнялся, ну, ну! да не тутъ-то было. Вороной ни съ мѣста.

— Вставай же, говорятъ тебѣ, вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ: а не то я наплюю на тебя! слышишь?...

Напрасно тянулъ онъ коня за узду; хотѣлъ уже съ досады плюнуть. Вдругъ кто-то схватилъ его за горло, такъ что чуть-чуть глаза не выкатились. Это были три мародера *великой арміи*.

— Хопп-са! — вскричалъ одинъ изъ нихъ, поваливъ Емельяна Герасимовича на землю; другіе двое стащили съ него сапоги, стянули съ плечъ кафтанъ; къ счастью, мародерамъ послышались вдали голоса¹ и конскій топотъ приближающагося патруля; они оставили Емельяна Герасимовича, не успѣвъ снять съ него всей амуниціи; одѣяніе, украшенное лампасами, уцѣлѣло на немъ. Полежавъ нѣсколько секундъ на землѣ въ молчаніи и недоумѣніи, что съ нимъ случилось, Емельянъ Герасимовичъ всталъ, осмотрѣлся кругомъ; на улицѣ, озаряемой только отдаленнымъ пожаромъ; пусто.

— Да ну, вставай! крикнулъ онъ на коня, толкнувъ его въ морду ногой, — слышишь? вставай, куда черти опять не пришли!.... тьфу! дуракъ!....

И Емельянъ Герасимовичъ, исполнивъ данное обѣщаніе бѣдному воронку, пошелъ вдоль по улицѣ пѣшкомъ. Сентябрьская ночь холодна; упаренный во время скачки, и вдругъ спѣшенный и разоблаченный почти до-нага, Емельянъ Герасимовичъ продрогъ, и въ надеждѣ согрѣться дома, торопился. Но вотъ, онъ почувствовалъ, что температура какъ-будто переѣвилась, стало теплѣе: онъ приближался къ сгорѣвшему, но еще тлѣющемуся каменному дому. Внутри, то потухалъ, то вспыхивалъ еще пламень. Емельянъ Герасимовичъ, утомленный, присѣлъ на мостовую, какъ на горячую лежанку, — славно! — да, вмѣсто холода, одолѣла страшная жажда. Жаль расстаться съ тепломъ, да нечего дѣлать — дома чай и согрѣеть и утолить

жажду. До дому же и не такъ ужъ далеко. Пошелъ Емельянъ Герасимовичъ, то шагомъ, то рысью.—Вотъ и улица наша! вотъ и сосѣдской домъ! эге, а нашъ-то гдѣ? —Только-что каменный фундаментъ цѣль.

Хоть въ Емельянѣ Герасимовичѣ было природное равнодушіе ко всѣмъ превратностямъ міра, но онъ остановился и осматривался кругомъ, не погѣрилъ бы глазамъ своимъ, если бъ на дворѣ не уцѣляли знакомыя ему кухня, конюшня, сарай и надъ сараемъ сушильня въ видѣ китайской бесѣдки.

Въ кухнѣ свѣтитъ огонекъ. Чувствуя уже какое-то ошѣивіе во всѣхъ членахъ, Емельянъ Герасимовичъ едва добрался до кухни, вошелъ. На столѣ нагорѣвшая свѣча бросаетъ слабый свѣтъ; но столу разбросаны остатки хлѣба и картофелю; тутъ же съ чѣмъ-то баклажки. Казалось бы, что въ кухнѣ пусто; но тутъ должны быть постояльцы—по стѣнамъ развѣшана военная аммуниція, полавкамъ сабли и карабины; а на печкѣ и на варахъ подлѣ печки кто-то храпитъ на разные голоса. Не обращая вниманія чѣмъ за усачи лежатъ подъ шинелями и попонами, утомленный Емельянъ Герасимовичъ подошелъ къ столу, схватилъ баклажку и сталъ съ жадностью пить. Баклажка уже была пуста; но онъ еще судорожными движеніями рта ловилъ ее, и вдругъ упалъ безъ памяти на полъ. Баклажка покатила подъ лавку.

— Qui vive! вскричалъ одинъ усачъ во снѣ, но пречіе же отделились.

Съ разсвѣтомъ одинъ изъ конныхъ *masséres* проснулся, накинулъ шинель, всталъ.

— Чтѣ за чорты! Это чтѣ? скавалъ, онъ, взглянувъ на распростертаго на полу Емельяна Герасимовича.

— Hé! camarades! крикнулъ солдатъ къ товарищамъ: смотрите, откуда взялся тутъ мертвецъ?

Всѣ вскочили, подошли къ Емельяну Герасимовичу, толкаютъ его ногами.

— Вправду мертвецъ!... да еще кажется русскій казакъ! Э, братцы, не притворился ли? Смотрите, осторожиѣе.

- Какое притворился, зубы оскалилъ.
— Кольни-ко его саблей.
— Хоть расколись—ни кровинки.
— Кольни хорошенько въ бокъ! вотъ такъ! Въ самомъ дѣлѣ мертвецъ; откуда его чортъ принесъ?
— Разумѣется, не съ того свѣта.
— Чтѣжь съ нимъ дѣлать?
— Чтѣ дѣлаютъ съ мертвыми собаками.
— Куда жъ его выбросить?
— А по-мѣому, поймать какого-нибудь мужика, взвалить ему на плечи, да и выпроводить за ворота.
— Въ самомъ дѣлѣ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Привели какаго-то отошавшаго Русскаго. Бери! говорятъ ему! тащи!—Но онъ не въ-силахъ былъ поднять бездыханнаго Емельяна Герасимовича.

— Такъ запречь клячу, чтѣ на конюшнѣ, въ дроги, и пусть его везетъ.

И вотъ взвалили бѣднаго Емельяна Герасимовича на дроги, накрыли рогожкой, посадили на передокъ пойманнаго человѣка, дали въ руки возжи и дубину, и погнали пѣгую клячу со двора долой.

— Маршъ!

Но пойманный Русскій съ-роду не исправлялъ должности Харона, съ-роду не хоронилъ людей. Поворотивъ въ другую улицу, онъ оглянулся назадъ, бросилъ возжи, соединилъ съ дрогъ, хлопнулъ по клячѣ дубинкой, а самъ тягу.

Кляча проскакала сначала вдоль по улицѣ, потомъ пошла шагкомъ, потомъ остановилась, поосмотрѣлась, зажала и, какъ-будто ориентировавшись, поворотила назадъ и побѣжала рысцой.

Пѣгая была изъ числа оставшихся подводъ, пригнатыхъ передъ вступленіемъ Французовъ въ Москву для вывоза разныхъ тяжестей. Хозяинъ ея ушелъ отъ Французовъ, а она осталась въ плѣну.

Чувствуя свободу, она ржала на всю улицу, подавая голосъ обознымъ клячамъ своего села, съ которыми привыкла она возить въ Москву сѣно, овесъ и мороженыхъ свиней.

Выбравшись на Арбатскую площадь, она какъ-будто узнала наконецъ дорогу къ дому, заржала и прытко пустилась по Знаменкѣ къ Каменному Мосту. Передъ мостомъ бросились-было ловить ее нѣсколько человекъ кавалеристовъ, но взглянувъ на поклажу, которую она везла, отступились, и долго смотрѣли съ удивленіемъ вслѣдъ за ней. На Полянкѣ погнались-было за ней человека три какихъ-то русскихъ молодцовъ, схватили ужъ было за узду, да вдругъ остановились, какъ вкопанные, и крестясь смотрѣли вслѣдъ за ней.

— *Halte-la!* — вскричалъ ей часовой подлѣ заставы; но ковыля кинулась во всю прыть мимо его. Часовой пафъ! вслѣдъ за ней. Съ гауптвахты выбѣжали солдаты.

— Что такое?

— Догоняй! прорвался въ заставу!

Капралъ и два рейтара баварскихъ вскочили на лошадей, догнали клячу, остановили.

— Держите исправно, сказалъ капралъ: а я буду осматривать, что такое здѣсь находится.... Тсъ! тутъ скрывается человекъ! Надо принять мѣры осторожности.

Капралъ вынулъ изъ чухки пистолеть, и приказалъ одному рейтару держать исправно лошадь, а другому подойти къ дрогамъ и поднять рогожу, подъ которой скрывался человекъ...

— Это казакъ! — сказалъ рейтаръ, приподнявъ саблей край рогожи.

— Вѣроятно, онъ притворился спящимъ; сбрось съ него рогожу; если онъ вскочитъ, я тотчасъ же выстрѣлю и положу его на мѣстѣ.

— Гораздо лучше выстрѣлить, куда онъ еще не вскочилъ: онъ вѣроятно вооруженъ съ ногъ до головы, и можетъ кого-нибудь изъ насъ ранить.

— Конечно; но мнѣ хотѣлось бы взять его въ плѣнъ; за плѣннаго казака можно получить награду.

— Но все не худо бы ранить его хоть въ ногу.

— Постой же!

Капрагъ взвелъ курокъ, нацѣлился въ ногу Емельяна Герасимовича,—пафъ!

Кляча такъ испугалась выстрѣлу, что рванулась, свалила съ ногъ державшаго ее рейтара и поскакала во весь опоръ. Капрагъ съ другимъ рейтаромъ пустились было ее догонять; но, куда! тяжелымъ ли рыцарскимъ конямъ догонять русскую клячу!

Освободившись отъ преслѣдованій, пѣгая освѣжила себя прохладной водицей изъ одного ручейка, протекавшаго по лощинѣ, пощипала травки, отдохнула, и пустилась снова по дорогѣ.

¶ Пробѣжавъ версты тридцать по столбовой, пѣгая своротила влѣво къ селу; здѣсь, вѣрно, были ея знакомые. Но при выѣздѣ въ село встрѣтилъ ее только сѣрый, хромоногій меренъ, кости да кожа. Пѣгая приостановилась, заржала, подошла къ сѣрому, пообнюхались, и, безъ-сомнѣнія, не повѣривъ ему на-слово, что селенье пусто, отправилась прямо на постоянный дворъ, подъ навѣсъ, фыркнула, вытянула шею, зѣвнула, и ждетъ—вотъ, распрягутъ и поставятъ къ корму. Не тутъ-то было. Посмотрѣвъ нетерпѣливо назадъ—что жъ это медлятъ ее распрягать? пѣгая подошла къ яслямъ—пусто! ни сѣнца, ни овсеца. Нечего дѣлать, поѣла соломки тамъ-сямъ разбросанной, и пошла на водоной къ колодцу; въ колодѣ было немного водицы,—испила, посмотрѣла на стороны, заржала и пустилась рысцой вонъ изъ села. При выѣздѣ было три дороги. Не затрудняясь въ выборѣ, пѣгая избрала среднюю, и благополучно прибыла къ вечеру къ другому селу. Тутъ ужъ вѣрно были ея родные; подавая радостный голосъ, поднявъ хвостъ трубой, она бѣжала по селу бодрымъ, лихвымъ конемъ.

Сельскій ширъ, собравшись у избы старосты, о чемъ-то толковалъ.

— Чья это лошадь-то бѣжитъ съ возомъ одна? ска-
заль одинъ изъ мужиковъ.

— Держи!

— Э, дядя Василій, это твоя, пѣгая!

— Да пѣгая же, пѣгая! ахъ, ты, Господи, да откуда она
взялась?

— Держи!

Народъ кинулся вслѣдъ за пѣгой; но она, не поддаваясь
никому, пропустилась во весь скокъ прямо-было въ во-
роты одной избы, — да заперты. Остановилась.

— Мама! пѣжко прибѣжалъ! — вскричалъ мальчикъ, си-
дѣвшій на завалинкѣ; но народъ ужъ окружилъ пѣгую,
обступилъ дроги, на которыхъ лежалъ трупъ героя по-
вѣсти, накрытый рогожкой.

— Не замай, братцы! кричалъ дядя Василій, растал-
кивая мужиковъ: не замай, что привезла, то мое сча-
стье! Прочь, говорятъ! прочь, убью! Не подступай! хо-
зяйка, отвори ворота!

Онъ всталъ передъ возомъ, лицомъ къ народу, кулаки
на готовѣ, и повторялъ: отвори ворота! Но съ боку одинъ
молодецъ успѣлъ ухватить рогожку за край и сдернулъ се.

— Мертвецъ! вскричали нѣсколько голосовъ, увидя
распростертаго на дорогахъ Емельяна Герасимовича.

— Бери, бери себѣ, дядя Василій! подавился имъ!

— Врешь, братцы, не надуешь! прочь, говорю! отвори,
баба, ворота, веди на дворъ!.... Подступись, только кто, не
помилую! ей-ей, не помилую! кричалъ дядя Василій, не
озираясь назадъ.

— Да что ты, Василій, ополоумѣлъ что ль, пѣгая-то
привезла убитаго солдата! вскричала хозяйка дяди Ва-
силія.

— Ахъ, ты, Господи! сказалъ дядя Василій, оглянув-
шись: напасть какая!

— Солдатъ убитый! повторялъ народъ, обступивъ сно-
ва дроги.

— Ахъ, ты, Господи! напасть какая! повторялъ дядя Василій, схватясь за голову.

— Что братъ, дядя Василій, а давеча: не земай!

— Не трожь, братцы, не трожь, вишь это Богъ далъ дядѣ Василью!

Пѣгая было двинулась въ отворенныя ворота.

— Пррр! ты! вскричалъ дядя Василій, схвативъ пѣгую за узду и треснувъ ее по жордѣ.

— Что ты, дядя Василій, не пускаешь свое счастье-то на дворъ?

— Охъ, братцы, что жъ мнѣ дѣлать?

— Схорони къ себѣ въ сундукъ его.

— Свезти на кладбище, что ль, дядя Иванъ? спросилъ дядя Василій старосту.

— Что? нехристь можетъ какой, а мы его къ себѣ на кладбище! да еще слѣдствіе какое выйдеть; скажутъ, убили солдата, да и похоронили.

— Вѣстимо, что надо его съ нашей земли спровадить.

— Какъ спровадить-то, помилуй Богъ, кто увидить; все село покараютъ.

— Да откуда онъ взялся?

— Откуда! чай изъ Москвы везли раненыхъ; а пѣгая згла да и своротила на свое село.

— А что ты думаешь!

— Ей Богу такъ; стало-быть везли въ лазаретъ, что въ селѣ Куколкинѣ.

— Такъ туда бы его и препроводить; а то еще хватятъ его, да и найдутъ по слѣдамъ. Спросятъ, куда дѣвали.

— Такъ ступай, братъ Василій, вези его въ лазаретъ.

— Что жъ, я свезу.

Потолковали еще, повторили свое рѣшеніе, и дядя Василій повезъ Емельяна Герасимовича въ походный лазаретъ, который находился верстахъ въ десяти отъ села.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О томъ, какъ князь Герасимовичъ успѣлъ ожить во-время, и какимъ образомъ волевался.

Покрывъ снова рогожкой нашего героя, дядя Василій засылъ на дроги и погналъ свою бѣдную пѣгую добрымъ кнутомъ. Ночь ужъ была на дворѣ, когда онъ прѣѣхалъ въ село, занимаемое лазаретомъ. Часовой у вѣзда окликнулъ.

— Раненаго везу, отвѣчалъ дядя Василій. Часовой вызвалъ изъ ближней избы караулъ. Одинъ изъ солдатъ отправился проводить подводу съ раненымъ къ дежурному лекарю.

Лекарь выслалъ фельдшера, принять раненаго; на фельдшеръ по освидѣтельствованіи, донесъ, что раненый ужъ умеръ.

— Ну, такъ свалить его въ сарай, а завтра похоронить; или постой: Федоръ Федоровичъ велѣлъ приготовить ему одинъ субъектъ для изслѣдованія мозговой перепонки. Отнести его на адъютантскую квартиру; Сергѣй Яковлевичъ воротится не прежде недѣли; а тамъ славно анатомировать, свѣтло.

И вотъ нѣсколько человекъ инвалидовъ везали Емельяна Герасимовича на носилки и перенесли въ отдѣльномъ домикъ скотнаго двора подлѣ помещичьяго сада. Домикъ раздѣлялся на двѣ половины; лучшую занималъ адъютантъ, а маленькую свѣтелку раненый юнкеръ. Сложивъ субъектъ для изслѣдованія мозговой перепонки на полъ, инвалиды вышли и отправились по квартирамъ.

Съ разсвѣтомъ нашъ мертвецъ вдругъ чихнулъ.

Добрый знакъ!

Вотъ онъ открылъ глаза, смотреть; приподнялся, съѣлъ и опять смотритъ на себя и вокругъ себя. Нога вся въ крови, рубашка также, что-то больно поворотиться. Комната незнакома: подлѣ стѣнки кровать, зеленый столикъ, нѣсколько стульевъ; на одномъ стулѣ чемоданъ, на чемо-

ланѣ военный старенькой куртукъ, съ красной стамедной подкладкой, на колышкѣ фуражка, въ углу черкесская шашка, да пары двѣ сапоговъ.

Дрожь пробирала Емельяна Герасимовича, сперва онъ подползъ къ сапогамъ; сапоги съ большой ноги, впоору ему, только правая нога какъ-будто поопухла, какъ-будто обожжена икра. Отдохнувъ немного, Емельянъ Герасимовичъ стащилъ съ чемодана сертукъ и съ большимъ трудомъ напялилъ его на плечи, и приподнявшись, добрался до кровати, на которой лежалъ тюфякъ набитый сѣномъ.

Въ это время дверь отворилась, и старшій хирургъ, въ сопровожденіи младшаго и двухъ фершаловъ вошли въ комнату, и остановились съ удивленіемъ въ дверяхъ.

— Гдѣ жъ? спросилъ старшій хирургъ: что жъ вы мнѣ сказали?...

— Вѣдь ты сказалъ? спросилъ младшій хирургъ, вытаращивъ глаза на фельдшера.

— Позвольте узнать, гдѣ я, господа? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Здѣсь полковой лазаретъ. Мы думали, что вы умерли, сказалъ старшій хирургъ; — но слава Богу....

— Лазаретъ? вотъ тебѣ разъ! Да какимъ же образомъ я здѣсь очутился?

— Васъ привезли совершенно мертвого!

— Откуда?

— Мы не знаемъ.

— И я не знаю.

— Но какъ припоминаете вы, гдѣ вы были въ сраженіи?

— Я былъ въ Москвѣ, по дѣламъ службы; стало быть меня тамъ Французы и убили.

— Онъ, кажется, въ горячешномъ состояніи, сказалъ тихо старшій хирургъ. Вы какого полка?

— Миліоннаго.

— Жаръ и бредъ однако же не велики, сказалъ тихо младшій медикъ.

— Чтò вы знаете! замѣтилъ старшій хирургъ: Позвольте осмотрѣть ваши раны.

— Извольте.

— Снимите вашъ сюртукъ, вамъ принесутъ сейчасъ лазаретную одежду.

— Принеси халатъ и колпакъ! сказалъ младшій хирургъ фельдшеру.

— Покорно благодарю, я халатовъ и колпаковъ терпѣть не могу!

— Но вамъ спокойнѣе будетъ.... Посмотрите, вы всѣ ранены.... ого! Какъ васъ настигвали! вѣрно штыками!

— Чортъ ихъ знаетъ чѣмъ.

— Въ плечо рана пулей, но вскользь; позвольте—рейтузы прострѣлены, кажется и нога ранена?... Да, да, ранена пулей; но также счастливая рана.... опасности нѣтъ; черезъ нѣсколько дней вы будете въ-состояніи отправиться въ полкъ. Между прочимъ мы вамъ пропишемъ микстуру, для предупрежденія лихорадочнаго состоянія, которое очень легко можетъ перейти въ горячку.

— Отъ лихорадки? отъ лазаретной барыни? микстуру хинную? покорно благодарю!

— А, стало-быть вы съ ней знакомы?

— Какъ не знать—синяя-пресиняя; я и на ея свадьбѣ былъ, микстуру пилъ, выпилъ полбочки, а толку нѣтъ.

— Видите ли, сказалъ старшій хирургъ младшему: а вы, молодой человекъ, сказали, что у него нѣтъ бреда.

— Я, Федоръ Федоровичъ, думалъ....

— Чтò вы думали? вы лучше слушайте, чтò вамъ говорятъ опытные. Ему надо прежде всего пустить кровь.

— Нѣтъ ли у васъ полыньковой? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ: да чего нибудь поѣсть; мнѣ ужасно какъ ѣсть хочется!

— Хорошо, хорошо, въ свое время вы получите свою порцію. Пустите кровь, чашки четыре, микстуру черезъ

часть; а потомъ часа черезъ два можно дать порцію супу.

Старшій хирургъ вышелъ; а младшій, оставшись съ ординарами, предложилъ Емельяну Герасимовичу спать суртукъ, чтобъ промочь и перевязать раны.

— Я и ранъ не дамъ перевязывать, покуда не дадите мнѣ ѣсть, — сказалъ рѣшительно Емельянъ Герасимовичъ.

Медикъ тщетно уговаривалъ его и долженъ былъ наконецъ согласиться на требованіе раненнаго, по убѣжденію, что это — требованіе самой природы.

Принесли порцію супу и кружку воды; Емельянъ Герасимовичъ удовлетворилъ нѣсколько голодъ и жажду и согласился наконецъ на перевязку. Но когда медикъ предложилъ ему протянуть руку, чтобъ пустить кровь—Емельянъ Герасимовичъ видалъ въ лазаретѣ, какъ пускаютъ кровь, фонтанчикъ забавлялъ его; но подумавъ, онъ сказалъ:—Нѣтъ, теперь не хочется, въ другой разъ.

Медикъ согласился.

Оставшись одинъ, Емельянъ Герасимовичъ прилегъ на кровать и заснулъ. Ввечеру, приставленный къ нему инвалидъ принесъ порцію ужина; но не рѣшился его будить. Онъ проспалъ богатырскимъ сномъ весь день, всю ночь, все утро и очнулся въ полдень. Фельдшеръ перевязалъ ему раны, инвалидъ пошелъ за порціей обѣда, а Емельянъ Герасимовичъ, въ ожиданіи утоленія спльнаго аппетита, присѣлъ къ окну. За рѣшеткой сада, прекрасная аллея высокихъ густыхъ липъ, какъ нарочно тянулась противъ него. Воображеніе поэта представило бы себѣ сверхъ-естественныя вещи, вглядываясь въ сумрачное отдаленіе аллеи; фантазмагорическое существо непременно затеплилось бы вдругъ, какъ искорка посреди мраку, и стало бы разрастаться въ очаровательную дѣву, въ идеалъ совершенства, въ существо, котораго жаждутъ всѣ чувства. Поэтъ ясно бы видѣлъ, что на ней ничего нѣтъ, кромѣ розъ, безъ шиповъ, кромѣ лилій и распадающейся косы по персямъ; она еще безбоязненно смотритъ, еще не видитъ вызывающаго ее всѣми чарами мысли мраку.... Новотъ, какъ пораженная, она приростанивлываетъ

ся, румянецъ вспыхнулъ, коса заплетается подъ гребень; локоны вьются и прилегаютъ къ пылающимъ щекамъ; взоръ поникъ, а ножка обулась, исчезла подъ ниспадающими струями одежды.... исчезла, и сколько сокровищъ природы запахлолось отъ скромныхъ взоровъ поэта!... Онъ бы и самъ ни на что не смотрѣлъ, кромѣ ея глазъ, ничего не хотѣлъ бы видѣть, кромѣ взора любви.... Онъ созерцалъ бы красоту; а ему не вѣрять!

Емельянъ Герасимовичъ, какъ не поэтъ, не видѣлъ ничего, что происходило въ мирѣ очарованія; онъ только видѣлъ, что по аллеѣ шла дѣвушка, съ книгой въ рукахъ, медленно, какъ-будто углубясь въ чтеніе, приблизилась почти къ самой рѣшеткѣ, боязливо приподняла глаза, глубоко вздохнула, взглянула прямо на него, вспыхнула, смутилась и скрылась въ боковой аллеѣ.

— Ушла!—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, продолжая съ любопытствомъ смотрѣть въ окно. Но вотъ она снова появилась въ аллеѣ, снова углубленная въ чтеніе, подошла почти къ самой рѣшеткѣ, сѣла на дерновую скамью, оглянулась, и торопливо опять устремила глаза въ книгу; потомъ склонила голову на плечо; грудь ея была въ какомъ-то безпокойномъ волненіи, вздымалась отъ стѣсненнаго вздоху, и готова было хлынуть вонъ; но, къ счастью, вздохъ освободился, вылетѣлъ изъ заключенія и пропорхнулъ мимо Емельяна Герасимовича.

Не сводя глазъ съ очаровательнаго видѣнія, Емельянъ Герасимовичъ припоминалъ любимую свою полковую пѣсню: «ахъ, голубочка моя! о чемъ ты тоскуешь и подъ сизое крыло головушку клонишь?» Онъ готовъ былъ пропѣть ее; но вошелъ инвалидъ съ порціей обѣда.

— Эй, ты! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: не знаешь ли ты, что это за дѣвушка такая ходитъ по саду?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Не могу знать! смотри въ окно — видишь?

— Ни какъ нѣтъ, не вижу, ваше благородіе.

— Слѣпень!

— Да немножко есть, ваше благородіе.

— Видишь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Не могу знать! Кто жъ можетъ знать?

— Да вотъ, можетъ-статься, сосѣдъ вашъ, господинъ юнкеръ, знаетъ про то.

— Такъ позови его.

— Ходить-то ему не можно, ваше благородіе: онъ раненый.

— Такъ я самъ пойду въ нему, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ; я скушавъ свою порцію, отправился къ сосѣду.

— Мое почтеніе, сказалъ онъ, войдя въ комнату, гдѣ молоденькій юнкеръ, лежа въ постель, что-то писалъ.

Молоденькій юнкеръ, привставъ немного, робко поклонился. Это былъ природный поэтъ. До Французовъ, въ университетскомъ пансіонѣ, въ каждомъ классѣ, былъ парнассъ, лавка высокая, подъ самымъ потолкомъ. На этомъ парнассѣ возсѣдали всегда лѣнтяи, безпамятные и разсѣянные, потому что изъ этого рода юношей развертывались всегда поэты, какъ изъ куколокъ мотыльки. Молоденькій юнкеръ поступилъ въ военную службу прямо съ парнасса среднихъ классовъ; подъ Бородинымъ, въ пылу сраженія, онъ былъ раненъ въ ногу, но крылья души уцѣлѣли, и онъ, въ походномъ лазаретѣ, парилъ по безпредѣльному пространству міра фантазій; описывалъ ужасы битвы, громъ и молнію орудій, стонъ земли, рѣки крови и потоки слезъ, проливаемыхъ любовію въ разлукѣ и въ страхѣ за милыхъ героевъ. Грустно поэту, когда онъ пишетъ, пишетъ, пишетъ, а прочесть некому. Молоденькій юнкеръ обрадовался знакомству съ безцеремоннымъ Емельяномъ Герасимовичемъ.

— Миѣ сказали, что мы сосѣди, началъ Емельянъ Герасимовичъ, садясь.

— Очень пріятно, отвѣчалъ юнкеръ, воображая, что это адъютантъ.

— А вы все лежите?

— Я раненъ въ ногу, отвѣчалъ юнкеръ.

Т. ЪХІХ. — Отд. I.

— А я весь израненъ. А вы все пишете?

— Да-съ, я занимаюсь, отвѣчалъ юнкеръ, смотря съ любовію на написанную бумагу.

— А я не пишу, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Для меня музы составляютъ одно утѣшеніе, отвѣчалъ юнкеръ: я пишу оду, да еще не совсѣмъ кончилъ.

— Нѣтъ, мнѣ грація лучше нравится, возразилъ Емельянъ Герасимовичъ, помня, что Платонъ Андреевичъ музами называлъ замужнихъ женщинъ, а граціями дѣвушекъ. — А, вотъ, кстати, я было и позабылъ, продолжалъ онъ: не знаете ли вы, что за грація ходитъ здѣсь по саду? чрезвычайная!

— Можетъ-быть, дочь помѣщика?

— Дочь помѣщика? О, такъ за ней можно волочиться.

Юнкеръ улыбнулся. — Впрочемъ не знаю, сказалъ онъ: бесѣдуя съ музами....

— Ходила, ходила, по саду, подошли къ самой рѣшеткѣ, посмотрѣла на меня, и вздохнула, да какъ вздохнула-то, если бъ вы знали!....

Воображеніе поэта затронутое таинственной «дѣвой» и глубокимъ вздохомъ, воспламенилось; онъ съ завистью посмотрѣлъ на счастливца.

— Хочу волочиться, продолжалъ Емельянъ Герасимовичъ: — да не знаю, какъ бы это лучше сдѣлать; говорить, не спросясь воды, не суйся въ бродъ.

Безцеремонное обращеніе Емельяна Герасимовича ободрило юнкера.

— Зачѣмъ же дѣло стало: писать любовное объясненіе, отвѣчалъ онъ, вызванный на совѣтъ въ отношеніи чувства, принадлежащаго поэзіи, и проникнутый мыслію, что развивать въ человечествѣ любовь и помогать любви — долгъ поэта.

— Помилуйте! писать! да она не загорами живетъ.

— Помилуйте! какъ же не писать?

— Помилуйте! что это за волокитство. — марать бумагу, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

- Какъ же иначе? скажишь юнкеръ.
- Просто, безъ церемоній.
- Просто! да это ни на что не похоже!
- Ну, такъ напишите мнѣ письмо; я самъ не мастеръ писать.
- Сначала совсѣмъ не письмо бы надо писать.
- А что же?
- Посланіе въ стихахъ.
- Въ стихахъ?

«Коса, коса,
Моя краса,
Сѣрые глаза,
Льняная коса!»

Да какую же басню вы напишете?

— О, за вымысломъ дѣло не станеть, сказалъ юнкеръ серделиво: вы говорите, что она вздохнула, взглянувъ на васъ?

— Вздохнула.

— Я напишу стихи на вздохъ; только надо будетъ узнать, какъ ее зовутъ.

— Сейчасъ же пошлю въ домъ, спросить какъ ее зовутъ. Эй, служба! крикнулъ Емельянъ Герасимовичъ, прибѣжавъ въ свою комнату: ты молодець?

— Былъ молодець, ваше благородіе; а теперь не могу знать.

— Не могу знать! Не знаешь ли ты, какъ зовутъ барышню, что въ саду ходитъ?

— Не могу знать.

— Не могу знать! Такъ узнай, братецъ, какъ ее зовутъ?

— Слушаю, ваше благородіе!.... Отъ кого прикажете узнать?

— Отъ кого! отъ кого хочешь узнай: узнай, да и кончено.

— Понимаю, ваше благородіе! сейчасъ прикажете?

— Сейчасъ же!

— Стороной прикажете узнать?

— Хоть стороной, хоть бокомъ, только узнай!

— Нѣтъ, ваше благородіе, то есть изъ подъ руки.... или.... Да ужъ я знаю, ваше благородіе: въ аптеку ходить со двора горничная; я ее допрошу.

— Такъ ступай же, ступай, допрашивай скорѣй аптеку!

— Торопиться нечего, вѣдь она ходитъ по вечеру, сказалъ инвалидъ.

— Ступай, ступай, подгони ее!

Инвалидъ ушелъ; а Емельянъ Герасимовичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія; но инвалидъ воротился очень поздно.

— Ну! что?

— Все обстоитъ благополучно, ваше благородіе; зовутъ барышню Аленой Ивановной.

Емельянъ Герасимовичъ побѣжалъ къ юнкеру; но юнкеръ уже спалъ; надо было ждать утра.

— Ахъ ты, ужинъ послѣ горчицы! сказалъ онъ инвалиду съ досадою. Залегъ въ постель, но не спалось. Боясь позабыть имя, онъ твердилъ его до половины ночи. Сонъ, однако же, одолѣлъ. Емельянъ Герасимовичъ заснулъ; но и въ грезахъ сна губы продолжали твердить урокъ про себя.

Только-что взошло солнце и фельдшеръ перевязалъ ему раны, то есть, не солнцу, а Емельяну Герасимовичу, онъ побѣжалъ къ сосѣду и испугалъ его, крикнувъ: пишите: Елена Иванова!

— Славное имя, и стихи готовы, — сказалъ юнкеръ; заглавіе будетъ: на вздохъ Елены; слушайте:

О, если бъ знала ты, какъ твой глубокій вздохъ
Проникъ во всѣ души моей изгибы!
Я чувствую, то былъ любви крылатый богъ —
Какія жъ отъ него моленья помогли бы?
Онъ опалилъ меня невидимымъ огнемъ,
Онъ наполнилъ меня сладчайшимъ ядомъ!
О, испѣли жъ меня, Елена, волшебствомъ,
Бальзамомъ чувствъ и животворнымъ взглядомъ!

— Меня, меня, меня! Славно, неподобно! вскричалъ Емельянь Герасимовичъ: про раненаго иначе и писать нельзя! А какъ выдумаете, возьмется она лечить меня?

— А какъ же? послѣ такихъ стиховъ.... Пойдите: О, еслибъ знала ты....

— Славно! бальзамомъ! повторялъ Емельянь Герасимовичъ.

— Послушайте. О, если бъ знала ты....

— Прекрасно! И такъ, мы просимъ у ней бальзаму....

Поэтъ въ пятый разъ хотѣлъ прочесть стихи свои; но Емельянь Герасимовичъ схватилъ стихи, и въ дверь.

— Ну, служба!—сказалъ онъ инвалиду: вотъ тебѣ еще дѣло. Отдай это письмо, нѣтъ стихи, братецъ, горничной дѣвушкѣ.... куда она ходитъ ввечеру?

— Въ аптеку, ваше благородіе.

— Такъ отдай въ аптеку, и скажи, чтобъ она вручила самой Еленѣ Ивановнѣ.... слышишь? понимаешь? скажи, что это стихи!

— Слушаю, понимаю, ваше благородіе! И инвалидъ отправился, и ввечеру донесъ Емельяну Герасимовичу, что все обстоитъ благополучно, письмо доставлено по принадлежности.

— А отвѣтъ?

— Не могу знать.

— Ахъ ты, шитая рожа, визаной носъ! Не могу знать! а еще солдатъ!

И Емельянь Герасимовичъ опять съ досадою повалился въ постель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О томъ, какъ Емельянь Герасимовичъ уступилъ успахи своего вдовства другому.

Емельянь Герасимовичъ на слѣдующій день сидѣлъ съ утра у окна и смотрѣлъ вдоль аллеи—никто не показы-

валяся. Но послѣ обѣда, видать оиъ — идетъ прекрасная Елена; въ рукавъ у нее листокъ, взгляды ея часто приподнимаются на окно. Емельянъ Герасимовичъ не сводитъ съ нее глазъ, и едва переводитъ дыханіе. Вотъ Елена сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, взглянула на окно, спрятала листокъ за корсетъ, и скрылась въ боковой аллеѣ.

Емельянъ Герасимовичъ побѣжалъ къ юнкеру и разсказалъ ему все, что видѣлъ.

— Bravo! постойте! сейчасъ, сказалъ юнкеръ, дописывая что-то и диктуя самъ себѣ: «и утолили жажду мески, упились кровію своей, и улеглись на полъ чести, какъ неразумный сонмъ друзей.....» Теперь надо писать, безъ церемоній, объясненіе въ любви, рѣшительное объясненіе.

— Пишите объясненіе безъ церемоній, а я буду смотрѣть въ окно.

— Слушайте, сказалъ юнкеръ, написавъ нѣсколько строкъ.

«Елена, прекрасная Елена! Для чего пощадилъ меня неприятельская пуля? Для того ли, чтобъ я встрѣтилъ васъ.....» Какъ вы думаете, какъ писать, васъ или тебя?

— Васъ, или тебя?.... хмъ! а вы какъ думаете?

— Я думаю «тебя».

— И я думаю..... нѣтъ, постойте, *тебя*—не годится.

— Отъ чего же?

— Грубо.

— Васъ такъ васъ, сказалъ юнкеръ: — слушайте сначала:

«Елена, прекрасная Елена! Для чего пощадилъ меня неприятельская пуля? Для того ли, чтобы я встрѣтилъ васъ и благословилъ мою судьбу, или для того, чтобъ я торопился снова въ бой и искалъ вѣрной смерти? Это вы только можете рѣшить. Я васъ увидѣлъ, и люблю страстно, неизлечимо люблю! Отвѣчайте мнѣ хоть слово, хоть одно слово!»

— Неизлечимо? вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ:—

нѣтъ, покорно благодарю! Нѣтъ, этого одного слова не хочу, что нѣтъ въ немъ!

— Такъ я поставлю: вѣчно.

— Вотъ это дѣло другое.

— Ну, служба! сказалъ опять торопливый Емельянъ Герасимовичъ инвалиду: отувай, неси дѣвушку, вручи письмо, а она чтобъ отдала въ аптеку, понимаешь?

— Понимаю, ваше благородіе.

Отправился инвалидъ, отдалъ письмо. На другой день Емельянъ Герасимовичъ ждалъ отвѣта—нѣтъ отвѣта. Пошелъ жаловаться юнкеру; юнкеръ въ утѣшеніе цѣлый день ему читалъ свои стихи.

На третій день, вдругъ, неожиданно, рано утромъ горничная вручила инвалиду письмо, для доставленія адъютанту.

— Есть! вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ, входя къ юнкеру.

— Bravo! вскрикнулъ и юнкеръ: сейчасъ, только кончу... Послушайте: «на полѣ бранномъ вѣютъ вѣтры....»

— Ну, пусть ихъ тамъ воютъ!

— Нѣтъ, не воютъ, а вѣютъ.

— Ну, пусть ихъ хоть дуютъ.

— Нѣтъ-съ, нисколько не дуютъ!

— Ну, чтобъ ихъ горой раздуло! бросьте это, читайте некалуйста письмо.

— Видите ли, что значать стихи! сказалъ юнкеръ, пробѣжавъ отвѣтъ.

«Вы требуете надежды. Что буду я отвѣчать вамъ на это? Я могу отвѣчать только на чувства».....

— Далѣе? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Только; что жъ вамъ еще болѣе? Это слишкомъ долго.

— Что жъ тутъ довольнаго?

— А эти слова: «я могу отвѣчать только на чувства.» Не воле ли снѣ говорить: я отвѣчаю вашей любви.

— Такъ что жъ изъ этого?

— А вотъ что: мы теперь имѣемъ право требовать свиданія.

— Это дѣло другое!... При свиданіи дѣло лучше объяснится.

— Такъ требуемъ свиданія?

— Требуемъ!

Юнкеръ присѣлъ и написалъ предлинное письмо къ Еленѣ; всѣ нѣжныя названія, всѣ выраженія пламенной страсти, всѣ слова, какими только можетъ располагать любовь, чтобъ возвеличить себя въ глазахъ такъ-называемаго обожаемаго предмета—все тутъ было. Бѣдный Емельянъ Герасимовичъ былъ жертвою самой пламенной любви.

— Ей Богу такъ! я и люблю и обожаю ее, точно! и боготворю! — вскрикивалъ Емельянъ Герасимовичъ: именно такъ!... не могу жить безъ нея!... Нѣтъ, стойте: не могу жить безъ нея? Это что значитъ!

— Какъ что? Кто любить, тотъ не можетъ жить безъ предмета любви.

— Пустяки! лучше прибавьте, что если она отдастъ мнѣ свою руку, такъ я свою больную дамъ отрѣзать, какъ лишнюю, чортъ съ ней!

— Это вы сами скажете ей при свиданіи.

— Ну, хорошо.

Письмо запечатано, письмо отослано по экстра-почтѣ. Вдругъ приходитъ дежурный лекаръ.

— Извините, сказалъ онъ Емельяну Герасимовичу: пріѣхалъ адъютантъ генерала.... Здѣсь ихъ квартира.

Вслѣдъ за медикомъ вошелъ и адъютантъ, молодой человекъ, прекрасный собою.

— Очень радъ, что васъ помѣстили въ моей квартирѣ, сказалъ онъ.

— Очень радъ, сказалъ и Емельянъ Герасимовичъ, осматривая красиваго адъютанта.

Адъютантъ также посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Позвольте ужъ переночевать имъ, продолжалъ де-

журный лекаръ: теперь нельзя переводить ихъ на другую квартиру.

— Пожалуй, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ адъютантъ.

Лекаръ ушелъ.

— Въ какомъ полку изволите служить? спросилъ адъютантъ.

— Въ милиціонномъ, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Въ какомъ дѣлѣ ранены?

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ваше благородіе, сказалъ тихо инвалидъ, войдя въ комнату:—пожалуйте сюда.

— Что! письмо? вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Инвалидъ махнулъ таинственно головой и показалъ глазами на фуражку свою.

— Давай, давай, чего ты боишься?

Инвалидъ вынулъ изъ фуражки письмо, прикрытое носовой тряпичкой, и отдалъ Емельяну Герасимовичу, который стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты.

— Что за чудакъ? сказалъ адъютантъ, сядя противъ окна и поглядывая въ садъ. Вдругъ въ аллеѣ показалась прекрасная Елена. Медленно и задумчиво подходила она къ рѣшеткѣ ограды; когда взоръ ея поднимался, онъ всегда былъ обращенъ на окно, подлѣ котораго сидѣлъ адъютантъ. Наконецъ, она сѣла на скамейку, сложила плѣнительно свои руки, и взоръ ея снова приподнялся и остановился на очарованномъ адъютантѣ. Онъ вспыхнулъ; но также не сводилъ съ нея глазъ своихъ. Въ этомъ положеніи они пробыли нѣсколько минутъ.

— Богиня моя! вскрикнулъ невольно адъютантъ, и приложилъ руку къ сердцу. Его видѣніе сдѣлало то же самое; но пламенный взоръ поникъ стыдливо. И вдругъ Елена вскочила съ мѣста, бросила еще взглядъ и исчезла въ боковой аллеѣ.

— Она меня любитъ! вскричалъ снова адъютантъ.

— На кого это вы смотрите? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ, входя въ комнату: вѣрно на Алену Ивановну.

— Вы..... знакомы съ ней? спросилъ адъютантъ, смутясь.

— А какъ же, разумеется познакомились, да еще и какъ!

— Познакомилесь?..... Какимъ это образомъ?.....

— Какимъ это образомъ? Завелъ переписку.

— И она отвѣчала! вскричалъ адъютантъ.

— Отвѣчала; вотъ чтò пишеть. Вы умѣете читать?

— Кажется, отвѣчалъ адъютантъ.

— Такъ прочитайте.

Адъютантъ тревожно развернулъ письмо, и удивленіе его болѣе и болѣе возрастало, когда онъ читалъ.

«Я почти васъ не знаю; но какая-то неизбѣжная судьба заставляетъ меня предаться непонятному для меня чувству. Я назову его симпатіею душъ. Я вѣрю вашимъ словамъ; они кажутся мнѣ отголоскомъ собственныхъ моихъ чувствъ. Я бы то же сказала вамъ, если бъ имѣла право... Но, для чего вы требуете свиданія?.... Мнѣ легко забыть-ся до того, чтобы рѣшиться исполнить желаніе ваше..... любовь требуетъ покорности; но пощадите меня, если вы захотите уважить скромность мою.... Я буду въ одиннадцать часовъ въ боковой аллеѣ; но еще разъ прошу, откажитесь отъ собственнаго вашего желанія, и вы усилите мое чувство любви чувствомъ уваженія»....

«Е.»

— И вы рѣшились писать..... къ этой дѣвушкѣ! сказала адъютантъ дрожащимъ голосомъ: и это она вамъ отвѣчала!

— Отвѣчала, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: я послалъ ей стихи, потомъ письмо, потомъ другое письмо; вотъ она и пишеть, что очень рада видѣть меня.

— Милостивый государь! вскричалъ адъютантъ: кто васъ увѣрилъ, что она васъ любитъ?

— Вотъ забавно, увѣрять въ такихъ пустякахъ, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Милостивый государь! продолжалъ адъютантъ, выходя изъ себя: знаете ли вы, что ея чувство принадлежитъ мнѣ, что она васъ привала за меня?

— Васъ приняла за меня? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Нѣтъ, васъ за меня.

— Ну, васъ за меня, такъ за меня; да вѣдь васъ здѣсь не было.

— Нѣтъ-съ, я былъ здѣсь прежде васъ и успѣлъ обратиться на себя ея вниманіе.

— Для чего жъ она вамъ не писала объ этомъ?

— Оттого, что я никогда бы не осмѣлился писать къ дѣвухѣ тайныя любовныя письма.

— Вольно вамъ не осмѣливаться! а я осмѣлился; попробуйте, напишите къ ней, будетъ ли она вамъ такъ отвѣчать?

— Вы воспользовались мнѣ принадлежащимъ чувствомъ, и она отвѣчала вамъ по ошибкѣ.

— По ошибкѣ? посмотримъ! Я лично спрешу ее, когда войду на свиданіе. А лучше всего пойдете выѣсть, и спросимъ, кому она отвѣчала, мнѣ или вамъ.

— Я шутокъ, сударь, вашихъ не буду сносить, и попрошу васъ прежде на свиданіе съ мной въ поле, на благородное разстояніе осьми шаговъ! Тамъ мы переговоримъ съ вами!

— Зачѣмъ же въ поле? мы лучше здѣсь будемъ имѣть свиданіе, носъ съ носомъ, я засяду на постель, а вы на стулъ—гораздо покойнѣе, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, садясь на постель.

Равнодушный отвѣтъ Емельяна Герасимовича поразилъ адъютанта.—Носъ съ носомъ! подумалъ онъ. Но какъ же отказаться отъ предложенія, которое было осмью шагами благородіе?

— Хорошо-съ! завтра же! сказалъ адъютантъ.

— Для чего завтра? вотъ сейчасъ же, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Я долженъ прежде привести дѣла свои въ порядокъ.

— Да знаете ли что? продолжалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Что такое-съ?

— Она назначила свиданіе въ полночь.

— Ну-съ.

— Такъ не хотите ли вы вмѣсто меня идти на свиданіе?

Взволнованный адъютантъ принялъ новое предложеніе Емельяна Герасимовича за новую насмѣшку; но ужъ пугать его было нечѣмъ.

— Шутите-съ, шутите-съ! сказалъ онъ, ходя большими шагами по комнатѣ.

— Шутите-съ! кто шутить-съ? стало быть и вамъ не хочется по ночамъ таскаться?

— Я не способенъ на такія вещи! я не рѣшусь.....

— Не способны? ну, нечего дѣлать; отчего жъ она способна? вѣрно у ней бессонница; а мы бессонницей не страдаемъ.

— Я никогда не рѣшусь погубить дѣвушку!

— А я ужъ погубилъ одну, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, и—безъ церемоній раздѣлся, повалился на постель, зѣвнулъ и скоро захрапѣлъ.

— Гмъ! какое безнравственное животное!.... Вздумалъ надувать меня! притворился будто спитъ, чтобъ и я скорѣе спать залегъ! думалъ адъютантъ. Нѣтъ, мечта, пріятель! всю ночь на-пролетъ просижу! И адъютантъ закурилъ трубку, сѣлъ подлѣ окна. Послѣдняя искра дня потухла, настала темная ночь; адъютантъ велѣлъ подать свѣчу, закурилъ снова трубку, и смотрѣлъ, то на часы, то на спящаго Емельяна Герасимовича.

Четыре часа тянулись на долгихъ. Когда стрѣлки стали приближаться къ полночи, адъютантъ еще безпокойнѣе сталъ посматривать то на часы, то на соперника своего, то въ окно противъ сада, хотя въ окно ничего нельзя было разсмотрѣть, кромѣ темной ночи. Вдругъ раздался въ сѣняхъ громкій голосъ:

— Здѣсь адъютантъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ человекъ адъютанта.

— Доложи, что генералъ прѣхалъ.

Адъютантъ вздрогнулъ.

Едва человѣкъ вошелъ въ комнату и хотѣлъ передать слова вѣстоваго.

— Тсъ! произнесъ онъ шопотомъ: дай мундиръ!

Одѣвшись и накинувъ на себя плащъ, адъютантъ отправился; но вмѣсто-того, чтобъ изъ калитки налѣво, онъ взялъ направо, къ рѣшеткѣ сада, и исчезъ въ темнотѣ.

А Емельянъ Герасимовичъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ, провзжая чрезъ одинъ городъ, былъ названъ Тихономъ Еремѣевичемъ на чалкѣ, и какой učinилъ казусъ.

На другой день, когда Емельянъ Герасимовичъ проснулся, адъютанта не было, а пришедшій лекаръ, съ извѣщеніемъ сказалъ Емельяну Герасимовичу, что ему назначена другая квартира.

— Да для чего жъ мнѣ двѣ квартиры? спросилъ онъ лекаря.

— Здѣсь назначена бригадная канцелярія. Другая квартира для васъ будетъ спокойнѣе этой; перебраться не долго.

— Да я не хочу перебираться!

— Да это нельзя-съ.

— И оставаться не хочу!

— Какъ вамъ угодно-съ.

— Миѣ угодно ѣхать.

— Можно: раны ваши зажили, отвѣчалъ медикъ, и вышелъ вонъ.

— Кажется, это мой вороной ржетъ у крыльца! Именно вороной, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ выглянувъ въ окно:—ѣдемъ, братъ, ѣдемъ, насъ съ тобой ждетъ Артамонъ Матвѣевичъ.

И Емельянъ Герасимовичъ надѣлъ сюртукъ, повязалъ

нашку сверхъ сюртука, вынулъ фуражку, и пошелъ къ юнкеру.

— Прощайте! сказалъ онъ ему.

— Это что значитъ? вы ѣдете?

— Ёду.

— Какъ жаль! Что жъ, скажите, имѣли вы свиданіе?

— Съ кѣмъ?

— Съ Еленой.

— Въ полночь-то! вотъ прекрасно!

— Что жъ такое?

— Да помните, въ полночь! она просто смѣется; да притомъ же, тутъ пріѣхалъ какой-то адъютантъ, пришелъ въ отчаяніе, увѣряетъ, что она ему принадлежитъ. Принадлежитъ, такъ принадлежитъ, возьми себѣ; да притомъ же мнѣ ѣхать пора, когда тутъ возиться съ ней..... Пойдите, еще что-то.... да! да притомъ же, я вспомнилъ, что ужъ погубилъ одну, Варвару Артамонову, что жъ мнѣ думаю, губить еще и Алену Ивановну? Чортъ съ ней!

— Прощайте, сказалъ юнкеръ.

Ему было жалко оставаться съ такимъ сосѣдомъ.

Осѣдланнѣй адъютантскій конь стоялъ привязанный подлѣ крыльца. Конь былъ вороной, а этого было достаточно для Емельяна Герасимовича, чтобы принять его за воронка, на которомъ онъ совершилъ путь въ Мясну.

— Что, братъ, отлежался? сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, взобравшись на сѣдло. Ну, маршь.

И онъ пустился вдоль по селу.

— Гдѣ дорога въ милиціонный полкъ? спросилъ онъ у мужика.

— Въ армию ѣздить сюда, по калужской дорогѣ.

Бысъю пустился Емельянъ Герасимовичъ въ чистое поле, и поскакалъ по дорогѣ, которая шла прямо.

Проѣзжая селеніе, у всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ онъ только спрашивалъ: а что, братцы, гдѣ тутъ полкъ милиціонный?

Прошелъ, отвѣчали ему. Онъ впередъ, да впередъ. Одного жъ воронко его былъ такъ взмысленъ, что походилъ на сѣрпо съ водутымъ беиамъ, совсѣмъ взнемогъ, повѣсилъ голову, не слушаетъ ни уады, ни пшкковъ. Около полудня Емельянъ Герасимовичъ прибылъ въ какой-то городокъ.

— А что, братцы, прошелъ полкъ милиціонный? спросилъ онъ у толпы народа, стоявшаго на площади.

— А что, братцы, никакъ прошелъ? спросилъ одинъ купецъ у прочихъ.

— Да прошелъ же, кажись прошелъ! отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— А куда прошелъ?

— Да чай въ Калугу.

— Ужь правду ли ты говоришь, Евсей Гавриловичъ: ужъ не во Владиміръ ли?

— Статочное ли дѣло ты говоришь! вѣдь они пошли на встрѣчу Французу; а Владиміръ-то гдѣ?

— У тебя, Яфимъ Тихонычъ, на все своя причина; съ головою ты малый, да небывалый. Дозвольте, ваше благородіе, спросить, откуда изволите ѣхать?

— Изъ Москвы.

— Изъ Москвы? Прошу ко мнѣ откушать чайку, ваше благородіе; лошадка-то ваша позобала бы тѣмъ временемъ овсеца, — вся въ мылѣ, чуть дышетъ..... покорно просить!

— Ужь если такъ, ваше благородіе, такъ ужъ ко мнѣ пожалуйте откушать чайку, съ подливочкой.

— Постой, Лукьянъ Федосевичъ, не всякому прошенію почтеніе: его благородію угодно моей хлѣба-соли откушать... Пожалуйте, пожалуйте!... вѣдь у него домъ на краю города, пожалуйте!

Гостепріимный купецъ, снявъ шляпу, шелъ задомъ къ своему дому, и кланяясь Емельяну Герасимовичу, повторялъ: пожалуйте!

Голодный, утомленный Емельянъ Герасимовичъ радъ

былъ приглашенію : онъ ѣхалъ вслѣдъ за настойчивымъ купцомъ, а Лукьянъ Федосѣвичъ и толпа шли за ними. Лукьянъ Федосѣвичъ, въ-сердцахъ, поносилъ перебивнаго у него честь угощать ротника, отъ котораго можно было познать кое-что о Французахъ.

— Знаемъ мы ваши угощенія, Тихонъ Еремѣвичъ: чакъ-то у васъ ханской, перваго разбору, китайской укладки: съ одной чашки подопреть бока!

— Пожалуйте, пожалуйста! повторялъ Тихонъ Еремѣвичъ Емельяну Герасимовичу, подѣзжавшему къ крыльцу его дома.

— А что, Тихонъ Еремѣвичъ, продолжалъ Лукьянъ Федосѣвичъ: чай и трубочкой поподчуетъ его благородіе?

— И трубочкой поподчую, Лукьянъ Федосѣвичъ, если на то пойдетъ!

— То-то душа! истинный христіанинъ! Да нѣтъ ли у васъ невѣсть въ домѣ?... на струментѣ какомъ не играютъ ли? потѣшила бы его благородіе!

— Собака!... пожалуйста, покорно просимъ, ваше благородіе, повторялъ Тихонъ Еремѣвичъ, отворяя уже дверь для дорогаго гостя. А между-тѣмъ вся толпа собравшагося народа окружила одно-этажный домъ его. Едва Тихонъ Еремѣвичъ ввелъ гостя въ покои, сотни головъ какъ-будто росли одна на другой, уставились съ улицы въ окно и затемнили собою свѣтъ Божій.

— Ахъ, мошенники, бусурманы! вскричалъ Тихонъ Еремѣвичъ, и бросился отгонять толпу отъ оконъ, онъ на улицу—всѣ разбѣгутся; онъ въ комнату — головы снова въ окнѣ.

— Прочь, говорю вамъ! прочь, окалнные!... извините ваше благородіе!... Прочь, говорю вамъ! ей-ей не пожалѣю окончины!... Припугните хоть вы, ваше благородіе! дайте страху этимъ Французамъ! вы военный, они поболея васъ.

— Прочь! закричалъ и Емельянъ Герасимовичъ.

Никто и не думаетъ прочь.

— Эй, прочь, говорю! повторилъ Емельянъ Герасимовичъ разгорячась, слышите? а? не слышите? И съ этимъ словомъ, намѣтивъ въ одну широкую образину, прилипшую къ стеклу, какъ хлопнетъ кулакомъ..... посыпались стекла и головы; крикъ, шумъ поднялся на улицѣ.

— Ахъ, ты, Господи! вскричалъ Тихонъ Еремѣевичъ. Прибѣжали его жена, дочь, работница.

— Что вы это дѣлаете, ваше благородіе! пригодно ли стекла бить въ домѣ!

— Стекла! нѣтъ, не стекла! я имъ дамъ! повторялъ Емельянъ Герасимовичъ, расходившись и не внимая словамъ хозяйки Тихона Еремѣевича.

— Ахъ, ты Господи! вскричалъ опять Тихонъ Еремѣевичъ, схвативъ Емельяна Герасимовича за руку, которую онъ занесъ-было снова, чтобъ поразить другую окончину.

— Пригодно ли быть стеклы! кричала расходившись и хозяйка; а дочь за матерью.

Емельянъ Герасимовичъ немножко вышелъ изъ себя, и дѣйствительно перебилъ бы всѣ стекла, рассердившись, пуще всего, на одну широкую образину; но Тихонъ Еремѣевичъ, къ счастью, совершенно овладѣлъ его кулакомъ.

— Ахъ, да оставьте ихъ дураковъ, ваше благородіе, вѣдь это дураки!

— Давно бы ты сказалъ, что это дураки; если дураки, такъ чортъ съ ними!

— Только попортили всѣ стекла, да и руку-то попортили! говорилъ охая Тихонъ Еремѣевичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ попортилъ! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, взглянувъ на окровавленный кулакъ, нашивочный стеклами; что жъ теперь дѣлать съ рукой?

— Чтобъ отгнать ей по-локоть! отвѣчала ему озлобленная хозяйка.

Тихонъ Еремѣевичъ съ трудомъ усовѣстилъ ее замолчать и подавать чай, а самъ побѣждалъ искать паутины,

чтобъ обложить изрѣзанную кисть руки Емельяна Герасимовича; осталась только пухленькая дочь въ комнатѣ, завѣшивать окна.

— Посмотри-ко, дѣвушка! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, показывая ей окровавленный кулакъ свой.

— А кто вамъ велѣлъ стекла бить, отвѣчала она, отходя отъ него и садясь въ углу.

— Ты прекрасенькая! А знаешь ли что? Въ Москвѣ косу комкомъ на головѣ носить, гребешкомъ затыкаютъ, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, подсѣвъ къ красной дѣвицѣ.

— Видали мы вашихъ московскихъ, отвѣчала она, вскочивъ съ мѣста и удалиась отъ него въ другой уголокъ.

— Что, неловко здѣсь? Ну, пересядемъ, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, снова садясь подлѣ красной дѣвицы и взявъ ее за руку.

— Пошлите прочь! крикнула она, рванувшись и хлопнувъ его по больной рукѣ.

— Нѣтъ, пррр! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, какъ останавливаютъ лошадей.

Въ это время вошла хозяйна, ужаснулась, и въ нѣступленіи, грохнувъ поднось съ чаемъ на столъ, бросилась на Емельяна Герасимовича, который, не видя хозяйки, въ крикъ ея дочери, повторилъ: драчунья! ну еще! ну!

— Ахъ, ты, разбойникъ! заголосила купчиха; вырывая руку дочери изъ руки Емельяна Герасимовича.

— Озарникъ! кричала дочь, освобождая свою руку.

— Муза! не пора ли слогу отиѣнить твой грубый,
И сатиру не говорить! мнѣ онѣ не любы!

сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, вспомнивъ стихи Кантемира, которыми Платонъ Андреевичъ утишалъ гнѣвъ Натальи Дмитриевны.

Въ дополненіе картины, прибѣжалъ Тихонъ Еремѣвичъ съ паутиной, и съ изумленіемъ остановился въ дверяхъ. Воображая, что жена и дочь всё-еще сердятся за разбитыя стекла, онъ сталъ уговаривать жену и прогналъ

дочь; но онъ не умолкали, повторяя: разбойникъ! озорникъ!

Взглянувъ на поднось, на разлетѣвшіяся чашки, и разлитый чай, Тихонъ Еремѣевичъ испугался и не зналъ что подумать.

— Ну, хозяинъ, чѣмъ же перевязать рану? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ, рассматривая кисть руки своей, которая стала похожа на трехъ-пудовую чугунную гирю.

— Ваше благородіе, можетъ-быть, нашъ чаекъ вамъ не по праву, сказалъ Тихонъ Еремѣевичъ боязливо, подходя къ Емельяну Герасимовичу и перевязывая ему руку платкомъ: прошу прощенія, каковъ есть.... по-нашему.... чаекъ хоть куда.... можетъ-статься, кизлярочка не поправилась.

— Кизлярочка! ай да кизлярочка! спасибо! ну; съ душкомъ твоя кизлярочка, презлая!

— Ей-ей, нѣтъ, ваше благородіе, чистая, настоящая, у васъ лучше нигдѣ не съищешь! Да помиуйте, неужели стали бы васъ угощать дурной?

— Кто тебѣ говоритъ, что дурна: дурна не дурна, а бьетъ больно.

— Да что жъ бы было въ ней, если бъ немножко въ голову не била.

— Скажи пожалуйста! еще и голову ей подставь!

— Да ужъ такъ слѣдуетъ, ваше благородіе!

— Вотъ тебѣ разъ! а? каковъ?

— Охъ, ручка-то ваша худа!.... поторопились бы вы скорѣй, ваше благородіе, въ лазаретъ полковой, отсюда верстъ десять....

— Былъ ужъ я въ этомъ лазаретѣ, чортъ съ нимъ, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: сама заживетъ, покуда дойду до полка.

— Оно, конечно, ваше благородіе. Прикажете лошадку подать.... она сытенька теперь.... я ужъ подсажу васъ.... лѣвая-то ручка слава Богу здорова.... а правую-то подвяжешь.... Да ужъ позвольте отправить васъ съ хлѣбомъ-солью.

— Да ты не знаешь ли, гдѣ стоитъ милиціонный полкъ?

— Милиціонный? да онъ кажись поутру прошелъ на Калугу....

— Неужели? такъ скорѣй надо догонять.

— Пожалуйте же, ваше благородіе, сейчасъ подадимъ лошадку.

Тихонъ Еремѣвичъ побѣжалъ вонъ, и вскорѣ доложилъ, что все готово. Подлѣ крыльца стоялъ осѣдланый воронко. Тихонъ Еремѣвичъ посадилъ Емельяна Герасимовича и вложилъ ему въ руку поводъ.

— А вотъ здѣсь на дорожку, ваше благородіе, сказали онъ, привязывая къ сѣдлу кулекъ:— желаю благополучнаго пути и всякаго благополучія, и Божьей милости! дай Богъ во здравіе!... Позвольте проведу подъ уздцы.... вотъ по той дорожкѣ, на гору....

И Тихонъ Еремѣвичъ, въ заключеніе прощанія съ своимъ дорогимъ званымъ гостемъ, хлопнулъ широкой ладонью по крупу коня.

— Дай Богъ вашему благородію пути и дороги и добраго здравія!

Емельянъ Герасимовичъ понесся на волю Божію; Тихонъ Еремѣвичъ ко дворамъ; а Лукьянъ Федосѣвичъ вслѣдъ ему:

— Что, Тихонъ Еремѣвичъ, курица-то никакъ болтуна снесла?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О томъ, какъ дорога, по которой ѣхалъ Емельянъ Герасимовичъ, раздѣлилась на три пути, какъ онъ остановилъ бабу-ягу, и домылъ у нея клубокъ.

Вотъ выѣхалъ Емельянъ Герасимовичъ по показанной дорожкѣ за городъ; усталый и голодный конь везетъ его шагкомъ. Ыхалъ-ѣхалъ; вдругъ дорога раздѣлилась на три пути. По которому же пути пріѣдешь въ полкъ?—задача; а спросить нѣкого. Емельянъ Герасимовичъ сталъ въ пень; а голодный воронко сталъ щипать траву, напомнилъ

и сѣдоку своему, что давно пора пообѣдать. Подумалъ, подумалъ, Емельянъ Герасимовичъ: подожду проѣзжаго или прохожаго..... А тутъ что? И онъ слѣзъ съ коня, запустилъ руку въ кулекъ. Въ кулечкѣ солома; а въ соломѣ что? въ соломѣ завернуто что-то въ бумагѣ... ба, паюсная икра!

Экой злодѣй Тихонъ Ерсмѣевичъ! отправилъ Емельяна Герасимовича въ дорогу съ солью, а хлѣба ни кусочка!

Емельянъ Герасимовичъ скушалъ ломтикъ икры; оно ^и безъ хлѣба не дурно; скушалъ другой ломтикъ, и еще, и всю сѣлѣ пкорку; да вдругъ жажда смертная, пить хочется, а напиться печего; кругомъ поле, глазомъ не окинешь, и ни криницы, ни источника. Мѣчи нѣтъ! хоть воротись! да что ты будешь дѣлать: впередъ три пути, да и назадъ три дороги, куда ни повернись, во всѣ стороны дороги, какъ лучи отъ солнца. Какъ быть? надо ждать проѣзжаго; а жажда какъ огонь палитъ внутренность: утолить ее хотъ икоркой. Опустилъ Емельянъ Герасимовичъ съ горя руку въ запасный магазинъ.... Ба! что это? полуштофчики!.... откупорилъ.... буль-буль.... все залпомъ выбульбулилъ, и не замѣтилъ отъ жажды, что это та клязьмочка, что въ голову бьетъ. Зашумѣло въ головѣ, подъ ногами земля какъ-будто немножко покачнулась. Что за чудо? вѣрно трясица. Отскочилъ Емельянъ Герасимовичъ съ мѣста, глядь и земля наклонилась крутой горой на другую сторону, того и смотри, что опрокинешься.... Вдругъ—шумъ, гамъ, скрипъ, грохотъ, всё ближе и ближе. Что за приключеніе такое? Конь или ступа съ полсвѣта величиной, рысцой бѣжитъ, топочетъ по дорогѣ! Кажись что конь, кости да кожа, тащитъ телѣгу—несмазанныя колеса; а въ телегѣ старуха; а на колѣняхъ у нея сидитъ смазливенькая дѣвочка. Да Емельяну Герасимовичу что-то все не простымъ конемъ кажется и не телѣгой, и не просто старуха сидитъ въ телѣгѣ. Смотритъ онъ, выучилъ глаза изъ-подъ богатырскаго чела, дивится, покачиваясь съ боку на бокъ.

— О-го!... да это баба-яга въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ! эге! ребеночка украла, везетъ на жаркобѣ про-

говорилъ Емельянъ Герасимовичъ, котораго воображеніе въ домашнемъ воспитаніи было напитано и сказочными мѣромъ. Кизлярочка оживила этотъ мѣръ во всей красѣ.

— Стой! крикнулъ Емельянъ Герасимовичъ, покачиваясь съ боку на бокъ.

— Бабушка, бабушка! солдатъ! вскрикнула дѣвочка.

— Стой! повторилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Батюшка ты мой родимый! пробормотала со страху беззубая старуха.

А дѣвочка въ слезы.

— Не плачь, дѣвочка!... Стой, говорю! гдѣ украли дѣвочку! вѣдь ты баба-яга?

— Баба, сударикъ, баба, старуха; ну, что тебѣ во мнѣ?

— Знаю, знаю, что ты старуха, говоритъ Емельянъ Герасимовичъ, хватаясь за дѣвочку, которая съ крикомъ ужасомъ прижалась къ старухѣ.

— Батюшка-солдатикъ! солнце ты мое красное! помилуй! возьми что хочешь, только внучку не тронь!

— Ну, ну, ну!

И Емельянъ Герасимовичъ потянулъ было раненную за мечомъ кладенцомъ; но рука не слушается; шарить другой съ боку и за спиной—нѣтъ меча; а старуха вопить:

— Милосердый отецъ! помилуй! ей-ей ничего у меня нѣтъ!... Только и есть что въ мѣшечкѣ остальной нитокъ клубочикъ.... возьми пожалуй, только помилуй!

— Ну, счастье твое! давай клубочикъ! Стой! нобожишь, что не съѣшь дѣвочки?

— Охъ, побожусь!

— Хорошо, вѣрю! Подавай клубочикъ; какъ покачу, чтобъ катился.... слышишь? чтобъ привелъ прямо въ полкъ, слышишь?

— Возьми, милосердый отецъ, возьми, сударикъ, остальной клубочикъ, возьми на здоровье!

— Давай, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: да смотри!

— Смотри, смотри, батюшка! проберота старуха; да какъ дряхлеть хворостницей по конякъ.

Нобъжалъ коняка козломъ, затопталъ по дорогѣ, за-скрипѣла телега, скрылась изъ глазъ.

— Ну, братъ, веди въ полкъ! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ. — Прррръ! — крикнулъ онъ къ коню, который, какъ преразумная скотина, щипалъ-щипалъ траву подлѣ дороги, подумалъ, да и пошелъ искать корму по-сочнѣе.

— Прррръ! — повторилъ Емельянъ Герасимовичъ; а воронко хитеръ, какъ-будто не слышитъ, идетъ себѣ впередъ, Емельянъ Герасимовичъ за конемъ, а конь отъ него; а догнать не догонитъ — земля то на бокъ, то на сторону, такъ и хочеть опрокинуться. Солнце пропало; а края земли всё больше и больше клонятся на низъ; а небо вокругъ какъ бездна, а воронко стоитъ на самомъ краю бездны.

— Прррръ! — крикнулъ опять Емельянъ Герасимовичъ: ну, пропалъ, сквозь землю провалился.

Чудеса съ землею дѣлаются, ни какъ не устоитъ Емельянъ Герасимовичъ на ногахъ. — Ахъ, ты, проклятая баба-ага! какую игру сыграла! — Припалъ къ землѣ, осматривается кругомъ; того и глядя, что свалится съ земнаго шара. Вечерній туманъ потянулся со всѣхъ сторонъ валами, подмываетъ нашего героя. Вотъ уже онъ чувствуетъ, что обдаеть его холодной волной; видитъ, что земля загорѣлась съ одного края, дымъ такъ и вздымается тучей, а полямъ клубомъ.... И вдругъ, изъ пучины поднялась каленая голова, разинула пасть, выпучила на Емельяна Герасимовича очи, тянется къ нему.... какъ не испугаться такого чудовища! Вдругъ голова оторвалась отъ плечъ и полъмя по темному небу.

— Ну, Алаферну голову отрубили! — проговорилъ Емельянъ Герасимовичъ; но и его голова также какъ-будто оторвалась отъ плечъ, да не поплыла, а скатилась на землю.

Неловко ей безъ подушки; бродятъ мысли, ищутъ подумки: вотъ улица не улица передъ Емельяномъ Герасимовичемъ, да и не переулокъ; шель-шель, прешель на толкучій рынокъ. — Ваше благородіе, пожалуйста — одѣялы,

тюфяки, подушки самыя лучшія-сь! самаго тонкаго лебяжяго пуху!... извольте прилечь-сь! лучше не бываетъ! — Да это, братецъ, перина. — Никакъ нѣтъ-сь, пуховикъ! извольте попробовать прилечь! такой пуховикъ что ахъ-сь! Прилежь Емельянъ Герасимовичъ — ой! жестко! — говорить: вѣрно щибнемъ набито! — Помилуйте-сь, извольте перевернуться на другой бокъ! — Ой, жестко! — Помилуйте-сь, кто жъ въ платьѣ ложится: вѣрно складки или пуговица подъ бокъ попала; извольте раздѣться! — Раздѣлся Емельянъ Герасимовичъ, легъ — мочи нѣтъ жестко! руку отлежалъ — смерть больно! — Нельзя же, ваше благородіе, чтобъ новый пуховикъ былъ такъ мягокъ, какъ поддержанный: раза два постелите размякнетъ, особенно какъ постелите на кровать, будетъ чрезвычайно мягко. — Перевернулся еще разъ на другой бокъ Емельянъ Герасимовичъ. Вдругъ видитъ, идетъ полковникъ Артамонъ Матвѣевичъ съ командой. — Ба-ба-ба! Емельянъ залегъ на пуховикѣ! — сказалъ онъ какъ громъ грянулъ: — Эй, ратники! окатить его съ ногъ до головы! лей, не жалѣй, ребята! — Лютъ на бѣднаго Емельяна Герасимовича, ливнемъ лютъ, — промокъ до костей, прозябъ, зубъ на зубъ не попадетъ... крикнулъ уа! вскочилъ, проснулся. Смотрить — надъ нимъ бѣлый день, небо ясно, солнце ярко; а самъ весь хотъ выжи.

— Чтò за чудеса? окатили меня съ ногъ до головы и ушли!... точно какъ во снѣ! Вотъ тебѣ разъ, во снѣ! а это чтò, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, ощупывая себя, — и баба яга и свѣтопреставленіе? все во снѣ? А клубокъ-то откуда взялся?

Долго Емельянъ Герасимовичъ думалъ и не могъ рѣшить, чтò съ нимъ случилось во снѣ и что на яву. Къ счастью, воронко заржалъ и вывелъ его изъ недоумѣнія. Кизлярочка просила похмѣлья.

— Сейчасъ, братъ, сейчасъ! ѣдемъ, ѣдемъ! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, погладивъ коня своего. — Во снѣ такъ во снѣ, и во снѣ поѣдемъ! поѣдемъ, братъ, и во снѣ, что за бѣда такая!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

О томъ, какъ добытый у бабы-яги клубокъ обратился въ зайца, а заяцъ въ ворону, а ворона неизвестно во что; а Емельянъ Герасимовичъ прикомандировался къ одной бригадѣ и обратился въ хозяйку, и прочее и прочее.

— Ну-ко, братъ, посмотримъ, какъ ты покатишь впередъ показывать дорогу! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, качаясь. Кое-какъ вскарабкавшись на воронаго, онъ швырнулъ клубокъ впередъ собою, на зеленый лугъ. Глядь, клубокъ грохнулся въ траву, да какъ вспрыгнетъ—и покатился по полю.

— Ахъ, чортовъ клубокъ, какъ покатишь! его не догонишь! вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ, приударивъ обѣими ногами по бедрамъ коня, и поскакалъ за клубкомъ во весь опоръ. Клубокъ вправо и онъ вправо, клубокъ влево и онъ влево.—Тише, проклятый!—Не слушаетъ клубокъ, скачетъ-себѣ; скачетъ и Емельянъ Герасимовичъ, и выскакалъ клубокъ на тропинку — туда, сюда, и вдругъ исчезъ.

— Экая свинья! вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ. Не видали ли вы, прокатилъ здѣсь? спросилъ онъ у встрѣчныхъ крестьянъ.

— Заяцъ? видѣли баринъ.

— Какой заяцъ! клубокъ.

— Не видали, баринъ; да какой, сизой что ли!

— Какой сизой баринъ? бѣлой клубокъ, клубокъ, ну слышите, клубокъ?

— Такъ вѣрно бѣлой?

— Не видать!—продолжали крестьяне, смотря подъ небеса;—глядь-ко, Васька у тебя очи зоркіе, никакъ онъ летаетъ?

— То ворона, дядя Иванъ.

И Емельянъ Герасимовичъ смотреть къ небу, и видать —точно—летитъ ворона.

— Ахъ, чортъ;—вскричалъ онъ,—въ ворону оборотился?

— Не въ примѣту, баринъ, а ужъ если оборотень, ста- точное и то дѣло.

— Ахъ ты, ворона! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ: ну, поѣдемъ за вороной, ворона еще лучше: не колесить, летить себѣ прямо.

И вотъ, приударивъ коня, помчался онъ за вороной.

— Что, братцы, баринъ-то никакъ тово? сказалъ одинъ крестьянинъ.

— Да знать што!

— Оказія!

— Ишь ты, глядь-ко!

— Эка!

Крестьяне пошли своей дорогой, а ворона летить чрезъ широкое поле своимъ путемъ; скачетъ за ней Емельянъ Герасимовичъ.

Къ вечеру подѣзжая къ одному селенію, онъ увидѣлъ полкъ на походѣ, и пустился во всю конскую прыть. Подскакавъ къ толпѣ офицеровъ, Емельянъ Герасимовичъ крикнулъ богатырскимъ голосомъ:

— Не знаете ли, господа, гдѣ тутъ милиціонный полкъ?

— Что такое? спросилъ кто-то, тучный, ѣхавшій впереди въ шинели.

— Милиціонный полкъ.

— А ты откуда?

— Изъ лазарета.

— Изъ какого лазарета?

— Изъ какого лазарета? Изъ госпитальнаго.

— Что за лазаретъ госпитальный, гдѣ онъ?

— Да вотъ тамъ, въ больницѣ; отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Въ какой тамъ больницѣ? Да что жъ ты, отправляешься обратно въ полкъ?

— Обратно; да не знаю куда ѣхать.

— Гдѣжъ теперь искать полка, можешь прикомандиро-

заться покуда къ нашей резервной бригадѣ, впродъ до соединенія съ главной квартирой.

— Да какъ же..... началъ-было Емельянь Герасимовичъ.

— Да такъ же, прикомандироваться, и кончено!

— Не угодно ли выпить и закусить вмѣстѣ съ нами? сказалъ бригадный адъютантъ.

И онъ поднесъ Емельяну Герасимовичу чарку рому. Емельянь Герасимовичъ ни отъ чего не отказывался, выпилъ ибрякнулъ, какъ то дѣлалъ обыкновенно его командиръ.

Послѣ этой чарки слово за словомъ, переходъ за переходомъ, и артиллеристы поняли, что за золотой человекъ Емельянь Герасимовичъ. Ему было раздолье въ бригадѣ; онъ забылъ о своемъ полкѣ ивъ одни сутки такъ привыкъ къ артиллеристамъ, какъ къ единоутробнымъ братьямъ. Народъ былъ все славной, жилъ дружной семьей, отъ перваго до послѣдняго; на службѣ другъ за друга; времени нѣтъ, силъ не достанетъ, какія-нибудь сердечныя дѣлашки, — ну, я за тебя! На стоянкѣ все съобща. Въ любви — одишь другому не помѣха и не соперникъ: на кого бросить богиня любви взоръ любви — тотъ и Марсъ; всѣ прочіе служатъ ему Меркуріями.

Емельяна Герасимовича пріютилъ къ себѣ бригадный адъютантъ, къ которому всегда стекалась вся братія; тутъ ширь горой, очки перекидываются направо и налево, фигуры переваливаются съ боку на бокъ, рюмочки по столу похаживаютъ, золотцо червонное побрякиваетъ. И Емельянь Герасимовичъ не послѣднее лицо: онъ оберъ-жандарменскъ; на его попеченія бяттеръ-шнапсъ, гоголь-мозоль, гливт-вейнъ, шапманьеръ-вейнъ-муссе и вон-муссе.

Какъ хозяйка, онъ обо всемъ всегда хлопочетъ, разливаетъ чай, за столомъ на первомъ мѣстѣ, всѣхъ подчуетъ, угощаетъ, не забывая себя. Деньщики и вѣстовые у него въ распоряженіи. Необыкновенная способность къ хозяйству. Только-что на квартиру — Емельянь Герасимовичъ хлопочетъ уже, кричитъ, чтобъ скорѣй ставили чайничекъ, добыли провизіи, готовили ужинъ, несли ларецъ

изъ фургона; покуда адъютантъ сходитъ къ полковнику, получить приказанія, распорядится въ своей походной канцеляріи, на квартирѣ вода уже вскипѣла, стаканы, ромъ, сливки на столѣ, гренки на сковородѣ. Соберется къ адъютанту, по обычаю, молодежь — карты готовы, мѣлки очинены, и обо всемъ этомъ хлопочетъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Хозяйка! нельзя ли поразбавить чай? слишкомъ крепокъ!

И Емельянъ Герасимовичъ знаетъ уже, чѣмъ разбавляется походный чай въ стаканѣ.

— Хозяйка! мнѣ одной воды.

И Емельянъ Герасимовичъ знаетъ уже, что значить одной воды.

— Хозяйка! не пора ли закусить?

И Емельянъ Герасимовичъ знаетъ уже, что закусить ничто въ сравненіи выпить.

Такъ прошли мѣсяца три и болѣе. До перехода за границу, резервной бригадѣ, къ которой прикомандировался Емельянъ Герасимовичъ, случилось еще двѣ-три долговременныхъ стоянки. Время было дорого, надо было проводить его весело. Приятныя мимолетныя знакомства не упускались изъ виду. Емельянъ Герасимовичъ былъ неразлученъ съ артиллеристами, принявшими его къ себѣ въ товарищество. Гдѣ они, тамъ и онъ, но его не оставляли на жертву его собственному простодушію внѣ круга своихъ. Знакомясь съ какимъ-нибудь домомъ, гдѣ была и играющая компанія, и гуляющій хозяинъ, и любезная хозяйка, и одаренныя вѣжными сердцами существа, Емельяна Герасимовича готовили къ этому знакомству и рекомендовали, то геніемъ ума, притворяющимся простакомъ, то страшнымъ дуэлистомъ, который убилъ болѣе десяти человѣкъ, то не много тронутымъ отъ любви, и прочее и прочее. Эти рекомендаціи были причиною, что на Емельяна Герасимовича смотрѣли всѣ, особенно женщины, какъ на интересное лицо, и все подходило къ нему съ робостью, вслушивалось въ его слова, находило въ нихъ особый смыслъ, умъ, остроту и оригинальность. Особенно

Емелянъ Герасимовичъ необыкновенно какъ былъ по-лезенъ для занятія несносныхъ особъ, помѣхъ любви, пресеріозныхъ, преразумныхъ, преразсудительныхъ, ревнующихъ всѣхъ и ко всѣмъ. Въ одномъ городѣ молодежь познакомилась съ Анисимомъ Ивановичемъ, прекраснѣйшимъ человѣкомъ, хлѣбосоломъ, любящимъ военную собратію, вистикъ, бостончикъ, и въ-заключеніе банчикъ; супруга его Ирина Яковлевна, была также прекраснѣйшая женщина, дочка Оленька, прекраснѣйшая дѣвушка; словомъ, всѣ въ домѣ, кромѣ Саломеи Ивановны, были безплодные люди.

Саломея Ивановна, сестра Анисима Ивановича, золовка Ирины Яковлевны и тѣтенька Оленьки, была старая дѣвка, и одна изъ тѣхъ несносныхъ особъ, которыхъ строгій, полицейскій глазъ не даетъ промелькнуть ни чьему воровскому взору любви—тотчасъ поймаетъ; которыхъ острое ухо не дастъ пропорхнуть ничьему вздоху любви—тотчасъ взловитъ; а о словахъ и рѣчахъ любви нечего и говорить, при ней никто не смѣетъ высказать что-нибудь языкомъ, вареньемъ въ сахарѣ. Избави Богъ, бѣда тому нѣжному существу, у котораго при ней какъ-нибудь проговорится сердце.

Въ домѣ Анисима Ивановича, *чередъ неумнѣнъя шрать съ карты*, пришелся бригадному адъютанту. Онъ тотчасъ понялъ, что всѣ слова, взоры и вздохи необходимо застраховать отъ Саломеи Ивановны. Съ перваго же дня онъ подѣлалъ къ Саломеѣ Ивановнѣ, подлѣ которой Оленька всегда сидѣла какъ на привязи, завелъ разговоръ о погодѣ, отъ погоды перешелъ къ пушкамъ, баттареймъ, сталъ рассказывать какимъ образомъ стрѣляютъ, какъ убиваютъ и какъ умираютъ. Съ перваго же дня Саломея Ивановна не выдержала рассказовъ, отъ которыхъ ей дѣлалось дурно, ушла и предоставила племянницѣ дослушивать офицера, который ни о чемъ болѣе не умѣлъ говорить, кромѣ какъ о убитыхъ, да раненыхъ. Оленька дослушала какъ-нельзя лучше.

На другой день та же исторія, и Оленька опять слушаетъ съ любопытствомъ.

Саломея Ивановна нѣсколько разъ повѣрjala, проходи до-

веромъ мимо, точно ли онъ продолжаетъ говорить страсти? — Точно, подожди ужась: только и слышно, что про огонь, про поражение, про убійственныя страданія, про какія-то напѣтанныя губительнымъ ядомъ стрѣлы.

— Помилуй, Оленька, что тебѣ за удовольствіе слушать эту солдатскую душу?

— Ахъ, тётенька, я очень люблю слушать про войну! отвѣчала Оленька: что это за ужась! вы не повѣрите! Что вы не слушаете?

— Поди ты, пожалуйста, съ нимъ! у меня сердце содрогается! четвертаго дня наслушалась страстей, ночь не спала: только и видится, какъ убиваютъ!

— А какія онъ рассказывалъ странныя приключенія о привидѣніяхъ, это ужась!

— Поди ты, пожалуйста, съ нимъ! Меня и теперь морозъ по кожѣ подираетъ!

Такимъ образомъ главное дѣло сдѣлано; но надо было занять Саломею Ивановну. На третій день явился въ домъ и Емельянъ Герасимовичъ; объ немъ предупредили какъ объ геніи ума и учености, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о чловѣкѣ, который любитъ, казаться страннымъ.

— Вы не повѣрите, что это за чловѣкъ, — сказано было между прочимъ Саломеѣ Ивановнѣ: у него иногда страсть говорить нелѣпости. Только въ умномъ разговорѣ, глазъ на глазъ, онъ забываетъ свое притворство; особенно бесѣду съ умной и любезной женщиной онъ предпочитаетъ всему.

— Смотри же, братъ, Емельянъ Герасимовичъ: вотъ это Оленька, а эта туча — ея тётенька; отведи же ты эту тучу въ сторону. Сядь подлѣ нее, сперва спроси: любите ли вы разговоры о погодѣ? потомъ: любите ли вы большой свѣтъ? потомъ: любите ли вы прогулку? потомъ: что вы больше любите, лѣто или зиму? Спросишь — и молчи.

— Понимаю! отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, и когда адъютантъ отогналъ Саломею Ивановну отъ Оленьки и отъ бывшихъ у ней въ гостяхъ подрутъ, Емельянъ Герасимовичъ принялъ пожелтѣлую отъ злости, старую Ве-

стала на свои руки. Она сама начала разговоръ съ нимъ вопросомъ:

— Какой прекрасный день!

— Конечно, — отвѣчала онъ: а вы любите разговоры о погодѣ?

Саломея Ивановна смутилась нѣсколько; но собравшись съ духомъ, отвѣчала съ улыбкой пренебреженія къ погодѣ: О, нѣтъ!

Емельянъ Герасимовичъ смотрѣлъ на нее такимъ взоромъ, который ожидалъ доказательствъ, почему нѣтъ, а не да.

— Что жъ такое погода, — продолжала Саломея Ивановна: конечно пріятно въ хорошій день прогуляться, особенно за городомъ въ компаніи; это очень пріятно! Я не знаю, какъ люди находятъ удовольствіе сидѣть въ такую прекрасную погоду за картами? я ненавижу карты! Ну, ужъ, конечно, въ дурную погоду нечего дѣлать; да и тутъ можно провести время въ пріятныхъ разговорахъ въ компаніи.

— А вы любите большой свѣтъ? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да, конечно, — отвѣчала Саломея Ивановна значительно: но какой же здѣсь большой свѣтъ, въ городишкѣ? — Я говорила братцу: что тебѣ за охота ѣхать служить въ уѣздномъ городѣ? Что жъ дѣлать, поставилъ по-своему, или, правду сказать, не по-своему, потому что и Ирина Яковлевна здѣшная уроженка; а я родилась въ Москвѣ. Всѣ такъ больше имѣю понятія о людяхъ и обществѣ; бывала и сама въ людяхъ. Княгиня Леокадія Григорьевна была истинный мой другъ; бывало съ утра пришлетъ карету за мной, быть безъ меня не могла! Если вы бывали въ Москвѣ, то вѣрно знаете княгиню Леокадію Григорьевну, а можетъ-быть, и знакомы были въ домѣ?

— Конечно, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ахъ, Боже мой, такъ вѣрно я васъ видала тамъ, въ девяносто девятомъ году, до отъѣзда ея за границу? Тотъ, что-то лице мнѣ ваше знакомо! какъ это пріятно!

Ахъ, я объ ней не могу забыть! Поѣхала ли бы я сюда, если бъ она была жива! ни за что! она бы меня не пустила.

Разказы Саломеи Ивановны о княгинѣ и о большомъ свѣтѣ были безконечны. Емельянъ Герасимовичъ, сложивъ на груди кренделемъ руки и закинувъ ножка на ножку, усердно слушалъ ее, и берегъ экономно вопросы о прогулкѣ, о лѣтѣ и зимѣ, и о прочемъ, для слѣдующихъ бесѣдъ. Саломея Ивановна, встрѣтивъ такого хорошаго знакомаго, забыла всѣ подозрѣнія и ревность, до такой степени, что хитрая Оленька приревновала ее къ Емельяну Герасимовичу.

— Вы, тѣтенька, совсѣмъ отбили отъ насъ лучшаго кавалера.

— Ахъ, мать моя, отвѣчала Саломея Ивановна: да вѣдь это давнишній мой знакомый, человекъ большого свѣта, образованный: будеть ли онъ съ вами баклуши бить!

— Да, тѣтенька, вы такъ заняли его собой, что онъ во все время мнѣ слова не сказалъ.

— Я заняла! скажи пожалуйста! Это съ чего ты взяла? Человекъ находить удовольствіе говорить со мной, — не бѣгать же мнѣ отъ него.

— А на меня такъ сердитесь, зачѣмъ я долго говорю съ кѣмъ-нибудь.

— Разумѣется, сержусь, когда какойнибудь вертопрахъ съ тобой говорить, а ты и уши развѣсишь; да пожалуйста проговори хоть цѣлую ночь вотъ съ этимъ адъютантомъ, кто тебѣ мѣшаетъ: слушай если любишь слушать страсти.

— На зло вамъ буду слушать страсти, ничего въ нихъ нѣтъ страшнаго; а вотъ этотъ капитанъ привязался къ Сонюшкѣ и толкуеть ей про астрономію; вотъ это по-мнѣ тоска слушать: я уйду отъ нихъ.

— Образованные люди никогда пустыхъ разговоровъ не ведутъ и не говорятъ комплиментовъ и сладостей.

— Помилуйте, кто жъ любить эти сладости?

— Да, милая, теперѣ-то ты такъ говоришь, потому что

я въ тебя внушила уваженіе къ самой себѣ, и научила какъ отличать умныхъ и скромныхъ людей отъ вѣтрениковъ.

— Я вамъ благодарна, тётенька, сказала Оленька, цѣлуя руку у Саломеи Ивановны. Знаете, что, тётенька, поѣдемте сегодня кататься въ телѣжкахъ зѣ-городъ.

— Вотъ прекрасно!

— Поѣдемте!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вотъ прекрасно! я оставъ гостей, да поѣзжай съ ними!

— Да кто жъ гости? всѣ въ карты играютъ; только адъютантъ, да капитанъ; они поѣдутъ съ нами.

— Кромѣ ихъ, есть люди.

— Да кто жъ? вотъ этотъ, какъ его? Емельянъ Герасимовичъ? онъ вѣрно также поѣдетъ.

— Ужъ онъ поѣдетъ! скромный, степенный мужчина поѣдетъ съ вами!

— И, какія вы, тётенька! сказала Оленька.

А между-тѣмъ Емельянъ Герасимовичъ получалъ слѣдующія наставленія:

— Послушай, душа моя, теперь тебѣ слѣдуетъ чуть-чуть праволюкнутьъ за Саломеей Ивановной: сегодня ты заведи съ ней разговоръ, спроси: любить ли она прогулки? Когда Оленька будетъ звать ее ѣхать кататься на телѣжкахъ и тебя будетъ звать, ты отвѣчай, что готовъ ѣхать, если это пріятно будетъ Саломеѣ Ивановнѣ: мы распорядимся, усадимъ тебя съ ней на особенную телѣжку, ты будешь править, и какъ только зѣ-городъ, поѣдемъ лѣсомъ, ты непременно вывали ея на землю, потомъ схвати и держи на рукахъ, покуда мы возвратимся, слышишь? Сослужи-же, братъ, службу, да поцѣлуй ея, если совѣсть не зазритъ.

— Не въ службу, а въ дружбу, изволь, поцѣлую; а просто—извини, фэ! отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Саломея Ивановна согласилась ѣхать кататься на мужицкихъ телѣжкахъ. На

одной не могли усесться шесть человекъ: Саломея Ивановна, Оленька, Сонюшка, адъютантъ, капитанъ и Емельянъ Герасимовичъ; молоденькую дѣвушку съ молодымъ мужчиной также не ловко было посадить, и потому одной съ кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ необходимо должно было ѣхать Саломея Ивановна. Адъютантъ вызвался-было править ея экипажемъ.

— Я чудно правлю, сказалъ онъ: особенно если вы любите ѣздить скоро, во весь опоръ съ горы — и ничего, какъ по маслу!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричала Саломея Ивановна: я съ вами не поѣду!

— Такъ поѣзжайте вы, Емельянъ Герасимовичъ, съ Саломеей Ивановной.

— Если позволитъ Саломея Ивановна, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Пожалуйста, только не очень гоните, сказала Саломея Ивановна, бросивъ на него преумильный взглядъ.

Покуда Саломея Ивановна садилась въ телѣжку и предлагала сѣсть Емельяну Герасимовичу, вмѣсто облучка, съ ней рядомъ, передняя телѣжка быстро двинулась съ мѣста. Сонюшка сѣла съ капитаномъ рядышкомъ; править взялась сама Оленька; а адъютантъ, стоя на колѣнахъ позади ея, въ опасныхъ мѣстахъ помогалъ ей, и бралъ возжи вмѣстѣ съ ручками правительницы.

Емельянъ Герасимовичъ такъ тихо ѣхалъ, что Саломея Ивановна стала просить, чтобъ онъ подгонялъ лошаденку.

— Они совсѣмъ изъ глазъ пропали! вскричала она, не видя уже впереди телѣжки.

— Догнать ихъ? спросилъ Емельянъ Герасимовичъ, вѣзая въ лѣсъ; и не ожидая отвѣта, онъ приударилъ коняку, поднялъ на рысь и потомъ на скокъ, и разогналъ на поворотѣ дороги по косогору.

— Ахъ, опрокинете! вскричала Саломея Ивановна.

— Ничего, ничего, не бойтесь!

— И съ этимъ—«не бойтесь», телѣга на бокъ; Саломея Ивановна какъ снопъ съ возу.

— Прррр! вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ, вскочивъ съ земли, и давъ пинка лошаденкѣ. Лошаденка поскакала куда глаза глядятъ; а онъ побѣжалъ къ Саломеѣ Ивановнѣ, поднялъ ее, сѣлъ на землю, положилъ драгоценную ношу себѣ на колѣна, голову ея на лѣвую руку, а правою рукою обхватилъ перетянутый станъ безпамятной «дѣвы».

Какъ нянька, довольная, что ребенокъ уснулъ, сидитъ и не шелохнется, такъ сидѣлъ и Емельянъ Герасимовичъ.

Безчувственное состояніе долго бы продолжалось, если бъ Емельянъ Герасимовичъ не рѣшился привести Саломею Ивановну въ память подѣлуемъ, обѣщаннымъ не въ службу, а въ дружбу.

Саломея Ивановна вздохнула, взглянула, ахнула, и сказала нѣжно: ахъ, пустите!

— Нѣтъ, невозможно! сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ахъ, я умираю! произнесла Саломея Ивановна, и снова молчаніе въ видѣ безпамятства.

— Ахъ, пусти, милый сердцу человекъ, пусти! прошептала опять Саломея Ивановна, вырываясь изъ объятій Емельяна Герасимовича.

— Нѣтъ, невозможно! отвѣчалъ онъ, обхвативъ ее еще крѣпче руками.

— Ахъ, я умираю! проговорила снова Саломея Ивановна, и снова впала въ безчувствіе, и снова очуствовала, и снова проговорила:—ахъ, пусти, милый сердцу человекъ, пощади мою скромность!

— Невозможно! отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Между-тѣмъ, лошаденка, которую Емельянъ Герасимовичъ неучтиво толкнулъ ногою, поскакала во весь опоръ по дорогѣ, догнала телѣжку, нагруженную влюбленными сердцами, и по привычкѣ ходить впереди обозовъ, пронеслась мимо, задѣла колесомъ за колесо, опрокинула

телѣжку, а сама дуетъ впередъ; подруга ея, освободясь отъ поклажи, и почитая обязанностью не отставать, пустилась также скѣкомъ за передовымъ порожнякомъ.

Такимъ образомъ бѣда родила бѣду.

Адъютантъ поднимаетъ съ земли почти безпамятную Оленьку, а капитанъ — Софи.

И тутъ также исторія сердечнаго участія.

— Ахъ, пустите!

— Невозможно!

Но ни адъютантъ, ни капитанъ не выдержали характера, подобно Емельяну Герасимовичу — пустили, и вскорѣ пассажиры передней телѣжки нашли Саломею Ивановну въ отчаянномъ положеніи, безъ чувствъ и безъ памяти, на рукахъ Емельяна Герасимовича.

— Фу, мочи нѣтъ, какъ усталъ! сказалъ онъ: кажется, только кости да кожа, а такъ оттянула руки, что ужасъ!

— Сѣлайте одолженіе не безпокойтесь! вдругъ очнувшись, вскричала Саломея Ивановна, недовольная холодностью своего кавалера: я васъ не просила безпокойться.

— Помилуйте, что за безпокойство, не стоить благодарности, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Можно представить себѣ, въ какомъ духѣ возвратилась Саломея Ивановна домой. Оленькѣ и Софи не было бы житья отъ ея гнѣва; но къ-счастію, бригадѣ велѣно было выступить на другой день въ походъ, и исторія кончи лась.

Наполеонъ, нагостившись въ Москвѣ и наскучивъ наступательной войной, предпринялъ ретираду, чтобъ испытать счастье въ оборонительной войнѣ; запасшись зимними салопами и шляпками, его барыня, великая армія, отъправилась по зимнему пути обратно въ Парижъ. Не побережь женщину, беременную славой покоренія цѣлой Европы, было ужасно. Бѣдная простудилась и слегла.

Когда выморозки великой арміи вступили въ Вильну; когда подъ начальствомъ главнокомандующаго всей кав-

леріей, неаполитанскаго короля, шла уже эссенція кавалеріи, состоявшая изъ четырехъ полковъ, каждый въ полтора ста человѣкъ, и когда судьба разжаловала маршаловъ въ командиры ротъ и эскадроновъ, дивизионныхъ и бригадныхъ командировъ въ начальники взводовъ, а все остальное офицерство отправили за фронтъ, впредь до повышения, тогда бригада, въ которой обрѣтался Емельянъ Герасимовичъ, вступила въ одинъ городишко; тутъ надо было обогрѣться.

Емельянъ Герасимовичъ распорядился обо всемъ по принадлежности; офицеры собрались на квартиру адъютанта.

— Емельянъ Герасимовичъ, надо бы хоть дюжину шампанскаго; посылайте къ маркитанту, сказалъ одинъ изъ товарищей.

— И въ-правду, господа, сложимтесь; отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Сложились, послали; вскорѣ самъ Емельянъ Герасимовичъ напѣнилъ въ стаканы вина.

Чокаясь съ каждымъ, онъ опоражнивалъ бокаль за бокаломъ. Дюжина бокаловъ взяла свое, лицо Емельяна Герасимовича раскраснѣлось, глаза забѣгали; чувство удовольствія, которое обыкновенно проявлялось въ немъ холодной улыбкой, вдругъ какъ-будто ожило, прорвалось, разъигралось, сперва мелкимъ хохотомъ, потомъ съ перебоемъ; наконецъ и онъ и всѣ такъ расхохотались, что бригадный медикъ испугался, налилъ въ стаканы воды и началъ всѣмъ подносить.

— Выпейте, выпейте, господа!

— Ну, залпомъ за здоровье Емельяна Герасимовича! вскричали всѣ, взявъ стаканы и воображая, что въ нихъ шампанское.

— Разъ, два, три! ура!

— Фу! что это такое!.... вода!.... фу гадость какая!... ха, ха, ха, ха! раздалось залпомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ вода, сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ха, ха, ха, ха!

— Вѣрно въ какой-нибудь бутылкѣ вмѣсто шампанскаго была зельцерская, да выдохлась.

— Отослать бутылку назадъ къ маркитанту!

— Непремѣнно!

И вотъ всѣ давай еливать изъ стакановъ воду въ пустую шампанскую бутылку; закупорили, посылаютъ за маркитантомъ.

— Притащить его сюда, мошенника!

Маркитантъ явился.

— Пожалуй-ко сюда, любезный!

— Чтò прикажете, ваше благородіе, отвѣчалъ борода-тый мужикъ, кланяясь.

— Ты чтò продаешь вмѣсто шампанскаго?

— Шампанское, ваше благородіе.

— На-ка, братъ, выпей!

— Не нашему брату пить, ваше благородіе: продавать продаю, а пить не пью.

— Пей же, говорятъ, прикрикнулъ Емельянъ Герасимовичъ.

Маркитантъ прихлебнулъ со страхомъ.

— Чтò, хорошо?

— И скусу не знаю, ваше благородіе.

— Допивай же стаканъ!

Маркитантъ, морщась, прихлебывалъ.

— Ну, хорошо?

— Ваше благородіе лучше изволите знать вкусъ въ немъ, коли изволите пить.

— Тебя спрашиваютъ, хорошо или нѣтъ?

— Сладенько.....

— Небось вино легонькое, а?....

— Ха, ха, ха, ха!

— Вѣстимо, что легонькое, ваше благородіе, отвѣчалъ смущенный маркитантъ, видя, что всѣ надъ нимъ смѣются: не то что русское....

— Ха, ха, ха, ха!

— Точно вода, не правда ли?

— Какъ можно, ваше благородіе: такая ли вода бываетъ?

— Тьфу ты дуракъ! такъ это не вода? пей еще!

Маркитантъ посмотрѣлъ кругомъ; всѣ, кромѣ Емельяна Герасимовича, надрывались отъ хохоту; медикъ лежалъ уже на лавкѣ и охалъ.

— Вода хмѣльная не бываетъ, ваше благородіе.... можетъ-статься, эта бутылочка повыдохлась немножко....

— Ха, ха, ха, ха! раздалось опять.

А Емельянъ Герасимовичъ выходилъ изъ себя, онъ схватилъ маркитанта за бороду, потянулъ и вскричалъ:

— Такъ это не вода?

— Помилуйте, ваше благородіе! вѣдь не я дѣлаю шампанское, а самъ хозяинъ; самъ разливаетъ и закупориваетъ.... а я чѣмъ виновать?

— Ахъ, мошенникъ! такъ онъ еще насъ понлъ шампанскимъ своего рукодѣля!

— Что жъ, ваше благородіе, наше вино, не хуже какого другаго было; всѣ оставались довольны!...

— Ой, ой! раздалось по всей избѣ.

Всѣ испугались, бросились къ медику; отъ смѣху у него сдѣлалось колотье, и онъ съ лавки свалился на полъ и катался по полу. А между-тѣмъ какъ около него хлопотали, маркитантъ ушелъ.

— Ахъ!.... мочи нѣтъ! сказалъ медикъ, приходя въ себя: онъ не виновать.... вѣдь это я налилъ воды вамъ въ стаканы!

— Ахъ ты шутникъ!... а я хотѣлъ ему всю бороду вырвать!... впрочемъ, кстати: не продавай поддѣльнаго вина!

Сѣли по-маленькой; потомъ заложили банчикъ, другой, третій, всѣ до одного были сорваны; реванжъ былъ отложенъ до слѣдующаго растаха.

=

••• Статья эта есть извлеченіе изъ перваго тома новаго романа А. И. Вельмана, помѣщаемое здѣсь только съ тѣмъ, чтобы показать родъ и содержаніе послѣдняго творенія знаменитаго московскаго романиста. Полный романъ состоитъ изъ трехъ частей.

II.

ПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ.

РОМАНЪ СЪРА ФРЕНСИСА ТРОЛЛОПА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Въ 181* году, за двадцать лѣтъ до рассказанныхъ нами происшествій, въ Лондонѣ, въ Сень-Джилскомъ кварталѣ жило бѣдное семейство, состоявшее изъ отца, матери и двухъ дѣтей.

Отецъ звали Христіаномъ О'Бриномъ. Онъ былъ ирландскій дворянинъ; предки его занимали нѣкогда почетное мѣсто въ Коннофтской провинціи. Имѣніе О'Брина, вмѣстѣ со многими другими, мало-по-малу перешло въ руки протестантскаго лорда, у котораго онъ арендовалъ землю.

Жизнь ирландскихъ арендаторовъ достойна сожалѣнія.

Т. LXIX. — Отд. II.

Христіанъ, довольствуясь малымъ, трудясь много и имѣя сверхъ-того свою маленькую частицу земли, могъ содержать семью и даже далъ сыну очень порядочное образованіе.

Однажды, управляющему лорда, который проматывалъ въ Лондонѣ свои ирландскіе доходы, пришло въ голову отнять у О'Брина послѣдній остатокъ родового имѣнія. Завязался процессъ; несчастный дворянинъ, какъ слабѣйшій и бѣднѣйшій, былъ согнанъ съ земли, доставлявшей его семьѣ насущный хлѣбъ. Кромѣ-того лордъ отказалъ О'Брину отъ аренды, за то, что онъ дерзнулъ затѣять съ нимъ процессъ.

Что оставалось бѣдняку?... Смерть или Лондонъ!... Онъ избралъ послѣднее—потому что у него была семья.

И такъ О'Бринъ прибылъ въ Лондонъ и поселился въ Бекриджъ-Стритъ, въ центрѣ Сентъ-Джилскаго квартала, нищета котораго пользуется европейскою извѣстностью и который, подобно грязной, отвратительной лужѣ, тянется между великолѣпнѣйшими улицами Лондона.

Каждый большой городъ имѣетъ свои закоулки, гдѣ бѣдность, увеличенная порокомъ, является во всей отвратительной наготѣ своей; но въ этомъ отношеніи ни одинъ городъ не сравнится съ Лондономъ—ему принадлежатъ пальма нищеты, позору и пороку. Прославленная улица О-февъ и Сентъ-Марсельское предместье находятся въ концѣ Парижа и мiasmатическія испаренія ихъ не заражаютъ фешенебельной части столицы Франціи. Въ Лондонѣ же все перемѣшано въ циническомъ и отвратительномъ безпорядкѣ. Вездѣ безразсудная роскошь колетъ глаза нищетѣ; вездѣ порочная и вооруженная нищета поджидаетъ роскошь. Двѣ великолѣпнѣйшія улицы, освѣщенныя ночью яркимъ свѣтомъ газа и охраняемыя полисменами, соединяются мрачнымъ, грязнымъ, опаснымъ переулкомъ. На чистыхъ тротуарахъ — эгоистическая, безнечная, богатая толпа; на грязной мостовой—ребенокъ или старикъ, дрожащій отъ холоду и голоду.

Вездѣ, вездѣ это чудовищное сосѣдство!... Но самое ужасное, самое позорное, это, безспорно, сосѣдство роскошной Гольборнскон и аристократической улицы съ

Сенъ-Джильскій кварталомъ, прозванный *Малой Ирландіей*, какъ-будто бы послѣднее имя неразлучно съ понятіемъ о крайнихъ бѣдствіяхъ!

Во всемъ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго этому кварталу. Это, если можно такъ выразиться, совершенная фаланстерія нищеты и пороку, этихъ двухъ элементовъ преступленія. Тамъ всѣ страданія и всѣ поворы достигаютъ крайней степени; тамъ человѣкъ, возвратившись въ дикому состоянію, не зная Бога, не имѣя никакого понятія о добрѣ и злѣ, черствѣетъ въ грязи или съ бѣшенствомъ возстаетъ противъ окружающей его цивилизаціи. Тамъ между обоними полами одно различіе—сила.

Таковъ этотъ кварталъ въ настоящее время. Краснорѣчивые и благородные писатели, обнаружившіе въ послѣднее время невѣроятные ужасы сенъ-джильскихъ подваловъ, увѣряютъ, что съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно улучшеніе и что Сенъ-Джилъ 1844 года не похожъ уже на Сенъ-Джилъ 1820 года. Что же было тогда, Боже мой!

Въ этомъ-то кварталѣ Христіанъ О'Бринъ занималъ небольшой домикъ, въ которомъ при помощи небольшого накопленнаго имуществва, могъ прожить безбѣдно, въ надеждѣ найтн какое-нибудь средство добывать насущный хлѣбъ. О'Бринъ былъ человѣкъ слабago сложенія, но души пылкой. На Лондонѣ онъ основалъ всѣ свои надежды; но увъ! Лондонъ обманулъ его, какъ и столькохъ другихъ его соотечественниковъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и уныніе овладѣло несчастнымъ Ирландцемъ.

Мистриссъ О'Бринъ, кроткая, трудолюбивая женщина, проводшая всю жизнь въ скромныхъ занятіяхъ по сельскому своему хозяйству, нѣжно любила мужа, дѣтей и не знала другой воли, кромѣ мужней. Дочь ея, Елизавета, веселенькая, живая, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, утѣшала отца, лицо котораго прояснялось только при ея шуткахъ. Сынъ О'Бринъ любилъ меньше чѣмъ дочь, потому что страшный, рѣшительный характеръ этого молодаго чело-вѣка сильно тревожилъ отца. Его звали Ферджусомъ. Ему было осьмнадцать лѣтъ. Во всемъ Лондонѣ не было лица болѣе художественно прекраснаго; Ферджусъ былъ пре-

красно сложенъ. Мягкія, роскошно вившіяся кудри покрывали гордое чело, полное воли, силы, мысли. На лицѣ, очаровательному очерку котораго могла позавидовать красавица, подъ безпечною и поэтическою задумчивостію скрывалось выраженіе глубокаго ума, соединеннаго съ неограниченною гордостью.

Въ Ирландіи Ферджусъ помогаль отцу въ сельскихъ работахъ. Въ Лондонѣ онъ вступилъ корректоромъ въ огромную, знаменитую типографію Больдеріуса и Мунга, въ Оксфордъ-Стритъ.

Воздухъ Лондона, тяготѣвшій надъ мистеромъ и мистриссъ О'Бринъ, придавалъ, казалось, новую жизнь ихъ дѣтамъ. Бетци * весело распѣвая, работала цѣлый день у окна, а вечеромъ относила шитье свое въ одинъ изъ модныхъ магазиновъ на Гольборнской Улицѣ. Ферджусъ трудился неутомимо, а въ часы отдыха читаль книги, которыя не трудно было доставать изъ типографіи. Онъ былъ единственной опорой семьи. Бетци зарабатывала немного. Старики бережно откладывали каждый пенни, надѣясь со временемъ накопить маленькую сумму, которая могла бы доставить имъ возможность возвратиться въ милую Ирландію. Тамъ для Бетци они надѣялись принскать жениха, какого-нибудь фермера; между-тѣмъ какъ Ферджусъ, который, казалось, могъ сдѣлаться годнымъ къ чему-нибудь только въ книжныхъ занятіяхъ, какъ говаривалъ отецъ, остался бы въ Лондонѣ, гдѣ Господь защититъ его....

Но нужная сумма медленно накоплялась. О'Бриномъ овладѣла тоска по родинѣ, болѣзнь, смертельная для бѣдныхъ Ирландцевъ. Жена его также чахла—впродолженіи двадцати лѣтъ она привыкла радоваться и горевать вмѣстѣ съ мужемъ. Ферджусъ сталъ трудиться болѣе прежняго. Теперь отецъ могъ бы замѣтить, какое сокровище силы и доброты скрывалось въ сердцѣ его сына, но старикъ впалъ въ мрачное состояніе духа и не обращаль вниманія ни на что, не касавшееся до отчизны или до него самого. Насильно удерживаемый обстоятельствами въ Англіи, О'Бринъ возненавидѣлъ ее и ненависть эта увеличивалась вмѣстѣ съ тоской по родинѣ. Часто она излива-

* Сокращеніе *Елизаветы*.

зась въ краснорѣчивыхъ, хотя и безразсудныхъ жалобахъ, энергическое отчаяніе которыхъ проникало въ сердце молодого Ферджуса.....

Въ молчаніи внималъ онъ словамъ отца. Иногда лицо его покрывалось блѣдностью и молнія сверкала изъ обыкновенно кроткихъ глазъ.....

Одна Бетци оставалась веселою посреди всеобщаго унынія. Каждый день она всё ранѣе и ранѣе относила работу. Съ вѣкотораго времени она, казалось, инстинктивно угадала кокетство. Прелестные локоны ея тщательно вились, и плечи, доселѣ закрытыя съ дѣвственною скромностью, оставались открытыми. Каждый вечеръ, передъ уходомъ въ магазинъ, она останавливалась передъ маленькимъ зеркальцомъ.

Ферджусъ вѣжно любилъ сестру. Возвратившись, однажды, домой изъ типографіи, онъ не нашелъ ее дома. Мистриссъ О'Бринъ безпокоилась. Христіанъ страдалъ болѣе обыкновеннаго. Ждали. Бетци не возвращалась. Мистриссъ О'Бринъ старалась заглушать рыданія; Христіанъ въ бреду горячки проклиналъ Англію и обвинялъ ее въ потерѣ дочери. Ночь прошла въ слезахъ и горести. Наступило утро — Бетци погибла безвозвратно. Ферджусъ хранилъ молчаніе. Онъ былъ мраченъ, блѣденъ. Какъ-скоро блѣдный лучъ солнца освѣтилъ уголокъ грязнаго переулка, молодой человѣкъ поцѣловалъ мать и пожалъ руку отцу.

— Пойду искать Бетци, сказалъ онъ.

Вечеромъ онъ воротился, усталый, измученный и — одинъ. Его не спрашивали. Мать сложила руки и упала на колѣни. Отецъ приподнялся на постели..... на блѣдномъ, исхудавшемъ лицѣ его были явные признаки близкой смерти.

— Она всего лишила меня! закричалъ онъ голосомъ исполненнымъ ненависти: всего! и хлѣба, и дочери!

— Дитя мое! бѣдное дитя мое! рыдая говорила опечаленная мать.

Ферджусъ всё молчалъ; какъ и наканунѣ, онъ былъ мраченъ и блѣденъ.

— Хищники, убійцы! кричалъ Христіанъ, съ бѣшен-

стеною размахивая руками. Голова его такело упала на подушки. Кровать затрещала..... и голосъ, какъ-бы выходящій изъ могилы, произнесъ сабдующія слова:

— Фердумъ, отецъ твой умираеть; сестра твоя обезчещена.... Ненависть и мщеніе Англіи!

Безразсудныя слова эти произвели горестное впечатлѣніе на Фердумса. Онъ, какъ-бы невольна, всталъ,... Наступило глубокое молчаніе.

Вдругъ раздался страшный вопль. Мистриссъ О'Бринъ, какъ безумная, бросилась на тѣло мужа и старалась согрѣть охладѣвшія руки его.... Христіши умерь. Фердумъ преклонилъ колѣна и сталъ молиться. Мистриссъ О'Бринъ перестала плакать. Непонятное спокойствіе освѣтило лицо ея; она подняла одѣяло и легла возлѣ мужа.... Двадцать лѣтъ жила она жизнью этого человѣка, предмета первой, единственной любви ея. Фердумъ ничего не видѣлъ; закрывъ лицо руками, онъ продолжалъ молиться. Нѣсколько минутъ спустя голосъ матери заставилъ его вздрогнуть.

— Сынъ мой, говорила она слабымъ голосомъ, который подобно репоту достигалъ до слуха Фердумса: сынъ мой! Отецъ твой умеръ, сестра твоя обезчещена. Я соединюсь съ отцомъ твоимъ и буду молиться за оостру.... Прости!

Фердумъ вскрикнулъ.... Эта послѣдняя горестъ возбѣдла силу его характера.... Онъ заплакалъ.

И опять наступило молчаніе, еще болѣе ужасное и нѣкимъ уже не прерываемое....

Было свѣтло когда молодой человѣкъ ошамановался. Въ комнатѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ раздавались голоса трехъ любимыхъ существъ, теперь все было тихо.... взоръ и смерть разрознили мирную семью.

— Ненависть и мщеніе Англіи! повторилъ таинственный голосъ надъ ухомъ юноши. Онъ вспомялъ; брови его нахмурились, краска покрыва блѣдныя щеки, молнія сверкнула изъ глазъ.... Это не былъ мимолетный гнѣвъ ребенка: то была ненависть взрослога! И въ бѣдной комнаткѣ бѣднѣйшаго изъ лондонскихъ кварталовъ собиралась туча, предвѣстница бурной жизни!

Ферджусъ твердымъ шагомъ подошелъ къ восточнѣ и медленно сдѣлалъ крестное знаменіе.

— Батюшка, протворилъ онъ, поднявъ голову и протянувъ руку: клянусь исполнить твою волю!

Потомъ онъ закрылъ отцу глаза, поцѣловалъ въ послѣдній разъ мать и пошелъ за священникомъ.

Подобные дни равны годоу въ человѣческой жизни. Когда Ферджусъ, благоговѣнно проводивъ отца и мать въ послѣднюю обитель, остался одинъ, онъ почувствовалъ, что юношескій пылъ угасъ въ душѣ его; этотъ пылъ заживила серьезная, могущественная идея, стремленіе къ одной цѣли: исполненію послѣдней воли отца. И съ тѣхъ-поръ началась для него жизнь, полная тяжкаго труда. Ребенокъ задумалъ бороться съ гигантомъ!

Часто прогуливался онъ, печальный и задумчивый, по зеленнстнмъ дорожкамъ Сентъ-Джемскаго парка. Знатныя люди нерѣдко останавливались, чтобы полюбоваться молодой красавицею, котораго медленная и граціозная походка столько отличалась отъ взятуютой, заученной походки обычныхъ фешенебельныхъ посѣтителей парка. Онъ любовался живымъ цвѣтомъ и тонкими, кроткими, почти женподобными чертами лица юноши. Никто не зналъ его имени. Въ Лондонѣ, странѣ положительной, женщины однако жъ, страстно любятъ все необыкновенное, таинственное. Печальный, одинокій и красивый незнакомецъ, всегда одѣтый въ черное, траурное платье, возбуждалъ вскорѣ во всѣхъ романтическое участіе. Знатнѣйшія люди слѣдили за нимъ глазами, когда онъ медленно вступалъ въ аллею деревьевъ и нерѣдко взгляды, болѣе нежели благосклонныя, старались выказать интересу молодому человѣку все участіе, которое онъ возбуждалъ. Но Ферджусъ, всегда одинокій съ самимъ собою въ этой блестящей толпѣ, замѣчаемый всѣми, не обращалъ ни на кого вниманія.

Одинъ только разъ онъ былъ выведенъ изъ глубокаго и постояннаго размышленія. При поворотѣ аллеи легкій крикъ порезалъ слухъ Ферджуса — ему знакомъ былъ этотъ голосъ и онъ быстро оглянулся. Великолѣпный эки-

нажъ съ гербомъ медленно катился по песку большой аллеи; у дверецъ показалась головка....

Ферджусъ поблѣднѣлъ и чуть не лишился чувствъ. Потомъ сильное негодование опять бросило ему кровь въ голову. Онъ кинулся вслѣдъ за каретой, въ которой возлѣ Бетци, вѣроятно, сидѣлъ и похититель ея.... Но послѣ нѣсколькихъ шаговъ онъ остановился и хладнокровно пошелъ въ другую сторону. Инстинктивная мысль мщениа, заставившая его броситься за оболъстителемъ Бетци, нивнилась по минутномъ размышленіи. Ему предстояла другая цѣль, вслѣдствіе которой онъ уже не ощущалъ ненависти къ человѣку, похитившему сестру его—разумѣется, личной ненависти. Оскорбленіе это слилось съ другими его горестями; виновный сдѣлался нераздѣльной частицей огромнаго врага, указаннаго Ферджусу отцомъ.

Бѣдный юноша, объятый безразсудною мыслью мщениа, самъ не могъ объяснить себѣ къ чему стремился. Онъ возненавидѣлъ Англію и по безпредѣльной гордости своей надѣялся поколебать колосса.... Сколько жизней надо ничтожному червяку, чтобы подточить основаніе вѣковаго дуба!

Самый опытный глазъ не могъ, однако жъ, угадать тайной мысли юноши; онъ велъ жизнь подобную той, которую ведутъ всѣ молодые люди, живущіе своими трудами. Въ ней не доставало только любви, но и та вскорѣ пробудилась въ сердцѣ Ферджуса и жизнь его превратилась въ романъ.

Романъ этотъ былъ первой главой серіозной исторіи.

Въ одинъ весенній вечеръ, когда Ферджусъ возвращался съ кладбища, гдѣ поконились останки его родителей, маленькій кабріолетъ стариннаго фасону, запряженный деревенскою лошадью, ударился объ столбикъ троттоара; одно колесо разбилося. Испуганная лошадь остановилась на минуту, потомъ кинулась впередъ.... изъ полуопрокинутаго кабріолета послышался женскій голосъ, звавшій на помощь.

Не раздумывая ни минуты, Ферджусъ бросился къ лошади и съ силою, которою щедро одарила его природа, схватилъ лошадь за уздцы. Она задрожала, съ яростью заку-

сила ударила, такъ что выступившая на мордѣ ея пѣна окрасилась кровью, уперла переднія ноги въ землю и попятилась назадъ.

Между-тѣмъ мужчина успѣлъ выскочить изъ кабриолета.

— Не бойся, Мери, говорилъ онъ молодой дѣвушкѣ, съ которою ѣхалъ: не бойся и выходи скорѣе, сестрица — этотъ молодой человекъ не долго удержитъ лошадь.

Мери не отвѣчала. Лошадь же, какъ-бы понявъ послѣднія слова хозяина, приподняла голову и рванулась впередъ. Но Ферджусъ стоялъ какъ-бы прикованный къ мѣсту.... Побѣжденное животное опустило голову и уже не трогалось.

Въ то же самое время изъ сосѣдняго дому выбѣжалъ грумъ на помощь къ молодому человеку, который далъ ему въ руки уздцы и медленно пошелъ прочь.

— Джентльменъ, закричалъ ему вслѣдъ хозяинъ кабриолета: съ порядочными людьми такъ не поступаютъ!... Вы видите, что я не могу удалиться, потому что бѣдная моя Мери въ обморокѣ.... вы спасли ей жизнь и уходите какъ ни въ чемъ не бывало и какъ-бы пренебрегая моею признательностью.....

— Нѣзачтѣ, мистеръ, изъ-дали отвѣчалъ Ферджусъ: я ничемъ не заслужилъ вашей признательности.

— О-го! такъ-то!... Ну, да вы, Англичане, всѣ таковы.... Богъ съ вами! Я вѣдь только хотѣлъ пожать руку человеку, который спасъ мою Мери.... вотъ и все.

Въ послѣднихъ словахъ были двѣ вещи, которыя проникли въ сердце Ферджуса. Во-первыхъ, искреннее прямодушіе, которому трудно было противиться; во-вторыхъ, шотландское произношеніе. Ни за что въ мірѣ Ферджусъ не согласился бы пожать руку Англичанину. Онъ воротился и улыбнулся въ первый разъ послѣ смерти отца, когда хозяинъ кабриолета бросился къ нему на шею и съ жаромъ поцѣловалъ его.

— Простите, джентльменъ, простите! продолжалъ Шотландецъ: у васъ доброе сердце, а я такъ люблю мою Мери!... Теперь вы въ моихъ рукахъ и, клянусь, я не отпущу васъ, пока вы не выпьете со мною стакана добраго

французского вина за чье хотите удовольствие. Помогите мнѣ, пожалуйста, прежде всего высадить сестру.

Шотландецъ отстегнулъ кожаный фартухъ набіежета и осторожно велелъ на руки молодую дваршину, которая начинала приходить въ себя. Ферджусъ помогалъ ему и нѣсколько минутъ спустя, онъ, въ первый разъ послѣ смерти отца, вступилъ въ чужой домъ. Мери уложила на диванъ; Шотландецъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, обратившись къ молодому О'Брину, еще разъ пожалъ ему руку.

— Агентъ-менъ, сказалъ онъ, мы, тевіотъ-дальскіе жители, не охотимся и не мастера красиво говорить. Я бываю лядского фермера; живу между Аннаномъ и Лоннебонномъ; зовутъ меня Энджусомъ Макъ-Ферланомъ; если сегодня, завтра, когда бы то ни было, вамъ понадобится помощь друга....

— Мистеръ, прервалъ Ферджусъ, не съ-разу увлекавшійся дружескими предложеніями: я не заслуживаю....

— Ба, ба, ба! вскричалъ Макъ-Ферланъ: оставьте, пожалуйста, комплименты.... Вѣдь вы не знаете моего Тоби, моего коня.... Божусь вамъ, я не знаю никого, кромѣ васъ, кто бы могъ остановить этого бѣса на всемъ скаку.... Дунканъ! принеси вина и стаканы.... да позови сюда Макъ-Наба.... Нѣтъ, вы не думайте, что сдѣлали вещь обыкновенную! Вѣдь я самъ не баба, однако жъ не съ-разу согласушусь остановить Тоби!

Въ то время Энджусъ былъ здоровый тридцати-лѣтній мужчина, съ смѣлымъ, открытымъ и веселымъ лицомъ. Макъ-Набъ, который пришелъ, по приглашенію Энджуса, былъ однихъ съ нимъ лѣтъ; умное лицо его имѣло строгое и холодное выраженіе, составлявшее рѣзкую противоположность съ веселою безпечною Энджуса, на старшей сестрѣ котораго Макъ-Набъ былъ женатъ.

Вѣжливая холодность его привела Ферджуса въ себя; послѣ нѣсколькихъ словъ онъ раскланялся и готовъ уже былъ удалиться, когда Мери подошла къ нему. Ферджусъ остановился, какъ-бы удерживаемый невидимою рукою; Мери между-тѣмъ взяла съ подноса стаканъ и налила въ него нѣсколько капель вина.

— Позвольте и мнѣ, сказала она тихимъ, нѣжнымъ

голосомъ: мигнуть за здоровье тѣхъ, которыхъ вы любите.

Ферджусъ поблѣднѣлъ и чуть не лишился чувствъ.

— Миссъ!... миссъ! проговорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ внезапно пробужденнаго воспоминавiя о своихъ горестяхъ: тѣ которыхъ я любилъ, умерли.... Я никого болѣе не люблю.... то есть.... Я не знаю.... можетъ-быть.... За ваше здоровье, миссъ!

Онъ схватилъ съ подноса стаканъ и опорожнилъ его съ живостью, исполненной смущенiя. Румянецъ опять выступилъ на щекахъ его, но глаза опустылись, какъ-бы подъ давленiемъ свинцовой тяжести. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханiе.

Макъ-Набъ нахмурилъ брови. Мери покраснѣла и также опустыла глаза. Макъ-Ферланъ громко засмѣялся.

— Славно, славно! вскричалъ онъ: въ жизнь мою не видывалъ такого красавца, какъ вы, мистеръ О'Бринъ.... Чертъ возьми! посмотрѣлъ бы ты, Макъ-Набъ, какъ мой Тоби опустилъ передъ нимъ голову.... Надѣюсь, мистеръ О'Бринъ, что вы не забудете и станете навѣщать насъ.

Ферджусъ поднималъ глаза, взглянулъ на Мери, проишь едва слышное «буду» и поспѣшно удалился.

Какъ часто, впродолженiи года, протекшаго со смерти отца, молодой человекъ проводилъ цѣлыя ночи безъ сна, отгоняемаго безпрестаннымъ броженiемъ его ума. И въ эту ночь онъ не спалъ, но не другой причинѣ.

Ферджусъ былъ влюбленъ. Одно мгновенiе, только одно, чувствовалъ онъ оборотъ невѣдомое чувство, овладѣвавшее шибѣтъ и сердцемъ и его умомъ. Но тщетно. Первое движенiе сопротивленiя было инстинктивное проявленiе ненависти, на минуту забытой. Потомъ мщенiе умолкло, борьба кончилась и Ферджусъ вполнѣ, съ пламеннымъ восторгомъ предался первому ощущенiю, первой, сильнѣйшей, любви. Между человекомъ вчерашняго дня и настоящей ночи была цѣлая пропасть!..

На другой день, рано утромъ, Энджусъ Макъ-Ферланъ пришелъ къ Ферджусу. Симпатическое чувство влекло его къ О'Брину, который съ радостью принялъ драгоценную дружбу брата Мери.

Новые друзья вскорѣ сдѣлались неразлучными. Мери, наивное и простодушное дитя, не могла долго противиться тому волшебному чувству, которое влекло ее къ Ферджусу. Она полюбила его такъ же, какъ онъ ее любилъ. О'Бринъ узналъ всѣ тайны благороднаго Шотландца и причины прїѣзда его въ Лондонъ. Изъ всѣхъ же своихъ секретовъ Ферджусъ открылъ Макъ-Ферлэну только одинъ — любовь къ Мери.

Прошло нѣсколько недѣль. Макъ-Набъ по-прежнему былъ холодно вѣжливъ съ О'Бриноу. Кромѣ послѣдняго, въ домъ Энджуса былъ вхожъ только одинъ чужой — молодой дворянинъ Годфрей Ленчестеръ, ожидавшій смерти стараго отца, чтобы сдѣлаться графомъ Вейтъ-Манорскииъ....

Энджусъ и зять его, Макъ-Набъ, были въ Лондонѣ по случаю процесса, веденнаго отцомъ Энджуса, лидскимъ фермеромъ, съ мирнымъ судьей думфрійскаго графства. Дѣло шло объ обширномъ участкѣ земли, которую судья оспаривалъ у фермера. Послѣдній ни за что въ мїрѣ не хотѣлъ уступить родоваго наслѣдія, единственнаго своего имущества. Мирный судья былъ богатъ и имѣлъ покровителей, а потому Энджусъ и Макъ-Ферлэнъ принуждены были ѣхать въ Лондонъ, чтобъ быть у самаго источника дѣлопроизводства. Макъ-Набъ былъ самъ адвокатъ; изучивъ всѣ придирки жрецовъ ябеды, онъ рѣшился вступить въ бой съ равнымъ оружіемъ и для того старался прїискать себѣ сильнаго покровительства. Старинныя семейныя отношенія доставили ему случай представиться старому графу Вейтъ-Манору, великодушному вельможѣ. Макъ-Набъ изложилъ ему всѣ подробности дѣла, доказалъ права фермера, своего тестя, и лордъ обѣщалъ ему свое высокое покровительство. Очень натурально, что послѣ этого нельзя было отклониться отъ чести принимать у себя стараго сына его сіятельства.

Годфрей Ленчестеръ былъ представленъ Макъ-Набомъ Энджусу и Мери. Энджусъ принималъ его довольно равнодушно, а Мери ощущала при видѣ его инстинктивное отвращеніе.

Годфрею было въ то время лѣтъ тридцать или тридцать

пять. Довольно красивыя черты лица его были уже обезображены красными пятнами, слѣдствіемъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ и чрезвычайно полнокровнаго темперамента; сквозь британскую флегму можно было прочесть на лицѣ его неограниченный эгоизмъ.

Прошло еще нѣсколько времени и Ферджусъ наконецъ рѣшился предложить свою руку Мери. Макъ-Набъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать, но Мери со слезами бросилась къ брату на шею и Энджусъ поклялся, что она выйдетъ за О'Брина.

Ихъ обручили.

Между Ферджусомъ и Годфреемъ была естественная антипатія, которую первый выказывалъ презрительнымъ молчаніемъ и невниманіемъ къ особѣ молодаго нобльмена, а тотъ дерзкими взглядами, словами и движеніями, исполненными неискусно скрытой ненависти. Они часто встрѣчались у Энджуса, но О'Бринъ, съ намѣреніемъ избѣгая ссоры, всегда удалялся какъ-скоро приходилъ наслѣдникъ лорда.

На другой день послѣ обрученія, пришло извѣстіе, что Макъ-Ферланъ долженъ былъ ѣхать въ Шотландію, куда призывали его дѣла процесса.

Ферджусъ пришелъ къ Энджусу, но не засталъ его дома. Пока онъ ждалъ въ залѣ, туда же вошелъ Годфрей Ленчестеръ, на разстроенномъ лицѣ котораго выражался сильный гнѣвъ, готовый разразиться. Ферджусъ, по обыкновенію своему, взялъ шляпу и молча хотѣлъ удалиться.

— Чортъ возьми! грубо проговорилъ Годфрей: онъ хорошо дѣлаетъ, что не дожидается пока его выгонять.

Ферджусъ остановился и пристально взглянулъ на Ленчестера, который разлегся на диванѣ и съ притворною безпечностью перекинулъ одну ногу черезъ другую.

— Мнѣ кажется, что вы обо мнѣ говорите, сказалъ Ферджусъ.

— И мнѣ то же кажется, молодой человекъ, возразилъ Годфрей.

Ферджусъ покраснѣлъ, но остался спокойнымъ.

— Сэръ, продолжалъ онъ: судя по направленію нашего

разговора, миѣ кажется, что мы бы лучше сдѣлали если бы вышли на улицу, чтобы венчить его....

Годорей покачалъ плечами и не трогался.

— Я предполагаю, продолжалъ Ферджусъ, и надѣюсь, что къ вамъ вы не присоединяете трусости.

— Слушайте! сказалъ Ленчестеръ улыбаясь: я пойду за вами.

Ферджусъ вышелъ первый, а Годорей послѣдовалъ за нимъ, поспѣшно застегиваясь.

Когда они вышли на улицу, Ферджусъ хотѣлъ что-то сказать.

— Дайте! прервалъ его Ленчестеръ, повернувшись за уголъ, и сойдя съ троттоара, выступилъ на середину улицы. Годорей былъ еще въ то время здоровый, сильный мужчина, и позиція, въ которую онъ сталъ, еще болѣе обрисовала его мускулы.

Въ Лондонѣ, кулачный бой — наука столько же простонародная, какъ и аристократическая, а потому прохожіе остановились по обѣимъ сторонамъ улицы съ выраженіемъ не изумленія, а простаго любопытства.

— Извольте, сказалъ Годорей иронически: я къ вашимъ услугамъ, если вамъ угодно здѣсь продолжать нашъ разговоръ.

— Миѣ угодно, возразилъ Ферджусъ приближаясь: требовать удовольствія въ грубой вашей дерзости.

— Извольте, молодой человѣкъ. Сейчасъ получите удовлетвореніе.... и, надѣюсь, останетесь довольны.... Начнемъ сначала: во-первыхъ, вы любите миссъ Макъ-Ферлэнъ—это миѣ не нравится.... во-вторыхъ, я думаю, что и миссъ Макъ-Ферлэнъ любить васъ—это миѣ еще менѣе нравится.... Наконецъ, миѣ сказали, что вы женитесь на ней—это миѣ ужъ совсѣмъ не нравится.

— Я женюсь на миссъ Макъ-Ферлэнъ, твердо отвѣчалъ Ферджусъ.

— Ошибаетесь!.... потому что я переломаю вамъ бока! грубо возразилъ Годорей.

— Сэръ!.... вскричалъ О'Бринъ разгораясь: я заставляю васъ раскаться....

Онъ не кончилъ, потому что поблѣмъ съ силой уда-

руку его кулакомъ въ грудь и бросилъ на-земь. Годфрей тотчасъ же сталъ опять въ оборонительную позицію и съ самодовольной улыбкой взглянулъ на присутствующаго.

Ферджусъ всталъ. Съ слѣпою яростью, не позволившему ему принять мѣры предосторожности, кинулся онъ на своего противника. Согнутая рука Годфрея внезапно выпрямилась и молодой человѣкъ вторично повалился на мостовую и нѣсколько минутъ былъ неподвиженъ. Никто изъ зрителей не тронулся съ мѣста, чтобы помочь О'Брину; только раздались нѣсколько одобрительныхъ восклицаній. Годфрей, искусный боецъ, поступалъ низко нападая на человѣка совершенно незнакомаго съ правилами кулачнаго бою—но въ Лондонѣ все благородство состоитъ въ силѣ, вся слава—въ богатствѣ!....

Ферджусъ пролежалъ нѣсколько секундъ какъ мертвый. — Потомъ всталъ.... Лицо его было покрыто смертною блѣдностью, глаза сверкали мрачнымъ огнемъ. Онъ не бросился на противника своего, но вперилъ въ него взоръ, и опустивъ руки, оставивъ незащищенными лицо и грудь, медленно приближался къ нему....

Любопытство зрителей удвоилось. Зрѣлище становилось чрезвычайно интереснымъ: молодой человѣкъ неосторожно подвергался ловкимъ и мѣткимъ ударамъ искуснаго своего противника — была надежда, что бой кончится смертію Ферджуса.

Годфрей обратилъ все вниманіе на грудь молодаго человѣка. Въ третій разъ кулакъ поблѣмена ударилъ въ грудь Ферджуса, съ глухимъ, страшнымъ шумомъ; другимъ же кулакомъ онъ ударилъ его въ лобъ, по которому потекли тонкія струи крови.... Къ общему изумленію, этотъ двойной ударъ не свалилъ Ферджуса..... онъ даже не покачнулся, не отступилъ. Присутствовавшіе невольно вскрикнули, увидѣвъ что молодой человѣкъ всё-еще стоялъ передъ своимъ противникомъ, страшный, грезный, съ кровавой звѣздочкой на блѣдномъ лбу.... Годфрей самъ такъ увѣренъ былъ въ силѣ послѣдняго удара, что забылъ стать въ оборонительное положеніе. Увѣренный въ побѣдѣ, онъ забылъ главное правило, основаніе искусства. Когда онъ увидѣлъ ошибку свою, то уже было поз-

но исправить ее. Пальцы Ферджуса какъ желѣзные тиски, сдавили руки Годфрея, который поблѣднѣлъ въ свою очередь.... Дыханіе О'Брина жгло лицо его, мрачный и грозный взглядъ Ферджуса наполнялъ его душу ужасомъ.... Нобльменъ хотѣлъ освободиться. Невозможно! Пальцы противника какъ желѣзные кольца обхватили его руки.

Годфрей понялъ, что онъ погибъ. Толпа молчала. По временамъ слышались голоса полицменовъ, старавшихся пробраться сквозь живую ограду, образовавшуюся вокругъ бойцовъ и желая узнать причину сборища.

Ферджусъ былъ ужасенъ. Прекрасный станъ его выпрямился съ грозной гордостью; нѣжныя и благородныя черты приняли выраженіе дикой и непримиримой ненависти. Онъ загнулъ Годфрею руки на спину, потомъ вдругъ опустилъ ихъ и съ быстротою молніи обхватилъ противника, ноги котораго подкосились.... Присутствовавшіе видѣли какъ страшно исказились черты лица нобльмена — слышались, какъ кости его затрещали. Продержавъ его минуту въ желѣзныхъ объятіяхъ, Ферджусъ отпустилъ Годфрея и тотъ, какъ безжизненная масса, упалъ на мостовую....

— Умеръ! умеръ!... закричала толпа и приблизилась не для того, чтобъ подать помощь, но чтобы удостовѣриться въ справедливости своего предположенія.

Въ это время полицмены пробрались впередъ.

Ленчестеръ лежалъ неподвижно. Ферджусъ прислонился къ фонарному столбу, слабый, съ страшною болью въ груди и готовый лишиться чувствъ....

Все это происходило посреди яснаго дня и въ присутствіи множества свидѣтелей....

Мѣсяць спустя, Ферджусъ О'Бринъ предсталъ предъ уголовнымъ судомъ, обвиненный въ умышенномъ нападеніи на почтенную особу Годфрея Ленчестера, наслѣдника графа Вейтъ-Манорскаго. До того времени, несчастный Ферджусъ содержался въ тюрьмѣ.

Годфрей чуть не лишился жизни; въ первую недѣлю, докторъ не имѣли надежды спасти его — несмотря на то, онъ выздоровѣлъ. Мищеніе кипѣло въ груди его. Со-

звали законниковъ и съ помощью ихъ составленъ былъ заговоръ, рѣшавшій погибель Ферджуса. Годфрей и со-общники его очень хорошо знали, что грязные закоулки Лондона населены людьми, составившими изъ лже-свидѣ-тельства ремесло!... людьми, которые за кружку джину или десять шиллинговъ готовы идти на ложное показаніе!

Множество подкупленныхъ лже-свидѣтелей объявили передъ судомъ, что Ферджусъ, съ оружіемъ въ рукахъ и измѣнническимъ образомъ напалъ на сына благороднаго лорда. Ферджусъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ложь! ложь! вскричалъ онъ съ крайнимъ негодова-ніемъ.

Президентъ велѣлъ ему молчать и приказалъ позвать послѣдняго, главнаго свидѣтеля. То былъ низкій, лѣтъ двадцати, самой отвратительной наружности. Жесткіе и густые его волосы спускались почти до бровей, подъ которыми сверкали лукавые, злобные глаза. Въ фи-зіономіи его можно было прочесть всѣ низкія наклон-ности, прикрытыя лицемѣрно-простодушной улыбкой. Неровными шагами вышелъ онъ впередъ, поклонился аль-дерману, судьямъ, засѣдателямъ, присяжнымъ, писарямъ, атторнею, адвокатамъ, публикѣ и, наконецъ, даже констеб-лю, который привелъ его.

— О, почтенные лорды, сказалъ онъ съ притворною ис-кренностью: почтеннѣйшіе, глубоко уважаемые лорды! блянусь, что я скажу правду, одну правду.... чистѣйшую правду.... Высокопочтеннымъ судьямъ угодно было вчера приговорить меня къ ссылке за пустяжную дюжину фу-ляровъ, найденныхъ у меня въ карманѣ.... но я не жа-луюсь, высокоблагородные лорды!.... Въ Лондонѣ жить чертовски дорого и тамъ, заморемъ, я можетъ-быть найду средство честнымъ образомъ добывать насущный хлѣбъ... Вы изволите видѣть: я не имѣю никакой причины обманыв-ать судей, а потому скажу совершеннѣйшую правду.... о! я давно знаю этого злодѣя, Ферджуса О'Брина!

Ферджусъ хотѣлъ возражать—констебль заставилъ его молчать.

— Прекрасно! продолжалъ свидѣтель: велите молчать этому разбойнику!..... О! высоко и глубоко-уважаемые

судьи, возможно ли имѣть такую черную душу, чтобы рѣшиться посягнуть на жизнь наследника лорда!... О, я его хорошо знаю! Онъ жилъ въ Сенъ-Джилскомъ кварталѣ съ отцомъ, такимъ же разбойникомъ!...

— Негодяй! вскричалъ Ферджусъ громовымъ голосомъ.

— Не всяте ему шумѣть! продолжалъ свидѣтель: онъ жилъ въ Сенъ-Джилскомъ кварталѣ съ отцомъ, матерью и сестрою — нищюю; но лордъ Фицъ-Алланъ сдѣлалъ ее важною барынею..... она теперь носитъ шали и брилліанты. ...

Глухой стоиъ вырвался изъ груди Ферджуса.

— Не-разъ этотъ молодець, продолжалъ свидѣтель: старался подкупить меня, бѣднаго человека, обѣщая золотыя горы, если я отправлю на тотъ свѣтъ благороднаго наследника высокопочтеннаго лорда.

— Клянусь, вскричалъ Ферджусъ: что я въ жизнь свою не говорилъ съ этимъ извергомъ!

— Смирно! закричалъ констебль.

— Врѣтъ, врѣтъ, высокопочтенные лорды, сказалъ же-свидѣтель, стараясь придать безобразному лицу своему простодушное выраженіе: не вѣрьте, онъ всё вреть.... Онъ говорилъ оо мною; это такъ же вѣрно какъ то, что меня зовутъ Бобъ-Лантерномъ!... Давно уже замышлялъ онъ не доброе, я это знаю; клянусь честью, глубоко-уважаемые лорды!

Бобъ-Лантернъ воротился на свое мѣсто и мигнулъ адвокату Годфрею. Тотъ кивнулъ головою съ видомъ покровительства....

Судьи объявили Ферджуса виновнымъ; его приговорили къ ссылкѣ на всю жизнь.

Воротившись въ тюрьму, О'Бринъ впалъ въ сильную горячку, и лишился сознанія своего бѣдственнаго положенія.

Нѣсколько недѣль спустя, онъ привсталъ изъ себя. Онъ находился на контоиъ, пловучей тюрьмѣ, гдѣ содержались люди, назначавшіеся къ ссылкѣ въ Австралію.

Ферджусъ О'Бринъ лежалъ на узкой койкѣ, висѣвшей на ряду со многими другими, подобными ей. Мѣстами были разставлены часевые матросы, съ обмазанными тесаками въ рукавъ. Койка Ферджуса находилась возлѣ окна, во

онъ самъ лежалъ къ свѣту спиной, а потому въ первую минуту возвращенія разсудка, ни какъ не могъ объяснить себѣ гдѣ находится. Первое лицо, которое онъ увидалъ возлѣ себя, заставило его еще болѣе сомнѣваться въ дѣйствительности того, что представлялось его глазамъ. Лицо это принадлежало нищему, лже-свидѣтельству котораго рѣшило его участь....

— Боже мой! проговорилъ Ферджусъ съ отчаяніемъ и закрывъ лицо руками: неужели я совершенно лишился разсудка!....

— Э, нѣтъ! красавчикъ нашъ, отвѣчалъ Бобъ, голосъ котораго заставилъ вздрогнуть больного подъ грубыми, шерстяными одѣлами: у васъ только была маленькая горячка, да бредъ.... недѣль шесть, не болѣе.... вотъ и все.

Ферджусъ открылъ глаза и съ отвращеніемъ отвернулся отъ гнуснаго, улыбавагося лица Боба, который уже въ то время общалъ сдѣлаться большимъ философомъ. Онъ замѣтилъ выраженіе лица О'Брина, понялъ и — не разсердился.

— Понимаю, красавчикъ, понимаю, сказалъ онъ: лицо мое напоминаетъ вамъ непріятную сцену въ уголовномъ судѣ....

— Въ уголовномъ судѣ! повторилъ машинально Ферджусъ. Вдругъ онъ все вспомнилъ и вскричалъ съ бѣшенствомъ:— Это ты, злодѣй! О, теперь я все помню!...

Онъ хотѣлъ соскочить съ постели, но Бобъ прекладнокровно и безъ труда удержалъ его.

— Понимаю, красавчикъ, понимаю.... незачѣмъ сердиться.... докторъ предписалъ вамъ спокойствіе, совершенное спокойствіе.... я двѣ недѣли уже ухаживаю за вами и въ-точности слѣдую всѣмъ приказаніямъ молодаго мистера Муре, помощника понтопнаго хирурга....

— Развѣ мы на понтопѣ? вскричалъ Ферджусъ.

— На лучшемъ понтопѣ на всемъ рейдѣ.... его недавно вновь выкрасили, выстроили.... Чудо! такъ и блеститъ!.... Не не въ томъ дѣло; я хотѣлъ сказать вамъ, что за братскія пощечины я васъ заслуживаю прощенія въ вустой шухтѣ.... Ладно! ладно! не сердитесь... да и что же вы, въ са-

момъ дѣлѣ, прикажете дѣлать! Лондонская жизнь чертовски дорога! Сынъ лорда обѣщалъ мнѣ дать фунтъ стерлинговъ...

— И за фунтъ стерлинговъ ты предалъ меня!...

— Что дѣлать? Я старался достать больше, да управляющій лорда, Патерсонъ, такой скряга, что же приведи Господи!.. Притомъ же я не совсѣмъ лгалъ. Я очень хорошо звалъ отца вашего, мистера Христіана О'Брина.... nocturnal-ный былъ человекъ!.... и мистриссъ О'Бринъ.... добрая женщина! и сестрицу и васъ, мой красавчикъ..... Вы всѣ не разъ подавали мнѣ милостыню, когда я притворялся нѣмымъ..... хе, хе! я готовъ биться объ закладъ, что вы не забыли нѣмага? Надо вамъ сказать, мистеръ О'Бринъ, что это славное ремесло..... Бобъ съ минуту промолчалъ, потомъ продолжалъ плаксивнымъ голосомъ:—но въ Лондонѣ жить чертовски дорого, и надо же какъ-нибудь добывать насущный хлѣбъ.

Ферджусъ былъ еще очень слабъ. Минутный гнѣвъ на Лантерна еще болѣе утомилъ его. Онъ не слушалъ, и слова ницаго, какъ невнятный ропотъ, достигали до его слуху. Бобъ замѣтилъ это и взявъ О'Брина за руку, продолжалъ:

— Выслушайте меня, красавчикъ. Я охотно услуживаю ближнимъ, когда это мнѣ ничего не стѣбитъ..... впрочемъ, я съ вами ужъ разсчитался; вы удостовѣритесь въ томъ, когда станете искать своего кошелька..... Вотъ въ чемъ дѣло: вы теперь на понтонѣ «Кумберлендъ», въ двухъ миляхъ отъ берега, а черезъ нѣсколько дней васъ перевезутъ на «Бей-шипъ», корабль, на которомъ осужденныхъ къ ссылкѣ перевозятъ въ Новый Южный Валлисъ. Уйти оттуда, не будетъ ни какихъ средствъ..... но пока мы еще на рейдѣ, есть возможность..... Слушаете ли вы?

Ферджусъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою. Въ то же время слышались приближавшіеся шаги и голоса.

— Идутъ! продолжалъ Бобъ. Меня смѣнять, а потому я долженъ смѣнить сообщить вамъ слѣдующее: товарищамъ нашимъ хочется воротиться на родину; они боятся морской болѣзни..... Тутъ, за вашей койкой, они пробиваютъ отверстіе.... если вы откажетесь быть съ ними заодно, то вы имъ помѣшаете; а кто имъ мѣшаетъ, того....

Вобъ окончилъ фразу весьма выразительнымъ жестомъ. — Чтобы избѣгнуть этой непріятности, надо притвориться, будто вы изъ нашихъ..... Когда товарищи увидятъ, что вы пришли въ себя, то скажутъ вамъ..... замѣтите хорошенько..... *Ночной джентльменъ!*.... Понимаете ли?.... Это для того, чтобы узнать, добрый ли вы мальчъ..... Отвѣчайте жъ имъ не колеблясь: *Сынъ семьи* и спите спокойно, не беспокоясь о другомъ-прочемъ.

Лѣстница съ палубы закрывъла подъ ногами множества осужденныхъ, спускавшихся въ люкъ; сторожа, которые въ отсутствіи осужденныхъ, сошли и разговаривали, поспѣшно воротились на свои мѣста. Возлѣ койки Ферджуса остановился высокій паренъ, котораго длинные руки и ноги, костлявыя и тощія, выходили изъ слэшкомъ короткихъ рукавовъ и панталонъ. Долговязый сторожъ былъ одаренъ чрезвычайно простодушною и честною физиономіей.

Ночь наступила. Осужденные, послѣ общей молитвы, прочтенной пасторомъ, погасившимъ для этого случая трубку, бережно сложили куртки и улеглись по койкамъ. Нѣсколько минутъ спустя явился капитанъ, въ сопровожденіи дежурнаго лейтенанта и лекаря.

Лекарь былъ мистеръ Муре, молодой человекъ, подававшій большія надежды. Рундъ остановился у койки Ферджуса, и лекарь пощупалъ пульсъ больнаго.

— Онъ говорилъ? спросилъ онъ Бѣба.

— Говорилъ, ваша честь, отвѣчалъ нищій съ невнятнымъ видомъ: говорилъ объ разныхъ вещахъ..... объ хорошенькихъ дѣвушкахъ и печеномъ картофелѣ съ элемъ....

— Въ бреду..... проговорилъ капитанъ.

Муре сдѣлалъ знакъ долговязому матросу въ короткомъ платьѣ; тотъ, онустивъ руки по швамъ, немедленно приблизился.

— Слышалъ ли ты, что говорилъ этотъ человекъ? спросилъ его Муре.

— Этотъ человекъ, отвѣчалъ Педди О'Кренъ, бывшій въ то время въ полномъ цвѣтѣ юности: я не люблю подслушивать нечестивыхъ рѣчей этихъ бездѣльниковъ, сожалѣнія достойныхъ бѣдняковъ.

— Этотъ человѣкъ былъ въ поимомъ разумѣ, предлагалъ Муре. Сегодняшній кризисъ спасъ его.

— Тѣмъ лучше! сказалъ капитанъ. Одинокъ больше.

Впродолженіи этого разговора, дежурный офицеръ осматривалъ стѣны понтонъ между койками и подъ ними. Во все время осмотра, Муре не выходилъ изъ промежутка между постелью Ферджуса и его сосѣда, такъ что офицеръ изъ вѣжливости не къ лекарю или отъ того, что состояніе Ферджуса не позволяло предполагать нечестки къ бѣгству, оставилъ то мѣсто безъ вниманія.

Рундъ удался. Бобъ, сопровождаемый искренними пожеланіями матроса Педди, воротился къ своей койкѣ. Фельшеръ привезъ О'Брину лекарство, произведенное мистеромъ Муре. Когда онъ удался, настало глубокое молчаніе, продолжавшееся около получаса. Обширная спальня была освѣщена висящими лампами, бросавшими на всѣ предметы дрожащій полусвѣтъ.

Четыре сторожа прохаживались около назначенныхъ имъ мѣстъ.

Ферджусъ не спалъ; выпитое лекарство повергло его въ забытіе, во время котораго онъ, однако жъ, сохранилъ сознаніе всего того, что вокругъ него происходило. Минуть съ двадцать все было тихо; вдругъ онъ услышалъ легкій стукъ цѣпей на койкѣ сосѣда, здороваго и отчаяннаго преступника. Стукъ этотъ не видалъ ничего необыкновеннаго, тамъ, гдѣ болѣе пятидесяти осужденныхъ спали съ цѣпами на рукахъ и ногахъ; но онъ поразилъ слухъ не одного Ферджуса, потому что долговязый Педди вскричалъ съ неудовольствіемъ:

— Джекъ, ты самый безпокойный мошенникъ!.... А я знаю много вашей братьи. Послушай, Джекъ, отвратительная тварь! голубчикъ мой! Если ты не перестанешь, то я общаю тебѣ двадцать пять ударовъ ланькомъ..... ни болѣе, ни менѣе, Джекъ!

Педди произнесъ эти слова громкимъ голосомъ. Педди онъ говорилъ, звукъ цѣпей усиливался, такъ что можно было подумать, что громкій голосъ говорившаго служилъ только для прикрытія этого шума. При послѣднихъ словахъ онъ сдѣлалъ выразительное движеніе, служившее

только dlatego, чтобы легче бросить на койку Джека какую-то вещь, блеснувшую при слабомъ свѣтѣ лампы. Джекъ поспѣшно схватилъ эту вещь и спустился на полъ. Цѣпи его остались подъ одеяломъ. Ползкомъ добрался онъ до койки Ферджуса. Последній не трогался. Впродолженіи цѣлаго часа слышалъ онъ у самаго изголовья своего, глухой шумъ пламя, которое дѣйствовало со всевозможною осторожностью. Вдругъ на нелубъ раздался свистокъ индѣйшера. Джекъ живо воротился къ койкѣ и спрятался подъ одеяло. Блестящая вещь опять появилась и длинная рука долговазатаго сторожа поспѣшно схватила ее. Въ то же время четыре матроса стали спускаться въ мекъ. Они пришли смѣнять часовыхъ.

— Томми, добрый товарищъ мой! говорилъ Пеуди свѣдѣвшему его: рекомендую тебѣ этого отъявленнаго мошенника, Джека Оливера... Если онъ шевельнется, то напомни, что я обѣщала ему двадцать пять ливровъ... И за тѣмъ спокойной ночи, Томми, чтобъ тебѣ згннуть.

На слѣдующій день происходило то же самое. Ночью сторожъ, заппавшій тотъ же постъ, на которомъ находился наканунѣ Пеуди, былъ такъ же глухъ, и сосѣдъ Ферджуса опять могъ приняться за свое дѣло.

Это продолжалось нѣсколько недѣль. Ферджусъ скоро поправлялся. Впрочемъ за нимъ хорошо ухаживали, и Бобъ-Лантернъ, оторатительный и коварный медъ котораго могъ раздражать его, не показывался.

Каждую ночь, Джекъ и другой сосѣдъ Ферджуса, Рендель Грэмъ, поочередно шили стѣну повтона, у самаго изголовья О'Брина, который въ то время всегда притворялся спящимъ. Рендель Грэмъ былъ человекъ весьма замѣчательный, въ томъ отношеніи безземельныхъ или заморскихъ злодѣевъ. Ему было лѣтъ тридцать; лицо его имѣло тотъ особенный блѣдный цвѣтъ, которымъ отличаются лица рыжикъ. Голубые глаза его на выкатѣ, были защищены рѣдкими короткими рѣсницами. Черты лица были резко обрисованы: въ нихъ выражался умъ и въ-особенности, желѣзная воля. Рендель былъ Шотландецъ.

Въ одинъ вечеръ Пеуди О'Крэнъ стоялъ на часахъ,

Джекъ шнанилъ; но онъ работалъ не долго. Черезъ полчаса, не болѣе, онъ внезапно остановился.

— Педди! Рендель! Робертъ! вскричалъ Джекъ въ припадкѣ безумной радости: отверзтіе готово!

— Ладно! отвѣчалъ Рендель равнодушно: не мѣшай мнѣ спать.

— Джекъ, мошенникъ! вскричалъ Педди, съ-размаху ударивъ ливкомъ по одѣялу койки Оливера: развѣ ты не можешь спать, не болтая вадору и чепухи, какъ сотня вѣдьмъ-кумушекъ, чортъ ихъ побери!....

— Онъ что-то говорилъ объ отверзтіи.... сказалъ одинъ изъ сторожей.

Педди еще разъ ударилъ по койкѣ, на которой не было Джека.

— Бриджвель, гадина, добрый пріятель мой, ты правъ: онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ говорилъ объ отверзтіи.

— Можетъ-быть они пробили гдѣ-нибудь лазейку, чтобы бѣжать.... сказалъ опять сторожъ.

— Можетъ-быть, Бриджвель.... можетъ-быть! Чтобъ тебѣ подавиться!... Только, знаешь, смотри лучше за собой.... Если бъ ты не мѣшался въ чужія дѣла, то замѣтилъ бы, что Томмъ укралъ у тебя платокъ изъ кармана!

Джекъ воспользовался той минутой, когда Бриджвель сталъ искать платка, чтобы ловко свратиться нолъ одѣяло.

На слѣдующій день, самый опытный глазъ не замѣтилъ бы ни малѣйшаго звука волненія между приговоренными. Между-тѣмъ бѣгство было рѣшено и отложено до слѣдующей ночи. Бобъ-Лантернъ, не показывавшійся во всю недѣлю, въ этотъ день снова появился.

— О! красавчикъ, сказалъ онъ Ферджусу, какъ вы поправились! Нечего сказать, мистеръ Муре искусный лекарь... Потомъ, приблизившись къ молодому человѣку, онъ шепнулъ ему на-ухо: — Въ слѣдующую ночь.... если вы произнесете пароль, который я вамъ передалъ, то васъ не убьютъ; а не убьютъ, такъ уйдете съ понтона.

Уйти съ понтона! Вернуться въ Англію, увидѣться съ Мери, найти ненавистнаго врага!... Ферджусъ хотѣлъ разспросить Боба, но тотъ ускользнулъ какъ угорь. Тогда

Ферджусъ сѣлъ у борта и устремилъ взоръ въ ту сторону, гдѣ синеватая даль отдѣлялась отъ сѣраго неба Британіи. Въ послѣднія двѣ недѣли любовь и жажда мщенія опять овладѣли его сердцемъ. Онъ любилъ Мерп первую и послѣднюю любовью; но и ненависть его была сильна; нѣжныя мечты любви не поколебали ее—послѣднія несчастія и пристрастный приговоръ еще болѣе ожесточили его. Всѣ эти мысли дотога овладѣли имъ, что онъ не замѣчалъ что происходило вокругъ него. Онъ не замѣтилъ, что около него образовалась толпа ссыльныхъ, отдѣлавшая его отъ часовыхъ, разставленныхъ по трюму. Ближе другихъ стояли къ Ферджусу Рендель Грамъ и Джекъ Оливеръ; послѣдній пряталъ подъ рубашкой острый столовый ножъ.

— Этотъ красавчикъ не больно разговорчивъ, изъ-дали сказалъ Томмъ: Джекъ, попроси его, чтобы онъ позволилъ намъ услышать свой голосокъ.

Ферджусъ всталъ и вздрогнулъ, увидѣвъ что его окружали со всѣхъ сторонъ. Первымъ движеніемъ его было пробраться сквозь толпу, но Рендель сзади уже схватилъ его за руки. Ему пришли на память слова Боба. Джекъ сталъ передъ О'Бриномъ.

— Если ты тронешься съ мѣста, то погибъ! сказалъ Оливеръ, приставивъ къ груди молодаго человѣка острее ножа: если вздумаешь кричать, я убью тебя!... Посмотримъ, умѣешь ли ты, *ночной джентльменъ*, разговаривать добрымъ порядкомъ?

Ферджусъ колебался; онъ старался припомнить слова Лантерна, на которыя онъ въ то время не обратилъ особеннаго вниманія....

— Справляйся, Джекъ! онъ молчитъ, сказалъ Томмъ.

Оливеръ нахмурилъ брови, но въ то же мгновеніе Рендель шепнулъ Ферджусу нѣсколько словъ на-ухо.

— *Сынъ Семьи!* поспѣшно отвѣчалъ молодой человѣкъ. Оливеръ спряталъ ножъ.

— Вотъ тебѣ на! проворчалъ Томмъ: все кончилось очень простымъ образомъ, а я вѣдь думалъ....

— Чтѣ собрались въ кучу, тюремныя гады! изъ-дали закричалъ матросъ О'Кренъ: не миновать вамъ линьковъ!

Осужденные разбрелись. Рендель одинъ остался возлѣ

Ферджуса. Молодой человек хотѣлъ поблагодарить своего избавителя, но тотъ бросилъ на него взглядъ холоднаго равнодушія и повернувшись къ нему спиной, медленно удалился.

Когда наступила ночь, Ферджусъ замѣтилъ, что всѣ четыре дежурные сторожа были тѣ, которые, невидимому, были за-одно съ Джекомъ. Когда все утихло, то произошла странная сцена: четверо ссыльныхъ соскочили съ косякъ и подошли къ сторожамъ, которые сами вынули изъ кармановъ веревки и преспокойно позволили перевязать себѣ руки.

— Грошъ и молнія! ворчалъ долговязый матросъ Педди, когда ему связывали руки: чтобъ мнѣ лопнуть—надѣюсь, что это исполнится; но Семья обязана щедро заплатить намъ за эту проделку.... Стягивай вѣрвиче!... Убирайтесь же скорѣе, гнусныя твари, голубчики мои! Васъ ждетъ лодка.... Добрый путь! чертъ вамъ товарищъ!

Часовые стали валиться по полу, чтобы замарать куртки и заставить думать, что они отчаянно боролись съ бѣглецами....

Тридцать осужденныхъ сидѣли уже въ лодкѣ; не было слышно ни малѣйшаго шума.... на понтонѣ оставалось человекъ десять больныхъ, Рендель и Ферджусъ.

— Ну же, висѣльщики, торопитесь! сказалъ О'Крисъ: веревки вѣзаются мнѣ въ тѣло!

Ферджусъ просунулъ уже голову въ отверстіе. Рендель остановилъ его.

— Любовь и мщеніе заставляютъ васъ бѣжать, произнесъ онъ тихимъ голосомъ: я все знаю; и про вашу любовь и про замыслы.

— Почему вы знаете? спросилъ Ферджусъ съ крайнимъ изумленіемъ.

— Въ бреду горячки вы все рассказали — по счастью, мнѣ одному. Выслушайте меня. Мери Макъ-Ферланъ, та, которую вы любите, — сдѣлалась женою Годфрея Ленчестера....

Ферджусъ задрожалъ и прислонился къ койкѣ.

— Правду ли вы говорите? проговорилъ онъ.

— Правду.... я землякъ благороднаго Энджуса, и зна-

гдѣ съ ними очень коротко. Но довольно о вашей любви. Что же касается до ненависти и замысловъ, то для нихъ нужно много, много денегъ, а въ Лондонѣ, гдѣ вы должны будете скрываться, васъ ожидаютъ нищета!

— Торопитесь же, безтолковые мошенники! кричалъ Педадъ.

Ферджусъ сдѣлалъ опять движеніе къ отверзтію. Рендель опять остановилъ его.

— Но вы сами? спросилъ О'Бринъ.

— Я остаюсь. Мнѣ тоже нужно золото.... Я хочу сдѣлаться богатѣйшимъ человѣкомъ въ Лондонѣ....

— Гдѣ же вы надѣетесь разбогатѣть?

— Тамъ, куда ссылаютъ отчаяннѣйшихъ людей Трехъ Соединенныхъ Королевствъ.....

Ферджусъ опустилъ голову и задумался.

— Адъ и проклятіе! ворчалъ Педадъ, я въ жизнь свою не видывалъ такихъ безмозглыхъ негодаевъ... вонъ, громъ и молнія! вонъ, бѣсово отродье! убирайтесь скорѣе!

Ферджусъ обратился къ Ренделю и пристально взглянулъ на него.

— Много ли такихъ людей въ Ботани-Бей? спросилъ онъ.

— Много.

Ферджусъ бросилъ послѣдній взглядъ въ ту сторону, гдѣ видѣлись берега Англій и закрылъ отверзтіе, черезъ которое ушли ссыльные; потомъ онъ и Рендель воротились къ своимъ койкамъ.

— Олухи! проворчалъ О'Кренъ.

Ссылочный корабль «Фанъ-Дименъ» приближался къ островамъ Зеленаго Мыса. Между прочими ссыльными, на немъ находились Ферджусъ О'Бринъ и Рендель Грэмъ.

Педадъ О'Кренъ и три товарища его были строго наказаны за бѣгство преступниковъ; однако жъ должавшему штрафу досталось менѣе, потому что съ помощью обыкновеннаго своего энергическаго краснорѣчія, ему удалось

доказать, что мужествомъ и присутствіемъ духа онъ удержалъ Ферджуса, Ренделя и другихъ сѣильныхъ, которые, мимоходомъ сказать, не умѣли плавать.

О'Бринъ замѣтнымъ образомъ поправился. Онъ чувствовалъ, что силы его быстро возстановлялись и въ то же время болѣе и болѣе укрѣплялась воля его. Такъ какъ на морѣ за осужденными менѣе присматривали, то Ферджусу и Ренделю не трудно было вступить въ короткія сношенія. Несмотря на разстояніе, существовавшее между ими, — Ферджусъ сблизился съ Ренделемъ, замѣтивъ въ немъ врожденную гордость, природный умъ и необыкновенную твердость характера, для котораго не существовало препятствій.

Рендель, съ своей стороны, сначала изъ состраданія сблизился съ Ферджусомъ и спасъ его. Мы уже замѣтили, что въ первыя сношенія О'Бринъ покорялся Грѣму, но это продолжалось не долго. По необъяснимому вліянію красоты и ума на дикаго сына природы, Ферджусъ вполне овладѣлъ болѣе опытнымъ и сильнымъ своимъ товарищемъ. Послѣдній не только лишился прежняго первенства, но даже равенства, и мѣсяць спустя послѣ перваго знакомства, Рендель сдѣлался покорнымъ рабомъ, готовымъ на всякія пожертвованія для друга, который незамѣтнымъ образомъ сдѣлался его повелителемъ. Послѣ Мерри Макъ-Ферлэнъ, Рендель первый покорился тайному и непреодолимому вліянію Ферджуса на окружавшихъ его.....

Пять мѣсяцевъ продолжалось путешествіе. Наконецъ «Фанъ-Дименъ» бросилъ якорь въ гавани Сиднея. По окончаніи извѣстныхъ обрядовъ, раздался пушечные выстрѣлы и капитанъ отплылъ съ корабля къ берегу, откуда въ то же мгновеніе сотня лодокъ, испещренныхъ флагами, направилась къ «Фанъ-Димену»:

На лодкахъ были мужчины, женщины, дѣти. Смились, пѣли и радостными восклицаніями привѣтствовали прибывшихъ.

Прибытіе новыхъ сѣильныхъ всегда радуется поселенцевъ. Между вновь прибывшими они узнаютъ прежнихъ товарищей и разсуждаютъ о прошедшемъ. Но въ этотъ

разъ была еще другая причина радости поселенцевъ. Кроме ссыльныхъ, на «Фанъ-Диментъ» былъ еще цѣлый грузъ женщинъ, выписанныхъ богатѣйшими торговыми домами Сиднея и Параматты изъ Лондона.

Нѣсколько дней спустя ссыльные были высажены на берегъ. Тамъ ихъ выстроили въ рядъ и губернаторъ сдѣлалъ имъ смотръ.

Онъ поблагодарилъ капитана и офицеровъ, и произнесъ трогательную рѣчь къ новымъ подчиненнымъ своимъ. Потомъ явились промышленники, стали выбирать себѣ въ услуженіе ссыльныхъ, давая подписку, что будутъ имѣть строгій надзоръ за вѣрными имъ преступниками. Промышленники эти были, какъ само собою разумѣется, люди, зачисленные въ австральскіе граждане по истеченіи срока ссылки или въ награду за доброе поведеніе, или просто освобожденные вслѣдствіе вступленія въ бракъ въ колоніи.

Ферджусъ и Рендель, не найдя хозяевъ въ Сидней, были отправлены въ Параматту.

Ссыльные въ Новомъ Южномъ Валлисѣ ведутъ спокойную жизнь. Рендель и Ферджусъ, поступивъ къ одному хозяину, стали придумывать средства къ достиженію своей цѣли. По истеченіи полугода средства были придуманы, надо было приступить къ исполненію. Рендель женился.

Въ Параматтѣ, на фабрикѣ, гдѣ готовится шерсть для одежды ссыльныхъ, была работница, Маудленъ Вольфъ, жизнь которой была настоящій романъ. Предполагали, что она родомъ Француженка и въ списокѣ она была выставлена подъ именемъ Магдалины де-Лу. Она играла въ Лондонѣ роль львицы, гдѣ поселилась съ малолѣтства; по-видимому, никогда не была красавицей, но имѣла милую, граціозную талію, несмотря на слишкомъ маленькій ростъ. Сверхъ того она въ совершенствѣ обладала искусствомъ привлекать къ себѣ самыя холодныя сердца и раскрывать самыя туго завязанные кошельки. Она разорила нѣсколькихъ банкировъ, но наконецъ будучи обличена въ утайкѣ краденыхъ вещей, сослана въ Новый Южный Валлисъ.

Семья лишилась ревностнаго и искуснаго члена въ Маудленъ. Въ первое время пребыванія своего въ Сидней, она, привыкнувъ къ праздной жизни, употребила всѣ теплоты женской дипломатіи, чтобы избавиться отъ работы. Ей удалось это — какой-то разбогатѣвшій освобожденный сельскій принялъ ее подъ свое покровительство.

Проходили годы, а съ ними прошла молодость и свѣжесть Маудленъ, единственные качества, которыми она привлекала къ себѣ сердца мужчинъ. Покровитель покинулъ Маудленъ. Ее отослали въ Параматту, на фабрику. Тамъ надо было работать. Она рѣшилась убѣжать. Ее поймали и отправили еще далѣе, въ Джорджъ-Ридеръ, колонію, самую отдаленную отъ Сиднея. Маудленъ старалась возмутить товарищей своихъ; ей надѣли на шею желѣзное кольцо и спустили ее въ коль-риверскія рудокопни.

Когда Маудленъ вышла оттуда, никто не узналъ ее: лицо ея покрылось множествомъ морщинъ; спина сгорбилась; она состарѣлась. Однако жъ сердце ея было еще молодо и живой, безпокойный, дѣятельный умъ сохранилъ всю свою живость. Она стала работать, чтобы опять не попасть въ рудникъ, но въ то же время, наученная опытомъ, дѣйствовала тайно и неумышленно противъ тѣхъ, которыхъ она называла своими преслѣдователями.

Когда Ферджусъ и Рендель прибыли въ Сидней, Маудленъ Вольфъ была тамъ лицомъ не маловажнымъ. Она входилась въ тайныхъ сношеніяхъ со всѣми недовольными и въ-особенности съ членами Семьи. Всѣмъ было извѣстно, что Маудленъ знала убійцу методиста Смита, который выстрѣлилъ въ губернатора; увѣрили, что она перѣѣла отправлялась за Синія Горы къ Ватеронилду, который былъ дикихъ быковъ и разоралъ всѣхъ мясниковъ колоніи тѣмъ, что продавалъ говядину по такой низкой цѣнѣ, что никто не хотѣлъ заниматься этимъ ремесломъ.

На этой-то Маудленъ Вольфъ женился Рендель Грэй, во-первыхъ для того, чтобъ быть свободнымъ, а во-вторыхъ, чтобы вступить въ сношенія съ Смитомъ, Ватеронилдомъ и другими отчаянными бандитами, соединеніе которыхъ было ему необходимо, для приведенія въ исполненіе своего намѣренія.

На Индѣйскомъ Морѣ появился таинственный корабль, ловко и съ быстротою стрѣлы ускользавшій отъ преслѣдованій крейсеровъ. Корабль этотъ являлся подъ водами флагами. На кормѣ подъ стертымъ гербомъ была надпись: «Лукавый».

Сначала никто не зналъ, что думать о таинственномъ кораблѣ. Французы принимали его за англійскаго крейсера, Англичане за французскаго. Наконецъ всѣ догадались, что онъ принадлежалъ морскимъ разбойникамъ. Читатели увидать, что подозрѣнiе это было очень основательно, потому что «Лукавый», былъ англійскій корветтъ «Церера», захваченный Ферджусомъ въ сиднейскомъ портѣ.

Полтора года прошлю съ-тѣхъ-поръ, какъ Ферджусъ О'Бринъ побѣдителемъ удался отсюда. Съ-тѣхъ-поръ онъ велъ жизнь дѣятельную, полную различныхъ приключеній. Въ самое короткое время онъ овладѣлъ умами всѣхъ подчиненныхъ своихъ.

Изучивъ достаточнымъ образомъ Азію, Ферджусъ отправился къ берегамъ Америки. По пути онъ присталъ къ острову Святой Елены.....

Всѣмъ извѣстно, съ какою суровою строгостью великобританскіе агенты охраняли пустынную скалу, сдѣлавшуюся могилой величайшаго изъ полководцевъ міра. Въ первые годы Французы почти не допускались къ знаменитому мѣстности. Ферджусъ выдалъ себя за капитана англо-азійской компаніи, и потому получилъ позволеніе вступить на скалу.....

Гребцы Ферджуса ждали его у каменнаго вала. Раюо утрожъ О'Бринъ отправился въ Лонгвудъ; солнце уже садилось, когда онъ воротился. Лицо его сіяло восторгомъ.....

Онъ провелъ четыре часа съ геросомъ, побѣжденнымъ при Ватерлоо; онъ видѣлъ гиганта покореннаго судьбою... Впродолженіи четырехъ часовъ выслушалъ Ферджусъ краснорѣчиво — закончественныя слова его.....

На всѣ вопросы товарищей Ферджусъ отвѣчалъ:

— Я видѣлъ его!....

—
Въ туманное полбръское утро, красивый торговый братъ

приближался къ берегамъ Шотландіи. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега онъ бросилъ якорь.

Матросы стали на палубѣ въ рядъ при приближеніи двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ Ферджусъ О'Бринъ, другой Рендель Грэмъ. Они сошли въ спущенную лодку, которая тотчасъ же направилась къ берегу и пристала въ полумиліи отъ Думфриса. Ферджусъ и Рендель вышли изъ лодки.

— До свиданія! сказалъ О'Бринъ матросамъ: мы еще увидимся.

Педаи, находившійся въ числѣ гребцовъ, разинулъ ротъ, но ни одна изъ поговорокъ, которыя были у него въ запасъ для важныхъ случаевъ, не казалась ему довольно сильною, для выраженія его печали; а потому онъ только приподнялъ шляпу, проговоривъ:

— Капитанъ.... да сохранить васъ Господь!...

Ферджусъ кивнулъ ему головой. Педаи надѣлъ шляпу, испустилъ глухое рычаніе. Лодка отчалпла.

Путники отправились между кустарниками по извилистой тропинкѣ къ холму, находившемуся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ пристала лодка. Они были одѣты просто. Около часу шли они въ молчаніи. Вѣтерокъ разогналъ туманъ; небо было ясно. Взобравшись на холмъ, путники остановились.

Вдали, по направленію къ Ирландіи, видѣлись паруса брига, освѣщенные солнцемъ....

Ферджусъ провелъ рукою по глазамъ. Грусть выразилась на его лицѣ.

— Еще нѣсколько минутъ и онъ исчезнетъ у насъ изъ виду, сказалъ онъ: первое дѣйствіе нашей драмы кончилось.... Каково будетъ второе?... Вотъ уже четыре года я неуспѣшно стремлюсь къ своей цѣли....

— Но въ послѣдніе два года, вы, Ферджусъ, разбогатѣли какъ набобъ, возразилъ Грэмъ: я, на вашемъ мѣстѣ, отправился бы въ Лондонъ.... ослѣпилъ и подавилъ бы роскошью своею, ненавистнаго врага Годфреда Ленчестера....

— Я забылъ объ немъ, спокойно сказалъ Ферджусъ.

— Такъ и есть.... вы странный человѣкъ, О'Бринъ,

возразилъ Рендель. Я не знаю вашихъ тайтъ, и не мажусь на то. Случайно, четыре года тому назадъ, я узналъ дѣль, къ тоторой вы стремились....

— Она могла измѣниться, прервалъ его Ферджусъ.

— Тѣмъ лучше!...

— Можетъ быть, разсѣянно отвѣчалъ Ферджусъ, обративъ въ сторону Англии пламенный взоръ.

Рендель смотрѣлъ на него съ любопытнымъ, почтительнымъ вниманіемъ.

— Не будемъ мѣшкать, сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія: намъ остается до Крюскаго Монастыря миль осемь.

Ферджусъ вздрогнувъ, обратился спиной къ морю и послѣдовалъ за товарищемъ.

Мѣстоположеніе мало-по-малу принимало живописный, полу-дикій видъ. Солнце быстро клонилось къ западу; косвенное направленіе лучей его растягивало тѣни и придавало природѣ болѣе и болѣе мрачный видъ. Рендель съ увѣренностью шелъ впередъ, ни разу не сбившись съ дороги между множествомъ пересѣкавшихся тропинокъ. Ферджусъ, углубленный въ размышленія, слѣдовалъ за нимъ.

— Возможно ли, внезапно спросилъ послѣдній: чтобы это подземелье не было кому-нибудь извѣстно?

— Я могу сказать утвердительно, отвѣчалъ Рендель, что въ мое время оно было совершенно неизвѣстно, и если бѣ вмѣсто-того, чтобы бѣжать въ горы, я остался тамъ, то гласгоскіе судьи не отправили бы меня на понтоны.... Подземелье имѣетъ два входа, скрытые отъ всѣхъ взоровъ. Первый находится въ парадной залѣ Крюскаго Замка, великолѣпнаго разваливающагося зданія, которое вы можете приобрѣсть за безцѣнокъ.... Второй входъ открывается или лучше сказать, закрывается въ домѣ моего отца и скрытъ частию подвижной стѣны, которая повертывается на массивной желѣзной осн. Смотри на эту стѣну, обросшую мохомъ, всѣ констебли Трехъ Соединенныхъ Королевствъ присягнутъ, что тамъ нѣтъ, не было, и не можетъ быть прохода.... Эдмбургскіе антикваріи

отнести постресніе зѣмка во времени Аларда Великаго.

— Обширно ли это подземелье?

— Отецъ мой заблуждался болѣе десяти разъ въ лабиринтъ его, отыскивая скрытыя въ немъ сокровища.

— Не открылъ ли отецъ твой кому-нибудь тайны существованія подземелья?

— Я сказалъ вамъ, что мой отецъ искалъ въ немъ кладъ.

Наступила ночь. Путники миновали Аннанъ и оставивъ тропинку, вышли на большую гласгосскую дорогу. Это была та самая дорога, гдѣ разыгралась морвая сцена плачевной драмы, развязкой которой была смерть несчастной Геріетты.

Рендель остановился въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ коляска Персевала ударилась о переброшенное черезъ дорогу дерево.

— Здѣсь, сказалъ онъ. Домъ моего отца тутъ, за лѣсомъ.

Двѣ минуты спустя они увидѣли огонь въ окнахъ дома Ренделя. Послышался громкій лай.

— О-го! проговорилъ Шотланецъ: вѣрно, нашъ старикъ Билль умеръ: это не его лай.

Голосъ Ренделя дрожалъ, когда онъ произносилъ эти слова. Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому и остановился, потомъ однимъ скачкомъ очутился у двери и взялся за ручку.

— Дверь заперта, сказалъ онъ. Отецъ мой никогда не запирается....

Онъ постучался. Отворилось окно.

— Старый Рендель Грешъ?... спросилъ шотланецъ голосомъ, дрожавшимъ отъ сильнаго внутренняго волненія.

— Два года тому назадъ умеръ, — получилъ онъ въ отвѣтъ.

Окно было затворено. Рендель опустилъ голову.

— Я хотѣлъ обогатить старика, проговорилъ онъ: — но его уже нѣтъ, и чужіе живутъ въ нашемъ домѣ.... Ферджусъ! теперь я одинъ, совершенно одинъ!

Ферджусъ нежалъ ему руку и старался утѣшить его.

— Да, да, мистеръ О'Бринъ, отвѣчалъ Рендель. Мы смертны.... но всё-таки жаль.... Ахъ!... и домъ нашъ принадлежитъ Макъ-Набу....

— Макъ-Набу? съ живостью спросилъ Ферджусъ.

— Я узналъ его по голосу.... онъ, говорятъ, честный человѣкъ.... однако жъ онъ затворилъ окно, не предложивъ пристанища путникамъ....

— Куда же мы теперь пойдёмъ?

— Куда?.... Мы остаемся здѣсь.... Я долженъ провести хоть одну ночь въ дому моего отца, въ той комнатѣ, гдѣ онъ умеръ..... Онъ умеръ! повторилъ Рендель, стараясь удерживать слезы: — Да, да, вы слышали, что сказалъ Макъ-Набу? Онъ умеръ два года тому назадъ... Впрочемъ, пойдите, Ферджусъ! Я провожу васъ до людской фермы, тамъ вы увидите Макъ-Ферлена; а я возвращусь сюда... Тутъ умеръ мой отецъ... намъ не нужно будетъ просить гостеприимства у Макъ-Наба!

Онъ обошелъ домъ и скорыми шагами пошелъ черезъ дѣсную чащу, гдѣ тамъ и слѣмъ валялись обломки стариннаго зданія. Ферджусъ слѣдовалъ за нимъ. Минуть черезъ десять они пошли вдоль ограды парка, посреди котораго возвышалось огромное зданіе; то былъ Крюскій Замокъ. Потомъ они спустились съ холма и подошли къ людской фермѣ. Рендель показалъ ее своему товарищу, а самъ побѣжалъ назадъ.

Дверь фермы была не затворена. Ферджусъ вошелъ въ нее.

Въ общей залѣ, у накрытаго стола сидѣли за ужиномъ молодая женщина и двѣ прелестныя дѣвочки. Подъ навѣсомъ камня сидѣлъ мужчина, съ опущенною на руки головою. Появленіе Ферджуса заставило этого человѣка поднять голову и открыть блѣдное лицо съ угасшими и блуждающими глазами.

Ферджусъ подошелъ къ молодой женщинѣ и спросилъ Энджуса Макъ-Ферлена. Мужчина всталъ. Ферджусъ всмотрѣлся въ черты его, но онъ казался ему незнакомымъ....

— Я ищу Энджуса Макъ-Ферлена, сказалъ О'Бринъ.

— Это мужъ мой, отвѣчала молодая женщина, указавъ на мужчину, стоявшаго у камня.

— Нѣтъ ли въ этой странѣ другаго Макъ-Ферлана? спросилъ Ферджусъ.

— Одинъ только и есть, и тотъ лишній, мрачнымъ голосомъ отвѣчалъ мужчина. Тѣ, которые встрѣчались съ Энджусомъ въ болѣе счастливыя времена его жизни, теперь не узнають его.... Не удивительно! онъ испыталъ столько горя!.... Макъ-Ферланъ помнить еще лица друзей своихъ, хотя и забылъ имена ихъ..... Какъ васъ зовутъ?

— Возможно ли! съ изумленіемъ вскричалъ Ферджусъ: неужели вы Энджусъ Макъ-Ферланъ?.... Точно, теперь я узнаю.... но какъ вы измѣнились!....

— Какъ васъ зовутъ? повторилъ фермеръ.

Ферджусъ сказалъ свое имя. Въ угасшемъ взорѣ Энджуса блеснула радость.

— О'Бринъ! Какъ я вамъ радъ! сказалъ онъ протянувъ къ нему руку: жена, обними моего и твоего брата.... дѣти, радуйтесь посѣщенію друга вашего отца!.... Будемъ веселиться!

Мистриссъ Макъ-Ферланъ подвела дѣвочекъ къ Ферджусу.

— Клара, Анна, произнесла она вѣжливымъ, пріятнымъ голосомъ: поцѣлуйте друга вашего отца.

Клара, покраснѣвъ подставила щечку; Анна улыбнулась и убѣжала.

— Будемъ веселиться! повторялъ фермеръ: жена! есть ли у насъ еще французское вино?.... Принеси французскаго вина!..... Пошли Дункана за Макъ-Набомъ.... надо веселиться.

Выраженіе голоса Энджуса было въ такой рѣзкой противоположности съ его словами, что слезы выступили на глазахъ жены его.

— Я принесу вина и пошлю за Макъ-Набомъ, сказала она.

Ферджусъ остановилъ ее.

— Энджусъ, сказалъ онъ: вы забыли, что Макъ-Набъ не любитъ меня.

— Правда.... но за что?

— Онъ покровительствовалъ Годфрею Ленчестеру.

— Вейтъ-Манору! вскричалъ фермеръ и какъ-бы пораженный въ грудь, упалъ на стулъ. Зачѣмъ вы напоминаете мнѣ о Вейтъ-Манорѣ?.... Уйди, жена! уведи дѣтей!... А! Ферджусъ О'Бринъ, какъ я радъ, что вижу васъ. Мы поговоримъ о Вейтъ-Манорѣ.

Мистриссъ Макъ-Ферлэнъ принесла вина и ушла съ дѣтми. Ферджусъ подошелъ къ камину и сѣлъ возлѣ Энджуса.

Макъ-Ферлэнъ, въ послѣдніе четыре года, состарѣлся пятнадцатью годами. Лобъ его покрылся морщинами. Открытое и веселое лицо его приняло мрачное выраженіе, волосы посѣдѣли. Ферджусъ смотрѣлъ на него съ грустью и состраданіемъ.

— Я думалъ, что найду васъ счастливымъ, сказалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Теперь я счастливъ, потому что вижу васъ, Ферджусъ, отвѣчалъ фермеръ нѣсколько успокоившись: я проливалъ слезы ярости, четыре года тому назадъ, когда узналъ о вашемъ несчастіи.... Ферджуса, моего Ферджуса обвинили!.... Макъ-Набъ въ этомъ много виноватъ..... Обвини меня, братъ, и скажи что по-прежнему любишь меня.

— О, какъ ты молодъ и хорошъ собою, Ферджусъ!.... Мери очень любила тебя.

— Я не смѣлъ говорить объ ней, произнесъ О'Бринъ тихимъ голосомъ.

— Вина! закричалъ фермеръ: гдѣ французское вино?... Гдѣ стаканъ? Ферджусъ!.... пей!

Онъ налилъ вина и разомъ опорожнилъ свой стаканъ.

— Задать что, Ферджусъ, продолжалъ Макъ-Ферлэнъ, Я ищу Вейтъ-Манора.... Я не знаю, гдѣ онъ теперь скрывается.... но я найду его....

О'Бринъ молчалъ.

— Вина! продолжалъ Энджусъ: будемъ веселиться.... будемъ пить за здоровье сестры!..

— Ради Бога, Макъ-Ферлэнъ, расскажи мнѣ.... неужели случилось несчастіе?

— Десять несчастій, О'Бринъ!.... Мы потеряли процессъ... у насъ отняли послѣднее имущество.... отецъ мой умеръ... сестра.... несчастная Мери!

— Види она графиня Вейтъ-Маноръ?

— Да... она была графиня Вейтъ-Маноръ....

— Неужели она умерла? вскричалъ Ферджусъ.

— У нее есть дочь—она не можетъ умереть.

— Но, ради Бога, что же случилось?

— Пей, Ферджусъ! сказалъ Макъ-Ферланъ съ судорожнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ: Макъ-Набъ не виноватъ..... Онъ не ожидалъ такихъ послѣдствій. Онъ думалъ составить счастье бѣдной Мери..... да, да, онъ хотѣлъ, чтобы она была богата и счастлива.... Пей, О'Бринъ надо же праздновать твое возвращеніе!.... Теперь она богата и несчастлива.... Бѣдная Мери!.... Вотъ уже семь мѣсяцевъ какъ она мнѣ писала..... Я дамъ тебѣ, Ферджусъ, прочесть послѣднее письмо ея.... Я никого такъ не любилъ какъ добрую мою Мери и потому хотѣлъ, чтобы она была твоею женою.... О! день вашей свадьбы былъ бы для насъ счастливейшимъ днемъ!

Энджусъ подошелъ къ бюро, вынулъ оттуда измятое письмо, вскрылъ его дрожащею рукою, сказалъ:

— Вотъ письмо ея.... послѣднее письмо Мери.... Я послѣ этого письма былъ въ Лондонѣ и уже не нашелъ тамъ сестры.

Ферджусъ взялъ письмо. Во многихъ мѣстахъ слова были вполонину истерты слѣдами слезъ.... Чьи были эти слезы? Энджуса или графини Вейтъ-Маноръ?

Вотъ содержаніе письма:

• Любезный братъ,

«Когда я изъ послѣдняго твоего письма узнала, что ты наѣзжалъ къ намъ въ Лондонъ, чтобы утѣшить и защитить меня, сердце мое наполнилось признательностью и радостью. О, Энджусъ! ты одинъ любишь меня. Я надѣялась, что опять узнаю счастье, живя съ тобою въ домѣ, полнымъ воспоминаніями о добромъ нашемъ отцѣ.... но, увы! всѣ мои надежды рушились.

«Въ тотъ самый вечеръ, когда я получила твое письмо, я ушла изъ дому, въ которомъ жила. Я ушла ддя того, чтобы ты не нашелъ меня... О, Энджусъ! прости! но ты знаешь, какъ я люблю тебя и пой-

наде, что одна прелесть могла заставить меня скрываться отъ тебѣ. Я должна это сдѣлать изъ любви къ дочери.

«Милордъ грозитъ мнѣ страшными мщеніемъ!... Ты знаешь, Энджусъ, что послѣ ужасной смитхальдской сцены, онъ разлучилъ меня съ дочерью. Но это еще не все. Дитя мое въ рукахъ жестокаго человѣка, который внушаетъ ей, быть-можетъ, преступными, мысли...»

— Бѣдная Мери! произнесъ Ферджусъ вслухъ.

Энджусъ не отвѣчалъ. Глаза его были неподвижно устремлены на полъ.

«.....Человѣкъ, которому отдана моя дочь, смѣется надъ моими слезами и беретъ съ меня деньги за то, чтобы ласковѣе обходиться съ несчастнымъ ребенкомъ.... Я все-еще пользуюсь благодѣніями великодушнаго незнакомца, который сжался надо мною на смитхальдскомъ рынкѣ. Я остался въ Лондонѣ, чтобы не удалиться отъ дочери..... Являй беретъ съ меня деньги, но не позволяетъ пощлѣвать дочери, даже во время сна ея. Я должна скрываться, потому что увиѣраю, что ты захотѣлъ бы отмстить за меня.

«Кромѣ-того, у меня есть надежда, сладкая надежда, добрый братъ мой!... За дочь мою присматриваетъ нѣмой и бѣдная женщина, у которой не злое сердце.... Можетъ-быть, мнѣ удастся подкупить или упротить ее.... Она позволитъ мнѣ войти въ комнату Сузанны, пощлѣвать, обнять ее.... О! какое блаженство, Энджусъ, я увижу улыбку моего дитяти!... Не правда ли, Энджусъ, эта надежда оправдываетъ мое бѣгство!... Бѣдъ я могу еще быть счастлива!...»

Ферджусъ сложилъ письмо. На лицѣ его выразилось грустное состраданіе и глубокое негодованіе. Онъ посмотрѣлъ на Энджуса..., двѣ слезы катились по блѣднымъ, впадымъ щекамъ его.

— Надо спасти ее, сказалъ Ферджусъ.

Макъ-Ферленъ покачалъ головой. Слезы его высохли на щекахъ и добъ покрылся морщинами.

— Надо отмстить! отвѣчалъ онъ: потомъ продолжалъ, возвысивъ голосъ: я знаю, кто угрожаетъ ей... Это Вейтъ-Маноръ!... Пей, О'Бринъ! Пей, другъ! Ты еще не все знаешь.

— Точно, сказалъ Ферджусъ, нѣкоторыя мѣста письма для меня не ясны.... Мери два раза упоминаетъ о смитхальдскомъ рынкѣ.

Лицо Энджуса покрылось смертною блѣдностью.

— Назей собѣ самъ нѣма, преговорилъ онъ принужденно улыбаясь: у меня рука дрожить. Назей и шѣ, ужасно горло горитъ..... А! ты хочешь знать, что произошло на ситонльдскомъ рынкѣ?... Слушай же. Этому три года тому назадъ..... журналы рассказывали о бѣгствѣ нѣкоторыхъ ссыльныхъ изъ Ботани-Бей..... Твое имя находилось въ спискѣ бѣглецовъ. Нѣсколько времени спустя сестра моя сдѣлалась беременною. Журналы опять стали рассказывать, что бѣглецы давно уже находятся въ Лондонѣ. Опять твое имя было упомянуто. Разнесся слухъ, неизвѣстно кѣмъ распушенный, о твоихъ прежнихъ сношеніяхъ къ Мерн.... Говорили, будто бы ты опять увидѣлся съ нею. Замѣть, сестра моя была беременна. Вейтъ-Маноръ съ жадностью собиралъ всѣ эти клеветы..... Онъ, вѣроятно, раскаявался, что женился на бѣдной дѣвушкѣ..... Мерн родила дочь. Вейтъ-Маноръ велѣлъ принести къ себѣ ребенка и долго разсматривалъ его. Потомъ онъ сталъ скорыми шагами прохаживаться по комнатѣ, произнося угрозы. Онъ находилъ, что ребенокъ былъ похожъ на тебя.

— На меня! съ изумленіемъ вскричалъ Ферджусъ.

— На тебя. Ты забываешь, Ферджусъ, какъ Мерн любила тебя!.... Годфрей возмнилъ страшныя подозрѣнія и во все время болѣзни жены, ни разу не навѣстилъ ее. Онъ не захотѣлъ болѣе видѣть ребенка и запретилъ показывать его матери. Двѣ недѣли спустя Мерн поправилась. Бѣдная сестра! Сколько разъ со слезами на глазахъ просила она, чтобы ей показали ребенка, но видя, что ея просьбы не исполняются, она подумала, что ребенокъ умеръ.... Наконецъ Годфрей Ленчестеръ пришелъ къ жемъ. За нимъ слѣдовалъ негодный, управитель его, съ колыбелю. Мерн такъ обрадовалась, что чуть не лишилась чувствъ. Она смѣялась, плакала, цѣловала руки Годфрея; потомъ бросилась къ колыбели и хотѣла поднять покрывало, чтобы покрыть поцѣлуями слабое существо, на которомъ впредь должна была сосредоточиваться вся любовь, вся жизнь ея. Годфрей грубо остановилъ ее. Патерсонъ поставилъ колыбель на столъ, посреди комнаты.

«— Миледи, сказалъ Вейтъ-Маноръ: это ваше, но не мое дитя.

Мери взглянула на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ.

«— Дитя это—продолжалъ Годфрей съ яростью: смотрите, смотрите! и осмѣльтесь сказать, что оно не походить на него!

«— На кого? спросила моя бѣдная сестра.

«— На человѣка, котораго вы любили, миледи: на Ферджуса О'Брина!

«— На Ферджуса! вскричала Мери съ невольною радостію.

«Это погубило ее. Годфрей, замѣтивъ невольное движеніе Мери, которое онъ счелъ признаніемъ, поблѣднѣлъ отъ ярости.

«— Милордъ! о, милордъ! вскричала Мери съ ужасомъ ухвативъ за колѣни: пощадите ваше дитя.

«Годфрей остановился и злобно улыбулся.

«— Мое дитя! произнесъ онъ съ горечью: — мнѣ кажется, что я сдѣлался бы рабомъ вашимъ, миледи, если бъ судьба даровала мнѣ ребенка!...

«Остра моя стала клясться въ своей невинности, но милордъ прервалъ ее грубою насмѣшкой.

«— Посмотрите хорошенько на ребенка, котораго вы называете моимъ, сказалъ онъ: посмотрите: миледи, потому что вы его видите въ послѣдній разъ.

Мери съ отчаяніемъ ломала руки. Невинное, ангельское личико ребенка улыбалось ей.... она плакала, умоляла, обнимала ноги Вейтъ-Манора. Онъ былъ непоколебимъ, и съ варварскимъ удовольствіемъ старался продлить горестную сцену. Наконецъ онъ сдѣлалъ знакъ управителю, и тотъ удался съ ребенкомъ.

Мери почти безъ чувствъ лежала на кровати. Вейтъ-Маноръ грубо приказалъ ей встать. Она встала. Онъ приказалъ ей идти за нимъ. Она пошла.

На крыльцѣ замка стояли слуги и арендаторы лорда. Въ некоторомъ разстояніи была запряженная коляска. Управитель подошелъ къ Годфрею и подалъ ему веревку....»

Энджусъ замолчалъ.

— Разказывай другъ, чѣмъ онъ сдѣлалъ?

— Чтѣ онъ сдѣлалъ?... О! зачѣмъ меня тамъ не было! вскричалъ Макъ-Ферлонъ и глухой стонъ вырвался изъ груди его. — Меря стояла передъ Вейтомъ, блѣдная, трепещущая, беззащитная..... онъ опустилъ обѣ руки на плечи ея и заставилъ ея преклонить колѣни на крыльцѣ.... Потомъ..... потомъ онъ накиннулъ ей петлю на шею и спросилъ громкимъ голосомъ:

«— Кто изъ васъ хочетъ купить эту женщину?....»

Энджусъ произнесъ послѣднія слова съ горестью и гнѣвомъ. О'Бринъ невольно всталъ. На лицѣ его отражались ощущенія фермера.

— О! произнесъ Фердусъ: я уже пересталъ догадываться этого человѣка; гнѣвъ къ нему исчезъ, подавленный другимъ, болѣе сильнымъ негодованіемъ..... Но теперь!.... теперь я клянусь мстить ему!

— Благодарю, другъ, сказалъ Энджусъ, пожатъ руку О'Брина. Потомъ онъ продолжалъ:

Нѣтъ сомнѣнія, что Вейтъ-Маноръ самъ былъ убѣжденъ въ невинности Меря, но сходство робака елсъ тобою было доказательствомъ того, что она не забыла тебя. Чтобы наказать жену свою, онъ воспользовался низкими и варварскимъ обычаемъ, существующимъ и могущимъ существовать только въ одной Англіи..... Годорей Вейтъ-Маноръ, рѣшился продать жену свою!.... Обвиняя ее въ вѣроломствѣ, онъ приобрѣлъ на то право.

— Кто изъ васъ хочетъ купить эту женщину? повторилъ онъ. Никто не отвѣчалъ. Меря стояла на колѣняхъ съ сложенными на груди руками. Она не плакала. Она не могла плакать.

— Прочь съ дороги! вскричалъ Вейтъ-Маноръ съ гнѣвомъ. Я продамъ ее на рынокѣ.

Онъ дернулъ веревку. Меря всгала. Слуги мрачные и молчаливые, отступили. Годорей, ведя на веревкѣ сестру мою, прошелъ черезъ дворъ и сѣлъ въ коляску.

Два дня спустя, Годорей вышелъ на улицу и отвелъ несчастную сестру мою на смитонльдскій рынокъ.... Народъ толпился около него. И въ самомъ дѣлѣ, любопыт-

ное было зрѣлище!... Годорей вышавъ на средину рынка и закричалъ:

— Эта женщина продается!... за три шиллинга!

Торговцы сжалились, потому что Мери была прелестна и ручьи слезъ текли по блѣднымъ щекамъ ея..... Вдругъ въ толгѣ послышался звонкій, чистый голосъ:

— Пропустите меня! Я куплю за три шиллинга эту женщину!

То былъ молодой человекъ, въ грубой одеждѣ продавца скота. При видѣ его Годорей смутился и хотѣлъ бѣжать, но незнакомецъ остановилъ его..... Въ Лондонѣ я узналъ имя этого человека—это былъ молодой Брианъ Ленчестеръ, младшій братъ Годорея.

Онъ вырвалъ веревку изъ рукъ Годорея. Мери лишилась чувствъ. Брианъ поддержалъ ее одною рукою, другую опустилъ въ карманъ и вынувъ оттуда горсть мѣдныхъ монетъ, бросилъ ихъ въ лицо Годорею, вскричавъ:

— Вотъ ваши деньги, Вейтъ-Маноръ!

Громкія восклицанія одобрили поступокъ благороднаго молодаго человека.

Годорей стоялъ какъ громомъ пораженный. Тяжелыя мѣдныя деньги оставили на лицѣ его синія пятна, потому что спаситель Мери метнулъ ихъ ловко.

— Чудесно! вскричалъ Ферджусъ съ чувствомъ. Клянусь отплатить Бриану Ленчестеру за этотъ благородный поступокъ.... Но что случилось съ Мери?

— Народъ разступился, продолжалъ Энджусъ, чтобы пропустить мнимаго скотника и несчастную жертву. Потомъ толпа опять сомкнулась вокругъ Вейтъ-Манора, на лицѣ котораго выражалась бессильная ярость. Насмѣшки сыпались на него со всѣхъ сторонъ; негодованіе народа усиливалось и вскорѣ обратилось въ оскорбленія. Полисмены подоспѣли въ-время.

— Но Мери, Мери? вскричалъ Ферджусъ.

— Мнимый скотникъ посадилъ ее въ карету и отвезъ къ доброй старушкѣ, которой поручилъ заботиться объ ней. Брианъ Ленчестеръ не богатъ, несмотря на то, онъ

часто помогать Бѣдной моей сестрѣ. Да вознагради его за то Богъ! Изъ письма Мери ты уже знаешь остальное.

Сцена, которая теперь слѣдуетъ, прилагается къ англійскимъ правамъ и понятна только въ такомъ обществѣ, гдѣ права старшаго брата преувеличены политическими законами къ обидѣ младшаго.

Читатели знаютъ, что повски Бриана Ленчестера въ домѣ подъ номеромъ 9, въ Винпольской Улицѣ, были тщетны.

Полчаса спустя послѣ этого обьиска, къ огромному дому графа Вейтъ-Манора подѣзжала наемная коляска. Она остановилась и Брианъ вступилъ на крыльцо, съ котораго, нѣсколько времени назадъ, согнали его слуги брата.

Онъ постучался. Грумъ, отворившій дверь, съ испугомъ отскочилъ.

— Доложи графу Вейтъ-Манору, сказалъ Брианъ съ повелительнымъ спокойствіемъ: что Брианъ Ленчестеръ желаетъ переговорить съ его сіятельствомъ.

Грумъ остался минуту въ нерѣшимости, какъ-будто бы свиданіе между двумя братьями казалось ему вещь совершенно невозможною. Онъ однако жъ повиновался, когда Брианъ повелительно повторилъ приказаніе. Нѣсколько минутъ спустя Грумъ возвратился и ввелъ Бриана въ пріемную.

Онъ опустился въ кресло. Множество мыслей въ безпорядкѣ толпились въ головѣ его. Онъ зналъ, что могущественный непріятель оспаривалъ у него Сузанну, и пришелъ къ брату, чтобы добыть средствъ бороться съ этимъ непріятелемъ. Цѣль его была найти Сузанну и защитить ее. Средства же къ достиженію этого были ему самому неизвѣстны.....

Давно уже Брианъ Ленчестеръ не былъ въ домѣ своихъ предковъ. Со смерти отца, ссоры его съ Вейтъ-Маноромъ удалили его отъ наслѣдственнаго дому, сдѣлавшагося собственностью старшаго брата. Несмотря на всѣ раз-

личныя ощущенія того дня, какое-то новое, невѣдомое чувство проникало въ душу его..... Онъ съ уваженіемъ взглянулъ на рядъ портретовъ гордыхъ предковъ, украсившихъ стѣны зала. Быть-можетъ Бріанъ раскаивался... Онъ вспомнилъ, что графъ Вейтъ-Маноръ, умирая, соединилъ руки братьевъ; онъ вспомнилъ послѣднія слова матери, исполненные любви и кротости.....

Боковая дверь отворилась. Лордъ Вейтъ-Маноръ, опираясь на руку своего управителя, Патерсона, вступилъ въ пріемную.

Между графомъ и братомъ его было большое различіе въ лѣтахъ. Здоровое сложеніе Бріана и распутства Вейтъ-Манора превратили это различіе въ настоящій контрастъ. Бріанъ, въ возмужалыхъ лѣтахъ, сохранилъ нѣкоторую свѣжесть и грацію юности, эластическую гибкость членовъ и внезапную, выразительную подвижность фizioноміи, составляющую исключительную принадлежность молодыхъ людей. Вейтъ-Маноръ, напротивъ, сдѣлался старикомъ, не достигнувъ возмужалости. Сердце его, эгонстическое отъ природы, превратилось въ камень. Несмотря на то, онъ вслѣски старался преодолевать дряхлость, держался прямо, старался ступать твердо. Повременамъ, когда гнѣвъ согрѣвалъ и какъ-бы разжижалъ сгустѣвшую кровь, прежнія силы возвращались къ нему и первое, что попадалось въ руки, разлеталось въ дребезги. Но дорого расплачивался онъ за эти припадки. Жизнь, внезапно и слишкомъ быстро возвращавшаяся въ утомленную массу тѣла, дѣйствовала слишкомъ сильно и повергала его, безчувственнаго, на полъ или приводила въ состояніе бѣшенства.

Вейтъ-Маноръ самъ очень хорошо зналъ, что ожидало его въ будущемъ: апоплексическій ударъ или безуміе.

При входѣ графа, медленно приближавшагося, братъ его всталъ и почтительно поклонился. Графъ отвѣчалъ на поклонъ, стараясь придать лицу своему выраженіе искренняго радушія. Нѣсколько секундъ простояли они молча другъ передъ другомъ..... Лицо Ленчестера сохраняло холодное, гордое выраженіе, между-тѣмъ Вейтъ-Маноръ болѣе и болѣе старался принять видъ покорности и до

бродушія; но по этия наружныя признаки никакъ нельзя было опредѣлить мыслей ихъ. Въ сердцѣ Ленчестера возрастало искреннее, глубокое сожалѣніе. Страдающій видъ роднаго брата произвелъ въ немъ сильное впечатлѣніе.... онъ готовъ былъ вретнуть руку.... но молнія ненависти, несильно пробившаяся сквозь маску добродушія на лицѣ графа, остановила Ленчестера. Онъ не-прежнему сдѣлался холоднѣе и ждалъ.

Въ душѣ Вейтъ-Манора таилась неограниченная ненависть и жажда мщенія. И на него видъ брата произвелъ сильное дѣйствіе: но какое!.... Молодость и сила Бріана приводила графа въ бѣшенство, которое онъ тщетно старался побѣдить и скрыть. Онъ думалъ, что младшій братъ нарочно пришелъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ его агоніи.... наследникъ пришелъ сосчитать дни, оставшіеся до вступленія во владѣніе огромнымъ имѣніемъ вейтъ-манорскимъ!.... И не было никакого средства лишить его наследства, исключая однако жъ одного—жизни! Но жизнь угасала въ графѣ, онъ чувствовалъ, что приближался къ могилѣ.

Вейтъ-Маноръ первый прервалъ молчаніе.

— Что вамъ угодно, братъ? спросилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, не согласовавшимся съ суровымъ выраженіемъ лица: не пришан ли вы любоваться на успѣхи пытки, которой подвергаете меня?.... Радуйтесь, Бріанъ, я очень нездоровъ.

— Милордъ, возразилъ Ленчестеръ, поклонившись: я пришелъ освидомиться о вашемъ здоровьѣ..... Болѣзнь ваша меня огорчаетъ..... Что же касается до обвиненія, которое вы взводите на меня, то я думаю, что ваше сѣятельство ошибаетесь..... вы забываете прежнюю вашу веселую жизнь и напрасно приписываете мнѣ власть, которой я не имѣю.....

— Живя скрывается въ высокой травѣ: она слаба, ребенокъ можетъ раздавить ее ногою, но—она жалитъ смертельно.....

Лицо Бріана осталось холоднѣе; графъ, какъ-бы расклевываясь въ словахъ, высказанныхъ съ ненавистью, проговорилъ со смущеніемъ:

— Я хотѣлъ сказать..... извините, но между братьями крайне важнѣе вѣнчать каждое слово.

— Справедливо, милордъ, холодно отвѣчалъ Ленчестеръ. Братьямъ, любящимъ другъ друга, нечего чиниться. Продолжайте, милордъ.

Вейтъ-Маноръ, желая скрыть возраставшее смущеніе, сдѣлалъ знакъ Патерсону, чтобы тотъ подалъ ему кресло.

— Садитесь, пожалуйста, сказалъ онъ Бріану: позвольте и мнѣ сѣсть.... Теперь, такъ какъ мы не имѣемъ обыкновенія часто вѣдаться, позвольте узнать причину вашего посѣщенія.

— Я пришелъ, чтобы безъ свидѣтелей переговорить съ вашимъ сіятельствомъ, отвѣчалъ Ленчестеръ, садясь: и жду, чтобы насъ оставили однихъ.

Вейтъ-Маноръ колебался. Онъ какъ-бы сравнивалъ собственную слабость съ силой брата. Очевидная болезнь выразилась на истомленномъ лицѣ его.

— Однихъ? повторилъ онъ. Патерсонъ—вѣрный слуга, онъ никогда не отлучается отъ меня.

— Милордъ, дѣло, по которому я пришелъ, важно, очень важно.... для меня и для васъ. Присутствіе этого лакея вѣнчаетъ мнѣ.

Графъ подумалъ съ минуту, потомъ всталъ безъ помощи управителя и пошелъ къ дверямъ, сказавъ:

— За мной, Патерсонъ.... Бріанъ, я сейчасъ возвращусь и мы будемъ одни.

Нѣсколько секундъ спустя графъ возвратился, но вмѣсто того, чтобы сѣсть возлѣ Бріана, онъ поставилъ стулъ къ круглому столу, стоявшему посреди комнаты и бросилъ на него пару пистолетовъ.

— Это доказываетъ вамъ, Бріанъ, сказалъ онъ рѣзкимъ тономъ человѣка, принявшаго рѣшительную мѣру: это доказываетъ вамъ, что мы будемъ говорить серьезно и откровенно. Я ненавижу васъ—вы это очень хорошо знаете; я боюсь васъ—и это вамъ, вѣроятно, не безвѣстно. Я считаю васъ способнымъ на все, и вотъ два свидѣтели, которые, хотя и глухи и нѣмы, однако жъ очень хорошо замѣчаютъ Патерсона.... Говорите, я слушаю.

Брианъ презрительно улыбнулся.

— Ахъ, милордъ! сказалъ онъ. Донъ-Кихоть сражался съ крыльями вѣтряной мельницы; несмотря на все безразсудство этого подвига, онъ былъ благоразумнѣе васъ.... Неужели вы не понимаете, какъ бы я былъ счастливъ, если бъ былъ убитъ вашимъ сіятельствомъ?

— Не понимаю, мрачно отвѣчалъ графъ. Мертвые молчатъ.

— Всѣ-равно, милордъ: пистолеты не защитятъ васъ отъ моихъ нападковъ, если вы не согласитесь на миръ, который я пришелъ предложить вамъ.

— Какъ! вскричалъ графъ съ движеніемъ невольной радости: вы хотите отказаться отъ преслѣдованій, Брианъ!

— Я хочу помиловать васъ, милордъ, гордо отвѣчалъ Ленчестеръ: предположите, что я сжалился надъ вами; предположите, что во мнѣ заговорилъ голосъ родства, что я усталъ преслѣдовать брата; усталъ поражать врага, не умѣющаго защищаться; усталъ навлекать презрѣніе свѣта на человѣка, носящаго благородное имя моего отца....

— А!... проговорилъ Вейтъ-Маноръ: вы довольно жестокимъ образомъ предлагаете мнѣ миръ.

— Еще разъ повторяю, мнѣ жаль васъ, я раскаиваюсь въ томъ, что навлекъ на васъ униженія.... Я не палачъ, милордъ.

Вейтъ-Маноръ покраснѣлъ отъ гнѣву; презрительное состраданіе брата оскорбляло его гордость.... руки его задрожали, онъ бросилъ свирѣпый взглядъ на пистолеты.

— Понимаю, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, задыхающимся голосомъ: вы оскорбляете меня по привычкѣ и въ послѣдній разъ.

— Ошибаетесь, милордъ, равнодушно отвѣчалъ Ленчестеръ. Я не оскорбляю васъ. Я только открываю печальную крайность, до которой вы дошли.

— То есть, вы поступаете какъ тѣ покупатели, которые порицаютъ товаръ, чтобы купить его за малую плату

— Не совсѣмъ.... Я порицаю, чтобы получить огромную плату.

— Не пришли ли вы предложить мнѣ безстыднымъ торгъ?

— Капитуляцію, милордъ.... наши предки собирали дань съ плѣнныхъ.

— А позволите ли вы мнѣ сдѣлать вамъ небольшое за-
вѣчаніе?

— Сдѣлайте одолженіе, милордъ. Я слушаю.

— Вы очень милостивы, отвѣчалъ графъ, стараясь въ свою очередь придать своимъ словамъ насмѣшливое выраженіе. Извольте видѣть, сэръ, я несчастливъ, даже очень несчастливъ по вашей милости: но неужели вы въ лучшемъ положеніи? Чѣмъ болѣе вы унижаете меня, тѣмъ болѣе открываете собственное униженіе—вы бѣдны и за-
видуете мнѣ. Вы, человекъ щедрый и расточительный отъ природы, и не имѣете ни одного пени.... Я—перъ королевства и обладаю милліонами.... Я понимаю васъ, и угадываю, будьте въ томъ увѣрены, причину вашего пессимизма. Вамъ кажется, что я не тороплюсь умирать. По-
вѣрьте, сэръ, что я проживу еще довольно долго, чтобы помучить васъ и вы поступаете очень благоразумно, предлагая мнѣ миръ, какъ вы говорите, чтобы избавиться отъ долговъ и нищеты, въ которой такъ давно находитесь.... Только вы поступили бы, можетъ-быть, благоразумнѣе, обратившись ко мнѣ не съ угрозами, а съ просьбой.

Ленчестеръ промолчалъ нѣсколько секундъ, потомъ отвѣчалъ:

— Милордъ, въ томъ, что вы сказали, много справедливаго и много, очень много ошибочнаго. Я бѣденъ и не завираюсь въ этомъ, но долговъ не имѣю, потому что не имѣю кредита.

— Вы, можетъ-быть, живете вашими трудами? насмѣшливо спросилъ Вейтъ-Маноръ.

— Нѣтъ, милордъ: я ничего не умѣю дѣлать.

— Однако жъ вы живете....

— Къ крайнему неудовольствію вашего сіятельства, это правда; но я не занимаю: мнѣ подаютъ милостыню.

— Какъ! вскричалъ Вейтъ-Маноръ, вскочивъ съ кресла: неужели вы довели безстыдство до того, что позорите насъ, которое несете, прося милостыню?...

— Милордъ, отвѣчалъ Бріанъ, позволите мнѣ замѣтить вамъ, что нищенство строго запрещено, даже младшимъ братьямъ членовъ высокаго парламента, въ пользу которыхъ надо было бы сдѣлать исключеніе.... Я не прошу, но получаю милостыню.... впрочемъ зачѣмъ напрасно терять слова?... Приступите къ дѣлу.... Я пришелъ предложить миръ.... согласны ли вы?

— Да и нѣтъ, смотря по цѣнѣ, которую вы назначите за него.

— По цѣнѣ?... повторилъ Бріанъ. Видно было, что онъ не ожидалъ этого отвѣта.

— Сколько вамъ надо, сэръ? спросилъ графъ.

— Милордъ, отвѣчалъ Бріанъ съ достоинствомъ: я самъ не знаю хорошенько сколько мнѣ надо.... но мнѣ надо много.... мнѣ нужно позволеніе пользоваться казною вашего сіятельства столько, сколько мнѣ понадобится!

При этомъ требованіи графъ пристально посмотрѣлъ на брата, чтобы удостовѣриться, не шутитъ ли онъ.

— Но вѣдь это значитъ, что вы требуете всего моего имущества! вскричалъ онъ наконецъ, болѣе съ изумленіемъ, нежели съ гнѣвомъ. Это невозможно!

— Точно, графъ, отвѣчалъ Бріанъ: я требую всего вашего имущества.... но, можетъ-быть, ограничусь половиной, даже четвертью.... смотря по обстоятельствамъ. Не подумайте, однако жъ, милордъ, чтобы я хотѣлъ принудить васъ.... о нѣтъ! я хочу дѣйствовать прямо, не смотря на то, что ваша прошедшая жизнь....

— Прошедшая жизнь моя, прервалъ съ гордостью графъ: жизнь дворянина и вы напрасно надѣетесь испугать меня пустыми угрозами. Я не боюсь....

— Боятесь, милордъ! сказалъ Бріанъ: и ниѣте причины бояться, если не забыли, что у вашего сіятельства была жена и дочь: жена, страдавшая участь которой забыта свѣтомъ; дочь, таинственная судьба которой могла быть известна одному Богу...

— Вы смѣете предполагать?... вскричалъ графъ.

— Я не предполагаю ничего хорошаго, милордъ. Но оставимъ это. Я не хочу обвинять васъ. Я не адвокатъ, графъ, а гладиаторъ. Выслушайте. Мнѣ сегодня рассказа-

ли странную и трогательную повѣсть. Повѣрите ли, милордъ, что мнѣ показалось, будто бы между приключеніями несчастной покинутой дѣвушки и частною жизнью вашего сіятельства было нѣкоторое сходство.... Бріанъ помолчалъ съ минуту, потомъ спросилъ: есть ли у васъ здѣсь, Годорей, портретъ графини Вейтъ-Маноръ?

— К чему этотъ вопросъ? спросилъ смутившись графъ.

— Мнѣ показалось, милордъ, что молодая дѣвушка похожа....

— Какая молодая дѣвушка? невольно спросилъ Вейтъ-Маноръ.

— Молодая дѣвушка, которую я люблю и которую потерялъ; молодая дѣвушка, которую вы поможете мнѣ отыскать.

— Сэръ, съ неудовольствіемъ возразилъ графъ: перестаньте говорить загадками. Мнѣ некогда разгадывать ихъ.

— Извините, милордъ, сказалъ Ленчестеръ, слегка поклонившись. Будемъ говорить о дѣлѣ. Позвольте жъ мнѣ повторить, что я желаю имѣть отъ васъ свидѣтельство, по которому я могъ бы пользоваться казною вашего сіятельства....

— Не шутите, сэръ!

— Я не шучу, милордъ.

— Мнѣ не слѣдовало бы отвѣчать на ваши неблагодарныя требованія, но они такъ забавны и странны, что я желаю бы знать, к чему послужить вамъ моя казна?

— Къ отысканію молодой дѣвушки.

— Неужели жъ вы думаете, что я соглашусь отступить отъ своего имѣнія въ пользу незнакомаго?

— Я въ томъ убѣжденъ, милордъ. Я влюбленъ.... вы не смѣетесь?... Тѣмъ лучше!... я люблю такъ, какъ только разъ въ жизни любить; я готовъ пожертвовать этой любви всѣмъ, даже дѣльце моею жизни!

Вейтъ-Маноръ не отвѣчалъ, но лицо его приняло болѣе спокойное выраженіе. Онъ сталъ надѣяться. Сердце любящее перестаетъ быть неприступнымъ. Вейтъ-Маноръ сдѣлался внимательнѣе и въ угасшемъ взорѣ его блеснула лучъ коварной радости.

Ленчестеръ не замѣтилъ выраженія лица брата. Воспоминаніе о любви его къ Сузаниѣ заставило его мечтать.

— О, да! Я люблю ее! проговорилъ онъ съ такимъ страстнымъ выраженіемъ, что Вейтъ-Маноръ невольно навелъ на него свой лорнетъ. Я впервые понялъ цѣну жизни, когда познакомился съ нею; звуки голоса ея пробудили въ моемъ сердцѣ невѣдомыя дотогѣ ощущенія. Она открыла мнѣ всѣ радости, которыя человѣкъ можетъ испытать на этомъ свѣтѣ и которыми я прежде столько презиралъ!... Да, милордъ, знаете ли, что я уже неспособенъ ненавидѣть!

— Видно, что вы пламенно любите, холодно сказалъ Вейтъ-Маноръ.

— Пламенно! повторилъ Ленчестеръ: этого мало.... но понимаете ли вы меня, милордъ?

— Понимаю, понимаю, сэръ! возразилъ грубо насмѣшливымъ тономъ графъ: очень хорошо понимаю.... а! такъ вы, сэръ, любите болѣе нежели пламенно!... Это прекрасно. Какъ же послѣ этого осмѣливаетесь вы приходить ко мнѣ съ условіями, требовать всего моего имущества; какъ разбойникъ вы приступаете ко мнѣ и говорите: «Давай, или убью тебя!...» Хе, хе, хе, вы любите пламенно.... даже болѣе!... Сэръ, неужели вы не понимаете, что рабство мое кончилось?... Развѣ вы не видите, что мы помѣнялись ролями?... Теперь я сильнѣе васъ!... А! вы любите!... вы любите....

Лицо графа наливалось кровью, толстыя губы его судорожно дрожали; онъ уже не скрывалъ своей ненависти.

— И вы сами открыли мнѣ вашу любовь, вашу слабую сторону! продолжалъ Вейтъ-Маноръ, схвативъ [пистолеты и взводя курки. Знаете ли вы, что я бы далъ тысячу гиней тому, кто принесъ бы мнѣ это извѣстіе?... Кто любитъ такъ пламенно, тотъ боится смерти.... следовательно, пистолеты не тщетная предосторожность!

Бріанъ сдѣлалъ презрительное движеніе и всталъ.

— Милордъ, сказалъ онъ, разговоръ нашъ принимаетъ оборотъ, недостойный дворянъ, а угрозы ваши заставляютъ меня прервать этотъ разговоръ рѣшительнымъ обра-

эмиль... Хотите ли подписать согласіе на мое требованіе? Да или нѣтъ?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! вскричалъ графъ. Я хочу чтобы вы сейчасъ же вышли отсюда, или я прикажу своимъ лакеямъ выгнать васъ; запрещаю вамъ переступить черезъ порогъ моего дому.... Я васъ выгоняю.... слышите ли, выгоняю!... И пользуюсь правомъ всякаго Англичанина, въ домъ котораго пробрался шпионъ или воръ, я застрѣлю васъ на мѣстѣ, если вы сейчасъ же не удалитесь!...

— А я прошу васъ привести въ исполненіе вашу угрозу, сказалъ Ленчестеръ, скрестилъ руки на груди и медленно сталъ приближаться къ брату, вперивъ въ него неподвижный взоръ.

Графъ поднялъ вмѣстѣ оба пистолета. Бріанъ былъ въ трехъ шагахъ отъ него. На апоплексическомъ лицѣ Вейтъ-Манора выразилось свирѣпое желаніе спустить курки — но страхъ преодолевалъ это желаніе.

— Не подходите! не подходите! говорилъ онъ задыхающимся голосомъ.

Бріанъ сдѣлалъ еще три шага и рука его тяжело опустилась на плечо графа, который въ изнеможеніи упалъ въ кресло.

— Вы сейчасъ увидите, милордъ, сказалъ Ленчестеръ съ легкою грустью: вы увидите, боюсь ли я смерти. То, что я сдѣлалъ, не можетъ еще служить доказательствомъ. Я зналъ, что вы не посмѣете выстрѣлить!

Онъ взялъ изъ рукъ графа пистолеты и спустивъ курки бросилъ ихъ на столъ. Вейтъ-Маноръ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Глаза его, съ страшною неподвижностью были устремлены на Бріана.

— Милордъ, продолжалъ послѣдній, вы очень ошиблись. Вы напрасно обрадовались тому, что я люблю..... Прежде, я спокойно бы преслѣдовалъ васъ, теперь мнѣ надо спѣшить и я не дамъ вамъ покоя. Я хочу быть богатъ.... Я хочу!

— Вы хотите!.... повторилъ Вейтъ-Маноръ съ безсильнымъ бѣшенствомъ.

— Хочу!

Послѣ этого слова, произнесеннаго Брианомъ такимъ повелительнымъ голосомъ, что графъ невольно опустилъ голову, наступила минута молчанія.

— Хочу, милордъ, продолжалъ Ленчестеръ болѣе спокойнымъ голосомъ: я хочу чтобы та, которую я люблю, великолѣпнѣемъ и роскошью стала выше всѣхъ другихъ женщинъ, такъ какъ красотою она уже стоитъ выше ихъ!... Милордъ, мы сыновья одного отца. Вы долго наслаждались одни общимъ достоинствомъ нашимъ. Теперь моя очередь! Не бойтесь ничего, милордъ, вы очень хорошо знаете, что я не захочу вооружить противъ себя правосудіе. У меня есть другія средства. Не знаете ли вы, милордъ, закона, который бы воспрещалъ Англичанину выскочить изъ окна и разбить себѣ голову о мостовую?

Графъ безсмысленно смотрѣлъ на брата, подходившаго къ окну.

— Милордъ, продолжалъ Ленчестеръ, слышите ли, какъ на улицѣ шумитъ народъ?... Это толпа любопытная: она крайне обрадуется неожиданному происшествію... онъ схватился за задвижку окна.

— Ради Бога, что вы хотите дѣлать? спросилъ графъ, вставая съ мѣста.

— Не вставайте, милордъ.... Я вамъ сказалъ, что хочу обогатить ее.... вы не знаете, что часъ тому назадъ, могущественные люди похитили у меня эту дѣвушку.... ваше золото, Годфрей, мнѣ нужно, во-первыхъ для того, чтобы спасти ее, а во-вторыхъ, чтобы окружить ее всѣми благами жизни.... вы отказываете мнѣ: я хочу мстить.

Брианъ отдернулъ задвижку, окно отворилось и шумъ бывшій на улицѣ былъ явственно слышанъ въ приемной. Графъ всталъ и вскричалъ съ безпокойствомъ:

— Берегитесь, сэръ! вы у меня. Если вы захотите оскорблять и оклеветать меня передъ этой безсмысленной толпой, то будьте увѣрены, что наказаніе послѣдуетъ немедленно за обидой.

Брианъ всталъ на стулъ.

— Вы не поняли меня, милордъ, сказалъ онъ съ гор-

длинъ спокойствіемъ. Я произнесу только одно слово, но не имя вашего сіятельства.... Еще разъ спрашиваю, со гласны ли вы на мое требованіе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вейтъ-Маноръ.

— Клянусь, Годфрей, что вы не разъ раскаетесь въ этомъ жестокомъ отказѣ. Прощайте!

Брианъ сталъ на окно.

— Сколько тамъ народу! проговорилъ онъ съ грустью, посмотрѣвъ внизъ. Я увѣренъ, что тутъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не зналъ имени благороднаго владѣтеля этого дома и вражды, существующей между нами.... потому что я сдѣлалъ все что могъ, Годфрей, чтобы доставить намъ обоимъ извѣстность.

— Я жду развязки этой комедіи! сказалъ насмѣшливо Вейтъ-Маноръ, потому что угроза, не приводимая немедленно въ исполненіе, придаетъ смѣлость трусамъ.

— Извините, милордъ, холодно отвѣчалъ Ленчестеръ: но я нищу мѣста, гдѣ бы вѣрнѣе могъ разможить себѣ голову.

Графъ пожалъ плечами.

— Дѣлайте, что вамъ угодно, сказалъ онъ, спокойно опускаясь въ кресло.

— Благодарю васъ, милордъ.... Я уже говорилъ вашему сіятельству, что паденіе мое не удивитъ никого... вѣдь всѣ знаютъ взаимныя наши отношенія....

— Кто осмѣлится обвинить меня? спросилъ Вейтъ-Маноръ, пораженный идеей.

— Всѣ, милордъ... а-га! Я вижу удобное мѣсто.... всѣ, милордъ, потому что въ истинѣ послѣдняго восклицанія умирающаго никто не усомнится....

— Боже праведный! вскричалъ графъ, внезапно появившій намбреніе брата и какъ-бы пораженный громомъ. Брианъ, это низкое злодѣяніе!

— Отчего?... Вѣдь вы же хотѣли застрѣлить меня?... Притомъ же я не присоединю ни малѣйшаго оскорбленія къ имени вашего сіятельства, я.... но я выбралъ мѣсто и вы, вѣроятно, снизу услышите мое восклицаніе.

Брианъ хотѣлъ броситься внизъ.

— Остановитесь! вскричалъ Вейтъ-Маноръ: какое восклицаніе?....

— Я скажу: *Сжалъся, братъ!*

Вейтъ-Маноръ упалъ на колѣни. Крупныя капли поту катились по вискамъ его.

— Сжалъся! произнесъ онъ съ отчаяніемъ: Сжалъся!..

Вейтъ-Маноръ былъ побѣжденъ. Онъ понялъ, что на него неминуемо пало бы обвиненіе.

Бріанъ спокойно затворилъ окно и подоидя къ брату, помогъ ему встать. Потомъ оба пошли къ столу, гдѣ Вейтъ-Маноръ судорожно подписалъ имя свое внизу листа-бѣлой бумаги.

— Вотъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: довольно ли вы?

— Милордъ, отвѣчалъ Бріанъ, я бы желалъ, чтобы вы написали сами добровольную уступку....

Вейтъ-Маноръ глубоко вдохнулъ и дрожащею рукою сталъ писать. Въ то же время дверь тихо отворилась, Патерсонъ на цыпочкахъ подошелъ къ своему господину и не бывъ замѣченъ положилъ предъ нимъ лоскутокъ бумаги, на которомъ было написано чье-то имя карандашомъ. Едва графъ взглянулъ на бумажку, какъ отодвинулъ кресло отъ стола и съ ужасомъ посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Неужели мертвые встаютъ изъ могилъ? проговорилъ онъ шопотомъ: или я лишился ума?

— Джентльменъ, написавшій здѣсь свое имя, сказалъ Патерсонъ, желаетъ немедленно переговорить съ вашимъ сіятельствомъ.

— Онъ здѣсь!... и живъ! вскричалъ Вейтъ-Маноръ: да да! я долженъ видѣть его, переговорить съ нимъ..... Бріанъ! я не знаю, что со мною дѣлается; я видѣлъ смерть этого человѣка..... простите, я сейчасъ ворочусь и кончу этотъ актъ..... подождите..... о! и я наконецъ размозжу себя черепъ!....

Потомъ онъ оборотился къ управляющему, который съ изумленіемъ смотрѣлъ на него и спросилъ:

— Гдѣ этотъ человѣкъ?

— Въ кабинетѣ, милордъ, отвѣчалъ Патерсонъ.

Графъ скоро вышелъ. Бріанъ остался одинъ. Онъ пре-

ждалъ полчаса. Графъ не возвращался. Ленчестеръ съ потеряннѣмъ взглянулъ на то, что братъ его началъ писать и въ то же время взоръ его случайно упалъ на бумажку, принесенную Патерсономъ....

На ней было написано имя Иманла Спенсера!....

Изумленіе на минуту оковало всѣ члены Бріана.... неясныя подозрѣнія, пробужденныя въ немъ разговоромъ Сузанны, внезапно представились уму его.... Онъ хотѣлъ броситься въ ту сторону, куда ушелъ графъ, чтобы лицомъ къ лицу встрѣтиться съ Изманломъ, но уже было поздно. Графъ самъ, съ улыбающимся и почти радостнымъ видомъ воротился въ приемную.

— Извините, что я заставилъ васъ ждать, любезный братъ, сказалъ онъ. Теперь я весь къ вашимъ услугамъ.....

Вотъ что между-тѣмъ произошло въ кабинетѣ.

Графъ въ большомъ смущеніи отправился туда. Патерсонъ послѣдовалъ за нимъ. Но человекъ, ждавшій въ кабинетѣ, по-видимому, не слишкомъ доволенъ былъ присутствіемъ управителя, потому что тотчасъ приказалъ ему удалиться.

Патерсонъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на своего господина, но тотъ не былъ въ-состояніи выразить своей воли. Видъ человека, стоявшаго передъ нимъ, дотога поразилъ его ужасомъ, что онъ молча опустился въ кресла. Незнакомецъ нахмуривъ брови повторилъ приказаніе; управитель не смѣлъ болѣе противиться и удалился, ворча что-то сквозь зубы.

— Вейтъ-Маноръ, сказалъ незнакомецъ, вы вѣроятно не ожидали меня?

— Неужели это вы, Спенсеръ! машинально проговорилъ лордъ.

— Я самъ, милордъ!

Вейтъ-Маноръ окинулъ его съ ногъ до головы беспокойнымъ и боязливымъ взглядомъ.

— О! смотрите сколько угодно, продолжалъ незнакомецъ: это я.... Изманлъ Спенсеръ, вашъ покорный слуга, который живъ и здоровъхонекъ, какъ-будто бы никогда не былъ повѣшенъ!

— Но..... началъ лордъ.

— Но..... но..... но..... прервалъ Спенсеръ, садясь вондѣ графа: всѣ старыя мои знакомцы твердятъ одно и то же..... Съ-тѣхъ-поръ, какъ меня повѣсили, я сдѣлался точно какой-нибудь заморскій звѣрь..... между-тѣмъ какъ тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Докторъ Муръ пришелъ ко мнѣ въ темницу и на шеѣ, у горла, сдѣлалъ мнѣ небольшое отверстіе, въ которое просунулъ гусиное перышко..... Какъ-бишь это называется?..... Кажется фарниготомія..... Когда веревка сдавила мнѣ горло, я дышалъ подѣ веревкой, черезъ перышко, вставленное въ отверстіе.....

— А что стало съ нею? спросилъ графъ тихимъ голосомъ и съ робостью.

— Съ нею?.... Объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ, милордъ..... Это длинная исторія, а теперь мнѣ некогда.....

— Жива ли она?

— Въ другой разъ поговоримъ о ней подробнѣе..... у нея было чудное здоровье, какъ вы сами знаете, но долго ли цвѣтку завянуть?....

— Она умерла, Изманлъ?

— Вы любозытны, Вейтъ-Маноръ, сказалъ насмѣшливо Спенсеръ: точно добрый отецъ, заботящійся о любимомъ дѣтищѣ..... Потерпите!.... Сегодня намъ некогда заниматься пустяками..... Я пришелъ по болѣе важному дѣлу.....

— Но одно слово, одно слово, просилъ графъ.

— Она умерла..... началъ Изманлъ.

Графъ вздохнулъ какъ-будто бы тяжесть спала съ груди его.

— А можетъ-быть и жива, продолжалъ засмѣявшись Изманлъ; но поговоримъ о дѣлѣ. Вотъ уже годъ, милордъ, какъ я слышу порядочнымъ человекомъ. Если бы вы не жили пустыннымъ, то давно бы встрѣтились со мною въ гостинныхъ, въ которыхъ я извѣстенъ подѣ именемъ Эдмунда Мекензи, добраго джентльмена, ичѣннаго несчастіе лишиться зрѣнія въ Лагоръ..... Ахъ да! я и забылъ сказать вамъ, что я слѣпъ.

Глаза Спенсера вдругъ сдѣлались йутны и неподвижны. Вейтъ-Маноръ посмотрѣлъ на него и покачавъ головой, сказалъ:

— Жаль, Спенсеръ, очень жаль.

— Не Спенсеръ, а сэръ Мекензи, милордъ, весело отвѣчалъ Жидъ придавъ глазамъ прежнюю подвижность. Что же касается до вашего состраданія, то я въ немъ не нуждаюсь.... мой недугъ не помѣшалъ мнѣ видѣть перемѣну, происшедшую съ вашимъ сіятельствомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы не видались....

— Слѣдовательно вы не слѣпы?

— Нисколько. Мнѣ нужна была маска — но вы ужасно измѣнились, милордъ!

— Я много страдалъ! мрачно отвѣчалъ графъ.

— Вижу, вижу.... и готовъ биться, что почтенный Брианъ....

— Брианъ! повторилъ графъ съ бѣшенствомъ: онъ тамъ.... ждетъ меня!... Ахъ, Измаилъ! ты произнесъ имя моего палача!

Спенсеръ весело потиралъ руки.

— А!... онъ здѣсь?... проговорилъ онъ.

— Ты знаешь, Измаилъ, бѣольшую часть печальныхъ происшествій моей жизни, уныло продолжалъ Вейтъ-Маноръ: но ты не знаешь послѣдняго удара, который нанесъ мнѣ Брианъ.... Онъ разорилъ меня!...

— Разорилъ?

— Онъ подлымъ образомъ заставилъ меня написать актъ, вслѣдствіе котораго онъ, еще при жизни моей, дѣлается моимъ наслѣдникомъ!... произнесъ графъ плачевнымъ голосомъ.

Спенсеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Только-то? сказалъ онъ.

— Чего же болѣе, Спенсеръ?... Я разоренъ.

— Мнѣ надо, милордъ, поговорить съ вами о Ленчестерѣ; я затѣмъ и пришелъ сюда. Во-первыхъ, чтобы не терять по пустому словъ, я не требую отъ васъ ни акта, ни свидѣтельства, а четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ, наличными — золотомъ, серебромъ или даже билетами.

— Зачѣмъ?

— Чтобы посадить въ домъ съ умасшедшихъ Бріана Ленчестера.

Графъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Милордъ, продолжалъ Жидъ: это не шутки. Прикажите принести деньги, и я объясню вамъ все дѣло.

Серіозный видъ Спенсера подѣйствовалъ на лорда. Утопающій хватается за соломенку. Вейтъ-Маноръ, желая испытать послѣднее, представлявшееся ему средство, позволилъ.

Патерсонъ явился и получилъ приказаніе принести шкапулку графа.

— Милордъ, сказалъ Жидъ, оставшись наединѣ съ графомъ и положивъ руку на разложенныя передъ нимъ ассигнаціи: человекъ, находящійся въ полномъ разумѣ, можетъ быть запертъ въ домъ съ умасшедшихъ....

Лицо Вейтъ-Манора прояснилось.

— Это правда, сказалъ онъ, но требуетъ многихъ хлопотъ и времени.

— Безъ хлопотъ и времени ничего нельзя сдѣлать; хлопоты отстранены, времени нужно—одинъ часъ.

— Подумали ли вы?

— Думалъ, думаю и дѣйствую.... теперь почтенный Бріанъ Ленчестеръ уже на дорогѣ въ Бетлемъ....

— Онъ у меня въ пріемной! прервалъ Вейтъ-Маноръ, не понявъ метафоры.

Презрительная улыбка явилась на лицѣ Жида.

— Ваша пріемная, можетъ-быть, служитъ станціей на дорогѣ въ Бетлемъ, сказалъ онъ. Я не отступаю отъ словъ своихъ. Ленчестеръ уже объявленъ съумасшедшимъ.

— Но доказательства?

— Вся прошедшая жизнь его и ваше свидѣтельство.

— Но увѣренъ ли ты въ успѣхѣ?

— Совершенно увѣренъ.

Вейтъ-Маноръ поспѣшно всталъ.

— Надо дѣйствовать! требовать, чтобы его арестовали, вскричалъ онъ съ радостію.

— Садитесь, милордъ, сказалъ Спенсеръ. Вы уже по-

полнили все, что слѣдовало. По вашему требованію, двѣнадцать полицменовъ жгутъ Бріана у вашего крыльца.

— По моему требованію? проговорилъ лордъ съ изумленіемъ.

— Это маленькая вольность, которую я позволилъ себѣ въ настоящихъ, затруднительныхъ обстоятельствахъ. Вы знаете, какъ я прекрасно подписываюсь подъ чужія руки.... Ваша рука мнѣ давно знакома. Я воспользовался этимъ, чтобы отъ имени вашего написать свидѣтельство о безуміи Бріана и во избѣжаніе несчастій, могущихъ воспослѣдовать отъ того, потребовалъ, чтобы немедленно были приняты мѣры къ его арестованію.

— Прекрасно! вскричалъ графъ, съ жаромъ, схвативъ руку Измаила: О! теперь онъ не уйдетъ! Спенсеръ, другъ, спаситель! Я удвою сумму!...

— Благодарю, милордъ.... Теперь извольте идти въ приемную и не задерживайте Бріана.... чтобы полицмены не соскучились....

Графъ Вейтъ-Маноръ воротился въ приемную. Ленчестеръ не далъ ему окончить начатой фразы и вскричалъ:

— Милордъ! вы видѣли Измаила Спенсера?

Неожиданный вопросъ смутилъ лорда.

— Я! проговорилъ онъ: я.... но вѣдь человекъ, имя котораго вы произнесли, былъ повѣшенъ....

Ленчестеръ взялъ со стола бумажку и молча подалъ ее графу.

— Правда, проговорилъ послѣдній съ замѣшательствомъ: я видѣлъ Жида Измаила Спенсера.

— Позвольте спросить, какія сношенія ваше сіятельство имѣете съ этимъ негодяемъ?

— Я не обязанъ давать вамъ отчета въ своихъ поступкахъ! вскричалъ графъ, желая скрыть смущеніе подъ видомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Милордъ, сказалъ Бріанъ съ достоинствомъ, я нахожусь вынужденнымъ повторить свой вопросъ.

— А я не буду отвѣчать, съ живостью отвѣчалъ графъ Вейтъ.... я не соглашусь открыть вамъ истину, потому что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго.... я прини-

маю участіе въ чѣловѣкѣ, который по странному, чудному случаю спасся отъ....

— Перестаньте, милордъ! прервалъ Бріанъ съ холодною: чтобы повѣрить словамъ вашего сіятельства, я долженъ бы забыть изумленіе, выразившееся на вашемъ лицѣ, при взглядѣ на эту бумажку.

Лордъ закусилъ губы.

— Э, сэръ! вскричалъ онъ, увлеченный гнѣвомъ; вы можете обратиться съ вашими вопросами къ самому Спенсеру, потому что, я надѣюсь, что вы съ нимъ скоро увидите!

— Последнія слова вашего сіятельства похожи на угрозу, сказалъ Бріанъ, пристально взглянувъ на лорда.

— На угрозу?... вскричалъ Вейтъ-Маноръ, принявъ видъ добродушной покорности: вы очень хорошо знаете, что мнѣ нечего угрожать, я только хотѣлъ сказать, что вы скоро встрѣтитесь съ Измаиломъ Спенсеромъ, потому что онъ ждетъ на улицѣ....

— Кого?

— Никого.... онъ только ждетъ, чтобы вы ушли... онъ тогда воротится сюда.... потому что я прервалъ съ нимъ разговоръ, чтобы не заставить васъ ждать.

— Благодарю за внимательность; потрудитесь же, милордъ, кончить начатый актъ, потому что и я не хочу заставить ждать Спенсера.

Графъ поспѣшилъ исполнить желаніе Бріана. Условіе было написано.

— Братъ, сказалъ графъ съ лицемѣрною кротостью: вы, можетъ-быть, употребили во зло преимущества, которыя вы имѣете надо мною. Надѣюсь, что это будетъ послѣднее ваше мнѣніе?

— Это зависитъ отъ васъ, милордъ.

— До свиданія, любезный братъ!

Бріанъ поклонился и вышелъ. Графъ вздохнувъ свободно, пошелъ къ окну и поспѣшно открылъ его.

Народъ разошелся. Улица была пуста. Съ крыльца медленно сходилъ Бріанъ. Въ некоторомъ разстояніи стоялъ слѣпецъ Тиррель. За нимъ была толпа подслеп-

новъ и, наконецъ, карета, изъ которой выглядывала чья-то голова.

Ленчестеръ замѣтилъ все это съ перваго взгляду, поспѣшно сошелъ съ лѣстницы, схватилъ Тирреля за воротникъ и обращаясь къ полицменамъ вскричалъ:

— Господа, я требую, чтобы вы немедленно арестовали этого человѣка.

— Вы видите, сказалъ Тиррель: исполняйте вашу обязанность!

— Пойдите! замѣтилъ констебль: не надо торопиться... Сэръ, продолжалъ онъ, обратившись къ Бріану: по какой причинѣ требуете вы, чтобы мы арестовали сэра Эдмонда Мекензи?

— Посмотримъ, что онъ отвѣтитъ! проговорилъ лекарь, выглядывавшій изъ кареты.

— Позвольте мнѣ сперва узнать, по какому праву вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ? спросилъ Бріанъ.

— Чортъ возьми! ворчалъ лекарь: да онъ говоритъ очень благоразумно!

— Я полицейскій чиновникъ, отвѣчалъ констебль.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Ленчестеръ: я долженъ объявить вамъ, что этотъ человѣкъ, котораго вы называете Эдмондомъ Мекензи, негодяй, принадлежащій къ шайкѣ воровъ....

— Вы видите, продолжалъ Тиррель.

— Съумасшедшій! сказалъ лекарь.

Полицмены приблизились и окружили Бріана.

— Имѣете ли вы доказательства? спросилъ констебль.

— Ваша обязанность, мистеръ, арестовать этого человѣка, спокойно отвѣчалъ Ленчестеръ. Доказательства представляются въ судъ, а не въ полицію.

— Ахъ, чортъ возьми! проворчалъ лекарь: очень можетъ быть, что онъ и не съумасшедшій.

— Впрочемъ, продолжалъ Бріанъ: этотъ человѣкъ во всякомъ случаѣ принадлежитъ суду, потому что онъ хитростью или случайно спастся отъ казни. Этотъ человѣкъ былъ повѣшенъ....

Рѣзкій смѣхъ Тирреля, къ которому присоединился шум-

ный смѣхъ полицейскихъ служителей, прервалъ Ленчестера.

— Нѣтъ сомнѣнія, онъ съумасшедшій! рѣшительно вскричалъ лекарь.

— Съумасшедшій, бѣшеный! вскричалъ съ веру графъ Вейтъ-Маноръ.

— Исполняйте вашу обязанность! сказалъ констебль.

Полицейскіе бросились на Бріана, но восклицаніе Вейтъ-Манора объяснило уже ему эту загадку. Онъ поспѣшно взбѣжалъ на крыльцо, и сталъ въ оборонительное положеніе. Подступавшіе полицейскіе одинъ за другимъ лѣзли со ступеней. Ленчестеръ былъ чрезвычайно силенъ, и тѣмъ, которымъ онъ наносилъ удары, не рѣшались второй разъ подступать къ нему. Нападающіе ослабѣвали, Тиррель цощрялъ ихъ, а лекарь, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за всѣми движеніями защищавшагося, повторялъ:

— Молодецъ! право, молодецъ! Удивительно, какъ ловко направляетъ свои удары! Чего добраго, онъ, пожалуй и не съумасшедшій!

Избитые полицейскіе удалялись. Только пять человѣкъ еще выжидали удобнаго случая, чтобы напасть на Бріана. Тиррель былъ въ бѣшенствѣ. Вейтъ-Маноръ дрожалъ отъ страха,

Бріанъ застегнулъ фракъ. Ясно было, что онъ хотѣлъ броситься впередъ и прочистить себѣ дорогу. Замѣтивъ рѣшительный видъ его, полицейскіе отступили. Тиррель одинъ не тронулся съ мѣста.

— Милордъ, вскричалъ Ленчестеръ, слегка поднявъ голову: вы прекрасно распорядились и если вамъ не удалось, такъ это не ваша вина!..... Клянусь, что я не останусь у васъ въ долгу!....

Графъ съ яростью заскрежеталъ зубами.

— Прочь! закричалъ Ленчестеръ, медленно спускаясь съ крыльца. Прочь, Измаилъ Спенсеръ, или я убью тебя!

Тиррель не тронулся..... только правая рука его опустилась за жилетъ....

Въ то же мгновеніе тихо отворилась дверь дома Вейтъ-Манора. Кто-то ползкомъ спустился со ступеней и схвативъ Ленчестера за ноги, опрокинулъ его....

Полицмены кинулись на Бріана и въ одно мгновеніе онъ былъ связанъ.

Человѣкъ, опрокинувшій его, всталъ и при свѣтѣ фонарей можно было разсмотрѣть подлюю и вмѣстѣ дерзкую фізіономію управителя, Патерсона.

Тиррель вынулъ руку изъ-подъ жилета. Безъ вмѣшательства Патерсона, Бріанъ познакомился бы съ коротенькимъ кинжаломъ, который Жидъ всегда носилъ при себѣ. Ленчестера уложили въ карету; подлѣ него сѣлъ констѣбль, и закричалъ кучеру:

— Въ Бедлемъ!

Странный голосъ, сопровождаемый судорожнымъ смѣхомъ, послышался изъ окна, у котораго стоялъ Вейтъ-Маноръ и повторилъ:

— Въ Бедлемъ! Въ Бедлемъ!

Карета быстро скрылась изъ виду.

Тиррель и Патерсонъ воротились къ графу. Послѣдній, въ какомъ-то бѣшенномъ припадкѣ радости кружилъ по залѣ, повторяя:

— Въ Бедлемъ! въ Бедлемъ!

— Кто, кромѣ Бріана, спросилъ Тиррель управителя: наслѣдникъ графа Вейтъ-Манора?

— Двоюродный братъ его сіятельства, Муррай Ишверней-Кэстль, отвѣчалъ Патерсонъ.

— За добрую услугу, которую вы мнѣ оказали, я подамъ вамъ добрый совѣтъ, сказалъ Тиррель; ступайте сейчасъ же къ Мурраю и старайтесь заслужить его доброе расположеніе, потому что Бріанъ Ленчестеръ уже не выйдетъ изъ Бедлема, а графъ Вейтъ-Маноръ отправится туда завтра.

— Возможно ли? вскричалъ управляющій.

Тиррель не успѣлъ отвѣчать; графъ дико вскрикнулъ, потомъ упалъ на коверъ, повторяя:

— Въ Бедлемъ! въ Бедлемъ! въ Бедлемъ!

Во время свиданія Бріана съ старшимъ своимъ братомъ, Франкъ Персеваль и Стѣфенъ сидѣли въ задумчивости въ кабинетѣ послѣдняго. Оба были печальны. Первая по-

пытка ихъ противъ Рио-Санто имѣла такое плачевное послѣдствіе, что они впали въ уныніе.

Каждое утро Франкъ приходилъ къ леди Стевартъ и каждое утро получалъ въ отвѣтъ, что Мери не пришла еще въ себя.

Друзья сидѣли у письменнаго стола Стѣфена. Кабинетъ, просто убранный, имѣлъ строгій, даже непріятный видъ кабинетовъ лондонскихъ врачей. На бюро стояли два превосходно изъ воску сдѣланные скелета, одинъ женскій, другой мужской. На каминѣ въ стеклянныхъ вазахъ, наполненныхъ спортомъ, плавали уродцы. По стѣнамъ висѣли разные анатомическіе препараты, руки, ноги, позвоночные хребты и прочая. Надъ зеркаломъ была прикрѣплена челюсть, какъ бы скалившая длинныя, бѣлыя зубы.

— Я писалъ въ Локмебенъ, говорилъ Стѣфенъ: самъ не знаю зачѣмъ, потому что безразсудно было бы надѣяться....

— Это большое несчастіе, Макъ-Набъ, отвѣчалъ Франкъ: можно ли было ожидать?

— И ни малѣйшаго слѣда.... Ничего!

— Ничего!.... ни малѣйшаго движенія!...

Они не понимали другъ друга. У Франка на умѣ была одна Мери. Стѣфенъ думалъ только о Кларѣ. Но они понимали другъ друга, когда дѣло шло о маркизѣ Рио-Санто. Тогда руки ихъ соединялись и каждый, не забывая собственной горести, раздѣлялъ страданія друга.

На часахъ было три четверти девятаго. На лѣстницѣ послышался шумъ.

— Это, кажется, голосъ Джека? сказалъ Франкъ.

Стѣфенъ какъ-бы пробудился и поднявъ голову сталъ прислушиваться.

— Точно. Это голосъ Джека, отвѣчалъ онъ: дай Богъ, чтобы онъ принесъ вамъ добрыя вѣсти, Франкъ!

Персеваль былъ уже на лѣстницѣ и торопился стараго слугу.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорилъ Джекъ, поспѣшно всходя навверхъ.

— Что новаго? вскричалъ Персеваль съ живостію.

— Два письма къ вашей чести, отвѣчалъ запыхавшись старшій слуга.

Франкъ распечаталъ одно письмо и воротился въ кабинетъ. Джекъ послѣдовалъ за нимъ, но замѣтивъ въ полурастворенную дверь скелеты, скоро отскочилъ со страхомъ и остался на лѣстницѣ. Джекъ былъ не трусъ, когда имѣлъ дѣло съ живыми людьми, но скелеты навели на него суевѣрный ужасъ и Макъ-Набъ въ глазахъ его сдѣлался опаснымъ коладуномъ. Пока онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимался въ уголокъ, новое происшествіе увеличило ужасъ, овладѣвшій имъ.... Чтѣ-то страшное, имѣвшее человѣческія формы, проскользнуло мимо Джека съ глухимъ хрипѣніемъ....

Старшій слуга не могъ даже кричать; ноги его подкосились.... Привидѣніе исчезло въ комнаткѣ, принадлежавшей молодой сестранѣ.

— Джекъ! закричалъ Франкъ изъ кабинета.

Джекъ дрожалъ и не трогался.

— Джекъ, гдѣ ты? спросилъ Персеваль, отворивъ дверь. Не замѣчая ужасу слуги, онъ взялъ его за руку и втащилъ въ кабинетъ. Джекъ закрылъ глаза; зубы его стучали какъ въ лихорадкѣ.

— Тебѣ ничего не сказали?.... спросилъ Франкъ.

— Ничего, ваша честь! проговорилъ Джекъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: только..... право, тамъ чтѣ-то не доброе.

Франкъ съ досадою топнулъ ногой. Джекъ, въ первый разъ въ жизнь свою не обратилъ вниманія на гнѣвъ своего господина и сталъ повертываться, желая найти положеніе, въ которомъ отвратительные анатомическіе предметы не поражали бы взора его. Персеваль схватилъ его за руку.

— Ты, вѣрно, видѣлъ кого-нибудь? спросилъ онъ.

— Видѣлъ, ваша честь! видѣлъ дьявола! отвѣчалъ Джекъ, думавшій только о привидѣніи.

— Чтѣ тебѣ сказали?

— По счастью, онъ ничего не сказалъ!.... Еслибъ онъ заговорилъ, такъ мнѣ кажется, я умеръ бы на мѣстѣ!

— Чтѣ же это значитъ? вскричалъ Франкъ; потомъ съ живостію разскрывъ письмо, онъ прочиталъ вслухъ:

«Я не могу отойти отъ постели больной, а потому не могу лично передать вамъ нашей надежды. Однако жъ я не могу не подѣлиться съ вами тѣмъ, что въ великой горести нашей можно назвать счастиемъ. Я поручила сказать подателю письма....»

— Ахъ! извините, ваша честь, вскричалъ Джекъ, нѣсколько ободренный неподвижностью скелетовъ: я вижу, что вы говорите о горничной миссъ Діаны Стewardъ.... а я прежде думалъ.....

Джекъ замолчалъ и сталъ прислушиваться. Ему слышался странный шумъ, подобный глухому стону.

— Слушайте, слушайте! проговорилъ онъ: не пускайте его сюда!....

— Да ты пьянъ! вскричалъ съ досадою Макъ-Набъ.

Джекъ обратилъ къ молодому доктору честное и простодушное лицо, на которомъ между признаками непобѣдимаго страха, можно было прочесть негодование за несправедливое обвиненіе.

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ онъ: я не пьянъ; но въ этомъ домѣ неприлично быть доброму христіанину....

Франкъ и Стѣфенъ посмотрѣли другъ на друга.

— Съ нимъ случилось что-нибудь необыкновенное, сказалъ послѣдній.

— Джекъ, другъ мой, сказалъ Персеваль, почти умоляющимъ голосомъ: успокойся, ради Бога!.... Ты не знаешь какъ медлительность твоя заставляетъ меня страдать.

— Сейчасъ, ваша честь, сейчасъ все скажу..... да и зачѣмъ мнѣ бояться! вскричалъ Джекъ, сердито взглянувъ изъ подлобья на скелетовъ: Я трусъ..... а слугъ Персевалей неприлично быть трусомъ!.... Извольте видѣть.... горничная миссъ Діаны непременно хотѣла сама видѣться съ вашею честью.... Отдавалъ мнѣ записку, она сказала: миссъ Мери сдѣлала движеніе.....

— Движеніе! вскричалъ Стефенъ.

— Движеніе, повторилъ Джекъ; но такое слабое, что миссъ Стewardъ думаетъ, не показалось ли ей.... Вотъ мнѣ такъ не показалось! вскричалъ вдругъ старый слуга, отскочивъ отъ дверей: боюсь вамъ, что тамъ, за дверью...

Другой стонъ, болѣе явственный и жалобный, достигъ

слуха Джека; но въ этотъ разъ слышали его и друзья.

Стѣфенъ всталъ. Все утихло....

— Что еще? спросилъ Персеваль слугу.

— Неужели вы не слышали? проговорилъ Джекъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: неужели это человѣческій голосъ?

— Что ты еще знаешь, несчастный! вскричалъ Франкъ: говори, я тебѣ приказываю!

Джекъ судорожно сжалъ голову, какъ-бы желая собрать мысли и отвѣчалъ съ усиленіемъ:

— Что еще?... Забылъ... Нѣтъ, вспомнилъ! Глаза миссъ Мери обратились въ другую сторону.... Господи, Боже мой! Не даромъ мнѣ чудятся такія страсти... видно передъ смертью!.... Простите, ваша честь!... Доктора миссъ Треворъ не было дома; послали за другимъ и тотъ сказалъ, что новый припадокъ....

Джекъ не могъ договорить и въ ужасѣ упалъ на колѣни.....

Дикій, протяжный, болѣзненный вопль раздался за дверьми... Потомъ голосъ тихій, заглушаемый рыданіями, заплѣлъ съ выраженіемъ безконечной грусти балладу, знакомую молодому доктору, Шотландцу....

Франкъ и Стѣфенъ побѣжно выбѣжали изъ комнаты, оставивъ Джека одного. Эта минута была ужасна для стараго слуги. Кровь застыла въ его жилахъ; ему показалось, что всѣ скелеты зашевелились, протягивая къ нему лившія руки.... Наконецъ старикъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и пустился бѣжать....

Франкъ и Стѣфенъ со свѣчами вбѣжали въ комнату сестеръ. Тамъ, между кроватями, стоялъ какой-то человекъ....

То былъ лердъ Энджусъ, въ-половину одѣтый; платье и волосы его были мокры; на лицѣ выражалось страданіе; блѣдность его была ужасна и слезы медленно катились по шалымъ щекамъ.

При видѣ молодыхъ людей, онъ пересталъ пѣть и показавъ на постели, провзнесъ глухимъ голосомъ:

— Оби....

Энджусъ Макъ-Ферланъ былъ въ полномъ разумѣ. Макъ-

Набъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ. Персеваль никогда не видалъ Энджуса.

— Я отдалъ дочерей своихъ сестрѣ, сказалъ лердъ тихимъ голосомъ: гдѣ онъ?... слышишь ли, Стѣфенъ, я пришелъ за дочерьми.... Позови свою мать.

Стѣфенъ сдѣлалъ знакъ Франку, чтобы онъ удалился, но тотъ не понималъ или не хотѣлъ понять....

— Скажи матери, продолжалъ лердъ строгимъ голосомъ: что я два года не видалъ дочерей.... Клара должна быть прелестна.... Анна, вѣроятно, по-прежнему походить на бѣдную мою Эми?... Ступай, Стѣфенъ, ступай! Не можетъ быть, чтобы дочери мои были похищены, когда ты такъ спокоенъ!.... Позови мать.

— Мать моя не здорова, отвѣчалъ Стѣфенъ; ваши упрёки убьютъ ее.

— А! она нездорова!.... сказалъ Энджусъ съ горестью: а развѣ я здоровъ?... развѣ она видѣла дочерей моихъ въ лодкѣ? развѣ.... Энджусъ провелъ рукою по глазамъ:— развѣ совѣсть повторяетъ ей днемъ и ночью: это наказаніе Божіе!...

Стѣфенъ съ живостію обратился къ Персевалу.

— Другъ, сказалъ онъ ему твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: ты не можешь, не долженъ оставаться здѣсь. Подозрѣнія, которыя ты имѣешь, не даютъ тебѣ права слушать исповѣдь несчастнаго отца.... Хоть бы онъ и былъ виновенъ, но во всякомъ случаѣ, домъ мой служить ему убѣжищемъ.

Краска выступила на щекахъ Франка.

— Извини, Стѣфенъ, проговорилъ онъ; я смущенъ.... воспоминаніе о бѣдной сестрѣ.... извини, я уйду.

Франкъ вышелъ съ письмомъ миссъ Діаны Стевартъ въ рукахъ. Что же касается до другаго письма, принесеннаго Джекомъ, то онъ положилъ его въ карманъ и совершенно забылъ объ немъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ накупѣ леди Офеліей, подъ диктовку маркиза Рио-Санто, Персевалу назначалось свиданіе въ девять часовъ вечера. Когда Франкъ ушелъ отъ Стѣфена, было уже половина десятаго.

— Макъ-Ферлэпъ, сказала Стёфень дядѣ: теперь мы одни. Говорите.

Энджусъ обратилъ на него глаза и нѣсколько секундъ въ молчаніи разсматривалъ его.

— Чтò мнѣ говорить? сказалъ онъ: Макъ-Набъ, ты похожъ на отца.... Похожъ, но только по наружности, потому что отецъ твой никогда бы не покинулъ двухъ дѣвухекъ, ввѣренныхъ его попеченіямъ.

— Дядюшка! прервалъ Стёфень: горестъ дѣласть васъ несправедливымъ! Я люблю Анну какъ сестру, а Клару богѣ себя самого... но ради Бога, не мѣшкайте, скажите, чтò съ ними сдѣлалось?

— Чтò съ ними сдѣлалось! повторилъ лердъ, котораго блѣдное лицо покрылось краской: ты спрашиваешь, чтò съ ними сдѣлалось?... А чтò сдѣлалось съ твоимъ отцомъ, Стёфень?... Я видѣлъ ихъ обѣихъ въ лодкѣ.... и не могъ спасти ихъ!

Энджусъ показалъ огромную рану, которую Бобъ нанесъ ему весломъ.

— Я состарѣлся прежде времени, продолжалъ онъ: я видѣлъ дочерей... и не могъ побѣдить ихъ похитителя....

— Похитителя? прервалъ Стёфень.

— Я знаю его.... отвѣчалъ лердъ: да, Стёфень, я знаю многихъ негодяевъ.... по несчастію!.... Господь наказываетъ меня!....

Онъ замолчалъ, закрылъ лицо руками и горько плакалъ. Вдругъ онъ отеръ глаза, поднялъ голову и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Пойду къ Ферджусу.

— Къ Ферджусу! повторилъ Стёфень, припомнившій въ эту минуту рассказъ Персевала.

— Да, къ Ферджусу.... онъ могущественъ и любитъ меня... Я съ нимъ раздѣляюсь послѣ... когда онъ отдастъ мнѣ дочерей.... если онѣ еще живы.... Сегодня мнѣ являлось привидѣніе Анны....

— Гдѣ, ради Бога, гдѣ! вскричалъ Стёфень.

— Не знаю... только я точно такъ же видѣлъ Макъ-Наба передъ его смертію... Смотри! смотри! смотри! вскри-

чалъ Энджусъ дикимъ голосомъ, указывая впередъ пальца-
мъ: Я вижу Ферджуса.... онъ умираеть....

Энджусъ вскочилъ; Стѣфенъ хотѣлъ пощупать пульсъ
дяди, но тотъ оттолкнулъ его.

— Я усталъ, проговорилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Дядюшка!... Сжальтесь, скажите одно слово.... толь-
ко одно слово!...

Энджусъ закрылъ глаза и не отвѣчалъ....

Увидѣвъ, что Макъ-Ферлэнъ лишился чувствъ, Стѣфенъ
воспользовался тѣмъ, чтобы перевязать ему раны. Пол-
часа спустя Энджусъ опять пришелъ въ себя.

— Дядюшка, сказалъ Стѣфенъ: упокойтесь, мы употре-
бимъ всѣ усилія, чтобы найти вашихъ дочерей и на-
дѣюсь....

— Онъ умерли, проговорилъ лердъ, покачавъ головой.

— Онъ живы, Макъ-Ферлэнъ! вскричалъ Стѣфенъ: вы
напрасно обвиняли меня въ безпечности.... Я искалъ по
всему Лондону.... развѣ вы не знаете, что Клара должна
быть моею женою?

— Любить ли она тебя? спросилъ Энджусъ, поднимая
голову.

Стѣфенъ глубоко вздохнулъ.

— Я знаю, отвѣчалъ онъ, что между Кларой и однимъ
могущественнымъ человѣкомъ есть таинственная связь....

— Таинственная связь!... повторилъ лердъ съ изумле-
нiемъ.

— Связь, которую ни вы, ни я не можемъ понять.... что-
то необъяснимое.... человѣкъ этотъ могущественъ!...

— И ты думаешь, племянникъ, что этотъ человѣкъ по-
хитилъ мою дочь? холодно спросилъ лердъ.

— Да.

— И Анну?... Неужели онъ похитилъ обѣихъ?

Стѣфенъ промолчалъ минуту въ нерѣшимости, потомъ
отвѣчалъ:

— Я думаю.

Брови Энджуса нахмурились.

— И ты знаешь имя этого человѣка?

Стѣфенъ отвѣчалъ утвердительно.

Лердъ всталъ, отступилъ два шага и окинулъ молодого человѣка взглядомъ, исполненнымъ презрѣнiя.

— Макъ-Набъ былъ адвокатъ, сказалъ онъ, но у него было благородное сердце.... Отчего сынъ его такъ низокъ?

Стѣфенъ хотѣлъ возражать, но лердъ прервалъ его.

— Я поручилъ вашей матери двухъ молодыхъ дѣвушекъ, продолжалъ онъ съ негодованiемъ: одна изъ нихъ была ваша невѣста. Ихъ похитили. Вы знаете имя похитителя и спокойно сидите дома!...

— Дядюшка! вскричалъ Стѣфенъ: вы не знаете!...

— Вы побоялись вызвать похитителя на дуэль....

— Дядюшка, прервалъ его Стѣфенъ строгимъ голосомъ: выслушайте сперва, а потомъ осуждайте.... Повѣрьте мнѣ, что въ Лондонѣ, съ нѣкоторыми людьми надо прибѣгать къ оружию только въ послѣднемъ случаѣ.... Я хотѣлъ бороться.... Клянусь! въ мужествѣ у меня не было недостатку.... но этотъ человѣкъ силенъ, а я слабъ!... Какой адвокатъ возьмется за дѣло неясное, не имѣющее положительныхъ доказательствъ? Кто обратитъ вниманiе на обвиненiе неизвѣстнаго доктора, на обвиненiе, падающее на богатѣйшаго вельможу Трехъ Соединенныхъ Королевствъ?... Вы улыбаетесь, пожмаете плечами, Макъ-Ферлэнъ; вы думаете, что вмѣсто-того, чтобы прибѣгать къ суду, лучше всего самому раздѣлаться.... Я то же думалъ, Макъ-Ферлэнъ! Я ходилъ къ этому человѣку—меня не впустили. Я ждалъ его у крыльца — онъ не выходилъ. Я писалъ къ нему письма, въ которыхъ вызывалъ его наедину—я не получалъ отвѣта.

— Но кто этотъ человѣкъ? Какъ его зовутъ? спросилъ лердъ.

Макъ-Набъ усмиривъ на дялю пронизательный взоръ и не спуская съ него глазъ, произнесъ имя маркиза Рио-Санто.

Лицо Энджуса посинѣло; глаза его опустились; губы задрожали....

Стѣфенъ вздохнулъ изъ глубины души. Онъ узналъ, что ему надо было знать. Энджусъ опустился на кровать и сложивъ руки, говорилъ тихимъ голосомъ:

— Не можетъ быть! Не можетъ быть!... Неужели Ферджусъ могъ рѣшиться обезчестить дочерей Макъ-Ферлана!.. Нѣтъ, не можетъ быть!... не позволю, чтобы на него клеветали..... Клянусь честью, Стѣфенъ, если бѣ ты не былъ сынъ моей родной сестры, я наказалъ бы тебя за клевету на Ферджуса О'Брина!

— Вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я не забывалъ уваженія, которымъ обязанъ врагу моего отца, сказалъ Стѣфенъ съ горькой прошею.

— Правда! проговорилъ Энджусъ и вздрогнулъ, какъ-бы наступилъ на змѣю. Прости мнѣ, племянникъ.... но скажи ради Бога, что заставляетъ тебя думать, что маркизъ Рио-Санто похитилъ моихъ дочерей?

— Я въ томъ увѣренъ, возразилъ Стѣфенъ.

Энджусъ задумался.

— Не можетъ быть! вскричалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: я знаю его!... Ферджусъ слишкомъ любитъ Макъ-Ферлана!

— Но зналъ ли онъ, что Клара и Анна дочери Макъ-Ферлана? спросилъ Стѣфенъ съ жестокой улыбкой.

— Правда! правда! вскричалъ Энджусъ со слезами на глазахъ. Я могу мстить О'Брину.... но ненавиждѣть его!... это свыше силъ моихъ!

— Нѣтъ, Макъ-Ферланъ, вскричалъ Стѣфенъ: вы будете ненавиждѣть его, но мстить.... это мое дѣло!

— Молчи, племянникъ..... О, дѣти мои, дѣти мои!... Такъ, Стѣфенъ, я вѣрю тебѣ.... дочери мои были прелестны.... о! Стѣфенъ, я хочу мстить, мстить!...

Энджусъ закрылъ лицо руками и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ съ грознымъ спокойствіемъ:

— Ты правъ, племянникъ, маркизъ Рио-Санто страшный соперникъ.... на твое обвиненіе не обратилъ бы вниманія.... мое обвиненіе будетъ дѣйствительнѣе.... то, что я знаю про Рио-Санто, поразитъ его какъ гроза небесная!... Есть ли у тебя друзья?

— Одинъ.

— Есть ли у тебя вѣрные люди?

— Я могу найти ихъ.

— Прекрасно. Будемъ дѣйствовать.

— Хорошо, дядюшка, только не здѣсь. Матери моей нуженъ покой.

— Пойдемъ.

Стефенъ помогъ Энджусу одѣться и они вмѣстѣ вышли на улицу, наняли извозчика и поѣхали къ дому Персевала.

Франкъ только-что воротился домой. Онъ былъ счастливъ: миссъ Діана Стевартъ подтвердила и объяснила то, чего старій Джекъ не договорилъ. Мери оживала. Таинственная и страшная болѣзнь, которою она была поражена, мало-по-малу уступала силѣ природы.

Энджусъ, Стефенъ и Франкъ провели всю ночь вмѣстѣ.

Утромъ, человекъ двадцать, собранныхъ Донноромъ, были впущены въ домъ Персевала, гдѣ получили деньги и приказанія. Въ пять часовъ вечера эти же самые люди, съ скрытымъ оружіемъ, собрались въ Бельгравъ-Скверъ и отдѣльными группами стали около дому маркиза Рио-Санто.

Стефенъ и Персеваль, закутанные въ плащи, ждали у угла. Энджусъ разстался съ ними и вошелъ въ великолѣпный домъ маркиза.

Когда лердъ Энджусъ Макъ-Ферлэнъ въ припадкѣ безумія оттолкнулъ отъ себя Анну, она безъ чувствъ упала на мостовую. Тогда Анджело не зная ни имени, ни мѣста жительства молодой дѣвушки, долженъ былъ отнестъ ее къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Анна глубоко вздохнула, открыла глаза и съ живостью поднялась на кушеткѣ, на которую положилъ ее Бѣмбо. Она съ изумленіемъ осмотрѣла окружавшіе ее предметы, не понимая, гдѣ находилась.... Сначала на миломъ ея личикѣ выразился испугъ; но мало-по-малу румянецъ выступилъ на щекахъ, а дѣтская улыбка на устахъ. Она не замѣчала Бѣмбо, который сидѣлъ въ темнотѣ, въ самомъ отдаленномъ углу комнаты... Анджело былъ счастливъ. Онъ спасъ, онъ берегъ ее!... Будущее не существовало для него въ эту минуту—ни будущее, ни прошедшее. Вся жизнь его сосредоточилась въ настоящемъ, въ тихой, нѣжной любви!...

Проговоривъ нѣсколько невнятныхъ словъ, Анна опустила голову на подушки и уснула....

Часы проходили слишкомъ скоро для вполне счастливаго Анджело. Утреннее солнце проникло сквозь густые занавѣсы, наступилъ полдень, а Анна всё-еще спала.... Бѣмбо, опустившись въ кресла и не спуская полу-закрытыхъ отъ вѣгн глазъ съ молодой дѣвушки, боялся нарушить сонъ ея....

Солнце закатилось. Наступили сумерки. Анна глубоко вздохнула, встала, еще разъ окинула быстрымъ взглядомъ комнату, въ которой все было въ прежнемъ порядкѣ и пошла къ зеркалу, чтобы поправить свое платье. Въ зеркалѣ дѣвушка увидѣла Бѣмбо. Она оглянулась, опустила глаза и покраснѣла.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе; потомъ она смѣло подошла къ Анджело и сказала ему вѣжнымъ, тихимъ голосомъ:

— Я не боюсь васъ, я знаю, что вы добры... вы не сдѣлаете мнѣ зла; я отдохнула.... Далеко ли отсюда до Корнгильской Площади?

— Я самъ провожу васъ къ вашей матушкѣ, печально отвѣчалъ Анджело.

— У меня нѣтъ матери, сказала Анна; но меня ждетъ сестра.... добрая тѣтушка.... бѣдный Стѣфень.... пойдете скорѣе.

— Куда? На Корнгильскую Площадь?

— Развѣ вы не знаете? спросила изумившись Анна.

Бѣмбо покраснѣлъ и не отвѣчалъ.

— Вы сказали мнѣ, продолжала Анна, что васъ прислалъ Стѣфень?

— Я сказалъ неправду, миссъ, отвѣчалъ Бѣмбо умоляющимъ голосомъ: я не знаю Стѣфена.

Анна встала; но на лицѣ ея выразилось только изумленіе, безъ всякой примѣси страху.

— Вы не знаете Стѣфена! сказала она: но почему жъ вы меня знаете?

Мечты юноши улетѣли. Онъ возвращался къ дѣйствительности и сердце его сжималось.

— Я не знаю вашего имени, миссъ, отвѣчалъ онъ.

— Меня зовутъ Анной.... вы не забудете?

— Никогда!... проговорилъ Бѣмбо, опустивъ голову.

— Скажите мнѣ, продолжала Анна, съвѣвъ опять возлѣ Анджего: какъ васъ зовутъ, чтобы я могла часто говорить о васъ съ Кларой и Стѣфеномъ.

Анджего страдалъ; едва слышнымъ голосомъ произнесъ онъ свое имя. Анна нѣсколько разъ повторила его.

— И я никогда не забуду этого имени! сказала она: оно такъ же прелестно, какъ....

Она вдругъ замолчала и покраснѣла. Минуту спустя она взяла руку молодаго человѣка.

— Отведите меня домой, сказала она: о! какъ Клара васъ полюбитъ!.... И Стѣфенъ то же!.... Не правда ли, вы часто будете навѣщать насъ?

Бѣмбо печально покачалъ головой, всталъ и пошелъ съ Анной къ лѣстницѣ.

— Какъ! вскричала она: вы не хотите навѣщать насъ?.. О! теперь я понимаю.... вы спасли меня только потому, что вы добры.... вы сдѣлали бы то же и для всякой другой.... Пойдемте, пойдемте скорѣе, я не хочу долѣе обременять васъ своимъ присутствіемъ....

Что внушило Аннѣ эти слова? Она сама того не знала. Слова эти произвели на Бѣмбо сильное впечатлѣніе; онъ не могъ больше бороться съ своими ощущеніями и произнесъ, съ жаромъ схвативъ руку молодой дѣвушки:

— Миссъ, вотъ уже цѣлая недѣля какъ я живу вами и для васъ. Я васъ спасъ, потому что люблю... Я люблю васъ всею душою и потому въ послѣдній разъ вижу съ вами.

— Вы любите меня, Анджего! повторила Анна съ очаровательной улыбкой: какъ я счастлива!

— Вы не поняли меня, проговорилъ Бѣмбо.

— Я не понимаю только одного: зачѣмъ вы, любя меня, не хотите болѣе видѣться со мною?

— Чтобы перестать васъ любить.

Анна сдѣлалась задумчивою.

— Я начинаю понимать, произнесла она шопотомъ: да, Анджего, я могу васъ любить только какъ сестра... потому что я уже люблю Стѣфена.... Она разсѣянно произ-

несла послѣднія слова, потомъ какъ-бы желая прогнать раждавшееся сомнѣнiе, прибавила: да, да! я люблю его... я въ томъ увѣрена!... Отвѣдите меня скорѣй домой.

Бѣмбо нанялъ извозчика. Во всю дорогу Анна не произнесла ни одного слова. Нѣсколько разъ Бѣмбо показало, что она глубоко вздыхала. Они подѣхали къ дому мистриссъ Макъ-Набъ. Бѣмбо помогъ молодой дѣвушкѣ выйти изъ кареты; у крыльца она остановилась какъ бы въ нерѣшимости.

— Прощайте, миссъ, сказалъ Анджело.

— Прощайте, проговорила молодая дѣвушка. Слезы выступили на глазахъ ея. Она всё-еще стояла, въ нерѣшимости.

— Прощайте! прощайте! повторила она и послѣшно взбѣжала на крыльцо.... Дверь отворилась и она исчезла.

Бѣмбо уѣхалъ.

Было около десяти часовъ. Стѣфенъ, какъ мы уже сказали, ушелъ съ Энджусомъ къ Франку.

Мистриссъ Макъ-Набъ была одна. Мы не станемъ описывать восторгъ ея при свиданiи съ Анной.

Тиррель и Мюре сидѣли въ кабинетѣ маркиза Рио-Санто. Было десять часовъ утра. Докторъ писалъ. Слѣпой пилъ чай у каминна. Это происходило на другой день послѣ рассказанныхъ нами происшествiй.

— Докторъ, сказалъ Тиррель, съ отвращенiемъ отодвигнувъ чашку: я не могу ни ѣсть, ни пить безъ страху, того, что приноситъ проклятый Рбулей... такъ и кажется, что глотаешь ядъ... Но вы не сказали мнѣ вашего мнѣнiя на счетъ исторiи моей съ Ленчестеромъ?

— Вы придумали очень хитро, разсѣянно отвѣчалъ докторъ: но мнѣ теперь не до него... что мы будемъ дѣлать съ молодыми дѣвушками?

— Что? Мы отправимъ ихъ въ Крымскiй Замокъ, съ Маудленъ и двумя красивыми молодцами... Не позже какъ черезъ годъ онѣ воротятся въ Лондонъ не робкими дѣвушками, а такими, какъ намъ нужно... Это свидѣнiе! Скажите мнѣ лучше, чѣмъ кончилось свиданiе Анны съ маркизомъ?

Лицо доктора нахмурилось.

— Я сдѣлалъ, что могъ, отвѣчалъ онъ.

— А что вы могли?

— Ничего! отвѣчалъ Мюре рѣзкимъ голосомъ, какъ-бы желая прервать этотъ разговоръ. Минуту спустя онъ продолжалъ: впрочемъ я не понимаю кчему бы намъ послужила смерть этого человѣка?

— Понимаю, понимаю, проговорилъ Тиррель: виноградъ слишкомъ зеленъ.... Ничего, докторъ, рано ли, поздно ли, но мы узнаемъ его тайну!

— Его тайну! повторилъ Мюре съ сверкающими глазами, и хотѣлъ что-то сказать, но въ ту же минуту въ дверяхъ показалась лысая голова мистера Рбулея. Онъ вошелъ съ письмомъ въ рукахъ. Тиррель невольно отвернулся. Рбулей подавъ письмо доктору и изкоса взглянувъ на слѣпаго, проговорилъ:

— Та, та, та, та!

Мюре пробѣжалъ письмо, смялъ его съ досадою и сердито приказалъ удалиться своему помощнику, который низко поклонившись пошелъ къ двери.

— Что новаго, докторъ? спросилъ Тиррель.

— Фатализмъ вмѣшивается въ это дѣло! съ бѣшенствомъ вскричалъ докторъ: на каждомъ шагу я встрѣчаю неудачи!... Слушайте.....

Онъ расправилъ смятое письмо и сталъ читать.

«Вы, докторъ, вѣроятно, захотите раздѣлить нашу общую радость. Съ тѣхъ-поръ какъ мы имѣли честь видѣть васъ въ послѣдній разъ, произошли чудныя вещи. Ужасная болѣзнь, которая поразила мою племянницу, проходить. Не заставъ васъ дома, мы послали за домашнимъ докторомъ леди Стюартъ, за мистеромъ Гартвеллемъ...»

— Гартвелль! вскричалъ Мюре съ горькой усмѣшкой: педантъ!.... шарлатанъ!.... невѣжда!...

— Оселъ, холодно прибавилъ Тиррель: читайте дальше.

Мюре кинулъ письмо; честолюбіе его было сильно уколено; слѣпота ослѣплала его; а потому онъ и не замѣтилъ иронической улыбки слѣпаго.

— Повторилъ онъ съ возрастающимъ бѣшен-

ствомъ: конечно, осель!... Но на чемъ я остановился... Да... «За мистеромъ Гертвеллемъ....» Выборъ этого глупца въ домашніе доктора, подаетъ весьма дурное мнѣніе о вкусѣ и умѣ леди Стевартъ.... «Онъ сейчасъ явился....» Еще бы! Эти люди цѣлый день сидятъ безъ дѣла.... «Онъ сейчасъ явился и началъ свое леченіе, которое увѣчалось полнымъ успѣхомъ. Милая наша Мери оживаетъ; Господь сожалѣлся надъ нами, пославъ намъ добраго мистера Гартвелля...» Добрый мистеръ Гартвелль! Онъ пришелъ именно въ-время, чтобы воспользоваться счастливыми результатами моего леченія!....

— Пойдите, сказалъ Тиррель, взглянувъ на письмо: тутъ есть приписка.....

Муре опять сталъ читать:

«P. S. Вы понимаете, докторъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ мы не смѣемъ болѣе отрывать васъ отъ важныхъ занятій вашихъ. Миссъ Треворъ можетъ обойтись безъ вашей помощи.»

Муре съ бѣшенствомъ разорвалъ письмо.

— Отставка! сказалъ Тиррель.

— Неужели эта дерзкая баба думала, что я послѣ подобнаго письма возвращусь къ ней!.... О, это ужасно!.... Рѣдкая, единственная, совершеннѣйшая каталепсія; кончающаяся какъ простой, глупый обморокъ!....

— Кажется, эта миссъ Треворъ невѣста маркиза?

— Да..... я готовъ былъ биться объ закладъ, что она не поправится!.... Да, она точно, невѣста его..... Каталепсія, кончающаяся точно мигрень! Негодяй Гартвелль будетъ вездѣ хвастать, что онъ вылечилъ каталепсію!....

— Чортъ возьми! раздался въ сосѣдней комнатѣ громкій голосъ: плѣшивый болванъ, почтенный сэръ, говорятъ вамъ *ночной джекльменъ!*

— Та, та, та! отвѣчалъ Роулей.

— Та, та, та, громъ и молнія!.... та, та, та!.... Что значитъ это та, та, та? Что это значитъ, вонючая аптекарская банка, господинъ лекаръ!.... Чтобы быть на висѣлицѣ! Говорятъ вамъ *ночной джекльменъ!*

Почти въ то же мгновеніе послышался шумъ,

инки двери растворились; Роулей, съ банкой въ рукахъ, влетѣлъ въ комнату и повалился на полъ. Немедленно за нимъ вошла важная фигура почтеннаго капитана Педди О'Крена.

— Что это за шумъ? сердито спросилъ докторъ.

— Честь имѣю кланяться, милорды, сказалъ Педди, приподнявъ шляпу.... Что же касается до шума, то я знаю, что другой на моемъ мѣстѣ размозжилъ бы этотъ плѣшивый черепъ какъ орѣховую скорлупу.

И капитанъ бросилъ спокойно гордый взглядъ побѣдителя на лежавшаго на полу Роулея.

— Что новаго?... началъ-было Тиррель; но докторъ былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа, а потому скоро вскочивъ, прервалъ слѣпаго.

— Что это значить! вскричалъ онъ: неужели мы вступимъ въ переговоры съ этимъ грубіяномъ? Вонъ отсюда!

Педди приосанился, нахмурилъ брови и пошелъ къ двери, вскричавъ:

— Прощайте, желаю вамъ подавиться!

— Пойдите! поспѣшно сказалъ Тиррель, останавливая Педди: онъ, вѣроятно, принесъ намъ вѣсти; докторъ, садитесь къ вашему бюро и не мѣшайте мнѣ..... Зачѣмъ вы пришли, Педди?

Послѣдній остановился, сердито посмотрѣлъ на доктора и отвѣчалъ:

— Я пришелъ, вѣрно, не затѣмъ, чтобы посмотрѣть на желтое лицо этого почтеннаго лорда!.... Когда мнѣ надоѣстъ жить, тогда я прийду къ нему и онъ, вѣрно, не замедлитъ отправить меня на тотъ свѣтъ..... это его дѣло!

— Полно, капитанъ, строго сказалъ Тиррель: не теряйте по-напрасну словъ.

— Не будемъ терять словъ, милордъ.... Я готовъ имѣть дѣло съ вами, потому что вы знаете приличіе, хотя вы и похожи на Жида, котораго повѣсили при моихъ глазахъ; вы не называете джентльмена грубіяномъ, вы не гоните его ради того, чтобы провалиться и мнѣ, и вамъ, и всѣмъ!.... Тиррель досадой топнулъ ногой.

— Громъ и молнія! продолжалъ Педди: мнѣ

— Отд. II.

кажется, если я не ошибаюсь, что вы изволите гнѣваться?

— Мнѣ кажется, что вы пришли сюда по какому-нибудь дѣлу? Чтѣ новаго? спросилъ Тиррель.

— Я пришелъ по дѣлу, по чертовски важному дѣлу! отвѣчалъ важно капитанъ.

— По какому же дѣлу? спросилъ Муре, не оглядываясь.

— Милордъ, вашей чести не прилично говорить съ грубіяномъ.... отвѣчалъ Педди, и обратившись къ Тиррелю продолжалъ: Считать, отвратительный лицензёръ, котораго я душевно уважаю какъ своего начальника, послалъ меня съ новостіями къ «его чести».

— Съ какими новостіями? съ живостью спросилъ Муре.

Педди, вмѣсто отвѣта схватилъ Роула, потиравшаго бока и спину, и однимъ толчкомъ выбросилъ его за дверь.

Окончаніе подземнаго прохода было, какъ знаютъ читатели, нетерпѣливо ожидаемо всѣми вочными лордами, которые давно уже питали надежду обогатиться суммами, хранившимися въ Банкѣ. Тиррель и Муре обо всемъ подробно разспросили капитана. Въ прошлую ночь Слоунъ добрался до банковскихъ кладовыхъ. Саундерсъ, исполнивъ гигантскій трудъ, повалился безъ чувствъ у цѣли своей работы. Тщетно Педди старался поднять его и донести до постели; все, чтѣ онъ могъ сдѣлать для него, было то, что онъ поставилъ возлѣ него огромную кружку съ джиномъ.

Выслушавъ разговоръ капитана, Тиррель и Муре принялись писать письма.

— Любезнѣйшій, сказалъ Муре послѣ краткаго молчанія:несите это письмо въ Бельгравъ-Скверъ, къ маркизу де-Ріо-Санто.

— Я куда угодно отнесу это письмо, сто тысячъ бомбъ! отвѣчалъ Педди, но съ чего вы, милордъ, взяли, что я любезнѣйшій?.... По-важнѣе васъ называли меня какъ-слѣдуетъ, капитаномъ!....

Съ этими словами почтенный капитанъ Педди О'Крейъ важно удалился. Муре разослалъ всѣхъ слугъ съ письмами и полчаса спустя самъ вышелъ съ Тиррелемъ. Послѣдній заперъ за собою дверь на замокъ.

Нѣсколько секундъ спустя послѣ ихъ ухода, дѣло

жившая сообщениемъ кабинету съ комнатою, въ которой находилась Клара, отворилась. Сузанна вошла въ кабинетъ, осмотрѣлась, ушла и тотчасъ же воротилась съ Кларой Макъ-Ферлэнъ.

Клара очень измѣнилась. На блѣдномъ, исхудавшемъ лицѣ ея видны были слѣды продолжительной и мучительной пытки, которой она подвергалась; такия ея, прежде стройная и очаровательная, сгибалась, утомленная; она медленно и съ трудомъ передвигала ноги. Несмотря на то, она всё-еще была прелестна.

Сузанна поддерживала ее съ заботливостью сестры, и старалась ободрить ее нѣжными ласками.

— О, Клара! говорила она: не унывайте!.... вы скоро поправитесь..... смотрите, вы уже можете ходить безъ моей помощи..... Знаете ли, Клара, мы теперь здѣсь одни.... насъ заперли; но я найду выходъ, о которомъ они, вѣроятно, забыли; садитесь, милая Клара, и отдохните.....

Миссъ Макъ-Ферлэнъ опустилась въ кресло и устремивъ впередъ неподвижный взоръ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Я видѣла его..... о! какъ я была счастлива..... пришла Анна и онъ сталъ предъ нею на колѣни..... о! какъ я тогда страдала!.... несмотря на то, я все-таки люблю Анну, и не скажу ей, что она убила меня.....

— Конечно, прервала ее Сузанна, вы должны любить Анну..... развѣ вы не понимаете, что всѣ эти печальныя воспоминанія, заставляющія васъ столько страдать, нечто иное, какъ тяжкія сновидѣнія..... Забудьте ихъ, милая Клара, и думайте только о томъ, что вы будете свободны.....

— Я видѣла его, проговорила Клара съ трепетомъ; потому она прибавила глухимъ голосомъ: я знаю длинную исторію..... мнѣ ее разсказывала кориница въ Шотландіи..... Была молодая дѣвушка, Бланка, любила Бертрама..... Клара замолчала и опустила глаза.

— Что дальше? спросила Сузанна, улыбаясь.

— Повторила Клара, опять устремивъ глаза впередъ, я знаю конецъ этой исторіи.... Бланка любила Бертрама..... Она любила такъ горячо, что....

Голова Клары опустилась на грудь. Рука ея, которую держала Сузанна, сдѣлалась холодна какъ ледъ.

Сузанна опять стала утѣшать бѣдную страдалицу, которая, прійдя въ себя, заплакала и бросилась на шею къ Сузаннѣ.

— Пойдемте, сказала послѣдняя, пойдемте, вась ждоть Анна.

— Анна!.... повторила Клара; Богъ знаетъ, что съ нею стало!.... Но пойдемте, можетъ-быть мы и найдемъ ее.

Сузанна воспользовалась этой минутой и подвела Клару къ задней стѣнѣ, гдѣ стояла кушетка съ красной драпировкой. Тамъ она пожала бронзовую роветку, служившую, по видимому, для поддержанія драпировки; что-то заскрипѣло и потасенная дверь, служившая сообщеніемъ съ Вимполь-Стритскимъ домомъ, отворилась. Тамъ Сузаннѣ знакомы были всѣ проходы.

— Мы спасены! вскричала молодая дѣвушка и почти донесла Клару до крыльца.

Полчаса спустя извозчикъ остановился на Корнгильской Площади передъ домомъ мистриссъ Макъ-Набъ. Сузанна вышла изъ экипажа и со слезами на глазахъ посмотрѣла на бѣлый домикъ съ зелеными ставнями.

— О! какъ часто искала я этотъ домъ! проговорила она: теперь уже я не забуду дороги къ нему.

Она постучалась. Анна отворила дверь. Прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла опомниться, Сузанна поцѣловала ее и указавъ на коляску, сказала:

— Сестра ваша тамъ.

— Сестра моя! Клара! вскричала Анна.

Въ кабинетѣ маркиза де Рио-Санто у ярко пылавшаго каминна сидѣли Ватерфильдъ, Рендель и Бѣмбо. Въ темномъ углу комнаты, въ глубокой задумчивости, сидѣлъ Энджусъ. Бѣмбо также былъ задумчивъ и озабоченъ. Разсѣянно поглаживалъ онъ шелковистую шерсть Ловеди, не обращая вниманія на разговоръ своихъ товарищей.

— Сяньоръ, сказалъ наконецъ Ватерфильдъ,

ишь къ Анджели: скажите, пожалуйста, что это маркизъ заставляетъ насъ такъ долго ждать?

Бэмбо не слышалъ этого вопроса или не хотѣлъ отвѣчать.

— Снисьоръ, продолжалъ сердито Ватерфильдъ: оставьте лучше собаку, которая находится въ одинаковой съ вами милости у маркиза и отвѣчайте на мой вопросъ.

— Тихше, сказалъ Рендель, схвативъ руку Ватерфильда: теперь намъ не до ссоръ..... Рио-Санто идетъ.

— Въ то же мгновеніе дверь отворилась и въ кабинетъ вошелъ маркизъ. Онъ остановился и окинувъ всѣхъ быстрымъ взоромъ, подошелъ къ Энджусу и протянувъ къ нему руку, сказалъ:

— Благодарю, Энджусъ, что ты пришелъ. Миѣ было бы грустно, если бъ ты не явился принять участіе въ дѣлѣ, тайну котораго я тебѣ давно уже повѣрилъ.

— Давно, проговорилъ глухимъ голосомъ Энджусъ: пятнадцать лѣтъ тому назадъ, на Лидской фермѣ.

Рио-Санто далъ товарищамъ своимъ нужныя приказанія и простился съ ними. Всѣ, исключая Энджуса, удалились. Рио-Санто спряталъ въ боковые карманы пару маленькихъ пистолетовъ, а за жилетъ кинжалъ, съ драгоценными украшеніями.

Между-тѣмъ лердъ, блѣдный, нетвердыми шагами подошелъ къ окну и отворилъ его.

— Ты нездоровъ, Энджусъ? съ заботливостью спросилъ маркизъ.

У лерда выступали на лбу крупныя капли поту.

— Да, О'Бринъ, отвѣчалъ онъ; да.... Я нездоровъ... о! если бъ ты зналъ, какъ я еще люблю тебя!... Лердъ сжалъ голову обѣими руками и зарыдалъ: Боже мой! Боже мой! вскричалъ онъ; я не могу!... Тайный голосъ.....

— Опять! прервалъ его маркизъ: опять бредъ горячки!.....

— Бредъ! повторилъ Энджусъ съ блуждающими глазами: нѣтъ, не бредъ!... о! Энджусъ, не выходи изъ дому, ради Бога не выходи!.....

Рио-Санто подумалъ, что внезапный ужасъ, выразившійся на лицѣ Макъ-Ферлена происходилъ отъ мысли объ

опасностяхъ, которыми Рио-Санто готовился подвергаться.

— Фи, Макъ-Ферлэнъ! отвѣчалъ онъ: чему безмолвствовать?... Если намъ суждено умереть, такъ мы умремъ вѣстѣ!

Рио-Санто подошелъ къ огню..... Энджусъ задрожалъ и рыдая бросился къ нему на шею.....

Въ то же мгновеніе нѣсколько человѣкъ, бредившихъ въ темнотѣ около дому маркиза, замолчали и стали сидѣть.

Едва Энджусъ обнялъ Ферджуса, какъ быстрымъ движеніемъ, и какъ-бы наступивъ на змѣю задрожалъ и отскочилъ назадъ. На лицѣ и во взорѣ его, становившемся болѣе и болѣе дикимъ, можно было прочесть выраженіе высочайшаго ужаса.

— Иуда! Иуда! Иуда! проговорилъ онъ.... поцѣлуешь и предашь брата!....

Маркизь не разслышалъ послѣднихъ словъ лерда и позвонилъ.

— Вели заложить кабриолетъ, сказалъ онъ воядшему груму. Скорѣй!....

Слуга ушелъ.

Нѣсколько минутъ спустя Рио-Санто съ Макъ-Ферлэнномъ сходилъ съ крыльца, у котораго стоялъ красивый кабриолетъ. Лошадь ржала, била копытами только что выпавшій снѣжокъ и по временамъ выбрасывала гордую голову.

— Садись, Энджусъ, сказалъ маркизь.

Лердъ стоялъ неподвиженъ.

Между-тѣмъ со всѣхъ сторонъ медленно и осторожно приближались какіе-то люди....

Рио-Санто подошелъ къ лошади, погладилъ ее и обратившись къ лерду, повторилъ:

— Садись же, Энджусъ, садись!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Макъ-Ферлэнъ, и поспѣшно отступилъ.

Рио-Санто пристально взглянулъ на него.

— Чтò съ тобою, Энджусъ? Время дорого.... Ты не хочешь ѣхать со мною?

— Я хочу, чтобы ты воротился!.... Ферджусъ, ради Бо-

га, воротись!.... сжался надо мною!.... Я тебя все разскажу!.... Воротись!.... О, если бы ты знал!

Ріо-Санто пожалъ плечами, посмотрѣлъ на часы и, ставъ на подножку кабриолета, сказалъ:

— Оставайся если хочешь, Энджусъ; но я долѣе мѣшкать не могу; минуты мои сочтены.

Энджусъ бросилъ вокругъ себя взглядъ и увидѣлъ черныя тѣни; постепенно окружавшія кабриолетъ. Однимъ скачкомъ очутился онъ возлѣ маркиза.

— Поѣденъ же! вскричалъ онъ; гони же лошады!.... гони, говорятъ тебѣ!.... всачь!

Ріо-Санто схватилъ возжи и поднявъ голову замѣтилъ, что посреди улицы стояли три человѣка. Смутное подозрѣніе проникло въ душу его.

— Гони же лошады! повторилъ Энджусъ, безпокойство котораго ежеминутно возрастало.

Маркизь успѣлъ уже осмотрѣться. Наврале, вальво, на мостовой, на троттоарахъ, вездѣ замѣтилъ онъ людей, какъ бы чего-то ждавшихъ.

— Странно!.... проговорилъ онъ.

— Ударь лошады!.... вскричалъ Макъ-Ферланъ, дрожавшій всѣмъ тѣломъ.

Ріо-Санто посмотрѣлъ на лерда и увидѣлъ на лицѣ его выраженіе ужасу.

— Милордъ, милордъ, вскричалъ громъ, быстро сходящій съ крыльца: люди, окружающіе васъ, вооружены; я собственными глазами видѣлъ....

— Да, да! прервалъ его Энджусъ: гони лошады, Ферджусъ! раздави этихъ людей....

Ріо-Санто смѣрилъ взглядомъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ людей, преграждавшихъ ему дорогу.

— Ну, Клара, добрая моя Клара, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, натягивая возжи.

Лошадь выпрямила голову и подняла уши.

— Клара! повторилъ лердъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Впередъ, моя добрая Клара! сказалъ еще разъ Ріо-Санто, дернулъ возжи и лошады понеслась.

— Клара! Клара! повторилъ лердъ. А-га!.... Я и забылъ!.... гдѣ моя Клара, Ферджусъ О'Бригъ?

Онъ вскочилъ, вырвалъ возжи изъ рукъ маркиза и до того затянулъ ихъ, что лошадь невольно стала пятиться назадъ.

Въ то же мгновение люди, между которыми находились Стёпень и Франкъ, окружили кабріолетъ.

— А-га! Ферджусъ!... закричалъ дикимъ голосомъ Макъ-Ферлянь: гдѣ моя Клара?... и гдѣ Анна?... Пѣна выступила на губахъ лерда; онъ дрожалъ отъ ярости.

Ріо-Санто, для котораго слова Энджуса были загадкой, не понималъ, что все это значило. Первою мыслью его было, что Смитъ или кто-нибудь другой, изъ повѣренныхъ, измѣнилъ ему.

Два человѣка держали лошадь подъ узцы. На крыльцо дома маркиза выступили человѣкъ десять ливрейныхъ грумовъ, которые спокойно смотрѣли на происходившее.

Лердъ тяжело дышалъ и не могъ произнести ни одного слова; въ одной рукѣ онъ держалъ возжи, а другою схватилъ маркиза за грудь.

Ріо-Санто слегка оттолкнулъ его.

— Господа, сказалъ онъ спокойнымъ, звучнымъ голосомъ: я донъ Хосе-Маріа Теллесъ де-Аларконъ, маркизъ де-Ріо-Санто, испанскій грандъ.... Если вы дворяне, то прошу васъ послѣ этого объясненія отпустить мою лошадь и завтра явиться ко мнѣ для объясненій; если жъ вы злонамѣренные люди, то приказываю вамъ немедленно отступить, или я приму другія мѣры, чтобы заставить васъ раскаяться въ дерзкомъ поступкѣ.

Никто изъ окружавшихъ кабріолетъ не тронулся, только Франкъ и Стёпень стали, одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны экипажа.

— Я не считаю нужнымъ объяснять своего имени и званія, потому что недавно еще имѣлъ случай познакомиться съ маркизомъ де-Ріо-Санто, сказалъ Франкъ.

— Сэръ Франкъ Персеваль! произнесъ съ горечью маркизъ: говорятъ что люди, которымъ мы даримъ жизнь, дѣлаются нашими злѣйшими врагами.... Что вамъ угодно, сэръ?

— Я хочу требовать у васъ удовлетворенія, сказалъ

Франкъ голосомъ, кипѣвшимъ гнѣвомъ; потомъ прибавилъ шопотомъ: я братъ Герриэты Персеваль!

— И отвергнутый женихъ миссъ Мери Треворъ, иронически отвѣчалъ маркизъ: объявляю вамъ, что я не имѣлъ чести знать вашей сестры.

— Ты не зналъ, но погубилъ ее! глухимъ голосомъ произнесъ Франкъ.

Въ послѣднихъ словахъ молодаго человека было столько ненависти, что невольное чувство страху овладѣло сердцемъ маркиза. Въ то же мгновеніе съ другой стороны его схватилъ кто-то за руку. Рио-Санто оглянулся и увидѣлъ предъ собою Стѣфена.

— А я сынъ Макъ-Наба, сказалъ послѣдній.

Рио-Санто задрожалъ.

— Макъ-Набъ! бѣдный братъ мой Макъ-Набъ!... ирочно вскричалъ лердъ....

Наступила минута молчанія. Маркизъ былъ неподвиженъ. Чтò происходило въ сердцѣ его? Раскаивался ли онъ въ преступленіяхъ своихъ или въ томъ, что пощадилъ жизнь тѣхъ, которые теперь, когда онъ былъ такъ близокъ къ цѣли всей жизни своей, преграждали ему дорогу!

— Сэръ, сказалъ Стѣфенъ холодно: потрудитесь сойти; вы, вѣроятно, поняли, что безразсудно сопротивляться, а потому избавьте насъ отъ непріятной необходимости употребить насиліе.

Грумы и лакеи маркиза были Англичане. Съ непоколебимымъ равнодушіемъ смотрѣли они на эту сцену, какъ на дѣло совсѣмъ до нихъ не касающееся. Свѣтъ газовыхъ фонарей падалъ на ярко-красныя ливреи ихъ.

— Молчи, племянникъ! вскричалъ лердъ, мысли котораго всё болѣе и болѣе приходили въ безпорядокъ: ты не то говоришь!... О, когда дѣло дойдетъ до ненависти, такъ спроси меня.... онъ погубилъ твоего отца.... похитилъ моихъ дочерей....

— Я!... вскричалъ съ изумленіемъ маркизъ.

— Клару и Анну!... обѣихъ!... О, я не умѣю красно говорить.... я люблю дѣйствовать!... а!

Съ страшнымъ крикомъ лердъ бросился на маркиза.

Между ними началась борьба. Франкъ и Персеваль бросились разнимать ихъ.

Въ то же самое мгновение Рио-Санто съ силой оттокнулъ лорда и поднялъ голову. Фонарь освѣтилъ лицо его; брови маркиза были нахмурены; на раскраснѣвшемся лбу ясно отдѣлялась бѣлая полоса, проходившая отъ брови вверхъ....

— Шрамъ! вскрикнули въ одно время Франкъ и Стефень.

Рио-Санто никогда не хмурилъ напрасно бровей. Изумленіе молодыхъ людей продолжалось не болѣе одной секунды; но одной секунды достаточно было маркизу. Съ быстротою молніи выбросилъ онъ Энжуса изъ кабриолета и вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Прочь съ дороги!

Люди, державшіе лошадь, не тронулись съ мѣста. Раздались два выстрѣла.... два человѣка упали на мостовую....

— Впередъ, добрая моя Клара! вскричалъ маркизь. Лошадь понеслась.

— Сто гинеи тому, кто остановитъ его! кричалъ Стефень, бросившись вслѣдъ за кабриолетомъ.

Донноръ отдѣлился отъ толпы.

— Ваша честь! вскричалъ онъ: Донноръ еще въ долгу у васъ.... правда, у лорда славная лошадь, но въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда чинить мостовую; улица загромождена и онъ долженъ будетъ вернуться.... тогда я остановлю его!... Ваша честь, если лошадь задавитъ меня, не забудьте моей дочки!...

И точно, Рио-Санто, встрѣтивъ препятствіе, возвращался. Донноръ кинулся къ кабриолету и повисъ на оглобляхъ.

— Впередъ, моя добрая Клара! кричалъ маркизь.

Лошадь споткнулась, поправилась и опять понеслась. Пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, она опять споткнулась и упала мертвая на мостовую.... Донноръ громко, радостно вскрикнулъ.... Онъ вонзилъ длинный ножъ въ животъ благороднаго животнаго....

— Ваша честь, вскричалъ Ирландецъ, когда Стѣфенъ подоспѣлъ къ нему: я былъ у васъ въ долгу!...

Оглобли кабриолета переломились и Рио-Санто былъ выброшенъ на мостовую. Онъ нѣсколько секундъ пролежалъ безъ памяти, но успѣлъ прійти въ себя, прежде, нежели толпа противниковъ окружила его. Онъ вскочилъ и вынувъ кинжалъ, сталъ въ оборонительное положеніе.

Послѣ двухъ выстрѣловъ всѣ окна сосѣднихъ домовъ открылись. Съ разныхъ сторонъ толпились любопытные прохожіе.

Стѣфенъ и Персеваль первые бросились на маркиза.

— Двое на одного! вскричалъ онъ иронически: это очень благородно!

Рио-Санто замахнулся кинжаломъ на Стѣфена, споткнувшись объ изломанную оглоблю.... въ то же время издали послышался неясный гулъ, подобный морскому шуму.... Рио-Санто сталъ прислушиваться.... шумъ увеличивался.... на лицѣ маркиза выразилась радость; онъ отбросилъ кинжалъ и отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ:

— Я вижу, что вы цѣлой толпой нападаете на одного; во всякой другой странѣ это была бы низость, въ Лондонѣ же это называется осторожною предусмотрительностью.... Какъ дворянинъ, я сдаюсь только дворянину, сэру Франку Персевалю!

Рио-Санто, окруженный огромною толпою, послѣдовалъ за Франкомъ и Стѣфеномъ. Онъ былъ спокоенъ, потому что шумъ, слышавшійся вдали, постепенно усиливался. Онъ зналъ, откуда происходилъ этотъ шумъ. То были голоса Дѣтей Семьи, и маркизъ надѣялся, что они спасутъ его..... но надежда его не сбылась. Причина шума была извѣстна еще одному человѣку, какъ-бы избранному самимъ Провидѣніемъ, для строжайшаго наказанія Ферджуса О'Брина. Этотъ человѣкъ былъ Энджусъ Макъ-Ферлэнъ.

— Остановитесь! вскричалъ онъ изъ-дали и Рио-Санто побѣднѣлъ при звукахъ голоса, принадлежавшаго нѣкогда лучшему другу, а теперь злѣйшему врагу его.

Лердъ рассказалъ все что зналъ. Франкъ и Стѣфенъ тотъ-

часъ же рѣшились идти въ другую сторону. Рио-Санто противился; его принудили.... тогда отчаяніе овладѣло имъ. Не было надежды къ спасенію!....

Полчаса спустя онъ былъ въ рукахъ полиціи....

Между-тѣмъ улицы наполнялись народомъ. Полнсмены разогнали толпу, но такъ какъ послѣдняя только бродила по улицамъ, не приступая ни къ какимъ дѣйствіямъ, то и полнсмены не могла принять рѣшительныхъ мѣръ.

Толпа ждала сигнала, котораго уже некому было подать. Время проходило. Шелъ снѣгъ. Толпа забла, сучала и расходилась.

Макъ-Ферлэнъ открылъ намѣреніе членовъ Семьи овладѣть банковскими суммами, и въ десять часовъ вечера сильный отрядъ солдатъ окружилъ лавку мистера Смита.

Дѣти Семьи, собравшіеся туда, разбѣжались. Педди проклиналъ себя и всѣхъ; Снэль маукнулъ; Смитъ благодарилъ судьбу, что въ проходѣ не осталось ни души, исключая, однако жъ, полумертваго Саундерса.

Въ полночь, всѣ въ городѣ спокойно спали, исключая дюжины каменщиковъ, закладывавшихъ, при свѣтѣ факеловъ, спускъ въ подземный проходъ, изъ магазина шипучей содовой воды...

Было уже поздно, когда Сузанна передала Клару Аннѣ и приказала извозчику ѣхать въ Регентъ-Стритъ, къ дому графини Дѣрби.

Леди Офелія сидѣла въ глубокихъ креслахъ; грусть и уныніе были написаны на лицѣ ея. При входѣ Сузанны она радостно привстала.

— О! произнесла она тихимъ голосомъ: я думала, что и вы совсѣмъ забыли меня.

— Какъ вы блѣдны и грустны, леди Офелія! сказала Сузанна съ участіемъ.

— Да, я грустна, отвѣчала графиня, приложивъ руку къ сердцу: я нездорова... но болѣзнь моя не изъ тѣхъ, которыя требуютъ помощи врача.... Я послѣ расскажу вамъ мои страданія.... но что съ вами, милая Сузанна?

— Я не могу рассказать вамъ своихъ страданій потому что это тайна.... тайна, мнѣ не принадлежащая.... но я

много, много страдала и утѣшаюсь однимъ... скоро вы все узнаете, скоро.... когда я сдѣлаюсь женою Бріана Лекчестера....

Графиня обняла Сузанну.

— О! сказала она: я предчувствовала, что вы принесете мнѣ радостную, утѣшительную вѣсть.... Какъ я счастлива! Я знаю Бріана, онъ благороденъ, великодушень, добръ..... О! вы будете счастливы съ нимъ!....

— Миледи, сказала Сузанна покраснѣвъ: хоть я не могу еще открыть вамъ всей тайны своей, но должна объяснить затрудненіе, въ которомъ нахожусь.... я прошу у васъ убѣжища!...

— Убѣжища! съ изумленіемъ повторила графиня: а герцогиня де Жевръ?....

Сузанна замолчала. Какъ молнія промелькнула въ умѣ Офеліи мысль о странномъ, внезапномъ появленіи Сузанны, о дѣственной наивности ея, несмотря на названіе вдовы; она поняла, что тутъ была какая-то тайна и раскаялась въ послѣднемъ своимъ восклицаніи.

— Извините, милая Сузанна, сказала она: благодарю васъ за то, что вы не усомнились въ готовности моей служить вамъ.

— Я полагалась на вашу доброту; мнѣ нужно убѣжище и кромѣ-того....

— Кромѣ-того? ласково повторила леди Офелія.

— Я два дня не видалась съ Бріаномъ, проговорила молодая дѣвушка, покраснѣвъ.

Графиня скоро встала и позвонила.

— Дженни, сказала она вошедшей служанкѣ: подай мнѣ чернила и бумаги.—Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ, продолжала графиня, когда горничная исполнила ея приказаніе: я не скажу ему, что вы здѣсь...

Написавъ записку, Офелія отдала ее горничной, приказавъ отослать немедленно къ Бріану Лекчестеру и ждать отвѣта.

Дженни удалилась. Сузанна отъ души поблагодарила графиню.

Прошло полчаса въ самыхъ дружескихъ разговорахъ.

Дженни воротилась съ письмомъ въ рукахъ. То было письмо написанное графиней.

— Что это значить? спросила она.

— Срѣзъ Бріанъ Ленчестеръ уже третій день не возвращался домой и никто не знаетъ гдѣ онъ находится.

Сузанна чуть не лишилась чувствъ. Офелія утѣшала ее....

На другой день въ два часа по полудни, виконтъ де-Лантюрь-Люсь пришелъ къ графинѣ Дѣрби съ визитомъ.

Во всякое другое время посѣщеніе это было бы очень не пріятно графинѣ, но теперь она обрадовалась ему какъ средству узнать всѣ столичныя новости и главное то, куда дѣвался Бріанъ.

Лантюрь-Люсь ловко пригладилъ волосы, вошелъ и шаркался, играя лорнетомъ.

— Позвольте, графиня, сказалъ онъ подходя къ рукѣ Офеліи; потомъ обратившись, къ Сузаннѣ, онъ поцѣловалъ и ея руку, проговоривъ: позвольте, княгиня.

— Что новаго? спросила нетерпѣливо леди Дѣрби.

— Множество различныхъ новостей! отвѣчалъ виконтъ; кромѣ шутокъ, множество! Я подумалъ нынче утромъ: очаровательная наша графиня никуда не выѣзжаетъ, никого не принимаетъ, ничего не знаетъ — попытаюсь! можетъ быть я удостоюсь вступить въ домъ ея, образецъ изящнаго вкуса, кромѣ шутокъ, образецъ!...

— Но какія жъ новости, виконтъ?

— Множество, кромѣ шутокъ!... Во-первыхъ, я долженъ доложить вамъ обстоятельство, которое доставитъ вамъ не малое удовольствіе.... миссъ Мери Треворъ поврывается....

— Развѣ она была нездорова? спросила графиня.

— Какъ! возможно ли? вскричалъ Лантюрь-Люсь съ крайнимъ изумленіемъ: вы не знали!... Кромѣ шутокъ, это ценностижимо!.... Тѣмъ лучше, я буду имѣть удовольствіе рассказать вамъ все дѣло.... миссъ Треворъ впала въ катаlepsію...

— Возможно ли?

— Катаlepsію! Настоящую, совершенную катаlepsію!...

Кромѣ шутокъ!... Докторъ Мурѣ говорилъ, что она не поправится.... Вадоръ! она поправилась и теперь нѣтъ уже никакой опасности.

— Какое счастье! сказала Офелія. Бѣдная Мери! Какъ я рада, что узнаю въ одно время о болѣзни и выздоровленіи ея.

— Графиня, позвольте вамъ доложить, что у васъ ангельское сердце; кромѣ шутокъ!.... Но это еще не все. Пришелъ въ себя, Мери заговорила иначе. Мы всѣ думали, что она имѣла склонность къ маркизу Рио-Санто..... ничего не бывало! Она любитъ Франка Персевала!.... Онъ добрый, милый малый, но никакъ не можетъ сравниться съ маркизомъ.

— И это хорошая новость, проговорила графиня.

— Леди Кемблѣ внѣ себя! продолжалъ Лантюръ-Люсъ, но и это еще не все. Главнѣйшая новость касается милого нашего Бріана Ленчестера.....

Сузанна вздрогнула. Она стала слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ.

— Что же случилось? спросила графиня.

— Вы ни за что въ мірѣ не угадали бы этого..... впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство невѣроятное.... Бріанъ сошелъ съ ума.

Сузанна поблѣднѣла, но не произнесла ни одного слова.

— Не можетъ быть! вскричала Офелія.

— Я самъ говорилъ, что не можетъ быть, но увы! удостоверился въ дѣйствительности этой новости.....

— Дана чѣмъ основано это обвиненіе въ сѣумасшествіи? спросила леди Дерби.

— На всей прошедшей жизни его и на словахъ графа Вейтъ-Манора.

— Болѣе ни зачемъ? спросила нѣсколько успокоившись Сузанна.

— Ни на чемъ, отвѣчалъ виконтъ: но вѣдь если говорить правду, такъ посудите сами, mesdames.....

— Гдѣ же онъ находится? спросила леди Офелія.

— Въ домѣ сѣумасшедшихъ, только незнаю какомъ.....

Сузанна опять поблѣднѣла.

— Онъ заключенъ въ домъ съумасшедшихъ! проговорила она съ ужасомъ.

— Да, да, это вѣрно, отвѣчалъ Лантюрь-Люсь.

Онъ пробылъ еще нѣсколько минутъ и рассказавъ всѣ новости, раскланялся.

— Офелія, вскричала Сузанна, оставшись одна съ графиней и бросившись въ ея объятія: я увѣрена, что тутъ кроется адскій замыселъ, жертвой котораго сдѣлался Брианъ. О! я найду его!.... Я сейчасъ же ѣду утѣшить его!....

— Но, Сузанна, вы даже не знаете, гдѣ онъ находится.... подождите.....

— Ждать! Нѣтъ, нѣтъ!.... Я сейчасъ должна ѣхать отъискивать его.

Графиня не старалась болѣе удерживать Сузанну и приказала заложить свой экипажъ.

Сузанна заѣзжала въ нѣсколько больницъ и все тщетно. Наконецъ она пріѣхала къ великолѣпному дому умалишенныхъ, основанному въ Джемсъ-Паркѣ саромъ Вениаминомъ Рочемъ, бывшимъ членомъ парламента. Тамъ она спросила Ленчестера и ей отвѣчали, что за два дня привезли человѣка, называвшагося этимъ именемъ. На убѣдительныя просьбы Сузанны обѣщали прислать умалишеннаго.

Она между-тѣмъ сѣла у рѣшетки сада, за которой прогуливались нѣсколько человѣкъ важной наружности. Одинъ изъ нихъ воображалъ себя Наполеономъ, другой Лютеромъ, третій Луной, а четвертый египетской муміей, прекрасно сохранившейся въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ.

Они обходились очень вѣжливо другъ съ другомъ и вслѣдствіе старались скрывать взаимное состраданіе. Особенно мумія имѣла самыя аристократическія манеры.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ сторожа привели старика, съ болѣзненнымъ и выѣстъ злобнымъ выраженіемъ лица.

— Вы, миледи, желаете поговорить съ лордомъ? вѣжливо спросилъ одинъ изъ сторожей.

Сузанна взглянула на старика, печально покачала головою и отвѣчала:

— Нѣтъ, мистеръ, нѣтъ..... это ошибка..... я думала.....

Она не успѣла еще договорить, когда старикъ, задрожавшій при звукахъ голоса ея, вырвался изъ рукъ сторожей, бросился къ молодой дѣвушкѣ и схватилъ ее за руку..... Сторожа испугались; малѣйшее обстоятельство могло привести старика въ бѣшенство и подвергнуть опасности жизнь Сузанны. Они медленно и со всевозможною осторожностью стали приближаться.

— Нѣтъ! нѣтъ! проговорилъ умалишенный, она не дочь моя!.... Миѣ кажется, что я сдѣлался бы добръ, если бы Господь даровалъ миѣ ребенка!....

Онъ услышалъ за собою шаги приближавшихся сторожей и закричалъ:

— Не подходите!.... Потому страшно засмѣявшись, продолжалъ: Патерсонъ! привнеси веревку..... Дитя похоже на ирландскаго нищаго.... оно не мое!.... Онъ сдѣлалъ движеніе какъ-бы схватилъ веревку и набросилъ ее на шею Сузаннѣ, которая дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Смотрите! смотрите! смотрите! вскричалъ старикъ; она осталась молода и хороша..... а я состарѣлся..... Это несправедливо!.... Она измѣнила миѣ..... не помню, когда это было..... Кажется, вчера?.... Мищеніе, мищеніе!.... Кто изъ васъ, джентльмены, хочетъ купить эту женщину?

Прочіе съумасшедшіе приблизились. Наполеонъ приставилъ къ глазу кулакъ, въ видѣ зрительной трубы; Лютеръ сказалъ, что всему этому папа виноватъ; Луна грозила, что она спрячется за тучу, а Египетская Мумія вскричала, что въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ она не видала ничего подобнаго.

Между-тѣмъ сторожа схватили съумасшедшаго; тогда онъ бросилъ ядовитый взглядъ на Сузанну и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Ты хочешь поцѣловать свою дочь?.... Слушай же! Она умерла, умерла, умерла!....

— Уведите этого безумнаго! приказалъ Наполеонъ, показавъ табакъ, который онъ вынулъ изъ бокового кармана.

— Я хочу назадъ, къ пирамидамъ!.... закричала Мумія.

— Не вамъ, джентльменъ, толковать о пирамидахъ! Онѣ меня знаютъ! сказала небрежно Наполеонъ, и величественно удалился.

— Это все папа надѣлалъ! сказалъ пожавъ плечами Лютеръ.

— Нѣтъ, это происходитъ оттого, что я въ первой четверти!.... замѣтила Луна.

Съумасшедшіе разбрелись.

Сузанна осталась одна. Видъ и слова безумнаго старика, произвели на нее странное, необъяснимое впечатлѣніе.....

Прошло три дня въ тщетныхъ поискахъ. На четвертый день леди Оселія вошла въ комнату Сузанны и бѣжала ее со слезами на глазахъ.

— Я сдѣлала все, что могла, сказала она: и узнала, гдѣ находится Брианъ.

— Гдѣ, скажите, ради Бога, гдѣ? вскричала Сузанна.

— Въ Бедлемѣ.

— О, какъ я вамъ благодарна!

— Пойдите, милая Сузанна, не радуйтесь, потому что трудно..... очень трудно будетъ спасти его.....

Сузанна со слезами на глазахъ бросилась къ ногамъ графини, умоляя ее употребить всѣ усилія, чтобы освободить Ленчестера.

— Пойдите, вскричала Оселія, какъ-бы пораженная внезапной идеей: я была прежде въ дружескихъ сношеніяхъ съ леди Б... , я обращусь къ ней..... она могущественна и, вѣроятно, не откажется помочь мнѣ!

— Но что можетъ сдѣлать леди Б... ?

— Развѣ вы не знаете отношеній ея съ герцогомъ I... ?
О! одно слово ея можетъ спасти насъ! До свиданія, Сузанна. Потерпите. Черезъ полчаса я буду назадъ.

Сузанна ждала. Каждая минута казалась ей вѣчностью. Она припоминала каждое слово графини; то сладостная надежда проникала въ сердце ея, то глубокое уныніе подавляло душу ея.

Когда леди Оселія воротилась, Сузанна стояла на коленяхъ; крупныя слезы катились по щекамъ ея.....

— Радуйтесь, милая Сузанна! вскричала графиня, обнявъ ее: радуйтесь!

Суванна не могла выговорить ни слова отъ внезапной радости; потому она крѣпко прижала руку графини къ своимъ губамъ.

— Теперь, Суванна, радостно продолжала Офелія: поѣзжайте сами съ этимъ письмомъ къ главному доктору Бедлама..... Это просьба министра освободить Ленчестера.... Вы знаете, что подобныя просьбы нѣсколько по-значительнѣ приказаній.....

—

Въ конторѣ Бедлама, за круглымъ столомъ, три врача съ приличною важною держали консилиумъ.

Одинъ изъ нихъ, директоръ дома умалишенныхъ, оканчивалъ какую-то длинную рѣчь слѣдующими словами:

— Въ такомъ случаѣ, господа, безуміе джентльмена вполне доказано; странные, безразсудные отвѣты его на всѣ наши вопросы, эксцентрическіе поступки его и, наконецъ, свидѣтельство почтенныхъ и достовѣрныхъ особъ, заставляютъ меня слѣвать слѣдующее заключеніе: сэръ Бріанъ Ленчестеръ.....

— Письмо къ господину директору, прервалъ сторожъ, вошедшій въ ту минуту въ комнату.

— Хорошо!.... И такъ я заключаю, что.....

— Леди, пріѣхавшая съ этимъ письмомъ, говоритъ, что дѣло весьма важное, сказалъ опять сторожъ.....

— Хорошо, хорошо!.... И такъ я заключаю.....

— Письмо это отъ министра, прервалъ доктора сторожъ.

— А!.... отъ министра?.... Извините, господа, я только пробѣгу письмо и скажу свое заключеніе.

Директоръ прочиталъ письмо.

— А-га!.... а-га!.... проговорилъ онъ, и обратившись къ сторожу прибавилъ: скажи этой леди, что я сейчасъ буду..... Теперь, господа, воротитесь къ моему заключенію..... И такъ, по всѣмъ вышеприведеннымъ доказательствамъ я заключаю, что сэръ Бріанъ Ленчестеръ находится въ полномъ разумѣ.

— Какъ вы изволили сказать? съ изумленіемъ спросили оба врача.

— Господа, съ достоинствомъ промолвилъ директоръ: я высказалъ то, къ чему убѣдился.

Оба доктора посмотрѣли другъ на друга, пожали плечами и молча поклонились директору.

Бріанъ былъ запертъ въ кѣтку какъ бѣшеный. Руки и ноги его были связаны..... невозможно описать того, что Ленчестеръ перенесъ въ эти три дня. Со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ существами, походившими болѣе на дикихъ звѣрей, нежели на людей. Безвѣстанный ревъ и вопль не давали ему ни минуты покою: Еще нѣсколько дней и Бріанъ сошелъ бы съ ума.

Невозможно описать сладостнаго ощущенія, которое произвелъ на него голосъ Сузанны. Онъ сначала не вѣрилъ своему слуху, принимая звуки этого голоса за мечту разстроеннаго воображенія..... Сторожа сжали съ него приборы страшной пытки..... Бріанъ выпрямился и задрожалъ какъ левъ, вырвавшійся изъ кѣтки и потрясающій гривой при свиданіи съ родной пустыней..... Онъ осмотрѣлся, схватилъ руку Сузанны и не говоря ни слова увлекъ ее за собою.

— Гмъ! гмъ! проворчалъ директоръ: онъ оччень невѣжливъ! Забылъ даже поблагодарить меня.

Только въ каретѣ Ленчестеръ заговорилъ. Онъ долго смотрѣлъ на Сузанну, потомъ поцѣловалъ руку ея и произнесъ съ чувствомъ:

— Благодарю!.... благодарю!.... мой добрый ангель-спаситель!

— О, Бріанъ! проговорила молодая дѣвушка: не благодарите..... не я ли причиной вашихъ страданій?

— Правда, сказалъ Бріанъ нахмуривъ брови. Но теперь я свободенъ..... теперь я рассчитуюсь съ ними и съ вами, Сузанна..... скажите мнѣ, куда скрылся человекъ извѣстный вамъ подъ именемъ Тирреля?

— О, милордъ! со страхомъ вскричала Сузанна: не подергайтесь болѣе его ищенію!

— Ищеніе его теперь безсильно..... я долженъ видѣться съ нимъ.

Последнія слова были произнесены такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что Сузанна не могла болѣе противиться. Она сказала адресъ дому доктора Муре.

— Миледи, сказалъ Ленчестеръ, когда карета остано-

вилась у этого дому; подождите меня здѣсь..... я сейчасъ ворочусь..... если жъ..... онъ замолчалъ, посмотрѣлъ на часы и продолжалъ:—Если жъ я не возвращусь черезъ полчаса, то знайте что мщеніе мое совершено.

— О, Бріанъ! сжальтесь надо мною, вскричала умоляющимъ голосомъ Сузанна.

Бріанъ не отвѣчалъ. Нѣсколько секундъ спустя онъ вошелъ, безоружный, въ домъ доктора. Роулей встрѣтилъ его съ поклонами.

— Потрудитесь сѣсть, милордъ, сказалъ онъ съ любезностью, какой только были доступны лицо и голосъ его: я сейчасъ схожу за докторомъ.

— Не надо, отвѣчалъ Ленчестеръ.

— Не надо? Та, та, та, та! Что же вамъ надо?

— Скажите мистеру Тиррелю, что одинъ джентльменъ желаетъ немедленно переговорить съ нимъ.

— Мистеру Тиррелю, повторилъ Роулей, мистеру Тиррелю..... Кто это такой?

— Тиррель или Спенсеръ, это всё-равно.

— Спенсеръ? То же не знаю. Ахъ, вѣтъ, виноваты! знаю Спенсера..... онъ года два тому назадъ купилъ аптеку.....

— Миѣ некогда, мистеръ! нетерпѣливо вскричалъ Бріанъ. Подъ какимъ бы именемъ ни скрывался этотъ человекъ—Тиррель, Спенсеръ или Мекензи: я хочу видѣть его!

— А зачѣмъ, сэръ? спросилъ Тиррель, вошедшій въ эту минуту въ комнату.

Бріанъ оглянулся. Тиррель узналъ его и съ невольнымъ движеніемъ страха отступилъ.

— А!... произнесъ онъ, поблѣднѣвъ; потомъ проворчалъ сквозь зубы: Вездѣ неудача!

— Вы у меня въ долгу, мистеръ Изманъ, сказалъ Бріанъ.

— Сосчитаемся, милордъ... что вамъ угодно?

— Во-первыхъ, скажите миѣ имя отца Сузанны.

— А во-вторыхъ?

— Скажите миѣ это имя, говорятъ вамъ! повелительно вскричалъ Бріанъ.

— Не скажу, хладнокровно отвѣчалъ Жидъ.

— Берегись, Измаилъ!...

Жидъ презрительно пожалъ плечами.

— Берегитесь сами, милордъ, отвѣчалъ онъ дерзко. Вы забываете, что если я захочу, то вы не выйдете отсюда....

— Я это зналъ, и потому принялъ всѣ нужныя мѣры. Тиррель пристально посмотрѣлъ на Бріана.

— Милордъ, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія: я даромъ не открою вамъ этой тайны.

— Я заплачѹ.

— Вы бѣдны, милордъ!... сказалъ Тиррель съ улыбкой: рука, которая посылала вамъ ежемѣсячно сто гиней, теперь въ цѣпяхъ....

— Вы знаете!... съ живостью вскричалъ Ленчестеръ.

— Знаю, милордъ; но этой тайны я не продамъ. И такъ съ этой стороны вы бѣдны, но съ другой стороны вамъ предстоитъ огромное богатство.... Братецъ вашъ, графъ Вейтъ-Маноръ, сошелъ съ ума.

— Возможно ли! вскричалъ Бріанъ съ грустью.

Тиррель захохоталъ.

— Вашъ жалко?... Кажется, вы не упустили ничего, чтобы ввергнуть его въ это состояніе!

Бріанъ опустилъ голову. Не сарказмъ злодѣя, но собственная совѣсть укоряла его.

— Если вамъ угодно, продолжалъ Тиррель: такъ я вамъ подробно расскажу всѣ причины недуга вашего сіятельнаго брата. Представьте себѣ, онъ видитъ васъ безпрестанно передъ глазами и это сводитъ его съ ума....

— За молчи! произнесъ Бріанъ тихимъ голосомъ.

— Надо отдать вамъ справедливость; вы прекрасно вели войну съ графомъ!...

— За молчи, говорятъ тебѣ! повторилъ Ленчестеръ съ сердцемъ: я хочу знать имя отца Сузанны!

— Мало ли что намъ хочется знать! хладнокровно возразилъ Тиррель: мнѣ, на примѣръ, очень бы хотѣлось узнать, какая благодѣтельная ося освободила васъ изъ Бедлема....

— Измаилъ, сказалъ Ленчестеръ: два раза отъ висѣлицы спастись трудно.

— Я того же мнѣнія.

— Дамъ тебѣ честное слово, что если ты не откроешь мнѣ сейчасъ же имени отца Сузанны, то я прямо отсюда пойду въ полицію и подамъ на тебя жалобу.

— А кто вамъ сказалъ, милордъ, что вы выйдете отсюда?

— Въ такомъ случаѣ готовься отравляться на висѣлицу. Я уже сказалъ тебѣ, что принялъ свои мѣры.

Тиррель придалъ лицу своему спокойное, добродушное, почтительное выраженіе.

— Милордъ, сказалъ онъ, я не смѣю болѣе противиться.... потрудитесь присѣсть. Я сейчасъ открою все, что вамъ угодно знать.

Брианъ сѣлъ. Тиррель смотрѣлъ на него нѣсколько секундъ; мало-по-малу взоръ его оживлялся и, наконецъ, принялъ то адское выраженіе, которое заставляло трепетать Сузанну.

— Милордъ, сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ и съ звѣрской улыбкой: вы виноваты въ томъ, что меня повѣсили. Безъ васъ я былъ бы теперь милліонеромъ.... Сузанна была для меня неистощимое сокровище.... вы украли ее у меня!... Милордъ, вы приняли мѣры, чтобы защититься отъ моего кнѣзжа.... но у меня есть другое средство отомстить вамъ!... Вы хотите знать имя отца Сузанны?... Хе, хе, хе! Будто вы не знаете этого имени!

Брианъ былъ блѣденъ. Сердце его сжалось.

— Не знаю.... нѣтъ! не знаю.... отвѣчалъ онъ задыхающимся отъ внутренняго волненія, голосомъ.

— Вы ждете, милордъ! вскричалъ Тиррель съ отвратительною радостью: мнѣ незачѣмъ произносить этого имени.... вы сами догадались кто отецъ Сузанны.... да! вы не ошиблись! Она дочь его и вы не можете жениться на ней!

Брианъ глухо застоналъ, прижалъ руку къ сердцу и нетвердыми шагами пошелъ къ двери.

— Милордъ, съ ненавистью кричалъ вслѣдъ Тиррель: есть средство устроить это дѣло: сдѣлайтесь братомъ моимъ по религіи.... законъ Моисея дозволяетъ дядѣ жениться на племянницѣ!...

Брианъ поспѣшно сбѣжалъ внизъ и подошелъ къ каретѣ, въ которой ждала его Сузанна. Молодая дѣвушка съ ужасомъ вскрикнула, замѣтивъ разстроенный видъ Ленчестера.

— Миледи, произнесъ онъ слабымъ голосомъ: Сузанна!... Я не могу ѣхать съ вами.... Прощайте!

Онъ поспѣшно удалился, сдѣлавъ знакъ кучеру, чтобы тотъ ѣхалъ.

Вечеромъ Сузанна получила записку слѣдующаго содержания:

«Я не увижу васъ болѣе, Сузанна, потому что я братъ вашего отца и люблю васъ. Забудьте, что мы могли быть счастливы. Я не забуду васъ и употреблю всѣ усилія, чтобы найти вашу мать.

Брианъ»

Сузанна безъ чувствъ упала въ объятія леди Офеліи.

Прошло шесть недѣль.

Въ началѣ февраля 183* года, начались въ Ольдъ-Бейлеѣ засѣданія уголовного суда.

Судили славнаго, блестящаго маркиза де-Ріо-Санто.

Съ десяти часовъ утра множество народу толпилось вокругъ судилища. Никогда любопытство не было возбуждено до такой степени. За мѣста въ Ольдъ-Бейлеѣ давали до десяти фунтовъ стерлинговъ.

У входа стояла женщина въ глубокомъ траурѣ и со спущеннымъ чернымъ воалемъ. Когда въ четверть двѣнадцатаго констебли ввели маркиза, женщина приподняла воаль. Ріо-Санто невольно обратилъ на нее взоръ и узналъ графиню Дерби.... Сердце его наполнилось чувствомъ нѣжной, неограниченной признательности ...

Встрѣтивъ взглядъ маркиза, Офелія опустила воаль; глаза ея наполнились слезами, голова закружилась.... она бы упала, если бѣ незнакомая рука не поддержала и не помогла ей выбраться изъ толпы. Рука эта принадлежала женщинѣ, также въ полномъ траурѣ и съ опущеннымъ воалемъ.

— Кто вы? спросила графиня.

— Миледи, я бѣдная женщина, имя мое — Фанни Вер-

грамъ, отвѣчала незнакомка. О! миледи, я видѣла ваши слезы... Какъ я вамъ благодарна!.... Я то же любила его.... благодарю васъ, миледи!

Фанни поцѣловала руку графини и исчезла въ толпѣ.

Между-тѣмъ какъ производился судъ надъ маркизомъ де-Ріо-Санто, въ небольшой тавернѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ольдъ-Бейлея, собрались нѣкоторые изъ вѣро-степенныхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа.

Въ одномъ изъ стойлъ или отдѣлений, уже описанныхъ нами, сидѣлъ почтенный капитанъ Педди О'Кренъ и пилъ джинъ, разведенный водой, безъ сахару и съ лимономъ. За другой перегородкой были Снэль, Меджъ, Лу и Мичъ, на лицѣ котораго видны еще были слѣды побоища его съ Тѣрнбулемъ. Далѣе находился Бобъ-Лантернъ, съ Темпераенсой; наконецъ, въ отдаленнѣйшемъ углу, никѣмъ незамѣченный, завтракалъ Донноръ.

— Славная была бы пожива! сказалъ Снэль, продолжая разговоръ о неудавшемся расхищеніи Банка: я занималъ почетный постъ... Мичъ, любезный зять, смотри какъ Лу тяжело дышетъ, налей ей джину!

Мичъ наполнилъ стаканъ. Лу взяла его, но стаканъ выналь изъ дрожавшей руки ея и разбился въ дребезги.

— Кто-нибудь умретъ, равнодушно сказалъ Мичъ.

— Вздоръ! вскричалъ Снэль: давай другой стаканъ.... на мой счетъ.....

Лу приподнялась, прижала руки къ груди, застонала и растянулась на скамьѣ.

— Посмотри, Темпераенсъ, посмотри, сокровище мое, сказалъ Бобъ-Лантернъ женѣ: до чего доводитъ злоупотребленіе крѣпкихъ напитковъ.

— О, мой миленькій Бобчикъ, отвѣчала Темпераенсъ, глядя щетинистый подбородокъ Лантерна: налей мнѣ стаканчикъ джину!....

— Надо вамъ разсказать довольно странную исторію, заговорилъ Снэль: въ ту самую ночь, когда мы хотѣли поживиться Банкомъ и когда нагрянули солдаты, я долженъ былъ бѣжать.... помнишь, Лу?

Чахоточная открыла глаза.

— Больно!.... больно! прохрипѣла она. Пресвятая Дѣва, помилуй меня!

Восклицаніе это проникло въ душу Доннора. Онъ невольно приблизился. Снэль подошелъ къ сестрѣ съ полнымъ стаканомъ джину.

— Открой ротъ, сестра, сказалъ онъ ей.

Лу повиновалась и Снэль вылилъ ей въ ротъ весь стаканъ. Какъ бы оживленная гальваническимъ ударомъ, она вскочила, вытаращила мутные глаза, прокричала: — Пить! пить! и принялась кружиться, напѣвая монотонную свою пѣсню.

Донноръ подошелъ и со слезами на глазахъ смотрѣлъ на дочь.

— Здравствуй, дедди, вскричалъ Снэль. Меджь, клаясь свосму тестю!

— Гадкій дьяволёнокъ, проговорилъ капитанъ Педди, выставивъ голову на длинной шеѣ изъ-за перегородки: ты началъ рассказывать какую-то исторію....

— Сейчасъ, тысяча бомбъ! отвѣчалъ Снэль: сейчасъ, долговязая чучела, почтенный капитанъ!.... Слушайте: и такъ я бѣжалъ.... вдругъ возлѣ знакомой намъ таверны остановило меня какос-то ободранное страшилище, смотрѣвшее на Темзу и напѣвавшее старую шотландскую пѣсню... я подошелъ.... страшилище бросилось на меня.... — «Смотри! закричало оно: видишь ли ты ихъ?... Вотъ Груффъ и жена его.... вотъ Клара и Анна!.... Да, да! вотъ они всѣ!.... А вотъ и другъ мой, Ферджусъ!....» Я выпучилъ глаза, глядѣлъ на всѣ стороны... Нигдѣ ничего не было.

— Чтò же дальше? говори, плодъ упавшій съ висѣлицы! сказалъ капитанъ.

— Дальше?... Признаться сказать, я чуть не струслилъ... однако жъ нѣтъ! я смѣло посмотрѣлъ этому человѣку въ глаза, а онъ—вотъ дуралей!—Какъ примется вить, да рыдать! — «Умерли! закричалъ онъ: умерли!....» сказалъ, да и бухъ въ воду!... Я плавать мастеръ, хотѣлъ-быме за нимъ, да нѣтъ, вода была черезъ-чуръ холодна. Пусть, думаю себѣ, тонеть, коли есть охота!.... Чтò же бы вы думали? Онъ съ четверть часа плылъ точно пузырь, не шевеля ни ногами, ни руками... Потомъ опять заплѣлъ свою

шѣсно.... голосъ становился все тише, тише... Наконецъ я уже ничего не видѣлъ, и не слышалъ.

— А Груффъ?

— Потерпите, капитанъ!... Когда съумасшедшій потонулъ, я пошелъ къ гостиницѣ Груффа. Тамъ никого не было.... только возлѣ знакомаго намъ люка, полъ былъ облилъ кровью.... вотъ и все!

— Жалко! проворчалъ капитанъ: жалко! добрыя были товарищи!...

Внезапный шумъ прервалъ слова капитана. Всѣ оглянулись. Лу лежала на полу въ страшныхъ судорогахъ.

— Горить! жечь!... говорила она хриплымъ голосомъ: ради Бога! погасите огонь, вотъ здѣсь!

Донноръ бросился къ ней и сталъ на колѣни.

— Ничего, дедди, сказалъ Снэль, пройдетъ!... Надо ей дать джинну.

— Дедди! проговорила Лу слабымъ голосомъ : Господь скажись надо мною, приславъ васъ въ эту минуту.... о! дедди! потушите огонь, который у меня здѣсь, въ груди!

— Выпей джинну, бѣдная Лу, сказалъ Снэль: тогда все пройдетъ!

Бѣдная дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Дедди, продолжала она: какъ я рада, что вы здѣсь... Не правда ли, я увижусь съ доброй матушкой... дайте мнѣ вашу руку, дедди... вотъ такъ... ахъ! какъ хорошо... теперь не жечь.... какъ мнѣ хорошо!... я....

Она замолчала. Глаза ея закрылись.

— Вотъ и прошло! сказалъ Снэль.

Донноръ заплакалъ, наклонился къ дочери и поцѣловалъ ее въ лобъ. Потомъ онъ сложилъ руки, какъ-бы для молитвы.

— Что, дедди? спросилъ Снэль.

— Прошло, отвѣчалъ Донноръ, взявъ дочь на руки:— она умерла!... и скорыми шагами онъ вышелъ изъ таверны со своей ношей.

Наступила минута мрачнаго молчанія....

— Видишь, Темперенсъ! проговорилъ Бобъ: видишь до чего доводитъ неуверенность!

— Да, мой миленькій Бобчикъ, отвѣчала Темперенсъ: и

если ты не велишь подать еще бутылку джину, такъ я умру точно такъ, какъ эта дѣвушка.

— Меджъ, сказалъ Снэль, удерживая слезы: хотя взрослому мужчинѣ и не прилично предаваться горести, но.... вѣдь Лу миѣ сестра.... Бѣ... бѣ... бѣдная Лу!... Снэль быстро отвернулся: онъ стыдился слезъ, навернувшихся на его глазахъ.

Вновь наступившее молчаніе было прервано большимъ шумомъ, раздавшимся на улицѣ. Всѣ члены Семьи невольно вскочили и вскричали въ одинъ голосъ:

— Приговоръ произнесенъ!

— Да, произнесенъ! сказалъ Тѣрибуль, который вошелъ въ ту минуту въ таверну и съ такой силой толкнулъ дверь, что она чуть не слетѣла съ петель.

— Какой приговоръ? спросилъ Педди, забывъ въ-торопяхъ прибавить къ этому вопросу какое-нибудь прилагательное.

Всѣ окружили Томма, который бросился на скамью и продолженіи нѣсколькихъ секундъ молчалъ. На грубомъ лицѣ его выражалась глубокая грусть.

— Я только недавно узналъ его, сказалъ онъ: но если бѣ могъ спасти его, пожертвовавъ собою, то не поколебался бы ни минуты.

— Онъ приговоренъ?... проговорилъ капитанъ.

— Къ смерти! отвѣчалъ Тѣрибуль.

Важнѣйшіе члены Семьи не дремали. Несмотря на смертный приговоръ, произнесенный надъ Ферджусомъ О'Бриномъ, англійскимъ подданнымъ, называвшимся дономъ Хосе-Маріа Теллесъ де-Аларконъ, маркизомъ де Рио-Санто, португальскимъ грандомъ и прочее, они рѣшились спасти его. По хитрымъ пронкамъ Семьи, къ заключенному, для бѣльшей предосторожности, былъ представленъ человекъ вѣрный и сильный. Человекъ этотъ, за котораго поручились нѣкоторые изъ судей, былъ — Рендель Грэмъ.

Наканунѣ дня казни, въ одиннадцать часовъ вечера, тюремный сторожъ, по обыкновенію своему, осмотрѣлъ всѣ углы, стѣны темницы; въ которой содержался маркизь,

перерылъ солому, на которой онъ лежалъ, и найдя все въ порядкѣ, спокойно удался.

— Готовы ли вы, милордъ? спросилъ Рендель маркиза, когда они остались одни.

— Готовъ.

Грэмъ подошелъ къ окну, отворилъ его и бросилъ сквозь рѣшетку серебряную монету. Въ то же мгновеніе въ нѣкоторомъ разстояніи послышалось продолжительное мяуканье.

— Они ждутъ насъ, сказалъ Грэмъ. О'Бринъ, минута нашей разлуки настала.... Если я погибну, то вспомните иногда о бѣдномъ Ренделѣ.... Клянусь, я бы не сдѣлалъ для роднаго отца того, что дѣлаю для васъ.

— Я буду вспоминать о васъ, какъ о лучшемъ, единственномъ другѣ, съ грустью отвѣчалъ маркизъ: но к чему эти печальныя мысли?.... Мы увидимся еще.... я увѣренъ.

Рендель покачалъ головой.

— Нѣтъ, *Брикъ-Некъ* (Голово-Ломка) мнѣ знакомъ; впрочемъ зачѣмъ упивать, Ферджусъ.... Кто знаетъ? можетъ-быть, я и спасусь.

— Неужели этотъ Брикъ-Некъ въ самомъ дѣлѣ такъ опасенъ?

— Я думаю.... Это лѣстница въ шестьдесятъ ступеней, идущая почти перпендикулярно и подъ которой возвышается стѣна каменнаго дому.... Днемъ я ни за что бы не рѣшился спуститься по этой опасной лѣстницѣ; ночью же не видно!.... За дѣло, Ферджусъ!

— Но развѣ другой дороги нѣтъ?

— Никакой.

Рю-Санто закрылъ лицо руками и нѣсколько секундъ оставался въ размышленіи; Рендель между-тѣмъ ловко снялъ съ него уже прежде подпиленные цѣпи.

— Благодарю, сказалъ маркизъ вставая: я принимаю ваше самоотверженіе не для себя....

— За дѣло! повторилъ Рендель, скинулъ съ себя сюртукъ и сталъ развѣртывать шелковую веревку, обвитую вокругъ его тѣла. Потомъ онъ сорвалъ рѣшетку, пред-

варительно подпиленную и прикрѣпилъ веревку къ толстому гвоздю, которымъ придерживалась рѣшетка.

Рендель дѣйствовалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Онъ очень хорошо понималъ предстоявшую ему опасность, тѣмъ болѣе что онъ рѣшался спуститься съ страшной лѣстницы на лошади, но преданность его къ Ферджусу была такъ сильна, что онъ охотно жертвовалъ для него жизнью. Цѣль его была отвлечь вниманіе часовыхъ съ другихъ пунктовъ и тѣмъ дать возможность О.Брину снастись.

Когда веревка была прикрѣплена, Рендель обратился къ маркизу и протянулъ къ нему руку.

— Да свиданія, сказалъ онъ. Пользуйтесь удобной минутой и не забывайте меня.

Нѣсколько минутъ спустя онъ былъ уже за окномъ.

— Кто идетъ? закричалъ часовой.

Вмѣсто отвѣту Рендель послѣшво побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ его ждалъ Снэлъ съ осѣдланною лошадыю.

— Убѣжалъ! громко закричалъ часовой.

Восклицаніе это имѣло волшебное дѣйствіе. Казалось, всѣ камни мостовой превратились въ полицейскихъ служителей. Рендель скоро скакалъ, преслѣдуемый множествомъ полицменовъ и солдатъ.... стрѣлой долетѣлъ онъ до Брикъ-Нека.... тамъ лошадь его остановилась.... онъ ударилъ ее.... всадникъ и лошадь исчезли....

Полицмены съ ужасомъ остановились. Они слышали какъ копыта лошади ударили о первыя ступени страшной лѣстницы.... потомъ послышался глухой шумъ, подобный паденію тяжелаго тѣла и все затихло....

Тогда полицмены, вооружившись фонарями, стали осторожно спускаться по Брикъ-Неку. На первыхъ уже ступеняхъ замѣтили они слѣды крови.... Внизу, въ узенькомъ, безъмянномъ переулкѣ они нашли избитый, страшно изуродованный трушъ лошади.... но слѣдовъ всадника не было.... ни даже ялочка отъ его платья.

Полицмены съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга и пустились искать по сосѣднимъ улицамъ.

Это обстоятельство отдалило отъ тюрьмы всѣхъ полицменовъ, такъ что Рио-Санто безпрепятственно спусти-

ся изъ она, черезъ минуту послѣ Ренделя. Ползкомъ добрался онъ до угла, гдѣ ждали его нѣкоторыя Дѣти Семьи и женщина въ черномъ платьѣ.

— Я здѣсь, снисьоръ! произнесъ кто-то тихимъ голосомъ. Въ то же мгновеніе Бѣмбо вышелъ изъ темнаго прохода съ осѣдланною лошадью.

Ріо-Санто обнялъ молодаго человѣка, крѣпко прижалъ его къ сердцу и вскочилъ на лошадь.

— Прощай, Анджело, мы еще увидимся!

Маркизь хотѣлъ уже ѣхать, какъ-вдругъ женщина въ черномъ платьѣ бросилась къ нему и схватилась за гриву лошади.

— Вы ли это, Офелія? спросилъ Ріо-Санто.

— Нѣтъ.... отвѣчала женщина слабымъ голосомъ.

— Кто же вы?

— Клара Макъ-Ферланъ!...

— Чтѣ вамъ надо, миссъ? спросилъ маркизь съ грустнымъ чувствомъ.

— Я не могу жить безъ васъ.... Куда вы, туда и я!...

— Кто идетъ? закричалъ часовой.

— Спѣшите, милордъ! проговорилъ Бѣмбо.

Ріо-Санто наклонился, схватилъ молодую дѣвушку, посадилъ ее на лошадь и исчезъ во мракѣ въ то самое мгновеніе, когда часовой повторилъ болѣе громкимъ и грознымъ голосомъ:

— Кто идетъ?...

Было начало марта. Наступала ночь, и воздухъ, нагрѣтый лучами весенняго солнца, сталъ холодѣть.

Въ полумиліи отъ Крьюскаго Замка, нѣсколько всторонѣ отъ дороги, на зеленой лужайкѣ, на травѣ лежала молодая дѣвушка. Возлѣ нея на колѣняхъ стоялъ мужчина.

— Клара! говорилъ мужчина: чтѣ съ вами? Ради Бога, отвѣчайте!...

При звукѣхъ этого голоса молодая дѣвушка, утомленная труднымъ путешествіемъ, открыла глаза. Она осмотрѣлась и радостная улыбка явилась на устахъ ея.... она узнавала Шотландію и мѣста, въ которыхъ прошло ея дѣтство....

— Такъ, такъ.... проговорила она слабымъ, едва слыш-

нымъ голосомъ: за этимъ холмомъ находится ладская ферма.... тамъ мы будемъ счастливы, неправда ли, Эдуардъ?... Она замолчала, потомъ прижавъ руку къ головь, продолжала:—мы будемъ одни.... слышите ли, Эдуардъ, совершенно одни... я не хочу, чтобы Анна была съ нами....

— Мы будемъ одни, сказалъ маркизъ, надѣясь успокоить ее этими словами.

Но увы! дѣйствіе опытовъ доктора Муре было слишкомъ сильно.... мученія, перенесенныя бѣдной Кларой въ темной комнатѣ, не остались безъ послѣдствій.... она была помѣшана!

При послѣднихъ словахъ маркиза она затрепетала.... ужасъ выразился на блѣдномъ лицѣ ея.

— Сжальтесь!... вскричала она: вотъ она!... Вы говорите, что мы будемъ одни, а зачѣмъ же она здѣсь!... Сжальтесь!... Не отталкивайте меня!... Вѣдь она не можетъ любить васъ такъ, какъ я васъ люблю!...

— Клара!... милая Клара! говорилъ маркизъ, стараясь успокоить ее.

— Вы отталкиваете меня? вскричала она вдругъ съ отчаяніемъ: вы любите ее.... вы прижимаете ее къ сердцу.... А! берегитесь.... здѣсь Бланка убила Бертрама!... Оставьте ее!... А! вы все-еще отталкиваете меня.... вы смѣетесь надъ бѣдной Кларой....

Дикое бѣшенство блеснуло во взорѣ Клары. Она приподнялась и рука ея неволью коснулась дула пистолета, лежавшаго на травѣ.... Движеніе ея было быстро какъ молнія....

Эхо пустыни повторило выстрѣлъ....

Маркизъ Рио-Санто упалъ, пораженный пулей въ грудь....

Бѣдная безумная вскочила, громко вскрикнула и какъ привидѣніе исчезла за деревьями....

Луна, поднявшись изъ-за сосѣдняго лѣсу, чудно освѣтила картину дикой природы, и лежавшій на травѣ безчувственный трупъ Ферджуса О'Брина....

— Утихла буря, виновникомъ которой былъ Рио-Санто.

Графиня Дэрби навсегда простилась съ Англіей и поселилась въ уединенномъ имѣніи, во внутренности Франціи.

Мери Треворъ совершенно выздоровѣла. Она теперь леди Фейфъ, такъ какъ мужъ ея, Франкъ Персеваль, вступилъ во владѣніе титуловъ и имѣнія умершаго своего брата.

Бѣдная Клара менѣе счастлива: она поселилась съ Анной, Стѣфаномъ и матерью его въ Крюскомъ Замкѣ, сдѣлавшемся наслѣдственнымъ имѣніемъ молодыхъ дѣвушекъ послѣ смерти отца ихъ, Энджуса Макъ-Ферлана, утопившагося въ Темзѣ. Къ нимъ же присоединилась и Сузанна, съ матерью своею, графиней Вейтъ-Маноръ. Не смотря на нѣжныя попеченія окружающихъ ее, Клара долго не могла поправиться. Выздоровѣвъ, она стала женою Стѣфана.

Графиня Вейтъ-Маноръ вполне предавалась блаженству, доставленному ей Бріаномъ, который соединилъ ее съ дочерью. Страстными поцѣлуями осушала она слезы, выступившія иногда на глазахъ Сузанны, при воспоминаніи о томъ, котораго она такъ горячо любила.

Анна часто горевала до-тѣхъ-поръ, пока въ Крюскій Замокъ не пріѣхалъ иностранецъ, благородной наружности. Тогда улыбка опять появилась на лицѣ Анны. Этотъ иностранецъ былъ кавалеръ Анджело Бѣмбо; онъ предложилъ свою руку молоденькой миссъ, которую теперь зовутъ мистриссъ Бѣмбо.

Бріанъ былъ одинъ. Никто и ни что не могло утѣшить его. Въ настоящее время онъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Англіи.

Виконтъ Дантюръ-Люсъ женился на писательницѣ, которая безпрестанно читаетъ ему скучные стихи своей стряпни. Онъ очень несчастливъ — кромѣ шутокъ!

Буркеръ Бишоппъ, Рендель, Сизль, Роулей, Муре, Тиррель и Педаи ничтожно погибли въ тюрьмахъ, нищеты или безвѣстности.

Что же касается до прочихъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа, то:

Графъ Вейтъ-Маноръ умеръ въ Джемсъ-Паркѣ.

Бобъ-Лантернъ и жена его, Тѣмперенсъ, оба сидятъ въ домѣ съумасшедшихъ. Онъ помѣшался на томъ, что у него хотятъ украсть деньги, а ее свели съ ума джинъ и ромъ.

Леди Кемпблъ сватаетъ въ Бедлемѣ всѣхъ съ умасшедшихъ своихъ товарищей: она, какъ мы узнали по секрету, ждетъ тамъ автора этого романа, мосьѣ Февала, который поддѣлываетъ «Лондонскія тайны,» подъ англійскимъ именемъ сэръ Френсиса Троллопа, и для котораго мѣсто въ больницѣ уже готово: въ награду за его остроуміе, миледи хочетъ отдать ему свою руку.

Нѣсколько времени тому назадъ, присовокупляетъ мосьѣ Феваль случайно открыли, что къ банковскимъ кладовымъ былъ проведенъ подземный ходъ. По внимательномъ обыскѣ нашли въ подземельѣ скелетъ и огромную кружку.

Открытіе это очень заняло ученыхъ антикваріевъ. Скелетъ былъ разобранъ по частямъ; кружку смѣряли, срисовали, описали и единогласно рѣшили, что она современна римскому владычеству еще при Юліи Цезарѣ. Скелетъ же, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, былъ человѣческой, свидѣтельствовалъ о томъ, что Великобританія была встарину обитаема великанами. Другіе же ученые, болѣе упрямые, настаивали на томъ, что это скелетъ допотопнаго слона.

Въ газетѣ Times напечатаны ученые разсужденія антикваріевъ.

— Громъ и молнія! вскричалъ капитанъ Педди, по увѣренію мосьѣ Февала, прочитавъ ученую статью: Толстая Дороти, милый купидонъ мой! Смотри какъ они врутъ?... Это скелетъ Саундерса и его же кружка..... чтобъ имъ подавиться своей ученой галиматеей!

II. ФУРМАНЪ.

=

МОДЕСТА МИНЬОНЪ.

=

ПОВѢСТЬ ГОСПОДИНИ ДЕ-БАЛЬЗАКА.

=

Около половины октября, 1829, часу въ осьмомъ вечера, нотариусъ Симонъ Латурнель шелъ объ-руку съ своимъ сыномъ изъ Гавра въ Ингувиль. Впереди ихъ шла мадамъ Латурнель, а подлѣ нея, въ качествѣ пажа, первый пи-сецъ конторы нотариуса, приземистый горбунъ, по имени Жанъ Бутча.

Ингувиль—нѣчто въ родѣ предмѣстiя, разбитаго на сады и застроеннаго дачами богатыхъ гаврскихъ негоціантовъ, которые послѣ дневныхъ трудовъ въ тѣсномъ и душномъ городѣ, ищутъ тамъ отдохновенiя на просторѣ и чистомъ воздухѣ. Ингувиль расположенъ или, лучше сказать, тлется ярусами, по высокому холму, у подножiя котораго лежитъ Гавръ съ своими стѣнами, укрѣпленiями, законченными высокими домами безъ дворовъ, пристанями, кладовыми и лѣсомъ мачтъ.

Дойдя до главной ингувильской улицы, которая идетъ по самому хребту холма, нотариусъ оглянулся во всѣ стороны, чтобы удостовѣриться, что никто неподслушиваетъ, и, для бѣльшей предосторожности, почти шопотомъ сказать сыну:

— Слушай, Гаспаръ, исполни въ точности все, что я тебѣ скажу, и не спрашивай, и чему; а если самъ догадаешься, похорони догадку въ своей душѣ и молчи. Дума

нотариуса и всякаго присяжнаго человѣка, по должности знающаго чужія тайны, должна быть безмолвною могиллою. Слушай же. Когда мы придемъ на Ферму и поздороваемся съ мадамъ и мадмоазель Миньонъ, съ мосьё и мадамъ Дюмё и съ мосьё Гобенгеймомъ,—если онъ тамъ,—и когда водворится первая тишина, мой достойный другъ, мосьё Дюмё, отведетъ тебя къ сторонѣ и съ таинственнымъ видомъ будетъ говорить, о чемъ случится, потомъ попроситъ тебя сходить, прогуляться. Ты между-тѣмъ можешь съ любопытствомъ поглядывать на мадмоазель Модесту,—я позволяю. Потомъ ты пойдешь и побудешь, гдѣ хочешь, а черезъ часъ времени, такъ, часовъ около девяти,—воротись и тоже съ таинственнымъ видомъ..... подожди къ мосьё Дюмё и скажи ему на-ухо,—но только такъ, чтобы и Модеста слышала..... скажи: «Молодой человѣкъ пришелъ!»

— Хорошо; будетъ исполнено. А потомъ что?

— Потомъ притворись равнодушнымъ, или опять можешь посмотреть на Модесту.....Наконецъ, дѣлай, что хочешь, только не пересказывай того, что я тебѣ говорю.

— Положитесь на меня.

.Гаспару на другой день нужно было ѣхать въ Парижъ, чтобы начать курсъ правовѣдѣнія. Этотъ скорый отъѣздъ былъ причиною, что, Латурнель предложилъ своему другу, Дюмё, сдѣлать сына сообщникомъ заговора, который, какъ видно, составлялся противъ мадмоазель Модесты Миньонъ.

— Развѣ мадмоазель Модесту подозреваютъ въ чемъ-нибудь? тихо спросилъ Бутча у своей вороватильницы.

— Ст! Бутча. Не наше дѣло, съ важностью отвѣчала мадамъ Латурнель, и прибавила шагу, чтобы поровняться съ мужемъ.

Мосьё Латурнель—маленькій, худенькій человѣчекъ, составленный на двѣ булавки, вмѣсто ногъ; весь чернаго каменнаго цвѣта, кромѣ блѣднаго, остроугольнаго, неестественнаго лица и бѣлаго галстука. На лысой головѣ у него рыжій дарикъ, который, безпрестанно передвигаясь, обыкновенно виселъ и прикрывалъ человѣку морщинастаго лба и обнаруживалъ на вискахъ и на затылкѣ сѣдые клочки сохранившагося природнаго волоса. На острокъ, горбатомъ носу

его покоятся большіе зеленые очки въ черепаховой оправѣ, за которыми черзѣются, какъ-будто бы вторая оправа, черноватые кольца рѣсницъ, окружающихъ сѣроватую таинственную пустоту. Походка осторожная, кошечья. Житель Гавра такъ привыкъ къ этой фигурѣ, что не видитъ въ ней ничего необыкновеннаго, но всякій иностранецъ при первомъ взглядѣ на мосьё Латурнеля почелъ бы его за самого естественнаго плута и очень удивился бы странному контрасту души съ физиономіей, когда бы узналъ, что эта подозрительная ходячая чернлица—честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ во всемъ сословіи нотаріусовъ.

Жанъ Бутча, сирота, приемышь и воспитанникъ нотаріуса, трудами и усердіемъ достигшій степени старшаго писца и девяти сотъ франковъ жалованья, почитался членомъ семейства, въ которомъ жилъ съ семилѣтняго возраста. Въ двадцать два года онъ, по рябому, безобразному лицу, казался почти старикомъ, а по росту ребенкомъ или карликомъ. Существова чужою милостью, несчастный горбунъ былъ всегда молчаливъ, прилеженъ, скромненъ, примѣрнаго поведенія и очень религіозенъ. Для развлечения и удовольствія онъ странствовалъ по великой землѣ безнадѣжной любви и по широкой, сухой степи тщетныхъ желаній. Модеста была его идолъ: для нея онъ отдалъ бы жизнь свою, а она, въ веселый часъ, называла его «таинственнымъ карлю.»

О мадамъ Латурнель надобно сказать только, что она супруга мосьё Латурнеля, женщина колоссальнаго роста, всегда одѣтая очень цвѣтисто и пышно; нюхаетъ табакъ, страстно играетъ въ вистъ, но-маленькой, и всегда помнитъ о своемъ достоинствѣ и происхожденіи отъ парламентской фамиліи. Отецъ ея былъ секретаремъ въ королевскомъ судѣ.

Судя по тому, какъ вошли Латурнели въ комнату, гдѣ сидѣли обитатели Фермы, можно было видѣть, что они спадковенные гости. Первый поклонъ они отдали пожилой ледишнѣ, мадамъ Миньонъ, которая не вставала съ своихъ кресель. Она была слѣпа. Обрисовать мадамъ Миньонъ можно одною фразой. Всякій, видѣвшій ее, невольно оста-

направлялъ взоръ на блгородномъ лицѣ матери семейства, которой безукоризненная жизнь торжествовала надъ ударами судьбы, но была постоянно ихъ цѣлью и которая принадлежитъ къ огромному семейству Ниубъ. Отлично причесанный бѣлоурый парикъ, чистота всего наряду, бархатныя ботинки, кружевной воротничокъ и аккуратно накинутая и прищипленная шаль показывали заботливость, какою Модеста окружала свою мать.

Модеста—бѣлокурая красавица, лѣтъ двадцати, стройная, воздушная, какъ тѣ сирены, которыхъ англійскіе рисовальщики изобрѣли для кипсековъ. Отъ матери она наслѣдовала ту граціозную томность, которую несправедливо въ насмѣшку называютъ сентиментальностью, потому что она у дурочекъ ипогда доходить до жеманства, и которая у женщинъ умныхъ нерѣдко становится самою высокою поэзіею сердца. Въ большихъ, влажныхъ сѣровато-синихъ глазахъ, ослѣненныхъ длинными рѣсницами, блистать смѣсь плутовства и невинности. Высокій лобъ чистъ и гладокъ какъ жемчужина. Овалъ лица самый изящный. Сквозь атласную кожу, необычайно бѣлую, кое-гдѣ просвѣчиваются синеватыя жилки. На верхнихъ частяхъ нѣжно-розовыхъ щекъ нѣсколько легкихъ веснушекъ. Полныя, алія губы, немножко сладострастныя, немножко насмѣшливыя. Вотъ портретъ Модесты, нѣжной и пылкой, мечтательной и своенравной. Съ перваго взгляду она кажется мечтой поэта, со втораго въ ней видишь прекрасную здоровую женщину, которую не страшно вообразить женою и матерью.

Модеста сидѣла подлѣ матери и что-то вышивала. Подлѣ нея сидѣла мадамъ Дюмэ. Тутъ же помѣстилась и мадамъ Латурнель. Обѣ очевидно наблюдали за дѣвушкой. Дюмэ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Дюмэ, родомъ Бретонецъ, нѣкогда служилъ въ гвардіи. При небольшомъ ростѣ онъ былъ однако жъ плечистъ и силенъ. Рѣшимость и хладнокровіе были такъ четко напечатаны на его лицѣ и во взглядѣ маленькихъ стальныхъ глазъ, что съ ними товарищи въ полку никогда не шутили, даже тогда, когда ему было двадцать лѣтъ. Теперь лицо его было блѣдно; на лбу выступалъ холодный потъ; во стиснутыхъ губахъ

можно было пригнѣть, что онъ подавляетъ сильное душевное волненіе.

По окончаніи привѣтствій водворилось молчаніе, даже слишкомъ продолжительное. Подъ нимъ крылась тревога, которой не раздѣляли только Модеста, совершенно занятая своею работою, Гаспаръ, который, разыгрывая роль, не зная, что выйдетъ, комедія или трагедія, и Гобенгеймъ, воплощенный негоціантъ, который несмотря на свои тридцать лѣтъ никогда не думалъ ни о чемъ кромѣ дебета и кредита, курса на биржѣ и виста, и всегда смотрѣлъ на Модесту съ такимъ же участіемъ, какъ на двухъ-грошовую литографію.

Бутча съ безпокойствомъ ждалъ, что будетъ, и напрасно стараясь придумать средство, какъ бы предупредить Модесту, если ей дѣйствительно угрожаетъ опасность. Но мадамъ Дюмэ и мадамъ Латурнель совершенно обложили Модесту блокадою, такъ, что къ ней ни какъ нельзя было подойти.

Всѣхъ сильнѣе, подъ спокойною наружностью, были встревожены мадамъ Миньонъ и мадамъ Дюмэ. Первая была необыкновенно блѣдна. Она страшилась за Модесту и почти раскаявалась, что согласилась на интригу противъ своего кумира. Вторая трепетала за мужа, котораго положеніе было дѣйствительно ужасно. Она видѣла, что Дюмэ положилъ въ карманъ пистолеты, и знала, что онъ въ состояніи застрѣлить любовника Модесты какъ бѣшеную собаку. Дѣло шло не на шутку. Это видѣлъ и Бутча, который тоже сидѣлъ какъ на иголкахъ. Нотаріусъ Латурнель лучше всѣхъ понималъ, что изъ всего этого можетъ выйти драма, которой послѣдній актъ придется разыграть уголовному суду. И дѣйствительно, для Дюмэ, по поводу Модесты Миньонъ, предстояло рѣшеніе вопроса по такому дѣлу, въ которомъ, въ случаѣ несчастія, судьбою совершенно справедливымъ можетъ быть одинъ только Богъ.

Когда Дюмэ по уговору отозвалъ всторону молодаго Латурнеля, Модеста подняла голову и, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на окружающихъ, спросила:

— Что же это вы сегодня не играете?

— Какъ же! будемъ играть. Видите, я уже всерукашею, сказалъ Гобенгеймъ, тасуя карты.

— Не угодно ли? сказалъ Дюмэ, отпустивъ Гаспара и обращаясь къ дамамъ.

— Бутча, садъ здѣсь, подлѣ меня, сказала мадамъ Латурнель, указывая ему мѣсто, на которомъ все пространство занимаемое столомъ, отдѣляло его отъ мадамъ Миньонъ и Модесты.

Мадамъ Дюмэ, Американка, лѣтъ тридцати-пяти, сѣла на мѣсто, которое молча указалъ ей мужъ, и украдкою отерла слезу. Она обожала Модесту и страшилась катастрофы.

— Вы что-то не веселы сегодня, замѣтила Модеста.

— А вотъ, погодите, разыграемъ, отвѣчалъ Гобенгеймъ, сдавая карты.

Но для ясности положенія Дюмэ относительно Модесты, надобно сказать нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ оно было приготовлено.

Францискъ-Анна-Бернаръ Дюмэ въ 1799 году отправился солдатомъ въ итальянскую армію. Дѣдъ его, адвокатъ, погибъ на эшафотѣ, отецъ, оказавшись плохимъ революціонеромъ, принужденъ былъ бѣжать подобно другимъ эмигрантамъ, а самъ онъ, похоронивъ мать, умершую съ горя, пошелъ искать счастья и славы на полѣ сраженія, гдѣ тогда опасности было меньше чѣмъ у домашняго очага. На пути онъ повстрѣчался съ молодымъ человѣкомъ, который находился въ совершенно такихъ же обстоятельствахъ.

Шарль Миньонъ, послѣдній потомокъ графовъ Бастійскихъ, лишился отца, матери и родового имѣнія и самъ едва спасся отъ смерти. Отецъ его надѣялся-было спасти свое помѣстье отъ конфискаціи и, сбросивъ титулы, въ качествѣ гражданина Миньона засѣдалъ въ трибуналахъ, но навлекъ на себя подозрѣніе, и девятаго термидора, бѣжалъ въ провинцію. Его нашли и изрубили въ куски, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, кромѣ Шарля, который заранѣе былъ отправленъ въ Швейцарію. Переживъ самое бурное время, Шарль Миньонъ, двадцати-трехъ лѣтъ отъ-роду, не имѣя ничего кромѣ мужества и антиноэвской красоты, от-

справился тоже въ Италію. Въ Ниццѣ онъ встрѣтилъ Бретенца. По равенству участи и по противоположности характеровъ, они стали друзьями, пили изъ одной манерки, дѣлили одинъ сухарь и послѣ битвы при Маренго вмѣстѣ были произведены въ сержанты.

Когда война возобновилась, Шарль Миньонъ поступилъ въ кавалерію и потерялъ своего товарища изъ виду. Въ 1812 году послѣдній графъ Бастія былъ полковникомъ, кавалеромъ почетнаго легіона. Императоръ возвратилъ ему титулъ, но не могъ возвратитъ помѣстьевъ. Въ Россіи Миньонъ попался въ плѣнъ и опять встрѣтился съ Дюмѣ, храбрымъ, но бѣднымъ поручикомъ, который, за неимѣніемъ другой мечты и надежды, сожалѣлъ только о томъ, что былъ не во-время вырванъ изъ той канвы, на которой Наполеонъ рисовалъ свою картину имперіи.

Полковникъ, будучи еще поручикомъ, встрѣтилъ случай, который отыскиваетъ всѣхъ видныхъ молодцовъ. Въ 1804 году, въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, его обожала хо-рошенькая Нѣмка, Беттина Валленродъ, и онъ женился на ней тѣмъ охотнѣе, что отецъ ея, богатый банкиръ и баронъ фонъ-Валленродъ, восхищенный мыслью о внукахъ, которые будутъ современемъ прозываться графами Миньонъ-Бастія-Валленродами, давалъ за дочью въ приданое тридцать тысячъ годоваго дохода и еще надежду на порядочное наслѣдство. Надежды барона не совсѣмъ оправдались: у Беттины родились четыре дочери, изъ которыхъ въ-живыхъ осталось только двѣ, Беттина-Каролина и Марія-Модеста. Сыновей не было.

Въ 1814 году, полковникъ, съ своимъ другомъ и многими товарищами, воротился изъ плѣну и нашелъ во Франкфуртѣ свою жену и дѣтей. Они были въ траурѣ. Старикъ Валленродъ только-что умеръ, кончивъ напередъ большую торговую спекуляцію, въ которой потерялъ всѣ свои капиталы, такъ, что успѣлъ обезпечить только приданое дочери. Баронъ Валленродъ былъ человѣкъ веселый и шутилъ даже на смертномъ одрѣ. Въ несчастіи своемъ онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что обанкрутился въ одно время съ Наполеономъ.

Весною 1816 года, Шарль Миньонъ обратилъ все имѣ-

нѣ жены въ деньги и, выручивъ около четырехъ сотъ тысячъ франковъ, рѣшился отправиться въ Америку, оставить край, гдѣ уже начинали притѣснять Наполеоновыхъ вонновъ. Дюмэ раздѣлялъ мнѣнія и опасенія полковника. Онъ уже не отставалъ отъ семейства, которое полюбилъ заочно и въ которомъ съ перваго дня былъ принятъ какъ родной. Съ другомъ своимъ онъ обращался какъ съ командиромъ и непременно хотѣлъ жить и служить не иначе какъ подъ его начальствомъ. Они вмѣстѣ отправились въ Гавръ. Тамъ, въ ожиданіи попутнаго вѣтру, полковникъ подслушалъ разговоръ двохъ купцовъ о блестящей будущности, которую миръ сулилъ Гавру, и примѣтивъ средство принять участіе въ этой будущности, отбѣнилъ отбѣздъ и сдѣлался вдругъ поставщикомъ, банкиромъ и помѣщикомъ. Онъ купилъ на двѣсти тысячъ земли и домовъ и отправилъ съ Дюмэ въ Нью-Йоркъ корабль, нагруженный французскими шелковыми товарами. Дюмэ воротился съ грузомъ хлопчатой бумаги, которая дала дому Миньонъ огромный барышъ, и съ женою, за которою взялъ двадцать тысячъ франковъ. Миньонъ купилъ себѣ дачу въ Ингувилъ и подарилъ своему кассиру, Дюмэ, домъ въ Гаврѣ. Бѣдный солдатъ, котораго fortuna в теченіи двадцати лѣтъ, казалось, совершенно забывала, вдругъ сдѣлался первымъ счастливецомъ подъ солнцемъ. У него былъ свой домъ, щедро снабженный всѣмъ нужнымъ и украшенный на счетъ командира, добрая жена, хорошее мѣсто и капиталъ, увеличивавшійся съ каждымъ годомъ въ оборотѣ и при помощи наградъ, которыя полковникъ умѣлъ назначать самымъ деликатнымъ образомъ.

До переселенія въ Гавръ мадамъ Миньонъ много перенесла. Въ сердцѣ ея, неспособномъ къ забывчивости, никогда не заживали двѣ раны, нанесенныя безвременною смертію двохъ дѣтей. Потомъ плѣнъ мужа былъ ежедневною смертію для нея самой. Въ то же время разореніе и смерть отца довершили удары судьбы и вдругъ радость уже нежданнаго возвращенія Шарля, бросивъ изъ одной крайности въ другую, чуть не убила ее. Потомъ новый страхъ, опасенія, при задуманномъ переселеніи, напали на

ея точно возобновленіе не совсѣмъ изцѣленной болѣзни. Но десять лѣтъ постояннаго счастья, роскошь перваго дому въ Гаврѣ, обѣды, праздники, балы счастливаго негодянта, вѣсь и уваженіе, которымъ онъ пользовался, и колкая любовь его, поправили все прошлое и почти совершенно изгладили слѣды горя. И тутъ, въ минуту, когда она уже не сомнѣвалась болѣе въ будущемъ, когда она видѣла ясный закатъ бурнаго дня, ее постигли новыя, тяжкія бѣдствія. Сперва ударъ въ материнское сердце, черезъ старшую дочь, потомъ опять разоренье и разлука.

Въ январѣ 1826, посреди великолѣпнаго праздника, когда весь Гаврѣ указывалъ на Шарля Миньона, какъ на своего будущаго депутата, три письма, изъ Нью-Йорка, Парижа и Лондона, вдругъ упали какъ три удара тяжелыя молотомъ на хрустальныя палаты благоденствія. Въ десять минутъ все исчезло.

Втеченіе одной ночи Шарль Миньонъ съ своимъ кассиромъ свелъ всѣ свои счеты и рѣшилъ, что дѣлать. Изнѣна его стало на то, чтобы заплатить всѣ долги.

— Гаврѣ не увидитъ меня нищимъ, сказалъ полковникъ поручику: Дюмэ, я беру твои шестьдесятъ тысячъ по шести на сто.

— По три, полковникъ.

— Ну, такъ ни почему. Ты идешь въ долю. Корабль «Модеста», теперь уже не мой, завтра отправляется. Я тоже. Я уже говорилъ съ капитаномъ. Тебѣ я поручаю мою жену и Модесту. Пусть они переселятся къ тебѣ, на Ферму, когда дача будетъ продана. Писать я не стану. Или добрыя вѣсти или никакихъ.

Дюмэ не спрашивалъ командира, что онъ намѣренъ предпринять. На разсвѣтъ другаго дня онъ проводилъ его на корабль «Модеста», который отправлялся въ Константинополь. На палубѣ кассиръ спросилъ:

— Нѣтъ ли еще какихъ приказаній, полковникъ?

— Чтобы никто не приближался къ Фермѣ, сказалъ полковникъ съ волненіемъ: Дюмэ, береги мое послѣднее дитя, какъ берегъ бы его бульдогъ. Смерть тому кто покусится погубить у меня вторую дочь! Не бойся ничего, ни даже эшафота: я вездѣ съ тобою.

— Будьте спокойны, полковникъ. Я понимаю вѣсть. Вамъ найдется мадамозель Модесту такое, какъ поручили мнѣ, или меня не будетъ на свѣтѣ.

Товарищи упали другъ другу въ объятія и простились.

Въ тотъ же день въ гаврской газетѣ появилось страшное и простое, сильное и честное извѣщеніе:

«Торговый домъ Шарль Миньонъ объявляетъ себя несостоятельнымъ. Но продажа недвижимаго имѣнія покрываетъ всѣ долги, и нижеподписавшіеся обязуются немедленно уплатить по векселямъ и счетамъ сполна, и окончить всѣ дѣла. Уплата начинается съ сего же дня.

«Объ этомъ извѣщается для сохраненія чести дому, и для того, чтобы предупредить всякое потрясеніе кредиту на гаврской биржѣ.

«Господинъ Шарль Миньонъ нынче утромъ, на кораблѣ «Модеста», отправился въ Малую Азію, поручивъ окончаніе своихъ дѣлъ полномочнымъ повѣреннымъ.

«Повѣренный по банковымъ счетамъ Дюме; повѣренный по личнымъ долгамъ нотаріусъ Латурнель; повѣренный по коммерческимъ долгамъ Гобенгеймъ».

Латурнель былъ всѣмъ своимъ состояніемъ обязанъ Миньону, который въ 1817 году далъ ему займы сто тысячъ франковъ для пріобрѣтенія лучшей конторы въ Гаврѣ. Онъ одинъ въ цѣломъ Гаврѣ могъ сравниться съ Дюме по преданности къ Миньону. Гобенгеймъ извлекалъ непосредственную пользу изъ довѣренности Шарля Миньона: онъ такимъ образомъ могъ продолжать дѣла довѣрителя и распространить кругъ собственныхъ операций.

Съ женою и дочерью Миньонъ протиснулся во время вѣсна. Онѣ, по приказанію его, въ тотъ же день перебрались въ изящно отдѣланный сельскій домикъ, который принадлежалъ къ большой дачѣ, назначенной въ продажу, и назывался Фермою, хотя при немъ не было ни коровъ, ни маслобойни. Это была игрушка, которую Миньонъ сдѣлалъ себѣ въ пору прихотей. Теперь она пригодилась для помѣщенія жены и дочери удобно, дешево и кра-

томъ такъ, чтобы ничто елишкомъ не напоминало о недостаткѣ прежняго изящества и роскоши. Посѣщеній соблаговолителей, между которыми было много искреннихъ, мадамъ Миньонъ и дочь ея не принимали. Триста визитныхъ билетовъ было отдано у дверей Фермы. Черезъ двѣ недѣли никто въ Гавръ, кромѣ Дюмэ, Латурнелей и Гобенгейма, уже не вспоминалъ о Миньонахъ.

Понятно, что все это могло сильно потрясти нѣжную, чувствительную Беттину, но это было еще почти ничтожно въ сравненіи съ жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ въ то же время сердцу матери. Памятникомъ этого удара была плита на ингувильскомъ кладбищѣ, съ надписью:

БЕТТИНА-КАРОЛИНА МИНЬОНЪ

скончалась двалцати-двухъ лѣтъ.

Молятея за нея.

1827.

Въ этихъ четырехъ строкахъ заключалось сокращеніе страшной повѣсти, которою объясняется уговоръ и вѣтва двухъ друзей на корабль.

Молодой человекъ, прекрасный собою, по имени Жоржъ д'Эстурни, пріѣхалъ въ Гавръ подъ предлогомъ посмотреть на море, и увидѣлъ Каролину Миньонъ. У парижскаго деда никогда нѣтъ недостатку въ рекомендаціяхъ. Онъ черезъ посредство какого-то знакома былъ приглашенъ на праздникъ, данный Миньономъ въ Ингувиль. Тутъ онъ влюбился въ Каролину и въ ея приданое, котораго однако жъ по извѣстнымъ ему причинамъ не надѣялся получить добрымъ порядкомъ, и потому вздумалъ схитрить. Употребивъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ всѣ средства къ обольщенію, онъ наконецъ увезъ Каролину. По прочтеніи прощальнаго письма дочери, Шарль Миньонъ немедленно отправилъ мадамъ Дюмэ въ Парижъ. Въ Гавръ распустили слухъ, что Каролина уѣхала по распоряженію домашняго доктора. Этому повѣрили. Но нельзя же запретить людямъ говорить.

— Какъ! замѣчали нѣкоторые: дѣвушка съ виду такая зарровая! огненная, румяная брюнетка!... она чахоточная!... Возможно ли это?

— Да, говорить, съ нею случилось несчастье....

— А!.... ну, это помято.....

— Она на прогулкѣ верхомъ переплыла рѣку, потомъ послѣ танцевъ ѣла мороженое..... такъ, по-крайней-мѣрѣ говоритъ докторъ Буссенаръ.

Когда мадамъ Дюмѣ воротилась, несчастія дому Миньонъ были довершены и никто уже не обратилъ вниманія на возвращеніе Каролины.

Въ началѣ 1827 года газеты были наполнены процесомъ Жоржа д'Эстурни, изобличеннаго исправительномъ полиціей во множествѣ подлоговъ и въ фальшивой игрѣ. Парижскій корсаръ отправился въ ссылку, не заботясь о Каролинѣ Миньонъ, которая черезъ несостоятельность отца потеряла всю свою цѣну. Въ короткое время Каролина узнала всю низость своего обольстителя и несчастье отца. Она воротилась при смерти больная и на Фермѣ въ нѣсколько дней угасла. Смерть по-крайней-мѣрѣ спасла ея ния. Тогда всѣ вполне повѣрили, что причиною ея отъѣзду была болѣзнь.

До послѣдней минуты мать надѣялась сохранить свою дочь. Каролина была ея любимицей, такъ же какъ Модеста любимца отца. Этотъ выборъ былъ трогателенъ, потому что Каролина была живой портретъ отца, а Модеста живой портретъ матери. Оба супруга продолжали любовь свою, перенося ее на дѣтей.

Проплакавъ цѣлый мѣсяцъ въ своей комнатѣ, куда никого не пускала, несчастная мать вышла оттуда съ больными глазами. Послѣднее, что она видѣла до совершенного ослѣпленія, была могила дочери.

Послѣ этого двойнаго несчастія, Дюмѣ сталъ не болѣе преданъ и усерденъ, но болѣе опасливъ. Мадамъ Дюмѣ, будучи безъ ума отъ Модесты и рано лишившись собственныхъ дѣтей, привязалась къ ней со всею нѣжностью второй матери и строго исполняла между-тѣмъ приказанія своего мужа, который мало довѣрялъ благоразумію женской дружбы.

— Если, говорилъ Дюмѣ женѣ: какой-нибудь мужчина, какого бы званія, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ, осмѣлится говорить съ Модестою, — языкомъ или глазами, — смерть

ему: я застрѣлю его въ ту же минуту и пойду самъ отдамся королевскому прокурору. Это, быть-можетъ, спасетъ ее. Если ты не хочешь, чтобы мнѣ отрубили голову, замѣняй меня какъ должно при Модестѣ въ мое отсутствіе.

Впродолженіи трехъ лѣтъ Дюмэ каждый вечеръ осматривалъ свое оружіе. Онъ, казалось, взялъ въ долю своей клятвы двухъ огромныхъ пиренейскихъ собакъ, изъ которыхъ одна жила въ саду, а другая на дворѣ. Онѣ лежали въ своихъ конурахъ и никогда не лаяли, но горе тому, кто попался бы имъ на зубы.

Теперь можно угадать жизнь, какую вели на Фермиѣ мать и дочь. Нотариусъ Латурнель съ женою и Гобенгеймъ приходили каждый вечеръ сыграть партію въ вистъ. Разговоръ шелъ о гаврскихъ новостяхъ и маленькихъ происшествіяхъ въ провинціи. Часу въ десятомъ расходились. Модеста укладывала мать въ постель; онѣ вмѣстѣ молились, повѣряли другъ другу свои надежды, говорили о Шарлѣ Миньонѣ. Простившись съ матерью, Модеста уходила въ свою комнату. На-утро она съ тѣми же попеченіями, съ тѣми же молитвами и разговорами поднимала и одѣвала свою мать, которая, съ-тѣхъ-поръ какъ ослѣпла, не знала другой горничной или служанки кромѣ дочери. Модеста была неутомима.... она была величественна въ этой нѣжной привязанности.

За мѣсяць до сцены, въ которую мы вставляемъ это необходимое поясненіе, мадамъ Миньонъ держала совѣтъ съ своими друзьями Дюмэ, Латурнелемъ и мадамъ Латурнель, между-тѣми какъ мадамъ Дюмэ и Бутча пошли съ Модестю гулять по берегу моря.

— Послушайте, друзья мои, сказала слѣпая; дочь моя люблена, я это чувствую, я это вижу.... Въ ней совершился странный переворотъ и я не знаю, какъ вы этого замѣчаете....

— Милліонъ бомбъ! вскричалъ поручикъ.

— Не прерывайте меня, Дюмэ.... Вотъ, уже около двухъ вѣсцевъ, Модеста безпрестанно заботится о своихъ нарядахъ, какъ-будто собирается идти на свиданіе. Она стала до-крайности разборчива на обувь и на платья, ссорит-

ся съ баншичанцею и швей. По цѣлымъ днямъ она бываетъ задумчива и молчалива, какъ-будто кого дожидается. Когда ее спросишь о чемъ-нибудь въ это время, она отвѣчаетъ отрывисто, съ нетерпѣніемъ, какъ-будто бы этимъ разрушили ее надежду, перебили расчетъ; потомъ, какъ-будто ожидаемый явится....

— Миліонъ бомбъ!

— Сядьте, Дюмэ, продолжала слѣпая: да, Модеста бываетъ весела! Но она весела не для васъ: вамъ не прійдутъ этихъ тонкихъ оттѣнковъ, вамъ, съ вашими глазами, занятыми зрѣлищемъ природы и множествомъ окружающихъ васъ. Веселье Модесты обнаруживается только въ звукахъ голосу, въ вѣсколькихъ тонахъ, которые я схватываю и объясняю себѣ. Ахъ, друзья мои! мнѣ хорошо знакомо и счастье и несчастье. По одному поцѣлу Модесты я угадываю, что въ ней происходитъ, чувствую исполнились ли ея желанія или нѣтъ, довольна она или безпокойна. Въ поцѣлуѣ есть много оттѣнковъ, даже въ поцѣлуѣ совершенно невинной дѣвушки. Модеста моя невинна, но она уже много знаетъ. Я слѣпа, но вѣжностъ моя ясновидяща. Прошу васъ, берегите дочь мою.

Съ этой минуты Дюмэ ожесточился; нотаріусъ походилъ на человѣка, который напрасно силится разрѣшить загадку; мадамъ Латурнель походила на обманутую нянюшку; мадамъ Дюмэ трепетала отъ страху; всѣ превратились въ аргусовъ. Модесту не оставляли ни на минуту. Дюмэ цѣлыя ночи проводилъ подъ окнами, завернутый въ плащъ, какъ ревнивый Испанецъ. Но при всей своей прозорливости онъ не могъ открыть ни малѣйшаго слѣда опасности. Модеста не могла видѣть и любить никого, кромѣ развѣ соловьевъ сосѣдняго парка или какого-нибудь заколдованнаго принца. Наконецъ друзья рѣшили, что мадамъ Миньонъ, долго занимаюсь одною мыслью, все это вообразила себѣ. Рѣшили и объяснили слѣпой матери, что она напрасно безпокоится и считаетъ любовью простое влѣдствіе чтенія стиховъ и романовъ восторженной дѣвушки, которая не имѣетъ ни какого другаго развлечения, кромѣ бесѣды съ героями и героинями Виктора Гюгю, Дамуртина, Вальтеръ-Скотта, Байрона и Шиллера: съ

или она дѣлать и отъ нихъ завистуетъ свое горе и радости, довольство и безпокойство. Все это мадамъ Латурнель растолковала очень подробно.

— Что же вы думаете, мадамъ Миньонъ? почтительно и почти робко спросилъ Дюмэ, утраивенный ея молчаніемъ.

— Модеста не только влюбчива: она любитъ и знаетъ, кого, отвѣчала мадамъ Миньонъ рѣшительно.

— Сударыня, дѣло идетъ о моей жизни. Сдѣлайте милость.... не ради меня, а ради моей бѣдной жены, ради моего полковника и васъ самихъ, пособиите мнѣ удостовѣриться, кто изъ насъ ошибается — мать или сторожевой песъ.

— Вы, Дюмэ, вы ошибаетесь.... Ахъ, если бы я могла любить дочь мою! вскричала бѣдная слѣпая.

— Но кого же она можетъ любить? замѣтила мадамъ Латурнель: что касается до насъ.... за моего Гаспара я ручаюсь.

— Не можетъ быть, чтобы это былъ Гобенгеймъ, сказалъ Дюмэ: я ручаюсь, что этотъ воплощенный червонецъ вовсе никогда не думалъ о Модестѣ. Его дядя, Гобенгеймъ-Келлеръ, сказалъ ему: «Постарайся разбогатѣть столько, чтобы ты могъ жениться на дочери Франциска Келлера». Съ этою программю онъ даже не знаетъ есть ли на свѣтѣ женщины. Вотъ и всѣ мужчины, которые бываютъ у насъ. Бутчу я не считаю. Я люблю этого бѣднаго горбуна.... Это вашъ Дюмэ, мадамъ Латурнель.... Бутча не опасенъ Модестѣ. Въ церковь она ходитъ всегда съ мадамъ Латурнель, которая никогда еще не видывала ничего подобнаго поклоннику. Наконецъ я самъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца каждый вечеръ подметаю всѣ дороги подъ окнами и никогда не видѣлъ ни чьего слѣда....

— Слѣдъ не трудно заправить, возразила мать.

— А мои собаки? вскричалъ Дюмэ.

— Собакъ можно прикормить.

— Милліонъ бомбъ! вы правы, и я застрѣлюсь, если это правда!

— Это отчего? спросила мадамъ Миньонъ.

— Оттого, что я не вынесу взгляда полковника, если онъ увидитъ своей дочери столько же чистую и невинную,

какъ она была тогда, когда онъ, на прощанье, говорилъ мнѣ: «Береги честь моей дочери и не бойся ничего, ни даже эшафота!»

— О!... въ этомъ я узнаю васъ обонхъ! сказала тронутая мадамъ Миньонъ.

— Я готова прозакладовать жизнь мою, что Модеста чиста и невинна какъ ребенокъ въ колыбели, сказала мадамъ Дюмэ.

— Въ этомъ мы удостовѣримся, сказалъ Дюмэ, если графиня позволитъ мнѣ употребить одно средство. Мы, военные, по ремеслу привыкаемъ къ хитростямъ.

— Я позволю вамъ все, что можетъ доставить намъ объясненіе, безъ вреда единственной моей дочери.

— Какъ же ты думаешь сдѣлать это? спросила мадамъ Дюмэ.

По уходѣ Гаспара прошелъ часъ въ безмолвіи, которое нарушалось только іероглифическими фразами играющихъ.

— Пика!—Козырь!—Наша взятка!—Чьи онѣры? — Два лесе!—Отъ осьми!—Кому славать?

Модеста продолжала работать, не обращая ни какого вниманія на окружающихъ. Носовой платокъ у мадамъ Миньонъ соскользнулъ съ колѣней на полъ. Бутча бросился поднять его и, выпрямляясь подлѣ Модесты, шепнулъ ей на-ухо:

— Остерегайтесь!

Модеста посмотрѣла на горбунка съ такимъ удивленіемъ, что тотъ пришелъ въ восторгъ.

— Она ни кого не любитъ! думалъ онъ, потирая руки и ломая пальцы, чтобы не вскрикнуть вслухъ.

Въ эту минуту Гаспаръ влетѣлъ въ комнату какъ ураганъ и почти закричалъ на-ухо Дюмэ:

— Пришелъ.... молодой человекъ!

Дюмэ вскочилъ, выхватилъ изъ кармана пистолеты и вышелъ.

— Ахъ, Боже мой!... если онъ убьетъ его! вскричала мадамъ Дюмэ съ непритворнымъ страхомъ, совершенно забывъ, что это только комедія, а не трагедія.

— Что это такое? спросила Модеста, поглядывая на

всѣхъ съ удивленіемъ, но безъ всякаго смущенія и страха.

— Дѣло идетъ о молодомъ человѣкѣ, который бродитъ здѣсь около Фермы, сказала мадамъ Латурнель.

— Какой же это молодой человѣкъ? и зачѣмъ Дюмъ хочетъ убить его?

Бутча обратился величественно вопросительный взглядъ сперва на мадамъ Латурнель, потомъ на нотариуса. Модеста пошла къ двери во внутреннія комнаты.

— Куда ты, Модеста? спросила мать.

— Приготовить постель. Вы, вѣроятно, скоро пойдете почивать, совершенно спокойно отвѣчала Модеста, и вышла.

— Вы напрасно трудились, сказалъ Бутча кассиру, когда тотъ воротился.

— Модеста невинна какъ ангелъ, прибавила мадамъ Латурнель.

— Нѣтъ, это просто невыносимо!.... Чтѣмъ же мнѣ еще дѣлать послѣ этого? вскричалъ Дюмъ, остановясь передъ мадамъ Миньонъ.

— Да чтѣмъ же съ вами со всѣми слѣдилось сегодня? спросилъ Гобенгеймъ: я рѣшительно не понимаю.

— Теперь вы, мадамъ Миньонъ, продолжалъ Дюмъ, сами какъ хотите докажите намъ, если думаете, что ваши подозрѣнія основательны.

— Попытаюсь. Къ-несчастью, я почти убѣждена, что не ошибаюсь, отвѣчала она.

Ясновидящая мать дѣйствительно была права, но не со всѣмъ. Всѣ эти добрые и впрочемъ умные люди не принимали сердца молодой дѣвушки, за которою такъ усердно присматривали. Модеста перенесла всю жизнь свою въ совершенно иной міръ, почти независимый отъ здѣшняго. Къ счастью своему, она молчала объ этомъ: иначе ее назвали бы сумасшедшею. Чтобы понять ее, нужно разъяснить вліяніе на нее прошедшаго. Ея душа, ея умъ образовывались подъ вліяніемъ двухъ событій. Шарль Миньонъ и Беттина, получивъ урокъ на старшей дочери, рѣшились по-скорѣе выдать Модесту замужъ. Выборъ ихъ палъ на сына богатаго банкира, Нѣнца, который носилъ

ся въ Гаврѣ съ 1815 года и между-прочимъ былъ многимъ обязанъ Миньону. Молодой Альторъ, гаврскій дендъ, видный собою, то есть бѣлый, красивый, дюжій, былъ не прочь отъ такой невѣсты, какъ Модеста, и дѣло было уже совершенно слажено, какъ-вдругъ Миньонъ обанкрутился и женихъ исчезъ. Латурнель попытался-было завести рѣчь объ этомъ со старикомъ, но тотъ отвѣчалъ, что не понимаетъ, что нотаріусъ хочетъ сказать. Модеста узнала объ этомъ подробнѣе, потому что Латурнель и Доме, не таясь высказывали откровенное свое мнѣніе насчетъ поведенія жениха и его отца. Шестъ недѣль спустя Альторъ женился на другой. Модеста не была влюблена въ Альтора, но всё-таки она три мѣсяца считала его своимъ женихомъ и привыкла къ мысли, что будетъ его женою. Послѣ этого ей, конечно, обидно было узнать, что она въ эти три мѣсяца была просто мадамозель *Миллионъ*. Это ожесточило ее. Всѣ мужчины въ Гаврѣ представлялись ей Альторами.

Другое событіе подѣйствовало на нее еще сильнѣе этой меркантильной низости. Каролина умерла на рукахъ Модесты, которая страстно любила сестру и смотрѣла на нее съ любовью-дѣвственнаго воображенія. Каролина пересказала ей все свое несчастье, какъ для того, чтобы облегчить свое сердце излишіемъ тягостныхъ чувствъ, такъ и для того, чтобы предостеречь неопытную. Въ повѣствованіи этомъ, конечно, много было драматическаго интересу для невинной дѣвушки. Каролина умирала, зато, что любила, но всё-таки продолжала любить. Жоржъ д'Эстурни, игрокъ, развратникъ, преступникъ, всё-таки рисовался въ ея воображеніи какъ изящный Парижанецъ, отъ котораго всѣ женщины въ Гаврѣ были безъ ума и котораго она, Каролина, отбила у кокетки, мадамъ Вильсенъ. Любовь дѣвушки, къ сожалѣнію, сильнѣе всякаго общественнаго мнѣнія. Судъ былъ не правъ въ глазахъ Каролины: какъ можно было осудить молодого человѣка, который любилъ ее вродолженіи шести мѣсяцевъ, любилъ страстно и, можетъ-быть, еще и теперь любить! Такимъ образомъ Каролина привила Модестѣ сердечную оску, называемую любовью. Модеста была еще невинна, но уже много знала, какъ говорила мать. Спокойствіе было утрачено, любовь-т-

ство и жажда опыта возбуждена. Посреди этихъ бесѣдъ втеченіи длинныхъ безсонныхъ ночей, Каролина однако никогда не забывала предостерегать сестру, внушать ей самое безусловное повиновеніе родителямъ. Наканувъ своей смерти она еще умоляла ее не забывать этой постели, смоченной слезами, не слѣдовать примѣру, котораго не могутъ искупить ни какія страданія. Она умерла съ отчаяніемъ, что не получила прощенія отца.

— Не отдавай своего сердца безъ руки, повторяла она Модестѣ за часъ до смерти: не принимай никакого угожденія безъ вѣдома и согласія маменьки или папеньки.

Эти простые слова были трогательны и сильны въ устахъ умирающей. Они должны были глубоко врѣзаться въ память Модесты. Потомъ Каролина вынула изъ-под подушки кольцо, которое нарочно заказывала черезъ свою гѣрную служанку, Франциску Кошѣ. Сама надѣла его на палецъ Модесты, сказавъ:

— носи его до самаго дня твоей свадьбы.

На внутренней сторонѣ этого кольца были вырѣзаны слова: «Помни о Каролинѣ. 1827».

Каролина умерла, и Модеста осталась одна посреди играющихъ въ вистъ и вяжущихъ чулки, одна со своимъ любопытствомъ и жаждой, одна со своими мечтами. Она напустилась на чтеніе, до одуренія. Зная, кромѣ французскаго, нѣмецкій и англійскій языки и будучи совершенно свободна отъ надзору въ этомъ отношеніи, она вполне предаться наслажденіямъ воображаемыми страстями и наполнила голову фантазіями трехъ литературъ. Она перечитала все, что было написано сколько-нибудь примѣчательнаго. Новая книга становилась для нея великимъ событіемъ. Счастливою она была тогда только, когда романъ или повѣсть терзали, мучили, рвали на части ея сердце. Изъ всего этого броженія въ молодой головѣ отдѣлялся упительный газъ лиризма и мечтательности, воспламеняемый собственною горячею кровью. Но всего этого не могли примѣтить Дюмѣ и Латурвели. Только нѣжный слухъ слѣпой матери почувствовалъ клокотанье тайнаго огня. Модеста какъ и всѣ дѣвушки-читательницы, разумѣется, жила сначала посреди романчешкихъ героевъ,

чувствовала и страдала съ ними и за нихъ, принимала на себя ихъ роли, потомъ начала сама сочинять себѣ романы и проживала цѣлыя жизни, выходила замужъ, старѣлась, даже умирала и потомъ снова начинала жить. Сила желанія превращала ея мечты почти въ существенность. Фантазія ея были такъ послѣдовательны, что она часто втеченіи нѣсколькихъ дней плела одинъ романъ, правильно связывая періоды и начинала на другой день ровно съ того мѣста, на которомъ остановилась наканунѣ. Дѣйствительность при этомъ заступила мѣсто сна, а фантазія стала дѣйствительностью. Въ этихъ мечтахъ она проходила всѣ фазы общества и вездѣ воображала себя обожаемою или обожающею. Становясь героинею чернаго романа, она любила или палача или злодѣя, который оканчивалъ жизнь на эшафотѣ, или, подобно сестрѣ своей, молодого вертопраха, который подвергался позору и ссылкѣ. То она воображала себя Ниной и, окруженная непрерывными увеселеніями и роскошью, смѣялась надъ своими поклонниками. То вела жизнь бродяги, или странствующей актрисы, или осыпаемой рукоплесканіями артистки, подобно Флоринѣ, Пастѣ и Малибранъ. Утомившись странными приключеніями и ужасами, она возвращалась къ положительной жизни, выходила замужъ за нотариуса, кушала чернѣйшій хлѣбъ порядочной жизни, видѣла себя въ образѣ мадамъ Латуриель. Потомъ снова начинала романъ, представляла себя любимую единственно за свою красу: сынъ цера или герцога, молодой человекъ эксцентрическій, необыкновенный, артистъ въ душѣ, угадывалъ ея сердце, узнавалъ звезду генія, горящую на ея челѣ. Наконецъ отецъ возвращался съ милліонами. Будучи полновластною хозяйкою своей судьбы, она подвергала своихъ обожателей испытаніямъ и сохраняла независимость; у нея былъ великолѣпный дворецъ, многочисленная прислуга, экипажи, все что въ роскоши можетъ быть самаго привлекательнаго, и она мистифрировала своихъ жениховъ до тѣхъ-поръ когда ей исполнилось сорокъ лѣтъ: тогда она рѣшилась объявить свой выборъ.

Это изданіе Тысячи и Одной Ночи продолжалось съ годъ, до того, что послѣдовало наконецъ совершенное прессы-

неніе. Она слишкомъ часто держала жизнь на ладони и съ философскою важною или съ горькою насмѣшкой спрашивала: «А что жъ потомъ?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ не очень утѣшительнъ: послѣ истощенія всѣхъ великолѣпныхъ вымысловъ грозилъ страшная пустота, скука. Даже въ мірѣ фантазій не ставало матеріаловъ, чтобы наполнить цѣлую жизнь.

Не будь у Модесты кипучей крови и молодости, она пошла бы въ монастырь. Наскучивъ романами, она стала чрезвычайно религіозною, много молилась и ожидала, что небо за это пошлетъ ей мужа, но не какого-нибудь Датурнеля, Дюмэ или, что всего хуже, Альтора, а непременно героя, генія. Она хотя и воображала себя иногда женою адвоката, нотариуса или купца, но такая мечта никогда не бывала искреннею: эти картины она рисовала себѣ только такъ, для препровожденія времени, для переживанія. Главною и постоянною ея мечтою всегда былъ геній, существо необыкновенное, колоссальное. Она желала себѣ несметныхъ сокровищъ, чтобы осчастливить, обогатить какого-нибудь Тасса, Мильтона, Руссо, Фультона, Колумба. Обыкновенныя житейскія печали мало трогали эту душу, которая хотѣла тушить костры великихъ мучениковъ, жрецовъ искусства и поэзій. Модеста жаждала невыразимыхъ страданій, великихъ бѣдствій, неслыханныхъ терзаній, которыя бы она могла усладить и прекратить своею любовью. И самые бѣдные, самые несчастные генія были для нея всѣхъ милѣе. Она желала быть подругою поэта или художника, человѣка возвышеннаго надъ толпою, но хотѣла избрать его сама, изучить, испытать его и потомъ отдать ему свою жизнь, всю свою неизмѣримую вѣжность и любовь.

На этой мысли Модеста остановилась: это стало наконецъ постоянною ея канвою для романа. Она предчувствовала, что ей суждена именно такая участь, и вѣрила, что предчувствіе ея сбудется. И вотъ, какой пошлый, обыкновенный случай рѣшилъ судьбу мечтательницы. Въ окнѣ у книгопродавца, Модеста увидѣла литографированный портретъ одного изъ своихъ любимыхъ поэтовъ, Каналаса. Извѣстно, какъ лгутъ эти портреты, плодъ алчной

скульпции, которая воздаёт на всякую знаменитость, какъ-будто бы лицо человека, известнаго своимъ произведеніемъ, было общественный достояніемъ. Выставленный на удивленіе публики, Каналисъ, посаженный въ байроновскую позу, съ развѣтанными по вѣтру волосами, съ обнаженною шеей и огромнымъ лбомъ, необходимою принадлежностью всякаго барда, столько же приходилъ на насмѣшливаго Каналиса, сколько на любого изъ зрителей, которые могли восхищаться имъ. Модесту поразила эта экивокия, выразительная и великолѣпная изъ видовъ чисто коммерческихъ. Въ тотъ день, когда Модеста пустила портретъ Каналиса, вышла одна изъ лучшихъ книгъ д'Артова и, во что бы то ни стало, мы должны признаться, что она долго колебалась въ выборѣ между знаменитымъ поэтомъ и знаменитымъ прозаикомъ. Но свободны ли она? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ, и вопросъ не маловажный.

Модеста начала съ того, что приобрѣла себѣ помощницу и повѣренную въ лицѣ Франциски Кошѣ, которая уѣхала съ Каролиною изъ Гавра и съ нею опять воротилась. Модеста заперлась съ нею въ своей комнатѣ и являлась торжественно, что никогда не переступитъ границы, предписанной порядочной дѣвушкѣ, никогда не причинитъ своимъ родителямъ ни малѣйшаго огорченія. Конецъ кещевъ, она требовала такой бездѣлицы! самой невинной вещи въ мірѣ: она требовала только, чтобы Франциска относилась на почту ея письма и брала оттуда тѣ, которые будутъ адресованы на имя Франциски Кошѣ. За это она обѣщала ей, по возвращеніи отца, устроить ея судьбу на щѣлую жизнь. Заключивъ этотъ договоръ, Модеста написала учтивую записочку къ издателю стихотвореній Каналиса, прося, для пользы великаго поэта, уведомить, живетъ ли онъ и гдѣ живетъ и адресовать отвѣтъ на имя мадамъ Франциски Кошѣ, въ Гавръ.

Издатель не могъ принять этой записки съ серіозной стороны и отвѣчалъ тономъ объявленія, которое было составлено тремя или четырьмя журналистами, въ его кабинетѣ.

«Милостивая государыня,

«Баронъ Константинъ-Киръ-Мельхиоръ де-Каналисъ,

членъ академіи, кавалеръ почетнаго легіона и реноми-стеръ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, родился въ 1800 году, въ Каналисѣ (что въ Коррѣзѣ); ростомъ онъ былъ выше четырехъ дюймовъ; сложенія задроваго; имѣлъ привычку оспу; удовлетворялъ требованіямъ конскрипціи, имѣлъ въ Каналисѣ небольшой мѣшечекъ въ Коррѣзѣ, получаетъ всего дохода съ имѣнія, отъ книгопродавца, съ жалованья и королевскою пенсіей, тысячь около тридцати; желаетъ жениться, но на весьма богатой, и такъ дадѣ. Потому — подробный адресъ.

Въ первую минуту этотъ отвѣтъ упалъ на сердце Модесты какъ камень на грядѣ тюльпановъ. Она воображала найти истиннаго поэта, бѣднаго, одинокаго, печальнаго, немощнаго отъ трудовъ и борьбы со свѣтомъ, лишеннаго всего кромѣ сокровища поэзіи, которымъ украшена его комнатка на чердакѣ..... а нашла барона, министерскаго чиновника, съ ленточкой въ петлицѣ, съ жалованьями, съ наградами, однимъ словомъ, съ весьма порядочнымъ доходомъ и, вѣроятно, человѣка свѣтскаго и, вѣроятно, не забытаго и женщинами. Это почти разочаровало ее. Но нельзя же было отказаться такъ, съ перваго разу, не узнавши по-короче, дѣйствительно ли поэтъ не нуждается въ покровительницѣхъ и утѣшительницѣхъ. Притомъ, въ отвѣтъ книгопродавца слишкомъ замѣтна была насмѣшка: быть-можетъ, это диктовала зависть.

Поэзія Каналиса отличается плаксиною сладко-рѣчивостью, пѣжнымъ лепетаньемъ, вѣчно бѣлымъ и розовымъ колоритомъ и чрезвычайною, оболъстительною гладкостью въ отдѣлкѣ стиха. Вообще онъ принадлежитъ къ школѣ Ламартина, не имѣя однако жъ той силы, того орлинаго полету и величественно-торжественныхъ воплей. Въ Каналисѣ женщины находятъ друга, котораго недостаетъ у нихъ, скромнаго повѣреннаго и толкователя; существо, которое понимаетъ ихъ и умѣетъ имъ объяснить ихъ самимъ. Онъ не обладаетъ даромъ животворить, вдыхать силы и возвышать ихъ посредствомъ своихъ поэтическихъ твореній, но въ-состояніи утѣшать, раздѣлять грусть, тоску, утрачать неопредѣленные страданія подобныя тѣмъ, какия терпѣла Модеста. Онъ говоритъ съ двумястами на ихъ

языкъ, исцѣляетъ кровавыя раны ихъ сердца, осушаетъ слезы и утишаетъ рыданія. Талантъ его заключается не въ краснорѣчивомъ убѣжденіи больныхъ, не въ излеченіи посредствомъ сильныхъ средствъ, а въ сладкомъ, гармоническомъ голосѣ, которымъ онъ говоритъ: «Я несчастенъ такъ же какъ и вы; я понимаю васъ. Прийдите ко мнѣ; будемъ вмѣстѣ плакать на берегу этого ручья, подъ нвою!» И къ нему идутъ! И слушаютъ его пѣніе, звучное, но пустое, какъ пѣсня кормилицы, которая убаюкаваетъ дитя.

Модеста тоже слушала его и вѣрила его вѣснямъ, въ которыхъ находила отголосокъ чего-то роднаго. Развернувъ послѣднее изданіе его стихотвореній, книгу, которой широкія поля были всѣ исписаны собственноручными ея замѣтками и комментаріями, Модеста убѣдилась, что книгопродавецъ клеветаетъ изъ зависти, взяла перо и написала къ великому поэту письмо, продиктованное пылкимъ сердцемъ, жаждущимъ любви, и пламеннымъ воображеніемъ, наполненное удивленіемъ къ великому таланту и скромными желаніями только погрѣться въ лучахъ великолѣпнаго свѣтила. Письмо это было подписано «О. д'Эсте-М.»

Послѣ этого всѣ дѣвушки, романическія и не романическія, поймутъ въ какомъ нетерпѣніи Модеста провела нѣсколько дней. Воздухъ былъ для нея наполненъ огнемъ. Она не слышала земли подъ собою и мысленно летѣла вслѣдъ за своимъ листкомъ бумаги; видѣла, какъ великій поэтъ сидитъ въ своей комнатѣ, распечатываетъ ея письмо и читаетъ, и наконецъ насочиняла себѣ тысячу ответовъ, одинъ другаго лучше и поэтичнѣе.

Посмотримъ и мы, какъ поэтъ читаетъ поэтическое посланіе.

Книгопродавецъ нисколько не клеветалъ. Какъ купленный Модестой литографированный портретъ не похожъ на Каналиса, такъ и Каналисъ не похожъ на свою поэзію. Авторъ этихъ плавныхъ, сладкихъ, нѣжно-слезливыхъ вѣсень, этихъ стиховъ, ровныхъ и гладкихъ какъ зеркало озера, этой обольстительной женской поэзіи—небольшаго росту, сухощавый брюнетъ съ маленькою, вздернутою, тщательно завитою и причесанною головкой и прищуренными

глазами; затанутый въ узкій фракъ, живой, ловкій, гибкій, изясканно-изящный и раздушенный; дипломатъ и придворный по манерамъ, аристократъ по гордости, и еще болѣе тщеславный нежели гордый; честолюбецъ, мечтающій о политическомъ вліяніи и жаждущій богатства для удовлетворенія огромному самолюбію.

При полученіи письма, Каналисъ, въ великолѣпно убранномъ кабинетѣ, сидѣлъ за завтракомъ съ своимъ домашнимъ секретаремъ.

Многіе парижскіе ученые и литературныя знаменитости имѣютъ своихъ хвостноосцевъ, тѣлохранителей—спутниковъ, которые освѣщаются и живутъ лучами своего солнца, — родъ частныхъ секретарей, которые служатъ исполнителями деликатныхъ порученій,—люди, которые не совершенно слуги и не совсѣмъ равные тѣмъ идоламъ, у подножія которыхъ работаютъ, которыхъ избавляютъ отъ мелочныхъ заботъ и непріятностей житейскихъ, берегутъ и подь-часъ выручаютъ и защищаютъ и за все это довольствуются дружбою своего покровителя и собственною утѣшительною мыслію, что они полезны великому человѣку, а слѣдовательно и всему человѣчеству. Такого роду преданные друзья геніевъ встрѣчаются вездѣ, но въ Парижѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Эти то скромные и безвѣстные труженики, и заключаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своей жизни, наполненной самопожертвованіями, ту поэзію, которую поэты выражаютъ. Они-то настоящіе поэты по сердцу, по нѣжности, тогда какъ идолаи ихъ бываютъ болѣею частію поэтами только на бумагѣ. И не удивительно: вѣдь они, поэты, живутъ своими чернилами. Другіе источники Ипокрены давно уже изсыкли, а можетъ-быть и никогда не струились.

Привлеченный поэтическою славою Капалиса и блестящею будущностью предполагаемаго политическаго ума, Эрнестъ Лабріеръ добровольно пошелъ въ секретаря и повѣренные къ поэту и былъ обласканъ имъ, какъ помѣщикъ ласкаетъ перваго своего арендатора. Товарищество ихъ довольно походило на дружбу. Эрнестъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, аудиторъ въ королевскомъ контролѣ, украшенный орденомъ почетнаго легіона, не имѣя ни ка-

кихъ доходовъ, кромѣ жалованья, былъ опытный дѣлецъ и зналъ много, потому что уже занималъ втеченіи четырехъ лѣтъ должность секретаря при министрѣ, который потомъ упалъ, успѣвъ только обезпечить нѣсто своему любимцу. Эрнестъ былъ человѣкъ кроткій, любезный, съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, трудолюбивый, во сляшкомъ скромный и даже робкій. Онъ желалъ быть полезнымъ, и боялся блеску. Сдѣлавшись другомъ Каналиса, онъ много трудился для него. Но въ полтора года узналъ всю сухость души, поэтической только по выраженію; увидѣлъ на опытѣ, что талантъ не составляетъ человѣка и что дарованія не всегда бываютъ согласны съ характеромъ. Это различіе—одна изъ неизъяснимыхъ тайнъ природы вообще и человѣческой въ особенности. Мозгъ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, составляетъ міръ совершенно отдѣльный, независимый отъ сердца и всего того, что называется чувствомъ, добродѣтелями гражданина, отъ семейства и частнаго человѣка. Впрочемъ и это не безусловно. Безусловнаго въ человѣкѣ ничего нѣтъ. Несомнѣнно, что гуляка втунѣ истратитъ, пьяница проньетъ свой талантъ, между-тѣмъ какъ добропорядочный человѣкъ не приобрѣтетъ геніяльности посредствомъ благоразумной гигиены. Но столько же вѣрно и то, что Виргилій, живописецъ любви, никогда не любилъ ни какой Дядоны и что у Руссо, образцоваго гражданина-плебей было гордости больше чѣмъ у цѣлаго поколѣнія аристократовъ. Между-тѣмъ однако жъ Микель-Анджело и Рафаэль представляли собою счастливую гармонію таланта и сердца. Дарованіе у мужчины то же, что красота у женщины,—объщаніе. Тотъ двойнѣ достоинъ удивленія и уваженія чье сердце и характеръ равняются совершенству искусства.

Нашедши въ повѣтъ честолюбиваго эгоиста, Эрнестъ однако жъ посовѣстился отстать. Честныя и истинно добрыя души не легко разрываютъ оковы, особенно тѣ, которыя наложили на себя добровольно. Онъ утратилъ свою мечту, свой восторгъ, но жилъ съ Каналисомъ въ дружбѣ и по-прежнему часто за него трудился.

— Наконецъ, хоть одно! сказалъ Каналисъ, слетка пробѣжавъ письмо Модесты: я уже говорилъ мадамъ д'Эскаръ,

что мнѣ нужно опять тиснуть какую-нибудь поэму. Удивленіе начинаетъ остывать. Вотъ, уже сколько времени я не получалъ безъмянныхъ писемъ.....

— Незнакомка? спросилъ Лабрієръ.

— Незнакомка. Какая-то д'Эсте..... въ Гаврѣ. Очевидно, что имя вымышленное.

И Каналисъ подалъ письмо Лабрієру. Эта поэма, это восторженно-лирическое посланіе, однимъ словомъ сердце Модесты было подано чиновнику съ небрежнымъ жестомъ пресыщеннаго барина.

— Какъ это прекрасно! вскричалъ Эрнестъ: какъ могучъ талантъ, который такимъ образомъ можетъ привлечь къ себѣ чувство самое стыдливое, заставить женщину отбросить всѣ привычки, внушенныя воспитаніемъ и положеніемъ, нарушить условія, налагаемыя свѣтомъ и приличіями..... Такое письмо, написанное молодою дѣвушкой, искренною, откровенною, съ энтузіазмомъ.....

— Чтò же? спросилъ Каналисъ, когда Эрнестъ не договоривши остановился.

— Можно выстрадать вдвое больше Тасса и утѣшиться однимъ такимъ письмомъ, вскричалъ секретарь.

— Да, оно и утѣшаетъ..... въ первый разъ, и во второй. Но когда получишь тринадцатое письмо..... когда найдешь, что молодая энтузіастка порядочно опытна, когда въ концѣ пути, пройденнаго восторженностью поэта, найдешь какую-нибудь античную Англичанку или когда ангелъ превращается въ посредственно смазливую бѣдную дѣвушку, которая ищетъ мужа..... о! тогда восторгъ немощно утихаетъ.

— Я начинаю думать, что солнце кромѣ роскошныхъ цвѣтовъ порождаетъ и большое количество комаровъ, отвѣчалъ Лабрієръ съ улыбкою.

— Ктому же, любезный другъ, продолжалъ Каналисъ: всѣ эти женщины, даже будучи чистосердечными, чтò весьма рѣдко, всегда напередъ составляютъ себѣ идеалы, съ которыми намъ трудно сравняться. Кчему же итти мѣряться, кчему становиться подъ холодный ливень, которымъ окатываетъ тебя смущенный взглядъ разочарованной женщины?

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Лабріёръ, истинный поэтъ долженъ всегда окружать себя непроницаемою тайной и не выходить изъ своего святилища, являться только въ твореніяхъ.

— Нѣтъ, тогда слава обойдется слишкомъ дорого, возразилъ Каналисъ: въ жизни много хорошаго. Если женщина любитъ поэта за его поэзію и если она довольно прекрасна, довольно богата, такъ я желаю, чтобы она не скрывалась за гардинами, не пряталась въ ложѣ какъ значная дама, влюбленная въ актера, а чтобы у нея было столько твердости и столько независимости положенія, чтобы она могла сказать прямо, какъ говорится во всѣхъ эпическихъ поэмахъ: «Я нимфа Калипсо, я любовница Телемака.» Мистификація—средство мелкихъ душъ и маскамъ я никогда не отвѣчаю.

— Но вѣдь можно полагать навѣрное, возразилъ Эрнестъ, что бѣдная дѣвушка никогда не рѣшится на такой поступокъ,—изъ страху, изъ недоувѣрчивости и даже изъ самолюбія, которое по-неволѣ должно быть скромнымъ. Если женщина выражаетъ такимъ образомъ свое удивленіе гениальному человѣку, то это доказываетъ.....

— Что она принцесса? вскричалъ Каналисъ, захохотавъ во все горло. Нѣтъ, любезный другъ, такія вещи случаются во сто лѣтъ одинъ разъ. Принцессы, молодыя, прекрасныя, богатыя, слишкомъ заняты, окружены цѣлою толпою раздушенныхъ, хорошо воспитанныхъ людей. До поэтовъ ли имъ? Будь увѣренъ, что всякое безымянное письмо, похожее на посланіе принцессы, жетъ самымъ безбожнымъ образомъ. И какія еще притязанія! Отвѣчай, пиши этой красавицѣ въ томъ предположеніи, что она дѣйствительно красавица и молода, и ты увидишь, что выйдетъ. Не хочешь ли отвѣчать за меня?

— Мнѣ кажется, что тутъ такъ много искренняго чувства, такъ много чистосердечія и простоты, совершенно несомнѣстныхъ съ мистификаціею..... притомъ я тутъ не вижу даже лести или излишняго энтузіазму: таланту твоему отдають справедливость, но болѣе обращаются къ твоему сердцу..... Я бы на твоемъ мѣстѣ.....

— Такъ, сдѣлай одолженіе, отвѣчай за меня, попытай

счастья въ этомъ приключеніи и иди въ немъ до конца. Потомъ ты мнѣ расскажешь и, я надѣюсь, мы похочемъ.

Черезъ четыре дня потомъ Модеста получила письмо, въ конвертѣ за гербовою печатью барона Каналиса, написанное очень уважительно, очень серьезно, разсудительно. Великій поэтъ или, лучше сказать, Лабріеръ подъ его именемъ, поблагодаривъ за лестное вниманіе, осторожно, но открыто, благородно показалъ восторженной дѣвушкѣ всю несобдуманность и опасность ея поступка, все разочарованіе и даже несчастіе, какія могли ожидать ее, если бы выборъ ея палъ на такого человѣка, который бы захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, ея неопытностью и незнаемъ людей. Однимъ словомъ, письмо было истинно отеческое.

Модеста не могла не почувствовать истины и проплакала цѣлую ночь. Потомъ въ сердце ея запала почти ненависть къ этому человѣку, который осмѣлился уличить ее въ ошибку, да еще изволилъ великодушно извинять ее. Модестѣ страхъ захотѣлось запутать его въ какое-нибудь противорѣчіе и возвратитъ полученный ударъ. Она написала другое письмо, коротенькое; ироническимъ тономъ похвалила рѣдкую честность великаго поэта, его откровенность и великодушіе, но между прочимъ вызывала на совершенно чистосердечное признаніе, какимъ бы образомъ онъ поступилъ, если бы зналъ навѣрное, что у пишущей незнакомки шесть милліоновъ приданого? «Предположите, на-время, что это такъ и есть, прибавляла она, и будьте со мною чистосердечны какъ съ самимъ собою. Не бойтесь ничего: я выше моихъ двадцати годовъ. Правдивость и откровенность не могутъ повредить вамъ въ моихъ глазахъ».

Многіе, быть-можетъ, приняли бы это второе письмо со смѣхомъ и разсудили бы, что незнакомка должна быть хитрая кокетка, и только. Но на благородную и прекрасную душу Лабріера оно подѣйствовало точно такъ же сильно, какъ его отвѣтъ на Модесту. Онъ почувствовалъ укоръ совѣсти и не постыдился признаться въ томъ. Но напередъ онъ хотѣлъ имѣть хоть какія-нибудь положи-

тельные данныя насчетъ своей незнакомки и, предположивъ напередъ за вѣрное, что она не изъ феррарскихъ д'Эсте и не имѣетъ шести милліоновъ, написалъ записку, въ которой объщался признаться ей во всемъ по совѣсти, но только въ такомъ случаѣ, если она сама скажетъ ему хоть то, къ какому классу она принадлежитъ. Этого онъ требовалъ изъ личныхъ своихъ видовъ, потому что умная незнакомка чрезвычайно заинтересовала его, а объяснялъ тѣмъ, что все на свѣтѣ зависитъ отъ отношеній и обстоятельствъ: то, что прекрасно и даже велико въ поступкахъ принцессы, можетъ показаться нелѣпымъ и смѣшнымъ у мѣщанки. Наконецъ онъ подтвердилъ свое требованіе самымъ сильнымъ аргументомъ: можетъ ли требовать правды тотъ, кто самъ лжетъ?

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Лабріеръ самъ отправился въ Гавръ. Не надѣясь на отвѣтъ, совершенно удовлетворительный, онъ хотѣлъ поискать случая удостовѣриться кто его незнакомка, и, если можно, увидѣть ее. Любопытство было очень простибельное и потому самому, вѣроятно, оно было удовлетворено. Онъ нашелъ предлогъ просидѣть нѣсколько времени въ гаврской почтовой конторѣ, дождался приходу Франциска Кошэ за письмомъ и пошелъ за нею слѣдомъ въ Ингувиль. Тамъ, въ окнѣ Фермы, онъ увидѣлъ Модесту.

— Ну, что, Франциска? спросила она съ любопытствомъ.

— Есть, отвѣчала та, и вошла въ домъ.

Эрнестъ изумился красотѣ очаровательной блондинки. Потомъ обратился къ какому-то прохожему мужику и спросилъ, чей это домъ.

— Это?

— Да.

— Это дача армейскаго поставщика Вилькена, богатѣйшаго человѣка въ Гавръ, человѣка, который не знаетъ счету своимъ деньгамъ.

Мужикъ говорилъ такъ, потому что поставщикъ Вилькенъ купилъ Миньонову дачу съ главными строеніями, а Ферма всегда къ ней принадлежала и осталась не проданною по особенному условію, котораго мужикъ

не могъ знать или зналъ, да не имѣлъ поводу объяснить.

Эрнестъ воротился въ почтовую контору и, распросивъ управляющаго о семействѣ Вилькена, узналъ, что у Вилькена огромное состояніе, сынъ и двѣ дочери, изъ которыхъ одна замужемъ за Альторомъ. Благоразуміе побуждало Эрнеста укротить свое любопытство, потому что почтмейстеръ уже посматривалъ на него подозрительно.

— Есть ли у нихъ теперь кто-нибудь кромѣ своихъ? спросилъ онъ еще.

— Теперь у нихъ гоститъ семейство д'Эрувилъ. Поговариваютъ о женитбѣ молодаго герцога на мадамъазель Валькенъ.

Это немощко сбило Эрнеста съ толку, но вѣдь у герцога д'Эрувила могла быть сестра. Разспрашивать далѣе онъ не рѣшился и отправился. Притомъ ему казалось неблагопріятнымъ проникать далѣе въ тайну незнакомки противъ ся воли. Ему, безъ-сомнѣнія, стояло только захотѣть и онъ узналъ бы всѣ подробности ея жизни. Повѣтайтесь послѣ этого остаться неизвѣстными, окружить себя тайною и завести какой-нибудь интересный романъ посреди образованности, вооруженной почтами, желѣзными дорогами, справочными конторами, адресными календарями, таможенями и полиціей!

Лабриеръ довольно видѣлъ Модесту, для того, чтобы мечтать объ ней, чтобы подумать — будь она богата или бѣдна, княжна или мѣщанка, по уму и красотѣ она во всякомъ случаѣ достойна быть госпожею Лабриеръ. Онъ рѣшился продолжать переписку.

Черезъ нѣсколько дней Модеста получила письмо, въ которомъ Эрнестъ старался, сколько возможно, извиниться общими понятіями о жизни и ея требованіяхъ, о счастьи и его матеріальныхъ средствахъ, но впрочемъ чистосердечно, безъ малѣйшей утайки высказалъ все, чего она требовала, признался ей въ томъ, въ чемъ не могъ въ враняться самому себѣ, и совершенно отдавался ей на судъ, — не открывая только настоящаго своего имени, потому что на это, какъ ему казалось, еще не пришло время. Онъ признался также и въ томъ, что былъ въ Гав-

рѣ, видѣлъ ее, и высказалъ свои предположенія и свое восхищеніе ея красотою. Письмо было совершенно искренное и потому самому прекрасно. Лабріеръ былъ не только человѣкъ добрый, но и умный, съ душою, въ которую притомъ уже успѣла зарониться искра будущаго огня. Модеста видѣла это и, въ свою очередь прельщенная благороднымъ образомъ мыслей и возвышенными чувствами поэта, отъ души простила ему первый отвѣтъ. Такимъ образомъ завязалась переписка, которая длилась уже четвертый мѣсяць въ то время, съ котораго мы начали рассказъ. Эрнестъ Лабріеръ влюбился не на шутку. Вся жизнь его заключалась въ прекрасныхъ, умныхъ и одушевленныхъ письмахъ очаровательной незнакомки, какъ жизнь скряги заключается въ банковыхъ билетахъ и ассигнаціяхъ. Для Модесты сердце Эрнеста дополняло талантъ и славу Каналиса. Естественно, что и ея любопытство тоже наконецъ не могло быть удовлетворено литографированнымъ портретомъ.

«Будьте, писала она между прочимъ Каналису: будьте шестнадцатаго октября, въ воскресенье, въ Гаврѣ. Войдите въ церковь и, по окончаніи обѣдни, обойдите ее внутри два раза вокругъ, не говоря никому ни слова; потомъ тотчасъ же уѣзжайте въ Парижъ. Я узнаю васъ по бѣлой розѣ, которую вы вдѣнете въ петлицу, и тогда дамъ вамъ отвѣтъ положительный, но, быть-можетъ, не окончательный, потому что будущность еще не совсѣмъ моя».

Письмо, въ которомъ это было написано, отдано на почту за нѣсколько дней до того, когда Дюмэ подвергъ Модесту безплодному испытанію. Модеста осталась непроницаемою для всѣхъ, кромѣ слѣпой матери. Но и та чувствовала только, что есть какая-то перемѣна въ Модестѣ, вѣроятно, отъ любви. Оставалось только убѣдиться въ этомъ. Интрига, какъ мы видѣли, не помогла. Мадамъ Миньонъ рѣшилась откровенно допросить дочь свою, представить ей всю важность этого вопроса для Дюмэ и для отца, и тѣмъ вынудить признаніе. На это и было назначено слѣдующее утро. Но едва мадамъ Миньонъ собралась говорить, какъ послышались поспѣшные шаги Дюмэ. Она вздрогнула, прислушалась и сказала:

— Модеста, твой отецъ прѣхалъ или ѣдетъ!

— Почему вы такъ думаете, маменька?

— Потому что только эта вѣсть можетъ заставить Дюмэ такъ бѣжать....

— Побѣда! вскричалъ Дюмэ, вбѣжавъ въ комнату какъ съумасшедшій: радуйтесь, мадамъ Миньонъ, радуйтесь мадамозель Модеста! полковникъ возвращается.... онъ совершенно здоровъ.... никогда не былъ боленъ.... онъ возвращается на собственномъ своемъ кораблѣ, съ грузомъ на осемь или девять сотъ тысячъ франковъ..... но онъ приказалъ не говорить объ этомъ куда.... Вотъ письмо.

Мадамъ Миньонъ забыла, что не можетъ читать, схватила письмо, поднесла къ глазамъ, потомъ въ сильномъ волненіи поцѣловала и отдала Модестѣ. Три письма принесла бѣдствіе, съ однимъ воротилось счастье. Модеста прочла вслухъ отцовское письмо, въ которомъ заключалась радостная вѣсть. При этомъ письмѣ Дюмэ получилъ еще особенную записку, которой полковникъ не велѣлъ сообщать никому и въ которой было сказано, что кромѣ корабля съ грузомъ, счастливецъ везетъ огромный капиталъ, но не хочетъ, чтобы слишкомъ скоро разнесся слухъ объ этомъ. Изъ шестидесяти тысячъ, принадлежавшихъ собственно кассиру, и изъ пяти сотъ тысячъ, которыя Дюмэ съ другими повѣренными оканчивая дѣла, по уплатѣ долговъ, выручилъ, собралъ и переслалъ холанну въ Америку, Шарль Миньонъ составилъ себѣ семь милліоновъ, изъ которыхъ на долю одного Дюмэ полагалъ четыреста тысячъ.

— Будемте счастливы между нами, куда, продолжалъ Дюмэ, когда Модеста дочитала: не надо говорить объ этомъ даже Латурнелямъ. Скоро полковникъ прѣдетъ самъ и тогда всѣ узнаютъ. Онъ остановится для сбыта своихъ товаровъ въ Марсели..... Напишите къ нему, продолжалъ онъ тихонько, обращаясь къ Модестѣ: напишите отцу вашему о несчастіяхъ, которыя насъ постигли... чтобы приготовить его.... осторожно: вѣдь онъ еще не знаетъ, что бѣдная сестра ваша умерла и что.... маменька ослѣпла. Напишите, я отправлю.

Модеста пошла въ свою комнату. Не Дюмэ останавливалъ ее и самымъ почтительнымъ тономъ спросилъ:

— Мадмоазель Модеста, скажите мнѣ, пожалуйста, что батюшка вашъ найдетъ сердце своей дочери точно въ томъ же состояніи, въ какомъ оно было до его отъѣзду.

— Я поклялась самой себѣ, моею сестрѣ и маленькѣ, быть утѣхою и счастіемъ моего отца. Такъ и будетъ. Довольно ли вамъ этого, мосье Дюмэ? возразила Модеста съ величественнымъ взглядомъ.

— Конечно, довольно, что касается до меня. Но....

— Чего же вамъ еще?

— Модеста, дочь моя, нѣжно сказала мать: поклянись мнѣ, что ты не обижалась ни словомъ ни взглядомъ ни съ кѣмъ кромѣ тѣхъ, кого мы знаемъ....

— Я могу поклясться въ этомъ, отвѣчала Модеста съ улыбкою глядя на Дюмэ, который устремилъ на нее похвально-улыбчивый взглядъ.

Она ушла. Дѣло было не совсѣмъ ясно рѣшено. Однако жъ мадамъ Миньонъ и Дюмэ надѣялись, что бѣды ни какой еще не случилось. Притомъ радостная вѣсть传达了 всѣ опасенія, какъ намъ извѣстно, довольно осмысленныя.

Когда дѣвушка вздумается любить тайно, между-тѣмъ какъ ее окружаютъ соглядатанъ въ родѣ Дюмэ, бирендскихъ собакъ, Латурнелой и даже матери, съ такимъ тонкимъ слухомъ какъ у мадамъ Миньонъ, то тутъ нѣтъ еще ни какой опасности; они могутъ быть совершенно спокойны. Но когда въ числѣ соглядатаевъ есть влюбленный, то это уже совсѣмъ другое дѣло, это.... алмазъ противъ алмаза, огонь противъ огня: тайна не можетъ остаться непроникнутою. Бутча, горбунъ Бутча, который иногда, насильно заглушая голосъ разсудка, увлекался мечтами о счастьи быть любимымъ, несмотря на физическую уродливость, за одно сердце; который самъ никогда не зѣрнулъ въ возможность осуществленія своей мечты, а между-тѣмъ все-таки продолжалъ мечтать и любить, — Бутча давно видѣлъ, что Модеста любитъ, а ему тоже хотѣлось узнать, кого. Онъ только не давалъ воли своему любовничеству, изъ скромности. Теперь же, когда Модестѣ и онъ

любви стала грозить опасность, онъ рѣшился изслѣдовать это дѣло и, если нужно, предохранить, спасти свою тайно обожаемую. Бѣдный горбунокъ Бутча любилъ совершенно метафизически, со всѣмъ самоотверженіемъ и безкорыстіемъ, къ какимъ иногда бываютъ способны семнадцати-лѣтніе юноши, хотя ему было двадцать пять. Видя несудачный опытъ Дюне и непоколебимое спокойствіе Модесты, когда рѣчь шла объ убіеніи предполагаемаго ея любовника, Бутча успокоился и обрадовался, но только на минуту. Потомъ онъ разсудилъ, что Модеста могла любить такъ же какъ онъ любилъ, какъ онъ хотѣлъ бы любить, и быть любимымъ, — сперва изъ-дали, тайно, посредствомъ общаго мыслей и чувствъ въ перепискѣ, въ которой онъ раскрылъ бы всѣ сокровища своей души, дѣйствительно богатой, и заставилъ бы полюбить себя за умъ и сердце. Потомъ, думалъ онъ, я опишу себя самымъ страшнымъ, самымъ отвратительнымъ чудовищемъ по наружности и, наконецъ, когда явлюсь лично, когда увидятъ, что я еще не такъ гадокъ, какъ воображали, тогда быть-можетъ, мнѣ простятъ мое настоящее безобразіе и я еще буду счастливъ. Съ Модестой онъ не осмѣливался сдѣлать такой опытъ. Она была для него только звѣздою на небѣ. Онъ желалъ быть любимымъ, быть счастливымъ подобно другимъ; предполагалъ возможнымъ это счастье съ другою, а между-тѣмъ не хотѣлъ любить никого кромѣ недостижимой Модесты.

Модеста прекрасна, разсуждалъ Бутча, но и она могла желать, чтобы ее полюбили сперва за умъ и сердце, а потомъ уже за красоту. Это возбуждало его любопытство и ревность. Онъ вспомнилъ, что видывалъ не-разъ, какъ горничная Модесты, Франциска, ходила на почту за письмами, и разгадалъ тайну.

Въ воскресенье, въ тотъ самый день, когда получено было извѣстіе отъ Миньона, мадамъ Латурнель, по обыкновенію, пришла утромъ, чтобы проводить Модесту къ обѣднѣ. Бутча, въ качествѣ непремѣннаго провожатаго супруга нотариуса, не вошелъ въ комнату, а остался на крыльцѣ, потому что примѣтивъ на дорогѣ Франциску,

шедшую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, по всей вѣроятности, съ почты.

— Здравствуй, душенька Франциска! сказалъ онъ, загородивъ горничной дорогу, когда она вступила на крыльцо. Модеста стояла въ это время у окна въ своей комнатѣ, во второмъ этажѣ. Бутча примѣтилъ это.

— Прошу оставить нѣжности, мосьё Бутча, капризно отвѣчала горничная: я вамъ не душенька.

— Полно, моя милая. Чтò же тутъ дурнаго? Вѣдь я не оскорбить тебя хотѣлъ. Я думаю, ласка никого не можетъ оскорбить.

— И ласки бываютъ иногда не кстати.

— Ну, полно же, не сердись, Франциска. Откуда ты это такъ рано? Опять была на почтѣ?

— А вамъ какое дѣло, откуда? Кчему этотъ вопросъ?

— Правда, что вопросъ лишній: я вѣдь видѣлъ, какъ ты вышла изъ почтовой конторы. Вы съ нѣкоторыхъ поръ не мало доходу доставляете почтовому вѣдомству, какъ я примѣчаю.....

— Пустите, мосьё Бутча: мнѣ нѣкогда разговаривать съ вами, возразила горничная, смѣшавшись и стараясь скрыть смущеніе подъ живостью движеній.

— И переписка эта, продолжалъ Бутча: должна-быть, особенно важная, когда мадамозель Модеста не хочетъ, чтобы почтальонъ приносилъ письма.

— Кто вамъ сказалъ, что эти письма къ барышнѣ? съ жаромъ возразила Франциска: развѣ я не могу также получать писемъ?... у меня есть родные....

— Полно, полно, я вѣдь знаю даже, кто пишетъ эти письма....

Онъ, конечно, лгалъ, но Франциска воображала себѣ всѣхъ колдуновъ горбунами и почти всѣхъ горбатыхъ колдунами. Притомъ Бутча смотрѣлъ на нее такими прощипательными глазами, что она ни какъ не могла выдержать его взгляду. Боясь еще больше проболтаться, она оттолкнула его и бросилась бѣжать наверхъ. Бутча убѣдился въ справедливости своихъ подозрѣній.

Черезъ нѣсколько минутъ вышла Модеста, совсѣмъ одѣтая, чтобы идти въ церковь. Мадамъ Латурнель еще

была у мадамъ Миньонъ, которая дѣлила съ ней свою радость.

— Послушайте, мосьё Бутча....

— Отчего же не «тайственный карло?» перебилъ Бутча: развѣ я уже въ отставкѣ? развѣ вы лишили меня званія своего преданнаго раба?

— Оставьте шутки, мосьё Бутча, и скажите мнѣ лучше, изъ преданности и усердія ко мнѣ, что ли, вы изволите покушаться на постыдное и низкое шпіонство? спросила Модеста, ставъ передъ горбуномъ въ царственную позу и поражая его грознымъ, молніеоснымъ взглядомъ.

— Да, отвѣчалъ онъ гордо: я самъ не думалъ прежде, чтобы черви могли оказать услугу звѣздамъ. Потомъ онъ продолжалъ вполголоса: но оно такъ, оно возможно, повѣрьте мнѣ, мадамозель Модеста. Не смотрите на меня такъ страшно. Неужели вы лучше хотите, чтобы Дюмэ и мадамъ Латурнель разгадали вашу тайну, чѣмъ существо такое безвредное и ничтожное какъ я? существо, которое готово служить вамъ такъ какъ служить цвѣты, которые вы срываете, чтобы потомъ, черезъ минуту, бросить? Они всѣ знаютъ, догадываются, что вы любите, но только я одинъ знаю, какимъ образомъ.

Модеста посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ продолжалъ:

— Вы любите такъ, какъ я желалъ любить, какъ я мечталъ заставить кого-нибудь полюбить меня.... Вы удивляетесь, что я мечтаю? Да, я тоже мечтаю. Отчего же ниѣ не мечтать и не любить? Вѣдь душа моя не такъ уродлива, какъ тѣло.... Притомъ, продолжалъ онъ съ улыбкою: то, что вы принимаете за горбъ, это чемоданъ. Въ немъ спрятаны крылья, на которыхъ я летаю за облака, возношусь къ своей звѣздѣ на поклоненіе. На землѣ я не смѣю показывать этихъ крыльевъ, чтобы меня не осмѣяли. Но тамъ, въ мірѣ фантазіи, въ волшебномъ царствѣ мечты, я расправляю ихъ свободно и иногда бываю даже счастливъ. Вы скажете, что это счастье—сонъ. Но что жъ дѣлать, если у меня нѣтъ другаго! Я покуда доволенъ и этимъ.... Я другаго не ищу.

Гнѣвъ и грозный видъ Модесты исчезли совершенно.

Она знала доброту и умъ бѣднаго горбуна, обиженнаго природою физически, но не нравственно; знала и видѣла его всегдашнюю преданность и смотрѣла на него съ состраданіемъ и участіемъ, когда онъ заговорилъ о своихъ мечтахъ. Она уже не такъ негодовала за то, что онъ разгадалъ ея тайну, потому что онъ въ то же время, по-видимому, понималъ и умѣлъ оцѣнить ея идею любви.

— Не отвергайте моихъ услугъ, Модеста, продолжалъ Бутча: позвольте мнѣ служить вамъ по-прежнему; примите меня на службу какъ вѣрную сторожевую собаку. Я буду повиноваться вамъ слѣпо, буду охранять васъ, и никогда не залаю, никогда не стану разсуждать или требовать объясненій. Я не прошу ничего кромѣ позволенія быть полезнымъ вамъ. Вашъ батюшка приставилъ къ вамъ звѣря Дюмэ; вы примите Бутчу, своего таинственнаго карлу, и увидите, кто кого одолѣетъ. А Бутча, увѣрю васъ, не требуетъ за услуги ничего, ни даже кости.

Модестъ было жаль горбуна, однако жъ она желала избавиться отъ лишняго новѣреннаго, только не знала, какъ.

— Хорошо, сказала она, подумавъ: я испытаю васъ и вашу вѣрность. Вотъ вамъ случай сослужить мнѣ службу. Сходите сейчасъ въ Гавръ, справьтесь въ гостиницахъ, прѣѣхалъ ли изъ Англіи нѣкто москѣ Артуръ....

— Позвольте, перебилъ Бутча съ почтительнымъ жестомъ: я лучше пойду, просто, прогуляюсь по берегу моря. Этого будетъ достаточно, потому что вамъ только угодно, чтобы я сегодня не былъ въ церкви, вотъ и все.

Модеста взумилась и посмотрѣла на горбуна во всѣ глаза. Бутча продолжалъ:

— Вы подвязали щеки и надѣли старую ватную шляпку вовсе не потому, чтобы у васъ болѣли зубы, а двойной вошь вашъ очевидно долженъ служить къ тому, чтобы вы могли видѣть не будучи сами видимы.

— Откуда у васъ такая провинительность? вскричала Модеста, покраснѣвъ.

— Притомъ, продолжалъ горбунъ, сегодня вовсе не холодно, погода прекрасная, а вы укутались, по-старушечьи, какъ зимой, въ дальнюю дорогу. Не даромъ вы надѣли столько платьевъ, чтобы скрыть свою талию; не даромъ у

васъ такіе ужасные сапоги и ваши прекрасныя руки въ гадкихъ, грязныхъ перчаткахъ. Вамъ ли одѣваться такими образамъ!...

— Довольно! вскричала Модеста. Теперь скажите, какъ вамъ образомъ я могу удостовѣриться, что вы действительно готовы служить мнѣ?

— Я не пойду сегодня въ церковь. За предложемъ дѣло не станетъ. Мадамъ Латурнель не-разъ ходила съ вами одна.

— Куда же вы пойдете?

— На взморье.

— Хорошо, ступайте. Я вѣрю вамъ.

— Порученія ни какого не будетъ?

— Теперь цѣтъ. Послушайте, таицственницѣ карло, посмотрите, сказала она ему указывая на ясное, безоблачное небо: видѣнъ ли тамъ слѣдъ птицы, которая сейчасъ пролетѣла? Мои поступки, чистые какъ этотъ воздухъ, оставляютъ слѣдовъ не болѣе этого. Увѣрьте, если хотите, мадамъ Латурнель и Дюмэ, и всѣхъ, что къ этой рукѣ (она сняла старую перчатку и показала ему нѣжную, прозрачную ручку съ тонкими, слегка выгнутыми кверху пальчиками) не прикоснется никто, ни рукой, ни губами, до возвращенія моего отца и безъ его согласія.

— Но отъ чего вы не хотите, чтобы я былъ сегодня въ церкви?

— Вы спрашиваете?... послѣ того, какъ я удостоила васъ своей довѣренности?...

Бутча молча поклонился и весѣльно ушелъ.

Модеста и мадамъ Латурнель пошли въ церковь. На вопросъ о странномъ костюмѣ, Модеста отвѣчала жалобно на нѣсколько различныхъ жестокихъ болѣзней, но дома остаться не хотѣла. Дорогою она не приняла руки своего почетнаго кавалера — мадамъ Латурнель, чтобы та какъ-нибудь не почувствовала сильнаго біенія сердца, которое могло измѣнить открытому волеиію. Воскресенье это было — назначенное шестое число. Модеста шла посмотреть на своего великаго поэта.

Эрнестъ Лабриѣръ первый пришелъ въ церковь. Онъ

стоялъ противъ растворенной двери и вглядывался во всѣхъ прихожанъ и въ-особенности прихожанокъ.

— Вотъ онъ, вскричало сердце Модесты, когда она издали увидѣла маленькую бѣлую розу, которая почти скрывала ленточку Почетнаго Легіона.

Кромѣ розы, по изящному покрою платья, перчаткамъ, по трости, по прическѣ, по всѣмъ манерамъ, вовсе не гаврскимъ, видно было, что молодой человекъ съ бѣднымъ лицомъ—житель столицы. Когда Эрнестъ взглянулъ на великолѣпную фигуру мадамъ Латурнель и потомъ на ея закутанную спутницу, Модеста получила изъ его искривленныхъ глазъ такой ударъ въ сердце, что затрепетала и, боясь быть узнаною, приняла самую дряхлую старушечью поступь.

— Этотъ господинъ не изъ Гавра, замѣтила мадамъ Латурнель.

— Вѣрно пріѣзжіи, отвѣчала Модеста: мало ли ихъ здѣсь бываетъ!

— Конечно. Но я еще не видывала, чтобы пріѣзжіе осматривали нашу церковь. Вѣдь она совсѣмъ не древняя.

Неизвѣстно, молилась ли Модеста и о чемъ молплаась. По окончаніи службы, когда бѣольшая часть прихожанъ уже вышла, Эрнестъ Лабриеръ пошелъ въ обходъ, осматривая всѣ стѣны и живопись въ церкви. Онъ не видалъ ни кого, въ комъ бы могъ предполагать свою незнакомку. Проходя мимо Модесты, которая одна только была подъ воалемъ, онъ примѣтилъ однако жъ, что молитвенникъ вдругъ задрожалъ въ рукахъ закутанной старушки и, вглядѣвшись пристально, убѣдился, что она моложе нежели хочетъ казаться. Обходя церковь въ третій разъ онъ уже не нашелъ ни таинственной старушки, ни ея колоссальной провожатой.

— По воскресеньямъ все семейство нотариуса, обыкновенно, обѣдало на Фермѣ. Воротившись домой, Модеста выздоровѣла совершенно и нарядилась словно для большаго праздника. Въ ожиданіи обѣда она сидѣла за своимъ фортепіано и пѣла, пѣла какъ дѣвушка, которая сейчасъ видѣла своего милаго. Мадамъ Миньонъ, сидя внизу съ ма-

дамъ Латурноль, вслушалась въ это пѣніе и опять призадумалась. Бутча вздрогнулъ, когда Модеста вошла въ столовую: такъ она переѣвилась; она не шла, а неслась на крыльяхъ любви; на лицѣ ея отражались лучи счастья.

— Чей это романсъ ты поешь, Модеста? спросила мадамъ Миньонъ.

— Каналиса, маменька, отвѣчала Модеста, слегка покраснѣвъ отъ неожиданнаго вопроса.

— Каналисъ!... а! вотъ кто! подумалъ Бутча.

— А музыка, вѣрно, твоя собственная? продолжала мать.

— Я только подобрала къ этимъ словамъ нѣсколько нѣмецкихъ мотивовъ, отвѣчала Модеста, смутившись еще болѣе, и отошла всторону.

— Нѣтъ, нѣтъ, я слышу, что это твоя собственная....

— Что же, замѣтилъ Бутча: оно такъ и будетъ.. Взять нѣсколько мотивовъ, передѣлать ихъ и приладить къ другимъ словамъ значитъ то же, что сочинить новую музыку. Это часто дѣлаютъ и знаменитые композиторы, которые не такъ скромны, какъ мадамъ Модеста.

И горбунъ завлекъ слѣпую въ разговоръ о музыкѣ.

Послѣ обѣда Модеста подала Бутчѣ знакъ и вышла съ нимъ въ садъ.

— Вы можете оказать мнѣ большую услугу, сказала она: Дюмѣ секретничаетъ съ маменькою и со мною насчетъ богатства, которое везетъ папенька, а мнѣ хотѣлось бы узнать правду. Вы знаете, что Дюмѣ переслалъ папенькѣ тысячъ пятьсотъ. Шарль Миньонъ не такой человѣкъ, чтобы пробыть четыре года на краю свѣта только затѣмъ, чтобы удвоить капиталъ. Притомъ вы слышали, какъ Дюмѣ самъ, за обѣдомъ, проговорился о своихъ шести стахъ тысячахъ....

— Да, отвѣчалъ Бутча, все легко можно скрыть кроме радости и счастья: этому вы сами служите сегодня лучшимъ доказательствомъ. Развѣдывать тутъ нечего. Я уже сдѣлалъ выкладку. Во-первыхъ, вашъ батюшка, по милости трехъ банкротовъ потерялъ слишкомъ четыре милліона. Ихъ нужно было воротить. Во-вторыхъ, онъ взялъ у Дюмѣ шестьдесятъ тысячъ и возвращаетъ ему шесть сотъ ты-

еять. Своихъ у него оставалось тысячь пятьсотъ, следовательно надобно не меньшей мѣрѣ полагать, что онъ составлялъ себѣ на свою долю миллионъ шесть или семь.... Видъ не даромъ же онъ торговалъ съ Китайцами ошуметь!

— О! если это правда! вскричала Модеста, сложивъ руки.

— Послушайте, прекрасная повелительница моя, продолжалъ Бутча: вы любите поэта! Этого сорту люди всё больше или меньше Нарциссы. Будетъ ли онъ любить васъ?... Печатные поэты не всегда истинные поэты.

— Бутча! я никогда не видывала чловѣка, прекраснѣе его!

— Красота часто служитъ покровомъ безобразію.

— Онъ красавецъ лицомъ и сердцемъ!...

— Ну, дай Богъ, чтобы ваша правда была, сказалъ горбунъ, устремивъ на Модесту задумчивый взглядъ: чловѣкъ, котораго вы любите, найдеть въ Бутчѣ вреднаго слугу такъ же какъ и вы сами. Я брошу контору нотариуса, стану учиться, посвящу себя наукамъ....

— Это для чего?

— Чтобы воспитывать потомъ вашихъ дѣтей, если вы пріймете меня въ учителя.... Ахъ, если бы вы послушались моего совѣту.... если бы вы позволили мнѣ.... мнѣ хотѣлось бы узнать этого чловѣка, вывѣдать его характеръ, его жизнь; узнать добръ ли онъ, иженъ ли онъ, можетъ ли онъ любить васъ такъ, какъ вы должны быть любимы; всему ли онъ предпочитаетъ васъ.... предпочитаетъ ли онъ васъ своему таланту....

— Не на что же все это, когда я уже люблю его? просто душно спросила Модеста.

— Да, правда! сказалъ Бутча, и вздохнулъ.

Въ то же время мадамъ Миньонъ говорила своимъ друзьямъ:

— Дочь моя сегодня видѣла того, кого она любитъ.

— Ахъ, такъ это, вѣрно, тотъ молодой чловѣкъ въ жилетѣ сѣрно-желтаго цвѣту, съ бѣлою розой и Почетнымъ Легіономъ въ петлицѣ! вскричала мадамъ Латурнель.

— Такъ и вы видѣли?

— Да, въ церкви, мнѣ съ перваго взгляду въ глаза бросился.... должно-быть, пріѣзжій.... всё оглядывался во всѣ стороны.... молодецъ собой, красавецъ! Но не можетъ-быть, чтобы Модеста знала его.... она не поднимала своего воала, была закутана какъ старушенка, и....

— И сказывалась больною, а теперь здорова какъ рыба! вскричалъ нотаріусъ, засмѣявшись.

— Ну, это ясно какъ солнце! вскричалъ Дюмэ: бѣсъ поселился въ ней.... пропала моя голова!

— Модеста, сказала мадамъ Миньонъ, когда дочь ея вошла въ комнату съ Бутчей: замѣтила ты сегодня въ церкви молодаго человѣка съ ордевомъ и съ бѣлою розой въ петлицѣ?

— И я видѣлъ его! послѣнно сказалъ Бутча, угадавъ западню, которую ставили Модестъ: это Гренадъ, знаменитый архитекторъ изъ Парижа. Городская дума торгуется съ нимъ насчетъ перестройки нашей старой церкви. Возвращаясь изъ Сенъ-Адресса, я видѣлъ, какъ онъ послѣ обѣдни ходилъ около церкви и осматривалъ ее со всѣхъ сторонъ.

— А! такъ это архитекторъ? сказала Модеста, успѣвъ оправиться: видно было, что онъ пріѣзжій! Парижанина тотчасъ видно.

Дюмэ посмотрѣлъ на Бутчу искоса. Модеста составила себѣ непроницаемую маску.

Никто не успѣлъ подмѣтить ни малѣйшаго смущенія. Ушедши въ свою комнату, она написала два письма, — одно къ отцу, другое къ Каналису. Содержаніе этого втораго письма вкратцѣ было слѣдующее:

«Я видѣла тебя. Ваши литографіи безбожно лгутъ. Портретъ твой не только не похожъ на тебя, но безобразенъ, а ты красавецъ! О, ты прекрасенъ! Мнѣ даже страшно, когда я подумаю, какъ ты прекрасенъ. Пріѣзжай; я люблю тебя. Пріѣзжай. Всѣ мои надежды сбылись; я снимаю маску. Имя мое—Модеста Миньонъ. Я знаю, что тебѣ не нужно богатство: ты такъ часто желалъ, чтобы я была бѣдною! Но позволь мнѣ быть въ восторгѣ оттого, что я могу принести тебѣ, милый мой Медьхюръ, приданое, быть-можетъ, не меньше того, какое обѣщала. Если ты любишь меня, ты найдешь моего отца. Онъ воротился изъ путе-

шествія и на-дняхъ ѣдетъ изъ Марсея въ Гавръ черезъ Парижъ. Банкиру Монженò, вѣроятно извѣстно будетъ гдѣ остановится отставной полковникъ Шарль Мишонъ, графъ Бастійскій. Иди къ нему и проси руки твоей *Модесты*.

Въ понедѣльникъ, утромъ, Дюмè сходилъ въ городскую думу и узналъ, что тамъ не только не было ни какого архитектора, но и не думали ни о перестойкѣ, ни о починкахъ. Ясно было, что Бутча солгалъ и что онъ въ сообщничествѣ съ Модестой. Дюмè въ ярости побѣжалъ къ Латурнелю, добиваться толку.

— Гдѣ вашъ проклятый горбунъ? спросилъ онъ, вбѣжавъ въ контору къ нотариусу.

— Бутча? съ удивленіемъ возразилъ Латурнель.

— Да, Бутча; гдѣ онъ?

— Рано утромъ уѣхалъ въ Парижъ. Онъ вчера вечеромъ встрѣтилъ въ гавани матроса и получилъ вѣсти о своемъ отцѣ, который воротился изъ Индіи, гдѣ нажилъ себѣ состояніе. Слава Богу; я очень радъ за моего Бутчу: онъ добрый малый.

— Онъ мошенникъ! онъ разбойникъ! Это все ложь, чистѣйшая ложь! Я самъ сейчасъ ѣду въ Парижъ. Этотъ проклятый горбунъ всѣхъ насъ обманываетъ. Онъ знаетъ о продѣлкахъ Модесты и помогаетъ ей.... Но я не буду поручикъ Дюмè, если я не сдѣлаю изъ этого негодяя порцію битаго мяса!

— Полноте, любезный другъ, кротко возразилъ нотариусъ: нельзя же повѣсить человѣка безъ суда и допросу.

Дюмè и слушать не хотѣлъ. Но мало-по-малу укрощенный нотариусомъ онъ разсказалъ, на чемъ основаны его подозрѣнія, и просилъ мадамъ Латурнель погостить на Фермѣ, посмотришь за Модестой, покуда онъ съѣздитъ въ Парижъ.

— Я думаю, замѣтилъ нотариусъ: вы встрѣтите тамъ полковника. Всему Гавру уже извѣстно, что онъ воротился. Въ коммерческой газетѣ, подъ статью «Марсель» сегодня напечатано.... вотъ, видите.... «Корабль Беттина-Мишонъ, капитанъ Мишонъ, прибылъ перваго октября»,

а сегодня у насъ седьмое. Полковникъ, вѣрно, не долго пробудеть въ Марсели....

Воротившись на ферму, Дюмè рассказалъ о своихъ новыхъ опасенiяхъ и съ пылкимъ негодованiемъ описывалъ слѣдствiя справокъ своихъ касательно жи горбуна Бутчи. Входя въ комнату, Модеста услышала часть этого разговора. Она принесла письмо, которое намѣрена была отдать Дюмè, для отправленiя къ отцу. Письмо къ Каналису надлежало отправить обыкновеннымъ порядкомъ. Но въ-торопяхъ и подслушивая разговоръ о Бутчѣ, она перемѣшала ихъ, положила письмо къ отцу въ карманъ, а письмо къ Каналису держала въ рукѣ.

— За что вы такъ разсердились на моего бѣднаго таинственного карлу, мосьё Дюмè? спросила она съ улыбкою.

— Да вашъ таинственный уродъ сегодня уѣхалъ въ Парижъ и вы, конечно, знаете зачѣмъ!..... Вѣроятно, къ этому архитектору, который вчера прiѣзжалъ.

Модеста вспыхнула и поблѣднѣла. Ударъ былъ слишкомъ неожиданный.

— Но я его догоню, я его найду! Я самъ сейчасъ ѣду въ Парижъ. Это, вѣроятно, ваше письмо къ папенькѣ. Пожалуйте. Я самъ отдамъ полковнику.

Модеста отдала письмо. Дюмè машинально взглянулъ на адресъ и вздрогнулъ.

— Барону де-Капалису, въ улицѣ Паради-Понсоньеръ, номеръ двадцать-девятый! вскричалъ онъ съ изумленiемъ: это что значитъ?

— Модеста! вскричала мадамъ Мишонъ: вотъ кого ты любишь! Не даромъ ты поешь его романсы!....

— Не даромъ же и портретъ его виситъ надъ вашимъ туалетомъ! прибавилъ Дюмè.

— Отдайте мнѣ это письмо, мосьё Дюмè! сказала Модеста, выступивъ впередъ какъ львица, которая готовится защищать своихъ дѣтенышей....

— Извольте.

Модеста спрятала письмо и подала другое.

— Я знаю, что вы способны сдѣлать, мосьё Дюмè, сказала она: но если вы ступите на порогъ къ Каналису, я

ступлю за порогъ этого дому затѣмъ, чтобы никогда уже не возвращаться.

— Вы убиваете вашу мать, сударыня, сказалъ Дюмэ и вышелъ, чтобы позвать жену.

Мадамъ Миньонъ упала въ обморокъ отъ ужасной и необдуманной угрозы Модесты.

— Спаси мать, я постараюсь спасти дочь, если можно, сказалъ Дюмэ, прощаясь съ женою.

Въ нѣсколько минутъ онъ собрался въ дорогу и уѣхалъ. Когда мадамъ Миньонъ пришла въ чувство и осталась одна съ дочерью, она вмѣсто всякаго упреку сказала:

— Что ты сдѣлала, Модеста? Зачѣмъ ты скрывалась отъ меня? Развѣ я такъ строга?

— Маменька! разумѣется, я все сказала бы тебѣ... я сегодня же все хотѣла сказать, отвѣчала Модеста со слезами.

Она все рассказала матери, прочитала свои письма и отвѣты, по лепестку перебрала розу своей поэмы и сложила въ сердце доброй Нѣмки, которая не забыла, что и она нѣкогда была мечтательна. Въ этомъ занятіи прошло полдня. Когда повѣсть была окончена, когда Модеста увидѣла почти улыбку на устахъ болѣе чѣмъ снисходительной матери, она обняла ее и снова заплакала.

— Маменька, милая маменька! говорила она: ты, у которой сердце, столько же доброе сколько поэтическое, — алмазный сосудъ избранный Богомъ на то, чтобы заключать въ себѣ чистѣйшую и святую любовь!.... ты, которой я хочу подражать, любя въ цѣломъ свѣтѣ одного мужа моего! ты поймешь, какъ горьки слезы, которые я проливаю теперь на твои руки.... Этотъ мотылекъ съ нѣжными золотистыми крылышками, эта двойная душа, которую я воспитывала съ такимъ стараніемъ.... моя любовь, моя чистая, святая любовь, эта одушевленная, живая тайна, попала теперь въ грубыя руки, которые сокрушить и изуродуютъ ее подъ жалкимъ предлогомъ избавленія меня отъ мнимой опасности и для того, чтобы узнать, похожъ ли поэтъ на банкира въ аккуратности, способенъ ли мой Мельхіоръ удвоить капиталы, не было ли у него какой страсти и не провинился ли онъ въ глазахъ почтен-

нѣкъ людей въ какую-нибудь эпоху своей жизни... К чему все это? Чего они хотятъ отъ него и отъ меня?... Поцупайте мою руку маленька.... у меня лихорадка.... они убьютъ меня.... я умру.

Мать насилью утѣшила встревоженную и испуганную дѣвушку. Прошло нѣсколько дней, впродолженіи которыхъ мадамъ Латурнель совѣстливо помогала мадамъ Дюмэ исполнять трудную и совершенно бесполезную обязанность охранительницы и надзирательницы Модесты.

Между-тѣмъ Лабриёръ былъ въ восторгѣ отъ письма Модесты. Нашедши своего поэта сперва умнымъ и великимъ душою, она находила его даже красавцемъ. Это было уже послѣднее слово любви.

— Наконецъ, я любимъ! повторялъ онъ перечитывая письмо.

Когда женщина скажетъ мужчинѣ «ты хорошъ!»—будетъ это даже ясная ложь,—и когда въ крѣпкую его голову вошьется тонкій ядъ этой лести, — оковы, привязывающія его къ очаровательной лгунѣ, по-крайней-мѣрѣ удваиваются. Еще не рѣшено положительно, отчего это такъ, но оно такъ, оно въ природѣ человѣка. Эрнестъ гордо прохаживался по своей комнатѣ, становился передъ зеркаломъ лицомъ прямо, въ три четверти и въ профиль; пытался критиковать свою наружность, но тайный голосъ говорилъ ему: «Модеста права!» Онъ снова началъ читать письмо; онъ видѣлъ свою восхитительную блондинку, говорилъ съ нею. Потомъ, посреди этого восторгу его вдругъ поразила страшная мысль: «Она считаетъ меня Каналисомъ! и у нея шесть милліоновъ!»

Все счастье его упало, какъ падаетъ человѣкъ, который въ дунатизмѣ шелъ по краю кровли и, названный во имени, обрывается и разбивается о мостовую. Изъ восторгу Лабриёръ впалъ почти въ отчаяніе. Больше всего онъ опасался, чтобы всѣ поступки его не были приняты за спекуляцію на имѣніе Модесты. Онъ рѣшился тотчасъ же отыскать ея отца, все открыть ему и уведомить Каналиса.

Въ то же время Дюмэ ѣхалъ въ Парижъ, чтобы отыскать соблазнагола Модесты. Кровь Бретонца кипѣла какъ

на огнѣ во всю дорогу. Онъ ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ проучить жалкаго стихоплета, котораго представлялъ себѣ голоднымъ бѣднякомъ, кропающимъ свои поэмы гдѣ-нибудь на холодномъ и грязномъ чердакѣ. На пылкое воображеніе кассира-поручика словно вылили ведро холодной воды, когда ему указали великолѣпный домъ, почти дворецъ, занимаемый Каналисомъ; когда онъ увидѣлъ на дворѣ роскошный экипажъ, въ который впрягали породистыхъ лошадей и когда грумъ проводилъ его въ богато убранную столовую и указалъ обратиться къ камердинеру, похожему на банкира.

— Барона нельзя теперь видѣть, сказалъ камердинеръ: онъ сейчасъ ѣдетъ на службу; въ государственный совѣтъ.

— Но..... точно ли я не ошибся..... здѣсь живетъ мосьё Каналисъ..... сочинитель? снова спросилъ Дюмэ.

— Здѣсь, если вамъ нужно знаменитаго поэта, барона де-Каналиса. Но баронъ также рекетмейстеръ при государственномъ совѣтѣ и чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ это время другой лакей принесъ и развѣсилъ на стулѣ великолѣпно шитый золотомъ мундиръ съ орденомъ Почетнаго Легіона. Приготовленная гроза въ головѣ Дюмэ совершенно затихла. Онъ учтиво попросилъ камердинера доложить высокородному барону, что по весьма важному дѣлу его желаетъ видѣть отставной поручикъ Дюмэ. Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ воротился и, проводивъ посетителя въ кабинетъ, еще разъ доложилъ:

— Мосьё Дюмэ!

Увидѣвъ поэта въ великолѣпномъ кабинетѣ, окруженнаго всѣми принадлежностями знатнаго барина, и встрѣтивъ его важный вопросительный взглядъ, Дюмэ такъ смутился, что не зналъ, съ чего начать рѣчь.

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя? спросилъ Каналисъ.

— Милостивый государь..... баронъ.....

— Не угодно ли сѣсть? сказалъ Каналисъ, указывая гостю стулъ и опускаясь въ широкія эластическія кресла. Дюмэ совершенно смѣшался и сталъ откашливаться.

— Извините, сказалъ Каналисъ: я тороплюсь; министръ ждетъ меня.....

— Такъ позвольте же, поспѣшно сказалъ Дюмэ: я скажу вамъ все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ. Вы, баронъ, — не знаю какимъ образомъ, — соблазнили молоденькую дѣвушку, въ Гаврѣ, богатую и прекрасную, послѣднюю и единственную надежду двухъ семействъ, и я пришелъ спросить васъ о вашихъ намѣреніяхъ.

Каналисъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ занимался важными государственными дѣлами, старался попасть въ командиры ордена Почетнаго Легіона и въ посланники. Онъ совершенно забылъ о письмѣ изъ Гавра.

— Милостивый государь, возразилъ онъ съ удивленіемъ: вы, кажется, говорите со мною по-еврейски! Я рѣшительно не понимаю васъ. Я соблазнилъ дѣвушку..... Я, который..... (На устахъ поэта-дипломата нарисовалась великолѣпная улыбка.) Полноте, я не такой ребенокъ, чтобы заниматься похищеніемъ какихъ-нибудь мелкихъ лѣсныхъ плодовъ, когда у меня подъ рукою богатыя оранжереи съ прекраснѣйшими персиками. Я не удивляюсь, что въ вашемъ Гаврѣ можетъ быть молоденькая дѣвушка, которая удостоиваетъ меня незаслуженнаго удивленія за мои сочиненія. Это дѣло весьма обыкновенное. Вотъ, посмотрите.... видите эту шкатулку чернаго дерева, выложенную перламутромъ и золотомъ..... Она принадлежала папѣ Леону Десятому и подарена мнѣ маркизою Додли. Тутъ у меня хранятся всѣ письма, которыя я получаю отъ незнакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ со всѣхъ концовъ Европы. Я очень уважаю эти букеты цвѣтовъ, нарванные въ прекрасныхъ дѣвственныхъ душахъ и посланные въ минуты восторга. Другіе закуриваютъ ими сигары или отдаютъ ихъ своимъ женамъ на папиюотки. Но для меня это дорогіе подарки, которые я берегу какъ сокровище, какъ вознагражденіе за труды и неприятели ремесла писателя, всегда и вездѣ подверженнаго нападеніямъ недоброжелательства, зависти и клеветы. Когда я получаю въ спину выстрѣлъ отъ засѣвшаго гдѣ-нибудь за угломъ критика, я всегда смотрю на этотъ сундучокъ и говорю себѣ: «А между-тѣмъ всё-таки есть кое-гдѣ душа, которую

я утѣшилъ или испѣлялъ, которой доставлялъ удовольствіе или развлеченіе.» И это утѣшаетъ меня.

— Все это прекрасно. Но.....

— Но, разумѣется, тѣмъ и ограничиваются всѣ мои сношенія съ этими дамами. Неужели вы думаете, что я могу, при всякой раздушенной записочкѣ, затѣвать любовную интригу, отыскивать и преслѣдовать всѣхъ этихъ красавицъ, оказывающихъ лестное вниманіе моему таланту? Гдѣ мнѣ! вѣдь ихъ тутъ штукъ полтораста. Я почти никогда не отвѣчаю на эти письма, тѣмъ болѣе что они по большей части безыменныя. Если вамъ угодно, вы можете отыскать здѣсь вашу родственницу..... или кто она такая. Будьте увѣрены, что я слишкомъ дорожу собою, для того чтобы навязывать себѣ непріятныя исторіи. Кромѣ поэзіи и любви у меня есть дѣла по-важнѣе....

— Но, позвольте..... извините, что я васъ перебиваю, барень..... скажите мнѣ, вы были въ Гаврѣ?

— Я провель тамъ однѣ сутки, весной 1824 года, когда отправлялся въ Лондонъ.

— Я считаю васъ благороднымъ человѣкомъ, барень. Можете вы мнѣ сказать, что не знаете дѣвушки по имени Модеста Миньонъ?

— Я въ первый разъ слышу это имя.

— О! какая же это темная и черная интрига, которую мнѣ приходится распутывать! вскричалъ Дюмэ: по-крайней-мѣрѣ могу ли я надѣяться на ваше содѣйствіе, барень, для объясненія этой загадки?.... Ее затѣяли подъ вашимъ именемъ, слѣдовательно, тутъ есть подлогъ, который касается васъ лично..... Вамъ слѣдовало получить вчера или сегодня письмо изъ Гавра.....

— Я не получалъ никакого письма, отвѣчалъ Канальсь, вставая: я слѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы быть вамъ полезнымъ въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до меня лично, то я еще не вижу тутъ большого несчастья, если какое-нибудь любезное письмо отъ молоденькой поэтической дѣвушки, писанное ко мнѣ, попало въ другія руки.

Дюмэ пришелъ съ гнѣвомъ, а ушелъ съ страхомъ и безпокойствомъ. Онъ не зналъ, что подумать, и наконецъ

вообразилъ, что Бутча надѣлъ кому великаго поэта, чтобы обольстить Модесту. Почти вслѣдъ за Дюмэ къ Каналису пришелъ Лабриѣръ. Поэтъ, разумѣется, рассказалъ о своемъ приключеніи.

— Модеста Миньонъ! вскричалъ Эрнестъ: я пришелъ по этому же самому дѣлу.

— Какъ такъ? Стало-быть, я одержалъ неизвѣстную мнѣ побѣду черезъ повѣреннаго!

— Да. И ты самъ, лично, далъ довѣренность. Помнишь, четыре мѣсяца тому назадъ, ты предложилъ мнѣ отвѣчать на письмо, которое ты получилъ? Я отвѣчалъ и вотъ завѣтка драмы. Я люблю прекраснѣйшею дѣвушкою въ мірѣ, такую прекрасною, что она можетъ быть царицею въ отборнѣйшихъ кругахъ въ Парижѣ; умною какъ демонъ; съ сердцемъ какъ у Клариссы Гарло. Она меня видѣла; я ей нравлюсь. Но она считаетъ меня великимъ Каналисомъ!.... Это еще не все. Прекрасная Модеста Миньонъ знатнаго происхожденія и банкиръ Монженѣ сейчасъ говорилъ мнѣ, что у ея отца, графа Бастійскаго, миллионъ семь капиталу.... Этотъ отецъ вчера возвратился изъ путешествія. Я черезъ Монженѣ просилъ у него свиданія сегодня въ два часа. Однако жъ прежде этого свиданія я счелъ нужнымъ сказать тебѣ.....

— Въ числѣ полевыхъ цвѣтовъ, распутившихся подъ солнцемъ славы, былъ одинъ великолѣпный и рѣдкій, и тотъ не для меня! воскликнулъ Каналисъ печально-торжественно: нашлась одна истинно великая и прекрасная душа, одно истинное счастье, и то я безумно отвергъ!

Онъ уставилъ глаза на коверъ и на минуту задумался.

— Но какъ было угадать, продолжалъ онъ хладнокровно: какъ было узнать въ этой грудѣ записочекъ ту, въ которой заключается счастье?... Для этого нужно быть или ангеломъ или демономъ, а я просто рекетмейстеръ.... И ты любишь ее?

— О! конечно, люблю!

— Ну, видно не мнѣ, а тебѣ суждено было, другъ мой. Тебѣ я не стану завидовать. Будь счастливъ, Эрнестъ. Я радъ по-крайней-мѣрѣ, что этимъ вознаградится твоя преданность ко мнѣ. Будь счастливъ. Я готовъ помогать тебѣ, если нужно.

Въ душѣ Канались бѣсился, но надобно же было извлечь хоть какую-нибудь выгоду изъ невыгоднаго положенія, и онъ рѣшился сыграть роль великодушнаго. Лабриёръ почти со слезами бросился ему на шею.

— Канались! другъ мой! какъ мало я зналъ тебя!

— Что жь дѣлать?... Чтобы объѣхать свѣтъ, нужно время.

● — Но подумай!.... такое огромное состояніе!

— Что же, развѣ оно въ дурныя руки попадетъ? вскричалъ Канались, сопровождая эти слова великодушнымъ жестомъ.

— Мельхиоръ! вскричалъ Лабриёръ: отнынѣ мы друзья на жизнь и на смерть.

Эрнестъ еще разъ обнялъ поэта и поспѣшилъ на свиданіе съ отцомъ Модесты.

Въ эту минуту Шарль Миньонъ былъ жертвою глубокой скорби и жестокихъ душевныхъ потрясеній. Изъ письма отъ дочери онъ узналъ о смерти Беттины и о томъ, что жена его ослѣпла, а Дюмэ рассказалъ ему объ опасной любовной интригѣ, въ которую запуталась Модеста.

— Оставь меня одного, сказалъ онъ своему вѣрному другу.

Когда Дюмэ затворилъ за собою дверь, несчастный отецъ бросился на диванъ и сжавъ голову обѣими руками, заплакалъ. Слезы его катились рѣдко, медленно, едва отдѣлялись отъ воспаленныхъ вѣкъ и не пробѣжавъ всей загорѣвшей щеки пятидесяти-лѣтняго старика, засыхали, какъ роса на горячемъ пескѣ.

— Имѣть любимыхъ дѣтей, имѣть обожаемую жену, значить имѣть нѣсколько сердець, для того только, чтобы подставлять ихъ одно за другимъ подъ острый ножъ! вскричалъ онъ, вскочивъ какъ тигръ, и пошелъ ходить по комнатѣ: быть отцомъ значить связать себя по рукамъ и по ногамъ и отдаться несчастію.... Если я найду этого негодяя д'Эстурни, я убью его! Вотъ, наживи себѣ дочерей!... Одна убѣжала съ мошенникомъ; другая.... моя Модеста, готова бѣжать съ мерзавцемъ, который надѣлъ маску поэта, прикрылся чужимъ именемъ!.... Пусть бы еще это

былъ Кавалисъ..... бѣда была бы не велика, если бы она вышла за него..... Но какой-нибудь влюбленный шарлатанъ!.... Я задушю его собственными руками! вскричалъ Миньонъ, сдѣлавъ страшный жестъ.... А потомъ?... спросилъ онъ помолчавъ: если дочь моя умретъ съ горя?

Онъ машинально посмотрѣлъ изъ окна на противоположные дома, потомъ сѣлъ на диванъ и долго оставался неподвиженъ и безмолвенъ. Труды шести путешествій въ Индію и Китай, заботы негоціанта-спекулятора, выдержанныя опасности и скорби убѣлили голову Шарля Миньона, покрыли загорѣлое лицо морщинами и придали всей его физиономіи важный, величественный видъ, который всякому внушилъ бы почтеніе.

— А Монженё еще такъ выхвалялъ мнѣ этого молодого человѣка, который хочетъ поговорить со мною о моей дочери!....

Вслѣдъ за этимъ слуга доложилъ, что пришелъ Эрнестъ де-Лабріёръ.

— Что вамъ угодно? сухо спросилъ Миньонъ, когда молодой человѣкъ вошелъ.

— Я просилъ свиданія съ вами черезъ банкира Монженё, отвѣчалъ Эрнестъ, робко вглядываясь въ суровое, отеловское лицо полковника.

— Знаю, отвѣчалъ Миньонъ: что же вамъ угодно?

— Имя мое Эрнестъ де-Лабріёръ; я родственникъ бывшаго перваго министра и находился при немъ въ качествѣ секретаря..... теперъ я служу въ контролѣ старшимъ докладчикомъ и надѣюсь вскорѣ быть правителемъ дѣлъ....

— Какимъ же образомъ это касается меня?

— Оно касается вашей дочери, полковникъ..... вашей дочери, которую я люблю и которая, какъ я смѣю надѣяться, любитъ меня.... Выслушайте меня, полковникъ, съ живостью сказалъ Лабріёръ, останавливая грозное движеніе раздраженнаго отца: мнѣ нужно сдѣлать вамъ очень странное признаніе, тягостное для человѣка съ честью. Самое жестокое наказаніе за мое поведеніе, быть-можетъ, довольно натуральное, заключается именно въ этомъ признаніи.... Между-тѣмъ, я не столько страшусь отца, сколько дочери.....

Эрнестъ откровенно, съ благороднымъ чистосердечіемъ разсказалъ всю исторію своей любви и не скрылъ ни одного изъ двадцати слишкомъ писемъ, которыя получилъ отъ Модесты и принесъ ея отцу; не умолчалъ и о послѣднемъ свиданіи своемъ съ Каналисомъ. Кончивъ, онъ съ безпокойствомъ ждалъ отвѣта отъ полковника, который устремилъ на него огненный взоръ и долго молчалъ.

— Милостивый государь, сказалъ наконецъ Шарль Миньонъ: во всемъ этомъ есть ошибка и ошибка капитальная. У дочери моей вѣтъ шести милліоновъ. У нея найдется всего сотни полторы тысячъ приданого и кое-какія сомнительныя надежды.

— О! вы избавляете меня отъ страшнаго бремени, которое лежало у меня на сердцѣ! вскричалъ Лабріеръ, вскочивъ и хватая полковника за руки: теперь, быть-можетъ, ничто уже не помѣшаетъ моему счастью!.... У меня есть покровители, я получу хорошее мѣсто..... Пусть у Модесты не больше десяти тысячъ..... пусть ничего нѣтъ.... она будетъ моею женою, я буду вашимъ сыномъ.... все мое желаніе сдѣлать ее счастливою.... Вотъ всѣ мысли души моей.

Шарль Миньонъ устремилъ на Лабріера взоръ, который вонзился въ глаза молодаго человека какъ кинжалъ въ свои ножны. Онъ нашелъ тамъ совершеннѣйшую чистоту и непритворный восторгъ.

— Неужели судьба въ самомъ дѣлѣ утомилась гнать меня? подумалъ онъ: неужели это тотъ зять, котораго я предположилъ съискать себѣ?

Онъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ.

— Мосье Лабріеръ, сказалъ онъ потомъ: вы должны совершенно подчиниться всѣмъ распоряженіямъ, какія я сочту нужными, иначе вы теперь играли комедію.

— О! помиуйте!....

— Выслушайте, перебилъ Миньонъ, остановивъ его взглядомъ: я не буду ни строгъ, ни жестокъ, ни несправедливъ. Вы повесете всѣ неудѣбства и воспользуетесь всѣми выгодами ложнаго положенія, въ которое поставилъ себя. Дочь моя воображаетъ, что любитъ знаменитаго поэта и прельстилась всего болѣе егo славою. Не дол-

женъ ли я дать ей возможность выбрать любое, или политическую знаменитость, которая служила малкомъ ея мечтѣ, или бѣдную существенность, которую въ насмѣшку бросаетъ ей случай? Пусть она сама выберетъ или Каналиса или васъ. Отъ васъ я требую только, чтобы вы молчали о томъ, что я сейчасъ сказалъ вамъ насчетъ моего состоянія. Пріѣзжайте съ вашимъ другомъ, барономъ Каналисомъ, провести недѣли двѣ-три въ Гаврѣ. Домъ мой открытъ для васъ обѣихъ. Дочь моя будетъ имѣть возможность узнать и того и другаго. Подумайте, что вы должны сами привезти своего соперника и не мѣшать ему вѣрять всему, что онъ можетъ услышать о баснословномъ богатствѣ, которое я будто бы привезъ. Я завтра буду въ Гаврѣ и жду васъ черезъ три дня. Прощайте.

Бѣдный Лабріеръ воротился къ Каналису очень тихимъ шагомъ. Поэтъ въ то время предавался бурному потоку своихъ мыслей, своей досадѣ и безплоднымъ сожалѣніямъ о непростительной ошибкѣ.

— Невѣста съ шестью милліонами!... И я не угадаю этого... я не увидѣлъ блеску этого золота сквозь туманъ таинственнаго письма!... Съ такимъ состояніемъ я могъ бы быть перомъ Франціи, графомъ, посланникомъ. Я отвѣчалъ мѣщанкамъ, дурочкамъ, интриганткамъ, которымъ хотѣлось автографа! и я бросилъ эти маскарадные интриги въ ту самую минуту, когда судьба посылала мнѣ душу избранную, ангела съ золотыми крыльями.... О, это ужасно! Этакой я....

Вошелъ Лабріеръ. Онъ былъ печаленъ.

— Что это значитъ, Эрнестъ? что съ тобой?

— Отецъ хочетъ, чтобы дочь сама выбрала одного изъ двухъ Каналисовъ....

— О! да этотъ отецъ, человѣкъ очень остроумный! вскричалъ Каналисъ съ веселымъ смѣхомъ.

— Онъ взялъ съ меня честное слово привезти тебя въ Гаврѣ, уныло сказалъ Лабріеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Будь увѣренъ, любезный другъ, что твое честное слово я всегда выручу.... Я сейчасъ возьму отпускъ на мѣсяць....

— Модеста такъ хороша! вскричалъ Лабріеръ съ от-

чаяніемъ: ты влюбишься, а затмить и уничтожить меня тебѣ легко!... Я и то уже удивлялся, что счастье занншается мною.... я уже говорилъ себѣ: оно ошиблось и опомнится!

— Ну, полно, другъ, не отчаявайся: еще увидимъ! возразилъ Каналисъ съ безсовѣстною веселостью.

Послѣ обѣда Шарль Миньонъ и его кассиръ летѣли въ Гавръ. Отецъ совершенно успокоилъ совѣстливаго сторожа насчетъ любви Модесты и насчетъ Бутчи и смѣнилъ его съ караула.

— Все къ лучшему, любезный другъ, сказалъ Шарль, когда Дюмэ передалъ ему свѣдѣнія, собранныя у Монженё и другихъ насчетъ Каналиса и Лабриера: у насъ будетъ двое актеровъ для одной роли! вскричалъ онъ развеселившись.

Между-тѣмъ онъ просилъ своего стараго товарища молчать насчетъ комедіи, которую рѣшился разыграть на Фермѣ, чтобы дать дочери отеческій урокъ. Во всю дорогу друзья говорили безъ-умолку. Шарль Миньонъ узналъ всѣ подробности того, что втеченіи четырехъ лѣтъ случилось важнаго въ его семействѣ, а Дюмэ узналъ, что дней черезъ осемь или десять пріѣдетъ знаменитый и искусный докторъ, который попытается возвратить мадамъ Миньонъ зрѣніе, если возможно.

Сцены, подобныя встрѣчѣ отца съ семействомъ послѣ долговременнаго отсутствія, никогда не описываются. Это весьма благоразумно со стороны пишущихъ. Мы замѣтимъ только, что въ этотъ день въ семействѣ Миньонъ не было произнесено ни одного слова такого, которое бы могло нарушить радость. О предполагаемой таинственной любви Модесты, разумѣется, тоже не было рѣчи. Полковникъ почти все время сидѣлъ подлѣ жены, держа ее за руку и любовался на красавицу дочь. Модеста, опасаясь чтобы томная радость родителей не была совсѣмъ разрушена какимъ-нибудь воспоминаніемъ, почти не отходила отъ отца и осыпая его ласками и поцѣлуями, казалось, хотѣла замѣнить двухъ.

— О! моя милая! я понимаю тебя, шепнулъ Миньонъ,

ножимая ея руку въ минуту, когда она нѣжно цѣловала его въ лобъ.

— Ст! отвѣчала ему на-ухо Модеста, указывая на мать.

Модесту беспокоило коварное молчаніе Дюмэ насчетъ результатовъ его поѣздки въ Парижъ и она иногда украдкою поглядывала на отца, но ничего не могла прочитатъ особенно любопытнаго на его спокойномъ лицѣ.

— Завтра встань по-раньше, милая моя, сказалъ Миньонъ дочери, когда они прощались на ночь: если будетъ хорошая погода, мы съ тобой пойдемъ прогуляться на взморье.... Намъ нужно поговорить о поэмахъ, надмогель Миньонъ, прибавилъ онъ съ улыбкою, которая отразилась и на устахъ Дюмэ.

Больше Модеста ничего не узнала, но этого было довольно, чтобы успокоить опасенія и возбудить любопытство до бессонницы. Утромъ она была совсѣмъ одѣта и готова гораздо раньше отца.

— Вы все знаете, добрый папенька, сказала Модеста, когда они вышли на дорогу.

— Да, я знаю все, то есть, больше нежели ты знаешь, отвѣчалъ отецъ.

Они шли нѣсколько времени молча.

— Объясни мнѣ, мой другъ, сказалъ онъ потомъ: какимъ образомъ дочь, обожаемая матерью, могла рѣшиться на такой поступокъ.... Тайно писать къ незнакомому человѣку!

— Ахъ, папенька!... конечно, потому что маменька позволила бы.

— Чтѣ жъ ты думаешь, что это благоразумно? Если ты сама собою приобрѣла знаніе вещей, то какъ же твой разумъ, твой умъ,—не говоря уже о стыдливости,—не сказалъ тебѣ, что дѣйствовать такимъ образомъ значитъ *навязываться*?... Неужели у моей дочери такъ мало гордости, такъ мало деликатности?... О, Модеста! ты заставила меня провести въ Парижѣ два адскихъ часа!... потому что нравственно ты поступила ровно такъ же какъ и Карлига.... съ тою разницею, что тебя еще не можетъ извинить обольщеніе. Ты была холодною кокеткой, а это

мокетство — любовь головы, а не сердца, самый ужасный порокъ у Француженокъ.

— У меня нѣтъ гордости? вскричала Модеста со слезами: но вѣдь онъ меня еще не видалъ!

— Онъ видѣлъ тебя и знаетъ твое имя....

— Я сказала ему имя тогда только, когда глаза подтвердили то, что чувствовала душа впродолженіи трехъ-мѣсячной переписки.

— Да, мой другъ, я вижу, что ты нѣкоторымъ образомъ разсудительно сдѣлала глупость, которая подвергала опасности тебя и твоихъ родителей....

— Ахъ, папенька! но наконецъ слѣдствіемъ этой отважности всё-таки будетъ счастье!

— А! такъ это только отважность? вскричалъ отецъ.

— Отважность такая, какую позволила себѣ и маменька, съ живостью прибавила Модеста: маменька, если хотите, поступила еще безразсуднѣе: она рѣшилась выйти за васъ замужъ, увидѣвши васъ только одинъ разъ.

— Ты избалованное дитя, Модеста. Признайся откровенно, есть ли какое сходство между любовью, которая, правда, вспыхнула скоро, но на глазахъ и съ позволенія родителей, и тайною перепискою съ незнакомцемъ?

— Незнакомецъ?... скажите, папенька, съ однимъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, съ человѣкомъ, котораго характеръ и жизнь раскрыты передъ всѣми, доступны всякому злоязычію и клеветѣ, съ человѣкомъ, для котораго я осталась лицомъ драматическимъ и литературнымъ, романтическою героиней ... до той минуты, когда я сама захотѣла узнать, такъ ли хорошъ человѣкъ какъ его душа....

— Боже мой, бѣдное дитя мое! ты сочиняешь поэтическія мечты по поводу замужства. Но если дѣвченокъ во всё времена заключали во внутренности семейства, — если Богъ, если законы гражданскіе налагаютъ на нихъ строгія повинненія родителямъ, такъ вѣдь это именно для того, чтобы предохранить ихъ отъ несчастныхъ послѣдствій поэзіи, которая ослѣпляетъ васъ и которой вы не въ состояніи оцѣнить по достоинству. Поэзія составляетъ одну изъ украшеній жизни, но это еще не жизнь.

— Папенька, это процессъ еще не конченный передъ судилищемъ фактовъ, съ живостью возражаетъ Модестъ: наши сердца въ постоянной борьбѣ съ семействами.

— Горе дочери, которая будетъ счастливою отъ такого сопротивленія! съ важностью сказалъ полковникъ.

— Мой женихъ уже говорилъ мнѣ все это, отвѣчала она: онъ удивительно какой разсудительный. Онъ долгое время игралъ Оргона и покушался даже очернить передо мною личность и характеръ поэтовъ. Онъ доказывалъ мнѣ, что всѣ печатные поэты—эгоисты, люди самые страшные.

— Я видѣлъ ваши письма, съ улыбкою сказалъ отецъ: но позволь тебѣ замѣтить при этомъ, что послѣднее твое письмо едва позволительно какой-нибудь Юлии д'Этанжъ!... Боже мой, какое зло дѣлаютъ намъ эти романы!

— Полноте, папенька! Если бы романовъ не писали, мы сами дѣлали бы ихъ.... такъ ужъ лучше же читать.... Нынче, конечно, меньше бываетъ приключеній нежели во времена Людовиковъ Четырнадцатаго и Пятнадцатаго, когда меньше печаталось романовъ..... Притомъ я вамъ покажу его письма: вы увидите, что я нашла вамъ зятя и сына самага почтительнаго, съ душою самою нѣжною и благородною, съ честностью самою строгою.... а любимъ мы другъ друга по-крайней-мѣрѣ столько же какъ вы и маменька... Я согласна, что все это сдѣлалось не совсѣмъ сообразно съ приличіями; я сдѣлала, если хотите, ошибку....

— Я знаю, знаю, какъ вы оба наперерывъ оправдывали себѣ вашъ поступокъ. Но всё-таки это съ твоей стороны ошибка огромная, едва-ли простительная....

— Въ глазахъ людей, которые мѣряютъ жизнь аршиномъ.... въ глазахъ людей, подобныхъ Альторамъ, конечно! но не въ вашихъ, папенька. Согласитесь, что лучше, благороднѣе и выше прямо пойти и сказать человѣку я люблю тебя, чѣмъ выказывать ему это разными мелочными жеманствами, не говоря уже о томъ, какъ пріятно быть запроданною какъ товаръ.

— Дитя! вскричалъ полковникъ, глядя на дочь: ты никогда не хочешь подумать, что родители, которыми жизнь лучше известна, обязаны отвѣчать за жизнь и за счастье

своихъ дѣтей, что они должны предохранять васъ отъ заблужденій и ошибокъ.... Боже мой, развѣ это жестоко! и развѣ мы, отцы и матери, непременно должны быть наказаны за всякое снисхожденіе, за всякую нѣжность, которую сама природа вложила намъ въ сердце!

При этихъ словахъ, которые полковникъ сказалъ почти дрожащимъ голосомъ, Модеста украдкой посмотрѣла на отца и потомъ схватила его за руку. Они въ это время сидѣли на бугоркѣ близъ воды.

— Развѣ это преступленіе, когда дѣвушка съ свободнымъ сердцемъ выбираетъ себѣ въ мужа не только человѣка съ прекраснымъ сердцемъ и наружностью, но и человѣка даровитаго, благороднаго, занимающаго хорошее положеніе въ свѣтѣ?... притомъ нѣжнаго какъ дѣвушка....

— Такъ ты любишь его?

— Папенька, сказала Модеста, положивъ голову на грудь отца: если вы не хотите, чтобы я умерла....

— Довольно. Твоя любовь, я вижу, непоколебима.

— Непоколебима!

— Ничто не можетъ измѣнить ее?

— Ничто на свѣтѣ!

— Ты не предполагаешь ни какого случая, ни какой измѣны.... ты будешь любить его несмотря ни на что.... даже, если бы онъ оказался какимъ-нибудь д'Эстурни?

— О, папенька! вы не знаете вашей дочери. Неужели вы думаете, что я могла бы полюбить человѣка неблаго-роднаго, безчестнаго....

— А если онъ обманулъ тебя?

— Этотъ прекрасный и скромный молодой человѣкъ?.. Вы шутите! вы не видали его!

— Къ-счастію, я думаю, любовь твоя не такъ безусловна, какъ ты говоришь, дочь моя. Я открою тебѣ обстоятельства, которыя, можетъ-быть, нѣсколько измѣнятъ твою нѣзму.... Понимаешь ли ты теперь, что отцы годятся на что-нибудь?

— Вы хотите дать урокъ дочкѣ, папенька? Это похоже на испытаніе....

— Бѣдняжка! сказалъ отецъ: урокъ этотъ не отъ меня;

а тутъ ни въ чемъ не виноватъ; я гожусь развѣ только къ тому, чтобы облегчить тебѣ ударъ....

— Довольно, папенька! не играйте моею жизнью, вскричала Модеста, блѣднѣя.

— Я не играю, дочь моя. Скрѣпи сердце, собери свое мужество. Ты играла, ты пошутила съ жизнью и жизнь подшутила надъ тобой.

Модеста посмотрѣла на отца съ изумленіемъ и страхомъ.

— Чтò, если молодой человекъ, котораго ты видѣла въ церкви, обманщикъ? спросилъ Миньонъ.

— Это невозможно! вскричала Модеста: эта благородная фюзіомія, эта олицетворенная поэзія....

— Маска, ложь. Онъ столько же Каналисъ, какъ я — рыбакъ, что тамъ закидываетъ неводъ.

— Знаете ли вы, чтò вы убиваете во мнѣ? сказала она.

— Успокойся, дитя мое. Если случай положилъ наказаніе въ самый проступокъ твой, то бѣда отъ этого еще не неисправима. Тотъ съ кѣмъ ты переписывалась, молодой человекъ добрый и честный. Онъ открылъ мнѣ свое затрудненіе. Онъ любитъ тебя и я не прочь принять его въ зятя.

— Если онъ не Каналисъ, то кто же онъ? спросила Модеста въ сильномъ волненіи.

— Его секретарь!... Его зовутъ Эрнестомъ де-Лабриеромъ. Онъ не поэтъ, но онъ одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ людей, съ положительными достоинствами и надежною нравственностью, какія нравятся родителямъ. Сверхъ того онъ же нравится и тебѣ, ты избрала его, ты его любишь и ничтò уже не можетъ измѣнить твоего сердца.

Модеста перебила рѣчь отца глубокимъ вздохомъ. Она, блѣдная какъ смерть, опустила руки и неподвижно устала глаза на море.

— Обманулъ! сказала она наконецъ.

— Правда, но еще не совсѣмъ. Утѣшься, мой другъ, возразилъ отецъ.

— Пойдемте домой, папенька, сказала она вставая, и потомъ прибавила: оставьте все это. Будьте увѣрены, клянусь вамъ передъ Богомъ, я исполню вашу волю, какова

бы она ни была, во всемъ, что касается до дѣла о моемъ замужствѣ.

— Такъ ты уже не любишь его?

— Я люблю человѣка правдиваго какъ вы, неспособнаго лгать и притворяться, надѣвать личину чужаго имени и славы....

— А ты говорила, что ничто не можетъ измѣнить твоего сердца? насмѣшливо замѣтилъ полковникъ.

— О! не шутите, не смѣйтесь надо мною! вскричала она, съ умоляющимъ видомъ сложивъ руки: не играйте моимъ сердцемъ, самыми дорогими вѣрованіями....

• — Сохрани Богъ. Я сказалъ истину.

— Я вѣрю. Вы добры, вы любите меня, папенька.

— А у него твои пьесы, продолжалъ Миньонъ: что если бы эти необдуманныя изліянія твоего поэтическаго сердца попали въ руки такого поэта, который, по слову Дюмэ, закуриваетъ ими сигары.

— О! вы слишкомъ далеко заходите....

— Каналисъ самъ ему сказалъ....

— Онъ видѣлъ Каналикса?

— Видѣлъ.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Такъ вотъ, отчего этотъ господинъ наскандалилъ мнѣ такъ много дурнаго о поэзии и поэтѣхъ, продолжала Модеста: вотъ отчего этотъ... секретарь, говорилъ о..... но его собственныя добродѣтели, его собственное безкорыстіе, благородный образъ мыслей и честность развѣ не могутъ быть только писанными?..... Человѣкъ, который вретъ чужое имя....

— Способенъ разламывать также и замки, красть чужія деньги, грабить на большихъ дорогахъ! вскричалъ полковникъ со смѣхомъ: вотъ вы, дѣвушки, съ вашими безусловными чувствованіями и совершеннымъ незнаніемъ свѣта! Человѣкъ, способный солгать передъ женщиною, всегда кажется вамъ идущимъ съ эшафота или на эшафотъ.

Эта насмѣшка потушила жаръ Модесты.

Помолчавъ нѣсколько времени, полковникъ объяснилъ дочери, что она вовсе не имѣетъ права слишкомъ строго

въискивать за подлогъ Лабриѣра, потому что она сама сдѣлала первый, и вотому, естественно, находить все ложнымъ въ положеніи, ложномъ по своему началу. Потому овъ увѣрялъ ее, что Лабриѣръ хотя не пишетъ стиховъ, однако жъ тѣмъ не менѣе человекъ благородный, честный и правдивый и, наконецъ, объявилъ, что она увидитъ сама обонхъ Каналисовъ и можетъ выбрать себѣ любаго или отвергнуть обонхъ.

— Ты по-короче узнаешь ихъ характеры, можешь подвергнуть ихъ испытанію, заключилъ онъ: ты начала поэмою, можешь кончить комедіей.

Модеста слушала и отвѣчала только полу-словами. Она упала съ облаковъ въ лужу. Съ высотъ мистической любви, изъ волшебнаго царства поэзіи, она вдругъ ступила на каменную мостовую пошлой существенности. Она совсѣмъ упала духомъ и даже не хотѣла слушать утѣшеній отца и матери. Разочарованіе ея было довольно жестоко, но она, слѣдуя и въ этомъ своей страсти къ крайностямъ, находила еще наслажденіе въ томъ, чтобы нарочно усилывать свою горестъ собственными объясненіями и новыми фантазіями. Въ три дня она такъ измѣнилась, что перепугала всѣхъ своихъ ближнихъ. Шарль Мпньонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзду жениховъ. Наконецъ на пятый день они пріѣхали.

Каналисъ, котораго сильно манило богатое приданое, рѣшился ничево не упускать изъ виду, для того, чтобы взять верхъ надъ своимъ секретаремъ, такъ однако жъ, чтобы Лабриѣръ не могъ жаловаться на нарушеніе законовъ дружбы. Онъ разсчелъ, что ничто такъ не уничтожаетъ жениха въ глазахъ дѣвушки, какъ подчиненное, второстепенное положеніе, и самымъ естественнымъ образомъ предложилъ Лабриѣру нанять квартиру въ Гаврѣ вмѣстѣ. Когда же Лабриѣръ согласился, поэтъ взялъ всѣ распоряженія на себя, послалъ передовымъ своего камердинера, приказалъ нанять квартиру самую великолѣпную, взять на мѣслцъ самый лучший экипажъ и лошадей, какіестолько найдутся въ Гаврѣ, распустить слухъ о скоромъ прібытіи знаменитаго поэта барона де-Каналиса, который ѣдетъ лечиться морскими ваннами и отдыхать отъ лите-

ратурныхъ и дипломатическихъ трудовъ, везетъ съ собою своего домашняго секретаря и друга, повара, кучера, грума и двухъ лакеевъ, не считая мосьё Жермена Боннэ, который имѣетъ честь быть его камердинеромъ. Отъѣздъ друзей изъ Парижа былъ замедленъ двумя днями, потому что на дверцахъ нанятой въ Гаврѣ коляски расписывали гербъ барона Каналиса. Все это бѣднѣйшій Лабіеръ примѣтилъ, но уже поздно:

Вслѣдъ за женихами пріѣхалъ и Бутча.

Пріѣздъ Каналисовъ не развеселилъ Модесты. Чувство паденія и разочарованія еще господствовало въ ней. Она была не такая кокетка, какою счелъ ее отецъ; она и не навязывалась. Любовь ея не была любовью головною, какъ говорилъ полковникъ: она развивалась такъ же постепенно и естественно, какъ и всякая другая, съ тою только разницею, что выраженія были писаны на бумагѣ, а не высказаны въ словахъ или взглядахъ. Несмотря на это Модестѣ однако жъ было тягостно то, что она должна была признать справедливость замѣчанія отца насчетъ послѣдняго ея письма. Она стыдилась его и находила, что отецъ поступаетъ жестоко, принуждая ее принять чело-вѣка, недостойнаго ея, чело-вѣка, котораго она презираетъ, потому что онъ осмѣлился смотрѣть, когда душа ея летѣла къ нему почти совершенно обнаженная. Она разспросила Дюмэ насчетъ его свиданія съ знаменитымъ поэтомъ, заставила рассказать всѣ подробности и находила Каналиса вовсе не такимъ варваромъ, какъ говорилъ поручикъ.

— Модеста спасена, говорила мадамъ Миньонъ мужу: она хочетъ отмстить мнимому Каналису и попытаться полюбить настоящаго.

Таковъ дѣйствительно былъ планъ Модесты. Но мать совѣтовала ей оказывать Лабріеру не презрѣніе, а подавляющую доброту и снисходительность. Это было гораздо труднѣе, но у матери была на то своя причина. Чѣмъ труднѣе будетъ положеніе Модесты, думала она, тѣмъ менѣе она обманетъ себя.

— Ну, вотъ два жениха, которые, конечно, не подозреваютъ, сколько здѣсь будетъ соглядатаевъ и испытате-

лей, сказала мадамъ Латурнель, въ субботу вечеромъ, когда узнали о прїѣздѣ Каналиса.

— Не двое, душенька, а трое, замѣтилъ нотаріусъ.

Всѣ подняли головы и Модеста тоже.

— Какъ такъ? спросилъ полковникъ.

— Я вамъ ручаюсь, что трое, продолжалъ нотаріусъ.

— Кто же третій?

— Не кто иной какъ его свѣтлость герцогъ д'Эрувиль, маркизъ де-Сенъ-Северъ, герцогъ де-Нивронъ, графъ де-Байё, виконтъ д'Эссинь, перъ Франціи, кавалеръ ордена Золотаго Руна, грандъ испанскій, сынъ послѣдняго губернатора Нормандіи и оберъ-шталмейстеръ короля Французовъ. Онъ видѣлъ мадмоазель Модесту четыре года тому назадъ. Нынче, собравшись жениться, очень жалѣлъ, что у нея мало приданаго, и съ-горя уже хотѣлъ было жениться на мадмоазель Вилькёнъ. Герцогу тридцать три года. Я имѣю положительное полномочіе, прибавилъ нотаріусъ съ почтительнымъ поклономъ, обращаясь къ полковнику: передать вамъ, графъ, предварительное предложеніе.

— Спросите Модесту, отвѣчалъ отецъ: хочетъ ли она запречь третьяго поклонника въ свою побѣдную колесницу. Чтѣ касается до меня, я согласенъ: пусть оберъ-шталмейстеръ старается понравиться.....

Несмотря на предосторожности Шарля Миньона, несмотря на то, что онъ нигдѣ не бывалъ и никого не принималъ, въ Гаврѣ разнесся слухъ о его богатствѣ. Дюмѣ при Гобенгеймѣ проболтался о своихъ шести стахъ тысячахъ и тотъ не хуже Бутчи умѣлъ разсчитать, сколько, слѣдовательно, долженъ имѣть самъ Миньонъ. Объ этомъ было разсказано на биржѣ, и послѣ-того уже не трудно было узнать также, что у полковника живутъ въ Парижѣ привезенныя изъ путешествія слуги, человѣкъ шесть негровъ и мулатовъ, что тамъ же куплены отличныя лошади и новомодная изящная карета, на которой заказано написать гербы графа Бастійскаго, и много разныхъ другихъ мелочей, чрезвычайно важныхъ и доказательныхъ въ подобномъ случаѣ. Однимъ словомъ, Модеста вдругъ прослыла самую богатую невѣстою во всей Нормандіи и

всѣ вдругъ примѣтили въ ней тысячу дотогѣ невиданныхъ достоинствъ. Тётка герцога д'Эрувиля, которая давно уже напрасно старалась женить племянника, для поправленія его разстроеннаго имѣнія, при полной гостиниой подтвердила права Шарля Миньона на титулъ и гербъ графовъ Бастійскихъ и внуковъ кардинала Миньона. Она также видѣла Модесту у Вилькеновъ и теперь говорила:

— Если мадамозель Миньонъ-Бастійская такъ же богата какъ она хороша собой, то это была бы для герцога самая лучшая партія. Эта по-крайней-мѣрѣ благородная.

Послѣднее слово былъ ударъ, направленный въ Вилькеновъ, съ которыми не могли согласиться, послѣ того что унизились до предложенія.

Модеста тоже помнила герцога д'Эрувиля. Въ немъ не было ничего особенно замѣчательнаго. Онъ былъ вообще гораздо меньше своего титула. Но Модеста тотчасъ сообразила, что искательство его будетъ для нея чрезвычайно важно, потому что послужить, нѣкоторымъ образомъ, въ поддержанію совершенной независимости ея отъ Каналисовъ.

— Я не вижу, сказала Модеста, почему бы не принять и герцога д'Эрувиля. Несмотря на нашу бѣдность, продолжала она, лукаво взглянувъ на отца, я уже слышу богатою наследницею. Могутъ явиться еще и другіе женихи. Развѣ вы не видѣли, какъ взгляды мосьё Гобенгейма изменились втеченіи этой недѣли? Онъ въ отчаяніи, что не можетъ поставить своихъ партій виста насчетъ безмольнаго обожанія моей особы.....

— Тише, душа моя! Вотъ онъ, перебила мадамъ Латурнель.

— Старикъ Альторъ въ отчаяніи, сказалъ Гобенгеймъ Миньону.

— Отчего такъ?

— Вилькэнъ падаетъ, а васъ на биржѣ считаютъ милліонеромъ.

— Они не знаютъ, какія у меня могутъ быть обязательства въ Индіи, сухо возразилъ Миньонъ: а я не считаю нужнымъ отдавать всѣмъ отчетъ въ моихъ дѣлахъ.— Дюжэ, сказалъ онъ потомъ своему другу на-ухо: если Виль-

кѣтъ въ затруднительномъ положеніи, мы можемъ возвратить ему что онъ заплатилъ за мою дачу.

На другой день друзья-соперники все утро провели въ устроеніи своего жилья; а къ-вечеру приготовлялись отправиться на Ферму. Обѣдать они сѣли уже совсѣмъ одѣтые. Первый визитъ, разумѣется, самый важный. Соображаясь съ обстоятельствами, Каналисъ не упустилъ изъ виду ни малѣйшей мелочи и одѣлся со всею обдуманностью и ученостью истиннаго денди, воспитанника герцогини де-Шольё,—его покровительницы, — и непремѣннаго члена общества Сенъ-Жерменскаго Предмѣстья. Лабріёръ, напротивъ, былъ слишкомъ занятъ своими опасеніями. Онъ одѣлся хотя хорошо,—въ тотъ же костюмъ, въ какомъ былъ въ великій день свиданія,—однако жъ съ небрежностью чловѣка, близкаго къ отчаянію.

Прислуживая своимъ господамъ за столомъ, Жермёнъ къ концу обѣда вдругъ вошелъ съ дипломатическою миною и сказалъ Каналису:

— Вы изволите знать, сударь, что герцогъ д'Эрувиль пріѣхалъ сюда лечиться отъ той же болѣзни, какая у васъ съ мосьё де-Лабріеромъ?

— Герцогъ д'Эрувиль? вскричалъ Каналисъ.

— Точно такъ-съ.

— И онъ пріѣхалъ для мадамозель Миньонъ? спросилъ Лабріёръ, вспыхнувъ.

— Кажется, отвѣчалъ Жермёнъ.

— Ну, попались же мы! вскричалъ Каналисъ, глядя на своего друга.

— А! замѣтилъ Эрнестъ: вотъ первое *мы*, которое ты произносишь со времени нашего отъѣзда: до-сихъ-поръ ты все говорилъ *я*.

— Ты знаешь меня, отвѣчалъ Мельхиоръ, захохотавъ: но мы не въ-состояніи бороться противъ такой силы, противъ титуловъ герцога и пѣра.....

Въ эту минуту доложили о графѣ Миньонъ-Бастійскомъ. Молодые люди встали изъ-за стола и Лабріёръ поспѣшилъ на встрѣчу, чтобы представить гостю своего друга Каналиса.

— И долженъ былъ отплатить вамъ за визитъ, который

вы сдѣлали мнѣ въ Парижѣ, сказалъ Миньонъ Лабріеру: притомъ я зналъ, что, пришедши сюда, буду имѣть удовольствіе видѣть одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ.

Каналисъ отвѣчалъ съ приличною скромностью и остался очень доволенъ собою и первымъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на будущаго тестя. Лабріеръ искренно благодарилъ полковника за то, что онъ такъ деликатно избавилъ его отъ трудной обязанности представить своего друга въ его домъ. Наконецъ Миньонъ сказалъ, что ждетъ молодыхъ людей къ себѣ въ тотъ же вечеръ, и прибавилъ къ этому опять лестное замѣчаніе насчетъ великой знаменитости, которую удостоится принять въ своемъ маленькомъ домикѣ. Замѣтно было, что графъ Миньонъ-Бастійскій побывалъ у Китайцевъ.

— У васъ есть нѣчто по-лучше знаменитости, отвѣчалъ Каналисъ: у васъ есть красота, если вѣрить словамъ Эрнеста.

— О! моя Модеста просто добрая дѣвушка, скромная провинціалка.

— Провинціалка, къ которой однако жъ сватается герцогъ д'Эрувиль, замѣтилъ Каналисъ.

— Не безпокойтесь, продолжалъ Миньонъ съ коварнымъ простодушіемъ: я даю дочери полную свободу. Герцоги, князья, простые частные люди, — для меня всѣ равны..... и даже генія. Кого дочь моя выберетъ, тотъ и будетъ моимъ зятемъ или, лучше, сыномъ, прибавилъ онъ, взглянувъ на Лабріера.

Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ и вскорѣ Миньонъ ушелъ, повторивъ приглашеніе.

— Это наша отставка, сказалъ Каналисъ, Эрнесту: ясно, кажется. Впрочемъ на его мѣстѣ я тоже не поколебался бы въ выборѣ между герцогомъ и нами двоими, какъ мы съ тобою ни привлекательны.

— Я думаю, отвѣчалъ Лабріеръ, онъ просто пришелъ посмотреть на тебя и объявить намъ свой нейтралитетъ. Модеста, влюбленная въ твою славу и обманутая моимъ лицомъ, натурально стоитъ теперь между поэзіей и дѣйстви-

тельностью. Я имѣю несчастіе изображать собою дѣйствительность.

Молодые люди оба съ одинаковымъ нетерпѣніемъ желали увидѣть Модесту, но Лабріеръ страшился этого свиданія, а Каналисъ ждалъ его съ увѣренностью олицетвореннаго тщеславія. Роль его была обдуманна. Онъ намѣревался итрать равнодушнаго и тѣмъ подстрекнуть самолюбіе дѣвушки. Въ этомъ воспитанникъ герцогини де-Шольё являлся достойнымъ репутаціи человѣка хорошо знающаго женщинъ, которыхъ онъ однако жъ вовсе не зналъ. Впрочемъ и онъ былъ не совсѣмъ беззаботенъ. Дѣло и для него было весьма важное. Слѣдствіемъ явнаго сватовства непременно долженъ былъ быть разрывъ съ герцогинею де-Шольё, съ которою его связывала десяти-лѣтняя дружба. Онъ, правда, прикрылъ свою поѣздку въ Гавръ предлогомъ леченія; но этому могли не повѣрить и это тревожило его совѣсть. Слово совѣсть показалось Лабріеру такимъ езуитскимъ, что онъ сказалъ:

— Это, мнѣ кажется, не совѣсть, любезный другъ, а просто опасеніе потерять вмѣстѣ съ герцогинею наслажденіе тщеславія, лишиться очень существенныхъ выгодъ и привычекъ. Если тебѣ удастся получить руку Модесты, ты очень охотно откажешься отъ страсти, весьма поношенной втеченіи девяти лѣтъ. Но отказаться отъ герцогини и не успѣть здѣсь — рискъ опасный. Этому я вѣрю.

— Ты ровно ничего не понимаешь въ чувствахъ, возразилъ Каналисъ, съ нетерпѣніемъ человѣка, которому сказали правду, когда онъ ждалъ лести.

— Двоеженецъ могъ то же бы отвѣчать судѣ, со смѣхомъ замѣтилъ Лабріеръ.

Каналисъ промолчалъ. Эпиграмма сдѣлала на него непріятное впечатлѣніе. Онъ находилъ, что Лабріеръ слишкомъ остроуменъ и слишкомъ свободенъ для секретаря.

Передъ Модестю дебюты обоихъ соперниковъ были какъ-нельзя болѣе противоположны. Каналисъ вошелъ великолѣпно, блистательно, какъ знаменитость, осыпалъ всѣхъ любезностями, ораторствовалъ и собиралъ дань удивленія съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства.

Онъ былъ увѣренъ, что вполнѣ очаровалъ Модесту. Она дѣйствительно была въ восхищеніи отъ великаго поэта, тѣмъ болѣе, что уже напередъ приготовилась все находить въ немъ прекраснымъ. Лабріера она приняла убійственно холоднымъ взглядомъ и бѣдный секретарь во все время держался какъ-можно по-далѣе, разговаривалъ только съ мужчинами, и то мало.

Каналисъ напередъ назначилъ срокъ этому посѣщенію: онъ не хотѣлъ, чтобы къ нему слишкомъ привыкли съ перваго разу. Это лишаетъ вѣсу. Прощаясь съ гостями, Миньонъ пригласилъ ихъ на другой день къ обѣду.

— На будущей недѣлѣ, замѣтилъ онъ между прочимъ: мы уже будемъ просить васъ не сюда, а въ бывшій нашъ большой домъ. Эта Ферма собственно принадлежитъ Дюмю. Мы опять перебираемся на старое свое пепелище. Я уже сдѣлался съ Вилькеномъ и подписалъ наемный контрактъ на полгода.

— Тамъ вы, конечно, будете въ жилищѣ, достойномъ вашего состоянія, замѣтилъ Каналисъ.

— То есть, состоянія, которое у меня предполагаютъ, возразилъ Миньонъ.

— Жаль было бы, сказалъ Каналисъ, обращаясь къ Модестѣ съ очаровательнымъ поклономъ: если бы для такой неземной красоты не нашлось рамки, достойной ея совершенствъ.

Когда друзья сѣли въ коляску, Модеста стояла за угломъ окна. Она не упустила ни одного движенія великаго поэта, между-тѣмъ какъ Лабріеръ не удостоился ни одного взгляду, кромѣ необходимыхъ при здорованьи и прощаньи. Когда полковникъ воротился въ комнату, начались сужденія.

— Какой умный, любезный человекъ этотъ баронъ Каналисъ! сказала мадамъ Латурнель.

— Богатъ ли онъ? вотъ въ чемъ вопросъ, замѣтилъ Гобенгеймъ.

— Богатъ или нѣтъ, возразила Модеста, онъ обладаетъ тѣмъ, что еще лучше, — средствами къ богатству. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ назначено занимать самыя высшія мѣста въ государствѣ.

— Онъ будетъ министромъ или посланникомъ, прибавилъ Миньонъ.

— И при всемъ томъ можетъ случиться, что какъ онъ умретъ, то его и похоронить будетъ не на что, замѣтилъ нотаріусъ.

— Отчего такъ? спросилъ Миньонъ.

— Да ему, мнѣ кажется, не надолго станетъ приданого, которое мадамъ Модеста, по-видимому, расположена великодушно принести ему.

— Какъ же мадамъ Модестѣ не быть великодушною къ великому поэту, который жалуется ея въ неземныя красавицы! замѣтилъ Дюмэ, сохранившій нерасположеніе къ Каналису съ перваго свиданія.

Этотъ сарказмъ могъ подѣйствовать слишкомъ сильно и потому Миньонъ отвлекъ вниманіе Модесты, сказавъ ей, чтобы она распорядилась насчетъ своихъ нарядовъ, какъ прилично богатой невѣстѣ. Несмотря на тайну касательно имѣнія, онъ хотѣлъ, чтобы она явилась въ полномъ блескѣ.

— Это мы должны сдѣлать изъ приличія, прибавилъ онъ: изъ уваженія къ герцогу д'Эрувилю, который завтра или послѣ завтра тоже явится.

— О, разумѣется! отвѣчала Модеста съ улыбкой.

— А секретарь барона Каналиса немного сказалъ, замѣтила между прочимъ мадамъ Миньонъ.

— Онъ, кажется, звѣздъ съ неба не хватаетъ, отвѣчала мадамъ Латурнелъ: баронъ такъ любезенъ и внимателенъ ко всѣмъ, а тотъ всё смотрѣлъ мрачнымъ Испанцемъ и какъ-будто хотѣлъ съѣсть Модесту. Если бъ онъ посмотрѣлъ на меня, я испугалась бы до-смерти.

— Но у него очень пріятный голосъ, замѣтила опять слѣвая.

Съ этимъ нельзя было не согласиться. Потомъ разговоръ обратился на распоряженія и приготовленія къ перѣѣзду.

— Знаешь ли, Эрнестъ, вскричалъ Каналисъ въ двадцати шагахъ отъ Фермы: во всемъ Парижѣ нѣтъ невѣсты, которая бы могла сравниться съ этою мадамъ Миньонъ!

— Вѣрю, отвѣчалъ Эрнестъ съ подавленною досадою:

и она тебя любить, или полюбить, — всё-равно. Твоя слава выиграла половину дѣла. Она твоя. Ты можешь теперь одинъ ѣздить. Модеста презираетъ меня, и она права. Но я не вижу надобности осуждать себя на пытку, смотрѣть, удивляться, желать, обожать то, чего нѣтъ надежды приобрести.

Послѣ нѣсколькихъ великодушно утѣшительныхъ фразъ, которыя Лабриеръ счастливо отпарировалъ, Каналисъ далъ замѣтить, что готовъ разорвать связь съ герцогиней де-Шольё. Лабриеръ не могъ долѣе выносить этого разговора и подъ предлогомъ пріятности ночи, которая была очень сомнительна, вышелъ изъ коляски, чтобы дойти домой пѣшкомъ. Проходивъ часа полтора по взморью, продекламировавъ самъ себѣ и волнамъ на морѣ и звѣздамъ на небѣ, множество вещей очень отчаянныхъ и очень трогательныхъ, онъ наконецъ рѣшилъ такимъ образомъ:

— Хорошо же; я останусь, буду видѣть ее, буду страдать, буду любить ее про себя, безмолвно, эгоистически. Она будетъ моимъ солнцемъ, моей жизнью; я буду дышать ея дыханіемъ, радоваться ея радостями, терзаться ея печалью..... хоть бы даже она была женою этого эгоиста Каналиса....

На другой день было то же, что и въ первый. Каналисъ декламировалъ, любезничалъ, становился въ живописныя позы, распускалъ свой павлиный хвостъ; Эрнестъ страдалъ и терпѣлъ почти униженіе отъ Модесты, но, по немногу, своимъ скромнымъ, однако жъ положительнымъ и свѣтлымъ умомъ, и непритворнымъ радушіемъ, самъ того не примѣчая, началъ приобретать благорасположеніе другихъ, въ-особенности же полковника и горбуна Бутчи. Последнее обстоятельство вовсе не такъ маловажно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляду. Горбунъ не напрасно же ѣздилъ въ Парижъ собирать свѣдѣнія. Притомъ, самъ онъ какъ-то кстати сказалъ: могущество слабаго, который всюду проберется, значительное могущества сильнаго, который надѣется на свои силы. Бутча пробрался въ домъ герцогини де-Шольё, назвавшись кузеномъ ея горничной, Поликсены. Для этого ему нужно было только напередъ узнать, какъ ее зовутъ и изъ какой деревни

она родомъ. Въ остальномъ помогла изобрѣтательность, необыкновенно развитая. Отъ Поликсены онъ узналъ всѣ подробности жизни великаго поэта и его секретаря, а по приѣздѣ въ Гавръ тотчасъ сблизился съ мосьё Жерменомъ, узналъ даже кое-что о письмахъ и самъ добрался до окончательнаго вывода.

На третій день Миньонъ принималъ герцога д'Эрувиля, котораго ввелъ Латурнель, подъ предлогомъ приглашенія полковника, какъ капиталиста, въ компанію для осушенія приморскихъ болотъ, принадлежащихъ къ имѣнію герцога.

— Ну, что, Модеста, хочешь быть герцогиней? спросилъ Миньонъ, улыбаясь, когда герцогъ уѣхалъ.

— Несчастіе научило меня философствовать, отвѣчала она съ насмѣшливымъ реверансомъ.

— Такъ вы будете баронессой? спросилъ Бутча.

— Или графиней, прибавилъ отецъ.

— Какъ такъ? съ живостью возразила Модеста: какимъ образомъ графиней?

— Если мосьё де-Лабриёръ тебѣ понравится, у него станетъ столько средствъ, чтобы выпросить у короля позволеніе принять мой титулъ и гербъ.

— О! этотъ, конечно, не задумается, когда нужно маскироваться! съ горечью отвѣчала Модеста.

Смыслъ этой эпиграммы былъ понятенъ только Миньону съ женой, Дюмэ и Бутчѣ, но никто изъ нихъ не показалъ этого и потому разговоръ опять обратился на герцога, котораго всѣ, не исключая Модесты, находили очень пріятнымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ.

Дня черезъ два приѣхалъ докторъ Деппленъ, знаменитый операторъ, о которомъ говорилъ полковникъ. Онъ осмотрѣлъ глаза мадамъ Миньонъ и объявилъ, что зрѣніе ея можетъ быть возвращено, но отложилъ операцію катаракта на мѣсяць. Эта важная консультація, разумѣется, происходила въ присутствіи всѣхъ домашнихъ, которые съ трепетомъ ждали приговору знаменитаго врача. Быстрота и вѣрность сужденій, краткость и ясность выраженій, благородный, простой тонъ и манеры Депплена, впервые дали Модестѣ истинное понятіе о гениальномъ

человѣкъ. Она увидѣла огромную разницу между спокойною важностью, лишенною всякаго педантизма и тщеславною самоувѣренностью, между Делёномъ и Каналисомъ. Противоположность эта поразила ее тѣмъ сильнѣе, что у важнаго доктора не было недостатку въ любезности. Онъ, который видѣлъ столько женщинъ, который разсматривалъ ихъ въ увеличительное стекло и со скальпелемъ въ рукахъ, и, слѣдовательно, имѣлъ право судить, замѣтилъ красоту Модесты и умѣлъ высказать это самымъ лестнымъ образомъ, безъ критичности.

— Жаль было бы, сказалъ онъ, устремивъ на Модесту ясный, выразительный взоръ: если бы мать навсегда лишилась возможности видѣть такую прелестную дочь.

Модеста сама угощала доктора завтракомъ и потомъ, вмѣстѣ съ отцомъ и Дюмё, проводивъ его до коляски и обративъ на него глаза, просвѣтленные надеждой, еще разъ спросила:

— Такъ маленька увидать меня?

— Увидитъ; обещаю вамъ и не обману: у меня тоже есть дочь.

Посѣщеніе доктора вообще оставило въ душѣ Модесты свѣтлый слѣдъ. Молодая энтузіастка простодушно восхищалась человѣкомъ, котораго жизнь принадлежала всѣмъ, у котораго привычка заниматься страданіями другихъ заглушила всякое проявленіе эгоизма. Вечеромъ она, разумѣется, свела разговоръ на него и доставила Каналису случай опять выказать свое ораторское искусство. Каналисъ былъ настоящій ораторъ: онъ умѣлъ начать рѣчь явною нелѣпностью, которую дерзко защищалъ только для того, чтобы говорить что-нибудь противоположное другимъ, и потомъ изворотиться такъ, что заключая чѣмъ-нибудь совершенно согласнымъ съ общимъ мнѣніемъ или съ большинствомъ разсудительныхъ, всегда остается торжествующимъ побѣдителемъ. Онъ и теперь не пожалѣлъ прекрасныхъ фразъ, которыхъ у него былъ большой запасъ про всякій случай. Кончилось тѣмъ, что въ глазахъ Модесты Каналисъ, подлѣ всѣхъ великихъ людей, всё-таки остался величайшимъ. Между тѣмъ Модеста была не глупа: она была только ослаблена и не примѣчала того, что давно

приняли Бутча и Дюмэ и что начинали примѣчать и другіе. При всей своей ловкости, Канались слишкомъ увлекался своимъ тщеславіемъ и разсчитывая свои дѣйствія на Модесту, забывалъ другихъ. Онъ былъ любезенъ со всѣми только сначала; а потомъ, рѣшивъ, что всѣ они провинціалы и невѣжды, часто не кстати выказывалъ высокомерное пренебреженіе къ мнѣніямъ какого-нибудь Дюмэ и какого-нибудь нотариуса, не говоря уже о Бутчѣ, и разбивалъ ихъ на-голову своими длинными, и блестящими монологами. Мадамъ Латурнель, которая поставила свое призваніе въ томъ, чтобы доказать Парижанамъ, что въ провинціи тоже есть здравый смыслъ, первая явно отложила отъ великаго поэта и прозвала его болтуномъ, разумеется, за глаза. Модеста принуждена была защищать его. Это еще укрѣпило ея убѣжденія. Канались дѣйствительно былъ человекъ геніальный, потому что обладалъ необыкновенною быстротой соображенія и умѣлъ всякое обстоятельство, даже враждебное, обратить въ свою пользу. Однажды герцогъ д'Эрувиль, тоже оскорбленный уже господствомъ великаго поэта, съ намѣреніемъ спросилъ довольно некстати:

— Давно ли вы видѣли герцогиню де-Шольё?

— На предпрошедшей недѣлѣ, отвѣчалъ Канались.

— Здорова ли она? продолжалъ герцогъ.

— Слава Богу.

— Сдѣлайте милость, напомните ей обо мнѣ и засвидѣтельствуйте мое почтеніе, когда вы будете писать.

— Она, говорятъ, очень милая и любезная дама, замѣтила Модеста.

— Объ этомъ надобно спросить у барона: онъ это долженъ знать лучше всякаго другаго.

— Болѣе нежели милая и любезная, могу васъ увѣрить, отвѣчалъ Канались, обращаясь къ Модестѣ: впрочемъ, я въ этомъ случаѣ не могу быть безпристрастнымъ: герцогиня удостоиваетъ меня своей дружбы уже десятый годъ. Я обязанъ ей всѣмъ, что во мнѣ можетъ быть хорошаго; она предохранила меня отъ опасностей свѣта. Наконецъ самъ герцогъ де-Шольё открылъ мнѣ дорогу въ свѣтъ. Безъ покровительства этого семейства, король и принцессы

едва-ли бы вспомнили о Бѣдномъ поэтѣ. Зато моя любовь и уваженіе къ герцогинѣ равняются только моей признательности.

Все это сказано было съ большимъ чувствомъ. Тронутая Модеста была въ восторгѣ.

Прошло двѣ недѣли со времени пріѣзду Каналиса. Миньонъ переселился въ свой большой домъ, убранный съ прежнимъ великолѣпіемъ. Женихи-соперники бывали почти каждый день и поэтъ явно бралъ верхъ надъ всѣми. Изрѣдка только Модеста оказывала герцогу вниманіе, которое могло бы при другихъ обстоятельствахъ быть названо предпочтеніемъ, а въ этомъ было только кокетствомъ, прощительнымъ потому только, что оно слишкомъ обыкновенно. Тѣтка и сестра герцога усердно атаковали богатую наслѣдницу въ пользу своего родственника, но не могли похвалиться большимъ успѣхомъ. Наконецъ они испытали противъ своего врага, Каналиса, даже гибельное орудіе злорѣчія, искусно пересказали Модестѣ всѣ сплетни насчетъ связи поэта съ герцогиней де-Шолье и многія другія подробности холостой его жизни, но и это не помогло. Модеста не говорила ни да, ни нѣтъ, а между-тѣмъ предпочтеніе, которое она оказывала Каналису становилось болѣе и болѣе замѣтнымъ. Тотъ, съ своей стороны, уже перемѣнилъ способъ нападенія и становился день-отодня болѣе страстнымъ, нѣжнымъ, и уже не разъ поговаривалъ о невыразимомъ счастіи обладать сердцемъ и рукой несравненной Модесты.

— Надѣюсь по-крайней-мѣрѣ, что вы еще не называете его Мельхиоромъ? шопотомъ спросилъ Бутча, улучивъ минуту, когда Модеста была одна.

— Почти такъ, мой таинственный карликъ! отвѣчала Модеста съ улыбкой.

— Боже мой! вскричалъ горбунь, опустивъ руки: неужели.....

— Чтò же? Неужели онъ не стòитъ какого-нибудь секретаря, который пользуется покровительствомъ моего горбатаго генія-хранителя?

(Бутча уже объявилъ себя покровителемъ Лабріера.)

— Конечно, не стòитъ.... Погодите, выслушайте. Вамъ

известно, что я, вашъ вѣрный рабъ, всегда, во всякое время, чтобъ пожертвовать для васъ не только жизнью, но и честью. Позвольте же мнѣ служить вамъ, какъ прилично вѣрному рабу; позвольте мнѣ охранять васъ, какъ драконъ охраняетъ драгоцѣнный кладъ. Поэтъ сейчасъ размахивалъ передъ вами широкое кружево своихъ великолѣпныхъ фразъ, трезвонилъ обѣщаніями, пѣлъ вамъ любовь на самой звучной струнѣ своей лиры, не правда ли?... Что же вы скажете, если этотъ великій человѣкъ вдругъ совсѣмъ перемѣнитъ обращеніе, прійдетъ въ замѣшательство и остынетъ? Выйдете вы тогда за него? захотите вы, чтобы онъ былъ вашимъ мужемъ?

— Да это былъ бы другой Альторъ! вскричала Модеста съ отвращеніемъ.

— Позвольте же мнѣ произвести эту перемѣну декораций, продолжалъ Бутча, и не только эту: я надѣюсь потому заставить вашего поэта снова влюбиться, какъ—нельзя больше страстно, такъ, что онъ будетъ постепенно дуть на ваше сердце то холодомъ то жаромъ, и все это такъ же граціозно какъ поддерживаетъ и защищаетъ въ одно время и да и нѣтъ.

— Если это правда, такъ.... на кого же положиться?

— На того, кто истинно любить васъ.

— На герцога, что ли?

— Ну, этотъ влюбленъ въ васъ по приказанію тѣтушки или еще намѣренъ влюбиться. Но онъ по-крайней-мѣрѣ не обманываетъ васъ, какъ господинъ поэтъ, который толкуетъ вамъ о безкорыстіи, истинной сердечной привязанности и другихъ прекрасныхъ вещахъ, тогда какъ самъ просто влюбленъ въ ваши милліоны. Герцогъ по-крайней-мѣрѣ откровененъ: онъ просто сватается, какъ человѣкъ, которому нужно составить партію, и прямо даетъ замѣтить, что безъ денегъ жениться, не можетъ. Въ васъ онъ нашелъ богатую невѣсту, въ которую кромѣ-того можно еще и влюбиться. Тѣмъ лучше, говоритъ онъ и старается понравиться. Это не любовь, однако жъ это честно и благородно. Слѣдовательно, уже и этотъ стоитъ больше вашего поэта. Но есть другой....

— Который такъ безкорыстенъ, что возьметъ меня безъ приданого?

— Я думаю, я полагаю такъ. Спросите у полковника. Мнѣ по-крайней-мѣрѣ извѣстно то, что мосьё Лабриеръ считаетъ за вами приданого сотни полторы тысячъ, а Каналисъ и герцогъ убѣждены, что у васъ шесть-семь милліоновъ.

— Сяньоръ Бутча, вы за что-то возненавидѣли Каналиса и клеветаете на него.

— Я клевету?... Я вамъ говорю, что онъ откланяется вамъ такъ же низко, какъ любой Альторъ.

— О! если онъ это сдѣлаетъ....

— Сдѣлаетъ; я вамъ ручаюсь за это. Если хотите, я назначу срокъ:—три дня, не больше.... въ среду вспомните мое слово, а до того времени можете слушать его пѣсни сколько вамъ угодно.... Отъ этого потомъ диссонансы будутъ слышнѣе.

Въ тотъ же вечеръ зашелъ разговоръ объ охотѣ и Модеста изъявила желаніе побывать на большой охотѣ, которой никогда еще не видывала. Герцогъ д'Эрувиль воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ устроить облаву въ казенномъ паркѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гавра. По своимъ связямъ съ оберъ-егермейстеромъ, княземъ Кадиньякомъ, онъ имѣлъ средство развернуть передъ Модестю царскую пышность и прельстить ее, завлекши въ ослѣпительную сферу двора. Онъ умѣлъ возбудить любопытство дѣвушки и она заранѣе приняла приглашеніе. Потомъ Модеста напомнила отцу, что къ великолѣпному ея верховому паряду, который въ среду будетъ готовъ, у нея нѣтъ приличнаго хлыстика. Лабриеръ бросилъ на Бутчу сверкающій взглядъ и, нѣсколько минутъ спустя, они съ жаромъ держали совѣтъ на террасѣ. Быть-можетъ, такое согласіе покажется удивительнымъ. Спросить, какъ это случилось? Слишкомъ долго было бы рассказывать такія подробности. Довольно того, что они сошлись очень естественно и просто, какъ сходятся люди, которые безъ ревности и зависти, встрѣчаются въ истинной любви къ одному предмету и, слѣдовательно, не могутъ не полюбить другъ друга.

— Теперь девять часовъ, говоритъ Лабриёръ: я могу сейчасъ отправиться и завтра утромъ въ десять часовъ буду въ Парижѣ. Отъ васъ, мосьё Бутча, она прійметъ подарокъ, потому что она васъ любитъ. Устройте такъ, чтобы она приняла. За это вы будете имѣть во мнѣ самаго преданнаго друга.

— Счастливецъ вы! у васъ есть деньги! отвѣчалъ Бутча.

— Между-тѣмъ увѣдомьте Каналиса, что я уѣхалъ на два дня. Пусть онъ придумасть какой-нибудь предлогъ.

Черезъ часъ потомъ Лабриёръ на почтовыхъ скакалъ въ Парижъ. По прибытіи туда, первымъ дѣломъ его было приготовить себѣ мѣсто обратно въ маль-постѣ; потомъ онъ обошелъ магазины трехъ знаменитѣйшихъ бриллиантниковъ и выбирая рукоятку для хлыстика отъискивалъ самое лучшее и царски изящное, что только могло произвестн искусство въ этомъ родѣ. Наконецъ увѣрившись, что нашелъ лучшую въ цѣломъ Парижѣ,—это была отличной работы рѣзба на золотѣ съ большимъ яхонтомъ вмѣсто набалдашника,—онъ приказалъ вставить хлыстикъ, вырѣзать гербъ Миньоновъ, уложить въ бархатный футляръ, и, заплативъ огромную для контрольнаго докладчика сумму,—семь тысячъ франковъ,—поскакалъ опять въ Гавръ. Въ среду утромъ онъ прибылъ въ самую пору, чтобы завтракать съ Каналисомъ. Поэтъ оправдалъ отсутствіе своего секретаря казенною надобностью. Бутча, который дожидаясь Лабриёра на почтовомъ дворѣ, тотчасъ принялъ коробочку и отнесъ Францискѣ, чтобы она положила на туалетъ своей госпожи, и пришелъ дать знать своему пріятелю, что дѣло обдѣлано какъ слѣдуетъ. Бутча заходилъ къ молодымъ людямъ уже и прежде подъ разными предлогами, и потому Каналисъ не замѣтилъ тутъ ничего необыкновеннаго.

— Сегодня, передъ обѣдомъ, мадамозель Модеста поѣдетъ штатъсъ верхомъ, сказалъ Бутча, мигнувъ Эрнесту: вы, вѣроятно, тоже поѣдете?

— Нѣтъ, я лягу спать, отвѣчалъ Эрнестъ.

— Что это значитъ?

— Я усталъ.

Жерменъ приготовлялъ столъ къ завтраку. Бутча видѣлъ на лицѣ камердинера, что хитрость его удалась, и нарочно ждалъ приглашенія. Каналисъ естественно пригласилъ его.

— Вы хорошо сдѣлали, что пригласили этого господина, шепнулъ Жерменъ своему барину: пожалуйста на одно слово.

Они вышли въ другую комнату.

— Нынче рано утромъ, продолжалъ Жерменъ, я былъ на рыбной ловлѣ по приглашенію одного содержателя садковъ, съ которыми мы познакомились въ кофейной....

— Ну, что же? Къ дѣлу.

— Тамъ я слышалъ разговоръ о москѣ Миньонѣ и подстрекалъ его сколько могъ.... Никто не зналъ, кто и чей я. Содержаніе этого разговора не очень пріятное для вашей милости, баронъ. Выходитъ, что вы больно ошибаетесь. Приданое вашей невѣсты очень незавидное. Корабль, на которомъ пріѣхалъ графъ Бастійскій, принадлежит все не ему, а какому-то Кастаньюду, и грузу на немъ, говорятъ, не больше какъ тысячъ на триста всего. Потому я проходилъ мимо биржи и увидѣвъ нѣсколько купцовъ, завелъ съ ними разговоръ о томъ же и они говорятъ похожее на то. Я счелъ непозволительнымъ умолчать передъ вами объ этомъ....

— Вотъ извѣстіе!... Что жъ теперь дѣлать? вскричалъ Каналисъ, совершенно растерявшись.

— Вашей милости извѣстна моя преданность, продолжалъ камердинеръ, поэтому вы не удивитесь, если я осмѣлюсь подать вамъ совѣтъ. Если бы вы наполнили этого горбатого писца, онъ бы могъ кое-что поразболтать.... шампанскимъ можно развязать языкъ и не ему. Ктому же странно было бы, если бы вы, баронъ, будущій посланникъ, не справились съ какимъ-нибудь писаремъ!

Между-тѣмъ Бутча, который устроилъ эту рыбную ловлю, напередъ окруживъ камердинера друзьями, просилъ Лабріера не мѣшать ему говорить за завтракомъ, что бы онъ ни сказалъ. Горбунъ воспользовался невыгодными для Миньона слухами, которые разошлись по Гавру послѣ выгодныхъ. Графъ Бастійскій не входилъ ни въ какія

отношенія съ прежними своими знакомцами, которые за-
были его жену и дѣтей, когда ихъ постигло несчастье.
Узнавъ, что Миньонъ переѣзжаетъ въ прежній свой домъ
и даетъ большой обѣдъ, многіе ожидали приглашенія, но
полковникъ не пригласилъ никого кромѣ своихъ близкихъ
и парижскихъ гостей, да герцога съ тѣткою и сестрой.
Гаврское купечество подняло крикъ, что Миньонъ зазнался,
загордился съ-тѣхъ-поръ какъ принялъ графскій титулъ,
о которомъ прежде не было помину. Пошли толки и
пересуды, начали считать что у него есть и откуда. Основываясь
на собственныхъ словахъ его, сказанныхъ Гобенгейму,
вывели наконецъ, что слухъ о милліонахъ просто вздоръ:
кто насчитывалъ шестьсотъ тысячъ, кто триста, а иные и меньше.
Бутча, который не-разъ служивалъ рыбакамъ, попросилъ ихъ
объ услугѣ, научилъ что нужно говорить и дѣлать и напустилъ
ихъ на Жермена. Комедию надъ камердинеромъ съиграли какъ-нельзя
лучше. Надъ баринномъ онъ самъ приготовился довершить дѣло.

— Жермень, подай шампанскаго, сказалъ Каналисъ, когда
они усѣлись завтракать: почтеннаго члена почтеннаго сословія
нотариусовъ надобно угощать прилично его званію и уму.....
Ума у него больше чѣмъ у Фигаро! продолжалъ онъ,
обращаясь къ Лабріеру и положивъ руку на плечо горбуна:
надобно его смочить шампанскимъ: авось, онъ зашипитъ и
заискрится. Мы тоже не выдадимъ, Эрнестъ. Вотъ уже два
года какъ я не напивался порядкомъ.... надобно попытаться.

— Вы не напивались?.... виномъ, можетъ-быть. Но зато
вы каждый день напиваетесь самимъ собою, то есть, вашею
славою и похвалами, которыми васъ заливаютъ. Вамъ хорошо:
вы поэтъ, вы знамениты при жизни, вы всегда окружены
обществомъ, достойнымъ вашего генія, вы нравитесь всѣмъ
женщинамъ, даже моей хозяйкѣ, васъ любятъ мадамозель
Миньонъ и вы можете жениться на ней, вы будете скоро
посланникомъ, перомъ..... Да это хоть кому въ голову
бросится! И я сейчасъ опьянѣю, какъ человѣкъ, который
разливаетъ по бутылкамъ чужое вино.

— Да, все это очень хорошо, но всему этому нужно прочное основаніе.... деньги, любезный другъ, деньги..... вотъ, что главное!

— Э! будто у васъ нѣтъ денегъ!.... А если нѣтъ, такъ развѣ нельзя нажить?

И Бутча, усердно опоражнивая бокалы, пустился въ разсужденіе о разныхъ средствахъ наживать деньги, о томъ, какъ нажился тотъ, да другой, разсказалъ всѣ скандальзныя исторіи Гавра, коммерческія и домашнія, не пощадилъ никого; краснорѣчіе его возрастало съ каждымъ глоткомъ вина и разливалось шумнымъ потокомъ.

— Знаешь ли, Эрнестъ, замѣтилъ Каналисъ, наливая Бутчѣ бокалъ: этотъ молодой человекъ былъ бы прекраснымъ посольскимъ секретаремъ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, почему жъ мнѣ не быть посольскимъ секретаремъ? Вѣдь я у москѣ Латурнеля старшій въ конторѣ, а у насъ бываютъ дѣла по-чище посольскихъ! Что у васъ всего важнѣе? Хитрость? интрига? искусство обдѣлывать маленькими средствами большія дѣла? Помните, да это моя сфера! это моя жизнь! Если бы я былъ вашимъ секретаремъ, баронъ, вы давно были бы министромъ, потому что это была бы личная моя выгода... Не хотите ли испытать моего искусства? Да вотъ, напримеръ, вы по-уши влюблены въ мадамозель Модесту, и справедливо.... стѣить, право, стѣить. Модеста не уступитъ любой Парижанкѣ.... У насъ въ провинціи тоже иногда рождаются Парижанки.... Наша Модеста съумѣетъ помочь мужу выйти въ люди.... у нея, того, есть!... прибавилъ Бутча махнувъ кулакомъ надъ головой: но у васъ есть соперникъ довольно опасный.... Что вы дадите мнѣ, если я заставлю его уфхать изъ Гавра не далѣе какъ черезъ три дня?

— Сначала кончимъ эту бутылку, сказалъ поэтъ, наливая Бутчѣ.

— Вы меня опонте! сказалъ горбунъ поднося ко рту девятый бокалъ: есть ли у васъ мѣсто, гдѣ бы я могъ проспать часокъ? Мой хозяинъ трезвъ какъ верблюдъ; мадамъ Латурнель тоже. Они, пожалуй, станутъ мнѣ выговаривать, а мнѣ и слова нельзя будетъ выговорить, пото-

му это языкъ не повернется. Между-тѣмъ мнѣ нужно приготовить кое-какія бумаги.... Этакая память!.... а? Нѣтъ, стало-быть я еще не пьянъ.

— И! что за пустяки.... Ну, какъ же бы вы сдѣлали, чтобы прогнать герцога?....

— Это ужъ не ваше дѣло, а мое! отвѣчалъ горбунъ, кивнувъ головой назадъ.

Онъ сталъ поворачиваться во все стороны и поводить глазами съ Каналиса на Лабріера, съ Лабріера на Жермена, какъ человекъ, который чувствуетъ свой хмѣль и хочетъ удостовѣриться, какого объ немъ мнѣнія другіе.

— Послушайте, великій поэтъ! вы проказникъ, я вижу! Вы меня принимаете за одного изъ своихъ читателей, что ли?.... Вы посылаете своего пріятеля на почтовыхъ въ Парижъ, собирать свѣдѣнія о бывшемъ торговомъ домѣ Миньонъ.... Я болтаю, ты болтаешь, онъ болтаетъ, мы.... ладно! Но у меня всегда останется столько здраваго смысла, чтобы помнить свое званіе. Я старшій писарь нотариуса Латурнеля и въ качествѣ такового сердце мое—сундукъ съ замкомъ..... Языкъ мой не выдастъ никакой бумаги, относящейся къ истцу. Я знаю все и ничего не знаю..... Ктому же я люблю мадамозель Модесту, обожаю, это дѣло извѣстное.... я хочу, чтобы она составила себѣ хорошую партію.... Вы ей партія хорошая, но и герцогъ то же хорошая.....

— Жерменъ! кафѣ и ликёру! сказалъ Каналисъ.

— Ликеръ! вскричалъ Бутча, поднявъ руку какъ мнимая невинность, которая сопротивляется маленькому обольщенію: бѣдныя мои бумаги!.... и еще какія! Свадебный контрактъ. А помощникъ мой глупъ какъ чернлица..... а считаетъ себя красавцемъ, потому что въ немъ пять футовъ шесть дюймовъ росту..... Просто, болванъ.....

— Вышейте же, сказалъ Каналисъ, наливая ему ликёру.... А какъ вы думаете, Модеста любитъ меня?

— Васъ?.... Э!.... да, конечно, любить..... больше нежели герцога. Она любитъ васъ за безкорыстіе. Она мнѣ говорила, что для васъ она готова принести величайшія жертвы, отказаться отъ нарядовъ, издерживать не больше пяти тысячъ франковъ въ годъ и употребить всю

жизнь свою на то, чтобы доказать вамъ, что женившись на ней вы сдѣлали хорошее дѣло.... а ужъ она что скажетъ, то свято, право!... И умная голова... все знаетъ!...

— Притомъ сотни три тысячь приданого, сказалъ Каналисъ.

— Да!... я думаю, до трехъ сотъ будетъ! вскричалъ Бутча съ энтузіазмомъ: старикъ Миньонъ.... славный человѣкъ! Я душевно уважаю его.... право, славный человѣкъ! Онъ, чтобы пристроить единственную дочку, ото всего откажется; вѣдь онъ и прежде жилъ полковничьиимъ жалованьемъ... У него сотни три тысячь есть.... вѣрныхъ.... Пожалуй, всѣ отдастъ. А Дюмэ-то еще! Вѣдь у Дюмэ нѣтъ ни дѣтей, ни родныхъ, а въ Модестѣ онъ души не слышитъ: умереть, такъ все ей достанется... У него тоже есть сотъ пятой тысячь. Вѣдь это почти миллионъ! О! Модеста богата, повѣрьте мнѣ.... что ни говорить завистники. Такихъ невѣсть не много найдешь въ провинціи!....

Бутча мастерски сыгралъ свою роль: по-мѣрѣ-того какъ онъ казался пьянѣе, Каналисъ отъ его разсказу болѣе и болѣе протрезвлялся. Прибавивъ къ своей выкладкѣ еще разнаго безсвязнаго вздору, Бутча облокотился на столъ и притворился засыпающимъ.

— Что жъ ты мнѣ говорилъ, что у нея шесть миллионъ? обождавъ, тихо сказалъ Каналисъ Лабриѳу.

— Другъ мой, возразилъ Эрнестъ, позволь замѣтить, что я долженъ былъ молчать: я обязался честнымъ словомъ.

— Кому?

— Мосью Миньону.

— Какъ! Эрнестъ, ты.... когда ты знаешь, какъ необходимо мнѣ состояніе....

Бутча захрапѣлъ.

— Ты знаешь мое положеніе и все, что я терлю въ Гренельской улицѣ, а между-тѣмъ спокойно даешь мнѣ тонуть!... Вѣдь мы съ тобой, кажется, друзья и уговоръ нашъ старше твоего уговору съ этимъ хитрымъ Провансальцемъ....

— Любезный другъ, я слишкомъ люблю Модесту, для того, чтобъ....

— Съумасшедшій! да я вѣдь уступаю ее тебѣ! встречалъ поэта: что же за уговоръ?.... говори.

— Поклянись, что ты забудешь о томъ, что я тебѣ скажу, и будешь обращаться со мною по-прежнему, что бы ни случилось....

— Клянусь памятью моей матери.

— Хорошо. Въ Парижѣ Миньонъ сказалъ мнѣ, что у него далеко нѣтъ того колоссальнаго состоянія, о которомъ говорилъ Монженд. Онъ намѣренъ за дочерью дать полтора ста тысячъ, но требовалъ, чтобы я молчалъ объ этомъ, если хочу искать ея руки, а для меня.... пусть Модеста будетъ вовсе безъ приданаго, я женюсь.

— На дѣвущкѣ такъ страшно ученой, которая все читала, все знаетъ.... по теоріи! избалованная дочка, воспитанная въ роскоши, которой потомъ лишилась и о которой мечтаетъ снова. Бѣдный другъ мой, подумай!

Бутча потянулся и перевалился на другой бокъ. Друзья прекратили разговоръ. Каналисъ приказалъ людямъ уложить горбуна на диванъ, а самъ пошелъ одѣваться.

Черезъ полчаса послѣ этого, Модеста, въ изящномъ верховомъ костюмѣ, на красивой лошади, показывала отцу и герцогу д'Эрувилю прекрасный подарокъ, который получила. Лицо ея сіяло счастьемъ.

— Это вы, герцогъ? спросила она, показывая ему рукоятку хлыстика: на приложенной карточкѣ было написано: «Угадай, если можешь», и точки. Франциска полагаетъ, что это прекрасный сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ Бутча; но мой таинственный карликъ вовсе не такъ богатъ, чтобы заплатить за такой яхонтъ.

— Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни подъ старость за то, чтобы имѣть право поднести вамъ такую прелестную игрушку, отвѣчалъ герцогъ, глядя Модестѣ въ глаза.

— А! такъ вотъ дерзновенный! вскричала Модеста, увидѣвъ подѣзжающаго Каналиса: только поэтъ умѣетъ находить такімъ прекрасныя вещи.... Мосье Мельхиоръ, папенька будетъ сердиться на васъ: вы оправдываете мнѣ

ніе тѣхъ, которые упрекаютъ васъ въ расточительности.

— А! такъ вотъ зачѣмъ Лабріеръ скакалъ въ Парижъ на почтовыхъ! равнодушно возразилъ Каналисъ.

— Вашъ секретарь осмѣлился! блѣднѣя сказала Модеста и съ презрѣніемъ бросила хлыстикъ горничной: дайте мнѣ этотъ, папенька.

— А бѣдный Эрнестъ лежитъ, измученный поѣздкою, сказалъ Мельхіоръ, пускаясь вслѣдъ за Модестой, которая поскакала въ галошъ: вы жестоки, мадамъазель Мишьонъ....

— А вы стали бы уважать женщину, которая принимаетъ подарки отъ всякаго?

Не получивъ отвѣта, Модеста подумала, что Каналисъ не слышалъ за топотомъ лошадей.

— Какое наслажденіе вы находите въ томъ, чтобы мучить тѣхъ, которые васъ любятъ? сказалъ герцогъ: я не думаю, чтобы это происходило отъ вашего сердца. Вы клеветеете на себя.

— Вы думаете? отвѣчала Модеста съ улыбкой: стало-быть и вы одинъ изъ тѣхъ, которые становятся прозорливыми уже тогда, когда женятся?

— О! я желаю цѣлый вѣкъ прожить въ ослѣпленіи!

Они нѣсколько времени ѣхали молча. Модеста удивлялась, что не встрѣчаетъ пламенныхъ взглядовъ Каналиса, который, казалось, слишкомъ ужъ былъ занятъ красотами природы. Когда Модеста наканунѣ показывала ему великолѣпный закатъ солнца на морѣ и потомъ, видя, что онъ совершенно разсѣянъ, спросила: «Что же вы, не видали»? Онъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ только вашу ручку». Но удивленіе ея возрасло до того, что она готова была вскрикнуть, когда Каналисъ вдругъ отсталъ. Онъ поравнялся съ полковникомъ, который ѣхалъ въ двадцати шагахъ.

— Графъ, вы человекъ военный, слѣдовательно, открытошностью можно заслужить, а не потерять вашу благоклонность. Когда брачныя предложенія со всѣми ихъ варварскими или, если хотите, слишкомъ образованными поясненіями, передаются черезъ третью руки, то всѣ обя-

нивовенно остаются въ накладѣ. Мы съ вами люди благородные и знаемъ, о чемъ лучше молчать, о чемъ говорить и у обеихъ у насъ прошла пора удивленія. Такъ поговоримте же какъ товарищи; я подамъ примѣръ. Миѣ двадцать девять лѣтъ; помѣстесь у меня нѣтъ, а честолюбія много. Мадмоазель Модеста миѣ чрезвычайно нравится, какъ вы могли замѣтить, и несмотря на всѣ недостатки, которыми ей угодно придавать себѣ для шутки....

— Не считая тѣхъ, которые у нея въ самомъ дѣлѣ есть, прибавилъ полковникъ съ улыбкой.

— Я съ удовольствіемъ женился бы на ней и надѣюсь сдѣлать ее счастливою. Всѣ дѣвушки-невѣсты, конечно, жаждутъ быть любимыми за себя собственно, и справедливо. Между-тѣмъ однако жъ вы не захотите выдать вашу прелестную дочь безъ приданого, а мои обстоятельства не позволяютъ миѣ жениться по любви безъ приданого, которое бы равнялось по-крайней-мѣрѣ тому что я имѣю.... У меня всего доходу съ жалованьемъ тысячъ тридцать.... Для холостаго этого достаточно. Если у жены моей будетъ столько же, то я останусь въ такомъ же положеніи какъ теперь.... Дадите вы за Модестю милліонъ?

— О-го! баронъ, вы далеко зашли! возразилъ полковникъ.

— Ну, такъ положимте, что мы ничего не говорили, съ живостью сказалъ Каналисъ: вы останетесь довольны моимъ поведеніемъ, графъ. Я буду считаться въ числѣ несчастныхъ поклонниковъ вашей очаровательной дочери. Дайте миѣ слово не пересказывать нашего разговора никому, ни даже мадмоазель Модестѣ, потому что, прибавилъ онъ какъ-бы въ утѣшеніе, можетъ случиться, что перемѣна моихъ обстоятельствъ позволитъ миѣ просить ея руки даже вовсе безъ приданого.

— Даю вамъ честное слово, баронъ. Вы знаете, какъ люди все преувеличиваютъ, когда пойдутъ судить и рѣдить о своихъ ближнихъ. И счастье и несчастье въ чужой мѣрѣ одинаково переливается черезъ край: мы никогда не бываемъ ни столько счастливы ни столько несчастны, какъ про насъ говорятъ. Въ торговлѣ капиталы очень рѣдко бываютъ совершенно надежны. Я съ нетерпѣніемъ жду

извѣстій отъ моихъ повѣренныхъ. Продажа моихъ товаровъ и корабля, расчеты съ кантонскими купцами.... ничего еще не кончено. Я не раньше какъ черезъ десять мѣсяцевъ узнаю, сколько я имѣю. Между-тѣмъ однако жъ я уже сказалъ мосьё де-Лабриѣру, что дамъ за дочерью полтора ста тысячъ франковъ, и это вѣрно.... это обезпечено. Я полагаю на эти деньги купить имѣніе, учредить маіоратство и выпросить моему зятю и внукамъ право принять мой титулъ и гербъ....

Каналисъ уже не слушалъ. Вслѣдъ за тѣмъ оба поравнялись съ Модестой и герцогомъ. Они вѣхали на возвышеніе, откуда съ одной стороны открывался видъ на богатый бассейнъ Сены къ сторонѣ Руана, а по другую, на горизонтѣ, еще видно было море. Поэтъ молчалъ. На этотъ разъ онъ не видалъ ни прекраснаго пейзажа ни прекрасной руки Модесты. На два или на три вопроса ея онъ отвѣчалъ разсѣянно, сухо. Мысли его были въ Парижѣ, въ Гренельской улицѣ, гдѣ ему нужно было поторопиться поправить ошибку очень опасную.

— Гдѣ человѣкъ счастливѣе? тамъ ли, въ свѣтѣ, гдѣ безпрестанно возрастаютъ его мнимыя нужды и суетное тщеславіе, или здѣсь? сказала Модеста, глядя на богатую и спокойную деревенскую картину природы.

— Сельскія поэмы всего лучше пишутся на золотыхъ столахъ, сухо замѣтилъ Каналисъ.

— И вполне постигаются только на чердакѣ или въ подвалѣ, прибавилъ полковникъ.

Модеста бросила на Каналиса пронизательный взглядъ, котораго онъ не выдержалъ. У нея зазвенѣло въ ушахъ, потемнѣло въ глазахъ и она глухимъ, ледовитымъ тономъ вскричала:

— А! сегодня среда!

— Что насаетя до меня, сказалъ герцогъ, мнѣ свѣтъ, дворъ и Парижъ такъ наскучили, что съ герцогиней д'Эрувиль, такою прелестною и умною какъ графиня Бастійская, я легко бы рѣшился жить философомъ въ моемъ замкѣ, помогать, кому буду въ-состояніи, осушать мои болота и воспитывать дѣтей.

Это было сказано простодушно, со всею выразительно-

стью истины, потому что герцогъ, носившій свой титулъ в претензiи какъ неизбѣжное бремя, дѣйствительно такъ думалъ. Модеста устремила на него долгiй, испытующiй взглядъ и потомъ сказала:

— Такъ вы не считаете меня вѣтреницей? Вы предполагаете во мнѣ довольно собственныхъ душевныхъ средствъ на то, чтобы жить въ уединенiи? Благодарю васъ.... Это можетъ-быть и будетъ моею участью, прибавила она, взглянувъ на Каналиса съ презрительнымъ выраженiемъ.

— Это участь всѣхъ посредственныхъ состоянiй, возразилъ поэтъ: Парижъ требуетъ вавилонской роскоши. Я нерѣдко удивляюсь, какъ я до-сихъ-поръ еще не прожилъ....

Каналисъ пустился въ разсужденiе о необходимости хорошаго состоянiя для счастья. Полковникъ посмотрѣлъ на Модесту. На лицѣ ея уже не было ни какого удивленiя. Она не слушала поэта и обратилась къ герцогу, съ которымъ во все продолженiе прогулки была чрезвычайно любезна. Возвратившись домой, она взяла съ тоалета подаренный хлыстикъ и стала съ любопытствомъ разсматривать его.

— Какъ нынче удивительно работаютъ! сказала она Францискъ.

— А у этого бѣднаго молодого человѣка теперь лихорадка....

— Кто тебѣ сказалъ?

— Мосье Бутча. Онъ просилъ сказать вамъ, что вы, конечно, примѣтили, какъ онъ сдержалъ вамъ слово въ назначенный день.

Модеста переодѣлась и сошла въ столовую.

— Папенька, сказала она, взявъ отца за плечо: навѣстите, пожалуйста, мосье де-Лабриера и отнесите ему его подарокъ. Вы можете сказать, что мое состоянiе не позволяеть мнѣ употреблять такихъ дорогихъ игрушекъ. Кому же я могу принять подарокъ только отъ жениха. Попросите, чтобы онъ подержалъ этотъ хлыстикъ у себя, покуда вы въ состоянiи будете сказать, что купите его.

— Это очень умно, моя милочка, сказалъ полковникъ, подѣлавъ ее въ лобъ.

Испугавшись слишкомъ сильнаго и скорого дѣйствія своего крутаго повороту, Каналисъ воспользовался разгевомъ герцога д'Эрувиль съ мадамъ Миньонъ, послѣдовала за Модестою на террасу и пустилъ въ ходъ все свое ораторское искусство, всѣ свои драматическія поэмы, чтобы извинить свое безстыдное отступленіе и на всякій случай приготовить возможность возврата. Но ослѣпленная Модеста вдругъ прозрѣла: она поняла что значать фразы.

Холодность между ею и Каналисомъ въ тотъ же вечеръ была примѣчена всѣми. Поэтъ ушелъ ранѣе обыкновеннаго, подъ предлогомъ болѣзни Лабриера. Герцогъ одинъ завладѣлъ полемъ. Въ одиннадцать часовъ, Бутча съ улыбкою спросилъ у Модесты:

— Ну, что? правду я говорилъ?

— Увы! правду, отвѣчала она.

— Что же вы, оставили слово на миръ?

— Гнѣвъ одолѣлъ меня, отвѣчала Модеста: отъ такой низости кровь у меня закипѣла; я высказала ему свое мнѣніе объ немъ.

— Тѣмъ лучше. Когда вы съ нимъ дойдете до того, что совсѣмъ перестанете говорить, я берусь сдѣлать его опять такимъ страстно влюбленнымъ, что вы сами готовы будете опять повѣрить ему.

— Полно, Бутча: вѣдь онъ всё-таки человекъ умный, притомъ дворянинъ и знаменитый поэтъ.

— Осемь милліоновъ вашего батюшки значатъ больше всего этого.

— Осемь милліоновъ?...

— Латурнель отправляется на-дняхъ въ Провансъ, чтобы устроить дѣла по покупкѣ бывшихъ имѣній графовъ Бастійскихъ и по учрежденію маіоратства, въ четыре милліона. Вашъ батюшка согласенъ на все и далъ полномочіе. Вамъ назначено въ приданое два милліона чистыми и одинъ милліонъ на обзаведеніе дома въ Парижѣ. Рассчитывайте.

— О! такъ я могу быть герцогиней д'Эрувиль!

— Безъ этого комедіянта Каналиса вы удержали бы у себя его подарокъ, отвѣчалъ Бутча.

— О-го! мосьё Бутча! ужъ вы не хотите ли выдать меня замужъ по вашему выбору?

— Я желаю вамъ счастья и не желаю, чтобы вы пожертвовали своимъ будущимъ для пустаго имени и титула.

Размышленія Каналиса въ продолженіи ночи касались вещей какъ—нельзя болѣе положительныхъ. Онъ не видѣлъ на свѣтѣ ничего хуже положенія женатаго человѣка безъ состоянія. Съ трепетомъ увидѣлъ онъ опасность, какой подвергла его вѣра въ милліоны Шарля Миньона и спрашивалъ себя, что подумаетъ герцогиня де-Шольё о его пребываніи въ Гаврѣ, и чѣмъ все это можетъ кончиться?

— Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не писалъ къ ней, сказалъ онъ укоряя себя: а она, бѣдная, хлопочетъ, чтобы добыть мнѣ командорскій крестъ и мѣсто посланника!

Утромъ первымъ дѣломъ его было написать къ герцогинѣ очень нѣжное письмо, въ которомъ объяснялъ свое пребываніе въ Гаврѣ заботами объ устройствѣ женитьбы Лабріера на мадамозель Миньонъ, страшной кокеткѣ, весьма посредственной красавицѣ, съ посредственнымъ состояніемъ, которая хотя и готова предпочесть званіе мадамъ Каналисъ, однако же вовсе не опасна тому, котораго все счастье заключается въ неизмѣнной привязанности къ превосходнѣйшей изъ женщинъ, и который съ нетерпѣніемъ ждетъ минуты, когда ему возможно будетъ легѣтъ вслѣдъ за своимъ сердцемъ и мыслью въ Лагреньскую улицу.

Бутча, въ качествѣ кузена Поликсены Жакмёнъ, подъ именемъ Жака Жакмёнъ, тоже написалъ письмо, которое опередило письмо Каналиса цѣлыми сутками. Герцогиня черезъ свою горничную узнала о положеніи дѣлъ въ Гаврѣ гораздо обстоятельнѣе, и была вѣ себя отъ негодованія и ревности. Руководствуясь указаніями Бутчи, она справилась у банкира Монженё насчетъ состоянія Миньона и тотчасъ же попросила мужа остановить производство и опредѣленіе Каналиса. Вслѣдъ за тѣмъ она черезъ сурругу оберъ-егермейстера, графиню Кадиньякъ, пріятельницу тѣтки герцога д'Эрувиль, узнала о большой королевской охотѣ, которая устроивается для мадамозель Модесты. Мадамозель д'Эрувиль описала предполагаемую невѣсту

своего племянника довольно подробно и возбудила живѣйшее любопытство во всемъ Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстїи.

На третїй день Каналисъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезный мой повтъ, мадамозель Миньонъ-Бастійская — красавица; Монженё доказалъ мнѣ, что у ея отца осесть миллионъ и я думала женить васъ на ней. Я очень сердита на васъ за вашу скрытность и недоувѣріе ко мнѣ. Если вы хотѣли женить Лабріера на этой богатой и прелестной невѣстѣ, такъ я не понимаю, отчего вы мнѣ не сказали этого передъ отъѣздомъ? и отчего впродолженіи двухъ недѣль не давать о себѣ ни какихъ вѣстей другу, который такъ легко поддается безпокойству какъ я? Вы ребенокъ, Мельхиоръ: вы хитрите со мною; это не хорошо. Даже герцогъ чрезвычайно удивленъ вашимъ поведеніемъ. Теперь я желаю сама видѣть дѣло намѣстѣ. Я, кажется, буду имѣть честь сопровождать ея высочество на охоту, которую устраиваетъ герцогъ д'Эрувиль для графини Бастійской. Я распоряджусь такъ, чтобы и вы были приглашены. Съѣздъ, вѣроятно, будетъ у герцога де-Вернёля, въ Розамбрѣ.

«Вѣрите, любезный мой повтъ, неизмѣнной дружбѣ вашей Элеоноры де-Шоль.»

Повтъ попался въ тиски между двухъ лжей и не зналъ, на чтó рѣшиться.

Въ Розамбрѣ былъ назначенъ съѣздъ охотниковъ и тамъ какъ-будто бы назначено было свиданіе всѣхъ страстей, возбужденныхъ миллионами Миньона и красотой Модесты. Впродолженіи нѣсколькихъ дней, покуда дѣлались приготовленія къ этому великолѣпному празднику, въ домѣ Миньоновъ какъ-будто было заключено перемиріе: все въ гостиной имѣло видъ спокойнаго и совершенно согласнаго семейства. Каналисъ игралъ роль огорченнаго Модестю, однако жъ былъ чрезвычайно любезенъ и, оставивъ всѣ свои претензіи и ораторство, старался привлечь всѣхъ членовъ общества на свою сторону по способу Лабріера, — бесѣдовалъ съ Гобенгеймомъ о финансахъ, съ полковникомъ и Дюмё о войнѣ, съ мадамъ Миньонъ о Германіи, съ мадамъ Латурнель о хозяйствѣ, и такъ далѣе. Герцогъ

д'Эрувиль часто уѣзжалъ въ Розамбрѣ, чтобы хлопотать о праздникѣ и оставилъ вмѣсто себя тѣтку и сестру, которыя старались разжечь любопытство Модесты великолѣпными описаніями двора. Лабріеръ смотрѣлъ на Модесту, какъ на утраченное блаженство, отъ котораго давно уже отказался, но по которому не могъ не вздыхать. Онъ ждалъ отъѣзду Миньоновъ на охоту, чтобы отправиться въ Парижъ.

Наконецъ отъ герцога де-Вернёля и князя де-Кадиньяка получено очень лестно написанное приглашеніе графу Миньону-Бастійскому съ дочерью, присутствовать на королевской охотѣ въ Розамбрѣ 7, 8, 9 и 10 чиселъ наступающаго ноября. Герцогъ д'Эрувиль былъ такъ любезенъ, что отъ себя пригласилъ Каналиса и Лабріера, предупреждая, что приготовилъ для нихъ лошадей и все нужное на охоту.

Наканунѣ отъѣзду полковникъ, прогуливаясь по саду, замѣтилъ дочери, что ей пора рѣшиться на что-нибудь.

— Наше положеніе въ-отношеніи къ д'Эрувилямъ не-ловко, прибавилъ онъ: хочешь ты быть герцогиней?

— Нѣтъ, папенька.

— Такъ ты любишь Каналиса?

— Нѣтъ, папенька.

Полковникъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и радостью.

— Смотри, я не принуждалъ тебя! вскричалъ добрый отецъ: теперь я могу признаться тебѣ, что уже въ Парижѣ выбралъ себѣ зятя, когда сказалъ ему, что у меня нѣтъ богатства, и когда онъ при этомъ бросился ко мнѣ на шею, благодаря за то, что я избавляю его сердце отъ тяжелаго бремени.....

— О комъ вы говорите, папенька? краснѣя спросила Модеста.

— О человѣкѣ съ положительными достоинствами и надежною нравственностью, какіе обыкновенно нравятся родителямъ, насмѣшливо отвѣчалъ полковникъ.

— Я не думаю ни о комъ особенно, папенька. Герцогу, позвольте, а сама дамъ отвѣтъ. Я знаю, какъ польстить ему.....

— Такъ выборъ твой еще не сдѣланъ?

— Нѣтъ еще. Мнѣ нужно напередъ разгадать еще нѣсколько буквъ въ загадкѣ моей будущности. Притомъ мнѣ хочется взглянуть на дворъ. Въ Розамбрѣ я скажу вамъ мою тайну.

— Вы, разумѣется, будете на охотѣ? спросилъ полковникъ Лабріера, который подошелъ въ это время.

— Нѣтъ, графъ, отвѣчалъ Эрнестъ: я пришелъ протѣяться съ вами..... я возвращаюсь въ Парижъ.

— Какъ вы не любопытны! замѣтила Модеста, оставивъ на немъ глаза.

— Я не любопытенъ, но я остался бы съ удовольствіемъ по приглашенію, котораго не смѣю пожелать.

— Если только за этимъ дѣло стало, то я васъ прощу сдѣлать удовольствіе мнѣ собственно, возразилъ полковникъ съ значительною миной, и ушелъ, чтобы дать молодому человѣку случай объясниться обстоятельнѣе.

— Мадмоазель Модеста, у меня есть просьба до васъ, сказалъ Эрнестъ помолчавъ.

— До меня?

— Дайте мнѣ надежду, что я унесу съ собою по-крайней-мѣрѣ ваше прощеніе. Для меня достаточно будетъ и сожалѣнія о потерѣ счастья. По-крайней-мѣрѣ.....

— Прежде нежели разстанемся навсегда, съ живостью перебила Модеста: я желаю знать только одно.... если вы и надѣвали маску, то по-крайней-мѣрѣ я надѣюсь, вы теперь не унизитесь до лжи.....

— Вы немилосерды! вскричалъ Эрнестъ, поблѣднѣвъ.

— Вы скажете правду?

— Да.... вы имѣете право сдѣлать мнѣ такой оскорбительный вопросъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ вполголоса и въ сильномъ волненіи.

— Показывали вы мои письма москѣ Каналису?

— Нѣтъ. Я показывалъ ихъ только вашему отцу, и то только для того, чтобы объяснить ему какимъ образомъ могла родиться моя привязанность.....

— Но какимъ же образомъ вамъ пришло въ голову сыграть такой неблагородный маскарадъ?

Лабріеръ откровенно рассказалъ все дѣло какъ было, какъ Каналисъ предложилъ ему отвѣчать на первое пись-

но и все, что они говорили тогда и впоследствии по поводу Модесты.

— Довольно, сказала она наконецъ: если вы не получите моего сердца, то по-крайней-мѣрѣ всегда будете пользоваться полнымъ моимъ уваженіемъ.

Эта простая фраза такъ подѣйствовала на Лабріера, что онъ зашатался, словно оглушенный ударомъ, и принужденъ былъ прислониться къ дереву, чтобы не упасть. Модеста пошла-было, но оглянувшись, поспѣшно воротилась.

— Что съ вами? спросила она, схвативъ его за руку.

Рука была холодна какъ ледъ, лицо блѣдно: вся кровь Эрнеста сосредоточилась въ сердцѣ.

— Мнѣ.... я былъ уже убѣжденъ, что вы презираете меня.

— Но я не говорила вамъ, что я васъ люблю, сказала она такимъ тономъ, какъ будто хотѣла успокоить, сказать, что такой опасности вовсе нѣтъ.

Она ушла. Лабріеру показалось, что земля исчезаетъ у него подъ ногами. Деревья, домъ, небо, все въ его глазахъ озарилось яркимъ блескомъ, какъ въ большихъ балетахъ съ волшебными превращеніями, которыя оканчиваются великолѣпнымъ спектаклемъ и освѣщеніемъ разноцвѣтными огнями.

Вошедши въ комнату, Модеста встрѣтила Каналиса.

— Несмотря на ничтожность моихъ чувствъ въ вашихъ глазахъ, сказалъ онъ, я, для чести своей, долженъ стереть съ себя пятно, которое терпѣлъ уже слишкомъ долго. Посмотрите, вотъ, что герцогиня де-Шольё писала мнѣ на пятый день моего приѣзду въ Гавръ.

Онъ далъ Модестѣ прочесть первыя строки, письма, гдѣ герцогиня говорила о свиданіи съ Монженѣ и о своемъ намѣреніи женить поэта на Модестѣ. Остальное онъ оторвалъ, а эти строки отдалъ Модестѣ.

— Я не могу показать вамъ остальнаго, потому что оно касается до разныхъ порученій герцогини. Вамъ этихъ строкъ достаточно, для того чтобы увѣриться въ подлинности почерка. Вы уже сомнѣвались въ моихъ чувствахъ, слѣдовательно, вамъ легко можетъ прийти мысль,

что и это какая-нибудь недостойная уловка, а мнѣ нужно доказать вамъ, что причиною нашей маленькой размолвки была съ моей стороны, можетъ-быть, нервическая раздражительность женской души, поэта или слѣдствіе неровности характера, но отнюдь не низкіе корыстолюбивые виды. Ахъ, Модеста, вѣрьте, что у вашего поэта, у поэта мадамъ де-Шольё, въ сердцѣ не менѣе поэзіи чѣмъ въ стихахъ. Вы увидите герцогиню. Погодите до-тѣхъ-поръ произносить мой приговоръ.

Онъ ушелъ и оставилъ Модесту въ остолебеніи.

— Прошу покорно! Вдругъ всѣ ангелами сбѣгались! За кого же я теперь замужъ выйду?

— Прекрасная моя царица фей, сказалъ Бутча, подошедши съ большимъ пакетомъ подъ-мышкою: эта охота беспокоить меня. Я видѣлъ во снѣ, будто васъ понесла лошадь, и за тѣмъ, проснувшись, отправился въ Руанъ, чтобы купить для вашего коня испанскую узду, которую, говорятъ, лошадь не можетъ закусить. Я уже показывалъ полковнику, и онъ благодарилъ меня больше чѣмъ я заслужилъ.

— О, Бутча! вскричала тронутая Модеста: вы любезный и добрый человекъ! вы навсегда останетесь моимъ таинственнымъ карлой.

Бутча побѣждалъ прыгая отъ радости, какъ ребенокъ.

Черезъ часъ потомъ Модеста, въ гостиной, сказала отцу:

— Папенька, мнѣ очень хотѣлось бы имѣть тотъ хорошенькій хлыстикъ.... Если бы вы предложили мосьё де-Лабриёру промѣнять его на вашу картину Фанъ-Остада?

Полковникъ тотчасъ сбѣжалъ предложеніе и не успѣлъ выговорить, какъ Лабриёръ уже исчезъ изъ комнаты.

— Онъ будетъ на охотѣ, подумала Модеста, провожая его глазами.

Такимъ образомъ всѣ три жениха Модесты пріѣхали въ Розамбрѣ съ сердцами, исполненными великихъ надеждъ.

Графъ Миньонъ-Бастійскій пріѣхалъ туда уже такъ, какъ прилично его званію и богатству, въ каретѣ съ гербами и десяткомъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ. Изъ членовъ королевской фамиліи никого не было, хотя и думали, что будутъ. Большая часть другихъ гостей и между ними герцогиня де-Шольё, однако жъ, были уже на мѣстѣ. При-

бытіе Модесты, съ нетерпѣніемъ ожиданное, произвело сильное впечатлѣніе. Ея красота оправдала всѣ слухи, а непринужденныя и по природѣ изящныя манеры заслужили общее одобреніе. Пятидесятилѣтняя герцогиня де-Шоль почувствовала у себя въ сердцѣ змѣнное жало.

— Элеонора холодно принимаетъ своего Мельхіора, шепнула старшая мадмоазель д'Эрувиль герцогинѣ де-Вервѣль, такъ, чтобы сидѣвшая подлѣ Модеста могла слышать.

— Мадамъ Мофриньѣзъ полагаетъ, что они поссорились, замѣтила дочь герцогини.

— За что? спросила Модеста.

— Великій поэтъ уѣхалъ отъ своей музы въ Гавръ, подъ предлогомъ болѣзни, и двѣ недѣли не давалъ о себѣ ни какой вѣсти, продолжала герцогиня, подавъ знакъ дочери, чтобы она молчала.

Модеста сдѣлала быстрое движеніе, въ которомъ выразилось негодованіе.

— А между-тѣмъ, прибавила герцогиня, которую мадмоазель д'Эрувиль подтолкнула локтемъ: Элеонора выхлопотала ему командорскій крестъ и мѣсто посланника въ Бадень.

— О! это дурно со стороны Каналиса, который ей обязанъ всѣмъ, замѣтила мадмоазель д'Эрувиль.

— Стало-быть, и она не писала къ нему? спросила Модеста.

— Діана Мофриньѣзъ говоритъ, что недѣлю тому назадъ Элеонора написала ему очень благородный и великодушный отвѣтъ.

Модеста покраснѣла отъ стыда за Каналиса. Ей захотѣлось отомстить ему. Она бросила на герцогиню де-Шоль гордый взглядъ, позолоченный осемью милліонами, и кликнула:

— Мосьё Мельхіоры!

Всѣ женщины подняли головы и смотрѣли то на герцогиню, которая, сидя за вышиваньемъ, вполголоса разговаривала съ Каналисомъ, то на молодую дѣвушку, которая до того дурно воспитана, что разстроиваетъ бесѣду двухъ любовниковъ. Но Діана де-Мофриньѣзъ кивнула головою, какъ-будто хотѣла сказать: «Модеста права.» На всѣхъ

устахъ появились улыбки, потому что очень многія досадовали на «хорошо сохранившуюся» мадамъ де-Шольё, за то что она въ пятьдесятъ лѣтъ хотѣла и умѣла еще походить на тридцатилѣтнюю. Мельхиоръ посмотрѣлъ на Модесту съ нетерпѣніемъ и досадою, между-тѣмъ какъ герцогиня шопотомъ терзала его язвительными сарказмами.

— Мосьё Мельхиоръ! повторила Модеста повелительно, и громче прежняго.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ поэтъ.

Канались принужденъ былъ встать, но, встрѣтивъ грозный, неподвижный взглядъ герцогини, не смѣлъ сойти съ мѣста. Положеніе его было страшно затруднительно. Повиноваться Модестѣ значило невозвратно погубить свои отношенія къ покровительницѣ; не послушаться зову, значило уничтожить плоды двадцати-пятидневныхъ трудовъ и низостей и сверхъ-того еще погрѣшить противъ самыхъ простыхъ законовъ вѣжливости. Но чѣмъ нелѣпѣе была глупость, тѣмъ настоятельнѣе герцогиня того требовала. Каналиса въ эту минуту можно было сравнить только съ человѣкомъ, у котораго на одной картѣ стоитъ или потеря или выигрышъ всего состоянія.

— Я такъ спѣшила, выходя изъ кареты, продолжала Модеста, что забыла тамъ свой платокъ.....

Канались съ нетерпѣніемъ обдернулъ фракъ.

— А въ платкѣ у меня завязанъ ключъ отъ портфеля, гдѣ спрятанъ отрывокъ письма, который мнѣ нуженъ..... Сдѣлайте милость, прикажите принести.

Канались уже хотѣлъ рѣшиться, какъ-вдругъ вошелъ Эрнестъ, который показался ему истиннымъ спасителемъ въ страшную минуту.

— Эрнестъ, поди, ты нуженъ мадамозель Модестѣ, сказалъ онъ, и сѣлъ опять подлѣ герцогини.

Эрнестъ, никого не видя, ни кому не кланяясь, подбѣжалъ къ Модестѣ: онъ видѣлъ только ее; съ видимою радостью выслушалъ порученіе и поспѣшилъ исполнить.

— Если вы станете говорить съ нею, тихо говорила между-тѣмъ герцогиня Мельхиору: если вы хоть только взглянете на нее, все будетъ кончено между нами. Поду-

айте объ этомъ. Если меня не будетъ, будутъ другіе глаза, которые присмотрятъ за вами.

Взглядъ подошедшей въ это время старшей мадамъозель д'Эрувилль удостовѣрилъ Каналиса, что послѣдняя угроза была не напрасна.

Когда Эрнестъ воротился, Каналисъ взялъ его подъ руку и, вышедши съ нимъ въ другую комнату, сказалъ:

— Другъ мой, я самый несчастнѣйшій человекъ, потому что положеніе мое до-крайности смѣшно. Выручи меня изъ бѣды. Модеста просто демонъ: она видитъ мое замѣшательство и смѣется надъ нимъ. Она сейчасъ говорила мнѣ объ отрывкѣ письма, который я имѣлъ глупость отдать ей и который, попавшись на глаза Элеонорѣ, можетъ погубить меня. Выпроси этотъ клочекъ у Модесты, сейчасъ же, и скажи ей, что я не имѣю никакихъ видовъ на нее, отказываюсь отъ нея совершенно. Я полагаюсь на ея деликатность и надѣюсь, что она впередъ будетъ обращаться со мною такъ, какъ-будто бы мы никогда не видались. Я прошу ее объ этомъ, умоляю.... Поди, я подожду тебя здѣсь.

— Извольте, отвѣчала Модеста съ улыбкою, когда Эрнестъ передалъ ей слова Каналиса: я отдамъ вамъ эти двѣ строчки. Вы можете отнести ихъ великому поэту и увѣрить его въ совершенномъ моемъ согласіи на его просьбу. Засвидѣтельствуйте ему также мою признательность за удовольствіе, которое онъ доставилъ мнѣ, разыгравъ передо мною одну изъ лучшихъ пьесъ нѣмецкаго театра. Я знаю теперь, что превосходнѣйшее произведеніе Гёте—не Фаустъ и не Эгмонтъ, а Торквато Тассо!....

Вечеромъ Модеста нашла случай поговорить съ герцогомъ д'Эрувилемъ и умѣла объяснить ему свое положеніе, любовь рѣшительную еще до его пріѣзду, умѣла поднести позолоченную пилюлю съ такимъ очаровательнымъ простодушіемъ и довѣріемъ къ благородству, что онъ съ восхищеніемъ поцѣловалъ у нея руку и удовольствовался предложеніемъ дружбы ея, ея будущаго мужа и отца, который между прочимъ уже озаботился о составленіи компаніи для осуществленія болотъ герцога и самъ намѣревался внести большую часть капитала. Это было для герцога обстоятель-

ство весьма важное, потому что представляло надежду на хороший доходъ в, слѣдовательно, облегчало возможность найти другую партію.

На другое утро, когда дамы, окруженныя всею свитою, уже сидѣли на лошадяхъ, чтобы отправиться на охоту, Элеонора замѣтила великолѣпный хлыстикъ, сверкавшій въ маленькой ручкѣ Модесты, и попросила позволенія посмотрѣть.

— Прелесть, какъ хорошо! сказала Элеонора, показывая другимъ дамамъ: я не видывала ничего лучшаго въ этомъ родѣ. Впрочемъ, эта вещица совершенно гармонируетъ съ своей хозяйкой, прибавила она съ граціозною улыбкой, отдавая хлыстикъ Модестѣ.

— Согласитесь, герцогиня, возразила Модеста, бросивъ на Лабріера взглядъ, въ которомъ онъ прочелъ свое счастье: согласитесь, что это довольно странный подарокъ отъ жениха!

— Почему жъ? отвѣчала герцогиня, разсмѣявшись: я приняла бы его какъ объявленіе о правахъ, которыя мнѣ предоставляютъ.....

Эрнестъ чуть не свалился съ лошади. Но другой взглядъ Модесты приказалъ ему сохранить радость въ тайнѣ. Охотники и охотницы двинулись въ поле. Герцогъ д'Эрувиль подѣхалъ къ нему и шепнулъ на-ухо:

— Надѣюсь, что вы сдѣлаете жену вашу такую счастливою, какъ она того заслуживаетъ. Если я могу быть полезенъ вамъ, располагайте мною какъ преданнымъ вашимъ другомъ, потому что мнѣ очень хотѣлось бы хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать счастію двухъ такихъ прекрасныхъ людей.

Гости герцога де-Вернёля пробыли въ Розамбрѣ пять дней. На четвертый въ газетахъ было объявлено наименованіе барона де-Каналиса командоромъ ордена Почетнаго Легіона и назначеніе его посланникомъ въ Карсруэ.

Когда, въ первыхъ числахъ декабря, мадамъ Миньонъ, счастливо выдержавшая операцію Деplèna, могла наконецъ видѣть Лабріера, она пожала Модестѣ руку и сказала:

— И я выбрала бы его.....

Старшая мадамозель д'Эрувиль была въ отчаяніи, и рѣшительно отказалась отъ обязанности женить племянника.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

КРЫЛОВЪ.

=

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ Москвѣ втораго февраля 1768 года. Ему было, безъ малаго, шесть лѣтъ, когда явился Пугачевъ (1773) и началъ опустошительныя свои дѣйствія. Отецъ Крылова, Андрей Прохоровичъ, (впослѣдствіи штабъ-офицеръ), служилъ, въ то время, капитаномъ, подъ начальствомъ яицкаго * команданта Симонова и первый высланъ былъ противъ бунтовщика; потомъ содѣйствовалъ Симонову въ мужественной оборонѣ крѣпости, дѣлалъ неоднократныя вылазки, обращая въ бѣгство пятажниковъ. «Пугачевъ скрежеталъ — повѣствуетъ Пушкинъ». — «Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но и все семейство послѣдняго, находившееся въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ «смерти и четырехъ-лѣтній^{***} ребенокъ, впослѣдствіи «славный Крыловъ.» — Неудачная осада Оренбурга уничтожила замыслы злодѣя: она продолжалась шесть мѣсяцевъ къ чувствительному вреду жителей, доведенныхъ до отчаянія огнемъ и голодомъ.

* Яицкой городокъ, нынѣ Уральскъ, въ оренбургской губерніи.

** См. *Исторію пугачевского бунта*, изд. 1834 г., ч. I, стр. 85.

*** Крылову было тогда, какъ выше означено, пять лѣтъ.

Такъ началъ жизнь свою Крыловъ, котораго Провидѣніе сохранило для славы Россіи. Усмирень мятежъ и отецъ нашего писателя, изъ воина сдѣлался предсѣдателемъ тверскаго губернскаго магистрата. Не долго сынъ пользовался его наставленіями: смерть, щадившая старца на полѣ бранномъ, прекратила дни его, посвященныя гражданской службѣ и семейному счастью (1780 г.). Крылову было тогда двѣнадцать лѣтъ. Онъ остался на попеченіи нѣжной матери, которой обязанъ начальнымъ образованіемъ: Марія Алексѣевна (имя родительницы Крылова), желая приохотить нынѣшаго юношу къ чтенію, каждый разъ награждала его гривною мѣди за оказываемое прилежаніе. Сдѣлавшись владѣтелемъ капитала въ нѣсколько рублей, Крыловъ считалъ себя богачомъ; но благоразумная наставница умѣла и изъ самой награды извлечь для него пользу, опасаясь поселить въ немъ страсть къ корыстолюбію или къ тратѣ денегъ на пустяки: по ея совѣту, Крыловъ покупалъ себѣ новыя перчатки, новый картузъ и всегда дорожилъ своими трудовыми приобрѣтеніями. Съ какимъ любопытствомъ читалъ онъ книги, которыя находились до того въ отцовскомъ полу-развалывшемся сундукѣ, покрытыя пылью! Онъ восхищался ими и не воображалъ тогда, что самъ будетъ, впоследствии, восхищать соотечественниковъ произведеніями творческаго ума своего. Въ числѣ драгоценнаго наслѣдства находился французскій лексиконъ, къ пособію котораго маленький Крыловъ прибѣгнулъ для изученія этому языку; но французская грамота не такъ удалась ему, какъ своя родная, хотя и бралъ онъ уроки, еще при жизни отца, у Француза, жившаго въ домѣ тверскаго губернатора.

Въ прошедшемъ столѣтіи дворяне записываемы были въ службу, выходясь изъ колыбели, внатѣннѣе въ гвардію. Это зло уничтожилъ Императоръ Павелъ Первый, уничтожившій всѣхъ малолѣтнихъ изъ списковъ. Крыловъ началъ считаться на службѣ (1781 г.) въ калязинскомъ уѣздномъ судѣ подканцеляристомъ, когда минуло ему тринадцать лѣтъ; въ исходѣ того года перевелъ его въ тверской губернской магистратъ канцеляристомъ, а въ Тверской губерніи.

чалъ слѣдующаго (въ 1782 г.) отправился онъ, съ матерью, въ Санктпетербургъ и опредѣленъ въ тамошнюю назначенную палату, съ жалованьемъ по двадцати-четыре рубля въ годъ. Цѣль поѣздки Марьи Алексѣевны въ столицу, состояла не въ одномъ исходатайствованіи пенсіи за службу покойнаго мужа, но и въ желаніи доставить сыну болѣе средствъ къ усовершенствованію въ наукахъ и языкахъ, чего не могъ бы онъ достигнуть въ Твери.

Посѣщая театръ, Крыловъ, на шестнадцатомъ году отъ рожденія (въ 1783 году), сочинилъ оперу: *Кофейница* и явился съ нею къ типографщику Брейткопфу, страстному любителю музыки. Брейткопфъ предложилъ ему шестьдесятъ рублей; но Крыловъ, вмѣсто денегъ, взялъ творенія: Мольера, Расина, Воаю; отказался отъ Вольтера, котораго не любилъ, какъ вольнодумца. Французскіе классики усилили страсть его къ драматическимъ занятіямъ: онъ написалъ трагедію: *Клеопатра* и показалъ ее Дмитревскому, съ которымъ познакомился у Княгинина. Знаменитый актеръ нашъ, съ умомъ образованнымъ, имѣлъ доброе сердце, обладалъ юнаго сочинителя, обнадежилъ, что займется его трагедіею; но не могъ, въ скоромъ времени, сдержать даннаго слова: Крыловъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ томился невѣдѣнностію. Наконецъ Дмитревскій принялъ его и пригласилъ прочесть трагедію вмѣстѣ. Долго продолжалось чтеніе: Дмитревскій взвѣшивалъ каждый стихъ, каждое выраженіе, преподавалъ Крылову полный курсъ словесности и драматическаго искусства, заставилъ его согласиться, что трагедія не могла имѣть успѣху. Онъ написалъ другую: *Филомела*; но и та имѣла одинакую участь. Неудачны были первыя произведенія его для нашего театра.

Между-тѣмъ Крыловъ получилъ чинъ провинціального секретаря (въ 1785), на осемнадцатомъ году отъ рожденія, и, вскорѣ (1788), имѣлъ несчастіе лишиться шѣж-

О тогдашней дешевой въ Санктпетербургѣ можно судить по жалованью, производящему, въ то время, Крыловымъ своей кухаркѣ, которая получала отъ него, въ годъ, только два рубля серебромъ!

** Сочинителя комедій: *Хвостикъ* и *Тудакъ*.

ной матери, о которой всегда вспоминалъ, какъ о первой радости, о первомъ счастіи своей жизни*.

Знакомство съ Княжнинымъ и съ Дмитревскимъ заставило Крылова продолжать однѣ занятія съ ними**; но вмѣсто трагедій, сочинилъ онъ двѣ оперы и нѣсколько комедій, имѣвшихъ, въ свое время, блистательный успѣхъ и нынѣ, исключая двухъ послѣднихъ, преданныхъ забвенію. Онѣ всѣ издавы: комедія *Проказники*, въ пяти дѣйствіяхъ, въ 1793 году; опера *Бриенная семья*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ томъ же году; комедія *Сочинитель въ прихожей*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ 1794 году; опера *Илья Богатырь*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ 1807; комедіи: *Модная лавка*, въ трехъ дѣйствіяхъ, и *Урокъ дочкамъ*, въ одномъ дѣйствіи, въ 1807 и 1816 годахъ. *Модная лавка* написана на Французовъ, которые, обитая, въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ нашемъ отечествѣ, пренебрегаютъ русскимъ языкомъ и коверкаютъ его по-своему; *Урокъ дочкамъ*, на прекрасный полъ нашъ, имѣвшій, въ то время, обыкновеніе смѣшивать, въ разговорахъ, отечественный языкъ съ французскимъ, восхищаясь всѣмъ иностраннымъ.

Трудясь для театра, Крыловъ издавалъ разные журналы въ заведенной имъ типографіи: 1) въ 1789 году (съ капитаномъ гвардіи Рахмановымъ), подъ заглавіемъ *Почта Духовъ*, въ четырехъ частяхъ. Въ этомъ сочиненіи, нравственно-критическомъ, есть много прекрасныхъ статей на корыстолюбивыхъ судей, игроковъ, невѣрныхъ супруговъ, щеголей, вельможъ-себялюбцевъ, дворянъ, основывающихъ свои достоинства только на древнихъ, фамильныхъ сверткахъ, и на предающихся мотовству. 2) Въ 1792 году, *Зритель*. Онъ издавался съ тою же цѣлью: *чтобы пороки, представляемый во всей тусклости, вселли отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая*

* Описание младенчества и юности Крылова заимствовано мною изъ любопытной статьи объ немъ, помѣщенной въ журналѣ *Зеленочка*, ч. 9, 1844 года, № 1. — Она написана одною почтенною дамою по собственнымъ рассказамъ его.

** Дмитревскій написалъ комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунарикъ*; перевелъ трагедію *Бестерлей*; оперы: *Родкаль ещи*, *Дашиня дрови*.

во всей красотѣ, плюнула собою читателя *. Крылову содѣйствовалъ, въ составленіи статей, Клаушинъ, сочинитель комедій, въ стихахъ: *Смѣхъ и горе* и *Услужливый Алхимистъ*, въ прозѣ, человекъ остраго ума и съ большими дарованіями **. Въ этомъ ежемѣсячномъ журналѣ, Крыловъ старался заставить соотечественниковъ любить, болѣе всего, Россію, не походить на обезьянъ, подражая Французамъ и Англичанамъ, и не считать порокомъ знанія своего языка. 3) Въ 1793 году: *С. Петербургскій Меркурій*, вмѣстѣ съ Клаушиннымъ. Въ числѣ сочиненій Крылова, помѣщены тутъ, въ прозѣ, двѣ похвальные рѣчи: *Наука убиваетъ время* и *Ермалафиду*, (будто) *говоренная въ собраніи молодыхъ писателей* ***; въ стихахъ: *Ода на фейерверкъ, сожженный, пятнадцатаго сентября 1793 года, на Царицынскомъ Лугу; Къ счастію*, и нѣсколько посланій: 1) *Утѣшеніе пятнадцатилѣтней Анюты*. О достоинствѣ стиховъ, писанныхъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, можно судить по слѣдующему отрывку:

Нужны-ль розанамъ румяны,
 Чтобы цвѣтъ имѣть багряный;
 Нль бѣлилы для лицей,
 Чтобы казаться имъ бѣлѣй?
 Трудъ не будетъ ли напрасный
 Свѣчку засвѣтить въ день ясный,
 Чтобы солнышку помочь
 Прогонять угрюму ночь?
 Такъ уборы, пышность, мода,
 Слабы всѣ передъ тобой,
 Бывъ прекрасна, какъ природа,
 Ты мила сама собой.

2) *Мое оправданіе Анюты*. 3) *Къ другу моему, А. И.*

* Введеніе.

** Александръ Ивановичъ Клаушинъ умеръ въ 1804 году, будучи надворнымъ совѣтникомъ. Онъ содержалъ типографію съ Крыловымъ въ нижнемъ этажѣ дома, который нынѣ принадлежитъ Принцу Ольденбургскому.

*** Въ первой, Крыловъ осмѣиваетъ празднолюбцевъ и расточителей денегъ безъ пользы для себя и для другихъ; во второй, молодыхъ людей, имѣющихъ притязаніе на авторство и не уважающихъ ни таланта, ни заслугъ.

Клушину. Описывая свою пламенную любовь, Крыловъ оканчиваетъ посланіе:

Жалѣи о мнѣ, мой другъ, жалѣи —
 Одна мечта родить другую,
 И всё — одна другой глупѣи —
 Но что съ природой дѣлать ставеша?
 Ее, мой другъ, не вертанишь.
 Быть можетъ, что когда-нибудь
 Мой духъ опять остоверится,
 Моя простынь жарка грудь
 И сердце будетъ тише биться,
 И страсти мнѣ дадутъ покой.
 Зло, такъ какъ благо, здѣсь не вѣчно:
 Я успокоюся, конечно;
 Но гдѣ? — Подъ гробовой доской.

4) *Изображеніе Анеты.* 5) *Похищенные волосы съ перстень, къ Анетѣ.* 6) *Мой отъездъ, Письма къ Анетѣ.*

Крылову было двадцать пять лѣтъ, когда огненная страсть занимала его. Отъездъ изъ столицы издателей *Санктпетербургскаго Меркурія* прекратилъ печатаніе любопытнаго журнала. Неизвѣстно куда выѣхалъ Крыловъ; товарищъ и другъ его, Клушинъ, отправился въ чужіе края, съ сохраненіемъ получаемого жалованья. Крыловъ, служившій (съ 1788 года), въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, находился тогда (съ 1790 года) въ отставкѣ.

Отставка Крылова продолжалась по пятое октября 1801 года. Въ то время онъ былъ опредѣленъ въ секретари къ рижскому военному генералъ-губернатору князю Сергію Федоровичу Голицыну. Здѣсь фортуна, въ первый разъ, улыбнулась ему: не могли составить состоянія посредствомъ театральныя своихъ сочиненій и журналовъ, онъ приобрѣлъ богатство счастливою игрою въ карты; но не долго имъ наслаждался: фортуна ему измѣнила, а литературныя занятія вознаградили, потомъ, понесенныя потери.

Въ Ригѣ Крыловъ написалъ на Нѣмцевъ, трагедію-шутку: «*Трумфъ*», въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Она доселѣ находится въ рукописи. Всѣхъ забавнѣе въ ней

ромъ героя нѣсны и картаваго его соперника. Первый объясняется въ любви слѣдующимъ образомъ:

Старо-а-ль, анкель мой! прелесна мой княшонъ;
Шти бампалушка шась кокта мой крутошъ жонъ,
Мой кони весь не снятъ, и серса нольно нязел.....

Князь Голицынъ исходатайствовалъ Крылову (тридцать-перваго декабря 1802 года) чинъ губернскаго секретаря и, получивъ увольненіе (въ 1803 году), уговорилъ его выйти, также, въ отставку, отправиться съ нимъ въ саратовскую деревню.

Въ 1807 году князь Голицынъ былъ избранъ въ главнокомандующіе третьей области земскаго войска. Крыловъ возвратился въ Петербургъ и, въ слѣдующемъ году, опредѣленъ въ Монетный Дворъ, гдѣ, вскорѣ, по Именному Высочайшему указу, возмаловашъ въ титулярныя совѣтники (1808 года). Тогда извѣстнымъ нашимъ драматическій писатель, князь Шаховской, позвакомилъ Крылова съ Александромъ Николаевичемъ Оленинымъ, который, пользуясь общимъ уваженіемъ, радушно принималъ, въ своемъ домѣ, нашихъ литераторовъ, ученыхъ и художниковъ *. Здѣсь Крыловъ, ободренный на новомъ поприщѣ, началъ читать первыя свои басни **.

Бросимъ взглядъ на предшествовавшихъ и современныхъ Крылову баснописцевъ нашихъ, чтобы справедливо оцѣнить труды его. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, прославившійся *Самирами*, сохранившими доселѣ свое достоинство, несмотря на устарѣлый слогъ, не имѣвшій, въ свое время, соперниковъ въ изложеніи дипломатическихъ бумагъ. Къ сожалѣнію, образцовыя его *министерскія релации*, доселѣ остаются въ рукописи, хотя и не замочаютъ уже съ себѣ тайнъ государственныхъ, а басни, числомъ шесть, писанныя имъ въ молодыхъ лѣтахъ (первыя четыре въ началѣ

* Александръ Николаевичъ Оленинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта и президентъ академіи художествъ, скончался въ С. Петербургѣ 17 апрѣля 1843 года на осьмидесятомъ году добродѣтельной жизни.

** Крыловъ началъ писать басни въ 1805 году и Дмитріевъ, первый, предсказалъ ему будущую славу.

1731 года), свидѣтельствуютъ младенчество, въ которомъ находилась тогда наша литература. Приведемъ, въ примѣръ, одну изъ нпхъ:

Оюнъ и восковой болванъ.

Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилѣжно
Трудился, вымалъ болванъ всѣ выразилъ илжно
Въ немъ уды, части, власы, такъ что живо тѣло
Болванчика того быть всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончивъ все, не умно забылъ отдалити
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилось топити.
Въ жару растопился воскъ, расплозлося тѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.

Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, чтò тому мѣшаетъ,
Отдалить, и чтò вредить искоренять скоро;
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро.

Въ одно почти время съ Кантемиромъ писалъ басни и Тредьяковскій, имѣвшій терпѣнне, по случаю происшедшаго въ домѣ его пожара, два раза перевесть: *Древнюю и Римскую Исторію* своего учителя, Роллена, данную въ двадцати-шести томахъ, и переложившій въ стихи Телемака Фенелона, подъ заглавіемъ: *Телемахиды*, котораго Петръ Великій (когда Тредьяковскій находился еще въ школѣ), ударивъ по лбу, назвалъ: *отъчнымъ труженникомъ!* Имъ составлено нѣсколько *Эзоповыхъ басенокъ*, всего пятьдесятъ одна, одинаковаго достоинства съ нижеслѣдующею:

БАСЕНКА I.

Пѣтухъ и Жемчужина.

Пѣтухъ взбѣгъ на навозъ, а рыть началъ тотъ вскорѣ,
Жемчужины вотъ онъ дорылся въ ономъ сорѣ.
Увидѣвши ея: чтò нужды, говорить,
Миѣ въ этомъ дорогомъ, что глазъ теиерь мой зреть?
Желалъ бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюемъ дворовыя мы птицы;
Ктому жъ, миѣ на себѣ сей вещи не носить;
Да и не можетъ та собой меня красить.
И такъ, другимъ она пусть кажется любезна;
Но миѣ, хоть и блеститъ, ни мало не полезна.

Не удивительно, если, по простествіи двадцати-пяти лѣтъ,

современники осыпали похвалами Сумарокова, называли «Притчи» его *сокровищемъ российскаго Парнасса*, ставили его выше Лафонтена *. Отецъ нашего театра, слившійся, разными путями, проложить себѣ дорогу къ храму безсмертія, увѣчанный, только при жизни своей, славою и, нынѣ, забытый, оставилъ намъ сто осемьдесятъ девять притчъ. Вотъ образецъ его слогу:

Ворона и Лисица.

Ворона сыромъ овладѣла,
 Ворона добычью воронья ремесла,
 Кусочикъ сыру унесла,
 И на дубу сидѣла,
 Во рту его державъ,
 Ни крошечки еще его не подклевавъ.
 Лисица скалить зубы,
 Со умиленіемъ взираючи на смръ,
 И говоритъ: весь миръ
 Тебя, ворона, хвалить:
 Я чаю, что тебя не много то печалить:
 И Подлинно то такъ;
 Являетъ то твой зракъ.
 Прекрасная ты птица,
 Я прямо говорю, какъ добрая лисица:
 Какія ножечки! Какой носокъ!
 Какія перушки! да ты жъ еще пѣвица:
 Мнѣ сказано, ты пѣть велика мастерица.
 Раскрыла дура ротъ, упалъ кусокъ.
 Лисица говоритъ: прости, сестрица,
 И помни, матка, то, каковъ у лести сокъ.

Еще Сумароковъ носилъ именованіе нашего Лафонтена, какъ выступилъ на одно поприще съ нимъ неизвѣстный сочинитель **, занимающій доселѣ почетное мѣсто между нашими баснописцами. Какими быстрыми шагами опередилъ Хемницеръ Сумарокова! Выпишемъ одну изъ осемидесяти-четырёхъ его басень:

* Рубанъ. См. Опытъ историческаго словаря о российскитъ писателяхъ.

** Хемницеръ издавалъ свои басни, не выставляя имени.

Куры и Голубки.

Какой-то мальчик ницѣ любилъ,
 Дверешку вскинулъ безъ разбору,
 И крѣпкими кориндѣ.
 Лишь голосѣ дастъ по сбору,
 То куры тутъ-какъ-тутъ,
 Отсюду набѣгутъ.
 Голубка тоже прилетѣла
 И крошекъ поклевать хотѣла;
 Да той отваги не имѣла,
 Чтобъ подойти къ крохамъ. Хоть къ нимъ и подойдешь
 Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнешь,
 Голубка прочь-да-прочь; и крохъ, какъ нѣтъ, какъ нѣтъ;
 А куры между-тѣмъ съ отвагой наступали.
 Клевали крохи, да клевали.

На свѣтѣ часто такъ идетъ,
 Что счастья иной отвагой доступаетъ;
 И сиѣлый тамъ наблдетъ,
 Гдѣ робкій потеряетъ.

Вслѣдъ за Хемшицеромъ началъ писать басни Дмитриевъ, взявшій верхъ надъ всѣми своими предшественниками красотою и правильностью слога, богатствомъ стиховъ. Онъ занимался поэзіею съ самыхъ молодыхъ лѣтъ; вскорѣ по кончинѣ (въ 1777 году) Сумарокова; но какъ уничтожилъ его своими баснями! Откроемъ безсмертное произведеніе и помѣстимъ здѣсь, для сравненія, первую басню, которая попадется намъ:

Воробей и Зяблица.

Умоля съеложушко! конечно, бѣдный, боленъ,
 Или подружкой недоволенъ,
 А можетъ и несчастливъ въ ней!
 Мнѣ жалокъ онъ! сказалъ печально воробей.
 «Онъ жалокъ? — Зяблица къ словамъ его присела:
 «Какъ мало въ сердцѣ ты читалъ!
 Я лучше отгадала.
 Любилъ онъ, такъ и нѣлъ; сталъ счастливъ — замолчалъ.»

Не смотря на громкую славу, снисканную по справедливости Дмитриевымъ, нашолся плодовитый писатель, который старался, но тщетно, взять первенство и выдавалъ себя нашимъ *Лафонтеномъ*. Я говорю о графѣ Хвостовѣ,

достоинствѣ подражателѣ Сумарокова. Прочтемъ одну его басню, или изобрѣтенную—какъ изъясняется онъ, чтобы имѣть понятіе о прочихъ:

Оселъ и хозяинъ.

Оселъ и каждый день тяжелый вѣсъ таскалъ,
 Но отъ хозяина спасибо не омыкалъ,
 Который лишь всегда сердился,
 Увѣщевать осла дубиною трудился,
 Ударами за лѣнь пѣнялъ;
 Оселъ подъ палкою и тягою скончался,
 Хозяинъ на-скоро къ покойнику припался,
 Спѣшилъ послѣдній долгъ отдать,
 Отличной похвалою за службу награждать.
 Цѣнять достоинство, когда въ могилу спрячутъ,
 И сивяши голову, по волосамъ заплачутъ *.

Дмитріевъ произвелъ многихъ баснописцевъ, въ томъ числѣ Крылова и Измайлова: послѣдній хотя и переводилъ

* Забавенъ слѣдующій анекдотъ, мерещивый Дмитрію Пезановичу Языкову Крыловымъ: Однажды пришелъ къ послѣднему приятель его, Ок., и уговорилъ Крылова отправиться, вмѣстѣ, къ графу Хвостову. Посѣщеніе ихъ чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца. «Садитесь, наконецъ», сказалъ онъ, въ кабинетѣ: я прочту вамъ новое свое произведеніе». — Нѣтъ, не садитесь, отвѣчалъ Ок. пока не судишь ты меня двумя стами рублями.—Хвостовъ отговаривался.—Прощай, сказалъ Ок., съ досадою и пригласилъ Крылова послѣдовать его примѣру. — «Остнитесь, выслушайте», сказалъ хозяинъ, еще съ большимъ неудовольствіемъ: право, не будете раскаиваться». — Дай двѣсти рублей, продолжалъ Ок.:—останемся.—«Дамъ; но выслушайте напередъ». — Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай двѣсти рублей, а тамъ читай сколько тебѣ будетъ угодно. — «И вы останетесь у меня, будете слушать?» — Останемся и будемъ слушать.—Деньги отсчитаны, гости усѣлись, у окна, близъ двери; хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія, Ок. сказалъ на-ухо Крылову:—Уйдемъ, право нѣтъ силъ.—Крыловъ совѣтовалъ дожидаться конца. Ок. удалился по-тихоньку, потомъ Крыловъ; но, послѣдній, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки. — «Не правда ли, друзья, пропзнесъ, наконецъ, стихотворецъ, прерывая свое чтеніе: что это за стихи гениальны!» и, не слыша отвѣта, оглянулся, воскликнулъ съ сердцемъ: «Ахъ! проклятые, они ушли!» Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ.

Лафонтена, но слоюмъ крѣпкимъ и легкимъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. И. Гречъ въ своемъ Опытѣ краткой исторіи русской литературы. Слѣдующая басня служить тому доказательствомъ:

Оселъ и Конь.

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою;
Осъ на него чепракъ надѣлъ,
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахромою.
Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ,
И уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ.
На встрѣчу Конь ему попался,
А на конѣ чепракъ обыкновенный былъ.
Тутъ длинно-ухій разсмѣялся,
И рыло отъ него свое отворотилъ.

Такихъ ословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ? — ну! догадайтесь сами.

И Крыловъ началъ писать басни, переводя Лафонтена; но переводы его не уступаютъ подлиннику. Укажемъ на слѣдующіе: *Дубъ и трость**, *Ворона и лисица*, *Волкъ и ягненокъ*, *Два голубя*, *Стрекоза и муравей*, *Крестьянинъ и смерть*, *Госпожа и двѣ служанки*. Какіе значительные успѣхи сдѣлала, въ пятьдесятъ лѣтъ, литература наша! Приведемъ въ примѣръ басню Крылова, одного содержания съ помѣщенною выше сего, въ разборѣ сочиненій Тредьяковскаго, самую слабую изъ написанныхъ имъ.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говорить: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнить?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невѣжи судать точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Предвидя будущую славу нашего знаменитаго писателя,

* Первая басня, написанная Крыловымъ.

Оленьиъ присовѣтовалъ ему заниматься одиѣми баснями и дать волю изобрѣтательному уму, представлять изображаемые предметы въ живописномъ видѣ. Тогда Крыловъ написалъ:

Листы и Корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
 Бросая по долини тѣнь,
 Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
 Хвалялись густотой, зеленостью своею,
 И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
 «Не правда ли, что мы краса долины всей?
 Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
 Раскидисто и величаво?
 Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
 Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
 Не мы ль отъ зноя, пастуха
 И странника въ тѣни прохладой укрываемъ?
 Не мы ль красивостью своею
 Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
 У насъ же раннею и позднею зарей
 Насвистываетъ соловей.
 Да вы, зефиры, сами
 Почти не разстаетесь съ нами...»
 — Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ —
 Ниъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
 — Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно!
 Вы кто такіе тамъ,
 Что дерзко такъ считаться съ нами стали? —
 Листы, по дереву шумя, залепетали.
 «Мы — тѣ,
 Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
 Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
 — Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете:
 Красуйтесь въ добрый часъ!
 Да только помните ту разницу межъ насъ,
 Что съ новою весной листъ новый народится;
 А если корень изсушится,
 Не станетъ дерева, ни васъ.»

Если бъ Крыловъ сочинилъ одну эту басню, то имя его, какъ единственнаго въ своемъ родѣ писателя, осталось бы бессмертно; но сколько другихъ, написанныхъ имъ съ оди-

макнуть искусствомъ, перейти потомству! Кто изъ насъ не знаетъ его: *Соловья, Гусей, Любимыяю, Трехкишкя кафтана, Щуки и кота, Квартета, Слона и москы, Часка и голубя, Демьяновой ухи?* Самъ Дмитріевъ, не вышедшій до того соперниковъ, который создалъ Крылова, отдавалъ ему преимущество надъ собою.

Между-тѣмъ составила въ Санктпетербургѣ (1811 года) *Бесѣда любителей русскаго слова*. Публичныя засѣданія происходили, каждый мѣсяцъ, въ домѣ Державина, въ великолѣпно устроенной залѣ. Тамъ Крыловъ, находившійся въ числѣ членовъ *Бесѣды*, не одинъ разъ восхищалъ многочисленныхъ слушателей чтеніемъ своихъ басенъ.

Съ 1810 по 1812 годъ онъ находился въ отставкѣ, имѣлъ много свободнаго времени. Тогда открылась Императорская Публичная Библіотека въ Санктпетербургѣ. Директоромъ ея назначенъ былъ А. Н. Оленинъ, который доставилъ Крылову мѣсто помощника библіотекаря (7 января). Вслѣдъ затѣмъ (десятаго февраля), Высочайшимъ указомъ повелѣно ему производить, изъ Кабинета Его Императорскаго Величества пенсію, состоявшую изъ тысячи пяти-сотъ рублей. Императоръ Александръ ободрялъ народнаго стихотворца, готовясь на кровопрлитную, рѣшительную брань:

Въ день открытія Библіотеки, Крыловъ читалъ прекрасную свою басню: *Водолазы*. Потомъ, въ бывшихъ трехъ-годовыхъ собраніяхъ, онъ снова привелъ въ восторгъ посѣтителей произведеніями ума своего, соединивъ съ искусствомъ необыкновенный даръ слова.

Литературныя занятія его и служба въ Библіотекѣ, гдѣ привелъ онъ въ порядокъ эстампы и управлялъ дѣлами Комитета, учрежденнаго для удобнѣйшаго распоряженія хозяйственною частію, доставили ему: въ 1814 году чинъ коллежскаго ассессора: *во уваженіе отличныхъ дарованій*

• Въ числѣ библіотекарей находился тогда бывший типографикъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ) Брайкопфъ, приобрѣтшій первое произведеніе Крылова: оперу *Кофейницу*. Эта рукопись, написанная слабымъ дѣтскимъ почеркомъ, перешла въ то время къ сочинителю и подарена имъ Гибдичу, который завѣдалъ ею, вмѣстѣ съ своей библіотеккой, шотландской чашечкой.

въ русской словесности; въ 1816 году званіе библіотекаря; въ 1819 чинъ надворнаго совѣтника; въ 1820 орденъ святаго Владиміра четвертой степени и пенсію, сверхъ получаемой, еще тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями.

Занимая казенную квартиру въ верхнемъ этажѣ Библіотечки противъ Гостиннаго Двора, Крыловъ продолжалъ писать басни и жилъ совершеннымъ философомъ: лѣтомъ, голуби влетали въ его кабинетъ, безъ страха прогуливались по разбросаннымъ книгамъ, оставляя вездѣ слѣды своего посѣщенія. Онъ любовался ими, внималъ живому говору, угощалъ гостей и, въ кругу ихъ, находился какъ бы въ своей семьѣ!

Царствованію Государя Императора Николая Перваго предоставлено было даровать Россіи, къ вѣчной славѣ Его, *Сводъ Законовъ*. Твердая воля Обладателя шестидесяти милліоновъ жителей мгновенно произвела то, чего не успѣлъ совершить, втѣченіи многихъ лѣтъ, Августѣйшіе Его Предшественники. Имъ щедро награжденъ бессмертный историографъ нашъ, унесшій въ могилу утѣшеніе, что онъ и за предѣлами гроба будетъ, въ благодарномъ семействѣ, благословлять Монарха-благодѣтеля. Жуковскій и Пушкинъ, одушевляемые Его покровительствомъ, подарили Россіи многія произведенія, которыми она гордится. Онъ утѣшалъ послѣдняго, на смертномъ одрѣ его, заботясь объ немъ какъ о сынѣ. Ему одолжены мы прекрасными твореніями Михайловскаго-Данилевскаго, знаменитаго военнаго писателя. И Крыловъ, имѣвшій счастье неоднократно читать Государю Императору свои басни, когда онъ находился еще Великимъ Княземъ, былъ възысканъ Его милостями: въ 1828 году пожалованъ кавалеромъ ордена святаго Анны второй степени; въ 1830 произведенъ въ статскіе совѣтники; въ 1834 получаемые имъ оклады изъ Кабинета, по три тысячи рублей, удвоены ассигнованною такою же суммою изъ государственнаго казначейства: *во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности*; въ 1836 году награжденъ орденомъ святаго Владиміра третьей степени. Лестны были для Крылова всѣ эти знаки Монаршаго благоволенія; но никогда онъ не былъ столь обрадованъ, какъ

* Слова Иванаго Васильевича улова.

перваго января 1831 года, узнавъ, что Государь Императоръ подарилъ, въ тотъ день, его бюстъ Наслѣднику Престола.

Изъ скромнаго жилища, Крыловъ переходилъ иногда въ великолѣпные чертоги Царскіе: въ 1830 году любимецъ Музъ, исполняя волю Великой Книгини Елены Павловны, явился въ очаровательномъ маскарадѣ, данномъ Ихъ Императорскими Высочествами, наряженный *Талию!* Тогда произнесъ онъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ слѣдующіе прекрасные стихи:

Про дѣвушку идетъ худая слава,
 Что, будто, я весьма дурнаго права,
 И, будто, вся моя забава
 Расцѣпывать людей и на-смѣхъ подымать.
 Коль правду говорить, молва такая права:
 Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать,
 Всѣ лучше такъ ихъ, немножко унимать.
 Однако жъ здѣсь, я сколько ни глядѣла,
 Придаться некому, а это жалъ;—безъ дѣла
 Я, право, ужъ боюсь, чтобы не *потолстѣла* *.

Какое жъ диво въ томъ?
 Для добрыхъ только Вашъ гостепріимъ домъ
 И Вы однимъ Своимъ небеснымъ взоромъ,
 Прочь гоните порокъ со всѣмъ его приборомъ.
 Такъ! вижу только я здѣсь рѣзвость, игры, смѣхъ,
 А это не порокъ, спросите хоть у всѣхъ,
 Кчему жъ мнѣ по-пусту на сору накупаться
 И злые выпускать стихи?
 Нѣтъ, нѣтъ, пора уняться,
 А то еще меня осудитъ женихи,
 И придетъ вѣкъ мнѣ въ дѣвушкахъ остаться.
 Врюжжала я, теперь хочу полюбоваться,
 Что есть завидная Семья
 Великая и славою и властью
 И въ Ней пріютъ семейственному счастью.
 Такъ, на Псе, любуясь я,
 Живущимъ въ хижинѣ, сказала бъ справедливо:
 Живите, какъ живутъ въ Семѣ прекрасной сей,
 И, даже, въ хижинѣ своей,
 Вы рай увидите и будете счастливы **.

* Овасеніе тучнаго челоуѣка *потолстѣть*, чрезвычайно забавно.

** Въ этомъ маскарадѣ, Пушкинъ, представлявшій *Циклона*, произнесъ слѣдующіе стихи:

Языкъ и умъ теряя разомъ,
 Гляжу на Васъ однимъ глазомъ:
 Единый глазъ въ главѣ моей.
 Когда бъ судьбы того хотѣли,
 Когда бъ шлѣлъ я сто очей,
 То всѣ бы сто на Васъ глядѣли.

Въ другомъ придворномъ маскарадѣ, данномъ въ 1836 году Государемъ Императоромъ, нашъ баснописецъ представлялъ кравчаго, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязною серебряною бородой*, и прочелъ Августѣйшимъ Хозяевамъ, послѣднюю басню: *Вельможа*, написанную въ 1835 году. Ихъ Императорскія Величества благоволили изъявить ему Свое удовольствие**.

Здѣсь, невольно, вспоминаешь о прошедшемъ столѣтїи, когда, при Петрѣ Великомъ, въ народныхъ маскарадахъ, канцлеръ графъ Головкинъ и важный, угрюмый сенаторъ князь Долгоруковъ, въ китайскихъ платьяхъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, въ одеждѣ гамбургскихъ бургомистровъ, играли, первые два на дудочкахъ, а послѣдніе, на рыляхъ, между-тѣмъ какъ знаменитый подканцлеръ баронъ Шафировъ, необыкновенной толщины, едва передвигавшій ноги, представлялъ скорохода!

Наступилъ 1838 годъ, достопамятный въ жизни Крылова. Второго февраля праздновали въ Санктпетербургѣ, день рожденія семидесятилѣтняго нашего баснописца и совершение пятидесяти лѣтъ его литературнаго поприща***. Главнымъ распорядителемъ былъ дѣйствительный тайный

* Крылова одѣвалъ актеръ Каратыгинъ.

** Передано Крыловымъ.

*** Госнодинъ Бугаринъ, въ воспоминаніяхъ о Крыловѣ (смотри въ *Смертной Пчелѣ* 1845 года, № 9), упоминаетъ, между прочимъ, «вначалѣ 1838 года, Крыловъ въ разговорахъ какъ-то вспоминалъ, что «за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, именно въ февралѣ 1788 года, какъ напечаталъ первую свою статью въ *Пчелѣ Духовъ*. При разсказѣ объ этомъ, въ шитической головѣ Нестора Васильевича Кукольника вспорхнула счастливая мысль юбилея ветерана русской

совѣтникъ А. Н. Оленинъ. Торжество происходило въ помѣщеніи дворянскаго собранія. Окколо пяти часовъ съѣхались туда: министры, члены государственнаго совѣта и другія знатныя особы, также многіе литераторы и почитатели знаменитаго стихотворца, числомъ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ пять часовъ прибылъ г. министр народнаго просвѣщенія, Сергій Семесовичъ Уваровъ, и прочель, въ кругу всѣхъ посѣтителей, Высочайшую грамоту, которую Государь Императоръ: *за отличныя успѣхи, почли сопро-вождались долготренинные труды Крылова на пользу отечественной словесности, и за благороднаго, истинно русское чувство, всегда выражаемое въ произведеніяхъ его, сдѣлавшихся народными въ Россіи, всемилющивѣнно пожаловалъ ему орденъ святаго Станислава второй степени, съ звѣздою; потомъ министр возложилъ на него орденскіе знаки. Началь описать общаго восторга и трогательнаго униженія почтеннаго старца! Слезы показались изъ глазъ его: «Я не заслужилъ столько милостей!»—произнесъ онъ въ своемъ смиреніи. Вслѣдъ за тѣмъ посѣтители были приглашены къ обѣду.*

Въ огромной, великолѣпно украшенной и освѣщенной концертной залѣ, началось угощеніе *Демьяновскою душою и Крыловскою кулебякою*. Хоры наполнены были дамами. Звуки громкой, отборной музыки, возбуждали торжественность вращенія. Крыловъ сѣдѣлъ противъ своего бюста и столика, накрытаго красными сукномъ, съ золотой бахрамою, на которомъ лежали басни и всѣ сочиненія его, изданныя имъ въ разныхъ журналахъ. Даврелю вѣнны

«словесности. Кукольникъ немедленно сообщилъ свою идею Н. Н. Гречу, одному изъ старѣйшихъ пріятелей Крылова, а Н. Н. Гречъ «оставилъ записку отъ имени литераторовъ, и представилъ ее графу Бенкендорфу, который поднесъ ее Государю Императору. Августѣйшій повелѣлъ словесности ближнему дѣланію свое сѣдѣло и представилъ почтеннаго почтеннаго министру народнаго просвѣщенія, который составилъ комитетъ для устройства представствія. Отправка была подана, и на собраніи срину напечатана «подана, поднесены Крылову за обѣдѣнные столы. Конраге «собралъ».

и цѣты окружающаи нѣтъ. После перелохъ блюдо, председа-
тель торжества, А. Н. Оленивъ, вставъ съ своего мѣста,
произнесъ тостъ *за здравіе Государя Императора и Им-
ператорскаго Дома*. Второй тостъ былъ предложенъ го-
сподиномъ министромъ народнаго просвѣщенія *за здравіе
поэта*: въ то время извѣстный нашъ актеръ, Петровъ,
запѣлъ, прекраснымъ голосомъ своимъ, слѣдующіе стихи,
сочиненные княземъ Вяземскимъ и положенные на му-
зыку графомъ Віельгорскимъ.

На радость полу-вѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья
И вѣкчему танць вину,
Всѣ за-одно, всѣ безъ изьятъ
Мы влюблены въ его жену.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И этотъ бракъ былъ не безплодный
Самъ Фебъ его благословилъ!
Потомству нашъ поэтъ народный
Свое потомство укрѣпилъ.
Изба его дѣтьми богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца.
И дѣти — славные ребята!
И дѣти всѣ умны — въ отца.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокой,
Простосердечное дитя,
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ *Петръ* киваетъ на *Ивана*,
Тамъ *Иванъ* киваетъ на *Петра*.

Длись счастливою судьбою,
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ милою женою,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!
 Гдѣ нужно, онъ навѣсть уиѣть
 Свое волшебное стекло,
 И въ зеркалѣ его яснѣть
 Суровой истины чело.
 Весь міръ въ рукахъ у чародѣя.
 Всѣ твари-дань ему несуть:
 По дудкѣ нашего Орфея
 Всѣ звѣри пляшутъ и поютъ.

Длись судьбами всеблагими,
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ дѣтками своими,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправилъ.
 Сметая съ нихъ пороковъ пыль:
 Онъ баснями себя прославилъ
 И слава эта — наша былъ.
 И не забудутъ этой были
 Пока по-русски говорятъ:
 Ее давно мы затвердили,
 Ее и внуки затвердятъ.

Длись счастливою судьбою,
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ милою женою,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему намъ пожелать бы?
 Чтобы отъ свадьбы золотой
 Онъ дожилъ до алмазной свадьбы,
 Съ своей столѣтнею женой.
 Онъ такъ безпечно, такъ досужно,
 Прошелъ со славой долгій путь,
 Что до ста лѣтъ не будетъ нужно
 Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
 Нить любезныхъ намъ годовъ!
 Здравствуй, съ дѣтками своими,
 Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Стихи были повторены по общему требованію, и собраны

ніе, согласно предложенію господина министра народнаго просвѣщенія, пилъ за здоровье поэта и музыканта.

Третій гость, за славу и благоденствіе Россіи и за усилья русской словесности, былъ произнесенъ В. А. Жуковскимъ, который присовокупилъ къ тому нѣсколько краснорѣчивыхъ словъ, выразилъ въ нихъ общее уваженіе къ достойному русскому писателю, и кончилъ слѣдующимъ: «Да исполнитъ Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущею старостью и радовать насъ произведеніями творческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядываясь спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него тѣ поэтическіе уроки мудрости, которыми такъ давно и такъ плѣнительно поучаете вы современниковъ, уроки, которые дойдутъ до потомства и никогда не потеряютъ въ немъ своей силы и свѣжести: ибо они обратились въ народныя пословицы, а народныя пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ».

Послѣ этого, министръ внутреннихъ дѣлъ, Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (нынѣ графъ и предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта), прочиталъ прекрасные стихи, сочиненные на этотъ случай господиномъ Бенедиктовымъ.

Въ-заключеніе, князь Одоевскій, провозгласивъ тостъ: за здоровье присутствующихъ, произнесъ стихотворцу приѣтствіе отъ имени младшаго литературнаго поколѣнія, которое училось читать по его баснямъ.

Въ томъ году (1838) скончалась въ С. Петербургѣ, третьяго іюня, на 71-мъ году своей жизни, супруга Алексѣя Николаевича Оленина, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, добродѣтельная, умная и любезная, несмотря на преклонныя лѣта. Крыловъ, предавшій своему благодѣтелю, утѣшалъ его въ печали и сочинилъ, въ память умершей, слѣдующую эпитафію:

Супруга нѣжная и другъ своихъ дѣтей

Да успокоится она отъ жизни сей

Въ безсмертій, тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій,

«Отвѣтъ по своей точкѣ зрѣнїи
И счастливѣйшимъ воспоминаемъ.

К....ъ *.

Стихи эти были послѣднимъ его произведеніемъ.

Увѣнчанный, при жизни, славою, Крыловъ не долго жила послѣ своего юбилея: постигшій его, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, параличъ ** ослабилъ физическія силы почтеннаго старца. Въ 1841 году, по прошенію, уволенъ онъ съ отставку, съ сохраненіемъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями получаемыхъ изъ Кабинета, и съ увеличеніемъ другаго пенсіона, ассигнованнаго изъ государственнаго казначейства, 5,700 рублями ассигнаціями.—Такимъ образомъ годовое содержаніе его увеличилось до 11,700 рублей ассигнаціями.

Девятаго ноября 1844 года Россія лишилась знаменитаго писателя. Предсмертная болѣзнь его послѣдовала отъ не сваренія пищи въ желудкѣ и продолжалась нѣсколько дней. Онъ нанималъ, тогда, квартиру, на Васильевскомъ Острову, въ первой линіи, въ домѣ купца Блинова, противъ Перваго Кадетскаго Корпуса. Ближайшій сосѣдъ Крылова, генералъ-маіоръ Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, часто посѣщала его, и, желая приготовить умирающаго къ исполненію христіанскаго долга, спросилъ, какъ-бы случайно: «Не мнительны ли вы, Иванъ Андреевичъ?»—«Я?—отвѣчалъ Крыловъ:—са вотъ я вамъ разскажу, какъ я не мнительенъ. Давно какъ-то, лѣтъ сорокъ назадъ, я почувствовалъ онѣмѣніе въ пальцахъ одной руки. Показываю доктору. Онъ спрашиваетъ меня, какъ вы: не мнительны ли я? Нѣтъ, говорю.—«Такъ у васъ, продолжалъ

* Эта эпиграфа украшаетъ надгробный памятникъ К. М. Фоминской, на Невскомъ кладбищѣ, вблизи того мѣста, гдѣ, нынѣ, обнѣстуети, преданы земле останки Крылова.

** Это несчастіе постигло его, за обѣднимъ столомъ, у А. Н. Оленина. Тучность Крылова воспрепятствовала ему пустить кровь изъ руки; но приставленнымъ къ полсницѣ сто двадцать пѣлюкъ спасли его, тогда, отъ смерти. Онъ лечился потомъ въ Павловскѣ, гдѣ Государыня Императрица Марія Феодоровна благоволила принять живѣйшее участіе въ восстановленіи его здоровья. Крыловъ, по самую кончину свою, не могъ говорить безъ слезъ о благодѣтельной Монархинѣ.

«онъ, будетъ параличь». — Да не лѣзя ли помочь? спросилъ «я. — «Можно: вамъ надобно всю жизнь не ѣсть мяснаго и «быть вообще очень осторожнымъ». — Какъ же вы поступи- ли? — прервалъ его господинъ Ростовцевъ. — «Мѣсяца два я «поддавалъ предписаніе доктора». — А потомъ? — «А по- «томъ, какъ видите, до сихъ поръ все ѣмъ. Вотъ какъ «я не мнителенъ», заключилъ Крыловъ.

Сохранимая память, Крыловъ радостно встрѣтилъ своего отца духовнаго и съ трогательнымъ умиленіемъ приоб- щился Святыхъ Таинъ. За нѣсколько часовъ до кончины, онъ сравнивалъ себя съ крестьяниномъ, который, нава- ливъ на возъ непомярно-большую поклажу рыбы, никакъ не рассчитывалъ излишне обременить своей немощной лоша- ды, только потому, что рыба была сушеная*; въ послѣд- нія минуты просилъ приближенныхъ разослать въ мѣ пом- нилимъ о немъ, на память, по экземпляру его басень**. Передъ самою кончиною, Крыловъ велѣлъ перенести себя въ яреды, но, почувствовавъ тоску, сказалъ, тяжело мнѣ! и, снова, изъявилъ желаніе переѣхать на смертный одръ. Тоска проивнестъ онъ слабымъ, прерывавшимся го- лосомъ: *Господи! прости мнѣ прегрѣшенія мои, сильно вздохнулъ и вздохъ этотъ былъ послѣдній добродѣтельна- го....* Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ выдать, изъ государственнаго казначейства, на расходы погребенія, значительную сумму: 9,611рублей ассигнаціями.

Крыловъ не оставилъ послѣ себя родственниковъ; но тринадцатаго ноября, въ день отпѣванія тѣла его, огромная адмиралтейская церковь св. Исаакія Далматскаго едва могла вмѣщать: государственныхъ сановниковъ, ученыхъ, лите- раторовъ, дамъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и почетныхъ купцовъ, стекшихся, во множествѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ незабвенному. Литію совершилъ православный Іустинъ, викарій санктпетербургскій. Из- вѣстный драматургъ Алексѣй Ивановичъ Маловъ, про-

*Подробности о кончинѣ Крылова потеряны мною изъ любо- пытной статьи господина Чагонова, помѣщенной въ издаваемомъ мнѣ Собрании. См. 1845 годъ, №11.

**Вотъ-почему себя молчаливо зовутъ драгоцѣннымъ и печальнымъ широкъ.

тоіерей Исаакіевскаго Собора, произнесъ краткую и, вѣстѣ, трогательную рѣчь. Въ числѣ особъ, вынесшихъ гробъ изъ церкви, находились генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ графъ Алексѣй Феодоровичъ Орловъ и генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, умѣющій одинаково владѣть штыкомъ и перомъ, писатель тѣмъ болѣе nocturnый, что ученіе его никому ничего не стоило, что онъ самъ, храбростію и умомъ, приобрѣлъ чины и сдѣлался литераторомъ, что онъ, и въ мирное время, продолжаетъ говорить солдатамъ понятнымъ для нихъ языкомъ, сильнымъ, отрывистымъ, тѣмъ самымъ, которымъ говорилъ, среди ядръ и пуль, одушевляя воинство къ побѣдамъ!

Студенты санктпетербургскаго университета окружали гробъ, поддерживали балдахинъ и несли ордена. Въмѣсто герба, на траурныхъ принадлежностяхъ было изображеніе медали, вычеканенной для увѣковѣченія памяти о пятидесятилѣтнемъ торжествѣ литературной жизни Крылова. Народъ, во множествѣ, слѣдовалъ за печальною процессіей, не изъ любопытства, какъ обыкновенно бываетъ, но сътуя о невозвратной потерѣ безсмертнаго баснописца, съ которымъ сблизился общею молвою. Обрядъ отпѣванія совершилъ въ Александровской Лаврѣ, послѣ божественной литургіи, высокопреосвященный Антоній, митрополитъ новгородскій, санктпетербургскій, эстляндскій и финляндскій, съ епископами Іустиномъ и Аѳонасіемъ винницкимъ. Голову Крылова украшалъ лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчали его благодарные соотечественники въ день юбилея; на груди и на сердцѣ лежали цвѣты, присылаемые ему Государынею Императрицею Александрою Феодоровною, которые онъ берегалъ, какъ святыню; при закрытіи гроба, г. министръ народнаго просвѣщенія, Сергій Семеновичъ Уваровъ, положилъ туда медаль, въ воспоминаніе втораго февраля 1838 года. Останки Крылова покоятся на, такъ-называемомъ, *новомъ кладбищѣ*, подлѣ друга его, Гнѣдича, переводчика Гомеровою Иліады. На сооруженіе ему памятника открыта подписка въ Имперіи.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, дѣйствительный членъ Императорской Россійской Академіи (съ 1811 года), а во-

тотъ учрежденнаго при Императорской Академіи Наукъ второго отдѣленія русскаго языка и словесности, и многихъ ученыхъ обществъ, былъ роста высокаго, собою тучный; добродушіе и безпечность яркими красками изображались на лицѣ его. Онъ не обращалъ вниманія на свою одежду; волосы имѣлъ всегда включенные; въ обществахъ, болѣею частію, хранилъ молчаніе, но когда вступалъ въ разговоръ, восхищалъ слушателей даромъ слова, своею остротой, и, обладая обширною памятью, дѣлалъ разсказъ любопытнымъ воспоминаніемъ о прошедшемъ. Никогда не отзывался онъ дурно ни о комъ; кологъ, только, въ журналахъ, комедіяхъ и басняхъ, стараясь исправлять перочныхъ, которые, какъ-будто бы, не узнавая себя, рукоплескали Крылову и тѣмъ казались еще забавнѣе! Съ умомъ яснымъ, гибкимъ, обладая совершенно отечественнымъ языкомъ, вслушивался онъ въ народныя поговорки и живо изобразилъ быть русскій въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ. Никто лучше его не умѣлъ читать басень, имъ написанныхъ: онъ не читалъ ихъ, а просто разсказывалъ и важное лицо не измѣнялось, когда колкія насмѣшки вырывались изъ усть. Не любилъ движенія, Крыловъ проводилъ время лежа на диванѣ, занимался чтеніемъ и куря сигару. Чѣмъ глубже было сочиненіе, тѣмъ онъ оставался имъ довольнѣе. Пыль покрывала всегда всю мебель его, всѣ книги, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ. Письменнаго стола у него не было. Надъ диваномъ (гдѣ онъ покоился) висѣла, сорвавшись съ одного гвоздя, наизкосъ, большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему замѣтилъ, что остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ—отвѣчалъ Крыловъ, съ свойственною ему безпечностью: «Уголъ рамы долженъ будетъ, въ такомъ случаѣ, непременно описать косвенную линію и миновать мою голову».—Онъ выѣзжалъ, обыкновенно, къ А. Н. Оленну въ Англійскій Клубъ; но въ послѣднее время велъ жизнь

* См. въ *Сочиненіяхъ Пушкина*, издаваемыхъ въ С. Петербургѣ, 1841 года, т. XI, стр. 159.

совершенно удивившую. До постигнутого его паралича, любилъ сытно поѣсть, такъ, какъ и жемчугъ шить, оеиз-дѣлать, имѣвшій однакоже съ нимъ участъ. Сидячки на вечеринкѣ у покойнаго Алексѣя Алексѣевича Морозова (попечителя харьковскаго университета, поварѣй, съ про-ошщеннымъ умомъ, соединялъ обворожительную любовь-ность и веселый нравъ, обогатилъ науку словесность пре-краснымъ романомъ: *Монастырка*) зашла рѣчь, въ при-сутствіи Крылова, о привычкѣ ужинать. Одни изъ гостей говорили, что доведываются, только, обѣдѣть; другіе, что перестали давно ужинать; третьи, что думаютъ пере-стать. Крыловъ, накладывая на свою тарелку кушанье, примолвилъ тогда: «А я, какъ мнѣ кажется, ужинать: по-«рестану въ тотъ день, съ котораго не буду обѣдѣть *».— Въ другое время, за обѣденнымъ столомъ у Государыни Императрицы Маріи Федоровны, сидѣвшій подле стола известный нашъ стихотворецъ Капнистъ, сочинитель по-емки: *Ибѣда*, сказалъ ему на-ухо: «Ты ѣшь за десертъ-арьяхъ: откажись хоть отъ одного блюда. Развѣ ты не за-«мѣчаешь, что Императрица безпрестанно на тебя نگاه-«дываетъ и желала бы поподчивать?» — *Ну, а если не по-«подчиваешь?* — отвѣчалъ Крыловъ, продолжая угощать се-бя **. Какъ поэтъ, любилъ онъ музыку и хорошо игралъ на скрипкѣ; кромѣ отечественнаго языка, зналъ еще фран-цузскій и италіянскій, и, будучи шестидесяти лѣтъ, изъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ помощію лекціона, выучился по-гречески. Собраніе древнихъ классиковъ хранилось у него подъ кроватью: лежа, наклонилъ онъ голову, проти-гивалъ руку и вынималъ ихъ для чтенія. Наконецъ по-знакомился онъ совершенно съ греческимъ языкомъ и оставилъ въ пѣноѣ учителью, на пражнемъ мѣстѣ, непра-тыкъ шельма. Черезъ три года Крыловъ вспомнилъ, однакы, о своей греческой бібліотекѣ, протянулъ было туда, по привычкѣ, руку, но, къ удивленію, ничего тамъ не нашолъ, кромѣ малаго остатка разрозненныхъ комочъ-Слаужанка его, замѣтивъ, что нѣкоторые книги принадлежатъ

* *Современникъ*, 1845 года, № 1.

** Прекрасная басня: *Василекъ*, написана Крыловымъ въ Царскъ-скѣ.

безъ нужды, придумала имъ полезное назначеніе: каждый разъ когда приходила топить печку подлѣ кровати, разрывала по книжкѣ и подкладывала листы подлѣ дрова, чтобы они скорѣе разгорались *.—О скромности Крылова можно судить по слѣдующему отвѣту, сдѣланному имъ дамѣ, которой мы обязаны любопытными подробностями объ немъ. «Проявлялся ли—спросила она его—въ младенчествѣ вашемъ геній?»—*И, матушка, произнесъ онъ—я былъ дитя, какъ и всѣ: игралъ, рѣзался, учился не отменно; иногда, даже, меня и стѣкали **.* Другой примѣръ: за нѣсколько дней до предсмертной болѣзни, Крыловъ помучимъ извѣ Парижа, отъ издателей *Біографическаго Словаря двотомнаго знаменитыхъ людей*, свою біографію, присланную для поправки и дополненія. Это польстило бы самолюбіе cadaго; но онъ сказалъ тогда: *пускай пишутъ обо мнѣ что хотятъ, и, только, по убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ приближенныхъ, согласовался, наконецъ, исполнить желаніе французскихъ ученыхъ.* Слѣдующій анекдотъ изображаетъ безпечность его, хладнокровіе и, вмѣстѣ, жѣрный взглядъ: въ 1842 году загорѣлся, на Васильевскомъ Острову, каменный домъ, смежный съ принадлежащимъ Блинову, въ которомъ жилъ Крыловъ. Тщетно окружавшіе послѣдняго умоляли его спасти имущество отъ очевидной опасности: онъ потребовалъ чашку чаю, пилъ съ большими разстановками, выкурилъ сигару, потомъ началъ, чрезвычайно медленно, надѣвать платье, вышелъ на улицу, взглянулъ на пылавшее строеніе, произнесъ: *не для чего перебираться, возвратился въ свою квартиру и легъ, спокойно, на диванъ.*—Благодарность была отличительною чертою возвышеннаго его характера. Прекрасно онъ выразилъ ее въ слѣдующихъ стихахъ А. Н. Оленину, на одномъ экземплярѣ стихикъ *Богаты:*

Прими, мой добрый Меценатъ,

Даръ благодарности моей и уваженья.

Хотѣлъ лишь въ посвященіи твоемъ, я омануль, говорить,

Что благодарность есть лишь чувство уманенья,

* Современникъ.

** Зельдочка.

СОВЫ

БЫ!

ЗЫ

ВЫ

(

,

Басни и Художество.

Хоть, пожалуй-быть, нимъ я страшенъ покажусь—
 Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
 И въ простотѣ сердечной
 Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
 Щедротъ Монаршихъ лучъ склона,
 Дѣливой Музѣ и безпечной
 Моей ты крылья подвязалъ.
 И можеть, безъ тебя бѣ, мой слабый даръ завялъ
 Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
 И я бы умеръ весь для свѣта.

Но, нимъ, если смерть свою переживу,
 Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
 При мысли сей мое живѣе сердце бьется.

Прими жъ мой скромный даръ теперь

И вѣрь,

что благодарностью, не лестью онъ дается.

Басни Крылова поучительны во всемъ пространствѣ слова. Всего написано имъ триста двадцать четыре; въ томъ числѣ, только пятьдесятъ шесть заимствовалъ онъ у иностранцевъ.

Въ баснѣ: *Крестьянинъ и змѣя*, Крыловъ дѣлаетъ нравоченіе отцамъ, ввѣряющимъ воспитаніе дѣтей своихъ иностранцамъ:

Отцы! понятно-ль вамъ, на чтѣ здѣсь мѣчу я?

Другую басню, на тотъ же предметъ сочиненную, подъ заглавіемъ *Кукушка и Горлинка*, онъ оканчиваетъ наставленіемъ родителямъ:

Отцы и матери! вамъ басня сей урокъ.

Я рассказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:

Къ родителямъ въ нихъ непочтенье

И не любовь— всегда порокъ;

Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,

И вы ихъ ввѣрили наемничьиимъ рукамъ:

Не вы ли виноваты сами,

Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

Въ *Парнасъ*, осмѣивая невѣждъ, напоминаетъ имъ, не со шлемъ, старинную пословицу:

Что если голова пуста,

То головѣ ума не придадутъ мѣста.

Въ баснѣ: *Оселъ*, на глупцовъ и занимающихъ высокія мѣста, съ низкими чувствами, говорятъ:

Въ породѣ и въ чинахъ высота хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

.....

Баснѣ *Гуси*, превосходно изображаетъ кичащихся своимъ знатнымъ происхожденіемъ:

Баснѣ эту можно бы и болѣе пояснить—
Да чтобъ гусей не раздражить!

Камень и червякъ представляетъ людей, которые гордятся долговременною, но бесполезною службой. Онъ пояснилъ ее:

Такъ хвалится иной, что служить сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

Нѣсколько басенъ написано Крыловымъ на взяточниковъ и воровъ. Одну (*Крестьянинъ и Лисица*) оканчиваетъ:

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ,
А вору дай хоть миллионъ—
Онъ воровать не перестанетъ.

Другую (*Крестьянинъ и рѣка*):

На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлается они со старшимъ по-поламъ.

Третью (*Лисица и Сурокъ*):

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ-будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой—
А смотришь, по-маленьку,
То домикъ выстроить, то купить деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свѣсть,
Хоть по суду и не докажешь;

На нѣкъ на оспрѣшанъ, не скажешь:
 Что у нека цушокъ на рыльцѣ есть.

Четвертую (*Зеркало и Обезьяна*):

Такихъ примѣровъ много въ мѣрѣ:
 На любить узнавать вѣкъ себя въ сатиру.
 Я, даже, видѣлъ то вчера:
 Что Климычъ на руку не чистъ—всѣ это знаютъ;
 Про взятки Климычу читають,
 А онъ, украдкою, киваетъ на Петра.

Басня: *дѣл Сабани*, изображающую льстивоца и челога-
 мургодникова, заключенныхъ прекрасными стихами:

Какъ часто счастье многіе находятъ
 Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

На любителей невѣждъ сочинена имъ басня: *Бритов*:

Вамъ пояснить рассказъ мой я готовъ:
 Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
 Съ умомъ людей—боятся,
 П терпятъ при себѣ оветай дурковъ?

Вельможя, басня, изображеніе глупаго сановника, котораго секретарь водилъ за носъ, а онъ подписывалъ бумаги, не читая ихъ, и только пилъ, ѣлъ и спалъ; за то, по смерти, какъ ни въ чемъ не виновный, введенъ въ Элисейскія Поля. Забавенъ конецъ:

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
 Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

Въ *Оракулъ* осмѣиваетъ глупыхъ судей:

Я слышалъ—правда ль? будто истаръ
 Судей такихъ видали,
 Которые весьма умны бывали —
 Пока у нихъ былъ умный секретарь.

Басня: *Заяцъ на лопалъ*, написана на хвастуновъ:

Надъ хвастунами хоть смѣются:
 А часто въ дѣлѣхъ имъ доли достаются.

Слонъ и Мышь, на хулитавей сильныхъ:

Ай, Мышки! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!

Прохожіе и собаки, на завистниковъ:

Завистники, на чѣмъ ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полагаютъ, да отстадутъ.

Хмель, на осуждающихъ людей безсильныхъ:

А только въ случай попадаешь—
Онъ * первый ливнетъ въ передней.

Лягушка и Юпитерь, на себлялюбцевъ:

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которыхъ вся, кромѣ себя, посылаетъ
И комъ думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ горы огнемъ.

Свишь, на пристрастныхъ критиковъ:

Не дай Богъ никого сравняешь ни съ обидѣть!
Но какъ же критика Жювернаея не назвать,
Который, чѣмъ ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худее видѣть.

Орелъ и Куры, на нихъ же:

Когда таланты судишь ты—
Считать ихъ слабости, трудовъ не трать напрасно;
Но чувствуя, что въ нихъ и сильное, и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть красоты.

Похороны, на богачей, чуждыхъ благотворенія:

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему-нибудь годна.

Крестьянскіе съ бѣды, на минимыхъ друзей:

На свѣтѣ такое жъ: когда въ нужду попалъ,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:

* Хулитель.

Вачнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и зирить;
 А чуть о помощи на дѣлѣ занкнешься,
 То лучший другъ
 И нѣтъ, и глушь.

*

Тришкинъ кафтанъ, на промотавшихся. Описывая какъ Тришка, поправляя и обрѣзывая свой продравшійся кафтанъ, наставилъ рукава, сдѣлавшіе кафтанъ короче какъ зола, оканчивается:

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
 Иные господа,
 Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
 Посмотришь: въ тришкиномъ кафтанѣ шеголятъ.

*

Купецъ, на живущихъ обманами. Содержание басни заключается въ томъ, что купецъ продалъ, за англійское, гнилое польское подмоченное сукно, и радовался тому; во полученная имъ ассигнація оказалась фальшивою:

Обманутъ! Обманулъ купецъ: въ томъ дѣла нѣтъ;
 Но если кто на свѣтъ
 По-выше лавокъ взглянетъ,—
 Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ;
 Почти у всѣхъ во всемъ одинъ расчетъ:
 Кого кто лучше проведетъ,
 И кто кого хитрѣй обманетъ.

*

Мѣшокъ, на обогащающихся игрою и откупами:

Мы басней никого обидѣть не хотѣли:
 Но сколько есть такихъ мѣшковъ
 Между откупщиковъ,
 Которы нѣкогда въ подносычкахъ сидѣли;
 Иль между игроковъ,
 Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
 А нынѣ, по-поламъ съ грѣхомъ, богаты стали;
 Съ которыми теперь и графы, и князья—
 Друзья;
 Которые, теперь, съ вельможей,

У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
 Играють за-просто въ бостонъ!
 Велико дѣло—милліонъ!
 Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
 Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
 Не дай Богъ, если разоритесь:
 И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ .

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы судить о цѣли и достоинствѣ произведеній Крылова. Уроки его обратились въ пословицы и—какъ справедливо изъяснился Жуковский—*дойдутъ до потомства.*

Кончимъ сравненіемъ нашего Лафонтена съ французскимъ:

Лафонтенъ былъ высокаго росту.

Отличался безпечностью, добродушіемъ и разсѣянностью.

Крыловъ также.

На двадцать-третьемъ году не имѣлъ еще никакого значенія на литературномъ поприщѣ.

Сочинилъ трагедію и написалъ оперы, не увѣнчанныя успѣхомъ.

Будучи двадцати лѣтъ Крыловъ трудился для нашего театра и былъ издателемъ журнала.

Театральныя сочиненія Крылова, исключая двухъ трагедій, имѣли, въ свое время, блистательный успѣхъ, а двѣ послѣднія комедіи, доселѣ, сохранили свое достоинство.

Приобрѣлъ громкую славу, въ 1663 году, на сорокъ-четвертомъ своей жизни, соблзнительными и безнравственными *сказками*, въ стихахъ.

Крыловъ не помрачилъ славы своей сочиненіями, вредными для ума и сердца; старался, напротивъ, исправлять порочныхъ.

Въ которомъ лежали червонны и кот рый, когда опустѣлъ, былъ выброшенъ.

Началъ писать *басни* три года спустя, въ 1666 году, на сорокъ-осьмомъ отъ рожденія.

Былъ нелюбимъ Лудовикомъ Четырнадцатымъ и, въ некоторое время, находился въ изгнаніи за написанную имъ прекрасную элегію въ защиту благодѣтеля.

Получалъ незначительную пенсію отъ министра Фуке, до паденія его.

Терпѣлъ крайнюю бѣдность и нужду, впалъ въ долги, принужденъ былъ жить въ домахъ постороннихъ людей.

Былъ во всю жизнь свою безбожникомъ и, только, за два года передъ смертію, во время тяжелой болѣзни (въ 1693), обратился къ вѣрѣ, принесъ покаяніе.

Лафонтена называютъ Французы: *неподражаемымъ*, хотя Ламоттъ и Флорантъ удачно подражали ему.

Крыловъ, на сорокъ-осьмомъ году занималъ уже первое мѣсто между нашими баснописцами. Къ сожалѣнію, иностранцы, по слабому переводу, не могутъ судить о достоинствѣ его произведеній.

Крыловъ превосходными сочиненіями своими приобрѣлъ любовь и покровительство двухъ Императоровъ.

Государи производили пенсію Крылову, увеличивая ее постепенно.

Участь нашего поэта была обезпечена щедростію Монарховъ и справедливою данью, которую принесли ему соотечественники приобритеніемъ многочисленныхъ изданій его басень.

Сочиненія Крылова свидѣтельствуютъ, что онъ всегда свято хранилъ вѣру отцовъ своихъ.

Едва-ли въ Россіи будетъ другой Крыловъ!

ВАНТЫШЪ - КАМЕНСКІЙ.

==

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Вступленіе.

Предметъ этого труда—сравнительное Уголовное Законодательство, предметъ затруднительный, по общности свѣдѣній, входящихъ въ объемъ предпринятой цѣли, и совершенно у насъ новый.

Ни одинъ народъ не подвигается въ наукѣ однимъ собственными своими силами. Просвѣщеніе есть плодъ опыта, наблюденій, открытій многихъ столѣтій, и не только предки потомкамъ, но и одинъ народъ другому передаютъ сдѣланные успѣхи въ наукахъ. *La Suite des hommes peut-êtré considérée dans tous les tems et dans tous les lieux comme un seul homme qui apprendroit toujours. (Pascal.)*

Никогда польза этого братства любознанія не была такъ ощутительна, какъ въ наше время. Уже во многихъ мѣстахъ открыты кафедры сравнительнаго законоученія. Многія державы поручили ученѣйшимъ юристамъ на-мѣстѣ изучать полезное въ чужихъ краяхъ. У насъ нѣтъ ни одного сочиненія о сравнительномъ за-

* Ortolan, Cours de législation comparée.

коноученія; потому каждый опытъ въ этомъ родѣ будетъ имѣть пользу, какъ бы онъ ни былъ слабъ.

Во всѣхъ юридическихъ изысканіяхъ проявляются три господствующіе элемента: историческій, философскій и практическій. Исторія показываетъ бывшее, философія—идеаль того, что быть должно, практика—настоящій бытъ. Первый элементъ выраженъ будетъ въ этомъ трудѣ *краткою* внѣшнею исторіею уголовного права *, второй и третій—сравнительнымъ взглядомъ на современное положеніе уголовного законодательства въ Европѣ.

=

Нѣсколько словъ о внѣшней исторіи Уголовнаго Права.

—

Какіе бы ни были источники законодательства, всѣ отличительные признаки постепеннаго созиданія уложеній будутъ двоякаго роду: одни—заимствованные у науки (*à priori*), другіе—у опыта, жизни народной (*à posteriori*).

Автономическіе, туземные законы поражаютъ науку законодательства (*génération*), но она не стѣсняется предѣлами мѣстности, и какъ сила непрерывно и во всѣхъ направленія дѣйствующая, сообщается повсюду (*propagande*); отдѣляетъ общее отъ частнаго, постоянное отъ временнаго (*similitude*); и вездѣ водворяя, усваивая полезное, достигаетъ до окончательнаго ея развитія—общаго усовершенствованія (*progrés*) **.

Чѣмъ болѣе сродства имѣютъ между собою народы, тѣмъ болѣе полезны примѣры, отъ одного другому

* Въ изложенную здѣсь исторію уголовного законодательства не вошло отечественное законодательство востока, какъ требующее болѣе подробнаго начертанія.

** Ortollan, Cours de législation comparée.

передаваемые; чѣмъ болѣе законодательство развилось изъ собственныхъ туземныхъ нуждъ, тѣмъ ближе оно къ дѣйствительному народному быту; теорія же тѣмъ совершеннѣе чѣмъ тѣснѣе связана съ опытомъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ полезно имѣть въ виду: изъ какихъ элементовъ образовалось уголовное законодательство Европы. Предлагаемый здѣсь краткій взглядъ на внѣшнюю исторію уголовного права укажетъ, въ какомъ изъ означенныхъ отношеній законодательство одного государства, можетъ быть полезно для другаго *.

Исторія уголовного законодательства, по вліянію, какое имѣли одинъ народъ на другой, представляетъ три главныя группы: народы юга и запада, въ законоученіи которыхъ преобладало римское право, народы сѣвера, гдѣ первенствовали туземные автономическіе законы и народы средней части Европы, которыхъ уголовные кодексы представляютъ сліяніе означенныхъ элементовъ. Народы юга болѣе или менѣе были подражателями кодексовъ Феодосія, Юстиніана и каноническаго; народы сѣвера имѣютъ своего Юстиніана въ лицѣ Христіана Пятаго, датскаго короля; народы средней части Европы въ Карла Пятомъ.

=

І. Уголовное законодательство Юга и Запада.

—

ИТАЛІЯ.

Италія можетъ быть названа колыбелью европейскаго законодательства не только по времени гражданска-

* Каждый опытъ подобнаго сочиненія, по-необходимости, долженъ ограничиваться главными чертами; потому что до-сихъ-поръ нѣтъ полной внѣшней исторіи уголовного законодательства. Лейбницъ, Гансъ, Пасторѣ и другіе, изготовили только матеріалы въ которыхъ частей этой науки. См. Энциклопедіи Неволина, т. II, § 528, Кашигера Handbuch der Litteratur des Criminalrechts.

го образования этой страны, но и по счастливому соединению въ римскихъ законахъ теорій съ практикою *. Папиніаны, Улпіаны, Каіа только облакали въ ученую форму то, что опытъ призналъ непреложною истинною — опытъ перешедшій черезъ горнило государственныхъ преобразованій двѣнадцата столѣтій, и, какъ-будто бы, завѣщанный Провидѣніемъ дальнему потомству Сводами, составленными при Юстиніанѣ, въ эпоху разрушенія имперіи и упадка наукъ.

Съ утратою самобытности, Италія, въ-отношеніи политическомъ, раздѣлилась на двѣ части—сѣверную и южную, имѣвшія и различныя сферы законодательства. На сѣверѣ каждый пришлый народъ сохранялъ свои законы: — лонгобардскіе, саллическіе, рипуэрскіе, адлеманскіе и баварскіе; но съ постепеннымъ приведеніемъ въ порядокъ гражданскаго устройства этого края, болѣе и болѣе становилась ошутительною польза примѣра туземнаго, древняго римскаго законодательства, и, мало-по-малу, принято оно было источникомъ дополненія Свода лонгобардскихъ законовъ, составленнаго въ двѣнадцатомъ столѣтій **.

Впродолженіи означенныхъ переворотовъ возникло и городское право ***, въ началѣ похожее на дикіе нравы порабитителей Италіи; но развившее новыя понятія объ уголовныхъ законахъ.

На югѣ Италіи, въ той части этой страны, которую нѣкогда называли Великою Греціею, Юстиніановы законы имѣли мало вѣсу и замѣнены были Кодексомъ Феодосія (328 года, послѣ Рождества Христова), дополненнымъ впоследствии нѣкоторыми постановле-

* Mayer über Römische Recht und neue Gesetzgebung, 1839 года. — *Révue étrangère et française de législation*, 1839 года, стр. 749.

** Savigny, System des heutigen Römischen Rechts.

*** Тѣмъ автономическаго городского права могутъ служить законы республики Санъ Марино.

ніями Василікъ * и лонгобардскихъ законовъ, римское же право было однимъ придаточнымъ источникомъ.

Между-тѣмъ христіанская вѣра установила особенную власть, вначалѣ касавшуюся прошенія грѣховъ, а потомъ привлекущую къ себѣ и частныя дѣла, бывшія въ связи съ догматами вѣры, и образовала новое уголовное (каноническое) право. Политизмъ имѣлъ эпоху блистательную только въ юношествовѣ роду человѣческаго, когда роскошь и изнѣженность не подавили еще корней добра.—Были умы великіе, характеры возвышенные, но философія того времени не убѣждала сердца; одна христіанская религія могла возвратить утраченное достоинство человѣка. — Языческая вѣра заклещала кандалы рабства, увѣковѣчивала междоусобіе, обращая фанатизмъ народный въ народную ненависть; религія Христа Спасителя внушила любовь къ человѣку, безъ различія племени и вѣроисповѣданія, и право народное возникло на развалинахъ римскаго гражданскаго права; язычество вело къ неравенству состояній: самъ вдохновенный Платонъ населяетъ свою мечтательную республику рабами, Аристотель видѣлъ въ нихъ одно оружіе полезное господину, не одаренное разумомъ **; Священное же Писаніе, проповѣдуя духовное братство, ставитъ нравственное достоинство выше всѣхъ свѣтскихъ отношеній; древнее просвѣщеніе плодило недовѣріе и злобу: чужеземецъ и гражданинъ, господинъ и его рабъ, богатый и бѣдный, были всегдашними врагами; христіанская же религія, вмѣсто силы, дѣйствуетъ милостію, человѣколюбіемъ; по древнему римскому праву женщины были рабами отъ колыбели до могилы; въ юности отецъ и братъ,

* Названіе это дано было вообще уложеніямъ, изданнымъ греческими императорами, которые часто смѣшиваютъ съ переводами и измѣченіями Юстиніановыхъ законовъ, предпринятыми Василіемъ Македонскимъ и окончательно изданными при Константинѣ Порфирородномъ.

** Aristot. pol. книга I, гл. ij, § 13.

въ супружествѣ—мужъ, послѣ его смерти наслѣдникъ, были всегдашними ихъ властелинами; христіанская религія возстановила ихъ назначеніе, смягчивъ родительскую власть, сравнивъ сестеръ съ братьями, и давъ мужу вмѣсто рабыни подругу; древнія законодательства мало заботились о частномъ благоденствіи: въ семейной жизни все относилось къ лицу родоначальника, въ общественной—къ пользѣ племени, въ дѣлахъ государственныхъ—къ пользѣ народа; христіанская же религія частное благоденствіе ставитъ условіемъ общественной пользы.

Исторія Италіи, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, представляетъ элементы уголовного права болѣею частію чужеземные. Въ тѣхъ областяхъ, которыя были подчинены Германіи, какъ-то: въ Миланѣ, великомъ герцогствѣ тосканскомъ дѣйствовало уложеніе Карла Пятаго, въ Сициліи, переходившей попеременно то подъ власть Испаніи, то подъ власть Франціи, — законы этихъ обоихъ государствъ; но въ папскихъ владѣніяхъ, менѣе подвергшихся порабощенію, установилось туземное законодательство: *Bandi generali*, Уставы папами изданные. Когда же послѣ утрехтскаго мира дано Савоіи самостоятельное бытіе, то и это государство получило особенное, собственное уложеніе, *il codice Villoghiano*, изданное Викторомъ Амедеемъ Вторымъ въ 1723 году, и исправленное при королѣ Эммануилѣ *.

Особенно островъ Сардинія замѣчательнъ своимъ законодательствомъ. Исторія упоминаетъ о принцессѣ Элеонорѣ, владѣтельницѣ Арбореи—одного изъ округовъ этого острова (нынѣ Ористано), издавшей въ концѣ четырнадцатаго столѣтія уголовное уложеніе, (*Carta de Logu*) которымъ отмѣненъ былъ окупъ преступленій, обращено особенное вниманіе на предупрежденіе ихъ, и въ которомъ находятся слѣды учрежденія

* Ortollan, Cours de législation comparée, стр. 102.

денія присяжныхъ судей. Сардинія имѣла уложеніе еще прежде этого изданное (1316), подъ названіемъ Статута Сассари. Послѣ паденія маленькаго королевства Арборен, Сардинія, состоявшая во владѣніи арагонскаго дома, заимствовала свое законодательство изъ источниковъ чужеземныхъ: испанскихъ и другихъ. Всѣ они замѣнены въ 1827 году уложеніемъ Карла Феликса *.

При упадкѣ въ силахъ государственныхъ и народномъ образованіи, Италия сохранила любовь къ законовѣдѣнію. Вико, Бекарія, Филанджіери, пролившіе столь яркій свѣтъ на эту науку, имѣютъ достойныхъ преемниковъ въ Карминіани, Николини, Кремани, Ризи. Она прославилась даже юристомъ-вѣнценосцемъ, Леопольдомъ Вторымъ; и гдѣ же, какъ не у источника римскаго и каноническаго правъ, должно процвѣтать законовѣдѣніе. Форумъ и теперь служитъ вдохновеніемъ къ высокому и полезному.

Нынѣ край этой состоитъ подъ вліяніемъ французскихъ законовъ, внесенныхъ Наполеономъ, дѣйствовавшихъ хотя и временно (съ 1808 по 1814 годъ), но пустившихъ глубокіе корни.

Уголовное уложеніе королевства Обѣихъ Сицилій (двадцать-перваго мая 1819 года) много усовершенствовало правила кодекса Наполеона, установивъ, что покушеніе наказывается съ мѣньшею строгостью нежели самое совершеніе зла, содѣйствовавшіе преступленію слабѣе нежели самые виновники и допустивъ гораздо чаще обстоятельства уменьшающія вину; но все-еще сохранило строгость несоотвѣтствующую духу времени **. Уложеніе Пармы (пятаго ноября 1820 года) уже обличаетъ заимствованіе изъ германскихъ законовъ и

* *Revue de Droit Français et étranger*, par Félix, 1844, стр. 335—373.

** *Carofari, Commentario sulle leggi penali. Napoli, 1819.* — *Nicolini, Quisizioni, di dritto, 1836—1839.*

гораздо менѣе строго нежели неаполитанское. Сардинское же (двадцать-шестого октября 1839 года) имѣть несравненно болѣе полноты и улучшенныхъ правъ о вменяемости вины. Оно пополнено воинскимъ уставомъ *. Въ папскихъ владѣніяхъ издано уложеніе въ 1832 году.

Ломбардо-венеціанскія области получили съ 1816 года законы австрійской имперіи; въ Тосканѣ дѣйствуютъ законы, изданные въ 1786 году, Леопольдомъ Вторымъ, пополненные въ 1795 году Фердинандомъ Третьимъ и постановленіями двадцать-осьмого іюня 1816, о воровствѣ и третьяго августа 1838 года объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ и порядкѣ слѣдствій **, изъ которыхъ последнее представляетъ важное новое правило, что судъ можетъ произнести смертный приговоръ не иначе, какъ по единогласному мнѣнію судей. Нововведеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что значительное смягченіе наказаній въ великомъ герцогствѣ тосканскомъ не умножило числа преступленій.

ФРАНЦІЯ.

До порабощенія Галліи Римлянами, обитаема она была разноплеменными народами: Лигурійцами — около Средиземнаго Моря; Аквитанцами около Окана, между Гаронною и Пиренеями; Кельтами, внутри нынѣшней Франціи до Рейна; и Бельгійцами — на сѣверѣ. Финикіянѣ, Карфагенцы были съ ними только въ торговыхъ сношеніяхъ; но Греки имѣли болѣе вліяніе на гражданское образованіе и законы этого края.

* Codice penale militare per gli stati di S. M. Rè di Sardegna, 20 іюня 1840 года.

** Kritische Zeitschrift für Rechts wissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, T. V, стр. 115, T. VI, стр. 80. — Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer, 1841 года, стр. 137. — Ortolan, Cours de législation comparée, стр. 258.

Марсаль, колонія Фокенъ, имѣлъ аристократическое правленіе, сенатъ, исполнительный комитетъ, и скрижали іоническихъ законовъ. По завоеваніи Галліи Римлянами, хотя они ввели тамъ свое право, но сохранили силу многихъ мѣстныхъ обычаевъ и право суда, данное Друидамъ *. Примушества, присвоенныя некоторымъ городамъ, ввели тамъ многіе обряды судопроизводства римскаго. Примушества эти образовали особенное право, названное *Jus Italicum* **.

Институты Каія, кодексъ Феодосія были главными тогда руководствами; уложеніе же Аларика Второго имѣвшаго столицу своихъ владѣній въ Тулузѣ, дало силу закона многимъ постановленіямъ римскаго права, вошедшимъ въ то уложеніе. Въ предисловіи даже сказано, что Аларикъ ихъ исправилъ. На сѣверѣ Франціи, принявшемъ столько разнородныхъ германскихъ племенъ, дѣйствовали вначалѣ два главные закона: салическій и римскій. Франки слѣдовали первому, а древнѣйшіе жители этого края послѣдному. Съ новыми племенами явились законы Рипуаровъ, Бургиньоновъ и другихъ народовъ. Карлъ Великій обнарудовалъ новое изданіе уложенія Алариха. Въ тринадцатомъ столѣтіи Людовикъ Святой принесъ еще большую дань римскому праву, признавъ его общимъ основнымъ источникомъ. Этому государю законодательство обязано и уничтоженіемъ судебныхъ поединковъ. Между-тѣмъ мѣстные обычаи болѣе и болѣе распространялись такъ, что раздѣленіе закона на письменный и обычаемъ введенный (*pays de droits et pays de coutume*) вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ. Но какъ этотъ послѣдній не имѣлъ ни общности, ни основныхъ коренныхъ правилъ, то римское право служило связью для всѣхъ отдѣльныхъ

* Savigny, *Geschichte des Römischen Rechts*, т. I, гл. j.

** *Revue de Législation et de Jurisprudence*, par Wolowsky, т. VII, стр. 105.

предметовъ частныхъ постановлений: *Seriatum ubique jus romanum non ratione imperii sed rationis imperio*. Источникомъ обычаевъ были, по мнѣнію большей части юристовъ, не германскіе законы *, но феодальное право, состоявшее подъ вліяніемъ феодализма другого рода владычества папъ. Посреди такого правленія короли были только старшими властителями, подчиненными папъ, и не прежде какъ при Филиппъ Второмъ свергнуто это иго, тяготившее Францію. Людовикъ Святой нанесъ разрушительный ударъ феодализму, присвоивъ единственно себѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ тяжбъ (*cas royaux*), а Людовикъ Одиннадцатый навсегда уничтожилъ этотъ источникъ междоусобія и государственнаго безпорядку. Людовикъ Двѣнадцатый запретилъ излагать слѣдствія на латинскомъ языкѣ, а при Францискъ Первомъ (1539 года) всѣ дѣла уже производились на отечественномъ. Особенно важны постановленія Людовика Четырнадцатаго о судопроизводствѣ уголовномъ (1672 года) и уставъ о мореходствѣ, какъ части, въ которой развиваются многіе предметы, до уголовного законодательства относящіяся. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, когда крестовые походы привели въ движеніе всѣ европейскіе народы, составилось само по себѣ народное морское право (*le Consulat de mer*), собраніе постановленій греческихъ и германскихъ императоровъ, королей французскихъ и испанскихъ, республикъ венеціанской и генуэзской, принятое почти повсемѣстно въ руководство въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ **. Франція имѣла однако свой особенный мореходный законъ, составленный въ Руанѣ (*le quidon de la mer*), а уставъ Людовикомъ Четырнадцатымъ изданный, въ 1681 году, усовершенствовалъ эту отрасль законодательства до того, что служилъ типомъ

* *Histoire du Droit Français*, par Laferrière, т. 1, стр. 86.

** *Histoire du Droit Français*, par Laferrière т. 1, стр. 456.

для всѣхъ другихъ государствъ, особенно для Испаніи и Англіи. Такимъ образомъ до переворота, послѣдовавшаго при революціи, Франція имѣла пять главныхъ элементовъ законодательства: давніе мѣстные законы, римское и каноническое права, обычаи, и королевскіе указы *.

Въ 1791 году, шестнадцатаго сентября, издавъ законъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, двадцать-пятаго сентября уголовное уложеніе, начертанное отличнымъ юристомъ Лепелльтіе де Сень-Фаржѣ. Въ то же почти время, по проекту врача Гиліотёна, введенъ новый образъ смертной казни. Уложеніе 1795 года подъ названіемъ: *des delits et des peines*, въ существѣ представляетъ болѣе преобразование судопроизводства, нежели полный уголовный кодексъ; потому что заключаетъ въ себѣ 593 статьи о судопроизводствѣ и только 53 объ уголовныхъ законахъ. Уложенія эти во многомъ не соответствовали видамъ Наполеона.

Приступивъ въ 1801 году къ составленію новаго уложенія, издавнаго въ 1810 году, Наполеонъ употребилъ къ тому первѣйшихъ юристовъ, каковы: Висларъ, Гаржѣ, Блондель, Локрѣ, Треліаръ, Реоль, Форъ и Удуаръ; но они не устояли передъ желѣзною волею завоевателя и новое уложеніе его далеко отъ совершенства; самый законъ 1832 апрѣля двадцать-осьмага, преобразовавшій прежніе законы, мало исправилъ ихъ недостатки, тѣмъ болѣе вредные, что эти законы или усвоены были государствамъ, поработеннымъ Наполеономъ, или послужили тамъ вреднымъ образцомъ **. Въ Италіи, по порученію его занимался составленіемъ новаго уложенія Романіози; въ Голландіи братъ его, Людовикъ, издавъ, тридцать-перваго декабря 1808 года, кодексъ, со-

* См. Энциклопедію Неволина, т. II, § 931—943.

** По этому образцу составлено особое уложеніе для острова Сень-Доминго.

ставленный по французскому уложению 1791 года; но два года спустя съ присоединеніемъ ея къ Франціи, онъ замѣненъ французскими уставами 1800 и 1810 годовъ. Въ Швейцаріи кодексъ Гельветической республики, начертанный по примѣру того же уложенія 1791 года, обнаруженъ въ 1799 году; но съ 1803 года каждый кантонъ получилъ независимое законодательство и за тѣмъ Женева, Ваатландъ приняли законы Наполеона. Тому же подверглись провинціи лѣваго берега Рейна, Польша и Испанія, и хотя, съ освобожденіемъ этихъ государствъ отъ ига Франціи, отвергнуты и законы имъ чуждые, но это не могло произойти безъ потрясенія, вреднаго по нѣкоторымъ худымъ примѣрамъ, но полезнаго въ отношеніи тѣхъ преобразованій, которыя время указало нужными и того стремленія къ усовершенствованію, которое содѣлалось столь ощутительнымъ въ наше время *.

Въ самой Франціи кодексъ Наполеона имѣлъ чрезвычайно вредныя послѣдствія. Присяжные судьи возстали противъ непоумѣрной строгости наказаній и освобожденіемъ виновныхъ отъ суда уклонялись отъ приговора ихъ. Въ 1824 году (двадцать-пятого іюля) изданъ былъ законъ о наказаніи нѣкоторыхъ видовъ воровства исправительными мѣрами и правъ данномъ камераламъ ассизовъ по двѣоумерщвленію, тѣлеснымъ поврежденіямъ и воровству полагать, при смягчающихъ вину обстоятельствахъ, вмѣсто узаконеннаго наказанія вѣчно значительное; но эта полумѣра не имѣла успѣху. Больше пользы ожидали отъ закона 1832 года о предоставленіи присяжнымъ судьямъ права объявлять, что дѣло представляетъ обстоятельства, уменьшающія вину. Но опытъ показалъ, что присяжные судьи во зло употребляютъ эту власть; потому что число дѣлъ, по которымъ допущены тѣ обстоятельства, постепенно возрастаетъ:

* Ortolan, Cours de législation comparée, 1841 г., стр. 245—250.

въ 1833 изъ 4,108 обвиненныхъ воспользовались этимъ 1,725, въ 1837 изъ 3,855 — 2,673, въ 1838 изъ 4,087 — 2,775 *, то есть, 68 на 100, въ 1841 изъ 4,115—2,831, — 69 на 100. Впрочемъ, количество освобожденныхъ отъ суда значительно уменьшилось:

Въ 1826 году число ихъ состояло какъ	46—100.
1831.....	40.
1833.....	39.
Съ 1836 до 1838.....	36.
1840.....	33.

Факты эти открываютъ, что если законъ 1832 года, съ одной стороны далъ поводъ къ произвольному смягченію наказаній, то съ другою уменьшилъ ненаказанность. Между-тѣмъ вниманіе правительства обращено было на вредную систему наказаній и опыты, дѣланные въ усовершенствованіи пенитенціарной системы.

Замѣчательно, что бѣольшая часть сочиненій о пенитенціарной системѣ полагаютъ необходимымъ сохранить и при ней смертную казнь. Правительство, собравъ официальные свѣдѣнія о поведеніи освобожденныхъ изъ тюремъ, убѣдилось въ ихъ несправимости, равно какъ и въ томъ, что полицейскій надзоръ, надъ ними учреждаемый, не можетъ служить вѣрнымъ отъ нихъ охраненіемъ. Учрежденныя вслѣдствіе того особенныя тюрьмы для несовершенно-лѣтнихъ и особенно возникающая колонія преступниковъ въ Метрѣ **, — плоды этихъ опытовъ. Проектъ о тюрьмахъ, представленный камерамъ въ 1843 году, — также результатъ этого: въ немъ предполагается уничтожить ссылку на галеры, изъ которой ежедневно воз-

* De L'Aulx, Des circonstances atténuantes, Colmar 1840. — St. Albin, Logique judiciaire, ou Traité des arguments légaux. Paris, 1841.

** Lauvergne, Des forçats considérés dans le rapport psychologique, moral et intellectuel, observés au bagne de Toulon, Paris, 1841.

вращаются необузданные, ожесточенные преступники — ужасъ гражданъ, беззащитныхъ отъ этихъ скрытыхъ враговъ общества, и совершеннымъ уединеніемъ содержащихся подъ стражею достигнуть до нихъ нравственнаго исправленія *.

ИСПАНІЯ.

Государство это, составленное изъ многихъ державъ, различныхъ по происхожденію и нравамъ, имѣло вначалѣ и разнородные законы, которыхъ остатки видны еще и нынѣ въ древнихъ привилегіяхъ Астуріи, Леоны, Наварры, Бискаіи, Кастиліи, Арагоніи, Валенсіи и Каталоніи.

Двѣ важныя историческія черты отличаютъ законодательство этого края: нигдѣ законы не опираются на столь твердыхъ туземныхъ элементахъ, ни въ одномъ государствѣ среднихъ временъ полный кодексъ не появлялся такъ рано, какъ въ Испаніи *.

Готы, нѣкогда приведшіе въ трепеть Европу, съ осѣдлостью потеряли всю самобытность и совершенно слились съ народами, ими поработченными; но въ законахъ этого края сохранились многіе изъ первобытныхъ ихъ обычаевъ. Король Эрикъ (484 года) въ концѣ пятаго столѣтія сдѣлалъ сборникъ этихъ обычаевъ, Аларикъ Второй издалъ книгу законовъ для подвластныхъ ему Римлянъ (506 года) *Breviarium Alaricianum*, составленную римскими юристами по образцу кодекса Феодосіева. Но когда Весть-Готы, вытѣсненные Фран-

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer, zweiter Beitrag, стр. 244, 255.

* Лучшее сочиненіе о законахъ Готовъ издалъ Амараль, подъ заглавіемъ *Memorias de literatura portugesa, 1782—1812*. Уставъ этотъ содержитъ: а) 16 книгъ кодекса Феодосіева, б) Новеллы, в) Институты Каіа, д) Пять книгъ (*rescriptae sententiae*) Павла, е) Нѣсколько главъ кодекса Грегориана, ф) Отрывки кодекса Гермогіана, г) и отрывокъ Паппіана.

камъ въ Испанію, навсегда тамъ водворились, то сборникъ Эрика и уставъ Аларика должны были необходимо составить одно цѣлое, которое соответствовало бы народному стремленію къ единству. Съ этою цѣлью въ половинѣ седьмага столѣтія составлено первое уложеніе Испаніи (*Forum Judicium*), усовершенствованное въ 700 году, и получившее полное развитіе при Шиндасѣтѣ въ сводъ, назвавшемся *Codigo de las leyes, Libro de las leyes, libro de los juzgos, libro de los Godos*, и извѣстномъ съ тринадцатаго столѣтія подъ названіемъ *Liber judicium* или *Fuero juzgo* *, единственномъ полномъ хранилищѣ законовъ Готевъ; потому что прочіе памятники ихъ представляютъ или отдѣльныя частныя учрежденія, или привилегіи **, уложеніе замѣчательное и тѣмъ, что къ каждому закону приводятся причины, побудившія къ установленію его ***.

Между-тѣмъ отдѣльно развивалось въ Испаніи муниципальное право (*Fueros municipales*). Древнѣйшій уставъ о городскихъ правахъ данъ былъ Альфонсомъ Пятымъ городу Леону въ 1020 году, содержащій въ себѣ много уголовныхъ законовъ. Впослѣдствіи подобныя уставы получили и другіе города. Последнее изъ нихъ *Fuero viejo de Castilla* было замѣнено уложеніемъ *Fuero Real*, но съ уничтоженіемъ этого уложенія въ 1272 году оно вновь возымѣло силу.

Юстиніанъ Испаніи, Альфонсъ Мудрый, сблизилъ эти

* *Marina. Essayo Historice. — Histoire d' Espagne, par R. S. Hilaire. T. I, стр. 194.*

** *Turch. Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte. 1829. — Gans. Das Erbrecht in Welthistorischer Entwicklung. T. III, 1839. — Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. T. III, стр. 324. — Elementos del Derecho civil y penal de España. Precedido de una reseña historica de la legislacion espannoia. Por los doctores Pedro Gomez de la Serna y Don Juan Manuel Mantalvan, catedraticos de Ceyes en la Universiteta de Madrid. 1810 — 1842. — Kritische Zeitschrift. XVI Band, 331.*

*** *Histoire d'Espagne, par St.-Hilaire. T. 1, стр. 401.*

разнородных узаконенія, издавъ: 1) въ 1254 или въ 1255 году зеркало законовъ (Espejo) для городовъ Леона и Кастили, извлеченное изъ предшествовавшихъ городовыхъ положеній; 2) Fuero Real въ началъ 1234 года, которое постепенно сдѣлаюся закономъ всей Кастили, составленное изъ Fuero juzgo и статутовъ некоторыхъ городовъ; и 3) Siete partidas, начатое въ 1256 и оконченное около 1265 года (вначалъ называлось это уложеніе Libro de leyes и Fuero de los leyes и по количеству книгъ Setenarie), получившее силу закона не прежде времени царствованія Альфонса Одиннадцатаго, и представляющее родъ пандектовъ испанскаго права. Государь этотъ сообщилъ кортесамъ, въ 1348 году, новое учрежденіе, называемое Ordenamiento de Alcalá, имѣвшее цѣлю дать прочныя общіе законы, но какъ оно не обнимало всѣхъ предметовъ, о которыхъ прежде изданы были законы, то отъ столкновенія съ этими законами противорѣчія между законами умножились. Двадцать-восьмая глава этого учрежденія показываетъ порядокъ примѣненія вышеупомянутыхъ источниковъ законодательства: всѣмъ другимъ предпочтается ordenamiento, за нимъ Fuero Real, совмѣстно съ городовыми положеніями, и потомъ Siete partidas. Тридцать-вторая глава представляетъ родъ публичнаго права того времени. Де вступленіи на престолъ католическихъ королей усовершенствованіе законодательства предоставлено было юристамъ; только при Донъ-Педръ преобразовано упомянутое выше Fuero viejo. При католическихъ короляхъ явились два замѣчательныя постановленія, Ordenamiento de Montalvo и Leyes de Toro. Первое было составлено известнымъ юристомъ Montalvo, по порученію правительства и впоследствии получило силу закона; последнее издано въ 1505 году королевою Изабеллою въ видъ разрѣшенія (Decisiones) противорѣчій, существовавшихъ между прежними законами. Вся эти преобра-

законѣ были однако недостаточны. Наконецъ въ 1567 году явилось новое уложеніе, бывшее до 1777 года нѣсколько пополненными, но мало усовершенствованными, изданіи. Самый послѣдній Сводъ законовъ, составленный въ 1805 году, *Novissima Recopilacion*, также имѣетъ большіе недостатки.

Изъ всѣхъ этихъ источниковъ главнѣйшими признаны должны: *Enego juzgo, Siete partidas* и *Recopilacion de las leyes* 1567 года, вѣрно отражающія на себѣ важныя современныя историческія событія. Первое — эпоху Готтовъ и чистое автономическое право, второе — эпоху феодализма и господствованіе римскаго права, третье — борьбу государственныя силы (*complacidos*) съ могущею монархическою властію и, по всей вѣроятности, вліяніе германскаго права, которое современномъ преобразованіи изданій въ Каролинъ не могло быть упомянуто изъ виду Карломъ. Пятымъ при усовершенствованіи испанскихъ законовъ.

Испанія, некогда бывшая богатѣйшею странною Европы, находившаяся въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми державами, и издавшая законы мореплаванія (постановленія Барселонны), имѣвшие большой авторитетъ во всей Европѣ, отстала отъ успѣховъ прочихъ государствъ.

Въ 1822 году было принято кортесами новое уголовное уложеніе, но съ восстановленіемъ королевскаго неограниченнаго правленія въ 1823 году оно было отменено ***.

ПОРТУГАЛІЯ.

Испанскіе, римскіе и испанскіе законы составляютъ основу уголовныхъ преобразованій въ Португаліи.

* * * *Otténant*, Cours de législation comparée; стр. 258. — *Histoire du Droit Français*, par Laferrière: T. I, стр. 438.

** Azuni. *Système universel de principes du Droit maritime*.

*** Introduction aux Codes de commerce et de procédure d'Espagne, par Foucher.

Въ кодексъ Альфонса Пятаго, изданномъ въ 1446 году, казано: первое, отечественное право должно быть предпочитаемо всѣмъ прочимъ источникамъ; второе, при недостаткѣ его слѣдуетъ обращаться къ римскому и каноническому правамъ; третье, когда они противорѣчатъ между собою, послѣднее имѣеть преимущество передъ первымъ; четвертое, при неполнотѣ того и другаго приѣмлются Глоссы Аккурція; пятое, когда же и эти будутъ недостаточны, руководствоваться мнѣніемъ Бартоля. Этотъ фактъ показываетъ, какъ сильно было тамъ вліяніе римскаго права, которое и нынѣ служитъ вспомогательнымъ источникомъ законовъ этого края *.

Съ установленіемъ королевской независимой власти (1145) въ Португаліи издано и уложеніе (Lamego), поставившее это государство въ нравственномъ отношеніи выше другихъ державъ. Небольшое число уголовныхъ законовъ, заключающихся въ этомъ уложеніи, чуждо жестокостямъ того времени; они не допускаютъ искупа деньгами за жизнь человѣка, не упоминаютъ о лишениіи глаза за глазъ, руки за руку (*peine du talion*). Царствованіе Діонисія (1279—1323) было уже блестящею эпохою просвѣщенія этого края и сообщило успѣхи его законамъ. Іоаннъ Первый, желая усвоить отечественнымъ законамъ стройность кодекса Юстиніана, велѣлъ перевести его на португальскій языкъ **. Сынъ его Генрихъ, прозванный Мореплавателемъ, далъ первый понятія о морскихъ постановленіяхъ. При Іоаннѣ Второмъ уничтожено право частнаго суда. Съ присоединеніемъ же Португаліи къ Испаніи (1581) туземныя законы охраняемы были отъ нововведеній, обѣтанныхъ Филиппомъ Вторымъ—не нарушать ихъ силы, и въ періодъ этого присоединенія они гораздо меньше измѣнились нежели втеченіи управления знаменитаго

* Kritische Zeitschrift. T. VII, стр. 327.

** Chamel de Stella. Essai sur l'histoire de Portugal.

Помбала, вынужденнаго обстоятельствами усилить строгость уголовныхъ мѣръ, и въ послѣднее время политическихъ переворотовъ этого государства, при которыхъ французскіе и англійскіе законы служили авторитетомъ.

II. Объ уголовномъ законодательствѣ сѣвера.

Народныя силы Швеціи, Даніи и Норвегіи развились гораздо медленнѣе нежели въ Германіи. Просвѣщеніе ихъ не было прерываемо въ его ходѣ, и для нихъ какъ-бы не существовало періода среднихъ временъ. Оно явилось, какъ сѣверное лѣто, почти безъ весны: феодальная и муниципальная система привиты были этому краю тогда, когда всѣ элементы для того нужные уже созрѣли, безъ перелома, безъ борьбы, такъ много стоившихъ другимъ державамъ; самые уставы Церкви переданы были сѣверу въ формѣ уже сближенной съ тогдашнимъ его бытомъ: поэтому и памятники законодательства этихъ государствъ вѣрно выражаютъ первобытный характеръ Скандинавовъ; они писаны на языкѣ туземномъ и поясняются даже въ Сагахъ разказами о событіяхъ этихъ народовъ, населившихъ своими колоніями многія области Франціи и Англии, которыхъ странствователи заимствовали изъ Италіи и Константинополя успѣхи современнаго просвѣщенія, и которыхъ мореплаватели нѣсколькими столѣтіями опередили Христофа Колумба въ открытіи Америки.

ИСЛАНДІЯ.

Въ концѣ осьмага столѣтія многіе Норвежцы, преслѣдуемые королемъ Гаральдомъ, переселились въ Исландію и учредили тамъ многія независимыя общества

которыхъ уставы имѣли вліяніе на просвѣщеніе всего сѣвера. Новыя нужды породили новыя идеи, и подобно тому какъ растеніе, пересаженное на новую почву выпускаетъ новыя корни, Исландія къ учрежденіямъ прежней отчизны присоединила новыя законы, бывшіе ядомъ, не случая, не безотчетной воли, но попеченій и опыта особенныхъ блюстителей правильного ихъ приѣненія. Знаменитѣйшій изъ этихъ сановниковъ, Ульфіотъ, посланъ былъ въ Норвегію для изученія тамошнихъ законовъ, и, бывъ втеченіи трехъ лѣтъ назидателемъ Торлейфомъ Мудрымъ, составилъ, при помощи вожда Грима Грейтспора, новое учрежденіе (въ 928 году), которому слѣдовала вся Исландія, хотя раздѣлилась на четыре области, независимыя въ политическомъ отношеніи; но въ видахъ законодательныхъ имѣвшія общія народныя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ лица, имѣвшаго на всю жизнь призваніе провозглашать законы и пояснять ихъ народу. Правила, на этихъ совѣщаніяхъ основанныя, переходя изустно, содѣйствовали издавію въ 1117 году письменнаго сборника законовъ, подъ названіемъ Гафлithъ Скра (Hafliith Sgra) и занимающаго главную часть другаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Грагасъ (Gragas) *, изъ котораго многія постановленія перешли при Ролмонъ и въ законодательство Нормандіи **. Съ 1261 года Исландія присоединена къ Норвегіи и въ 1280 получила уложеніе ея названное Ionsbok ***; съ 1387 года она присоединена къ Даніи.

НОРВЕГІЯ.

Спиттлеръ упоминаетъ, что Норвегія имѣла, въ древнія времена, конфедеральное управленіе. Надъ каждымъ

* Wilda. Das Strafrecht der Germanen; стр. 12—18.

** Revue de Droit français et étranger, par Felix, 1814, стр. 633—640.

*** Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslândes. T. I, стр. 476.

племенемъ, или кланомъ, ~~начальствовалъ~~ ~~начальствовалъ~~ особый вожь, подчиняясь общему королю (Oberkönig). Вся Норвегія раздѣлялась на четыре области, имѣвшія каждая свои письменные сборники законовъ. Саги упоминаютъ о короляхъ Гаральдъ Первомъ, Гарфагеръ (836—934), Гаконъ-Добромъ (940—963), Олафъ-Святомъ (993—1000), Магнусъ-Добромъ (1033—1047)*, начертавшихъ законы по совѣщанію съ лицами, извѣданными въ ихъ познаніяхъ**; но изъ всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ Норвегіи и донынѣ уцѣлѣвшихъ, замѣчательнѣйшимъ почитается уставъ, въ 1274 году изданный, при Магнусъ, совокупившій въ одинъ составъ право обычая означенныхъ областей и во многомъ однородный уложенію, обнародованному въ Даніи Вольдемаромъ Вторымъ, въ 1240 году. Въ 1604 году сдѣланъ новый сводъ; съ присоединеніемъ же Норвегіи къ Даніи, при Христіанъ Пятомъ, введено тамъ изданное имъ уложеніе въ 1683 году***. Съ-тѣхъ-поръ приостановилось дальнѣйшее развитіе туземнаго законодательства и основанія, принятыя съ 1834 года къ составленію уложенія, обнародованнаго въ 1842 году (двадцатаго августа) заимствованы преимущественно изъ германскихъ уложеній. Оно вообще хотя представляетъ важныя нововведенія, (какъ то: согласованіе пенитенціарной системы съ наказаніями, отъмену лишенія чести и наказанія за покушеніе на маловажныя преступленія), однако представляетъ еще излишнюю строгость и слишкомъ большія ограниченія касательно приговора судей****.

* Histoire des peuples du Nord, par Wheaton. — Introduction, par Quétin; стр. LXI.

** Wilda. Das Strafrecht der Germanen; стр. 20—26.

*** Revue étrangère. T. I, 3-me année, p. 1.

**** Eritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes; 1841, стр. 89—114.

ШВЕЦИЯ.

Древнюю Швецію населяли два германскія племени: Готы и собственно Шведы, надъ которыми главою былъ общій король (Oberkönig). Первое имѣло осядлость на югъ, второе въ средней полосѣ этой страны. Короли были избираемы, самый народъ имѣлъ представителей (лангмановъ) подобно трибунамъ, защищавшихъ его права и вмѣстѣ бывшихъ хранителями и блюстителями исполненія законовъ. Вильда относитъ древнѣйшее собраніе законовъ западныхъ Готеовъ къ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія, времени укорененія христіанской религіи и соединенія Готеовъ и Шведовъ подъ одну державу; собраніе же законовъ восточныхъ Готеовъ къ тринадцатому столѣтію.

Упландскій законъ сѣверныхъ Шведовъ 1296 года отличается отъ вышеупомянутыхъ готскихъ сборниковъ тѣмъ, что былъ утвержденъ и изданъ самимъ королемъ, но также по совѣщанію съ лангманами. Законъ этотъ послужилъ образцомъ и для уставовъ многихъ другихъ областей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ законодательство острова Готланда. Подобно Исландіи оно составилось вначалѣ независимо отъ монархической власти, а по мѣстности было отчасти шведское, отчасти германское. Готландъ и особенно городъ Висби, были мѣстомъ складки ганзейскихъ товаровъ и потому въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Германіею. Вильда относитъ дошедшее до насъ собраніе этихъ законовъ въ одиннадцатому столѣтію. Вся эти источники совершенствовались болѣе туземными опытами и образовали послѣднее уложеніе, изданное въ 1734 году*, далекое отъ современныхъ успѣховъ, но замѣчательное какъ послѣднее выраженіе законодательства сѣверныхъ народовъ. Проектъ составленный

* Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes T. XII, стр. 325.

въ 1834 году, указываетъ, что общественное мнѣніе этого края видитъ въ хорошей системѣ тюремнаго заключенія важнѣйшее средство къ составленію уголовного кодекса; мнѣніе объ этомъ предметѣ, поддержанное сочиненіемъ (*Om straff och straff-anstalter*), изданнымъ царствующимъ нынѣ королемъ Оскаромъ Первымъ*.

ДАНІЯ.

И въ Даніи законодательная власть вначалѣ (до 1020 года) принадлежала народу, въ послѣдствіи изъ монархическо-демократическаго правленія она перешла въ аристократическо-монархическое. Давніе ея законы (*schœnisches Gesetz*) представляютъ сліяніе шведскихъ законовъ съ туземными. Они сохранились въ частномъ сборникѣ, самый же давній памятникъ законодательства этого края — уставъ, изданный Канутомъ-Великимъ для его тѣлохранителей, по завоеваніи Англіи. Сверхъ-того Данія имѣетъ еще три источника законодательства: два зеландскіе сборника и ютландское уложение (*Das julische Gesetzbuch*). Последнее издано въ 1241-мъ году.

Въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, владѣнія датскаго короля могутъ быть раздѣлены на два народа: одинъ собственно датскій, другой германскій. Черта, отдѣляющая эти два народа, имѣла значительное вліяніе и на законодательство Даніи. Въ первую часть никогда не проникало римское право; въ Гольштиніи и Лауэнбургѣ оно приемлетъ придаточнымъ источникомъ. Важнѣйшія древнія германскія узаконенія этого края суть Саксонское Зерцало (*Speculum Saxonicum*), право

* Kappfer, Handbuch der Litteratur des Criminalrechts; стр. 139. — *Kritische Zeitschrift*. Т. V, стр. 186. — *Archiv des Criminalrechts*, 1835, стр. 417. — Wilda. *Das Strafrecht der Germanen*; стр. 26 — 51. — *Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung*. Erster Beitrag, 153.

обычая Дитмара (*Ditmarse Landrecht*) начертанное въ 1567 году и статуты города Любека, принятые за законъ во всѣхъ почти городахъ Гольштейна и Лауэнбурга. Герцогство Шлезвигъ, какъ давнее датское достояніе, имѣло закономъ вышеозначенное уложеніе 1241 года. Уголовное уложеніе Карла Пятаго въ качествѣ закона германской имперіи, получило силу и въ Даніи. Последнее уложеніе издано въ 1683 году при Христіанѣ Пятомъ (*Danske Low*). Оно обратило на себя общее вниманіе и послужило образцомъ для уложенія изданнаго въ Швеціи въ 1734 году; оно же имѣетъ силу и въ датскихъ колоніяхъ.

Уже въ 1800 году учреждена комиссія для начертанія новаго уложенія. Нынче въ ней участвуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ юристовъ—Эрстедъ. Замѣчательно различіе общественнаго мнѣнія, обнаружившагося касательно строгости наказанія, при совѣщаніяхъ о новомъ уложеніи: для Ютландіи требовалось усугубленіе строгости, тогда какъ комиссія Шлезвига и Гольштиніи находила ихъ слишкомъ жестокими. Впродолженіи занятій означенныхъ комиссіи обнародованы отдѣльные законы: тридцатаго марта 1827 года объ отбѣнѣ ссылки, четвертаго октября 1833 о преступленіяхъ противъ свободы гражданъ и тѣлесныхъ поврежденіяхъ, одиннадцатаго апрѣля 1840 о воровствѣ, пятнадцатаго апрѣля 1840 о лжесвидѣтельствѣ и лжеприсягѣ *.

АНГЛІЯ.

Изданіе кодексовъ почти во всѣхъ государствахъ принадлежитъ преимущественно къ эпохѣ полнаго го-

* *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslands*. Т. XVI, стр. 231.—*Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung*, von Mittelmayer. Erster Beitrag, 151—153.

сударственнаго развитія; почти повсюду опытъ многихъ столѣтій предшествоуетъ этому важному государственному событію, и чѣмъ сложнѣе народныя нужды и разнообразіе отрасли управленія, тѣмъ болѣе дѣлается ошутительною польза изданія уложеній. Напротивъ того, въ Англіи они появились въ первыя историческія эпохи государства, а впоследствии принято правиломъ отдѣльное усовершенствованіе разныхъ частей законовъ, не приступая къ общему органическому ихъ преобразованію.

Другая отличительная черта источниковъ законодательства Англіи состоитъ въ томъ, что почти все порабощенныя государства всегда сохраняютъ двойственный характеръ—туземный и нововведенный побѣдителями. Въ Англіи же Англо-Саксонцы истребили или изгнали изъ нея почти всѣхъ первобытныхъ ея жителей: они удалились въ Шотландію, Ирландію и на берега Франціи. Англія раздѣлилась на многія части, управлявшіяся каждая своими обычаями, внесенными Альфредомъ-Великимъ въ составленное при немъ уложеніе *Dombes* или *Liber judicialis* *.

Впродолженіи нашествій Датчанъ усилившееся духовенство содѣйствовало введенію норманскихъ законовъ, которые хотя имѣли много средства съ законами Скандинавовъ и Англо-Саксонцевъ, но слились и съ римскими законами, внесенными во Францію, и столь близкими къ каноническому праву.

Царствованіе Канута-Великаго, король Дании, Англіи, Норвегіи и части Швеціи, представляетъ важные факты и этого заимствованія и средства законовъ всѣхъ этихъ сѣверныхъ народовъ. Имѣя целью дать своимъ подданнымъ однообразныя учрежденія, онъ собралъ въ одно цѣлое мѣстные обычай, и, измѣнивъ ихъ согласно своимъ видамъ, подчинилъ составленнымъ имъ за-

* *Rey. Des Institutions judiciaires de l'Angleterre. Essai de, tom. 4—7.*

конамъ какъ Англичанъ, такъ и Датчанъ *. Законы эти уже озарены свѣтомъ религiи, и являютъ попеченiя человеколюбiя. Въ нихъ между прочимъ принято правиломъ, что христiане должны быть наказываемы за маловажныя преступленiя не смертiю; но лишь такими средствами, которыя бы охраняли отъ впаденiя вновь въ вину **. Введенiю норманскихъ законовъ покровительствовалъ и Эдуардъ-Исповѣдникъ, воспитанный въ Нормандiи и потому, вѣроятно, внесшiй многiе изъ нихъ въ уложенiе, изданное имъ въ половинѣ одиннадцатаго столѣтiя ***. Важнѣйшимъ изъ этихъ законовъ признать должно право обычая Нейстрии, составленное Роллономъ, которому приписываютъ и мысль учрежденiя высшаго англiйскаго судилища, называемаго: Court of the Exchequer, равно какъ и введенiе системы взаимнаго охраненiя гражданъ отъ преступниковъ столь значительное влiяние имѣющей и нынѣ на дѣла этого края ****. Вильгельмъ-Завоеватель велѣлъ вести все дѣла на языкъ норманскаго судопроизводства, то есть, французско-норманскомъ, какъ то полагаютъ нѣкоторые, или латицскомъ, какъ то полагаютъ другiе *****.

При Генрихъ Первомъ составленъ новый сводъ узаконенiй, подтвердившiй законы Эдуарда-Исповѣдника. Со времени Стефана началось публичное преподаванiе римскаго права и, вскорѣ затѣмъ возникло совмѣстничество юристовъ, слѣдовавшихъ ему, съ практикою права обычая. При Ричардъ Первомъ сделанъ сборникъ морскихъ учрежденiй, заимствованный изъ Олерона, и имѣющiй повнѣ силу въ Англии. Эду-

* Wheaton. Histoire des peuples du Nord, стр. 369.

** Wheaton. стр. 387—389.

*** Rey. Des Institutions judiciaires de l'Angleterre, стр. 8.

**** Rey. стр. 12.—Wheaton, стр. 316.

***** Blackstone. Т. III, стр. 317—318.

ардъ Первый, названный Юстиніаномъ Англіи, хотя во многомъ усовершенствовалъ законодательство, по эпоха кодификаціи оканчивается вышеупомянутыми уставами * и потому законодательство Англіи хотя вначалѣ зрѣло быстрѣе нежели въ другихъ государствахъ, однако сохранило болѣе нежели гдѣ-нибудь постановленій устарѣлыхъ.

Тому двѣ важныя причины: малое вліяніе, которое тамъ имѣло римское право, и особая система кодификаціи, которой она слѣдовала. Римскіе законы дѣйствовали преимущественно на дѣла церковныя, браки и завѣщанія, а кодификація, въ послѣднее время, ограничивалась частными преобразованіями, объемлющими постепенно одну отрасль законодательства послѣ другой, — кодификація, по времени полнаго развитія какой либо части права, истощающая во всѣхъ подробностяхъ этотъ предметъ и потому полная жизни, вѣрно выражающая современный бытъ народа, но лишенная общности и полнаго согласованія съ другими запоздалыми частями.

Лордъ Галлъ и Блэкстонъ раздѣляютъ всѣ источники англійскаго законодательства на два класса ** или общій (common law) и законъ писанный или статутный (statute law). Рей, возражая противъ этого раздѣленія, говоритъ, что нельзя назвать закономъ преданій того, что получило положительную силу въ томъ краѣ, какъ то римское и каноническое право, что по этой же причинѣ нельзя причислить ихъ и къ законамъ письменнымъ и что нельзя назвать закономъ общимъ правила мѣстныя, изъ которыхъ болѣею частію состоитъ этотъ законъ. Послѣ этого Рей раздѣляетъ ихъ на

* Roy, Des Institutions judiciaires; стр. 18.

** Царствованіе Ричарда Перваго почитается періодомъ, пресѣкающимъ преданія памяти народной; событія послѣдующія признаются закономъ памяти (the legal memory). Kritische Zeitschrift. Т. XIII, стр. 62.

два класса: точные, положительныя законы и постановленія, которые подразумеваются таковыми. Къ первымъ оны относятся: первое, статуты парламента, второе, судебныя приговоры, заключающія въ себѣ общія правила подъ именемъ *rules* или *orders*; ко вторымъ первое, законы галлическіе, устоявшіе послѣ нападенія Саксонцевъ, и представляющіе остатки обычаевъ древнихъ Бриттовъ; второе, вестъ-саксонскіе; третье, датскіе; четвертое, норманскіе; пятое, римское право, проникшее во все части, но особенно принятое въ руководство въ судилищахъ духовныхъ, военныхъ, университетскихъ и адмиралтейскихъ; шестое, каноническое право; седьмое, судебныя примѣры.

Все эти источники разсыяны въ реестрахъ тяжбныхъ дѣлъ (*records*), въ протоколахъ приговоровъ (*reports*), и въ сочиненіяхъ юристовъ *.

Первое официальное собраніе этихъ источниковъ сдѣлано при Эдуардѣ Одиннадцатомъ (съ 1307—1327); а къ царствованію Георга Третьяго накопилось 256 сборниковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ нѣсколько законовъ. Не одна эта чрезвычайная сложность англійскихъ законовъ вредитъ ихъ пользѣ: разнообразіе, шаткость, несообразность, двусмысленность вступаютъ на каждомъ шагѣ. Пиль, представляя въ 1828 году законъ о жюри, объяснилъ, что до того существовало семьдесятъ пять статутовъ объ этомъ предметѣ; Пиллеръ упоминаетъ, что о подлоге, какъ считается, триста сорокъ пять; При томъ же затрудненіи Бостонъ, Феммелъ, Маккитонъ, Килъ, Брумъ, Россонъ, и особливо Маннингъ, много сдѣлывали усовершенствованій и отчужденій; законодательство исправленными исправленіями; но со всемъ тѣмъ въ Европѣ Англія одна не имѣетъ уголовного уложенія, хотя, по

* *Regis Don Institutiones iudiciales de Anglaterra*, T. 1, p. 147, 150. — *New commentaries on the Laws of England*, Stephen, 1841. .. 9

жесть быть, нигде нѣтъ столь обильныхъ матеріаловъ, практикою заготовленныхъ *.

То же разнообразіе въ источникахъ и тотъ же недостатокъ кодификаціи видимъ мы и въ законахъ разныхъ отдельныхъ владѣній этого государства, гдѣ сохранены понынѣ давніе законы. Высшія англійскія судилища, рассматривая дѣла Индостана, прибѣгаютъ къ корану; дѣла Джерсея и Герисея—къ статуту Роллона; дѣла Канады къ законамъ французскимъ, существовавшимъ до революціи; Мыса Сенъ-Лорана—къ рѣшеніямъ Людовика-Святого, у Венсенскаго Дуба давнымъ; острова Маврикія—къ кодексу Наполеона; Восточной Индіи—къ испанскимъ законамъ; Мыса Доброй Надежды—къ законамъ голландскимъ; острова Мена—къ законамъ емадиравскимъ. Неудобства эти обратили на себя вниманіе правительства. Въ 1825 году издано уложеніе для Мальты, въ 1835 году для Іоническихъ Острововъ **, а въ 1838 году изготовленъ и проектъ для колоній ***, весьма замѣчательный, какъ первый трудъ этого рода, и какъ нѣчто среднее между систематическою редакціею германскихъ уложеній и правомъ обычая; потому что къ основнымъ теоретическимъ началамъ присоединены всѣ видоизмѣненія, на опытѣ замѣченныя.

Несмотря на вышеозначенное разнообразіе и многочисленность законовъ, усматриваются съ 1825 года успѣшныя частныя преобразованія ихъ, касательно веровства и отмены во многихъ случаяхъ смертной казни. Особенно замѣчателенъ въ этомъ последнемъ

* The Rise of the laws of England and Wales. — Энциклопедія Неволла. Т. I, §. 963—976.

** Ortolan, Cours de législation comparée; стр. 258—276.

*** Kritische Zeitschrift. Т. XIII, стр. 64—131; Т. XI, стр. 440; Т. XII, стр. 158. — Thomas Wrihton. On the punishment of death, 1837. — Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayr. Erster Beitrag, 125.

отношенія законъ седьмого іюля 1837 года, цѣлью котораго было ограничить примѣненіе этой казни къ однимъ важнѣйшимъ преступленіямъ, опредѣлить случаи этого примѣненія съ точностью, которая бы оправдывала безусловное ея назначеніе, дать судьямъ средство, вмѣсто пожизненнаго изгнанія приговаривать къ временному лишенію свободы и вообще смягчить существующія наказанія. Замѣчательно, что послѣ такихъ преобразованій число преступленій, за которыя прежде полагалась смертная казнь не увеличилось, и что освобожденіе отъ суда, посредствомъ котораго присяжные судьи избѣгали примѣненія слишкомъ строгихъ законовъ, случалось рѣже *. Въ 1843 году изготовленъ проектъ общей уголовной кодификаціи **.

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayr. Erster Beitrag, 125—131, Zweiter, 270—283.

** Leventh. Report of the Her Majesty's commissioners, 1843.

=

ВЗГЛЯДЪ

НАСОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬ-
СТВА ВЪ ЕВРОПѢ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

II.

Уголовные законы средней части Ев- ропы.

ГЕРМАНИЯ ВООБЩЕ.

Первоначальные законы Германцевъ, какъ и всѣхъ народовъ, основывались на обычаяхъ. Древнѣйшія о нихъ свѣдѣнія находимъ у греческихъ и римскихъ историковъ, особенно въ лѣтописяхъ Юлія Кесаря * и Тацита **. Въ пятомъ столѣтіи эти законы, бывъ изложены на латинскомъ языкѣ, явились подъ названіемъ: *La Salica. Lex ripuaria, allemanorum, saxo-
rum, anglicorum et frisium.* Основные элементы, въ нихъ усматриваемые, показываютъ происхожденіе ихъ

* *Commentar. de bello Gallico.*

** *De Germania, гл. 2.—Gebayer. Vestigia juris germanici antiquissimi. Gott. 1766.*

отъ одного общаго источника. Другіе сборники законовъ того времени: Остроготевъ, Визиготевъ, Бургуніоновъ и Ломбардцевъ * составились изъ сліянія мѣстныхъ германскихъ обычаевъ съ господствовавшими прежде тамъ законами Римской Имперіи **. Бѣльшая часть народовъ подчиненныхъ этимъ законамъ была порабощена Карломъ Великимъ. Капитуляріи его исправили ихъ и дали имъ однообразіе. Они издавались по совѣщанію съ духовенствомъ и дворянствомъ (Champ de Mars, Champ de Mai). Первая компіляція ихъ составлена въ 1827 году аббатомъ Ансегизомъ ***. Капитуляріи эти представляютъ послѣднее звено соединенія французскихъ законовъ съ германскими ****.

При медленномъ созрѣваніи туземныхъ законовъ, вліяніе духовенства болѣе и болѣе распространяло примѣненіе каноническаго права, а съ двѣнадцатаго столѣтія возобновленное въ Болоньи ученіе римскаго кодекса, столь благоприятнаго монархической власти, нашло ревностныхъ покровителей въ германскихъ императорахъ, поставлявшихъ свою державу обновленною древнею Римскою Имперіею *****: но въ то же время явились противодѣйствующимъ элементомъ законы ав-

- * Салическіе законы написаны въ концѣ пятого столѣтія.
 - Ришарскіе..... между 511 и 534 г.
 - Баварскіе..... 613 и 638 г.
 - Саксонскіе
 - Тургинскіе
 - Фризскіе
 - Аллеманскіе
- } при Карлѣ Великомъ.

- ** Ломбардскіе законы написаны въ 648 г.
- Бургуніонскіе..... около 517 года.
- (Энциклопедіи Неволице, Т. II, §§ 921—942.)

*** Самое полное собраніе ихъ издаде Балюзомъ: *Capitularia regum Francorum*, Парижъ, 1617.

**** Charlemagne, par Carpefigue, T II, стр. 202.

***** Императоръ Максимилианъ называлъ Константина Великаго и Юстиніана своими предшественниками.

тономическіе. Таковы Зерцало Саксонское (*Sachsen Spiegel, Speculum Saxonicum*) между 1215 и 1218 годами и другіе сборники по образцу его сдѣланные, какъ то: Швабское Зерцало (*Swaben Spiegel, Speculum Suevicum*), магдебургское городское положеніе, и тому подобныя. Сборники эти не имѣли силы закона, но какъ примѣръ было, основали право обычая. Съ-тѣхъ-поръ началась борьба между вышеозначенными тремя элементами, римскимъ, каноническимъ и туземнымъ правами ** имѣвшая то важное послѣдствіе, что первыя не были приняты безусловно *** отъ чего германское право имѣло бы болѣе нежели въ другихъ государствахъ мѣстныхъ отличительныхъ чертъ, если бы раздробленіе имперіи не воспрепятствовало единству этого направленія.

Начиная отъ этой эпохи, ученое преобразование взяло верхъ надъ туземнымъ постепеннымъ развитіемъ права. Въ затруднительныхъ случаяхъ не только испрашивается было разрѣшеніе отъ мѣстныхъ университетовъ, но даже изъ одного государства въ другое требовались заключенія по юридическимъ дѣламъ. Магдебургъ пользовался такою славою, что изъ Польши, Богеміи, Силезіи и Пруссіи прибѣгали къ тамошнимъ судилищамъ: Любекъ, Гамбургъ, Шпиръ, Госларъ, Гермордъ, Кельнъ, Брауншвейгъ, Эйзенахъ раздѣляли эту славу ****.

* Fächhorn. Deutsche- Rechts und Staatsgeschichte, § 279. — Энциклопедія Неволлина. Т. II, стр. 819. — Mayer. Des Institutions Judiciaires, T. IV, стр. 176.

** Папа Гонорій Третій въ 1220 году запретилъ преподаваніе римскаго права въ Парижскомъ Университетѣ.

*** При учрежденіи въ 1495 г. высшей камеры имперіи, постановлено было, что она будетъ принимать въ руководство общае право, то есть, римское и каноническое, подъ которымъ подразумѣваемо было даже Юстинианово законодательство.

**** Böhmer, ad cons. crim. Cap. quinti, стр. 249, § 1.

При такомъ положеніи германскіе уголовныя законы не могли бы быстро развиваться изъ туземныхъ элементовъ, если бы появленіе бамбергскаго уложенія и Каролины, получившихъ повсюду авторитетъ, не постановило преграды преобладавшему вліянію римскаго права и теоріи.

Задолго до восшествія Карла Пятаго на престолъ, повсемѣстныя порицанія уголовныхъ законовъ обратили на эту часть вниманіе германскихъ императоровъ. При Максимилианѣ Первомъ созываемы были комитеты и составлены многіе проекты улучшенія. Совершеннѣйшимъ оказалось сочиненіе барона Шварценберга, саванника бывшаго членомъ этихъ комитетовъ и занимавшаго важнѣйшія государственныя должности. Къ большому успѣху прошло оно и черезъ горнило опыта: епископъ бамбергскій, въ 1507 году, издалъ уставъ, извлеченный изъ этого проекта; маркграфы бранденбургскіе, Анспа и Баурута, то же сдѣлали въ 1516 году. Втеченіи двадцати-пяти лѣтъ уложенія эти были повѣряемы на практикѣ, и, обогащенные важными замѣчаніями и вновь пересмотрѣнными на общемъ сеймѣ, послужили матеріаломъ къ изданію въ 1532 году уложенія Карла Пятаго, извѣстнаго подъ именемъ Каролины, положившаго краеугольный камень основанія всему новѣйшему уголовному законодательству, и потому долженствующаго служить важнымъ пособіемъ при соображеніяхъ, которыя будутъ дѣлаемы во второй и третьей частяхъ моего труда.

Въ 1806 году изъ нѣкоторыхъ частей нѣмецкой имперіи образовался Рейнскій Союзъ. Члены его объявили себя полновластными государями въ своихъ владѣніяхъ, независящими отъ имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ существованіе Римской Имперіи прекратилось, и прочіе чины ея, которые успѣли спасти свою самостоятельность посреди бурь, сопровождавшихъ это происшеств-

віе, приобрѣли въ своихъ владѣніяхъ права государей независимыхъ. По разрушеніи Рейнскаго Союза нѣмецкія государства актомъ осьмага іюня, н. ст., 1815 года, вошедшимъ въ составъ акта вѣнскаго конгресса девятаго іюня того же года, учредили между собою общій союзъ, подъ названіемъ Германскаго Союза. Въ постановленіяхъ этого Союза представляется нынѣ для всѣхъ частей Германіи общій источникъ законодательства *.

Въ-особенности АВСТРІЯ.

Положительнымъ закономъ, образовавшимъ уголовную часть этой имперіи, должно считать уставъ Маріи-Терезіи 1787 года, *Constitutio criminalis Theresiana*.

Новѣйшій кодексъ, изданный въ 1803 году, представляетъ слѣдующія полезныя преобразованія: а, общая часть его изложена просто и точно съ цѣлью избѣгнуть оборотовъ и выраженій, приличныхъ собственно наукъ; б, вмѣсто тѣсныхъ опредѣленій сущности преступленій, законодатель привелъ дѣйствія, которыми они обличаются; с, наказанія положены съ мѣньшею строгостью нежели въ другихъ современныхъ законахъ; но по духу времени уложеніе это сохранило тяжкое тѣлесное наказаніе, выставленіе у позорнаго столба и клейменіе, частое и несоразмѣрное винъ примѣненіе смертной казни и пожизненнаго заточенія **; но средства данныя судьямъ смягчать наказанія уменьшили вредныя послѣдствія, которыя могли бы имѣть вышеозначенные недостатки. Замѣчательно также, что австрійское уложеніе отнесло многія важныя преступ-

* Энциклопедія Неволина, Т. II., стр. 528.

** Die Strafgesetzgebung in Ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag, стр. 11—14.

денія къ полицейскому суду, котораго ходъ не имѣлъ достаточныхъ охраненій *. Въ 1815 году означенное уложеніе распространено на королевство Ломбардо-Венеціанское. Въ Венгріи имѣютъ силу туземные законы: *Corpus juris Hungarici*, собранныя въ 1584 году архіереемъ Моссосунъ, такъ называемое *Obserwantzrecht* и уставъ, изданный въ 1519 году Владиславомъ Вторымъ, *Tripartitum opus juris consuetudinarii* **. Въ Восточной Галиціи: уложеніе 1803 года имѣло силу уже въ 1796 году, потому что тамъ оно издано было въ видѣ испытанія. Держась этихъ давнихъ законовъ, Австрія постоянно приближалась къ преобразованіямъ, соответствующимъ современнымъ успѣхамъ науки и опыта. Изготовленный проектъ уголовного уложенія Венгріи *** доказываетъ, что она не только не отстала отъ другихъ государствъ въ усовершенствованіи этой отрасли законодательства, но и преуспѣла въ томъ, давъ первый примѣръ труда, въ которомъ совѣщанія о пенитенціарной системѣ предшествовали редакціи уголовного уложенія, предполагивъ отвергнуть посрамительныя наказанія, уничтожить смертную казнь и на каждое наказаніе опредѣлить *maximum*, но не *minimum*.

БАВАРИЯ.

Баварія раздѣляется на восемь округовъ. Въ томъ изъ нихъ, который находится за Рейномъ (Пфальцъ), сохранились прежніе французскіе законы: *Code pénal* и *Code d'instruction criminelle*. Они измѣнены новыми постановленіями: о преступленіяхъ противъ сохранности лѣсовъ—перваго іюня 1822 и двадцать-осмаго

* *Die Strafgesetzgebung. Erster Beitrag*, стр. 81—90.

** *Oestreich im Jahre 1840, T. I.*, стр. 102,—*Revue étrangère de Législation*, T. II, стр. 751.

*** *Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayor. Zweiter Beitrag* стр. 217—244.

декабря 1831 года; о зажигательствѣ,—перваго іюля 1834; о поддѣлкѣ кредитныхъ бумагъ,—перваго іюля 1834 года. Въ остальныхъ семи округахъ имѣли до 1813 года силу: 1, общее германское право, соединившее въ себя Каролину, римское право и судебные обычаи; 2, баварское уложеніе 1751 года; 3, прусское; 4, бамбергское; 5, австрійское 1803 года и многіе другіе. Въ 1813 году издано новое уголовное уложеніе, котораго редакція ввѣрена была первоначально Клейншроту, а потомъ Фейербаху—уложеніе, выражающее въ высшей степени современную систему доктринеровъ, которою Фейербахъ былъ знаменитѣйшимъ представителемъ—уложеніе образцовое, какъ по филантропическому его направленію такъ и по удивительной ясности и точности, но слишкомъ рациональное и порабощенное господствовавшему тогда началу устрашенія, такъ что два мѣсяца по изданіи его состоялся уже пополнительный законъ о порубкѣ и покражѣ лѣсовъ. За этимъ слѣдовали такіе же законы: о тѣлесныхъ поврежденіяхъ—двадцать-втораго февраля 1814 года; о давности—десятаго декабря 1814 года; о воровствѣ—двадцать-пятаго марта 1816 г.; о подлогѣ—одиннадцатаго сентября 1825 г.; о таможенныхъ преступленіяхъ—перваго іюля 1834 года. Это послѣднее постановленіе распространено и на рейнскій округъ *. Между тѣмъ общее мнѣніе объ излишней строгости уложенія 1813 года дало поводъ къ составленію новыхъ проектовъ, тѣмъ болѣе, что имѣющіяся свѣдѣнія объ уголовной статистикѣ Баваріи, убѣждаютъ въ умножающемся тамъ количествѣ преступленій и уголовныхъ дѣлъ **.

* Spiess Sammlung aller Ergänzungen und Erläuterungen zum bayerischen Strafgesetzbuche. Bamberg, 1838. — Weiske. Rechtslexicon. Staat Bayern. — Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayr. Erster Beitrag; стр. 18—24.

** Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung. Zweiter Beitrag; стр. 79 — 192.

ПРУССІЯ.

До соединенія, въ 1525 году, Бранденбургія съ Пруссією, онѣ имѣли различные источники законодательства.

Бамбергское уложеніе принято было и въ Бранденбургія; а какъ уставъ Карла Пятаго есть усовершенствованное выраженіе помянутаго уложенія, то этимъ поясняется вліяніе, которое имѣла на этотъ край Каролина; въ первоначальныхъ же законахъ самой Пруссіи видно много сходства съ древне-германскимъ, остготскимъ и скандинавскимъ правомъ. Въ-особенности римское и каноническое право распространены тамъ водворившимися Нѣмцами. Духовныя братства и папа, какъ главный ихъ судья, не только дали силу послѣднему, но вмѣстѣ съ этимъ распространили вообще науку законовѣдѣнія. Съ четырнадцатаго столѣтія каждая значительная община этого братства должна была имѣть двухъ ученыхъ мужей, одного по бѣгословію, другаго по части законовѣдѣнія. Такимъ образомъ въ Маріенбургѣ составила родъ юридической школы, получившей такую знаменитость, что изъ многихъ странъ Германіи обращались къ ней для разрѣшенія важныхъ юридическихъ вопросовъ *. Со всѣми этими пособіями, какъ Бранденбургія, такъ и Пруссія, не получили сначала шестнадцатаго столѣтія, до царствованія Фридриха-Вильгельма Перваго, никакого общаго уголовного узаконенія. Для первой издано оно въ 1717 году подъ заглавіемъ *Criminalordnung für die Chur-und Neumark*. Редакторомъ его былъ Бергеръ, слѣдовавшій теоріи Брунмана, изложенной въ сочиненіи *Tractatus de inquisitione processu* (1617), который съ своей стороны былъ по-

* *voigt. Geschich. Preussens. T. V, стр. 100. — Kitzigs. Zeitschrift für die Criminalrechtspflege. Erster Supplement. Band, 1835; стр. 111 — 113. — Handbuch des preussischen Kriminalprocessverfahrens,] von Alker. Въ предисловіи.*

слѣдователемъ Карпцова и италіянскихъ писателей. Впрочемъ эти учебныя пособія согласованы, въ нѣкоторыхъ частяхъ, съ Каролиною, которой многія статьи вошли въ то узаконеніе, почитавшееся въ свое время превосходнымъ образцовымъ произведеніемъ, замѣчательное по различію уже тогда постановленному между предварительнымъ и существеннымъ слѣдствіями, мѣрами защиты въ пользу обвиняемыхъ и другими полезными нововведеніями. Для Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ издалъ усовершенствованный сводъ тамошнихъ, мѣстныхъ, законовъ въ 1721-году, *Stirbessertes Landrecht des Königreichs Preussen*. Тутъ касательно уголовного судопроизводства не столько Каролина имѣла вліяніе, сколько земскій уставъ 1620 года, котораго правила заимствованы изъ сочиненія нидерландскаго юриста Дамгудера *. Какъ ни важны законоположенія, изданныя при Фридрихъ-Вильгельмъ Первомъ; но эпохою радикальнаго преобразованія законовъ Пруссіи должно признать царствованіе Фридриха Великаго, государя, который хотя имѣлъ сотрудникомъ знаменитаго Кокцея, но лично участвовалъ въ редакціи многихъ законовъ, государя, увлекавшагося иногда философіею энциклопедистовъ, но человѣколюбиваго и гениальнаго. По смерти Фридриха Великаго Суаресъ и другіе ученые юристы продолжали изготовленіе новаго кодекса. Въ 1794 году издано общее уложеніе, какъ по гражданской такъ и уголовной части, преимущественно измѣненное изъ многихъ предшествовавшихъ частныхъ преобразованій, замѣчательное по тѣсной связи съ современнымъ усовершенствованіемъ гражданскаго устройства и по національному, постепенному развитію законодательства. Уголовное судопроизводство, основанное на вышеупомянутыхъ уставахъ 1717 и 1721 годовъ, какъ несоотвѣтствовавшее духу этого уложенія,

* Между-тѣмъ въ Силезіи до позднихъ временъ дѣйствовали особныя мѣстные законы, *Josephinische peinliche Gerichtsordnung*.

замѣнено новымъ уставомъ, въ 1805 году изданнымъ. Въ 1843 году изготовленъ новый проектъ *.

Общее уложеніе Пруссіи не имѣетъ силы въ рейнскихъ провинціяхъ, которыя раздѣляются на два округа: въ первомъ находятся владѣнія, лежащія на лѣвомъ берегу Рейна и герцогство Бергъ на правомъ: въ этой части Пруссіи дѣйствуютъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, законы французскіе, введенные тамъ въ 1808 году; во второмъ, лежащемъ на правой сторонѣ Рейна, сохранились давніе мѣстные обычаи и общее германское право; оно же дѣйствуетъ и въ Новой Помераніи. Въ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи отъ бывшаго вестфальскаго королевства и Польши, введено общее прусское уложеніе; наконецъ въ Невшателѣ сохранились туземные законы **.

По разсмотрѣніи въ означенныхъ провинціяхъ составленнаго для Пруссіи общаго уложенія, онѣ единогласно изъявили желаніе, чтобы оно не было у нихъ введено и просили, чтобы для нихъ составленъ былъ особенный кодексъ, основанный на французскихъ законахъ; но на это объявлено было, что король признаетъ это ходатайство несоотвѣтствующимъ намѣренію правительства всегда поддерживать духъ германской народности и опасеніе этихъ провинцій, что введеніе у нихъ общаго уложенія поколеблетъ существующее судопроизводство, не имѣетъ основанія ***.

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Zweiter Beitrag, стр. 114—140.

** Revue étrangère et française de Législation. Т. III, стр. 179.—Подробныя свѣдѣнія о судопроизводствѣ дѣйствующемъ въ этихъ провинціяхъ, смотри въ сочиненіи Алкера. Предисловіе стр. XXX—XXXV.

*** Revue de Législation et de Jurisprudence, par Wolowsky, 1844, стр. 3. 6.

САКСОНІЯ.

Въ статьѣ о Германіи вообще, упомянуто о важномъ памятникѣ законодательства этого королевства — Саксонскомъ Зерцалѣ. Саксонія, и въ самой кодификаціи, предупредила многія другія государства составленіемъ, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, полнаго уложенія, извѣстнаго подъ именемъ *Codex Augusteus*. Съ 1810 года начата была предварительная работа къ изданію новыхъ уголовныхъ законовъ. Титманъ, Эргардъ, Стюбель были сотрудниками этого предпріятія, увѣнчаннаго успѣхомъ съ изданіемъ въ 1838 году новаго уложенія *, составленнаго преимущественно по образцу баварскаго. Уложеніе это устранило опредѣленія сущности преступленія, которыми наполнены другія уложенія, стѣснило кругъ уголовного кодекса, много смягчило наказанія въ сравненіи съ предшествовавшими уложеніями, распространило судебную власть, но осталось еще подъ вліяніемъ прежней системы страху и не отдѣлило предметы науки законовѣднія отъ тѣхъ, которые принадлежатъ собственно закону **, примѣнило слишкомъ большой *minimum* и часто употребляло опозоривающія наказанія и дало поводъ къ многимъ истолкованіямъ неопредѣленностью редакціи. Недостатки эти ***, и другіе, на практикѣ замѣченные, дали поводъ къ изданію дополнительнаго закона шестнадцатаго іюня 1840 года, отклонившаго многіе изъ тѣхъ недостатковъ. Уложеніе это, по значительному усовершенствованію уголовного права, принято закономъ въ великомъ герцогствѣ веймарскомъ (патентъ

* *Kappler. Handbuch der Litteratur des Criminalrechts*; стр. 51, 51 и 132.

** *Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag, (1841) стр. 32—47; zweiter Beitrag (1843 г.) стр. 102.*

*** *Weiß. Criminalgesetzbuch für das Königreich Sachsen. 1841. — Schafarats. Commentar. 1842.*

обнародованія состоялся пятого апрѣля 1839 года) * и герцогствъ саксъ-альтенбургскомъ (1841 года) **.

КОРОЛЕВСТВО ВИРТЕМБЕРГСКОЕ.

Давніе уголовные уставы 1567 года (Die Landesverordnung) 1610 (Das Landrecht) и 1732 года (Criminalordnung) имѣвшіе силу въ виртембергскомъ королевствѣ, не соответствовали современнымъ преобразованіямъ нравовъ и законодательства и появленіе баварскаго уложенія было счастливымъ примѣромъ, которымъ виртембергское уложеніе 1839 года воспользовалось съ большимъ успѣхомъ. Совѣщаніе камеръ, участіе въ немъ канцлера Вехтера и частныя сочиненія, впродолженіи ихъ изданныя ***, содѣйствовали не только этому успѣху, но и усовершенствованію вообще уголовного законодательства. Несмотря на означенное, уложеніе это имѣетъ еще большіе недостатки: стремленіе къ полнотѣ повело къ излишеству и запутанности; подражаніе кодексу Наполеона — къ вредному примѣненію полицейскаго надзора; слишкомъ ученый взглядъ на систему начертанія къ заимствованію у науки законодательства того, что не принадлежитъ къ кругу уголовныхъ законовъ ****. Въ томъ же 1839 году изданъ полицейскій уставъ ***** , а двадцать-второго іюня 1843

* Archiv des Criminalrechts neue Folge, 1838, стр. 325.

** Revue étrangère et française de Législation, par Félix. 3 série, T. II, л. 4 стр. 265.

— *** Abegg. Beiträge zur Kritik des Würtemb. Entw. 1836. — Hepp. Das Strafsystem des neuen Entwurfs, 1836. — Knapp, Erörterungen über den Entwurf eines Strafgesetzbuchs für Württemberg, 1836.

**** Kufnagel commentar zu dem Würtemb. Strafgesetzbuch, 1840. — Hepp. то же 1839. — Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung. 1841. Erster Beitrag; стр. 47—63.

***** Archiv des Criminalrechts, 1840, Beilage-Heft.

года уставъ уголовного судопроизводства, начертанный также по образцу баварскаго уложенія.

ГАНОВЕРЪ.

Саксонское Зерцало и любское право были внѣшними источниками законодательства областей, составляющихъ нынѣшнее ганноверское королевство. Впослѣдствіи проникли туда римское и каноническое права, а въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія принято было закономъ уложеніе Карла Пятаго. Съ-тѣхъ-поръ до девятнадцатаго столѣтія не было общихъ замѣчательныхъ преобразованій, кромѣ криминальной инструкціи, изданной въ 1736 году*. Вслѣдъ за уничтоженіемъ французско-вестфальскаго управленія, въ 1816 году обращено было вниманіе на исправленіе законовъ. Нѣсколько разъ были отпечатаны проекты новаго уложенія и подвергнуты контролю юристовъ и дѣловыхъ людей (*Handbuch der Litteratur des Criminalrechts, von Karpler § 55*). Образцомъ принято было при составленіи проектовъ уложеніе баварское; ** но изданное въ 1840 году уложеніе мало воспользовалось успѣхами уголовного законодательства другихъ государствъ: наказанія его чрезмерно строги, minimum ихъ слишкомъ великъ. Ко многимъ преступленіямъ не сдѣлано примѣненія обстоятельствъ уменьшающихъ вину; редакція темна и ошибочна. Уложеніе это пополнено закономъ осьмага сентября 1840 о преступленіяхъ по рыбной и звѣриной ловлѣ; уставомъ двадцать-четвер-

* *Archiv des Criminalrechts, neue folge, 1838, Beilage-Heft.*

** *Mittelmayer. Uber den neuesten Zustand der Criminalgesetzgebung, стр. 26.*

того октября 1840 года о полицейскихъ наказаніяхъ и военныхъ уголовныхъ уставомъ 1841 года *.

ГЕРЦОГСТВО БРАУНШВЕЙГЪ-ВОЛЬФЕНБЮТТЕЛЬСКОЕ.

Царствующій домъ въ ГанOVERь владѣеть и герцогствомъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ. Возведенное на эту степень съ 1235 года, государство это часто является въ исторіи соединеннымъ съ ГанOVERомъ, почему они и имѣютъ общіе источники уголовного законодательства, которые состояли въ римскомъ и каноническомъ правахъ древнихъ германскихъ и туземныхъ законовъ. Въ 1806 году, по включеніи Брауншвейга въ составъ вестфальскаго королевства, введенъ былъ тамъ кодексъ Наполеона и имѣлъ силу до 1814 года **. Въ 1840 году издано уголовное уложеніе ***, замѣчательное по отбѣнъ отягощенія средствъ которыми совершается смертная казнь, телеснаго и позорныхъ наказаній и усиленія строгости лишенія свободы дисциплинарными мѣрами. По значительному смягченію строгости уголовныхъ законовъ снисхожденіемъ къ раскаянію, дозволеніемъ, даннымъ судьямъ, примѣнить ближайшій легчайшій способъ наказанія, когда минимумъ того, которое положено закономъ, не соответствуетъ обстоятельствамъ уменьшающимъ вину; по рѣдкому примѣненію смертной казни и дозволенію вмѣсто ея присуждать къ пожизненному лишенію свободы. Уложеніе это, пятнадцатаго февраля

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag, стр. 93—99; zweiter, — стр. 144—153.

** Weiske. Rechtslexikon. T. II, стр. 264.

*** Archiv des Criminalrechts, 1840, стр. 596.

1843 года, принято закономъ въ княжествѣ Липпе-Детмольдъ *.

ВЛАДѢНІЯ ГЕССЕНСКІЯ.

Гессенскія владѣнія сдѣлались независимымъ княжествомъ въ половинѣ тринадцатаго столѣтія при ландграфѣ Генрихѣ Первомъ. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія послѣдовало главное раздѣленіе этихъ владѣній, которое по этотъ день сохранилось подъ названіемъ великаго герцогства Гессенскаго и курфиршества Гессенскаго. До введенія въ Германіи римскаго, каноническаго и лонгобардскаго права — въ гессенскихъ владѣніяхъ господствовали права саксонскія и швабскія, то есть, такъ-называемыя «зерцала» саксонское и швабское. Впродолженіи пятнадцатаго столѣтія римское право введено было и въ гессенскихъ владѣніяхъ, но явились и собственно гессенскія законоположенія, какъ то: объ охотѣ—1532 г., о Евреяхъ—1539 г., о прекращеніи лихоимства—1537 г.

Гессенское уголовное уложеніе 1535 года есть только сокращенное уголовное уложеніе Карла Пятаго, которое также имѣло тамъ силу. Гессенскимъ уголовнымъ уложеніемъ, двадцать-третьяго апрѣля 1744 г., Т. III §, 2, предписано, что означенныя уложенія образуютъ уголовное право въ курфгессенскихъ владѣніяхъ. Кроме этого имѣются въ курфгессенствѣ Гессенъ воинскіе артикулы о преступленіяхъ военныхъ—тринадцатаго ноября 1818 г., положеніе о нарушеніяхъ лѣсныхъ законовъ и законовъ объ охотѣ и рыбной ловлѣ—тридцатаго декабря 1822 г., также законы о неприкосновенности полей и садовъ—тридцатаго декабря 1826 г., эдиктъ о поединкахъ—шестаго февраля 1684 г., о банкротсахъ—шестнадцатаго мая 1747, положеніе о домашнемъ

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayr. Erster Beitrag, стр. 95—93; zweiter, — стр. 140—143:

воровствъ — перваго декабря 1752 и четырнадцатаго февраля 1790 о государственной измѣнѣ; о лихоимствѣ—двадцатаго августа 1800 г., о предупрежденіи кражи строительныхъ матеріаловъ — десятаго февраля 1801 и тридцатаго апрѣля 1828 г. о предупрежденіи дѣтубійства.

Закономъ для уголовного судопроизводства въ великомъ герцогствѣ Гессенѣ служить, съ нѣкоторыми измѣненіями, еще и понынѣ, изданное ландграфомъ Эрнестомъ-Лудвигомъ, уложеніе о судопроизводствѣ уголовномъ 1726 г. Въ гессенскихъ владѣніяхъ всегда примѣнялось главное начало германскаго уголовного судопроизводства, то есть, процессъ обвинительный (*processus accusatorius*). Съ 1803 года введенъ процессъ инквизиторіальный (*processus inquisitorius*). При соединеніи провинцій Рейнъ-Гессена къ великому герцогству, введено въ 1816 г. французское законодательство. Для введенія болѣе единообразія въ законахъ уголовныхъ, состоялся перваго декабря 1817 г. эдиктъ, которымъ кругъ дѣйствій уголовныхъ судебныхъ мѣстъ во владѣніяхъ великаго герцогства, какъ на западъ такъ и на востокъ Рейна, былъ уединообразенъ. Знаменитому Миттельмайеру поручено было составленіе уложенія о уголовномъ судопроизводствѣ, но этотъ проектъ не состоялся главнѣйше потому, что Миттельмайеръ предполагалъ предоставить рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ присяжнымъ*. Наконецъ семнадцатаго сентября 1841 г. издано уголовное уложеніе, которое, какъ въ отношеніи системы наказаній такъ и редакціи, представляетъ значительный шагъ къ усовершенствованію вообще уголовного законодательства**.

* Weiske. Rechtslexicon, статья Hessen.

** Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag, стр. 99—108; Zweiter Beitrag, 193—202.—Breitenbach. Comment. und das grosse Hessische Strafgesetzbuch.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ-отношеніи къ юридической географіи Швейцарія можетъ быть раздѣлена на три части: германскаго права, бургундскаго и смѣшаннаго. Къ первой принадлежатъ кантоны: Цюрихъ, Торгау, Базель, Сень-Галленъ, Аппенцель, Гларусъ; ко второй Женева, Ваатландъ, Нёвшатель и Бернъ; къ третьей Граубинденъ *.

Мюллеръ, въ замѣчательномъ сочиненіи его о законахъ кантоновъ: Ури, Швицъ, Интервальдъ, Гларусъ, Цугъ и Аппенцель, описываетъ положеніе этихъ кантоновъ, столь мало соответствующее образованности Женевы и другихъ частей Швейцаріи. Большая часть законовъ этихъ кантоновъ—письменные; въ Швицъ и Цугъ, Каролина и до-сихъ-поръ имѣетъ силу; въ прочихъ они отстаютъ еще болѣе отъ современнаго усовершенствованія: были примѣры, что нищихъ приговаривали къ сожженію; разбившій ночью окна былъ наказываемъ позоромъ на всю жизнь; частное мщеніе—ордалин, и понынѣ тамъ существуютъ. Но по-немногу и этотъ край улучшаетъ свое законодательство **.

Оно имѣетъ уголовныя уложенія:

Въ кантонъ Тессинъ—1816 г., Сень-Галль—1819 г., Базель—1821 г., Ури—1823 г., Люцернъ—1836 г., Цюрихъ—третьяго октября 1835 ***; Торгау—четырнадцатаго августа 1841 ****; Бернъ—1843 г. *****; Ваатландъ—осьмнадцатаго февраля 1843.

Новѣйшія уложенія судопроизводства изданы: въ

* *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes*, T. XI, стр. 81.

** *Revue étrangère et française de Législation*, par Felix, T. II, стр. 96.

*** *Archiv des Criminalrechts*, 1840 г., стр. 604.—Ortollan. *Cours de Législation pénae*, стр. 257.

**** *Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung. Zweiter Beitrag*, стр. 154—162.

***** *Revue étrangère de Législation*, par Felix. 3 série, T. II, et V, стр. 343. Т. LXIX. — Стд. III.

Цюрихъ—1831 г. *, Солотурнъ—1832 г., Торгау—1834, Бернъ—1834, Швицъ—1835 г., Ваатландъ ** и Люцернъ—1836 г., Гларусъ—1837, Фрейбургъ—1840 г. Въ Женевѣ понынѣ имѣеть силу французскій уставъ уголовнаго судопроизводства съ тою только разницею, что судопроизводство, введенное присяжными судьями въ 1796, было отменено въ 1813 году и вновь принято только въ 1844 году. Вместе съ изданнымъ о томъ закономъ, удержана сила прежнихъ законовъ уголовнаго судопроизводства шестаго января 1815 г., двадцатаго февраля 1816, пятаго декабря 1832 и четвертаго марта 1840 г., съ отменною позорнаго выставленія и клейменія ***; уложенія Швейцаріи могутъ быть раздѣлены на два класса: одни принявшіе образцомъ французскіе законы, другіе нѣмецкіе, смотря по языку преимущественно употребляемому въ разныхъ кантонахъ ****.

БЕЛЬГИЯ.

Карлъ Пятый, столь много принесшій пользы законодательству Европы, обративъ вниманіе и на Бельгію, издалъ въ 1531 году сводъ мѣстныхъ обычаевъ *****; но она, при всей обильности частныхъ законовъ, долго не имѣла своего собственнаго уложенія. Находясь подъ владычествомъ, то герцоговъ Бургундскихъ, то Испаніи, то Австрійскаго Дому, то Франціи, край этотъ не могъ развить элементы туземнаго законодательства; кодексъ французскій остался дѣйствующимъ закономъ

* Главнымъ редакторомъ этого уложенія былъ Эшеръ, известный своимъ сочиненіемъ о подлогѣ. *Archiv des Criminalrechts*. Т XII, стр. 173.

** Тамъ же, 1840 г.; стр. 609.

*** *Archiv des Criminalrechts*; стр. 337—198.—*Kritische Zeitschrift*. Т, XVI; стр. 260—274.

**** *Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung*, von Mittelmayr; стр. 163.

***** *De l'influence de la législation civile française sur celle des Pays-Bas*, par Granier de Cassagnac, 1831.

при послѣднемъ государственномъ преобразованіи 1830 года; въ 1831 году возстановлено судопроизводство присяжныхъ судей, которое было отиѣнено съ 1814 года; въ 1832 году многіе маловажные виды воровства подчинены исправительному суду и смягчены наказанія за поддѣлку монеты; по изданіи же во Франціи закона о смягчающихъ вину обстоятельствахъ, составленъ былъ проектъ усвоивавшій это нововведеніе и имѣвшій послѣдствіемъ изданіе закона пятнадцатаго мая 1838 года, который хотя относится къ одному новому устройству суда присяжныхъ, однако много смягчилъ строгость наказаній, предоставивъ окружнымъ судамъ и камеръ обвиненія, право предавать исправительному суду обвиняемаго въ преступленіяхъ, за которыя положено содержаніе въ смиренныхъ домахъ и если нанесенный вредъ не превосходитъ пятидесяти франковъ, когда усмотрѣны будутъ въ дѣлѣ обстоятельства смягчающія вину; осьмага января 1841 года изданъ законъ о дуэляхъ. Послѣдствіемъ исправленія французскихъ законовъ въ Бельгіи было значительное въ ней уменьшеніе преступленій. Уголовная статистика этого государства показываетъ, что чѣмъ сильнѣе народное отвращеніе отъ какого-нибудь преступленія, тѣмъ строже къ нему присяжные судьи; чѣмъ строже законы противъ какого-нибудь преступленія изданные, тѣмъ чаще они освобождаютъ отъ суда виновныхъ въ немъ **.

ГОЛЛАНДІЯ.

Частое измѣненіе границъ этого государства и влі-

** Observation sur le projet de révision du Code penal, suivies d'un nouveau projet, par Hauss. — Revue étrangère et française. T. II, стр. 573. — Kritische Zeitschrift, T. IX, стр. 382 и T. X, стр. 342. — Die Strafgesetzbuch in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag, стр. 122.

** Die Strafgesetzbuch in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Zweiter Beitrag; стр. 255 — 260.

яніе законовъ тѣхъ державъ, къ которымъ отъ времени до времени переходили нѣкоторыя изъ областей его, были причиною чрезвычайнаго разнообразія законовъ, въ каждой изъ нихъ дѣйствовавшихъ. Общимъ для нихъ источникомъ можно признать салическіе Фризскіе законы и уголовное уложеніе, изданное при Филиппѣ Второмъ; частныя же мѣстные законы собраны были въ одинъ сводъ при Карлѣ Пятомъ и Альбертѣ (въ 1611 году) каноническое и римское право дѣйствовали въ Нидерландахъ, какъ почти повсюду, въ видѣ придаточнаго права.

Законы германской имперіи мало имѣли вліянія на этотъ край, хотя бѣльшая часть Нидерландовъ, до позднихъ временъ, принадлежала имперіи подъ именемъ бургундскаго округа. Во Фландріи, которая до Карла Пятаго и до аугсбургскаго мира, 1548 года, принадлежала Франціи, они вовсе не были извѣстны; самая Каролина никогда не имѣла силы закона ни во Фландріи, ни въ Брабантѣ, хотя въ Лютихѣ и сѣверной части Нидерландовъ она была въ большомъ уваженіи. Напротивъ-того, въ нѣкоторыхъ областяхъ, во время Людовика Четырнадцатаго присоединенныхъ къ Франціи, многіе законы его, не только во время періода этого присоединенія, но и послѣ уцѣлѣли, именно; уголовный уставъ, изданный въ 1670 году (*Ordonnance criminelle*).

Въ концѣ осмнадцатаго столѣтія много было дѣланно опытовъ къ изданію свода законовъ, но кромѣ военнаго устава 1799 года и постановленія 1798 года объ отменѣ пытки, они остались безъ успѣху до Людовика Бонапарта, который въ 1808 и 1809 годахъ изготавилъ уголовное уложеніе, хотя не получившее силы закона, однако послужившее полезнымъ источникомъ по законодательной части. Въ 1811 году введены были законы французскіе, а въ 1813 году, хотя возстановилась самобытность этого государства, но эти

законы не были совершенно отвергнуты, какъ то сдѣлано въ Сардиніи и нѣкоторыхъ другихъ державахъ Италіи, а постепенно съ удержаніемъ того, что было признано полезнымъ и съ большими измѣненіями, смотря по тому къ сѣверной или южной части королевства относились преобразованія; потому что первая гораздо меньше имѣла сродства съ тѣми законами, нежели послѣдняя. Уставомъ одиннадцатаго декабря 1813 года отмѣнена общая конфискація французскаго кодекса, вѣчная ссылка, выставленіе у позорнаго столба и клейменіе замѣнила работа въ смиренныхъ и рабочихъ домахъ, присяжные судьи вовсе отстранены и сдѣланы другія усовершенствованія въ тѣхъ частяхъ этого кодекса, которыя сохранили свою силу. Въ 1834 году изданъ уставъ * уголовного судопроизводства, а въ іюнь 1840 года первая часть уголовного уложенія во многомъ усовершенствовавшая французскіе законы до этого времени въ Голландіи дѣйствующіе: а) постановленіемъ меньшаго наказанія за покушеніе и содѣйствіе въ преступленіи, тогда какъ по тѣмъ законамъ оно въ равной мѣрѣ упадаетъ какъ за совершенное зло такъ и за самое покушеніе на него, какъ на содѣлателя зла такъ и на соучастниковъ въ немъ; б) смягченіемъ наказаній несовершеннолѣтнихъ; в) открытіемъ виновнымъ по суду, права на прощеніе когда поведеніе ихъ при понесеніи наказанія будетъ ручаться за ихъ исправленіе. При всѣхъ этихъ улучшеніяхъ, уголовные законы Голландіи представляютъ непомерную строгость и мало средствъ къ нравственному усовершенствованію преступниковъ**.

Остается здѣсь упомянуть объ уложеніи изданномъ 1814 года *** въ великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ,

* Archiv des Criminalrechtes, neue Folge; 1837 г., стр. 182.

** Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Zweiter Beitrag; стр. 118.

*** Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des

по образцу баварскаго пополненномъ законами одиннадцатаго октября 1821, третьяго іюля 1832 и седьмаго ноября 1836; 1833 года въ Греціи *.

Даже въ Турціи проявился начатокъ кодификаціи: въ 1840 году султанъ издалъ повелѣніе, чтобы всѣ его подданные были подчинены равному суду и наказаніямъ, въ томъ повелѣніи изчисленными **.

Можно надѣяться, что современемъ правительство воспользуется знаменитыми памятниками своего религіознаго законодательства.

Исламизмъ суннитскій *** имѣлъ много догматовъ, которые постепенно исчезли. Остались только четыре: Абуганифа, Малека, Шафая и Гонбеля. Изъ этихъ догматовъ, вмѣщающихъ въ себѣ и уголовное законодательство, первый господствуетъ въ Европейской Турціи и большей части Азій; второй почти во всей Африкѣ; третій въ Египтѣ; послѣдній же имѣетъ мало приверженцевъ. Особенно замѣчательно законоученіе Малека. Развившись преимущественно въ Испаніи, въ блистательную эпоху Аравитянъ, оно было такъ уважаемо, что рѣшенія, состоявшіяся въ Кордуѣ, были юридическимъ авторитетомъ ****.

Auslandes. Т. I, стр. 129, 185, 385; Т. II, стр. 110 и 414; Т. III, стр. 1; Т. V, стр. 163; Т. VII, стр. 177, 370; Т. VIII, стр. 87; Т. IX, стр. 753; Т. X, стр. 177, 396; Т. XIII, стр. 67; 1844 г., стр. 82.—Ortolan. Cours de Législation comparée, стр. 278.

* Уложение это составлено по образцу баварскаго. Въ 1834 году изданъ въ Греціи уставъ судопроизводства, согласнаго съ французскими законами. Archiv des Criminalrechts. Neue Folge, стр. 417. 1835.—Das deutsche Strafverfahren, Mittelmayer. Т. I, § 19.

** Въ Валахіи сдѣланъ, въ 1852 году, сборникъ законовъ подъ заглавіемъ: Regula legis; въ 1817 году издано небольшое уложение, котораго главными источниками были мѣстные обычаи, сочиненіе Аршенопула (Πρωτεύων των νόμων, 1345 года) и французскій кодексъ (Kritische Zeitschrift. Т. XII, стр. 408).

*** Etudes sur la Loi Musulmane, par M. B. Vincent, 1849.

**** См. вышеприведенное сочиненіе Vincent'a.

ОБЩИЯ СООБРАЖЕНІЯ.

Вникая въ источники законодательства Европы, отдѣляя постановленія мѣстныхъ отъ общихъ, сличая побудительныя причины, изъ которыхъ возникли эти постановленія, усматривается замѣчательный фактъ—постепенное сближеніе и согласованіе уголовныхъ законовъ разныхъ народовъ несмотря на различіе нравовъ и политическихъ обстоятельствъ. Фактъ изъяснимый не одною врожденною силою подражанія, усвоивающею какъ добро такъ и зло, но и началами рациональными.

Въ эпоху среднихъ временъ оно опиралось на авторитетъ законодательства Италіи, въ древнемъ періодѣ его, столь блистательномъ по вліянію знаменитыхъ юристовъ, и столь назидательномъ въ законахъ каноническихъ; вскорѣ однако опытъ указалъ, что рабское подражаніе этимъ образцамъ, не согласованное съ духомъ времени и мѣстными нуждами, вредитъ развитію туземныхъ силъ и породилъ новое, автономическое законодательство, котораго краеугольнымъ камнемъ служить въ Германіи уложеніе Карла Пятаго, распространившее глубокіе корни и по другимъ государствамъ: въ Испаніи съ изданіемъ устава 1566 года; во Франціи по подсудности этому уложенію швейцарскихъ полковъ, составлявшихъ такъ долго стражу королей, — въ другихъ державахъ какъ самый ближайшій примѣръ современной ученой кодификаціи. Между-тѣмъ съверъ Европы по самой отдаленности своей отъ Италіи, избѣгнувъ вліянія римскаго законодательства, хотя не воспользовался общими началами въ немъ развитыми, но, заимствуя всѣ усовершенствованія изъ опыта отечественнаго, сохранилъ болѣе народности нежели Германія. Всѣ эти элементы мало однако подвинули уголовное законодательство, какъ-будто только созрѣвавшее до начала девятнадцатаго столѣтія. Въ эту эпоху исторія уголовного права представляетъ два важныя событія: преоб-

разованія, вынужденныя преобладающею силою Франціи, и невольное подражаніе примѣру полезному, — подражаніе основанное на той важной истинѣ, что нѣтъ государства, котораго законы не представляли бы съ одной стороны элементовъ общихъ всѣмъ народамъ, а съ другой его мѣстных, отличительныхъ черты, и что поэтому нѣтъ чужеземнаго законодательства, которое бы не являло полезнаго опыта во всемъ, что относится къ тѣмъ общимъ началамъ. Напрасно нѣкоторые юристы приписываютъ введеніе кодекса Наполеона во многихъ государствахъ достоинству его. Одна желѣзная воля побѣдителя связала этимъ закономъ Бельгію, Голландію, лѣвый берегъ Рейна, часть Швейцаріи и Италиі и лишь-только обрѣли они независимость, нѣкоторые изъ нихъ вовсе отвергли этотъ кодексъ, порожденный въ самой Франціи не какъ плодъ зрѣлаго труда, но поспѣшнаго исполненія воли Наполеона; другіе же, какъ то Сардинія и королевство Обѣихъ Сицилій, хотя составляютъ съ тѣмъ кодексомъ особенную отличительную категорію законодательства, но во многомъ его усовершенствовали. Напротивъ-того всеобщую дань уваженія заслужило уложеніе Баваріи 1813 года, при самомъ изданіи можетъ-быть вредное для государства по быстрому преобразованію а priori, но обогатившее науку общими, глубоко обсужденными основными началами, уложеніе, послужившее типомъ всѣхъ другихъ новѣйшихъ уложеній и по вліянію какое имѣло, доказывающее, что господствующее нынѣ подражаніе имѣетъ оспованіемъ не авторитетъ первенства, не безотчетное заимствованіе, но космополитизмъ, въ которомъ проявляется сближеніе народовъ въ ихъ нравственномъ образованіи и осуществляется общность видовъ Провидѣнія, — космополитизмъ долженствующій современемъ сблизить и законодательство французское съ уложеніемъ Германіи. Самые французскіе юристы сознаются

въ большихъ недостаткахъ кодекса Наполеона * в Бельгія, равно какъ и баварскія и прусскія провинці лѣваго берега Рейна какъ-бы предназначенныя судьбою служить сплавомъ этихъ разнородныхъ узаконеній, эклектическимъ результатомъ нововведеній; потому что если съ одной стороны преобладающее въ кодексъ начало устрашенія и несоразмѣрность наказаній съ качествомъ вины заслуживаютъ порицанія, то съ другой стороны и германскіе законы, увлекаясь теоретическимъ направлеиіемъ, дали слишкомъ большой объемъ силъ уголовныхъ законовъ. Они приняли общимъ правиломъ, что покушеніе должно быть наказываемо, а кодексъ Наполеона допускаетъ это правило только въ-отношеніи важнѣйшихъ преступленій (crimes); первые вообще наказываютъ того, кто будетъ возбуждать къ преступленію, послѣдній только при замыслѣ на измѣну; попустители наказываются по силъ нѣмецкихъ уложеній при каждомъ преступленіи, а по французскимъ законамъ только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Какъ ни будетъ современемъ значительно сближеніе этихъ постановленій и другихъ имъ подобныхъ, кодексъ Наполеона и уложенія по примѣру его составленныя, всегда будутъ имѣть существенное различіе съ германскими, смотря по тому, присяжными ли судьями или должностными, отъ правительства учрежденными, будетъ произносимъ уголовный приговоръ.

Для судьи, рѣшающаго вопросъ о событіи преступленія безотчетно, нѣтъ надобности указывать въ законѣ ни того что составляетъ сущность преступленія, ни отгѣнковъ его, ни качества судебныхъ доказательствъ, на основаніи которыхъ онъ можетъ признать невинность или виновность подсудимаго; напротивъ, для судьи, которому ввѣряется рѣшеніе дѣлъ по руководству, въ законахъ начертанному, нужны точныя,

* Alauget. Essai sur systémes penitentières. Chaveau et Helic. Theorie du Code pénal.

опредѣленные правила. Первый хотя независимъ отъ вліянія сильныхъ и болѣе представляетъ ручательства въ безпристрастіи, но по необразованности и злоупотребленію власти ставитъ себя превыше закона — отсюда неаказанность, неуваженіе къ правительству и часто нелѣпыя приговоры, совершенно противныя закону, котораго примѣненіе не всегда можно отдѣлать отъ вопроса о событіи^{*}; послѣдній же, бывъ слишкомъ связанъ условіями предписанными закономъ, вынужденъ иногда рѣшать дѣло вопреки внушенію совѣсти. Качество судей не въ этомъ одномъ отношеніи будетъ имѣть большое вліяніе на преобразование уголовныхъ уложеній.

Ни одно государство не можетъ снабдить всѣ судища людьми, вполне способными отвѣчать этому важному, трудному призванію; ни одно въ дѣлахъ значительныхъ не ввѣряетъ участь подсудимыхъ рѣшенію одного судьи и ни одно не упустило изъ виду, что нельзя подчинить строгой формальности, требуемой для приговора о тяжкомъ преступленіи, дѣла малозначительныя, по которымъ излишняя медленность могла бы быть вреднѣе самаго наказанія. Потому во всѣхъ государствахъ значительная часть преступленій изъимается изъ круга уголовныхъ законовъ, и предоставляется рѣшенію полицейскаго суда; ограниченіе, подкрѣпляемое и тѣмъ, что уголовные законы, распространяясь на маловажныя дѣйствія, уменьшаютъ страхъ, внушаемый къ значительнымъ преступленіямъ и противодействуютъ народному понятію о степеняхъ вины, почему чѣмъ болѣе правительства найдутъ возможность предохранительными мѣрами предупредить зло, чѣмъ

* По изданіи закона 1832 года, которымъ во Франціи дано присяжнымъ право объявлять: предстоитъ ли въ дѣлѣ обстоятельство уменьшающія вину, количество подсудимыхъ, признаваемыхъ повинными, значительно уменьшилось, но обратно число наказываемыхъ съ послабленіемъ закона значительно умножилось.

болѣе хорошимъ судопроизводствомъ и одними штрафами и другими легкими взысканіями * достигнуть они до удержанія виновныхъ отъ покушеній на собственность, тѣмъ болѣе распространится кругъ полицейскихъ и гражданскихъ мѣръ и тѣмъ болѣе стѣснится кругъ уголовныхъ наказаній; а какъ успѣхъ этихъ мѣръ зависитъ отъ устройства управленія и способовъ, которыми можетъ располагать правительство, то нельзя изъ однихъ началъ уголовнаго права извлечь точное означеніе черты, отдѣляющей законы уголовные отъ полицейскихъ **. Росгиртъ къ первымъ относитъ нарушеніе правъ, а къ послѣднимъ дѣйствія, изъ которыхъ оно произойти можетъ; но это мнѣніе, съ одной стороны, противорѣчитъ многимъ строгимъ наказаніямъ за дѣйствія, которыми не нарушается ни чье право, а съ другой, практикѣ, въ которой малое воровство причисляется къ вѣдомству полиціи. Такъ же неосновательны мнѣнія и тѣхъ, которые къ предметамъ полицейскаго суда относятъ одни нарушенія полицейскихъ установленій ***. Чѣмъ лучше будутъ судьи, которымъ ввѣрены дѣла уголовныя, тѣмъ болѣе можетъ быть властью предоставленная, касательно *minimum* и *maximum* наказаній и насчетъ выбора тѣхъ изъ нихъ, которые наилучше соотвѣтствуютъ винѣ, и тѣмъ менѣе нужно будетъ прибѣгать въ уложеніяхъ къ поясненіямъ сущности преступленій и отбѣнковъ усиливающихъ или уменьшающихъ вину. Въ государствахъ, гдѣ существуютъ присяжные судьи, власть суда, примѣняющаго законы къ событію, о которомъ они дали заключеніе, можетъ быть стѣснена съ мѣншею опасностью, потому что присяжные, не бывъ ограничены никакими условіями о силѣ доказательствъ, смягчаютъ приговоръ по убѣжденію совѣсти; но тамъ гдѣ нѣтъ присяжныхъ,

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer; стр. 19.

** Boshirt. Lehrbuch, стр. 32.

*** Keffler. Lehrbuch des Strafrechts; § 31.

гдѣ судья связанъ правилами, установленными о сущности этихъ доказательствъ, всегда шаткихъ, и сомнительныхъ, законъ не иначе можетъ достигнуть до возможной справедливости, какъ предоставивъ суду средство, мѣрою наказанія дойти до того уравненія, которое правила тѣ не могутъ соблюсти во всей точности.

Какъ бы ни были значительны преобразования уголовныхъ законовъ, проистекающія изъ вышеизложенныхъ началъ, они не могутъ сравниться съ тѣми, которыя произойдутъ отъ правильнаго примѣненія къ нимъ пенитенціарной системы. Наказаніе лишеніемъ свободы было всегда однимъ изъ главнѣйшихъ орудій уголовного законодательства; чѣмъ болѣе начало нравственнаго усовершенствованія преступниковъ (*Verbesserungs-Theorie*) получало перевѣсу надъ началомъ устрашенія (*Abschreckungs-Theorie*), тѣмъ болѣе обращалось вниманія на этотъ способъ наказанія, въ высшей степени соответствующій обоимъ этимъ началамъ; но способъ содержанія подъ стражею, измѣняющій и самое качество наказанія этого рода*, былъ до-сихъ-поръ усовершенствуемъ болѣе въ видахъ филантропическихъ нежели юридическихъ; такъ, что, измѣняясь произвольно административными мѣрами, явно противодѣйствовалъ закону объ уравненіи наказаній: системы Обурна и Филадельфій, представляя опыты одного исправленія преступниковъ и не принимая въ соображеніе другаго начала—устрашенія, съ которыми исправленіе должно быть нераздѣльно связано, уже по одному этому не вполне соответствующую цѣли уголовного законодательства**.

* Уже у Римлянъ предметъ этотъ былъ въ виду и потому пенитенціарныя системы только усовершенствовали правила содержанія подъ стражею. См. въ сочиненіи Гейба *Geschichte des Römischen Criminalprocesses*; стр. 286, 280, 564, 569.

** *Sur la réforme des prisons, par Foucher.*—*Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes.*—*Examen de la Théorie et de la pratique du système pénitentier, par Laroche-Fucauld.* Liancourt. 1840 г.—*Marguet-Vasselot. Théories pénitentiaires.*—*Jahrbücher der Gefängniswissenschaft.*

Къ Англіи учреждены тюрьмы и по той и по другой системѣ и, слѣдовательно, отъ произвола, а иногда отъ случая зависить примѣненіе этого роду наказанія болѣе или менѣе строгаго. Во Франціи отдѣльное тюремное заключеніе (*détention cellulaire*), эта высшая строгость, была введена безъ особеннаго закона однимъ министерскимъ распоряженіемъ *. Заточеніе въ крѣпостяхъ Бреста, Тулона и Рошфора, соответствующее нашей каторжной работѣ, сноснѣ содержанія въ центральныхъ тюрьмахъ этого края, въ чемъ сознался самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Дюшатель, въ полномъ засѣданіи камеры, объявивъ, что узники иногда нарочно дѣлаютъ новыя преступленія, чтобы изъ послѣднихъ поступить въ первые.

Въ Германіи системы Обурна и Филадельфіи мало имѣли примѣненія и мѣры исправленія преступниковъ мало обращали на себя вниманія, строгость же наказанія въ каждой категоріи заточенія не имѣетъ определенности, потому что работы, которымъ подвергаются узники, представляющія важнѣйшую черту постепенности ея, не приведены въ точное распределеніе. Вообще до-сихъ-поръ нѣтъ уложенія, которое бы опредѣливъ черту, занимаемую каждымъ родомъ заточенія въ лѣстницѣ наказаній, по точному примѣненію пенитенціарной системы, совокупляло въ способахъ содержанія подѣ стражею и начало исправленія и начало устрашенія. Проектъ составляемый для Венгріи, представляетъ первый примѣръ такого согласованія. Сочиненіе нынѣ царствующаго короля Швеціи, Оскара Перваго, и общее вниманіе, обращенное на усовершенствованіе пенитенціарной системы, обещають, что и другія державы вскорѣ послѣдуютъ этому примѣру.

Уголовное законодательство уже значительно смягчило наказанія, дало болѣе точности своимъ положеніямъ,

* Laroche-Foucauld-Liancour; стр. 350.

а судьямъ болѣе возможности согласовать рѣшенія съ особенными исключительными обстоятельствами дѣлъ; но еще многого должно ожидать отъ будущихъ преобразованій. Миттельмайеръ, первый юристъ нашего времени, находитъ въ новѣйшихъ уложеніяхъ слѣдующіе недостатки: первое, *чрезмѣрный объемъ круга нарушеній закона*, признаваемыхъ преступленіями, какъ то: самоуправство безъ насилія, всякое покушеніе на преступленіе и укрывательство преступниковъ, изъ которыхъ первое по французскому и австрійскому кодексамъ хотя и не наказывается, однако отъ того не произошло особеннаго вреда, а послѣднія должны бы были наказываться только приважнѣйшихъ видахъ этой вины, какъ было то принято у Римлянъ, и какъ то поставлено французскими и австрійскими законами; второе, *предполагаемое равенство вины*, тамъ, гдѣ она по самому существу своему различна, напримѣръ, между каждымъ участникомъ Komplota и равенство наказанія за вины совершенно различныя, какъ то за утайку найденной вещи наравнѣ съ воровствомъ, тогда какъ въ каждомъ лицѣ, при каждомъ преступленіи, вина имѣетъ свои особенныя черты и нѣтъ двухъ преступленій совершенно равныхъ; третье, *преобладаніе начала устрашенія* во всемъ, что относится до преступленій противъ цѣлаго общества, доведенное до того, что поводы къ смягченію наказаній, извлеченные для прочихъ преступленій изъ нравственныхъ наклонностей человѣка отстраняются какъ-будто бы онъ переставалъ имъ быть; четвертое, *признаніе самостоятельными преступленіями* такихъ дѣйствій, которыя представляютъ одно приготовленіе или покушеніе къ совершенію другихъ преступленій, какъ то: изготовленіе орудій для поддѣлки монеты, которое должно было бы подходить подъ общія правила о покушеніи; пятое, строгость меньшей мѣры наказаній (*minimum*), стѣсняющая судей въ случаѣ особенныхъ обстоя-

тельность ослабляющихъ вину, и давшая поводъ къ частому испрошенію помилованія отъ верховной власти; шестое, *общепримѣняемость нѣкоторыхъ постановленій*, явно неотносящихся къ предметамъ маловажнымъ, какъ то строгое наказаніе ничтожнаго похищенія по общему закону о воровствѣ; седьмое, *сопряженіе посягательства съ нѣкоторыми важнѣйшими наказаніями*, тогда какъ оно истекать должно не изъ качества наказаній, но изъ качества дѣяній и болѣе прилично мелочнымъ дѣйствіямъ, обличающимъ низость побужденій, нежели внезапнымъ порывамъ страсти, вовлекающимъ въ важныя преступленія; и тогда какъ общественное мнѣніе часто противно понятію, данному закономъ о чести; осьмое, *установленіе определенной цѣны предмета вины* или опредѣленнаго числа дней болѣзни при тѣлесныхъ поврежденіяхъ, какъ мѣрила различія между преступленіями и проступками; девятое, *противоправственное ослабленіе наказаній за оскорбленіе родителя дѣтьми*, потрясающее его власть столь неприкосновенную по религіи и столь неограниченную по римскимъ и другимъ древнимъ законамъ, равно какъ и ничтожное наказаніе за нарушеніе нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей, какъ то, касательно спасенія погибающихъ и тому подобныя; десятое, *несоразмѣрность степеней строгости содержанія подѣ стражею*, которой общіе виды: смирительный и рабочій дома и простая тюрьма не имѣютъ ни точныхъ разграниченій ни особенной отличительной черты; потому что работа допускается или требуется во всѣхъ этихъ трехъ видахъ, а время пребыванія въ тюрьмахъ за малые проступки такъ кратко, что не представляетъ ни надежды на исправленіе виновныхъ ни обузданія другихъ примѣромъ; напротивъ того, по большому количеству задерживаемыхъ по этимъ преступленіямъ распространяетъ заразу зла.

Вообще Миттельмайеръ относитъ многіе недостатки новѣйшихъ уложеній къ продолжающейся борьбѣ между послѣдователями теоріи пользы (*Nutgens theorie*), порожденной въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія утонченнымъ эгоизмомъ, развитой французскими философами и проповѣданной впоследствии главнымъ ея представителемъ, Бентемомъ; и послѣдователями теоріи справедливости (*Gerechtigkeits Theorie*), которая руководствуется не односторонними началами устрашенія или безопасности, но примѣняетъ наказаніе не болѣе того сколько необходимо требуетъ преступленіе по личной субъективной виновности преступника и степени нарушенія общественнаго спокойствія—теоріи, которая въ примѣненіи къ каждому народу имѣетъ, по его мнѣнію, два элемента, одинъ непреложный, на началахъ справедливости основанный; другой относительный, согласующійся съ потребностями мѣста и времени, народнаго характера и политическаго государственнаго положенія *.

Особенные отбѣнки соображаемыхъ въ этомъ сочиненіи уложеній, преимущественно могутъ быть усмотрѣны при сравненіи узаконеній о каждомъ преступленіи, установленныхъ и изложенныхъ во второй и третьей части моего труда. Отбѣнки эти укажутъ и характеристическія черты нравственности каждаго народа: сколько бы ни было велико достоинство историческихъ сочиненій, они болѣе или менѣе всегда будутъ имѣть взгляды односторонніе, данныя, на преданіяхъ ошибочныхъ основанныя—одинъ положительный законъ, какъ выраженіе дѣйствительнаго быта, какъ признаніе событіями вынужденное, открываетъ съ достовѣрностью народный характеръ. Сравнительное законодательство есть лучшая исторія роду человѣческаго.

=

* Die Strafgesetzgebung in ihrer Fortbildung, von Mittelmayer. Erster Beitrag. стр. 1—7.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

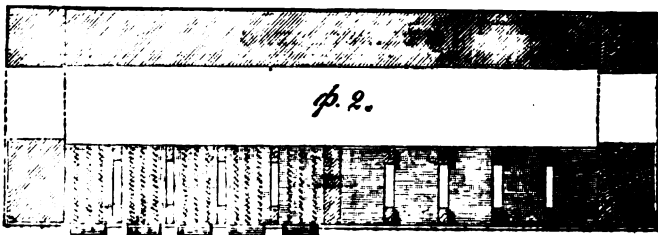
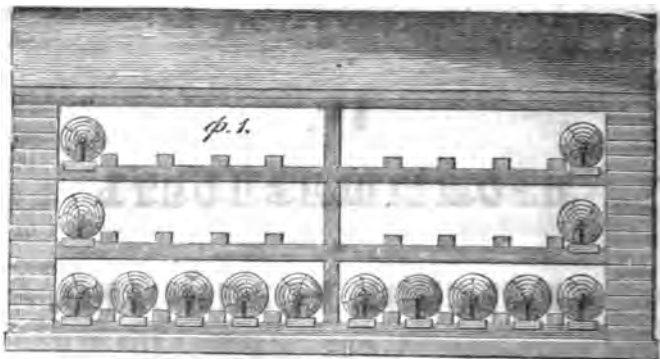
ПЧЕЛОВОДСТВО.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Для построения пчельника, должно опредѣлить особый уголь, чтобы ульи содержать въ одномъ мѣстѣ: тогда присмотръ за ними будетъ гораздо удобнѣе, особливо во время роенія, потому что можно вдругъ замѣчать всѣ случающіяся перемѣны. Хорошо, ежели бы для ближайшаго хозяйскаго надзора можно было помѣстить его по-ближе къ дому, напримѣръ въ саду. Окраины лѣсу, обращенныя къ югу, или поляны посреди лѣсу, также очень пригодны для помѣщенія пчельниковъ, особливо при большомъ числѣ ульевъ.

Опытомъ дознано, что невыгодно имѣть большое число ульевъ въ одномъ мѣстѣ, а лучше раздѣлить ихъ на участки, напримѣръ до тридцати въ каждомъ пчельникѣ. Для этого понадобится мѣсто не болѣе девяти аршинъ въ длину и четырехъ въ ширину. Фигура первая представляетъ пчельникъ, какъ онъ долженъ быть построенъ, съ

ульями, сколько онъ можетъ въ себѣ вмѣстить, то есть, тридцать, въ трехъ ярусахъ, по десяти въ каждомъ. Фигура вторая планъ нижняго этажа пчельника съ рядомъ ульевъ.

Въ переднемъ фасадѣ устроены три ряда полокъ, первая въ пол-аршина отъ земли, вторая двѣнадцатую вершками выше первой, а третья двѣнадцатую вершками выше второй. Эти полки дѣлаются изъ брусевъ въ четыре вершка толщины, имѣютъ аршинъ въ ширину, и должны быть гладко выструганы, чтобы ульи лежали на нихъ ровно. Посрединѣ этого фасада ставится простѣнокъ изъ толстыхъ брусевъ, отъ шести до восьми вершковъ толщины, въ который утверждаются внутренніе концы полокъ, а крайніе концы ихъ утверждаются въ боковыхъ стѣнкахъ. Такимъ образомъ полки, имѣя только три аршина шесть вершковъ въ длину, довольно крѣпки, чтобы не гнуться подъ тяжестью полныхъ ульевъ.

На этихъ полкахъ ульи укладываются рядомъ, по пяти въ каждомъ отдѣленіи. Между ульями прибиваются къ пол-

ишь деревянными гвоздями маленькіе брусочки, верхка въ три квадратной толщины, для того, чтобы ульи не касались одинъ другого, и не могли скатиться всторону, когда случится вынимать одинъ изъ нихъ.

Среды и сзадн полки прибываютъ по маленькой пласточкѣ, захватывающей дны ульевъ не болѣе какъ на четверть верхка, чтобы они не могли отъ неосторожности быть сдвинуты, ни впередъ, ни назадъ. Передъ каждымъ ульемъ прикрѣпляется къ полкѣ досчечка въ пять вершковъ длины и въ два верхка ширины, служащая пчеламъ вмѣсто тротуара, и придѣланная нѣсколько покато, такъ чтобы одинъ край былъ наравнѣ съ нижнимъ краемъ летка, а другой по ниже; это нужно для того, чтобы дождевая вода, ежели бъ она туда попала, стекала на землю, а не въ улей. Эти досчечки отнюдь не должны касаться одна другой, чтобы пчелы не могли ошибкою зайти въ чужой улей, особенно во время ихъ грабительства, отъ чего бы могло ихъ погибнуть великое множество.

Можно полки сдѣлать и цѣльными во всю длину; въ такомъ случаѣ средній простѣвакъ не дѣлается изъ стоячихъ брусевъ, а бруски укрѣпляются на томъ же мѣстѣ между полками.

Кровлю можно дѣлать изъ чего угодно, лишь бы ульи были совершенно охранены отъ дождя; для этого она должна имѣть довольно покатоги, съ выступомъ на аршинъ, чтобы стекающая съ нея вода упала по-дальше, и не забрызгала нижній рядъ ульевъ. Не худо къ этому выступу придѣлать жолобъ, чтобы отвести воду всторону.

На случай косаго дождя, ударяющаго на передній фасадъ пчельника, можно приготовить подвижные щиты, или прусские занавѣсы; но это не необходимость, а послужить только къ большому сбереженію ульевъ; въ такомъ случаѣ должно строго наблюдать, чтобы по минованіи такого дождя, щиты или занавѣсы были немедленно сняты, чтобы не лишить пчелъ пріятной свѣжести воздуха послѣ дождя, и возможности пользоваться дождевою водою.

Между заднею стороною ульевъ и заднею стѣною пчельника оставляютъ проходъ въ пелтора аршина ширины,

чтобы удобно было осматривать и подрѣзывать ульи съ задняго конца. Съ обонхъ концовъ этого прохода вставляются двери.

Стѣны пчельника должны быть хорошо оштукатурены и вымазаны какою нибудь замазкою, чтобы мыши, или вредныя пчеламъ насѣкомыя не могли пробраться въ пчельникъ. Всего лучше, растворить известь на табачной водѣ, примѣшать туда толченаго стекла, и штукатурить этою смѣсью стѣны и потолокъ, и даже полъ.

Фигура третья изображаетъ профиль пчельника въ разрѣзѣ.

Описанный здѣсь пчельникъ, можетъ быть выстроенъ на каменномъ фундаментѣ, или съ каменными же по извести стѣнами, или изъ брусевъ, или изъ землянаго кирпича, или плетеныи, изъ соломы съ глиною по деревянному рѣшетнику; но я содержалъ также свои ульи, при одинаковомъ устройствѣ полокъ, просто подъ соломеннымъ навѣсомъ, и съ равнымъ успѣхомъ. Первое прочнѣе, и пріятнѣе для глазъ, а послѣднее скорѣе, легче и дешевле.

Такой пчельникъ долженъ стоять переднимъ фасадомъ прямо противъ полдня, чтобы восходящее солнце освѣщало его косвенно, и чтобы онъ съ девяти или десяти

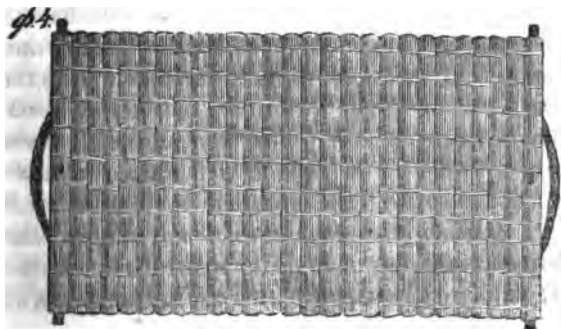
часовъ утра, даже нѣсколько ранѣе, ежели возможно, позволялся исполнѣ солнечными лучами, для нагрѣванія ульевъ, что заставляетъ пчелъ ранѣе ронѣться. Лишней теплоты въ этихъ ульяхъ не можетъ быть: они, по самому своему устройству, никогда не могутъ разогрѣться да такой степени, чтобы медъ сталъ течь, какъ это часто случается съ стоячими ульями, которые, будучи цѣлый день подъ открытымъ небомъ безъ всякой защиты отъ солнечныхъ лучей, пропекаются ими со всѣхъ сторонъ съ утра до вечера.

При этомъ должно тщательно защищать пчельникъ, если возможно, отъ восточнаго вѣтру, или вблизи поставленнымъ заборомъ, или высокимъ кустарникомъ.

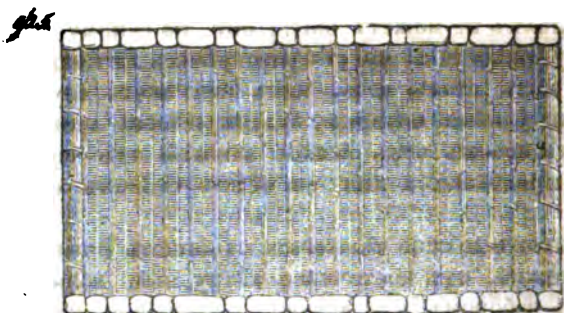
Внутренній проходъ позади ульевъ, и дорожка вокругъ пчельника, должны быть содержаны въ чистотѣ, и усыпаны пескомъ, чтобы легче было замѣтить посѣщеніе мышей, или разныхъ насѣкомыхъ.

Вокругъ дорожки, окружающей пчельникъ, надобно засѣять грядку, хоть въ аршинъ ширины, кервелемъ; это удалитъ отъ пчельника муравьевъ, которые не могутъ терпѣть запаха кервеля. Вокругъ этой грядки полезно сѣять, сколько мѣстность позволяетъ на то употребить пространства, впереди пчельника, душистые цвѣты, особенно такіе, которые цвѣтутъ почти цѣлое лѣто, какъ то: садовая резеда, дикая резеда, и подобные.

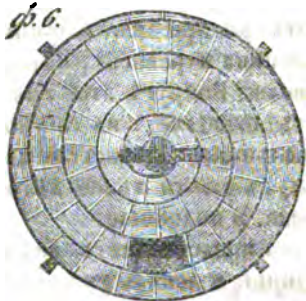
Фигура четвертая представляетъ внѣшній видъ улья въ одинъ аршинъ длины, и девять съ третью вершковъ поперечнику.

Фигура пятая внутренней разръзъ улья съ осьмнадцатью сотами.

Фигура шестая переднее дно улья, въ осемь вершковъ поперечнику, съ лѣткомъ, и воткнутыми въ него, четырема деревянными шпильками.

Перейдемъ теперь къ роенію.

Многіе утверждаютъ, что есть несомнѣнные признаки, предвѣщающіе день и часъ, когда должно ожидать рой: я замѣчалъ ихъ весьма прилежно; но когда я надѣялся увидѣть это, какъ нарочно, былъ всегда такой день, когда ни одинъ улей не ройлся; все, что я по этой части могъ замѣтить, было то, что пчелы иначе не ройтся, какъ когда улей уже полонъ, или близко того; когда погода хороша, когда вѣтеръ теплый и небо подернуто облаками, когда въ воздухъ замѣчается сырость что заставляетъ ихъ выхо-

дять наружу; потому что тогда воздухъ густѣетъ, и нить отъ того бываетъ тѣсно и душно въ ульѣ.

Но еще гораздо вѣрнѣе, что онѣ только тогда роятся, когда новорожденные расплоды довольно многочисленны, чтобы составить особую колонию, что трудно узнать. Нельзя заставить улей роняться по волѣ хозяина, безъ опасенія погубить молодой рой, а часто и старый; всего лучше, наблюдать прилежно за пчелами съ половины мая до исхода юля.

Если весна благопріятная, то должно имѣть въ готовности нужное число пустыхъ ульевъ, хорошо обмазанныхъ снаружи, и весьма чистыхъ внутри, и когда покажется рой, тогда вымазать внутреннія стѣнки улья медомъ, смѣшаннымъ съ бѣлымъ винограднымъ виномъ, или самыми свѣжими сливками, посредствомъ вѣника изъ душистыхъ травъ, или даже свѣжихъ вѣточекъ лѣснаго орѣшника, ежели лучшаго нельзя достать.

Когда улей такимъ образомъ приготовленъ, заднее дно вставлено, замазано, и прикрѣплено деревянными планками, тогда подставляется онъ подъ рой, заднимъ дномъ внизъ, и рой принуждаютъ въ него спуститься, потрясая легонько вѣтвь, къ которой онъ присталъ; когда это сдѣлано, тогда переднее дно вставляютъ, чтобы летою пришлось внизъ, и ставятъ улей на приготовленное ему мѣсто въ сторонѣ, не далеко отъ того, откуда онъ взятъ.

Смотря по величинѣ роя, переднее дно всовываютъ ближе, или далѣе во внутрь, иногда до половины, и далѣе, ежели рой очень малъ; это болѣе потому, что пчелы дѣлаютъ тогда соты правильнѣе; иначе онѣ могли бы ставить ихъ диагонально или косвенно, что оставитъ въ ульѣ болѣе лишней пустоты, и не такъ удобно при подрѣзываніи. Ктому жъ, ежели оставить малочисленный, и даже обыкновенный рой въ большомъ пространствѣ, то онъ легко можетъ потерять надежду наполнить такое жилище; въ чемъ, какъ бы онъ прилежно ни работалъ, ему почти нельзя успѣть; а это необходимо заставить его, или поминуть свое жилище, или погибнуть зимою, потому что онъ едва толь-

ко успѣть его наполнить воскомъ, особенно ежели этотъ рой поздняго роенія.

Не излишне замѣтить, что иногда, какихъ бы ни взялъ кто предосторожностей, нельзя препятствовать пчеламъ ставить свои соты косвенно; но подрѣзка дѣлается всё-таки въ этихъ ульяхъ гораздо удобнѣе нежели въ стоячихъ и притомъ не повреждая расплода.

Во всякомъ случаѣ выгоднѣе, дать новому рою улей, сѣтвѣтственный его силѣ, не слишкомъ большой, и не слишкомъ малый; и это легко сдѣлать въ предлагаемыхъ мною ульяхъ.

Надобно повернуть улей въ ту сторону, откуда взять рой, и накрыть весь улей бѣлою простынею, чтобы онъ былъ въ теплѣ, оставляя однако жъ летокъ открытымъ; это есть самое вѣрное средство заставить пчелъ, которыя въ немъ находятся, остаться, а тѣхъ, которыя вышли, возвратиться.

За молодымъ роємъ должно наблюдать нѣсколько часовъ, особливо при закатѣ солнца: въ это время, пчелы рѣшаются, или остаться, или уйти; чему нельзя препятствовать. Когда уже смерклось, и пчелы спокойны, улей надобно взять весьма бережно, и поставить въ пчельникъ на постоянное мѣсто; затѣмъ должно нѣсколько дней наблюдать за молодымъ роємъ, и смотрѣть, каково онъ работаетъ; ежели хорошо, то это послужитъ доказательствомъ, что онъ доволенъ, и останется. Мнѣ случалось видѣть рои, которые уходили на третій день; я долженъ былъ приписать это, или малочисленности роя, или потери матки, или позднему времени роенія, почему пчелы предвидѣли, что имъ не возможно будетъ успѣть заготовить нужную провизію на зиму.

Чтобы отвратить это зло, и доставить себѣ хорошіе рои въ продолженіи мая мѣсяца, имѣть ихъ ежегодно, и съ полною увѣренностью хорошаго успѣху, должно оставлять третью, или по-крайней-мѣрѣ четвертую часть ульевъ въ своемъ пчельникѣ, отнимая у нихъ только самую малую часть сотовъ; для чего должно предпочтительно выбрать самые населенные ульи, тѣ, въ которыхъ болѣе находится воску и меду, самые тяжелые, но всегда самые молодые, то

есть, прошлогодніе, или по-крайней-мѣрѣ не старѣе двухъ лѣтъ.

Ульи, назначенные для роснѣи, не должно оставлять болѣе двухъ лѣтъ, не подрѣзывая, хотя бы и не росли въ продолженіи этого времени; иначе воскъ и медъ, оставаясь въ нихъ слишкомъ долго, могутъ испортиться. На слѣдующій годъ должно ихъ подрѣзывать въ одно время съ прочими, и оставлять новые на роснѣе.

Я не хочу этимъ сказать, что подрѣзывая прочіе ульи, терется надежда получить отъ нихъ рои; конечно, они получатся, ежели приступитъ къ подрѣзкѣ разсудительнымъ образомъ по вышеописаннымъ правиламъ; но получится ихъ болѣе или менѣе, смотря потому, болѣе или менѣе благоприятна была погода, и ранѣе, или позже пчелы наполняютъ свои ульи. Если не оставлять нѣкоторое число ульевъ, какъ я предлагаю, то не имѣя другаго дѣла, какъ только дополнить провизію меду, который онѣ съѣли въ минувшую зиму, первовыходящій расплодъ не только рѣшится, ежели онъ довольно многочисленъ, поселится въ другомъ мѣстѣ, потому что для него нѣтъ занятія въ томъ ульѣ, въ которомъ онъ родился; но сверхъ того получатся рои очень рано, ежели время благоприятствуетъ, и, слѣдовательно, они будутъ имѣть весьма достаточное время, чтобы себя продовольствовать, и хорошенько наполнить свои ульи.

Удостоившись черезъ нѣсколько времени, что новый рой работаетъ, надобно переднее дно, до половины улья всунутое, выдвигать по-немногу назадъ, и когда улей полонъ, или около того, то это дно уже поставить и укрѣпить, какъ заднее.

Лучшее время для полученія хорошихъ росвѣ есть отъ мая до половины іюля; можно быть увѣреннымъ, что они будутъ крѣпкіе, сильные, надежные. Позже они могутъ еще быть хороши, ежели лѣто не слишкомъ сухое, ежели цвѣты не завяли отъ сильнаго зною, или ежели вблизи много засѣяно сурѣпицы, или гречихи. Мнѣ случалось даже пятнадцатаго августа получить хорошіе рои, но это не обыкновенно, и не можетъ служить примѣромъ.

Съ пятнадцатаго іюля и даже ранѣе, ежели рои малочи-

слепны, гораздо лучше принять два рои, и даже больше, смотря по величинѣ ихъ, въ одинъ улей; такимъ образомъ можно навѣрное ожидать хорошаго урожая, что я самъ нѣсколько разъ испыталъ.

Для этого надобно полъ-вечеръ снять весьма осторожно улей, который уже нѣсколько дней поставленъ въ ичеленникъ, и въ которомъ находится рой, признанный малочисленнымъ; не забывая передняго дна надобно его положить переднею половиною въ обыкновенномъ его положеніи на простыню, разостланную на землѣ; потомъ внести новый рой въ этотъ день принятый въ особый улей, вынуть въ немъ переднее дно, оставить стоймя на эту открытую сторону, какъ-можно ближе къ прежнему улью, не касаясь однако жъ до него, и ударить по немъ сильно нѣсколько разъ, отъ чего всѣ пчелы въ немъ находящіяся унадутъ на простыню. Пустой улей должно тотчасъ снять, и отнести по-далѣе всторону. Тогда бывшія въ немъ пчелы, видя, что ночь на дворѣ, войдутъ немедленно всѣ въ предназначенный, подлѣ нихъ лежащій, улей, который въ тотъ же вечеръ ставится опять на прежнее мѣсто.

О маткахъ хлопотать не длячего при этомъ случаѣ: пчелы сами распоряжаются, какъ не надо лучше; онѣ оставляютъ у себя надежнѣйшую, а остальныхъ истребляютъ, и выкидываютъ изъ улья.

Собственный опытъ удостовѣрилъ меня, что если надлежащимъ образомъ приготовленные пустые ульи поставить вблизи тѣхъ, которые хотятъ роевѣ, то входящія рои войдутъ сами въ нихъ. Однако жъ не должно совсѣмъ надѣяться на это средство; а лучше всегда прилежно наблюдать за пчелами во все время роенія. Мнѣ случалось видѣть въ одинъ день рои, которые сами вошли въ приготовленные имъ ульи, и другіе, которые дажно облетѣли, чтобы пристать къ дереву, хотя вблизи были для нихъ приготовлены ульи.

Рой, достаточно полный, долженъ вѣсить по-крайней-мѣрѣ отъ пяти до шести фунтовъ, и состоять изъ одной матки, изъ четырехъ до пяти сотъ трутней, и отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ пчелъ, въ числѣ которыхъ около половины старыхъ и половина молодыхъ.

Рой, приставшіе къ деревьямъ слишкомъ высоко, чтобы можно было ихъ удобно спустить въ подставленныя улья, я сажалъ слѣдующимъ образомъ, и всегда съ полымъ успѣхомъ.

Для приѣма рой подносятъ подъ вѣтвь, къ которой онъ присталъ, широкій мѣшокъ изъ рѣдвнки; на днѣ этого мѣшка всунуть обручъ приличной величины для образованія дна; въ верху приѣланъ другой обручъ по-шире къ отверстию мѣшка; одинъ человекъ подноситъ этотъ мѣшокъ на шесть подъ рой, а другой ударяетъ шестомъ же по-легоньку по вѣтви, къ которой рой присталъ; отъ этого онъ спускается въ мѣшокъ, и когда весь туда вошелъ, верхній обручъ снимаютъ, мѣшокъ завязываютъ и вѣшаютъ до вечера въ безопасномъ мѣстѣ. Вечеромъ, предъ самымъ солнечнымъ закатомъ, кладутъ приготовленный улей на разостланную на землѣ простыню, выпувъ переднее дно, высыпаютъ пойманный рой передъ самымъ отверстіемъ улья на простыню, деревяннымъ ковшомъ, или деревянною ложкою захватываютъ, но осторожно, сколькоможно пчелъ, и бросаютъ ихъ въ улей; находя тамъ пріятное занятіе около внутреннихъ стѣнъ улья, обмазаннаго, какъ выше было объяснено, медовою сытою посредствомъ вѣника изъ душистыхъ травъ, онѣ тотчасъ начнутъ жужжать, призывая къ себѣ остальныхъ, которыя по причинѣ приближенія ночи, спѣшатъ вслѣдъ за ними. Когда всѣ вошли, переднее дно вставляется, рассыпавшіяся по сторонамъ пчелы собираются туда же, черезъ открытый летокъ, и когда уже ночь настала, и пчелы успокоились, улей переноситъ на непрѣмѣнное его мѣсто въ пчельникъ.

При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ рука человѣческая не дотрогивается до матокъ, слѣдовательно, не можетъ ихъ повредить; не такъ какъ издревле водится у нашихъ закосибыхъ пчеляковъ при употребленіи стоячихъ ульевъ, гдѣ первый шагъ матки, или царицы, идетъ черезъ тюрмю. Вотъ какъ это дѣлается.

Поймавъ рой, пчелякъ ищетъ въ немъ матку, въ чемъ онъ не можетъ успѣть иначе, какъ причиняя много безпокойства цѣлому рою; нашедъ, онъ беретъ ее своими,

весьма нежными пальцами, и сажаетъ въ клѣтку, называемую маточникомъ; причеиъ онъ легко можетъ повредить матку, отъ чего можетъ ей приключиться болѣзнь, и даже смерть, и тогда весь рой пропадетъ. Эту клѣтку съ маткою онъ ставитъ въ улей, и оставляетъ ее тамъ, пока пчелы начали дѣлать свои соты; тогда только онъ выпускаетъ матку изъ клѣтки, въ надеждѣ, что теперь уже новый рой не покинетъ улья; что однако жъ не всегда сбывается. Вотъ опасность, которой въ предлагаемомъ мною лежачемъ ульѣ, матка, и, слѣдовательно, цѣлый рой, не подвергается.

Въ стоячихъ ульяхъ должно внутри укрѣпить въ разныхъ мѣстахъ поперечныя палочки, чтобы пчелы могли къ нимъ прилѣпить свои соты. Въ лежачихъ ульяхъ этого не дѣлается; оттого въ послѣднихъ можно вынимать соты цѣликомъ, не пачкая внутренность улья вытекающимъ изъ нихъ медомъ; чего въ первыхъ нельзя избѣгнуть, потому что тамъ должно перерѣзать соты, и вынимать ихъ кусками.

Вообще ухаживающіе за пчелами надѣваютъ на лицо маски, плетенныя изъ тонкой проволоки, а на руки толстыя рукавицы, чтобы обезопасить эти части тѣла отъ ужаленія пчелъ, когда ихъ сажаютъ въ ульи, или подрѣзываютъ соты; но это вовсе не нужно; стоитъ только сварить петрушечной травы въ водѣ, и этою водою вымыть себѣ открытыя части тѣла: пчелы васъ и не тронутъ. Я не употреблялъ другаго предохранительнаго средства, и никогда не былъ ужаленъ пчелами.

Лучшее время для подрѣзыванія сотовъ есть весна, потому что если подрѣзывать соты по окончаніи осени, пчелы подвергаются опасности умереть съ-голоду, ежели мы не довольно оставили пищи, о чемъ ни какъ нельзя навѣрное судить, потому что это зависитъ отъ погоды, болѣе или менѣе холодной, которая ихъ весною ранѣе, или позже оживляетъ. Вторая причина та, что онѣ могутъ умереть отъ-холоду, ежели у нихъ отнять соты, охраняющіе ихъ въ зимнее время происходящимъ въ нихъ броженіемъ, которое производитъ теплоту. Этимъ отнятіемъ сотовъ производится большая пустота въ ульѣ, и

усиливается холодъ; а какъ пчелы всегда держатся на сотахъ и между ними, то при маломъ уже количествѣ оставленныхъ сотовъ онѣ должны тѣсниться на маломъ прострѣствѣ остальныхъ сотовъ, отъ чего часто падаютъ внизъ; холодный воздухъ ихъ тамъ обхватываетъ, лишаетъ силу вползти наверхъ, и онѣ умираютъ. Если же напротивъ того, подрѣзывать ульи по прошествіи зимы, когда уже деревья, кустарники и прочія прозябенія начали цвѣсти, слѣдовательно, теплое время уже настало; когда уже кромѣ нѣсколькихъ дней дурной погоды нечего опасаться, и пчелы начали летать на работу, то, при соблюденіи вышеобъясненныхъ предосторожностей, пчеламъ не можетъ быть никакого вреда отъ подрѣзыванія сотовъ. Самое качество меду теряетъ отъ ранняго подрѣзыванія сотовъ. Чтобы получить полное свое достоинство, медъ долженъ подвергаться естественному броженію въ закрытыхъ ячейкахъ до слѣдующей весны; всѣ водянистыя частицы, которыя въ немъ содержатся съ начала, поглощаются этимъ броженіемъ, и отъ этого онъ дѣлается зернистымъ и прочнымъ.

Подрѣзывать соты лѣтомъ такъ же опасно, какъ и при наступленіи зимы. Если лѣта прошло уже много, то легко можетъ случиться, что пчелы не успѣютъ вновь запастись, чтобы себя прокормить во всю осень, зиму и часть весны; если же оно еще въ началѣ, то это именно то время, когда онѣ очень прилежно занимаются работою, и ухаживаютъ за расплодами: подрѣзываніе сотовъ въ такое время причиняетъ имъ значительную остановку, подвергаетъ гибели расплодъ, готовый къ вылупленію, или крайней-мѣрѣ останавливаетъ на нѣсколько времени его выходъ: потому что прежде нежели пчелы успѣютъ вознаграждать причиненный имъ убытокъ, лѣто проходитъ безъ роевъ. Я уже говорилъ, что прежде нежели число ихъ не превосходитъ того, которое имъ потребно, чтобы докончить свою работу, онѣ роятся не стануть и только это излишество можетъ ихъ принудить искать другаго жилища для заведенія новой колоніи.

Я никогда не приступалъ къ подрѣзыванію сотовъ прежде нежели весна развилась уже до такой степени, что

пчелы могли уже заняться новой работою, и всегда оставаясь этимъ довольны.

Не худо замѣтить, что прежде нежели приступить къ подрѣзыванію сотень, должно пчелъ къ тому приготовить нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ онѣ начнутъ вылетать на работу, снимають рѣшеточки съ лѣтковъ, расклинаютъ переднее дно улья, и каждый день, выжувъ это дно, посредствомъ шпранца обрызгиваютъ передній сотъ бѣлымъ винограднымъ виномъ по волямъ съ водою. Какъ-скоро пчелы этого насосутся, онѣ получаютъ силу и бодрость, такъ что ежели имъ случится быть захваченными холоднымъ вѣтромъ въ первые дни, когда начнутъ вылетать въ поле, то будутъ въ силахъ это выдержать безвредно; потому, когда онѣ уже нѣсколько дней вылетали изъ улья, должно поспѣшить подрѣзкою, чтобы не быть принужденнымъ трогать ихъ новую работу.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ болѣзни пчелъ происходятъ наиболѣе отъ нечистоты въ ульяхъ, или отъ того, когда онѣ питаются медомъ, который, существуя тамъ уже нѣсколько лѣтъ, получилъ дурной вкусъ. Лучшимъ средствомъ этого служить то, что нѣтъ примѣра, чтобы молодой рой съ достаточнымъ продовольствіемъ умереть отъ болѣзни, даже въ стоячихъ ульяхъ: я говорю, съ достаточнымъ продовольствіемъ, потому что большое число молодыхъ роевъ пропадаетъ, оттого, что когда они поддаются, и время не довольно благоприятно, чтобы достаточно завестись медомъ, онѣ умираютъ съ-голоду, или принуждены питаться воскомъ, что причиняетъ имъ немощь, который ослабляетъ ихъ до того, что ежели онѣ и доживутъ до весны, то не въ-силахъ будутъ вылетать въ поле для приисканія себѣ лучшей пищи.

Чтобы отвратить это несчастіе, я употребляю слѣдующія предосторожности: предъ наступленіемъ зимы осматриваю всѣ ульи, чтобы удостовѣриться, довольно ли они запасены медомъ и воскомъ, что очень легко можно узнать, поднимая ихъ слегка; къ лѣтну тяжелыя я прикладываю рѣшеточку, съ тѣмъ, чтобы до слѣдующей весны до нихъ не дотрогиваться; которые же легки, тѣ я сперва осматриваю; ежели въ нихъ мало меду, я кладу въ

нихъ сунуть два, и болѣе, смотря по настоящей нуждѣ, хорошаго свѣжаго и чистаго, сыромолотнаго овса, накла-
дываю потому рѣзкогачи, и зашавываю ихъ тщательнѣе
веревкѣ, овсаюсь, чтобы не добрались до нихъ мыши;
приликаемыя овсомъ, и оставляю въ такомъ положеніи,
иногда зимою случится нѣсколько хорошихъ дней, чтобы
я могъ ихъ осматривать снова.

Въ губерніяхъ средней и сѣверной полось, гдѣ зима
обыкновенно бываетъ продолжительная и очень холодная,
надобно прибавлять свѣжаго овса по-мѣрѣ-того, какъ пче-
лы съѣдятъ прежде положенный, выметая каждый разъ
шелуху; въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ зима гораздо менѣе
бываетъ продолжительна и сурова, и гдѣ, слѣдовательно,
нѣтъ большой надобности закрывать на это время пчель-
никъ спереди соломеннымъ щитомъ, полезнѣе, когда
уже солнце начинаетъ довольно нагрѣвать ульи, въ февра-
лѣ и мартѣ, когда пчелы начинаютъ уже выходить изъ
ульи, вынимать переднее дно у тѣхъ, которые покажутся
слабыми, отдѣлать сотъ чистаго воску, наполнить ячейки
хорошимъ бѣлымъ винограднымъ виномъ, насыщеннымъ
медомъ, положить этотъ сотъ горизонтально въ улей, и
вставить опять вынутое дно: пчелы сходятъ внизъ и ѣдятъ
предложенную имъ пищу. Этотъ способъ кормленія возоб-
новляется каждый разъ, когда замѣчаютъ, что пчелы тре-
буютъ пищи и продолжается до-тѣхъ-поръ, пока насту-
питъ теплое время, когда онѣ могутъ найти для себя пищу
въ полѣ. Господинъ Виенвилье увѣряетъ, что онъ этииъ
средствомъ сберегалъ до весны такіе рои, которые вмѣстѣ
съ ихъ сотами вѣсили не болѣе трехъ фунтовъ.

Мнѣ не случилось дѣлать опыта, класть въ улей вмѣсто
овса овсяной крупы, но думаю, что это было бы лучше,
какъ потому, что крупа займетъ менѣе мѣста въ ульѣ
пожелея овесъ, такъ и потому, что это болѣе сохранитъ
чистоту въ ульѣ, не засоривая его овсяною шелухою.

Это кормленіе пчелъ овсомъ чрезвычайно забавляло и
удивляло приверженцевъ старины; сперва они увѣряли,
что ихъ пчелы не лошади, и не съумѣютъ приняться за
овесъ; когда жъ весною увидѣли, что отъ овса осталась
въ ульѣ одна шелуха, то общее удивленіе дошло до

высшей степени. Признаюсь, я сначала самъ по очень-понималъ, какимъ образомъ пчелы развусятъ овесъ, и сдѣлалъ это только для опыта, чтобы удостовѣриться въ справедливости словъ господина Vievaishé; но теперь, когда неоднократный удачный опытъ подтвердилъ эту справедливость, я съ полною увѣренностью передаю свой опытъ моимъ читателямъ.

Какъ-скоро зима совсѣмъ прошла, и прочія пчелы начинаютъ работать, то есть, когда уже въ полѣ есть цвѣты, надобно вынуть весь оставшійся овесъ и шелуху, и перестать ихъ кормить; иначе онѣ загниются, и не пойдутъ въ поле искать корму, имѣя достаточное продовольствіе безъ труда.

Пчелы, имѣя въ описанныхъ мною лежащихъ ульяхъ, все нужное, не могутъ погибнуть иначе, какъ отъ недостатку пищи, и если ихъ не поддерживать въ этомъ случаѣ; потому что употребляемый ими медъ не можетъ быть старше полутора года, и слѣдовательно не можетъ имъ вредить; однако жъ случается иногда, что весною дѣлается у нихъ поносъ, происходящій, или отъ того, что онѣ слишкомъ долго были въ онѣмѣніи, и потому долго не могли испражняться; или отъ того, что онѣ слишкомъ жадно нападаютъ на первые цвѣты вяза, когда дома нуждаются въ пищѣ, отчего онѣ навѣрное перемерутъ, если имъ не подать самой скорой помощи.

Лучшее средство, которое мнѣ довольно хорошо удавалось, есть то, чтобы, — какъ-скоро черезъ желтоватые пятна, которыя онѣ вездѣ оставляютъ, гдѣ садятся, познаться, что онѣ страдаютъ поносомъ, — класть въ каждый улей по кусочку крутаго тѣста, сдѣланнаго изъ муки русскаго бобовъ, смѣшанной съ медомъ и бѣлымъ виномъ. Другое средство состоитъ въ томъ, чтобы очень мелко истолочь обыкновенной соли, и положить въ каждый улей толщиною въ ножевый обухъ, и въ двѣ трети вершка въ квадратъ.

Но чтобы пчелъ не подвергать этой болѣзни, должно тщательно посматривать, чтобы онѣ не нуждались въ пищѣ зимою, и когда начинаютъ вылетать въ поле. Тогда, не будучи голодны, онѣ съ цвѣтовъ вяза, причинающихъ

имъ поносъ, возьмутъ только то, что имъ нужно, чтобы начинать свою работу, и будутъ питаться ими только тогда, когда посредствомъ ихъ переработыванія медъ съ этихъ цвѣтовъ получить ту степень совершенства, которая сдѣлаетъ его безвреднымъ.

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ зима бываетъ продолжительная и суровая, должно закрывать передній фасадъ пчельника соломеннымъ щитомъ; для этого приставляются къ нему шесты, такъ что верхніе ихъ концы приложатся къ верхней части фасада, подъ выпускъ крыши, а нижніе концы втыкаются немного въ землю, выступая впередъ отъ цоколя на аршинъ съ четвертью: лучше ставить эти шесты для большей крѣпости не далѣе одинъ отъ другаго, какъ на пол-аршина; поперегъ этихъ шестовъ, въ такомъ же разстояніи одна отъ другой, отъ низу до верху привязываются хворостники, сверхъ этого кладется толстое соломенное полотно, по-крайней-мѣрѣ вершка въ три или четыре толщины, и комлями кверху; оно утверждается такъ, чтобы вѣтеръ не могъ его сорвать, и чтобы не оставалось прорѣхъ съ боковъ, черезъ которыя бы могъ попадать снѣгъ во время мятелей. Можно также изъ предосторожности завѣсить двери соломенными щитами.

Такое распоряженіе ни мало не мѣшаетъ осматривать зимою ульи съ обоихъ концовъ. Когда же случатся въ это время теплые дни, можно провѣтривать пчельникъ между восходомъ и закатомъ солнца. Когда уже нельзя будетъ опасаться сильныхъ морозовъ, тогда снимаютъ мало-помалу, но не вдругъ, соломенные щиты, чтобы исподоволь пріучить пчелъ къ наружному воздуху. Однако жъ при этомъ надобно поступать весьма осторожно, потому что солнце, которое столь полезно для нихъ лѣтомъ, зимою часто бываетъ причиною ихъ смерти.

Это много зависитъ отъ положенія пчельника. Хотя выше сказано, что должно для него выбрать самое теплое и выгодное мѣсто противъ полдня, но совсѣмъ тѣмъ должно взять мѣры, чтобы онъ менѣе былъ освѣщаемъ солнечными лучами зимою, что весьма не трудно исполнить. Для этого надобно съ восточной стороны приставить ста-

вень, или натянуть въ видѣ ставня соломенный щитъ, чтобы утреннее солнце не могло согрѣвать ульи. Зимую, въ хорошіе дни, можно изрѣдка снимать этотъ ставень, чтобы солнце нѣсколько обогрѣло ульи, и пчелы могли испражняться внѣ ихъ и чтобы можно было видѣть въ какомъ положеніи онѣ находятся. Тѣмъ болѣе должно соблюсти это средство охраненія пчелъ отъ солнечныхъ лучей въ такое жестокое для нихъ время, что онѣ, какъ скоро почувствуютъ солнце, то тотчасъ выходятъ изъ своихъ ульевъ и пускаются въ даль; но какъ въ это время оно не во всякомъ мѣстѣ столько грѣетъ, какъ въ пчельникѣ, и пчелы вблизи его не чувствуютъ силы вѣтровъ, которые въ другихъ мѣстахъ очень чувствительны, то удаляясь отъ пчельника, онѣ подвергаются холоду, и мѣютъ, и погибаютъ, лишаясь силъ возвратиться въ свое жилище. Поэтому для провѣтриванія ихъ зимою надобно выбрать совершенно тихій день. Впрочемъ, еслибы пчелы и избавились отъ опасности погибнуть во время этой зимней прогулки, и возвратились бы всѣ домой, то частое движеніе на чистомъ воздухѣ возбудитъ въ нихъ сильный аппетитъ, и онѣ въ теплую зиму съѣдятъ, не только запасъ для нихъ назначенный, но даже все то, что слѣдовало бы получить хозяйну; такъ что въ иные годы онѣ бы стали нуждаться въ пищѣ гораздо прежде наступленія весны, и пришлось бы ихъ кормить запаснымъ кормомъ. Охраняя же ихъ зимою отъ солнечныхъ лучей, и давая имъ только слегка обогрѣться, и то только въ случаѣ настоятельной, очевидной нужды, онѣ вовсе не выходятъ, или очень рѣдко, и то только тогда, когда подуетъ легкій южный вѣтеръ, или во время совершеннаго безвѣтрія, когда воздухъ пріятенъ вездѣ, что очень рѣдко случается въ такое время года; а это именно тѣ дни, въ которые должно осматривать ульи, выметать пчельникъ, очищать его отъ паутины, класть кормъ въ тощіе ульи, смотрѣть, не причиняютъ ли мыши какого вреда, дѣлать все то, что выше было сказано насчетъ сбереженія пчелъ.

У насъ во всей Россіи слѣдуютъ до сихъ-поръ древнему обыкновенію, ставить ульи на зиму въ темные погреба, или въ иппеники, и вѣрно всякій хозяинъ сознается, что

весьма рѣдко случается, чтобы онъ при выставкѣ ихъ весною въ пчельники, не нашелъ значительнаго числа погибшихъ. Причина этому весьма простая и ясная: воздухъ въ этихъ мѣстахъ почти всегда сырой и спертый, слѣдовательно, долженъ причинять пчеламъ разныя болѣзни, отъ которыхъ онѣ часто умираютъ. Болѣе всего должно опасаться гнили и плѣсени, обыкновенныхъ спутницъ сырости и спертаго воздуха. Ктому жъ, какъ болѣею частію пчельники слишкомъ далеки отъ дому, то по трудности переносить тяжелые и неуклюжіе ульи въ дальшее мѣсто, перевозятъ ихъ на телѣгахъ. Пчелы и безъ того не любятъ, чтобы ихъ таскали съ мѣста на мѣсто, а трясеніе въ телѣгѣ причиняетъ имъ сильное безпокойство, и тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе оно продолжается. Весьма естественно, что во все время такихъ переѣздовъ онѣ безпрестанно будутъ падать съ сотовъ, и перебиваться между собою, такъ что онѣ словно одурѣютъ. При этомъ можетъ также легко случиться, и нерѣдко случается, что соты отломаются, передавать пчелъ, и вытекающій изъ этихъ сотовъ медъ перепачкаетъ весь улей, послѣ чего пчелы, вмѣсто-того, чтобы собирать въ полѣ медъ и воскъ, должны заниматься очищеніемъ своего улья; слѣдовательно весною онѣ теряютъ чрезъ то лучшее время для работы, а подъ зиму затрудняются въ темномъ и сыромъ своемъ помѣщеніи бесполезною очисткою улья.

Напротивъ того, я сохраняю своихъ пчелъ въ лѣсу подъ соломеннымъ шатромъ, не трогая ихъ съ мѣста, цѣлую зиму, даже при тридцати градусахъ морозу, и теряю ихъ несравненно менѣе нежели мои сосѣди въ мшеникахъ, или темныхъ подвалахъ.

Желательно, чтобы сельскіе домоводы, охотники до пчеловодства, устроили свои пчельники, хотя сначала въ маломъ видѣ, по сдѣланному мною описанію. Удачный опытъ въскольکو лѣтъ сряду послужитъ убѣдительнымъ доказательствомъ существенной пользы ихъ, и вскорѣ потомъ и всѣ хозяева, даже поселяне, убѣжденные такимъ доказательствомъ, устроятъ у себя такіе же пчельники и ульи. Эта важная отрасль внутренней и внѣшней промышленности

сти усовершенствуется, и принесетъ значительную прибыль тѣмъ, которые ею займутся.

Пчеловодство могло бы быть въ Россіи немаловажнымъ источникомъ богатства для всѣхъ сословій: повсюду оно почти могло бы служить для покрытія общественныхъ сельскихъ повинностей, ежели бы въ деревняхъ завести общественныя пчельники, для присмотра за которыми могли бы быть употреблены полутягодные старики. Для пчельника не много надобно мѣста, а корму для пчелъ Богъ даетъ вездѣ въ изобиліи, потому что онѣ набираютъ медъ и воскъ со всѣхъ цвѣтовъ. Лѣса, поля, луга, огороды, рощи, сады, все доставляетъ пчеламъ пищу: онѣ между прочимъ очень любятъ гречиху; но на этотъ счетъ я сдѣлалъ любопытное замѣчаніе. Въ тѣ годы, когда, приближаясь къ полю засѣянному гречихою и покрытому цвѣтомъ, чувствуешь запахъ меду съ поля, въ тотъ годъ пчелы не берутъ съ него медъ.

Медъ и воскъ не только произведенія для внутренняго потребленія, но весьма выгодный отпускной товаръ за границу, который будутъ брать у насъ всегда по выгоднымъ цѣнамъ, и въ значительномъ количествѣ; слѣдовательно, нельзя опасаться, чтобы распространеніе пчеловодства понизило цѣнность его произведеній. Для отпуски за границу я полагаю выгоднѣе всего приготовить воскъ уже отбѣленный; бѣленіе не требуетъ большихъ издержекъ, это работа домашняя, которая дѣлается между дѣломъ; а цѣнность товару значительно отъ того возвысится.

Употребленіе меду въ пищу имѣло бы весьма полезное вліяніе на здоровье поселянъ, потому что онъ содержитъ въ себѣ лучшія лекарственныя частицы изъ всѣхъ цвѣтовъ, и въ особенности полезенъ въ грудныхъ болѣзняхъ; слѣдовательно, тутъ была бы соединена пріятность съ пользою.

Пчелы величайшіе враги между собою, какъ весною, такъ и осенью, и это есть убѣдительная причина, почему не должно подрѣзывать соты, ни зимою, ни слишкомъ рано весною, ни въ позднее лѣто. Ежели весна холодная, а лѣто сухое, то онѣ не найдутъ для себя пищи ни въ пе-

ль для дома, и тогда пометать по чужимъ ульямъ на грабежъ: въ этомъ случаѣ слабѣйшія, какъ это водится вездѣ, сдѣлаются жертвами сильнѣйшихъ; и это-то называется грабительствомъ.

Чтобы отворотить такой беспорядокъ, необходимо должно осмотрѣть тѣхъ, которыя нуждаются въ запасахъ, и сѣбѣ сѣлаютъ обыкновенно самыя малочисленныя: тѣ, которыя рѣшились часто въ продолженіи лѣта, и нѣсколько разъ; роев, которыя вышли послѣдніе, и которымъ неблагоприятная погода помѣшала запасти вдоволь. Въ этомъ случаѣ должно прикладывать къ леткамъ рѣшеточки, точно также, какъ подъ зиму; съ этою предосторожностью, какъ бы рой ни былъ малочисленъ, онъ всегда будетъ въ довольномъ числѣ, чтобы внутри своего улья защищаться противъ нападующихъ.

Всегда должно опасаться грабительства послѣ подрѣзыванія сотевъ до мая мѣсяца, и отъ исхода августа до исхода сентября, ежели не будутъ приняты вышеописанныя предосторожности, чтобы пчелы не нуждались. Есть пчелы, которыя грабятъ другихъ по особой склонности къ воровству. Лучшее средство отъучить ихъ отъ этого состоитъ въ томъ, чтобы бросить имъ въ улей песку; какъ пчелы вообще чрезвычайно наблюдаютъ чистоту внутри своихъ жилищъ, то онѣ тотчасъ займутся очищеніемъ своего улья отъ песку, и перестанутъ грабить сосѣдей.

Пчелы имѣютъ еще непріятелей не менѣе опасныхъ, и въ большомъ числѣ; нечистота въ пчельникѣ и трава, подлѣ (стоячими) ульями растущая, служитъ приѣжищемъ для безчисленнаго множества насѣкомыхъ, и для нѣкоторыхъ мелкихъ животныхъ, каковы напримѣръ: улитки, мокрицы, земляные пауки, муравьи; и для такихъ, которыя хотя тамъ и не живутъ, но укрываются отъ розысковъ тѣхъ, кто старается ихъ истребить, какъ напримѣръ: ящерицы, и мыши. Поэтому необходимо нужно содержать всегда пчельникъ во всевозможной чистотѣ, истреблять всѣ паутины.

Улитки оставляютъ вездѣ, гдѣ ползутъ, слизистые и липкіе слѣды, такъ что пчелы, бродящія по этимъ мѣ-

бугамъ, могутъ лишь съ трудомъ вытащить ноги; кому жѣ улитки вползаютъ въ ульи, и ѣдятъ медъ и воскъ.

Мокрицы, которыя находятся въ нечистыхъ и сырыхъ мѣстахъ, беспокоятъ пчелъ, и весьма для нихъ противны: отъ нихъ можно уберечься, ежели хорошенько усыпать доль въ пчельникѣ пескомъ.

Этотъ способъ служить и противъ муравьевъ; ежели венокъ ихъ не вовсе остановить, то по-крайней-мѣрѣ легко ихъ увидѣть и узнать, откуда они приходятъ. Они тѣмъ опаснѣе, что очень лакомы до меда, приходятъ въ большомъ числѣ, и въ самое короткое время съѣдаютъ весь медъ, не только въ одномъ ульѣ, но и во многихъ, и принуждаютъ даже пчелъ оставить свое жилище. Лучшее средство истреблять этихъ насѣкомыхъ состоитъ въ томъ, чтобы разводить огонь на томъ мѣстѣ, гдѣ они изъ земли выходятъ, лить туда кашатку, или насыпать сухой зоты на четверть вершка толщины вокругъ отверстія, откуда они выходятъ изъ земли; также положить на эти мѣста кости изъ старыхъ окороковъ, разбитыя такимъ образомъ, чтобы мозги были открыты. Лучшее же предостерегательное противъ нихъ средство есть то, какъ уже выше было упомянуто, чтобы вокругъ пчельника засѣять грядку кервелемъ; выростающія на немъ семена высыпаются въ землю; въ позднюю осень ихъ зарываютъ граблями въ землю; тогда они взойдутъ въ слѣдующую весну.

Ящерицы также очень опасны; я замѣтилъ одну, говорить господинъ Vienaimé, которая въ часъ съѣла двѣнадцать пчелъ, и съѣла бы ихъ, вѣроятно, болѣе; но только эти двѣнадцать подходили въ это время къ тому мѣсту, гдѣ она была въ засадѣ.

Если пчельникъ не обмазанъ хорошо вездѣ, то ящерицы на вѣрное въ немъ поселятся, и засядутъ при леткахъ. Такъ какъ онѣ весьма проворны, то имъ легко будетъ укрываться въ стѣнахъ пчельника, если въ немъ есть способныя къ тому мѣста.

Мыши также воспользуются небреженіемъ во внутренности пчельника, и не только зимою съѣдятъ пчелъ со всѣми ихъ запасами, но даже лѣтомъ вползутъ въ ульи, чтобы истребить медъ и воскъ, въ такіе дни, когда дуютъ

Холодные вѣтры, которые уменьшаютъ дѣятельность пчелъ; наиболѣе же весною и осенью, если не будутъ приняты всѣ предосторожности, чтобы ихъ истребить.

Маленькія садовыя мыши, живущія какъ въ стѣнахъ, такъ и въ землѣ, не менѣе прочихъ опасны. Средство истреблять ихъ, а равно какъ и обыкновенныхъ мышей, состоитъ въ томъ, чтобы лѣтомъ заготовить горохомъ свареннымъ съ бѣшенницею (водяная сильнѣе дѣйствуетъ, нежели полевая). Какъ-скоро примѣчается присутствіе мышей, то раскидываютъ нѣсколько этого гороху по пчельнику; онѣ тотчасъ съѣдятъ его, и въ тотъ же день переконюютъ. Вотъ какимъ образомъ это снадобье готовится.

Надобно варить искрошенную бѣшенницу въ водѣ, по крайней-мѣрѣ съ полчаса, остерегаясь при томъ, чтобы самому не глотать поднимающійся притомъ паръ, потому что это растеніе очень ядовито; потомъ кинуть туда горохъ, чтобы онъ хорошенько взмокъ, вскипятить еще съ четверть часа, и дать всему остынуть. Вынуть горохъ, высушить его, и раскидывать вездѣ, гдѣ завелись мыши.

Что касается до воробьевъ и ласточекъ, которые безпрестанно обижаютъ пчелъ, и часто ловятъ ихъ на-лету, то не легко отъ нихъ оберегаться. Я полагаю, что все, что можно сдѣлать противъ нихъ, состоитъ въ томъ, чтобы не допускать этихъ птицъ заводить свои гнѣзды въ близкомъ сосѣдствѣ отъ пчельника.

Большія рѣки, гдѣ бываетъ приливъ и отливъ моря, истребляютъ также великое число пчелъ.

Весьма полезно имѣть всегда чистую воду въ маленькихъ корытцахъ, или жолобочкахъ, вблизи пчельника. Въ нихъ накидываютъ рубленую солому, сухія вѣточки, или щепы; пчелы садятся на нихъ, пьютъ воду свободно, не подвергаются опасности быть увлеченными быстротою воды, и потонуть, какъ это часто съ ними случается у береговъ рѣки.

Если устроить пчельники въ лѣсныхъ кварталахъ, о которыхъ было упомянуто въ статьѣ о лѣсоводствѣ, соединенномъ съ полеводствомъ и луговодствомъ, и вблизи

зи иѣтъ рѣчки, или ручейка, то непременно надобно вырыть около того мѣста колодезь, ставя вокругъ него копытцы, или жолобочки, и наблюдать, чтобы они всегда были снабжены водою; а для сохраненія въ нихъ должной чистоты, выполоскивать ихъ, хоть раза два въ недѣлю. Такіе колодцы и безъ того необходимо нужны въ тѣхъ мѣстахъ для людей, которые приходятъ работать въ полевыхъ и луговыхъ кварталахъ, и для караульныхъ.

Если вблизи этихъ кварталовъ есть оврагъ, въ которомъ бы можно было скоплять воду описаннымъ мною средствомъ, то это будетъ еще выгоднѣе, нежели простой колодезь, и удобнѣе для пчелъ, представляя болѣе пространства для ихъ водопоя по берегамъ всего пруда.

Пчелы летаютъ на работу даже верстъ за пять, когда не могутъ найти корму ближе; но это чрезвычайно ихъ утомляетъ, и подвергаетъ часто опасности погибнуть въ пути. По этому должно стараться распорядиться своимъ полководствомъ, луководствомъ и огородами такъ, чтобы соображаясь съ временемъ цвѣтенія дикихъ растений, пчелы могли всегда находить прибыльное занятіе въ очень дальнемъ разстояніи отъ своего жилища во все время ихъ лѣтнихъ работъ.

Вотъ все, что я припоминаю теперь насчетъ пчеловодства. Можетъ-быть, и это покажется иному слишкомъ странннымъ, но мнѣ показалось необходимымъ объяснить всѣ подробности, касающіяся до этого, столь общепользнаго, предмета; тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ успѣхъ, или неуспѣхъ могутъ иногда зависѣть отъ соблюденія, или пропуска какого-нибудь мелочнаго правила, и легче въ такомъ случаѣ посвятить четверть часа и болѣе чтенію хозяйственной статьи, нежели домогаться опытности собственными наблюденіями, требующими много времени, а нерѣдко и издержекъ, часто бесполезныхъ.

ВАРОНЪ АЛЕКСАНДРЪ ВОДЕ.

О СОСТОЯНІИ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Германское земледѣліе, и по сосѣдству странъ и по сходству климата, сдѣлалось образцомъ къ подражанію для русскихъ сельскихъ хозяевъ. Во всѣхъ нашихъ усовершенствованіяхъ по этой части мы обращаемъ взоры къ учительницѣ нашей, землѣ нѣмецкой, и отъ нея ждемъ наставленія и руководства. Для насъ, повѣтому, весьма интересно всякое свѣдѣніе о томъ, что касается до германскаго земледѣлія. Вышедшая въ прошломъ году въ Парижѣ книга господина Эмиля Жакмена, подъ заглавіемъ «L'Allemagne agricole et industrielle», не должна, въ такомъ случаѣ, остаться неизвѣстною читателямъ этого отдѣленія. Мы постараемся представить здѣсь сокращенно ея содержаніе.

Поверхность Рейнской Пруссіи занимаетъ до 460 квадратныхъ географическихъ миль. Подъ земледѣліе занята 2,350,000 десятинъ. Одно уже это даетъ высокое понятіе о состояніи сельскаго хозяйства въ прусской монархіи. Вотъ какимъ образомъ подраздѣляется это обширное пространство земли.

Сады занимаютъ.....	50,700 десятинъ.
Поля.....	830,300.
Луга.....	141,800.

Пажити.....	190,500.
Виноградники.....	9,400.
Лѣса.....	663,400.
Паровыя поля.....	183,300.
Дороги и рѣки.....	62,600.

Отсюда видно, что поверхность, занимаемая лѣсами, относится къ обработаннымъ землямъ какъ 1 къ $3\frac{1}{4}$. Это — болѣею частію столѣтніе лѣса, которыхъ содержаніе, въ послѣднее время, сдѣлало замѣчательные успѣхи. Большая часть воздѣланныхъ земель посвящена посѣву травъ и зерновыхъ хлѣбовъ. За ними слѣдуютъ пажити и виноградники.

Это пространство земли раздроблено почти до безконечности: оно раздѣляется на 11,215,527 участковъ, принадлежащихъ почти такому же числу семействъ, которыхъ члены въ одно время и ремесленники и земледѣльцы и помѣщики.

Въ Рейнской Пруссіи каждый владѣлецъ, среднимъ числомъ, имѣетъ не болѣе трехъ съ четвертью десятинъ; въ кобленцкомъ округѣ ежегодно дѣлается до шести тысячъ новыхъ раздѣловъ, есть участки полей и виноградниковъ, которые платятъ не болѣе трехъ четвертей кофѣйки мѣдыю поземельной подати.

Спрашивается, можетъ ли существовать при такомъ порядкѣ вещей скотоводство и земледѣліе. Улучшеніе пахтей невозможно. Вотъ почему въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ мозельской провинціи мы находимъ самыхъ бѣдныхъ земледѣльцевъ. Это показываетъ ясно, что неограниченное подраздѣленіе земель и чрезполосность вредны для сельскаго хозяйства: постоянное обладаніе извѣстнымъ пространствомъ земли, и округлость владѣнія необходимы для того, чтобы земледѣліе могло снабжать торговлю своими избытками, въ которыхъ она нуждается. Если въ государствѣ будутъ только мелкіе земледѣльцы, не имѣющіе средствъ, ни откармливать животныхъ, ни производить большаго количества зерноваго хлѣба, нежели сколько нужно для домашняго обиходу, что будетъ дѣлать торговля и промышленность: имъ придется вывозить все

изъ иностранныхъ государствъ, и тогда бѣдность сдѣлается всеобщюю.

Въ Рейнской Пруссiи на семейство, состоящее изъ пяти человѣкъ, приходится, среднимъ числомъ около 2¹/₂ десятитъ, а въ кобленцкомъ округѣ около 3. Очевидно, что здѣсь народонаселенiе очень сжато. Чистаго доходу обрабатываемыя земли приносятъ около 9,610,000 рублей серебромъ, дома, фабрики, мельницы и другiя промышленныя заведенiя около 9,413,000 рублей серебромъ.

Это показываетъ, что народонаселенiе Рейнской Пруссiи одно изъ самыхъ дѣятельныхъ и промышленныхъ въ Европѣ. Она простирается до 2,400,000 душъ, такъ, что на квадратную милю приходится отъ 3,336, до 7,415 человѣкъ.

Здѣсь входитъ нынѣ въ общее употребленiе посѣвъ волчану или лупину. Это растенiе, употребляемое для улучшенiя почвы, съ выгодой замѣняетъ навозъ, особенно на склонахъ горъ, которыя до-сихъ-поръ не были воздѣлываемы по чрезвычайной затруднительности перевозки навозу. Это растенiе удивительно хорошо прозябаетъ на землѣ истощенной, даже почти безплодной. Оно даетъ самъ-сорокъ урожай. Обширныя пространства, которыя до нынѣ были брошены, или обрабатывались однажды втеченiи десяти и пятнадцати лѣтъ, начинаютъ давать ежегодныя жатвы. Благодаря этому растенiю, цѣнность земель, на которыхъ его употребляютъ вмѣсто навозу, утроилась и даже учетверилась. Волчанъ—растенiе одаренное удивительными свойствами: онъ прекрасно растетъ и въ самыхъ высокихъ, и холодныхъ мѣстахъ и на льдинахъ, и на берегахъ рѣкъ покрытыхъ туманами, и не боится ночныхъ морозовъ.

Вотъ таблица, показывающая количество собранныхъ въ 1838 произведенiй земли, въ Рейнской Пруссiи:

Пшеницы пш.....	2,060,810 руб. сереб.
Ржи.....	5,086,216 .
Ячменя.....	1,304,364
Овса.....	3,634,489
Пш.бѣл.....	219,144

Сарачинскаго пшена	640,324
Картофелю.....	6,074,324
Гороху.....	311,261
Масляныхъ семянъ.	1,444,189
Хмѣлю.....	62,612
Кормовыхъ травъ....	6,612,612
Сѣна.....	4,752,258
Вина.....	7,635,090
• Табаку.....	63,387

Кормовыя травы, поэтому, занимаютъ первое мѣсто; зерновые хлѣба слѣдуютъ за картофелемъ. Не менѣе важное мѣсто занимаютъ и масляные семена.

Двадцать пять миллионовъ десятинъ земли, находящихся во всей Пруссiи, раздѣляются на три категорiи. Къ первой относятся 273,780 десятинъ принадлежащихъ королю: онѣ приносятъ ежегодно доходу до 4,351,802 рублей серебромъ.

Ко второй—земли дворянскiя, Rittergüter: пространство ихъ съ точностью не извѣстно. Они приносятъ до 387,610,810 рублей серебромъ. Къ третьей, такъ называемы крестьянскiя земли, Bauerгütter. По послѣдней переписи 1837 года, крестьянское народонаселенiе Пруссiи простиралось до 10,457,679 душъ, то есть, оно составляетъ семь десятыхъ всего народонаселенiя въ государствѣ. На этомъ-то классѣ лежитъ вся тягость податей.

Эти три рода земель, по изчисленiю Вебера, производятъ ежегодно круглымъ счетомъ 17,000,000 четвертей зерноваго хлѣба. На продовольствiе государства ежегодно потребляется 15,000,000 четвертей; остальные 2,000,000 частью пшеницы, частью ржи, вывозятся за границу.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на успѣхи Германiи въ земледѣлiи.

Двѣ трети германскихъ земледѣльцевъ держатся еще стараго правила дѣлить пахатную землю на три поля, съ тою только разницею, что теперь и паровое поле употребляется въ дѣло. Остальная треть—земледѣльцы образованные, разсѣялись по всему пространству Германiи. Они совершенно убѣждены въ неправильности трехпольной

системы, и не бросили ея вовсе потому только, что еще изучаютъ новыя системы: имъ хочется узнать опытомъ, которая изъ нихъ лучше соотвѣтствуетъ тому или другому краю. Одно, въ чемъ всѣ теперь согласны въ Германіи, это—необходимость увеличить количество кормовыхъ травъ, чтобъ умножить число скота, приобрести лучшій навозъ и, слѣдовательно, получить обильнѣйшія жатвы хлѣба. Вотъ почему обработка луговъ сдѣлала въ послѣднее время изумительные успѣхи въ Германіи вообще: особенно примѣчательны нѣкоторыя области, въ этомъ отношеніи образцовыя. Пажити въ нагорныхъ мѣстахъ, прежде оставляемыя на произволъ природы, сдѣлались теперь предметомъ самыхъ дѣятельныхъ попеченій; многія засѣваются хлѣбомъ только для того, чтобъ послѣ получить съ нихъ болѣе и лучшаго качества травы: всѣ системы сѣвооборотовъ считаются въ Германіи хорошими, какъ-скоро они умножаютъ сборъ кормовыхъ травъ. Всѣ введены въ употребленіе, особенно, такъ-называемая *натуральная* или *свободная* система, которая собственно не система: она въ глазахъ умнаго земледѣльца состоитъ въ томъ, чтобъ не слѣдовать никакому положительному порядку, а сѣять тѣ растенія, которыя въ данный моментъ кажутся самыми приличными и лучше всего удаются. *Натуральная система*— совершенная новость для нашихъ русскихъ агрономовъ, напитанныхъ педагогскою мудростью Теэра. Между-тѣмъ какъ они мучительно составляютъ таблицы сѣвооборотовъ, думая, что этимъ слѣдуютъ опыту и ученію Германіи, она уже отвергла эти обманчивые списки и смѣется надъ ними. И въ самомъ дѣлѣ, результаты натуральной или свободной системы повсюду такъ удачны, что она рѣшительно беретъ верхъ надъ всѣми прочими. Травосѣяніе и приготовленіе навозовъ производится нынче по ней въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; улучшенія, введенныя въ эту отрасль земледѣлія, неизчислимы: мы не кончили бы, если бъ стали только изчислять всѣ машины и инструменты, придуманные для этого. Самое число сѣемыхъ травъ очень умножилось. Многія растенія разводятся въ большемъ противъ прежняго количествѣ, напримѣръ ленъ, табакъ и

масляныя растенія. Въ воспитаніи животныхъ также произошла коренная перемена. Въ числѣ важныхъ усовершенствованій, сдѣланныхъ Германіею въ сельскомъ хозяйствѣ, должно упомянуть также объ изученіи состава почвъ и способовъ улучшать ихъ. Она выучилась новымъ методамъ приготовления навозу и унавоживанія полей. Земля обрабатывается нынче гораздо глубже и съ большимъ стараніемъ. Сближеніе технологій и земледѣлія дало блистательныя послѣдствія. Пятьдесятъ лѣтъ тому, вся воздѣланная поверхность Германіи раздѣлялась такимъ образомъ: $\frac{1}{8}$ были назначены на произведеніе зерновыхъ хлѣбовъ; одна пятая оставалась подъ сѣно; скота было мало; навозу никогда не хватало, и, несмотря на тяжкіе труды земледѣльца, истощенная земля давала плохія жатвы. Теперь — все иначе: только пятая часть пахатной земли посвящается зерновому хлѣбу, остальное определено подъ кормовыя травы; скотъ — въ цвѣтущемъ состояніи, земля, оплодотворенная изобильнымъ унавоживаніемъ, даетъ богатыя жатвы, трудъ земледѣльца сдѣлался менѣ изнурительнымъ. Сколько усилій, трудовъ, опытовъ, пожертвованій должно было употребить, чтобы достигнуть до такихъ результатовъ! Образовалась отдѣльная литература, которой произведенія составляютъ огромныя библіотеки. Въ этой литературѣ — полная и подробная исторія германскаго земледѣлія.

Большое правило, составляющее въ настоящее время основаніе земледѣльческаго благосостоянія Германіи, состоитъ въ увеличеніи производства кормовыхъ травъ. Что можетъ быть простѣе и важнѣе этого? Рано или поздно, эта спасительная истина будетъ признана всѣмъ свѣтомъ; она повсюду разольетъ то довольство, которое доставила уже Англіи, Голландіи, Бельгіи. Собственно Германія заимствовала свое новое правило у этихъ трехъ государствъ, но должно сказать и то, что она умѣла усвоить его себѣ, сдѣлать изъ него почти новое открытіе, убѣдясь собственнымъ опытомъ, что это — единственное средство поправить разстроенное земледѣліе. Этимъ открытіемъ она утредила произведенія своего земледѣлія и свое народное богатство.

Многимъ можетъ быть не понятно, что значить — утроить народное богатство утроить произведенія земли. Англіи объяснить имъ это. Народное богатство Англіи — двухъ родовъ, земледѣльческое и промышленное.

Фунты стерлинговъ.

Капиталы, употребляемые на земледѣліе, животноводство, земледѣльческіе инструменты и орудія, составляютъ..... 331,805,000.

Капиталъ въ фабрикахъ и торговлѣ.....	218,000,000.	} 994,500,000.
Капиталъ въ судахъ, строеніяхъ, каналахъ, мостахъ, лошадахъ, не служащихъ для земледѣлія.....	776,500,000.	
<hr/>		

Итого 4,305,000.

Цѣнность сырыхъ произведеній земледѣлія..... 539,000,000.

Цѣнность произведеній фабрикъ и торговли 259,500,000.

Итого 1,325,500,000.

Такимъ образомъ Англія положила въ свое земледѣліе втрое менѣе капитала чѣмъ въ торговую и мануфактурную промышленность, а получаетъ отъ него вдвое болѣе чѣмъ отъ промышленности и, слѣдовательно, основаніе народнаго богатства Англіи, самой мануфактурной и торговой страны въ мірѣ, всё-таки — земледѣліе и его произведенія. Какія огромныя суммы доходу получаетъ она ежегодно отъ своего улучшеннаго земледѣлія! Цѣнность поземельной собственности дошла въ Англіи до громадной суммы 4,305,500,000 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или тридцати тысячъ ста сорока милліоновъ рублей серебромъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія та же самая земля не стояла и пятой доли этой страшной массы денегъ, потому только, что тогда Англія еще не знала великаго секрета земледѣлія — травосѣянія, и четыре пятыхъ земли были заняты подъ зерновые хлѣба. Но спросить, какимъ образомъ посредствомъ простаго употребленія большаго количества земли подъ травосѣяніе, можно дойти до такихъ чудесныхъ результатовъ? Отвѣтъ на это коротокъ. Если у васъ есть чѣмъ кормить скоть, вы можете имѣть бы-

ковъ, коровъ, стада овецъ, и хорошо кормить ихъ. У васъ, слѣдовательно, будетъ много средствъ для удобренія земли, съ одной стороны—потому что кормовыя травы утучняютъ почву, а съ другой, скотъ даетъ отъ нихъ въ большомъ количествѣ хорошій навозъ. Земля тогда принесетъ обильныя жатвы въ зерновомъ и другихъ растеніяхъ. Это не пустыя теоріи, а истины, тысячу разъ доказанныя опытомъ, признанныя всѣми просвѣщенными агрономами. Кормовыя травы, скотъ и обильныя жатвы держатся всегда вмѣстѣ. Но этого мало. При такомъ порядкѣ, вы получаете лучшее мясо, лучшее сало, лучшія кожи, и прочая.

Вмѣстѣ съ усиленнымъ посѣвомъ кормовыхъ травъ, въ Германіи введено еще одно важное усовершенствованіе; именно, отличный способъ откармливанія рогатаго скота и даже овецъ, въ стойлахъ или по-крайней-мѣрѣ, въ особенномъ отдѣленіи двора. Скотину выгоняютъ на луга только отъ времени до времени, не столько для пищи, какъ для того чтобъ дать ей подышать чистымъ воздухомъ. Овецъ тоже постоянно держать въ овчарнѣ, или на дворѣ, прилегающемъ къ ней. Ихъ не выгоняютъ на поле даже въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Здоровье, качество шерсти, все выигрываетъ при такомъ содержаніи. Можно смѣло сказать, что на десятинѣ пароваго поля едва-ли найдется довольно травы, чтобъ прокормить четырехъ барановъ, между-тѣмъ какъ та же десятинна, засѣянная клеверомъ, прокормитъ пятьдесятъ. Кромѣ-того, эти пятьдесятъ барановъ дадутъ больше навозу, и навозу сильнаго, который не будетъ теряться на переходахъ.

Нѣкоторыя правительства покровительствовали фабричную промышленность больше чѣмъ земледѣліе; нѣкоторые государственные распорядители приносили земледѣліе въ жертву заводамъ, утверждая или воображая, что фабрики требуютъ особеннаго поощренія и должны быть защищены запретительными тарифами. Это заблужденіе чрезвычайно вредно въ смыслѣ политико-экономическомъ. Доведите земледѣліе до совершенства, фабрики процвѣтутъ сами собою. Пока земледѣліе плохо, фабричная промышленность непрочна и больше въ тягость чѣмъ въ пользу по-

требителю. Даже въ самыхъ промышленныхъ государствахъ эта промышленность—весьма второстепенный источникъ народнаго богатства. Доходы, приносимые земледѣлемъ, вдвое, втрое значительнѣе доходовъ фабрикъ. Капиталы, положенные въ сельское хозяйство, несравненно больше чѣмъ капиталы употребляемые на мануфактуры. Земледѣльческое общество гораздо постояннѣе, менѣе подвержено случайностямъ. Обыкновенно представляютъ сельское хозяйство и фабричную промышленность, какъ двѣ вещи совершенно противоположныя, которыхъ пользы не имѣютъ между собою ничего общаго, такъ, что одно можетъ погубить другое. Страшная ошибка! Это сестры: онѣ связаны неразрывными узами. Онѣ процвѣтаютъ или гибнутъ въ одно время. При усовершенствованномъ земледѣліи фабрики быстро возникаютъ повсюду, и чѣмъ болѣе онѣ совершенствуются, тѣмъ болѣе новыхъ улучшеній получаетъ земледѣліе. Гдѣ въ мірѣ есть государство, въ которомъ бы фабрики процвѣтали безъ земледѣлія? Въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, въ Соединенныхъ-Штатахъ, земледѣліе — въ отличномъ состояніи: скажите, въ какомъ другомъ государствѣ промышленность дошла до высшей степени совершенства? Германія доведя свое земледѣліе до совершенства: посмотрите какъ легко она теперь пріобрѣтаетъ успѣхи въ разныхъ отрасляхъ фабричной промышленности, и сколько пользы самое земледѣліе получаетъ отъ своего собственнаго плода? Въ окрестностяхъ мануфактурныхъ городовъ, цѣнность земли быстро возвышается, потому что произведенія ея находятъ себѣ удобный и выгодный сбытъ. Въ-особенности посѣвы льна распространяются въ Германіи и уже приносятъ земледѣльцамъ отличные барыши. Согласитесь, что ленъ тогда только можетъ составлять, въ фабричной передѣлкѣ, статью народнаго богатства, когда земледѣліе уже достигло высшаго совершенства.

Главное тутъ—получить съ земли самое большое количество льна, съ меньшимъ трудомъ, то есть, какъ-можно дешевле, въ противномъ случаѣ, посѣвы льну убыточны для государствъ твердой земли, потому что полотно изъ него обойдется потребителю дороже англійскихъ льна-

ныхъ издѣлій, даже обложенныхъ пошлагою. Хорошее сельское хозяйство успѣло въ разныхъ мѣстахъ Германіи достигнуть до производства отличнаго льна за цѣну несравненно умѣреннѣе прежней, потому что теперь германскія полотна уже могутъ въ торговлѣ продаваться дешевле чѣмъ мѣстные произведенія того же роду и того же качества въ странахъ, снабжавшихъ нѣкогда своимъ льномъ всю Европу. Опытъ доказалъ, что льняныя семена должны быть часто возобновляемы; и, въ самомъ дѣлѣ, чтобы получить хорошую пряжу, то есть, ленъ съ тонкими и гибкими волокнами—необходимо вырывать ленъ прежде нежели растение и семена достигнутъ полной зрѣлости, и что для этого должно сѣять ленъ густо. Очевидно, что полученное такимъ образомъ не совсѣмъ зрѣлое семя будетъ дѣлаться годъ-отъ-году хуже, такъ, что черезъ три-четыре года ленъ родится никуда негодный, даже на самой отлично воздѣланной землѣ. Прежде большая часть льнянаго семени для посѣву выписывалась отъ насъ. Теперь Германія умудрилась избѣгать этого важнаго расхода: часть льнянаго поля стали засѣвать льномъ рѣдко, и даютъ тамъ семени дозрѣвать, не заботясь о качествѣ волокна. Для этого избираютъ почву жирную, и сѣютъ ленъ по навозу. Вымолоченныя семена хранятся въ коробахъ три или четыре года, или просто высушиваются на холстѣ при температурѣ въ 30° или 40 градусовъ Реомюра. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще держатся старинной трехпольной системы, Нѣмцы сѣютъ ленъ по пару, на осушенныхъ днахъ прудовъ, на новинахъ, послѣ растений, которыя были полоты, однимъ словомъ, на почвѣ жирной, очищенной отъ сорныхъ травъ, глубоко вспаханной и хорошо выбороненной. Въ другихъ случаяхъ, германскій земледѣлецъ удобряетъ землю золою, птичьимъ навозомъ, или компостомъ, но только уже послѣ посѣву. Ленъ особенно хорошо родится въ областяхъ сырыхъ, гдѣ часто бываютъ туманы, на почвѣ песчано-глинистой. Хорошее семя и хорошая обработка почвы избавляютъ земледѣльца отъ утомительнаго труда полоть: это важная экономія. Замѣчено, что ленъ лучше сѣять вечеромъ или, оставитъ предварительно пролежать ночь въ вольномъ,

сыромъ воздухѣ, и сѣять рано утромъ, прежде нежели солнце можетъ высушить семяна. Чтобы ленъ не ложился, втыкають въ землю сухія древесныя вѣтви, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда стебель сдѣлается жесткимъ и потеряетъ упругость, это — знакъ, что волокно образовалось и что растеніе пора выдергивать. Въ Германіи пыталась-было косить ленъ небольшими косами, но работа эта потребовала столько ловкости и вниманія, что ее вскорѣ оставили. Ленъ, связанный въ небольшіе снопы, высохнувъ на полѣ, переносится въ гумно и молотится: послѣ этого его уже не нужно мыкать. Замѣчено, что при этомъ волокно выходитъ мягче. Потомъ ленъ мочать въ стоячей или текучей водѣ, не долѣе десяти дней, если онъ недозрѣлый. Стоячую воду сначала перемѣняютъ каждый день, а потомъ черезъ два и три дня. Наконецъ растеніе сушится на воздухѣ. Таковъ германскій способъ бученья. Теперь доказано, что если обработка льна произведена съ должною осмотрительностью при помощи нѣкоторыхъ машинъ, то можно такимъ образомъ выиграть до двадцати-пяти процентовъ на издержкахъ, и столько же на времени.

Льняная промышленность, которая прежде заглушена была страстью къ хлопчатой бумагѣ, въ настоящее время почти повсюду старается занять принадлежащее себѣ мѣсто. Англія въ-особенности употребляетъ гигантскія усилія, чтобы развить у себя производство льняныхъ издѣлій, и, кромѣ Ирландіи, Индія уже покрыта посѣвами этого растенія. Для земледѣльческаго государства, поступающаго въ фабриканты, ленъ — первая статья промышленности. Выдѣлываніе и обработка льна могутъ выгодно занять огромный классъ народа. Онѣ отлжно способствуютъ образованію хорошихъ земледѣльцевъ и хорошихъ руководѣльцевъ. Голландское земледѣліе, одно изъ цвѣтущихъ въ Европѣ, и голландскія фабрики, имѣли своимъ началомъ ленъ. Наконецъ, гораздо выгоднѣе для государства передѣлывать растеніе, живущее на его землѣ, чѣмъ трудиться надъ покупною хлопчатою бумагою, отъ которой земледѣлію нѣтъ никакой пользы, а земледѣльцу — явный убытокъ. Хлопчатая бумага передѣлывается

только въ большихъ мануфактурахъ, тогда какъ пряжею льна и тканіемъ полотень можетъ заниматься тотъ, кто посѣялъ и собралъ растеніе, и притомъ заниматься въ такое время, когда соха и коса покоются безъ дѣла. Въ Пруссіи, составляющей неболѣе какъ треть всей Германіи, въ концѣ 1837 года считалось до 246,295 ткацкихъ становъ, работающихъ отъ шести до осьми педѣль въ году и сверхъ-того 35,877 становъ въ постоянной работѣ. Половина колпчества полотень производимыхъ Пруссіею, вырабатывается, слѣдовательно, земледѣльцами во время свободное отъ полевыхъ трудовъ. Изъ 35,877 постоянныхъ станковъ, 24,290, то есть, двѣ трети всего количества, находятся въ деревняхъ; остальные разбросаны по городкамъ. Нигдѣ въ Пруссіи нѣтъ прядиленъ въ огромномъ размѣрѣ, приносящихъ большіе доходы нати или шести фабрикантамъ.

Изъ этого видно, что льняная промышленность сдѣлала уже большіе успѣхи въ Германіи, но еще недостаетъ много, чтобъ стать на ряду съ Англіей. Германія потребляетъ нынче ежегодно до 58,000,000 фунтовъ англійской льняной пряжи.

Для нѣкоторыхъ мѣстъ въ Германіи скотоводство — единственное средство получать проценты съ капиталовъ, употребленныхъ въ земледѣліе, заплатить подати, нанять работниковъ, поддержать зданія, купить одежду, и такъ далѣе. Понятно, послѣ этого, что предметъ удовлетворяющій такому множеству нуждъ, окруженъ всѣми возможными попеченіями, и что тамъ лучше нежели гдѣ-нибудь постигли какъ должно обращаться съ скотомъ.

Быки вестервальдской породы отличаются плотнымъ, сочнымъ мясомъ; они высокаго росту. Ихъ откармливаютъ, лѣтомъ свѣжимъ кормомъ, зимою сѣномъ, прибавляя брюкву, свекловицу, рѣпу, картофель, нѣсколько отваренные. Земледѣлецъ, занимающійся фабрикаціею сѣна, умѣетъ сверхъ-того извлекать изъ этихъ растеній многія выгоды. На ярмаркахъ въ Эммерихенганцѣ, Ренродѣ и Кирхбергѣ продается ежегодно отъ 2,000, до 3,000 головъ, по 480 и даже по 600 рублей ассигнаціями за штуку. На cadaго быка нужно около полуторы десятины земли.

Постоянные пажити, предоставленные на произволъ природы, ни куда не годятся: вѣтры столько же вредны для нихъ самихъ, какъ и для скота, который тамъ пасется. Животныя подвергаются простудамъ, коликамъ, болѣзнямъ легкиихъ и такъ далѣе, и очень часто околѣвзуютъ. Отвратить вредныя дѣйствія вѣтровъ — очень легко; нужно окружить пажити густыми и высокими изгородями изъ различныхъ растений, какъ-напримѣръ кленомъ, ивою, букомъ и, особенно, ольхою, которой листья, на длинныхъ стебляхъ, постоянно движимыхъ вѣтромъ, не препятствуютъ солнцу дѣйствовать на землю и травы ее покрывающія.

Введеніе этого способу въ Вестервальдѣ удвоило и даже утроило количество собраннаго сѣна, уменьшило число болѣзней, сдѣлало умѣреннѣе климатъ и доставило возможность пасти скотъ болѣе долгое время. Сверхъ-того древесныя листья доставляютъ прекрасный кормъ для скота, и въ то же время служатъ вмѣсто подстилки, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ солома очень дорога, и идетъ исключительно на кормъ.

Жителямъ Вестервальда совѣтовали сѣять на лугахъ своихъ *roa alpina*, *roa vivipara*, *plantago alpina*, *astragalus alpinus*, — *montanus*, *phellandunum mutellina*, *silbaldra proscumbens*, *leontodon aureum*, *agelia helvetica*, травы, которыя придаютъ молоку и маслу превосходный вкусъ, но надобно замѣтить, что ввести посѣвъ этихъ травъ во всеобщее употребленіе покуда невозможно; растений этихъ еще такъ немного, что собирать съ нихъ семена было бы трудомъ слишкомъ тяжелымъ. Можно однако жъ нѣкоторымъ образомъ помочь этому; надобно собирать цвѣты и соръ, остающіеся на сѣновалахъ, послѣ сѣна, употребленнаго на кормъ и разсыпать ихъ на лугахъ.

Пруссія при 14,157,000 жителей, на пространствѣ 5,100 квадратныхъ миль, имѣетъ 66,000 быковъ, 742,000 воловъ, 2,719,000 коровъ, и 1,310,000 телокъ и телятъ; всего 4,827,000 головъ рогатаго скота. Кромѣ-того 3,617,700 мериносовъ, 7,165,000 смѣшанныхъ породъ овецъ и 4,228,000 простыхъ; 327,000 козъ и 1,936,000 свиней.

Померанія и Вестфалія болѣе прочихъ провинцій Прус-

сия богаты коровами. Въ Пруссіи ежегодно рожается около 2,490,000 телятъ, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ падутъ на убой, обыкновенно на третьей недѣлѣ по рожденіи. Въ этомъ возрастѣ теленокъ среднимъ числомъ вѣситъ восемь пудовъ, слѣдовательно, въ Пруссіи потребляется около 1,800,000 пудовъ телятины. Говядины до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ. Считая по $2\frac{1}{2}$ рубля серебромъ за пудъ мяса, выходитъ, что Пруссія отъ одной этой отрасли скотоводства получаетъ болѣе 18 милліоновъ рублей серебромъ. Кроме-того доходы, получаемые отъ молока, простираются до 30,272,522 рублей серебромъ.

Изъ этого видно, что молоко приноситъ доходу болѣе нежели мясо. Такая огромная масса произведенія можетъ показаться слишкомъ преувеличенною, но должно замѣтить, что въ Германіи откармливаніе животныхъ не вошло еще во всеобщее употребленіе: $\frac{9}{10}$ мяса получается отъ скота, который болѣе или менѣе долгое время служилъ для земледѣлія и давалъ молоко. Сверхъ-того въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ мѣстахъ Пруссіи коровы вѣсятъ не болѣе семи пудовъ.

Въ кобленцкомъ округѣ, на географическую милю приходится 318 быковъ и 137 лошадей; въ прочихъ провинціяхъ Пруссіи число быковъ постоянно уменьшается, такъ, что въ Мюнстерѣ, въ Вестфаліи, приходится не болѣе 26 головъ, на милю, между-тѣмъ какъ число лошадей возрастаетъ до 377.

Вотъ таблица, которая показываетъ массу ежегоднаго произведенія мяса въ Пруссіи.

220,000,000 фунтовъ мяса.
81,000,000 фунтовъ телятины.
80,000,000 фунтовъ баранины.
104,000,000 фунтовъ свинины.

Всего 485,000,000 фунтовъ, или по $34\frac{1}{2}$ фунтовъ на чело-вѣка въ годъ, или въ $3\frac{1}{2}$ фунта въ недѣлю на семейство, состоящее изъ пяти чело-вѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Слѣдовательно, въ Пруссіи количество мяса еще далеко не удовлетворяетъ нуждѣ народонаселенія, потому что въ

городахъ употребляется не сту фунтовъ на человека. Главная причина—недостатокъ корму для скота и, следовательно, невозможность умножить число его. Но Пруссія—не есть государство, въ которомъ бы земледѣліе было въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Рядомъ съ плодородными областями встрѣчаются тутъ обширныя страны обожженныя природою, или необработанныя человѣкомъ.

Послѣ скотоводства и льна, для земледѣльческихъ государствъ, поступающихъ на поприще фабричной промышленности, самый выгодный предметъ—производство сахару. Въ Германіи выдѣлка туземнаго сахару составляетъ уже одну изъ основныхъ статей народнаго богатства. Франція, бросившаяся первая съ такимъ жаромъ къ фабрикаціи свекловичнаго сахару, нынѣ уничтожаетъ ее, и многіе въ Европѣ сомнѣваются теперь въ пользу этой отрасли промышленности, потому что Франція старается бдливою дочью своею задушить собственными руками. Но Франція дѣлаетъ это изъ тщеславія: ей хочется удержать за собою двѣ-три ничтожныхъ колоній, которыя грозятъ опустѣть, если она не станеть покувать у нихъ сахару. Ей вриятно сказать—у меня тоже есть колоніи! К чему онѣ ей? Сама она не знаетъ. Но потому, что Англія богата колоніями, Франціи желательно хвастаться передъ Европою чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ, хотя ея колоніи не только бесполезны для государства, но даже убыточны. Для этого призраку величія, Франція жертвуетъ домашнимъ своимъ сахаромъ. Приверженцы колоній утверждаютъ, будто производство туземнаго сахару въ Европѣ не выгодно для нея самой: этотъ сахаръ обходится слишкомъ дорого и не можетъ выдержать соперничества съ колониальнымъ безъ защиты тяжкихъ тарифовъ. Это несправедливо. Сахаръ изъ свекловицы и кукурузы обходится слишкомъ дорого тамъ только, гдѣ земледѣліе нецѣлесообразно. Въ Германіи, гдѣ оно такъ высоко усовершенствовано, выдѣлка мѣстнаго сахару, чрезвычайно прибыльна и для земледѣльца и для фабриканта. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ прочихъ, усовершенствованіе сельскаго хозяйства—уловой камень благосостоянія фабричной промышленности.

Зачѣмъ Европѣ не выжимать сахару изъ растений, которые производятъ ея земля и ея климатъ? Пусть колоніи занимаются тѣмъ, къ чему европейскіе климаты не способны.

Сколько сахару производится въ цѣломъ свѣтѣ? въ какой пропорціи это количество увеличилось въ послѣднее время? будетъ ли когда-нибудь сахаръ всеобщимъ съѣстнымъ припасомъ? дала ли намъ природа необходимыя для этого средства?

Азія производитъ теперь сахару больше, нежели всякая другая часть свѣта, 1,514 милліоновъ фунтовъ, изъ которыхъ 1,000 милліоновъ вырабатываются въ Китаѣ. Послѣ Китая важнѣйшія въ этомъ отношеніи страны: Филиппинскіе Острова и англійскія колоніи на индѣйскомъ материкѣ.

Островъ Маврикія въ 1812 году давалъ 5 милліоновъ фунтовъ сахару; въ 1814 году, 8 милліоновъ, въ 1824 году 23 милліона; въ 1830, до 55 милліоновъ. На островѣ Бурбо-нѣ обработка увеличилась почти въ такой же прогрессіи.

Въ 1830 изъ Египта вывезено милліонъ фунтовъ, и каждый годъ тростнику разводится больше и больше. Несмотря на это, въ Египетъ привозится еще огромное количество рафинированнаго сахару.

Америка доставляетъ теперь почти все количество сахару, потребляемаго въ Европѣ. Въ Южной-Америкѣ сахаръ добывается изъ тростнику, а въ Сѣверной изъ тростнику и клену. Въ Соединенныхъ-Штатахъ, въ одной Луизианѣ, добываютъ сахаръ изъ тростнику: въ 1810, вывезено 12 милліоновъ фунтовъ; въ 1814 году 40 милліоновъ, а въ 1830, почти 100 милліоновъ. Въ областяхъ, лежащихъ нѣсколько къ сѣверу, вырабатывается ежегодно до 10 милліоновъ кленоваго сахару.

Въ Мексикѣ еще до Европейцевъ былъ извѣстенъ сахаръ изъ кукурузы, и вскорѣ послѣ прибытія ихъ стали воздѣлывать сахарный тростникъ. Въ 1802, 1803 и 1804 годахъ отправляли изъ Вера-Круса по 10 и 14 милліоновъ фунтовъ, но огромныя издержки перевозки, упадокъ цѣны и политическіе перевороты принудили Мексику ограничить эту торговлю своими берегами.

Англійскія колоніи въ Америкѣ еще недавно производили больше 400 милліоновъ фунтовъ; во въ послѣднее время вывозъ сахару изъ Западной-Индіи уменьшился, а изъ Восточной увеличился, потому что тамъ производство сахару обходится несравненно дешевле.

На Гавти сахарный тростникъ стали разводить съ 1520 года, и въ концѣ прошлаго столѣтія вывозилось оттуда 220 милліоновъ фунтовъ.

Мартиника производила въ 1788 году 28 милліоновъ фунтовъ, а въ 1809 только 12 милліоновъ.

Въ Гваделупѣ добывалось въ 1788 году $7\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ, а въ 1809 только 6 милліоновъ.

Во французскихъ колоніяхъ выдѣлывали около полтора милліоновъ фунтовъ до 1830, когда Франція дѣйтельно занялась производствомъ сахару изъ свекловицы.

Испанскія колоніи въ Америкѣ производятъ нынѣ около 144 милліоновъ фунтовъ. Голландскія 40 милліоновъ. Датскія 8 милліоновъ.

Въ Бразиліи, около 1830 года, среднимъ числомъ производилось въ годъ 200 милліоновъ фунтовъ.

Въ Европѣ, въ Испаніи и на нѣкоторыхъ островахъ Средиземнаго Моря нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали разводить сахарный тростникъ.

Выдѣлка сахару изъ свеклы, кукурузы и клею началась въ Европѣ только въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Количество туземнаго сахару во Франціи доходило, недавно, на 360 заводахъ, до 100,000,000 килограммовъ.

Нынче производится ежегодно 3,000 милліоновъ фунтовъ и вскорѣ это количество дойдетъ до 4,000 милліоновъ. Но достаточно ли его? Очевидно нѣтъ.

Для трехъ четвертей народонаселенія Европы, сахаръ еще составляетъ предметъ роскоши. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ государства по количеству потребляемаго сахару: Англія (тамъ каждый человекъ потребляетъ въ годъ 20 фунтовъ), Бельгія (15), Голландія (14), Испанія ($6\frac{1}{4}$), Швейцарія (6), Франція ($5\frac{1}{3}$ привознаго и $2\frac{1}{4}$ туземнаго), Пруссія, Данія, Португалія (5), Ирландія (4), Швеція и Норвегія (3); въ остальныхъ государствахъ

еще меньше. Въ Россіи приходится на человѣка около 1 фунта привознаго сахару и $\frac{1}{3}$ свекловичнаго.

Прійдетъ время, и скоро, что это неравенство въ потребленіи болѣе или менѣе исчезнетъ. По мѣрѣ развитія народныхъ богатствъ, сахаръ будетъ становиться для всѣхъ первою потребностью жизни. Колоніи не въ состояніи произвести болѣе того, что они производятъ теперь. Европа сама должна и можетъ приготовить себѣ все нужное количество.

У насъ столько растений, въ составѣ которыхъ есть сахарное начало, что трудно даже ихъ перечестъ. Важнѣйшія—кукуруза, свекла, виноградъ и клень.

Всѣ породы клену даютъ сокъ, изъ котораго можно добывать сахаръ: доказательство — Америка. Количество сахару, заключающагося въ кленовомъ соку, зависитъ отъ климата, отъ качества почвы, отъ болѣе или менѣе старости дерева, отъ времени года. Но во всякомъ случаѣ для Европы это дѣло невыгодно, потому что изъ ста фунтовъ кленоваго соку рѣдко можно добыть два фунта сахару: по болѣе части получается фунтъ и менѣе. Обыкновенно нужно 5,000 фунтовъ соку чтобы получить 100 фунтовъ сахару.

Въ виноградномъ сокѣ количество сахару тоже измѣняется смотря по климату, почвѣ, степени зрѣлости ягодъ. Наиболѣе сахару даетъ виноградъ съ старой лозы, изъ котораго дѣлаютъ лучшія вина: слѣдственно, это производство рѣдко можетъ быть выгодно; ктому же сахаръ изъ винограда кристаллизуется съ большимъ трудомъ.

Въ кукурузѣ заключается сахаръ совершенно такой же, какъ въ тростникѣ. Это растеніе, по послѣднимъ опытамъ, было бы самое выгодное для подобной цѣли, но доселѣ мало имъ занимаются. Южная Россія, Бессарабія, Молавія и Валлахія, могли бы превратиться въ богатѣйшія сахаромъ страны, если бы тамошніе жители съ умѣньемъ принялись за дѣло.

Свекловица, доннынъ любимый въ Европѣ корень сахародѣловъ, и тамъ, гдѣ сельское хозяйство совершенно, она приноситъ большія выгоды земледѣльцу. Лучшимъ образомъ этого можетъ служить Германія.

Въ Германіи, пока зерновыя растенія были прозираемы почти исключительно, хлѣбъ понижался въ цѣнѣ. Земледѣліе становилось вовсе не выгоднымъ. Надобно было ввести въ сельское хозяйство новую систему: начали сѣять на одномъ полѣ то ленъ, то полевую рѣпу, коноплю, то хмѣль, то картофель, то кормовыя травы и такъ далѣе, смотря по обстоятельствамъ. Въ число этихъ статей вошла и свекла, которая въ-особенности благопріятствуетъ улучшенію почвы. Остатки корней послѣ ея сбора утучняютъ землю. Владѣлецъ можетъ лучше удобрять землю навозомъ, имѣя средство содержать больше скота, потому что листь свеклы, пятая часть ея вѣсу, пища втрое лучше самаго превосходнаго сѣна. Наконецъ земля совершенствуется глубокимъ пропахиваніемъ и уничтоженіемъ сорныхъ травъ, чего необходимо требуетъ это растеніе. Выжимки доставляютъ также обильную пищу животнымъ.

Свѣдѣнія о плодородіи почвъ, на которыхъ воздѣлывается свекла, въ большомъ видѣ, у насъ, во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Богеміи, показываютъ, что для полученія ста фунтовъ свекловичнаго сахару нужно теперь среднимъ числомъ 125 квадратныхъ сажень земли. Изъ этого слѣдуетъ, что для добытія всего сахару потребляемаго теперь Европою, нужно 521,000 десятинъ земли. Общая поверхность обрабатываемой земли въ Европѣ (кромя Турціи) простирается до 743 милліоновъ десятинъ: слѣдственно, свекла на все нынѣшнее потребленіе сахару въ Европѣ, требуетъ только обрабатываемаго пространства, при самомъ плохомъ состояніи земледѣлія въ большей части странъ, занимающихся сахародѣліемъ. Когда земледѣліе сдѣлаетъ успѣха и усовершенствуетъ европейскія почвы, когда притомъ способы добыванія сахару изъ свеклы будутъ доведены до послѣдней точности, то и половины этого количества земли будетъ весьма достаточно. Но, повторяемъ, принимать за свеклу съ дурнымъ сельскимъ хозяйствомъ, для народнаго богатства не можетъ принести ни какой пользы. Свекловичное сахародѣліе истинно выгодно для государства только тамъ, гдѣ земледѣліе созрѣло подъ благо-

датными лучами науки и искусства: тогда и капиталы, обращенные на этого роду предпріятія становятся вполне производительными, и желательно чтобы они къ нимъ обращались: вообще капиталы, употребленные на внутреннюю промышленность, всегда и върѣе и безопасѣе тѣхъ, которые бросаются во внѣшнюю торговлю; прибыль получается скорѣе, и выгода лучше можетъ быть разсчитана, тогда какъ выписка заморскихъ продуктовъ подвергается множеству опасностей, которыхъ не возможно ни предвидѣть, ни избѣгнуть.

==

У.

КРИТИКА.

О ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. *Статья господина полковника Гофмана. Переводъ съ нѣмецкаго, господина капитана Носкова. Сп.-бургъ, въ тип. Н. Глазунова и к., 1844, въ 8, стр. 156, съ картами.*

Къ числу странностей, или особенностей нашего современнаго образованія, принадлежитъ удивительное невниманіе къ тому, что у насъ есть, и что должно бы возбудить вниманіе и участіе наше. Не странно ли, что мы ѣздимъ по Европѣ, превосходно знаемъ, и подробно описываемъ исторіи и достопамятности каждаго уголка Париза, Неаполя, Берлина, а между-тѣмъ можно бы удивить жителя Петербурга и Москвы, начавши рассказывать ему о томъ, что у насъ есть въ Москвѣ и Петербургѣ, и чего онъ вовсе не знаетъ. Чему это приписать? Юности, если не дѣтству нашего образованія. Оно вездѣ и во всемъ отзывается. Мы какъ дѣтя, или какъ юноши, лѣнны, безпечны, невнимательны, увлекаемся впечатлѣніями, не отдаемъ себѣ отчету въ нихъ, и конечно, пожалѣемъ обо всемъ этомъ послѣ, когда будемъ по-старше. Кажется, у насъ достало бы и ума, и средствъ быть сколько-нибудь самобытнѣе и внимательнѣе къ самимъ себѣ, и къ своей современности. А лѣньность? А безпечность? А неумѣнье думать и поступать самобытно? Хорошо ѣздить по Евро-

дѣ, при ея желѣзныхъ дорогахъ и хорошихъ гостиницахъ, и описывать Европу, держа въ рукахъ «путеводителей», гдѣ подсказано вамъ все, и что смотреть должно, и чему удивляться надобно. Но прошу покорно заняться достопамятностями Москвы, Петербурга, Кіева, Крыма, гдѣ все вамъ должно отыскивать, все, что прежде было говорено провѣрять, и потомъ умѣть возбудить вниманіе описаніемъ того, что вами отыскано и провѣрено! Трудъ, часто безплодный, но всегда тяжелый. Правда, что безпечность и невниманіе наше иногда ужъ слишкомъ чрезмѣрны. Какъ, напримѣръ (беремъ одинъ примѣръ изъ сотни), никому до нынѣ не пришло въ голову осмотрѣть и описать галереи и собранія памятниковъ искусствъ и художествъ, находящіяся у разныхъ частныхъ особъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ великолѣпныхъ домахъ Строгановыхъ, Юсуповыхъ, Шереметевыхъ, Голицыныхъ, Нарышкиныхъ, Балесельскихъ, и другихъ богачей и знаменитыхъ людей, хранятся драгоценности, а кто объ нихъ знаетъ? Какъ ни одному фельетонисту русскихъ газетъ, которые надовдали намъ прежде кликами о каждомъ прыжкѣ Таліони, а теперь, набиваютъ тоску восторгами о каждой фігурѣ госпожи Віардо и господина Рубини, не задумалось проѣхать по пространству желѣзной дороги, пролагаемой отъ Петербурга до Москвы, обозрѣть мѣстность, взглянуть въ механизмъ исполнителскихъ работъ, изобразить ихъ любопытную характеристику? Увѣряемъ его, что вездѣ встрѣтилъ бы онъ привѣтъ и желанію доставить ему всевозможныя свиданія, а въ томъ, что онъ составилъ бы статью любопытную въ сто первый разъ повторенной болтовни о томъ, о семъ, а также ни о чемъ, надобно ли говорить?—Но затѣмъ ѣхать такъ далеко! Кто изъ журнальныхъ борзописцевъ не проѣдетъ нѣсколько разъ въ лѣто изъ Петербурга въ павловскій вокзалъ, и почему не свернуть бы немного вправо, а именно, не

остановиться въ Царскомъ Селѣ? Зачѣмъ? Описывать это? Но его уже описывали! Кто и когда? Самому послѣднему описанію прошло лѣтъ двадцать, и сколько новаго прибавилось тамъ въ эти двадцать лѣтъ! Одна обсерваторія Пулковская, одинъ Царскосельскій арсеналь стояли бы того, чтобы журналистъ пріѣхалъ изъ Москвы посмотреть ихъ. До нынѣ, кромѣ ученаго описанія, мы ничего не видали объ обсерваторіи, а объ Царскосельскомъ арсеналѣ, сколько припомнимъ, мы ужъ рѣшительно ничего не читывали, когда будь онъ близъ Парижа объ немъ написали бы томы!

Послѣ такого невниманія къ тому, что у насъ подъ глазами, можно ли требовать, чтобы вниманіе какого-нибудь любознательнаго путешественника обратило на себя, напримѣръ, добываніе песочнаго золота въ Сибири, несмотря на то, что эта обширная вѣтвь добыванія драгоценныхъ металловъ въ Россіи составляетъ въ наше время одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ, въ какомъ угодно отношеніи, даже и въ живописномъ. Какая поѣздка ваша на Везувій сравнится съ прогулкою въ Сибирь, еще нетронутую перомъ ни одного путешественника? Здѣсь все ново, все самобытно—и самая страна, и люди, и занятія ихъ, и слѣдствія, какія изъ всего этого должны произойти. Но чтобы составить что-нибудь дѣльное, достойное вниманія, обращающее любопытство, разумѣется, описатель долженъ уметь наблюдать, приготовиться къ наблюденію, посвятить ему трудъ и время, и наконецъ—умѣть передать свои наблюденія. Всего этого не легко ожидать при настоящемъ невниманіи нашемъ, а, право, жаль! все измѣняется, все переходитъ, и того, что теперь не будетъ замѣчено, не въ состояніи уже будутъ дополнить ваши потомки, и станутъ жаловаться на нашу безвѣчность и беззаботность. Но какъ горю вособитъ?

Но-крайней-мѣрь, можно бы какому-нибудь дѣльно-

му компилятору составить любопытную книгу—положимъ, хоть любопытную журнальную статью (что почти всё-равно, потому что нынѣ нынѣ статьи нашихъ журналовъ составили бы огромныя книги, печатающіяся отдѣльно), и составить ее изъ всего, что уже писано отрывками въ разныхъ журналахъ и книгахъ о добычаніи золота въ Сибири. Такая книга была бы полезна во многихъ отношеніяхъ. Множество драгоценныхъ замѣтокъ разбросано до-сихъ-поръ въ журналахъ русскихъ, но возможно ли все ихъ припомнить, собрать, и даже знать и прискать иное?

Такому собирателю важнымъ пособіемъ были бы изданныя нынѣ записки господина Гофмана о золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири.

Авторъ былъ посланъ по распоряженію правительства, для минералогическаго и геогностическаго обозрѣнія тѣхъ мѣстъ Восточной Сибири, гдѣ находятся золотыя промыслы. Въ маѣ 1843 года прибылъ онъ въ Иркутскъ, осмотрѣлъ небогатый промыселъ Катинскій близъ Байкала, и потомъ, переехавши въ Нижне-Удинскъ, началъ свои наблюденія съ текущей золотомъ Бирюсы. Теперь изданы имъ краткія замѣтки, въ родѣ путевыхъ записокъ. «Общее геогностическое обозрѣніе всей проѣханной нами страны, говоритъ господинъ Гофманъ, намъ рѣчь изложить въ другомъ сочиненіи.» Мы не будемъ слѣдовать за кашимъ ученымъ наблюдателемъ въ его поѣздкахъ, и особливо ученыхъ подробностяхъ его описаній, которыя и не во все будутъ понятны безъ картъ, коими они поясняются. Вотъ общій ученый выводъ наблюденій господина Гофмана.

«Мы разсмотрѣли три богатѣйшіе золотоносные округа восточной сибири и должны сдѣлать окончательное заключеніе о всей странѣ. Все это огромное пространство состоитъ преимущественно изъ породъ переходныхъ, глинистаго сланца, известняку и сѣрой вакки. Большую частью господствуетъ одна какая-нибудь порода, и только

мѣстани мѣняются онѣ между собою, какъ известнякъ и глинистый сланецъ. Сѣрая вакка находится болѣе по вѣдшему краю округа. Пласты ея болѣею частію имѣютъ крутое паденіе, съ господствующимъ простираниемъ съ О на W, и съ SO на NW, подъ осьмымъ часомъ. На нихъ лежатъ обыкновенно горизонтальные пласты каменноугольной формаци и цехштейна. Нигдѣ не найдено мною окаменѣлостей, и, безъ-сомнѣнія, если онѣ и находятся, то весьма рѣдко. На югѣ ограничиваются эти породы Саянскимъ Хребтомъ, поднятіе котораго происходило по осажденіи переходныхъ формаций и передъ образованіемъ формаци каменноугольной. Ось поднятія этого пограничнаго хребта идетъ также съ W на O, но отъ нея простираются плутоническія породы на сѣверъ. Вблизи хребта, на Верхней Бирюсѣ, прорываютъ онѣ, безъ видимой правильности въ положеніи ихъ между собою, во многихъ мѣстахъ пласты породъ переходныхъ, и измѣняютъ ихъ. Если отъ источниковъ Бирюсы протянуть линію на сѣверъ, она встрѣтитъ гранитъ на Гурахтѣ, въ системѣ Подкаменной Тунгуски, и на этой линіи лежатъ плутоническія породы, по Чиримбѣ, Печенгѣ, (гранитъ) между Мурожною и Татаркою (зеленый камень и гранитъ (?), а восточнѣе отъ этой линіи залегаютъ повсюду богатые промыслы пяти описанныхъ нами системъ. Другое, параллельное этой линіи поднятіе плутоническихъ породъ слѣдуетъ по теченію Енисея. Тутъ видѣлъ я гранитъ у Красноярска, при соединеніи Тунгуски и Енисея, ниже Енисейска при устьѣ Черной (сіенигъ), и опять гранитъ выше и у самаго Ермака. На востокъ отъ этой полосы, слѣдовательно между обѣими грядями поднятія, находится также золото въ розсыпяхъ, но рѣдко столь богатое, чтобы вознаграждало работу, и изъ здѣшнихъ пріисковъ разрабатываются только нѣкоторые, лежащіе въ красноярскомъ округѣ, по-выше впаденія Кана въ Енисей. Кромѣ этихъ двухъ, съ юга на сѣверъ простирающихся полосъ гранита, находилъ я валуны его на моемъ поперечномъ пути у Ногаты, на востокъ отъ золотоносныхъ горъ зеленого камня, и на западъ отъ нихъ, по верхнему Питу. Если и господствуетъ извѣст-

ная правильность въ положеніи золотоносныхъ мѣсторожденій, относительно протяженія ихъ съ юга на сѣверъ, зато не замѣтно никакой правильности въ ихъ отношеніяхъ гипсометрическихъ. Бирюсинскіе промыслы лежатъ выше всѣхъ прочихъ; значительно ниже промысла сѣверные; еще ниже лежащіе по Мурезной и Удерею. То же самое отношеніе видно въ положеніи горныхъ хребтовъ, и вершинъ, окружающихъ промысла. Отъ Бирюсы падаютъ они къ Удерею, а отсюда поднимаются снова по направленію къ Октоляку. Разность въ положеніи между самымъ возвышеннымъ, на Унгурбей лежащемъ промыслѣ, и самымъ низменнымъ, находящемся на Шаарганѣ, составляетъ двѣ тысячи шесть сотъ семьдесятъ парижскихъ футовъ. Золотоносные пласты Восточной Сибири залегаютъ на переходныхъ породахъ, вблизи отъ проломовъ плутоническихъ породъ, которыя однако жъ, болѣею частію, столь удалены отъ промысловъ, что присутствіе ихъ не всегда можно даже подозрѣвать по измѣненію переходныхъ пластовъ. А какъ промыслы въ Западной Сибири и уральскіе также болѣею частію залегаютъ на измѣненныхъ переходныхъ породахъ вблизи плутоническихъ, то плутоническія породы и должны быть приняты за производителей металловъ. Слѣдовательно, только тамъ, гдѣ встрѣчаются эти отношенія, можно съ вѣроятностію на успѣхъ дѣлать поиски золота, но и за тѣмъ часто они могутъ быть безуспѣшны, потому что если отношенія эти и принимаются за непремѣнное условіе существованія золота и золотоносныхъ мѣсторожденій, то не всегда послѣднія составляютъ ихъ необходимое слѣдствіе. Если опыты, въ большомъ числѣ сдѣланные, подтвердятъ нахожденіе золота въ глинистомъ сланцѣ и другихъ измѣненныхъ породахъ, окружающихъ золотые промыслы, и будетъ доказано, что золотоносные пласты произошли чрезъ разрушеніе ближайшихъ, смежныхъ горъ, тогда эти два обстоятельства послужатъ новыми указателями къ отысканію золотоносныхъ мѣсторожденій, указателями болѣе надежными доселѣ извѣстныхъ. Они поведутъ къ сбереженію времени и расходовъ при развѣдкахъ, потому что источникъ и промытъ

нѣсколько пудовъ окрестныхъ породъ весьма легко, а затѣмъ, если въ нихъ окажется золото, можно уже, съ большою надеждою на успѣхъ, начинать и развѣдочныя работы шурфовкою, столь много времени похищающею и столь дорого стоящею.»

Особенно любопытны будутъ для всякаго историческiй взглядъ и характеристика настоящаго состоянiя добычи песчанаго золота въ Восточной Сибири. Вотъ нѣсколько очерковъ, которые находимъ у господина Гофмана.

«Послѣ позволенiя, даннаго частнымъ лицамъ распространить развѣдки на золото къ востоку отъ Енисея, нѣсколько предприимчивыхъ людей обратили свое вниманiе на дикiя предгорiя Саянскаго Хребта. Ихъ предпрiятiя, по преодолѣнiи необыкновенныхъ трудностей, были увѣнчаны блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1836 году, партiи, отправленныя екатеринбургскимъ купцомъ Акимомъ Рязановымъ, подъ руководствомъ купца Гаврилы Машарова, открыли въ горахъ, при источникахъ Хормы, небольшой рѣчки, впадающей въ Бирюсу, богатый золотоносный пластъ. Въ то же самое время, независимо отъ партiи рязановской, партiя купца Толкачева и компанiи пришла на устье Хормы и расположилась по ней, не зная, что другiе золотоискатели уже производятъ свои поиски на источникахъ той же рѣчки и не далѣе десяти верстъ оттуда.

Такимъ образомъ обѣ партiи заняли богатѣйшiя розсыпи этой страны. Когда извѣстiе объ этомъ важномъ открытiи распространилось, то всѣ золотоискатели бросились сюда, и страна эта въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ оставалась исключительно мѣстомъ поисковъ и споровъ посыланнхъ партiй. На другихъ побочныхъ рѣчкахъ Бирюсы, а также и на этой, ниже впаденiя въ нее Хормы, было обшурфовано еще нѣсколько золотоносныхъ пластовъ, уступавшихъ однако въ богатствѣ пластамъ хорменскимъ.

Богатая добыча изъ этихъ открытiй подала Рязанову мысль распространить свои розыски далѣе на сѣверъ, по

правой сторонѣ Ангары, или, какъ она тамъ называется, Верхней Тунгуски. Въ 1839 году одна изъ его партій открыла богатый золотonosный пластъ на рѣчкѣ Малой Шаарганъ, которая соединяется чрезъ Удерею съ Каменною, а чрезъ эту съ Верхнею Тунгускою. Эти важныя открытія привлекли партіи золотоискателей преимущественно въ эту страну. Цѣлый рядъ болѣе или менѣе богатыхъ золотonosныхъ пластовъ открытъ былъ на самомъ Удереѣ и на другихъ, въ него впадающихъ рѣчкахъ, изъ которыхъ найденный людьми коммерціи совѣтника Никиты Мясникова, на Большомъ Пескинѣ, былъ значительнѣйшій. Двадцать верстъ далѣе на западъ открыли красноярскіе купцы Иванъ Кузнецовъ и Сидоръ Щеголевъ на рѣчкѣ Мурожной, впадающей непосредственно въ Верхнюю Тунгуску, богатый и столь огромный пластъ, что кромѣ первыхъ открытелей, досталось еще не мало и на долю другихъ.

Какъ найденныя здѣсь мѣсторожденія превзошли богатствомъ бирюсинскія, то многіе составили себѣ мнѣніе, что съ сѣверной широтой увеличивается также и богатство песковъ, и прежде нежели страна по Мурожной и по Удерею были надлежаще обслѣдованы, многія партіи отправились уже на сѣверъ.

Въ 1840 году открылъ екатеринбургскій купецъ Титъ Зотовъ по рѣчкѣ Октолику, передающей воды свои чрезъ Вангашу и Чиримбу Питу, а чрезъ этотъ Енисею, мѣсторожденіе, превзошедшее богатствомъ всѣ дотогѣ извѣстныя; вмѣстѣ съ нимъ вступили изъ первыхъ во владѣніе по этой рѣчкѣ господа Голубковъ съ компаніей и Малевинскій.

Октоликъ выходитъ на восточномъ склонѣ узкой горной цѣпи, образующей здѣсь черту дѣленія водъ; потому что рѣчки, выходящія на ея западномъ склонѣ, соединяются съ Чевагликономъ и Калами, а чрезъ Епашимо и Теа съ Подкаменной Тунгускою, впадающей въ Енисей. На двухъ первыхъ рѣчкахъ найдены были владѣльцами Октолика также богатые мѣсторожденія золота, имѣвшія однако столь огромное простираніе, что множество золотоискателей, перенесшихъ тотчасъ же

цартія свои въ эту страну, могли просить объ отводѣ мѣстъ.

Такимъ образомъ предприимчивость нѣсколькихъ людей открыла для Россіи новый источникъ государственныхъ доходовъ, а для Сибири новую отрасль промышленности, распространяющую огромныя суммы денегъ между самымъ простымъ классомъ народа, потому что владѣльцу желѣзныхъ заводовъ, фабриканту, купцу, ремесленнику и хлѣбопашцу, кочующему пастуху и охотнику, даже бездомнымъ ссыльнопосельщикамъ, бывшимъ прежде въ лѣтнее время грозою путешественника и сельского жителя, а нынѣ работающимъ на промыслахъ, всѣмъ имъ открывается, больше или меньше значительное пріобрѣтеніе чрезъ золотопромышленность.

Хотя владѣльцы золотыхъ промысловъ, особенно наиболѣе значительныхъ, имѣютъ чрезвычайныя выгоды, но достиженіе сихъ послѣднихъ требовало также болѣею частію и огромныхъ пожертвованій. Недостаточность признаковъ къ открытію мѣсторожденій, вмѣстѣ съ незнаніемъ дѣла самихъ искателей, дѣлаютъ то, что отысканіе таковыхъ мѣсторожденій есть болѣе дѣло счастья и настойчивости къ перенесенію чрезвычайныхъ трудовъ, нежели слѣдствіе познаній горныхъ.

Всѣ земли въ Сибири принадлежатъ казнѣ, потому желающіе испытать свое счастье въ отысканіи золота, прежде всего должны имѣть на то позволеніе. Въ просьбѣ своей должны они примѣрно указать мѣстность, гдѣ намѣрены производить свои розыски. Позволеніе на то дается министромъ финансовъ каждому, исключая чиновниковъ, находящихся на службѣ по главному управленію или въ Сибири, и Евреевъ, которымъ не дозволяется ни искать, ни пріобрѣтать промыслы покупкою. Евреи недопускаются на промыслы, ни въ видѣ рабочихъ ни въ видѣ посѣтителей, потому что опытомъ дознано, что главнѣйшее чрезъ нихъ совершалась тайная торговля золотомъ, и притомъ большая часть Евреевъ, поселенныхъ въ Сибири, сосланы туда за контрабанду, а слѣдовательно, нравственности подозрительной.

Получивъ позволеніе на отысканіе золота, всякой мо-

жетъ немедленно высылать партіи. Чѣмъ болѣе займет-ся мѣста такими партіями, тѣмъ естественно болѣе надежды на открытіе. Снаряженіе партій на лѣто стоить среднимъ числомъ три тысячи рублей серебромъ. И такъ, если случится, что какой-нибудь золотонекатель, или компанія, будутъ посылать нѣсколько лѣтъ сразу безуспѣшно партіи, то должны они имѣть въ своемъ распоряженіи значительные капиталы, чтобъ быть въ состояніи переносить таковыя потери. Коммерціи совѣтникъ Никита Мясниковъ употребилъ на розыски болѣе двухъ сотъ шестидесяти тысячъ рублей серебромъ прежде чѣмъ онъ открылъ Пескинь, который правда, въ первые же годы вознаградилъ его потери съ большими барышами. Другіе не могли выдержать столь долго неудачъ и потеряли свои капиталы, впрочемъ чѣмъ счастье ихъ улыбнулось. Иные, употребивъ весь свой капиталъ на розыски, принуждены были дѣлать займы за большіе проценты, и потому неначе могли начать самую разработку, какъ съ малымъ числомъ рабочихъ, и только съ увеличеніемъ собственныхъ капиталовъ могли привести ее на степень, соответствующую богатству сдѣланныхъ открытій. Это самое составляетъ причину понинѣ ежегодно возрастающаго количества добычи золота, хотя уже съ 1841 года не было сдѣлано никакихъ важныхъ открытій, и нѣсколько богатѣйшихъ промысловъ перешли уже за предѣлы ихъ увеличенія.

Я сказалъ, что настоячивость къ переселенію трудностей наиболѣе способствуетъ къ успѣшному исходу дѣла, и сибирскія трудности надобно измѣрять не другому масштабу противъ того, какимъ впривычку ихъ мѣрять въ Европѣ. Страна, въ которой залегаютъ золотые промыслы, превосходящая величиною многія государства Европы, есть непрерывная *тайга*, то есть, дремучій лѣсъ, изрѣдка обитаемый кочующими охотниками, къ шалашамъ которыхъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и посѣщаемый только зимою русскими звѣриными промысловниками. Влажность атмосферы превратила въ немъ почву, болѣею частію, въ болото, непроходимое долинами и горы, въ которомъ люди и скотъ впадутъ весьма глубо-

ко. Только нарѣдка являются мѣста, покрытыя травой, могущія служить пастбищами. Золотоискательныя партіи, удаленныя на сотни верстъ отъ деревень, принуждены всѣ свои жизненные припасы, состоящіе только изъ сушеныхъ и соленыхъ веществъ, имѣть при себѣ. Ночлегъ на сыромъ мху, частые дожди, шурфовка въ болотахъ, заставляютъ ихъ оставаться всегда въ мокромъ платьѣ. Къ этому присоединяется еще утомительная работа при рытьѣ шурфовъ, потому что при углубленіи на нѣсколько футовъ, шурфъ наполняется уже водою, для выкачиванія которой постоянно должны работать нѣсколько насосовъ, и рабочіе, стоя глубоко въ грязи, должны углублять шурфъ до самаго камня, дабы увѣриться, что не пропущенъ золотоносный пластъ. Принявъ во вниманіе какъ часто эти шурфы бывають безплодны, поистинѣ должно удивляться терпѣнію золотоискателей, которые при постоянныхъ лишеніяхъ, никогда не должны терять надежды, и неудивительно послѣ этого, если нынѣ партіи, потерявъ терпѣніе отъ безуспѣшныхъ поисковъ, пропускали иногда въ окрестныхъ мѣстахъ лежавшія золотоносныя мѣсторожденія. Если въ этомъ положеніи застигнетъ такую партію внезапно наступившая зима, съ ея глубокими снѣгами, то бѣдствіе людей доходитъ до высшей степени. Холодъ и недостатокъ подножнаго корму губятъ лошадей. Тогда бросаютъ всѣ запасы, и берутъ съ собою на маленькихъ саняхъ только необходимѣйшій провіантъ, который и везетъ людьми, блуждающими иногда по цѣлымъ недѣлямъ въ снѣгу, для отысканія селеній. Даже суровая сибирская зима не удерживаетъ золотоискателей отъ послылки партій въ тайгу; только снаряжаютъ ихъ, разумеется, иначе. Зимнія партіи посылаются обыкновенно для подробнѣйшаго изслѣдованія открытій, сдѣланныхъ лѣтомъ, въ странахъ чрезмѣру болотистыхъ, потому что шурфуя зимою страну, которая лѣтомъ не была хотя поверхностно обслѣдована, могли бы они, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, вести иногда работы на такихъ породахъ, на которыхъ, какъ уже по опыту извѣстно, не бываетъ золотоносныхъ мѣсторожденій. При зимнихъ ра-

ботахъ представляется та выгода, что по-крайней-мѣрѣ вода не мѣшаетъ трудной работѣ, разбивкѣ крѣпко замерзшей земли. Такая партія отправляется безъ лошадей; все нужное везутъ сами работники на легкихъ саняхъ; шурфы пробиваютъ топоромъ и ломомъ, добытые пески оттаиваются и промываются согрѣтою водою. После столь тягостной дневной работы, во время которой они неизбѣжно подвержены сырости, принуждены они проводить ночь на сѣнгу, въ шалашахъ изъ словыхъ вѣтвей. Истинно надобно имѣть желѣзное здоровье спбиряка для перенесенія подобныхъ трудовъ, жертвою которыхъ дѣлается однако жъ не малое число ихъ.

Если посчастливилось партіи обшурфовать хорошее мѣсторожденіе, то она должна сдѣлать описаніе не только мѣстности, въ которой оно залегаетъ, но и состава почвы самымъ подробнымъ образомъ, то есть толщину, составъ и примѣрное содержаніе золотоносныхъ пластовъ. На этотъ конецъ должны быть пробиты и описаны по-крайней-мѣрѣ десять шурфовъ. Съ этимъ описаніемъ посылается въ мѣстный земскій судъ объявленіе отъ открывшаго, которое записывается тамъ въ особую, заведенную на этотъ предметъ, снуровую книгу, потомъ съ объявленія дается промышленнику засвидѣтельствованная судомъ копія, которую онъ представляетъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, съ просьбою о законномъ отмежеваніи земли. По сдѣланіи справки, что земля не заявлена ни кѣмъ прежде, отдается она первому открывшему, и вслѣдъ затѣмъ дѣлается промышленнику законный отводъ, состоящій въ томъ, что ему, на выбранномъ мѣстѣ, отводится площадь, не менѣе ста сажень въ ширину, и не болѣе двухъ тысячъ пятисотъ сажень, или пяти верстъ въ длину. Два такихъ мѣста, одно за другимъ, или одно возлѣ другаго, не должны быть отводимы одному лицу, или одной компаніи,² дабы не исключительно только счастливый открывтель могъ воспользоваться имъ, но онъ можетъ получить³ отводъ черезъ пятиверстное разстояніе, если за нимъ есть его же пріискъ. Гдѣ одно лицо, или одна компанія, имѣетъ два, или нѣсколько смежныхъ мѣстъ, тамъ причиною тому

было, или прикупка мѣста впоследствии, или соединеніе двухъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ компанію. За право пользованія вносятся въ казну извѣстные проценты съ добываемаго золота. Начально плата была назначена двѣнадцать процентовъ, которая и оставалась для открытѣхъ прежними промышленниками до осьмнадцатаго декабря 1840 года принсковь, а съ осьмнадцатаго декабря 1840 года назначено платить по двадцати и по двадцати четыре процента. Кромѣ этой платы золотомъ, платится еще съ каждаго фунта добытаго золота отъ четырехъ до осьми рублей серебромъ, смотря по богатству содержанія, за вспомошествованіе, даваемое отъ казны, къ сохраненію порядка на промыслахъ. Право пользованія такимъ отводомъ отдавалось прежде на столько времени, сколько владѣтель хотѣлъ имъ пользоваться. Въ послѣднее время допускается только двѣнадцать лѣтнее владѣніе, по истеченіи котораго мѣсто отходитъ опять въ казну, а она отдаетъ его вновь желающимъ. Такъ какъ климатъ въ Восточной Сибири (въ тайгѣ) допускаетъ работу только въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (съ перваго мая по первое сентября), то эти двѣнадцать лѣтъ составляютъ только четыре года.

Когда промышленнику, открывшему принскъ, будетъ сдѣланъ отводъ подъ его площадь и выдастся планъ, то онъ можетъ тотчасъ же начинать работу. Во-первыхъ, должно озаботиться о подвозѣ провіанта и необходимыхъ вещей. Муку доставляютъ окрестныя мѣста въ достаткѣ, но рогатый скотъ пригоняется изъ киргизскихъ степей, отъ Семипалатинска, и далѣе. Желѣзные и чугуныя вещи подвозятся изъ уральскихъ заводовъ, а прочіе предметы съ ярмарокъ ирбитской и нижегородской. Изъ этого можно уже видѣть, что этотъ промыселъ приводитъ въ соприкосновеніе наиболѣе отдаленныя между собою страны Сибири. Водю и сухимъ путемъ доставляются эти потребности втеченіи лѣта въ главные складочныя мѣста, устроенныя золотопромышленниками на границахъ тайги, съ которыми имѣется сообщеніе втеченіи цѣлаго года. Отсюда, до самыхъ промысловъ чрезъ тайгу, совершается дальнѣйшая перевозка уже зимою, и

то за непомѣрную плату, по-крайней-мѣрѣ, до нынѣ. Отъ Енисейска до рѣчекъ, въ системѣ Пита лежащихъ, перевозка съ пуда стѣить до шести рублей ассигнаціями. Если же по недостатку денегъ, или по худой распорядительности, заготовленіе запасовъ не будетъ сдѣлано своевременно, то есть, чтобы можно было для перевозки по тѣмъ воспользоваться зимнею дорогою, то перевозка дѣлается на вьючныхъ лошадахъ и обходится въ четыре и въ пять разъ дороже, при чемъ перевозка весьма тяжелыхъ и большого объема вещей, дѣлается совершенно невозможною.

Первое лѣто проходитъ обыкновенно въ предуготовительныхъ работахъ, постройкѣ потребныхъ домовъ, фабрикъ, проводѣ воды, и прочая. Только по окончаніи этихъ работъ можно приступить собственно къ промыскѣ песковъ. На всѣ эти работы нанимаются поленщики, изъ которыхъ, ссыльно-поселыщники составляютъ почти девяносто процентовъ, а остальные десять процентовъ суть, болѣею частью, крестьяне, разорившіеся, или отъ дурнаго хозяйства, или отъ несчастныхъ обстоятельствъ, и изъ нихъ часть пользуется работою на промыслахъ, какъ случаемъ выработать столько денегъ, чтобы приняться и устроить вновь хозяйство. Безъ заработка денегъ на золотыхъ промыслахъ, крестьяне, послѣ тяжкаго 1839 года, не были бы въ-состояніи завести такъ скоро необходимый домашній скотъ и зерно для посяву, которыя они во время нужды продали, или потребли. Упрекъ, часто повторяемый, что золотые промыслы отрываютъ отъ хлѣбопашества необходимыя руки, весьма несправедливъ, потому что, какъ сказано, девяносто процентовъ изъ работающихъ на золотыхъ промыслахъ не принадлежатъ къ классу хлѣбопашцевъ, и несмотря на возрастающее потребленіе хлѣба, окружные уѣзды производятъ его достаточно, и для сбыта его имѣютъ теперь вѣрный рынокъ, и, наконецъ, какъ цѣна хлѣба, сообразно его потребленію, чрезвычайно возвысилась, то съ тѣмъ вмѣстѣ возвысилась и плата на наемъ къ полевымъ работамъ.

Для присканія работниковъ на золотые промыслы от-

правляются повѣренныя владѣльцевъ въ поселенія, соглашаютъ людей на работу, даютъ имъ задатки, и отбираютъ у нихъ паспорты. Однако, несмотря на эту предосторожность, многіе изъ нанятыхъ не являютя на работу. Иныя умерли, другіе по болѣзни, а иныя, доставши новый паспортъ подъ чужимъ именемъ, нанялись на другіе промыслы за новый задатокъ, и дѣло кончается тѣмъ, что значительныя, на задатки употребленныя суммы, пропадаютъ. Но безъ задатковъ невозможно заключить ни одного контракта, потому что безъ того произволь работника ни чѣмъ не ограниченъ.

Мѣсячная плата обыкновенному работнику составляетъ двѣнадцать рублей ассигнаціями, но если въ работѣ требуется большаго искусства, или напряженія силъ, то плата эта доходитъ до пятидесяти и до шестидесяти рублей. При этомъ кормятъ ихъ весьма хорошо. Каждый работникъ получаетъ ежедневно фунтъ свѣжаго, или соленаго мяса, а во время поста столько же рыбы, крупы и капусты, сколько надобно на хорошія щи, хорошаго свѣжаго хлѣба, сколько съѣсть, и квасу сколько выпить. Эти два послѣдніе предмета употребляются безъ всякой бережливости, такъ, что на каждомъ промыслѣ задолжается нѣсколько маломѣтковъ собственно для подбравія разбросанныхъ повсюду кусковъ хлѣба, которые и обращаются потомъ въ сухари, или на кормленіе скота. Все число работниковъ дѣлится на нѣсколько артелей, и каждая артель выбираетъ отъ себя повѣреннаго, который долженъ находиться при навѣскѣ говядины на свою артель, и вообще заботиться обо всѣхъ ея надобностяхъ; за него отвѣчаетъ уже сама артель, и въ случаѣ обмана онъ наказывается артелью. Вино отпускается только въ особенныхъ случаяхъ и продажа его строго воспрещена, потому что при этомъ соблазнѣ не было бы никакой возможности удержать нѣкоторый порядокъ между людьми не твердой нравственности и своевольными. На шестьдесятъ верстъ отъ промысловъ должны быть удалены всѣ кабаки, по закону, который, болѣею частью, легко исполнить, потому что дорога на нѣсколько сотъ верстъ пролегаетъ тайгою.

Хорошая пища и плата не могли бы привлечь много работников на золотые промыслы, потому что имъ предстоитъ трудный путь туда и обратно и за тѣмъ тягостная работа, но къ этому чрезвычайно способствуетъ особое учрежденіе, безспорно, весьма хорошее во всѣхъ отношеніяхъ. Каждому нанимающемуся назначается въ контрактъ его подробно количество его ежедневной работы, опредѣляемое числомъ тачекъ, въ три пуда вѣсомъ, которыя часть работниковъ должна нагрузить, другая перевезти, а третія промыть. Число тачекъ на одного человѣка составляетъ отъ ста до ста-двадцати, смотря по удаленію промыселенъ отъ мѣсторожденія. Принявъ среднимъ числомъ разстояніе промыселенъ отъ рудниковъ въ сорока саженьяхъ, подвозчикъ сдѣлаетъ въ день отъ осьми до девяти тысячъ шести сотъ сажень, или отъ шестнадцати до девятнадцати верстъ, изъ того половину съ нагруженною тачкою. Этотъ урокъ оканчиваютъ они за полдень или, уже поздно, къ тремъ часамъ. За работу же, называемую *старательскою*, и исполняемую ими въ остальное время дня или въ воскресные и праздничные дни, получаютъ они особо за каждый золотникъ вымытаго золота, на бѣдныхъ промыслахъ три рубля, а на богатыхъ два рубля ассигнаціями. Этимъ способомъ наилучше отстраняется хищничество золота, потому что, если кому и удастся во время урочной работы утаить что-нибудь отъ надзирателя, то онъ отдаетъ это за время своей свободной работы. Каждый вечеръ являются эти люди съ своею выработкою, золото взвѣшивается тотчасъ же, въ ихъ присутствіи, и потомъ дѣлается расчетъ, сколько приходится изъ того на каждого человѣка въ артели, что и записывается въ книгу, и, въ листокъ, находящійся въ рукахъ каждого рабочаго. Этотъ способъ работы равно выгоденъ для владѣльца и для рабочихъ; первому доставляетъ онъ чистый барышъ, отъ осьми до десяти рублей ассигнаціями на золотникъ, потому что всѣ расходы должно, естественно, рассчитывать только на условленную работу, а послѣднимъ доставляетъ онъ значительныя деньги, по-мѣрѣ ихъ усердія и счастія, потому что если, по волѣ послѣдняго, попадетъ артель на богатое мѣ-

сто, или попадаетса имъ большой самородокъ, то заработка ихъ бываетъ весьма значительна. Мнѣ случилось видѣть на Бирюсѣ, что въ одинъ вечеръ пришлось на каждаго рабочаго въ одной артели, по семидесяти по два рубля ассигнаціями, а въ другой, работавшей въ воскресенье, по сту пяти рублей на каждаго. Ремесленникамъ и всѣмъ прочимъ, занятымъ цѣлый день какою-либо особою работою, доставляется подобная заработка временно, въ видѣ награжденія, и отводится именно на богатыхъ мѣстахъ, уже вскрытыхъ. При этомъ случаѣ заработка бываетъ еще больше. По Октолику на Ольгинскомъ, поручику Малевинскому принадлежащемъ, промыслѣ, было отведено въ награжденіе одному казаку такое богатое мѣсто, что онъ получилъ изъ сорока девяти тачекъ песку сто пятьдесятъ золотниковъ золота, то есть, триста рублей ассигнаціями награжденія. Конечно, это особенно счастливые случаи, показывающіе однако же, какъ велика можетъ быть иногда заработка, а это-то самое привлекаетъ рабочихъ, и удерживаетъ ихъ на промыслахъ. Какъ-только работы пойдутъ худо, то есть, пески станутъ бѣднѣе, то начинаютъ рабочіе бѣгать, или не выходить на работу. Владѣлецъ, конечно, сберегаетъ четырехъ-мѣсячное жалованье, но терять большой задатокъ, и терпитъ убытокъ.

Чтобы пособить неудобству, введенъ на многихъ промыслахъ еще другой способъ заработка: платится двадцать пять рублей ассигнаціями за каждую сажень вскрыши, которую они снимутъ и отвезутъ въ свободное время. Если притомъ заработка и не можетъ быть столь велика, какъ при счастливыхъ случаяхъ промывки песковъ, но зато она вѣрнѣе, и потому предпочитается многими рабочими.

Изъ дому до складочнаго мѣста рабочіе переходятъ на свой счетъ; по приходѣ же къ тайгѣ считается уже время ихъ найма, и съ этого дня они получаютъ жалованье. На время прохода чрезъ тайгу каждый рабочій получаетъ известное количество сухарей, смотря по отдаленію промысловъ. По прибытіи на промыслы дается имъ день для устройства жилищъ, послѣ чего начинается ра-

бота, обыкновенно съ началомъ мая, и продолжается, смотря по времени, до перваго или десятаго сентября. На многихъ промыслахъ учреждены магазины, откуда рабочіе могутъ покупать всякія вещи, по установленной цѣнѣ, составляющей только истинные расходы. Предметы роскоши не держатся. Товары получаютъ изъ магазина по запискѣ, данной изъ конторы, и цѣна записывается въ имѣющуюся у рабочаго книжку долгомъ. Для сохраненія порядка находится на промыслахъ чиновникъ земской полиціи, а во время работъ объѣзжаетъ всѣ промыслы, особо назначенный, жандармскій штабъ-офицеръ. При каждомъ промыслѣ имѣется лазаретъ, съ числомъ кроватей, соотвѣтственнымъ числу рабочихъ, при каждомъ лазаретѣ аптека и фельдшеръ, а на нѣсколькихъ сосѣдственныхъ промыслахъ докторъ. Для наблюденія за правильностью работъ въ техническомъ отношеніи, назначены особые горные офицеры, у которыхъ золотопромышленники могутъ спрашивать совѣта по всѣмъ до горнаго дѣла относящимся предметамъ. Они утверждаютъ своею подписью вѣрность добытаго количества золота, для чего имъ доставляются еженедѣльно съ cadaго промысла вѣдомости, и они имѣютъ право просматривать вѣдомости, ведущіяся ежедневно на самыхъ промыслахъ. Такимъ образомъ опредѣляютъ они количество добытаго золота, которое доставляется для сплавки въ Барнаулъ. Если окажется въ Барнаулѣ разность между показаннымъ и полученнымъ количествомъ золота, тотчасъ назначается изслѣдованіе о причинахъ разности, чѣмъ отстраняется всякій безпорядокъ, потому, что о намѣренномъ утаеніи золота со стороны владѣльца нельзя думать уже и потому, что назначаемый за то штрафъ слишкомъ несоразмѣренъ съ выгодною, какую онъ могъ получить отъ своего обмана.

Три раза втеченіи четырехъ рабочихъ мѣсяцевъ позволяется доставлять въ Барнаулъ добытое золото, гдѣ оно, въ присутствіи владѣльца, или его повѣреннаго, взвѣшивается, плавится и отливается въ слитки, въ полтора и въ два съ половиною пуда вѣсомъ. Затѣмъ, съ чрезвычайною аккуратностью, взвѣшивается въ другой

разъ, при чемъ, по причинѣ содержанія бурога желѣзняку и другихъ веществъ, сплавляющихся въ шлакъ съ бурою, всегда оказывается разница въ вѣсѣ противъ первой навѣски, и обыкновенно тѣмъ бѣльшая, чѣмъ крупнѣе было золото. Затѣмъ на каждомъ слиткѣ выбивается вѣсъ, имя владѣльца, послѣдовательный номеръ, и изъ двѣнадцати мѣстъ вынимается на пробу. Пробою, какъ извѣстно, опредѣляется число золотниковъ чистаго золота въ фунтѣ и цѣна пуда назначается тѣмъ, что за каждый золотникъ пробы платится около пяти сотъ сорока рублей ассигнаціями, слѣдовательно, пудъ золота 86-й пробы будетъ стоить сорокъ шесть тысячъ четыре ста сорокъ рублей ассигнаціями, то есть, 540×86 .

По окончаніи пробы выдается владѣльцу квитанція въ количествѣ сданнаго золота и пробы его, по которой онъ можетъ получить въ Петербургѣ изъ Коммерческаго Банка часть денегъ, въ размѣрѣ одного рубля осьмидесяти копѣекъ золотомъ, или шесть сотъ пятьдесятъ одну копѣйку ассигнаціями за золотникъ; остальные получаетъ онъ золотою монетою, по доставленіи золота въ Петербургъ, и по сдѣланіи контръ-пробъ. Въ Петербургъ доставляется золото нѣсколькими караванами.

По окончаніи работъ дѣлается съ рабочими расчетъ. Каждый получаетъ свою заработку наличными деньгами, сухари на дорогу чрезъ тайгу, и за тѣмъ отпускается. Большая часть изъ нихъ проматываетъ всѣ вырученныя деньги въ первыхъ деревняхъ, и чтобы имѣть возможность добраться до дому, они принуждены бываютъ снова наняться въ работу для полученія задатка у перваго встрѣтившагося вербовщика. Всю долгую, суровую зиму проводятъ они въ недостаткахъ и лишеніяхъ, и съ наступленіемъ весны отправляются снова на промыслы, на которыхъ въ зимнее время остаются только нѣсколько надсмотрщиковъ съ немногими работниками. Послѣдніе занимаются необходимыми приготовленіями къ будущему лѣту, принимаютъ подвозимые припасы и оберегаютъ оставленное имущество отъ воровства и поврежденій. Управляющій же переѣзжаетъ на это время въ свое главное складочное мѣсто, отправляетъ на промыслы, лѣтомъ

заготовленные припасы, черезъ тайгу на саняхъ, закупаетъ вновь на будущій годъ, разсылаетъ повѣренныхъ въ селенія для найма рабочихъ, такъ что время его трудовъ начинается съ окончаніемъ работы на промыслахъ. Съ послѣднимъ зимнимъ путемъ отправляется онъ снова на промыслы, для встрѣчи рабочихъ, и осмотра всѣхъ необходимыхъ приготовленій къ началу работъ.

Таковы вкратцѣ главныя черты золотопромышленности въ Восточной Сибири, привлекающей на себя своимъ непомернымъ распространеніемъ и своею баснословною добычею золота, вниманіе цѣлой Европы.

Какъ все это странно, самобытно, любопытно для наблюдателя, и какую яркую картину могло бы составить подъ рукою знатока и мастера своего дѣла!

Надобно ли намъ указывать на важность сибирской золотопромышленности, приводя итоги добычи золота въ Сибири? Въ 1843 году выработано было тамъ болѣе тысячи трехъ сотъ пудовъ, на сумму болѣе шестнадцати милліоновъ рублей серебромъ, въ этомъ числѣ частныя промыслы доставили въ Восточной Сибири изъ песковъ семь сотъ осемьдесятъ пять пудовъ (противъ 1842 года болѣе почти тремястами пудовъ.) Если оцѣнить, круглымъ числомъ, всю эту добычу золота въ шестьдесятъ четыре милліона франковъ, найдемъ, что она составляетъ огромную часть добыванія драгоценныхъ металловъ въ цѣломъ мірѣ. Европейскіе статистики, въ 1830 году, считая добычу золота и серебра въ Россіи въ двадцать шесть съ половиною милліоновъ франковъ, находили, что общій итогъ добычи золота и серебра въ цѣломъ мірѣ не превосходитъ ста-двадцати-семи милліоновъ франковъ. Можете судить, какой обширный рядъ великихъ вопросовъ открывается въ будущемъ для политическаго экономиста, одного ли политическаго экономиста?

=

1. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ первый. Одесса, 1844.

2. Дмитрій Максимовичъ Квяжевичъ. *Чрезвычайное прибавленіе къ первому тому «Трудовъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей»*. С.-П.-бургъ, 1845.

Вотъ, безспорно, явленіе, способное удивить всякаго, кому случалось обращаться съ «Трудами» ученыхъ сословіи и обществъ: нѣсколько человекъ любителей просвѣщенія, составивъ кружокъ на краю Скиѣи, между моремъ и пустынею, въ провинціальномъ и, притомъ еще, существенно торговомъ городѣ, вдали отъ всѣхъ центровъ умственной силы и учености, безъ средствъ, безъ капиталовъ, едва-ли не безъ книгъ, издають огромный томъ in-quarto, почти въ семь сотъ страницъ, томъ, наполненный любопытными статьями, тщательными изысканіями, занимательными свѣдѣніями. Подобное событіе въ летописяхъ нынѣшнихъ ученыхъ обществъ было бы совершенно необъяснимо, если бы «Чрезвычайное прибавленіе» къ тому не рассказало чистосердечно, какой человекъ былъ душою этого подвига, кому мы имъ обязаны. Этого человека, къ сожалѣнію, уже нѣтъ на свѣтъ. Посвятимъ памяти его нѣсколько страницъ, прежде чѣмъ время позволитъ намъ достаточно познакомиться съ содержаніемъ книги и приступить къ ея обзору.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ былъ типъ просвѣщеннаго русскаго чиновника, равно усерднаго къ пользамъ службы какъ и къ успѣхамъ своего отечества, образецъ тѣхъ людей, въ чьихъ рукахъ второстепенная власть существенно умножаетъ уваженіе къ себѣ въ классѣ образованномъ и разсуждающемъ, и подаетъ иностранцамъ выгодное понятіе о народѣ и его правительствѣ. Государства, гдѣ такихъ чиновниковъ много, стоятъ въ чель образованности. Дѣловыя занятія, хлопоты и отношенія наполнили собою всю жизнь Княжевича: онъ былъ чиновникъ по званію и состоянію, но на это состояніе проливалъ онъ блескъ просвѣщеннаго ума, достоинство благороднаго чувства и благовоспитаннаго обращенія, и прелесть образованныхъ склонностей, украшаемыхъ вкусомъ къ литературѣ и искусствамъ, и пламенною ревностью къ пользѣ и славѣ отечества. Когда рѣчь заходила о просвѣщенномъ русскомъ чиновникѣ, пріятно было указать на Княжевича, и каждый изъ насъ указывалъ съ гордостью, будучи увѣренъ, что ни въ какомъ изъ европейскихкихъ государствъ не найдется другаго, который затмилъ его. Нужно ли доказательство? Вотъ оно. Ему-то, этому русскому чиновнику, человѣку прослужившему всю жизнь свою въ министерствѣ финансовъ по счетной части, обязаны своимъ существованіемъ и Одесское Общество Исторіи и Древностей и великолѣпный томъ «Трудовъ» его, который могъ бы возбуждать своимъ бытіемъ зависть многихъ академій.

Отецъ Дмитрія Максимовича Княжевича былъ родомъ Кроатъ, изъ старинной фамиліи округа Лики, которой названіе произносится по-сербски *Княжевичъ*, и служилъ первоначально кавалергардомъ при дворѣ Императрицы Екатерины Второй, а кончилъ жизнь въ Казани, въ званіи совѣтника казенной палаты и въ чинѣ статскаго совѣтника. Дмитрій Максимовичъ родился въ Петербургѣ, въ 1788 году, но образованіе получилъ

въ казанскихъ учебныхъ заведеніяхъ и, пріѣхавъ въ 1802 году въ Петербургъ, поступилъ на службу канцеляристомъ по Главному Казначейству. Съ 1814 по 1820 онъ былъ бухгалтеромъ ликвидационной комиссіи, учрежденной въ Прагъ и потомъ перешедшей въ Вѣну, для расчетовъ Россіи съ Австріей. Здѣсь Княжевичъ познакомился съ тогдашнимъ генераль-интендантомъ арміи, впоследствии знаменитымъ министромъ финансовъ, Е. Ф. Канкринымъ, который во все это время былъ непосредственнымъ его начальникомъ и имѣлъ случай оцѣнить его отличныя способности. По возвращеніи въ Россію, бухгалтеръ ликвидационной комиссіи некоторое время занималъ должность начальника отдѣленія въ департаментъ государственнаго казначейства. Вступивъ въ управленіе министерствомъ финансовъ, генераль-лейтенантъ Е. Ф. Канкринъ засталъ своего прагскаго сослуживца еще на этомъ скромномъ мѣстѣ и тотчасъ далъ ему ходъ, соотвѣтственный его дарованіямъ. Димитрій Максимовичъ въ 1824 году былъ назначенъ санктпетербургскимъ вице-губернаторомъ, года черезъ три вице-директоромъ департамента государственныхъ имуществъ, въ 1830 директоромъ канцеляціи министра, и, годъ спустя, директоромъ департамента государственнаго казначейства. Эту должность правилъ онъ до половины 1838 года, и изъ нея уже перешелъ на новое, слишкомъ кратковременное, поприще свое, получивъ около того времени отъ министерства народнаго просвѣщенія мѣсто попечителя одесскаго учебнаго округа.

Тамошній лицей незадолго передъ тѣмъ былъ преобразованъ въ заведеніе, приближающееся устройствомъ къ университету, съ присоединеніемъ учебнаго округа. Новому попечителю предстояло осуществить предположенія новаго устава. Прикосновеніе къ наукамъ, любимой стихіи Княжевича, одушевило его какъ-бы

вторую жизнь: утомленная, но к счастию неисчерпанная, счетною частью, деятельность вспыхнула с силою, достойною болѣе юныхъ лѣтъ, и прежній чиновникъ министерства финансовъ явилъ на учебномъ поприщѣ, возлѣ неутомимаго трудолюбія, столько знанія дѣла, просвѣщенной заботливости и искусства, какъ-будто всю жизнь былъ академикомъ и педагогомъ. Въ пять или шесть лѣтъ Одесскій Лицей, подъ его управленіемъ, достигъ того блестящаго состоянія, которое поставило его въ ряду самыхъ уважаемыхъ учебныхъ заведеній въ Россіи. «Чтобы привести это заведеніе», говорятъ сочинители «Чрезвычайнаго Прибавленія», бывшіе личными свидѣтелями усилій и успѣховъ Княжевича, «чтобы привести это заведеніе въ возможную соотвѣтственность съ современнымъ состояніемъ наукъ, съ мѣстными потребностями края и вмѣстѣ съ общимъ направленіемъ образованія въ Россіи, Димитрій Максимовичъ не довольствовался простымъ приведеніемъ въ исполненіе того, что было предположено, но съ неутомимою, можно сказать, съ безпокойною ревностью, непрерывно стремился къ лучшему и совершеннѣйшему. Каждый годъ, каждый семестръ, лицей дѣлалъ новые шаги, снабжался достойными наставниками, обогащался воспитанниками, распространялъ свои матеріальныя средства, учебныя пособія, кругъ и объемъ преподаваемыхъ предметовъ, дѣятельность, вліяніе и репутацію преподавателей, такъ, что сдѣлался, можно сказать, въ маломъ видѣ мѣстнымъ университетомъ. Стараніями попечителя учреждена вновь кѣедрa сельскаго хозяйства и лѣсоводства, введено преподаваніе судебной медицины, политической ариѳметики, геодезіи, сравнительной географіи, русскихъ древностей; наконецъ образовано, дотолѣ не существовавшее, цѣлое отдѣленіе, подъ именемъ «камеральнаго», съ открытіемъ котораго послѣдовала новая организація преподаванія и въ двухъ прежнихъ отдѣленіяхъ, юридическомъ

и математическомъ. Не меньшее вниманіе обращено было на лицейскую гимназію, и на всѣ вообще учебныя заведенія округа, среднія и низшія. Долго было бы исчислять все, что сдѣлано покойнымъ для этихъ училищъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ матеріальномъ, такъ особенно въ учебномъ и нравственномъ. Упомянемъ только объ одномъ памятникѣ его благотворныхъ видовъ и просвѣщенныхъ заботъ по этой части, памятникѣ, который надолго сохранитъ его имя въ признательномъ краѣ. Это—начертанныя имъ «Программы» для преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ и въ училищахъ уѣздныхъ и приходскихъ. Онѣ составляютъ какъ-бы ручную педагогическую книгу, въ которой низшее и среднее воспитаніе, съ постояннымъ вниманіемъ къ возрасту и состоянію, къ общимъ и мѣстнымъ потребностямъ воспитывающагося юношества, ведется отъ низшихъ ступеней до высшихъ, съ превосходною послѣдовательностью, и въ то же время съ глубоко обдуманною цѣлостью, такъ, что каждый предметъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, идетъ съ другими параллельно, въ непрерывной симметріи и гармоніи. Главнѣйшее достоинство этихъ Программъ состоитъ въ томъ, что онѣ проникнуты любимой, задушевною мыслью покойнаго, предводительствовавшей всѣми его дѣйствіями: въ краѣ, недавно еще усвоенномъ Россіи и до-сихъ-поръ пестрящемъ самымъ разноплеменнымъ, разповѣрнымъ и разноязычнымъ населеніемъ, водворить *воспитаніе и образованіе истинно русское*. И, должно признаться, эта мысль, изливавшаяся отъ полноты просвѣщеннаго патріотическаго энтузіазма, не осталась безплодною. Для достиженія такого результата въ такое короткое время, необходимы были усилія необыкновенныя, дѣятельность неутомимая, надзоръ неусыпный, постоянство непреодолимое ни какими препятствіями и затрудненіями. Таковъ и былъ Димитрій Максимовичъ. Онъ

не зналъ ни утомленія, ни успокоенія; онъ весь былъ въ исполненіи принятаго на себя долга, предначертанной себѣ цѣли. Лицей и Округъ: тутъ были его домъ, его семейство, его нѣжнѣйшія привязанности и лучшія надежды и мечты, тутъ сосредоточена была вся его душа, положена вся его жизнь.»

Княжевичъ, по возрасту и воспитанію своему, принадлежалъ къ весьма интересной эпохѣ русской образованности, къ поколѣнію нѣкогда одушевленному большимъ жаромъ къ просвѣщенію и умственнымъ успѣхамъ Россіи и положившему основаніе новой русской литературѣ. Примѣчательнѣйшіе члены этого поколѣнія были Милоновъ, Никольскій, Гнѣдичъ, Беницкій, Остолоповъ, Измайловъ, Дашковъ, Гречъ и многіе другіе. Учили ихъ плохо: они всему выучились сами; каждый усердно старался пополнить трудомъ многочисленные пропуски въ своемъ первоначальномъ образованіи и каждый потомъ пошелъ съ перомъ въ рукѣ воевать невѣжество, сближать старый русскій умъ съ новыми европейскими понятіями. Молодой Княжевичъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сблизился съ этимъ дѣятельнымъ, кипучимъ сословіемъ, изъ котораго образовались два литературныя общества, одно подъ названіемъ «Любителей россійской словесности», а другое — «Любителей словесности, наукъ и художествъ». Онъ также съ жадностью предавался совершенствованію своего недостаточнаго образованія и вскорѣ захотѣлъ испытать свои дарованія. Сдѣлавшись извѣстнымъ по нѣкоторымъ литературнымъ опытамъ и обратя на себя вниманіе изяществомъ своего слогу, былъ принятъ въ оба общества и принималъ въ трудахъ ихъ ревностное участіе. «Благонамѣренный» и «Сынъ Отечества» были тогда свѣтилами русской литературы: Княжевичъ не менѣе другихъ поддерживалъ ихъ славу своими трудами и, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ имѣлъ случай

основательно изучить иностранныя словесности и даже участвовать въ нѣмецкихъ журналахъ статьими своими о Россіи и ея литературѣ, основалъ при «Сынѣ Отечества» прибавленіе подъ именемъ «Библіотеки для Чтенія», имѣвшее большой успѣхъ въ свое время. Эти тетради наполнялись прекрасными переводами повѣстей Цшокке, Гофманна и другихъ писателей, неизвѣстныхъ русской читающей публикѣ. Когда высшія административныя занятія отвлекли Дмитрія Максимовича Княжевича отъ этихъ интересныхъ досуговъ, прибавленіе было еще нѣсколько времени поддерживаемо младшими его братьями, Александромъ и Владиславомъ, которые взявъ его въ образецъ себѣ, уже являлись достойными сподвижниками его не только по службѣ и образованности, но и по дарованіямъ. Съ прекращеніемъ занимательнаго труда Княжевичей, рушилась и слава «Сына Отечества». Понятно, что живительный огонь страсти къ наукамъ, къ литературнымъ трудамъ, къ всему прекрасному, и славному, развитый въ молодомъ счетномъ чиновникѣ этимъ благороднымъ употребленіемъ домашняго времени, долженъ былъ воспламениться съ новою силою, когда судьба поставила его подъ конецъ непрерывно полезной жизни на поприще народнаго просвѣщенія. Этого мало здѣсь извѣстнаго періода частныхъ упражненій Княжевича, мы не можемъ изобразить лучше какъ собственными словами бывшихъ его сотрудниковъ, членовъ основаннаго имъ ученаго общества.

«Невозможно вообразить того одушевленія, съ которымъ онъ, главный начальникъ обширнаго и важнаго управленія, осыпанный чинами и отличіями, осеребранный сибгомъ преждевременной сѣдины, сталъ самъ первый въ ряды тружениковъ на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности въ порученномъ его вѣдѣнію краѣ. Попечитель округа сдѣлался самъ писателемъ, редакторомъ, корректоромъ, издателемъ. Едва пріѣхавъ въ Одессу, онъ вызвался издавать «Листки

Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи», и занимался этой работой одинъ, безъ всякихъ сотрудниковъ, даже въ механическомъ дѣлѣ исправнаго и опрятнаго печатанія. Затѣмъ, въ 1839 и 1840 годахъ, Княжевичъ издалъ два прекрасные литературные сборника, подъ именемъ «Одесскаго Альманаха», которые, занимательностью содержанія и изяществомъ, можно даже сказать великолѣпиемъ исполненія, возбудили общее удивленіе, встрѣтили самый лестный приѣмъ въ обѣихъ столицахъ и укрѣпили юной Одессѣ право почетнаго согражданства въ современной русской изящной словесности. Кроме-того, во все время своего пребыванія въ Новороссійскомъ Краѣ, онъ издавалъ, выпрошенный имъ же у мѣстнаго начальства въ пользу бѣдныхъ учениковъ лица и округа, «Новороссійскій Календарь», который, совершенствуя годъ-отъ-году, умѣлъ сдѣлать, по единогласному сознанію всѣхъ, настоящей энциклопедіей свѣдѣній о краѣ, историческимъ, статистическимъ, географическимъ зеркаломъ его монументальнаго прошедшаго и полнаго блистательныхъ надеждъ настоящаго. При всякомъ важномъ или торжественномъ случаѣ, въ лицѣ и, особенно, въ нашемъ Обществѣ, изливалъ онъ еще свои свѣтлыя мысли, свои благородныя чувства, желанія, предначертанія, надежды, объѣты, въ рѣчахъ, исполненныхъ теплаго, задушевнаго краснорѣчія: нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей, частію въ отрывкахъ, частію вполнѣ, были печатаемы въ то же время въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»: одно обширное слово, достойное имени ученаго трактата, вошло въ составъ изданнаго отдѣльно описанія «Торжественнаго Собранія Общества» (Одесса, 1840)».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Княжевичъ находилъ еще время предпринимать путешествія за границу, чтобы изучать тамъ устройство учебныхъ заведеній и заводить литературныя связи и сношенія, полезныя для рождающагося среди черноморскихъ степей ученаго общества.

Вотъ любопытная и трогательная исторія образованія этого юнаго сословія и составленія прекраснаго тома, съ которымъ мы желаемъ познакомить читателей нашего журнала. Въ книгѣ находится «Лѣтопись Общества».

«Это обозрѣніе образованія и дѣйствій Общества, говорятъ сочинители Чрезвычайнаго Прибавленія, составлено покойнымъ Дмитріемъ Максимовичемъ: и вотъ причина, почему въ немъ о лицѣ его говорится весьма мало. Необыкновенная скромность, можно сказать, застычивость въ-отношеніи къ себѣ, составляла одну изъ отличительныхъ свойствъ прекрасной души покойнаго. Онъ добровольно изглаживалъ себя, умышленно становился въ тѣни, чтобы вся честь и слава успѣховъ падала не на лицо, а на дѣло. Нашъ долгъ исправить теперь это благородное самозабвеніе.

«Покойный Президентъ, въ своей «Лѣтописи», кратко коснувшись давнишняго зарожденія въ Одессѣ мысли объ учрежденіи ученаго общества для соединенной разработки мѣстныхъ древностей и воспоминаній, всю честь осуществленія этой мысли приписалъ, также покойному уже, и равно незабвенному, нашему сочлену, М. М. Кирьякову. Воздадимъ каждому должное. Кирьяковъ, главный изъ мѣстныхъ жителей края, въ своей преданной всему доброму и прекрасному душѣ точно лелѣялъ съ давняго времени и съ особенною любовью мысль объ учрежденіи въ Одессѣ общества. Но, до прибытія Дмитрія Максимовича, мысль эта не выходила изъ предѣловъ дружескаго круга нѣсколькихъ любителей просвѣщенія, гдѣ была она предметомъ желаній, надеждъ и отчасти приготовленій, которымъ впрочемъ не предвидѣлось и не ожидалось скорого исполненія. Явился Дмитрій Максимовичъ, и все закипѣло, все пошло въ ходъ: желанія превратились въ дѣйствія, надежды въ существенность. Прошелъ годъ съ поселенія его въ Одессѣ, и изъ пяти членовъ-основателей, въ

числѣ которыхъ находился и онъ, образовался зарѣдникъ Общества. Представленный отъ его имени уставъ немедленно получилъ утвержденіе высшаго начальства. Въ «Лѣтописи», Дмитрій Максимовичъ приписалъ себѣ только услугу представленія устава на утвержденіе господина министра народнаго просвѣщенія; то есть, сказалъ то, чего нельзя было не сказать, что сдѣлано оффиціально. Но если онъ умолчалъ, мы не должны скрывать, и считаемъ долгомъ объявить, что этотъ уставъ былъ написанъ весь въ его кабинетѣ, собственною его рукою. Даже самъ Кирьяковъ, въ то время находившійся уже на смертномъ одрѣ, не могъ принимать участія въ этой работѣ, положившей первое основаніе осуществленію его задушевной мысли. Какъ онъ, такъ и прочіе члены-основатели, подкрѣпили единодушнымъ одобреніемъ составленные такимъ образомъ начала и условія существованія Общества.

«При утвержденіи устава, въ 1839 году, новорожденное Общество не имѣло ни какихъ вещественныхъ средствъ, даже мѣста для засѣданій. Первый денежный капиталъ для него составилъ изъ пожертвованій еще бывшаго въ-живыхъ М. М. Кирьякова и самого Дмитрія Максимовича. Затѣмъ, для торжественнаго открытія Общества, происходившаго 23 апрѣля 1839 года Дмитрій Максимовичъ, какъ попечитель, предложилъ залу Ришельевского Лицея, куда и стеклось многочисленное собраніе публики. Здѣсь Дмитрій Максимовичъ, объявивъ объ оффиціальномъ утвержденіи Общества, представилъ въ краткой рѣчи его цѣль и главныя основанія, и вслѣдъ за тѣмъ, пригласилъ, изъ среды присутствовавшихъ посѣтителей, нѣкоторыхъ, предварительно общимъ согласіемъ избранныхъ, особъ, къ принятію полнаго участія въ дѣйствіяхъ съ званіемъ дѣйствительныхъ членовъ. Такъ составилось первое засѣданіе, въ которомъ устроена была его внутренняя организація. Единодушное согласіе членовъ из-

брало Дмитрія Максимовича въ президенты, званіе, которое носилъ онъ до своей кончины, бывъ, по истеченіи перваго трехлѣтія, въ 1842 году, вторично избранъ снова и также единогласно.

«Кто не знаетъ, какъ трудно двигается впередъ всякое новое дѣло, особенно такое, сущность котораго состоитъ въ направленіи многихъ силъ къ одной цѣли? Бытіе Общества утвердилось. Надлежало проявить это бытіе въ дѣйствіяхъ. Но въ настоящее время, когда усиленное развитіе личностей подаетъ поводъ многимъ думать, что въкъ Обществъ, имѣющихъ цѣлью безкорыстное служеніе наукъ, рѣшительно кончился, какъ было приступить, какъ взяться за дѣло? Необычайное счастье, что въ головѣ сталъ человекъ, который не могъ удовольствоваться тѣмъ, что написалъ уставъ Обществу и потомъ могъ подписываться его президентомъ. Для успѣшнаго дѣйствія соотвѣтственно назначенію, нужны были, во-первыхъ, дѣлатели, во-вторыхъ, вещественныя средства, въ-третьихъ, главное и существенное, особенно при началѣ дѣла — сила нравственная, внушеніе къ себѣ довѣрія и уваженія. На все это Княжевичъ обратилъ всю пылкость своего усердія, всю неутомимость своей дѣятельности. Первымъ долгомъ своимъ онъ поставилъ, искать всюду полезныхъ сотрудниковъ и споспѣшествователей Обществу; письменно, и лично, входилъ въ сношенія со всеми любителями и знатоками древностей, разсѣянными по пространству нашего великаго отечества, ухаживалъ за ними, завлекалъ и заманивалъ ихъ къ участию въ Обществѣ всѣмъ очарованіемъ своей прекрасной души. Между-тѣмъ, почетный президентъ Общества, графъ М. С. Воронцовъ, вполне сочувствуя видамъ, имѣвшимъ цѣлью благо и честь любимаго имъ края, не замедлилъ исходатайствовать Обществу отъ Монаршихъ щедротъ постоянное денежное подкрѣпленіе и, что всего драгоценнѣе и выше, позволеніе украситься свя-

щеннымъ именовемъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, какъ Покровителя.

Описывая послѣдовавшія за тѣмъ дѣйствія Общества, «Лѣтопись» выражается слишкомъ коротко, а иногда и вовсе умалчиваетъ объ участіи въ нихъ президента. Между-тѣмъ, онъ былъ душою ихъ всѣхъ: большая часть предпріятій была имъ первоначально задумана; нѣкоторыя и производились имъ самимъ лично; всѣ поддерживались его неутомимою ревностью и неустойчивою дѣятельностью. Такъ, ему принадлежитъ открытіе забытаго архива крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго и мысль о его разборѣ, доставившемъ Обществу около шести сотъ любопытныхъ для исторіи края документовъ. Онъ первый почувствовалъ и оценилъ важность, оказавшихся потомъ безцѣнными, находокъ древнихъ еврейскихъ памятниковъ въ Крыму, относящихся къ вѣкамъ, которыхъ туземная исторія до-сихъ-поръ считалась совершенно погибшею. Имъ пріобрѣтены и подарены Обществу куфическія монеты X вѣка; найденныя въ 1839 году въ рязанской губерніи, которыхъ описаніе издано потомъ отъ Общества особою книгою. По его предложенію и подъ его руководствомъ, совершены, въ 1843 году, ученія разысканія въ Крыму. Не описываемъ прочихъ неизчислимыхъ случаевъ, гдѣ онъ оказывалъ Обществу разныя мелкія, но тѣмъ не менѣе полезныя, услуги, онъ, который вездѣ и всегда напрягалъ все свое вниманіе, устремлялъ всю свою дѣятельность, наблюдалъ, подмѣчалъ, развѣдывалъ, пріобрѣталъ, жертвовалъ, просилъ, хлопоталъ, предствительствовалъ, подстрекалъ и ободрялъ всѣми средствами ревность другихъ, и наконецъ самъ лично, въ буквальномъ смыслѣ, «работалъ» для Общества....

«Но мы умолчали бы о самомъ близкомъ, самомъ осязательномъ и вмѣстѣ самомъ краснорѣчивомъ памятникѣ безпримѣрнаго усердія покойнаго къ пользѣ

и чести Общества, если бы не объяснили того участия, которое принялъ онъ въ составленіи и изданіи настоящаго тома «Записокъ». Это участіе, скажемъ со всею искренностью, было таково, что безъ Димитрія Максимовича выходящая теперь книга еще долго не явилась бы на свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ нынѣ является. Съ самаго учрежденія своего, Общество поставило себѣ въ обязанность изданіе своихъ трудовъ, по мѣрѣ ихъ накопленія. Они и копились мало-по-малу, такъ, что, къ началу 1842 года, когда Димитрій Максимовичъ возвратился въ Одессу изъ заграничнаго путешествія, количество ихъ оказалось достаточнымъ для составленія книги. Рѣшено было приступить къ изданію. Не желая, чтобы это шло какъ-нибудь, президентъ предложилъ, или лучше сказать вызвался, начертать систематическую программу предполагаемаго изданія, а когда она была составлена и одобрена Обществомъ, подалъ мысль къ учрежденію изъ среды членовъ особаго Издательнаго Комитета, для котораго изложилъ сообразныя съ программой правила, также одобренныя и утвержденныя Обществомъ. Какъ программа, такъ и правила для устройства и дѣйствій Комитета, внесены были во вновь составленный проектъ исправленнаго и дополненнаго устава Общества, утвержденный господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ то же время составилъ комитетъ, согласно съ уставомъ, изъ пяти членовъ: президента, секретаря, и трехъ дѣйствительныхъ членовъ, по выбору, которыми были А. С. Стурдза, Н. И. Надеждинъ и В. В. Григорьевъ. Комитетъ немедленно приступилъ къ разбору и классификаціи матеріаловъ и изготовилъ списокъ тѣмъ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, могли войти въ составъ перваго тома «Записокъ». Общество утвердило выборъ статей. Оставалось, по-видимому, дѣло самое легкое: напечатать и выпустить въ свѣтъ. И, дѣйствительно, было приступлено къ печатанію

въ июль 1842 года. Не едва дѣло пошло въ ходъ, какъ опытъ на каждомъ шагѣ началъ представлять затрудненія неожиданныя, препятствія непредвидѣнныя. При ближайшемъ разсмотрѣнн, многіе изъ предварительно одобренныхъ матеріаловъ оказались неудобными къ помѣщенію въ изготовляемомъ томѣ: надо было принять мѣры къ замѣнѣ ихъ, обращаться съ просьбами къ сотрудникамъ объ обработаніи вновь нѣкоторыхъ предметовъ, или объ ускореніи тѣхъ работъ, которыя были обѣщаны, но не составлялись во-время. Въ «Предисловіи» кратко объяснено, какія кромѣ-того неудобства представляло самое механическое выполненіе дѣла, какихъ требовало хлопотъ и усилій печатаніе текста и литографированіе приложений, какъ разные шрифты надлежало выписывать изъ Парижа, изъ Петербурга, изъ Евпаторіи, изъ Кисенева, снимки и рисунки заказывать въ обихъ столицахъ, столько удаленныхъ отъ Одессы. Все это выписывалось и заказывалось своевременно, но, по разнымъ обстоятельствамъ, какъ обыкновенно случается, задерживалось отправленіемъ и прибытіемъ къ сроку, опаздывало иногда цѣлыми мѣсяцами. Такимъ образомъ прошли цѣлые два года. Между-тѣмъ, изъ числа избранныхъ въ издательный комитетъ членовъ, А. С. Стурдза, еще до начатія дѣйствій комитета, выбылъ изъ Общества, а Н. И. Надеждинъ, вскорѣ по начатіи печатанія книги, совершенно оставилъ Одессу: оба они не были замѣнены никѣмъ. Такимъ образомъ, вся тягость издательныхъ трудовъ легла на оставшихся трехъ членовъ, главная же доля ихъ досталась президенту. Уже разстроенный въ здоровьѣ, посреди многотрудныхъ заботъ своей официальной службы, онъ въ эти два года не давалъ себѣ покою, чтобы привести къ концу дѣло, непрерывно затягивавшееся. Наступило время ѣхать въ Петербургъ, а книга не была еще готова. При этихъ обстоятельствахъ, еще одинъ членъ комитета, В. В.

Григорьевъ, также покинулъ Одессу. Остался въ комитетѣ только Димитрій Максимовичъ съ секретаремъ Общества. Рѣшась окончить дѣло во что бы ни стало, онъ со дня на день откладывалъ давно рѣшенную поѣздку, и такимъ образомъ прожилъ въ Одессѣ все прошлое лѣто, лучшее и удобнѣйшее время къ совершенію дальняго путешествія. Въ это время, онъ непрерывно занимался самыми мелочными заботами, самыми черно-рабочими трудами по окончанію печатанія книги: изъ прекраснаго приморскаго хутора, гдѣ семейство его проводило знойные лѣтніе мѣсяцы, онъ каждую недѣлю, два или три раза, пріѣзжалъ въ городъ, и оставался иногда по нѣскольку дней сряду, сидя за корректурую послѣднихъ листовъ. Письма тогда писанныя имъ изъ Одессы въ Петербургъ, гдѣ прибытіе его было ожидаемо тѣмъ съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ печальнѣе становились извѣстія о состояніи его здоровья, всѣ наполнены сѣтованіями и безпокойствами о «Запискахъ». Наконецъ, день, въ которой заключилось печатаніе книги, былъ днемъ, въ которой рѣшился его выѣздъ. Съ какою радостью извѣстилъ онъ о томъ своихъ родственниковъ и друзей, присовокупляя, что теперь уже ничто не удерживаетъ его въ Одессѣ! Впрочемъ, и эта радость была не совсѣмъ спокойна; изъ послѣднихъ, предсмертныхъ строкъ его, предложенныхъ къ настоящему тому «Записокъ» въ видѣ предисловія, видно, что, въ избыткѣ своей скромности, онъ мучился сомнѣніемъ и безпокойствомъ, какъ этотъ первый плодъ совокупныхъ трудовъ Общества будетъ принятъ ученою публикою. Предисловіе это не въ примѣръ прочимъ, все состоитъ изъ смиренныхъ извиненій въ неизбѣжныхъ несовершенствахъ изданія. Наканунъ своего выѣзда въ путь, онъ отправилъ въ Петербургъ нѣсколько экземпляровъ книги, съ тѣмъ чтобы она предварила его здѣсь. И это для сердца его, взвѣдѣнное имъ на порогъ гроба,

пришло сюда уже сирымъ. Покойный Княжевичъ не имѣлъ удовольствія дожить до появленія въ свѣтъ книги, которая, каковъ бы ни былъ судъ объ ея внутреннемъ достоинствѣ, уже одною своею обширностью, разнообразіемъ содержанія и изяществомъ внѣшняго исполненія, неоспоримо заслуживаетъ глубокую признательность и приносить истинную честь главному виновнику ея бытія.

«Съ разрушеннымъ трудами и продолжительною внутреннею болѣзнию здоровьемъ, выѣхалъ онъ изъ Одессы десятаго сентября 1844 года, сопровождаемый благословеніями и слезами, исторгаемыми у всѣхъ знавшихъ его предчувствіемъ грозившей опасности. Съ нимъ находилось его семейство: супруга и дѣти. Путешествіе продолжалось медленно, такъ, что только къ двадцатому сентября прибылъ онъ въ мѣстечко Буромку, съ владѣтельницаю котораго (Е. М. Фроловой-Багрѣвою, дочерью покойнаго графа Сперанскаго) предварительно обѣщался видѣться здѣсь на пути. Находящійся при помѣстьѣ ученый и искусный врачъ, докторъ Прейсъ, объявилъ, что онъ не можетъ ѣхать далѣе. Больной былъ еще на ногахъ, но уже самъ чувствовалъ опасность своего положенія, къ которой отчасти приготовлялъ и семейство свое отдаленными намеками. Онъ покорился совѣту врача, и остановился подъ гостепріимнымъ кровомъ, гдѣ дружба хозяйки окружила его самыми внимательными и нежными попеченіями. Тутъ онъ провелъ десять дней, впродолженіи которыхъ болѣзнь, несмотря на всѣ врачебныя усилія, быстро пошла къ развязкѣ. Последнія минуты умирающаго были достойны его прекрасной жизни. Съ яснымъ спокойствіемъ смотрѣлъ онъ въ лицо смерти, о которой до послѣдняго дня открыто бесѣдовалъ съ родственниками и друзьями черезъ диктуемыя на смертномъ одрѣ письма. Поутру двадцать-девятаго сентября, онъ причастился Святыхъ Таинъ. Это ободрило и возвы-

сило его духъ, такъ, что блеснулъ лучъ надежды, что и тѣлесныя силы его могутъ еще возстановиться. Но, вечеромъ тридцатаго сентября, смерть сказалась ему явственно, неумолимо. Онъ созвалъ къ себѣ семейство, и началъ благословлять оставляемыхъ сиротъ, завѣщавая имъ быть достойными милости Провидѣнія, которому поручалъ ихъ съ полною вѣрою Христіанина. Рѣчь всякла въ его устахъ. Началось смертное томленіе, но такое мирное и кроткое, какъ погруженіе въ успокоительный сонъ. Онъ не могъ говорить, но сохранялъ полное сознание. Съ разсвѣтомъ утра, совершенно было надъ нимъ Елеосвященіе. Умиравшій имѣлъ еще столько свѣтлости въ мысляхъ, столько жару въ чувствахъ, что слѣдовалъ внимательно за всеми словами произносимой молитвы и съ жадностью простиралъ уста къ лобызанію Святаго Евангелія. Въ десять часовъ три четверти, лицо его осіялось неземною улыбкою, и эта улыбка застыла навсегда....

«Прахъ усопшаго положенъ при мѣстной церкви святаго Дмитрія».

Обозрѣніе статей перваго тома «Записокъ» Ученаго Одесскаго Общества мы отлагаемъ до одной изъ слѣдующихъ книжекъ. Одна уже эта исторія книги и чловѣка, который ее издалъ, достаточна, чтобы между-тѣмъ возбудить любопытство въ читающей русской публикѣ и привести ее въ личное соприкосновеніе съ богатымъ собраніемъ разсужденій и документовъ, совершенно заслуживающихъ ея вниманія. Многочисленность и разнообразіе этихъ статей не позволяютъ намъ изчислять ихъ: скажемъ только, вообще, что томъ состоитъ изъ разсужденій по части орнитологіи, исторіи, географіи и статистики, изъ описаній разныхъ памятниковъ, изъ сборника документовъ и актовъ, изъ критическихъ обзорній замѣчательныхъ книгъ о южной Россіи, изъ отчетовъ о путешествіяхъ членовъ Общества, наконецъ изъ его «Лѣтописи», корреспонден-

ции и разныхъ собранныхъ имъ «Извѣстій». Томъ начинается капитально ученымъ сочиненіемъ, которое могло бы съ честью занять мѣсто въ собраніяхъ академическихъ записокъ, именно, разборомъ второй книги Геродота, гдѣ авторъ, Н. И. Надеждинъ, старается дать новое объясненіе запутанной картины древней Скиѣи, посредствомъ сличенія показаній отца исторіи съ нынѣшнею мѣстностью и при помощи новой географической карты. На этотъ трудъ, достойный особеннаго уваженія, мы, преимущественно, обратимъ и нашъ обзоръ.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ФЕВРАЛЬ, 1845.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ ПО СУШѢ И МОРЯМЪ. *Книжка третья. Карпаты. Сп.-бургъ, въ тип. М. Ольхина, 1845, съ-12, стр. 250.*

Карпаты! «Странствователь по сушѣ и морямъ» ведетъ насъ на Карпаты! Онъ, съ которымъ мы привыкли ѣздить по всѣмъ Индіямъ, Бухаріямъ, Китаемъ, онъ, отъ котораго привыкли мы слышать рассказы, о рѣдкостяхъ и

Т. LXIX. — Отд. VI.

диковинкахъ, приглашаетъ на Карпаты! Да что разкажетъ онъ о Карпатахъ? Какими новостями угоститъ онъ насъ тамъ? Опасенія напрасныя. «Странствователь» умѣетъ повсюду открыть любопытное. Читая эту третью книжку, вы такъ же увлекаетесь ею какъ двумя первыми. «Странствователь» рассказываетъ чудеса о карпатскихъ горахъ, о тамошнихъ городахъ, монастыряхъ, людяхъ, медвѣдяхъ. Начинается съ Кумарника, гдѣ «Странствователь» напился чаю и размечтался о суетѣ жизни, пока «самоваръ ворковалъ про радости домашней жизни, про домашній кровъ». Ночью пришелъ къ «Странствователю» съумасшедшій, сынъ доктора Ф^{***}, промотавшій въ Парижѣ здровье, деньги и умъ, и имѣлъ онъ съ нимъ преинтересный разговоръ. Потомъ «Странствователь» попалъ въ монастырь, который находился въ пещерѣ, совершенно занесенной снѣгомъ: проводники прокопали къ настоятелю отверстіе въ снѣгу, и «Странствователь» скатился въ его келлію: это были волшебные чертоги, на сталактитовыхъ столпахъ; пещерѣ конца не видно, и никто донинѣ не узналъ всего ея пространства. Затѣмъ описываются битвы греческой Этеріи съ Оттоманами въ Валахіи, въ 1821 году. Чудныя битвы! Этеристы рубили Турковъ, какъ капусту: когда недоставало у нихъ пуль, они стрѣляли талерами и червонцами. Въ Кимпо-лунго «Странствователь» видѣлъ людей съ такими подбородками, которые «висятъ до поясу, какъ огромнѣйшіе пузыри, и закрываютъ совершенно человѣка». Не менѣе этихъ людей замѣчательнѣе былъ проводникъ, родомъ Суздалецъ: онъ отправился маркитантомъ съ арміею, въ 1828 году, нажилъ до сорока тысячъ рублей, лишился ихъ, сошелъ съ ума, и началъ мелочной торгъ, ходя съ корзинкой по карпатскимъ горамъ. Въ Германштадтѣ «Странствователь» видѣлъ картинную галерею, которую дѣлятъ милліонами: ее собралъ и завѣщалъ городу Брункенталь, бывшій правителемъ Трансильваніи при Маріи-Терезѣ. Но пришлось бы переписать всю книжку, если бы мы захотѣли исчислить всѣ любопытныя мѣста, отъ австрійскихъ таможенъ до влюбленныхъ Цыганокъ, отъ валахскихъ жителей до карпатскихъ коровъ. Мы не станемъ даже пересказывать

того, какъ въ Молдавіи закладываютъ въ стѣны домовъ тѣнь человѣка, и человѣкъ отъ того умираетъ: послѣ смерти онъ дѣлается домовымъ того дому и охраняетъ его отъ воровъ, огня и чорта. Гораздо веселѣе выписать то, какъ веселятся въ Валахіи. «Странствователь» прѣхалъ въ Кимпо-лунго, нѣкогда столицу Валахіи, а нынче мѣстечко въ четыре тысячи жителей:

«Едва успѣлъ я осѣсться, какъ уже получилъ приглашеніе отъ президента суднаго трибунала на балъ. Видите ль, Кимпо-лунгъ создавъ для веселья! Вотъ я и на балѣ, на балѣ въ Кимпо-лунгѣ! При входѣ, на крыльцѣ оглушила меня какая-то адская музыка: нѣсколько Цыганъ-Дзутарей силились извлечь изъ своихъ донотонныхъ инструментовъ самыя громкіе, самыя раздвращающіе звуки, и въ нихъ поставляли всю свою славу — кто громче свистнетъ, кто громче зыкнетъ, или завизжитъ, тотъ считалъ себя и виртуозомъ. — Какъ хорошо свиститъ этотъ мускалуджи!» замѣтилъ мнѣ одинъ изъ боларъ, указывая на виртуоза работавшаго духомъ и тѣломъ на своемъ инструментѣ. — «Очень хорошо!» отвѣчалъ я серьезно. Въ хаосѣ дикихъ звуковъ, я, однако жъ, къ неописанному своему удивленію, услышала что-то знакомое. И дѣйствительно: это былъ столь извѣстный маршъ — «Слався смѣй, Екатерина», — память квартировавшаго нѣкогда здѣсь русскаго полка. Рядъ паръ выступалъ польской. Чинначаліе и здѣсь, какъ у насъ въ провинціяхъ, соблюдается во всей строгости и на самыхъ балахъ. Исправника, или, какъ его оффиціально называютъ, окурминтора, хотя это слово никакъ не прививается въ Валахіи со времени выступленія оттуда Русскихъ, исправника не было въ городѣ; мѣсто его занималъ, временно, секретарь уѣздаго трибунала. Секретари вездѣ принадлежатъ къ рабочему классу канцелярскаго народа, и играютъ незначительную ролю на празднествахъ, особенно въ обѣда, а потому и этотъ сидѣлъ чинно въ углу. Въ пергой парѣ выступалъ, опираясь на костыль, прокуроръ, то есть, уѣздный стряпчій, съ женою члена суднаго трибунала. — И этотъ будетъ танцовать? спросилъ я своего сосѣда. — Какъ же! — Да, онъ едва ноги волочить! — «Это только сначала, а расходится, такъ лучше другихъ выплясываетъ!» Далѣе шелъ президентъ трибунала, съ такою дамою, что изъ нея вышло бы два президента и одинъ секретарь. — Это изъ Букареста — по-гречески уиѣтъ! — сказалъ значительно сосѣдъ. «О!... Чтобы понять важность такого замѣчанія, надобно припомнить, что хотя въ Букарестѣ французскій языкъ совершенно овладѣлъ высшимъ обществомъ, въ про-

винціяхъ всё-еще греческій остается моднымъ, какъ бывало при господаряхъ фанариотахъ. Далѣе, шелъ президентъ магистрата, далѣе зончій, засѣдатель, а еще далѣе дѣти. По угламъ, на широкихъ диванахъ, сидѣли, поджавши ноги, дамы, которыя уже не могли свободно передвигать пятъ, или разваливались бояре, считавшіеся слишкомъ знатыми для пѣшаго хожденія, даже по комнатѣ: они дѣлали во всеуслышаніе свои замѣчанія, вѣроятно, очень остроумныя, потому что сами отъ нихъ смѣялись. Изъ-подъ руки у нихъ выглядывали дѣти, показывая языкъ почтеннѣйшей публикѣ, что также было очень мило. Словомъ, балъ былъ хорошъ, многолюденъ, обставленъ какъ-нельзя лучше, балъ былъ блистательнѣе, чѣмъ у насъ въ Миргородѣ. Всего болѣе занималъ меня зончій. У него носъ, глаза и верхняя часть головы были совинныя, а остальное, какъ у человѣка; танцуя, онъ выводилъ такіе узоры, такіе огромные круги описывалъ ногою при поворотахъ, что чуть не доставалъ копчикомъ ея до носа неосторожныхъ, составлявшихъ тѣсныя кружки возлѣ него, и удивлявшихся ему, подобно мнѣ. Но проклятая музыка сильно беспокоила меня. Напрасно старался я мысленно увѣрить себя, что жидовская музыка не лучше этой, а я, бывало, терпѣливо слушалъ ее. Но, или жидоская музыка была лучше, или слухъ мой избаловался, только уши мои страдали невыносимо, и при нѣкоторыхъ звукахъ морозъ подиралъ по кожѣ. Я не вытерпѣлъ, и ушелъ, къ крайнему моему сожалѣнію, когда балъ былъ уже въ полномъ разгарѣ, и гразіозная, хотя мопотонная, румейка смѣнила французскія кадрили. И здѣсь танцуютъ французскія кадрили, хотя на свой особенный ладъ. Въ румейкѣ участвуютъ и старыя, даже дѣти. Кто усталъ, тотъ выходитъ изъ круга; кому наскучило сидѣть, тотъ вступаетъ въ кругъ и выдѣлывается на на свой ладъ, а фигура всё одна и та же: составивъ кругъ, нѣсколько паръ, то растягиваются во всю длину рукъ своихъ, то сбиваются въ одну точку, играя тѣломъ и плечами, какъ лебедь, охорашивающійся на волнахъ. Гораздо живѣе и разнообразнѣе кѣло. Тутъ, съ прекрасною талією, съ маленькою ножкою, и съ черными, вѣчно влажными валахскими глазами, можно творить чудеса, и Валашки творять ихъ. »

Эти валахскіе бояре, считающіе себя слишкомъ великими людьми для пѣшаго хожденія, напоминаютъ собою анекдотъ объ одномъ гордомъ испанскомъ грандѣ, которому докторъ велѣли прогуливаться каждый день полчаса для здоровья. Грандъ приказалъ запереть ворота своего сада, чтобы никто не могъ видѣть его въ такой пле-

бейской потѣхъ, и принялся исполнять врачебное предписание; но, пройдя нѣсколько шаговъ, задѣлъ ногою за камень и упалъ. Вставъ съ большимъ трудомъ, онъ важно посмотрѣлъ на дорожку, плюнулъ съ презрѣніемъ землѣ въ лицо и сказалъ: *Nada es por un tale de caminao por la tierra!* «Вотъ что значитъ — такому человѣку какъ я, ходить по землѣ!.... Лучше умереть. Закладывайте карету!»

Какъ вы изволили замѣтить сами, «Странствователь» милъ, уменъ, веселъ по-прежнему. Несмотря на нѣкоторыя небрежности языка, вы должны читать «Странствователя»: а нѣтъ, такъ и нечего вамъ будетъ читать въ этомъ славномъ мѣсяцѣ. «Какъ? спроситъ сердитый читатель: какъ читать нечего? развѣ не выходило новыхъ книгъ? Что же дѣлаютъ сочинители, чѣмъ занимаются типографіи?» Сочинители ничего не дѣлаютъ. Типографіи печатаютъ безъ умолку. Книгъ нѣтъ. Все обстоитъ благополучно.

Есть, если вамъ угодно, сборники. Напримѣръ:

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПЛАНАМЪ СТОЛПЧАНАГО ГОРОДА САНКТПЕТЕРБУРГА, съ 1714 по 1839 годъ. *СП.-бургъ, въ тип. Департамента Военныхъ Поселеній, 1843, въ-8, стр. IV и 276.*

«Историческіе планы», для которыхъ составлено это «объясненіе», изданы по Высочайшему повелѣнію. Несмотря на число 1843 года на заглавномъ листѣ, этотъ превосходный матеріалъ для исторіи и топографіи Петербурга явился въ свѣтъ только теперь. Главное здѣсь — планы, представленныя, въ уменьшенномъ видѣ, съ подлинныхъ плановъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Первый изъ нихъ относится къ 1714 году; второй, подъ смотрѣніемъ Мниixa, составленъ капитанъ-поручикомъ Зихгеймомъ, около 1738 года; третій сочиненъ сообразно съ планомъ, изданнымъ Академіею Наукъ, въ 1753, и планомъ сдѣланнымъ Коммиссіею Строепія, въ 1765; четвертый начертанъ послѣ наводненія 1777 года, подъ смотрѣніемъ генералъ-инспектора Баусера, полковникомъ Имгардтомъ; пя-

тый выбранъ изъ топографическаго атласа Санктпетербурга, предпринятаго въ 1786 г., подъ смотрѣніемъ генераль-квартирмейстера, барона Аракчеева; шестой — изъ атласа Комитета для уравнианія поввиностей: этотъ планъ дополненъ трудами Медера, Сарычева, Бетанкура, Шуберта и Фицтума; наконецъ, седьмой планъ сокращенъ съ превосходнаго плана Петербурга, издавнаго въ 1828 году генераль-лейтенантомъ О. О. Шубертомъ и дополненаго топографическою картою окрестностей Петербурга, 1830 года. Въ книгѣ содержитсяъ поясненіе всѣхъ этихъ плановъ. Имѣя теперь подъ рукою много матеріаловъ и замѣтокъ, мы подробнѣе поговоримъ объ исторіи и топографіи Петербурга въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала. Предметъ стоить того, и поговорить есть о чемъ.

ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ МОНЕТЪ И МЕДАЛЕЙ *собранія генераль-лейтенанта О. О. Шуберта. СПб.-бургъ, въ тип. Морской, 1843 (1845), въ-4. Часть первая, стр. IX и 327.*

Русская нумизматика—наука, создавшаяся въ послѣднее десяти-лѣтіе, но, благодаря дѣятельности нашихъ ученыхъ, Френа, Круга, Рейхеля, Археографической Комиссін, Шодоара, Черткова и Шуберта, она быстро приняла систематическое развитіе и, въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, уже достигла той степени полноты и точности, которая составляетъ совершенство хорошо обработанныхъ народныхъ нумизматикъ или, по-крайней-мѣрѣ, весьма близка къ нему. Первый шагъ къ составленію русской нумизматики сдѣланъ былъ Пансеромъ, но трудъ его былъ только поверхностный очеркъ, въ видѣ таблицъ, безъ описаній, и притомъ начинался не далѣе какъ временемъ Петра Великаго. Сочиненіе господина Черткова основало, потомъ, настоящую эпоху въ ученomъ развитіи этой интересной отрасли историческаго знанія: авторъ, своимъ прекраснымъ каталогомъ, правильностью изслѣдованій, дѣльностью замѣчаній, вполне заслужилъ почетное имя «отца русской нумизматики». Это былъ систематическій каталогъ его собственнаго собранія: къ-сожалѣ-

дѣю, въ этомъ богатомъ собраніи не находилось памятникъ старѣе 1547 года. Вскорѣ потомъ явились и другіе подобныя труды, между которыми, по красотѣ рисунковъ и рѣдкости нѣкоторыхъ памятниковъ, изданіе Археологической Коммиссіи достойно особеннаго отличія. Сочиненіе барона Шодозара, въ двухъ томахъ, казалось, нѣкоторое время, послѣднимъ монументомъ по этой части: оно было встрѣчено большими похвалами, но слава его скоро прошла. Недолгота, неточность и важныя историческія ошибки лишили его уваженія и довѣрія нумизматическаго, и нынче оно съ трудомъ получаетъ отъ нихъ честь простаго упомянанія. Недолгота его такъ существенна, что въ одномъ періодѣ Рюриковой династіи книга генерала Шуберта, описывающаго, по примѣру господина Черткова, только собственное свое собраніе, показываетъ до трехъ сотъ памятниковъ, невѣдѣнныхъ барону Шодозару. Каталогъ генерала Шуберта начинается 1326 годомъ. Памятники расположены по мѣстамъ чекана, царствованія и хронологическимъ даннымъ. Въ первомъ отдѣленіи этой первой части помѣщены монеты великихъ князей и князей Рюрикова Дома со включеніемъ Междоуцарствія. Второе отдѣленіе обнимаетъ періодъ отъ вступленія на престолъ Дома Романовыхъ до кончины Петра Великаго. Во всей первой части описано 1,674 нумизматическія памятника, не считая множества двойныхъ номеровъ: сюда вошли не только монеты и медали русскаго чекана, но и тѣ, которыя были выбиты за границею въ память происшествій, принадлежащихъ къ нашей исторіи. Ученый авторъ повсюду отмѣчаетъ тѣ монеты и медали, которыя уже находятся въ сочиненіяхъ господъ Черткова и Шодозара, показывая принятыя ими номера, и въ концѣ каталога намѣренъ еще приложить указатель цѣнъ, которыя собиратели могутъ платить нѣмаламъ и другимъ продавцамъ при покупкѣ русскихъ нумизматическихъ памятниковъ, смотря по ихъ болышой или меньшей рѣдкости. Изданіе обогащено необходимыми чертежами. О высокомъ достоинствѣ этого важнаго труда, въ ученое отношеніи, мы уже говорили.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ.
СП.-бургъ, въ тип. Края, 1845, въ-8., стр. XVI и 307.

Появленіе книгъ въ родѣ этого «Указателя» должно насъ радовать. Имъ начинается обобщеніе отечественныхъ законовъ. «Сводъ законовъ» — превосходный, систематически обработанный матеріалъ, изъ котораго, при нужномъ умѣньѣ, можно выбрать всѣ статьи, относящіяся къ тому или другому отдѣльному предмету или классу. Желательно, чтобы такимъ образомъ были заданы особенныя отечественныя юриспруденціи для купца, помѣщика, фабриканта, городского и сельскаго жителя, и по разнымъ спеціальнымъ предметамъ, какъ то, законовѣдніе по дѣламъ исковъ, по наслѣдству, по праву владѣнія, и прочая. Какое важное практическое пособіе! Въ такихъ книгахъ, если онѣ хорошо составлены, каждый легко находитъ полное и ясное понятіе о своихъ правахъ и обязанностяхъ и вѣрное наставленіе — какъ поступить въ данномъ случаѣ. Сколько онѣ предупреждаютъ печальныхъ ошибокъ, ссоръ, тяжбъ, сколько невинныхъ жертвъ исхищается ими изъ рукъ ябеды! Въ «Указателѣ» искусно собраны всѣ узаконенія, касательно правъ и обязанностей сельскаго хозяина, или помѣщика. Составитель «Указателя» раздѣлилъ его на шесть главъ. Сперва излагаются права владѣнія; потомъ права лицъ; далѣе, сельское помѣщеніе, торговля, промыслы; отношенія къ сосѣдству, и наконецъ обязанность къ правительству, ревизія, продовольствіе, рекрутство, подати, земскія повинности. Книга оканчивается изложеніемъ порядку ссудъ и займовъ изъ кредитныхъ постановленій: это ужъ — лишнее; иной, не зная этого порядку, можетъ-быть и не подумалъ бы объ удовольствіи пожить, побластать, поѣздить по чужимъ краямъ посредствомъ залогу своего имѣнія, которое потомъ, рано или поздно, послѣ многихъ отсрочекъ и перезалоговъ, навѣрное будетъ продано съ молотка. Человѣку вообще опасно показывать легчайшій способъ занимать деньги. Совершенно того же имѣнія и предлагающее.

СОБРАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАЗСЧЕТОВЪ, или практическія задачи по части сельскаго хозяйства, бухгалтеріи, горнаго и солянаго производства и практической механики. Сп.-бургъ, въ тип. Фишера. 1845, въ-12, стр. III и 286.

Конечно, безъ этой книжки легко обойдется русской человѣкъ, будь онъ сельскій хозяинъ, бухгалтеръ, горный заводчикъ, или практической механикъ. Но всё же отъ нея нельзя разориться! Кто-то на досугъ собралъ расчеты и составилъ таблички о всякой всячинѣ, процентахъ, учетѣ векселей, и тому подобномъ. Это заняло у него страницъ семьдесятъ. На остальныхъ предлагаются *практическія задачи*: «На десятину предположено вывезти двѣ тысячи четыреста пудовъ навозу; по сколько придется навозу на сажень, и сколько будетъ его возовъ?—«Экипажъ проѣхалъ четыреста тридцать пять верстъ въ двадцать девять часовъ: желательно знать скорость его въ секунду, и число оборотовъ задняго колеса, при діаметрѣ четырехъ футовъ?»—«Купецъ отдалъ въ ростъ капиталъ февраля перваго тысячу рублей, по пяти процентовъ; іюля перваго семнадцать тысячъ по четыре процента, и семнадцать тысячъ по три процента: сколько изъ процентовъ придется ему по первое сентября? Разумѣется, кто знаетъ начало ариметики, тотъ будетъ отвѣчать, а кто ариметикъ не учился, тотъ скажетъ—не знаю! не могу сказать,—и дѣло съ концомъ. Авторъ ничего болѣе и не хочетъ. Книжка совершенно не разорительна.

О морской паровой машинѣ, ея силѣ и дѣйствіи. Изложеніе для морскихъ офицеровъ, и для всѣхъ участвующихъ въ пользахъ паростроительства, составленное англійскаго флота коммодоромъ Робинсономъ. Съ англійскаго перевелъ капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ. Издано Ученымъ Комитетомъ Морскаго Министерства. Сп.-бургъ, въ тип. Морской, 1844, въ 8, стр. 171, съ чертежами.

Новое прибавленіе къ изданнымъ уже у насъ хорошимъ книгамъ о пароходахъ и паровыхъ машинахъ. Уче-

ный Комитетъ Морскаго Министерства счелъ нужнымъ доставить нашимъ морякамъ еще переводъ Робинсонова сочиненія, которое въ Англіи пользуется заслуженною извѣстностью, по своей краткости.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ, сферической и частию практической астрономіи, составленныя и изданныя въ 1844 году, учителемъ Училища Корпуса Топографовъ, подполковникомъ Петромъ Воробьевымъ. СП.-бургъ, въ тип. Военной, 1844, въ 8., стр. IX и 354, съ чертежами, и таблицами.

Сочинитель около двадцати лѣтъ находится преподавателемъ математической географіи и сферической астрономіи при Училищѣ Корпуса Топографовъ. Долговременною опытностью убѣдился онъ въ неудобствѣ и недостаточности разныхъ руководствъ для курса, преподаваемого воспитанникамъ Корпуса Топографовъ, и составилъ для этой цѣли свои собственныя записки, которыми замѣняются всѣ недостатки.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ для первоначальныхъ училищъ, составилъ С. Смарагдовъ. СП.-бургъ въ тип. III. Военно-учебныхъ заведеній, 1845, въ 8., стр. 68—55—82 и XX.

И господинъ Смарагдовъ также побужденъ былъ къ составленію и изданію своего «Краткаго начертанія» совершеннымъ недостаткомъ на нашемъ языкѣ хорошаго руководства къ исторіи, что и «дало ему смѣлость помыслить силы въ этомъ родѣ», хотя онъ былъ увѣренъ, что «нѣтъ ничего труднѣе, какъ написать хорошее руководство для дѣтей.» Несмотря на это, господинъ Смарагдовъ написалъ хорошее руководство: не хорошихъ онъ и писать не умѣетъ. Въ «Краткомъ начертаніи» его, на полторы сотни страницъ, начертано все, что происходило отъ сотворенія міра до нашего времени: первоначальныя училища

узнаютъ отсюда, что предокъ Римлянъ, былъ Эней, «однѣ изъ троянскихъ *вождей*, который прѣѣхалъ въ Лаціумъ, женился на дочери тамошняго царя Гороха, Лавиніи, и востроенъ въ честь ей городъ Лавиніумъ», — что Ромулъ, «чтобы доставить *подданнымъ* своимъ женъ, выдумалъ какія-то военныя игры, во время коихъ Римляне бросались на пришедшихъ женщинъ и похитили ихъ *столько, сколько было нужно*», — и разные другіе весьма любопытные факты. *Совершенный недостатокъ* на нашемъ языкѣ *хорошаго руководства къ исторіи* пополненъ теперь совершенно.

=

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

1. ВЪ ПАМЯТЬ КОНЧИНЫ Е. И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ. *Сочиненіе Александра Коленковского. Спб., 1844.*

2. ПРИЗЫВЪ ДУШИ КЪ ЛЮБВИ НЕБЕСНОЙ. *По случаю кончины Великой Княгини Елисаветы Михайловны, супруги владѣтельнаго герцога Адольфа Нассаускаго, 1845, января 16. Издателя Русскаго Вѣстника, Сергія Глинки. Спб.—*Всѣ читатели раздѣляютъ чувства, внушившія нѣсколько трогательныхъ звуковъ, по случаю прискорбныхъ событій, поразившихъ Царскій Домъ и Россію. Поблагодаримъ за нихъ почтенныхъ поэтовъ.

домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ Санктпетербургѣ, съ Николаевскою и Александринскою школами. *Разсказъ В. Аладына. Спб., 1845.* Санктпетербургское купечество сдѣлало доброе дѣло въ 1830 году: положило устроить богадѣльню для двухъ сотъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ согражданъ, собрало огромный капиталъ, купило мѣсто, близъ Волковскаго Кладбища, выстроило обширный домъ, и съ 1833 года открыло это благотворительное заведеніе, гдѣ теперь уже не двѣсти, но четыреста тридцать стариковъ и старухъ призрѣно, одѣто, накормлено, и спокойно доживаютъ вѣкъ свой. Съ 1840 года присовокуплено къ Дому Призрѣнія училище для пятидесяти сиротъ мальчиковъ, число которыхъ увеличено до семидесяти пяти въ 1843 году, при чемъ училище удостоилось названія Николаевской Школы; въ 1842 году учреждено такое же заведеніе для сиротъ дѣвочекъ, получившее названіе Александринской Школы. Всѣ эти благотворительныя учрежденія содержатся въ превосходномъ порядкѣ, и существованіе ихъ упрочено взносомъ капиталовъ. Каждый жертвующій что-либо, именуется «благотворителемъ Дома Призрѣнія»; пожертвовавшій болѣе десяти тысячъ рублей ассигнаціями «почетнымъ членомъ», а пожертвовавшій пятьдесятъ тысячъ считается «непремѣннымъ чле-

номъ комитета», при Домѣ Призрѣнія учрежденнаго, и кромѣ-того навсегда освобождается отъ опеки и городскихъ службъ. Въ дополненіе всего ежегодно при взносѣ капиталовъ съ купцовъ взимается на Домъ Призрѣнія по четверти процента. Порядокъ управленія, опрятность, даже роскошь, если можно такъ назвать щедрость благотворителей на установленіе своихъ безпомощныхъ согражданъ, достойны вниманія. Устройство церкви при Домѣ Призрѣнія стоило болѣе ста пятидесяти тысячъ рублей. Строгое благочиніе и благочестіе положены въ основаніе всего. Принимаются и пенсіонеры, которые обязаны платить за себя небольшую сумму, и подчиняться уставу и порядку, заведенному въ богадѣльнѣ. Были примѣры, что даже зажиточные люди, плѣняясь порядкомъ Дома Призрѣнія, и отказавшись отъ своихъ имѣній, вступали сюда пансіонерами, желая въ удаленіи отъ міра дожить остатокъ дней. Въ школахъ при Домѣ Призрѣнія преподаются первоначальные, необходимые предметы: чтеніе и письмо (по ланкастерской системѣ), Законъ Божій, священная исторія, русскій языкъ и арифметика. Воспитанники остаются въ школѣ до шестнадцати лѣтъ, и Домъ Призрѣнія заботится о судьбѣ ихъ и по выходѣ изъ школы, опредѣляя ихъ къ должностямъ и занятіямъ, или по способностямъ, въ Технологическій Институтъ, Коммерческое Училище, и прочее. Воспитанницы обучаются женскимъ рукодѣльямъ и хозяйству. Ихъ, кромѣ пятидесяти пансіонерокъ, за которыхъ платится по семидесяти рублей ассигнаціями въ годъ, пятьдесятъ; онѣ также остаются въ школѣ до шестнадцати лѣтъ, и Домъ Призрѣнія заботится объ участи ихъ по выходѣ изъ школы.

Господинъ Аладѣинъ весьма хорошо сдѣлалъ, что ознакомилъ публику съ благотворительнымъ подвигомъ санктпетербургскаго купечества. Жаль только, что его брошюрка написана очень высокимъ слогомъ. Начинается съ любви къ родинѣ: «Люблю тебя, святая родина, люблю тебя, Русь православная, какъ сынъ твой люблю тебя, не пристрастно, не безочетно, люблю за доблести твои! Ими полны страницы нашей исторіи, составляющей одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ общей летописи жизни чело-

смыслена. Правда, и въ этихъ страницахъ не безъ мутныхъ яммышекъ, но укажите мнѣ море (въ страницахъ), укажите хоть ручеекъ, которые лались бы свѣчно-тигелсельскими струями, которыхъ не мутили бы, не волновали иногда вѣтры и бури: а развѣ не бываетъ вѣтровъ и бурь на житейскомъ морѣ! Въ огромномъ же океанѣ Руси мутные яммышки, сравнительно даже съ ручейками другихъ странъ рѣже вздымались невзгодами. Пронли вѣка», и такъ далѣе. Очень хорошо: но слишкомъ высоко! Не ниже этого и описаніе холеры, которая бушевала сперва въ Индіи, а потомъ «скакала на курьерскихъ, безъ подорожной и проѣздомъ, и къ исходу 1830 года въжаловала въ Москву. Что такое холера, кто именно эти незваная гостыя — никто не зналъ. Мы вооружились противъ страшнаго врага карантинными, оцѣпленіями, хлоромъ, бисмутомъ, и чѣмъ только не вооружались противъ него, а онъ дѣлалъ свое, не останавливался въ карантинахъ, прорывалъ цѣпи, быстро стремился впередъ, презирая хлоромъ и бисмутомъ», и прочая. Охотникамъ до высокаго слогу, конечно, понравится еще *Вечеръ въ Домъ Призрѣнія*, которымъ заключается брошюра: разговариваютъ хромою, слѣпной, кривою, и прочіе увѣчные старички. Хромою, жалуются на строгость порядку. Другіе его усовѣщеваютъ, и доводятъ до того, что онъ кается.

о лубочныхъ картинкахъ русскаго народа. Сочиненіе И. Снегирева. Москва. — Отличный знатокъ русской старины, господинъ Снегиревъ, болѣе двадцати лѣтъ занимается изслѣдованіями о русскіхъ лубочныхъ картинкахъ. Первый опытъ его изслѣдованій былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1822 года. Потомъ помѣстилъ онъ статью подробнѣе въ «Москвитиниѣ». Знаменитый филологъ нѣмецкій, Гриммъ, обратилъ на него особенное вниманіе, что побудило теперь господина Снегирева издать статью свою съ новыми дополненіями. Вы, конечно, знаете, что «лубочными картинками» назывались у насъ простонародныя изображенія религіозныхъ, историческихъ, шуточныхъ, сказочныхъ предметовъ, ко-

которыя грубо вырѣзывались на деревѣ и на мѣди, раскрашивались яркими дешевыми красками, и тысячами расходились по Россіи. Лѣтъ за двадцать вы не нашли бы избы русскаго мужика, дома кушечскаго, харчевни, постоялаго дома, гдѣ не были бы на стѣнахъ *панки*, какъ называли въ простонародьи лубочныя картинки, прибавляя къ нимъ иногда названіе *суздальскихъ*, потому что икъ развозили по Россіи мелкіе торгошники, большею частію Суздальцы и Владимірцы, вмѣстѣ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Лубочныя картинки, вначалѣ, вѣроятно, были подражаніемъ нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ, какъ называли встарину грубыя нюренбергскія картинки, которыя привозили на Русь бусурманы, Нѣмцы. Наши старики любили эту бусурманщину, *Нѣмецкими листами* убирали стѣны боярскихъ палатъ, и даже дворцовъ. Въ счетныхъ дворцовыхъ книгахъ 1634 года записано: «Юня шестнадцатаго дано торговымъ людямъ овощнаго ряду за нѣмецкіе печатные листы двадцать алтынъ, а воля тѣ листы въ хоромы государю-царевичу Алексію Михайловичу, да государынямъ-царевнамъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, да окольникій Василій Ивановичъ Стрѣшневъ.» — «Овощнаго ряду торговому чело-вѣку, Ондрюшкѣ Петрову, дано за девять листовъ потѣшныхъ осемь алтынъ и двѣ деньги, а примала листы крайчая Соломонида Мезецкая». Если строгая цензура постигала русскія подражанія нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ, когда русскіе мужички начали сами мастерить ихъ въ Москвѣ, и изображали на нихъ предметы религіозные, совершенная свобода была лубочнымъ картинкамъ всѣхъ другихъ родовъ. Тутъ разыгрывалась русская фантазія, изображала *Судъ Шемяки*, погребеніе *кота мышами*, *битву Савоськи съ Парамошкой*, *козу пlyingщую съ медвѣдемъ*, *сваху и моднаго кавалера жениха*, *райскихъ птицъ*, *споръ мороза съ длиннымъ носомъ*, исторію великаго *объѣдалы* и *великаго подпивоалы*, *судъ ерша ершова сына Щетинникова* даже русскую торговую баню, Калугера съ снопомъ соломы за плечами, большаго Еремушку и бабушку-лекарку. Все это изображалось съ легендами, или изъясненіями, въ стихахъ, либо складной рѣчи. Семикъ,

встрѣчая *честную масляницу*, привѣтствовалъ ее такъ: «Душа моя масляница, перепелиныя косточки, бу-мажное тѣло, сахарныя уста, сладкая рѣчь, красная краса, русская коса, тридцати братьевъ сестра, со-рока бабушекъ внучка, трехъ-матерей дочка, ка-точка, ясочка, моя любезная перепелочка». Далѣе описы-вались представленные въ лицахъ *похожденія масляницы*. Лубочныя картинки передавали также въ народъ реліціи, пѣсни, современные событія: Книбурнѣ, Измаилѣ, Оча-ковѣ, слонъ въ Москвѣ, русскій посолъ въ Царьградѣ, даже модныя уборы барынь—прически, которыя парикма-жеръ созидаетъ стоя на лѣстницѣ, башмаки на превьсо-кихъ каблукахъ—все было предметомъ лубочныхъ карти-нокъ. Цѣлыми книжками передавали они азбуки, *гадатель-ныя мудрости Зороастра, царя Соломона, Мартына Заде-ки*, сказки, повѣсти. Правительство пользовалось нерѣдко лубочными картинками, и пересказывало народу о пользѣ прививанія коровьей оспы, о вредѣ пьянства, и прочая. Изображенія полководцевъ, замѣчательныхъ современ-никовъ, также переходили лубочными картинками въ на-родъ. Для производства картинокъ, кромѣ множества *ку-старныхъ* промышленниковъ, были въ Москвѣ обширныя заведенія, Ахметьевыхъ, Логиновыхъ, и тысяча народа были заняты писаньемъ, рѣзкою и раскраскою лубочныхъ картинокъ. Особенныя мѣста были мѣстами выставокъ ихъ на продажу—Спасскій Мостъ у Кремля, ограда Казан-скаго собора, на Никольской, ворота мостнаго Двора у Ма-скворѣцкаго Моста, ограда Троицы *на листахъ*, на Срѣтен-кѣ, Квасной и Холщевый ряды. Распространеніе книж-ной промышленности, надзоръ, которому подвергли лу-бочныя картинки, и особливо литографія, нанесли имъ сильныя удары. Теперь производство и сбытъ ихъ годъ-отъ году уменьшаются и вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ, лубочныя картинки будутъ только преданіемъ народнымъ. Вмѣсто погребенія кота и Савоськи съ Парамошкой, рас-крашенныхъ сурикомъ и охрой, являются Павлы и Вир-гинія, грубые списки съ французскихъ каррикатуръ, съ картинокъ Гаварни, и прочее и прочее. Сожалѣть о томъ, что прошло, нечего, потому что прошедшаго воротить не-

возможно, не должно поблагодарить почтеннаго господина Снегирева за стараніе его собрать исторію, и изъяснить сущность лубочныхъ картинокъ, какъ одной изъ любопытныхъ чертъ нашей народности и общественности.

БИОГРАФІЯ АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ КАРАТЫГИНОЙ, *Сочиненіе В. В. В. С. П.-бургъ, 1845, съ портретомъ.* — Александра Михайловна Каратыгина долго будетъ памятною въ лѣтописяхъ русскаго театра. Дочь знаменитой въ свое время тандовщицы, она получила отличное воспитаніе, дебютировала въ 1818 году трагическими ролями Антигоны и Монны, и восхищала зрителей Ионгенією, Эсфирью, Заирю, Креузю, Ксенією, Дидоною, Сумбкою, Андромахою, и длиннымъ рядомъ героинь, которыя расцвѣтали плохими стихами разурмяненныя трагедіи классической школы. Но, какъ-будто врожденный инстинктъ вкуса говорилъ артисткѣ, что она идетъ не вѣрнымъ путемъ. Вполнѣ обладая французскимъ языкомъ, она поѣхала въ Парижъ, видѣла тамъ Тальму, Марсья, Жоржъ, Дюшеноа, руководствовалась ихъ совѣтами, и возвратясь въ Россію создала себѣ особенный родъ. Почти двадцать лѣтъ госпожа Каратыгина была украшеніемъ едва-ли не единственнымъ, русской сцены. Торжествомъ ея была классическая комедія, а когда время этой комедіи миновалось, новѣйшая драма. Въ прошедшемъ году октября семнадцатаго, госпожа Каратыгина простилась съ театромъ, и по многимъ причинамъ, кажется, долго не замѣнитъ ея никто, какъ не кому будетъ замѣнить господина Каратыгина, за котораго артистка наша вышла замужъ въ 1827 году. Біографія госпожи Каратыгиной написана умно и отчетливо. Множество подробностей весьма занимательныхъ. Не любопытно ли, напримеръ, что лѣтъ за двадцать, русскимъ артистамъ отдавались отдѣльно дрова, и платились квартирныя деньги, а жалованье ихъ было притомъ весьма скудное? Госпожа Каратыгина получала сначала по тысячѣ семи сотъ пятьдесятъ рублей жалованья, по двѣсти пятидесяти квартирныхъ, по триста рублей на гардеробъ, и — *осемь сажень*

дровъ, и это считалось огромнымъ вознагражденіемъ геніальной артистки. Какъ переходчивы времена!

ДРУЖЕСКАЯ ЛОТТЕРЕЯ, СЪ УГОЩЕНІЕМЪ, или необыкновенное происшествіе въ уездномъ городѣ. Фарсъ-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе актера Григорьева Я. СПбурга, 1844.—Одно изъ тѣхъ произведеній, которыя составляютъ утѣху, радость и наслажденіе посѣтителей райка. Протоколнсть Селедкинъ заказываетъ себѣ обѣдъ—щи со сметаной, пирогъ съ вязигой, поросенка съ хрѣномъ и похлебку съ почками, а между-тѣмъ сватается на племянницѣ содержательницы трактира, въ которую влюбленъ племянникъ его, канцеляристъ Скудновъ, въ котораго влюблены и племянница и тѣтушка. Канцеляристъ ссорится съ протоколнстомъ. Одинъ называетъ дядю морскимъ тюленемъ, другой племянника поросенкомъ. Канцеляристъ придумываетъ разыграть себя въ лоттереею, надеясь, что его выиграетъ племянница трактирщицы, а остальными билетами устроится ихъ хозяйство. Къ-несчастью, канцеляриста выигрываетъ старуха тѣтка, но къ-несчастью прѣзжаетъ ея мужъ; канцеляристъ женится на племянницѣ, а дядя протоколнстъ зоветъ всѣхъ, и даже публику, обѣдать, обѣщая угостить щами со сметаной, поросенкомъ съ хрѣномъ, пирогами съ вязигой и похлебкою съ почками. Все это украшено остротами, отъ которыхъ раекъ надрываетъ животики. Хотите послушать парочку ихъ? Любовникъ хвалитъ свою возлюбленную: «Хорошенькая — просто, вотъ — м.мъ! Глазѣнки блестятъ, словно замочки на манжикѣ столоначальника, щечки сливки съ земляничкой, а ручки — пухъ леблѣжій!» Вотъ какъ описываетъ онъ свое будущее счастье: «Заведу съ хозяйствомъ, женюсь на семьѣ, то есть, накуплю свиней, хотѣлъ я сказать, а женюсь на тебѣ—у насъ будутъ дѣти, заведуся поросятами, настоящій скотный дворъ! — «Ну, что», говоритъ дядя—«отъ-роду не плевался, а тутъ плюнулъ, и вынулъ его вонъ!» Извините, если вамъ не нравится «Дружеская лоттерей съ угощеніемъ», соперница «Ге-

роель пресеранса» и прочихъ потѣхъ русской сцены. Но, кстаги выслушайте ужъ и куплетцы:

«Вотъ опять я дома,
 Въ городѣ родномъ,
 Все мнѣ здѣсь знакомо,
 Знаю каждый домъ.
 Нѣтъ здѣсь переменъ
 Ровно никакой —
 Та же по колѣно
 Грязь на мостовой.
 Тотъ же всё порядокъ,
 Тотъ же всё базаръ,
 Точно также гадокъ
 Городской бульваръ.
 Тотъ же городничій.
 Тотъ же страпчій здѣсь,
 Та же безъ различій
 Важность въ нихъ и спѣсь,
 Тотъ же приставъ частный,
 Тотъ же кабачокъ».

MEDICINISCH-STADTBILDUNGS SKIZZE VON ST.-PETERSBURG. Ein Beitrag von Dr. Maximilian Heine. *St.-Petersburg, 1845.* — Послѣ удивленія, что у насъ нѣтъ медицинскихъ изслѣдованій и описаній о разныхъ мѣстахъ Россіи, когда въ Германіи описанъ, въ этомъ отношеніи чуть не каждый городокъ, докторъ Гейне предлагаетъ краткій очеркъ Петербурга, основываясь на официальныхъ извѣстіяхъ. Въ 1843 году въ Петербургѣ было 443,360 жителей. Въ томъ числѣ — двѣ трети мужескаго, и треть женскаго пола. Число умирающихъ превосходитъ число рождающихся двумя, тремя, даже пятью тысячами, (въ 1843—5391, въ 1840 году — 6199). Господинъ Гейне отыскиваетъ причины такой смертности, и находитъ ее въ низкомъ, болотистомъ мѣстоположеніи, непостоянномъ, сыромъ климатѣ, краткомъ лѣтѣ, длинной зимѣ, несносной осени; дажде, поспѣшности съ какою строятся дома, и отъ того сырости ихъ, обычаѣ содержать цвѣты и растенія въ комнатахъ, жить въ погребахъ, тѣснотѣ помѣщенія, множеству мелочныхъ лавочекъ, заражающихся испареніями воздуха.

Давно видоуды, театры и клубы, гдѣ люди разгорячаются, и потомъ умирають отъ простуды. Потомъ видоудата французская кухня, при которой гастрономы слушаются *mehr ihren Neigungen und Wünschen als den Gesetzen der Diätetik*. На этотъ счетъ, почтенный докторъ кругомъ ошибается: французская кухня — самая здоровая кухня подъ солнцемъ, кухня челоуѣка образованнаго, кухня рациональная, философическая: отъ нее умирають только люди, не умѣющіе ѣсть. Въ классѣ, питающемся французскою кухнею, смертность, сравнительно, чрезвычайно мала: это давно доказано. За оною пагубною кухнею, при сидячей жизни, особливо петербургскихъ дамъ, слѣдуетъ цѣлая куча *Krankheiten: Asthma, Hypochondrie, Störungen im Sexualsystem, Histerie, Gelbsucht und gar Wassersucht!* Страшно и рассказывать, что слѣдуетъ за привычкою «одѣваться болѣе по модѣ чѣмъ по погодѣ»: при чемъ господинъ Гейне съ омерзениемъ упоминаетъ, что въ Петербургѣ — *сто тридцать модныхъ магазиновъ!* Наконецъ, рѣчь доходить до пищи и питья вообще. Докторъ Гейне не хвалитъ мерзлые припасы, соленую несвѣжую рыбу, изъ которой готовятъ *shwer verdaulichen Speisen (zum Beispiel, Botvinja)*; несвѣжія яицы; неумѣренное питье чаю, кофе и кислыхъ щей. Какъ Германецъ, онъ хвалитъ пиво: очень благодарны!.... мерзость мерзостей! Впрочемъ, вино не подвергается особенному осужденію. «Но здѣсь надобно еще рѣшить вопросъ», говоритъ докторъ Гейне: «все ли то, что за вино пьется, действительно вино?» Санктпетербургскіе погребщики могли бы съ своей стороны предложить доктору Гейне къ рѣшенію слѣдующій вопросъ: все ли то, что врачи прописываютъ изъ аптечныхъ банокъ больнымъ за лекарство действительно для нихъ лекарство. Самые опытные винооторговцы — того мнѣнія, что смертность въ Петербургѣ представляетъ такой страшный итогъ, вовсе не отъ ихъ вина, а оттого что множество людей прѣзжаютъ въ столицу лечиться и обыкновенно здѣсь умирають; множество приходитъ работать, и умирають; множество пьетъ неумѣренно свѣуху, и умирають. Мы думаемъ, что винооторговцы правы: въ Петербургѣ, между прочимъ

лишьими жителями, смертность не больше чѣмъ въ другихъ столицахъ Европы: если бы докторъ Гейне разобралъ смертность по состояніямъ, то онъ бы убѣдился, что самый здоровый и долговѣчный классъ — тотъ, что кушаетъ блюда французской кухни и одѣвается по модѣ, а самые падкіе на смерть — люди безъ денегъ, которые дурно ѣдятъ и не ѣдятъ вовсе, дурно одѣты, плохо отоплены, истощаютъ свои силы тяжкими работами и, въ утѣшеніе своего горя, пьютъ пиво и сивуху. Этотъ классъ, сравнительно, многочисленнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ другихъ имперіальскихъ городахъ, и оттого смертность здѣсь больше. Мы уже имѣли однажды случай доказать цифрами ту истину, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи смертность гораздо значительнѣе чѣмъ въ Петербургѣ, именно, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ болѣе всего потребляютъ водки. Надобно еще замѣтить, что и плодовитость и смертность сѣвернаго человека, физиологически, сильнѣе чѣмъ другихъ болѣе южныхъ племенъ: въ Россіи родится несравненно болѣе: поэтому болѣе и умираютъ, и при всемъ томъ, народонаселеніе ея умножается въ годъ двумя или тремя процентами, количествомъ безпримѣрныхъ въ Европѣ.

ВЕСЕЛЫЕ ПО ПСАЛОМУ: «НА РЪКАХЪ ВАВИЛОНСКИХЪ», на три воскресные дня, от которыхъ поѣтъ псаломъ сей. Спб.-бургъ, 1845. — Псаломъ, изображающій сѣтованіе Іудея въ Вавилонѣ, поется въ недѣлю Блуднаго Сына, маслоспустную и сыроспустную. Изъясненіе сего церковнаго пѣнія предложено было однимъ изъ знаменитыхъ духовныхъ витій нашихъ, въ 1841 году, въ петровзаводскомъ соборномъ храмѣ, и нынѣ издано отдѣльною книжкою.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ самую эту минуту выходитъ въ свѣтъ здѣсь въ Петербургѣ весьма изящное изданіе «Русской исторіи», Н. Г. Устрялова, въ двухъ прекрасныхъ томахъ, обогатившихъ нашу литературу. Т. LXIX. — Отд. VI.

щенное планами сраженій, отлично исполненными. Это уже — третье изданіе.

— Многие полагали, что изданіе книги господина Вѣтринскаго, столь полезной для изучающихъ исторію Православной Церкви, прекратилось совершенно. Они съ удовольствіемъ узнаютъ, что изданіе это продолжается. Сочиненія господина Вѣтринскаго вышли третій томъ (СП.-бургъ, 1844). Заглавіе книги извѣстно: «*Памятники древней Христіанской Церкви, или христіанскія древности, съ описаніемъ таинствъ, богослуженія, храмовъ, праздниковъ, постовъ, іерархіи, разныхъ соборныхъ постановленій, и всѣхъ обрядовъ и обычаевъ*».

— Выдана третья книжка, или послѣдняя тетрадь, «*Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества, за 1844 годъ*». Она заключаетъ въ себѣ, «*Путевыя записки о сельскомъ хозяйствѣ Южной Россіи*» господина Лашкарева, «*О нахожденіи, добываніи и употребленіи торфа*», барона Боде, «*О кормленіи мервиносовъ листьями шелковицы*» его же; «*О вліяніи атмосферы, климата, лѣсовъ и почвы на земледѣліе*», господина Фелькерзама; «*Смѣсь*» и «*Отчеты*» о дѣйствіяхъ общества.

— Господинъ Вавиловъ продолжаетъ читать свои «*Бесѣды русскаго купца о торговлѣ*», и издавать ихъ отдѣльными брошюрками. Теперь вышли, «*Бесѣды*» седьмая и осьмая. Какъ обыкновенно, каждая раздѣляется на теоретическую и практическую части, и эта вторая часть всегда показываетъ въ господинѣ Вавиловѣ опытнаго знатока дѣла. Теоріи его могутъ подлежать спору, могутъ показаться устарѣлыми, даже явственно ошибочными, историческія показанія его могутъ быть не совсѣмъ вѣрны, но, какъ скоро дѣло касается практики, слушатели и читатели господина Вавилова не найдутъ нигдѣ ни болѣе надежнаго, ни болѣе искуснаго руководителя.

==

ДВѢ СУДЬБЫ. Быль. А. Майкова. С.П.—бургъ, въ тип. Праца, 1845, въ 8., стр. 80.

Ut pictura poesis sit, сказалъ отставной полковникъ римской службы, нѣкто по имени Горацій. «Поззія должна быть—какъ живопись». Въ такомъ случаѣ, поззія господина Аполлона Майкова—настоящая поззія. Сынъ отличнаго русскаго живописца, и самъ по призванію живописецъ, этотъ молодой и, какъ видно, весьма начитанный, образованный художникъ, одаренный отъ природы примѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, пишетъ перомъ на бумагѣ точно такъ же, какъ стагъ бы онъ писать кистью на полотнѣ: каждая страница у него—картинка, каждое слово — живописная черта, перспективная подробность.

• На креслахъ, предъ раствореннымъ окномъ,
Однѣ сидѣтъ больной Карлино. Сладко
Дыша въ тѣни прохладнымъ вѣтеркомъ,
Онъ отдыхалъ, избитый лихорадкой.
Онъ снова жизнь улыбокѣ встрѣчалъ,
Въ ней помня радости, забывши муки,
И весело, какъ-будто не разлукъ,
Знакомые предметы узнавалъ:

Т. ЛХІХ. — Отд. VI.

Въ углу кумиръ изыческаго бога—
 Отрытый нивъ въ саду, безъ рукъ, безъ ногъ....
 • Богъ дастъ, онъ думалъ, същется знатокъ,
 Дастъ пятьдесятъ нѣастровъ: нивъ подмога...»
 На золотѣ Малонна со Христомъ,
 Сѣанскихъ старыхъ мастеровъ работа,
 Рядъ древнихъ кошій съ Липпи нль съ Джіотта,
 Оставленныхъ ему еще отцомъ;

На полкѣ книги: да, о человекѣ
 Вы можете навѣрно заключать
 По избранной его библіотекѣ,
 Въ его душѣ, въ понятіяхъ читать:
 Лежали тамъ комедіи Гольдони,
 Исторія Малонны и Святыхъ,
 Либретто оперы, стихи Тассони,
 Да календарь процессій храмовыхъ...

Какъ старый другъ, онъ встрѣтилъ ихъ улыбкой;
 Потомъ на даль онъ перевелъ свой взоръ...
 А чтѣ за виды съ Фраскатанскихъ горъ!
 Тамъ дерева лозой обвиты гвбкой;
 Тамъ въ мертвыхъ аллеяхъ пышныхъ виллъ
 Статуи, бюсты, мраморныя группы;
 Тамъ римскихъ пинъ зонтообразныя купы
 И въпарисъ, печальный другъ метилъ...

Какъ радъ онъ былъ, что снова видитъ дивный
 Въ туманѣ очеркъ купола Петра,
 И въ Римѣ дорогу лентою извивной
 Между руинъ... а ужъ была пора,
 Какъ солнце гасло, ночь шла отъ востока,
 И самшино на долгий лишь дровозъ,
 Да караванъ навьюченныхъ муловъ,
 Гремущками звенящихъ издалека.

Не долго вашъ больной покоилъ взоръ
 На дали и долиной любовался;
 Заботливо порой онъ обращался
 Въ сосѣдній виноградникъ чрезъ заборъ;
 Онъ видитъ тамъ, межъ аистами мелькая,
 Въ корсетѣ аломъ, бѣлою рукой
 Пригнувъ лозу, смуглашка меледая
 Срываетъ съ вѣтки гроздїи аеаовой.

Пурпурный лучъ мерцающей дошиады
 Ея античный профиль озлащиваетъ.

И смоль косы, и черныя рѣсницы,
 И покрывало пышно обогрѣлъ.
 — «Никета!» — ей кричать онъ чрезъ ограду,
 И тотчасъ, легче серны молодой,
 Съ корзинкою златаго винограду
 Влетѣла дѣвушка въ его покои..»

Это — чистая живопись, и пробѣгая эти стихи, живописецъ, безъ-сомнѣнiя лучше насъ, обыкновенныхъ читателей, оцѣнилъ бы художественную важность и прелесть подобной обстановки главнаго лица, подобнаго выбору подробностей. Мы всегда съ особеннымъ интересомъ встрѣчали поэтическiя произведенiя господина Аполлона Майкова: глазъ его видитъ въ природѣ и предметахъ совсѣмъ другое нежели глазъ другихъ нашихъ поэтовъ, которые видятъ только туманъ, луну и дѣву; воображенiе его знаетъ совсѣмъ иные эффекты; оно наполнено изящными впечатлѣнiями поэтическихъ странъ, поэтическихъ вѣковъ, поэтическихъ занятiй; оно съ наслажденiемъ погружается въ воспоминанiя древности, съ любовью смотритъ на остатки среднихъ вѣковъ, съ восторгомъ предается созерцанiю красотъ новѣйшаго времени. Поэтическая утварь господина Майкова разнообразна, богата, собрана со вкусомъ и усердiемъ образованнаго любителя изящнаго.

• Въ дни древности питомцы Эпикура,
 Средь мраморовъ, подъ шумъ падающихъ водъ,
 Подъ звуки лиръ, въ честь Вакха и Амура,
 Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ.
 Толпы невольницъ, розами убранныхъ,
 Плясали вокругъ скелетовъ увѣчанныхъ;
 Спѣшили жить они пока вино
 Въ ихъ кубкахъ было ярко и хмѣльно.
 Пока любовь играла пылкой кровью,
 И цвѣлъ вѣнокъ, сплетенный имъ любовью.

Они всѣ тѣ жъ, Авзонiа сыны!
 Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ дѣвъ румяныхъ,
 Въ виду руинъ — скелетовъ увѣчанныхъ
 Плющомъ и муртомъ огненной весны.
 Межъ-тѣмъ какъ смерть и мiра отверженъе

Вѣщаетъ имъ монаховъ мрачный клиръ,
 Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья —
 Влестить вино, поетъ веселый пиръ
 И царствуетъ богиня наслажденья!

Какъ я люблю Фраскати въ праздникъ лѣтній!
 Лавръ, кипарисъ высокой головой,
 И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
 Рисуются такъ ярко на густой
 Лазури неба и на дымкѣ дали,
 На блѣдномъ перламутрѣ дальнихъ горъ.
 Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
 Гирляндами увить. Въ домахъ алѣютъ
 Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
 Съ хоругвями по улицамъ идутъ
 Процессіи монаховъ; тамъ пестрѣютъ,
 Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
 Прорвавши сводъ аллен вѣковой,
 Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ,
 Шокровъ, главу смуглянки молодой:
 Картина полная очарованьемъ!
 Для пришлеца, она какъ пышный сонъ!
 Ее любилъ Владиміръ; тихо онъ
 Бродилъ; но посреди толпы и шума,
 Обычная тѣснилася въ немъ дума.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей живой
 И типъ племенъ въ толпѣ разнонародной.
 Какая смѣсь! Сыны страны холодной
 Сюда стеклись, гонимые хандрой:
 Тамъ Нѣмецъ жесткій, будто пня отрубокъ,
 Съ сигарою и флегмою своею,
 И Фраскатанка съ нѣгой алыхъ губокъ
 И съ мелніей полуденныхъ очей;
 Французъ въ своихъ приемахъ утонченный,
 И селянинъ Кампаніи златой
 Съ отвагою и ловкостью врожденной.
 И важный Бриттъ, предлинный, препрямой,
 Всѣхъ сущихъ Гидовъ строгій комментаторъ,
 И подлѣ — огненный импровизаторъ.

А Русскіе?... Тамъ много было ихъ,
 Но уклонился Русскій нашъ отъ нихъ.

Какъ сладко намъ среди чужихъ нарѣчій
 Вдругъ русское словечко услыхаты!
 Такъ радъ! готовъ какъ друга ты обнять
 Всю Русь святую въ незнакомой встрѣчѣ!
 Захочется такъ много рассказать
 И расспросить... но вотъ ударъ жестокий,
 Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
 Всѣ тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
 Какъ горько тутъ порывъ свой проклинаешь!

Тотъ вывезъ изъ стеной всё то жъ татарство,
 Среди пышности ничтожность, пустоту,
 Тщеславіе наследственнаго барства
 Или вчерашнихъ титуловъ тщету;
 Безъ мнѣнья голова, а рѣчь поданта;
 Все русское ругаетъ на-поваль;
 Все чуждое превыше всякихъ хвалъ;
 Всего коснется—отъ червя до Данта.

«Санъ вѣсь даетъ рѣчамъ его тупымъ;
 Осудитъ онъ какъ-разъ Микель-Анджело,
 И приговоръ его непогрѣшимъ
 Какъ приговоръ подписаннаго дѣла.
 Отчаянный въ рѣчахъ радикалистъ,
 Или демагогъ, или буйный кондотьеръ,
 А между-тѣмъ вчера дрожалъ, какъ листъ,
 Вельможъ блестящихъ у пріемной двери.

Другаго есть покроя молодцы:
 Тѣ чужды всѣмъ идеямъ басурманскимъ:
 Имъ храмъ Петра ничто передъ Казанскимъ,
 И лучше винограда огурцы.

.....

На блѣдныя смотря ихъ поколѣнья,
 Владиміръ часто думалъ: Боже мой!
 Ужели плодъ наукъ и просвѣщенья
 Кунить должны мы этой пустотой,
 Ничтожностью, развратомъ униженья?
 О Русскіе, вѣдь былъ же вамъ разгулъ
 Среди степей, вдоль Волги и Урала,
 Гдѣ воля духъ вашъ въ брани укрѣпляла;

Видъ доблестью горѣлъ вашъ гордый взоръ
 Когда вы шли на Ярославъ Дворъ,
 Не-разъ за честь родной своей земли
 Вы города и храмы ваши жгли,
 Несклонные нести, въ уничтоженьѣ,
 Чужую цѣпь и стыдъ порабощенья:
 Уже ль когда мессія нашъ возсталъ,
 Васъ пробудилъ, и мѣръ открылъ вамъ новый,
 Въ васъ мысль вдохнулъ, вамъ жизнь новую далъ, —
 Не вняли вы его живое слово,
 И гласъ его въ пустынѣ прозвучалъ?
 И грустные, идете вы какъ тѣни,
 Безъ силы, безъ страстей, безъ увлеченья?
 Или была наука вамъ вредна?
 Или, дикаго раставѣвъ, въ вашъ духъ она
 Не пролила свой пламень животворный?
 Или, дѣвию окованнымъ позорно,
 Не по плечу вамъ мысли блескъъ живой?
 Упорнымъ сномъ вы платите ль Батыю
 Доселѣ дань, и плодъ ума порой,
 Какъ лишній соръ, сметается въ Россію?
 И не зажгла наука въ васъ собой
 Сознанія и доблестей гражданства,
 И будетъ вамъ она кафтанъ чужой,
 Печальное безличье обезьянства?...

.....

Родной языкъ, языкъ баюнокъ давнихъ,
 Боярскихъ Думъ и княжескихъ пировъ,
 Ты изгнанъ изъ блистательныхъ дворцовъ!
 Родной языкъ, богатый какъ природа,
 Хранитель слезъ, надеждъ и думъ народа,
 Чѣмъ сталъ ты? чѣмъ? Неизвѣстна клеймоя
 И рѣчью черни; баринъ именитый,
 Увы! теперь съ тобою незнакомъ,
 И русскихъ дѣвъ сердца тебѣ закрыты;
 Теперь тебя красавицы уста
 Стыдятся, какъ позору убѣгая, —
 Что жъ будешь ты, о рѣчь моя родная,
 Ты, лучшая устъ женскихъ красота?

Владиміръ создалъ для себя пустыню .
 Въ осемь быту. Онъ Русскихъ убѣгалъ,

Но родилъ, какъ древнюю састыню,
 Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
 И веселился ею. Чары взоры
 Онъ обращалъ на слякотныя горы
 И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ вершинъ,
 Какъ холодный вѣдохъ родныхъ своихъ долинъ.

Далъ посреди полуденной природы,
 Онъ вспоминалъ про шумъ своихъ дубровъ,
 И русскихъ рѣкъ раскатистыя воды,
 И мракъ, и тайну вѣковыхъ лѣсовъ:
 Онъ слышалъ гулъ ихъ съ сажей колыбели,
 И помнилъ какъ, свои катая сани,
 Вся стономъ стонеть русская земля;
 Тотъ воишь былъ свѣжъ въ душѣ его, какъ стоишь
 Богатыря въ цѣляхъ. Срадь благовоиной
 Страны олень, онъ вспоминалъ поля
 Широкия и прудъ позелѣлый,
 Рядъ дымныхъ избъ, домъ барскій опустѣлый,
 Гдѣ росъ онъ, домъ, исполненный затѣй
 Тогда псарей, актеровъ, трубачей,
 Всѣхъ прихотей россійскаго безречья,
 Уиѣвшаго такъ свавно вѣкъ мнать,
 Успѣвшаго такъ дивно сочетать
 Европы доскъ и перварство татарства.

Какъ Коллизей, боярское село
 У насъ свою исторію имѣетъ.
 Одна у всѣхъ: о домѣ, гдѣ свѣтло
 Жилъ дѣдъ его, наследникъ не радѣетъ.
 Платя каандрой данъ вѣку своему,
 Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ дому;
 Лица напрасно въ общей жизни пиши,
 Не можетъ онъ забыться средь псарей;
 Сокрывшися въ отеческомъ жилищѣ,
 Ругаетъ свѣтъ, скучая безъ людей.

Акъ, оттого имъ старѣется рано,
 И скоро въ жизни холодѣетъ имъ!
 Вдругъ замкнать духъ, тереть вѣтъ другъ умъ
 Кава восходитъ блеснетъ зарей румяной,
 Кава дохнетъ зародышъ высшихъ силъ,
 Кава зардѣетъ пламень благородный,

Какъ-вдругъ, глядясь, завялъ, умолокъ, остылъ,
 Заглохъ и сгибъ, печальный и безплодный....
 О Боже! влей въ жизнь нашу полноту,
 Прольей въ пустой сосудъ напитокъ силы,
 И мыслию проникни пустоту,
 Сознатьемъ укрѣпи нашъ духъ унылый!

Пошли еще пророка намъ, и мы
 Увѣруемъ въ его живое слово:
 Пусть просвѣтитъ онъ хладные умы,
 Повѣдаетъ кто имъ? зачѣмъ громовый
 Орелъ нашъ сталъ могучъ своими крыломъ?
 Зачѣмъ на насъ глядятъ въ недоумѣньѣ,
 Со страхомъ, всѣ земныя поколѣнья?
 Чтѣ новаго мы въ жизнь ихъ принесемъ?
 Зачѣмъ на насъ, какъ на звѣзду полночи,
 Устремлены съ надеждой теплою очи
 Печальныхъ нашихъ братьевъ—Славянъ,
 У снѣжныхъ Альпъ, въ ущельяхъ Балканъ?

Изъ сей главы, печальной и угрюмой,
 Изъ этихъ чертъ глубокой, тяжелой думы,
 Поймете вы, какъ мыслятъ мой герой —
 Въ тѣ дни еще, когда въ груди молодой
 Есть жизнь, и въ ней волкакомъ бродитъ
 Все, изъ чего потомъ въ душѣ выходитъ
 Осадокъ жалкій—черная хандра!

Нѣтъ сомнѣннй, что эта поэзія—совершенно какъ живопись, и покойный полковникъ Горацій былъ бы доволенъ ею какъ-нельзя болѣе. Зачѣмъ же она, при всѣхъ своихъ живописныхъ достоинствахъ, при этой свѣжести видовъ и колорита, при этой новости эффектовъ, незнакомыхъ нашему стихотворному міру, не приводитъ насъ въ восторгъ, не удовлетворяетъ вполне нашего нынѣшняго чувства прекраснаго? Мы думаемъ, что причина этого заключается просто въ формѣ стиховъ господина Майкова. Когда Горацій требовалъ, чтобы поэзія была—какъ живопись, онъ обращался къ поэтамъ своего времени, у которыхъ поэзія была только — какъ музыка. Древняя про-

содія, древнее лирическое стихотворство, основанное на законахъ музыкальной мѣры и музыкальнаго движенія и сопровождавшееся притомъ еще особенною мелодеею, настоящимъ распѣвомъ, естественно вело обыкновенныхъ поэтовъ къ набору фразъ, въ высокой степени мелодическихъ, пріятныхъ для уха, но пустыхъ для ума, и Горацийъ наставлялъ, чтобы поэты, когда хотятъ быть поэтами, къ чудной музыкѣ тогдашняго стиха присоединяли еще живопись. Наши бѣлые стихи, которые ничѣмъ не унодобляются древнимъ, въ которыхъ между удареніемъ, то есть, самою высокою потокою слова, и долгою слога, то есть, временемъ нужнымъ на произнесеніе, нѣтъ ни какой разницы, напротивъ, лишены всякой музыкальности: хуже этого—они заключаютъ въ себѣ фальшивую музыку. Не мудрено, что, послѣ этого, самая лучшая живопись производитъ, въ подобныхъ стихахъ, очень посредственное дѣйствіе на читателя и слушателя. Думать, что мы подражаемъ древнимъ, когда сочиняемъ стихи безъ рѣчь, значитъ добровольно предаваться еще заблужденію прежняго педантизма. Отвергать созвучную каленцію, единственную музыкальную черту новѣйшаго стиха, лишеннаго глубоко рассчитанной просодіи древнихъ Грековъ и нынѣшнихъ Аравитянъ, значитъ уничтожать послѣдній признакъ музыки въ поэзіи, дѣлать, существенно музыкальномъ, бесполезно ломать природное логическое теченіе словъ своего языка ради смѣшной теоріи, возникшей между педантами прошлаго вѣка изъ недоразумѣнія, чтобъ не сказать—изъ невѣжества, ради мечтательныхъ и неуловимыхъ здравымъ слухомъ звуковыхъ наслажденій. Ужъ лучше тогда писать прозою! Когда господинъ Аполлонъ Майковъ глубже вникнетъ въ сущность предмета, онъ, мы надѣемся, убѣдится, что пристрастіе его къ мнимой древней формѣ стиха—большая ошибка, вредная собственному его таланту. Никогда Пушкинъ не прославился бы великимъ поэтомъ, если бы во всю жизнь писалъ бѣлыми стихами.

Содержанія поэмы господина Аполлона Майкова мы не считаемъ нужнымъ пересказывать: читатели, безъ сомнѣнія, захотятъ ознакомиться лично съ произведеніемъ

таланта, совершенно заслуживающаго ихъ вниманія.

Стихи господина Платона Зубова—совершенная драгоценность стихамъ господина Аполлона Майкова:

СТИХИ ПЛАТОНА ЗУБОВА. *Изданы съ пользою двухъ малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, лишившихся отца по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. СПб.-бургъ, 1845, кн. 8, стр. 28.*

Въ этихъ стихахъ вы найдете музыку безъ живописи. Когда мы говоримъ—*найдите*, это только—метафора, потому что, наѣрское, вы и искать ее не станете въ благотворительномъ поэтическомъ подвигѣ господина Зубова. Эта книжечка вохожа на всѣ благотворительные концерты, въ которыхъ воютъ плохо и играютъ еще хуже, дозволяясь добрымъ намѣреніемъ. Авторъ, намъ кажется, гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы пожертвовалъ въ пользу «двухъ малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ, лишившихся отца по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ», деньгами, которыхъ ему стоило напечатаніе этихъ стиховъ.

Теперь позвольте васъ спросить, мои любезные читатели: нѣтъ ли у васъ говорить о чемъ-нибудь?... Потому что, у меня, рѣшительно нѣтъ предметовъ для бесѣды съ вами. Литература за мартъ мѣсяцъ кончена. Богатства ее истеряны. Передо мною лежатъ еще нѣсколько книжечекъ, но онѣ вовсе не-литературныя.

Повѣсти и рассказы для дѣтей. А. А. СПб.-бургъ, 1845, кн. 16., стр. 1844.

Эти повѣсти и эти рассказы очень милы въ своемъ родѣ, нравственны, назидательны, превосходно доказываютъ, что—шалить не надо, —упрямиться опасно, слушаться родителей и старшихъ всегда выгодно, учиться такъ необходимо, что, иногда, тотъ кто не учится, можетъ остаться безъ обѣда, — и я очень рекомендую ихъ вашему достопочтенному потомству: но вы, конечно, не любопытны входить въ ихъ содержаніе, равно какъ и въ содер-

заніе предлагающаго «Конскаго лечебника»; котораго—
чинъ, имя и фамилія:

СОБРАНИЕ РЕЦЕПТОВЪ, УПОТРЕБИТЕЛЬНѢЙШИХЪ ПРИ
ПОЛЬЗОВАНИИ БОЛЬНЫХЪ ЛОШАДЕЙ, или *ручной кон-
скій лечебникъ, составленный О. Пашкевичемъ, придвор-
нымъ ветеринарнымъ лекаремъ, и прочая. С. П.-бургъ, въ
тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1845, въ-12., стр.
XXXIII и 1844.*

Recipe: Herbae rutae,

— — salviae,

— — absynthi. aa. manip. j.

Corticeis querc. pulverisat. manip. j.

Sulphat. ferri dr. j.

Coque cum aceto vini, sic ut fiat cataplasma. D. S. При-
писка для лошади.

Когда у васъ лошадь вывихнетъ ногу, выпишите изъ
книги господина Пашкевича этотъ рецептъ и пошлите въ
аптеку.

Господинъ Пашкевичъ предлагаетъ подобныя рецепты
на всѣ болѣзненные случаи лошадей, показывая вездѣ и
употребленіе своихъ лекарственныхъ составовъ и дѣйстви-
е, которое они должны произвести въ больномъ живот-
номъ. Авторъ, хорошо знакомый съ ветеринарною литера-
турою, при составленіи книги пользовался опытностью зна-
менитѣйшихъ по этой части врачей, столько же какъ и
своей собственною, но слѣдовалъ преимущественно сочи-
ненію Аммона, самому полному сборнику «испытанныхъ»
конскихъ рецептовъ.

Лечебникъ этотъ изданъ по той же причинѣ, по кото-
рой уже савинкомъ сто лѣтъ издаются у насъ всѣ книги—
то *бюджетъ русской литературы*. Авторъ, «не малый ре-
зультатъ въ ветеринарной медицинѣ», будетъ очень радъ,
если кто-нибудь *сдѣлаетъ лучше*. Одного только боится
онъ въ предисловіи, а именно, «чтобы трудъ (то есть тру-
да) рецензента не принялъ на себя кто-либо изъ людей,
све знакомыхъ съ наукою (въроизно—ветеринарною), по-
добно тому какъ говорится въ баснѣ Крымова:

«Вѣда, коль пироги начнетъ печь саножникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.»

Въ противномъ случаѣ, дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что—«если то и другое положить на вѣсы разсудка, то идеальная стрѣлка сравненія тотчасъ покажетъ равенство нулей».

Мы надѣемся, что рецепты, собранные авторомъ, гораздо удачнѣе его предисловія.

Къ ветеринарной литературѣ принадлежитъ также нежеслѣдующая книжица:

Ямщикъ, или *Вотъ какъ гуляетъ староста Семенъ Новомичъ. Русскій народный водевилъ. Сочиненіе актера П. Григорьева Я. Сп.-бургъ, въ тип. Губернскаго Правленія, 1845. въ-16, стр. 59.*

Авторъ этого творенія, съ своей стороны, бонтся, чтобы трудъ рецензента его водевиля не принялъ на себя кто-либо изъ людей, не принадлежащихъ къ сословію ямщиковъ и знающихъ грамоту.

Нѣмцы мѣлютъ пустяки
Не жалѣя груди,
Будто наши мужики
Звѣри, а не люди.
Низъ ли насъ порочить въ томъ?
Мы учтивость знаемъ:
Только втичьимъ молокомъ
Ихъ не угощаемъ...
Эхъ! да что жъ!.. Прахъ возьми!
Провались вы къ бѣсу!..

«Ай-да купецъ! Ай-да длинная борода! Уважилъ! Нечта сказать, уважилъ! Смотритель, давай водки! попотштуемъ кунца!»

Степанъ и Параша въ заключеніе русскаго народнаго водевиля, поютъ русскій дуэтъ. Послѣ дуэта выходятъ плясуны, и начинается пляска въ присядку.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ ВЪ РОССИИ.
М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина. Н. Г. Устрялова,
Н. А. Полеваго, О. В. Буларина, О. Л. Морошкина, М.
Н. Макарова, А. О. Вельтмана, В. В. Инатовича, П. Г.

Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова. Письма А. В. Александрова. СПб.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1845, въ-8., стр. 64 и 92.

Если васъ соблазнить это заглавіе, если възъ этой книги вы захотите узнать что-нибудь объ историческихъ трудахъ въ Россіи, то жестоко ошибетесь. Это просто какія-то журнальныя ссоры школы славянистовъ со школою шлёперистовъ, куча личностей, чванства, смѣшныхъ ипотезъ и восторженныхъ бредней. Конскій лечебникъ не только полезенъ, но и гораздо занимательнѣе.

КОРРЕКТУРНЫЕ ЛИСТЫ СВОДА ГРАММАТИКЪ, русской, французской и нѣмецкой. СПб.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1844, въ-4.

По одному уже заглавію видно, что это—не книга. Это—просто корректурные листы, отпечатанные на писчей бумагѣ, для тѣхъ, которые пожелаютъ сообщить сочинителямъ «Свода» свои отмѣтки и возраженія. Начальство военно-учебныхъ заведеній весьма основательно желаетъ ввести въ нихъ преподаваніе грамматикъ трехъ различныхъ языковъ, приведенное въ однообразіе и въ уровень относительно къ системѣ, порядку, правиламъ и техническимъ выраженіямъ, по руководствамъ приспособленнымъ къ этой прекрасной мысли, не противорѣчающимъ другъ другу, не сбивающимъ понятій учениковъ и согласнымъ, сколько возможно, съ основаніями всеобщей грамматики. Русскій языкъ долженъ служить постоянною точкою отношенія и русская грамматика быть нормальною для двухъ прочихъ. Въ этихъ корректурныхъ тетрадяхъ начертанъ подробный планъ трехъ грамматикъ по одной и той же методѣ. Любители грамматическихъ изслѣдованій будутъ намъ, безъ-сомнѣнія, благодарны за указаніе имъ на этотъ матеріалъ для ихъ дѣятельности, которая можетъ быть весьма полезною просвѣщенному предпріятію начальства военно-учебныхъ заведеній, если всѣ основательные филологи примутъ участіе въ дѣлѣ и сообщать, кому слѣдуетъ, свои мысли и замѣчанія.

Если бы намъ лично пришлось читать эти корректурные листы, съ перомъ въ рукѣ, мы бы, прежде всего, перечер-

двули въ нихъ всю первую страницу, какъ лишнее разглагольствіе, состоящее изъ набору общихъ ивъствъ и вовсе не объясняющее предмета грамматики. Выбсто доказанія ученикамъ того, что *всякій человекъ одаренный слухомъ (?) и голосомъ можетъ говорить*, мы скорѣе постараемся бы растолковать любознательному юношѣ, что *грамматика*—слово греческое, происходитъ отъ *γραφο*, пишу, и значить, *письменность*, то есть, искусство правильно писать слова, быть грамотнымъ человекомъ. Таково значеніе слова и таково настоящее предназначеніе *грамматики*. Поэтому, пошлое опредѣленіе грамматики, принятое въ старинныхъ езуитскихъ школахъ и повторяемое по привычкѣ донинѣ безъ всякаго разбору опредѣленіе, будто—*грамматика учитъ правильно говорить и писать*—существенно ложно. Кто это утверждаетъ, долженъ тутъ же отвѣчать на вопросъ: у кого грамматика сама выучилась правильно *говорить* и правильно *писать*? Развѣ она получила *scientiam infusam*? развѣ правила этого правильного *говоренія* выводятся à priori? гдѣ его норма? что грамматика принимаетъ за образецъ правильности? И въ отвѣтъ выйдетъ, что, какъ утверждалъ еще Платонъ, величайшій знатокъ своего роднаго языка и самый неподражаемый писатель въ человекѣствѣ, *правильно говорить* нужно учиться у людей благородныхъ и благовоспитанныхъ, одаренныхъ краснорѣчіемъ и чувствомъ изящества въ звукахъ, а на долю грамматики останется — одна *грамматика, письменность*, искусство вѣрно и по принятому хорошими писателями обычаю выражать знаками даннаго алфавита рѣчь людей, *умѣющихъ хорошо говорить* на своемъ языкѣ. Если господамъ русскимъ грамматикамъ не угодно понять того, что грамматика должна подчеркнуть свои законы правильности въ живомъ, чистомъ, неподдѣльномъ языкѣ, то мы остаемся при нашемъ прежнемъ опредѣленіи сей мудрой науки, которое дано было адъсь лѣтъ десять тому и которое донинѣ пользуется на Руси вожделѣннымъ успѣхомъ: «*Грамматика учитъ юности такъ, какъ никто въ сѣльи не говоритъ, и говоритъ такъ, чтобы сѣя со слуху полмирали, когда заговорили съ точностию по ея правиламъ*».

Но объ этомъ напрасно ьраспространяться. Грамматикн не отстають никогда отъ своего грамматическаго *на-рѣчя*, и притомъ же они не приглашаютъ насъ въ корректуры своихъ корректурныхъ листовъ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ОТРАДА ДУШЕВНАЯ, по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича. Спб. 1845. — Умильная, исполненная прекрасныхъ чувствованій пѣснь почтеннаго ветерана русской словесности, Сергія Николаевича Глибки, по поводу событія, наполнившаго, послѣ повторительныхъ скорбей, радостью Царскій Домъ и всю Россію.

ОПИСАНІЕ ВОЛОГОДСКАГО СПАСО-ПРИЛУЦКАГО МОНАСТЫРЯ, составленное П. Саввантовымъ. Спб. 1845. — Бесѣды по псалму «На рѣкахъ вавилонскихъ», на три воскресные дня, въ которые поется псаломъ сей. Спб., 1845. — Спасоприлуцкій второклассный мужескій монастырь лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Вологды, въ пяти верстахъ отъ города, при большой архангельской дорогѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Вологды, которая подтекаетъ къ нему лукою, или излучиной. Отсюда и происходитъ его названіе—спасо-прилуцкой: первая часть имени относится къ главной церкви монастыря, Спасской. Онъ основанъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, преподобнымъ Дмитріемъ, сыномъ богатаго купеческаго дому изъ Переслава-Залѣскаго. «Еще въ юныхъ лѣтахъ Дмитрій оставилъ міръ и въ «Переславскомъ Богородицкомъ Монастырѣ, что на Горницахъ, постригся въ монашество и принялъ санъ священства. Близъ родины своей, въ одной верстѣ отъ озера Плещеева, онъ основалъ Николаевскій Монастырь; сдѣланъ въ немъ игуменомъ; познакомился съ Преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ, къ которому часто ходилъ для собесѣдованія, и за свои добродѣтели былъ въ уваженіи у великаго князя Дмитрія Юанновича и восприималъ отъ купца дѣтей его. Святость жизни его скоро сдѣлалась столь извѣстною, что Преподобный, для

«иобъжанія славы человѣческой, долженъ былъ удалиться отъ родины. Почему, устроивъ переславскую обитель, конь, съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ, пришелъ въ предѣлы вологодскіе, и сперва поселился на пустомъ мѣстѣ въ нынѣшней грязовецкомъ уѣздѣ, при рѣкахъ Лежѣ и Великой, гдѣ построилъ церковь Воскресенія Христова. Но окрестные жители, опасаясь, чтобы утвердившійся здѣсь монастырь со временемъ не стѣснилъ ихъ владѣній, сказали Преподобному: «Отче! не угодно есть намъ твое здѣсь пребываніе»; и онъ немедленно оставилъ это мѣсто, и перешелъ ближе къ городу Вологдѣ, который «возлюбилъ за благочестіе жителей его. Неподалеку отсюда Димитрій избралъ мѣсто удобное для построения обители и выпросилъ оное у благонароচিতаго мужа Иліи «и Исидора Выпряга. Здѣсь-то, въ 1371 году, при помощи «доброхотныхъ дателей, построилъ онъ деревянную церковь Всемилостиваго Спаса — Происхожденія Частныхъ «Древо (на первое число августа) около ея деревянный монастырь. Великій князь Димитрій Іоанновичъ, узнавъ о мѣстѣ его пребыванія, не замедлилъ своимъ подаліемъ «содѣйствовать ему въ святомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ «устроивъ монастырь, собравъ иноковъ и своею жизнью «показавъ имъ примѣръ добродѣтелей и святыхъ подвиговъ, Преподобный Димитрій преставился въ одиннадцатый «день мѣсяца февраля 1392 года. «Отъ юности его, сказано «въ житіи о наружномъ видѣ Преподобнаго, таково прилучился ему благородіе и красота, якоже иногда Іосифу прекрасному.... Достигши же честныя старости маститыя, «святотѣпными и постническими сѣдинами украсился, отъ «нихъ же малымъ ничѣмъ отъ власовъ бранныхъ не у «совершени концы бѣлостію бяху». Церковь совершаетъ «память Преподобнаго Димитрія февраля одиннадцатаго».

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о древнемъ устройствѣ этого знаменитаго на сѣверѣ монастыря нѣтъ, потому что архивъ его истребленъ Поляками въ 1613 году. Въ нынѣшнемъ монастырѣ особенныхъ церквей шесть, между которыми самая замѣчательная—Соборная Спасская, пяти-главая, двухъ-этажная, съ обширными навѣртми. Эта старинная церковь, сооруженная при Царѣ Іоаннѣ Третьемъ Ва-

сильевичъ, подверглась въ 1811 году пожару: начатое тогда же возобновленіе ея окончено только въ 1836. Авторъ коротко описываетъ разныя историческія событія, которыхъ Спасо-прилуцкій Монастырь былъ втеченіи четырехъ столѣтій свидѣтелемъ или жертвою и изчисляетъ достопримѣчательные предметы, которыми славится эта обитель. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ Мощи Преподобнаго Димитрія, игумена прилуцкаго, почивающаго въ нижней большой церкви, подъ спудомъ, въ аркѣ, подъ которою устроена богатая гробница, покрытая мѣдными, басменнаго дѣла, позолоченными листами, съ образомъ Преподобнаго, писаннымъ во весь ростъ; и Мощи Благовѣрнаго Князя Углицкаго Іоанна, въ монашествѣ Игнатія: гробница Князя отличается великолѣпіемъ своего образа, писаннаго также во весь ростъ, въ схимѣ: вѣнецъ и цата чеканенные изъ позолоченнаго серебра; окладъ серебряный басменнаго дѣла, тоже позолоченный; риза чеканная, мѣдная, отбѣленная серебромъ. Надъ обѣими гробницами воздвигнуты въ 1838 году *Стѣны*, попеченіемъ подковника жандармовъ П. А. Соколова и почетнаго гражданина Витушешникова. Въ церкви хранятся желѣзные вериги Преподобнаго Димитрія и Благовѣрнаго Князя Игнатія, также фелонь и деревянный костыль незабвеннаго основателя монастыря. Въ числѣ десяти Евангелій замѣчательно въ-особенности одно, московской печати 1682 года, въ доскахъ, украшенныхъ чеканнымъ серебромъ, съ яхонтами и изумрудами.

ИГРА ВЪ ЗАГАДКИ, для забавы и увеселенія дѣтей. — ОБЪЯСНЕНІЕ ИГРЫ УГАДЧИКА. *Спб., 1844.* — Авторъ этихъ двухъ книжонокъ увѣренъ, что шарады, логогрифы, омонимы, чрезвычайно полезны для дѣтей, и въ одной брошюркѣ собралъ шестьдесятъ семь такихъ загадокъ, а въ другой учить ихъ разгадывать какія-то кабаллистическія задачи по печатнымъ карточкамъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ПОЛИШИНЕЛЯ. *Спб., 1845.* — Крошечная книжонка, также для дѣтей, съ крошечными политипажми.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Начинають являться книги для Свѣтлой Недѣли. Между ними, самая великолѣпная, самая изящная, самая любопытная, безспорно — «*Тарантасъ, путевыя впечатлѣнія графа В. А. Соллогуба*», изданная въ послѣднихъ числахъ мѣсяца книгопродавцемъ А. И. Ивановымъ по образцу большихъ англійскихъ альманаховъ. Повѣсть и рисунки прелестны. Господинъ Ивановъ этимъ изданіемъ приобрѣлъ себѣ нетлѣнную славу на издательскомъ поприщѣ: первая, истинно роскошная русская книга неотъемлемо будетъ принадлежать его предпринимчивости и его искусству. При этомъ великолѣпіи, которымъ, надо прибавить, руководствовалъ отличный вкусъ въ выборѣ и совокупности украшеній, замѣчательна, сравнительно умѣренная цѣна книги: мы ожидали увидѣть въ объявленіи по-крайней-мѣрѣ пятнадцать рублей серебромъ, и, къ удивленію, нашли только: на веленовой бумагѣ 4 рубля, на слоновой 5. Въ разборъ цѣнъ, по которымъ издатели и авторы считаютъ нужнымъ продавать свои книги, мы имѣемъ правиломъ не вдаваться, но этой нельзя не отмѣтить, потому что она составляетъ одну изъ заслугъ изданія. Тотъ же книгопродавецъ издалъ еще весьма красивый и, какъ кажется, весьма занимательный томъ юмористическихъ статей съ остроумными рисунками Тимма, подъ заглавіемъ «*Физиологія Петербурга*». Мы едва успѣли мелькомъ просмотрѣть эту книгу. Изданіе, по-видимому, будетъ состоять изъ многихъ частей. На томъ, который лежитъ передъ нами, выставлено — *Часть первая*.

— Разсматривая колоссальное объявленіе, сопровождающее «*Тарантасъ*», мы находимъ, что господинъ Ивановъ въ то же время издалъ еще одно интересное сочиненіе, именно «*Практическое наставленіе для постройки сельскихъ жилыхъ зданій*» съ двумястами осьмнадцатью полиграфическими рисунками, составленное превосходнымъ рисовальщикомъ А. П. Сапожниковымъ, вмѣстѣ съ господиномъ Таманскимъ.

— Портреты знаменитой Военной Галереи Зимняго Дворца рѣшено издать въ красивыхъ литографіяхъ, съ

присовокупленіемъ біографій героевъ Отечественной Войны. Первая тетрадь этого драгоценнаго для всѣхъ Русскихъ собранія уже выпущена въ продажу. Изданіе названо: «*Императоръ Александръ Первый и его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ*». Приложенный къ первой тетради портретъ Императора Александра прекрасенъ и подаетъ самую лестную надежду на художественное совершенство тѣхъ, которые должны за нимъ послѣдовать. Особенный интересъ изданію придаетъ текстъ, состоящій изъ жизнеописаній: они будутъ принадлежать перу знаменитаго военнаго историка, генерала Михайловскаго-Данилевскаго. Издатели — господа Межевичъ и Песоцкій.

— Явился также и новый романъ — *Прокопій Лапуновъ, или Междуцарствіе въ Россіи*, — продолженіе «Князя Скопина-Шуйскаго», романа написаннаго, нѣсколько лѣтъ тому, одною даровитою дамою. «Прокопій Лапуновъ» принадлежитъ тому же перу и состоитъ изъ четырехъ частей плотной печати.

— О первыхъ книжкахъ «*Энциклопедическаго медицинскаго лексикона*» мы имѣли случай говорить. Главный редакторъ этого полезнаго собранія статей по части практической медицины, докторъ Лей, присовокупляетъ теперь къ нему «*Атласъ оперативной хирургіи*», въ видѣ «дополненія». Первый выпускъ атласа поступилъ уже въ книжную торговлю.

— Докторъ Чаруковскій издалъ втеченіи мѣсяца пятый томъ своего обширнаго творенія: «*Народная медицина, приспособленная къ русскому быту*». Въ этомъ томѣ авторъ разсуждаетъ о наружныхъ болѣзняхъ.

— Вышла здѣсь, въ Петербургѣ, первая часть «*Сочиненій Иннокентія, епископа пензенскаго и саратовскаго*», съ портретомъ автора. Полное изданіе будетъ состоять изъ трехъ частей.

— «*Сто новыхъ повѣстей, книжка для подарка дѣтямъ*», сочиненіе Шмидта, переведенное господиномъ Федоровымъ, вышло вторымъ изданіемъ.

— «Санктпетербургской Флоры», издаваемой господами Левинымъ и Селезневымъ, вышли одиннадцатая и двѣнадцатая тетради. Къ послѣдней приложены реестры, облегчающіе употребленіе этого красиваго собранія изображеній сѣверныхъ растительныхъ предметовъ. Третья часть «Флоры» (книжки тринадцатая, четырнадцатая, и прочія) поступила въ печать.

=

VI.

СМЪСЪ.

=

ЛОНДОНСКОЕ КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ.
Электричество—не жидкость, а механическая сила тѣль.
Исслѣдованія господина Грова. Простѣйшій способъ получить постоянный токъ гальванческаго электричества.
Гальваническіе часы. Возможность освѣщать города этимъ электричествомъ безъ всякихъ издержекъ. Господинъ Грове читалъ въ засѣданіи седьмага февраля разсужденіе, въ которомъ онъ старался изложить сущность множества опытовъ и наблюденій, доказывающихъ, что безсмысленный терминъ *жидкость* или, какъ иные говорятъ еще—*аневъсомая жидкость*, долженъ быть изгнанъ изъ науки, когда рѣчь идетъ объ электриствѣ. Оно положительно—механическая сила. Силы нельзя ни создать ни уничтожить, потому что *сила—тяжесть*. Другой силы, въ вещественной природѣ, нельзя ни умомъ постигнуть ни опытомъ нащупать. Поэтому сколько «силъ» есть въ данномъ тѣлѣ, столько и всегда ея будетъ, пока тѣло сохранить свою полноту и свое коренное устройство: сила можетъ только быть разбитою на части, разложиться на различныя дѣйствія, или второстепенныя силы, которыхъ сумма всегда равна первоначальной силѣ. Когда сила производитъ движеніе, количество этого движенія совершенно равно количеству употребленной силы.

Когда она производитъ движеніе и треніе вмѣстѣ, сумма движенія и тренія опять равны употребляемой силѣ: треніе не что иное какъ часть полнаго движенія, отдѣленная отъ его итога и измельченная до безконечности. Вертя колесо электрической машины, мы производимъ *демоніе* и *трение*, два дѣйствія, двѣ второстепенныя силы, которыхъ сложность равна первоначальной силѣ: эти двѣ второстепенныя силы разбиваются опять на новыя дѣйствія, разлагаются на новыя механическія силы, на силы третьяго порядку, именно, на электричество, свѣтъ, теплоту, химическое разъединеніе и соединеніе атомовъ, и сумма всѣхъ этихъ дѣйствій, всѣхъ новыхъ силъ, какъ господинъ Гровъ доказываетъ, всегда равна суммѣ движенія и тренія, которыя равны употребленной силѣ. Точно такимъ же образомъ горящая свѣча разлагается сперва на угольную кислоту и водородный газъ, а тѣ даютъ свѣтъ, теплоту и электрическія явленія: сумма этихъ веществъ и этихъ силъ равна свѣчѣ, и если бы собрать ихъ въ одно цѣлое, была бы опять свѣча. Въ числѣ опытовъ, представляемыхъ господиномъ Гровомъ въ подтвержденіе его идеи, мы замѣтимъ слѣдующее. Цвѣта, которые электричество производитъ на металлахъ, въ точности — тѣ же, какія производитъ и сильная теплота: образчики такихъ цвѣтовъ знаменитый физикъ показывалъ обществу въ томъ же засѣданіи. Электричество дѣйствуетъ не иначе какъ механическимъ отторженіемъ и перемѣщеніемъ атомовъ, подобно теплотѣ и другимъ силамъ: разгорячая до-бѣла желѣзо электрическимъ токомъ въ азотномъ газѣ подъ стекляннымъ колпакомъ, можно видѣть, что внутренность колпака покрывается тонкимъ слоемъ этого металла, хотя взвѣсивъ потомъ кусокъ желѣза, употребленнаго въ опытѣ, нельзя открыть ни какой убыли. Этотъ опытъ приводитъ господина Грова къ разбору известнаго явленія при образованіи электрическаго свѣту между двумя кусками угля: давно замѣчено, что частицы одного уголька переносятся токомъ на другой: и, слѣдовательно, токъ дѣйствуетъ здѣсь только какъ простая двигательная сила. При этомъ случаѣ господинъ Гровъ замѣчаетъ еще, что неосновательно полагаютъ, будто элек-

трическій свѣтъ между углями бываетъ сильнѣе въ безвоздушномъ пространствѣ или, такъ-называемой, пустотѣ: напротивъ, чѣмъ совершеннѣе пустота, тѣмъ слабѣе этотъ свѣтъ; онъ только удается лучше подъ снарядами, лишаемыми воздухомъ, потому что тогда, для удобства, пропускаютъ токъ перпендикулярно къ землѣ и свѣтъ не принимаетъ виду дуги, образующейся всегда между угольками, поставленными горизонтально въ воздухѣ: въ этомъ положеніи воздухъ поднимаетъ пламя всерединѣ и, выгибая свѣтъ дугою, уменьшаетъ блескъ его. Но если угольки стоятъ въ перпендикулярномъ направленіи, то въ воздухѣ электрическій свѣтъ несравненно сильнѣе чѣмъ въ пустотѣ, и господинъ Гровъ, употребивъ батарею въ сто банокъ, извѣстныхъ подъ его именемъ, получилъ такое яркое освѣщеніе, что фасады ближайшихъ зданій озарялись имъ въ ночное время совершенно какъ полуденнымъ солнцемъ среди лѣтняго дня.

Но сто банокъ Грова — снарядъ слишкомъ дорогой и въ постройкѣ и въ употребленіи. Всѣ донинѣ извѣстныя въ физикѣ снаряды для производства электрическихъ токовъ нигде не годятся въ примѣненіи къ житейскимъ потребностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что освѣщеніе газомъ рано или поздно должно уступить мѣсто освѣщенію электрическому; каждый это чувствуетъ: но какъ осуществить то, что мысль предвидать? какъ рѣшить задачу, которою требуется — получить дешево и безхлопотно токъ сильный, постоянный и ровный? По нашему мнѣнію, надо прежде всего оставить всѣ физическія банки и батареи: изъ этихъ грязныхъ игрушекъ никогда не будетъ проку. Надо прибѣгнуть къ *земному гальванизму*. Кому нуженъ хороший электрическій токъ, для какого бы то ни было употребленія, тотъ можетъ учредить его у себя однажды навсегда, то есть, на очень долгое время, за нѣсколько цѣльковыхъ и вотъ незатѣйливый планъ этой чудной батареи: выройте возлѣ дому, въ которомъ живете, двѣ ямы въ землѣ: въ одну насыпьте кулъ коку (пережженного каменнаго угля), и заройте въ немъ конецъ толстой и длинной мѣдной проволоки, а въ другую помѣстите большую цинковую доску, въ два или три квадратныхъ фута поверхности,

прикрѣпивъ къ ней конецъ другой такой же проволоки. Обѣ эти проволоки можно ввести въ комнату черезъ окошко и будетъ непрерывный, ровный токъ. Если умножите число ямъ съ кокомъ и цинковыми досками, то возникнетъ токъ, силою равный тому, какой даютъ пятнадцать или двадцать банокъ Грова. Этимъ токомъ, полнымъ или разбитымъ на части, можно будетъ разлагать химическіе составы, осаждать мѣдь на формы, золотить, приводить въ движеніе магнитныя колеса, зажигать яркій свѣтъ между двумя острыми углами, и прочая и прочая. Поставьте, теперь, столбъ на улицѣ; на столбу утвердите стеклянный шаръ съ весьма простымъ, уже придуманнымъ механизмомъ для ровнаго поддерживанія угольковъ въ надлежащемъ другъ отъ друга разстояніи; вокругъ столба, выройте двадцать, пятьдесятъ, сто,—если нужно,—ямъ, для коку и цинковыхъ досокъ, и электрическое освѣщеніе городовъ окажется самымъ легкимъ и дешевымъ практичѣскимъ дѣломъ. Что это предположеніе совершенно събиточно, доказательство—опытъ, сдѣланный недавно въ Англіи однимъ искусникомъ, который вздумалъ основать на такомъ токѣ движеніе маятника и ходъ новаго роду часовъ. Въ февральской книжкѣ лондонскаго журнала «The Polytechnical Journal» помѣщено извлеченіе изъ письма господина Филлесона, писаннаго въ январѣ мѣсяцѣ: мы переведемъ этотъ любопытный отрывокъ.

«Господину *Brain* (вѣроятно—опечатка, вмѣсто *Vain*) пришла въ голову мысль построить электрическіе часы, сдѣйствующіе земнымъ токомъ, и я долженъ сказать, что съ этой затѣей онъ успѣлъ до удивленія. Двадцать-осьмаго прошедшаго августа, у меня, въ Лаутонъ-Голлѣ, повѣсилъ онъ въ гостиной небольшіе стѣнные часы и тяжелый маятникъ, и оба эти снаряда привелъ въ сообщеніе съ земнымъ токомъ слѣдующимъ образомъ. Съ сѣверо-восточной стороны моего дому находится одна яма, въ которой, на проволоку, повѣшены двѣ цинковыхъ доски, увеличяною въ одинъ квадратный футъ: эта проволока проведена черезъ стѣны дому, сперва къ маятнику, а потомъ къ часамъ. По юго-восточную сторону дому, въ разстояніи почти сорока ярдовъ (пятнадцать саженъ) отъ

«первой ямы, господинъ Вгайн вырылъ вторую яму, глубиною фута въ четыре: въ нее навалили куля два косяку, въ которомъ онъ утвердилъ конецъ другой проволоки, «проходящей оттуда черезъ окошко въ гостиную, то же къ часамъ. Съ того времени донынѣ (съ августа по февраль), маятникъ движется дѣятельно, ровно и сильно, «хотя шаръ его вѣситъ не менѣе девяти англійскихъ (десяти русскихъ) фунтовъ, и часы показываютъ время съ «удивительною вѣрностью. Вся издержка на эту двигательную силу обошлась въ семь шиллинговъ и шесть пенсовъ (два рубля сорокъ копѣекъ серебромъ). Въ часахъ «всего—три колеса: нѣтъ ни пружинъ ни гирь, такъ, что «и заводить нечего».

Хотя устройство этихъ часовъ здѣсь и не описано, легко однако жъ догадаться, что маятникъ движется посредствомъ попеременнога дѣйствія переходящихъ магнитовъ, образуемыхъ изъ кусковъ желѣза токомъ земнаго электричества, который, значить, весьма силенъ, когда преодоѣваетъ треніе тяжелаго маятника о зубцы колеса. Какъ скоро можно привести въ движеніе земнымъ токомъ магнитное колесо, тѣмъ самымъ уже получено и *освѣщеніе*: довольно, чтобы вертящееся колесо было съ металлическими зубцами на ободѣ и чтобы эти зубцы задѣвали кончиками своими ртуть поставленную на блюдечкѣ подъ колесомъ: при выходѣ каждаго зубца изъ ртути, на оконечности его является бѣлая электрическая искорка, и какъ колесо всегда вертится съ чрезвычайною быстротою, то глазу представляется непрерывный кругъ яркаго свѣту. Такіе круги были уже получены многими и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходно освѣщали комнату. Быть-можетъ, вертящіяся магнитныя колеса окажутся, въ употребленіи, еще удобнѣе заостренныхъ угольковъ, потому что для приведенія ихъ въ дѣйствіе достаточно даже и слабаго току и такіе снаряды вовсе не нужно помѣщать въ стекляныя шары*.

* Эта статья была уже въ печати, когда мы получили послѣднюю книжку лондонскаго *The Electrical Journal* и нашли въ ней отчетъ въ любопытныхъ опытахъ господина Вика. Этотъ физикъ получилъ такой сильный земный токъ, что производитъ посредствомъ

АНАСТАТИЧЕСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ. *Поддѣлка новыхъ книгъ и журналовъ. Конецъ литературы.* Названіе придумано въ той мысли, что по этому способу можно—*поддѣлывать* на свой счетъ каждое утро всякія книги и журналы, издаваемые другими вчера вечеромъ. Изобрѣтеніе дѣлаетъ большой шумъ въ журналахъ. Свойства способу, въ самомъ дѣлѣ, удивительны, но самый процессъ дондѣшъ содержится изобрѣтателями въ большой тайнѣ, хотя первый слухъ объ немъ пронесся еще въ 1841 году. Въ это время, редакция англійскаго журнала «The Athenaeum» получила четыре листка собственнаго своего изданія, съ политипажными картинками, поддѣланные такъ искусно, что никакъ нельзя было различить этихъ листковъ отъ подлинныхъ: и посылка сопровождалась безыменнымъ письмомъ, въ которомъ изобрѣтатель, или изобрѣтатели, извѣщали, что этотъ пробный снимокъ сдѣланъ въ четверть часа, и что, по ихъ «анастатическому» способу, можно, безъ типографскихъ шрифтовъ, перепечатывать всѣ журналы и книги, тотчасъ послѣ ихъ появленія, не портя перепечатываемаго экземпляра и не оставляя ни какой возможности уличить въ контрафакціи. Разумѣется, что

его разложеніе воды и разныхъ химическихъ составовъ, движеніе большихъ магнитныхъ колесъ, осажденіе мѣди и другихъ металловъ, сильные сотрясенія въ рукахъ и *чрезвычайно яркій свѣтъ* (intensely vivid light) между угольками, сперва приведенными въ соприкосновеніе, а потомъ слегка раздвинутыми. Земная батарея господина Висса состоитъ изъ тридцати-шести обыкновенныхъ желѣзныхъ листовъ и тридцати-шести листовъ цинку, каждый въ три фута длиною и два шириною, такъ что батарея представляетъ сложную поверхность до четырехъ сотъ тридцати футовъ. Листы зарыты въ землю и расположены двумя растянутыми полукружiami. Эта батарея дѣйствуетъ постоянно и ровно уже нѣсколько мѣсяцевъ, и притомъ такъ, что металлическіе листы почти вовсе не поизменились втеченіи этого времени. Ни дождь, ни засуха, ни морозъ, не оказываютъ ни какого вліянія на постоянство току. Господинъ Вискъ заключаетъ отчетъ свой слѣдующимъ выводомъ: «такимъ образомъ, практическая возможность осѣщать нами улицы, зданія, и даже комнаты, электрическимъ свѣтомъ земныхъ токовъ доказана ясно и совершенно.» Въ концѣ статьи онъ предлагаетъ и планъ этого освѣщенія, довольно сходный съ тѣмъ, какой ны здѣсь изложилъ.

редакція испугалась такой хитрой выдумки, но какъ, послѣ- того, выдумщики замолки на долгое время, то она успокоилась, и даже не стала вѣрить чудесамъ *анастатическаго* книгопечатанія, какъ-вдругъ, въ исходѣ прошлаго года, явилась въ Германіи программа, что изобрѣтатели рѣшились *поддѣлывать* для Нѣмцевъ англійскій журналъ «The Athenaeum», за три талера въ годъ, и что поддѣлываніе начнется съ перваго января, если будетъ *триста* подписчиковъ для покрытія издержекъ и доставленія поддѣлывателямъ приличнаго барыша. Не извѣстно, состоялось ли это предположеніе или нѣтъ, но одного уже подобнаго объявленія было достаточно, чтобы редакція постаралась собрать свѣдѣнія о зачинщикахъ предательскаго подрыву и о таинственномъ способѣ *поддѣлывать* чужіе труды для своего кармана. О самомъ способѣ узнала она не много: извѣстно только, что «поддѣлыватели» наводятъ полированныхъ металлическихъ доски какимъ-то химическимъ растворомъ; когда поверхность обсохнетъ, на нее кладутъ печатный или рукописный листъ, предназначенный къ поддѣлкѣ, прижимаютъ его цилиндромъ, доска подвергается протравкѣ въ какомъ-то составѣ, и, наконецъ, кладутъ ее въ типографскій прессъ, гдѣ чернила наводятся обыкновеннымъ валикомъ. Такимъ образомъ, безъ большихъ издержекъ и почти безъ трудовъ, получаютъ математически вѣрные и удивительно чистые снимки, число которыхъ — неограниченное. Корреспонденты поддѣлываемаго журнала видѣли сдѣланныя по этому способу превосходныя копіи листовъ французскаго журнала «L'Illustration»; англійскаго «The Illustrated London News», одного рѣдкаго зльзевировскаго изданія и одной арабской рукописи. Что касается до изобрѣтателей, то объ нихъ положительно извѣстно, что первая мысль и первая проба «поддѣлыванія книгъ» принадлежатъ одному Германцу, по имени Бальдермусу, который теперь живетъ въ Берлинѣ. Герръ Бальдермусъ продалъ свое изобрѣтеніе нѣкоему Англичанину, Вудсу (Woods). Этотъ усовершенствовалъ выдумку, и, изъ Лондона, принимаетъ теперь мѣры къ дѣятельному «поддѣлыванію» англійскихъ книгъ и журналовъ въ Германіи и Франціи, а нѣмецкихъ и французскихъ въ Ан-

глин. Мистеръ Вудсъ прехладнокровно заводитъ въ разныхъ государствахъ «свои рабочія» и намѣренъ разработывать свое безсовѣстное искусство въ большомъ видѣ. Но кажется, что «поддѣльватели» еще не достигли той степени механическаго совершенства, которая бы обѣщала большую выгоду при малой издержкѣ: они дѣятельно трудятся теперь надъ замѣненіемъ своихъ печатальныхъ досокъ, которыя гнутся и лопаются, металлическими цилиндрами, такъ, чтобы можно было печатать безконечный листъ на безконечной бумагѣ простымъ повертываніемъ рукоятки цилиндра: экономія времени, бумаги и рабочихъ рукъ будетъ тогда такъ значительна, что ни какая типографія не выдержитъ соперничества съ анастатиками, и поддѣлка новыхъ книгъ и журналовъ окажется прибыльною даже въ маломъ числѣ экземпляровъ. Химія скоро будетъ называться—усовершенствованнымъ воровствомъ. Умъ человѣческій — удивительная штука! Вотъ онъ самъ себя уничтожаетъ! Кто послѣ этого станетъ писать и печатать книги? Если цилиндры удадутся господину Вудсу, книги и журналы всѣ вдругъ исчезнутъ.

КАРЛО ГОДВДЗИ. *Борьба старой италіанской комедіи съ новою.* Въ наше время, въ одномъ только Неаполѣ, въ театрѣ Санъ-Карлино, сохраняется еще въ полномъ блескѣ старинная италіанская комедія, живущая всѣдневною соблазнительною лѣтописью, пересмѣивающая порокъ, по способу Аристофана и служащая представительницею истинно народнаго духа, народнои веселости, народнаго остроумія; комедія, которой подражалъ Мольеръ, охотно заимствовавшій у нея своихъ Скапиновъ и ловкихъ субретокъ, и которую убило почти повсемѣстно безплодное подражаніе роду Мольера, или, такъ-называемой, *правильной* комедіи; словомъ, комедія, гдѣ почти постоянно являются четыре типическія роли — Панталонъ, олицетвореніе мѣстнаго старожилы, — Арлекинъ, его слуга, идеалъ народнаго образа мыслей, Труфальдино, карикатура какого-нибудь моднаго дурачества, и Коломбина, типъ туземной женщины. Съ прибавкою нѣсколькихъ второстепен-

ныхъ ролей, эта комедія, въ Неаполѣ, до-сихъ-поръ умѣеть удерживаться въ уровнѣ съ современнымъ смѣшнымъ и забавляетъ всѣхъ, даже ту часть публики, которая считаетъ себя выше народныхъ увеселеній и портитъ наслажденія свои склонностью къ бреднямъ теорій вкусу и критики. Пьесы этого роду обыкновенно пишутся только въ видѣ очерка предмету, завязки и развязки, съ присовокупленіемъ необходимаго для нихъ діалога: изобрѣтеніе прочихъ рѣчей предоставляется комическому вдохновенію самаго актера, который пользуется правомъ принимать на сценѣ видъ и характеръ извѣстныхъ публикѣ общественныхъ шутовъ, проидохъ и оригиналовъ. Это—чистая греческая комедія до Менандра. Оракулы эстетики упрекаютъ этотъ родъ въ неправдоподобіи и отступленіи отъ природы, но чѣмъ же онъ неправдоподобнѣе или дальше отъ природы нежели нынѣшніе безнравственные водевили, въ которыхъ, мало того что нѣтъ смысла, нѣтъ даже и ничего народнаго! Нѣтъ сомнѣнія, старая италіанская комедія могла бы подъ покровительствомъ оригинальнаго и бойкаго таланта, который бы удачно создалъ три или четыре общихъ народныхъ типа, быть перенесена на нашу сцену съ большимъ успѣхомъ, и открывъ источникъ подлинной русской веселости, коренной русской насмѣшки, прогнать безсмысленные водевили, не представляющіе для насъ ровно ничего. Нуженъ только новый Карло Годдзи, поборникъ оригинальной народной потѣхи, гонитель привозной скуки, и безнадежнаго подражанія иностранному, который бы примѣромъ своимъ показалъ, что можно смѣяться у себя своимъ домашнимъ смѣхомъ и что одинъ этотъ смѣхъ истинно веселъ.

Старинная италіанская комедія вышла изъ Венеціи и послѣдній защитникъ ея скончался вмѣстѣ съ этой республикой. Не должно удивляться, если портретъ графа Карло Годдзи покажется не слишкомъ красивымъ: онъ написанъ его врагами въ прологахъ ихъ комедій. «Видите ли вы тамъ, на площади, человѣка, который грѣбется на солнцѣ? Онъ высокъ, худощавъ, блѣденъ, немножко сутуловатъ. Онъ ходитъ медленно, закинувши руки за спину, и съ мрачнымъ видомъ считаетъ плиты подъ ногами.

Вездѣ въ Венеціи болтаютъ; онъ одинъ не говоритъ ни слова; это *signor conte*, котораго чужое веселье огорчаетъ еще болѣе, чѣмъ его собственные процессы. Какъ это умно зѣвать самому, когда не умѣешь веселить толпу, которая каждый вечеръ посѣщаетъ нашъ театр!»

— «Да, отвѣчалъ Годдзи, я гуляю въ уединенныхъ мѣстахъ. Я не бѣгаю, какъ вы, по кофейнямъ площади Святаго Марка, выманивать себѣ рукоплесканія, и не стараюсь доказывать трактирнымъ прислужникамъ превосходства своихъ критическихъ системъ. Надобно же вечеромъ идти въ театръ, и я скучаю, потому что вы наводнили сцену своими слезными драмами, французскими комедіями, которыя вы называете *правильными*, и которыя только скучны, своими глупыми водевилями, отъ которыхъ зѣваютъ даже театральныя колонны». По тону нападенія и отвѣта видно, что венеціанскіе поэты довольно рѣзко высказывали другъ другу истины.

Годдзи происходилъ изъ благородной фриульской фамиліи. Отецъ его, человѣкъ образованный, но страннаго характера, жилъ въ Венеціи какъ вельможа. Онъ устроилъ въ своемъ палаццо театръ и давалъ тамъ представленія, которыя стоили ему большихъ денегъ. Одиннадцать дѣтей его выходили на сцену и разыгрывали маленькія пьесы. Такимъ образомъ онъ прожилъ все состояніе, и свое и женнино. Жена его, Анджела Тьеполо, была послѣдней отраслю знаменитаго дому, который далъ Венеціи столько отличныхъ сенаторовъ и дожей. Дѣла старика Годдзи вскорѣ совершенно запутались. Семейство соединило всѣ свои средства, чтобъ жить вмѣстѣ. Дѣвцы Годдзи были веселыя, любезныя, образованныя дѣвушки; сыновья умные, ученые молодые люди. Несмотря на бѣдность, время проходило весело.

Видя, что изъ школьныхъ товарищей, которые подобно ему учились грамматикѣ и риторикѣ, одни сдѣлались пьяницами, другіе продавцами каштановъ, Годдзи понялъ всю важность воспитанія. Примѣръ старшаго, прилежнаго брата Гаспара, удержалъ Карло отъ подражанія своимъ развратнымъ товарищамъ. Онъ страстно предался изученію тосканскаго языка, и всегда глубоко презиралъ людей

высшаго круга, которые дѣлали ореографическія ошибки. Гаспаръ, который былъ гораздо болѣе пурнстъ нежели Карло, сдѣлался впоследствии однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ критиковъ въ Италіи. Какъ старшему, ему слѣдовало бы заняться дѣлами семейства, но онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, и не хотѣлъ ничего знать о дѣлахъ. Женвшись по любви, онъ вскорѣ вовсе разстался съ братьями и сестрами. Второй братъ, Франческо, взялся вести дѣла и управлять имѣніемъ. Карло вступилъ въ военную школу, откуда перешелъ въ полкъ, который отправлялся въ Цару. Свободныя минуты Карло посвящалъ наукамъ. Мы пропускаемъ подробности его военной службы и его первой молодости. Онъ самъ написалъ, въ родѣ записокъ объ этой эпохѣ своей жизни, книгу подъ заглавіемъ: «Мои три первыхъ любовныя дѣла». Книга эта особенно любопытна какъ картина страшнаго разслабленія всѣхъ нравственныхъ правилъ въ устарѣломъ, дряхломъ, и за-живо разрушающемся венеціанскомъ обществѣ. Молодой Карло Годдзи, судя о своихъ землякахъ по своимъ благороднымъ чувствамъ, долго ихъ не угадывалъ. Онъ вѣрилъ въ высокія стремленія мужчинъ, тогда какъ они стремились только къ низостямъ. Понятія его о женщинахъ были восторженныя и сердце молодого человека съ жаромъ предавалось *метафизикѣ* любви, какъ говоритъ самъ Годдзи, между-тѣмъ какъ прекрасныя гражданки понимали только любовную физику. Три раза казалось ему, что онъ встрѣтилъ на землѣ ангеловъ чистоты, но, пока онъ курилъ имъ эфирный фиміамъ платоническаго чувства, каждый изъ этихъ ангеловъ, съ досады, взялъ себѣ, при его же глазахъ, болѣе положительнаго обожателя и насмѣхался потомъ надъ его ревностью.

Эти три разочарованія въ любви не могли не имѣть вліянія на такого чувствительнаго и умнаго человека, каковъ былъ Годдзи. Доброе мнѣніе его о своихъ очаровательныхъ соотечественницахъ, сильно поколебалось. Когда прошла печаль, онъ самъ смѣялся надъ собою, вспоминая о своихъ «любовныхъ дѣлахъ», гдѣ только на его долю пришелся весь расходъ чувства и нѣжности. Воображеніе, въ которомъ поселилось отвращеніе, сожалѣло о сокрови-

щахъ чувства, брошенныхъ на вѣтеръ и требовало отъ поэта лучшаго занятія. Двадцати-лѣтъ отъ-роду, Годздзи далъ уже себѣ клятву никогда не подвергаться случайностямъ брачной жизни. Онъ рѣшился совершенно посвятить себя литературѣ: заперся въ кабинетъ, собралъ всѣ свои сонеты и пѣсни, переписалъ ихъ чистенько на прекрасной бумагѣ, переплелъ въ красивый сафьянъ, отправился къ богатому сенатору и представилъ ему свои стихи, съ приличнымъ посвященіемъ.—Спасибо, любезный другъ, отвѣчалъ сенаторъ: тѣмъ, которые думаютъ что ты совершенный невѣжда, я докажу этими стихами, что и ты таки чему-нибудь учился.»

Въ 1750 году, Венеція не была уже царицею морей. Разслабленное правительство сохранило только свое прежнее коварство и подозрительность. Отъ древнихъ установленій остались одни неудобства: инквизиція, доносы и отвратительная система обманывать народъ, унижая его. Торговля давно уже погибла: ее убило открытіе Мыса Добрая Надежды, и нравы дошли до крайней степени развращенія. Полиція косо смотрѣла на молодыхъ людей серьезнаго характера. Чтобы не навлекать на себя подозрѣній, надобно было скрывать наклонность къ ученымъ занятіямъ подъ маскою шутовства, веселья или разврата: надобно было смѣяться и волочиться. Народу, разумѣется, очень нравился подобный родъ жизни: ночи проводились въ празднествахъ или оргіяхъ; половину дня спали, остальную посвящали любовнымъ интригамъ. Вечеромъ всѣ собирались въ театръ потолковать, посплетничать и попить шербету. Легкомысленная публика хотѣла только веселиться, аплодировать, рѣшать распри поэтовъ, и отдавать пальму тому, кто умѣлъ ей больше понравиться.

Въ это время въ Венеціи существовала только-что открытая академія, которая, подъ видомъ общества любителей шалостей и шутовства, скрывала полезную и важную литературную цѣль—усовершенствованіе тосканскаго языка. Совѣтъ Десяти оставлялъ ее въ покоѣ, по причинѣ ея страннаго имени и ея устава. Она называлась академіею Granelleschi, то есть «Пустомелей». Гаспаръ Годздзи давно уже былъ членомъ этого общества; онъ читалъ своимъ

сочиненіямъ легкія произведенія Карло, который и былъ избранъ въ члены академіи. Одинъ полуумный вельможа, чрезвычайно занятый собою и большой стихоплетъ, какихъ множество въ Италіи, былъ выбранъ, для смѣху, въ президенты. Каждое засѣданіе, этотъ президентъ, сидя на тронѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтовъ, читалъ тоненькимъ голосомъ нѣсколько своихъ стихотвореній, которыми всегда рукоплескали. Эти рукоплесканія, которыя онъ принималъ за наличную монету, доставили ему названіе *agcigta-nello*, что значитъ—архи-пустомеля. Прочіе члены этого общества были ученые, библіофилы, поэты и извѣстные литераторы. Академія Пустомелей находилась въ сношеніяхъ съ академію *della Crusca*, распространяла въ Венеціи хорошія флорентійскія книги и старалась развить вкусъ къ чистому, натуральному слогу, который давно былъ изгнанъ *gebombo* (нашимъ высокимъ слогомъ) и галиматеею.

Все добро, сдѣланное академію *Grapelleschi*, было уничтожено, въ одинъ прекрасный день, Голдони, который былъ тогда только уменъ, когда говорилъ простонароднымъ нарѣчіемъ Венеціи и Кіуджи. Голдони, проникнутый чтеніемъ Мольера, взялъ этого поэта за образецъ. Ему казалось, что онъ идетъ по слѣдамъ Мольера, между-тѣмъ какъ онъ былъ только подражателемъ Делуша и писателей третьяго разряда. До него комедія, какъ мы видѣли, не придерживалась никакихъ правилъ. Италіянскіе актеры обладали необыкновеннымъ даромъ импровизаціи; только половина пьесы, которая была написана, произносилась по-тоскански или классическимъ италіянскимъ языкомъ, остальная представлялась вдохновенію актеровъ, которые употребляли венеціанское нарѣчіе. Въ Венеціи, въ каждой пьесѣ обыкновенно являлись на сцену слѣдующія четыре маски шутовъ и импровизаторовъ: Тарталья, занка; Труфальдино, бергамская карриатура; Бригелла, представитель площадныхъ говоруновъ, и другихъ народныхъ типовъ; и, наконецъ, Панталонъ — олицетвореніе венеціанскаго мѣщанина со всѣми его странностями. Этимология этого слова заслуживаетъ вниманія. Оно происходитъ отъ *rianta-leone* (водрузилъ льва). Старинные венеціанскіе вущцы, страстные охотники забирать земли во имя

республики, при всякомъ удобномъ случаѣ водружали Льва святаго Марка на островахъ Средиземнаго Моря, в какъ они любили хвастаться всѣми завоеваніями, то народъ въ насмѣшку называлъ ихъ *pianta-leone*, «льво-водружителями». Таково происхожденіе живописнаго слова *панталонъ*, которое въ наше время означаетъ во всей Европѣ одну изъ важнѣйшихъ частей мужской одежды, въ честь особенному покрою этой статьи, принятому синьоромъ Панталономъ.

Четыре характеристическія роли были въ 1750 году разыгрываемы актерами высокаго таланта. Бригедла—Дзанотти, и Труфальдино—Сакки, директоръ труппы, были превосходны. Для сатиры, тотъ родъ былъ чрезвычайно удобенъ. Четыре привилегированные персонажа играли въ маскахъ, какъ у Грековъ: имъ позволялось смѣшить партеръ насчетъ кого имъ угодно. Это-то искусство, колкое, одушевленное, оригинальное, вздумалъ уничтожить Голдони, и замѣнить его тѣмъ, что онъ называлъ комедіею, которая имѣла претензіи на искусство, правила, правдоподобіе, чувство, родъ холодный, выродившійся, который Голдони называлъ *fiabele*, собственно, плаксивый. Первая маленькая комедія Голдони, «Дитя Арлекина», написанная въ старинномъ родѣ, имѣла большой успѣхъ. Утвердивши свою репутацію, Голдони оставилъ труппу Сакки и перешелъ на театръ Сантъ-Анджело, гдѣ играли переводы и подражанія, подъ пышнымъ названіемъ классической комедіи. Онъ взялся написать для этого театра шестнадцать новыхъ пьесъ втеченіи зимы: и сдержалъ слово, подражая на-скоро всему что являлось во Франціи. Такимъ образомъ отъ фарса онъ перешелъ къ жеманной комедіи Детуша, потомъ къ плаксивой драмѣ, которая въ то время была въ модѣ въ Парижѣ. Голдони вообразилъ себѣ, что далъ новую жизнь театру. Аббатъ Кіари, писатель напыщенный, тоже передѣлывалъ французскія пьесы для своихъ соотечественниковъ, которыми критика вела еженедѣльно о правилахъ искусства и трехъ единствахъ, такъ что въ скоромъ времени національная комедія почти исчезла, и труппа Сакки выѣхала изъ Венеціи, искать счастья въ Португаліи.

Карло Годдзи любилъ театръ Сакки и въ негодованіи на ложный вкусъ своихъ соотечественниковъ, взялся за перо въ защиту народнаго смѣху. Въ одномъ изъ засѣданій «Академіи Пустомелей» прочелъ онъ впервые свою «Tartana» длинную, колкую и очень забавную сатиру на новую комедію, новыхъ писателей и на ихъ александрійскіе стихи, *versi martellani*. Поэма восхитила почтенное собраніе. Тысячи экземпляровъ ея разошлись въ короткое время по Венеціи и другимъ городамъ Сѣверной Италіи: Венеціане, насмѣшливые и непостоянные, стали безсовѣстно смѣяться надъ Годдони и Кіарой, поэтами, которыхъ незадолго передъ тѣмъ осыпали рукоплесканіями, которыми давали серенады. Флорентинскіе журналы съ жаромъ вступились за національную комедію, и знаменитый падре Колоджерè расхвалилъ «la Tartana» въ своихъ литературныхъ запискахъ. Кіари вздумалъ отвѣчать, и доказалъ въ негодныхъ стихахъ, что критика Годдзи была справедлива. Годдони, своими новыми пьесами, привлекалъ каждый вечеръ толпу въ Санъ-Сальваторъ, но репутация его уже поколебалась. Друзья Годдзи начали представлять ему, что молчать было уже нельзя, что сатиры было недостаточно, что публика имѣетъ право требовать отъ него пьесы по-лучше тѣхъ, которыя онъ раскритиковалъ. «Хорошо, отвѣчалъ Годдзи: теперь мнѣ остается или плыть или тонуть. Въ это время землетрясеніе въ Лиссабонѣ выгнало Сакки изъ Португаліи. Годдзи получилъ средства выступить на борьбу. Въ одно утро на стѣнахъ маленькаго театра Санъ-Самуэля, который былъ запертъ цѣлые пять лѣтъ, появляется огромная аффиша, возвѣщающая «Любовь трехъ померанцевъ», сказку въ пяти актахъ, выдуманную нарочно для того, чтобъ вывести на сцену національныя маски, и представить публикѣ нѣкоторыя аллегоріи, не слишкомъ мудренныя».

Изъ-подъ занавѣса вылѣзаетъ мальчишка, синьоръ Пролого, отвѣшиваетъ три поклона и объявляетъ публикѣ, что авторъ, по случаю чрезвычайнаго представленія, намѣренъ дать пьесу, которая нигдѣ еще не была представлена, и что труппа проситъ извиненія въ томъ, что не можетъ разыграть сочиненія стараго, переводнаго, истасканнаго.

украшеннаго павлиними перьями и тупыми сентенціями. Мальчикъ уходитъ и начинается интродукція.

Сильвіо, могущественный бубновый король, горюетъ, и заливается слезами въ объятіяхъ своего министра, Панталона. Его единородный сынъ, Тарталья (олицетвореніе правовъ) изнываетъ отъ скуки и чохотки. Несчастныи! его дотога опоняла плаксивыми драмами, комедіями, передѣланными съ иностраннаго, такъ-называемыми правильными комедіями, что онъ чахнетъ и два доктора въ остроконечныхъ колпакахъ, морятъ его по всѣмъ правиламъ искусства. Эти ахероническіе напетки наслала ему злоя Фея Моргана. Чѣмъ же бы полечить его бѣдняжку? Леандро думаетъ, что не худо дать больному Труфальдино опіуму, предлагаетъ настойку изъ александрійскихъ стиховъ, но Кларисса доказываетъ имъ, что опіумъ и александрійскіе стихи одно и то же. Оракулъ объявляетъ, что Тарталья будетъ здоровъ, если его разсмѣшатъ, но увы! Какъ прикажете разсмѣшить несчастнаго короля, котораго такъ долго морила скукою? Труфальдино беретъ чашки, черныя микстуры, склянки новѣйшей медицины и выбрасываетъ ихъ за окно. «Станемъ забавлять принца, говоритъ онъ, развеселимъ его какимъ-нибудь италіанскимъ фарсомъ. Ваше величество, задайте праздникъ для вашего сына.» Отворяются двери для народа, добрые люди входятъ во дворецъ. Пьютъ, музыка играетъ: принцъ часъ-отъ-часу становится скучнѣе. Надѣваютъ маски, пляшутъ: принцъ скучаетъ пуще прежняго. Фея Моргана, подъ видомъ старухи, съ кружкою въ рукахъ, подходитъ къ фонтану, изъ котораго бьетъ вино. Труфальдино задѣваетъ ее, смѣется надъ ней, скачетъ, шутитъ и, наконецъ, выводитъ старуху изъ терпѣнія. Она хочетъ прибить его, онъ ее толкаетъ, она падаетъ ногами къверху: принцъ хохочетъ, очарованіе разрушено. Партеръ тоже хохочетъ, Труфальдино (Сакки) выходитъ на авансцену и говоритъ публикѣ: «Ахъ дражайшіе властители моего сердца, если бы бѣдный Труфальдино зналъ, что вы его еще любите, онъ бы не ѣздилъ въ Португалію.» Между-тѣмъ раздосадованная фея обращается къ принцу и произноситъ заклинаніе. «Перестань скучать, но влюбись въ три золотые померанца. Не будетъ

тебѣ покою пока ты ихъ не отъищешь. Покуда они не будутъ у тебя въ рукахъ, тебѣ будетъ худо, какъ четвероногому въ водѣ, рыбѣ въ цвѣтахъ.»—«Хорошо, говоритъ Панталонъ, идемъ искать померанцы. Вылечились мы отъ скуки, правильныхъ комедій, александрійскихъ стиховъ, но этого еще мало: надобно завоевать нашу старинную комедію, наши нянюшкины сказки, шутливость нашихъ національныхъ масокъ, давно забытыя забавы нашей молодости.» Послѣ этой интродукціи, начинается пьеса, которой сюжетъ—отыскиваніе очарованныхъ померанцевъ, настоящая нянюшкина сказка, въ родѣ нашей «Русланъ и Людмила», которую публика слушала съ восхищеніемъ.

Если бы сочинитель либретто оперы Глинки былъ чловѣкъ съ оригинальнымъ талантомъ Карла Годззи, онъ произвелъ бы переворотъ въ русской драматургіи, создалъ бы новый родъ, былъ бы основателемъ народной комикки. Но великому композитору не дался великій поэтъ. Случай упущенъ, случай безцѣнный, быть-можетъ невозвратимый. Жаль! Люди всегда охотно берутся за то, чего не понимаютъ! Геній Глинки имѣлъ предчувствіе, что изъ русскихъ сказокъ можно создать нѣчто неподражаемое, нѣчто въ высшей степени свое, народное, оригинальное, но никто не умѣлъ развить его мысли въ литературномъ отношеніи. Въмѣсто чистаго русскаго буффо, распахнаго, бойкаго, изподтишка насмѣшливаго, ему написали холодное подражаніе первому опыту Пушкина, сентиментальное, скучное и безсвязное волшебное *serio*. Глинка почувствовалъ самъ ошибку, но уже послѣ представленія, когда все было потеряно.

Смѣясь надъ своимъ успѣхомъ, выиграннымъ такими ничтожными средствами, Годззи однако жъ самъ увлекся своимъ произведеніемъ. Эта первая пьеса была только канва, надобно было итти далѣе, возстановить то, что разрушилъ Голдони, возсоздать *fiabesco*. Это намѣреніе испугало партію Кіари и Голдони. Прологи Санъ-Сальваторе, и Санъ-Анджело открыто напали на Годззи, но ужъ поздно: ударъ былъ нанесенъ. Толпа покидала ихъ и бѣжала къ народнымъ нянюшкинымъ сказкамъ.

Годззи продолжалъ прогуливаться по площади Святаго

Марка, закинувши руки на спину, облумывая въ головѣ *imbroglio*, волшебныя превращенія, аллегоріи. Вскорѣ на афишѣ Сакки появился *Вбронъ*, комедія, заимствованная изъ неаполитанской сказки «для потѣхи и наставленія маленькихъ дѣтей, и въ-особенности для излеченія многочисленныхъ ипохондриковъ Венеціи». За *Вброномъ*, послѣдовалъ *человѣкъ-олень*, волшебное превращеніе, «гдѣ будетъ представлено, какъ одинъ *человѣкъ*, превращенный въ скота, проходилъ черезъ различныя тѣла животныхъ и принимаетъ наконецъ, кстати, свой настоящій видъ. Всѣ эти превращенія будутъ представлены такъ правдоподобно, что покажутся даже возможными». Это шутовское заглавіе обнаруживаетъ наклонность Геллади къ фантастическому, въ которое онъ въ послѣдствіи совершенно погрузился.

Въ это время въ Венеціи существовалъ старичокъ, площадной ораторъ, по имени Чиголотти, который за двадцать копѣекъ сочинялъ сопеты на свадьбы, рожденія, крестины, писалъ даже эпитафіи, рассказывалъ черныя старыя романы и волшебныя сказки. Дзанони, Бригелла труппы, подражатель народнымъ типамъ, передразнивалъ добряка Чиголотти, съ его лохмотьями, его важными жемами, его гнусливымъ голосомъ. Синьоръ Рголого явился въ этомъ видѣ на сцену, сказалъ нѣсколько остротъ и наконецъ сдѣлалъ изложеніе пьесы, которое безъ него показалось бы, можетъ-быть слишкомъ длиннымъ. Критика нашла въ Оленѣ тысячу красотъ. Роль *fiabesco* принялся окончатъ.

Голдони, увидя свой театръ пустымъ, внезапно уѣхалъ къ французскому двору, который дѣлалъ ему блестящія предложенія. Людовику Пятнадцатому понравился «Дитя арлекинъ»; въ Версали непремѣнно хотѣли видѣть комедію *da ridere* (чтобъ посмѣяться) и Голдони написалъ «Благотворительнаго брюзгу» (*Le bouggu bienfaisant*). Она очень понравилась. Между-тѣмъ Годдзини наследовалъ не только славу своихъ соперниковъ, но даже и ихъ театръ, потому что труппа Сакки перешла изъ Санъ-Самуэло на Санъ-Сальваторе. Можно сказать, что въ это время кончается первая манера Годдзини. Побѣдитель въ скоромъ времени самъ же уронилъ свою побѣду, непростительною

ошибкою. По обстоятельствамъ, которыя мы увидимъ послѣ, Годздзи оставилъ свой фантастическій родъ *fiabe* со, и началъ писать въ другомъ, который не могъ имѣть успѣху въ его рукахъ и взялся за сочиненія называемыя классическими, обстоятельство которое повело неизбежно къ унадку италіанскую комедію, отнявъ у нея ея на-родный характеръ.

Побѣда Годздзи могла бы быть рѣшительною, если бы онъ самъ не имѣлъ нѣкоторыхъ недостатковъ своихъ противниковъ. Слогъ его былъ не безукоривенный. Изъ ненависти къ александрійскимъ стихамъ и напыщенности въ слогѣ, онъ самъ писалъ чрезвычайно небрежно. Рима такъ легко ложится въ италіанскомъ языкѣ, что не стоить принимать ямбическій размѣръ, чтобы писать бѣлыми стихами. Годздзи не хотѣлъ писать рифмами, исключая случаевъ, гдѣ предметъ становился совершенно поэтическимъ. Онъ ввелъ небрежность въ систему и тщеславился тѣмъ, что не вѣдется въ александрійскій паеосъ и пишетъ *топорною* прозою. Венеціанскіе классики, огорченные своимъ паденіемъ, кричали: «по-крайней-мѣрѣ наши барбаризмы были съ рифмами!»

Гаспару Годздзи удалось убѣдить брата не оставлять роду, въ которомъ онъ сдѣлалъ столько успѣховъ. Сначала Карло послушался умныхъ совѣтовъ критика и заперся на два мѣсяца въ своемъ кабинетѣ. Отсюда вышла знаменитая «Турандотта», которая удостоилась чести быть переведенною Шиллеромъ. Эта траги-комедія была представлена на всѣхъ театрахъ Германіи и Гофманъ написалъ на нее комментарий. Впрочемъ Гофманъ имѣлъ основательныя причины восхищаться произведеніемъ Годздзи, потому что подражалъ ему и бралъ изъ него полными руками. Гофманъ и Карлъ Нодіе заимствовали самыя прелестныя изъ своихъ фантазій изъ Годздзи, истиннаго отца фантастическаго роду, который теперь въ такой чести въ Европѣ.

Калавъ, сынъ Тимура, царя Астраханскаго, разбитый своими непріятелями и лишенный владѣній, скитается и приходитъ къ воротамъ Пекина. Онъ замѣчаетъ въ народѣ необыкновенное волненіе и спрашиваетъ не праз-

никъ ли каюй готовить; но ему говорятъ, что толпа собирается смотрѣть на смертную казнь. Турандотта, единственная дочь китайскаго императора, дѣвушка красоты необыкновенной, ума глубокаго и проникательнаго; но луна у ней черная, свирѣпая. Отецъ хочетъ выдать ее заужь, прежде нежели оставить ей престолъ, но она невидитъ всѣхъ мужчинъ. Напрасно Алтынъ-ханъ употребляетъ просьбы и угрозы; онъ слабъ и обожаетъ свою дочь. Она обѣщала ему исполнить его желаніе съ страннымъ условіемъ, которое онъ поклялся исполнить. Она требовала, чтобы принцы, искатели ея руки, явились передъ диваномъ и въ присутствіи докторовъ отгадали три загадки, которыя она имъ предложитъ. Тотъ кто отгадаетъ всѣ три, будетъ ея супругомъ и наслѣдуетъ имперію; но тѣмъ, которымъ это не удастся, отрубятъ голову. Гордая дѣвушка надѣется, что эти страшныя условія избавятъ ее отъ жениховъ. Несмотря на то, многіе принцы уже погибли; и въ то же утро долженъ погибнуть сынъ царя самаркандскаго, который не могъ отгадать загадки.

Вдали раздается печальный маршъ, палачъ кладетъ на городскихъ воротахъ голову несчастнаго принца. «Если бы я былъ отцомъ этой жестокосердой дѣвушки, говоритъ Калафъ: я бы велѣлъ сжечь ее». Приходитъ дядька несчастнаго молодого человѣка; онъ бросаетъ гибельный портретъ Турандотты, попираетъ его ногами и уходитъ въ слезахъ. Калафъ поднимаетъ портретъ. Добрые люди, у которыхъ онъ поселился, упрасиваютъ его не смотрѣть на это опасное изображеніе; но онъ смѣется надъ ихъ опасеніями. Онъ взглядываетъ на портретъ и впадаетъ въ глубокую задумчивость; онъ спрашиваетъ неужели подъ этими очаровательными чертами, можетъ скрываться жестокое сердце. Потомъ онъ рѣшается попытать счастья, и отвѣчаетъ на слезы своей хозяйки такимъ разсужденіемъ: «Если я не успѣю, я положу по-крайней-мѣрѣ конецъ своей горестной жизни, но зато хоть разъ взгляну на единственную въ мірѣ красавицу.» Калафъ ничего не хочетъ слушать и прямо идетъ во дворецъ.

Алтынъ-ханъ самый добродушный изъ всѣхъ государей. Онъ плачетъ, приказывая рубить головы толпѣ пре-

красныхъ принцевъ, которыхъ ему гораздо пріятнѣе было бы сдѣлать своими зятьями. Онъ горюетъ съ своимъ секретаремъ Панталономъ. Входитъ Калафъ; они стараются отговорить его; но онъ, непоколебимый любовникъ, отвѣчаетъ:

Morte pretendo Turandotte esin sposa.

«Хочу умереть, или жениться на Турандоттѣ». Является принцесса окруженная своими прислужниками. Лицо ея покрыто воалемъ. «Въ первый разъ, говоритъ она своимъ наперсницамъ: я чувствую жалость къ мужчинамъ». Ея наперсница, Адельма, чувствуетъ нѣчто болѣе, нежели состраданіе; она вдругъ влюбляется въ Калафа. Гордая Турандотта приказываетъ Калафу приготовиться къ смерти. Она въ академическомъ тонѣ предлагаетъ ему загадку: Калафъ отгадываетъ ее съ-разу, къ великому удивленію дивана. Вторая загадка: дерево, у котораго листья съ одной стороны бѣлые съ другой черные. Калафъ отгадываетъ, что это годъ съ своими днями и ночами. — «Промалхнулса», кричитъ Панталонъ, который ничего не смыслитъ въ загадкахъ. «Экой болванъ! прибавляетъ Тарталья: какъ не понять, что это огонь! Пропалъ! Принцесса, говоритъ Адельма, этотъ человекъ будетъ вашимъ супругомъ, онъ отгадалъ! — Молчи, отвѣчаетъ Турандотта, я ненавижу его и скорѣй умру, чѣмъ буду его женою. *Sposa sua fia la morte*, «Смерть будетъ ему женою». Она встаетъ и еще съ болѣею силою произноситъ третью и послѣднюю загадку:

«Скажи мнѣ, кто это ужасное, свирѣпое животное, на четырехъ ногахъ и съ крыльями, которое благосклонно къ тѣмъ кто его любитъ и страшно для тѣхъ, кто его ненавидитъ, которое живетъ горделиво и торжествующе? Оно твердою ногою стоитъ на непостоянномъ морѣ. Отсюда оно объемяетъ своею грудью необъятное пространство и крѣпко держитъ его въ когтяхъ своихъ. Крылья этого новаго феникса покрываютъ своею богатною тѣнью земли и моря.»

Произнеся эти словъ, Турандотта, поднимаетъ покрывало и устремляетъ глаза свои на Калафа. Этотъ *coup*

(de theatre) удается какъ-нельзя лучше. Бѣдный принцъ, пораженный красотою коварной дѣвушки, терзается и не можетъ выговорить ни слова. Однако жъ онъ вскорѣ приходитъ въ себя, и несмотря на неправильность задачи, отгадываетъ, что свирѣпое животное — справедливый и ужасный Левъ Адриатики. Это аллегорическій комплиментъ венеціанской аристократіи. Диванъ рукоплещетъ; ханъ обвиняетъ своего будущаго зятя, принцесса падаетъ въ обморокъ. Турандотта требуетъ новаго испытанія; но добрякъ Алтынъ-Ханъ сердится не на шутку и грозитъ дочери проклятіемъ. Калафъ вступается за Турандотту; объявляетъ хану, что скорѣе согласится умереть чѣмъ сдѣлать ей неудовольствіе. Наконецъ рѣшаются на сдѣлку. Калафъ въ свою очередь долженъ предложить принцессѣ загадку, и дать ей сроку до слѣдующаго утра; если она не найдетъ отвѣту, то должна безъ отговорокъ выйти замужъ. Турандотта принимаетъ условіе. Вотъ загадка Калафа: «Кто тотъ принцъ, который доведенъ до необходимости выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба, и сдѣлаться носильщикомъ, чтобъ поддержать свое существованіе, который находясь за минуту передъ этимъ нзверху блаженства, впадаетъ теперь въ положеніе гораздо худшее прежняго?...» Калафъ, незнаемый никѣмъ въ Пекинѣ, удаленный отъ своихъ прежнихъ владѣній, думаетъ, что Турандотта никакъ не узнаетъ его имени, но онъ имѣетъ дѣло съ самою хитрою изъ женщинъ. Ночь. Калафъ спитъ. Евнухъ Труфальдино, преданный Турандоттѣ, входитъ на цыпочкахъ; онъ кладетъ на подушку вѣтку мандрагоры, для того чтобъ заставить говорить спящаго Калафа. Калафъ приходитъ въ безпокойство, мечется. Труфальдино приписываетъ эти движенія дѣйствию мандрагоры. Каждый жестъ Калафа онъ объясняетъ буквою алфавита, и составляетъ изъ нихъ такимъ образомъ смѣшное имя, которое бѣжитъ сообщить Турандоттѣ. Является Адельма. Она будитъ Калафа, и съ нѣжностью и страстью признается ему въ любви. Это Годззи умѣлъ выражать лучше всякаго другаго, привыкши слушать изъясненія въ любви, а не самъ дѣлать ихъ. Калафъ забываетъ свою недоумчивость; онъ сожалеетъ о несчаст-

ной страсти Адельмы. «Вы погибли, говоритъ коварная наперсница. Турандотта хочетъ вашей смерти; завтра утромъ вы будете убиты.» Принцъ въ отчаяніи отъ ненависти, которую питаетъ къ нему обожаемая имъ женщина, вскрикиваетъ: «О, несчастливый Калафъ, о Тимуръ, отецъ мой, вотъ послѣдній ударъ фортуны.» Напрасно Адельма предлагаетъ ему бѣжать съ нею. Онъ не заботится о жизни.

Sol d'amore e di morte son capace.

«Я способенъ или любить или умереть». Адельма, какъ женщина, обладаетъ необыкновеннымъ талантомъ перемѣшивать истину съ ложью. Она сопровождаетъ свою ложь истинными горячими слезами. Не успѣвъ овладѣть сердцемъ Калафа, она думаетъ только о мщеніи, и идетъ сообщить Турандоттѣ имя Калафа.

Наступаетъ день. Ханъ чешетъ себѣ бороду. Собирается совѣтъ. Приходитъ Турандотта, окруженная своими женщинами. Она въ слезахъ и закрываетъ лицо платкомъ. Все это приводитъ въ восторгъ старика Алтынъ-Хана. «Свадьба развлечетъ тебя», говоритъ онъ. Приносятъ жертвенникъ. Лишь-только Турандотта признаетъ себя побѣжденною, ее хотятъ соединить съ побѣдителемъ. «Еще не время, говоритъ гордая принцесса, потушите священный огонь. Слушайте меня всѣ: Калафъ, сынъ Тимура, я тебя знаю. Выйди изъ этого дворца, и въ другомъ мѣстѣ ищи жены себѣ: знай до чего простирается проникательность Турандотты.» При этихъ словахъ все приходитъ въ отчаяніе. Ханъ плачетъ, Панталонъ рветъ на себѣ волосы, Тарталья заикается пуще прежняго. Наконецъ Калафъ въ припадкѣ сильной горести, вынимаетъ кинжалъ и подходитъ къ трону: Тиганпа, говоритъ онъ своей возлюбленной: твое торжество не полно; я довершу его. Калафъ, котораго ты презираешь, умретъ у ногъ твоихъ.» Турандотта смягчается, она соскакиваетъ съ трону, удерживаетъ руку юнаго принца, и говоритъ ему съ нѣжностью:

Viver devi per me; tu m'hai vinta,

«Живи для меня, я побѣждена.» Ханъ и диванъ принимаютъ плакать съ радости. Одна Адельма, видя что Калафъ

для нея потерянъ, схватываетъ книжалъ, выпавшій изъ рукъ принца и хочетъ заколоться. Передъ смертью однако жъ она произноситъ маленькую рѣчь, что даетъ Калафу время отвратить ее отъ ея намѣренія. Дѣлаются приготовления къ свадьбѣ. Первая любовница, хорошенькая Китайка осемнадцатаго столѣтія, выходитъ на авансцену, прищуриваетъ глазки, въ доказательство, что она исправилась отъ своего несправедливаго презрѣнія къ мужчинамъ, и обращаясь къ партеру, говоритъ: «Докажите вашимъ благосклоннымъ пріемомъ, что вы меня прощаете.» Партеръ аплодируетъ.

Несмотря на всю невѣроятность этой сказки, въ ней есть сцены превосходныя. Движеніе, когда Турандотта поднимаетъ покрывало и тѣмъ совершенно смущаетъ Калафа, производитъ эффектъ въ высшей степени драматическій. Гофманъ говоритъ, что когда эту сцену играла хорошенькая актриса, онъ вскрикивалъ вѣсть съ Калафомъ: «O Bellezza! o Splendor!» Турандотта торжественно обошла въ свое время всю Европу. Годздзи еще въ некоторое время продолжалъ писать въ этомъ родѣ, по части котораго самыя замѣчательныя сочиненія его — «Donna Serpente,» «Zobeida,» «Mostro Turchino,» «Счастливыя нищій», «Зеленая птичка.»

Но случай сильнѣе всѣхъ добрыхъ совѣтовъ. Приѣхавшая изъ Падуи актриса синьора Риччи дотога плѣнила Карла Годздзи, что онъ бросилъ своихъ старыхъ знакомыхъ, пересталъ заниматься своими дѣлами, и вполне предался своей новой пріятельницѣ. Онъ никогда не хотѣлъ признаться, чтобы въ этомъ чувствѣ была замѣшана любовь, между-тѣмъ для синьоры Риччи онъ сдѣлалъ то чего бы не сдѣлала простая дружба. Эта актриса не имѣла никакой способности къ роду труппы Сакки. Комедія *fiabesco* вовсе не шла къ ея серіозной наружности, ея декламаторской дикціи, ни къ ея характеру страстному и восторженному. Надѣясь, что покровительство поэта будетъ ей полезно, она по внушеніямъ Годздзи опредѣлилась въ труппу Сакки. Венеціанская публика очень холодно приняла эту новую актрису. Пьеса «Она влюблена не на шутку», нарочно для ней написанная, не удалась. Годздзи

хотѣлъ настоять на-своемъ; онъ рѣшился скорѣе переимѣнить родъ, чѣмъ оставить свою фаворитку и перевезъ — «Графа Эссекса» и «Габріель де Вержи». Труппѣ Сакки, не привыкшей къ этому роду, трудно было поставить на сцену новыя пьесы. Можетъ-быть, исполненіе было дурно: публика холодно приняла и актрису и новыя произведенія Годзди. Послѣ шести представленій, ихъ перестали давать. Четвертый опытъ былъ удачнѣе. Годзди изучилъ умъ и характеръ своей любимицы, нашелъ роль, которую она могла разыграть. «Принцесса философка» очень понравилась публикѣ. Публика осыпала синьору Риччи рукоплесканіями. Этотъ успѣхъ нанесъ смертельный ударъ труппѣ Сакки. Прежнія актрисы, завидуя Риччи, стали интриговать противъ новой фаворитки публики. Потерявъ надежду сдѣлать изъ поэта un marito felicissimo, онѣ перестали удерживать въ предѣлахъ свою зависть и ненависть. Четыре маски стали искать ампула въ другихъ мѣстахъ; явилась спекуляція, директоры театровъ Сантъ-Анжело, мантуанскаго театра и даже италіянская комедія въ Парижѣ сдѣлали имъ предложенія; Дарбесъ и Фіорилли, прельщенные деньгами, оставили Сантъ-Сальваторе, и перешли въ труппу соперниковъ: Годзди остался безъ Тартальи и Панталона. Упадокъ труппы Сакки былъ неизбеженъ. Труфальдино состарѣлся; къ довершенію несчастія, вздумалъ влюбиться въ Риччи, и несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, возбудилъ ревность поэта, который довольствовался дружбою Риччи съ тѣмъ, чтобы у ней не было любовниковъ. Однажды Годзди засталъ Риччи, когда она кроила бѣлый атласъ на платье. Это былъ подарокъ Сакки. Первая любовница хотѣла бы сохранить и атласъ и добродѣтель: но дѣло было невозможное — она оставила у себя атласъ.

До знакомства съ этою актрисой, Годзди совершенно распорядился актерами: онъ заставлялъ ихъ дѣлать что ему было угодно. Влюбившись, онъ позволилъ управлять собою и сдѣлался рабомъ ея капризовъ. Теодора Риччи не имѣла никакого понятія о поэтическихъ созданіяхъ, еще менѣе о чудесномъ въ мавританскомъ или персидскомъ вкусѣ, и не понимала аллегорій. Она умѣла только

декламировать и могла играть только передѣланныя драмы. Годздзи сталъ передѣлывать, чтобъ ей нравиться. Онъ перевелъ «Густава Вазу», Пирона, испанскую пьесу «Паденіе донны Эльвиры», «Мстительную женщину» и прочее. Публика хлопала изъ снисхожденія, но не узнавала уже смѣлаго и оригинальнаго творца «Турандотты» и «Трехъ померанцевъ». Недовольный Годздзи нѣсколько лѣтъ дулся на Венеціанцевъ.

Въ своей послѣдней пьесѣ «Любовное зелье», подражаніе Торсо де Молина, Годздзи вывелъ на сцену смѣшнаго и дерзкаго франта. Публика, привыкшая къ сатирическимъ актерамъ, непременно хотѣла видѣть въ этомъ дѣйствующемъ лицѣ сеньора Гратароле, прославившагося въ Венеціи своимъ франтовствомъ и своею глупостью. Слухъ объ этомъ разнесся прежде нежели пьеса была даже окончена, публика готовилась похохотать надъ Гратароле. Увѣдомленный своими пріятелями, этотъ молодой человѣкъ вздумалъ помѣшати представленію. Началась безконечная ссора, сначала по законамъ чести, потомъ передъ судомъ. Годздзи, чтобъ положить конецъ этимъ непріятностямъ, взялъ обратно свою пьесу; но Сакки, который надѣялся на хорошій сборъ, выпросилъ ее у него. Гратароле уѣхалъ въ Швецію при посольствѣ; Годздзи поставилъ пьесу свою на театрѣ. Въ ней нашли разительное сходство съ Гратароле. Съ возвращеніемъ посольства начался безконечный рядъ записокъ, прошеній, оправданій и тому подобнаго. Подробности этой ссоры чрезвычайнаго утомительны. Годздзи составилъ изъ нихъ цѣлый томъ, но при всемъ своемъ остроуміи не могъ сдѣлать неблагодарнаго предмета занимательнымъ. Между-тѣмъ наступилъ 1797 годъ. Нашествіе Французовъ и его важныя слѣдствія затмили всѣ прочіе интересы. Театры закрылись. Въ Венеціи господствовала только политика. Годздзи былъ свидѣтелемъ паденія своего отечества, предательствъ и сумасбродствъ венеціанскихъ вельможъ, вторженія иностранныхъ штыковъ, смѣшнаго избранія въ дожи его друга, Манино. Куда дѣвались въ это время Панталоны и Труфальдины, Богъ знаетъ. Съ-тѣхъ-поръ объ нихъ ни слу-

ху ни духу, такъ что даже неизвѣстно, въ которомъ году Карло Годздзи умеръ.

Фолькстонъ, новый городъ въ Англии. Созданіе этого новаго географическаго имени есть дѣло желѣзныхъ дорогъ, которыя создадутъ еще много такихъ именъ. Горы графства Кентскаго въ Англии и Булони во Франціи, повидному составляли нѣкогда неразрывную цѣпь. Кряжи тѣхъ и другихъ лежатъ въ одномъ направленіи, расположеніе слоевъ въ нихъ одинаковое: можно подуматъ, будто внезапное разлитіе моря отдѣлило Англию отъ твердой земли, и что мысъ Guis-Nez съ французской стороны Ламанскаго Пролива и крутые утесы Дувра и Фолькстона со стороны Англии, составляютъ границы этой трещины. Въ этомъ-то провалѣ извѣстный англійскій инженеръ W. Cubitt проложилъ желѣзную дорогу. Здѣсь морскія волны плещутъ подъ длинною террасою лежащею на сваяхъ; тамъ дорога идетъ по прорытымъ въ горѣ галереямъ, изъ которыхъ одна длиною въ двѣ версты; далѣе она тянется надъ глубокими рытвинами, или стелется по вершинамъ скалъ, поросшихъ мхомъ; тамъ, наконецъ, шестьдесятъ пять пудовъ пороху, въ одно мгновеніе, бросили въ море утесъ вышиною въ семьдесятъ сажень. Изъ-подземной галереи дорога выходитъ на прелестную фолькстонскую долину, чрезъ которую въ четырехъ стахъ сажняхъ отъ станціи, идетъ по мосту, въ двадцать сажень вышины, утвержденному на девяти аркахъ. Это огромное строеніе—кирпичное и сквозное; столбы изнутри укрѣплены двумя простѣнками. Весь кирпичъ, употребленный въ дѣло, былъ приготовленъ на мѣстѣ.

Отъ Дувра дорога возвышается постепенно на четыре миллиметра на каждый метръ. Станція въ Фолькстонѣ на двадцать сажень выше уровня моря. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Фолькстонъ былъ не болѣе какъ большое село, населенное рыбаками и старыми контрабандистами, которые и теперь живутъ не совсѣмъ въ ладу съ таможеню. При подошвѣ этого собранія ветхихъ хижинъ находилась бухта, пространствомъ около шести десятинъ, съ удобнымъ входомъ, и хорошо защищенная отъ вѣтру со сто-

роны моря. Недостатокъ дорогъ уничтожалъ всѣ выгоды этого прибрежнаго положенія. Работы, предпринятія хозяевами бухты, и произведенныя на деньги, занятыя у казны, имѣли результатомъ только то, что правительство отняло у нихъ эту гавань за долга. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда господинъ Вэхендале президентъ совѣта директоровъ желѣзной дороги между Лондономъ и Дувромъ, убѣдился, что Фолькстонскій портъ долженъ непременно сдѣлаться центральнымъ пунктомъ сообщеній между Парижемъ и Лондономъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя разстояніе между Фолькстономъ и Булонью—двадцать осемь миль, тремя милями больше нежели между Дувромъ и Кале, однако жъ сухимъ путемъ выигрывается сто осьмнадцать верстъ: десять въ Англии и сто осемь во Франціи. Но не одно это заставило отдать преимущество фолькстонскому порту; съ небольшими издержками, можно, какъ мы увидимъ далѣе, сдѣлать его доступнымъ для судовъ даже во время отливу, и, слѣдовательно, избавить путешественниковъ отъ хлопотъ переѣзжать съ корабля на корабль, стоящій на рейдѣ, отъ неприятности дожидаться иногда по нѣскольку часовъ удобнаго времени къ отправленію, совершенно зависящаго отъ приливовъ, обстоятельство чрезвычайно важное, котораго нельзя достигнуть въ Дуврѣ иначе, какъ цѣною огромныхъ пожертвованій. Вслѣдствіе предложенія своего президента, компанія желѣзной дороги купила фолькстонскій портъ за 112,000 рублей серебромъ, и тотчасъ же употребила сорокъ тысячъ на очистку его. Въ окрестностяхъ не было ничего кромѣ нѣсколькихъ харчевень для матросовъ: компанія истратила 125,000 рублей серебромъ и устроила великолѣпную гостиницу, гдѣ люди всѣхъ состояній могутъ, за умѣренныя цѣны, пользоваться удобствами, къ какимъ привыкли. Отъ станціи къ гостиницѣ проложена дорога; по ней ходятъ omnibusы, учрежденные компаніею. Двойной рядъ рельсовъ, длиною въ шесть сотъ сажень, круто спускается внизъ, къ гавани, по наклонной плоскости, понижающейя тридцатью двумя миллиметрами на метръ и оканчивается на обширной площади, составляющей пристань. Эта пристань, устроенная на сваяхъ, по-

крытая рельсами, оборотными кругами, и подземными машинами, выдается въ самую середину порта, такъ что суда становясь съ боковъ ея, могутъ складывать грузъ прямо на пристань. Компания купила портъ не только съ цѣлью улучшить, но и для того чтобъ освободить его отъ корабельныхъ пошлинъ, и тѣмъ доставить ему преимущество предъ другими соперничающими портами. Этотъ умный и благородный расчетъ принесъ плоды. Фолькстонъ получаетъ теперь весь каменный уголь, нужный для продовольствія той части кентскаго графства, черезъ которую пролегаетъ желѣзная дорога, и компания на перевозкѣ его выигрываетъ гораздо болѣе, нежели сколько могла бы получать доходу съ пошлинъ, отъ которыхъ отказалась. Открыть этотъ новый путь движенію товаровъ было еще не довольно, надобно было надѣлать его удобствами, которыя бы могли привлечь туда путешественниковъ. Компания учредила сообщеніе съ Булонью посредствомъ пакетботовъ, которые ежедневно по два раза уходятъ и приходятъ. Вотъ настоящее положеніе вещей, которое создано въ нѣсколько мѣсяцевъ; предполагается еще устроить полукруглую плотину въ двѣсти сажень длиною, которая прааалельно къ берегу будетъ соединяться съ существующею нынѣ плотиною, и перпендикулярную дамбу, въ сорокъ пять сажень, между которою будетъ находиться два прохода, одинъ со стороны плотины, другой со стороны твердой земли. Передняя гавань будетъ въ десять десятинъ; въ серединѣ ея, въ самую малую воду, будетъ еще около двухъ сажень глубины. Вотъ въ чемъ состоятъ таинственныя, но вѣрныя причины успѣха всѣхъ англійскихъ предпріятій. Въ этомъ слѣдствіи двухъ дѣйствій: желѣзной дороги и мореплаванія, не забыто ничего что только могло сдѣлать ихъ успѣшными. Нѣсколько предпріятій возникаютъ одно возлѣ другаго и взаимно поддерживаютъ себя, принося каждое какую-нибудь особенную выгоду. Все исполняется съ изумительною быстротою; ни что не остается неполнымъ или удивленнымъ; покупка порта сопровождается устройствомъ желѣзной дороги; очистка гавани, постройка пристани и ея соединеніе съ главною линіею дороги, слѣдуютъ непрерывно.

вно одно за другимъ; освобожденіе отъ пошлинъ съ приходящихъ кораблей привлекаетъ товары въ рождающійся городъ; пакетботы привозятъ сюда путешественниковъ, гостиница принимаетъ ихъ; и между-тѣмъ какъ все это совершается, изучаютъ мѣстность, приготавливаются проекты расширенія порта, которое должно увеличить выгоды предприятия. Когда подумаешь, что компанія все это сдѣлала во время самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, которыя во всякомъ другомъ государствѣ, повлекли бы за собой совершенный упадокъ бодрости въ участникахъ; что несмотря на это за устройство дороги принялись съ такою твердостью и съ такимъ умомъ, то нельзя не удивляться искренно народной мудрости Англичанъ. Мало огромныхъ предприятий, которыя были бы доведены до окончанія безъ препятствій. Остановиться при первой неудачѣ, значитъ потерять все. Въ Англии рѣдкое явленіе, чтобы какое-нибудь общество было остановлено встрѣтившимся затрудненіемъ: оно мужественно встрѣчаетъ несчастія, хватается за малѣйшій призракъ успѣху, и если обращаетъ вниманіе на затрудненіе, то только для того, чтобы узнать средства побѣдить его, не оставляетъ предприятия прежде нежели не ищетъ всѣхъ средствъ, и не лишится послѣдней надежды. Эта настойчивость даетъ случай развиться благоприятнымъ обстоятельствамъ. Въ настоящемъ случаѣ, учрежденіе линій желѣзныхъ дорогъ отъ Булони и Кале, во Франціи, составляя продолженіе линіи лондонской желѣзной дороги въ Дувръ, съ одной стороны до Парижа, а съ другой чрезъ Лилль до Рейна, окончить то, что блистательныя работы начали въ Фолькстонѣ, и вознаграждать компанію юго-восточной желѣзной дороги за ея постоянство.

Не трудно повѣрить, что находясь такъ близко отъ Лондона, это прибрежное селеніе измѣняется съ каждымъ днемъ. Въмѣсто полу-развалившихся хижинъ возникаютъ красивыя зданія: вскорѣ путешественникъ, вступая на берегъ, будетъ видѣть полу-круглую площадь, окруженную зданіями симметрическаго фасада. Со всѣхъ сторонъ видны уже участки земля, на которыхъ воздвигнутся виллы; ихъ счастливые владѣльцы будутъ находиться только въ

трехъ часахъ ѣзды отъ Лондона, въ девяти отъ Парижа; имъ стѣитъ только захотѣть, чтобы завтракать въ Вестъ-Эндѣ, или обѣдать на италіянскомъ бульварѣ. Фолькстонъ и егооокружности принадлежатъ лорду Раднору; никто кромѣ его не имѣетъ права строиться тамъ. Онъ съ радостью смотритъ на чудныя превращенія, которыя должны по крайней-мѣрѣ учетверить его доходы. Его управитель развѣсилъ около города множество объявленій объ уступкѣ участковъ земли на девяносто девять лѣтъ, съ небольшою платою за наемъ ихъ; этотъ родъ владѣнія въ большемъ употребленіи въ Англіи.

ВОСКОВОЙ ВАМПИРЪ. *Разсказъ Поля Февала.* Однажды утромъ, въ началѣ лѣта 1824, въ гостиницѣ Мёрисъ, въ Парижѣ, пожилой человекъ, пріятной и здоровой наружности, послѣ исправнаго завтрака, хладнокровно зарядилъ два пистоleta и, отвернувшись отъ солнца, уставляя ихъ себѣ въ лобъ; но въ ту самую минуту, когда надобно было спустить курки, вдругъ развелъ руки, съ досадою топнулъ и вскричалъ:

— Годами! болванъ Дикъ вѣчно позабудетъ зубочистки!.... Дикъ!

На порогѣ полу-отворенной двери явился грумъ, пріятнаго росту, съ барана вѣсомъ, и вопросительно вытянулъ впередъ свою кунью физиономію. Мистеръ Лаутеръ, — такъ звали господина, — послалъ его къ чорту и между прочимъ приказалъ принести зубочистокъ. Между-тѣмъ какъ грумъ исполнялъ вторую часть приказанія, мистеръ Лаутеръ опрокинулся на кресло и уставляя свои ясные голубые глаза въ потолокъ. Предметъ размышленія его былъ глубоко-философическій: мистеръ Лаутеръ говорилъ себѣ, что пули, заколоченныя въ пистолетахъ, всеконечно, съ успѣхомъ могли бы замѣнить зубочистку; что это замедленіе важнаго и похвальнаго дѣла по такому ничтожному поводу — недостойно джентльмена; что съ нечищенными зубами можно застрѣлиться точно такъ же прочно какъ и съ вычищенными. Но приказаніе уже было дано, а у мистеръ Лаутера было правило — никого не заставлять хлопотать по-напрасну, и онъ съ благороднымъ

самоотверженіемъ сталъ дожидаться возвращенія грона.

Мистеръ Петеръ Лаутеръ около году проживалъ въ Парижѣ и слылъ у знакомцевъ добрымъ-малымъ и образцовымъ чудакомъ. Онъ аккуратно вставалъ въ одиннадцать часовъ, тщательно одѣвался и садился завтракать, а въ два часа отправлялся въ Фраскати и игралъ въ карты до закрытія салоновъ. Онъ игралъ по-большой и всегда проигрывалъ. Никто не помнитъ, чтобы онъ когда-нибудь выигралъ. Втеченіи года онъ, по соображеніямъ, долженъ былъ проиграть огромную сумму. Поэтому, нѣкоторые полагали, что этотъ мистеръ Лаутеръ—никогнито присутствующій лордъ и членъ парламента; другіе подозрѣвали въ немъ родственника знаменитаго лондонскаго банкира того же имени; третьи, менѣе любопытные и чуждые всякаго лицепріятія, обирали гиней мистеръ Лаутера и вовсе не заботились о положеніи его въ обществѣ.

Не ошибались только тѣ, которые не дѣлали ни какихъ догадокъ. Мистеръ Лаутеръ былъ ни лордъ, ни родственникъ знаменитаго банкира, а просто самъ банкиръ. Составивъ себѣ въ пятнадцать лѣтъ огромное состояніе и безпредѣльный кредитъ, онъ въ 1823 году одинъ сдѣлалъ столько же финансовыхъ операцій, сколько десятеро самыхъ извѣстныхъ его собратовъ по ремеслу, вмѣстѣ. У него насчитывали несмѣтное богатство и соперники его, у которыхъ было не больше какихъ-нибудь десяти милліоновъ, сохли отъ зависти и досады.

Между-тѣмъ Петеръ Лаутеръ далеко не былъ счастливъ. Онъ нажилъ богатство, не знававши бѣдности; жена у него была женщина добрая и кроткая; прелестная дочь составляла бы гордость всякаго отца. Все улыбалось ему. Такое постоянное счастье наскучило ему, породило сплинъ и поселило въ немъ неодолимое отвращеніе къ дому. Сначала ему пришло въ голову удариться въ мотовство и франтовство, по примѣру лондонскихъ львовъ. Онъ могъ довести изысканную расточительность до крайняго предѣла совершенства: касса его была неистощима. Но на это все надобно было дѣйствовать, жить, двигаться, а это скучно: одно только милліонполюбіе нѣкогда было въ состояніи интеллектуализовать апатическую натуру Петера Лаутера. У не-

го не стало силъ покуситься на состязаніе со львами. Кромѣ того, по неизъяснимой противоположности элементовъ человѣческой души, онъ всѣмъ сердцемъ ненавидя свою жену, уважалъ ее притомъ какъ-нельзя болѣе и очень дорожилъ ея мнѣніемъ. Мистеръ Петеръ Лаутеръ въ продолженіи многихъ лѣтъ слылъ образцомъ отца семейства; онъ этой репутаціи былъ обязанъ увеличеніемъ своего кредита: къ чему же было ронять ее?

Совсѣмъ тѣмъ однако жъ нужно было предпринять что-нибудь противъ изнурительной скуки. Онъ сталъ играть. Счастливицу въ дѣлахъ—въ игрѣ не везло. Онъ проигрывалъ безпрестанно и оттого прихоть превратилась у него въ страсть. Отъ картъ и отъ любви самое вѣрное лекарство—успѣхъ. Въ жестокостяхъ фортуны столько же роковой прелести, сколько въ ученыхъ хитростяхъ кокетки. Если бы Петеръ Лаутеръ выигралъ, нашъ рассказъ кончился бы на первой страницѣ.

Страсть его возрасла и скоро сдѣлалась безпредѣльною, но проиграть все состояніе не было ни какой возможности; долго еще не предвидѣлось ни какихъ сильныхъ ощущеній; страсть вдругъ остыла и скука снова «воспріяла свои права».

Петеръ Лаутеръ каждый вечеръ опорожнивалъ свой бумажникъ не въ фешенебельныхъ клубахъ и не въ гостиныхъ. Онъ отдавалъ предпочтеніе темнымъ закоулкамъ угорныхъ домовъ, гдѣ его никто не зналъ лично. Страсть его оставалась тайною для всѣхъ, даже для его жены. Онъ цѣлыя ночи и часть дней проводилъ внѣ дому; но, между тѣмъ какъ онъ игралъ, всѣ думали, что онъ сидитъ за работою. Мистриссъ Лаутеръ имѣла убѣдительное, матеріальное доказательство, что онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ. Она видѣла его. Это обстоятельство можетъ показаться страннымъ, но оно какъ-нельзя болѣе истинно.

Одна только живая душа обладала тайною банкира,—Товія, старый слуга, отъ природы болтливый, но скромный какъ рыба, когда дѣло касалось его господина. Онъ одинъ зналъ объ отлучкахъ хозяина и способствовалъ имъ по долгу добросовѣстнаго слуги. Кромѣ его всѣ на свѣтѣ про-

должали считать банкира чудомъ трудолюбія и неутомимости.

Когда миновала страсть, мистеръ Лаутеръ сталъ продолжать заниматься игрой, какъ ремесломъ. Однажды, ночью, возвращаясь домой скучнѣе обыкновеннаго, онъ проходилъ по Вестминстерскому Мосту. Было холодно; черная Темза была привлекательна. Банкиръ остановился и посмотрѣлъ на нее съ жаждою, съ страстнымъ желаніемъ. Онъ задрожалъ и пошелъ далѣе. Но съ-тѣхъ-поръ не могъ вспомнить о рѣкѣ безъ сладостнаго трепету или того обманчиваго, но пріятнаго вкусу, какой ощущаетъ на языкѣ истинный гастрономъ при воспоминаніи о вкусномъ блюдѣ. Будучи слишкомъ лѣнивъ на то, чтобы питать двѣ страсти разомъ, Петеръ Лаутеръ разлюбилъ карты и привязался къ самоубійству,—не къ отчаянному и поспѣшному самоубійству неосторожнаго кассира, которому грозить отвѣтъ за недочетъ, но къ спокойному и торжественному отправленію въ вѣчность, обдуманному на досугѣ, и исполненному въ прекрасное утро, на свѣжую голову, послѣ спокойнаго сна, когда всѣ члены пользуются избыткомъ матеріальной жизни, приносимой сытнымъ и хорошо приправленнымъ завтракомъ. Для полнаго наслажденія всѣмъ этимъ, Лондонъ показался мистеръ Лаутеру неудобнымъ: ему нужна была совершенная свобода; хитрости, которою дотолѣ проводилъ жену и всѣхъ, стало недостаточнo. Онъ написалъ женѣ записку, въ родѣ духовнаго завѣщанія, съ роковыми словами: «Когда ты получишь это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Не старайся узнать....» и такъ далѣе, и уѣхалъ въ Парижъ. Не имѣя на этотъ разъ нужды въ повѣренномъ, онъ ничего не сказалъ старому Товиу, и съ той минуты умеръ и для него.

Мистеръ Лаутеръ устроилъ свои дѣла такимъ образомъ, чтобъ быть наконецъ полнымъ хозяиномъ своей жизни и имѣть возможность умереть когда и какъ вздумается. Онъ взялъ съ собою довольно большую сумму, которую рѣшился напередъ проиграть и, каждый день сводя счеты, опредѣлялъ извѣстный срокъ окончанія расчетовъ, то меньше, то больше, смотря по степени хандры. Это продолжалось годъ. На канунъ того дня, съ котораго начинается

нашъ разсказъ, онъ подвелъ послѣдній итогъ и нашелъ въ остаткѣ нуль. Смерть была уже необходима. Онъ и былъ уже совершенно готовъ застрѣлится, но его развлекъ сначала завязнувшій въ зубахъ ростбифъ; потомъ, въ ожиданіи зубочистки, воображеніе постепенно перенесло его на прощанье въ Лондонъ; ему какъ сонъ представилась добрая жена и хорошенькая дочь Анна.

— Ну, что бы еще разъ посмотрѣть на нихъ? думалъ онъ.

Тутъ воротился грумъ съ зубочистками. За нимъ вошелъ рослый молодой человѣкъ, который, ступивъ два шага черезъ порогъ, ахнулъ и остолбенѣлъ. Дикъ оглянулся на него и въ свою очередь разинулъ ротъ.

— Удивительно! пробормоталъ гость.

— Что вамъ угодно? спросилъ мистеръ Лаутеръ: вы кажется не туда зашли.

Гость покраснѣлъ, но не трогался съ мѣста.

— Я Робертъ Стевенсонъ, сказалъ онъ, почтительно кланаясь.

Мистеръ Лаутеръ молчалъ.

— Вы, вѣроятно, знаете меня хоть по имени, продолжалъ гость.

— Вы, вѣроятно, обознались, отвѣчалъ банкиръ: кончите, пожалуйста.

— Удивительно! повторилъ Робертъ: вѣдь вы, кажется, мистеръ Лаутеръ, банкиръ, и контора ваша № 6, въ Лондонѣ, въ Оксфордстритѣ?

Мистеръ Лаутеръ махнулъ Дикю, чтобы тотъ вышелъ.

— К чему этотъ вопросъ? спросилъ онъ потомъ, заперевъ дверь.

— К чему? вскричалъ молодой человѣкъ: да мнѣ хотѣлось знать..... Впрочемъ, я въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, ошибаюсь. Вы..... то есть, мистеръ Лаутеръ, хотѣлъ я сказать..... конечно, не имѣть привычки знакомиться съ своими конторщиками, но онъ не можетъ же не знать имени своего бухгалтерскаго помощника.

— А!.... вскричалъ банкиръ съ изумленіемъ, которое однако жъ скрылъ подъ флегматическимъ безстрастіемъ своего лица: стало-быть, онъ не умеръ?

Конторщикъ захохоталъ.

— Вамъ угодно пошутить надо мною, мистеръ Лаутеръ, сказалъ онъ потомъ: но, сдѣлайте милость, скажите, кто это вы сами?

— Конечно, я самъ.

— Я такъ и думалъ.

— Да что жъ изъ этого? За кого же вы меня принимаете?

— Какъ, за кого? За мистеръ Лаутера, банкира, моего хозяина, который живетъ подъ номеромъ 6, въ Оксфордстритъ, въ Лондонѣ!

— Въ такомъ случаѣ я честь имѣю доложить вамъ, что вы ошибаетесь. Я, правда, мистеръ Лаутеръ, но не банкиръ, и васъ знать не знаю. Вы мнѣ не конторщикъ, и вамъ не хозяинъ.

— Нѣтъ?... Ну, такъ это, просто, удивительно! Я готовъ сквозь землю провалиться, если мнѣ укажутъ на свѣтѣ еще одно такое сходство!... Удивительно! просто, удивительно! Но въ самомъ дѣлѣ, если разсудить, такъ невозможно, чтобы вы были мистеръ Лаутеръ, мой хозяинъ. Я третьяго дня видѣлъ его въ Лондонѣ и увѣренъ, что его не было на томъ пакетъ-ботѣ, на которомъ я приѣхалъ. Какъ же бы вы... если бы вы были онъ... какъ же бы вы могли обогнать меня?

Мистеръ Лаутеръ призадумался и сталъ ходить большими шагами изъ угла въ уголъ. Конторщикъ, считая вопросъ рѣшеннымъ, хотѣлъ уйти.

— Погодите, мистеръ Робертъ Стевенсонъ, сказалъ вдругъ банкиръ: я нѣкогда очень хорошо зналъ мистеръ Лаутера, банкира, о которомъ вы говорите. Я въ восхищеніи, что онъ не умеръ, и..... Вы еще не завтракали, мистеръ Стевенсонъ? Не угодно ли?

Черезъ минуту они уже сидѣли за столомъ и мистеръ Лаутеръ, благодаря необыкновенной растяжимости своего желудка, не уступилъ гостю ни въ одномъ кускѣ. Мистеръ Стевенсонъ былъ молодъ, простъ сердцемъ и умомъ, и отъ природы откровененъ. Послѣ перваго же стакана вина онъ не считалъ нужнымъ скрывать, что онъ, Робертъ Стевенсонъ, сынъ Джона Стевенсона, адмиралъ-

снато банкира и корреспондента дома Лаутеръ, и что, будучи около году конторщикомъ у вышерѣченнаго мистера Лаутера, влюбился какъ-нельзя болѣе въ дочь своего хозяина, миссъ Анну; что мистриссъ Лаутеръ смотритъ на эту любовь благосклонно и миссъ Анна тоже, но что тутъ есть одинъ чортовъ сынъ, Томасъ Бегъ!.... Что жъ касается до самаго банкира, то мистеръ Робертъ не зналъ, что и думать. Удивительный человекъ! ни съ кѣмъ ни слова не говоритъ. Будучи отправленъ въ Парижъ по дѣламъ конторы, мистеръ Стевенсонъ того утра пріѣхалъ, остановился въ гостинницѣ и, услыхавъ имя своего хозяина, хотѣлъ удостовѣриться, онъ ли это.

— Вообразите же, какъ это удивительно! заключилъ онъ: ваше сходство такъ необыкновенно, — тѣ же лѣта, тотъ же станъ..... такъ, что, клянусь честью, чѣмъ больше я смотрю на васъ..... Но оставимъ это. Сначала я и не подумалъ, что такая встрѣча вовсе не возможна, и мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось видѣть своего хозяина, что я еще не имѣлъ чести говорить съ нимъ.

— Какъ! вскричалъ мистеръ: вы почти годъ у него въ конторѣ и еще не говорили съ нимъ?

— Нѣтъ.

— Что же это значитъ?

Въ это время они оканчивали вторую бутылку портъ-а-портъ-фактори. Стевенсонъ становился болѣе и болѣе откровеннымъ. Онъ облокотился на столъ и принялъ таинственное выраженіе.

— Вы понимаете, сказалъ онъ, мигнувъ очень выразительно: вы понимаете, что тутъ что-нибудь да кроется. По Лондону ходятъ разные слухи.....

— Я знаю, перебилъ банкиръ: разнесся слухъ, будто мистеръ Лаутеръ умеръ.....

— Умеръ?.... Нѣтъ..... кажется, нѣтъ; этого не говорили. Но говорятъ, что онъ помѣшанъ.

Мистеръ Лаутеръ посмотрѣлъ на гостя съ изумленіемъ.

— Я васъ увѣряю, продолжалъ Стевенсонъ: и это все не увеличиваетъ его кредиту.

— Да какъ же это такъ? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума?

— Судите сами. Вотъ уже больше году, говорятъ, онъ сидитъ за столомъ.....

— Какъ такъ?

— Да такъ. Онъ велѣлъ продѣлать окно въ своемъ кабинетѣ,—въ той стѣнѣ, что къ конторѣ,—вставить стекло и рѣшетку. Въ этой клѣткѣ мы его и видимъ..... онъ всегда сидитъ спиною къ намъ.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Одинъ Томасъ Бегъ про то вѣдаетъ. Иногда окно бываетъ задернуто занавѣской, такъ, что мы его не видимъ. Но судя по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ всегда сидитъ въ этомъ кабинетѣ. Я еще не видалъ, чтобы онъ когда выходилъ. По вечерамъ Томасъ Бегъ, который одинъ имѣетъ доступъ въ кабинетъ, самъ приноситъ хозяйну обѣдъ и свѣчи.

— Отчего же только одинъ Бегъ?

— Оттого, что онъ всѣми дѣлами управляетъ. Онъ изъ бухгалтеровъ сталъ компаньономъ мистеръ Лаутера или чѣмъ-то въ родѣ этого.

— Я понимаю.... онъ подписываетъ за Лаутера.

— Нѣтъ, мистеръ Лаутеръ самъ подписываетъ.

— Годдемъ! вскричалъ банкиръ съ необыкновеннымъ жаромъ: нельзя ли мнѣ взглянуть на какую-нибудь бумагу, подписанную этимъ мистеръ Лаутеромъ?

Стивенсону самому было очень жарко отъ завтраку и онъ не замѣтилъ лишняго огня въ глазахъ своего собесѣдника.

— Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ онъ и вынулъ изъ бумажника вексель, подписанный въ Лондонѣ, три дня назадъ.

Мистеръ Лаутеръ схватилъ эту бумагу и съ жадностью разсматривалъ ее со всѣхъ сторонъ. Брови его насупились, губы шевелились.

— Прошу покорно! шепталъ онъ про себя: какъ искусно! Удивительно поддѣляли мою подпись.... и это мистеръ Бегъ изволилъ.... Годдемъ!... Послушайте, мистеръ Стивенсонъ, продолжалъ онъ вслухъ, раскупоривъ бутылку шампанскаго и обращаясь къ гостю: вся эта исторія чрезъ

вычайно занимасть меня. Продолжайте, сдѣлайте одолженіе.

— А на чемъ-бишь я остановился? Да! кажется, я говорилъ вамъ, что миссъ Анна—самая удивительная дѣвушка въ свѣтѣ. Представьте себѣ....

— Вы говорили объ ея отцѣ. Что онъ дѣлаеть вечеромъ?

— Ему подають обѣдать, и всѣ-тутъ.

— Что жъ, онъ обѣдаеть?

— Вѣроятно.

— И вы сами видѣли какъ онъ обѣдаеть?

— Никогда. Бегъ всегда задергиваеть занавѣску.... Бегъ, это, я вамъ скажу, просто, мерзавецъ. Я бы убилъ его! Онъ у меня отбиваеть миссъ Лаутеръ. Но чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, если ему удастся! Я его убью.... право, убью....

Мистеръ Лаутеръ уже не слушалъ. Онъ потиралъ руки, и полуулыбка слегка поднимала одинъ уголь его рта.

— Да, такъ и есть.... ужъ вѣрно, такъ.... говорилъ онъ про себя: надобно посмотрѣть, что это такое. Хотя бы мнѣ пришлось прожить еще полгода, а ужъ непременно надобно сперва посмотрѣть....

Поводъ отложить смерть былъ найденъ, и поводъ весьма основательный. Кто не захочетъ передъ смертью знать преемника своего имени и даже лица?

Стивенсонъ между-тѣмъ продолжалъ описывать прелести миссъ Анны; но сюжетъ былъ нестоющимъ, а средства очень ограничены: языкъ и голова влюбленнаго конторщика тяжелѣли болѣе и болѣе, и, наконецъ, онъ погрузился въ сладкій сонъ. Мистеръ Лаутеръ позвонилъ и приказалъ уложить его въ постель. Подъ-вечеръ, когда Стивенсонъ проснулся, онъ былъ уже одинъ. Видъ комнаты совсѣмъ измѣнился: бюро было открыто и пусто; на всѣхъ мебелихъ видѣлся безпорядокъ, произведенный поспѣшнымъ отъѣздомъ. На столѣ лежала запечатанная записка на имя мистеръ Роберта Стивенсона. Онъ поспѣшно развернулъ ее и прочиталъ слѣдующее:

«Отъ М. Р. Стивенсона сто фунтовъ стерлинговъ и вексель на такую же сумму и два билета по двадцати

фунтовъ, всего сто сорокъ фунтовъ стерлинговъ, получилъ П. Лаутеръ.

«6, Оксфордстритъ, Лондонъ.»

Робертъ бросился къ своему бумажнику и нашелъ въ немъ пустоту, потомъ подошелъ съ распискою къ окну, и нѣсколько разъ перечитывалъ, протирая глаза, до того, что совсѣмъ пересталъ видѣть.

— Значить, всё-таки это былъ онъ! вскричалъ онъ наконецъ: вотъ его подпись. Нельзя не узнать. Но какимъ же образомъ онъ могъ опередить меня?

Робертъ позвонилъ. Вошелъ трактирный слуга.

— Въ которомъ часу пріѣхалъ джентльменъ, который занималъ эту комнату? спросилъ Стевенсонъ.

— Не могу знать. Не помню. Онъ жилъ у насъ больше году.

— Какъ, больше году?... Кто жилъ больше году? Мистеръ Лаутеръ?

— Точно такъ-съ.

— Такъ онъ не сегодня пріѣхалъ?

— Сегодня онъ уѣхалъ.

— Годами! Я тутъ ровно ничего не понимаю! вскричалъ Робертъ, растерявшись.

Слуга косматрѣлъ на него съ удивленіемъ и подумалъ, что Англичанинъ еще не совсѣмъ проспался.

— Если это былъ не онъ, такъ самъ чортъ, сказалъ Робертъ послѣ долгаго молчанія.

Утѣшившись нѣсколько этимъ замысловатымъ силлогизмомъ, онъ вынулъ кошелекъ, пересчиталъ деньги и нашелъ, что у него осталось ровно столько, сколько было нужно, чтобы воротиться въ Лондонъ.

Домъ Петера Лаутера походилъ на дворецъ. Весь нижній этажъ былъ занятъ конторою, украшенною роскошно, но въ строгомъ стилѣ, и населенною множествомъ должностныхъ лицъ всѣхъ возрастовъ. Во второмъ, на одной половинѣ, находился кабинетъ хозяина, бухгалтерская и кабинеты начальниковъ отдѣленій конторы; на другой — бывшая квартира мистриссъ Лаутеръ, занимаемая теперь Томасомъ Бегомъ. Мистриссъ Лаутеръ съ дочерью переселилась въ третій этажъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сцены, которую мы описали, мистриссъ Лаутеръ, жена банкира, больная, лежала въ своей комнатѣ, на кушеткѣ. Миссъ Анна перелистывала какой-то альбомъ. Мистриссъ Лаутеръ была женщина лѣтъ сорока, съ правильными, когда-то прекрасными, но теперь совершенно поблекшими чертами лица, въ которыхъ выражалось изнуреніе отъ болѣзни и отъ нравственныхъ страданій. Отъ времени до времени она взглядывала на свою дочь и украдкой отирала слезу.

— Что это мистеръ Стевенсонъ такъ долго не пишетъ! сказала вдругъ Анна, закрывъ альбомъ: онъ теперь давно уже долженъ быть въ Парижѣ.

— Всего недѣля, какъ онъ уѣхалъ, замѣтила мать.

— Недѣля! Это довольно долго.

Сказавши это, Анна вдругъ отвернулась, потому что почувствовала жаръ въ лицѣ.

— Она его любитъ, подумала мистриссъ Лаутеръ: бѣдненькая!

Вошелъ слуга и доложилъ, что мистеръ Бегъ желаетъ видѣть дамъ. Это имя, по-видимому, произвело на обѣихъ вѣснѣтливнѣе непріятное: мистриссъ Лаутеръ нахмурила брови, а миссъ Анна даже сказала слово, весьма не лестное для посетителя. Мистеръ Бегъ былъ примѣчательно дурень собой. Физиономія его выражала алчность; въ манерахъ было дерзкое самодовольство, которое составляетъ не что иное какъ оттѣнокъ низости. Онъ вошелъ какъ человѣкъ, который хочетъ показать, что просилъ о прѣмленіи только для формы, слегка поклонился и бросилъ на столъ толстый портфѣль.

— Клянусь честью, чортъ возьми! мнѣ кажется, миссъ Анна съ каждымъ днемъ хорошеетъ! вскричалъ онъ съ видомъ покровителя.

Миссъ Анна не сочла нужнымъ отвѣчать на комплиментъ. Мистеръ Бегъ обратился къ матери и отрывисто сказалъ:

— Не угодно ли за дѣло?

Анна вышла. Томасъ Бегъ открылъ портфѣль, въ которомъ были векселя, заемныя и другія письма безъ подписей. Мистриссъ Лаутеръ взяла перо и, не читая, подписала.

— Погѣса Стевенсонъ не пишетъ, сказалъ Бегъ: послѣдняя надежда наша пропадаетъ.

Мистриссъ Лаутеръ вдрогнула.

— Неужели нѣтъ ни какой надежды? спросила она.

— Я не вижу ни какой, отвѣчалъ Бегъ съ ледянымъ равнодушіемъ.

— Можетъ ли быть?... такой огромный кредитъ!

— Все изнашивается, кромѣ моей любви. Право, мнѣ кажется, что миссъ Анна околдовала меня.

Говоря это, Бегъ съ самодовольствомъ потиралъ руки. Мистриссъ Лаутеръ съ трудомъ удержалась отъ невольнаго движенія негодованія.

— Но, сказала она, мистеръ Робертъ человѣкъ дѣятельный и знающій: онъ, конечно, соберетъ суммы, за которыми отправился и мы успѣемъ оборотиться....

— Чтò же онъ привезетъ? Нѣсколько десятковъ тысячъ? Это для конторы—три дня жизни. Довольно ли вы надумались о моемъ предложеніи?

— Такъ, стало-быть, мы уже совсѣмъ нищіе! вскричала мистриссъ Лаутеръ съ ужасомъ.

Она встала. Блѣдное лицо ея вдругъ оживилось румянцемъ; глаза засверкали ненавистью и презрѣніемъ.

— И вы требуете руки моей дочери! сказала она дрожащимъ голосомъ: наше богатство было такъ огромно, что возбуждало всеобщую зависть, а вы.... вы не имѣли ничего. Теперь это все ваше, а мы нищіе. Отчего это? какъ это случилось?... Мало того, что вы меня заставили дѣйствовать такъ, что я должна страшиться законовъ Божіихъ и человѣческихъ.... вы меня лишаете имѣнія и теперь еще отнимаете дочь.... вы, виновникъ всего моего несчастія, моего преступленія.... вы....

Она остановилась, какъ-будто не находя словъ для выраженія своего негодованія. Томасъ Бегъ подождалъ съ полминуты и потомъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Ну, чтò жъ? продолжайте. Я согласенъ, что во всемъ этомъ есть правда. Имѣніе ваше перешло ко мнѣ, изъ чего и слѣдуетъ, что оно теперь мое. Этотъ пунктъ не худо замѣтить. Чтò жъ касается до руки вашей дочери, то я тре-

бую ея для вашей же пользы и дѣлаю вамъ этимъ не малую честь.

— Никогда! никогда она не будетъ вашею женой! Я была слаба; я согласилась на преступленіе, на подлогъ, потому что вы напугали меня разореніемъ.... я согласилась на это для сохраненія имѣнія своей дочери и теперь должна отдать вамъ все, и ее то же.... никогда!

— Она ничего не потеряетъ будучи моею женой! Вы тоже получите приличное содержаніе....

— Никогда! повторила мистриссъ Лаутеръ съ силою.

— Миледи, сказалъ Бегъ, придавая лицу и голосу сладкое выраженіе: вы всегда ставите меня въ непріятную необходимость напоминать вамъ объ извѣстномъ вамъ обстоятельстве..... Неужели вы думаете, что вы можете отказать мнѣ въ чемъ-нибудь? Я люблю вашу дочь, больше чѣмъ бы слѣдовало благоразумному человѣку, и она непремѣнно должна быть моею женою. Мнѣ не хочется ссориться съ вами, и потому, прошу васъ, будьте благоразумны. Вы знаете, что мнѣ стѣнитъ сказать только одно слово и тогда не только я, никто уже не захочетъ просить руки вашей дочери. Подумайте объ этомъ. Даю вамъ сроку еще одинъ день.

Мистриссъ Лаутеръ окаменѣла. Прежде чѣмъ она успѣла оправиться, Томасъ Бегъ взялъ портфель и вышелъ.

Кредитъ банкира Лаутера былъ огроменъ, но исключительно личный: онъ основывался на всѣмъ извѣстныхъ дарованіяхъ, счастіи и испытанной честности мистера Лаутера, который служилъ образцомъ совершеннѣйшаго негоціанта. Жена его раздѣляла общее мнѣніе и видѣла въ немъ непогрѣшимый оракулъ. Поэтому письмо, которымъ онъ извѣщалъ ее о мнимой своей смерти, страшно поразило ее: она теряла въ одно время и мужа и имущество, потому что считала одно безъ другаго невозможнымъ. Смерть эта вдругъ уничтожала всѣ ея золотыя мечты касательно страстно любимой дочери, ея милой Анны. Имѣніе, правда, было цѣло, но ей оно казалось тѣломъ безъ души, которое необходимо скоро должно разрушиться, и пылкому воображенію ея вдругъ представился весь ужасъ нищеты послѣ обладанія несмѣтнымъ

богатствомъ. Отдавая ей послѣднюю записку Лаутеръ, старый Товія раздвѣлялъ ея страхъ и отчаяніе. Онъ любилъ и почиталъ свою госпожу, дивно рассказывалъ, что помогалъ обманывать ее, и не могъ безъ страданій смотрѣть на ея скорбь. Онъ долго ломалъ голову, чѣмъ бы помочь ей и вдругъ, ударивъ себя по лбу, вскрикнулъ:

— Погодите! я нашелъ средство. Дѣло еще можно поправить. Мистеръ Лаутеръ, правда умеръ, но я его окляю. Дѣла частенько плн-себѣ безъ него, такъ и теперь пойдутъ. Поидемте.

Онъ схватилъ удивленную мистриссъ Лаутеръ за руку, повелъ въ кабинетъ, открылъ тамъ большой шифръ и указалъ, что въ немъ находится. Мистриссъ Лаутеръ вскрикнула. Въ это время Томасъ Бегъ, шедшій позани, заглянулъ въ дверь кабинета и остановился на порогѣ.

— Это онъ, неправда ли? говорилъ Товія съ торжествующимъ видомъ: о! это мастерски сдѣланный штука. Его честь сто гиней изволила заплатить художнику.

И это было не дорого. Восковая кукла, изображавшая банкира, дѣйствительно была сдѣлана превосходно. Можно было бы сдѣлать художнику только одинъ упрекъ: онъ слишкомъ много жизни придалъ своему произведенію: самъ банкиръ больше походилъ на восковую куклу.

Но простетвіи перваго изумленія, мистриссъ Лаутеръ заплакала. Товія принялъ положеніе человека, добровольно пришедшаго съ повинной.

— Простите, миледи, говорилъ онъ: стыдно сказать, этимъ кускомъ воску васъ обманывали года два, и я тутъ помогалъ. Но его честь—мой господинъ: я долженъ былъ повинноваться. Каждый вечеръ онъ уходилъ черезъ эту дверь, которую вы едва видите, такъ искусно она скрыта. Онъ отправлялся въ вторный домъ, а я сажалъ на его кресло куклу и ставилъ свѣчи. Изъ вашего окна вы часто видѣли эту куклу и удивлялись терпѣливому трудолюбію его чести.....

— Довольно. К чему говорить мнѣ все это теперь?

— Какъ чему? Развѣ вы не понимаете, миледи? Чѣмъ васъ обманывали, тѣмъ можно обмануть и другихъ.

Вдова съѣла и склонила голову на руку. Тяжелыя мысли

наполнили ей голову. Она жестоко страдала. Настоящее было безотрадно; будущее страшно. Анца, любимица ея сердца, можетъ узнать несчастье. Но всё-таки, собравшись отвѣчать, мистриссъ Лаутеръ произнесла отказъ.

— Это быть бы обманъ столько же преступный, сколько безполезный, сказала она съ уныніемъ.

— Преступный, можетъ-быть, но не безполезный.

Это сказала Томасъ Бегъ, который вошелъ и затворилъ за собою дверь. Мистриссъ Лаутеръ выдрогнула отъ ужасу.

— Не бойтесь, я знаю, о чемъ идетъ рѣчь, продолжалъ онъ показывая письмо, которое мистриссъ Лаутеръ дорогою обронила: вы можете положиться на меня.

Онъ со вниманіемъ осмотрѣлъ куклу и потомъ вскричалъ:

— Клянусь честью, чортъ возьми! я первый поддаюсь бы обману. Этакой шуты! Кто бы подумалъ, что онъ способенъ на такую проделку? Товія, любезный другъ, тебѣ пришла великолѣпная мысль. Ты жемчужина изъ слугъ. Оставь насъ.

Мистеръ Томасъ Бегъ обладалъ даромъ возбуждать къ себѣ всеобщую ненависть. Товія очень хотѣлось самого его выслать вонъ, но, привыкнувъ повиноваться, онъ не смѣлъ ослушаться даже того, кто не имѣлъ права приказывать ему. Мистриссъ Лаутеръ, будучи занята своимъ горемъ, не обратила вниманія на неурядице прихода бухгалтера и на своеволие, съ какимъ онъ распоряжался ея людьми въ ея присутствіи.

У Томаса Бега въ одну минуту родился планъ. Небавшиясь отъ слуги, онъ пустился въ краснорѣчіе, чтобы убѣдить мистриссъ Лаутеръ въ необходимости воспользоваться поданною мыслью. Чѣмъ неглѣпѣе эта мысль казалась, тѣмъ легче было исполнить ее: Товія былъ человѣкъ надежный; самъ онъ, Томасъ Бегъ, возьметъ на себя управленіе всѣми дѣлами, а мистриссъ Лаутеръ будетъ подписывать за мужа. Надобно же было и ей дѣлать что-нибудь. Притомъ, поддѣлывая подпись своего мужа, она собственно не сдѣлаетъ ничего неестественнаго: вѣдь это имя принадлежитъ ей, также какъ и ему. Наконецъ, вѣдь это значило бы немножко распростра-

нить смыслъ слова «наслѣдство», и только на-время, покуда кончатся два-три важныхъ предпріятія, которыя оставлять теперь было чрезвычайно опасно, грозило разореніемъ, потому что завистники могутъ воспользоваться случаемъ, и такъ дагѣе. Мистеръ Бегъ говорилъ много и убѣдительно. Вдова трепетала, но не соглашалась. Наконецъ Бегъ заговорилъ объ Аннѣ и бѣдная мать уже не сопротивлялась.

Такимъ образомъ три части, изъ которыхъ состоитъ банкиръ—были на лицо: тѣло, счетныя книги, и подпись. Невозможно было вообразить оживленія болѣе полного, и дѣла дѣйствительно пошла своимъ чередомъ, какъ-будто бы ничего не случилось. Томасъ Бегъ разсудилъ вѣрно: крайняя нелѣпность хитрости не допускала никакого сомнѣнія. Однако жъ, когда продолжительное уединеніе банкира начало удивлять домашнихъ и чужихъ, его сочли не мертвымъ, а съумасшедшимъ, и это нанесло его дому и кредиту первый ударъ. Второй, по-сильнѣе, нанесъ самъ мистеръ Томасъ Бегъ огромными и постоянными утайками. Мистриссъ Лаутеръ была жестоко и скоро наказана за свою слабость и потворство мошеннику, которому нужно было воспользоваться случаемъ, чтобы нажить милліонъ. Наживши одинъ, онъ захотѣлъ другаго, потомъ—третьяго. Жажда его возрастала по мѣрѣ утоленія. Онъ, какъ вампиръ, впился въ умирающее колоссальное имущество и пожирая лучшее, естественно, не щадилъ остальнаго, бросалъ и истреблялъ множество по-напрасну. Мистриссъ Лаутеръ видѣла этотъ явный грабежъ и не только не смѣла противиться злодѣю, который даже не притворился передъ нею, но сама подписывала свой приговоръ. Если ей, бывае, вздумается иногда защитить добро своихъ дѣтей, Томасъ Бегъ немилосердо начнетъ объяснять уголовныя законы Англій касательно поддѣльвателей чужихъ подписей. Она увидѣла, но поздно, что сдѣлала страшную ошибку. Болѣзненное состояніе и нерѣшительный характеръ были причиною, что она въ цѣлый годъ не успѣла придумать никакого средства поправить дѣло или по крайней-мѣрѣ вырваться изъ-подъ ужаснаго ига грабителя.

Томасъ Бегъ до того простеръ свою дерзость, что за-

ставилъ мистриссъ Лаутеръ перебраться въ другой этажъ и самъ поселился въ ея комнатахъ. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы ему удобнѣе было наблюдать за сохраненіемъ залога его могущества. Притомъ ему доставляло наслажденіе и то, что онъ могъ собирать плоды своего грабительства въ кассу бывшего своего хозяина. Эта касса, великолѣпная какъ и вся прочая мебель, запиралась весьма замысловатымъ механическимъ замкомъ съ комбинаціями.

Когда Томасъ Бегъ накопилъ въ эту кассу миллионъ, который назвалъ своимъ, онъ предложилъ свою руку миссъ Аннѣ и получилъ отказъ. Это однако жъ не утратило его. «У нихъ еще слишкомъ много, а у меня мало», сказалъ онъ, и принялся еще усерднѣе довершать свой подвигъ, и съ каждымъ клочкомъ, который отрывалъ отъ мѣбля, онъ только видѣлъ приближеніе того времени, когда ему уже не могутъ отказать. Онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣдѣ любилъ миссъ Анну, какъ иногда любятъ подобныя люди, а, можетъ-быть, хотѣлъ только уничтожить всякую возможность обвиненія въ посягательствѣ на чужую собственность и прикрыть свое невѣроятное обогащеніе благовиднымъ предлогомъ.

Между-тѣмъ прошелъ годъ. Слухъ о сѣумасествіи банкира распространился всё болѣе и болѣе; кредитъ очевидно упалъ; разореніе было близко. Эту минуту Томасъ Бегъ избралъ для рѣшительнаго возобновленія своего предложенія. Мы видѣли какъ благородно онъ дѣйствовалъ.

— У меня теперь три милліона, говорилъ онъ про себя, уходя отъ мистриссъ Лаутеръ: посмотримъ, какъ-то она посмѣетъ отказать мнѣ. А если откажутъ, такъ, клянусь честью, чортъ возьми! я ихъ заставлю повиноваться. Видѣ онъ у меня въ рукахъ!

Проходя въ свои комнаты, Томасъ Бегъ заглянулъ въ кабинетъ, гдѣ, какъ ему показалось, что-то стукнуло. Онъ вошелъ, чтобы взять ключъ изъ замка кассы, который позабылъ было, и хотѣлъ отворить, чтобы полюбоваться на свое сокровище, но замокъ не отворился.

— Это что значитъ? Кто-нибудь былъ здѣсь?... пробормоталъ онъ съ ужасомъ: но нѣтъ это, невозможно. Я, вѣ-

ротно, самъ перемѣнилъ комбинацію. Послѣ вспомню.

Утромъ Томасъ Бегъ забылъ о замкѣ. Всю ночь его занимала мысль, какъ вынудить у мистриссъ Лаутеръ согласіе, если она вздумаетъ противиться. Вставъ съ постели, онъ тотчасъ отправился къ ней, чтобъ поговорить въ послѣдній разъ. Проходя мимо кабинета, онъ заглянулъ туда, удостоверился, что улика противъ вдовы на лицо и опять заперъ дверь на ключъ.

Почти въ ту же самую минуту тихонько шелкнулъ замокъ въ потайной двери; она отворилась и вошли два чело-вѣка.

— Я едва вѣрю своимъ глазамъ, говорилъ одинъ изъ нихъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ: возможно ли! ваша честь не умерла!

Мистеръ Лаутеръ зажалъ Товіа ротъ и остановилъ потокъ его изумленія. Осмотрѣвшись въ комнатѣ, банкиръ снова подошелъ къ Товіа и указавъ на куклу, сказалъ:

— Это понятно; но объясни мнѣ остальное.

Товіа зналъ почти все, что дѣлалось въ домѣ. Онъ подробно рассказалъ о дѣйствіяхъ Томаса Бега и ихъ результатахъ. Банкиръ не могъ удержаться отъ взрыву бѣшенства, когда слышалъ, что кредитъ его дому подорванъ, что даже были остановлены платежи по векселямъ.

— Здѣсь есть чѣмъ поправить это, сказалъ Товіа, ударивъ ладонью по кассѣ.

— А! онъ взялъ ключи. Но ему не отпереть. Я перемѣнилъ комбинацію. Да тутъ всего три милліона, какъ видно по книгѣ. Чтѣ значуть три милліона безъ кредиту, для дому Лаутера!.... Этакой мошенникъ этотъ Бегъ!.. Хуже,—дуракъ! Не умѣлъ поддержать кредиту.... Но я его проучу. Досадно только, что онъ жену мою шуталъ. Чтѣ бы ему самому поддѣлать мою подпись? Нѣтъ, догадливъ. Но всё-равно, я всё-таки проучу его.

Банкиръ большими шагами прохаживался по своему кабинету. Ему предстоялъ огромный трудъ: надобно было не только наказать злодѣя, но еще возстановить свой кредитъ, поднять огромное, упавшее зданіе. Эта мысль возвратила ему всю энергію молодости. Спину какъ-будто небывало. Отъ сдѣланнаго водненія потъ выступилъ у него на лбу, глаза

сверкали такимъ огнемъ, какого въ нихъ никогда еще не бывало. Въ эту минуту послышался шумъ въ сосѣдней комнатѣ. Лаутеръ схватилъ пистолеты и бросился къ двери. Если бы Бегъ вошелъ, ему было бы худо. Но онъ не входилъ.

— Сжальтесь! умилосердитесь, ради Бога! говорила мистриссъ Лаутеръ.

— Сжальтесь сами надъ собой, исполните мою волю, отвѣчалъ Томасъ Бегъ.

Мистеръ Лаутеръ приникъ къ замочной скважинѣ и сталъ вслушиваться.

— Въ послѣдній разъ говорю вамъ, продолжалъ Томасъ Бегъ: выдайте за меня Анну или я сейчасъ же иду донести, что вы поддѣлывали чужую подпись. Клянусь честью, чортъ возьми! я шутить не стану и ждать мнѣ нескучно. Рѣшайтесь, нето улики у меня на лицо. Я сейчасъ пойду за полиціей.

— Онъ намѣкаетъ на куклу, подумалъ Лаутеръ, и лицо прояснилось.

— Выслушайте меня.... погодите, вскричала мистриссъ Лаутеръ: я не могу.... богатство, кредитъ, деньги... все это возьмите, оно ваше.... но дочерью я не могу пожертвовать.... не могу.

— Такъ выпустите же мою полу. Я иду въ полицію.

Шумъ затихъ. Бегъ ушелъ. Лаутеръ выпрямился. Онъ съ трудомъ удерживалъ свою радость.

☞ Право, я несчастливъ только въ игрѣ.

Товія поспѣшилъ на помощь къ хозяйкѣ, которую нашелъ въ обморокѣ. Призвавъ другихъ людей и поручивъ несчастную заботливости ея дочери и Стевенсона, который только-что воротился, Товія хотѣлъ опять пойти къ хозяину, но потаенная дверь была заперта. Онъ обѣжалъ вокругъ и, посмотрѣвъ въ замочную скважину обыкновенной двери, удостовѣрился, что въ кабинетѣ никого нѣтъ: только кукла сидѣла на своемъ мѣстѣ.

— Господи, что съ нами будетъ! вскричалъ Товія въ отчаяніи: неужели онъ ушелъ?

Надобно было видѣть, какъ захопоталъ весь кварталъ оксфордскій, когда полицейскій чиновникъ съ своими про-

вожатыми вошелъ въ домъ банкира Лаутера. Передъ домомъ собралась огромная толпа народу. Лавочники и ремесленники, прохожіе и проѣзжіе, мужчины и женщины, сбѣжались смотрѣть, какъ погибаетъ домъ богатѣйшаго банкира, и чуть ли не надѣялись видѣть, какъ оттуда вынесутъ, подобно покойнику, трупъ фантастическаго, но почтеннаго существа, называемаго кредитомъ. Писцы и конторщики тоже всѣ переполошились, но не знали, въ чемъ дѣло.

— Милостивый государь, ваше показаніе можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, сказалъ полицейскій чиновникъ Томасу Бегу: подумайте, можете ли вы отвѣчать за все что сказали?

Вмѣсто отвѣту, Томасъ Бегъ отперъ дверь кабинета и указывая на куклу сказалъ:

— Посмотрите!

Полицейскій чиновникъ и его люди знали банкира Лаутера въ лицо. Копія была такъ удивительно похожа на оригиналъ, что они остолбенѣли.

— Посмотрите! повторилъ Томасъ Бегъ: вотъ, что уже цѣлый годъ замѣняетъ хозяина дому, и это придумала его вдова, которая за него подписываетъ всѣ бумаги... Довольно ли вамъ этого доказательства? Подойдите поближе, посмотрите!...

И чтобы придать болѣе силы своимъ словамъ, онъ ударилъ куклу ладонью по плечу. Кукла встала. Томасъ Бегъ съ ужасомъ отскочилъ и дрожа всѣмъ тѣломъ упалъ наземь; Товія тоже хотѣлъ вскрикнуть, но отвернулся и зажалъ себѣ ротъ.

— Что вамъ угодно? холодно спросилъ банкиръ у изумленнаго полицейскаго чиновника.

Тотъ съ смущеніемъ закашлялся и обратился къ своимъ провожатымъ, которые старались не ступить на ноги дрожащаго Томаса Бега. Товія поднялъ связку ключей, которую Бегъ обронилъ въ паденіи. Чиновникъ опять обратился къ банкиру и не зналъ, что отвѣчать.

— Объяснитесь, пожалуйста. Что вамъ угодно? повторилъ банкиръ.

— Почтеннѣйшій.... любезнѣйшій другъ....

— Мое имя Лаутеръ. Я не люблю фамильярностей, прервалъ банкиръ.

— Извините, мистеръ Лаутеръ.... я пришелъ вслѣдствіе иску и судебного показанія этого господина....

— Этотъ господинъ или мошенникъ или съумасшедшій... развѣ вы не видите? Чего же вамъ еще?

— Ничего болѣе: доказательства ясны. Извините, мистеръ Лаутеръ, что мы васъ обезпоковли.

Чиновникъ поклонился и хотѣлъ выйти.

— Погодите, сказалъ банкиръ: выслушайте теперь меня.

— Нельзя, не велѣно пускать! кричали въ то время голоса на улицѣ.

Лаутеръ отворилъ окно и увидѣлъ, какъ люди его защищали входъ отъ направшей толпы любопытныхъ.

— Пускайте всѣхъ! пусть всѣ идутъ! вскричалъ онъ.

И въ одну минуту комнаты наполнились народомъ.

— Неужели вы думаете, что я по-напрасну позволю вамъ насильно ворваться въ мой домъ и нарушить мое уединеніе, продолжалъ банкиръ, обращаясь къ полицейскому чиновнику. Нѣтъ, приходомъ своимъ вы сдѣлали мнѣ большое одолженіе: мнѣ нужно было ваше присутствіе; мнѣ нужно присутствіе всѣхъ, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и обращаясь къ толпѣ, которая тѣснилась въ кабинетъ: чѣмъ больше будетъ свидѣтелей, тѣмъ лучше. Выслушайте меня. Человѣкъ, неблагодарный, котораго я долгое время осыпалъ благодареніями.... я про васъ говорю, мистеръ Бегъ.... бездѣльникъ, который съ давнихъ поръ задумалъ погубить моего дому, распустилъ обо мнѣ слухъ, будто я сошелъ съ ума и всячески тайно подрывалъ мой кредитъ, а я удивлялся и не постигалъ, отчего дѣла мои разстроиваются: я не зналъ, что держу въ своемъ домѣ, за своимъ столомъ, неутомимаго, дѣятельнаго, хитраго и злобнаго врага, отъ котораго нельзя было остеречься, какъ отъ домашняго вора. Я съ присорбіемъ видѣлъ, какъ плоды пятнадцати-лѣтнихъ трудовъ моихъ исчезаютъ. Но наконецъ случай отырылъ мнѣ все. Я только не могу понять, чего въ этомъ человѣкѣ болѣе: мошенничества или безумія, когда онъ могъ придумать такую глупую ложь, назвать мою сперва умалишеннымъ, а потомъ мерт-

вымъ, и потому, передавая его въ ваши руки, прошу за него снисхожденія и милосердія судей.

На всѣхъ лицахъ слушателей изобразилось удивленіе великодушію банкира.

— Эти слова дѣлаютъ вамъ честь, мистеръ Лаутеръ! вскричалъ полицейскій чиновникъ: подложный доносъ всё-таки подвергаетъ этого господина възысканію по законамъ.

— Повторяю вамъ, что я не желаю, чтобы онъ былъ наказанъ, хотя онъ сдѣлалъ мнѣ много зла. Глупую ложь я ему прощаю: онъ, конечно, былъ не въ своемъ умѣ. Но одною клеветой нельзя бы было подорвать моего кредита. Этотъ человѣкъ безъ всякой причины остановилъ уплату по нѣкоторымъ векселямъ, тогда какъ касса моя полна. Онъ осмѣлился.....

Ропотъ негодованія прервалъ слова банкира. Желая кончить дѣло однимъ мастерскимъ ударомъ, онъ притворился, будто не понялъ ропоту слушателей, и счелъ его за недоумчивость.

— Вы не вѣрите мнѣ? вскричалъ онъ: я вижу, что клевета быма не безплодна. Но посмотрите сюда! прибавилъ онъ, взявъ у Тоуи ключи и отворивъ набитую деньгами кассу передъ озадаченными зрителями.

— Это мое! это мои деньги! вскричалъ тутъ Томасъ Бегъ съ отчаяніемъ.

Онъ хотѣлъ продолжать, но толпа грозно стѣснила его.

— Его деньги! сказалъ Лаутеръ, сдѣлавъ сострадательную гримасу: можно ли послѣ этого еще сомнѣваться, что онъ сьунасшедшій? Если бы несчастный говорилъ правду, это было бы самымъ страшнымъ доказательствомъ его же вины: какъ можно, чтобы простой, бѣдный конторщикъ въ одного своего жалованья накопилъ сто тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ?

— Три милліона! вскричалъ полицейскій чиновникъ.

— Три милліона! повторила толпа.

— Правда, что тутъ не болѣе трехъ милліоновъ, скромно замѣтилъ мистеръ Лаутеръ: но это только въ кассѣ. Пусть въ деньги въ оборотъ, я въ двадцать четыре часа могу удвоить эту сумму; въ недѣлю я могу.....

Крики, воли всеобщаго восторгу заглушили слова банкира. Полицейскіе солдаты принуждены были защищать Томаса Бега, котораго толпа, для изъясненія своего участія, хотѣла было разорвать на части тутъ же на мѣстѣ.

Томасъ Бегъ, будучи потребованъ къ отвѣту, старался оправдаться, говорилъ о поддѣлкахъ подписей и подлогахъ, о самоубійствѣ и объ игорныхъ домахъ. Банкиръ Лаутеръ — въ игорномъ домѣ! Кто же этому повѣритъ? Бегъ говорилъ также о восковой куклѣ. Эта мысль несказанно забавляла всѣхъ судей, присяжныхъ и публику. Томаса Бега посадили въ домъ умалишенныхъ.

Исторія эта была извѣстна всему Лондону; журналы перепечатавали ее съ варіаціями болѣе или менѣе счастливыми; на биржѣ она служила предметомъ нестоимыхъ разговоровъ. Кредитъ банкира Лаутера поднялся и далеко превзошелъ прѣжніе предѣлы. Даже годовое затворничество послужило ему въ пользу: банкиръ Петеръ Лаутеръ не только сталъ извѣстенъ за баснословнаго богача, но и за чудака, eccentric man, что такъ же имѣетъ свои выгоды.

Робертъ Стевенсонъ просилъ и получилъ руку миссъ Анны. Скандальозная исторія съ Томасомъ Бегомъ очевидно доказала ему, что самъ бѣсъ пошутилъ надъ нимъ въ Парижѣ. Боясь насмѣшекъ, онъ не сказалъ никому ни слова о своемъ приключеніи.

Петеръ Лаутеръ былъ величайшій счастливецъ въ свѣтѣ. Семейство, спасенное отъ нищеты и бѣдствія, было для него источникомъ радостей и наслажденій. Онъ втеченіи цѣлаго мѣсяца велъ жизнь патриарха. Потомъ ему опять стало скучно. Весь домъ казался ужасно глупымъ: старшій Товилъ говорилъ слишкомъ много, жена слишкомъ мало; Анна стала педанткой; только одинъ Стевенсонъ былъ, къ сожалѣнію, всё тотъ же. Банкира проняла зѣвота: онъ зѣвалъ съ утра до вечера, и даже во снѣ видѣлъ, будто зѣваетъ. Такъ прошла еще недѣля. На тридцатую осьмой день по возстановленіи кредиту, въ кабинетѣ банкира Лаутера раздался двойной выстрѣлъ. Хозяина пашли плавающего въ своей крови. На столѣ находились остатки завтрака, пучокъ зубочистокъ и второе изданіе извѣстной намъ предсмертной записки.

Домъ П. Лаутеръ, Р. Стевенсонъ и компанія, представятъ до-сихъ-поръ и не имѣтъ себѣ равнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Мистриссъ Анна Стевенсонъ раятолстѣла. У нея шестеро дѣтей, изъ которыхъ старшая дочь уже невѣста.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Mélieuse*, неоконченная трагедія покойнаго *Делавиня*.

Странное представленіе свравлено на Французскомъ Театрѣ и странная почестъ отдана умершему поэту: полтора акта неоконченной трагедіи, найденныя въ бумагахъ покойнаго Делавиня, были поставлены на сцену и разыграны: актеръ остановился на половинѣ стиха, занавѣсъ упалъ въ половинѣ акта и зрители должны были за полныя деньги удовольствоваться половиною интереса. Эта драма безъ середины и безъ конца называется «Мелюзинной», — по имени могущественной и прекрасной волшебницы, отъ которой пошло величіе дома Люзиньяновъ. Дѣйствующія лица: Бодуэнъ, Танкредъ, Гонтранъ, Мелюзина де-Люзиньянъ, ея сестра Матильда, и сатана за кулисами. Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Гонтрана, въ Палестинѣ, въ 1158 году, то есть, въ чудное время крестовыхъ походовъ, въ области баснословныхъ феи, волшебниковъ, поэзи, любви и славы. Занавѣсъ поднимается. Французскій Театръ не пожалѣлъ издержекъ на великолѣпныя декорациі. Сарацинское искусство не производило ничего роскошнѣе убранства готической залы Гонтрана. На столѣ, заваленномъ всѣми снарядами наукъ позволительныхъ и непозволительныхъ, лежитъ открытая книга, — книга познанія добра и зла. Подлѣ этой книги, сидя спитъ человекъ, Фаустъ двѣнадцатаго вѣка, мечтатель, задумавшій подчинить себѣ безконечное и самъ запутавшійся въ силкахъ, которыя поставилъ духу тьмы. Утомленный наукою и страшными ощущеніями, Гонтранъ уже ничего не требуетъ у своего раба сатаны, кромѣ вещи очень простой, однако жъ невозможной, — сна, цѣлой ночи спокойнаго сна! Окаленный Гонтранъ убилъ сладкій сонъ. Лишь-только онъ закроетъ глаза, море подымется и бушуетъ, вѣтры воютъ, громаы грохочутъ въ безднахъ неба, молніи раздираютъ облака. Нѣтъ покою для Гонтрана. Но ему нужно уснуть. Онъ повелѣ-

застъ; невидимый рабъ поддается голосу его и укрощаетъ возмущенныя стихіи; все успокоивается, кромѣ тревоги больной души. Однако жъ Мелюзина де-Люзиньяль завидуетъ этому гиганту, терзаемому безсонницей, завидуетъ его неизъяснимому могуществу. Это исторія первой жены, съ смѣлымъ любопытствомъ простирающей руку къ завѣтному дереву жизни и смерти. Плоды его прекрасны, но попробуйте ихъ, и найдете горькую пыль.

— Ты говоришь, Гонтранъ, что безумно желать здѣсь на землѣ этой великой власти. Между-тѣмъ, когда сестра моя плакала обо мнѣ, я, скрывая лицо на одрѣ болѣзни, смѣялась надъ ея слезами. Медленно замирая въ лихорадочномъ снѣ, я мечтала, мечтала о безконечномъ наслажденіи повелѣвать волнами, управлять вѣтрами; держать на посылкахъ ураганы и молніи; знать, что звѣзды — мои подданные, что весь міръ — мое владѣніе; видѣть, какъ при одномъ дуновеніи на величіе людское, все съ ужасомъ преклоняется передъ моею волей. Да! я желаю этой власти, я мечтаю объ этомъ безпредѣльномъ могуществѣ. — «Увы! на что жъ тебѣ оно?» возражаетъ Гонтранъ. Онъ знаетъ цѣну этой суетѣ. Однако жъ Мелюзина не слушается Гонтрана. — «Дивная, говоритъ онъ, покорись! не принуждай меня проклинать тотъ часъ, когда двѣ горько оплаканныя мною смерти сдѣлали тебя сиротою; когда я, по любви къ другу Люзиньяну, принялъ тебя вмѣсто дочери.» Потомъ онъ прибавляетъ пѣвнѣе и съ состраданіемъ къ мольбамъ и честолюбію гордой Мелюзины: «Нѣтъ, дочь моя, если эта власть и существуетъ, то безграничная не можетъ быть обуздана существомъ ограниченнымъ. Такой человѣкъ, при слѣпотѣ своей, оцущью употребляя верховную власть, пошелъ бы путемъ, роковымъ для другихъ и для себя, чтобы, переходя отъ страданія къ страданію, отъ злодѣйства къ злодѣйству, дойти наконецъ до предѣла, гдѣ, утомленный страшными своими дѣлами, въ отчаяніи, вопіетъ къ небу: Горе мнѣ!... Остановись, бойся этой будущности и повѣрь отцу, который, блѣднѣя отъ ужасу, защищается отъ твоихъ желаній. Эта власть — острое желѣзо въ рукахъ ребенка.»

Такъ начинается борьба между Гонтраномъ и честолюбною дѣвушкой. У всесильнаго Гонтрана съ самаго начала не стало силъ и умѣнья остановиться въ благоразумныхъ границахъ при воспитаніи Мелюзины. Вся тайна вырвалась у него, тогда, когда онъ думалъ, что едва только осторожнымъ и отческимъ перстомъ указывалъ ребенку опасности позволительнаго знанія; онъ увлекъ съ собою въ страшные облака юный духъ, который хотѣлъ приковать къ землѣ, и вотъ Гонтранъ со страхомъ умоляетъ безразсудную ученицу отказаться отъ науки, которую она едва начала понимать. Тщетныя мольбы! тщетныя усилія! «О, вѣчное правосудіе! восклицаетъ онъ: въ ней я нахожу тотъ самый духъ, который былъ во мнѣ!»

Такова первая сцена, исполненная борьбы и опасностей. Подлѣ этого падшаго ангела, жаждущаго наслажденій тьмы, является душа кроткая, нѣжная и поэтическая, невинная и терпѣливая дѣвушка, которая не ищетъ безкончнаго, а въ чистотѣ сердца предается естественному влеченію своего чувства. Этотъ ангелъ — Матильда Люзиньянъ, младшая сестра Мелюзины. Матильда, просто, безъ мудрствованій, вѣруетъ въ Творца и Владыку вселенной. Эта прекрасная душа наполнена нѣжностью и надеждой. Буря, которая сейчасъ грозилась срыть Гонтрановъ замокъ, разбудила Матильду. Невинная дѣвушка трепетала подобно гордой сестрѣ, но трепетала только передъ Богомъ. «Въ этомъ шумѣ, говорить она, я слышу громкій голосъ Божій и уста мои произносятъ Его имя, единственное прибѣжище мое. Я окропила голову святою водою и, преклонивъ колѣни, молилась, молилась не за себя, а за тебя, милая сестра, и за тебя, Гонтранъ, и за всю природу. И спокойствіе, казалось, возстановлялось отъ моей молитвы.» При этихъ нѣжныхъ словахъ сестры, Мелюзина обращается къ Гонтрану. Гордость уже погубила ее. Тогда какъ она должна бы была въ смиреніи признать, что въ самомъ дѣлѣ молитва Матильды вознеслась до небесъ и была услышана. Мелюзина видитъ въ этомъ только силу адской власти. «Благодарю тебя, Гонтранъ, что ты укротилъ бурю,» говорить она.

Матильда, во время молитвы, безпокоилась также о Бодуэнѣ, отсутствующемъ героѣ-рыцарѣ, который въ ту минуту подвергается всѣмъ опасностямъ войны.—У него тысячи соперниковъ, но равнаго ему нѣтъ.—«Какъ! возражаетъ Гонтранъ: по-твоему, съ нимъ не можетъ сравниться даже Раймондъ, ни даже Танкредъ, прославленный Танкредъ, гигантъ святой хоругви? тотъ, кто первый ступилъ на священныя стѣны; съ кѣмъ никогда, ни въ полѣ ни въ турнирѣ, ни Сарацынъ, ни христіанинъ не сражался дважды!» Нѣтъ, самъ Танкредъ не можетъ сравниться съ Бодуэномъ: ему одному принадлежитъ престолъ ерусалимскій: такъ хочетъ Мелюзина, такъ простодушно думаетъ Матильда. Обѣ сестры любятъ Бодуэна,—одна сильно, неукротимо, своевольно; другая—любовью вѣжною и робкою, которая сама себя не сознаетъ. Мелюзина знаетъ, чѣмъ любить, а между-тѣмъ старалась показать Бодуэну, что пренебрегаетъ ея любовью. Но послушаемъ сестеръ.

— Ты говоришь, онъ плакалъ, Матильда?—«Кто?»—Бодуэнъ. Онъ передъ тобою оплакивалъ мою участь? — «Да, я говорила тебѣ». — Такъ моя смерть привела бы его въ отчаяніе?—«И моя то же, кажется».—Но, можетъ-быть, онъ не столько былъ тронутъ, сколько казался тронутымъ. — «Говоря съ нимъ о тебѣ, я забылась и, я знаю, что слушая меня онъ самъ забылся». — Часто онъ предпринималъ этотъ далекій путь (на свиданіе)? — «Онъ неутомимъ».—Какова была рѣчь его?—«Печальна».—Но онъ ничего не высказывалъ кромѣ дружбы?—«Ты сестра, жестоко поступила съ его любовью».—И онъ не сохранилъ ничего кромѣ холодной дружбы? — «О, нѣтъ! я видѣла, какъ слезы измѣнили его волненію и какъ, вглядываясь въ меня, онъ видѣлъ только тебя. Влажный взоръ сіялъ такимъ вѣчнымъ огнемъ, что Бодуэнъ напрасно скрывалъ болѣзнь, которая пожирала его. Я чувствовала, что онъ еще любитъ тебя.... я говорю тебѣ, что я чувствовала это.... и какъ же было ошибиться? Голосъ его дрожалъ и звучалъ такъ вѣжно! Такъ вѣжно, что даже въ твоемъ я не нахожу такой сладости».

Вотъ какимъ образомъ онѣ взаимно обманываютъ се-

Бл. Бодуэнъ любить не Мелюзину, а Матильду. Та и дру-
гъ я награждается по заслугамъ. Героиня Мелюзина хотѣла
лосмѣяться надъ сердцемъ своего милаго, какъ сейчасъ
насмѣется надъ могуществомъ ада.—Матильда, говорить
она: тебѣ невестижимо это наслажденіе. Быть-можетъ, оно
жестоко, но зато отрадно слышать, что сердце героя, пре-
зрѣннаго и отвергнутаго, напрасно бьется въ узлахъ, ко-
торыхъ не можеть сокрушить; составляетъ тысячи предло-
женій, чтобы свергнуть ярмо и, желая ненавидѣть, стано-
вится болѣе и болѣе покорнымъ рабомъ своей любви. Чѣмъ
выше и благороднѣе такое сердце, строптивое въ любви,
тѣмъ больше лестно гордой женщинѣ, которая поработитъ
его. Ты дитя; ты этого не понимаешь.

И дѣйствительно, невинная Матильда боятся надменной
страсти Мелюзины. Между-тѣмъ она не смѣетъ обвинять
той, которая уже внушаетъ ей почтеніе, смѣшанное съ
ужасомъ. — Ты, говорить она—сестра, рождена для вер-
ховной власти, а я для повиновенія: оно — моя жизнь,
и я люблю, чтобы умъ, лѣта и опытъ другихъ нѣжно
избавляли меня даже отъ труда имѣть свою волю, хо-
тѣть. Я люблю преклонять голову предъ величіемъ.

Такова Матильда, важная и нѣжная, довѣрчивая и добрая.
Мелюзина вопрошаетъ небеса, старается постигнуть тайный
смыслъ гармоніи сферъ и теченіе звѣздъ, и Матильда го-
ворить:—Покуда я посижу за веретенкомъ, ты постарай-
ся разгадать и скажи мнѣ, будетъ ли Бодуэнъ царемъ Си-
ріи?—Всегда и во всемъ у нея Бодуэнъ: все для Бодуэна,
—но только для одного Бодуэна,—она желала бы читать
въ великой книгѣ будущаго.

Раздается звукъ трубы за воротами замка. «Это онъ!
это Бодуэнъ! побѣдитель, съ помощію Божіею, побѣдитель
дамасскій!» Бодуэнъ воротился. Ему уже не нужно ни вой-
ны, ни славы, ни вѣнца. Онъ желаетъ только отдыху и
свиданія съ родиною, съ своею Франціею, о которой Казиміръ
Делавинъ никогда не упуститъ сказать нѣсколько
прекрасныхъ стиховъ. При волшебныхъ торжественныхъ
словахъ «родина, родительскій домъ», Матильда воспа-
мняется страстью, приходитъ въ восторгъ. Она, ребенокъ,
тоже оставила родину и между-тѣмъ сохранила объ ней

память и любить ее. Мелюзина, напротивъ, знаетъ толкъ востокъ: тамъ ея мѣръ, тамъ ея сфера. Ерусалимъ — ея царство; она не любитъ другихъ горъ кромѣ Кармелъ. Но, чтобы сдѣлаться царицей, Мелюзина хочетъ сдѣлать Бодуэна царемъ. «Властвуй; тебѣ престолъ, тебѣ и слава». Она, безумная, идетъ, чтобы употребить для Бодуэна все свое знаніе и все могущество Гонтрана. Но чему служить знаніе такой страшно-великой науки, когда посредствомъ его нельзя разгадать самой простой вещи? Едва Мелюзина уходитъ, Бодуэнъ объявляетъ Матильдѣ: — Я не люблю и не буду любить никого кромѣ тебя! Я буду царемъ длатого, чтобы ты была царицей.

Этимъ оканчивается первый актъ. Со втораго начинается настоящая борьба Мелюзины съ Гонтраномъ. Она теперь уже непременно требуетъ могущества, котораго поутру желала: она болѣе чѣмъ когда-либо хочетъ властвовать надъ царствомъ преисподней, чтобы приобрѣсть власть и царство на землѣ. Она любитъ Бодуэна. — Ты любишь его! говоритъ Гонтранъ: о! какъ ничтожно человеческое знаніе! Я знаю все, и не могъ прочесть тайны сердца у ребенка! — На это Мелюзина отвѣчаетъ, во-первыхъ, какъ женщина: «Какъ же можно читать въ моемъ сердцѣ?... Но теперь я скинула покровъ. Читай: я люблю его, а онъ мыслить и чувствуетъ только мною; онъ только мной и дышетъ. Бодуэнъ всѣмъ будетъ обязанъ мнѣ». Потомъ, когда кончилась рѣчь женщины, начинается рѣчь демона. Мелюзина въ свою очередь приходитъ въ упоеніе отъ могущества, котораго просить, — будь оно молніей небесной или отсвѣтомъ ада: до этого ей дѣла нѣтъ. Она, во что бы то ни стало, хочетъ знать роковое волшебное слово.

— И я произнесу его! Я, этими глазами, которые устремлены на тебя, увижу, какъ по слову моему неослаземые духи возстанутъ и понесутся изъ безднъ, изъ отверзтыхъ гробовъ, чтобы объяснить мнѣ тайну и подчинить мнѣ матерію и пространство. Говори! дай мнѣ это слово, чтобы полчища демоновъ покорились моей власти, чтобы свѣтъ изъ завѣтной книги сіялъ тамъ, гдѣ я посередѣ круга изъ костей, безъ тебя, сама испытаю чары, брошу

на вѣтеръ ночи грозныя заклинанія и вызову по именамъ невидимыхъ демоновъ. Я вызову всѣхъ....

При этихъ страшныхъ словахъ Гонтранъ, блѣдный, встревоженный, въ страхъ за прекрасную дѣвушку, которая губитъ себя, свою душу, и за что же? за каплю власти, за одинъ часъ беспорядку въ законахъ природы! — За цѣлый вѣкъ царствованія, говоритъ Мелюзина. — «Что значитъ цѣлый вѣкъ передъ вѣчностью? возражаетъ Гонтранъ: одна точка въ безпредѣльномъ пространствѣ. Суетное, однодневное царствованіе, вѣкъ, равный одному мгновенію, повергнетъ тебя, обремененную проклятіемъ, во власть того, который уже ждетъ меня.»

Тронутые и приведенные въ ужасъ зрители содрогаются и удваиваютъ вниманіе и любопытство, раздѣляютъ бурныя страсти, предчувствуютъ и предъугадываютъ страшную драму. Мелюзина неистовствуетъ; Гонтранъ изнемогаетъ подъ бременемъ вѣчныхъ страданій; Матильду защищаютъ тихія добродѣтели; Бодуэна поддерживаетъ любовь, а тамъ, вдали, страшный голосъ демона. «Никогда! кричатъ зрители, никогда Делавинь не бывалъ смѣлѣе въ своей отвзжности; никогда онъ не заклиналъ невидимое голосомъ болѣе твердымъ и могущественнымъ, выраженіемъ болѣе сильнымъ и истиннымъ, взглядомъ болѣе гордымъ и величественнымъ!» Въ это время является новое лицо, грозный Ахиллесъ-крестоносецъ, непобѣдимый Танкредъ, также жаждущій власти и царства.

— Вы знаете, кто я, говоритъ онъ: вы должны знать, слушайте, слушайте! драма началась; грозная борьба завязалась; она будетъ ужасна, — Гонтранъ и Мелюзина, Танкредъ и Бодуэнъ, Мелюзина и Бодуэнъ, Бодуэнъ и Матильда. Бушуйте, бури! небо, покройся тучами! развертывайся драма! возрастай ужасъ! Зрители едва переводятъ дыханіе. Страшенъ и великъ поэтъ; страшна и трогательна Рашель; голосъ ея гремитъ, взоръ искрится, сверкаетъ чернымъ огнемъ страсти; она великолѣпна..... И вдругъ все умолкаетъ; грозная, прекрасная драма, только-что начавшись, исчезаетъ; занавѣсъ падаетъ. Она была полна въ головѣ поэта; она готова была выйти изъ бездны, скрытой подъ костяною кровлей творческаго

генія; она была бы могущественна и прекрасна; она была бы исполнена любви, украшена страданіями и слезами поэта..... но смерть отрѣзала конецъ и все разрушила. Зрители пришли въ восторгъ только затѣмъ, чтобы сильнѣе почувствовать сожалѣніе.

Прекрасная и могущественная волшебница Мелюзина пришла на западъ съ востока, вмѣстѣ съ изгнанными изъ Ерусалима крестовыми рыцарями. Это та полу-женщина, полу-змѣя, отъ которой происходятъ всѣ властители изъ роду Люзиньяновъ. Она обладала тайною наукой; она безсмертна. При видѣ неописанной красоты ея всѣ сердца воспалялись безнадежною страстью, всякая воля порабощалась. Мелюзина жила и царствовала на слѣдующемъ условіи: шесть дней въ недѣлю она была прекрасною женщиной и могущественною царицей, а въ субботу превращалась въ пресмыкающееся чудовище. И если тотъ, кого она любитъ, увидитъ ее въ этой змѣиной кожѣ, то она навѣкъ должна въ ней остаться. Такъ и случилось. Однажды въ субботу, лежа на солнцѣ, Мелюзина не примѣтила, какъ подошелъ ея мужъ и, увидѣвъ, хотѣлъ убить опасное чудовище. Она спаслась и укрылась въ подземельѣ, подъ башнею люзиньянскаго замка. Съ-тѣхъ-поръ змѣиха ведетъ одинокую, кочевую жизнь. Вы встрѣчаете ее, то робкую, то страшную, въ высокихъ рвахъ, между развалинами древнихъ стѣнъ; въ полночь, когда горитъ звѣзда пастуховъ, она взбирается на вершину башни; въ полдень, когда сіяетъ солнце, она грѣется у ея подножія. Всякій разъ, когда какое-нибудь бѣдствіе постигаетъ ея домъ, она испускаетъ крики, которые народъ въ Поату называетъ *воплями Мелюзины*. Подъ этою змѣиною кожей продолжаетъ жить женщина со всѣми своими страстями и надеждами; со всею своею любовью и тревогой, страхомъ и честолюбіемъ: она ждетъ своего избавленія, своего превращенія снова въ образъ женщины въ то время, когда одинъ изъ потомковъ дома, Люзиньяновъ взойдетъ на престолъ ерусалимскій. Одинъ изъ сыновей ея былъ царемъ ииридскимъ, другой царемъ армянскимъ, третій королемъ бретонскимъ; отъ нея произошли герцоги Люксембургскіе и Форезскіе; она—мать

Голореча Большаго-Зуба. Такъ повѣствуетъ преданіе. Делавинъ, силою своего генія воскресившій дожа Мартино Фаліéro и императора Карла Пятаго, снова вызвалъ и поэтически украсилъ Змѣиху-Мелюзину, далъ ей новую, прекрасную жизнь, но только на минуту: явилась другая чародѣйка, грозная смерть, и Мелюзина, неконченная мечта, опять скрѣлась въ непроницаемый мракъ тайны.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Ну, слава Богу — пость! — конецъ всѣмъ этимъ сатурналиямъ, — блинамъ — руладамъ — крикамъ — шуму — и несноснѣйшему изъ всѣхъ несносныхъ шумовъ, музыкѣ синьора Доницетти. Пусть желудки прійдутъ въ порядокъ, пусть уши освѣжятся чѣмъ-нибудь по-умнѣе, пусть нервы, разбитые монотонными формулами этой фабричной мелопен, нѣсколько успокоятся среди болѣе художественныхъ впечатлѣній. Дурной музыкѣ наслаивались мы вдоволь: не принесутъ ли намъ концерты чего-нибудь по-интереснѣе? Формулы, распѣваемые искусно прекрасными голосамп, могутъ, нѣкоторое время, и при извѣстномъ расположеніи духа, казаться прелестною новизною, но, наконецъ, они жестоко надоѣдаютъ: скука — неизбежный конецъ подобаго наслажденія, наслажденія потому что нѣтъ ничего однообразіе посредственности, какъ бы она ни разнообразилась. Невольно чувствуешь потребность переменить родъ, услышать что-нибудь другое, разсѣяться новымъ или менѣе неизвѣстнымъ. Никогда инструментальные солисты не показались бы намъ занимательнѣе, пріятнѣе, свѣжее, какъ въ эту годину пресыщенія, послѣ этого нашествія Беллини и Доницетти на наши уши. Но инструментальные солисты, герон смычковъ и клавиатуръ, бѣгаютъ нынче Петербурга, нѣкогда понятливаго и щедраго ихъ покровителя. И справедливо! Что мы нынче принесемъ въ ихъ концерты?... развалины ушей и лоскутки кармановъ! Сервѣ не нашелъ себя слушателей въ Петербургѣ! Сервѣ долженъ былъ уѣхать въ южную Россію и тамъ искать знатоковъ своего генія, дѣятелей своему чудному искусству! Совѣстно сквзата, непріятно признаться. Миланолоа ѣхали въ Петербургъ, и, узнавъ объ этомъ, паворотили въ Амстердамъ. Зрнствъ

также отказался отъ нашествія. Дѣлать уже два года полюблетъ. Одинъ Гаузеръ, храбро рѣшился предстать передъ нами въкусъ съ своей блистательною скрипкою. Господинъ Гаузеръ—скрипачъ первоочинный, скрипачъ новѣйшій, волшебникъ на гриффѣ, романтикъ въ смычкѣ, шекспирность въ звукахъ, пѣвецъ сильной страсти, поэтъ печальностей и чудныхъ вѣселятовъ. Въ нгрѣ его соединяются отпечатки игоръ Оле Булля и Сивори, но звукъ его полнѣе, выраженіе мужественнѣе. Это не мѣшаетъ господину Гаузеру, вдругъ, надѣть парикъ и явиться классикомъ перваго разбору. Господинъ Гаузеръ—Мадяръ, Венгерецъ, землякъ Листа, и, подобно великому свѣтилѣ Мадарин, понимаетъ духъ всѣхъ школъ, играетъ во всѣхъ родахъ. Въ программѣ его, концертъ Майзедера идетъ рядомъ съ «Венеціанскимъ карнаваломъ» Паганини, бравурныя варіаціи—съ заунывнымъ Siciliano. Первый концертъ свой дастъ онъ въ понедѣльникъ, пятаго марта. Въ этомъ концертѣ принимаетъ участіе превосходная пѣвица, госпожа Финкъ-Лоръ, которая, по семейнымъ обстоятельствамъ, поселилась въ Петербургѣ и посвятила свой прекрасный, удивительно обработанный голосъ и свою отличную методу преподаванію уроковъ пѣнія, италянскаго и французскаго. Кто хочетъ пѣть съ настоящимъ искусствомъ и со вкусомъ, долженъ учиться пѣть у нея: одна она, у насъ, между преподавателями пѣнія, можетъ дать и правило и отличный примѣръ. Госпожа Финкъ-Лоръ будетъ пѣть *арію Пачини* (вѣроятно изъ «Ніобы»): тѣ, которые апплодируютъ многому въ итальянской оперѣ, должны по слушать, у этой пѣвицы, какъ собственно дѣлаются голосомъ хроматическія гаммы *staccato*. Сама она дастъ свой концертъ тринадцатаго марта, въ два часа по полудни.

— Мы должны обратить вниманіе любителей фортепіанной музыки на одно весьма пріятное явленіе. Вънъ нашъ — вънъ полекъ, а по части полекъ пѣтъ и, подъ луною, быть не можетъ ничего восхитительнѣе, чуднѣе, изящнѣе, остроумнѣе, искуснѣе, интереснѣе, воздушнѣе, заблищнѣе, зевриѣе, шести или семи полекъ, изданныхъ здѣсь недавно однимъ молодымъ камермейстеромъ, ученымъ музыкантомъ, даровитымъ и полнымъ прелестныхъ идей композиторомъ. Польки господина Виктора Кажин-

скаго, который только-что воротился изъ Праги,—гдѣ искалъ онъ, для этого роду пьесъ, свѣжихъ, подлинныхъ, мѣстныхъ вдохновеній,—своими гармоническими эффектами, прелестными мотивами, разнообразіемъ переходовъ и умныхъ, одушевленныхъ брио, такъ же затѣмъваютьъ всѣ прочія польки, парижскія, берлинскія, вѣнскія, лондонскія, какъ солнце затѣмъваетъ своимъ лучезарнымъ вѣдомъ эти мелкія звѣзды, которыя гдѣ-то сливаются тоже солнцами. Это—настоящія маленькія поэмы. Польки господина Кажинскаго можно поставить на ряду съ мазурками Шопена. Названія ихъ такъ же милы какъ и содержанія: одну зовутъ Элизабетъ-полькою, другую Маріентъ-полькою, третью Леонора-полькою, четвертую Амата-полькою; прочія называются — *Petersburger-polka: Polka dédiée à Chopin, Polka lithuanienne, tableaux, musical*. Всѣ эти прелестныя пьесы изданы здѣшнимъ музыкальнымъ магазиномъ Клевера, бывшимъ Пеца (Большая Морская, № 28). Мы слышали, что и господинъ Кажинскій также даетъ охотно уроки — игры на фортепіано, генеральнаго баса, контрапункта, и такъ далѣе. Извѣстіе это очень пріятно: невозможно и желать учителя болѣе искуснаго, болѣе ученаго по всѣмъ частямъ музыки, болѣе понятливаго. Никто не аккомпанируетъ на фортепіано умнѣе, одушевленнѣе, ловче его, никто такъ удачно не входитъ въ духъ сочиненія и манеру артиста: господинъ Кажинскій, не тащится за пѣвцомъ или музыкантомъ, но поддерживаетъ его, даетъ ему новую жизнь, развязываетъ его норовы, умножаетъ вдохновенія. Этотъ аккомпаниментъ—прелесть прелестей. Пѣвцы, пѣвицы, инструментальные солисты, почитаютъ себя счастливыми, когда господинъ Кажинскій беретъ «держать фортепіано» въ ихъ концертахъ.

— Дѣлеръ, и виолончелистъ Пятти, наконецъ пріѣхали. Они даютъ первый концертъ во вторникъ, шестаго числа. Господинъ Дѣлеръ раздѣляетъ съ Листомъ и Тальбергомъ фортепіанное царство въ Европѣ. Листъ—Дѣлеръ—и Тальберъ—эти три имени идутъ всегда вмѣстѣ. Кто слышалъ двухъ, долженъ непременно послушать третьяго, чтобы имѣть полное понятіе о современномъ состояніи фортепіаннаго искусства.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ И АНГЛІЙСКІЯ КНИГИ.

(Даны на серебрѣ, безъ переплетен.)

HEATH'S BOOK OF BEAUTY, for 1843, edited by the Countesse of Blessington with beautifully finished engravings (un magnifique, vol. in 8., relié en soie) London (8 r.).

THEE KEEPSAKE, for 1845, edited by the Countesse of Blessington with Highly finished engravings by the most eminent artists, in 8., relié en soie (8 r.).

GENIUS OF EUROPEAN, art. the best pictures of the best schools, edited by S. C. Hall, petit folio, 13 livrais. London (15 r.).

THE AGES OF FEMALE BEAUTY, illustrated in a series of engravings from Drawings by the most eminent artists, edited by F. Montagu, in 4., relié, doré sur tranché (6 r.).

TYPES, PHYSIONOMIES, POSES et COSTUMES DES PERSONNAGES DU SUPPLÉMENT, in 4., de 12 planches lithographiées. Paris, 1845, art. (2 r. 50 c.).

VOYAGE DE PARIS DANS L'AMÉRIQUE DU SUD, poussé jusque au Havre inclusivement, par Cham, in 4., de 22 planches caricat., cart. (2 r. 50 c.).

LE FOYER BRETON, traditions populaires, par E. Souvestre. Un vol. gr 8. illustré par M. M. Johannot etc. Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

HISTOIRE DE ST. AUGUSTIN, sa vie, ses œuvres, son siècle, influence de son génie, par Poujoulat, 3 vol., 8, Paris, 1845 (6 r.).

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE DE PALÉONTOLOGIE, ou Histoire naturelle des animaux fossiles, par Pictet, tome 1-er, 8, Paris, 1844 (2 r. 70 c.).

CORTES CHINOIS, précédés d'une histoire pittoresque de la Chine, par Ch. Kiebbinme. Un vol. in 8., illustré, Paris, 1845 (2 r. 50 c.).

ETUDES DES PASSIONS APPLIQUÉES AUX BEAUX-ARTS, par Delestre. Un vol., in 8, Paris, 1845 (2 r. 15 c.).

THÉORIE DES MACHINES A VAPEUR, par le Comte de Pambour. Un vol. in 4., avec un album de 23 planches, Paris, 1844 (14 r. 30 c.).

LES ANIMAUX HISTORIQUES, par O. Fournier, illustrations de V. Adam. Un vol., in 8, Paris, 1845 cartonné (2 r. 85 c.).

DE LA LIBERTÉ DU TRAVAIL, ou Simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance, par Ch. Dunoyer, 3 vol., 8, Paris, 1845 (6 r. 40 c.).

T. LXIX. — OTRA. VII.

HISTOIRE DE LA POÉSIE DES HEBREUX, par Herder, trad. de l'Allemand.

Un vol. 8. Paris 1845. (2 r. 15 c.).

VOYAGES FAITS DANS LES MOULOUQUES à la Nouvelle Guinée et à Célèbes, par de Bondick-Bastanac. Un vol., 8, Paris, 1845 (1 r. 70 c.).

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ М. А. Волкова, книжничества Е. С. Савиной въ Гродненскомъ Корпусѣ, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебрѣ.)

Пьесы для скрипки.

- BERIOT.** 4-me concerto avec acc. d'orchestre, op. 46 (4 r. 58 c.).
 — le même Concerto avec acc. de quatuor, op. 46 (2 r. 29 c.).
 — le même Concerto avec acc. de piano, op. 46 (2 r.).
- HAUSER.** Nocturne pour violon avec piano, op. 1 (85 c.).
 — Introduction et rondo sur des thèmes hongrois pour violon avec piano, op. 2 (1 r. 43 c.).
 — Introduction et variations de concert sur des thèmes de Donizetti, pour violon avec acc. d'orchestre, op. 7 (3 r. 43 c.).
 — les mêmes avec acc. de piano, op. 7 (1 r. 15 c.).
- JANSA.** Der junge Opernfreund, op. 60 № 19: Donizetti, Marie ou la fille du régiment, (85 c.).
- ST. LUBIN.** Morceaux de salon. 2 Nocturnes pour violon avec piano, op. 474 1. 2., (2 r. 58 c.).
- BRUME.** Concertino pour violon avec acc. d'orchestre, op. 4 (5 r. 15 c.).
- BYVORI.** Fantaisie-étude pour violon avec acc. d'orchestre, op. 10 (4 r.).
 — la même avec acc. de piano, op. 10 (2 r. 29 c.).
- VIUKTEMPS.** Souvenir d'Amerique. Jankee Doodle. Variations burlesques pour violon avec acc. de quatuor, op. 17 (1 r. 79 c.).
 — — — les mêmes avec acc. de piano, op. 17 (1 r. 43 c.).

Пьесы для виолончеля.

- BATTA.** Air béarnais, chants de montagnes avec acc. de piano (1 r. 15 c.).
- FRANCO-MENDES.** 6 Caprices pour le violoncelle seul, op. 37 (1 r.).
- HAUSMANN.** Fantaisie sur Oberon, opéra de Weber, avec acc. de piano, op. 4 (1 r. 72 c.).

— — — *Les Charms de Brighton*. Morceau de salon avec acc. de piano, op. 5 (1 r. 72 c.).

LEE. Divertissement sur la Sirène d'Auber, avec acc. de piano, op. 24 (35 c.).

SCHUBERTH. A l'espoir de se revoir. Romance pour le violoncelle, avec acc. piano, op. 9 (58 c.).

Пьесы для флейты.

BELCKE. Melodies pour flûte et piano, op. 21 (1 r. 29 c.).

BRICCIALDI. Grand solo pour flûte, avec acc. de piano, op. 3 (2 r. 29 c.).

— — — Concertino pour flûte avec piano, op. 10 (2 r.).

— — — Fantaisie sur des motifs de la Linda di Chamounix, avec acc. de piano, op. 14 (1 r. 72 c.).

— — — Fantaisie sur des motifs des Huguenots, pour flûte avec piano op. 18 (2 r. 85 c.).

FÜRSTENAU. Reminiscences de Rienzi. Introd. et rondino pour flûte et piano, op. 143 (1 r. 43 c.).

— — — Les Eglantines. 3 Morceau sur des chansons de Reissiger et Schubert, pour flûte et piano concertants, op. 135. № 1—3, (4 r. 58 c.).

KUMMER. Pièces lyriques pour flûte et piano, d'après des poèmes de Rückert, op. 109 (1 r. 72 c.).

TULOU. Thème varié pour flûte seule ou avec acc. de piano, op. 89 (1 r. 43 c.).

— — Fantaisie sur des thèmes des Diamans de la Couronne avec acc. de piano, op. 90 (1 r. 72 c.).

— — 9-me solo pour flûte avec acc. piano, op. 91 (2 r.).

WIKER. Concertino op. 26 arr. pour flûte et piano, par Belcke, (1 r. 15 c.).

Пьесы для одного фортепиано.

АЗАРЕНЧЪ. Фантазія и вариациі на цыганскую пѣсню: Коса (1 р.).

BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Pétersbourg :

№ 8. Donizetti, Cavatine de l'opéra Maria di Rohan, chanté par Mlle Alboni (30 c.).

№ 9. Beriot, Air chanté dans l'Elisire d'Amore, par Mme Viardot-Garcia (60 c.).

№ 10. Balfe, Air chanté dans Don Pasquale, par Mme Viardot-Garcia (75 c.).

— — — Paulinen. Valse d'après l'air favori de Balfe (chanté par Mme Viardot). (60 c.).

BEJARET. La valse interrompue. Fantaisie romantique, op. 26 (1 r. 72 c.).

- BÖHLER.** 3-е, 9-е и 10-е Nocturne, op. 53 № 1—3, à 86 к., (2 r. 50 c.)
 — 3 Mazurkas, op. 53 (1 r. 72 c.).
- BRUNSMANN.** Le salon. Idylle, (40 c.).
- BÜTSCH.** Pensée funèbre sur la mort de S. A. J. Madame la Grande Duchesse **ALEXANDRA NICOLAËVNA** (40 c.).
- DUVERNOY.** 2 fantaisies sur la Sirène d'Auber, op. 135 № 1, 2, à 86 к., (1 r. 72 c.).
 — — — La Polka nationale, bagatelle, op. 134 (86 c.).
- DU VERNOY.** Variations et final sur la romance favorite «Я ВОДЯНЫЙ РОСТЪ МЯРА» de Warlamoff, (85 c.).
- HELLER.** Valse élégante, op. 42 (1 r. 29 c.).
 — — Valse sentimentale, op. 43 (1 r. 29 c.).
 — — Valse villageoise, op. 44 (1 r. 29 c.).
- HENSELT.** 2 Romances du Comte M. Wielhorsky, transcrites (1 r.).
 — — Duo de l'opéra Euryanthe de Weber, transcrit (85 c.).
- HERZ.** Air montagnard varié, op. 129 (1 r. 29 c.).
 — — Fantaisie et variations sur plusieurs motifs de la Sirène d'Auber, op. 141 (1 r. 72 c.).
- HILLER.** 2 Impromptus brillants, op. 39 № 1, 2, à 86 к., (1 r. 72 c.).
- KALKRENNER.** Souvenirs de la Sirène, fantaisie, op. 100 (1 r. 43 c.).
- LEGBAND.** Air final de la Lucia di Lammermoor, transcrit (1 r.).
 — — — «Cujus animam» air favori du Stabat Mater de Rossini, transcrit (85 c.).
- LISST.** Колоселъ, air favori de A. Alabiéff, transcrit (nouvelle édition) (85 c.).
 — — Galop favori de Bulhakoff, transcrit (75 c.).
- MAYER.** Seconde Toccata, op. 75 (85 c.).
 — — Chanson de Printems, op. 79 (60 c.).
 — — Romance sans paroles (50 c.).
- MEYER.** Machmudier, air guerrier des Turques, op. 83 (1 r. 15 c.).
 — — Bajazeth, air national des Turques, op. 23 (1 r. 15 c.).
- SCHILLER.** Reminiscences de la Sonnambula; morceau de salon (1 r.).
 — — — Diverissement sur une cavatine de Niobe, (1 r. 29 c.).
- THALBERG.** Grande fantaisie sur Zampa de F. Herold, op. 53 (2 r.).
- ТЩЕНУЛСКИЙ.** La Passaggiata. Romance de Rossini, transcrit (85 c.).
- VOLLWEILER.** Élégie en forme de marche funèbre, (75 c.).
 — — — «Любля я» romance du Comte M. Wielhorsky, transcrit (75 c.).

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернарда на углу Невскаго Проспекта и Большой Морской, въ домѣ Чаплиныхъ.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на ятнадцатъ руб. сер., пользуются означенною уступкою, кромѣ-того ничего не прилагаютъ на пересылку.

Выгодою этой пользуются только тѣ особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*.

На дѣлахъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы.

Въ этомъ же магазинѣ вышла, перваго марта, третья тетрадь Музыкальнаго Журнала «Новеллистъ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

КАНЦОННИКИ. *La Solitude, Nocturne*; ВОЩИЦА, романсъ en forme d'étude. ВОСКНИЖЕНІЕ. *Le Passé, romanço sans paroles*. ДУВН. *Variations sur le duc célèbre de l'opéra J Puritani de Bellini*. ТИЛ. *La plus jolie Polka*. ЖВАНІТКУ. *Romanço française*. *Балмещевъ*. Цыганѣнокъ. Романсъ. Литературное прибавленіе № 3.

Подписная цѣна, на годъ, 10 руб. сер. — съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

МОДЫ.

=

— Для визитовъ, прогулокъ, утреннихъ концертовъ, дамы рѣшительно хотятъ возстановить капоты, то есть, платья, застегивающіяся, убранныя впереди. Особенныхъ фасоновъ нѣтъ въ модѣ, и оно лучше, потому что можно одѣваться по своему вкусу. Цвѣта модные—черный, сѣрый и всѣ темные, болѣе или менѣе траурные, отливы. Вотъ нѣсколько полныхъ нарядовъ для выѣздовъ: — Капотъ шелковый, съ чернымъ отливомъ: два бѣе, узкія у талия, постепенно расширяющіяся къ подолу, положены вдоль юбки, одно отъ другаго на двойномъ разстояніи противъ ихъ собственной ширины; по краямъ, каждое бѣе обшито тремя рядами узенькихъ, черныхъ, бархатныхъ лентъ; въ промежуткѣ между двухъ бѣе—три ряда тѣхъ же лентъ нашиты поперегъ, острыми углами внизъ; на серединѣ всей длины юбки—еще три ряда, и у талия точно также, но въ меньшемъ размѣрѣ; корсажъ гладкій, очень высокій сзади, впереди немного открытый, съ отворотами въ родѣ воротниковъ мужскихъ открытыхъ жилетовъ: въ словарѣ портныхъ это называется—отвороты *шалю*; корсажъ, по краямъ, обшитъ узенькимъ бархатомъ и, впереди, на кисейной глухой манишкѣ, заснурованъ узенькими бархатными ленточками; рукава—вверху съ разрѣзными жокейчиными, а внизу—съ тремя рядами бархатныхъ лентъ, нашитыхъ остроугольно кверху; маншетки кружевные, собранныя всерединѣ: одна половина спущена на кисть руки; шляпка изъ фіолетоваго неразрѣзнаго бархату, съ шарфомъ той же матеріи, обшитымъ чернымъ кружевомъ; снизу подколота бархатная зелень.—Капотъ изъ темнаго пу-де-соа, трехъ отливовъ, чернаго, зеленаго и оранжеваго, убранный въ видѣ передника полосой чернаго бархату, внизу очень широкою, къ талия постепенно убавленною; посерединѣ бархату—бантики въ двѣ петли, съ маленькими золотыми пражками, во всю длину юбки; кор-

сажъ—совсѣмъ гладкій; бархатный пелеринъ, сзади круглый, впереди соединяющійся съ полосой бархату, нашитою на юбку; плеча и передніе швы совсѣмъ покрыты бархатомъ; рукава—гладкіе вверху; круглыя жокейчики выходятъ изъ-подъ пелерина; у кисти руки—круглыя обшлага, также бархатные, и кружево, спущенное на кисть; шляпка изъ неразрѣннаго бархату, двуличневаго, чернаго съ оранжевымъ, съ маленькимъ волежъ изъ чернаго кружева и вѣткой гераніума; нодъ полни подколоты такіе же цвѣты.—Капотъ терно, сѣро-перловаго цвѣту; юбка убрана четырьмя полосами чернаго бархату; отъ талии, каждая двѣ полосы по-немногу расходятся, и внизу каждая изъ нихъ—шириною въ полтора вершка; поля соединены маленькими, частыми, стеклярусовыми пуговками; корсажъ—высокій, гладкій, убранный отъ плечъ къ талии, съ каждой стороны, двумя полосами бархату; самый корсажъ всерединѣ застегнутъ такими же пуговками; рукава—гладкіе у кисти, очень свободные, съ небольшими отворотами, обшитыи бархатомъ; вверху—жокейчики, обшитые также бархатомъ; нижніе рукава—кисейные, обшитые кружевомъ, спущеннымъ на кисть; шляпка—приличная цвѣту платья, собранная на широкихъ косточкахъ, съ бѣлыми лентами и вѣткой темно-оранжеваго шиповнику съ густой зеленью; снизу подколота зелень съ нѣсколькими почками того же растенія.

— Бальные наряды теперь не нужны, но, на всякій случай, вотъ нѣсколько прелестныхъ костюмовъ:—Платье бѣлое тарлатановое, въ двѣ юбки, первая—съ широкою надъ рубцомъ вышивкой бѣлаго блестящаго шелку, вторая—чуть доходящая до вышивки; нижняя юбка—также съ рубцомъ и вышита; корсажъ—гладкій, открытый, убранный двойною бертой изъ тонкаго кружева, прикрѣпленною впереди тремя розетками розовыхъ лентъ; рукава—гладкіе маленькіе, которые берта совсѣмъ покрываетъ; на головѣ гирлянда разноцвѣтной зелени съ двумя пышными розами, спущенными съ каждой стороны ровно съ прическою.—Платье голубое, барежевое съ атласными полосами, убранное тремя широкими косыми сборками, падающими одна на другую; корсажъ—гладкій, убранный бертою изъ

пяти біе; рукава—гладкіе съ двумя біа; головной уборъ—
 изъ голубыхъ бархатныхъ лентъ, персоннакъ біаши
 бусами.—Платье розовое, газоновъ, въ двѣ юбки: нижняя
 —съ рубцомъ; надъ нимъ—три рюль изъ розоваго атласу,
 пришитые одно отъ другаго на разстояніи полу—вершка; вто-
 рая юбка—открытая, убранныя рубцомъ и такими же рюль;
 персакъ—открытый, гранозный, убранныя кругомъ плечь
 и талия маленькими изъ розоваго атласу рюль; рукава—
 очень короткіе, слегка пробранныя, и точно такъ же убранныя;
 на головѣ—вѣнокъ изъ меленькихъ цвѣтковъ съ тем-
 ною зеленью.

==

СТАТИСТИКА ПРИВВНОЙ КОРОВЬЕЙ ОСПЫ. *Премія за лучшее сочиненіе объ этомъ же предметъ.* Изъ официальныхъ документовъ о прививаніи оспы, недавно изданныхъ въ Парижѣ, видно, что въ 1843 году изъ 910,337 дѣтей была привита оспа 547,646, то есть, немного болѣе нежели половинѣ и что 11,779 дѣтей, которымъ прежде была привита оспа, получили потомъ оспу натуральную; изъ этого числа 1,294 были обезображены или остались хворыми; 1,379 же дѣтей умерли.

Донесеніе, представленное министру народнаго просвѣщенія, о прививаніи оспы въ 1843 году, содержитъ въ себѣ весьма замѣчательныя свѣдѣнія, извлеченныя изъ переписки врачей, коровью оспу прививавшихъ въ разныхъ департаментахъ. Мы сообщимъ ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ.

Прививная оспа современемъ теряетъ свою силу; по прошествіи десяти, двадцати, иногда двадцати пяти лѣтъ, послѣ прививанія, можетъ быть у человѣка натуральная оспа.

Подобная оспа для людей, которымъ была привита коровья оспа, гораздо менѣе опасна нежели для людей, которымъ она не была привита.

Вторичная оспа гораздо опаснѣе той, которая бываетъ

у людей послѣ того, какъ прививная оспа потеряетъ свою силу.

Для возобновленія прививной оспенной матеріи должно извлекать ее изъ источника, а именно изъ вымени англійскихъ коровъ.

Вторичное прививаніе такъ же дѣйствительно противъ оспы, какъ и первое.

Иногда дѣти подвергаются оспѣ въ утробѣ матери; въ такомъ случаѣ должно прививать матерямъ коровью оспу во время ихъ беременности.

Въ то же время парижская академія наукъ предложила премию за лучшее опытное разсужденіе о дѣйствіи прививной коровьей оспы. Сочиненій прислано было до десяти. Комиссія, назначенная для ихъ разбору, представила собранію свои заключенія въ донесеніи, котораго редакторомъ былъ господинъ Seges. Отвѣты многочисленныхъ изслѣдователей на вопросы, обнародованныя академіей, состоятъ въ слѣдующемъ:

Предохранительное свойство прививной коровьей оспы для большей части людей неограниченно; для меньшей же части оно дѣйствительно только болѣе или меньше продолжительное время; и въ послѣднемъ случаѣ оно почти неограниченно до юношескаго возрасту.

Натуральной оспѣ, бывающей послѣ того какъ прививная потеряетъ свою силу, подвергаются люди только съ десяти или двѣнадцати до тридцати-пяти-лѣтняго возраста.

Кромѣ предохранительнаго свойства, прививная коровья оспа служитъ еще къ ослабленію дѣйствія вторичной оспы.

Дѣйствія возобновленной прививной оспенной матеріи гораздо вѣрнѣе, нежели дѣйствіе первой матеріи.

Чтобы прививная оспенная матеріи могла сохрѣнить свое свойство, должно возобновлять ее чаще.

Между всѣми способами возобновленія прививной оспенной матеріи, можно только положиться на существенную дѣйствительность одного: извлеченія матеріи изъ источниковъ ея.

Вторичное прививаніе есть единственное средство, по

которому врачи могутъ различить людей, совершенно предохраненныхъ, отъ людей, которые предохранены на бѣлѣ или менѣе продолжительное время.

Привившееся вторичное прививаніе не служитъ еще доказательствомъ того, что человѣкъ, которому оно сдѣлано, непременно бы получилъ натуральную оспу; вѣрно однако жъ, то, что только люди, у которыхъ принимается вторичное прививаніе, подвержены еще натуральной оспѣ.

Въ обыкновенное время, вторичное прививаніе должно быть произведено на четырнадцати-лѣтнемъ возрастѣ; во время же эпидеміи раньше.

Эти заключенія извлечены изъ опытовъ и фактовъ, изложенныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ, между которыми, однако жъ, ни одно не было признано достойнымъ предложенной преміи въ десять тысячъ франковъ. Комиссія раздѣлила эту сумму и выдала ее въ видѣ награжденій авторамъ лучшихъ изъ представленныхъ сочиненій: Кювондъ Бускѣ—пять тысячъ франковъ, Штейнбрешнеру—двѣ тысячи пять сотъ франковъ и Фіару—двѣ тысячи пять сотъ франковъ.

Вѣстѣе негровъ съ западнаго берега Африки.
Эта статья, заимствованная изъ «Annuaire des Voyages et de la Géographie», содержитъ въ себѣ много дѣльных замѣчаній, собранныхъ капитаномъ французскаго флота и губернаторомъ Сенегалин, во время крейсерства его въ 1838 и 1839 годахъ, вѣстѣе съ англійскими военными кораблями, для поимки судовъ, на которыхъ перевозили въ Америку на продажу негровъ, скупленныхъ по берегамъ Африки.

«Оставивъ Горю четвертаго ноября, я былъ на высотѣ Галлиаса наканунѣ пятнадцатаго числа того же мѣсяца; между прочими порученіями, на меня было возложено захватить корабли, производящіе торгъ неграми. Я давно зналъ, что Галлиасъ былъ центромъ самаго дѣятельнаго торга на всемъ сѣверномъ берегу, и направился туда; держась на разстояніи ста лѣе отъ берега, я, однако жъ, встрѣчалъ только такіе корабли, которыхъ не могъ за-

держатъ, потому что они шли подъ флагами государствъ не подписавшихъ трактата объ уничтоженіи торгоу неграмъ.

Въ Галлинасѣ находится нѣсколько складочныхъ мѣстъ или балагановъ (baggasoni) для этого торгоу. Значительнѣйшіе изъ нихъ принадлежатъ доу Педро Бланко, чрезвычайно богатому Испанцу, имѣющему большое вліяніе на всю страну. Онъ ведетъ обширный торгоу и имѣетъ такіе же балаганы съ неграмъ на мысѣ Монте, въ Кигби и Сѣстрѣ....

До пятнадцати англійскихъ военныхъ судовъ и два или три французскихъ, постоянно крейсаруютъ около берега, чтобы захватывать суда, нагруженныя этимъ запрещеннымъ товаромъ. Несмотря на многочисленность и дѣятельность англійскихъ крейсеровъ, несмотря на денежныя награды, щедро выдаваемыя имъ, они еще до-сихъ-поръ не искоренили торгоу, производящагося на берегу между Галлинасомъ и Юнгъ-Сѣстромъ. Въ Галлинасѣ было въ балаганахъ четыреста негровъ, готовыхъ къ отсылкѣ, около сотни близъ мыса Монто, столько же въ Малой-Бассѣ и отъ трехъ до четырехъ сотъ въ Юнгъ-Сѣстрѣ.

Торгоу неграмъ производится теперь только подъ испанскимъ и португальскимъ флагами. Прежніе французскіе капитаны давно уже оставили этотъ торгоу и сдѣлались болъшею частію мѣновщиками (trouqueurs).

Англійскіе крейсера дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: отъ двѣнадцати до пятнадцати корветтовъ, бригговъ и шхунъ, ходятъ по всѣмъ направленіямъ передъ мысами, которые служатъ убѣжищами для торгоушей невольниками. Значительныя преміи поощряютъ офицеровъ и матросовъ и заставляютъ ихъ идти на встрѣчу смертельнымъ лихорадкамъ. Нерѣдко близъ устья рѣки отъ судовъ отплываютъ лодки и скрываются за мысы, откуда наблюдаютъ и нападаютъ на торгоуя суда, спокойно пускающіяся въ дальній путь.

Часто торгоушіе неграмъ при видѣ малаго числа нападающихъ, рѣшаются вступить съ ними въ бой; еще чаще африканскій зной, дожди, недостатокъ жизненныхъ припа-

совъ и прѣсной воды ослабляютъ экипажъ, и крейсера собирая свои обсерваціонныя лодки, находятъ на нихъ офицеровъ и матросовъ, изнуренныхъ убійственными лихорадками.

Скажемъ нѣсколько словъ о балаганахъ, служащихъ неграмъ темницами. Я въ подробности осмотрѣлъ юнгъ-сѣстрскіе и три дня прожилъ между невольниками и хозяевами ихъ. Когда я вошелъ на обширный дворъ, окружающій балаганы, негры пѣли и веселились. Вѣрные тому правилу, что умственное спокойствіе поддерживаетъ здоровье, начальники заведеній, для которыхъ всего дороже здоровье невольниковъ, стараются доставлять имъ, два или три раза въ день, всевозможныя развлечения. Негры безпокойнаго нрава, скованные по-двое, и женщины по пяти, дѣти по десятку, садятся въ кружокъ на дворѣ, поютъ и бьютъ тактъ руками, повинуются голосу и смѣшнымъ жестамъ своихъ сторожей. Эти сторожа, большою частію, Круманы, паходящіеся на жалованьи у купцовъ и обязанные стеречь, забавлять, кормить и наказывать своихъ черныхъ соотечественниковъ. Одинъ изъ этихъ тѣлохранителей, съ кнутомъ въ рукахъ, запѣвало; горе тому, кто не охотно повторяетъ слова и движенія его! Кнутъ посвистываетъ въ воздухѣ надъ головами несчастныхъ и возбуждаетъ въ нихъ невольную, судорожную веселость, крики и смѣхъ. Другой сторожъ мараетъ себѣ лицо бѣлой и желтой краской и старается забавлять невольниковъ плоской и кривляньями; третій, по-видимому болѣе человѣколюбивый, подноситъ каждому поочередно огромную трубку, набитую табакомъ, изъ которой мужчины, женщины, дѣти, даже маленькія дѣвочки съ жадностью втягиваютъ дымъ, наперерывъ одни передъ другими. После солнечнаго заката, всѣ возвращаются въ балаганы; тамъ тщательно осматриваютъ цѣпи и безпрестанное восклицаніе: *Alerta!* которымъ переключаются часовые, возвѣщаютъ плѣннымъ, что наступилъ часъ покою, что сторожа ихъ бдительны и что всякое покушеніе къ бѣгству было бы бесполезно.

Если, наконецъ, живой товаръ довольно значителенъ, такъ что можно биткомъ набить судно, заранѣе пригото-

власное для него, то два другіе корабля, ничѣмъ не нагруженные, отъезжаютъ отъ берега въ противоположныя стороны, чтобы развѣдать имѣтъ ли поблизости крейсеровъ. Множество пироговъ, съ вооруженными Круманами, расположены у берега. Въ нихъ отвозятъ влѣбныхъ на корабль; все это дѣлается съ неизвѣрною быстротою. Не болѣе какъ въ два часа успѣваютъ отправить триста негровъ на корабль, который снимается съ якоря и идетъ влѣбъ за порожними товарищами. Если покажется крейсеръ, то конвойные корабли, какъ-бы ненарочно сближаются и даютъ осматривать себя. Товарищъ ихъ между тѣмъ выигрываетъ время, къ ночи принимаетъ ложное направленіе и только одинъ случай можетъ помочь крейсерамъ овладѣть имъ.

Послѣ этого всякій легко пойметъ, съ какими трудностями сопряжена поимка судовъ, нагруженныхъ неграми. Англичане такъ хорошо поняли это дѣло, что рѣшились сыпать золото въ самые балаганы, чтобы находиться въ тайныхъ сношеніяхъ съ Круманами; а потому они теперь почти всегда знаютъ, когда и на какомъ именно кораблѣ отправятъ негровъ. Это средство требуетъ почти постоянного присутствія крейсера поблизости сборныхъ мѣстъ.

Мы встрѣтили португальскій корабль съ неграми, но не имѣя права овладѣть имъ, я могъ только принять мѣры, чтобы развѣдать, не принадлежалъ ли онъ морскому разбойнику. Осмотрѣвъ всѣ бумаги и найдя ихъ въ порядкѣ, я рѣшился, изъ одного любопытства, сдѣлать переключку неграмъ. Капитанъ корабля, обрадовавшись случаю дешево отдѣлаться, очень охотно согласился исполнить мою прихоть. Мнѣ, въ-особенности, хотѣлось видѣть женщинъ. Круманъ, находившійся при мнѣ, служилъ мнѣ переводчикомъ. Онъ объявилъ мнѣ, что почти всѣ невольницы куплены въ Бони изъ племенъ Ибо, Биби, Брасса, Атана, и прочая. Вотъ отвѣты нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ.

Оназунъ. Когда отецъ ея умеръ, она была отдана въ залогъ заимодавцамъ его и продана.

Адда. Въ переводѣ: *сестра*, бѣжала отъ супружескихъ ласкъ. Мужъ послалъ за нею въ погоню и велѣлъ про-

дать ее; за нее заплатили *кауриями*, маленькими раковинами, которые служат монетою.

Альяка. Въ переводѣ: *красная и прекрасная.* Продана за то же, какъ и Ада.

Пекти. Въ переводѣ: *воскресшая.* Она не любила мужа и ушла отъ него къ матери; онъ, однако жъ, взялъ ее опять къ себѣ и продалъ.

Ододена. Въ переводѣ: *красавица.* Мужъ продалъ ее и получилъ въ уплату *каури.*

Оддейра. Въ переводѣ: *всѣ дочери матери моей—дѣвочки.* Вотъ законный, достойный слугу Конфуція! Ее продалъ братъ, чтобы на вырученные деньги похоронить отца. Онъ купилъ быка, убилъ его и разлилъ кровь на могилѣ покойника. Мясо было съѣдено гостями, приглашенными на похороны. Между-тѣмъ у бѣдной Оддейры былъ мужъ, который, подстрекаемый другими женщинами, далъ брату полную волю распоряжаться какъ ему угодно и даже принималъ участіе въ обѣдѣ!

Отлѣ, значитъ—*балалайка.* Послѣ смерти отца, дядя похитилъ и продалъ ее.

Уадна. Ничего не значитъ. Эта молодая дѣвушка была похищена когда шла за водою.

Ододена, значитъ: *красавица.* Была молода и вполне заслуживала данное ей прозваніе; брату ея, храброму воину, не трудно было промѣнять ее на ружье.

Окримба. Также продана братомъ за ружье.

Унанѣ. Продана дядей во время болѣзни отца. Ей было отъ шести до семи лѣтъ.

Зесму—Окей. Въ переводѣ: *не для есъхъ.* Имя чрезвычайно замысловатое. Одинъ изъ друзей отца ея приглашалъ ее къ себѣ въ гости и продалъ.

Оддейра. Изъ роду Атаны. Мать съ намѣреніемъ удаляла ее изъ страны, въ которой жилъ отецъ и продала.

И такъ изъ этихъ тринадцати женщинъ пять проданы мужемъ, двѣ братьями за ружье; двѣ родственниками, одна другомъ отца, одна похищена, одна взята за выкупъ.... последняя, страшно даже повторять, продана родною матерью!»

БОГАТСТВО АНГЛИЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА. Въ Ирландіи два архіепископа, армегскій и дублинскій, и двѣнадцать епископовъ. Во всѣхъ четырнадцати епархіяхъ не болѣе 500,000 человекъ, принадлежащихъ къ англиканской Церкви. Несмотря на то, духовенство имѣетъ около 7,500,000 рублей серебромъ годоваго дохода и многія епископства, особенно армегское, перрійское и туамское доставляютъ тамошнему духовенству болѣе милліона дохода. Даже въ Англіи, высшіе церковные сановники не имѣютъ такихъ значительныхъ доходовъ.

Въ Англіи два архіепископа и двадцать пять епископовъ, и весь доходъ ихъ составляетъ двадцать пять милліоновъ рублей серебромъ. Число членовъ англиканскаго духовенства простирается до 16,000, а членовъ протестантской, ирландской Церкви до 2,570 человекъ. Первые получаютъ ежегодно среднимъ числомъ до 1,560 рублей серебромъ; вторые же до 2,900 рублей серебромъ.

Архіепископъ кэнтерберійскій имѣетъ ежегодно 106,250 рублей серебромъ вѣрнаго дохода, а викарій его, епископъ оксфордскій, получаетъ доходы съ двухъ мѣстъ — что позволительно въ Англіи и Ирландіи — съ одного 7,500, а съ другаго 15,000, всего 22,500 рублей серебромъ. Архіепископъ іоркскій имѣетъ вѣрный доходъ въ 62,500 рублей серебромъ; онъ, какъ и архіепископъ кэнтерберійскій, духовникъ королевы и примасъ всей Англіи. Эти два сановника имѣютъ огромную свиту; въ ней одинъ деканъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и епископъ, получаетъ по обѣимъ должностямъ 25,000 рублей серебромъ дохода.

Епископъ карлейльскій, кромѣ дохода съ епархіи, 25,000 рублей серебромъ, имѣетъ еще пребенду въ 10,000, всего 35,000 рублей серебромъ. Кромѣ-того, онъ имѣетъ еще другія, менѣе важныя пребенды и занимаетъ должность канцлера Сарумской церкви.

Лондонскій епископъ имѣетъ 75,000 рублей серебромъ годоваго дохода. Епископъ деремскій 50,000, деканъ его 19,000, другіе члены епархіи отъ 4 до 5,000. Епископъ виндзорскій получаетъ 66,000 рублей серебромъ вѣрнаго дохода. Прочіе епископы имѣютъ: бангорскій 25,000; батскій и вельскій, 32,000; карлейльскій 19,000; честерскій 60,

лѣе 20,000; чичестерскій 26,000; элійскій 34,000; экстерскій 17,000; глостерскій и брнстольскій 45,500; герфордскій 26,000; лнчфильдскій 28,250; лннкольнскій 25,000; ландафскій 6,000; норвичскій 28,000; оксфордскій 15,000; ннтербороскій 28,000; рейпонскій 28,000; рочестерскій 9,000; сальсберійскій 31,250; сенъ-асафскій 36,250; сенъ-девидскій 13,250; ворстерскій 40,750; содорскій и менскій по 12,500 рублей серебромъ.

Англичане находятъ, что на эти огромные доходы можно было бы содержать гораздо большее число нншаго духовенства. Нѣкоторые епископы и между прочими, лондонскій, охотно прнняли бы эту мысль, если бы ее возможно было привести въ исполненіе, не трогая доходовъ нынѣшннхъ сановннковъ. Большинство же епископовъ отвергаетъ эту идею. Они страшатся всякнхъ нзмѣненій и преобразованій.

ЧАРОХЪ-ПУДЖА. *Особенный способъ покаянія за грѣхи въ Индіи.* Путешественннкъ, нмѣвшій случай видѣть *чарохъ-пуджу*, страшную пытку, которой подвергаютъ себя Индусы за грѣхи, разсказываютъ въ одномъ марсельскомъ журналѣ слѣдующее:

«На въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой стояли длинныя мачты, увѣнчанныя маленькнми флагами. Подвижные рычаги были прикрѣплены къ верхушкамъ мачтъ; къ оконечностямъ рычаговъ были привязаны двѣ веревки, изъ которыхъ одна оканчивалась двумя желѣзными крючьями. Рычаги эти очень походили на вытннутые рукава телеграфа.

Толпа нетерпѣливными криками требовала начатія зрѣлища, котораго фанатики, казалось, не могли дожидаться: съ судорожнымъ нетерпѣніемъ смотрѣли они на орудія пытки, на которыхъ добровольныя мученія нѣсколькнхъ жертвъ должны были искупить прегрѣшенія ихъ. Собравшаяся толпа походила на живую мозаику: Китайцы съ длинными усами, Сіамцы, Персіане въ пестрыхъ костюмахъ, Баньяны, Белуджи, Малайцы, Европейцы во фракахъ, леди съ легкнми зонтиками, были видны въ этомъ

возновалисьея шерѣ голову и плечь. Одни слоны стояли смирно и сохраняли приличную важность.

Наконецъ одинъ изъ рычаговъ, прикрепленный къ стѣнѣ высокой мачтѣ, закатился: въстолько Надѣждевъ ухватился за одну веревку, между-тѣмъ какъ факиръ, на которомъ была только коротенькая бѣлая юбка, подошелъ къ другой веревкѣ, на концѣ которой, подобно зубамъ тигра, торчали два желѣзные крючка. Одинъ изъ Надѣждевъ-вокнулъ эти крючки въ тѣло факира, подъ плечевой костью, а люди, державшіе другую веревку, стали тащить ее; жертва фанатизма, факиръ, сила котораго была уже областа кровью, былъ поднятъ на воздухъ при гремкихъ рукоплесканіяхъ зрителей и рѣзкихъ звукахъ мѣдныхъ инструментовъ. Мученикъ вскорѣ очутился метромъ на доснѣ отъ земли. Потомъ придали рычагу другое движеніе, онъ сталъ довольно скоро обращаться и факиръ, вертясь въ воздухѣ около мачты, кидалъ внизъ кокосы и плоды; толпа съ восторгомъ бросалась на нихъ; потомъ онъ выпустилъ нѣсколькихъ голубей, которые въ этомъ случаѣ считаются освященными.

За веревки и другіе грѣшники подверглись той же пытки, такъ что вскорѣ глазамъ нашихъ представилось ужасное зрѣлище четырехъ несчастныхъ, кружившихся въ воздухѣ, между-тѣмъ какъ кровь ихъ обливала фанатическую толпу.

По окончаніи встязанія, народъ предается бѣшеной, бурной радости; мученики, покрытые кровью, нерѣдко принимаютъ участіе въ общей радости и вмѣстѣ съ замаскированными, бѣгаютъ по улицамъ, оживленные, такъ сказать, демономъ этого отвратительнаго праздника.

СУДЬБА ПОРТОВЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. «Я недавно посѣтилъ одного Нѣмца, который родомъ, кажется, Саксонскъ, но уже давно живетъ въ Парижѣ. Заговоривъ съ сыномъ его, мальчикомъ лѣтъ тринадцати по-нѣмецки, я не мало удивился, когда тотъ отвѣчалъ мнѣ чистымъ французскимъ языкомъ:—Извините, паненка не хочетъ, чтобъ я говорилъ по-нѣмецки; онъ уиѣрощъ, что я буду уиѣе, если стану говорить по-французски.

— Какъ! вскричалъ я, обратившись къ отцу: вы не хотите, чтобы сынъ вашъ говорилъ на разномъ языкѣ?

— Другъ мой, отвѣчалъ вѣтхонный Нѣмецъ откровенно моему сыну, не несчастію, получилъ отъ природы довольно живое воображеніе. Но всему видно, что онъ будетъ такъ глухъ, что рѣшится воспользоваться своими природными дарованіями. Я боюсь, чтобы ему не надумалось писать нѣмецкихъ стиховъ и чтобы онъ не уѣхалъ въ Германію искать славы. Нѣтъ, я скорѣе рѣшусь свернуть ему шюю нежели позволить, чтобы онъ сдѣлался нѣмецкимъ поэтомъ..

Такъ какъ эти странныя слова казались мнѣ довольно загадочными, то желая получить объясненіе ихъ, я нарочно вступилъ въ споръ съ Нѣмцемъ.

— Повѣрьте мнѣ, отвѣчалъ онъ: я хорошо знаю вашихъ Нѣмцевъ; для нихъ не довольно быть поэтомъ, даже великимъ поэтомъ....

— Продолжайте, продолжайте, сказалъ я: я слушаю.

— Когда судьба, продолжалъ Нѣмецъ, хочетъ наказать человѣка, то она даруетъ ему пылкое воображеніе, глубокой умъ, нѣжныя чувства, страсть къ измѣненію чувствъ и къ стихотворству и, наконецъ, въ-добавокъ, знаніе нѣмецкаго языка.

— А Гёте! вскричалъ я: развѣ онъ не былъ богатъ, счастливъ, уважаемъ всѣми и знаменитъ!

— Гёте, возразилъ онъ, не что иное какъ мнимое исключеніе изъ общаго правила, между-тѣмъ какъ въ сущности и онъ не избѣгнулъ общей участи нѣмецкихъ гениевъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Сынъ бѣдныхъ родителей, воспитанный кое-какъ, но разными методами, оставленный безъ присмотра, на произволъ случайныхъ впечатлѣній, увлеченный по пристрастію къ иностранной литературѣ, къ чужому языку, тратя время на безполезныя работы и на неудачные опыты, для испытанія силъ, развившихся и не получившихъ должнаго направленія; узнавая, не несчастію, слишкомъ поздно, чѣмъ бы онъ долженъ былъ заниматься, сбитый съ толку читателями, не имѣющими ни малѣйшаго вкуса и одиозное пожирающими дурное и хорошее, поощряемый

только нѣсколькими умными людьми, разсѣянными тамъ и сямъ безъ всякой центральной связи, нѣмецкій писатель достигаетъ умственной возмужалости и силы въ то только время, когда семейныя заботы заставляютъ его заниматься самыми бесполезными и недостойными его работами; естественно, что умъ его при такихъ обстоятельствахъ съ большимъ трудомъ занимается произведеніями, которыми онъ хотѣлъ посвятить себя исключительно.— Вотъ что говорить Гёте; но это еще не все; слушайте далѣе: «Во время молодости я не нравился людямъ за свои проступки; подъ старость меня не любили за слишкомъ большую степенность. Никакъ не могъ я сойтись съ людьми и всё оставался одинъ!»

— Но развѣ въ другихъ странахъ между гениальными людьми нѣтъ благородныхъ жертвъ?

— Знаете ли вы, вскричалъ почтенный Нѣмецъ, на лицѣ котораго выразилось сильное негодованіе: знаете ли вы, сколько нѣмецкихъ поэтовъ погибло въ прошлое столѣтіе отъ голоду, въ больницахъ, въ домѣ сумасшедшихъ и сколько было самоубійствъ? Одна аугсбургская газета поименовала около двадцати человекъ. Но не говоря о несчастныхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ посредственностью и жестокимъ равнодушіемъ нѣмецкой публики, обратимъ вниманіе на участь тѣхъ, которые выросли въ борьбѣ. Лессингъ, великій Лессингъ, творецъ «Мудраго Натана», «Эмиліи Галотти», «Мины фонъ Барнгеймъ», «Лаокоона и множества другихъ мастерскихъ произведеній, долженъ былъ поступить въ приказчики, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. Онъ умеръ въ нищетѣ, проклятая германскую музу.

Шиллеръ долженъ былъ продать единственные свои панталоны, чтобы издать «Разбойниковъ»; Шиллеръ, создавъ «Разбойниковъ», «Заговоръ Фіески», «Коварство и Любовь», хотѣлъ жениться на служанкѣ, которую любилъ и получилъ отказъ, потому что у него не было никакого ремесла; этотъ безсмертный поэтъ умеръ бы съ голоду, если бы его не спасла дружба Гёте, который доставилъ ему мѣсто профессора исторіи при университетѣ въ Іенѣ, съ жалованьемъ въ три тысячи рублей ассигнаціями. И что

же? несмотря на покровительство великодушнаго герцога веймарскаго, поэтъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, жалуется на то, что не можетъ накопить тысячу рублей, чтобы поѣхать посмотреть на море; на море, которое онъ описалъ такъ поэтически!... Между-тѣмъ Котта, издатель сочиненій Шиллера, нажилъ ими два милліона и получилъ баронскій титулъ. Этотъ самый издатель платилъ великому поэту сначала тридцать пять, а впоследствии пятьдесятъ пять рублей ассигнаціями за печатный листъ!....

Моцартъ, воплощенное проявленіе музыки, былъ капельмейстеромъ и получалъ полторы тысячи рублей жалованья, написавъ уже четыре безсмертныя творенія. Моцартъ любилъ только двѣ вещи въ мірѣ, свою Констанцію, которую онъ похитилъ, и шампанское. Чтобы хоть изрѣдка имѣть бутылку этой живительной жидкости, надо было играть въ гостиныхъ знатныхъ господъ и богатыхъ людей. Прочтите замѣтки о жизни Моцарта, написанныя его милой Констанціей. Послѣ смерти великаго композитора осталось три тысячи—долгу! И Германія, которая воздвигаетъ ему нынче огромную статую съ безконечными церемоніями, отказалась заплатить эту ничтожную сумму. Вдова Моцарта умерла бы съ голоду, если бъ австрійскій императоръ не пожаловалъ ей, изъ собственнаго кошелька, осьми сотъ рублей ежегодной пенсін. Да и на какія деньги Германія соорудила Моцарту статую! Благородный Венгерець, Листъ, три четверти подписной суммы выигралъ у Нѣмцевъ на клавиатурѣ своего фортепіано и подарилъ имъ. Безъ него, они даже, въ честь своей гордости, не пожертвовали бы талеромъ. Безъ Листа не было бы памятника и Бетговену.

— Да! продолжалъ мой Нѣмецъ съ жаромъ, закрывъ брошюру о Моцартѣ: вы должны выслушать меня до конца. Можно было бы написать цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *Горе отъ гениа германскихъ великихъ людей.*

Вы знаете подробности жизни Бетговена. Новое доказательство того, что я говорилъ. Отъ извѣстнаго перейдемте къ неизвѣстному. Вотъ что говоритъ великій философъ Гердеръ: «Когда я смотрю на свою родину и на ге-

видеть ся, ниъ кажется, будто я брожу во кладбищу между живыми естествомъ.

Гёльдерлинъ, другъ и товарищъ Гётею и Шеллингу, дававъ два тома лирическихъ стихотвореній и нѣсколько переводовъ великихъ греческихъ писателей, долженъ былъ сдѣлаться школьнымъ учителемъ, чтобы имѣть кусокъ насущнаго хлѣба. Борись съ любовью и нуждой, онъ лишился разсудка будучи тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду и оставался въ этомъ жалкомъ положеніи до сенидесятишести-лѣтняго возраста. Домъ сумасшедшихъ единственное убѣжище нѣмецкихъ поэтовъ. Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, они не умираютъ съ-голоду. Вотъ что говоритъ Гельдерлинъ объ Германіи.

«Я не знаю народа страннѣ Нѣмцевъ. У нихъ есть хорошіе ремесленники, но нѣтъ людей; есть богатые книгопродавцы, но нѣтъ людей; есть глубокомысленные философы, но нѣтъ людей. Учащаяся молодежь исполнена любви, поэзіи и надеждъ; но посмотрите на нее семь лѣтъ спустя послѣ-того, какъ она выйдетъ изъ университета и вы увидите одни мрачныя, холодныя привидѣнія. Можно подумать, что нѣмецкая почва усѣяна ядомъ, пожирающимъ малѣйшую травку, которая только вздумаетъ расти.

Гёльти, пѣвецъ чистой, непорочной любви, давалъ уроки и зарабатывалъ по шести рублей въ мѣсяцъ. Онъ умеръ въ цвѣтъ лѣтъ. Говорятъ, что онъ оравился.

Жизнь Бюргера, автора «Леноры», постоянная, борьба любви, нищеты и гоненій. Онъ не воображалъ, что пять-десять лѣтъ спустя картины, сюжеты которыхъ извлечены изъ сочиненій его, будутъ украшать стѣны дворца.

Шубартъ, великій музыкантъ и великій поэтъ, провелъ шестнадцать лѣтъ въ заточеніи, въ комнатѣ имѣвшей чорыре фута въ длину и три фута въ ширину.

Граббе, котораго я зналъ въ Дюссельдорфѣ и часто видывалъ въ изодранномъ платьѣ и въ сапогахъ безъ подошвъ, написалъ «Герцога Готландскаго», о которомъ Тикъ говоритъ какъ о великомъ, мастерскомъ произведеніи; «Донъ-Жуана», «Фауста», «Фридриха Барберуссу», «Сильрихону», «Генриха Седьмого»: всѣ эти драмы, хотя нѣ-

сколько эксцентрическаго по формѣ и негодныя къ представлению на нѣмецкихъ сценахъ, не менѣе того замѣчательныя творенія гениальнаго чловѣка, несмущающагося одной пламенной, пылкой дикости своего характера. Несчастнѣйшій Граббе умеръ съ-голоду, въ полномъ смыслѣ этого слова, будучи тридцати-двухъ лѣтъ отъ-роу.

Эрвантъ Ку, оригинальный писатель, глубокой мыслитель, лишилъ себя жизни.

Леопъ, другъ Гёте, умеръ съ-голоду у одного сановника.

Софія Альбрехтъ, поэтическая пріятельница Шиллера, умерла въ Гамбургѣ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ.

Писатель Зоннебергъ застрѣлился.

Фонъ-Клейстъ, авторъ «Кетхенъ фонъ-Хейльбромъ» и «Принца Гомбургскаго», двухъ піесъ, доставившихъ нѣмецкимъ театрамъ болѣе милліона, и многихъ прелестныхъ повѣстей, также застрѣлился.

Писатель Ассманъ повѣсился между Лейпцигомъ и Виттенбергомъ на деревѣ, подъ которымъ нѣкогда отдыхалъ Лютеръ.

Энкъ фонъ-дерь-Буря, монахъ и поэтъ, которому приписываютъ всѣ драмы графа Мюнхъ-Беллингаузена, недавно утопился въ Дунай.

Александръ Фишеръ умеръ въ крайней бѣдности въ Петербургѣ, а Гауитъ въ Парижѣ. Реймундъ, вмѣстѣ поэтъ и актеръ, авторъ многихъ волшебныхъ піесъ, исполненныхъ юмору и глубокой философіи, застрѣлился. Луиза Брахманъ, сочинительница многихъ прелестныхъ повѣстей, утопилась въ Эльбѣ. Кундероде, монахиня, пріятельница и учительница Беттаны, написавшая подъ псевдонимомъ Тіана, нѣсколько стихотвореній, исполненныхъ чувства, закололась.

Недавно еще, нѣмецкіе журналы сообщили намъ, что графъ Николай Ленау, лирическій и эпическій поэтъ, за день до вступленія въ бракъ съ дочерью франкфуртскаго сенатора, отправленъ въ домъ съумасшедшихъ, и нѣтъ надежды спасти его....

Я слушаю погруженный въ горестныя размышленія.

— Ахъ! вскричалъ мой пріятель-Нѣмецъ послѣ нѣско-

того молчанія; тѣ, которые сходять съ ума, быть можетъ, еще счастливѣе другихъ!

— Чему же вы приписываете всѣ эти несчастія? спросилъ я.

— Причинъ много. Слишкомъ долго было бы изчислить ихъ. Но главнѣйшая причина, безспорно, та, что Нѣмецъ, существо честное по преимуществу, вмѣстѣ съ тѣмъ существо холодное, лишенное воображенія; Нѣмецъ — это истъ, преданный чувственности, грубый въ своихъ вкусахъ, несмотря на науки, а, быть можетъ и отъ науки; Нѣмецъ ненавидитъ поэта и поэзію. Онъ природный врагъ ихъ. Въ Германіи названіе геніальнаго человѣка имѣетъ теперь почти такое же значеніе, какъ нѣкогда значеніе Жюда!...

Есть въ Германіи одно существо, понимающее поэта, но оно, такъ же мало тамъ значить, какъ и поэтъ. Сказанное существо — Нѣмка!

Это можетъ послужить намъ поводомъ къ послѣдному разсужденію о Нѣмкахъ. Вотъ четыре знаменитѣйшія Нѣмки нашего вѣка:

Рахиль фонъ-Фарнгагенъ. Беттина Арнимъ. Шарлотта Штиглицъ. Ида Ганъ-Ганъ. Первая изъ нихъ написала — Ein Buch des Andenkens für ihre Freunde; вторая — Briefwechsel mit einem Kinde; третья — Ein Denkmal. Литературные труды четвертой извѣстны читателямъ этого журнала.

Сочиненія этихъ четырехъ прославленныхъ Нѣмокъ представляютъ картину столь же вѣрную какъ и оригинальную, умственной и нравственной жизни женщинъ въ Германіи и результатовъ системы женскаго воспитанія, принятаго въ этой странѣ. Биографіи и сочиненія женщинъ — превосходное средство къ познанію внутренней жизни народовъ и семействъ: съ помощію этихъ жизнеописаній можно открывать первыя причины разныхъ чертъ національнаго характера. Покажите наблюдателю занятія и понятія женской половины націи, и ему уже не трудно будетъ угадать главнѣйшія особенности нрава другой половины, объявляющей себя повелительницею первой, но, собственно, рабаѣпствующей передъ ея прихотями.

Это, впрочемъ, въ Германіи, случается весьма рѣдко. Ни у одной націи, достигшей высокой степени умственной силы и просвѣщенія, вліяніе женщины не бываетъ такъ ничтожно какъ между потомками древнихъ усердныхъ поклонниковъ Фрей. Обыкновенная Нѣмка рѣшительно не имѣетъ ни отдѣльнаго характера, ни самобытнаго типа, а Нѣмка замѣчательная можетъ сдѣлаться извѣстною женщиною не иначе какъ вышедши за черту природнаго своего назначенія. Женщина въ Германіи—существо, въ высшей степени *женообразное*, то есть, крайне изнѣженное въ нравственномъ отношеніи, разслабленное сердцемъ, мечтательное, восторженное. Это качество, безспорно, заключаетъ въ себѣ много прелести, особенно для поэта и для иностранца, но той же самой прелести должно приписать и недостатокъ вліянія женщины въ общественной жизни Германіи. Усердіе съ какимъ Нѣмка заглушаетъ въ мужчинахъ и себѣ самой развитіе душевной силы, мощнаго характера, зазираетъ передъ нею тотъ кругъ дѣятельности, въ которомъ она могла бы быть нравственно полезною и заставить уважать себя. Нѣмка слѣпо повинуется всѣмъ движеніямъ своей слабой души; и какъ ни щедро бываетъ иногда надѣлена умственными способностями, почти постоянно является рабой своихъ чувствъ и впечатлѣній, не зная искусства скрывать, не умѣя побѣждать ихъ, и даже, напротивъ, считая это какъ-бы знаменіемъ своей женской природы.

Даже въ-отношеніи къ кокетству, присутствіе духа и силы играетъ весьма малую роль въ женскомъ уставѣ въ Германіи; потому что во всѣхъ нѣмецкихъ романахъ, которые намъ случалось читать, ощущенія героини всегда такъ пламенны, необузданны, что предупреждаютъ героя и не даютъ ему времени объясниться. Почти всегда случайная встрѣча, продолжающаяся не болѣе нѣсколькихъ минутъ, достаточна для убѣжденія героини, что только она одинъ изъ всѣхъ смертныхъ способенъ понять тайны пламенной души ея; взглядъ, обращенный имъ къ небу, вполне побѣждаетъ ее; и прежде нежели герою удастся произнести слово, чувствительная героиня бросается къ нему на грудь, и шепчетъ: *твоя!... твоя на всегда!...* По-

слѣ чего оба погружаются въ земное блаженство, испаряются въ наслажденіяхъ и романъ идетъ своимъ обычнымъ чередомъ посреди препятствій и гоненій, неразлучныхъ съ истинною любовію.

Но оставимъ романъ и перейдемъ къ дѣйствительной жизни. Не нужно долго изучать сокровенную исторію Нѣмки, къ какому бы сословію она ни принадлежала, чтобы открыть, что въ-отношеніи къ преданности и самоотверженію она постоянно переступаетъ за границы необходимаго. Съ помощію этихъ двухъ средствъ она имѣетъ надъ мужчиной, избраннымъ ею, нѣкоторую временную власть; вполне предаваясь восторженному побужденію ихъ, она увлекаетъ его за собою въ седьмое небо восхитительнаго благополучія, придающаго такой поэтической отѣнокъ короткому періоду любви и счастья германской молодежи. По прошествіи этого періода проявляется вся приторность и монотонность этихъ самыхъ ощущеній, наступаетъ отливъ и Германецъ мало-по-малу облекается въ флегматическія и глубоко-эгоистическія формы, дѣлающія изъ него самое прозаическое существо въ мірѣ. Съ этой минуты вліяніе женщины ограничивается самыми мелочными хозяйственными распоряженіями; она не противится тому и не имѣетъ необходимыхъ качествъ, чтобы дѣйствовать на нравственную сторону мужа. Должно ли послѣ этого удивляться тому, что женщина занимаетъ такое ничтожное мѣсто возлѣ мужа, мѣсто, по которому она болѣе домонравительница, нежели подруга его?

Мы нисколько не защитники *правъ* женщины; роль существа, подвластнаго силѣ по добровольной любви, по чувству уваженія къ этой силѣ, кажется намъ счастливою принадлежностью ея природы, но безспорно и то, что въ избыткѣ слѣпаго самоотверженія нѣкоторыхъ женщинъ скрывается апатическій эгоизмъ, неизбежное слѣдствіе котораго есть развитіе этого же нравственнаго порока въ мужчинахъ, уже и безъ того очень склонныхъ къ нему. Весьма умная Нѣмка говорила намъ однажды: «Вы удивляетесь тому, что мы такіа мечтательныя, такіа восторженныя: какъ же намъ быть иначе, когда Нѣмцы—такіе скучные мужчины!» Это, можетъ-быть, и хо-

рошее оправданіе: но всё-таки подобное расположеніе ума и сердца вредно для самой женщины, пагубно для значенія ея въ обществѣ, и лишаетъ ее уваженія мужчины. Вынужденная мечтательностью и восторженностью повиноваться безпрекословно своимъ ощущеніямъ, которыя становятся ея единственнымъ закономъ, она всегда находится въ большомъ затрудненіи тамъ, гдѣ должно побѣждать и скрывать свои порывы. Рѣдко, очень рѣдко, можно разговаривать съ Нѣмкой какъ съ другомъ, то есть, забывая полъ ея. Если Нѣмка можетъ сказать вамъ, что она васъ любитъ, то вы найдете ее прелестною; но если она равнодушна къ вамъ, то не знаетъ о чемъ и разговаривать, потому что все въ ней, прелести и недостатки, заключается въ ограниченной сферѣ ея идеала. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Нѣмкахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ рѣдкое терпѣніе, покорность судьбѣ, преданность и самоотверженіе; но часто вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ являются существами слишкомъ слабыми, жертвой нервовъ и нелѣпыхъ понятій, лишенными гордости, но не имѣющими и должнаго достоинства, добрыми, но безъ остроумія, и самыми неловкими кокетками.

Но если большая часть обыкновенныхъ женщинъ добровольно отказывается отъ счастливаго вліянія на мужчинъ, то съ другой стороны женщины, выходящія изъ толпы по природнымъ своимъ дарованіямъ или по умственному развитію, поступаютъ еще хуже: онѣ рѣшительно вредятъ другому полу, который обожаютъ такъ пламенно. Женщина не должна баловать мужчинъ лестью: лесть слѣдуетъ ей, по праву, отъ мужчины. Товарищу и властелину женщины нужны, для его же блага, сопротивленіе и совѣтъ женскаго здраваго смысла. То самое, до чего мужчина съ трудомъ достигаетъ силой, умомъ, женщина легко схватываетъ съ помощью драгоценнаго качества, — проницательности. Если, вмѣсто-того, чтобы пользоваться своими средствами убѣжденія, она возьмется за перо, для прославленія своей ничтожности, то совершаетъ двойное преступленіе: во-первыхъ, противъ мужчины, котораго она же обязана удерживать и котораго дѣлаетъ еще болѣе слабымъ, болѣе згонимомъ, а во-вторыхъ, про-

тивъ себя самой, потому что становится въ чрезвычайно опасное положеніе.

Такова дорога, по которой въ наше время пошли самыя высокоумныя женщины Германіи: не довольствуясь поощреніемъ мужчинъ въ заблужденіяхъ, въ которыя гордость и поклоненіе собственному разуму вовлекли ихъ, женщины сами запутались въ сѣти восторженнаго воображенія, сентиментальности и софизмовъ, въ которыхъ здравый разумокъ ихъ, сдѣлавшись жертвой ложныхъ идей, теряетъ природную способность отличать добро отъ зла.

Мы представимъ читателямъ идеи четырехъ самыхъ замѣчательныхъ прославленныхъ женщинъ новѣйшей Германіи: госпожи *Фарнгагенъ фонъ-Энзе*, извѣстной вообще подъ именемъ *Рахили*; госпожи *фонъ-Арнимъ*, извѣстной подъ именемъ *Беттины*; *Шарлотты Штилицъ* и графини *фонъ-Ганъ-Ганъ*. Только вторая и послѣдняя сами издавали и издають свои сочиненія. Письма и воспоминанія Рахили и Шарлотты вышли только послѣ смерти ихъ. Сочиненія Рахили были обнародованы господиномъ Фарнгагеномъ, ея мужемъ; другія же были изданы другомъ Шарлотты, который, по-видимому, исполнилъ возложенный на него долгъ son amge.

Рахиль Левинъ, или Леви, Жидовка, родилась въ Берлинѣ въ 1771 году. Родители ея, богатые и всѣми уважаемые, были приняты въ хорошемъ обществѣ столицы. Рахиль, старшая изъ множества дѣтей, съ малолѣтства выказывала оригинальность идей, странность мнѣній и поведенія, которыя, обративъ на нее вниманіе нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей того времени, вмѣстѣ съ тѣмъ навлекли на нее порицанія круга, въ которомъ она жила. Противъ обыкновенія незамужнихъ женщинъ вообще, и германскихъ въ-особенности, Рахиль, какъ кажется, съ самыхъ юныхъ лѣтъ пользовалась совершенною независимостью; она ходила куда хотѣла, сблизжалась съ подругами, которыя правились не родителямъ, а ей, писала къ кому хотѣла. Она, обыкновенно, проводила лѣто на водахъ, въ довольно смѣшанномъ, но всегда почти пріятномъ обществѣ. Зимой, она собирала около себя многочисленный кру-

жокъ, въ которомъ блистали всѣ тогдашнія знаменитости Берлина. Изъ самыхъ писемъ Рахили однако жъ видно, что въ это время ея жизни, она часто бывала въ ссорѣ со своими родными, что вслѣдствіе этой ссоры она провела цѣлую зиму въ Парижѣ, и что даже въ Берлинѣ жила одна. Тридцати-семи-лѣтъ отъ-роду, Рахиль обѣщала руку и сердце господину Фарнгагену, студенту медицины, который былъ тринадцатю годами моложе ея, но привязанность котораго, несмотря на неравенство лѣтъ, не была побѣждена ни временемъ, ни разлукой, ни даже, какъ онъ самъ сознается, частыми ссорами.

Шестилѣтній періодъ, протекшій отъ обѣщанія Рахили до брака ея, былъ наполненъ ужасными событіями войны съ Франціей. Лишь-только война была обнародована, Фарнгагенъ простился съ университетомъ и вступилъ волонтеромъ въ прусскую армію; съ отличными мужествомъ принималъ онъ участіе въ войнѣ отъ 1808 до 1814 году. Рахиль, которая славилась всегдашнимъ присутствіемъ духа, а между-тѣмъ унывала и дѣлала глупости въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы другимъ достаточно было нѣсколько здраваго смысла и личной неустрашимости, обратилась въ бѣгство при приближеніи Французовъ и поселилась одна въ Прагѣ. Но тамъ, она болѣе достойнымъ и приличнымъ образомъ выполняла роль невѣсты солдата: во всю бытность свою въ Прагѣ, она съ постоянною, примѣрною заботливостью ухаживала за ранеными. По заключеніи мира въ 1814 году, она вышла, наконецъ, за господина Фарнгагена, который оставилъ военную службу и вступилъ на дипломатическое поприще. Супруги отправились въ Карлсруэ, откуда часто ѣздили въ Берлинъ; наконецъ, Фарнгагенъ совершенно поселился, и тамъ же Рахиль умерла въ 1833 году.

Письма Рахили, изданныя годъ спустя послѣ ея смерти и дополненныя извлеченіями изъ дневника ея, безпрестанно толкуютъ о двухъ предметахъ одинаковаго достоинства, о порывахъ ея души и о страданіяхъ тѣла. Знаменитыя имена, какъ напримѣръ Густава фонъ-Бринкмана, Вильгельма фонъ-Гумбольдта и жены его, барона и баронессы Ламоттъ-Фуке, князя Пюклеръ-Мускау, украша-

ють корреспонденцію Рахили, составляющую три огромныхъ тома самой мелкой и компактной нѣмецкой печати. Къ письмамъ приложено короткое предисловіе, написанное Фарнгагеномъ въ стилѣ супружескаго панегирика; оно содержитъ въ себѣ слѣдующія слова, которыя такъ оригинальны, что мы не можемъ оставить ихъ безъ вниманія. Вся трудность въ переводѣ; мы постараемся придерживаться сколько возможно оригинала, не заботясь о слогахъ:

«Женщина, навлекшая на себя вниманіе цѣлаго міра, не по званію, не по имени, не по красотѣ, не по блистательному положенію въ свѣтѣ, ни даже по какой-либо художественной или литературной заслугѣ, но по дивному равновѣсію, которое она умѣла установить между своими истинно замѣчательными качествами; женщина, дѣйствовавшая на общество, единственно своею ежедневною жизнью и несмотря на то, ставшая на ряду съ величайшими знаменитостями своего времени, женщина, которая вездѣ и на всѣхъ производила глубокое и сильное впечатлѣніе, которая умѣла заставить столько любить, уважать себя.... такая женщина, во всякое время, можетъ занять мѣсто между тѣми рѣдкими существами, появленіе которыхъ на свѣтѣ должно считать счастіемъ!»

Эти слова лучшее предисловіе, которое мы можемъ приложить къ краткому разбору собранія писемъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего занимательнаго или необыкновеннаго, и въ которыхъ всѣ идеи неизмѣнно вращаются въ лабиринтѣ прихотей и ощущеній, воображаемыхъ разочарованій, нелѣпыхъ надеждъ, и неограниченнаго тщеславія, за которымъ, однако жъ, скрывается рѣдкій умъ и добрейшее сердце.

На умъ госпожи Фарнгагенъ имѣла сильное вліяніе литературная и философская школа, посреди которой она жила. Гёте былъ тогда восходящей звѣздой умственнаго горизонта Германіи и всѣмъ извѣстно, что онъ безъ разборчивости пользовался могуществомъ и властью, которые геніальность даровала ему надъ соотечественниками, пуская въ публику сочиненія нравственно недостойныя его высокаго дарованія. Женщины, особенно въ Берлинѣ,

питали къ нему безпредѣльное обожаніе; чтò бы онъ ни написалъ — все казалось имъ чудеснымъ; онъ соперничествовали между собою, наперерывъ одна передъ другою, осыпая его самыми приторными и восторженными похвалами. Поклоненіе Рахили гению Гёте было такъ пламенно, что говоря о немъ, она употребляетъ такіа выраженія, которыхъ, рѣшительно, невозможно передать ни на какомъ другомъ языкѣ. Истощивъ весь запасъ похвалъ, она часто называетъ его *божествомъ*; она говоритъ, что Гёте и жизнь — для нея одно и то же, что она питаетъ къ нему не любовь, но идолопоклонство.

«Онъ *Гёте*, восклицаетъ она: слѣдовательно всѣ мысли, всѣ слова его — истина. Когда я мысленно сближаюсь съ нимъ, слезы льются изъ глазъ моихъ. Я люблю другихъ людей силой собственныхъ качествъ, его я люблю силой вдохновенія, которое онъ внушилъ мнѣ!»

Такъ точно, какъ въ письмамъ госпожи Фарнгагенъ проявляются всѣ хорошія и дурныя стороны школы Гёте, такъ же ощутительна въ нихъ система философій, которую она предначертала себѣ. Философія Фихте признаетъ основаніемъ и главнымъ началомъ міра — индивидуальность человѣка или, какъ Нѣмцы говорятъ, *свое Я*. Въ внѣшнемъ мірѣ все то, чтò не есть *Я*, не можетъ быть признано силой умозрѣнія этого *Я* и не имѣетъ отдѣльнаго бытія; оно существуетъ только въ этомъ *Я*. Еще болѣе: человѣкъ знаетъ, что онъ существуетъ, что онъ, *онъ*, а не другой, только чрезъ сознаніе этого *Я*... и такъ далѣе; все это составляетъ такой лабиринтъ множества *я* и *не я*, въ которомъ темно, какъ въ погребу.

У госпожи Фарнгагенъ было, безъ всякаго сомнѣнія, весьма проницательное *Я*: могла ли она, въ противномъ случаѣ извлечь чтò-либо изъ Фихте? Она хвалится тѣмъ, что она болѣе Фихте, нежели самъ Фихте. Геній, восхищающійся собою и выхваляющій себя есть нѣчто въ родѣ нравственнаго противорѣчія; чтò же должно подумать о дѣвицѣ, которая пишетъ подобныя вещи одному изъ своихъ друзей, философу:

«Какого друга вы умѣли избрать и оцѣнить во мнѣ! Умъ мой постигаетъ весь родъ человѣческій, но васъ онъ по-

стигаетъ еще лучше чѣмъ другихъ. Я создана такимъ образомъ, что могу, такъ сказать, передать душу свою другому; я обладаю неслыханной способностью удивляться, не теряя своей индивидуальности. Я составляю такое же изъятіе въ своемъ родѣ, какъ и всѣ извѣстнѣйшіе великіе люди; славный философъ, художникъ, поэтъ стоятъ не выше меня; мы созданы изъ тѣхъ же элементовъ, мы имѣемъ право на тѣ же отличія. Никто не можетъ понять моихъ радостей, никто не утѣшитъ меня въ горести.... я сама единственное свое утѣшеніе. Если бъ вы жили въ одномъ городѣ со мною, то безпрестанно ощущали бы живѣйшія наслажденія; вы не можете составить себѣ вѣрной идеи о садѣ, покрытомъ прелестнѣйшими, неувядаемыми цвѣтами, съ которыми можно сравнить мое существованіе».

«Неужели вы полагаете, что малѣйшая замѣчательная, прекрасная, добрая черта можетъ ускользнуть отъ моего вниманія такъ же, какъ она ускользаетъ отъ вниманія другихъ? Никогда. Это-то и есть мое главнѣйшее достоинство, по которому я узнаю себя и различіе, существующее между мною и другими. Ощущаете ли вы то же самое? признайтесь откровенно: если нѣтъ, то я должна буду сожалѣть о васъ. Чтò же касается до меня, то я могу увѣрить васъ, что никогда мнѣніе другаго, кто бы онъ ни былъ, объ людяхъ или вещахъ, не имѣло на меня ни малѣйшаго вліянія».

«О! какіе дары достались мнѣ въ удѣлъ! но эти дары стоятъ мнѣ дорого и заставляютъ меня много страдать. Моя быстрая понятливость, пропитательность, наблюдательность, обширное море, разстилающееся передо мною, рѣшительная, глубокая, совершенная гармонія, существующая между мною и природой и о которой я имѣю слабое понятіе,—все это стоитъ мнѣ дорого!»

Сожалѣя о томъ, что Гёте мало зналъ ее, она говоритъ:

«Я сожалею о Гёте; этого не доставало его счастью; боги и судьба, во всемъ столь щедрая къ нему, отказали ему въ этой радости. Я нашла въ Гёте неисчерпаемый источникъ наслажденій и ничѣмъ не отплатила ему».

Подобные отрывки невольно изумляютъ, какъ потому,

что въ нихъ выказывается безразсудная восторженность души автора, такъ и по необъяснимому восхищенію Нѣмцевъ настоящаго времени подобному направленію женскаго ума. Мы можемъ увѣрить читателей, что приведенные нами отрывки еще не изъ самыхъ восторженныхъ.

Теперь представляется вопросъ: какими глазами смотрѣли простые смертные, дышавшіе однимъ воздухомъ съ Рахилью, на владѣлицу такого чудеснаго Я?... Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается собственными словами господина Фарнгагена, который объявляетъ намъ, что Рахиль, именно по причинѣ величія своего, не была счастлива: «Посреди многочисленнаго собранія, говоритъ онъ, она оставалась одна, не помятая и не одѣненная; она не встрѣчала нигдѣ ни симпатіи, ни искренней пріязни». Эти слова, совершенно противорѣчащія предисловію мужа-издателя, подтверждаются, однако жъ, слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма Рахили не слишкомъ лестнымъ для ея друзей:

«Какъ низки, какъ отвратительны существа, которыми я окружена, какъ они глупы, и подлы и какъ они надѣлаютъ мнѣ!... особенно тѣ, отъ которыхъ я не могу уйти, и которые употребляютъ это во зло, чтобы досаждаютъ мнѣ!... Нѣсколько минутъ отдыха не успокаиваютъ меня; довольно одного мгновенія, простаго прикосновенія, чтобы запятнать меня и уколоть мое инстинктивное благородство. И эта борьба должна длиться *вѣчно*, до конца моей жизни!... Я почти схожу съ ума, когда останавливаюсь на этой мысли!..»

Что можетъ быть грустнѣе зрѣлища усилій, которыя Рахиль дѣлаетъ для того, чтобы убѣдить себя, что большое воображеніе ея, беспорядочные порывы восторженнаго ума, суть святыя законы, которымъ она должна повиноваться! Извнѣ никакой помощи, внутри необузданные порывы: на одной страницѣ, горькій ропоть души, недовольной мѣстомъ, назначеннымъ ей Господомъ; на слѣдующей смѣлыя увѣренія въ совершенномъ душевномъ и умственномъ спокойствіи. Что же касается до того обстояательства, что такая замѣчательная женщина, какъ госпожа Фарнгагенъ, была Жидовка, то и оно перестаетъ

возбуждать участіе, когда читатель замѣчаетъ, что Рахиль была совершенная Нѣмка, да и не хотѣла быть ничѣмъ другимъ какъ *настоящей Нѣмкой*. О томъ, что она и вся родня ея приняли въ 1811 году христіанскую вѣру, ни въ одномъ письмѣ нѣтъ ни одного слова; седьмого мая 1811 года она подписалась подъ письмомъ *Рахиль Левинъ*; съ осьмого іюня подъ письмами выставлено имя *Рахили Робертъ*; родители ея, перемѣнивъ религію, перемѣнили и фамилію; но объ этомъ важномъ происшествіи нѣтъ ни слова, несмотря на то, что письмо адресовано къ одному изъ самыхъ близкихъ ея друзей.

Госпожа Фаригагенъ довольно вѣрно описываетъ Жанъ-Поль-Рихтера:

«Я познакомилась съ Жанъ-Полемъ въ прошлое воскресенье. Я была очень весела; у меня былъ запасъ на цѣлую недѣлю остроумія и краснорѣчія. Чтò же касается до Жанъ-Поля, то у него не было ни того, ни другаго. Я не знаю ничего нѣжнѣе и успокоительнѣе его обхожденія; но наружность его ни сколько не соотвѣтствуетъ идее которую я составила себѣ о немъ: въ Рихтерѣ нѣтъ ни малѣйшей комической черты. Онъ, кажется, одаренъ проицательностью, и мысли, подобно ядрамъ, налетаютъ къ нему въ голову; но онъ говоритъ такъ кротко, такъ спокойно, слушаетъ съ такою нѣжною, отеческою вѣжливостью, что я никакъ не воображала видѣть передъ собою Жанъ-Поль-Рихтера».

Трудно было высказать правду женщины, воображавшей, что она создана не для того, чтобы слушать, а чтобы говорить правду; однако жъ, не преступая правъ, которыя давало ему недолговременное знакомство и не выходя изъ границъ вѣжливости, добрый Рихтеръ старался подать Рахили нѣсколько легкихъ совѣтовъ, въ которыхъ довольно ясно проявляется его мнѣніе о ней. Опасаясь, чтобы ея блистательныя дарованія не остались безъизвѣстными Жанъ-Полю, она просила пріятелей прочесть ему нѣкоторыя изъ ея писемъ. Въ короткой запискѣ, которую онъ написалъ ей по этому случаю, находятся слѣдующія слова:

«Желаю, чтобы ваше сердце не осталось неразгадан-

нѣмъ, не только для другихъ.... но и для васъ самихъ! Пусть окружающіе васъ не забываютъ умственныхъ вѣщныхъ качествъ даже тогда, когда вы поступаете такимъ же образомъ, какъ пишете, то есть, безъ *правописанія*, что, я увѣренъ, случается съ вами перѣдко!»

Невозможно требовать описанія вѣшняго міра и наблюдательности отъ такой восторженной особы. Она не видитъ ничего кромѣ своего *внутренняго міра*.

Революціонная гроза разразилась надъ Франціей; ужасы ея были еще всѣмъ памятны, когда Рахиль провела зиму въ Парижѣ, въ началѣ консульства Бонапарта. Гостинныя столицы были наполнены въ то время смѣсью новообразовавшагося общества и остатковъ древней аристократіи, утопленной въ потокахъ крови. Что же? исключая названія *chère citoyenne*, которое Рахиль даетъ сестрѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ, нѣтъ ни одного слова объ окружающемъ ее, ни описанія того, что происходитъ вокругъ нея, что она видитъ, ни одного замѣчанія.... исключая развѣ слѣдующей замѣтки: «Парижъ похожъ теперь на Германію, поставленную вверхъ дномъ и перевертанную». Мы покорнѣе просимъ извиненія у Рахили, но намъ кажется, что нужно порядочное число перевертаныхъ Германій, чтобы составить одинъ Парижъ или даже нѣчто приблизительное. Нѣтъ такой силы давленія, которая бы могла превратить газъ скуки въ газъ увеселительный.

Единственный занимательный эпизодъ, представляющійся на тысяча осьми стахъ страницахъ книгъ госпожи Фарнгагенъ, это—пребываніе ея въ Прагѣ; въ это время умъ ея былъ развлеченъ отъ созерцанія внутренняго міра, страданіями людей, бывшихъ передъ ея глазами, безпокойствомъ объ участи своего жениха и заботами, которыя причинялъ ей другой мужчина, еще болѣе близкій ея сердцу. Этотъ мужчина былъ Александръ фонъ-Марвицъ. Положеніе этого молодаго челоуѣка, обрученнаго съ другою дѣвицею, и отношенія его къ Рахили весьма странны. Не нужно имѣть большой проницательности, чтобы видѣть, что письма Рахили къ Марвицу написаны вѣжливомъ, страстнымъ тономъ, который составляетъ ра-

зительный контрастъ съ спокойными и умѣренными письмами, которыя она писала къ будущему мужу.

Что же касается до молодого Марвица, то участіе его въ этой связи было весьма невинное и исторія его, въ самомъ дѣлѣ, трогательна. Надѣленный отъ природы тѣми дарами души и ума, которые, не получивъ благоразумнаго направленія, рано или поздно становятся въ тягость тому, кто ими обладаетъ; то стремясь къ совершенству, которое не дано въ удѣлъ человѣку, то унывая отъ малѣйшаго препятствія; наскучивъ жизнью, хотя не сдѣлавъ въ ней еще и ста шаговъ; слабый здоровьемъ, несчастный по характеру, пылкій, вспыльчивый, восторженный — таковъ былъ въ двадцать четыре года Марвицъ. Всякій согласится, что если бѣ Рахиль, какъ женщина и другъ, понимала бы свое назначеніе въ подобной дружбѣ, то должна бы служить руководительницей и умной совѣтницей такому человѣку. Но молодой человѣкъ извлекъ изъ этой дружбы одну только выгоду: онъ нашелъ средство дать полную волю своимъ печальнымъ мыслямъ и безконечнымъ жалобамъ; а она отвѣчаетъ ему длинными рассудіями о *невыразимой тривіальности* дѣйствительной жизни, о *неслыханныхъ страданіяхъ*, которыя она претерпѣла прежде нежели *умственный* легкій ея привыкли къ *грубой атмосферѣ* человѣческой природы, о качествахъ ума и о *неоцѣненныхъ свойствахъ* сердца ея, и все это приправлено нѣжными упреками, любовными увѣреніями, чрезвычайно смѣшными въ сорока-лѣтней женщинѣ, обрученной уже съ другимъ.

Марвицъ, погруженный въ глубокое уныніе, не обратилъ, вѣроятно, никакого вниманія на выговоры Рахили за равнодушіе его къ ней. Нравственная сторона его была такъ разстроена, что онъ сознается въ одномъ письмѣ, что имъ овладѣла мысль о самоубійствѣ, но что его удержалъ только страхъ поднять руки на «священную вазу, исполненную красоты».

Вскорѣ за этимъ письмомъ, по Германіи распространилась вѣсть о страшномъ приключеніи Генриха фонъ-Клейста, одного изъ друзей Рахили, который убилъ сначала свою любезную, потомъ и самого себя. Вотъ что пишетъ

Рахиль по этому случаю въ письмѣ къ одному молодому человѣку, о *внутренней борьбѣ* котораго она провѣдала:

«О смерти Клейста я знаю только то, что, убивъ женщину, онъ лишилъ и себя самага жизни». — Какъ не удивляться жестокости, безнравственности этого письма? Таковую ли роль женщина должна играть въ подобныхъ обстоятельствахъ?

Послѣ продолжительнаго унынія энергія молодого Марвица внезапно пробудилась при видѣ страданій отчизны; онъ вступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію и имя его появляется опять въ письмахъ госпожи Фарнгагенъ тогда только, когда она узнаетъ, что онъ, *покрытый ранами*, съ трудомъ спасшись изъ плѣну, привезенъ въ Прагу. Мы уже сказали, что во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, Рахиль является съ хорошей стороны. Тамъ она персвязываетъ раненныхъ, утѣшаетъ больныхъ, собираетъ деньги, приготовляетъ жизненные припасы, щиплетъ корпию и, исключая привычки эгонстической мнѣ горѣчивости и напыщенности, которую Рахиль не можетъ оставить, она при видѣ страданій ближнихъ почти забываетъ безразсудства своего *внутренняго міра*. Она пишетъ господину Фарнгагену:

«Ахъ! зачѣмъ вы не здѣсь, чтобы удивляться вмѣстѣ со мною нашимъ Пруссакамъ! Терпѣніе ихъ такъ же непоколебимо, какъ сильны страданія. Насилу можно заставить ихъ принять въ подарокъ рубашку. Всѣ желаютъ имѣть на постоѣ Пруссаковъ, всѣ желаютъ ухаживать за ними.... я не могу удержаться слезъ! — Получали ли вы извѣстія изъ Берлина? Увѣряютъ, что богатые люди тамъ оспариваютъ другъ у друга раненныхъ и дѣлаютъ чудеса самоотверженія. Слезы мои текутъ ручьями! О, Боже! Дай, чтобы правое дѣло восторжествовало! Конецъ войнѣ! Общій миръ и согласіе! Прощайте, Августъ».

Вылечившись отъ ранъ, Марвицъ опять вступилъ, въ ноябрѣ 1813, офицеромъ въ армію Блюхера. Нѣсколько времени спустя онъ пересталъ извѣщать о себѣ друзей; и до-сихъ-поръ не извѣстно, гдѣ, когда и какъ онъ умеръ.

По окончаніи войны слогъ Рахили нѣсколько измѣнился. Будучи замужемъ, вѣдя пріятную жизнь и принуж-

денная впервые подчиняться чужой волѣ, она, по-видимому, забыла свои воображаемыя страданія или, по-крайней-мѣрѣ, научилась скрывать ихъ; она стала скромнѣе насчетъ собственныхъ своихъ достоинствъ, сострадательнѣе къ ближнимъ; однако жъ читатель тщетно стагъ бы искать болѣе истинно-здраваго смысла въ письмахъ госпожи Фарнгагенъ чѣмъ въ письмахъ Рахили Левинъ. Увѣряють, что къ концу своей жизни, крещеная Жидовка стала мистической и восторженной христіанкой. Въ то же время Рахиль является послѣдовательницей септисимонизма и возстаетъ противъ брака, въ который она, однако жъ, сама недавно вступила и все это вмѣстѣ составляетъ богатую и любопытную смѣсь нелѣпостей. Господни Фарнгагенъ увѣряетъ, что трехъ томовъ, которые онъ пускаетъ въ свѣтъ, недостаточно для того чтобы познакомить публику съ его женой, и, грозитъ подарить литературному міру еще изданіе такого же роду.

Недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ отложить рѣчь о трехъ другихъ знаменитыхъ Нѣмкахъ до слѣдующаго мѣсяца.

ТУЗЕМНОЕ ПОКОЛѢНІЕ ВРЕТАНЪИ. *Донесеніе господѣ Шатонѣфа и Виллермѣ Парижской Академіи Нравственныхъ и Политическихъ наукъ.* Есть поколѣнія и языки, обреченные судьбою на погибель. Сколько племень, отличавшихся отъ другихъ чертами лица, характеромъ и языкомъ, исчезло съ лица земли отъ начала исторіи! Въ наше время, при нашихъ глазахъ, еще исчезаетъ два, нѣкогда могущественныя и многочисленныя, поколѣнія: нельтійское и финское, которыхъ мы встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ Европы только слабыя, такъ сказать, дегаряющіе остатки. Изъ перваго, на твердой землѣ остается теперь только горсть бѣднаго и темнаго народу въ одномъ уголку Франціи. Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ наукъ сочла нужнымъ послать къ нимъ двухъ своихъ членовъ, господѣ де-Шатонѣфа и Виллермѣ, не только для собранія статистическихъ данныхъ, но еще для того, чтобы сохранить, упрочить воспоминаніе о государствѣ и нравахъ, которые время го-

товится совершенно стереть съ лица земли; точно такъ, какъ мы иногда поспѣшаемъ снять портретъ съ умирающаго, прежде нежели черты его совершенно измѣнятся. Такъ какъ собранные факты имѣютъ историческую важность независимо отъ цѣли, для которой они были собираемы, то мы преимущественно рассмотримъ ихъ съ этой точки, не ограничиваясь разборомъ донесенія, представленнаго въ Академію.

Извѣстно, что Бретаня сохранила до исхода послѣдняго столѣтія нѣкоторыя привилегіи, которыя вмѣстѣ съ другими причинами дѣлали изъ ея жителей совершенно отдѣльную націю.

«Живя въ нѣдрахъ горъ, окруженные моремъ, отдѣленные отъ другихъ даже своимъ нарѣчіемъ, наставляемые въ правилахъ религіи собственными священниками, полагаясь въ своихъ частныхъ дѣлахъ на справедливость владѣльцевъ, въ общественныхъ же дѣлахъ на бдительность совѣта, собиравшагося каждые два года, они по прошествіи болѣе тринадцати столѣтій считали Французовъ иностранцами, которыхъ на своемъ языкѣ называли, и еще понынѣ называютъ *Gallo*. Вѣрные новой родинѣ, которую они избрали, они служили ей мужественно, съ самоотверженіемъ; они проливали за нее кровь, расточали свои сокровища, никакъ, однако жъ, не сливаясь съ настоящими ея владѣтелями; представляя такимъ образомъ до самой революціи, странное зрѣлище отдѣльнаго народа посреди другаго народа, часть котораго онъ составлялъ; отдѣльнаго народа, не терявшаго своей національности, свято хранившаго свои постановленія, нравы, обычаи и языкъ, такъ точно какъ въ чертахъ сохранился отличительный характеръ поколѣнія, къ которому принадлежали его предки».

Сообщаемъ читателямъ главныя замѣчанія донесенія, представленнаго академіи:

«Въ Бретонцахъ чрезвычайно замѣчательнъ инстинктъ привычки и любовь къ старому; вся жизнь ихъ основана на воспоминаніяхъ и преданіяхъ. Они живутъ подъ тѣмъ самымъ кровомъ, подъ которымъ жили ихъ предки; столѣтняя утварь перешла къ нимъ отъ предковъ и они за-

мѣнять ее новою тогда только, когда она развалится, разрушенная временемъ. Они обрабатываютъ поля точно такъ, какъ обрабатывали ихъ отцы, дѣды и прадѣды.

«Если постоянная привязанность къ мѣстамъ и вещамъ, не терпящая никакихъ измѣненій и сохраняющая все въ томъ же видѣ, въ какомъ оно есть, если эта привязанность дѣлаетъ зло вѣчнымъ, а улучшение невозможнымъ, то съ [другой] стороны она — вѣрнѣйшее средство къ сохраненію нравовъ, постановленій, національности и той пламенной любви къ отчизнѣ, которую Бретонецъ носить въ своей душѣ и которыя составляютъ одну изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ его характера. Вдали отъ родины, Бретонецъ существуетъ только въ-половину; часто онъ умираетъ отъ тоски по родинѣ. Рассказываютъ, что прежняя Индійская Компанія, претерпѣвъ важные убытки по случаю частыхъ потерь бѣльшей части экипажа, состоявшаго почти изъ однихъ матросовъ, родившихся въ Бретаньи, оплакивавшихъ на берегахъ Гангеса разлуку съ родиной и умиравшихъ съ-горя, рѣшилась брать съ собою на каждомъ кораблѣ игрока на *binion* (вольтынкѣ). Звукъ этого инструмента, обожаемаго Бретонцемъ и напоминающаго ему пѣсни и пляски родины, смягчали горестъ разлуки его съ милой Бретаньей».

Это рѣшительно противоположно тому, что бывало съ Швейцарцами, находившимися на службѣ во Франціи: національныя мелодіи не только не утѣшали Швейцарцевъ, но дѣлали для нихъ разлуку еще болѣе тягостною и до того умножали число дезертёровъ; военнымъ музыкантамъ даже запрещено было играть *le ganz des vaches* и другія швейцарскія пѣсни.

«Бѣдность чрезвычайно велика въ Бретаньи. Неккеръ говорилъ уже о томъ въ 1784 году, и мы убѣдились теперь въ справедливости его словъ. Есть приходы, въ которыхъ между 8,000 жителей 600 нищихъ; есть города, въ которыхъ изъ 8,000 жителей 6,000 почти не имѣютъ никакихъ средствъ къ пропитанію.

«Не выдавъ жалкаго положенія Бретонцевъ, нельзя себѣ составить о немъ никакой идеи; надо видѣть жилище бѣднаго бретонскаго крестьянина, полу-развалившуюся хижи-

ну, крыша которой спускается до земли, внутренность которой почернѣла отъ безпрестаннаго дыму горящаго вереску и сухаго тѣрну, единственнаго топлива бѣдняка. Въ этой-то жалкой лачужкѣ, куда дневной свѣтъ проходитъ только въ растворенную дверь и гдѣ становится темно, когда она заперта, живетъ Бретонецъ съ полу-нагой семьей; вся утварь его состоитъ изъ стола, скамьи, котла и нѣсколькихъ глиняныхъ или деревянныхъ горшковъ; кроватью ему служить нѣчто въ родѣ ящика, въ которомъ онъ спитъ безъ тюфика, прикрываясь мѣшкомъ съ овсомъ, между-тѣмъ какъ въ другомъ углу дремлетъ на навозѣ тощая корова (хорошо еще, когда она есть), которая кормитъ всю семью молокомъ.

«Таково положеніе Бретонца и онъ безропотно переноситъ его, не завидуя болѣе зажиточному сосѣду. Слѣдующія слова, сказанныя намъ однимъ Бретонцемъ, истинно трогательны: «Родители мои были несчастны, и я несчастливъ; видно, наша участь такая». Покорность его судьбѣ такъ велика, такъ совершенна, что она нисколько не измѣняетъ спокойствія лица, ясности взгляда его; она такъ неограниченна, что невольно заставляетъ сомнѣваться въ томъ, согласится ли Бретонецъ переимѣнить свой черный хлѣбъ и овсяную похлѣбку на хлѣбъ менѣе грубый и пищу болѣе вкусную, если бъ ему ихъ предложили».

Въ жителѣ Бретаньи, точно такъ же какъ и въ Лапландцѣ, эта живая привязанность ко всему, что составляетъ его родину, эта неподвижность нравовъ и обычаевъ втеченіи столѣтій, есть слѣдствіе уединенія, а уединеніе происходитъ частію отъ географическаго положенія страны, частію отъ языка этихъ народовъ, непонятнаго для другихъ. Что же касается до бѣдности Бретонца, до покорности его судьбѣ и до счастья, которое онъ умѣетъ находить въ жизни, не многимъ лучше жизни Лапландца, то причины этого мы объяснимъ ниже.

Уединеніе, сохраняя нравы и чувство народности, содѣйствуетъ также невѣжеству. Изъ документовъ, приведенныхъ авторами донесенія, видно, что въ Бретаньи просвѣщеніе находится почти въ томъ же положеніи, въ ка-

комъ было въ 1789 году, то есть, что Бретонцы нежестественнѣе, нежели какое-либо другое поколѣніе во Франціи; а если и произошли нѣкоторыя измѣненія послѣ закона изданнаго въ 1833 году, то они почти неощутительны въ болѣе центральныхъ частяхъ провинціи. Бретонцы невѣжественны, то есть, у нихъ не распространены механическія познанія, умѣнье читать и писать, однако жъ по этому нельзя судить о степени умственнаго и нравственнаго ихъ развитія. Глушь ли этотъ народъ и лишень ли вмѣстѣ и идей и познаній? Или замѣняетъ онъ недостатокъ школьныхъ познаній идеями и соображеніями болѣе или менѣе ложными?... Вотъ что говорятъ академики-путешественники:

«Бретонецъ невѣжественъ и суевѣренъ; онъ вѣритъ существованію волшебницъ, черныхъ, мохнатыхъ и злобныхъ карликовъ, колдуновъ, привидѣній, лѣшихъ. Во время посидѣлокъ Бретонцы обыкновенно рассказываютъ страшныя сказки, отъ которыхъ у слушателей и у самаго рассказчика становятся волосы дыбомъ. Сказки эти повторяются и прибрежными и внутренними жителями. Каждый городъ, каждое село имѣетъ свои преданія.

«Бретонецъ по невѣжеству видитъ въ самыхъ простыхъ, естественныхъ обстоятельствахъ предсказанія будущаго, но въ то же время болѣе возвышенное вѣрованіе научаетъ его терпѣнію въ собственныхъ страданіяхъ, состраданію къ горестямъ ближнихъ, вѣрѣ въ Бога справедливаго, и надеждѣ на лучшую жизнь. Вмѣстѣ легковѣрный и вѣрующій, онъ охотно довѣряетъ чудесамъ сказокъ и свято исполняетъ обязанности религіи. Если законъ призываетъ его подъ знамена, онъ уѣдетъ не прежде, какъ испросивъ и получивъ отпущеніе грѣховъ; если смерть наступитъ его въ хижинѣ, среди родныхъ, онъ умираетъ, благоговѣнно исполнивъ послѣдній долгъ христіанина. Посмотрите въ деревняхъ, въ воскресенье и праздничные дни, на толпы жителей, направляющихся при звукахъ колокола къ церкви, которая почти всегда мала для такой многочисленной толпы, часть которой принуждена стоять внѣ церкви. Женщины съ одной стороны, мужчины съ другой съ четками въ рукахъ и преклонивъ колѣна, мо-

дятся въ глубокомъ благоговѣнн. Всѣ оупшеваны и ступенно въ рою».

Авторы донесенія описываютъ за этимъ церемоніи похороу и свадьбу; первая отлчается религіозными обрадами, вторыя народными плясками; и тѣ и другіе обряды исполнены поэзіи и свидѣлствуютъ о живомъ воображеніи этого народа.

«Черты лица, походки, всѣ движенія Бретонца спокойны, важны. Пѣсни его лишены пріятности, пляски—живости. Последнія состоятъ въ обыкновенной дѣлн мушкетнъ и жевщнцъ, которые держатся за руки, безпрестанно кружатся и переходятъ со стороны на сторону слегка покачиваясь; пляска не имѣетъ ни граціи, ни легкости, и однообразна подобно звукамъ инструмента *binion* (волынка) сопровождающаго пляску. Несмотря на то, пляска—одно изъ величайшихъ наслажденій Бретонца».

Слѣдовательно для этого народа пляска и музыка — не чувственныя удовольствія, но наслажденія воображенія. Покорность Бретонцевъ судьбѣ, терпѣніе, съ которымъ они переносятъ лишения, однимъ словомъ, счастье ихъ посреди величайшей нищеты можно приписать тому, что воображеніе ихъ находитъ ежедневную пищу въ самой природѣ, окружающей ихъ, въ обрядахъ и обычаяхъ частной жизни.

Что же касается до самой нищеты, то причины ея очевидны. Постоянство вкусовъ и чувствъ Бретонца, проявляется и въ приложеніи дѣлательныхъ его способностей, въ маломъ числѣ знакомыхъ ему занятій и ремеслъ, въ земледѣліи, въ тканіи полотенецъ,] сукна и въ нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, составляющихъ все промышленное богатство центральныхъ частей Бретани. Въ донесеніи это описано очень подробно. Мы удовольствуемся извлеченіемъ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній.

«Бретонскій фермеръ питаетъ непреодолимое отвращеніе ко всякимъ улучшеніямъ и нововведеніямъ; это происходитъ не отъ того, чтобы у него было менѣ смѣлности или провинцальности, нежели у другаго, — нѣтъ, но имѣетъ съ крайнею безпечностью онъ соединяетъ въ себѣ слѣпой навывъ. Орудія его никуда не годны; онъ ни за

что не переи́мнѣтъ ихъ. Его способъ обработыванія земли нелѣпа; ничѣмъ нельзя убѣдить его принять другую методику..... Трудно найти плугъ, который бы былъ неудобнѣе его плуга; Бретонецъ однако жъ, ни зачѣмъ не разстанется съ этимъ плугомъ, потому что онъ принадлежалъ отцу, предкамъ его.

«Бретонецъ дѣлаетъ для своего употребленія сукна, подходящія на сукна, которыя дѣлали его отцы; способъ производства, матеріалы, доброта, ничтѣмъ не измѣнилось. Между-тѣмъ мануфактуры вирская, лодевская, каркассонская, присылаютъ въ Бретанью прекрасныя полотна и сукна, покупаемыя Бретонцами. Это служитъ подрывомъ собственнымъ ихъ произведеніямъ. Бретонскіе фабриканты видятъ и повинуются это, и несмотря на то, продолжаютъ дѣйствовать по-прежнему.

«Земледѣльцы разводятъ скотъ; но дурная метода земледѣлія, отъ которой они не могутъ отстать, не доставляя имъ нужнаго количества корму, причиной тому, что скотъ у нихъ малорослый, тощій и, слѣдовательно, болѣе убыточенъ, нежели выгоденъ хозяевамъ.

«Несмотря на выгоду, которую Бретонцы могли бы извлечь изъ торговли полотнами, они не сдѣлали ничего для улучшенія ихъ. Въ послѣдніе годы вездѣ съ успѣхомъ приняты новыя способы производства. Бретонцы сохранили прежніе. Нынче дознано, что машинное тканье гораздо ровнѣе, глаже, плотнѣе; что несмотря на плотность полотна, съ помощью машины можно придавать ему одинаковую тонкость и нѣжность, чего въ ручномъ тканьи можно достигнуть только съ невѣроятнымъ трудомъ. Несмотря на то, большая часть бретонскихъ фабрикантовъ встаетъ противъ машинъ, хотя безпрестанное распространеніе ихъ совершенно уничтожаетъ промышленность Бретонцевъ и ввергаетъ ихъ самихъ въ нищету».

Находимъ излишнимъ искать другихъ причинъ бѣдности Бретаньи. Слова «крайняя безпечность» и «слѣпая привычка» объясняютъ все; они доказываютъ, что главная цѣль жизни этого народа не есть выгода или богатство. Но послѣ этого весьма странно слѣдующее обстоятельство: преобладающія страсти Бретонца — страсть къ крѣпкимъ

напиткамъ и — деньгамъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эти двѣ страсти несомнѣнны между собою и не согласны съ прочими чертами бретонскаго характера. Между-тѣмъ это объясняется очень просто. Страсть къ деньгамъ, которую не должно смѣшивать ни съ жадностью, ни съ скупостью, есть общій недостатокъ всѣхъ крестьянъ, трудъ которыхъ мало цѣнится и которые въ матеріальной жизни должны ограничиваться необходимѣйшимъ. Деньги для нихъ — рѣдкость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ бѣднякахъ страсть къ деньгамъ соединена съ удивительною щедростью въ-отношеніи къ собственнымъ ихъ произведеніямъ, которыя невозможно немедленно обратитъ въ деньги. Страсть же къ крѣпкимъ напиткамъ есть общій недостатокъ всѣхъ невѣжественныхъ и бѣдныхъ народовъ. Послушаемъ, что сказано въ донесеніи:

«Страсть Бретонца къ деньгамъ неимовѣрна. Если ему приходится платить, то онъ старается какъ-можно долѣе откладывать срокъ платежа. Онъ никогда не помнитъ того, что долженъ, удивляется когда ему напоминаютъ о томъ, споритъ и старается что-нибудь сбавить. Наконецъ онъ рѣшается платить; сначала онъ пробуетъ, нельзя ли уплатить по мелочамъ; если нельзя, то изъ своей казны онъ выбираетъ самую старую, истертую монету. Деньги же, которыя ему приходится получать, онъ тщательно прачетъ и копить.

«Грубыя чувства, которымъ необходимы сильныя возбуждательныя средства, желаніе заглушить мысль о тяжелой нищетѣ — вотъ двѣ причины страстной привязанности бѣднѣйшаго класса къ крѣпкимъ напиткамъ; а такъ какъ въ Бретанни мало образованности и много нищеты, то и натурально, что жители ея наклонны къ пьянству.

«Эти постыдныя наклонности, происходящія болѣе отъ несчастнаго положенія нежели отъ характера Бретонца, выкупаются прекрасными качествами, благородными свойствами. Онъ сострадателенъ, гостепріименъ и никогда не откажетъ въ пособіи нуждающемуся. Нигдѣ во Франціи не заботятся объ нищихъ въ такой степени какъ въ Бретанни и, вѣроятно, по этой самой причинѣ они не такъ блѣдны, худощавы и болѣзненны, какъ нищіе другихъ странъ.

Куда бы ни пошелъ несчастный, въ богатому или бѣдному земледѣльцу, его вездѣ накормятъ, если онъ придетъ во время обѣда, его сажаютъ за столъ, ему даютъ лучшее мѣсто передъ печкой. Лишь-только поденщикъ останется безъ работы, то болѣе зажиточный сосѣдъ призываетъ его къ себѣ, даетъ ему работу — часто, вовсе не нужную, — и кормитъ его».

Представивъ извлеченія, на которыя мы преимущественно желали обратить вниманіе читателей, мы должны признаться, что не совсѣмъ соглашаемся съ мнѣніями авторовъ донесенія, насчетъ мѣръ, которыя слѣдовало бы принять. Имъ бы хотѣлось по-скорѣе превратить Бретонцевъ въ Французовъ, а грубый, древній языкъ ихъ замѣнить языкомъ Боссюэта и Ламартина. Лучше бы оставить Бретонцевъ такими, каковы они теперь и избавить ихъ отъ вредныхъ красотъ парижскаго нарѣчія.

«Не надобно забывать, говорятъ они, что бретонскій полуостровъ, люди, животныя, земля, все требуетъ улучшенія; что это плачевное положеніе дѣль существуетъ искони вѣковъ; что причиной ему, недостатокъ просвѣщенія и нищета. Академія должна обратить вниманіе на несчастное положеніе бретонскаго крестьянина, на нищету, невѣжество, въ которомъ онъ коснѣетъ, и, наконецъ, на средства, извлечь его изъ этого состоянія.

«Конечно, говорятъ они далѣе, жаль лишитъ 15 или 20,000 работницъ того, что до-сихъ-поръ доставляло имъ пропитаніе; жаль разстроить общественныя занятія, для которыхъ цѣлыя семьи собираются въ зимніе вечера къ домашнему очагу и проводятъ время въ дружескихъ бесѣдахъ; между-тѣмъ какъ если бы имъ нечего было дѣлать, то праздность внушала бы имъ дурныя мысли и поступки; конечно, доходы ихъ вѣрны, но черезъ-чуръ умѣренны и ничтожны. Измѣненіе всего этого будетъ большое несчастіе, большое зло; но какая польза съ крестьянъ, когда нѣтъ хлѣба! Притомъ лучшая работа та, которою можно заработать болѣе хлѣба!»

Это мудрое изрѣченіе академиковъ, вѣроятно, не мало взумило и озадачило Бретонцевъ.

«Мыслящіе люди огорчаются переживаніями, готовящими

ся въ нихъ отчизнѣ. Многіе изъ нихъ съ безпокойствомъ смотрѣли на возложенное на насъ порученіе. Они страшались, чтобы голосъ нашъ не ускорилъ хода измѣненій, которыхъ опасностей они боятся, не умѣя оцѣнить ихъ выгодъ. «Два милліона жителей, говорили они намъ, имѣютъ нравы нѣсколько грубые, жесткіе, но прямые и гостепріимные; старинные обычаи ихъ могутъ казаться страшными, но не имѣютъ въ себѣ ничего предосудительнаго; мы не хотимъ быть защитниками невѣжества, но сознайтесь сами, что оно служило для Бретонцевъ предохранительнымъ средствомъ отъ горячки страстей; все это должно исчезнуть!... И чѣмъ будетъ замѣнено? Болѣе вѣжливую личиной, подъ которою будетъ менѣе прямодушія; образованіемъ, которое только умножитъ нужды народа, доселѣ простаго и довольствовавагоса малымъ; заставить его промѣнять истинныя блага, которыми онъ пользуется, на ложныя наслажденія, которыя теперь даже неизвѣстны ему, и, наконецъ, ослабить въ душѣ его ту непоколебимую вѣру, которая бѣдняку внушаетъ покорность къ судьбѣ, богатому — состраданіе къ горестямъ ближнихъ. Конечно, вы увеличите матеріальное благосостояніе, тѣло будетъ сытѣе, постель будетъ мягче; но будетъ ли оттого лучше душа? Благосостояніе дастъ ли Бретонцу болѣе добродѣтели?»...

«Мы должны признаться, что эта боязнь, эти жалобы, звушенныя искреннею любовью къ родинѣ, часто трогали насъ. Между-тѣмъ невозможно не желать, чтобы *образованность*, распространившаяся уже по берегамъ Бретаньи, проникла бы и во внутрь ея; чтобы она послужила зародышемъ благосостоянія, и чтобы болѣе общую, дѣятельною и умною промышленностью, она придала новую цѣну, новое назначеніе счастливымъ качествамъ, которыми Бретонцы уже обладаютъ».

Мы ожидали, что авторы донесенія, сообщивъ весьма благоразумныя и справедливыя опасенія *бретонскихъ мыслителей*, постараются разсѣять эти опасенія не одними безплодными желаніями; что они укажутъ на средства образованъ народъ, не уничтоживъ добродѣтелей его; что они опишутъ и объяснятъ *образованность*, способ-

ную просвѣтитъ умы, не развращая ихъ, доставить благосостояніе, не возбуждая жажды къ золоту, очистить вѣрованіе, не поколебавъ вѣры. Однихъ желаній недостаточно для разрѣшенія такой задачи; особенно въ наше время—хотя бы то были желанія вполне академическія!—Мы никогда не намѣрены отрицать благодѣяній образованности. Только мы желали бы знать какой образованности эти господа *приписываютъ честь* тѣхъ чудесъ, о которыхъ они толкуютъ; потому что, если они подразумеваютъ парижскую образованность, распространителями которой парижскія газеты и журналы, то мы рѣшительно отвергаемъ то мнѣніе, что эта образованность можетъ произвести чудеса, о которыхъ они говорятъ; мы думаемъ, что она скорѣе поселитъ въ Бретань зародышъ всѣхъ страстей, дѣлающихъ народъ несчастнымъ и необузданнымъ.

Первое впечатлѣніе наше при чтеніи донесенія было крайнее изумленіе; мы не могли понять, какимъ образомъ французская централизація, столько выхваляемая какъ средство соединенія и сліянія племенъ различныхъ провинцій, оставила нравы и народность Бретонцевъ неприкосновенными. Централизація эта дѣйствуетъ уже почти полстолѣтія, а Бретонцы, которыми управляютъ французскіе законы, которыхъ въ школахъ учатъ по-французски, которыхъ судятъ по-французски, остались отдѣльнымъ народомъ, сохранившимъ свой языкъ, свои обычаи, свои идеи и вѣрованія, совершенно противоположныя духу законовъ и правителей страны, часть которой составляетъ Бретаня.

Между-тѣмъ законы тамъ тѣ же, какъ и въ другихъ частяхъ Франціи. Академики говорятъ, что имѣнія тамъ чрезвычайно раздроблены, вслѣдствіе приложенія Наполеоновскаго уложенія о наследствахъ.

Изъ этого мы выводимъ заключеніе, которое хотя и не ново, но должно быть часто повторяемо: что законы, сами по себѣ, не достаточны для преобразованія племенъ. Должно ли, для блага Франціи, сожалѣть о настойчивомъ сопротивленіи нравовъ, языка, невѣжества древней провинціи и желать, подобно господамъ академикамъ, чтобы

централизація успѣшила окончить начатый ею подвигъ? Не думаемъ. Мы твердо убѣждены, что если еще можно управлять Франціею, такъ это только благодаря невѣжеству трехъ четвертей народонаселенія ея, и что управление этимъ государствомъ сдѣлается совершенно невозможнымъ съ того дня, когда централизація распространитъ повсюду одинаково просвѣщеніе, которымъ изобилуетъ столица и которое понынѣ едва проникло въ города втораго разраду.

Въ бѣльшей части провинцій Франціи, точно такъ какъ и въ Бретани, есть два могущественныя вліянія: гражданскаго чиновника и священника, которые оба дѣйствуютъ въ смыслѣ центральнаго правленія. Эти два вліянія возможны, или по-крайней-мѣрѣ, имѣютъ еще власть надъ политическими мнѣніями и жизнью народа только потому, что этотъ народъ ограниченъ въ нуждахъ, необразованъ, приверженъ къ своимъ обычаямъ, къ своему языку, къ мѣстнымъ преданіямъ, и по этому самому остался недоступнымъ либеральнымъ, радикальнымъ и разрушительнымъ идеямъ, безпрестанно распространяемымъ журналами противоположительственныхъ партій. Лангдокцы, Пикардійцы, Бургонцы, Гасконцы, Поатвенцы имѣютъ, такъ же какъ и Бретонцы, свое національное нарѣчіе, свои старыя обычаи, которыхъ централизація не уничтожила, и которые заставляютъ ихъ подчинять умъ и мнѣнія свои авторитету священника, судьи, мера и подпрефекта.

Пусть народъ *образуется* по-парижски, пусть ложный и неясный свѣтъ, центромъ котораго Парижъ, разольется до ничтожныхъ деревушекъ, пусть массы гражданъ сдѣлаются доступными оппозиціонныя идеи, правила и страсти партій, политика кофейныхъ домовъ и трактировъ, — и центральное правленіе совершенно и навсегда лишится своего вліянія и силы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Les Ruines de Vaudemont*, *Водмонскія развалины*, мелодрама въ четырехъ актахъ, господъ Boulé и *La Jariette*'а.

Мелодрама высокой породы, самой чистой крови, мело-

драма серьёзная, поучительная; такая мелодрама, какой давно не было произведено на сѣбѣ сценической. Мы не шутимъ—напротивъ. Признайтесь, что и сами вы, о читатель! уже содрогнулись при одномъ взглядѣ на это великолѣпное заглавіе: *Развалины!* Сколько въ одномъ этомъ словѣ поэтического ужасу. Что же, если оно еще сопровождается словомъ *мелодрама!*... Просто страшно.

Какой-то незнакомецъ пробирается по Водмонскимъ развалинамъ съ сотнею тысячъ франковъ въ карманѣ. Наступаетъ ночь; молнія сверкаетъ, громъ гремитъ. Является другой незнакомецъ и убиваетъ перваго. Все это видитъ третій, который укрылся въ развалинахъ отъ дождя. Убийца—графъ Вальтеръ; свидѣтель убійства — нѣкто Максъ Дегранжъ. Помощію похищенной сотни тысячъ франковъ, промотавшійся графъ Вальтеръ играетъ въ Парижѣ роль челоуѣка, у котораго сто тысячъ доходу. Онъ ищетъ руки сестры Макса, Люціи Дегранжъ, богатой невѣсты, которая любитъ бѣднаго флотскаго мичмана. Максъ возвращается изъ путешествія и сопротивляется браку сестры съ графомъ Вальтеромъ по извѣстнымъ ему причинамъ, но Люція произноситъ страшную фразу: «Онъ обольстилъ меня... когда я была въ обморокѣ!» Максъ соглашается на бракъ и предоставляетъ себѣ удовольствіе убить графа тотчасъ послѣ сочетанія. Готовятся совершить обрядъ. Но приходитъ мичманъ и объявляетъ, что тайный обольститель онъ, мичманъ, а не хвастуетъ графъ. Вальтеръ, изблеченный въ хвастовствѣ и въ убійствѣ, отправляется въ другую комнату и застрѣливается. Страшно, трогательно и правоучительно.

2. *Le Gendre d'un Millionnaire*, *Зять миллионера*, комедія въ пяти актахъ, господъ Moléги и Léonce.

Томассенъ—одинъ изъ тѣхъ людей, которые захотятъ быть миллионерами и будутъ. Онъ нажилъ свои деньги подлостями и сталъ почтеннымъ челоуѣкомъ. Вѣра его въ золотого идола непоколебима: онъ убѣжденъ, что съ деньгами можно сдѣлать все; что передъ деньгами не устоятъ ни честь, ни воля, ни законъ, ни справедливость, однимъ словомъ—ни что. Чтобы не отдать своихъ миллионныхъ въ руки какому-нибудь расточителю, онъ избираетъ своей

единственной дочери въ нумеръ своего конторщика, человека тихаго, но подающаго большія надежды. Этотъ молодой человекъ, Дювернѣ, любилъ дѣвушку, дочь бѣдняка, но честныхъ родителей, и отказывается отъ всѣхъ для мадамъ Томассенъ, куклы модныхъ журналовъ, хорошенькой, но безъ ума и безъ сердца. Дювернѣ надѣялся получить богатое приданое, составить себѣ независимое состояніе, но жестоко ошибся. Милліонеръ не дочь отдалъ замужъ, а только взялъ для дочери мужа. Онъ желаетъ, чтобы молодые супруги жили у него въ домѣ. Мосьѣ Дювернѣ ниѣтъ въ своемъ распоряженіи экипажи мосьѣ Томассена, обѣдаетъ за столомъ мосьѣ Томассена, за нимъ ходятъ слуги мосьѣ Томассена, всѣ счеты по домашнимъ издержкамъ уплачиваетъ кассиръ мосьѣ Томассена.... всюду мосьѣ Томассенъ. Тестъ взялся даже вывести затюпку въ люди, по собственному своему плану и располагаетъ произвести его въ депутаты. Зять не смѣетъ шагу ступить по-свѣдому. Это начинаетъ бѣсить его: онъ самъ человекъ предприимчивый. Дай ему только немножко денегъ и онъ самъ будетъ милліонеромъ, а потомъ.... съ деньгами можно сдѣлать все. Между-тѣмъ какъ теперь онъ, зять милліонера, бѣднякъ и ничтожникъ нищаго. Мало того, мадамъ Дювернѣ смотритъ на своего супруга съ высоты отцовскихъ милліоновъ. Супружество въ ея глазахъ просто—церемонія, въ силу которой дѣвушкѣ позволено носить шапки, брилліанты и платья, которыя не скрываютъ плечъ и груди. Она находитъ очень страннымъ, что мосьѣ Дювернѣ вздумалъ смотрѣть за ея поведеніемъ. Она полагаетъ, что имѣетъ полное право принимать букеты отъ всѣхъ возможныхъ виконтовъ и маркизовъ. Вѣдь безъ нея мосьѣ Дювернѣ до-сихъ-поръ, а можетъ-быть и весь вѣкъ свой просидѣлъ бы за конторкою въ конторѣ. Чего ему еще нужно, этому нищему выскочкѣ? Дювернѣ наконецъ почувствовалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не правъ, устыдился и укрывся куда-то на чердакъ, гдѣ принимается работать въ обѣ руки, чтобы составить себѣ состояніе совершенно независимое, на свой собственный счетъ. Женщина—тѣнь: погонись за нею, она уходитъ; уходи — погонится. Едва мужъ уходитъ, мадамъ Дювернѣ влюбляется въ него. Мало

этого: мосьё Дювернэ самостоятельно и быстро богатѣть и приобрѣтаетъ себѣ невыразимое уваженіе тестя. Все идетъ какъ-нельзя лучше, однако жъ публика, присутствующая при всемъ этомъ, свищетъ.... вѣроятно, потому что несмотря на всемогущество денегъ, бываютъ люди, которымъ еще совѣстно смотрѣть на такое правоученіе.

3. *L'Empire, Имперія*, драматическое представленіе въ трехъ актахъ и въ осьмнадцати картинахъ, господъ *Laloue* и *Labrousse*'а.

Это биографическая драма или драматическая біографія Наполеона, колоссальная эпопея съ пушечной пальбой, сраженіями, съ громомъ, трескомъ, воплями и великолѣпными декораціями. Разбирать содержаніе пьесы было бы совершенно бесполезно: въ исторіи тоже очень хорошо можно понять, въ чемъ дѣло. Однако жъ въ предлагаемой эпопеѣ есть мѣста хорошія, особенно пушечная пальба.

4. *Les Mystères de ma femme, Тайны моей жены*, воедиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ *Laurencin*'а и *Bernard Lopez*'а.

Мосьё Робинд намѣренъ жениться, но только на такой дѣвушкѣ, у которой бы не было на бѣломъ свѣтѣ ни одного ближняго, никакой родни, которая была бы совершенно одинока. Намѣреніе весьма похвальное, если разсудить, какія ужасныя иногда бываютъ тѣщи и невѣстки! Мосьё Робинд вообразилъ, что нашелъ свой идеалъ, дѣвушку, у которой нѣтъ ни отца, ни матери, ни дяди, ни тѣтки и ни одного кузена! Мосьё Робинд въ восторгѣ. Онъ спѣшитъ законнымъ порядкомъ упрочить за собою обладаніе такою драгоценною находкой. Но едва онъ наложилъ на себя узы Гименея, какъ начинается рядъ самыхъ страшныхъ открытій: у мадамъ Робинд, урожденной Целестины Пембѣфъ, оказывается потаенный отецъ, таинственная мать, секретная сестра, подземный братъ, невѣдомый дядя и запрещенная тѣтка, которые всѣ одинъ за другимъ выходятъ на свѣтъ къ великому изумленію и ужасу мосьё Робинд. Онъ немножко поздно примѣчаетъ, что его надули, но..... что же дѣлать? Супружество такая болѣзнь, отъ которой только смерть вылечиваетъ. Мосьё Робинд не

разсудилъ быть ни убійцей, ни самоубійцей, надѣлъ колпакъ и покорился своей судьбѣ. Въ кручинѣ и неожиданномъ появленіи полчища родни, его нѣсколько развлекло новое приращеніе ея, рожденіе сына. Мосьё Робинѣ могъ бы почестья счастливецемъ, если бы вдругъ не упалъ ему на голову выходецъ изъ Америки, кузенъ мадамъ Робинѣ, урожденной Целестины Пембѣфъ. Это такое оскорбленіе, которое требуетъ крови. Мосьё Робинѣ непременно долженъ избавиться отъ кузена, потому что кузенамъ, какъ извѣстно, на роду написано ухаживать за кузинами. Однако жъ къ счастью для всѣхъ, оказывается, что кузенъ самъ женатъ на индіанкѣ, желтой какъ золото и снабженной парюю глазъ, отъ которыхъ у мосьё Робинѣ кружится голова. Отъ этого брака у кузена родилась лимоннаго цвѣту дочка. Ему вовсе нѣкогда ухаживать за чужими женами; онъ супругъ, отецъ семейства, полезный гражданинъ и національный гвардеецъ — существо совершенно безопасное. Робинѣ опять успокоивается, опять надѣваетъ колпакъ и все обстоитъ благополучно.

5. *La Tour d'Ugolin, Башня Уголино*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ *Laurencin'a* и *Michel'a*.

Не пугайтесь пожалуйста: дѣло идетъ вовсе не о той ужасной башнѣ, въ которой несчастной Уголино пожиратъ своихъ дѣтей, чтобы сохранить имъ отца. Это просто риторическая фигура для выраженія идеи человека съ большимъ позывомъ на обѣдъ; это исторія молодого человека, который отпраляясь на одинъ званый обѣдъ дорогою дотога засмотрѣлся на красавицу-незнакомку, что прозѣвавъ время, долженъ воротиться домой и подумать о другомъ обѣдѣ. Дома или въ трактирѣ, гдѣ живетъ въ качествѣ путешественника, онъ къ счастью получаетъ приглашеніе на другой обѣдъ, отправляется и вмѣсто обѣда находитъ невѣсту, ту самую красавицу-незнакомку, изъ-за которой лишился перваго обѣда и на которой тутъ же женится, на-мѣстѣ, потому что, благодаря сходству именъ, его принимаютъ за другаго. О вѣроятностяхъ спорить не станемъ.

6. *Un Vieux de la Vieille, Старый солдатъ старой гвардіи*, водевиль въ одномъ дѣйствіи господина *Duchatelard'a*.

Это дѣйствіе построено на остріѣ булавки, однако не держится. Нѣкто москѣ Евгенийъ Али Эженъ, кларнетистъ, женатый на цвѣточницѣ, отправляется вмѣстѣ съ женою на сотню верстъ, получать деньги съ пріятеля, который долженъ ему. Къ-несчастью, пріятель куда-то уѣхалъ. Эженъ поселился съ женою въ трактирѣ и ждетъ возвращенія пріятеля, потому что ему не съ чѣмъ воротиться въ Парижъ: денегъ у него только и хватило на одинъ копейку дорогов. Трактирщика онъ усвоковываетъ именемъ дяди Брюляра, стараго солдата старой гвардіи, кнѣзь богатаго сельскаго хозяина въ Лиллѣ; къ которому онъ уже написалъ о своемъ горѣ. Трактирщикъ ждалъ-пождалъ, да тоже написалъ къ дядюшкѣ, чтобы скорѣй выручалъ племянника, а дядюшка, вѣроятно, за старостью, тяжелый на подъемъ, и не думаетъ отвѣчать. Кларнетистъ безпокоится, а трактирщикъ и того больше. Наконецъ Эженъ придумываетъ средство, надѣваетъ старый снѣгъ дождевой сюртукъ и измятую шляпу, приклеиваетъ огромные сѣдые усы, разрисовываетъ себѣ лицо, вооружается глубиной вмѣсто трости и начинаетъ разыгрывать роль побѣдоноснаго сподвижника Наполеона, рассказываетъ о походахъ и сраженіяхъ, о томъ, какъ онъ одинъ вынулъ редутъ, проглотилъ сто пушекъ, съѣлъ безъ соли тысячу Нѣмецкѣ. Между-тѣмъ какъ племянникъ въ кожѣ дядюшки несетъ дичь, входитъ человекъ самой кроткой и добродушной наружности, самый миролюбивый рабчикъ, какаго только можно вообразить. Выслушавъ неврядное количество вздору, нагореженнаго племянникомъ, онъ объявляетъ себя наконецъ истиннымъ дядею, истиннымъ старымъ солдатомъ старой гвардіи и увѣряетъ, что сослуживцы его хвастали гораздо меньше. Послѣ этого дядюшка, какъ водится, платитъ долги племянника и устроняетъ все къ общему удовольствію.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Концерты въ нынѣшній Великій Постъ вообще мало посѣщаются. Только одинъ изъ нихъ, именно, концертъ въ пользу вдовъ бѣдныхъ артистовъ, въ которомъ разыгрывали Requiem Моцарта и большую симфонію Бетховена, съ хорами, и соло гѣмъ

роскожа Финкъ-Лоръ и господинъ Рубини, были такъ богаты слушателями, что Энгельга рдовская зала, буквально, не вмѣщала ихъ въ себѣ. Героями нынѣшнихъ концертовъ, изъ иностранныхъ виртуозовъ, должно признать господъ Дёлера и Гаузера: одни они пользуются преимуществомъ привлекать къ себѣ публику.

Господинъ Дёлеръ, безспорно, пианистъ первоклассный, и слава, которою онъ пользуется въ Европѣ, вовсе не поддѣльна. Игра его приближается болѣе къ игрѣ Тальберга, чѣмъ къ игрѣ Листа; игра прекрасная, бойкая, выразительная, вмѣстѣ сильная и тонкая; обработанная до удивительнаго совершенства. Принятый сначала довольно холодно, Г. Дёлеръ постепенно возбуждалъ болѣе и болѣе энтузіазмъ, который съ особенною силою вспыхнулъ въ концертѣ, данномъ вмѣстѣ съ господиномъ Платти и въ послѣднемъ концертѣ знаменитаго пианиста, занимавшемъ мѣсто въ Большомъ Театрѣ, когда господинъ Дёлеръ игралъ на превосходныхъ инструментахъ Лихтенталя, оставивъ всѣ прочіе, возбуждавшіе непріятныя впечатлѣнія въ слушателяхъ своими грубыми и пронзительными звуками. Концерты господина Дёлера были весьма интересны для публики состязаніемъ двухъ знаменитѣйшихъ здѣшнихъ фортепіаннхъ мастеровъ, Лихтенталя и Вирта: превосходный виртуозъ долженъ былъ попеременно играть на инструментахъ той и другой фабрики, а публика рѣшить споръ о преимуществѣ между ихъ творцами. Борьба ни на одно мгновеніе не оставалась сомнительною; несмотря на пристрастіе многихъ учителей музыки къ инструментамъ Вирта, публика, къ крайней ихъ досадѣ, со времени Тальберга и Листа привыкшая къ мягкимъ, чистымъ, звонкимъ тонамъ инструментовъ Эрара и Лихтенталя, каждый разъ торжественно отдавала вѣнецъ побѣды инструментамъ господина Лихтенталя: она рѣшительно не могла вынести жесткихъ звуковъ инструментовъ господина Вирта, которые хрипѣли, шипѣли, визжали и, всего хуже, не выдерживали строю даже до конца піесы; а публика обнаруживала явное нетерпѣніе, къ сожалѣнію, выражавшееся иногда холодностью къ господину Дёлеру, напрасно согласившемуся

подвергать личный свои успѣхъ подобнымъ опытамъ. Господинъ Дѣлеръ разыгрывалъ во всѣхъ концертахъ почти исключительно свои собственные сочиненія, что также, можетъ-быть, немножко помѣшало, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, полнотѣ энтузіазма слушателей.

Господинъ Гаузеръ—прекрасный скрипачъ: этотъ эпитетъ совершенно соответствуетъ его таланту. Онъ съ равной легкостью и одинаковою прелестью разыгрываетъ и классическія и романтическія сочиненія, но, по вкусу своему, клонится, по-видимому болѣе къ роду Оле-Булла, котораго піесы исполняетъ онъ съ совершеннымъ очарованіемъ. Главная сила господина Гаузера—пѣніе: едва-ли кто, изъ нынѣшнихъ скрипачей, поетъ на скрипкѣ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ увлеченіемъ, съ такою сладостью. Въ своемъ «Венеціанскомъ карнавалѣ», піесѣ, которую публика особенно полюбила, онъ развертываетъ столько остроты и игривости, столько развязности и искусства въ подражательныхъ звукахъ, что приводитъ въ шумную веселость восхищенныхъ слушателей. Разумѣется, что всѣ приверженцы классической степенности, все старѣе—противъ господина Гаузера: они упрекаютъ молодаго виртуоза въ пренебреженіи чистоты звуковъ среди этихъ порывовъ веселости и поисковъ за новыми эффектами. Упрекъ не совсѣмъ несправедливъ; но господинъ Гаузеръ еще такъ молодъ, что время непременно исправитъ въ его игрѣ это случайное несовершенство. Между-тѣмъ одно только слѣдное предубѣжденіе въ пользу старой игры, которой однообразная важность такъ же легко можетъ называться «скукою», въ-состояніи не видѣть и не признать въ господинѣ Гаузерѣ—огромнаго таланта, предназначеннаго въ скоромъ времени къ громкой, европейской славѣ.

Во второмъ его концертѣ, одинъ изъ четырехъ перво-классныхъ нашихъ піанистовъ и, нынче, одинъ изъ даровитѣйшихъ композиторовъ фортепіанной музыки, господинъ Шиллеръ, который давно уже не являлся передъ публикою, игралъ двѣ прекрасныя піесы своего сочиненія и возбуждалъ искреннее удивленіе къ своему двойному таланту. Піесы эти были—La Complainte, ноктурнъ, игра-

ный здѣсь Листомъ въ нѣсколькихъ концертахъ, и прелестная фантазія на тему изъ оперы «Нюба», Паччани. Обѣ они пользуются большою милостію у петербургскихъ любителейницъ фортепіанной игры, обѣ не новы, но интересно было услышать ихъ, послѣ Листа и любителейницъ, отъ самого композитора.

Кромѣ господина Гаузера, имѣли мы удовольствіе слышать еще одного пріѣзжаго скрипача, именно, господина Рюшталла, віолониста школы Віѣтана или по-крайней-мѣрѣ его манеры, мало отступающей отъ старой игры, но въ то же время допускающей и нѣкоторыя нововведенія. Чудесное Віѣтаново *Carcissio* (сочиненное въ Москвѣ), было разыграно господиномъ Рюшталлемъ чудесно. Изъ піесъ собственнаго сочиненія этого виртуоза, особенное впечатлѣніе произвела, и содержаніемъ и исполненіемъ, фантазія на «Послѣднюю мысль Вебера». Господинъ Рюшталль обладаетъ, безспорно, прекраснымъ талантомъ, по-стариковски—*солиднымъ*, но кажется, что и классическая солидность, не пускаясь ни въ какія «шалости», не всегда умѣетъ удержаться въ предѣлахъ неукоризненной чистоты звуковъ. Новое доказательство—что нынче всѣ люди грѣшны, даже и классическіе скрипачи, которые, въ старыя времена, если вѣрить ихъ словамъ, никогда не согрѣшали передъ Аполлономъ.

Пріѣхавшій съ господиномъ Дѣлеромъ, соотечественникъ его, молодой Неаполитанецъ, господинъ Піатти, явился къ намъ—уже со славою первокласснаго віолончелиста, пріобрѣтенною во Франціи и Германіи. Листъ, услышавъ господина Піатти въ Парижѣ, былъ такъ восхищенъ его игрою, что въ восторгѣ своемъ, купилъ для будущаго великаго виртуоза, взамѣнъ плохой віолончели, на которой онъ игралъ такъ искусно, драгоценный инструментъ Аматі. Въ самомъ дѣлѣ, игра господина Піатти въ полномъ значеніи слова, прелестна: она, своими разнообразными достоинствами, оставила самое выгодное впечатлѣніе въ слушателяхъ, избалованныхъ волшебникомъ Сервѣ. Этого уже много!

Но самый занимательный изъ всѣхъ концертъ былъ, конечно, тотъ, который госпожа Финкъ-Лоръ дала од-

нажды поутру въ небольшой залѣ Петропавловскаго Училища. Нигдѣ публика не была такъ одушевлена, такъ довольна, такъ расположена къ наслажденію. Въ концертѣ участвовали возлѣ этой отличной пѣвицы, господа Рубини и Тамбурини, Гаузеръ и Кажинскій. аккомпанировавшій всѣмъ имъ очаровательно. Выборъ піесъ, сдѣланный съ необыкновеннымъ вкусомъ, чудесное исполненіе всѣхъ этихъ піесъ, одушевленіе и повторительныя торжества артистовъ, свободное положеніе слушателей, все соединилось, чтобы составить, въ это утро, полное музыкальное очарованіе. Всѣ, казалось, превосходили другъ друга и каждый самого себя. Публика была въ такомъ восхищеніи, что изъявила концертисткѣ желаніе — получить отъ нея еще одно такое музыкальное утро. Надѣмся, что госпожа Финкъ-Лоръ не забудетъ даннаго своимъ слушателямъ обѣщанія.

Одна изъ здѣшнихъ газетъ, именно «Санктпетербургскія Вѣдомости» напечатала у себя письмо Рубини къ господину Кажинскому, гдѣ неподражаемый пѣвецъ изъявляетъ молодому капельмейстеру свою чувствительную благодарность за отличный способъ, какимъ тотъ аккомпанировалъ ему во всѣхъ піесахъ при Высочайшемъ Дворѣ и другихъ мѣстахъ, и объявляетъ себя искреннимъ его ammiratore. Въ концертѣ госпожи Финкъ-Лоръ, публика, по окончаніи концерта, заставила господина Кажинскаго играть свои прелестныя польки и осыпала его громкими рукоплесканіями.

Концерты господъ Карла Майера, Мауреровъ и Бѣма, были, по-обыкновенію, очень полны и очень занимательны.

Мы не упоминаемъ о безчисленныхъ благотворительныхъ или полу-благотворительныхъ концертахъ, но не можемъ не сказать, что благородная готовность участвовать во всѣхъ концертахъ безъ исключенія, которую явили артисты италіанской труппы, особенно господа Рубини и Тамбурини, и неутомимость этихъ знаменитыхъ виртуозовъ въ благомъ дѣлѣ, неутомимость, доходившая до мученичества, потому что нерѣдко приходилось имъ, чтобы никому не отказать, въ одинъ вечеръ пѣть въ двухъ и

трехъ концертахъ, заслужили имъ и благодарность и уваженіе русской публики. Госпожа Финкъ-Лоръ, надо прибавить, достойно соревновала имъ на этомъ добромъ поприщѣ.

Мы должны замѣтить еще одно очень пріятное музыкальное событіе нынѣшней зимы. Довынѣ, піесы для военной музыки были арранжируемы у насъ, вообще, по старинной русской методѣ, какъ-нибудь, а сочиненія по этой части вовсе не блистали оригинальностью или глубокою гармоническою наукою. Втеченіи нынѣшней зимы появилось, для военной музыки, нѣсколько новыхъ произведеній, истинно прелестныхъ по содержанію и художественно отдѣланныхъ въ-отношеніи гармоніи и инструментовки. Мы говоримъ о «маршахъ» барона Ф. А. Ралля, Высочайше одобренныхъ для полковъ гвардіи и восхищающихъ въ эти минуты любителей духовой музыки. Эти марши—творенія, вполне достойныя давно пріобрѣтенной славы ученѣйшаго изъ нашихъ капельмейстеровъ, которою пользуется баронъ Ралль въ здѣшнемъ музыкальномъ мірѣ. Они такъ хороши, такъ оригинальны и милы, что музыкальный магазинъ «Одеонъ» посмѣшилъ издать ихъ переложенными для фортепіанъ на четыре руки, и марсовыя вдохновенія барона Ралля уже разыгрываются во многихъ гостиныхъ нѣжными дамскими пальчиками, которые сообщаютъ имъ новую прелесть.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро, безъ пересылки.)

LA VIERGE, HISTOIRE DE LA MÈRE DE DIEU, nouvelle édition, illustrée de gravures sur bois et acier, par les premiers artistes, couverture et frontispice en or et couleur, 2 vol., gr. in-8., Paris, 1844 (9 r.).

HISTOIRE DU DROIT BYSANTIN, ou du Droit romain dans l'empire d'Orient depuis la mort de Justinien jusqu'à la prise de Constantinople en 1453. 2 vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 50 c.).

ESSAI SUR LES ÉCOLES PHILOSOPHIQUES CHEZ LES ARABES, et notamment sur la Doctrine d'Algazzali. Un vol., in-8., avec le texte arabe (1 r. 70 c.).

RÉFLEXIONS SUR LES MOYENS PROPRES à DIMINUER LES CRIMES et les récidives, par Vidocq. Un vol., in-8., Paris, 1844 (1 r. 40 c.).

ANNALES DES FINANCES DE FRANCE, leur organisation, leurs sources, leur emploi, etc. depuis 420 jusqu'à 1630, par Gervais. 3 vol., in-8., Paris, 1845 (6 r. 85 c.).

ÉTUDE PHYSIOLOGIQUE DE L'INSTINCT CHEZ L'HOMME et chez les animaux, dans l'état saint et dans l'état maladif, par Gabillot. Un vol., in-8. Paris, 1844 (1 r. 30 c.).

DES CAUSES DES MIGRATIONS DES DIVERS ANIMAUX et particulièrement des oiseaux et des poissons, par Marcel de Serres. Un gros vol., in-8., Paris, 1845 (2 r. 85 c.).

HISTOIRE DES MÉTAMORPHOSES HUMAINES ET DES MONSTRUOSITÉS, stérilité, impuissance, procréation des sexes. Colligenesie, par Debay. Un vol., in-12., Paris, 1845 (1 r.).

ÉTUDES DE L'HOMME DANS L'ÉTAT DE SANTÉ ET DANS L'ÉTAT DE MALADIE, par Reveillé-Parise. 2 gros vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 25 c.).

ANNUAIRE DE CHIMIE, comprenant les applications de cette science à la médecine et à la pharmacie, ou répertoire des découvertes et des nouveaux travaux en Chimie faits dans les divers parties de l'Europe par M. M. Mellon, Reisset et Hoefler, pour 1845. Un vol., in-8., (2 r. 15 c.).

MATÉRIAUX POUR SERVIR à L'HISTOIRE COMPARÉE DES SCIENCES MATHÉMATIQUES CHEZ LES GRECS ET LES ARABES, par Sedillot liv. 1-re in-8. Paris, 1845 (3 r.).

TRAITÉ PHILOSOPHIQUE D'ASTRONOMIE POPULAIRE, par A. Comte. Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r.).

- FORTIFICATION.** Notions sur le défilément, in folio, avec planches, par Poitevin. Paris, 1845 (2 r. 85 c.).
- GUIDE PRATIQUE,** pour l'enseignement du service des troupes en campagne dans les écoles de bataillon, par un officier d'infanterie Saxonne. Paris, 1844 (85 c.).
- ATLAS DES PRINCIPALES BATAILLES DE LA REPUBLIQUE ET DU CONSULAT,** gravé au depot de la guerre par ordre de Napoléon sous la direction du général Pelet. Grand in folio, Paris, 1844 (11 r. 40 c.).
- CHOIX DE MODÈLES APPLIQUÉES À L'ENSEIGNEMENT** du dessein des machines avec un texte descriptif, par Leblanc. Un vol., in-4., Paris, 1844 (7 r. 15 c.).
- DROIT HINDOU. TRAITÉS DES SUCCESSIONS** et de l'adoption, trad. du Mitachshara, par Orienne. Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- INTRODUCTION À L'HISTOIRE DU BUDDHISME INDIEN,** par Burbouf. Tome 1, in-f., Paris, 1845 (8 r. 50 c.).
- LA REVUE INDÉPENDANTE,** paraissant le 10 et le 25 de chaque mois, avec un bulletin bibliographique, abon: de l'année (18 r. 50 c.).
- EXCURSIONS ET SÉJOURS DANS LES GLACIERS ET LES HAUTES RÉGIONS DES ALPES,** par Agassiz. Un fort vol., in-12, avec pl. Paris, 1844 (2 r.).
- THÉORIE DE L'OEIL,** par L. L. Vallée, in-8., Paris, 1843 (2 r. 50 c.).
- LA FRANCE ET L'ANGLETERRE COMPARÉES SOUS LE RAPPORT DES INDUSTRIES AGRICOLES, manufacturières et commerciales,** par Catineau-La-Roche. Un vol., in-8., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- ENRICHISSEMENT DE LA LANGUE FRANCAISE,** Dictionnaire des mots nouveaux, 2-me edit. augmentée par Richard et Radonvilliers. Un gros vol., in-8., Paris, 1844 (2 r. 30 c.).

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова, комиссiонера Библiотеки Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостинопъ Дворѣ, № 22.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

ВЕРИЮТ. 4-me Concerto, avec acc. d'orchestre, op. 46 (4 r. 58 c.).

— Le même Concerto, avec acc. de Quatuor, op. 46 (2 r. 29 c.).

— Le même Concerto, avec acc. de Piano, op. 46 (2 r.).

HAUSER. Chanson d'amour et Chanson de Berceau. Deux Chants sans paroles pour le violon, avec acc. de piano, op. 11 (85 c.).

LANGA. Der junge Opernfreund, op. 60 № 19. Donizetti, Marie ou la fille du Regiment (85 c.).

FRUME. Concertino p. violon av. acc. d'orchestre, op. 4 (5 r. 15 c.).

SIVORI. Fantaisie-étude pour violon avec acc. d'orchestre, op. 10 (4 r.).

— La même avec acc. de piano, op. 10 (2 r. 29 c.).

VIEUXTEMPS. Souvenir d'Amérique, Jankee Doodle. Variations burlesques pour violon avec acc. de Quatuor, op. 17 (1 r. 72 c.).

Пьесы для фортепиано.

BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Pétersbourg, arrangés pour le piano:

№ 8 Donizetti, Cavatine de l'opéra « Maria di Rohan », chanté par Mlle Alboni (30 c.).

— 9 Beriot, Air chantée dans l'Ellsire d'amore, par Mme Viardot-Garcia (60 c.).

— 10 Balfe, Air chanté dans Don Pasquale par Mme Viardot-Garcia (75 c.).

CZERNY. Reminiscenses de l'opéra: « La Part du Diable », op. 745 (1 r. 72 c.).

— Musée de la jeunesse pianiste. Collection de huit morceaux faciles et brillans pour des élèves avancés, op. 750 № 1 à 8, chaque à 58 cop. (4 r. 58 c.).

- BOHLEN.** Nocturne favori, op. 24, exécuté par l'auteur dans ses concerts à St. Pétersbourg (60 c.).
- L'Hidalgo. Mélodie espagnole, op. 45 (85 c.).
 - Souvenirs de Naples. Tarentelle, op. 46 (1 r.).
 - Grande valse brillante, op. 47 (1 r. 72 c.).
 - Fantaisie sur des motifs de l'opéra Sappho, op. 49 (2 r. 29 c.).
 - 8, 9 et 10-e Nocturne, op. 52 № 1 à 3, chaque à 86 cop. (2 r. 58 c.).
 - 3 Mazourkas, op. 53 (1 r. 72 c.).
 - La Carlotta. 1-ere Polka originale, op. 56 (50 c.).
- DREYSCHOCK.** Romance, op. 17 (72c.).
- Les Regrets, op. 18 (85 c.).
 - Variations pour la main gauche seule, op. 22 (1 r. 15 c.).
 - Le Ruisseau. Romance sans paroles, op. 24 (50 c.).
 - La Coupe. Chanson à Boire, op. 25 (60 c.).
 - Le Vallon. Idylle, op. 26 (60 c.).
- DU-VERNOY.** Variations et final sur la romance favorite «я вольный гость мира» de Warlamoff (85 c.).
- ELKAMP.** Romance «Не говори, любовь пройдетъ» de M. Glinka, transcrite (60 c.).
- ERNOT.** Le Carnaval de Venise. Variations burlesques, arr. p. Schubert. op. 18 (1 r. 43 c.).
- HABERBIER.** La Cascade. Etude caractéristique, op. 18 (85 c.).
- HERZ.** Le Tremolo sur un thème de Beethoven, op. 132 (1 r. 43 c.).
- Fantaisie et variations brillantes sur la Parisina, op. 133 (1 r. 72 c.).
 - Don Pasquale, fantaisie de salon sur cet opéra, op. 134 (2 r.).
 - La Polka de salon, op. 135 (75 c.).
 - La Part du Diable, fantaisie brillante, op. 136 (1 r. 72 c.).
 - Thème arabe de la Peri varié, op. 137 (1 r.).
 - Grande fantaisie sur un motif de la Linda di Chamounix, op. 138 (1 r. 72 c.).
 - 3 Divertissement sur des airs de ballets de Don Sébastian, op. 139 № 1—3 chaque à 1 r. 43 c. (4 r. 29 c.).
- HUNTEN.** Les 3 Bijoux. 3 fantaisies, op. 133 № 1. Le Diadème sur l'Elisire d'amore. № 2 L'étincelle sur: Ji Furioso. № 3 La feronnière, sur: i Montecchi e i Capuleti, chaque à 1 r. 15 c. (3 r. 43 c.).
- 3 Morceaux favoris sur l'opéra: la Sirène d'Auber, op. 134 liv 1—3 chaque à 1 r. 15 c. (3 r. 43 c.).
- KALKRENNER.** La Solitude, Nocturne (43 c.).

- MULLAK.** Morceau de salon sur un air allemand (60 c.).
- MAYER.** Trois grandes Etudes, op. 61 (1 r. 50 c.).
- Capriccio, op. 62 (75 c.).
 - 3 Impromptu, op. 66 (75 c.).
 - Valse Etude, op. 69 (85 c.).
 - Seconde Valse-Etude, op. 70 (60 c.).
 - Seconde Toccata, op. 75 (85 c.).
 - Chanson de Printemps, op. 79 (60 c.).
 - Etude nouvelle (50 c.).
 - Pensée fugitive (60 c.).
 - Romance sans paroles (50 c.).
- MÜLLER.** Complainte, op. 21 (50 c.).
- MÜLLER.** L'élégant. Grand galop brillant (85 c.).
- PANOFKA.** Pardon! Réverie (43 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur l'opéra Beatrice di Tenda, op. 40 (1 r.).
- Follette. Rondo-valse, op. 57 (1 c.).
 - Les Italiens. Contredanses brillantes et variées, op. 63 (1 r. 72 c.).
 - Fantaisie de concert de Don Sébastien, op. 64 (1 r. 72 c.).
 - Fantaisie et Variations sur il Templario, op. 65 (1 r. 43 c.).
 - Fantaisie et variations brillantes sur la Sirène, op. 66 (1 r. 43 c.).
- SCHILLER.** Reminiscences de la Sonnambula, morceau de salon (1 r.)
- Romance en forme d'Étude (30 c.).
- TRALBERG.** Grande fantaisie sur Zampa, par Herold, op. 53 (2 r.).
- Le Départ. Romance variée en forme d'étude, op. 55 (1 r. 45 c.).
 - Grande sonate, op. 56 (4 r.).
- VOSS.** Felicité perdue, fantaisie mélancolique, op. 35 (1 r.).
- MEYER.** Machmudier, air guerrier des Turques, op. 22 (1 r. 15 c.).
- Bajazeth, air national des Turques, op. 23 (1 r. 15 c.).

Новые танцы для фортепiano.

- BECKEL.** L'Amazone, galop (50 c.).
- BERNARD.** Contredanses d'après l'opéra L'Elisire d'amore (avec portrait de M-me Viardot) (60 c.).
- Souvenir de M-me Viardot-Garcia. Grande valse d'après l'opéra: la Sonnambula (avec portrait) (1 r.).

— Souvenir de Mme Castellan. Grande valse d'après la Lucia di Lammermoor (avec portrait de M. Castellan (1 r.).

— Paulinen-Walser d'après l'air favori de Balfe (60 c.).

BURGMÜLLER. Polka-Cotillon (avec vignette) (75 c.).

HAUSER. Sophien-Polka (30 c.).

KASZYNSKI. Loisa-Polka (avec vignette) (50 c.).

LABITZKY. Montrose-walser, op. 102 (85 c.).

— Erinnerungen Gieshübel, Quadrille, op. 103 (58 c.).

— Ahmacks, Adalaiden et Norfolk-Polka, op. 106 (85 c.).

— Carlsbad-Walser, op. 107 (85 c.).

LUBOMIRSKY. Prince C. Masurka favorite (40 c.).

OSIPOFF. Souvenir de l'opéra italien. Contredanses nouvelles (60 c.).

STRAUSS. Nur Leben. Walzer. op. 159 (85 c.)

— Waldfräuleins Hochzeits-Tänze, op. 160 (85 c.).

— Salon-polka, op. 161 (30 c.).

— Frohsinns-Salven. Walser, op. 163 (85 c.).

— Aurora-Festklänge. Walser, op. 164 (85 c.).

— Rosen ohne Dornen-walser, op. 166 (85 c.).

Польки, вальсы и мазурки Кажинскаго.

1) Petersburger-Polka (30 c.).

2) Amata-Polka (40 c.).

3) Leonoren-Polka (40 c.).

4) Marien-Polka (40 c.).

5) Cinquième Polka (60 c.).

6) Sophien-Polka.

7) Elisabeth-Polka (50 c.).

8) Zephyren-Polka (40 c.).

9) Loisa-Polka (Hongroise).

10) Dixième Polka (Ukrainienne).

11) Valerie-Walser (75 c.).

12) Mein Gruss an Deutschland, grand galop (50 c.).

13) valse mélodieuse (50 c.).

14) Mazurka (50 c.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер., пользуются тою же уступкою, кромѣ-того ничего не

прилагають за пересылку. Эти выгоды предоставляются только тѣмъ которые обратятся съ своими требованіями прямо въ магазинъ *М. Бернарда*. На такихъ же условіяхъ можно выписывать вообще всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы и въ томъ бы каталогѣ ни были объявлены,

Музыкальный магазинъ *Г. Бернарда* гдѣ находится всѣ эти ноты, переведены на *Венскій Проспектъ*, противъ *Малой Морской* въ домъ *Паскаля*, № 11, куда и должно отнынѣ адресовать всѣ письма и требованія.

Тутъ же вышла, перваго апрѣля, четвертая тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

ТНАЛВЕРГ. Nocturne nouveau. **КАЛКВЕРНЕР.** Causeries de jeunes filles, revêue fugitive. **ДАМСКІ.** Romance sans paroles. **ДОНЛЕА.** Mazurka, op. 53 **СОНРРЕНТ.** Gavatine de Maria di Rohan, transcrite. **ВЕРНАРД.** Paulinen-Walzer, d'après l'air favori de Balse. **Варламовъ,** Новый романсъ, слова Губера. **ЛОІЗА РУЖЕТ** «Ton coeur» romance. Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна, 10 руб. сер.—съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

МОДЫ.

=

Въ предъидущихъ книжкахъ дано столько описаній разнаго роду платьевъ, что теперь пришлось бы незамѣтнымъ образомъ повторять тоже самое. Отдѣлки бархатомъ, узенькими бархатными ленточками, агранантами, бахрамой; юбки, убранныя двумя или одной очень широкой оборкою, все это уже извѣстно. При разнообразіи въ отдѣлкахъ, самые покрои очень однообразны: корсажи—совсѣмъ гладкіе и высокіе, застегнутые и убранные впереди какъ прежніе капоты; рукава—гладкіе, очень свободные у кисти руки. Но и это повторяется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Шляпки, вотъ—предметъ, болѣе прочихъ интересный въ это время: приходитъ весна, новая шляпка—вещь необходимая, и потому займемся ими.

→ Гладкихъ шляпокъ не видно; безъ исключенія, шляпки дѣлаются на сборкахъ; нѣкоторыя собраны вдоль полей; но собранныя поперегъ встрѣчаются гораздо болѣе. Вотъ нѣсколько образцовъ, заслуживающихъ вниманія по своей миловидности. — Шляпка изъ двуличневаго пуде-соа, съ нѣжно-голубымъ отливомъ, собранная на тоненькихъ, рѣдко расположенныхъ косточкахъ; легко собранное кружево нашито на каждомъ ряду косточекъ, вѣтка темно-оранжеваго маку и маленькой бантъ изъ голубыхъ лентъ составляютъ необыкновенно красивое и окончательное ея украшеніе. — Шляпка изъ зеленаго гроденаплю, собранная на тоненькихъ косточкахъ; сборки лежатъ свободно въ родѣ буффъ; каждый рядъ отдѣленъ узенькой бархатной лентой; подбой—гладкій того же цвѣту, изъ зеленыхъ лентъ съ тоненькой черной каймой; только сзади бантъ, и впереди завязки; подъ полями подколоты бѣлыя ленты съ мелкой зеленью. — Шляпка палева изъ двуличневаго пуде-соа, собранная вдоль полей и убранныя полукруглыми кокардами изъ той же матеріи; снизу подколоты лиловые цвѣты безъ зелени. — Шляпка бѣлая, двуличневая, собранная на широкихъ косточкахъ,

убранная тѣневыми зелеными лентами.—Шляпка лиловая, двуличневая, собранная на мелкихъ косточкахъ, покрытая легкимъ тюлевымъ шарфомъ и убранная вѣткой бѣлыхъ камелій.—Шляпка бѣлая съ лиловымъ подбоемъ, убранная букетомъ лиловыхъ марабутовъ. Всѣ эти шляпки прелестны своей простотой.

— Клѣтчатыя байки въ большомъ употребленіи; но несутся слухи, будто для бурнусовъ, плащей, клоковъ, въ скоромъ времени преимущественно будутъ употреблять драдедамъ.

— Шарфы носятъ шерстяные клѣтчатые и очень яркіе.

=

